This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855873 5

Digitized by Google

Digitized by Google

INDEXED.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XI. — ТОМЪ CCXXXI. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1876.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592575
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

Digitized by Google

ЧАСЫ

РАЗСКАЗЪ СТАРИКА.

[1850]

I *).

Разскажу вамъ мою исторію съ часами...

Куріозная исторія!

Дѣло происходило въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1801 году. Мнѣ только-что пошелъ шестнадцатый годъ. Жилъ я въ Рязани, въ деревянномъ домикѣ, недалеко отъ берега Оки —вмѣстѣ съ отцомъ, тѣткой и двоюроднымъ братомъ. Мать свою я не помню: она скончалась года три послѣ замужства; кромѣ меня, у отца моего дѣтей не было. Звали его Порфиріемъ Петровичемъ. Человѣкъ онъ былъ смирный, собою неказистый, богобоязненный; занимался хожденіемъ по дѣламъ тяжебнымъ — и нынѣ. Въ прежнія времена подобныхъ ему людей обзывали подъячими, крючками, крапивнымъ сѣменемъ; самъ онъ величалъ себя стряпчимъ. Нашимъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала его сестра, а моя тётка—старая пятидесятилѣтняя дѣва; моему отцу

*) Печатая этотъ небольшой разсказъ, и зная, что въ публикѣ ходятъ слухи о большомъ произведеніи, надъ которымъ я тружусь, я чувствую потребность обратиться къ ея снисходительности. Задуманный мною романъ все еще не конченъ; надѣюсь, что онъ появится въ „Вѣстникѣ Европы“ въ теченіи нынѣшняго года; а пока—пусть не принимаются на меня читатели за настоящее captatio benevolentiae, и пусть, въ ожиданіи будущаго, прочтутъ мой разсказъ не какъ строгіе судьи, а какъ старые пріятели—не смѣю сказать: пріятели.

И. Т.

Digitized by Google

тоже минулъ четвертый десятокъ. Большая она была богомолка —прямо сказать: ханжа; тараторка, всюду носъ свой совала; да и сердце у ней было не то́, что́ у отца—недоброе. Жили мы—не бѣдно, а въ обрѣзъ. Былъ у моего отца еще братъ, Егоръ по имени; да того, за какіе-то яко бы «возмутительные поступки и якобинскій образъ мыслей» (такъ именно стояло въ указѣ) сослали въ Сибирь еще въ 1797 году.

Егоровъ сынъ, Давыдъ, мой двоюродный братъ, остался у моего отца на рукахъ и проживалъ съ нами. Онъ былъ старше меня однимъ только годомъ: но я преклонялся передъ нимъ и повиновался ему, какъ-будто онъ былъ совсѣмъ большой. Малый онъ былъ не глупый, съ характеромъ, изъ себя плечистый, плотный, лицо четырехугольное, весь въ веснушкахъ, волосы рыжіе, глаза сѣрые, небольшіе, губы широкія, носъ короткій, пальцы тоже короткіе—крѣпышъ, что́ называется—и сила не по лѣтамъ! Тётка терпѣть его не могла; а отецъ—такъ даже боялся его... или, можетъ быть, онъ передъ нимъ себя виноватымъ чувствовалъ. Ходила молва, что не проболтайся мой отецъ, не выдай своего брата—Давыдова отца не сослали бы въ Сибирь! Учились мы оба въ гимназіи, въ одномъ классѣ, и оба порядочно; я даже нѣсколько получше Давыда... Память у меня была острѣй; но мальчики—дѣло извѣстное!—*этимъ* превосходствомъ не дорожатъ и не гордятся, и Давыдъ все-таки оставался моимъ вожакомъ.

II.

Зовутъ меня — вы знаете — Алексѣемъ. Я родился 7-го, а именинникъ я—17-го марта. Мнѣ, по старозавѣтному обычаю, дали имя одного изъ тѣхъ святыхъ, праздникъ которыхъ приходится на десятый день послѣ рожденія. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ нѣкто Анастасій Анастасьевичъ Пучковъ, или собственно: Настасѣй Настасѣичъ; иначе никто его не величалъ. Сутяга былъ онъ страшный, кляузникъ, взяточникъ—дурной человѣкъ совсѣмъ; его изъ губернаторской канцеляріи выгнали, и подъ судомъ онъ находился не разъ; но отцу онъ бывалъ нуженъ... Они вмѣстѣ «промышляли». Изъ себя онъ былъ пухлый да круглый; а лицо, какъ у лисицы, носъ шиломъ; глаза каріе, свѣтлые, тоже какъ у лисицы. И все онъ ими двигалъ, этими глазами, направо да налѣво, и носомъ тоже водилъ—словно воздухъ нюхалъ. Башмаки носилъ безъ каблуковъ и пудрился ежедневно, что́ въ провинціи тогда считалось большою рѣдкостью. Онъ увѣрялъ, что безъ

Digitized by Google

пудры ему быть нельзя, такъ какъ ему приходится знаться съ генералами и съ генеральшами.

И вотъ наступилъ мой именинный день! Приходитъ Настасѣй Настасѣичъ къ намъ въ домъ и говоритъ:

— Ничѣмъ-то я досѣлева, крестничекъ, тебя не дарилъ; за то, посмотри, каку штуку я тебѣ принесъ сегодня!

И достаетъ онъ тутъ изъ кармана серебряные часы луковицей, съ написаннымъ на циферблатѣ розаномъ и съ бронзовой цѣпочкой! Я такъ и сомлѣлъ отъ востopга,—а тётка, Пелагея Петровна, какъ закричитъ во все горло:

— Цѣлуй руку, цѣлуй руку, паршивый!

Я сталъ цѣловать у крестнаго отца руку, а тетка знай причитываетъ:

— Ахъ, батюшка, Настасѣй Настасѣичъ, зачѣмъ вы его такъ балуете! Гдѣ ему съ часами справиться? Уронитъ онъ ихъ, навѣрное, разобьетъ или сломаетъ!

Вошелъ отецъ, посмотрѣлъ на часы, поблагодарилъ Настасѣича—небрежно таково, да и позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. И слышу я, говоритъ отецъ, словно про себя:

— Коли ты, братъ, *этимъ* думаешь отдѣлаться...

Но я уже не могъ устоять на мѣстѣ, надѣлъ на себя часы и бросился стремглавъ показывать свой подарокъ Давыду.

III.

Давыдъ взялъ часы, раскрылъ и внимательно разсмотрѣлъ ихъ. У него большія были способности къ механикѣ; онъ любилъ возиться съ желѣзомъ, мѣдью, со всякими металлами; онъ обзавелся разными инструментами, и поправить или даже заново сдѣлать винтъ, ключъ, и т. п.—ему ничего не стоило.

Давыдъ повертѣлъ часы въ рукахъ и пробурчалъ сквозь зубы (онъ вообще былъ неразговорчивъ):

— Старые... плохіе...—прибавилъ:—откуда?

Я ему сказалъ, что подарилъ мнѣ ихъ мой крестный.

Давыдъ вскинулъ на меня свои сѣрые глазки:

— Настасѣй?

— Да; Настасѣй Настасѣичъ.

Давыдъ положилъ часы на столъ и отошелъ прочь, молча.

— Они тебѣ не нравятся?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не то... А я, на твоемъ мѣстѣ, отъ Настасѣя ни-какого подарка бы не принялъ.

Digitized by Google

— Почему?

— Потому что человѣкъ онъ дрянь; а дряни-человѣку одолжаться не слѣдуетъ. Еще спасибо ему говори. Чай, руку у него поцѣловалъ?

— Да, тётка заставила.

Давыдъ усмѣхнулся,—какъ-то особенно, въ носъ. Такая у него была повадка. Громко онъ никогда не смѣялся: онъ считалъ смѣхъ признакомъ малодушія.

Слова Давыда, его безмолвная улыбка, меня глубоко огорчили. Стало быть, подумалъ я, онъ меня внутренно порицаетъ! Стало быть, я тоже дрянь въ его глазахъ! Самъ онъ никогда до этого бы не унизился, не принялъ бы подачки отъ Настасѣя! Но что́ мнѣ теперь остается сдѣлать?

Отдать часы назадъ? Невозможно!

Я попытался-было заговорить съ Давыдомъ, спросить его совѣта. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что никому совѣтовъ не даетъ и чтобъ я поступилъ, какъ знаю.—Какъ знаю?! Помнится, я всю ночь потомъ не спалъ: раздумье меня мучило. Жаль было лишиться часовъ—я ихъ положилъ возлѣ постели на ночной столикъ; они такъ пріятно и забавно постукивали... Но чувствовать, что Давыдъ меня презираетъ... (Да, нѣчего обманываться! онъ презираетъ меня!)... это мнѣ казалось невыносимымъ! Къ утру во мнѣ созрѣло рѣшеніе... Я, правда, всплакнулъ—но и заснулъ за то, и какъ только проснулся — наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Я рѣшился отдать мои часы первому бѣдному, котораго встрѣчу.

IV.

Я не успѣлъ отбѣжать далеко отъ дому, какъ уже наткнулся на то́, что́ искалъ. Мнѣ попался мальчикъ лѣтъ десяти, босоногій оборвышъ, который часто шлялся мимо нашихъ оконъ. Я тотчасъ подскочилъ къ нему, и не давъ ни ему, ни себѣ времени опомниться—предложилъ ему мои часы.

Мальчикъ вытаращилъ глаза, одной рукой заслонилъ ротъ, какъ-бы боясь обжечься—и протянулъ другую.

— Возьми, возьми,—пробормоталъ я:—они мои, я тебѣ дарю ихъ—можешь продать ихъ и купить себѣ... ну, тамъ что-нибудь нужное... Прощай!

Я всунулъ часы ему въ руку — и во всю прыть пустился домой. Постоявши немного въ нашей общей спальнѣ за дверью

Digitized by Google

и переведя духъ, я приблизился къ Давыду, который только-что кончилъ свой туалетъ и причесывалъ себѣ волосы.

— Знаешь что, Давыдъ? — началъ я какъ можно болѣе спокойнымъ голосомъ.—Я Настасьевы часы-то отдалъ.

Давыдъ глянулъ на меня и провелъ щеткой по вискамъ.

— Да, — прибавилъ я все тѣмъ же дѣловымъ тономъ, — я ихъ отдалъ. Тутъ есть такой мальчикъ, очень бѣдный, нищій: такъ вотъ ему.

Давыдъ положилъ щетку на умывальный столикъ.

— Онъ можетъ за деньги, которыя выручитъ,—продолжалъ я,—пріобрѣсти какую-нибудь полезную вещь. Все-таки за нихъ онъ что-нибудь получитъ.

Я умолкъ.

— Ну, что-жъ? дѣло хорошее!—проговорилъ наконецъ Давыдъ и пошелъ въ классную. Я послѣдовалъ за нимъ.

— А коли тебя спросятъ—куда ты ихъ дѣлъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я скажу, что я ихъ обронилъ,—отвѣчалъ я небрежно.

Больше о часахъ между нами въ тотъ день уже не было рѣчи; а все-таки мнѣ сдавалось, что Давыдъ не только одобрялъ меня — но... до нѣкоторой степени... даже удивлялся мнѣ. — Право!

V.

Прошло еще два дня. Случилось такъ, что никто у насъ въ домѣ часовъ не хватился. У отца вышла какая-то крупная непріятность съ однимъ изъ его довѣрителей: ему было не до меня и не до моихъ часовъ. За то я безпрестанно думалъ о нихъ! Даже одобреніе... предполагаемое одобреніе Давыда меня не слишкомъ утѣшало. Онъ же ничѣмъ особенно его не выказывалъ: всего только разъ сказалъ—и то вскользь—что не ждалъ отъ меня такой удали. Рѣшительно: пожертвованіе мое приходилось мнѣ въ убытокъ, оно не уравновѣшивалось тѣмъ удовольствіемъ, которое мое самолюбіе мнѣ доставляло.

А тутъ еще какъ нарочно подвернись другой знакомый намъ гимназистъ, сынъ городского доктора — и начни хвастаться новыми и не серебряными, а темпаковыми часами, которые подарила ему его бабушка...

Я не вытерпѣлъ наконецъ—и тихомолкомъ выскользнувъ изъ дому, принялся отыскивать того самаго нищаго мальчика, которому я отдалъ свои часы.

Digitized by Google

Я скоро нашелъ его: онъ съ другими мальчиками игралъ у церковной паперти въ бабки. Я отозвалъ его въ сторону—и, задыхаясь и путаясь въ рѣчахъ, сказалъ ему, что мои родные гнѣваются на меня за то, что я отдалъ часы—и что если онъ согласится мнѣ ихъ возвратить, то я ему съ охотой заплачу за нихъ деньгами... Я на всякій случай взялъ съ собою старинный елизаветинскій рубль, весь мой наличный капиталъ...

— Да у меня ихъ нѣту-ти, часовъ-то вашихъ,—отвѣчалъ мальчикъ сердитымъ и плаксивымъ голосомъ; — батька мой увидалъ ихъ у меня, да отнялъ; еще пороть меня собирался. Ты ихъ,—говоритъ, должно укралъ гдѣ-нибудь,—какой дуракъ тебя часами дарить станетъ?

— А кто твой отецъ?

— Мой отецъ? Трофимычъ.

— Да кто онъ такой? Какое его занятіе?

— Онъ—солдатъ отставной—сражантъ. А занятія у него никакого нѣту. Старые башмаки чинитъ, подметки строчаетъ. Вотъ и все его занятіе. Тѣмъ и живетъ.

— Гдѣ ваша квартира? Сведи меня къ нему.

— И то сведу. Вы ему скажите, батькѣ-то, что вы мнѣ часы подарили. А то онъ меня все попрекаетъ. Воръ да воръ! И мать туда же: въ кого, молъ, ты воромъ уродился?

Мы съ мальчикомъ отправились на его квартиру. Она помѣщалась въ курной избушкѣ на заднемъ дворѣ давнымъ-давно сгорѣвшей и не отстроенной фабрики. И Трофимыча и жену его мы застали дома. Отставной «сражантъ» былъ высокаго роста старикъ, жилистый и прямой, съ желто-сѣдыми бакенами, небритымъ подбородкомъ и цѣлой сѣтью морщинъ на щекахъ и на лбу. Жена его казалась старше его: красные ея глазки уныло моргали и ёжились посреди болѣзненно-припухлаго лица. На обоихъ висѣли какіе-то темныя лохмотья вмѣсто одежды.

Я объяснилъ Трофимычу въ чемъ было дѣло и зачѣмъ я пришелъ. Онъ выслушалъ меня молча, ни разу не смигнувъ и не спуская съ меня своего тупого и напряженнаго — прямо солдатскаго взгляда.

— Баловство! — промолвилъ онъ наконецъ хриплымъ, беззубымъ басомъ. — Развѣ такъ благородные господа поступаютъ? А коли если Петька точно часы не укралъ—такъ за это ему—ррразъ! Не балуй съ барчуками! А укралъ бы — такъ я-бъ его не такъ! Разъ! разъ! разъ! Фуктелями, по-калегвардски! чего смотрѣть-то? Что за притча? Ась?! Шпонтонами ихъ! Вотъ такъ исторія?! Тьфу!

Digitized by Google

Это послѣднее восклицаніе Трофимычъ произнесъ фальцетомъ. Онъ, очевидно, недоумѣвалъ.

— Если вы хотите возвратить мнѣ часы,—пояснилъ я ему... я не смѣлъ его «тыкать», даромъ что онъ былъ простой солдатъ...—то я вамъ съ удовольствіемъ заплачу вотъ этотъ рубль. Больше они, я полагаю, не стóютъ.

— Нину!—проворчалъ Трофимычъ, не переставая недоумѣвать и, по старой памяти, поѣдая меня глазами, словно я былъ начальникъ какой. — Эко дѣло—а?—Ну-ко-ся, раскуси его!.. Ульяна, молчи!—окрысился онъ на жену, которая разинула-было ротъ.—Вотъ часы,—прибавилъ онъ, раскрывая ящикъ стола:—коли они ваши точно—извольте получить; а рубль-то за что? Ась?

— Бери рубль, Трофимычъ, безпутный,—завопила жена.—Изъ ума выжилъ, старый! Алтына за душой нѣтъ, а туда же, важничаетъ! Косу тебѣ только напрасно отрубили, а то—та же баба! Какъ такъ—ничего не знамши... Бери деньги, коли ужъ часы отдавать вздумалъ!

— Ульяна, молчи, паскудница!—повторилъ Трофимычъ.—Гдѣ это видано—разговаривать? А? Мужъ—глава; а она—разговаривать?.. Петька, не шевелись, убью!.. Вотъ часы!

Трофимычъ протянулъ ко мнѣ часы, но не выпускалъ ихъ изъ пальцевъ.

Онъ задумался, потупился, потомъ уставилъ на меня тотъ же пристально-тупой взоръ—да вдругъ, какъ гаркнетъ во всю глотку:

— А гдѣ-жъ онъ? Рубль-то гдѣ?

— Вотъ онъ, вотъ,—поспѣшно промолвилъ я, и выхватилъ монету изъ кармана.

Но онъ ея не бралъ и все смотрѣлъ на меня. Я положилъ рубль на столъ. Онъ вдругъ смахнулъ его въ ящикъ, швырнулъ мнѣ часы и, повернувшись налѣво кругомъ и сильно топнувъ ногою, прошипѣлъ на жену и на сына:

— Вонъ, сволочь!

Ульяна что-то залепетала—но я уже выскочилъ на дворъ, на улицу. Засунувъ часы въ самую глубь кармана и крѣпко сжимая ихъ рукою, я примчался домой.

Digitized by Google

VI.

Я снова вступилъ во владѣніе часами, но удовольствія оно мнѣ не доставило никакого. Носить я ихъ не рѣшался: нужно было пуще всего скрыть отъ Давыда то, что́ я сдѣлалъ. Что́ бы онъ подумалъ обо мнѣ, о моей безхарактерности? Даже запереть въ ящикъ эти злополучные часы я не могъ: у насъ всѣ ящики были общіе. Приходилось прятать ихъ то на верху шкапа, то подъ матрасомъ, то за печкой... И все-таки мнѣ не удалось обмануть Давыда!

Однажды я, доставъ изъ-подъ половицы нашей комнаты часы, вздумалъ потереть ихъ серебряную спинку старой замшевой перчаткой. Давыдъ ушелъ куда-то въ городъ; я никакъ не ожидалъ, что онъ скоро вернется... вдругъ онъ—шасть въ дверь!

Я до того смутился, что чуть не выронилъ часовъ и весь потерянный, съ зардѣвшимся до боли лицомъ, принялся ёрзать ими по жилету, никакъ не попадая въ карманъ.

Давыдъ посмотрѣлъ на меня и, по своему обыкновенію, улыбнулся молча.

— Чего ты?—промолвилъ онъ, наконецъ.—Ты думаешь, я не зналъ, что часы опять у тебя? Я въ первый же день, какъ ты ихъ принесъ, увидѣлъ ихъ.

— Увѣряю тебя,—началъ я чуть не со слезами...

Давыдъ пожалъ плечомъ.

— Часы твои; ты воленъ съ ними дѣлать, что́ хочешь.

Сказавъ эти жестокія слова, онъ вышелъ.

На меня нашло отчаяніе. На этотъ разъ уже не было никакого сомнѣнія: Давыдъ дѣйствительно презиралъ меня!

Этого нельзя было такъ оставить.

«Докажу-жъ я ему», подумалъ я, стиснувъ зубы, и тотчасъ же, твердымъ шагомъ отправившись въ переднюю, отыскалъ нашего казачка Юшку и подарилъ ему часы!

Юшка сталъ-было отказываться, но я ему объявилъ, что если онъ не возьметъ у меня этихъ часовъ, я сію же минуту раздавлю, растопчу ихъ ногами, расшибу ихъ въ дребезги, брошу въ помойную яму! Онъ подумалъ, хихикнулъ и взялъ часы. А я возвратился въ нашу комнату, и, увидавъ Давыда, читавшаго книгу, разсказалъ ему свой поступокъ.

Давыдъ не отвелъ глазъ отъ страницы и опять, пожавъ плечомъ и улыбнувшись про себя, промолвилъ, что часы, молъ, твои, и ты въ нихъ волёнъ.

Digitized by Google

Но мнѣ показалось, что онъ уже немножко меньше презиралъ меня.

Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что никогда болѣе не подвергнусь новому упреку въ безхарактерности, ибо эти часы, этотъ гадкій подарокъ моего гадкаго крестнаго, мнѣ вдругъ до такой степени опротивѣли, что я даже никакъ не въ состояніи былъ понять, какъ могъ я сожалѣть о нихъ, какъ могъ выканючивать ихъ у какого-то Трофимыча, который къ тому же еще въ правѣ думать, что обошелся со мною великодушно.

Прошло нѣсколько дней... Помнится, въ одинъ изъ нихъ достигла и до нашего города великая вѣсть: императоръ Павелъ скончался, и сынъ его, Александръ, про благодушіе и человѣколюбіе котораго носилась такая хорошая молва, вступилъ на престолъ. Вѣсть эта страшно взволновала Давыда: возможность свиданія, близкаго свиданія съ отцомъ тотчасъ представилась ему. Мой батюшка тоже обрадовался.

— Всѣхъ ссыльныхъ теперь возвратятъ изъ Сибири и брата Егора, чай, не забудутъ,— повторялъ онъ, потирая руки, кашляя и въ то же время словно робѣя.

Мы съ Давыдомъ тотчасъ бросили работать и ходить въ гимназію; мы даже не гуляли, а все сидѣли гдѣ-нибудь въ уголку, да разсчитывали и соображали, черезъ сколько мѣсяцевъ, сколько недѣль, сколько дней долженъ былъ вернуться «братъ Егоръ», и куда было ему писать, и какъ пойти ему на встрѣчу, и какимъ образомъ мы начнемъ жить потомъ? «Братъ Егоръ» былъ архитекторомъ: мы съ Давыдомъ рѣшили, что ему слѣдовало переселиться въ Москву и строить тамъ большія училища для бѣдныхъ людей, а мы бы пошли ему въ помощники. О часахъ мы, разумѣется, забыли совершенно, къ тому-жъ у Давыда завелись новыя заботы... объ нихъ рѣчь впереди; но часамъ было еще суждено напомнить о себѣ.

VII.

Въ одно утро, мы только что успѣли позавтракать — я сидѣлъ одинъ подъ окномъ и размышлялъ о возвращеніи дяди — мартовская оттепель пàрила и сверкала на дворѣ — вдругъ въ комнату вбѣжала Пульхерія Петровна. Она во всякое время была очень проворна и егозлива, говорила пискливымъ голосомъ и все размахивала руками, а тутъ она просто такъ и накинулась на меня.

Digitized by Google

— Ступай! ступай сейчасъ къ отцу, судырь!—затрещала она. Что это за шашни ты тутъ затѣялъ, безстыдникъ этакой! — Вотъ будетъ ужо вамъ обоимъ! Настасѣй Настасѣичъ всѣ ваши проказы на чистую воду вывелъ!... Ступай! Отецъ тебя зоветъ... Сею минутою ступай!

Ничего еще не понимая, послѣдовалъ я за тёткой—и, перешагнувъ порогъ гостинной, увидалъ отца, ходившаго большими шагами взадъ и впередъ и ерошившаго хохолъ, Юшку въ слезахъ у двери, а въ углу, на стулѣ, своего крестнаго, Настасѣя Настасѣича — съ выраженіемъ какого-то особеннаго злорадства въ раздутыхъ ноздряхъ и загорѣвшихся, перекосившихся, глазкахъ.

Отецъ, какъ только я вошелъ, налетѣлъ на меня.

— Ты подарилъ часы Юшкѣ? сказывай!

Я взглянулъ на Юшку...

— Сказывай же! — повторилъ отецъ и затопалъ ногами.

— Да, — отвѣчалъ я, и немедленно получилъ размашистую пощечину, доставившую большое удовольствіе моей теткѣ. Я слышалъ какъ она крякнула, словно глотокъ горячаго чаю отхлебнула. — Отъ меня отецъ перебѣжалъ къ Юшкѣ.

— А ты, подлецъ, не долженъ былъ смѣть принять часы въ подарокъ,—приговаривалъ онъ, таская его за волосы: — а ты ихъ еще часовщику продалъ, бездѣльникъ!

Юшка, дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ простотѣ сердца, снесъ мои часы къ сосѣднему часовщику. — Часовщикъ вывѣсилъ ихъ передъ окномъ; Настасѣй Настасѣичъ, проходя мимо, увидалъ ихъ, выкупилъ и принесъ къ намъ въ домъ.

Впрочемъ, расправа со мной и съ Юшкой продолжалась недолго: отецъ запыхался, закашлялся, да и не въ нравѣ его было сердиться.

— Братецъ, Порфирій Петровичъ,—промолвила тетка, какъ только замѣтила, не безъ нѣкотораго, конечно, сожалѣнія, что сердце съ отца, какъ говорится, соскочило: — вы больше не извольте безпокоиться: не стóитъ ручекъ вашихъ марать. А я вотъ что предлагаю: съ согласія почтеннаго Настасѣя Настасѣича, и по причинѣ такой большой неблагодарности вашего сынка — я часы эти возьму къ себѣ; а такъ какъ онъ поступкомъ своимъ доказалъ, что недостоинъ носить ихъ и даже цѣны имъ не понимаетъ, то я ихъ отъ вашего имени подарю одному человѣчку, который очень будетъ чувствовать вашу ласку.

— Кому это? — спросилъ отецъ.

Digitized by Google

— А Хрисанѳу Лукичу,—промолвила тетка съ небольшой запинкой.

— Хрисашкѣ?—переспросилъ отецъ и, махнувъ рукой, прибавилъ: — мнѣ все едино. Хоть въ печку ихъ бросайте.

Онъ застегнулъ распахнувшійся камзолъ и вышелъ, корчась отъ кашля.

— А вы, родной, согласны?—обратилась тетка къ Настасѣю Настасѣичу.

— Съ истинной моей готовностью,—отвѣчалъ тотъ.—Въ продолженіи всей «расправы» онъ не шевелился на своемъ стулѣ, а тихонько пофыркивая и тихонько потирая кончики пальцевъ, поочередно направлялъ свои лисьи глаза на меня, на отца, на Юшку. Истинное мы ему доставляли удовольствіе!...

Предложеніе моей тетки возмутило меня до глубины души. Мнѣ не часовъ было жаль; но очень уже былъ мнѣ ненавистенъ человѣкъ, которому она собиралась подарить ихъ. — Этотъ Хрисанѳъ Лукичъ, по фамиліи Транквиллитатинъ, здоровенный, дюжій, долговязый семинаристъ, повадился ходить къ намъ въ домъ — чортъ знаетъ зачѣмъ! «Заниматься съ *дѣтьми*», увѣряла тетка; но заниматься съ нами онъ уже потому не могъ, что самъ ничему не научился и глупъ былъ, какъ лошадь. Онъ вообще смахивалъ на лошадь: стучалъ ногами словно копытами, не смѣялся, а ржалъ, при чемъ обнаруживалъ всю свою пасть, до самой гортани — и лицо имѣлъ длинное, съ горбиной, и плоскія большія скулы; носилъ мохнатый фризовый кафтанъ, и пахло отъ него сырымъ мясомъ. Тетка въ немъ души не чаяла и величала его виднымъ мужчиной, кавалеромъ и даже гренадеромъ. — У него была привычка щелкать дѣтей (онъ и меня щелкалъ, когда я былъ моложе) по лбу—твердыми какъ камень ногтями своихъ длинныхъ пальцевъ—и щелкая, гоготать и удивляться: «какъ это у тебя-молъ голова звенитъ! Значитъ: пустая!» И этотъ-то олухъ будетъ владѣть моими часами! — Ни за что! рѣшилъ я въ умѣ своемъ, выбѣжавъ изъ гостинной и взобравшись съ ногами на кроватку, между тѣмъ какъ щека моя разгоралась и рдѣла отъ полученной пощечины — а на сердцѣ тоже разгоралась горечь обиды и жажда мести.... Ни за что! Не допущу, чтобы проклятый семинаръ надругался надо-мною.... Надѣнетъ часы, цѣпочку выпуститъ по животу, станетъ ржать отъ удовольствія.... Ни за что!

Все такъ; но какъ это сдѣлать? какъ помѣшать?...

Я рѣшился украсть часы у тетки!

Digitized by Google

VIII.

Къ счастью, Транквиллитатинъ на ту пору отлучился куда-то изъ города: онъ не могъ придти къ намъ раньше завтрашняго дня: нужно было воспользоваться ночью! Тетка не запиралась у себя въ комнатѣ, да и у насъ въ цѣломъ домѣ ключи не дѣйствовали въ замкахъ; но куда она положитъ часы, гдѣ спрячетъ? До вечера она ихъ носила въ карманѣ и даже не разъ вынимала и разсматривала ихъ; но ночью — гдѣ они ночью будутъ? — Ну, ужъ это мое дѣло отыскать, думалъ я, потрясая кулаками.

Я весь пылалъ отвагой и ужасомъ, и радостью близкаго, желаннаго преступленья; я постоянно поводилъ головою сверху внизъ; я хмурилъ брови, я шепталъ: погодите! Я грозилъ кому-то, я былъ золъ, я былъ опасенъ... и я избѣгалъ Давыда!— Никто, ни даже онъ, не долженъ былъ имѣть малѣйшее подозрѣніе о томъ, что я собирался совершить...

Буду дѣйствовать одинъ—и одинъ отвѣчать буду!

Медленно проволокся день... потомъ вечеръ... наконецъ, настала ночь. Я ничего не дѣлалъ, даже старался не шевелиться: какъ гвоздь, засѣла мнѣ въ голову одна мысль. За обѣдомъ отецъ, у котораго сердце было, какъ я сказалъ, отходчивое, да и совѣстно ему немножко стало своей горячности—шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ уже не бьютъ по щекамъ, — отецъ попытался приласкать меня; но я отклонилъ его ласку не изъ злопамятства, какъ онъ вообразилъ тогда, а просто я боялся расчувствоваться: мнѣ нужно было въ цѣлости сохранить весь пылъ мести, весь закалъ безвозвратнаго рѣшенія! Я легъ очень рано; но, разумѣется, не заснулъ и даже глазъ не закрылъ, а напротивъ таращилъ ихъ—хоть и натянулъ себѣ на голову одѣяло. Я не обдумывалъ заранѣе—какъ поступить; у меня не было никакого плана; я ждалъ только, когда это наконецъ все затихнетъ въ домѣ? Я принялъ одну лишь мѣру: не снялъ чулковъ. Комната моей тетки находилась во второмъ этажѣ. Надо было пройти столовую, переднюю, подняться по лѣстницѣ, пройти небольшой корридорчикъ—а тамъ... направо дверь!.. Не для чего было брать съ собою огарокъ или фонарикъ: въ углу теткиной комнаты, передъ кіотомъ, теплилась неугасимая лампадка: я это зналъ. Стало-быть, видно будетъ! Я продолжалъ лежать съ вытаращенными глазами, съ раскрытымъ и засохшимъ ртомъ; кровь стучала у меня въ вискахъ, въ ушахъ, въ горлѣ, въ спинѣ, во

Digitized by Google

всемъ тѣлѣ! Я ждалъ... но словно бѣсъ какой потѣшался надо мною: время шло... шло, а тишина не водворялась!

IX.

Никогда, казалось мнѣ, Давыдъ такъ поздно не засыпалъ... Давыдъ, молчаливый Давыдъ даже заговаривалъ со мною! Никогда такъ долго въ домѣ не стучали, не ходили, не бесѣдовали! И о чемъ это они толкуютъ, думалось мнѣ; не наболтались съ утра! Наружные звуки тоже долго не прекращались: то собака лаяла тонкимъ упорнымъ лаемъ; то пьяный мужикъ гдѣ-то все бурлилъ и не унимался; то какія-то ворота все скрыпѣли; то тележонка на дряблыхъ колесахъ ѣхала, ѣхала и никакъ проѣхать не хотѣла! Впрочемъ, *эти* звуки не раздражали меня: напротивъ, я былъ имъ почему-то радъ! Они какъ будто отвлекали вниманіе.—Но вотъ, кажется, наконецъ все угомонилось. Одинъ лишь маятникъ нашихъ старыхъ часовъ сипло и важно щелкаетъ въ столовой, да слышится мѣрное и протяжное, словно трудное дыханіе спящихъ людей. Я собираюсь приподняться... но вотъ опять что-то прошипѣло... потомъ вдругъ охнуло... что-то мягкое упало — и шепотъ разносится, шепотъ скользитъ по стѣнамъ...

Или ничего этого нѣтъ — и только одно воображеніе меня дразнитъ?

Заглохло наконецъ все: стала самая сердцевина и темь и глушь ночи. — Пора! Заранѣе весь похолодѣлый, я сбрасываю одѣяло, опускаю ноги на полъ, встаю... Шагъ; другой... Я крадусь.—Плюсны ногъ, словно чужія, тяжелыя, переступаютъ слабо и невѣрно. Стой! что это за звукъ? Пилитъ кто гдѣ или скребетъ... или вздыхаетъ? Я прислушиваюсь... по щекамъ перебѣгаютъ мурашки, на глаза выступаютъ водянистыя холодныя слезы... Ничего!.. Я крадусь опять. Темно; но я знаю дорогу. Вдругъ я натыкаюсь на стулъ... Какой стукъ, и какъ больно! Ударъ пришелся прямо по голени... Замираю на мѣстѣ... Ну, проснутся? А! была не была! Вдругъ является смѣлость и даже злость. Впередъ! впередъ! Вотъ уже и столовая пройдена; вотъ уже дверь ощупана, раскрыта разомъ, съ размаху... Визгнула-таки петля проклятая... ну ее! Вотъ уже я по лѣстницѣ поднимаюсь... Разъ! два! разъ, два! Хрустнула подъ ногой ступенька; я взглядываю на нее злобно — словно я видѣть ее могу. Вотъ уже другую дверь я потянулъ за ручку... Эта хоть бы чуknула! Такъ лего-

Digitized by Google

хонько и распахнулась: милости просимъ-молъ... Вотъ уже я въ корридорѣ!

Въ корридорѣ на верху, подъ потолкомъ, небольшое окошечко. Слабый ночной свѣтъ чуть свѣтся сквозь темныя стекла. И видится мнѣ, при томъ брезжущемъ свѣтѣ, на полу, на войлокѣ, лежитъ, закинувъ обѣ руки за растрепанную голову, наша дѣвочка-побѣгушка; крѣпко спитъ она, дышетъ проворно, а за самой ея головою роковая дверь. Я шагаю черезъ войлокъ, черезъ дѣвочку... Кто мнѣ отворилъ ту дверь... не знаю; но вотъ уже я въ теткиной комнатѣ; вотъ и лампадка въ одномъ углу и кровать въ другомъ, и тетка въ чепцѣ и кофтѣ на кровати, лицомъ ко мнѣ. Спитъ, не шевелится; даже дыханія не слыхать. Пламя лампадки тихонько колеблется, возмущенное притокомъ свѣжаго воздуха: и по всей комнатѣ, и по неподвижному, какъ воскъ желтому лицу тетки—заколебались тѣни...

А вотъ и часы! За кроватью, на стѣнѣ висятъ они на вышитой подушечкѣ. Экое счастье! подумаешь... Нечего мѣшкать! Но чьи это шаги мягкіе, быстрые за моей спиною? Ахъ, нѣтъ! это сердце стучитъ!.. Я заношу ногу впередъ... Боже! что-то круглое, довольно большое толкаетъ меня ниже колѣна... разъ! и еще разъ! Я готовъ вскрикнуть, я готовъ упасть отъ ужаса... Полосатый котъ, нашъ домашній котъ стоитъ передо мною, сгорбивъ спину, задравъ хвостъ. Вотъ онъ вскакиваетъ на кровать — тяжело и мягко — оборачивается и сидитъ не мурлыча, словно судья какой; сидитъ и глядитъ на меня своими золотыми зрачками. Кись! кись! шепчу я чуть слышно. Я перегибаюсь черезъ тетку, я уже схватилъ часы... Она вдругъ приподнимается, широко раскрываетъ вѣки... Создатель! что будетъ?.. Но вѣки ея вздрагиваютъ и закрываются, и съ слабымъ лепетомъ падаетъ голова на подушку.

Минута—и я уже опять въ своей комнатѣ, на своей постели, и часы у меня въ рукахъ...

Легче пуха примчался я назадъ! Я молодецъ, я воръ, я герой, я задыхаюсь отъ радости, мнѣ жарко, мнѣ весело—я хочу тотчасъ разбудить Давыда, все разсказать ему—и, невѣроятное дѣло! засыпаю, какъ убитый! Я открываю наконецъ глаза... Въ комнатѣ свѣтло; солнце уже встало. Къ счастью, еще никто не проснулся. Я вскакиваю какъ ошпаренный, бужу Давыда, сообщаю ему все. Онъ выслушиваетъ меня, ухмыляется.—«Знаешь ли что?—говоритъ онъ мнѣ наконецъ.—Зароемъ мы эти дурацкіе часы въ землю, чтобы и духу ихъ больше не было!» Я нахожу его мысль безподобной. Въ нѣсколько мгновеній мы оба одѣты, бѣжимъ въ

Digitized by Google

фруктовый садъ, расположенный позади нашего дома, — и подъ старой яблонью, въ глубокой ямѣ, торопливо вырытой въ рыхлой весенней землѣ большимъ Давыдовымъ ножомъ, скрывается навсегда ненавистный подарокъ крестнаго отца, такъ-таки не доставшійся въ руки противному Транквиллитатину! Мы утаптываемъ яму, набрасываемъ на нее щебню, и гордые, счастливые, никѣмъ не замѣченные, возвращаемся домой, ложимся въ наши постели, засыпаемъ и спимъ еще часокъ-другой—и какимъ легкимъ и блаженнымъ сномъ!

X.

Можете себѣ представить, какой гвалтъ поднялся на слѣдующее утро, какъ только тетка проснулась и хватилась часовъ. До сихъ поръ звенитъ у меня въ ушахъ ея пронзительный крикъ. «Караулъ! Ограбили! ограбили!» — пищала она и взбудоражила весь домъ. Она бѣсновалась, а мы съ Давыдомъ только улыбались про себя, и сладка была намъ наша улыбка. «Всѣхъ, всѣхъ пересѣчь надо!—кричала тетка;—изъ-подъ головы, изъ-подъ подушки вытащили часы!» Мы на все были готовы, мы ждали бѣды... но, противъ ожиданья, бѣды не стряслось надъ нами никакой. На первыхъ порахъ отецъ точно развоевался страшно— онъ даже о полиціи упомянулъ; но знать ему уже вчерашняя расправа прискучила, и онъ внезапно, къ неописанному изумленію тетки, накинулся не на насъ, а на нее!—«Надоѣли вы мнѣ пуще горькой рѣдьки, Пульхерія Петровна,—закричалъ онъ, — съ вашими часами! Слышать объ нихъ я больше не хочу! Не колдовствомъ же они пропали, говорите вы; а мнѣ что за дѣло? Хоть бы колдовствомъ! Украли ихъ у васъ? ну, туда имъ и дорога! Настасѣй Настасѣичъ что скажетъ? А чортъ съ нимъ совсѣмъ, съ вашимъ Настасѣичемъ! Я отъ него кромѣ пакостей да неудовольствій ничего не вижу. Не смѣть меня больше безпокоить! Слышите!»—Отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ въ себѣ въ кабинетъ. Мы сперва съ Давыдомъ не поняли намека, заключавшагося въ его послѣднихъ словахъ; но потомъ мы узнали, что отецъ въ это самое время сильно негодовалъ на моего крестнаго, перебившаго у него выгодное дѣло. Такъ и осталась тетка съ носомъ. Она чуть не лопнула съ досады, но дѣлать было нечего. Она должна была ограничиться тѣмъ, что, проходя мимо меня и скрививъ ротъ въ мою сторону, рѣзкимъ шепотомъ твердила: «воръ, воръ, вторжникъ, мошенникъ!» — Укоризны тетки доставляли мнѣ истин-

Digitized by Google

ное наслажденіе. Очень было также пріятно, проходя палисадникомъ, скользить притворно-равнодушнымъ глазомъ къ самому тому мѣсту подъ яблоней, гдѣ покоились часы; и если Давыдъ находился тутъ же вблизи — обмѣняться съ нимъ значительной ужимкой...

Тетка вздумала-было натравить на меня Транквиллитатина; но я прибѣгнулъ къ помощи Давыда. Тотъ прямо объявилъ дюжему семинаристу, что распоретъ ему ножомъ брюхо, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ... Транквиллитатинъ испугался; онъ, хоть и гренадеръ былъ и кавалеръ, по выраженію тетки, однако храбростью не отличался. Такъ прошло недѣль пять... Но не думаете ли вы, что исторія съ часами такъ и кончилась? Нѣтъ, она не кончилась; только для того, чтобы продолжать мой разсказъ, мнѣ нужно ввести новое лицо; а чтобы ввести это новое лицо, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

XI.

Мой отецъ былъ долгое время очень друженъ, даже коротокъ съ однимъ отставнымъ чиновникомъ, Латкинымъ, хроменькимъ, убогенькимъ человѣчкомъ съ робкими и странными ухватками, однимъ изъ тѣхъ существъ, про которыхъ сложилась поговорка, что они самимъ Богомъ убиты. Подобно отцу моему и Настасѣю, онъ занимался хожденьемъ по дѣламъ и былъ тоже частнымъ «стряпчимъ» и повѣреннымъ; но не обладая ни представительной наружностью, ни даромъ слова, и слишкомъ мало на себя надѣясь, онъ не рѣшался дѣйствовать самостоятельно и примкнулъ къ моему отцу. Почеркъ у него былъ «настоящій бисеръ», законы онъ зналъ твердо и до тонкости постигъ всѣ завитушки просьбеннаго и приказнаго слога. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ орудовалъ различныя дѣла, дѣлилъ барыши и убытки и, казалось, ничто не могло поколебать ихъ дружбу: и со всѣмъ тѣмъ она рухнула въ одинъ день—и навсегда. Отецъ навсегда разсорился съ своимъ сотрудникомъ. Если бы Латкинъ отбилъ у отца выгодное дѣло, на манеръ замѣнившаго его впослѣдствіи Настасѣя,—отецъ вознегодовалъ бы на него не болѣе, чѣмъ на Настасѣя, вѣроятно даже меньше; но Латкинъ, подъ вліяніемъ необъяснимаго, непонятнаго чувства — зависти, жадности — а быть можетъ, и подъ мгновеннымъ наитіемъ честности — «подвелъ» моего отца, выдалъ его общему ихъ довѣрителю, богатому, молодому купцу, открывъ глаза этому безпечному юношѣ на нѣкоторый... нѣкоторый кун-

Digitized by Google

итокъ, долженствовавшій принести значительную пользу моему отцу. Не денежная утрата, какъ она велика ни была — нѣтъ! а измѣна оскорбила и взорвала отца. Онъ не могъ простить коварства!

— Вишь, святой выискался!—твердилъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва и стуча зубами какъ въ лихорадкѣ. Я находился тутъ же въ комнатѣ и былъ свидѣтелемъ этой безобразной сцены.— Добро! Съ нынѣшняго дня—аминь! Кончено между нами. Вотъ Богъ, а вотъ порогъ! Ни я у тебя, ни ты у меня! вы для насъ ужъ больно честны—гдѣ намъ съ вами общество водить! Но не быть же тебѣ ни дна, ни покрышки!—Напрасно Латкинъ умолялъ отца, кланялся ему земно; напрасно пытался объяснить то, что наполняло его собственную душу болѣзненнымъ недоумѣніемъ.—«Вѣдь безъ всякой пользы для себя, Порфирій Петровичъ, лепеталъ онъ; вѣдь самого себя зарѣзалъ»! Отецъ остался непреклоненъ... Ноги Латкина уже больше не было въ нашемъ домѣ. Сама судьба, казалось, вознамѣрилась оправдать послѣднее жестокое пожеланіе моего отца. Вскорѣ послѣ разрыва—(произошелъ онъ года за два до начала моего разсказа) жена Латкина, правда, уже давно больная, умерла; вторая его дочка, трехлѣтній ребенокъ, отъ страха онѣмѣла и оглохла въ одинъ день: пчелиный рой облѣпилъ ей голову; самъ Латкинъ подвергся апоплексическому удару—и впалъ въ крайнюю, окончательную бѣдность. Какъ онъ перебивался, чѣмъ существовалъ—трудно было даже представить. Жилъ онъ въ полуразрушенной хибарочкѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ нашего дома. Старшая его дочь, Раиса, тоже жила съ нимъ и хозяйничала по возможности. Эта Раиса была именно то новое лицо, которое я долженъ ввести въ разсказъ.

XII.

Пока отецъ ея былъ друженъ съ моимъ, мы безпрестанно ее видали; она иногда по цѣлымъ днямъ сиживала у насъ и либо шила, либо пряла своими тонкими, проворными и ловкими руками. Это была стройная, немного сухощавая дѣвушка, съ умными карими глазами на блѣдномъ, длинноватомъ лицѣ. Она говорила мало, но толково, тихимъ и звонкимъ голосомъ, не раскрывая рта и не выказывая зубовъ; когда она смѣялась — что случалось рѣдко и никогда долго не продолжалось—они вдругъ выставлялись всѣ, большіе, бѣлые, какъ миндалины. Помню я также ея походку, легкую, упругую, съ маленькимъ подпры-

Digitized by Google

гомъ на каждомъ шагу: мнѣ всегда казалось, что она сходитъ по ступенямъ лѣстницы, даже когда она шла по ровному мѣсту. Она держалась прямо, съ поджатыми на груди руками. И что́ бы она ни дѣлала, за что́ бы она ни принималась—ну, хоть бы нитку въ ушко иголки вдѣвать или юбку утюгомъ разглаживать — все выходило у нея красиво и какъ-то... вы не повѣрите... какъ-то трогательно. Христіанское ея имя было Раиса, но мы ее звали Черногубкой: у ней на верхней губѣ было родимое, темно-синее пятнышко, точно она поѣла команики; но это ея не портило: напротивъ. Она была ровно годомъ старше Давыда. Я питалъ къ ней чувство въ родѣ уваженія, но она зналась со мною мало. За то между Давыдомъ и ею завелась дружба—не дѣтская, странная, но хорошая дружба. Они какъ-то шли другъ къ другу. Они иногда по цѣлымъ часамъ не мѣнялись словомъ, но всякому чувствовалось, что имъ обоимъ хорошо—и потому именно хорошо, что они вмѣстѣ. Я другой такой дѣвушки не встрѣчалъ, право. Въ ней было что-то внимательное и рѣшительное, что-то честное, и печальное, и милое. Я не слыхивалъ отъ нея умнаго слова, за то я и пошлости отъ нея не слыхалъ, а умнѣе глазъ я не видывалъ. Когда произошелъ разрывъ между ея семействомъ и моимъ, я сталъ рѣдко ее видѣть; отецъ мой строжайше запретилъ мнѣ навѣщать Латкиныхъ—и она уже не показывалась у насъ въ домѣ. Но я встрѣчался съ нею на улицѣ, въ церкви, и Черногубка внушала мнѣ все тѣ же чувства: уваженіе и даже нѣкоторое удивленіе—скорѣй, чѣмъ жалость. Очень уже она хорошо переносила свое несчастье. «Кремень-дѣвка», сказалъ про нее однажды самъ топорный Транквиллитатинъ. А по настоящему слѣдовало пожалѣть о ней: лицо ея приняло выраженіе озабоченное, утомленное, глаза осунулись и углубились: непосильная тягота легла ей на молоденькія плеча. Давыдъ видѣлъ ее гораздо чаще, чѣмъ я; онъ и въ домъ къ нимъ ходилъ. Отецъ махнулъ на него рукою: онъ зналъ, что Давыдъ все-таки его не послушается. И Раиса отъ времени до времени появлялась у плетня нашего сада, выходившаго на проулокъ, и видалась тамъ съ Давыдомъ: не бесѣду она вела съ нимъ, а сообщала ему какое-нибудь новое затрудненіе или новую бѣду—спрашивала совѣта. Параличъ, поразившій Латкина, былъ свойства довольно страннаго. Руки, ноги его ослабѣли, но онъ не лишился ихъ употребленія, даже мозгъ его дѣйствовалъ правильно; за то языкъ его путался и, вмѣсто однихъ словъ, произносилъ другія: надо было догадываться, что́ именно онъ хочетъ сказать.

...«Чу-чу-чу», лепеталъ онъ съ усиліемъ — онъ всякую

Digitized by Google

фразу начиналъ съ чу-чу-чу, — «ножницы мнѣ, ножницы»... А ножницы означали хлѣбъ. Отца моего онъ ненавидѣлъ всѣми оставшимися у него силами—онъ его заклятью приписывалъ всѣ свои бѣдствія и звалъ его то мясникомъ, то брилліантщикомъ. «Чу, чу, къ мяснику не смѣй ходить, Васильевна!» Онъ этимъ именемъ окрестилъ свою дочь, а звали его Мартиньяномъ. Съ каждымъ днемъ становился онъ болѣе требовательнымъ; нужды его росли... а какъ удовлетворять эти нужды? Откуда взять денегъ? Горе скоро старитъ; но жутко было слышать иныя слова въ устахъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

XIII.

Помнится, мнѣ пришлось присутствовать при ея бесѣдѣ у забора съ Давыдомъ въ самый день кончины ея матери.

— Сегодня, на зорькѣ, матушка скончалась,—говорила она, поводивъ сперва кругомъ своими темными, выразительными глазами, а тамъ, вперивъ ихъ въ землю,—кухарка взялась гробъ подешевле купить; да она у насъ ненадежная; пожалуй, еще деньги пропьетъ. Ты бы пришелъ, посмотрѣлъ, Давыдушка: тебя она побоится.

— Приду,—отвѣчалъ Давыдъ,—посмотрю... А что отецъ?

— Плачетъ; говоритъ: побалуйте, дескать, и меня. «Побалуйте»—должно, значитъ,—похороните. Теперь заснулъ.—Раиса вдругъ глубоко вздохнула.—Ахъ, Давыдушко, Давыдушко!—Она провела полусжатымъ кулачкомъ себѣ по лбу и по бровямъ, и было это движеніе и горько такъ... и такъ искренне, и такъ красиво, какъ всѣ ея движенія.

— Ты, однако, себя пожалѣй,—замѣтилъ Давыдъ.—Не спала, чай, вовсе... Да и что плакать? Горю не пособить.

— Мнѣ плакать некогда,—отвѣчала Раиса.

— Это богатые баловаться могутъ, плакать-то,—замѣтилъ Давыдъ.

Раиса пошла-было, да вернулась.

— Желтую шаль у насъ торгуютъ, знаешь, изъ маменькинаго приданаго. Двѣнадцать рублей даютъ. Я думаю, мало.

— И то, мало.

— Мы-бъ ея не продали,—промолвила Раиса, помолчавъ немного,—да, вѣдь, на похороны нужно.

— И то, нужно. Только зря денегъ давать не слѣдуетъ.

Digitized by Google

Попы эти—бѣда! Да вотъ, постой, я приду. Ты уходишь?—Я скоро буду. Прощай, голубка.

— Прощай, братецъ, голубчикъ!

— Смотри же, не плачь!

— Какое, плакать? Либо обѣдъ варить, либо плакать. Одно изъ двухъ.

— Какъ: обѣдъ варить? — обратился я къ Давыду, какъ только Раиса удалилась,—развѣ она сама кушанье готовитъ?

— Да вѣдь ты слышалъ: кухарка гробъ пошла торговать.

«Готовитъ обѣдъ», подумалъ я, «а руки у ней всегда такія чистыя и одежда опрятная... Я бы посмотрѣлъ, какъ она, тамъ, въ кухнѣ... Необыкновенная дѣвушка!»

Помню я другой разговоръ «у забора». На этотъ разъ Раиса привела съ собою свою глухо-нѣмую сестричку. Это былъ хорошенькій ребенокъ, съ огромными, удивленными глазами и цѣлой громадой черныхъ тусклыхъ волосъ на маленькой головкѣ (у Раисы волосы были тоже черные—и тоже безъ блеска). Латкинъ былъ уже пораженъ параличомъ.

— Ужъ я не знаю, какъ быть,—начала Раиса.—Докторъ рецептъ прописалъ, надо въ аптеку сходить; а тутъ нашъ мужичокъ (у Латкина оставалась одна крѣпостная душа) дровецъ изъ деревни привезъ, да гуся. А дворникъ отнимаетъ: вы мнѣ, говоритъ, задолжали.

— Гуся отнимаетъ?—спросилъ Давыдъ.

— Нѣтъ, не гуся. Онъ, говоритъ, старый; ужъ больше не годится. Оттого, говоритъ, и мужичекъ вамъ его привезъ. А дрова отнимаетъ.

— Да онъ права не имѣетъ!—воскликнулъ Давыдъ.

— Права не имѣетъ, а отнимаетъ... Я пошла на чердакъ; тамъ у насъ сундукъ стоитъ, старый, престарый. Стала я въ немъ рыться... И что же я нашла: посмотри!

Она достала изъ-подъ косынки довольно большую зрительную трубку, въ мѣдной оправѣ, оклеенную пожелтѣлымъ сафьяномъ. Давыдъ, какъ любитель и знатокъ всякаго рода инструментовъ, тотчасъ ухватился за нее.

— Англійская,—промолвилъ онъ, приставляя ее то къ одному глазу, то къ другому.—Морская!

— И стекла цѣлы,—продолжала Раиса.—Я показала батюшкѣ; онъ говоритъ: снеси, заложи бриллiантщику! Вѣдь, что ты думаешь? За нее дадутъ деньги? А намъ на что зрительная трубка? Развѣ на себя въ зеркало посмотрѣть, каковы мы есть красавцы. Да зеркала, жаль, нѣтъ.

Digitized by Google

И сказавши эти слова, Раиса вдругъ громко засмѣялась. Сестричка ея, конечно, не могла ее услышать, но, вѣроятно, почувствовала сотрясеніе ея тѣла: она держала Раису за руку—и, поднявши на нее свои большіе глаза, испуганно перекосила личико и залилась слезами.

— Вотъ такъ-то она всегда,—замѣтила Раиса,—не любитъ, когда смѣются.

— Ну, не буду, Любочка, не буду,—прибавила она, проворно присѣвъ на корточки возлѣ ребенка и проводя пальцами по ея волосамъ.—Видишь?

Смѣхъ исчезъ съ лица Раисы, и губы ея, концы которыхъ какъ-то особенно мило закручивались кверху, стали опять неподвижны. Ребенокъ умолкъ. Раиса приподнялась.

— Такъ ты, Давыдушка, порадѣй... съ трубкой-то. А то, дровъ жаль—да и гуся, какой онъ ни на есть старый!

— Десять рублей непремѣнно дадутъ,—промолвилъ Давыдъ, переворачивая трубку во всѣ стороны.—*Я* ее у тебя куплю... чего лучше? А вотъ пока на аптеку—пятиалтынный... Довольно?

— Это я у тебя занимаю,—шепнула Раиса, принимая отъ него пятиалтынный.

— Еще бы! Съ процентами—хочешь? Да вотъ и залогъ у меня есть. Важнѣйшая вещь!.. Первый народъ—англичане.

— А, говорятъ, мы съ ними воевать будемъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Давыдъ,—мы теперь французовъ бьемъ.

— Ну—тебѣ лучше знать. Такъ, порадѣй. Прощайте, господа!

XIV.

А то вотъ еще какой разговоръ происходилъ все у того же забора. Раиса казалась озабоченной больше обыкновеннаго.

— Пять копѣекъ кочанъ капусты, да и кочанъ-то «махонькій-премахонькій», — говорила она, подперши рукою подбородокъ.—Вонъ, какъ дорого! А за шитье деньги еще не получены.

— Тебѣ кто долженъ?—спросилъ Давыдъ.

— Да все та же, купчиха, что за валомъ живетъ.

— Эта, что въ шушунѣ зеленомъ ходитъ, толстая такая?

— Она, она.

— Вишь, толстая! Отъ жира не продышится, въ церкви такъ даже паромъ отъ нея шибаетъ, а долги не платитъ!

— Она заплатитъ... только когда? А то вотъ еще, Давы-

Digitized by Google

душко, новыя у меня хлопоты. Вздумалъ отецъ мнѣ сны свои разсказывать,—ты вѣдь знаешь, косноязыченъ онъ сталъ: хочетъ одно слово промолвить, анъ выходитъ другое. На счетъ пищи или чего тамъ житейскаго—мы уже привыкли, понимаемъ; а сонъ и у здоровыхъ-то людей непонятенъ бываетъ, а у него—бѣда! Я, говоритъ, очень радуюсь; сегодня все по бѣлымъ птицамъ прохаживался; а Господь Богъ мнѣ пукѣтъ подарилъ, а въ пукѣтѣ Андрюша съ ножичкомъ.—Онъ нашу Любочку Андрюшей зоветъ.—Теперь мы, говоритъ, будемъ здоровы оба. Только надо ножичкомъ—чиркъ! Эво такъ! и на горло показываетъ.—Я его не понимаю; говорю: хорошо, родной, хорошо; а онъ сердится, хочетъ мнѣ растолковать, въ чемъ дѣло. Даже въ слезы ударился.

— Да ты бы ему что-нибудь такое сказала,—вмѣшался я:—солгала бы что-нибудь.

— Не умѣю я лгать-то, — отвѣчала Раиса, и даже руками развела.

И точно: она лгать не умѣла.

— Лгать не надо, — замѣтилъ Давыдъ: — да и убивать себя, тоже не слѣдъ. Вѣдь спасиба никто тебѣ не скажетъ?

Раиса поглядѣла на него пристально.

— Что́ я хотѣла спросить у тебя, Давыдушко; какъ надо писать: штопъ?

— Что такое «штопъ»?

— Да вотъ, напримѣръ: я хочу, *штопъ* ты живъ былъ.

— Пиши: ша, твердо, онъ, буки, еръ!

— Нѣтъ,—вмѣшался я:—не ша, а червь!

— Ну, все равно, пиши: червь! А главное — сама-то ты живи!

— Мнѣ бы хотѣлось писать правильно,—замѣтила Раиса и слегка покраснѣла.

Она, когда краснѣла, тотчасъ удивительно хорошѣла.

— Пригодиться оно можетъ... Батюшка, въ свое время, какъ писалъ... На удивленіе! Онъ и меня выучилъ. Ну, теперь онъ даже буквы плохо разбираетъ.

— Ты только у меня живи, — повторилъ Давыдъ, понизивъ голосъ и не спуская съ нея глазъ. Раиса быстро глянула на него и пуще покраснѣла.—Живи ты... а писать... пиши, какъ знаешь... О, чортъ, вѣдьма идетъ! (Вѣдьмой Давыдъ звалъ мою тетку.) И что́ ее сюда носитъ?.. Уходи, душа!

Раиса еще разъ глянула на Давыда и убѣжала.

Давыдъ весьма рѣдко и неохотно говорилъ со мною о Раисѣ,

Digitized by Google

объ ея семьѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ поджидать возвращенія своего отца. Онъ только и думалъ, что о немъ—и какъ мы потомъ жить будемъ. Онъ живо его помнилъ и съ особеннымъ удовольствіемъ описывалъ мнѣ его.

— Большой, сильный, одной рукой десять пудовъ поднимаетъ... Какъ крикнетъ: гей, малый! Такъ по всему дому слышно. Славный такой, добрый... и молодецъ! Ни передъ кѣмъ, бывало, не спуститъ. Отличное было наше житье, пока насъ не разорили! Говоритъ, онъ теперь совсѣмъ сѣдой сталъ, а прежде такой же былъ рыжій, какъ я. Си-и-лачъ!

Давыдъ никакъ не хотѣлъ допустить, что мы останемся въ Рязани.

— Вы-то уѣдете,—замѣтилъ я:—да я-то останусь.

— Пустяки! Мы тебя съ собой возьмемъ.

— А съ отцомъ-то какъ быть?

— Отца ты своего бросишь. А не бросишь—пропадешь.

— Что такъ?

Давыдъ не отвѣчалъ мнѣ и только нахмурилъ свои бѣлыя брови.

— Вотъ, какъ мы уѣдемъ съ батькой,—началъ онъ снова:—найдетъ онъ себѣ хорошее мѣсто, я женюсь...

— Ну, это еще не скоро,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, отчего же? Я женюсь скоро.

— Ты?

— Да, я; а что?

— Ужъ нѣтъ ли у тебя невѣсты на примѣтѣ?

— Конечно, есть.

— Кто же она такая?

Давыдъ усмѣхнулся.

— Какой ты, однако, безтолковый! Конечно, Раиса.

— Раиса!—повторилъ я съ изумленіемъ.—Ты шутишь?

— Я, братъ, шутить и не умѣю, и не люблю.

— Да вѣдь она годомъ тебя старше?

— Что-жъ такое? А, впрочемъ, бросимъ этотъ разговоръ.

— Позволь мнѣ одно спросить,—промолвилъ я.—Знаетъ она, что ты собираешься на ней жениться?

— Вѣроятно.

— Но ты ей ничего не открывалъ?

— Что тутъ открывать? Придетъ время, скажу. Ну, баста!

Давыдъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Оставшись наединѣ, я подумалъ... подумалъ... и рѣшилъ, наконецъ, что Давыдъ по-

Digitized by Google

ступаетъ, какъ благоразумный и практическій человѣкъ; и мнѣ даже лестно стало, что я другъ такого практическаго человѣка!

А Раиса, въ своемъ вѣковѣчномъ черномъ шерстяномъ платьицѣ, мнѣ вдругъ показалась прелестной и достойной самой преданной любви!

XV.

Давыдовъ отецъ все не ѣхалъ и даже писемъ не присылалъ. Лѣто давно стало, іюнь мѣсяцъ шелъ къ концу. Мы истомились въ ожиданіи.

Между тѣмъ начали ходить слухи, что Латкину вдругъ гораздо похужѣло и семья его—того и жди—съ голоду помретъ, а не то домъ завалится и крышей всѣхъ задавитъ. Давыдъ даже въ лицѣ измѣнился и такой сталъ злой и угрюмый, что хоть не приступайся къ нему. Отлучаться онъ тоже сталъ чаще. Съ Раисой я не встрѣчался вовсе. Изрѣдка мелькала она вдали, быстро переходя черезъ улицу своей красивой, легкой походкой, прямая, какъ стрѣла, съ поджатыми руками, съ темнымъ и умнымъ взоромъ подъ длинными бровями, съ озабоченнымъ выраженіемъ на блѣдномъ и миломъ лицѣ — вотъ и все. Тётка съ помощью своего Транквиллитатина жучила меня по прежнему и по прежнему укоризненно шептала мнѣ въ самое ухо: «воръ, сударь, воръ»! Но я не обращалъ на нее вниманія; а отецъ захлопоталъ, корпѣлъ, разъѣзжалъ, писалъ и знать ничего не хотѣлъ.

Однажды, проходя мимо знакомой яблони, я, больше по привычкѣ, бросилъ косвенный взглядъ на извѣстное мѣстечко, и вдругъ мнѣ показалось, какъ-будто на поверхности земли, прикрывавшей нашъ кладъ, произошла нѣкоторая перемѣна... Какъ-будто горбинка появилась тамъ, гдѣ прежде было углубленіе, и куски щебня лежали уже не такъ! «Что это значитъ?» подумалось мнѣ. «Неужто кто-нибудь проникъ нашу тайну и вырылъ часы»?

Надо было удостовѣриться въ этомъ собственными глазами. Къ часамъ, ржавѣющимъ въ утробѣ земли, я, конечно, чувствовалъ полнѣйшее равнодушіе; но не позволить же другому воспользоваться ими? А потому на слѣдующій же день, я, снова поднявшись до зари и вооружившись ножомъ, отправился въ садъ, отыскалъ намѣченное мѣсто подъ яблоней, принялся рыть—и, вырывши чуть не аршинную яму, долженъ былъ убѣдиться, что часы пропали, что кто-то ихъ досталъ, вытащилъ, укралъ!

Но кто же могъ ихъ... вытащить—кромѣ Давыда?

Digitized by Google

Кто другой зналъ, гдѣ они находились?

Я засыпалъ яму и вернулся домой. Я чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ.

«Положимъ,—думалъ я,—часы понадобились Давыду для того, чтобы спасти отъ голодной смерти свою будущую жену или ея отца... Что тамъ ни говори, часы эти чего-нибудь да стоютъ... Да какъ было не придти ко мнѣ и не сказать: «братъ—(я на мѣстѣ Давыда непремѣнно сказалъ бы: братъ)—братъ! я нуждаюсь въ деньгахъ: у тебя ихъ нѣтъ, я знаю, но позволь воспользоваться тѣми часами, которые мы вмѣстѣ съ тобою зарыли подъ старой яблонью! Они никому не приносятъ пользы, а я тебѣ такъ буду благодаренъ, братъ!» Съ какой бы радостью я согласился! Но дѣйствовать тайно, измѣнически, не довѣриться другу... Нѣтъ! Никакая страсть, никакая нужда этого не извиняетъ!

Я, повторяю, я былъ оскорбленъ. Я началъ-было выказывать холодность, дуться...

Но Давыдъ былъ не изъ тѣхъ, которые это замѣчаютъ и тревожатся!

Я началъ дѣлать намеки...

Но Давыдъ, казалось, нисколько не понималъ моихъ намековъ!

Я говорилъ при немъ, какъ низокъ въ моихъ глазахъ тотъ человѣкъ, который, имѣя друга и даже понимая все значеніе этого священнаго чувства, дружбы, не обладаетъ, однако, достаточно великодушіемъ, чтобы не прибѣгать къ хитрости: какъ будто можно что-нибудь скрыть!

Произнося эти послѣднія слова, я смѣялся презрительно.

Но Давыдъ и ухомъ не велъ!

Я наконецъ прямо спросилъ его: какъ онъ полагаетъ, часы наши шли еще нѣкоторое время, будучи похоронены въ землю, или тотчасъ же остановились?

Онъ отвѣчалъ мнѣ:—А чортъ ихъ знаетъ! Вотъ нашелъ о чемъ размышлять?!

Я не зналъ, что думать. У Давыда, очевидно, было что-то на-сердцѣ... но только не похищеніе часовъ. Неожиданный случай доказалъ мнѣ его невинность.

Digitized by Google

XVI.

Я возвращался однажды домой по одному проулочку, по которому я вообще избѣгалъ ходить, такъ какъ въ немъ находился флигель, гдѣ квартировалъ мой врагъ Транквиллитатинъ; но на этотъ разъ сама судьба привела меня туда. Проходя подъ закрытымъ окномъ одного трактирнаго заведенія, я вдругъ услыхалъ голосъ нашего слуги Василья, молодого развязнаго малаго, великаго «лѣнтяя и шалопая», какъ выражался мой отецъ—но великаго также покорителя женскихъ душъ, на которыхъ онъ дѣйствовалъ острословіемъ, пляской и игрою на торбанѣ.

— И вѣдь, поди-жъ ты, что̀ выдумали! — говорилъ Василій, котораго я видѣть не могъ, но слышалъ весьма явственно: онъ, вѣроятно, сидѣлъ тутъ же возлѣ окна съ товарищемъ за парой чая—и какъ это часто случается съ людьми въ запертомъ покоѣ, говорилъ громко, не подозрѣвая, что каждый прохожій на улицѣ слышитъ каждое слово: — что̀ выдумали? Зарыли ихъ въ землю!

— Врешь!—проворчалъ другой голосъ.

— Я тебѣ говорю. Такіе у насъ барчуки необнаковенные! Особенно Давыдка этотъ... какъ есть іезопъ. На самой на зорькѣ всталъ я, да и подхожу этакъ къ окну... Гляжу: что̀ за притча?.. Идутъ наши два голубчика по саду, несутъ эти самые часы, подъ яблонкой яму вырыли — да туда ихъ словно младенца какого! И землю потомъ заравняли, ей-Богу, такіе безпутные!

— Ахъ шутъ ихъ возьми!—промолвилъ Васильевъ собесѣдникъ.—Съ жиру, значитъ. Ну, и что-жъ? Ты часы отрылъ?

— Понятное дѣло, отрылъ. Они и теперь у меня. Только показывать ихъ пока не приходится. Больно много изъ-за нихъ шума было. Давыдка-то ихъ у старухи у нашей въ ту самую ночь изъ-подъ хребта вытащилъ.

— О—о?

— Я тебѣ говорю. Безпардонный совсѣмъ. Такъ и нельзя ихъ показывать. Да вотъ офицеры понаѣдутъ: продамъ кому, а не то въ карты разыграю.

Я не сталъ больше слушать, стремглавъ бросился домой и прямо къ Давыду.

— Братъ!—началъ я,—братъ! прости меня! Я былъ виноватъ передъ тобою! Я подозрѣвалъ тебя! Я обвинялъ тебя! Ты видишь, какъ я взволнованъ! Прости меня!

— Что̀ съ тобой?—спросилъ Давыдъ.—Объяснись!

Digitized by Google

— Я подозрѣвалъ тебя, что ты наши часы изъ-подъ яблони вырылъ!

— Опять эти часы! Да развѣ ихъ тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ ихъ тамъ; я думалъ, что ты ихъ взялъ, чтобы помочь твоимъ знакомымъ. И это все Василій!

Я передалъ Давыду все, что̀ услышалъ подъ окномъ заведенія.

Но какъ описать мое изумленіе! Я, конечно, полагалъ, что Давыдъ вознегодуетъ; но я ужъ никакъ не могъ ожидать того, что̀ произошло съ нимъ! Едва я кончилъ мой разсказъ, онъ пришелъ въ ярость несказанную! Давыдъ, который не иначе какъ съ презрѣніемъ относился ко всей этой, по его словамъ, «пошлой» продѣлкѣ съ часами, тотъ самый Давыдъ, который не разъ увѣрялъ, что они выѣденнаго яйца не стоютъ — тутъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, весь вспыхнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки. «Этого такъ оставить нельзя!—промолвилъ онъ наконецъ.—Какъ онъ смѣетъ себѣ чужую вещь присвоивать? Я ему покажу, постой! Я ворамъ потачки не даю!»—Признаюсь, я до сихъ поръ не понимаю, что̀ могло такъ взбѣсить Давыда: былъ ли онъ уже безъ того раздраженъ, и поступокъ Василья подлилъ только масла въ огонь; оскорбили ли его мои подозрѣнія—не могу сказать; но я никогда не видывалъ его въ такомъ волненіи. Разинувъ ротъ, стоялъ я передъ нимъ и только дивился, какъ это онъ такъ тяжело и сильно дышалъ.

— Что̀ же ты намѣренъ сдѣлать?—спросилъ я наконецъ.

— А вотъ увидишь—послѣ обѣда, когда отецъ уляжется. Я этого пересмѣшника найду! Я съ нимъ потолкую!

«Ну,—подумалъ я:—не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этого «пересмѣшника». Что̀ изъ этого выйдетъ, Господи, Боже мой!»

XVII.

А вышло вотъ что̀:

Какъ только послѣ обѣда водворилась та сонная душная тишина, которая до сихъ поръ, какъ жаркій пуховикъ, ложится на русскій домъ и русскій людъ въ серединѣ дня, послѣ вкушенныхъ яствъ, Давыдъ (я съ замиравшимъ сердцемъ шелъ за его пятами)—Давыдъ отправился въ людскую и вызвалъ оттуда Василья. Тотъ сперва не хотѣлъ идти, однако кончилъ тѣмъ, что̀ поплелся и послѣдовалъ за нами въ садикъ.

Давыдъ сталъ передъ самой его грудью. Василій былъ цѣлой головой выше его.

Digitized by Google

— Василій Терентьевъ!—началъ твердымъ голосомъ мой товарищъ:—ты изъ-подъ самой этой яблони, недѣль шесть тому назадъ, вытащилъ спрятанные нами часы. Ты не имѣлъ права это сдѣлать, они тебѣ не принадлежали. Отдай ихъ сейчасъ!

Василій смутился-было, но тотчасъ оправился. «Какіе часы? Что вы говорите? Богъ съ вами! Никакихъ нѣтъ у меня часовъ!»

— Я знаю, что́ я говорю, а ты не лги. Часы у тебя. Отдай ихъ!

— Нѣтъ у меня вашихъ часовъ.

— А какъ же ты въ трактирѣ...—началъ-было я, но Давыдъ меня остановилъ.

— Василій Терентьевъ!—произнесъ онъ глухо и грозно. Намъ доподлинно извѣстно, что часы у тебя. Говорятъ тебѣ честью: отдай ихъ.—А если ты не отдашь...

Василій нагло ухмылялся.

— И что́ же вы тогда со мною сдѣлаете? Ну-съ?

— Что́?—Мы оба до тѣхъ поръ съ тобой драться будемъ, пока либо ты насъ побѣдишь, либо мы тебя.

Василій засмѣялся.

— Драться?—Это не барское дѣло! Съ холопомъ-то драться?

Давыдъ вдругъ вцѣпился Василію въ жилетъ.

— Да мы не на кулаки съ тобою драться будемъ,—произнесъ онъ со скрежетомъ зубовъ,—пойми ты! А я тебѣ дамъ ножъ и самъ возьму... Ну, и посмотримъ, кто кого? Алексѣй!—скомандовалъ онъ мнѣ,—бѣги за моимъ большимъ ножомъ, знаешь, черенокъ у него костяной—онъ тамъ на столѣ лежитъ, а другой у меня въ карманѣ.

Василій вдругъ такъ и обмеръ. Давыдъ все держалъ его за жилетъ.

— Помилуйте... помилуйте, Давыдъ Егорычъ, — залепеталъ онъ; даже слезы выступили у него на глаза:—что вы это? Что́ вы? Пустите!

— Не пущу я тебя.—И пощады тебѣ не будетъ!—Сегодня ты отъ насъ отвертишься, мы завтра опять начнемъ. — Алешка! гдѣ же ножъ!

— Давыдъ Егорычъ!—заревѣлъ Василій: — не дѣлайте убійства... Что же это такое? А часы... Я, точно... Я пошутилъ. Я ихъ вамъ сію минуту представлю. Какъ же это? То Хрисанфу Лукичу брюхо пороть, то мнѣ!—Пустите меня, Давыдъ Егорычъ... Извольте получить часы. Папенькѣ только не сказывайте.

Давыдъ выпустилъ изъ рукъ Васильевъ жилетъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: точно,—и не Василью можно было испугаться. Такое унылое... и холодное... и злое.

Digitized by Google

Василій вскочилъ въ домъ и немедленно вернулся оттуда съ часами въ рукѣ.—Молча отдалъ онъ ихъ Давыду, и только возвращаясь обратно въ домъ, громко воскликнулъ на порогѣ: «тьфу ты, оказія!»

На немъ все еще лица не было. Давыдъ качнулъ головою и пошелъ въ нашу комнату. Я опять поплелся за нимъ. «Суворовъ! Какъ есть Суворовъ!» думалъ я про себя.—Тогда, въ 1801 году, Суворовъ былъ нашъ первый, народный герой.

XVIII.

Давыдъ заперъ за собою дверь, положилъ часы на столъ, скрестилъ руки и—о, чудо!—засмѣялся. — Глядя на него, я засмѣялся тоже.

— Этакая штука удивительная!—началъ онъ.—Никакъ мы отъ этихъ часовъ отбояриться не можемъ. Заколдованные они, право. И съ чего я вдругъ этакъ озлился?

— Да, съ чего?—повторилъ я.—Оставилъ бы ты ихъ у Василья...

— Ну нѣтъ,—перебилъ Давыдъ.—Это шалишь! Но что мы съ ними теперь сдѣлаемъ?

— Да! Что?

Мы оба уставились на часы—и задумались. Украшенные голубымъ бисернымъ шнуркомъ — (злополучный Василій впопыхахъ не успѣлъ снять шнурокъ этотъ, который ему принадлежалъ) — они преспокойно дѣлали свое дѣло: чи́кали — правда, нѣсколько въ перебивку—и медленно передвигали свою мѣдную минутную стрѣлку.

— Развѣ опять ихъ зарыть? Или ужъ въ печку ихъ? предложилъ я наконецъ.—Или вотъ еще: не поднести ли ихъ Латкину?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Давыдъ. — Это все не то́. А вотъ что́: при губернаторской канцеляріи завели коммиссію, пожертвованія собираютъ въ пользу касимовскихъ погорѣльцевъ. Городъ Касимовъ, говорятъ, до тла сгорѣлъ, со всѣми церквами. И, говорятъ, тамъ все принимаютъ: не одинъ только хлѣбъ или деньги — но всякія вещи натурой.—Отдадимъ-ка мы туда эти часы! А?

— Отдадимъ! отдадимъ!—подхватилъ я.—Прекрасная мысль. Но, я полагалъ, такъ какъ семейство твоихъ друзей нуждается...

— Нѣтъ, нѣтъ; въ коммиссію!—Латкины и безъ нихъ обойдутся.—Въ коммиссію!

Digitized by Google

— Ну, въ коммиссію—такъ въ коммиссію. — Только, я полагаю, надо при этомъ написать что-нибудь губернатору.

Давыдъ взглянулъ на меня.—Ты полагаешь?

— Да; конечно, много нечего писать. А такъ — нѣсколько словъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... начать такъ: «будучи»... или вотъ еще: «движимые»...

— «Движимые»... хорошо.

— Потомъ надо будетъ сказать: «сія малая наша лепта»...

— Лепта... хорошо тоже; ну, бери перо, садись, пиши, валяй!

— Сперва черновую,—замѣтилъ я.

— Ну, черновую; только пиши, пиши... А я ихъ пока мѣломъ почищу.

Я взялъ листъ бумаги, очинилъ перо; но не успѣлъ я вывести на верху листа: «его превосходительству, господину сіятельному князю» (у насъ тогда губернаторомъ былъ князь Х.), какъ я остановился, пораженный необычнымъ шумомъ... внезапно поднявшимся у насъ въ домѣ. — Давыдъ тоже замѣтилъ этотъ шумъ и тоже остановился, поднявъ часы въ лѣвой, тряпочку съ мѣломъ въ правой рукѣ. Мы переглянулись. Что за рѣзкій крикъ? Это тётка взвизгнула... а это?—Это голосъ отца, хриплый отъ гнѣва. «Часы! часы»! оретъ кто-то, чуть ли не Транквиллитатинъ. — Ноги стучатъ, скрипятъ половицы, цѣлая орава бѣжитъ... Несется прямо къ намъ. Я замираю отъ страха; да и Давыдъ бѣлъ какъ глина, а смотритъ орломъ. «Василій, подлецъ, выдалъ», шепчетъ онъ сквозь зубы... Дверь отворяется настежь... и отецъ въ халатѣ, безъ галстука, тётка въ пудраментѣ, Транквиллитатинъ, Василій, Юшка, другой мальчикъ, поваръ Агапитъ—всѣ врываются въ комнату.

— Мерзавцы!—кричитъ отецъ, едва переводя дыханіе... Наконецъ-то мы васъ накрыли! — И увидавъ часы въ рукахъ Давыда:—подай!—вопитъ отецъ,—подай часы!

Но Давыдъ, не говоря ни слова, подскакиваетъ къ раскрытому окну—и прыгъ изъ него на дворъ—да на улицу!

Привыкшій подражать во всемъ моему образцу, я прыгаю тоже, я бѣгу вслѣдъ за Давыдомъ...

«Лови! держи»! гремятъ за нами дикіе, смѣшанные голоса.

Но мы уже мчимся по улицѣ, безъ шапокъ на головахъ, Давыдъ впередъ, я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него позади, а за нами топотъ и гвалтъ погони!

Digitized by Google

XIX.

Много лѣтъ протекло со времени всѣхъ этихъ происшествій; я не разъ размышлялъ о нихъ — и до сихъ поръ такъ же не могу понять причины той ярости, которая овладѣла моимъ отцомъ, столь недавно еще запретившимъ самое упоминовеніе при немъ этихъ надоѣвшихъ ему часовъ, какъ я не могъ понять тогда бѣшенства Давыда при извѣстіи о похищеніи ихъ Васильемъ!— По невольѣ приходитъ въ голову, что въ нихъ заключалась какая-то таинственная сила. Василій не выдалъ насъ, какъ это предполагалъ Давыдъ,—не до того ему было: онъ слишкомъ сильно перетрусился,—а просто, одна изъ нашихъ дѣвушекъ увидала часы въ его рукахъ и немедленно донесла объ этомъ тёткѣ. Сыръ боръ и загорѣлся.

Итакъ, мы мчались по улицѣ, по самой ея серединѣ. Попадавшіеся намъ прохожіе останавливались или сторонились въ недоумѣніи. Помнится, одинъ отставной секундъ-майоръ, извѣстный боярятникъ, внезапно высунулся изъ окна своей квартиры — и весь багровый, съ туловищемъ на перевѣсѣ, неистово заулюлюкалъ! «Стой! держи!» продолжало гремѣть за нами.—Давыдъ бѣжалъ, крутя часы надъ головою, изрѣдка вспрыгивая; я вспрыгивалъ тоже, и тамъ же, гдѣ онъ.

— Куда? — кричу я Давыду, видя, что онъ сворачиваетъ съ улицы въ переулокъ—и сворачивая вслѣдъ за нимъ.

— Къ Окѣ!—кричитъ онъ.—Въ воду ихъ, въ рѣку, къ чорту!

— Стой, стой,—ревутъ за нами...

Но мы уже летимъ по переулку. Вотъ намъ на встрѣчу уже повѣяло холодкомъ — и рѣка передъ нами, и грязный крутой спускъ, и деревянный мостъ съ вытянутымъ по немъ обозомъ, и гарнизонный солдатъ съ пикой возлѣ шлагбаума;—тогда солдаты ходили съ пиками... Давыдъ уже на мосту, мчится мимо солдата, который старается ударить его по ногамъ пикой — и попадаетъ въ проходившаго теленка. — Давыдъ мгновенно вскакиваетъ на перила—онъ издаетъ радостное восклицаніе... Что-то бѣлое, что-то голубое сверкнуло, мелькнуло въ воздухѣ—это серебряные часы вмѣстѣ съ бисернымъ Васильевымъ шнуркомъ полетѣли въ волны... Но тутъ совершается нѣчто невѣроятное! Вслѣдъ за часами ноги Давыда вскидываются вверхъ—и самъ онъ весь, головою внизъ, руки впередъ, съ разлетѣвшимися фалдами куртки, описываетъ въ воздухѣ крутую дугу — въ жаркій день такъ вспугнутыя лягушки прыгаютъ съ высокаго берега въ воду пруда—и мгно-

Digitized by Google

венно исчезаетъ за перилами моста... а тамъ — бухъ! и тяжкій всплескъ внизу...

Что́ со мною стало — я совершенно не въ силахъ описать. Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Давыда, когда онъ спрыгнулъ съ перилъ... но я даже не помню, закричалъ-ли я; не думаю даже, что я испугался: я онѣмѣлъ, я одурѣлъ. Руки, ноги отнялись. Вокругъ меня толкались, бѣгали люди; нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались знакомыми: Трофимычъ вдругъ промелькнулъ, солдатъ съ пикой бросился куда-то въ сторону, лошади обоза поспѣшно проходили мимо, задравши кверху привязанныя морды... Потомъ все позеленѣло, и кто-то меня сильно толкнулъ въ затылокъ и вдоль всей спины... Это я въ обморокъ упалъ.

Помню, что я потомъ приподнялся и видя, что никто не обращаетъ на меня вниманія, подошелъ къ перилamъ, но не съ той стороны, съ которой спрыгнулъ Давыдъ: подойти къ ней мнѣ показалось страшнымъ,—а къ другой, и сталъ глядѣть на рѣку, бурливую, синюю, вздутую; помню, что недалеко отъ моста, у берега, я замѣтилъ причаленную лодку, а въ лодкѣ нѣсколько людей, и одинъ изъ нихъ, весь мокрый и блестящій на солнцѣ, перегнувшись съ края лодки, вытаскивалъ что-то изъ воды, что-то не очень большое, какую-то продолговатую, темную вещь, которую я сначала принялъ за чемоданъ или корзину; но, всмотрѣвшись попристальнѣе, я увидалъ, что эта вещь была—Давыдъ! Тогда я весь встрепенулся, закричалъ благимъ матомъ и побѣжалъ къ лодкѣ, проталкиваясь сквозь народъ, а подбѣжавъ къ ней, оробѣлъ и сталъ оглядываться. Въ числѣ людей, обступившихъ ее, я узналъ Транквиллитатина, повара Агапита, съ сапогомъ въ рукѣ, Юшку, Василья... Мокрый, блестящій человѣкъ выволокъ подъ мышки изъ лодки тѣло Давыда, обѣ руки котораго поднимались въ уровень лица, точно онъ закрыться хотѣлъ отъ чужихъ взоровъ, и положилъ его, въ прибережную грязь, на спину. Давыдъ не шевелился, словно вытянулся, свелъ пятки и выставилъ животъ. Лицо его было зеленовато, глаза подкатились и вода капала съ волосъ. Мокрый человѣкъ, который его вытащилъ, фабричный по одеждѣ, началъ разсказывать, дрожа отъ холода и безпрестанно отводя волосы ото лба, какъ онъ это сдѣлалъ. Очень онъ прилично и старательно разсказывалъ.

— Вижу я, господа, что́ за причина? Какъ ахнетъ эта малецъ съ мосту... Ну!.. Я сейчасъ бѣгомъ по теченью внизъ, потому знаю—попалъ онъ въ самое стремя, пронесетъ его подъ мостомъ, ну, а тамъ... поминай, какъ звали! Смотрю: шапка

Digitized by Google

такъ мохнатенькая плыветъ, анъ это—его голова. Ну, я сейчасъ живымъ манеромъ въ воду, сгребъ его... Ну, а тутъ уже не мудрость!

Въ толпѣ послышалось два-три одобрительныхъ слова.

— Согрѣться теперь тебѣ надо, пойдемъ, шкальчикъ выкушаемъ,—замѣтилъ кто-то.

Но тутъ вдругъ кто-то судорожно продирается впередъ... Это Василій.

— Что же это вы, православные,—кричитъ онъ слезливо:—откачивать его надо. Это нашъ барчукъ!

— Откачивать его, откачивать,—раздается въ толпѣ, которая безпрестанно прибываетъ.

— За ноги повѣсить! Лучшее средство!

— На бочку брюхомъ, да и катай его взадъ и впередъ, пока что... Бери его, ребята!

— Не смѣй трогать!—вмѣшивается солдатъ съ пикой.—На гунтевахту стащить его надо.

— Сволочь!—доносится откуда-то басъ Трофимыча.

— Да онъ живъ,—кричу я вдругъ во все горло и почти съ ужасомъ.

Я приблизилъ было свое лицо къ его лицу... «Такъ *вотъ* какови утопленники», думалось мнѣ, и душа замирала... И вдругъ я вижу—губы Давыда дрогнули и его немножко вырвало водою...

Меня тотчасъ оттолкнули, оттащили; всѣ бросились къ нему.

— Качай его, качай!—зашумѣли голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, стой!—закричалъ Василій. — Домой его... домой!

— Домой,—подхватилъ самъ Триквиллитатинъ.

— Духомъ его сомчимъ, тамъ виднѣе будетъ,—продолжалъ Василій... (Я съ того дня полюбилъ Василья).—Братцы! рогожки нѣтъ ли? А не то—берись за голову, за ноги...

— Постой! Вотъ рогожка! Клади! Подхватывай! Трогай! Важно: словно въ колымагѣ поѣхалъ.

И нѣсколько мгновеній спустя, Давыдъ, несомый на рогожѣ, торжественно вступилъ подъ кровъ нашего дома.

Digitized by Google

XX.

Его раздѣли, положили на кровать. Уже на улицѣ онъ началъ подавать знаки жизни, мычалъ, махалъ руками... Въ комнатѣ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя. Но какъ только опасенія за жизнь его миновались и возиться съ нимъ было уже не для чего—негодованіе вступило въ свои права: всѣ отступились отъ него, какъ отъ прокаженнаго.

— Покарай его Богъ! покарай его Богъ!—визжала тётка на весь домъ.—Сбудьте его куда-нибудь, Порфирій Петровичъ, а то онъ еще такую бѣду надѣлаетъ, что не расхлебаешь!

— Это, помилуйте, это аспидъ какой-то, да и бѣсноватый,—поддакивалъ Транквиллитатинъ.

— Злость, злость-то какая,—трещала тётка, подходя къ самой двери нашей комнаты, для того, чтобы Давыдъ ее непремѣнно услышалъ:—перво на́ перво укралъ часы, а потомъ ихъ въ воду... Не доставайся, молъ, никому... На-ка!

Всѣ, всѣ негодовали!

— Давыдъ,—спросилъ я его, какъ только мы остались одни:—для чего ты это сдѣлалъ?

— И ты туда же,—возразилъ онъ все еще слабымъ голосомъ: губы у него были синія, и весь онъ словно припухъ.—Что́ я такое сдѣлалъ?

— Да въ воду зачѣмъ прыгнулъ?

— Прыгнулъ!—Не удержался на перилахъ, вотъ и вся штука. Умѣлъ бы плавать—нарочно бы прыгнулъ. Выучусь непремѣнно. А за то часы теперь—тютю!..

Но тутъ отецъ мой торжественнымъ шагомъ вошелъ въ нашу комнату.

— Тебя, любезный мой,—обратился онъ ко мнѣ,—я выпорю непремѣнно, не сомнѣвайся, хоть ты поперекъ лавки уже не ложишься.—Потомъ онъ подступилъ къ постели, на которой лежалъ Давыдъ.—Въ Сибири,—началъ онъ внушительнымъ и важнымъ тономъ,—въ Сибири, сударь ты мой, на каторгѣ, въ подземельяхъ живутъ и умираютъ люди, которые менѣе виноваты, менѣе преступны, чѣмъ ты! Самоубивецъ ты, или, просто, воръ, или уже вовсе дуракъ?—скажи ты мнѣ одно, на милость?!!

— Не самоубивецъ я, и не воръ,—отвѣчалъ Давыдъ,—а что́ правда, то правда: въ Сибирь попадаютъ хорошіе люди, лучше насъ съ вами... Кому же это знать, коли не вамъ?

Digitized by Google

Отецъ тихо ахнулъ, отступилъ шагъ назадъ, посмотрѣлъ пристально на Давыда, плюнулъ и, медленно перекрестившись, вышелъ вонъ.

— Не любишь?—проговорилъ ему вслѣдъ Давыдъ, и языкъ высунулъ. Потомъ онъ попытался подняться—однако не могъ.—Знать, какъ-нибудь расшибся,—промолвилъ онъ, крехтя и морщась.—Помнится, о бревно меня водой толкнуло.

— Видѣлъ ты Раису?—прибавилъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ, не видѣлъ... Стой! стой! стой! Теперь я вспомнилъ: ужъ не она ли стояла на берегу, возлѣ моста?—Да... Темное платьице, желтый платокъ на головѣ... Должно, она!

— Ну, а потомъ... видѣлъ ты её?

— Потомъ... Я не знаю. Мнѣ не до того было.—Ты тутъ прыгнулъ.

Давыдъ всполошился.

— Голубчикъ, другъ, Алёша, сходи къ ней сейчасъ, скажи, что я здоровъ, что ничего со мною. Завтра же я у нихъ буду. Сходи скорѣе, братъ, одолжи!

Давыдъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки... Его высохшіе, рыжіе волосы торчали кверху забавными вихрами... но умиленное выраженіе его лица казалось отъ того еще болѣе искреннимъ. Я взялъ шапку и вышелъ изъ дому, стараясь не попасться на глаза отцу и не напомнить ему его обѣщанія.

XXI.

«И въ самомъ дѣлѣ», размышлялъ я, идучи къ Латкинымъ: «какъ же это я не замѣтилъ Раисы? Куда она дѣлась? Должна же она была видѣть»...

И вдругъ я вспомнилъ: въ самый моментъ Давыдова паденія, у меня въ ушахъ зазвенѣлъ страшный, раздирающій крикъ...

Ужъ не она ли это? Но какъ же я потомъ ея не видѣлъ?

Передъ домикомъ, въ которомъ квартировалъ Латкинъ, разстилался пустырь, заросшій крапивой и обнесенный завалившимся плетнемъ. Едва перебрался я черезъ этотъ плетень (ни воротъ, ни калитки не было вигдѣ), какъ моимъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. На нижней ступенькѣ крылечка, передъ домомъ, сидѣла Раиса, облокотившись на колѣна и подперевъ подбородокъ скрещенными пальцами; она глядѣла прямо въ упоръ передъ собою; возлѣ нея стояла ея нѣмая сестричка и преспокойно помахивала кнутикомъ, а передъ крыльцомъ, спи-

Digitized by Google

ной во мнѣ, въ изорванномъ и истасканномъ камзолѣ, въ подштанникахъ и съ валенками на ногахъ, болтая локтями и привляясь, сѣменилъ на мѣстѣ и подпрыгивалъ старикъ Латкинъ. Услышавъ мои шаги, онъ внезапно обернулся, присѣлъ на корточки—и, тотчасъ подскочивъ ко мнѣ, заговорилъ чрезвычайно быстро, трепетнымъ голосомъ, съ безпрестаннымъ: чу, чу, чу! Я остолбенѣлъ. Я давно его не видалъ и, конечно, не узналъ бы его, еслибы встрѣтился съ нимъ въ другомъ мѣстѣ. Это сморщенное, беззубое, красное лицо, эти круглые тусклые глазки, взъерошенныя сѣдины, эти подергиванія, эти прыжки, эта безсмысленная, косноязычная рѣчь... Что это такое? Что за нечеловѣческое отчаяніе терзаетъ это несчастное существо? Что за «пляска смерти»?

— Чу, чу,—лепеталъ онъ, не переставая корчиться,—вотъ она, Васильевна, сейчасъ, чу, чу, вошла... Слышь! вор... ритомъ по крышкѣ (онъ хлопнулъ себя рукою по головѣ) и сидитъ этакъ лопатой; и косая, косая, какъ Андрюшка; косая Васильевна! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: нѣмая). Чу! косая моя Васильевна! Вотъ, онѣ обѣ теперь на одну корку... Полюбуйтесь, православные! Только у меня и есть эти двѣ лодочки! А?

Латкинъ очевидно сознавалъ, что говоритъ не то, не ладно, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы растолковать мнѣ, въ чемъ было дѣло. Раиса, казалось, не слышала вовсе, что говорилъ ея отецъ, а сестричка продолжала похлопывать кнутикомъ.

— Прощай, брилліантщикъ, прощай, прощай! — протянулъ Латкинъ нѣсколько разъ сряду, съ низкими поклонами, какъ бы обрадовавшись, что поймалъ наконецъ понятное слово.

У меня голова кругомъ пошла. — Что это все значитъ?— спросилъ я какую-то старуху, выглядывавшую изъ окна домика.

— Да что, батюшка,—отвѣчала та на распѣвъ;—говорятъ, человѣкъ какой-то — и кто онъ, Господь его знаетъ — тощать сталъ, а она это видѣла. Ну, перепугалась, что ли; пришла однако... ничего; да какъ сѣла на рундучокъ — съ той самой поры вотъ и сидитъ, какъ истуканъ какой; хоть ты говори ей, хоть нѣтъ. Знать, ей тоже безъ языка быть. Ахти-хти!

— Прощай, прощай,—повторилъ Латкинъ все съ тѣми же поклонами.

Я подошелъ къ Раисѣ и остановился прямо передъ нею.

— Раисочка,—закричалъ я,—что съ тобою?

Она ничего не отвѣчала; слѣпо и не замѣтила меня. Лицо ея не побѣдѣло, не измѣнилось — но какое-то каменное стало,

Digitized by Google

и выраженіе на немъ такое... какъ будто вотъ-вотъ сейчасъ она заснетъ.

— Да косая же она, косая, — лепеталъ мнѣ въ ухо Латкинъ.

Я схватилъ Раису за руку.—Давыдъ живъ, — закричалъ я громче прежняго:—живъ и здоровъ; живъ Давыдъ, ты понимаешь? Его вытащили изъ воды, онъ теперь дома и велѣлъ сказать, что завтра придетъ къ тебѣ... Онъ живъ!

Раиса какъ-бы съ трудомъ перевела глаза на меня; мигнула нѣсколько разъ, все болѣе и болѣе ихъ расширяя; потомъ мотнула головой на бокъ, понемногу побагровѣла вся, губы ея раскрылись... Она медленно, полной грудью потянула въ себя воздухъ, сморщилась какъ-бы отъ боли и, съ страшнымъ усиліемъ проговоривъ: «Да... Дав... жи... живъ», — порывисто встала съ крыльца и устремилась...

— Куда?—воскликнулъ я.

Но слегка похохатывая и пошатываясь, она уже бѣжала черезъ пустырь...

Я, разумѣется, пустился за нею, между тѣмъ какъ позади меня поднялся дружный, старческій и дѣтскій вопль Латкина и глухо-нѣмой... Раиса мчалась прямо къ намъ.

— «Вотъ выдался денёкъ!» — думалъ я, стараясь не отставать отъ мелькавшаго передо-мною чернаго платьица... Ну!

XXII.

Минуя Василья, тётку и даже Транквиллитатина, Раиса вбѣжала въ комнату, гдѣ лежалъ Давыдъ и прямо бросилась ему на грудь.—Охъ... охъ... Да... выдушко, — зазвенѣлъ ея голосъ изъ-подъ разсыпанныхъ ея кудрей,—охъ!

Сильно взмахнувъ руками, обнялъ ее Давыдъ и приникъ къ ней головою.

— Прости меня, сердце мое,—послышался и его голосъ.

И оба словно замерли отъ радости.

— Да отчего же ты ушла домой, Раиса, для чего не осталась?—говорилъ я ей... Она все еще не приподнимала головы.— Ты бы увидала, что его спасли...

— Ахъ, не знаю! Ахъ, не знаю! Не спрашивай! Не знаю, не помню, какъ это я домой попала. Помню только: вижу тебя на воздухѣ... что-то ударило меня... А что послѣ было...

Digitized by Google

— Ударило,—повторилъ Давыдъ,—и мы всѣ трое вдругъ дружно засмѣялись. Очень намъ было хорошо.

— Да что же это такое будетъ, наконецъ! — раздался за нами грозный голосъ, голосъ моего отца. Онъ стоялъ на порогѣ двери. Прекратятся ли, наконецъ, эти дурачества, или нѣтъ? Гдѣ это мы живемъ? Въ россійскомъ государствѣ или во французской республикѣ?

Онъ вошелъ въ комнату.

— Во Францію ступай, кто хочетъ бунтовать да безпутничать! А *ты* какъ смѣла сюда пожаловать? — обратился онъ къ Раисѣ, которая, тихонько приподнявшись, и повернувшись къ нему лицомъ, видимо заробѣла, но продолжала улыбаться какой-то ласковой и блаженной улыбкой.—Дочь моего заклятаго врага! Какъ ты дерзнула! Еще обниматься вздумала! Вонъ сейчасъ! а не то...

— Дядюшка,—промолвилъ Давыдъ, и сѣлъ въ постели.—Не оскорбляйте Раисы. Она уйдетъ... только вы не оскорбляйте ее.

— А ты что мнѣ за уставщикъ? Я ее не оскорбляю, не ос... кор... бляю! а просто гоню ее. Я тебя еще самого къ отвѣту потяну. Чужую собственность затратилъ, на жизнь свою посягнулъ, въ убытки ввелъ.

— Въ какіе это убытки? — перебилъ Давыдъ.

— Въ какіе? Платье испортилъ—это ты за ничто считаешь? Да на водку я далъ людямъ, которые тебя принесли! Всю семью перепугалъ, да еще фордыбачится? А коли сія дѣвица, забывъ стыдъ и самую честь...

Давыдъ рванулся съ постели. — Не оскорбляйте ее, говорятъ вамъ!

— Молчи!

— Не смѣйте...

— Молчи!

— Не смѣйте позорить мою невѣсту,—закричалъ Давыдъ во всю голову,—мою будущую жену!

— Невѣсту!—повторилъ отецъ и выпучилъ глаза.—Невѣсту! Жену! Хо, хо, хо!.. (Ха, ха, ха,—отозвалась за дверью тётка).—Да тебѣ сколько лѣтъ-то? Безъ году недѣлю на свѣтѣ живетъ, молоко на губахъ не обсохло, недоросль! И жениться собирается! Да я... да ты...

— Пустите, пустите меня,—шепнула Раиса, и направилась къ двери. Она совсѣмъ помертвѣла.

— Я не у васъ позволенія буду просить,—продолжалъ кричать Давыдъ, опираясь кулаками на край постели, — а у моего род-

Digitized by Google

ного отца, который не сегодня, завтра сюда пріѣхать долженъ! *Онъ* мнѣ указъ, а не вы; а что касается до моихъ лѣтъ, то нашъ съ Раисой не къ спѣху... подождемъ, что вы тамъ ни толкуйте...

— Эй, Давыдка, опомнись!—перебилъ отецъ,—посмотри на себя: ты растерзанный весь... Приличіе всякое потерялъ!

Давыдъ захватилъ рукою на груди рубашку.

— Что вы ни толкуйте,—повторилъ онъ.

— Да зажми же ему ротъ, Порфирій Петровичъ, зажми ему ротъ,—запищала тётка изъ-за двери:—а эту потаскушку, эту негодницу... эту...

Но, знать, нѣчто необыкновенное пресѣкло въ этотъ мигъ краснорѣчіе моей тётки: голосъ ея порвался вдругъ и на мѣсто его послышался другой, старчески-сиплый и хилый...

— Братъ!—произнесъ этотъ слабый голосъ... — Христіанская душа!

XXIII.

Мы всѣ обернулись... Передъ нами, въ томъ же костюмѣ, въ какомъ я его недавно видѣлъ, какъ привидѣніе, худой, жалкій, дикій, стоялъ Латкинъ.

— А Богъ!—произнесъ онъ какъ-то по-дѣтски, поднимая къ верху дрожащій изогнутый палецъ и безсильнымъ взглядомъ осматривая отца:—Богъ покаралъ! а я за Ва... за Ра... да, да, за Раисочкой пришелъ! Мнѣ... чу! мнѣ что? Скоро въ землю—и какъ это бишь? Одна палочка, другая... перекладинка—вотъ что мнѣ... нужно... А ты, братъ, бриллiантщикъ... Смотри... вѣдь и я человѣкъ!

Раиса молча перешла черезъ комнату, и взявъ Латкина подъ руку, застегнула ему камзолъ.

— Пойдемъ, Васильевна,—заговорилъ онъ:—тутотка все святые; къ нимъ не ходи. И тотъ, что вонъ тамъ въ футлярѣ лежитъ,—онъ указалъ на Давыда,—тоже святой. А мы, братъ, съ тобою грѣшные. Ну, чу... простите, господа, старичка съ пёрчикомъ! Вмѣстѣ крали! — закричалъ онъ вдругъ:—вмѣстѣ крали! вмѣстѣ крали!—повторилъ онъ съ явнымъ наслажденіемъ: языкъ, наконецъ, послушался его.

Мы всѣ въ комнатѣ молчали.

— А гдѣ у васъ... икона тутъ? — спросилъ онъ, закидывая голову и подкатывая глаза: — почиститься надо.

Онъ сталъ молиться на одинъ изъ угловъ, умиленно крестясь,

Digitized by Google

по нѣсколько разъ сряду, стуча пальцами то по одному плечу, то по другому и торопливо повторяя: «Помилуй мя, Го... мя Го... мя Го...!» Отецъ мой, который все время не сводилъ глазъ съ Латкина и слова не промолвилъ, вдругъ встрепенулся, сталъ съ нимъ рядомъ и тоже началъ креститься. Потомъ онъ обернулся къ нему, поклонился низко-низко, такъ, что одной рукой досталъ до полу и, проговоривъ: «прости меня и ты, Мартиньянъ Гавриличъ», поцѣловалъ его въ плечо. Латкинъ ему въ отвѣтъ чмокнулъ губами въ воздухѣ и заморгалъ глазами: едва ли онъ хорошенько понималъ, что́ онъ такое дѣлаетъ. Потомъ отецъ мой обратился ко всѣмъ находившимся въ комнатѣ, къ Давыду, къ Раисѣ, ко мнѣ:

— Дѣлайте, что́ хотите, поступайте, какъ знаете, — промолвилъ онъ грустнымъ и тихимъ голосомъ—и удалился.

Тётка подъѣхала-было къ нему, но онъ окрикнулъ ей рѣзко и сурово. Онъ былъ потрясенъ.

— Мя Го... мя Го... помилуй!—повторялъ Латкинъ.—Я человѣкъ!

— Прощай, Давыдушко,—сказала Раиса, и вмѣстѣ со старикомъ тоже вышла изъ комнаты.

— Завтра у васъ буду,—крикнулъ ей вслѣдъ Давыдъ и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ прошепталъ: — усталъ я очень; теперь соснуть бы не худо,—и затихъ.

Я долго не выходилъ изъ нашей комнаты. Я прятался. Я не могъ забыть, чѣмъ отецъ мнѣ погрозилъ. Но мои опасенія оказались напрасны. Онъ встрѣтилъ меня—и хоть бы слово проронилъ. Ему самому, казалось, было неловко. Впрочемъ, ночь скоро наступила—и все успокоилось въ домѣ.

XXIV.

На слѣдующее утро Давыдъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а недолго спустя, въ одинъ и тотъ же день, совершились два важныхъ событія: утромъ старикъ Латкинъ умеръ, а къ вечеру пріѣхалъ въ Рязань дядя Егоръ, Давыдовъ отецъ. Не приславъ предварительнаго письма, никого не предупредивъ, свалился онъ какъ снѣгъ на голову. Отецъ мой переполошился чрезвычайно и не зналъ, чѣмъ угостить, куда посадить дорогого гостя, метался какъ угорѣлый, суетился, какъ виноватый; но дядю, казалось, не слишкомъ трогало хлопотливое усердіе брата; онъ то и дѣло повторялъ: «къ чему это?»—да «не надо мнѣ ничего». Съ тёткой

Digitized by Google

онъ обошелся еще холоднѣй, впрочемъ, и она не больно его жаловала. Въ глазахъ ея онъ былъ безбожникомъ, еретикомъ, вольтеріанцомъ... (онъ, дѣйствительно, выучился французскому языку, чтобъ читать въ подлинникѣ Вольтера). Я нашелъ дядю Егора такимъ, какимъ описывалъ мнѣ его Давыдъ. Это былъ крупный, тяжелый мужчина, съ широкимъ, рябымъ лицомъ, важный и серьёзный. Онъ постоянно носилъ шляпу съ плюмажемъ, манжеты, жабо́ и табачнаго цвѣта камзолъ, съ стальною шпагою на бедрѣ. Давыдъ обрадовался ему несказанно — даже просвѣтлѣлъ и похорошѣлъ лицомъ, и глаза стали у него другіе—веселые, быстрые и блестящіе; но онъ всячески старался умѣрить свою радость и не высказывать ея словами: онъ боялся малодушничать. Въ первую же ночь послѣ пріѣзда дяди Егора, они оба—отецъ и сынъ—заперлись въ отведенной ему комнатѣ и долго бесѣдовали вполголоса; на другое утро я замѣтилъ, что дядя какъ-то особенно ласково и довѣрчиво посматривалъ на своего сына: очень онъ имъ казался доволенъ. Давыдъ повелъ его на панихиду къ Латкинымъ; я тоже пошелъ туда: отецъ мнѣ не препятствовалъ, но самъ остался дома. Раиса поразила меня своимъ спокойствіемъ: поблѣднѣла она и похудѣла очень, но слезъ она не проливала, и говорила, и держалась очень просто; и со всѣмъ тѣмъ, странно сказать, я въ ней находилъ нѣкоторую величавость: невольную величавость горя, которое само себя забываетъ! Дядя Егоръ тутъ же, на паперти, познакомился съ нею; по тому, какъ онъ съ ней обращался, видно было, что Давыдъ ему уже говорилъ о ней. Она ему понравилась не хуже собственнаго сына: я это могъ прочесть въ Давыдовыхъ глазахъ, когда онъ глядѣлъ на нихъ обоихъ. Помню, какъ они заблистали, когда его отецъ сказалъ при немъ, говоря о ней: «умница, хозяйка будетъ». Въ домѣ у Латкиныхъ мнѣ разсказывали, что старикъ тихо погасъ, какъ догорѣвшая свѣчка, и пока не лишился силъ и сознанія, все гладилъ свою дочь по волосамъ и что-то приговаривалъ невнятное, но не печальное, и все улыбался. На похороны, въ церковь и на кладбище мой отецъ пошелъ и очень усердно молился; даже Трансвиллитатинъ пѣлъ на клиросѣ. Передъ могилой Раиса вдругъ зарыдала и упала лицомъ на землю: однако скоро оправилась. Сестричка ея, глухо-нѣмая, озирала всѣхъ и все большими, свѣтлыми и немного дикими глазами: отъ времени до времени она жалась къ Раисѣ, но испуга въ ней не замѣчалось. На другой же день послѣ похоронъ дядя Егоръ, который, по всему было видно, пріѣхалъ изъ Сибири не съ пустыми руками (деньги на похороны далъ *онъ* и Давыдова спаси-

Digitized by Google

теля наградилъ щедро), но который о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ ничего не разсказывалъ и никакихъ своихъ плановъ на будущее не сообщалъ,—дядя Егоръ внезапно объявилъ моему отцу, что не намѣренъ остаться въ Рязани, а уѣзжаетъ въ Москву вмѣстѣ съ сыномъ. Мой отецъ, приличія ради, высказалъ сожалѣніе и даже попытался—очень, правда, слабо—измѣнить дядино рѣшеніе; но въ глубинѣ души своей онъ, я полагаю, очень ему обрадовался.

Присутствіе брата, съ которымъ у него было слишкомъ мало общаго, который не удостоилъ его даже упрека, который даже не пренебрегалъ, а просто брезгалъ имъ—угнетало его... да и разстаться съ Давыдомъ не составляло для него особеннаго горя. Меня, разумѣется, разлука эта уничтожила; я словно осиротѣлъ на первыхъ порахъ, и потерялъ всякую опору въ жизни и всякую охоту къ ней.

Такъ-таки дядя уѣхалъ и увезъ съ собою не только Давыда, но, къ великому изумленію и даже негодованію всей нашей улицы, и Раису и ея сестричку... Узнавъ о таковомъ его поступкѣ, тётка немедленно назвала его туркой, и называла его туркой до самаго конца своей жизни.

А я остался одинъ, одинъ... Но дѣло не обо мнѣ...

XXV.

Вотъ и конецъ моей исторіи съ часами. Что́ еще сказать вамъ? Пять лѣтъ спустя, Давыдъ женился на своей Черногубкѣ, а въ 1812 году, въ чинѣ артиллерійскаго поручика, погибъ славной смертью въ день бородинской битвы, защищая шевардинскій редутъ.

Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и много часовъ у меня перебывало; я дошелъ даже до такого великолѣпія, что пріобрѣлъ себѣ настоящій брегетъ, съ секундной стрѣлкой, обозначеніемъ чиселъ и репетиціей... Но въ потаенномъ ящикѣ моего письменнаго стола хранятся старинные серебряные часы съ розаномъ на циферблатѣ; я ихъ купилъ у жида-разносчика, пораженный ихъ сходствомъ съ часами, нѣкогда подаренными мнѣ моимъ крестнымъ отцомъ.—Отъ времени до времени, когда я одинъ и никого къ себѣ не жду, я вынимаю ихъ изъ ящика и, глядя на нихъ, вспоминаю молодые дни и товарища тѣхъ дней, безвозвратно улетѣвшихъ...

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 1875.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

ВЪ

ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ

Дворянскіе Наказы.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. IV, VIII и XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Д. Полѣнова. Ч. I, II и III. Спб. 1869—75 г.

Первая половина царствованія Екатерины II-й, это — эпоха энергической, кипучей внутренней дѣятельности талантливой и умной государыни. Она живо интересуется бытовою, экономическою жизнью Россіи. Ее занимаетъ и даже отчасти тревожитъ постановка крѣпостного вопроса, и она сама возбуждаетъ его въ вольно-экономическомъ обществѣ. Пути сообщенія, наука и литература, народное образованіе, кредитъ, разработка естественныхъ богатствъ Россіи, пополненіе законодательства, реформа судопроизводства—все это составляетъ предметъ ея неусыпныхъ попеченій. Екатерина входитъ даже въ мелочныя подробности, сама неутомимо работаетъ перомъ, искусно подбираетъ себѣ сотрудниковъ, внимательно прислушивается къ ихъ мыслямъ.

Съ восьмидесятыхъ годовъ, и даже раньше, императрица увлекается совершенно въ другую сторону. Ее всецѣло поглощаетъ внѣшняя политика, громъ оружія, блескъ побѣдъ, запутанныя, тонкія дипломатическія отношенія. Внутренняя дѣятельность по необходимости отодвигается на задній планъ. Вотъ отчего въ шестидесятыхъ годахъ Екатерина обѣщаетъ коренныя реформы во внут-

Digitized by Google

реннемъ бытѣ Россіи, обѣщаетъ уврачеваніе ранъ, которыми общественная и народная жизнь были покрыты съ ногъ до головы,— и эти обѣщанія остаются обѣщаніями, или выполняются далеко не до конца. Многія изъ свѣтлыхъ мыслей «Семирамиды сѣвера» ограничились поползновеніями, общими мѣстами, фразами, не осуществленными на дѣлѣ, фразами, которыхъ послѣ восемьдесятъ-девятаго года словно испугалась сама «Фелица».

Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ явленій первой половины Екатерининскаго царствованія безспорно слѣдуетъ признать коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Вскормленная на Руссо, Монтескьё, Гельвеціѣ и Беккаріа, Екатерина чувствовала и сознавала необходимость прежде всего поближе и поподробнѣе ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ и насущными потребностями русскаго народа. Съ этою цѣлью и были главнымъ образомъ призваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ свободныхъ сословій россійской имперіи.

Въ наказахъ, данныхъ депутатамъ ихъ избирателями, въ рѣчахъ, говоренныхъ на основаніи этихъ наказовъ въ собраніи, отразились взгляды, стремленія, идеалы тогдашняго русскаго общества, высказались нужды и недуги Екатерининской Россіи. Поэтому *протоколы засѣданій, мнѣнія депутатовъ и депутатскіе наказы*, изданіе которыхъ предприняло «Русское Историческое Общество», поручивъ редакцію этого дѣла Д. В. Полѣнову, представляютъ высокій интересъ для всякаго, занимающагося внутренней исторіей Россіи. Кто хочетъ изучать ее серьёзно, для того этотъ почтенный трудъ станетъ настольной книгой—такой яркій свѣтъ бросаетъ онъ на то, что было съ Петра до Екатерины II-й, что совершалось у насъ при ней и послѣ нея, вплоть до новѣйшихъ преобразованій.

Знакомый съ неизбѣжною кропотливостью этого рода изданій вполнѣ оцѣнитъ, какихъ трудовъ они стоютъ и, конечно, пойметъ, почему съ 1869 года по настоящее время выпущено только три тома этого драгоцѣннаго сборника матеріаловъ. Эти три тома содержатъ отчеты ста-одного засѣданія коммиссіи (изъ двухъ-сотъ трехъ) и восемьдесятъ одинъ депутатскій наказъ [1]).

Каждаго новаго тома мы ждали и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ, привѣтствуя его появленіе съ радостью, жалѣя лишь о томъ, что издатель не можетъ быстрѣе удовлетворять нашему нетерпѣнію и почаще дарить насъ новыми томами.

---

[1]) Г. Романовичъ-Славатинскій, работая надъ своей замѣчательной книгой: „Дворянство въ Россіи", вышедшей въ 1870 г., пользовался лишь первымъ томомъ, т.-е 30-ю дворянскими наказами.

Digitized by Google

Судя по ходу изданія, вѣроятно пройдетъ добрый десятокъ лѣтъ, прежде чѣмъ мы будемъ имѣть возможность познакомиться вполнѣ съ дѣятельностью и конечными результатами Екатерининской коммиссіи, оцѣнить ея значеніе, ея, если не прямое, то косвенное вліяніе на дальнѣйшія преобразованія Екатерининскаго царствованія.

Уже современники коммиссіи относились къ ней весьма различно. Одни преувеличивали ея значеніе, привѣтствуя въ ней зарю политической свободы (Сиверсъ), другіе находили, что Россія еще не подготовлена къ представительству (Бибиковъ) и не одобряли предпріятія императрицы. А англичане, гостившіе въ нашемъ отечествѣ, посмѣивались надъ этимъ якобы парламентомъ, ходившимъ на цыпочкахъ передъ Екатериною. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ, быть можетъ, была доля правды.

Какъ бы то ни было—созваніе коммиссіи было фактомъ, вызвавшимъ всеобщее вниманіе.

Наказъ, написанный Екатериной для руководства депутатамъ, ея любимое дитя, ея profession de foi той эпохи, возбудилъ не только восторгъ въ Россіи, но и опасенія въ Европѣ—вслѣдствіе своего либеральнаго направленія. Турецкая война положила конецъ коммиссіи. Депутаты понадобились на полѣ брани. Дѣло коммиссіи не было окончено, задача ея не выполнена. Но она на время пробудила русскіе умы, вызвала на живую, интересную бесѣду безгласныя провинціи. Проекты, ею составленные, легли въ основаніе дальнѣйшихъ преобразованій Екатерининскаго царствованія (Учрежденіе о губерніяхъ 1775; Жалованная грамота дворянству 1785). Немногіе наказы, изданные до сихъ поръ, показываютъ, какъ значительная часть русскаго дворянскаго общества откликнулась на вызовъ императрицы. Въ первыхъ двухъ томахъ напечатаны 49 наказовъ отъ дворянъ московской губерніи, въ третьемъ—три наказа петербургскаго дворянства, 18—новгородскаго, 5—смоленскаго, 6—архангелогородскаго [1]).

---

[1]) Административное дѣленіе Россіи въ 1767 г. было иное. Московская губернія тогда вмѣщала въ себѣ вполнѣ или отчасти нынѣшнія губерніи: московскую, тверскую, ярославскую, костромскую, владимірскую, тульскую, калужскую, рязанскую. Въ составѣ новгородской входила: вся нынѣшняя новгородская губернія, вся псковская, олонецкая, часть петербургской, часть тверской. Архангелогородская заключала въ себѣ всю архангельскую губернію, всю вологодскую и часть костромской. Губерніи подраздѣлялись на провинціи, провинціи на уѣзды. Такимъ образомъ пять губерній заключали въ себѣ весь сѣверъ и сѣверо-западъ и все почти „сердце Россіи“. Малочисленность дворянскихъ наказовъ громадной архангельской губерніи объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ ея уѣздахъ дворяне и помѣщичьи крестьяне составляли

Digitized by Google

Наказы эти даютъ намъ живую картину быта, взглядовъ и стремленій значительной части нашего культурнаго слоя въ XVIII-мъ вѣкѣ. Эта картина сама по себѣ такъ разнообразна, что въ настоящей статьѣ мы и ограничимся ею, не касаясь дѣятельности самой коммиссіи, въ высшей степени любопытной,—но исторія ея сдѣлается, повторяемъ, доступною изученію лишь по выходѣ всего громаднаго матеріала, до нея относящагося. Предъ нами явится, такимъ образомъ, дворянство средней, сѣверной и сѣверо-западной Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка, какимъ рисуютъ его депутатскіе наказы.

Согласно обряду, приложенному къ манифесту, созывавшему депутатовъ, дворянство въ каждомъ уѣздѣ съѣзжалось, и подъ руководствомъ нарочно для того избраннаго предводителя выбирало сначала депутата, а затѣмъ коммиссію, которая должна была сочинить для него наказъ (инструкцію, cahier), съ изложеніемъ всѣхъ нуждъ своего сословія и уѣзда.

Въ выборахъ могли участвовать всѣ лица, владѣвшія въ данномъ уѣздѣ помѣстьемъ, не исключая и женщинъ. Лица, которыя почему-либо не могли пріѣхать на выборы, посылали свои голоса письменно. Женщины всѣ подавали свои мнѣнія заочно. Но въ числѣ именъ, подписавшихся подъ наказами, встрѣчаемъ женскія лишь въ юрьевскомъ наказѣ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ точностью вывести изъ наказовъ, какой процентъ дворянъ принялъ въ выборахъ и сочиненіи наказа личное, непосредственное участіе. Лишь по нѣкоторымъ намекамъ можно предположить, что далеко не всѣ, жившіе въ уѣздахъ, дворяне воспользовались своими избирательными правами. Послѣдняя статья верейскаго наказа гласитъ прямо, что при избраніи было мало наличныхъ дворянъ. Дѣйствительно, подъ наказомъ читаемъ всего 5 именъ. Дмитровскій наказъ насчитываетъ въ уѣздѣ до трехъ-сотъ помѣщиковъ. Между тѣмъ, наказъ подписали тринадцать,—процентъ весьма незначительный. Въ пусторжевскомъ уѣздѣ было двѣсти помѣщиковъ, наказъ подписали тридцать-три. Публичныя пренія, съѣзды, выборы были тогда на Руси дѣломъ необычнымъ, и, повидимому, не много нашлось на него охотниковъ. Изъ 49-ти уѣздовъ московской губерніи только въ двухъ (московскомъ и михайловскомъ) число дворянъ, подписавшихъ наказъ, превышало 100. Въ двадцати-одномъ уѣздѣ

самое незначительное меньшинство всего населенія, также какъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ новгородской губерніи. А уѣздамъ, гдѣ было мало помѣщиковъ, предоставлялось на волю прислать или не прислать депутатовъ.

Digitized by Google

подписалось менѣе двадцати, въ томъ числѣ попадаются пять, шесть и семь подписей. Въ сѣверныхъ губерніяхъ число подписей вообще гораздо больше. Цифра десять попадается всего два раза, менѣе десяти не встрѣчаемъ. Что же касается до числа лицъ, подавшихъ мнѣнія заочно, то его опредѣлить невозможно: одинъ лишь юрьевскій уѣздъ приложилъ къ наказу списокъ ихъ. Изъ этого списка видимъ, что явились на выборы двѣнадцать человѣкъ. Письменный отзывъ прислали пятьдесятъ-три.

Непривычкой къ общественной жизни и дѣятельности, равнодушіемъ къ общимъ государственнымъ интересамъ объясняются и результаты депутатскихъ выборовъ: они пали въ бо́льшей части уѣздовъ на личности, занимавшія видное мѣсто въ служебной іерархіи: кавалеровъ, генераловъ, сенаторовъ, начальниковъ коллегій, офицеровъ гвардіи. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ графа Петра Панина, графа Захара Чернышева, Бибикова, Нарышкиныхъ, князя Щербатова, князей Волконскихъ, графа Воронцова, двухъ братьевъ Орловыхъ и т. п. Только 8 уѣздовъ избрали въ депутаты отставныхъ дворянъ.

Едвали справедливо *по этому поводу* обвинять наше дворянство въ чинопочитаніи, въ низкопоклонствѣ: вся интеллигенція въ то время была служилая; люди, стоявшіе у дѣлъ, владѣвшіе перомъ и языкомъ, люди, съ которыми сама императрица дѣлилась мыслями, не безъ основанія казались избирателямъ болѣе способными представить ихъ въ законодательной коммиссіи, чѣмъ мѣстные неслужилые, рядовые дворяне, которые, быть можетъ, ближе стояли къ потребностямъ сословія, но за то были людьми полуграмотными, незнакомыми вовсе съ пріемами двора и столичнаго общества, посреди которыхъ должны были чувствовать себя неловко, одиноко и безпомощно. Да и вопросы, которые имъ предстояло обсуждать публично, были мало знакомы помѣщику-домосѣду, уклонявшемуся даже отъ посѣщенія уѣздныхъ собраній. — Екатерина знала, съ какою средою имѣла дѣло, и сочла нужнымъ привлечь депутатовъ обѣщаніемъ разнаго рода преимуществъ [1]).

Наказы, сочиненные дворянствомъ для избранныхъ имъ депутатовъ, очень различны какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія. Рядомъ съ коротенькими и безсодержательными встрѣчаются весьма длинные, продуманные и даже изящные по

[1]) Депутатъ навсегда былъ свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смертной казни, а имѣнія его отъ конфискаціи. Нанесшій оскорбленія депутату подвергался двойному наказанію. Депутатамъ даны были для ношенія особые знаки.

Digitized by Google

стилю. Чрезвычайно курьёзенъ, напр., юрьевскій наказъ, который, послѣ неизбѣжныхъ, стереотипныхъ выраженій благодарности заботливой монархинѣ, выражаетъ вкратцѣ свои нужды и пожеланія такъ:

«Что же касается до представленій объ общихъ нуждахъ и недостаткахъ и къ возстановленію государственныхъ правъ, и на оное всеподданнѣйше же донести, что за недовольнымъ числомъ насъ, бывшихъ нынѣ въ собраніи, а особливо и по скудоумію нашему, а къ тому жъ и по полученнымъ отъ прочихъ юрьевскихъ дворянъ отзывамъ... къ представленію ничего не объявлено, мы, кромѣ того, что имѣется въ произведеніи по формѣ судовъ великія продолженія (какъ всѣмъ извѣстно), представить не можемъ; а какъ и объ ономъ, такъ и о всемъ, и что касается до узаконенія и возстановленія государственныхъ правъ, то все предаемъ въ высочайшее ея императорскаго величества матернее цѣломудренное разсмотрѣніе и соизволеніе, въ чемъ и несомнительную надежду имѣемъ, что во всемъ томъ и въ сохраненіи и призрѣніи насъ, вѣрноподданныхъ рабовъ, отъ ея императорскаго величества, по дарованному ея величеству отъ Всевышняго объ общемъ благѣ проницательному цѣломудрію, оставлены не будемъ» и проч. въ томъ же духѣ. Еще болѣе довольнымъ своей судьбой и вѣрующимъ въ мудрость монархини является наказъ муромскаго дворянства. «Мы, будучи въ собраніи, — говорится въ немъ, — по довольномъ нашемъ общемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ».

Въ нѣкоторыхъ наказахъ горячія выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ занимаютъ слишкомъ видное мѣсто сравнительно съ изложеніемъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, и эти наказы мало интересны.

Но огромное большинство представляетъ весьма реальный, живой интересъ по болѣе или менѣе подробному воспроизведенію дѣйствительной дворянской жизни. Наиболѣе выдаются, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, наказъ ярославскаго дворянства, сочиненный очевидно подъ вліяніемъ ярославскаго депутата, историка князя Щербатова; костромской, въ составленіи котораго принималъ дѣятельное участіе извѣстный Александръ Ильичъ Бибиковъ, дмитровскій наказъ и другъ.

Нѣкоторые наказы не самостоятельны и заимствованы цѣликомъ или отчасти изъ наказовъ другихъ, сосѣднихъ уѣздовъ.

Digitized by Google

Въ наказахъ, данныхъ депутатамъ, дворянство высказало нужды, стремленія и потребности своего дворянскаго сословія. Въ нихъ мы поэтому естественно сталкиваемся съ характеромъ *сословнымъ*. Всѣ они смотрятъ на жизнь сквозь призму своихъ дворянскихъ интересовъ и касаются лишь тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ къ нимъ, къ помѣщикамъ, къ служилымъ людямъ, непосредственное, прямое отношеніе. Тѣмъ болѣе представляются они намъ любопытными, какъ реальное воспроизведеніе дѣйствительной, будничной провинціальной жизни. Никакихъ общихъ принциповъ, ничего общегосударственнаго: все частное, сословное, мѣстное, *сегодняшнее*.

Оно—бѣдно и узко, пожалуй, но такова была тогда вся общественная жизнь, особенно провинціальная. Все высокое, отвлеченное, изящное, плавало лишь сверху, какъ ложка масла въ бочкѣ воды, не растворяясь въ массѣ. До сихъ поръ еще провинція и Петербургъ—два различныхъ міра. Тогда этотъ разладъ былъ еще сильнѣе. Екатерина съ Дашковой блистали на берегахъ Невы, госпожа Простакова не менѣе неограниченно царила на Окѣ и Волгѣ. Неудивительно поэтому, что, въ то время, какъ большой наказъ, наказъ Екатерины, весь навѣянъ и проникнутъ вольнымъ, широкимъ, просвѣщеннымъ духомъ европейской философіи XVIII-го вѣка, областные дворянскіе наказы пропитаны духомъ мѣстнымъ, узкимъ, *сословнымъ*. Понятія о человѣкѣ, гражданинѣ, лицѣ — слабыя. Никакихъ общихъ политическихъ поползновеній. Дворянство ищетъ только того, чтобы выдѣлить свое сословіе изъ ряда другихъ, и обставить его со всѣхъ сторонъ льготами и преимуществами. Дворянство—опора престола. Не разъ спасало оно отечество отъ неминуемой гибели, не щадя крови и имущества—вотъ основной мотивъ большинства наказовъ. Во имя этихъ заслугъ оно проситъ *подтвержденія всѣхъ своихъ прежнихъ привилегій* въ новомъ уложеніи и *дарованія новыхъ*. Особенно ярко выразились подобные идеалы и воздыханія въ наказахъ ярославскомъ и кашинскомъ. Послѣдній формулируетъ свой идеалъ общественнаго строя такъ: «всякаго рода людямъ, какъ дворянству, такъ купечеству, равнымъ образомъ и разночинцамъ, чтобы пожалованы были генеральныя привилегіи, дабы каждый родъ имѣлъ свои преимущества и одинъ въ другого прерогативы не вступалъ, и всякій бы пользовался тѣмъ, чѣмъ будетъ привилегированъ».

Наказы ходатайствуютъ, чтобы на будущее время право владѣть землями и крестьянами предоставлено было одному дворянству, «яко болѣе всѣхъ рожденіемъ своимъ и воспитаніемъ при-

Digitized by Google

стойнымъ владѣть другими подданными ея императорскаго величества»,—такъ мотивируетъ свой наказъ ярославское дворянство. Дворянинъ долженъ быть избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія и смертной казни, въ какое бы преступленіе ни впалъ, а имѣніе его «обоего рода» (движимое и недвижимое) отъ конфискаціи.— Дворянскія дѣти должны быть отличены въ военной службѣ отъ рядовыхъ другихъ сословій. «Да соблаговолено будетъ и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей; мы разумѣемъ чрезъ сіе не за важныя преступленія бываемыя; дабы какъ нынѣ прилежащее дворянство къ воспитанію своихъ дѣтей, не могли бы оныя отъ излишней къ нимъ строгости, каковая можетъ отъ не различія наказаній, лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить».

Можайскій наказъ выражаетъ надежду на то, что въ новомъ уложеніи будетъ опредѣлено новое наказаніе за безчестіе дворянина (увѣчья, побои и ругательства).

Прежній способъ удовлетворенія (денежная плата по рангамъ) оскорбителенъ: «ибо дворянство честь свою съ деньгами равнять не могутъ». Кашинскій наказъ предлагаетъ священника или офицера, оскорбившаго дворянина, лишать чиновъ; дворянина же, обидѣвшаго священника или офицера подвергать лишь денежному взысканію. Шуйскій наказъ ходатайствуетъ о дарованіи дворянамъ особыхъ знаковъ при отставкѣ. Ярославскій выражаетъ желаніе, чтобы первый призывъ дворянина къ суду совершался не посредствомъ сыскной, какъ обыкновенно, а посредствомъ повѣстки: «хотя сама собою вещь и не важная, но для лучшаго показанія милости къ намъ нашихъ монарховъ».

Петровская «Табель о рангахъ», дѣлавшая дворяниномъ всякаго, дослужившагося до оберъ-офицерскаго чина по военной—и до коллежскаго ассессора по гражданской службѣ, составляетъ предметъ, весьма щекотливый для дворянства,—его больное мѣсто. Большинство наказовъ на разные лады заявляетъ, что жаловать дворянство можетъ одинъ монархъ; лишь разночинца, имѣющаго дипломъ изъ рукъ монарха, дворянское общество готово признать своимъ собратомъ; коренное, родовитое дворянство не можетъ помириться съ тѣмъ, что каждый «подлый человѣкъ», заслужившій маршированіемъ и повиновеніемъ начальнику оберъ-офицерскій чинъ, именуетъ себя дворяниномъ, покупаетъ деревни, владѣетъ крестьянами. Петръ Великій, говоритъ дворянство, издалъ Табель о рангахъ лишь въ виду многотрудной шведской войны, для поощренія служилымъ людямъ, въ которыхъ такъ нуждалась Россія. Теперь это лишнее, и дворянство проситъ императрицу

Digitized by Google

установить опредѣленную границу между настоящими, природными дворянами и людьми, присвоившими себѣ недостойно этотъ санъ и соединенныя съ нимъ привилегіи. Критеріумомъ при этомъ должно служить имѣніе или неимѣніе дворянскаго диплома. Это требованіе нѣкоторые наказы мотивируютъ и тѣмъ, что въ самой «Табели о рангахъ» (пунктъ 16-й) запрещается произвольно присвоивать себѣ дворянство.

«Итакъ—говорится въ ярославскомъ наказѣ — не соблаговолено ли будетъ право достигшимъ въ офицерскіе чины, дворянскаго какъ имени, такъ и прочихъ дворянскихъ правъ отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой бы чинъ ни имѣли, дабы достоинство дворянское, которое, яко и блаженной и вѣчной славы достойной памяти Петръ Великой «въ табели о рангахъ» изъясняется, единственно Государю жаловать принадлежитъ, не было уподлено чрезъ какія другія происками учиненныя происхожденія; и такъ бы, кто какого бы чина ни достигъ, если не получитъ отъ монарха своего, единаго могущаго награжденія свои потомству услугу учинившаго приложить, диплома на дворянство, именоваться дворяниномъ и пользоваться его правомъ до того не могъ».

Кашинскій наказъ, пропитанный такимъ же духомъ, объявляетъ, что «не дворянину дворяниномъ быть болѣе есть всякаго чина», и во имя этого проситъ разобрать дворянство по классамъ, «которые изстари дворяне, которые дослужились въ сіе достоинство, а о третьихъ узаконить, какъ имъ вступать въ сіе достоинство».

«Несравненно болѣе требуется заслугъ предъ заслугами офицерскихъ чиновъ, чтобы не имѣющій права шляхетскаго былъ въ то достоинство возведенъ», говоритъ луховскій наказъ; «а если съ полученіемъ чина офицерскаго будутъ получать и достоинство шляхетское, то чрезъ сіе монаршее преимущество, кое только однимъ государямъ и принадлежитъ, что жалованіе дворянствомъ остается тщетно. Да и ревность и излишнія заслуги къ достиженію того достоинства уже престанутъ быть нужными».

Пусторжевскій наказъ предлагаетъ, чтобы лица, дослужившіяся до дворянства, но не получившія диплома, титуловались «почтенными»; но отнюдь не приписывать имъ «благородія», для того, что слово «благородіе» само собой даетъ знать, что оно и происхожденіе свое имѣетъ «древле отъ благородной крови».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Екатерининское дворянство стремится какъ можно болѣе обособиться отъ другихъ сословій,

Digitized by Google

затруднить новому, служилому дворянству, вызванному на свѣтъ реформою Петра, доступъ въ свои ряды.

Въ этомъ стремленіи къ обособленію мы замѣчаемъ очень характерную черту, существенно отличающую нашу аристократію прошлаго вѣка отъ старинной западно-европейской.

Большинство наказовъ точно и опредѣленно высказывается въ томъ смыслѣ, что владѣніе деревнями и крестьянами должно составлять чисто дворянскую привилегію. Фабриканты и заводчики, накупившіе съ разрѣшенія того же Петра Великаго населенныя деревни, — предметъ ненависти дворянъ-помѣщиковъ, преимущественно средне-русскихъ. Заводы — главный притонъ бѣглыхъ крестьянъ, «первый каналъ къ побѣгамъ и укрывательству». Землевладѣлецъ-заводчикъ отвлекаетъ своихъ крестьянъ отъ сохи и тѣмъ разрушаетъ земледѣліе — этотъ главный источникъ народнаго и государственнаго благосостоянія. Тотъ же мотивъ, что̀ и по поводу «Табели о рангахъ», слышится и въ разсужденіяхъ о купечествѣ: Петръ Великій всячески покровительствовалъ коммерціи, чтобы вывести ее изъ ничтожества, въ которомъ засталъ. Теперь купцовъ и заводовъ слишкомъ много: больше, чѣмъ требуется. Они не выполняютъ своего назначенія, потому что продаютъ свои произведенія такъ дорого, что выгоднѣе выписывать ихъ изъ-за границы. Къ чему же имъ еще пользоваться землями и крестьянами? И то, и другое должно отнынѣ стать достояніемъ одного дворянства. Но одинъ лишь шуйскій наказъ говоритъ, что, съ другой стороны, и дворянство не должно заниматься фабричнымъ производствомъ, «и въ томъ купечество и дворянство никакого бы смѣшенія не имѣли». Другіе наказы, настаивая на необходимости отобрать у заводчиковъ деревни и крестьянъ, удовольствовавъ ихъ, впрочемъ, соотвѣтственнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, и не думаютъ, съ своей стороны, ограничиться привилегіей земле- и рабо-владѣнія: торговая, фабричная дѣятельность представляется, напротивъ, нашему дворянству крайне соблазнительною. Оно не только ею не брезгаетъ, но является даже соперникомъ купечества. Дворянство желаетъ получить право на всѣ торговыя, промышленныя занятія наравнѣ съ купечествомъ, хотя бы «подвергаясь подъ всѣ тѣ права и тягости, которыя при установленіи и учрежденіи торговыхъ дѣлъ въ имперіи для каждаго мѣщанскаго промысла особо узаконяемы быть могутъ». Ярославскій наказъ, такъ пекущійся о дворянской чести, рядомъ съ тѣмъ объясняетъ, что «колико дворянство не упражнено службою государю, но не меньше упражняется и въ домостроительствѣ, помышляя, что домостроительство парти-

Digitized by Google

кулярныхъ людей дѣлаетъ ихъ изобиліе, а обиліе партикулярныхъ сочиняетъ обиліе государства». На этомъ основаніи ярославскій и кашинскій наказы ходатайствуютъ о дарованіи привилегіи одному дворянству заводить фабрики, обработывающія земледѣльческіе продукты (ленъ, пеньку, вино).

Великой пользы для всего государства ожидаетъ дворянство этихъ уѣздовъ отъ дѣятельнаго участія своего сословія въ заморской, «валовой» торговлѣ. «Наше купечество,—говоритъ ярославскій наказъ,—полудикое и, несмотря на протекцію, ему оказанную, нигдѣ не основало ни консулей, ни конторъ».

Тотъ же наказъ, жалуясь на поведеніе деревенскихъ кабатчиковъ и цѣловальниковъ, представлявшихъ нерѣдко весьма опасный для помѣщика элементъ, предлагаетъ отдавать деревенскіе кабаки на откупъ самимъ помѣщикамъ, а купечеству вступать въ такіе откупа лишь въ случаѣ отказа помѣщика.

Вино и виноуреніе играло вообще большую роль въ жизни тогдашняго дворянства, и это отразилось въ наказахъ.

Екатерина II глубоко огорчила дворянство указомъ 1765 г. До этого указа помѣщики пользовались неограниченнымъ правомъ выкуривать въ имѣніяхъ вино и развозить его съ собою по городамъ. Указъ 1765 г. запретилъ курить вино въ деревняхъ въ отсутствіи помѣщиковъ, для избѣжанія корчемства со стороны приказчиковъ и крестьянъ; запретилъ вовсе развозить вино по городамъ. Такимъ образомъ, служащіе дворяне вынуждены были пить въ городахъ покупное вино, обходившееся гораздо дороже домашняго; какъ невкусно оно казалось дворянамъ—это весьма трогательно изображаетъ кадыевское дворянство, начинающее такъ изложеніе своихъ нуждъ: «по публикованному прошлаго 1765 года указу, дворянству въ города вино и водку съ собою брать и по выписямъ возить запрещено. Посему дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бываютъ съ питейныхъ домовъ покупать водку и вино, многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ. Почему дворянство, по характерамъ ихъ, видѣть принуждены въ томъ себѣ недостатокъ». Наказы обонежской и бѣжецкой пятины (новгородскаго уѣзда) жалуются на притѣсненія и обиды, которымъ со времени изданія ненавистнаго указа подвергаются дворяне, въѣзжающіе въ города, отъ откупщиковъ и ихъ повѣренныхъ. На заставахъ они безцеремонно останавливали дворянъ, женъ, дѣтей и провизіи ихъ, «чинили осмотры и разныя обидныя примѣтки». Для безплодныхъ мѣстностей сѣвер-

Digitized by Google

ныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (новгородской, с.-петербургской и смоленской) винокуреніе имѣло громадное агрономическое значеніе. При помощи барды можно было отлично выкармливать скотъ и удобривать землю. Безъ удобренія она ничего не давала.

И вотъ, дворянство въ большинствѣ наказовъ, «припадая къ монаршимъ стопамъ, проситъ о возобновленіи прежней, старовѣчной привычки» свободнаго винокуренія и свободнаго ввоза вина въ города. Чтобы успокоить правительство на счетъ корчемства, верейскій наказъ, ни мало не задумываясь, предлагаетъ установить смертную казнь явившимся въ этомъ преступленіи, не исключая и дворянъ-помѣщиковъ.

Дорогобужское шляхетство (смоленской губерніи) вздыхаетъ о прежнихъ привилегіяхъ, пожалованныхъ польскими королями, подтвержденныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, и уничтоженныхъ Екатериною, которая вольностію сравняла смоленское шляхетство съ россійскимъ дворянствомъ. Изъ этихъ привилегій всего дороже была свободная продажа всякаго экономическаго деревенскаго продукта (вина, пива, меду, пеньки).

Не мало неудовольствія выражаютъ наказы московской губерніи на привилегію купцовъ и фабрикантовъ судиться не въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, а въ берг- и мануфактуръ-коллегіи. За малѣйшимъ искомъ дворянство вынуждено ѣхать въ Москву или Петербургъ. А заводчики, разсчитывая на то, что бѣдные помѣщики не пойдутъ на такія издержки, чинятъ имъ всякія обиды: принимаютъ на фабрики бѣглыхъ крестьянъ, травятъ луга, рубятъ лѣса и проч. Отношенія между дворянствомъ и купечествомъ вообще представляются въ наказахъ крайне враждебными. Привилегія борется съ привилегіей. Искусственно созданное городское сословіе не выполняетъ своего экономическаго назначенія и вызываетъ со стороны другихъ сословій сильную конкурренцію въ своихъ занятіяхъ, конкурренцію, естественную и неизбѣжную при данныхъ условіяхъ. Если дворянинъ является соперникомъ купца въ оптовой заграничной торговлѣ, въ фабричномъ дѣлѣ, то не менѣе сильнымъ соперникомъ въ торговлѣ мелочной, розничной является крестьянинъ, также неудержимо стремящійся къ торговой дѣятельности, неутомимо борющійся съ купцомъ-кулакомъ и аршинникомъ.

Судьба нашего закрѣпощеннаго крестьянства тѣсно, неразрывно связана съ судьбою дворянства. Вотъ почему въ разсмат-

Digitized by Google

риваемыхъ нами наказахъ встрѣчаемъ довольно богатый матеріалъ и для очерка тогдашняго положенія крестьянъ.

Ни мало не сомнѣваясь въ безусловномъ правѣ дворянства владѣть подданными и ихъ имуществомъ, не намекая ни словомъ объ освобожденіи крестьянъ или хотя бы объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ, всѣ наказы такъ или иначе касаются состоянія крестьянъ, ихъ отношеній къ правительству, купечеству, къ помѣщичьей власти. При этомъ помѣщикъ относится къ мужику различно, смотря по тому, разсматриваетъ ли онъ его съ точки зрѣнія своей *вещи*, части своего недвижимаго имущества, или съ точки зрѣнія человѣческой личности, заявляющей право на болѣе или менѣе свободное существованіе. Въ первомъ случаѣ онъ бережетъ и мускульную, и финансовую силу подвластнаго ему существа отъ хищничества купца и казеннаго чиновника, стремясь сохранить эти силы для себя. Во второмъ случаѣ, гдѣ возникаетъ вопросъ о регулированіи вольнаго крестьянскаго труда, о мѣрахъ противъ крестьянскихъ побѣговъ—баринъ относится къ мужику уже не съ нѣжностью и попечительностью, а, напротивъ, съ жестокостью.

Дворянство во всѣхъ наказахъ принимаетъ подъ свою защиту торговые интересы крестьянства вездѣ, гдѣ эти интересы сталкиваются съ купеческими, заботится объ обогащеніи своихъ подданныхъ. Наказы яркими красками рисуютъ притѣсненія разнаго рода, которымъ подвергаются въ городахъ отъ купцовъ, магистратовъ и ратушъ бѣдные, «безгласные» мужики: имъ не даютъ покупать хлѣбъ и лѣсъ изъ первыхъ рукъ, у барочниковъ. Ихъ безпрестанно обвѣшиваютъ, такъ какъ купечество употребляетъ произвольные вѣсы и мѣры. Для предотвращенія подобныхъ злоупотребленій, многіе наказы ходатайствуютъ объ установленіи казенной общей мѣры, а кинешемское дворянство предлагаетъ назначить въ городъ для «безгласныхъ» крестьянъ опекуна-защитника изъ отставныхъ дворянъ.

Еще тужe приходилось крестьянину-торговцу, торговцу мелочному, розничному. Купецъ стремился стать неизбѣжнымъ и неминуемымъ посредникомъ между хлѣбопашцемъ-производителемъ и покупателемъ-потребителемъ. Цѣль купца — лишить крестьянина возможности продать самому свой хлѣбъ или ленъ на базарѣ въ розницу, скупить у него этотъ хлѣбъ за безцѣновокъ, а потомъ сбыть съ барышемъ. Цѣль купца—вовсе вытѣснить крестьянина съ рынка. Оттого мужикъ, явившійся на базаръ съ возомъ зерна или предметами крестьянскаго рукодѣлія, или ходившій по деревнямъ съ коробкомъ краснаго товара—былъ

Digitized by Google

врагомъ купца, и борьба на торжкахъ между крестьянствомъ и купечествомъ шла не на животъ, а на смерть. Въ этой борьбѣ всѣ наказы, исключая крапивинскаго, проводящаго мысль объ исключительно земледѣльческомъ назначеніи крестьянъ, принимаютъ сторону мужика. Особенно горячо ратуетъ за право крестьянства вступать въ торги наказъ ярославскій. Онъ проситъ запретить купцамъ скупать хлѣбъ по деревнямъ и по дворамъ: «ибо то́ прямо къ разоренію крестьянъ клонится, понеже часто купцы, задавая деньги впередъ крестьянамъ, наконецъ, принуждаютъ ихъ за половинную цѣну хлѣбъ имъ отдавать». Затѣмъ слѣдуетъ длинное перечисленіе предметовъ, преимущественно крестьянскаго рукодѣлія, торгъ коими въ городахъ слѣдуетъ разрѣшить крестьянамъ. Это—хлѣбъ и «всякія ѣстныя вещи», дрова и дрань; ремни, косы, хомуты, колеса; калачи, сусло, холсты и т. д. А право развозить по деревнямъ лапти, горшки и деготъ должно даже составить крестьянскую привилегію. Ярославскій наказъ ходатайствуетъ и о допущеніи крестьянъ къ казеннымъ подрядамъ. Онъ говоритъ много и объ отхожихъ крестьянскихъ промыслахъ, выражая опасеніе, что склонность къ нимъ крестьянъ подорветъ земледѣліе, если не ограничить ихъ свободы. Въ этихъ видахъ онъ предлагаетъ, «чтобы позволено было мужикамъ въ зимнее время отъ кущовъ въ лавкахъ и у откупщиковъ въ питейныхъ домахъ сидѣть, а въ лѣтнее время то́ бы имъ запрещено было, дабы они тогда къ земледѣлію возвращались». Тотъ же наказъ рекомендуетъ, въ видахъ поощренія земледѣльцамъ, утроить крестьянину плату за безчестье на время пребыванія его въ деревнѣ.

Такъ дворянство обороняло подвластное ему крестьянство отъ купца-кулака. Оно защищало съ тѣмъ вмѣстѣ свой собственный интересъ: нерѣдко крестьянинъ являлся на базаръ съ помѣщичьими продуктами, и въ лицѣ крестьянина приходилось плохо самому помѣщику. Съ богатаго мужика барину можно было больше и легче взять. Къ тому же, во власти барина было предупредить, чтобы промыслы и торговля не отвлекали крестьянина отъ сохи, о чемъ и заботились дворяне, какъ видно изъ ярославскаго наказа.

Въ бѣжецкомъ наказѣ видимъ попытку регулировать и контролировать циркуляцію крестьянскихъ денегъ. Онъ ходатайствуетъ, чтобы крестьянину безъ вѣдома помѣщика запрещено было обязываться векселями свыше 10 руб. сер.

Закрѣпощенное русское крестьянство не теряло никогда непосредственной связи съ высшимъ правительствомъ, съ государ-

Digitized by Google

ствомъ. Мужикъ платилъ оброкъ барину, обработывалъ его землю, кормился пощечинами и розгами приказчика. Но рядомъ съ тѣмъ онъ платилъ подушную царю, несъ рекрутскую повинность, охранялъ казенное добро, ставилъ подводы проѣзжавшимъ чиновникамъ, чинилъ дороги и мосты, принималъ въ своей избѣ, кормилъ и поилъ православное воинство, строилъ на границахъ караулки и форпосты, выносилъ на плечахъ и казенную плеть. Онъ былъ закрѣпощенъ и сверху и снизу. Отъ этого казеннаго закрѣпощенія наказы стараются по возможности облегчить крестьянъ: казна отнимала въ свою пользу и время, и руки, которыя могли бы пригодиться владѣльцу. Нѣкоторые наказы просятъ увольненія крестьянъ отъ тяжелой обязанности охраненія казенныхъ засѣкъ, другіе — объ отмѣнѣ или уменьшеніи подводъ. Наказы клинскій и веневскій предлагаютъ отмѣнить подушную подать и замѣнить ее другими налогами, такъ какъ, платя по окладу за старыхъ и увѣчныхъ, крестьяне терпятъ великое отягощеніе. Нѣкоторые наказы ходатайствуютъ объ уменьшеніи соли, которая возвысилась до 40 к. за пудъ.

Пограничные съ Польшею уѣзды новгородской и смоленской губерніи горько жалуются на безпрестанныя починки и постройки форпостовъ, большихъ пограничныхъ дорогъ, обременительную поставку фуража и постои пограничныхъ войскъ, поглощавшихъ силы и время мужиковъ.

Совсѣмъ иначе, не въ покровительственномъ, а въ карательномъ и ожесточенномъ тонѣ говорятъ наказы тамъ, гдѣ они касаются отношенія крестьянъ къ помѣщичьей власти.

Объ освобожденіи крестьянъ личномъ или имущественномъ не упоминается, какъ сказано, ни единымъ словомъ; напротивъ, кашинскій говоритъ: «не обинуясь, должны быть крестьяне въ безотрицательномъ повиновеніи у своихъ владѣльцевъ и въ полной ихъ власти, дабы тишина и спокойствіе общества господствовали и экономія, по прилежнымъ трудамъ хозяина, распространяема была во всѣхъ ея частяхъ безпрепятственно». А наказъ отъ дворянъ Шелонской пятины (новгородскаго уѣзда) заканчивается словами: «нынѣ не только есть примѣчанія достойно, что люди и крестьяне нѣкоторымъ видомъ помѣщикамъ своимъ, яко издревле поставленнымъ надъ ними господамъ, послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ, а какъ есть древнее узаконеніе наистрожайшее хранить повиновеніе отъ Бога избранному и надъ ними поставленному монарху, яко же и нынѣ владѣющей нами государынѣ и высокому ея наслѣднику отъ всѣхъ насъ и потомковъ нашихъ съ должнымъ усердіемъ и раболѣпнымъ повинове-

Digitized by Google

ніемъ исполняемо будетъ; а при томъ всеподданнѣйше просимъ, дабы въ сохраненіе древняго узаконенія и дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издревле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ до нынѣ была, такъ и впредь будетъ». Гуманность, добродушіе и многопрославленная помѣщичья патріархальность совершенно отсутствуютъ въ наказахъ. Поэтому мы невольно останавливаемся съ особеннымъ удовольствіемъ на тѣхъ немногихъ строкахъ, въ которыхъ проглядываетъ болѣе или менѣе человѣческое отношеніе къ низшей братіи. Таковы слова дмитровскаго наказа: «уговаривать надлежитъ каждаго въ томъ, чтобы дворовъ на сто, въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики, сложась, содержали искуснаго учителя, для обученія по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ. Къ сему весьма надлежитъ склонять помѣщиковъ, толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина. Не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій; грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче, что тѣ лѣта, въ которыя ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ безъ всякой пользы». Ту же мысль выражаютъ наказы крапивинскій, ямбургскій, копорскій и псковскій, только далеко не съ той теплотой, которая слышится въ дмитровскомъ. Псковскій и крапивинскій высказываютъ потребность въ болѣе просвѣщенномъ духовенствѣ и совѣтуютъ вмѣнить дьячкамъ и пономарямъ въ обязанность обучать грамотѣ ребятъ: «отчего уповательно впредь подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ». Костромской наказъ, развивая планъ дворянской опеки, предлагаетъ примѣнять ее и къ тѣмъ помѣщикамъ, которые мучатъ крестьянъ. Михайловскій совѣтуетъ ограничить право помѣщика продавать крестьянъ на вывозъ безъ земли. Вотъ и всѣ заявленія въ пользу крестьянина, какъ человѣческаго существа. Видное мѣсто, напротивъ, занимаютъ мѣры для прекращенія крестьянскихъ побѣговъ, о которыхъ упоминается во всѣхъ почти наказахъ. Это была вѣчная, повидимому, неизлечимая язва помѣщиковъ. Судя по выраженіямъ и общему тону наказовъ, крестьяне безпрестанно бѣгали отъ неволи, подготовляя горючій матеріалъ для Пугачовщины.

«Главнымъ каналомъ къ побѣгамъ и укрывательству», въ средней Россіи, какъ мы уже упоминали, служили заводы и

Digitized by Google

фабрики. Мужикъ являлся работникомъ на заводъ, и заводчикъ выдавалъ его за своего. Наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ къ пресѣченію этого зла наказы считаютъ запрещеніе заводчикамъ и фабрикантамъ владѣть крестьянами вообще. Вольнонаемные работники должны бы были обязательно имѣть отъ своихъ господъ паспорты и увольнительныя письма, за подлинностью которыхъ должно было зорко слѣдить правительство. Вторымъ каналомъ къ укрывательству представляются раскольничьи скиты; оттого уѣзды, наиболѣе терпящіе отъ этого непріятнаго сосѣдства, ходатайствуютъ объ искорененіи раскола. Бабы убѣгали въ казармы, становились солдатками и тѣмъ освобождались отъ помѣщичьей власти. Верейскій наказъ разражается гнѣвомъ противъ полковыхъ командировъ, допускающихъ такіе браки. Вопль отчаянія слышится въ наказахъ сѣверо-западныхъ уѣздовъ, пограничныхъ съ Польшею и остзейскими провинціями (пусторжевскомъ, псковскомъ, дорогобужскомъ и др.). Тутъ побѣги крестьянъ принимали дѣйствительно ужасающіе размѣры. Бо́льшая половина этихъ наказовъ наполнена изложеніемъ ужасовъ насилій, производимыхъ крестьянами надъ своими господами, насилій, по совершеніи которыхъ они находили безопасное убѣжище въ маетностяхъ польской шляхты или остзейскихъ бароновъ. Наказы подробно объясняютъ, что́ именно влекло мужиковъ на чужую сторону. Крестьяне бѣгутъ не столько отъ помѣщиковъ, увѣряютъ наказы, сколько отъ государственныхъ службъ и тягостей, которыя, дѣйствительно, какъ мы упоминали, были особенно многочисленны и обременительны въ мѣстностяхъ пограничныхъ: «всячески не токмо помѣщиковъ, но и самую природную свою сторону, безстрашно порицаютъ (крестьяне)», говорится въ пусторжевскомъ наказѣ: «во-первыхъ, неволю, потомъ подушный платежъ, такожъ отъ рекрутскихъ наборовъ разлуку съ семьями [illegible], мостовыя и прочія казенныя безъ заплаты работы, а сверхъ [illegible]го, клевещутъ и на господскіе тяглы (изъ коихъ, въ самомъ [illegible]дѣ, истинно болѣе отъ работника не требуется, какъ только, чтобъ въ цѣлую недѣлю на господина отработалъ два дня (sic!), [illegible] на нихъ остается еще четыре, но и то почитаютъ они за тяжелое, чего-де въ Польшѣ уже нѣтъ, а знаютъ-де только заплатить за грунтъ и панскую работу, а впрочемъ-де я во всемъ [illegible]ошъ, и какъ вино, такъ и соль имѣемъ дешевыя». Вотъ что́ [illegible]ежно крестьянина въ Польшу, гдѣ онъ нерѣдко даже отступался отъ православной вѣры и, бросивъ на родинѣ жену и [illegible]дей, вѣнчался въ костёлѣ съ другой женщиною, тоже бѣглою. [illegible]ужика посылали чинить форпосты, а онъ, пользуясь случаемъ,

Digitized by Google

перебѣгалъ границу и навѣки освобождался отъ этой ненавистной работы. Набирали въ пограничныхъ селеніяхъ рекрутъ и, по свидѣтельству того же пусторжевскаго наказа, лишь одна десятая часть ихъ поступала въ армію, девять-десятыхъ немедленно исчезали за польскую границу. Отыскавъ себѣ пріютъ въ имѣніи какого-нибудь пана, бѣглецы возвращались домой, забирали свои семейства и снова уходили. Нерѣдко они являлись цѣлыми партіями, грабили, убивали бывшихъ своихъ господъ, жгли усадьбы. Цѣлыя деревни пустѣли. Смоленскій наказъ разсчитываетъ, что одна смоленская губернія выслала въ Польшу болѣе 50.000 душъ обоего пола. Такое повальное, эпидемическое бѣгство разоряло дворянство въ конецъ. Горсть оставшихся въ имѣніи крестьянъ должна была отбывать подати и служить службы и за себя, и за своихъ бѣжавшихъ собратій, значившихся по послѣдней ревизіи; тягости эти, располагаясь на меньшее число душъ, были невыносимы, и это часто побуждало къ бѣгству всѣхъ, до одного. Земледѣліе было въ самомъ жалкомъ положеніи, голодъ и нужда порождали разбои, и помѣщики вынуждены были, въ видахъ безопасности, держать громадную дворню, отвлекая тѣмъ множество силъ отъ сохи.

Правительство не принимало энергическихъ мѣръ для удержанія бѣглецовъ. Форпосты на польскихъ границахъ были расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга и плохо снабжены людьми.

Доставать бѣглыхъ изъ Польши было почти невозможно: помѣщикъ, схватившись бѣглецовъ, спѣшилъ послать за ними погоню. Но переходъ чрезъ границу безъ паспорта отъ пограничнаго коммиссара былъ строжайше запрещенъ, добыть же такой паспортъ было подчасъ нелегко, а главное—требовало нѣкотораго времени, въ теченіе котораго бѣглецъ успѣвалъ уже водвориться и пристроиться въ имѣніи какого-нибудь шляхтича. Къ тому же, посланные въ погоню крестьяне частехонько сами превращались въ такихъ же бѣглецовъ. Видя, какъ быстро пустѣютъ деревни, трепеща за свою жизнь, дворяне, наконецъ, приходили къ убѣжденію, что надо пробовать «домогаться бѣглецовъ ласковымъ вызывомъ», вступали съ ними въ переговоры, обѣщая льготы, и это иногда удавалось, конечно, не безъ ущерба помѣщичьей власти.

Иногда они за большія деньги выкупали бѣглыхъ у польскихъ пановъ, но это средство было доступно лишь для очень богатыхъ. Правительство, съ своей стороны, для привлеченія бѣглыхъ на родину издало въ 1763 г. манифестъ, которымъ вызы-

Digitized by Google

вало всѣхъ, бѣжавшихъ въ Польшу до 1762 г., на родину, предоставляя имъ селиться въ дворцовыхъ волостяхъ. Этимъ воспользовались не только люди, дѣйствительно укрывавшіеся въ Польшѣ до 1762 г., но и помѣщичьи крестьяне, желавшіе перемѣнить свою долю на болѣе счастливую долю дворцовыхъ крестьянъ. Вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста они являлись въ дворцовыя канцеляріи, сказываясь бѣжавшими въ Польшу до 1762 г. Имъ вѣрили на слово, селили въ дворцовыхъ волостяхъ близъ границы. Они подбивали другихъ помѣщичьихъ крестьянъ слѣдовать ихъ примѣру, укрывали разбойниковъ, вообще сѣяли вездѣ смуту. Поэтому наказы возстаютъ громко противъ манифеста и ходатайствуютъ, чтобы дворцовыя канцеляріи, по крайней мѣрѣ, наводили точныя справки, когда именно явившіеся бѣглецы бѣжали и, въ случаѣ ложности ихъ показаній, возвращали назадъ помѣщикамъ; ходатайствуютъ и о томъ, чтобы возвращенныхъ изъ Польши бѣглыхъ селили подальше отъ границъ и тѣмъ уничтожили ихъ зловредное вліяніе на сосѣдей. Указывая правительству на печальные результаты рекрутскихъ наборовъ, пограничные съ Польшею уѣзды просятъ о замѣнѣ натуральной рекрутской повинности денежною платою въ 120 р. съ рекрута. Въ случаѣ же, если помѣщикъ найдетъ для себя выгоднымъ отдать рекрута натурой, отсылать такого немедленно подальше на востокъ, въ Сибирь или Оренбургъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ мѣръ, которыя, по мнѣнію дворянства, правительство должно, въ видахъ государственной пользы, принять противъ побѣговъ:

1) Границы должны быть лучше укрѣплены. Пусторжевскій наказъ прилагаетъ даже профилевый чертежъ двойного рва и вала, которые бы на будущее время препятствовали переходу черезъ границу съ телѣгами и скотомъ. Пограничная стража должна быть значительно усилена.

2) Переѣздъ изъ Россіи въ Польшу для поимки бѣглыхъ долженъ быть свободенъ.

3) Въ Эстляндіи, Лифляндіи и Финляндіи правительство должно было тщательно обревизовать всѣ мызы. Хотя границы со стороны этихъ провинцій были открыты, помѣщики не могли сами снаряжать погони за бѣглыми по незнанію языка.

Большинству дворянства дѣйствующіе законы о держаніи бѣглыхъ внутри Россіи кажутся слишкомъ мягкими. Нѣкоторые наказы московской губерніи предлагаютъ жестоко наказывать тѣлесно *всѣхъ* домохозяевъ деревни, пріютившей бѣглеца, ссылать помѣщика-укрывателя на каторгу или поселеніе, а помѣщика штрафовать тяжелой денежной пеней за каждую укрытую душу.

Digitized by Google

Сѣверныя губерніи считаютъ болѣе дѣйствительною мѣрою повышеніе платы за укрывательство бѣглыхъ крестьянами, до 100 и 200 р., такъ какъ помѣщики нерѣдко подговаривали своихъ крѣпостныхъ къ пріему бѣглыхъ, за держаніе коихъ *безъ вѣдома барина* платилось по закону всего 5 р. Такимъ образомъ крестьянинъ являлся лицомъ подставнымъ, услугами бѣглеца пользовался баринъ. Законъ, отмѣнившій пытку и пристрастные разспросы въ низшихъ инстанціяхъ, вызываетъ протестъ въ шести наказахъ (верейскомъ, судиславскомъ, крапивинскомъ, суздальскомъ, бѣлозерскомъ и чухломскомъ). «Подлый» народъ этимъ закономъ поощряется къ убіенію помѣщиковъ и помѣщицъ, зная, что въ случаѣ сознанія не будетъ истязуемъ, а лишь сосланъ. А ссылку и рекрутство мужикъ предпочитаетъ холопству, говорится въ коломенскомъ и вяземскомъ наказѣ. Эти наказы повѣствуютъ о томъ, какъ дворовые люди нарочно корчемничали, чтобы попасть въ солдаты, сдѣлаться вольными и, дослужась до оберъ-офицерскаго чина, сравняться съ бывшими своими господами.

Законы, дававшіе помѣщикамъ власть ссылать на поселеніе крестьянъ, имъ неугодныхъ, или забривать имъ лобъ, не вызываетъ, напротивъ, ни одного протеста. Дворянство старается еще увеличить для себя выгоду этого закона, домогаясь, чтобы впредь подобные люди, которыми помѣщикъ какъ-бы жертвуетъ въ пользу казны, исключались немедленно изъ платежа подушнаго оклада.

Рузскій наказъ жалуется на громадное число праздныхъ дней, поощряющихъ лѣность и безъ того лѣниваго мужичья, и ради преуспѣянія земледѣлія ходатайствуетъ объ ихъ сокращеніи.

Поземельные и хозяйственные вопросы, около которыхъ вертѣлись, главнымъ образомъ, дворянскіе интересы, занимаютъ самое видное мѣсто въ наказахъ, развиваются съ наибольшею подробностью. Изъ указаній, въ нихъ встрѣчаемыхъ, мы можемъ вывести не особенно благопріятное заключеніе о состояніи земледѣлія въ тогдашней средней и сѣверной Россіи. Большинство уѣздовъ жалуется на частые неурожаи хлѣба и проситъ объ учрежденіи казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Масса помѣщиковъ представляется весьма бѣдной, и этимъ объясняется та горячая настойчивость, съ которой большинство наказовъ добивается сложенія ничтожнаго рублеваго оклада съ бань. Причину своей бѣдности дворянство видитъ въ маловемельности, въ размноженіи дворянскихъ фамилій, вслѣдствіе наплыва помѣщиковъ оберъ-офицеровъ. Слышатся просьбы о сводѣ однодворцевъ въ Украйну и о предоставленіи ихъ земель дворянамъ. Между тѣмъ данныя,

Digitized by Google

представляемыя воротынскимъ и лихвинскимъ наказами, для приблизительнаго опредѣленія средней урожайности земли, показываютъ намъ, что почва тогда была далеко не такъ истощена, какъ теперь въ нашихъ среднихъ не-черноземныхъ мѣстностяхъ. На удобренной десятинѣ пожиналось до 30 копенъ, изъ коихъ выколачивалось до 15-ти четвертей ржи. Губерніи: новгородская, петербургская, архангельская и смоленская представляли уже тогда совершенно безплодную почву; народъ ѣлъ березовую кору и траву. Неурожаи были явленіемъ хроническимъ. Но главную причину бѣдности большинства нашего мелкопомѣстнаго дворянства, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, искать съ одной стороны въ абсентеизмѣ, такъ какъ лучшія силы уходили на государственную службу, съ другой — въ крѣпостномъ правѣ и нераціональномъ веденіи хозяйства.

Дворянство, отчасти, само это сознавало. Рузскій наказъ видитъ въ нѣмецкихъ колонистахъ, поселенныхъ Екатериной, благодѣтелей и учителей русскаго народа, особенно по части скотоводства. Нѣкоторые наказы думаютъ поручить новымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія надзоръ за земледѣліемъ, напоминаніе помѣщикамъ и приказчикамъ, чтобы земля не лежала у нихъ пустѣ, ознакомленіе землевладѣльцевъ съ новыми агрономическими усовершенствованіями и открытіями. Дмитровскій наказъ видитъ большое зло въ обычаѣ помѣщиковъ содержать многочисленную дворню и отвлекать производительную силу отъ обработки земли. Быстрое истребленіе лѣсовъ отъ безтолковыхъ порубокъ составляетъ предметъ тревогъ и заботъ, выраженныхъ во всѣхъ наказахъ. Всѣ они испещрены просьбами о принятіи мѣръ для охраненія лѣсовъ.

Нѣкоторые изъ сѣверныхъ наказовъ просятъ объ отмѣнѣ Петровскаго закона, по которому казна и всѣ лица для государственныхъ потребностей могли рубить во всѣхъ лѣсахъ всякое дерево, не платя ничего владѣльцу лѣса. Подрядчики сильно злоупотребляли этимъ правомъ.

Вообще, ограниченія права пользованія, введенныя въ такихъ громадныхъ размѣрахъ Петромъ, не церемонившимся съ частною собственностью, когда дѣло шло о государственныхъ интересахъ, не могли не вызвать протеста въ дворянствѣ.

Устюжскій наказъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи всякому дворянину разработывать въ своемъ имѣніи руды и минералы, не записываясь въ берг-коллегію.

Повсемѣстный кредитъ, развитіе котораго впослѣдствіи разорило многое дворянство, но который въ болѣе культурномъ обще-

Digitized by Google

ствѣ могъ бы служить могучимъ средствомъ для сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій, не существовалъ тогда вовсе въ провинціи. Въ Петербургѣ и Москвѣ были банки, но они не выдавали ссудъ менѣе 100 р. с., да и отдаленность ихъ мѣшала провинціальному дворянству ими пользоваться. Нѣсколько наказовъ ходатайствуютъ объ основаніи провинціальныхъ банковъ.

Любимая барская забава — охота, этотъ бичъ земледѣльца, не была стѣснена никакими законами: дикая толпа сосѣда-помѣщика съ псарями и собаками не щадила полей. Нѣкоторые наказы горько на это жалуются и просятъ объ изданіи охотничьихъ правилъ.

Наказы сочинялись въ то самое время, когда въ московской губерніи начало приводиться въ исполненіе генеральное межеваніе. Наказы въ одинъ голосъ благодарятъ «милосердую мать и монархиню» за это величайшее благодѣяніе ея царствованія. И не удивительно, что такимъ являлось генеральное межеваніе въ глазахъ нашихъ предковъ. Оно сулило вывести поземельныя отношенія изъ непроходимаго, дикаго хаоса, сложившагося въ теченіи долгаго времени, отравлявшаго существованіе провинціальнаго дворянства, поддерживавшаго въ немъ дикость и самоуправство. Наказы рисуютъ этотъ хаосъ яркими красками. Межи повсемѣстно были запаханы, межевые столбы свалены. Кто былъ посильнѣе, пахалъ, не стѣсняясь правами сосѣда, и подкрѣплялъ свое насиліе толпою вооруженныхъ людей. Драки, увѣчья, убійства были случаями, ежедневно повторявшимися между сосѣдями. Дѣлами о насильственномъ завладѣніи были завалены всѣ присутственныя мѣста, но эти дѣла грозили заваляться и сгнить нерѣшенными,—таковы были тогдашніе судебные порядки.

Посреди всеобщаго насилія и безправія, межевщикъ являлся благодѣтелемъ, ангеломъ-миротворцемъ. «Когда дойдетъ до насъ межеваніе?» вздыхаютъ болѣе отдаленные уѣзды, и изыскиваютъ средства, чтобы приблизить эту блаженную минуту.

Большинство наказовъ недовольно межевою инструкціею лишь въ одномъ отношеніи: по этой инструкціи общія, чрезполосныя владѣнія нѣсколькихъ помѣщиковъ въ одномъ селеніи, а также общіе лѣса, въ которыхъ нѣсколько владѣльцевъ пользовались правомъ добывать дрова и строевой лѣсъ, не подлежали внутреннему размежеванію казенными межевщиками. Послѣдніе должны были лишь обвести селеніе или лѣсную дачу общею, окружною межею, предоставляя затѣмъ желающимъ владѣльцамъ разводиться полюбовно, «на своемъ коштѣ». Между тѣмъ, какъ видно изъ наказовъ, именно въ этихъ-то въѣзжихъ лѣсахъ и

Digitized by Google

общихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ селеніяхъ безурядица и ожесточенность сосѣдскихъ столкновеній достигали высшей степени. Какое-нибудь село было, напримѣръ, подѣлено между четырьмя владѣльцами; лѣсъ и луга у нихъ были общіе, неразмежеванные. Одинъ изъ нихъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣльцемъ другого, сосѣдняго, большого и плотно населеннаго имѣнія. Онъ и являлся тираномъ своихъ бѣдныхъ и малоземельныхъ совладѣльцевъ: наѣзжая съ толпою своихъ крестьянъ въ общій лѣсъ, вырубалъ лучшія деревья или расчищалъ себѣ мѣсто подъ пашню, косилъ на лучшихъ мѣстахъ, запружалъ общую рѣчку своими мельницами, отрѣзывалъ другихъ отъ общаго водопоя.

Нерѣдко такой большой баринъ находилъ выгоднымъ пріобрѣсть хоть полъ-десятины въ чрезполосномъ владѣніи или въѣзжемъ лѣсу, чтобъ только имѣть поводъ запустить туда свою сильную лапу. Управы на него не было, и мелкое дворянство съ ужасомъ видѣло, что и межеваніе не избавитъ его отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ чрезполоснымъ владѣніемъ и въѣзжими лѣсами.

Хорошо было правительству толковать о полюбовномъ разводѣ; тирану-совладѣльцу не выгодно было стѣснить себя межами. При нераздѣльномъ владѣніи ему было раздолье. Принудить его къ участію въ нанятіи межевщика было невозможно, а нанять его на свой коштъ было не подъ силу мелкопомѣстнымъ, вдовамъ, сиротамъ. Вотъ почему въ наказахъ слышатся слёзныя мольбы, чтобы правительство занялось и внутреннимъ размежеваніемъ. Нѣкоторые наказы предлагаютъ, по крайней мѣрѣ на будущее время, избѣгнуть чрезполоснаго владѣнія запрещеніемъ дробить деревни между дѣтьми-наслѣдниками и продавать мелкими участками.

Какъ ни благодѣтельно было генеральное межеваніе, оно одно было, однако, не въ силахъ кореннымъ образомъ измѣнить весь строй провинціальной жизни. А весь этотъ строй, и судебная процедура, и порядокъ циркуляціи недвижимыхъ имѣній, и правительственная централизація — всё вело къ тому, чтобы увѣковѣчить безурядицу и кулачное право въ средѣ провинціальнаго дворянскаго общества. Межеваніе должно было, правда, опредѣлить, что̀ кому принадлежитъ; но уничтожить наклонность къ завладѣнію чужимъ, искоренить насиліе, оно не могло при тогдашнихъ порядкахъ провинціальнаго управленія. При тогдашнихъ способахъ продажи и покупки имѣній — неопредѣленность, необезпеченность владѣнія снова угрожала нашему дворянству. Жалобы подробно описываютъ рядъ мытарствъ, черезъ которыя

Digitized by Google

долженъ былъ пройти русскій провинціальный дворянинъ, чтобы вступить во владѣніе имѣніемъ, доставшимся ему по купчей, по закладной или по наслѣдству. Если цѣнность имѣнія превышала 100 р., крѣпости, а равно и закладной нельзя уже было писать въ приписномъ городѣ. Покупатель долженъ былъ отправляться въ канцелярію провинціальную и, написавъ тамъ крѣпость, явить ее къ запискѣ и справить въ Москвѣ или Петербургѣ, въ вотчинной коллегіи, гдѣ хранились документы, планы, межевыя и писцовыя книги всѣхъ земель обширнаго русскаго государства, безъ справокъ съ которыми, безъ записки въ которыя ни одно имѣніе, даже самое грошовое, не могло перейти изъ рукъ въ руки.

Дороги, особенно весною и осенью, были почти непроѣзжны. Разстоянія между городами россійской имперіи громадны. Оставляя свое хозяйство, тратясь на путешествіе, помѣщикъ наконецъ кое-какъ добирался до Москвы. Тутъ только начинались его мученія. Вотчинная коллегія была завалена просьбами о справкѣ по наслѣдствамъ, купчимъ и закладнымъ. «Богоненавистное лихоимство и проклятое лакомство», съ которымъ безуспѣшно боролись и законодательство, и литература, обрекали бѣднаго просителя на долгія ожиданія въ канцеляріяхъ, на долгое, скучное и дорогое прожитье въ столицѣ. Случалось нерѣдко, что и все-то имѣніе, счастливымъ обладателемъ котораго онъ наконецъ возвращался домой, не стóило столько, сколько обошлась ему церемонія вступленія во владѣніе.

Умирала старая тетка, отказавъ племяннику 10 душъ съ двумя десятинами въ чрезполосномъ владѣніи. И изъ-за нихъ приходилось тащиться въ Москву. Игра положительно не стóила свѣчъ. Понятно, что счастливый наслѣдникъ не рѣдко de facto вступалъ во владѣніе имѣніемъ, не скрѣпивъ его за собою въ вотчинной коллегіи или скрѣпивъ его черезъ десятокъ лѣтъ. Нерѣдко также имѣніе проходило черезъ девять рукъ, прежде чѣмъ попадало для записки въ вотчинной коллегіи на имя десятаго владѣльца, которому тогда приходилось расхлебывать тяжелую, неудобоваримую кашу, заваренную весьма извинительною небрежностью девяти предшественниковъ. Наказы упоминаютъ о томъ, какъ пользовались этимъ порядкомъ вещей недобросовѣстные, ловкіе люди. Разорившійся помѣщикъ продавалъ имѣніе, чтобы поправить дѣла; писалъ купчую въ провинціальномъ городѣ, получалъ по ней деньги. Затѣмъ, зная, что покупщикъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не можетъ скоро ѣхать въ столицу для справки за собою купленнаго имѣнія, онъ продавалъ то же имѣніе

Digitized by Google

другому лицу, которое, поспѣшивъ въ Москву, записавъ имѣніе въ вотчинной коллегіи, дѣлалось по всѣмъ правамъ его законнымъ обладателемъ.

Терпѣлъ отъ этихъ порядковъ дворянинъ-помѣщикъ, терпѣла въ концѣ-концовъ и казна. Чтобы не тащиться ради купчей въ провинціальный городъ, покупщикъ нерѣдко утаивалъ, согласясь съ продавцомъ, дѣйствительную цѣнность имѣнія и тѣмъ лишалъ казну части пошлинъ. Избѣгая хлопотъ въ вотчинной коллегіи, онъ владѣлъ иногда преблагополучно всю жизнь, не заплативъ за нее ни гроша. Жалобы на такую централизацію вотчинныхъ архивовъ и дѣлъ повторяются въ наказахъ на каждомъ шагу. Дворянство ходатайствуетъ, чтобы хоть новые планы и дачи, результаты послѣдняго межеванія, были разосланы по городамъ и составили мѣстные архивы для справокъ по наслѣдствамъ, купчимъ и закладнымъ; проситъ, чтобы въ уѣздныхъ городахъ дозволено было писать купчія и закладныя свыше ста рублей. Это являлось необходимымъ для облегченія циркуляціи земель, для избавленія отъ тяжелыхъ поѣздокъ по невозможнымъ дорогамъ.

Еще болѣе сложными, запутанными и подававшими поводъ къ злоупотребленіямъ являются, по наказамъ, судоустройство и судопроизводство, основанныя на указѣ Петра 1723 года «о формѣ суда». Они прямо отрѣзывали всѣ пути къ настоящему правосудію, поддерживали насиліе, обезпечивали его отъ наказанія. Все управленіе, между прочимъ и судъ, сосредоточивалось въ административныхъ мѣстахъ: воеводскихъ, провинціальныхъ, губернскихъ канцеляріяхъ. Персоналъ этихъ присутственныхъ мѣстъ назначался сенатомъ, бо́льшею частью изъ лицъ, не имѣвшихъ никакой связи съ данною мѣстностью. Ближайшимъ центромъ уѣзднаго управленія была воеводская канцелярія. Въ ней вершились всякія дѣла, начиная съ уголовныхъ (розыскныхъ, разбойныхъ), кончая гражданскимъ искомъ въ рубль, дракою, порубкою луга, похищеніемъ шапки и пары лаптей между крестьянами. Обиліе дѣлъ въ канцеляріи, штрафъ, угрожавшій по закону судьѣ за неправое рѣшеніе, наводили ужасъ на воеводъ, и они видѣли одинъ исходъ своихъ бѣдствій — откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Тяжба между сосѣдями о перекосѣ тянулась иногда 10, 20 лѣтъ. Самое веденіе процессовъ было весьма затруднительно. Какъ бы ничтоженъ ни былъ искъ, надлежало подать челобитную и заплатить за нее пошлину въ 3 р. с. Въ челобитныхъ дѣло излагалось весьма лаконически, къ нимъ не прилагалось документовъ, которые на мѣстахъ до суда не чинили. Все сводилось на очень краткое судоговореніе, препирательство между истцомъ и отвѣтчи-

Digitized by Google

комъ въ присутственномъ мѣстѣ, и потому стряпчій (ябедникъ) являлся неизбѣжнымъ посредникомъ между сторонами и судьею. Его изворотливымъ языкомъ и взятками въ сущности велись всѣ дѣла. Дозваться къ суду отвѣтчика было не легко. Сроковъ для явки положено не было. Чтобы принудить его къ появленію, канцелярія приказывала ловить его крестьянъ и сажать въ желѣза. Но это не помогало, если по разсчету обидчика оказывалось, что цѣнность захваченнаго чужого добра превышала цѣнность работы, которую могли бы сдѣлать его арестованные крестьяне, а они между тѣмъ кормились на счетъ истца. Тотъ, выведенный изъ терпѣнія, иногда спѣшилъ бросить хлопотливое дѣло о давно проданной копнѣ хлѣба или давно съѣденномъ стогѣ сѣна. Если даже процессъ приходилъ къ благополучному окончанію, онъ выигрывалъ немного: обидчикъ платилъ за хлѣбъ, лѣсъ и сѣно по оцѣнкѣ, установленной уложеніемъ Алексѣя Михайловича, по цѣнамъ, нормальнымъ въ 1649 г., и поднявшимся съ тѣхъ поръ значительно. На дѣлѣ выходило, что онъ пріобрѣлъ за 2 рубля то, что стоило на рынкѣ 6 — и хвасталъ дешевой покупкой. Оттого насильственныя завладѣнія совершались ежедневно и носили характеръ разбойничьихъ набѣговъ; оттого обиженные находили для себя наиболѣе выгоднымъ платить окомъ за око, зубомъ за зубъ. А надѣяться на то, что высшія инстанціи поправятъ по аппеляціонной жалобѣ ошибки низшихъ, было по меньшей мѣрѣ наивно. Инстанцій по аппеляціямъ было пять: уѣздная канцелярія, провинціальная, губернская, юстицъ-коллегія и, наконецъ, сенатъ. Всѣ инстанціи были завалены кучею кляузныхъ дѣлъ, вездѣ царили «богоненавистное лихоимство и проклятое лакомство», вездѣ ябедникъ ворочалъ дѣлами.

Дурные, обветшалые судебные порядки заставляли всюду предпочитать кулачное право, кодексъ котораго былъ, по крайней мѣрѣ, простъ и дешевъ, ибо мѣсто судебныхъ издержекъ заступали выбитые крестьянскіе зубы, выдранныя крестьянскія бороды. Дмитровскій наказъ такъ характеризуетъ состояніе провинцій: «нужды и недостатки дворянства дмитровскаго уѣзда по большей части состоятъ въ непрекращаемыхъ нынѣ долговременныхъ ссорахъ и насильственныхъ поступкахъ крестьянъ разныхъ владѣльцевъ; часто одни у другихъ луга покосятъ, лѣсъ порубятъ, другъ дружку ограбятъ отнятіемъ косъ, топоровъ и прочаго подобнаго, однимъ словомъ,—кто кого сильнѣй, тотъ того и притѣсняетъ; потому что производимый въ такихъ случаяхъ судъ по приносимымъ жалобамъ есть обрядъ весьма продолжительный и, можно сказать, безконечный, по причинѣ разныхъ

Digitized by Google

письменныхъ производствъ и переноса дѣла во многія высшія правительства, изъ одного въ другое, тѣмъ паче, что большая часть такихъ обидъ не составляетъ великой суммы; слѣдовательно, слабый сильному всегда лучше уступитъ, нежели начать долгопродолжительное и для себя разорительное дѣло; не всякій же время и случай въ произведеніе тяжбъ имѣетъ, ниже людей удобныхъ къ тому.

«Всѣ вышеписанныя обстоятельства иногда причиняютъ драки, кровопролитія и смертныя убійства. Помѣщики или приказчики ихъ, не хотя видѣть себя обиженными, или иногда, чиня сами насиліе противящимся хозяевамъ, заводятъ обоюдно убыточныя и вредныя драки, отъ которыхъ происходятъ разныя для общества отяготительныя дрязги и безпорядки; ибо мужики, привыкнувъ видѣть себя побѣдителями, распространяютъ свое насиліе и противъ другихъ своихъ сосѣдей, что не токмо нарушаетъ спокойствіе сельскихъ жителей, но и весьма много препятствуетъ добрымъ успѣхамъ земледѣлія; сверхъ того, дурная сія привычка—одерживать верхъ насильствомъ, столько между крестьянствомъ вкоренилась, что и отъ государственныхъ правительствъ отправленные разные чиновные люди и солдаты претерпѣваютъ иногда сопротивленіе отъ мужиковъ, угрозы, нападенія и драки».

Уѣздная полиція также состояла въ вѣдѣніи воеводскихъ канцелярій. Органами ея являлись сотскіе и десятскіе, избранные крестьянами. Безграмотные, служившіе безвозмездно, несшіе свои полицейскія обязанности, какъ тягость, они плохо ловили разбойниковъ, на обиліе которыхъ жалуется большинство наказовъ. Многіе изъ нихъ ходатайствуютъ поэтому о возобновленіи пытокъ, и судиславское дворянство, вообще весьма дикое, прибавляетъ даже: «если кто изъ дворянъ въ таковыхъ же богопротивныхъ дѣлахъ приличится, съ тѣми повелѣно было-бъ тожъ учинить, какъ и съ сущими злодѣями».

Итакъ, воеводское управленіе, «судебная волокита» и «проклятое лакомство» до-нельзя отягощали дворянство. Но наказы не ограничиваются жалобами и плаксивыми іереміадами объ утѣсненіи слабыхъ сильными, бѣдныхъ богатыми, о лицепріятіи судей, о продолжительности судебной процедуры; всѣ они предлагаютъ весьма дѣйствительное средство къ устраненію зла, всѣ они видятъ это средство въ замѣнѣ, хотя бы въ низшихъ инстанціяхъ, административно-канцелярскихъ порядковъ *мѣстнымъ дворянскимъ самоуправленіемъ*. Ненависть къ бюрократической тираніи особенно рѣзко высказывается въ тульскомъ наказѣ: «подражая неизмѣнно всеобщей пользѣ, находило бы тульское дворянство,

Digitized by Google

для своего удовольствія и истиннаго правосудія, основать форму правленія такимъ образомъ, если оное не въ противность высочайшимъ желаніямъ ея императорскому величеству. Самое первѣйшее и необходимо всеусердно желаемое наше прошеніе, чтобы въ городѣ градоначальники избираемы были всемѣрно тѣмъ же порядкомъ, какъ и нынѣ мы усмотрѣли при выборѣ предводителей и депутатовъ, къ чему даже и до церковнаго дьячка и кабацкой головы, безъ одобренія честныхъ людей, никто допущенъ не бываетъ, кромѣ дворянства, которое всякое правленіе, на него наложенное, съ крайнимъ огорченіемъ сносить принуждено было... Тотъ, который управляетъ уѣздомъ нынѣ, и того градоначальника съ его товарищи не безполезно будетъ отъ Ея Императорскаго Величества высочайшей власти назвать не воеводой, а нижніе чины не подъячими, дабы чрезъ то, не только удержать всякаго градоначальника въ своей незазорной поступи, но и память многихъ въ семъ званіи нарушителей благоденствія загладить».

Планы мѣстнаго самоуправленія, начертанные наказами, разнятся между собой въ подробностяхъ, въ названіи и числѣ должностныхъ лицъ, въ опредѣленіи границъ ихъ власти; но не будемъ останавливаться на этихъ незначительныхъ варьяціяхъ, остановимся лишь на тэмѣ общей всѣмъ. Дворянство стремится прежде всего выдти изъ своей разъединенности, раздробленности и сплотиться въ *корпорацію*, въ *дворянское общество*. Наказы предлагаютъ, чтобы съ этою цѣлью каждый дворянинъ точно опредѣлилъ, по какому уѣзду онъ хочетъ числиться для дворянскихъ съѣздовъ и выборовъ: «дабы чрезъ сіе учрежденіе разсѣянное по всему государству дворянство могло по уѣздамъ общество дворянское составить» (михайловскій наказъ). Такимъ образомъ составленное дворянское общество съѣзжается въ опредѣленные сроки въ уѣздный городъ и избираетъ изъ своей среды предводителей, уѣздныхъ и земскихъ судей, уѣздныхъ опекуновъ, ландратовъ, коммиссаровъ и проч. Все это—разные титулы, даваемые разными наказами органамъ мѣстнаго дворянскаго самоуправленія. Какъ мы уже говорили, титулы эти и связанныя съ ними понятія весьма разнообразны, но только въ подробностяхъ. Въ однихъ наказахъ встрѣчаемъ ландратовъ и имъ подчиненныхъ коммиссаровъ, въ другихъ земскій судъ, составленный изъ предводителя и нѣсколькихъ засѣдателей и т. д. Кругъ дѣятельности этихъ лицъ также очерченъ въ разныхъ наказахъ болѣе или менѣе узко или широко: въ однихъ имъ подсудны лишь самые малые словесные иски, въ другихъ болѣе крупные пись-

Digitized by Google

ленные. Въ однихъ ихъ приговоръ подчиненъ лишь кассаціи сената, въ другихъ—провинціальныхъ и даже воеводскихъ канцелярій, по отношенію къ которымъ они являются лишь низшей инстанціей, и т. д. Словомъ, детали весьма разнообразны. Но общія, основныя черты этихъ должностныхъ лицъ выступаютъ весьма ярко и рельефно изъ-подъ массы частныхъ.

1. Всѣ эти лица—*выборные* отъ дворянскихъ съѣздовъ на извѣстное, опредѣленное время.

2. Всѣ они, по окончаніи своей должности, подлежатъ отчетливости и отчетности передъ избирателями, которые карали ихъ то нравственно, то матеріально за недобросовѣстное исполненіе обязанностей.

3. Ихъ главное назначеніе: а) доставлять *скорый*, преимущественно словесный судъ, скорую расправу въ небольшихъ гражданскихъ дѣлахъ, съ *осмотромъ и свидѣтельствомъ на мѣстахъ* по производства суда, безъ канцелярскихъ крючкотворствъ. Принадлежность ихъ къ данной мѣстности, знакомство съ мѣстными условіями даютъ имъ возможность выполнить эту задачу; б) посредничество между администраціей и мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ: сопровожденіе военныхъ командъ и огражденіе жителей отъ насилія солдатъ, устройство путей сообщенія, т.-е. раскладка денежной и натуральной дорожной повинности; ходатайство за дворянъ, имѣющихъ дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ провинціальныхъ и отчасти столичныхъ; в) мѣстная полиція (ловля разбойниковъ, искорененіе корчемства) и слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ, которыя затѣмъ переходятъ въ руки воеводъ; въ этой области дворянскимъ должностнымъ лицамъ подчинены избранные изъ крестьянъ сотскіе и десятскіе; г) охраненіе и возстановленіе межевыхъ знаковъ во избѣжаніе новыхъ земельныхъ тяжбъ; д) нѣкоторые наказы поручаютъ органамъ дворянскаго самоуправленія и учрежденіе опеки надъ малолѣтними и слабоумными лицами своего сословія.

4. Власти этихъ органовъ дворянскаго мѣстнаго самоуправленія подчинено живущее въ уѣздѣ дворянство и крестьянство, не исключая крестьянъ дворцовыхъ и экономическихъ. (Города составляли особыя общины, и дворянство съ завистью смотрѣло на словесный судъ въ магистратахъ и ратушахъ).

Многіе наказы выражаютъ желаніе ввести выборное начало и въ низшія административныя инстанціи, и ходатайствуютъ о замѣнѣ воеводъ, назначаемыхъ сенатомъ, градоначальниками, избираемыми изъ мѣстнаго дворянства.

Digitized by Google

Таковъ, между прочимъ, смыслъ приведенныхъ нами словъ тульскаго наказа.

Кругъ дѣятельности выборныхъ градоначальниковъ долженъ былъ остаться такимъ же, какъ кругъ дѣятельности сенатскихъ воеводъ. Но власть ихъ должна была быть временной и подчиненной контролю дворянскихъ съѣздовъ, которые могли бы ихъ смѣнить за недобросовѣстность въ исправленіи обязанностей, а особенно за лихоимство [1]).

Какъ горячо ни ратовало дворянство за введеніе мѣстнаго самоуправленія—участіе въ немъ, служба по выборамъ — представлялись ему далеко не забавнымъ занятіемъ, скорѣе, напротивъ, тягостью, которую можно было взять на себя лишь подъ условіемъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Дальнія разстоянія, дурныя дороги дѣлали разъѣзды по должности крайне дорогими и утомительными. Оттого всѣ наказы опредѣляютъ выбраннымъ предводителямъ, судьямъ, опекунамъ, коммиссарамъ болѣе или менѣе значительный гонораръ. Только передъ ярославскимъ дворянствомъ, и какъ намъ сдается, преимущественно передъ княземъ Щербатовымъ, носится образъ англійскаго лорда. Наказъ приводитъ длинный рядъ почестей, долженствующихъ выпасть на долю становыхъ коммиссаровъ: «понеже сія, на нихъ наложенная должность, учинится весьма многотрудна, того ради, не повелѣно ли будетъ пожаловать ихъ нижеслѣдующими привилегіями: 1) чтобы могли имѣть честь именоваться подъ протекціею ея императорскаго величества, яко люди, служащіе безъ жалованья, для наблюденія спокойства и благополучія общества; 2) чтобы ни за какимъ дѣломъ и ни по какому дѣлу, окромѣ оскорбленія величества, во время бытности ихъ въ коммиссарствѣ отлучены быть не могли; 3) чтобы, если кто ихъ убьетъ или чѣмъ обидитъ, за то двоякимъ штрафомъ противъ ихъ чиновъ былъ штрафованъ; 4) чтобы всякое судебное мѣсто правительства, на предложеніе коммиссара уѣзднаго или станового, принуждено было подъ опасеніемъ штрафа, съ полученія его предложенія, не далѣе, какъ чрезъ мѣсяцъ, отвѣтствовать и слѣдствіе начать; 5) чтобы оный коммиссаръ нигдѣ, окромѣ собранія дворянскаго, по дѣламъ его коммиссарства подсуденъ не былъ».

[1]) Для характеристики тогдашнихъ бюрократическихъ нравовъ и обычаевъ очень любопытно замѣчаніе нѣкоторыхъ наказовъ о воеводскихъ секретаряхъ. По мнѣнію этихъ наказовъ, ихъ слѣдуетъ назначать изъ лицъ, не имѣющихъ офицерскаго ранга, ибо тогда воевода, не стѣсняясь, можетъ штрафовать нерадиваго помощника палкою и сажать въ желѣза. А это conditio sine qua non секретарскаго усердія.

Digitized by Google

Дмитровскій наказъ также высказываетъ мнѣніе, что какъ предводитель, такъ и земскіе судьи должны служить обществу безъ всякаго возмездія: «изъ одного любочестія и для общественной пользы». Но онъ опредѣляетъ каждому судьѣ 300 р. въ годъ для содержанія писца, лошадей и для разъѣздовъ.

Наказы предвидятъ, что уѣздное дворянство будетъ уклоняться даже отъ обязанности посѣщать дворянскіе съѣзды и рекомендуетъ разныя мѣры для привлеченія ихъ къ общественной дѣятельности. Одни просятъ правительство награждать мѣстныхъ дѣятелей чинами за хорошую службу. Другіе измышляютъ каратальныя мѣры за непосѣщеніе выборовъ и уклоненіе отъ назначенія въ должности. Кашинскій наказъ, напримѣръ, выражается такъ:

«Изъ множества дворянъ, можетъ быть, впредь случатся и такіе нерадивые, кои станутъ отговариваться отъ должности и отъ пріѣзда въ собраніе разными отговорками, какъ-то: болѣзнями и отъѣздами, будто за нуждами, въ другія мѣста, то всемилостивѣйше повелѣно бы было для свидѣтельствованія таковыхъ нерадивыхъ, а для пользованія дѣйствительно больныхъ опредѣлить одного лекаря на содержаніе дворянское, коему и состоять въ вѣдомствѣ предводителя и товарищей тѣхъ больныхъ съ близъживущими дворянами, кои для того наряжены будутъ осматривать и по осмотрѣ репортовать, и если кто явится притворно боленъ, съ тѣмъ повелѣно бы было учинить за первую вину репримантъ, а за вторую денежнымъ штрафомъ, по разсужденію дворянъ, за третью — арестомъ; а кои дѣйствительно имѣютъ нужды куда отъѣхать, тѣмъ бы повелѣно было о томъ объявлять прежде своего отъѣзда письменно предводителю, а по пріѣздѣ о себѣ объявить».

Опаснымъ соперникомъ мѣстной службы по выборамъ являлась тогда, какъ и теперь, служба государственная, неотразимо привлекательная для русскаго дворянина. Она манила къ себѣ лучшія силы, оставляя для мѣстнаго самоуправленія либо людей, уже отживающихъ свой вѣкъ, уже отслужившихъ службу на полѣ брани, либо недоучекъ, дикихъ помѣщиковъ-домосѣдовъ, не успѣвшихся служебной карьерой. Наказы признаютъ этотъ печальный фактъ и словно мирятся съ нимъ, прямо заявляя, что избираются въ мѣстныя должности *отставные* или *неслужащіе* дворяне.

Жатва была велика, жнецовъ оказывалось мало. Какъ бы то ни было, потребность въ реформѣ провинціальнаго общественнаго быта и управленія сказалась въ наказахъ весьма живо и опре-

Digitized by Google

дѣлительно, и это несомнѣнно повліяло на новое «учрежденіе о губерніяхъ», которое, какъ извѣстно, ввело выборное начало и дворянское самоуправленіе въ губерніяхъ и уѣздахъ. Въ оцѣнку этого самоуправленія мы теперь не находимъ умѣстнымъ вдаваться. Мы разсмотрѣли только, какимъ оно представлялось дворянству во время сочиненія наказовъ, чего оно въ немъ искало, отъ какихъ золъ надѣялось найти въ немъ спасеніе.

Для характеристики *семейнаго, домашняго дворянскаго быта* наказы, къ сожалѣнію, представляютъ весьма мало данныхъ. Они касаются подробно лишь одной его стороны, — наслѣдственнаго права, преимущественно права наслѣдованія родовыхъ недвижимыхъ имуществъ. Тогдашнее законодательство по этому вопросу во многомъ расходилось съ понятіями и требованіями, господствовавшими въ обществѣ, и этотъ разладъ высказался въ наказахъ. Русское дворянское общество XVIII вѣка давно переросло родовой бытъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Родовыя связи давно ослабѣли, и обязательныя правила о наслѣдованіи родовыхъ имуществъ по нисходящей мужской линіи уже тогда представлялись весьма стѣснительнымъ и неразумнымъ анахронизмомъ.

Мы встрѣчаемъ въ наказахъ, съ одной стороны, жалобы на то, что помѣщики сплошь да рядомъ продаютъ родовыя свои имѣнія въ чужіе роды, не предупреждая о томъ родичей и лишая ихъ тѣмъ принадлежащаго имъ права выкупа; съ другой — ясно выраженную потребность свободнаго распоряженія имѣніемъ въ пользу наиболѣе дорогого или наименѣе обезпеченнаго лица, хотя бы посторонняго.

Встрѣчаемся и съ заявленіемъ въ пользу наслѣдованія родителей послѣ бездѣтныхъ дѣтей, чего не признавало наше законодательство и чего наказы требуютъ во имя естественнаго права. Большинство наказовъ считаетъ также необходимымъ расширить право супруговъ взаимно наслѣдовать другъ другу насчетъ родичей, а нѣкоторые высказываются за увеличеніе части наслѣдства дочерей.

Вотъ весьма характерныя слова дмитровскаго наказа: «О! коль совершенно счастливымъ можетъ тогда назваться всякій россійскій дворянинъ, когда онъ властенъ будетъ имѣніемъ своимъ, какимъ бы невиннымъ образомъ оное ни досталось, наградить только тѣхъ изъ дѣтей своихъ, родственниковъ и чужихъ, кого разсудить достойна его вспомоществованія и кого найдетъ способна владѣть имѣніемъ! Понынѣ родители съ горестью часто взираютъ на бѣдныхъ дочерей своихъ. Отецъ, имѣя дочь и сына, принужденъ оставить сына, иногда недостойнаго, въ изобиліи съ

Digitized by Google

тринадцатью долями своего имѣнія, а дочь въ нищетѣ съ четырнадцатою долею. Оное тѣмъ паче чувствительнѣе, что мужчина и безъ такового неумѣреннаго вознагражденія имѣетъ случай нажить разными дозволенными средствами не только содержаніе себѣ, но и съ излишествомъ изобиліе; а женщинъ нерѣдко видимъ угнетаемыхъ скудостью, ведущихъ горестную жизнь... Не рѣдко случается бездѣтнымъ имѣть друзей, отъ которыхъ сами видѣли многія одолженія; они бы, конечно, предпочли своихъ благодѣтелей, отдаленнымъ, иногда и неблагодарнымъ родственникамъ; но нынѣшній законъ имъ въ томъ препятствуетъ. Больше же всѣхъ претерпѣваютъ отъ нынѣшняго узаконенія въ иномъ случаѣ мужъ, въ другомъ—жена бездѣтные, которые въ жизни наитѣснѣйшею соединены дружбою, и нераздѣльно владѣютъ общимъ имѣніемъ, а по смерти одного изъ нихъ, дальнѣйшіе наслѣдники опечатываютъ ихъ домъ и вступаютъ во владѣніе бо́льшей части мужнина или женина имѣнія, къ огорчительнѣйшему позорищу для оставшаго».

Въ распоряженіи приданымъ имуществомъ со стороны женщинъ господствовала по закону и по обычаю полнѣйшая свобода, которою нерѣдко женщины злоупотребляли. Судиславскій наказъ, напримѣръ, считаетъ нужнымъ, до извѣстной степени, стѣснить ихъ въ проматываніи приданаго, чтобы мужъ по смерти жены не остался безъ указной части. Разводы, жены, живущія врозь съ мужьями, упоминаются въ наказахъ довольно часто. Безпрестаннымъ поводомъ къ родственнымъ столкновеніямъ послѣ смерти помѣщика представляется раздѣленіе его и женинхъ приданыхъ дворовыхъ людей и дѣвокъ, поженившихся между собой. Наказы ходатайствуютъ объ изданіи точнаго закона по этому вопросу. Немало жалобъ читаемъ мы на такъ-называемыя «рядныя», эти весьма курьёзные и обременительные для мужей документы. Выдавая дѣвицу замужъ, родители составляли ея движимому и недвижимому приданому подробную опись, обыкновенно съ преувеличеннымъ обозначеніемъ цѣнности. Если черезъ нѣсколько лѣтъ она умирала бездѣтною, родичи ея взыскивали съ мужа все по этой рядной записи (кромѣ указной части). Онъ долженъ былъ расплачиваться и за «тлѣнныя», давно изношенныя женою вещи: чепцы, чулки и башмаки. Если мужъ умиралъ раньше жены, она сама продѣлывала ту же исторію съ его родичами или дѣтьми отъ перваго брака. Нѣкоторые наказы ходатайствуютъ, чтобы новое уложеніе постановило писать въ рядныхъ лишь «нетлѣнныя», металлическія вещи и недвижимое. Имущество дѣтей, родители которыхъ умерли или вступили во второй бракъ,

Digitized by Google

было плохо ограждено отъ расхищенія вотчимами, мачихами, другими родственниками или даже посторонними лицами. Опека не была вовсе опредѣлена въ нашемъ тогдашнемъ законодательствѣ, и наказы ходатайствуютъ о пополненіи этого пробѣла въ новомъ уложеніи.

Воспитаніе дворянскаго юношества составляло предметъ постоянныхъ заботъ Екатерины. Но эти заботы пока дали ощутительные результаты лишь въ столицахъ. Провинціальные подростки были въ рукахъ Кутейкина и Цыфиркина. Даже при пробуждавшемся сознаніи пользы образованія, мелкопомѣстное провинціальное дворянство не въ состояніи было надѣлить имъ своихъ дѣтей.

Четырнадцать наказовъ просятъ объ открытіи въ провинціальныхъ и губернскихъ городахъ училищъ, выражая даже готовность содѣйствовать поддержанію ихъ денежными пожертвованіями.

Дмитровскій наказъ совѣтуетъ отцамъ брать съ собой сыновей на дворянскіе съѣзды и тѣмъ воспитывать въ нихъ гражданскій духъ. Что касается до степени образованія самихъ отцовъ, т.-е. поколѣнія дворянъ, сочинявшихъ разбираемые нами наказы, то подписи подъ наказами даютъ намъ данныя для ея опредѣленія. Въ 27-ми уѣздахъ всѣ присутствовавшіе на выборахъ дворяне грамотны; въ остальныхъ частенько попадается: «такой-то за такого-то за неумѣніемъ его грамотѣ руку приложилъ». Особенно выдаются по числу неграмотныхъ уѣзды: михайловскій (на 140 лицъ 81 неграмотный), переяславль-рязанскій (на 95 л. 46 неграм.), дедиловскій (на 6 л. 1 неграм.). Въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаемся съ подписью уже грамотнаго сына-сержанта за неграмотностью отца-поручика; въ другихъ, наоборотъ, отецъ подписывается за сына. Въ сѣверныхъ губерніяхъ такихъ поразительныхъ цифръ нѣтъ, хотя и тамъ встрѣчаемъ неграмотныхъ почти во всѣхъ наказахъ. Въ пареньевскомъ уѣздѣ (архангелогородской губерніи) изъ 10 подписавшихся 6 неграмотныхъ, и любопытно, что за нѣкоторыхъ изъ нихъ подписались духовныя лица, чего не встрѣчаемъ въ другихъ наказахъ.

Такое отношеніе между грамотными и неграмотными дворянами замѣчается, повторяемъ, между лицами, явившимися на выборы. Естественно предположить, что между неявившимися, въ особенности женщинами, это отношеніе скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, утѣшительное. Судиславскій уѣздъ особенно настаиваетъ на да-

Digitized by Google

рованіи дворянству словеснаго суда въ малыхъ дѣлахъ: «понеже многіе вовсе грамотѣ не умѣютъ».

Таковы были мысли, стремленія и потребности русскаго образованнаго слоя во второй половинѣ XVIII-го вѣка, сто лѣтъ тому назадъ. Мы, конечно, не исчерпали всего содержанія наказовъ и могли заботиться въ нашемъ краткомъ очеркѣ только о возможной полнотѣ картины нравовъ и идеаловъ той эпохи; избѣгая слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, мы выдвигали впередъ лишь наиболѣе характерныя черты, общія многимъ или хотя нѣсколькимъ наказамъ, и опускали случайное, исключительно мѣстное. Для историка Екатерининской эпохи въ подлинныхъ документахъ осталось еще много такого, что̀ привлечетъ его вниманіе къ себѣ и освѣтитъ ему ту или другую сторону нашей общественной жизни, отвѣтитъ на вопросъ, какъ у насъ жили, думали, чего хотѣли еще не такъ давно.

С. Б—ва.

Digitized by Google

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ЭЖЕНЪ РУГОНЪ

Романъ, соч. Эмиля Зола.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par *Emile Zola*. Tome sixième: Son Excellence Eugène Rougon [1]).

Новый романъ Эм. Зола является шестымъ въ томъ рядѣ романовъ, который былъ имъ начатъ еще въ 1871 году подъ общимъ заглавіемъ семейной исторіи Ругонъ-Маккаровъ, и точно такъ же, какъ и предыдущіе, этотъ романъ представляетъ собою самостоятельное цѣлое, связанное съ предшествующими частями однимъ происхожденіемъ героя изъ той же семьи, исторію которой, «естественную и общественную», авторъ изображаетъ въ различныхъ карьерахъ ея членовъ, при различныхъ ихъ характерахъ и темпераментахъ. Намъ остается только напомнить читателямъ генеалогію нынѣшняго героя и его положеніе въ общей исторіи семьи до того момента, съ котораго начинается настоящій романъ.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ провансальскомъ городѣ Плассанѣ, сынъ огородника Пьеръ Ругонъ-Маккаръ, родоначальникъ всѣхъ будущихъ героевъ, успѣлъ всѣми неправдами нажиться, обобрать свою полусумасшедшую мать, обмануть своего

---

[1]) Томъ I: La fortune des Rougon („Вѣстн. Ев.“ 1872, іюль, 112). — Томъ II: La curée (августъ, 514).—Томъ III: Le ventre de Paris (1873, іюнь, 76).—Томъ IV: La conquête de Plassans (1874, окт., 685). — Томъ V: La faute de l'abbé Mouret (1875, янв., 253).

Digitized by Google

своднаго брата Антуана, а сестру Урсулу выдать за работника Мурэ и выгнать изъ дому. Женившись на Фелисите Пуешъ, Пьеръ Ругонъ-Маккаръ сдѣлался *rentier*, но запутался въ дѣлахъ, и дѣти его вынуждены были пробивать себѣ дорогу сами. Старшимъ сыномъ этого Пьера Ругона и былъ Эженъ. Вотъ какимъ образомъ Зола характеризовалъ этого будущаго героя второй имперіи въ самой первой части ряда своихъ романовъ (La fortune des Rougon):

«Старшій, Эженъ, былъ сорока лѣтъ въ эпоху февральской революціи 1848 года. Физически онъ былъ похожъ на своего отца; но у сына неуклюжесть отца превращалась въ важность осанки. Онъ былъ честолюбивъ, но не мелочно: въ немъ господствовали инстинкты неограниченной власти, рѣзкое презрѣніе къ мелочнымъ средствамъ. Стремленія къ чувственности, развившіяся въ семействѣ Ругоновъ съ страшной быстротой и составлявшія какъ-бы характеристическую черту этого семейства, достигли въ немъ самаго высокаго выраженія; онъ хотѣлъ наслаждаться, но умственно, удовлетворяя своей потребности господствовать. Для того, чтобы не разорять своихъ родителей, онъ записался въ списокъ адвокатовъ и прозябалъ въ Плассанѣ, выжидая благопріятнаго случая. За мѣсяцъ до февральскихъ дней онъ казался сильно озабоченнымъ: тонкій нюхъ убѣдилъ его въ приближеніи всеобщаго кризиса. Съ той минуты Плассанъ сдѣлался для него невыносимымъ: тоска снѣдала его, онъ не зналъ куда дѣться. Наконецъ, онъ рѣшился уѣхать въ Парижъ. Въ карманѣ у него было не болѣе пяти-сотъ франковъ».

Эженъ имѣлъ двухъ братьевъ: Аристида, съ характеромъ прямо противоположнымъ, мелочного, жаднаго до денегъ, завистливаго,— и Паскаля, посвятившаго себя медицинѣ; мы видѣли Паскаля деревенскимъ докторомъ въ предыдущемъ романѣ, гдѣ онъ является подлѣ своего родственника, аббата Мурэ. Эженъ, продѣлавъ между тѣмъ всю февральскую революцію, отлично ловилъ рыбу въ мутной водѣ, сослужилъ службу декабрьскому перевороту и теперь самъ дѣлается героемъ романа въ ту самую эпоху, когда вторая имперія достигла апогея славы и могущества, при окончаніи крымской войны. Романъ, подлинникъ котораго долженъ скоро появиться въ Парижѣ, открывается сценою засѣданія въ законодательномъ корпусѣ.

Digitized by Google

I.

Президентъ еще стоялъ, выжидая, чтобы унялся шумъ, произведенный его прибытіемъ. Наконецъ, онъ сѣлъ, проговоривъ небрежно и вполголоса:

— Засѣданіе открыто.

Онъ распредѣлилъ по порядку законопроекты, лежавшіе предъ нимъ на бюро. Слѣва близорукій секретарь, уткнувшись носомъ въ бумагу, читалъ протоколъ послѣдняго засѣданія. Никто изъ депутатовъ не слушалъ того, что́ онъ бормоталъ себѣ подъ носъ. Въ залѣ было шумно, и чтеніе секретаря слушали одни лишь пристава, державшіе себя очень чинно, въ противоположность безцеремоннымъ позамъ и развязности манеръ депутатовъ.

Въ засѣданіи нельзя было насчитать и ста членовъ. Да и изъ тѣхъ, кто былъ на лицо, одни уже дремали, полу-опрокинувшись на красныхъ бархатныхъ скамейкахъ, съ глазами, устремленными въ какую-то неопредѣленную точку. Другіе, сгорбившись надъ пюпитромъ, подъ бременемъ скуки публичнаго засѣданія, тихонько выбивали пальцами по красному дереву какія-то мелодіи. Въ полукруглое окно, вырѣзавшееся на небѣ сѣрымъ оваломъ, проникало дождливое майское утро и освѣщало торжественное убранство залы. Свѣтъ скользилъ по скамейкамъ, расположеннымъ уступами, и тамъ-и-сямъ ложился розовыми пятнами на пустыхъ мѣстахъ: за спиной президента бѣлѣлись статуи и лѣпныя украшенія.

Одинъ изъ депутатовъ, на третьей скамейкѣ, стоялъ въ узкомъ проходѣ. Онъ съ озабоченнымъ видомъ теръ рукою жесткую, сѣдоватую бороду, узкой полоской обрамлявшую его лицо. Мимо него прошелъ приставъ; онъ остановилъ его и вполголоса спросилъ о чемъ-то.

— Нѣтъ, г. Канъ, — отвѣчалъ приставъ, — г. президентъ государственнаго совѣта еще не прибылъ.

Канъ сѣлъ, и, внезапно повернувшись къ своему сосѣду, по лѣвую сторону, спросилъ:

— Скажите-ка, Бежуэнъ, не видали ли вы сегодня утромъ Ругона?

Бежуэнъ, маленькій, худенькій человѣчекъ, угрюмый съ виду, поднялъ голову, съ моргающими глазками и съ разсѣяннымъ видомъ. Онъ писалъ письма на синей бумагѣ, съ бланкомъ: «Бежуэнъ и комп., хрустальный заводъ въ Сенъ-Флоранѣ».

Digitized by Google

— Ругона?—отвѣчалъ онъ.—Нѣтъ, я его не видалъ. Я не успѣлъ зайти въ государственный совѣтъ.

Бежуэнъ степенно принялся снова за работу. Справился съ записной книжкой и сталъ писать второе письмо, подъ смутное бормотанье секретаря, кончавшаго чтеніе протокола.

Канъ опрокинулся на спинку скамьи и скрестилъ руки. Лицо его, съ крупными чертами и большимъ правильнымъ носомъ, обличавшимъ еврейское происхожденіе, оставалось недовольнымъ. Онъ смотрѣлъ на золотыя розетки потолка, потомъ взглядывалъ, какъ дождь колотилъ въ эту минуту въ полукруглое окно; затѣмъ, не зная, куда дѣть глаза, принялся разсматривать сложныя украшенія большой стѣны, какъ разъ напротивъ. На двухъ концахъ ея ему бросались въ глаза панели, обтянутыя зеленымъ бархатомъ и покрытыя позолоченными украшеніями. Затѣмъ, оглядѣвъ колонны, къ которымъ прислонились аллегорическія фигуры *Свободы* и *Общественнаго порядка*, уставился, наконецъ, на зеленую шелковую завѣсу, скрывавшую фреску съ изображеніемъ присяги Луи-Филиппа конституціи.

Между тѣмъ секретарь сѣлъ. Шумъ въ залѣ не прекращался. Президентъ, не спѣша, перелистывалъ бумаги. Онъ машинально придавилъ пружину колокольчика, громкій звонъ котораго, однако, не прекратилъ разговоровъ. И вставъ, среди шума, онъ постоялъ съ минуту въ ожиданіи.

— Господа,—началъ онъ,—я получилъ письмо... Онъ умолкъ и снова позвонилъ, поднявъ свое серьёзное и скучающее лицо надъ монументальнымъ бюро, съ панелями изъ краснаго мрамора, обложенными бѣлымъ мраморомъ. Застегнутый сюртукъ президента выдѣлялся на барельефѣ, находившемся позади бюро, и пересѣкалъ черной линіей пеплумы *Земледѣлія* и *Промышленности*, съ античными профилями.

— Господа, — повторилъ президентъ, когда добился сравнительной тишины,—я получилъ письмо отъ г. де-Ламбертý, въ которомъ онъ извиняется, что не можетъ присутствовать на сегодняшнемъ засѣданіи.

Послышался тихій смѣхъ на одной изъ скамеекъ, шестой счетомъ и стоявшей напротивъ президента. Юный депутатъ, лѣтъ двадцати-восьми не болѣе, заглушалъ въ себѣ бѣлыми ручками серебристый смѣхъ, напоминавшій смѣхъ хорошенькой женщины. Одинъ изъ его собратовъ, громаднаго роста, придвинулся къ нему и спросилъ на ухо:

— Развѣ Ламбертý въ самомъ дѣлѣ нашелъ свою жену?.. Разскажите-ка мнѣ про это, Ла-Рукетъ.

Digitized by Google

Президентъ взялъ охапку бумагъ. Онъ говорилъ монотоннымъ голосомъ; отрывки фразъ долетали до самой глубины залы.

— Есть просьбы объ отпускѣ... Гг. Блаше, Бюкетъ-Леконтъ, де-ла-Виллярдьеръ...

А пока спрошенная палата разрѣшала отпуски, Канъ, утомясь, должно быть, созерцаніемъ зеленаго шелка, скрывавшаго мятежное изображеніе Луи-Филиппа, слегка повернулся, чтобы оглядѣть трибуны. Надъ цоколемъ изъ желтаго мрамора съ черными жилками, между двухъ колоннъ, шелъ только одинъ рядъ трибунъ, обитыхъ амарантовымъ бархатомъ; но поверхъ его зубцы изъ гофрированной кожи не могли скрыть пустоты, образовавшейся вслѣдствіе упраздненія трибуны второго ряда, предназначавшейся, до имперіи, для журналистовъ и для публики. Между толстыми желтыми колоннами, нѣсколько тяжелаго, хотя и торжественнаго стиля, вдоль полукруга, виднѣлись узкія ложи, гдѣ царилъ полумракъ; онѣ были по бо́льшей части пусты и кое-гдѣ оживлялись двумя-тремя свѣтлыми женскими платьями.

— Эге! полковникъ Жобелэнъ тутъ, — пробормоталъ тихо Канъ.

Онъ улыбнулся полковнику, который его тоже увидалъ. Полковникъ былъ одѣтъ въ темносиній сюртукъ; онъ носилъ его какъ мундиръ, съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ отставку. Онъ сидѣлъ одинъ-одинёшенекъ въ ложѣ квесторовъ, съ офицерской розеткой, такой громадной, что она казалась бантомъ изъ фуляра.

Но Канъ заинтересовался теперь молодымъ человѣкомъ и молодой женщиной, нѣжно прижимавшимися другъ къ дружкѣ въ уголку трибуны государственнаго совѣта. Молодой человѣкъ безпрестанно наклонялся къ молодой женщинѣ и что-то шепталъ ей, а она кротко улыбалась, не глядя на него и устремивъ глаза на аллегорическую фигуру *Общественнаго порядка*.

— Взгляните-ка, Бежуэнъ! — прошепталъ Канъ, толкая колѣнкомъ своего собрата.

Бежуэнъ писалъ уже пятое письмо. Онъ поднялъ голову съ растеряннымъ видомъ.

— Взгляните, — продолжалъ Канъ, — вонъ тамъ, наверху, на маленькаго д'Эскорайль и хорошенькую m-me Бушаръ. Я увѣренъ, что онъ съ ней заигрываетъ. У него глаза такіе томные... Всѣ друзья Ругона, должно быть, сговорились сойтись здѣсь. Вонъ, въ трибунѣ для публики, m-me Коррёръ и чета Шарбоннель.

Послышался болѣе продолжительный звонокъ. Одинъ изъ приставовъ закричалъ красивымъ басомъ: «тише, господа!»

Публика прислушалась. И президентъ произнесъ слѣдующую фразу, которую всѣ хорошо разслышали:

Digitized by Google

— Г. Канъ проситъ позволенія напечатать рѣчь, произнесенную имъ при обсужденіи законопроекта объ учрежденіи муниципальной таксы на экипажи и лошадей, въ Парижѣ.

На скамейкахъ пробѣжалъ говоръ, и частные толки снова завязались. Ла-Рукетъ подсѣлъ къ Кану.

— Вы, значитъ, работаете на пользу населенія? — спросилъ онъ, шутя.

Потомъ, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:

— Вы не видали Ругона? Вы ничего не слышали? Всѣ говорятъ объ этомъ. Но, кажется, ничего еще нѣтъ достовѣрнаго.

Онъ повернулся и поглядѣлъ на стѣнные часы.

— Уже двадцать минутъ третьяго! Вотъ, убѣжалъ бы безъ оглядки, еслибы не чтеніе этого проклятаго отчета!... Его, въ самомъ дѣлѣ, будутъ читать сегодня?

— Насъ всѣхъ объ этомъ предупреждали,— отвѣчалъ Канъ.— Я не слыхалъ, чтобы произошла отмѣна... Вы хорошо сдѣлаете, если останетесь. Сейчасъ будутъ вотировать четыреста тысячъ франковъ на крестины.

— Само собой разумѣется, — отвѣчалъ Ла-Рукетъ. Старый генералъ Легрэнъ, разбитый параличомъ на обѣ ноги, велѣлъ на рукахъ принести себя; онъ дожидается голосованія въ залѣ конференцій... Императоръ не ошибается, разсчитывая на преданность всего законодательнаго корпуса. Всѣ наши голоса къ его услугамъ въ такомъ торжественномъ случаѣ.

Юный депутатъ употребилъ всѣ усилія, чтобы состроить серьёзную мину политическаго дѣятеля. Онъ откинулъ назадъ свою куклообразную рожицу, съ бѣлокурымъ рѣдкимъ пушкомъ, и мѣрно раскачивалъ головою. Съ минуту онъ какъ будто наслаждался двумя послѣдними ораторскими фразами, состряпанными имъ. Затѣмъ залился смѣхомъ.

— Боже мой! — проговорилъ онъ, какъ смѣшны эти Шарбоннель!

Тутъ Канъ и онъ принялись трунить надъ ними. На мадамъ Шарбоннель была надѣта нелѣпая желтая шаль; на мужѣ—одинъ изъ тѣхъ провинціальныхъ сюртуковъ, которые какъ будто скроены топоромъ. Супруги, толстые, красные, приземистые, почти утонули подбородкомъ въ бархатъ рампы, чтобы лучше слѣдить за засѣданіемъ, но вытаращенные глаза ихъ говорили, что они ровно ничего не понимаютъ.

— Если Ругонъ слетитъ, — пробормоталъ Ла-Рукетъ,—я не дамъ двухъ су за процессъ Шарбоннеля!... А вотъ тоже m-me Коррёръ...

Digitized by Google

И, нагнувшись къ уху Кана, онъ продолжалъ очень тихо:

— Кстати, вы вѣдь знаете m-me Коррёръ; скажите мнѣ, что это за личность. Во время оно она содержала отель, не правда-ли? Ругонъ жилъ у ней? Разсказываютъ даже, что она ссужала его деньгами?... А теперь чѣмъ она занимается?

Канъ сталъ очень серьёзенъ. Онъ медленно гладилъ свою бороду.

— M-me Коррёръ очень почтенная госпожа, — отчетливо проговорилъ онъ.

Эти слова сдержали любопытство Ла-Рукета. Онъ сжалъ губы, съ видомъ школьника, получившаго нахлобучку. Оба молча глядѣли съ минуту на m-me Коррёръ, сидѣвшую возлѣ Шарбонелей. На ней было надѣто свѣло-лиловое платье, очень яркое, съ кружевами и богатой отдѣлкой. Лицо у ней было слишкомъ румяно; лобъ покрытъ мелкими завитушками, какъ у бѣлокурой куклы, жирная шея открыта и все еще прекрасна, не взирая на ея сорокъ-восемь лѣтъ.

Но въ эту минуту въ глубинѣ залы послышалось хлопанье дверей; шелестъ юбокъ, заставившій обернуться всѣ головы. Высокая дѣвушка, красоты неописанной, въ странномъ нарядѣ: въ зеленомъ атласномъ, худо сшитомъ платьѣ—вошла въ ложу дипломатическаго корпуса въ сопровожденіи пожилой дамы, одѣтой въ черное.

— Ахъ! красавица Клоринда, — пробормоталъ Ла-Рукетъ, и всталъ, чтобы поклониться на всякій случай.

Канъ тоже всталъ. Онъ нагнулся къ Бежуэну, вкладывавшему свои письма въ конверты.

— Послушайте, Бежуэнъ,—прошепталъ онъ:—здѣсь графиня Бальби съ дочерью.... Я пойду спрошу у нихъ: не видали ли онѣ Ругона?

У бюро, президентъ взялъ новую охапку бумагъ. Онъ бросилъ, не переставая читать, взглядъ на красавицу Клоринду Бальби, прибытіе которой вызвало шепотъ въ залѣ, и, передавая одну бумагу за другой секретарю, произносилъ скороговоркой, не соблюдая ни точекъ, ни запятыхъ:

— Законопроектъ объ увеличеніи пошлины на привозъ съѣстныхъ припасовъ въ городъ Лиль... Законопроектъ о соединеніи въ одну общину общинъ Дулеванъ-ле-Пети и Вилль-анъ-Блезэ (Верхняя-Марна)...

Канъ вернулся, повидимому, огорченнымъ.

— Рѣшительно никто не видалъ его,—сказалъ онъ Ла-Рукету и Бежуэну. Меня увѣряютъ, что императоръ призывалъ

Digitized by Google

его вчера вечеромъ, но я не знаю, каковъ былъ результатъ свиданія... Можетъ ли быть что-нибудь скучнѣе неизвѣстности.

Ла-Рукетъ прошепталъ на ухо Бежуэну:

— Бѣдный Канъ жестоко боится, какъ бы Ругонъ не разсорился съ Тюльери: его желѣзная дорога улыбнется ему въ такомъ случаѣ.

Тутъ Бежуэнъ, который вообще былъ неразговорчивъ, важно произнесъ:

— Удаленіе Ругона изъ государственнаго совѣта будетъ утратой для всѣхъ.

И, подозвавъ рукою пристава, онъ попросилъ его бросить въ почтовый ящикъ письма, которыя только-что написалъ.

Затѣмъ эти трое депутатовъ расположились возлѣ бюро, по лѣвую сторону. Они осторожно заговорили о немилости, угрожавшей Ругону. Тѣ была очень сложная исторія. Дальній родственникъ императрицы, нѣкто Родригецъ, уже съ 1808 года искалъ съ французскаго правительства сумму около двухъ милліоновъ франковъ. Во время испанской войны, у этого Родригеца, который былъ арматоромъ, былъ захваченъ въ Гасконскомъ заливѣ корабль, нагруженный сахаромъ и кофе, и отведенъ въ Брестъ однимъ изъ нашихъ фрегатовъ, *La Vigilante*. По слѣдствію, наряженному мѣстной коммиссіей, администрація признала призъ законнымъ, не обращаясь къ высшей инстанціи. Между тѣмъ, Родригецъ подалъ жалобу въ государственный совѣтъ; затѣмъ онъ умеръ, и его сынъ тщетно пытался при различныхъ правительствахъ поднять дѣло, пока наконецъ заступничество его троюродной сестры, сдѣлавшейся всемогущей, не выдвинуло его процесса на свѣтъ Божій.

Надъ своими головами разговаривающіе депутаты слышали монотонный голосъ президента, продолжавшаго:

— Законопроектъ о разрѣшеніи Кальвадосскому департаменту открыть заемъ въ триста тысячъ франковъ... Законопроектъ о разрѣшеніи городу Амьену открыть заемъ въ двѣсти тысячъ франковъ... Законопроектъ о разрѣшеніи департаменту Котъ-до-Норъ открыть заемъ въ триста-сорокъ-пять тысячъ франковъ, на покрытіе дефицитовъ послѣднихъ пяти лѣтъ...

— Дѣло въ томъ,—говорилъ Канъ вполголоса,—что Родригецъ изобрѣлъ тогда очень ловкую штуку. Онъ владѣлъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ зятемъ, жившемъ въ Нью-Іоркѣ, одинаковыми кораблями, которые поочередно плавали то подъ американскимъ, то подъ испанскимъ флагомъ, смотря какъ было безопаснѣе...

Digitized by Google

Ругонъ увѣрялъ меня, что захваченный корабль дѣйствительно принадлежалъ Родригецу, и его претензія совсѣмъ неосновательна.

— Тѣмъ болѣе,—прибавилъ Бежуэнъ, что судопроизводство шло самымъ законнымъ порядкомъ. Администрація Бреста имѣла полное право признать призъ законнымъ, не сносясь съ высшей инстанціей.

Наступило молчаніе. Ла-Рукетъ старался привлечь на себя вниманіе красавицы Клоринды.

— Но,—спросилъ онъ наивно,—почему же Ругонъ не хочетъ, чтобы Родригецу дали два милліона? какое ему дѣло?

— Это вопросъ совѣсти, — серьёзно замѣтилъ Канъ.

Ла-Рукетъ поочереди взглянулъ на обоихъ своихъ собратовъ, но, видя ихъ торжественныя лица, даже не улыбнулся.

Къ тому же,—продолжалъ Канъ, какъ-бы разсуждая вслухъ:—Ругону пошли разныя непріятности съ тѣхъ поръ, какъ де-Марси сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Они всегда не терпѣли другъ друга... Ругонъ говорилъ мнѣ, что еслибы не его привязанность къ императору, то онъ давно бы удалился отъ дѣлъ... Словомъ, ему больше не по-себѣ въ Тюльери, и онъ находитъ нужнымъ покончить съ ними.

— Онъ поступитъ какъ честный человѣкъ, — замѣтилъ Бежуэнъ.

— Да,—проговорилъ Ла-Рукетъ съ тонкимъ видомъ:—если онъ хочетъ выдти въ отставку, то время выбрано удачно... Однако его друзья будутъ въ отчаяніи. Посмотрите-ка на полковника, какое онъ строитъ грозное лицо! Онъ такъ разсчитывалъ прицѣпить красную ленточку на шею 15-го будущаго августа... А хорошенькая m-me Бушаръ, которая поклялась, что достойный г. Бушаръ будетъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раньше шести мѣсяцевъ! Вы знаете, что маленькій д'Эскорайль, баловень Ругона, долженъ былъ положить подъ сукно приказъ о назначеніи Бушара въ день ангела его жены... Кстати, куда они дѣлись, маленькій д'Эскорайль и хорошенькая m-me Бушаръ?

И всѣ трое принялись ихъ искать. Наконецъ открыли ихъ въ глубинѣ трибуны, а при началѣ засѣданія они сидѣли на передней скамейкѣ. Они укрывались въ полумракѣ, за спиной стараго плѣшиваго господина, и сидѣли смирнехонько съ раскраснѣвшимися лицами.

Въ эту минуту президентъ оканчивалъ чтеніе. Онъ произнесъ послѣднія слова усталымъ голосомъ:

— Законопроектъ о повышеніи процента налога, разрѣшен-

Digitized by Google

наго закономъ 9-го іюня 1853 г., и чрезвычайнаго налога для департамента Ла-Маншъ.

Канъ побѣжалъ въ это время навстрѣчу къ депутату, входившему въ залу, и привелъ его, говоря:

— Вотъ г. Комбело́, который сообщитъ намъ новости.

Г. де-Комбело́, каммергеръ, выбранный въ депутаты департаментомъ Ландъ, вслѣдствіе формально заявленнаго желанія императора, поклонился съ скромнымъ видомъ, дожидаясь, чтобы его спросили. То былъ высокій, красивый господинъ, съ очень бѣлой кожей и бородой, черной какъ смоль; этой бородѣ онъ былъ обязанъ большими успѣхами среди дамъ.

— Ну?—спросилъ Канъ,—что́ говорятъ во дворцѣ? какъ рѣшилъ императоръ?

— Боже мой,—отвѣчалъ г. де-Комбело́, картавя,—говорятъ разное... Императоръ очень расположенъ къ г. президенту государственнаго совѣта. Несомнѣнно, что свиданіе было очень дружеское... да, оно было очень дружеское.

Онъ остановился, взвѣшивая слова, чтобы не сказать лишняго.

— Значитъ, отставка взята назадъ?—спросилъ Канъ, и глаза его заблистали.

— Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ тревожно каммергеръ. — Я ничего не знаю. Вы понимаете: мое положеніе очень щекотливо...

Онъ не договорилъ, улыбнулся и поспѣшилъ сѣсть на свое мѣсто. Канъ пожалъ плечами и обратился къ Ла-Рукетъ:

— Кстати, вы должны знать, въ чемъ дѣло! Неужели же сестра ваша, m-me Лоранцъ, ничего вамъ не разсказываетъ?

— О! моя сестра еще скрытнѣе, чѣмъ де-Комбело́, — отвѣчалъ молодой депутатъ, смѣясь. Съ тѣхъ поръ, какъ она назначена статсъ-дамой, она молчалива, какъ министръ. Однако, вчера она увѣряла меня, что отставка будетъ принята. Кстати, я забылъ сообщить вамъ отличный анекдотъ. Разсказываютъ, что́ подсылали одну даму, чтобы смягчить Ругона. Знаете, что́ Ругонъ сдѣлалъ?—прогналъ даму, а замѣтьте, что она была прехорошенькая.

— Ругонъ цѣломудренный человѣкъ, — торжественно произнесъ Бежуэнъ.

Ла-Рукетъ покатился со смѣху. Онъ протестовалъ и могъ бы привести факты, еслибы захотѣлъ.

— Вотъ,—пробормоталъ онъ, хоть бы m-me Коррёръ...

— Никогда!—отвѣчалъ Канъ,—вы не знаете этой исторіи.

— Ну, а прекрасная Клоринда?

Digitized by Google

— Полноте! Ругонъ слишкомъ уменъ, чтобы связываться съ этой сумасбродной дѣвчонкой.

И, приблизившись другъ къ другу, господа эти завели очень-очень скабрёзный разговоръ. Они пересказывали исторіи, ходившія на счетъ двухъ итальянокъ, матери и дочери, не то авантюристокъ, не то аристократокъ, которыхъ встрѣчали вездѣ, во всякой толкотнѣ: у министровъ, въ театрахъ, на модныхъ водахъ. Мать, говорили, была королевской крови; дочь, съ забвеніемъ французскихъ приличій, дѣлавшимъ изъ нея «сумасбродную дѣвчонку», оригинальную и дурно воспитанную, гоняла лошадей на скачкахъ, выставляла на показъ на тротуарахъ въ дождливые дни свои грязные чулки и стоптанныя ботинки, и искала мужа съ смѣлой улыбкой опытной женщины. Ла-Рукетъ разсказалъ, что она пріѣхала на балъ къ шевалье Рускони, итальянскому посланнику, въ костюмѣ Діаны, т.-е. почти безъ костюма, и старикъ де-Пугаредъ, сластолюбивый сенаторъ, чуть-было не предложилъ ей тотчасъ же свою руку и сердце. Во время этого разсказа депутаты поглядывали на красавицу Клоринду, которая, вопреки существующимъ правиламъ, разсматривала членовъ палаты въ бинокль.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторилъ Канъ,—никогда Ругонъ не сдѣлаетъ такой глупости!.. Онъ говоритъ, что она очень умна и въ шутку зоветъ ее «mademoiselle Machiavel». Она забавляетъ его,—вотъ и все.

— Нужды нѣтъ, — заключилъ Бежуэнъ: — Ругонъ напрасно не женится... Это придаетъ человѣку вѣсъ въ обществѣ.

Тутъ всѣ трое принялись разсуждать о томъ, какую жену надобно Ругону: пожилую женщину, никакъ не моложе тридцати-пяти лѣтъ, богатую, которая бы поставила его домъ на очень приличную ногу.

Между тѣмъ шумъ возросталъ. Собесѣдники сильно увлеклись скабрёзными анекдотами, и не замѣчали больше, что происходило вокругъ нихъ. Вдали, въ коридорахъ, слышались голоса приставовъ, кричавшихъ: «господа! засѣданіе начинается!» И депутаты входили со всѣхъ сторонъ въ двери изъ цѣльнаго краснаго дерева. Зала, бывшая до того почти пустой, наполнялась мало-по-малу. Маленькія группы переговаривались съ скучающимъ видомъ съ одной скамейки на другую; сонные депутаты, подавлявшіе зѣвоту, затерялись въ прихлынувшей волнѣ, и пожимали руки направо и налѣво. Разсаживаясь по своимъ мѣстамъ, направо и налѣво, депутаты улыбались однообразной улыбкой. Они казались членами одной семьи, равно проникну-

Digitized by Google

ными чувствомъ долга, который пришли сюда исполнить. Одинъ толстякъ, на послѣдней скамейкѣ слѣва, уснувшій очень крѣпко, былъ разбуженъ сосѣдомъ, и когда тотъ сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ, поспѣшилъ протереть глаза и принять приличную позу. Засѣданіе, занимавшееся до того вопросами крайне скучными для этихъ господъ, вдругъ получило живой интересъ.

Тѣснимые толпой, Канъ и его два собрата безсознательно усѣлись на свою скамью. Они продолжали болтать, подавляя смѣхъ. Ла-Рукетъ разсказывалъ новую исторію про красавицу Клоринду. Ей пришла однажды въ голову изумительная фантазія: обтянуть свою комнату черной драпировкой, усѣянной серебристыми блестками и принимать своихъ знакомыхъ въ постели, покрытой чернымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго виднѣлся только кончикъ ея носа.

Канъ усаживался уже на мѣсто, какъ вдругъ опомнился:

«Этотъ Ла-Рукетъ съ своими сплетнями такой болванъ! По его милости я прозѣвалъ Ругона!»

И, обернувшись къ сосѣду, онъ прибавилъ съ сердитымъ видомъ:

— Кажется, Бежуэнъ, вы могли бы предупредить меня!

Ругонъ, введенный въ залу съ обычнымъ церемоніаломъ, уже сидѣлъ между двумя государственными совѣтниками, на скамьѣ правительственныхъ коммиссаровъ, поставленной внизу бюро. Широкія плечи его съ трудомъ, казалось, влѣзли въ мундиръ изъ зеленаго сукна, вышитаго золотомъ на воротникѣ и на обшлагахъ рукавовъ. Лицо его было обращено къ залѣ, густые сѣдые волосы обрамляли четырехугольный лобъ, а глаза были постоянно полуопущены. Большой носъ, мясистыя губы, продолговатыя щеки, на которыхъ не видно было ни одной морщины, несмотря на его сорокъ-шесть лѣтъ, дышали суровой простотой, по временамъ освѣщавшейся красотой силы. Онъ сидѣлъ неподвижно, уткнувъ подбородокъ въ воротникъ мундира, повидимому, не замѣчая никого, съ равнодушнымъ и немного усталымъ видомъ.

— У него сегодня обычное выраженіе лица,—пробормоталъ Бежуэнъ.

На скамьяхъ депутаты наклонялись впередъ, чтобы взглянуть, какое настроеніе у Ругона. Различныя замѣчанія передавались на ухо. Но появленіе Ругона произвело особенно сильное впечатлѣніе въ трибунахъ. Шарбоннели, чтобы показать, что они тутъ, вытягивали свои восхищенныя рожи, рискуя упасть. М-me Корбѣръ тихо откашлялась и вынула носовой платокъ, которымъ слегка махала, подъ предлогомъ, что подноситъ его къ губамъ.

Digitized by Google

Полковникъ Жобелэнъ выпрямился, а хорошенькая m-me Бушаръ, поспѣшно пересѣвшая на переднюю скамейку, совсѣмъ запыхалась и завязывала ленты шляпки, между тѣмъ какъ д'Эскорайль сидѣлъ сзади нея, молчаливый и какъ будто раздосадованный. Что касается красавицы Клоринды, то она не стѣснялась. Видя, что Ругонъ не поднимаетъ глазъ, она очень явственно постучала биноклемъ о мраморъ колонны, къ которой прислонялась, и такъ какъ онъ все-таки не глядѣлъ на нее, сказала матери столь громко, что вся зала услышала:

— Онъ, должно быть, дуется, хитрый толстякъ!

Депутаты оглянулись съ улыбкой. Ругонъ рѣшился взглянуть на красавицу Клоринду. И въ то время, какъ онъ сдѣлалъ ей едва замѣтный знакъ головой, она, торжествующая, захлопала въ ладоши и, смѣясь, опрокинулась назадъ, громко разговаривая съ матерью и ни мало не заботясь обо всѣхъ этихъ господахъ, разсматривавшихъ ее.

Ругонъ медленно, прежде чѣмъ опустить глаза, обвелъ ими трибуны и сразу увидѣлъ m-me Бушаръ, полковника Жобелэна, m-me Коррёръ и Шарбоннелей. Лицо его осталось нѣмымъ. Онъ снова утянулъ подбородокъ въ воротникъ мундира и полузакрылъ глаза, подавляя легкую зѣвоту.

— Я пойду поговорю съ нимъ, — шепнулъ Канъ на ухо Бежуэну.

Но въ то время, какъ онъ вставалъ, президентъ, только-что окончившій повѣрку, всѣ ли депутаты на мѣстахъ, энергически позвонилъ въ колокольчикъ—и внезапно воцарилось глубокое безмолвіе.

Бѣлокурый господинъ всталъ на первой скамьѣ, скамьѣ изъ желтаго мрамора, со столикомъ изъ бѣлаго мрамора. Онъ держалъ въ рукѣ большую бумагу и пробѣгалъ ее глазами, пока говорилъ:

— Я имѣю честь, — началъ онъ пѣвучимъ голосомъ, — внести докладъ о законопроектѣ, открывающемъ кредитъ государственному министерству на сумму 400,000 франковъ, на расходы по обряду крещенія императорскаго принца.

Онъ сдѣлалъ видъ, что готовится положить репортъ, но всѣ депутаты закричали въ одинъ голосъ:

— Читать! Читать!

Репортеръ подождалъ, чтобы президентъ рѣшилъ, что чтеніе должно состояться. И началъ почти растроганнымъ голосомъ:

— Господа! Законопроектъ, представленный намъ, одинъ изъ тѣхъ, въ виду которыхъ обычная процедура голосованія кажется

Digitized by Google

слишкомъ медлительной, потому что задерживаетъ одушевленный порывъ законодательнаго корпуса.

— Очень хорошо!—произнесло нѣсколько голосовъ.

— Въ самыхъ скромныхъ семьяхъ,—продолжалъ репортеръ, подчеркивая каждое слово, — рожденіе сына-первенца бываетъ предметомъ такой сладкой радости, что всѣ прошедшія испытанія забываются, и одна надежда витаетъ надъ колыбелью новорожденнаго. Но что сказать объ этомъ семейномъ праздникѣ, когда онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ праздникомъ для великой націи и событіемъ европейскимъ!

Тутъ разразился всеобщій восторгъ. Это риторическое краснорѣчіе положило въ лоскъ всю палату. Ругонъ, который точно сталъ, видѣлъ передъ собой только улыбающіяся лица. Многіе депутаты преувеличивали знаки своего вниманія и подносили руки къ ушамъ, чтобы не проронить ни единаго словечка этой драгоцѣнной прозы. Репортеръ, послѣ краткой паузы, возвысилъ голосъ:

— Въ настоящую минуту, господа, великая французская семья, въ самомъ дѣлѣ, приглашаетъ всѣхъ своихъ членовъ выразить свою радость; и какая пышность потребовалась бы, еслибы было возможно, чтобы внѣшнія проявленія соотвѣтствовали громадности ея законныхъ надеждъ!

Новая пауза.

— Очень хорошо! Очень хорошо!—закричали тѣ же голоса.

— Тонко сказано, — замѣтилъ Канъ: — не правда ли, Бежуэнъ?

Бежуэнъ раскачивалъ головой, устремивъ глаза въ люстру. Онъ наслаждался.

На трибунахъ у Шарбоннелей слезы навернулись на глазахъ; m-me Коррёръ корчила внимательную физіономію приличной дамы; полковникъ одобрительно кивалъ головой, между тѣмъ какъ хорошенькая m-me Бушаръ сидѣла почти на колѣняхъ у д'Эскорайля, а красавица Клоринда съ биноклемъ въ рукахъ наблюдала за выраженіемъ лица репортера. Между тѣмъ у бюро, президентъ, секретари и самые пристава слушали торжественно, не позволяя себѣ ни одного жеста.

— Колыбель императорскаго принца, — продолжалъ репортеръ—является отнынѣ гарантіей за будущее, потому что, продолжая династію, которую мы всѣ провозгласили, она обезпечиваетъ ея благосостояніе, ея спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе цѣлой Европы.

Digitized by Google

Слабые «т-съ» помѣшали восторгу излиться при этой трогательной колыбельной картинѣ.

— Въ другую эпоху, отпрыскъ той же знаменитой крови тоже какъ-будто сулилъ великія судьбы, но тó время и нынѣшнее не имѣютъ между собой ничего общаго. Миръ есть результатъ мудраго и глубокомысленнаго царствованія, плодомъ котораго мы наслаждаемся, подобно тому, какъ геній войны продиктовалъ ту эпическую поэму, которая выражаетъ первую имперію. Привѣтствуемый при рожденіи пушками, которыя отъ сѣвера до юга возвѣщали объ успѣхахъ нашего оружія, римскій король не имѣлъ даже счастія служить своему отечеству; таковы были тогда указанія Провидѣнія.

— Чтó это онъ говоритъ такое? Онъ, кажется, заврался,— пробормоталъ скептикъ Ла-Рукетъ.—Все это мѣсто безтактно; онъ испортилъ свою рѣчь.

Въ самомъ дѣлѣ, депутаты начинали тревожиться. Къ чему это историческое воспоминаніе, стѣснявшее ихъ усердіе? Нѣкоторые высморкались. Но репортеръ, сознавая неодобреніе, вызванное послѣдней фразой, улыбнулся. Онъ повысилъ голосъ и продолжалъ свою антитезу, подчеркивая слова, увѣренный въ успѣхѣ:

— Но явившись на свѣтъ божій въ одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ дней, когда рожденіе одного должно считаться спасеніемъ для всѣхъ, дитя Франціи въ настоящее время какъ-бы даетъ намъ,—равно какъ и будущимъ поколѣніямъ,—право жить и умереть у родного очага. Вотъ залогъ божественнаго милосердія!

Заключеніе вышло очаровательно. Всѣ депутаты поняли, и ропотъ удовольствія пробѣжалъ по залѣ. Увѣреніе въ вѣчномъ мирѣ было въ самомъ дѣлѣ очень пріятно. Эти господа, успокоенные, снова приняли восторженныя позы политическихъ дѣятелей, присутствующихъ на литературной оргіи. Они могли позволить себѣ небольшой отдыхъ. Европа принадлежала ихъ господину.

— Императоръ, сдѣлавшись властелиномъ Европы, — продолжалъ репортеръ съ новымъ жаромъ: — готовился подписать тотъ великодушный миръ, который, объединяя производительныя силы націй, является столько же союзомъ народовъ, какъ и государей,—когда Богу стало угодно довести до апогея его счастіе и вмѣстѣ съ тѣмъ его славу. Естественно думать, что съ этой минуты онъ уже предвидѣлъ рядъ благополучныхъ годовъ, гляд

въ колыбель, гдѣ покоится еще младенцемъ продолжатель его великой политики.

И эта картина очень мила. И въ ней нѣтъ, конечно, ничего щекотливаго: депутаты подтверждали это тихимъ качаніемъ головъ. Но докладъ становился нѣсколько длиненъ. Многіе члены снова насупились, иные даже поглядывали искоса на трибуны, какъ практическіе люди, которымъ не совсѣмъ пріятно было показывать свою политику въ дезабильѣ. Другіе впали въ задумчивость, размышляя о своихъ дѣлахъ, и снова принялись стучать пальцами въ дерево пюпитровъ. А въ памяти ихъ смутно проносились былыя засѣданія, былая преданность, рукоплескавшая былымъ властителямъ, покоившимся въ колыбели. Ла-Рукеть часто оборачивался, чтобы поглядѣть на часы; когда стрѣлка показала безъ четверти три, у него вырвался отчаянный жестъ: онъ опоздалъ на свиданіе. Канъ и Бежуэнъ, сидя рядомъ, не шевелились; руки ихъ были скрещены, глаза мигали. А въ дипломатической ложѣ красавица Клоринда, не выпуская бинокля изъ рукъ, разсматривала Ругона, сохранявшаго величественную позу дремлющаго быка.

Однако репортеръ не торопился и читалъ въ собственное удовольствіе, двигая въ тактъ плечами:

— Проникнемся же безграничнымъ довѣріемъ, и пусть законодательный корпусъ припомнитъ при этомъ великомъ и важномъ случаѣ о родственномъ происхожденіи его съ императоромъ, которое даетъ ему почти семейное право, болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ учрежденіямъ, присоединиться къ радости государя. Какъ и онъ, дитя свободнаго желанія народа, законодательный корпусъ въ этотъ часъ становится голосомъ цѣлой націи, долженствующимъ заявить августѣйшему новорожденному чувство неизмѣннаго уваженія, непоколебимой преданности и той безграничной любви, которая дѣлаетъ изъ политическихъ убѣжденій религію, обязанности которой благословляешь.

— Должно быть близко къ концу, такъ какъ заговорилъ о почтеніи, религіи и обязанностяхъ.—Шарбоннели рискнули шопотомъ передать свои впечатлѣнія, между тѣмъ какъ m-me Коррёръ заглушала носовымъ платкомъ легкій кашель. M-me Бушаръ тихонько перешла въ глубину трибуны государственнаго совѣта, и сѣла рядомъ съ Жюлемъ д'Эскорайль.

Дѣйствительно, репортеръ, перемѣнивъ быстро интонацію голоса и переходя изъ торжественнаго въ фамильярный тонъ, быстро пробормоталъ:

592575

Digitized by Google

— Мы вамъ предлагаемъ, господа, прямо и просто принять законопроектъ въ томъ видѣ, какъ онъ внесенъ государственнымъ совѣтомъ.

И сѣлъ среди всеобщаго гвалта.

— Очень хорошо! очень хорошо!— кричала вся зала.

Послышались *браво*. Г. де-Комбело, не переставшій слушать съ улыбающимся вниманіемъ, крикнулъ даже: *да здравствуетъ императоръ!* затерявшееся въ шумѣ. И полковнику Жобелэну сдѣлали чуть не овацію, за то, что онъ, стоя у края трибуны, гдѣ пребывалъ одинъ, апплодировалъ своими сухими руками, вопреки правиламъ. Весь восторгъ, какимъ были встрѣчены первыя фразы, проявился съ новой силой. Барщина была отбыта. Съ одной скамьи на другую передавались любезности, между тѣмъ какъ толпа друзей бросалась къ репортеру, чтобы энергически пожать ему обѣ руки.

Потомъ среди гвалта выдѣлились крики:

— Къ преніямъ! Къ преніямъ!

Президентъ, стоя у бюро, какъ-бы ждалъ этого крика. Онъ позвонилъ и сказалъ залѣ, ставшей внезапно почтительной:

— Господа, большинство членовъ требуетъ, чтобы немедленно было приступлено къ преніямъ.

— Да! да!—подтвердила въ голосъ вся палата.

Но преній не воспослѣдовало. Немедленно приступили къ голосованію. Объ статьи законопроекта, пущенныя на голоса, были немедленно вотированы. Едва лишь президентъ успѣвалъ докончить чтеніе статьи, какъ всѣ депутаты встали какъ одинъ человѣкъ, словно восторгъ подбрасывалъ ихъ вверхъ. Кредитъ въ четыреста-тысячъ франковъ былъ вотированъ большинствомъ двухсотъ-тридцати-девяти голосовъ.

— Вотъ живо обработали,—сказалъ наивно Бежуэнъ и разсмѣялся, вообразивъ, что сказалъ нѣчто весьма остроумное.

— Уже три часа, я удираю, — пробормоталъ Ла-Рукетъ, проходя мимо Кана.

Зала пустѣла. Депутаты потихоньку пробирались къ дверямъ и исчезали словно сквозь стѣны. По порядку дѣлъ пошли законопроекты мѣстнаго интереса. Вскорѣ на скамьяхъ оставались одни только усердные члены, у которыхъ не было никакого дѣла въ тотъ день; кто изъ нихъ снова задремалъ; кто занялся болтовней, и засѣданіе окончилось, какъ и началось, среди мирнаго равнодушія. Даже шумъ улегся мало-по-малу, словно законодательный корпусъ задремалъ въ уголку нѣмого Парижа.

— Послушайте, Бежуэнъ,—сказалъ Канъ,—постарайтесь вы-

Digitized by Google

ждать что-нибудь у Делестана. Онъ пришелъ съ Ругономъ, онъ долженъ знать, какъ стоитъ дѣло.

— Эге! вы правы, это Делестанъ,—пробормоталъ Бежуэнъ, взглядывая на государственнаго совѣтника, сидѣвшаго по правую руку отъ Ругона.—Я ихъ никогда не узнаю въ ихъ дурацкихъ мундирахъ.

— Я не уйду, не изловивъ нашего великаго человѣка, — прибавилъ Канъ.—Мы должны узнать въ чемъ дѣло.

Президентъ предлагалъ на баллотировку безконечный рядъ законопроектовъ, которые баллотировались стоя и сидя. Депутаты машинально вставали, снова садились, не переставая разговаривать, даже не переставая спать; скука царила такая, что даже нѣсколько зѣвакъ на трибунахъ ушли. Одни друзья Ругона оставались. Они еще надѣялись, что онъ будетъ говорить.

Вдругъ одинъ депутатъ, съ прилизанными, какъ у провинціальнаго повѣреннаго, бакенбардами, всталъ. Это сразу пріостановило монотонный ходъ баллотировальной машины. Сильное изумленіе заставило всѣхъ встрепенуться.

— Господа,—произнесъ депутатъ, стоя у своей скамьи:—я прошу позволенія объяснить мотивы, заставившіе меня противъ желанія отдѣлиться отъ большинства коммиссіи.

Голосъ былъ такой рѣзкій, такой смѣшной, что красавица Клоринда заглушила руками смѣхъ. Но между депутатами удивленіе все возростало. Что-жъ это такое? О чемъ онъ говоритъ? И вотъ, разспрашивая другъ друга, узнали наконецъ, что президентъ пустилъ на обсужденіе законопроектъ, разрѣшающій департаменту восточныхъ Пиреней сдѣлать заемъ въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ франковъ на постройку зданія суда въ Перпиньянѣ. Ораторъ, генеральный совѣтникъ департамента, говорилъ противъ законопроекта. Это показалось интереснымъ. Депутаты прислушались.

Между тѣмъ депутатъ съ прилизанными бакенами говорилъ съ крайней осторожностью. Фразы его были полны недомолвокъ и онъ раскланивался въ нихъ со всевозможными властями. Но налоги, тяготѣющіе на департаментѣ, очень велики, и онъ набросалъ полную картину финансоваго положенія департамента восточныхъ Пиреней. Къ тому же, надобность въ новомъ зданіи для суда казалась ему недоказанной. Онъ говорилъ такимъ образомъ съ четверть часа. Когда онъ сѣлъ, то казался очень взволнованнымъ; Ругонъ, поднявшій-было вѣки, медленно опустилъ ихъ.

Тогда наступила очередь репортера, маленькаго, очень живого человѣчка, который заговорилъ, отчеканивая каждое слово, какъ

Digitized by Google

человѣкъ, увѣренный въ успѣхѣ. Сначала онъ отпустилъ комплиментъ своему почтенному собрату, съ которымъ, къ сожалѣнію, расходился во мнѣніи. Но департаментъ восточныхъ Пиренеи далеко не такъ отягощенъ налогами, какъ это говорятъ; и онъ набросалъ въ иныхъ цифрахъ картину финансоваго положенія департамента. Къ тому же, нельзя отрицать необходимости въ новомъ зданіи для суда. И пустился въ подробности. Старое зданіе помѣщается въ такомъ людномъ кварталѣ, что уличный шумъ заглушаетъ рѣчи адвокатовъ. Къ тому же, оно слишкомъ тѣсно: и когда свидѣтелей бываетъ много въ уголовныхъ процессахъ, то имъ приходится ждать на площадкѣ лѣстницы, а это подвергаетъ ихъ опаснымъ соблазнамъ. Репортеръ сѣлъ, заключивъ неотразимымъ аргументомъ, что самъ министръ юстиціи взялъ починъ въ этомъ дѣлѣ.

Ругонъ не шевелился, скрестивъ руки на колѣняхъ, а затылкомъ упершись въ скамью изъ краснаго дерева. Съ той минуты, какъ начались пренія, лицо у него совсѣмъ онѣмѣло, а станъ какъ-бы еще отяжелѣлъ. Но вотъ, въ ту минуту, какъ первый ораторъ собирался что-то возразить, Ругонъ медленно приподнялъ свое длинное туловище, не выпрямляясь во весь ростъ, и произнесъ вялымъ голосомъ одну только фразу:

— Г. репортеръ забылъ прибавить, что министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ одобрили законопроектъ.

И, тяжело опустившись на мѣсто, снова принялъ прежнюю позу дремлющаго быка. Между депутатами пробѣжалъ легкій трепетъ. Ораторъ сѣлъ, съ поклономъ. И законъ былъ вотированъ. Немногіе члены, съ любопытствомъ слѣдившіе за преніями, скорчили равнодушныя лица.

Ругонъ говорилъ! Съ одной трибуны въ другую, полковникъ Жобелэнъ обмѣнялся взглядомъ съ четой Шарбоннелей; а m-me Коррёръ собралась уходить изъ залы, подобно тому, какъ уходятъ изъ театра, когда герой пьесы произнесъ свою послѣднюю тираду. Г. д'Эскорайль и m-me Бушаръ уже ушли. Клоринда, стоя опершись на бархатную рампу, царила надъ залой своимъ высокимъ ростомъ и медленно драпировалась въ кружевную шаль, обводя глазами вдоль полу-круга. Дождь пересталъ колотить въ полукруглое окно, но небо оставалось пасмурнымъ. При тускломъ освѣщеніи красное дерево пюпитровъ казалось черными; тѣнь сгущалась вдоль эстрады, и только нѣсколько плѣшивыхъ головъ депутатовъ выдѣлялись бѣлыми пятнами въ полу-мракѣ; а на мраморѣ плинтусовъ, подъ смутно бѣлѣвшими аллегорическими фигурами, отъ президента, секретарей и приставовъ, вы-

Digitized by Google

строенныхъ въ одну шеренгу, ложились силуэты, подобные китайскимъ тѣнямъ. Засѣданіе утопало въ быстро наступавшихъ сумеркахъ.

— Господи! да тутъ просто задохнешься!—произнесла Клоринда, выводя мать изъ трибуны, и смутила приставовъ, дремавшихъ на площадкѣ, странной манерой, съ какой обвертѣла шаль вокругъ бедръ.

Внизу, въ сѣняхъ, наши дамы столкнулись съ полковникомъ Жобелэномъ и m-me Коррёръ.

— Мы его ждемъ,—сказалъ полковникъ:—быть можетъ, онъ выйдетъ отсюда... Во всякомъ случаѣ я далъ знать Кану и Безуэну, чтобы они пришли меня извѣстить.

M-me Коррёръ подошла къ графинѣ Бальби и произнесла огорченнымъ голосомъ:

— Ахъ! это было бы большимъ несчастіемъ!—не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія.

Полковникъ поднялъ глаза къ небу.

— Такіе люди, какъ Ругонъ, необходимы для страны,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Императоръ сдѣлаетъ ошибку.

И молчаніе возобновилось. Клоринда хотѣла просунуть голову въ залу «Des Pas perdus»; но приставъ быстро захлопнулъ дверь. Тогда она вернулась къ матери, молчавшей подъ черной вуалеткой, и пробормотала:

— Какъ несносно ждать!

Пришли солдаты. Полковникъ объявилъ, что засѣданіе окончено. Въ самомъ дѣлѣ, Шарбоннели показались на верху лѣстницы. Они осторожно спускались, другъ за другомъ, держась за перила. Когда Шарбоннель увидѣлъ полковника, то закричалъ ему:

— Онъ немного сказалъ, но славно утеръ имъ носъ.

— Случая нѣтъ,—отвѣчалъ полковникъ на ухо толстяку, когда тотъ очутился подлѣ него:—иначе вы бы его послушали, ему стоитъ только разгорячиться.

Между тѣмъ солдаты выстроились въ двѣ шеренги, между залой засѣданій и галлереей президентства, выходящей въ сѣни. Вотъ показался кортежъ — въ то время, какъ забили барабаны. Во главѣ шли два пристава, одѣтые въ черное, съ шляпой подъ мышкой, съ цѣпью на шеѣ, со шпагой на боку. Затѣмъ шелъ президентъ, въ сопровожденіи двухъ оффисье. За нимъ слѣдовали секретари бюро и главный секретарь президента. Проходя

Digitized by Google

мимо Клоринды, президентъ улыбнулся ей, какъ свѣтскій человѣкъ, несмотря на торжественность шествія.

— Ахъ! вы здѣсь,—проговорилъ Канъ, прибѣжавшій впопыхахъ.

И хотя входъ въ залу «Des Pas perdus» былъ въ то время воспрещенъ для публики, онъ ввелъ ихъ всѣхъ туда. Онъ отвелъ ихъ въ амбразуру одного изъ балконовъ, выходившихъ въ садъ, и казался въ ярости.

— Я опять прозѣвалъ его!—началъ онъ.—Онъ ушелъ черезъ улицу Бургонь, между тѣмъ какъ я стерегъ его въ залѣ генерала Фуа... Но это ничего не значитъ, мы все-таки узнаемъ, въ чемъ дѣло. Я послалъ Бежуэна догонять Делестана.

Прошло добрыхъ десять минутъ въ ожиданіи. Депутаты выходили, съ небрежнымъ видомъ, черезъ двѣ портьеры изъ зеленаго сукна, маскировавшія двери. Иные останавливались, чтобы закурить сигару. Другіе сходились маленькими группами, пожимали другъ другу руки и смѣялись. М-me Коррёръ пошла смотрѣть на группу Лаокоона. И въ то время, какъ Шарбоннели откидывали назадъ голову, чтобы получше разглядѣть чайку, которую буржуазная фантазія живописца помѣстила на рамѣ одной фрески, точно будто она вылетѣла изъ картины, красавица Клоринда, стоя передъ громадной бронзовой Минервой, съ любопытствомъ разглядывала руки и грудь богини-великанши. Въ амбразурѣ балкона, полковникъ Жобелэнъ и Канъ оживленно бесѣдовали вполголоса.

— Ахъ! вотъ Бежуэнъ!—закричалъ послѣдній.

Всѣ подбѣжали съ любопытствомъ, написанномъ на лицѣ. Бежуэнъ перевелъ духъ.

— Ну!—спросили у него.

— Ну! отставка принята, Ругонъ уходитъ.

Это былъ точно ударъ обухомъ по головѣ. Наступило глубокое молчаніе. Клоринда, нервно вертѣвшая уголокъ своей шали, чтобы занять руки, увидѣла тогда въ глубинѣ сада хорошенькую m-me Бушаръ, тихонько шедшую подъ руку съ д'Эскорайлемъ, слегка склонившись къ его плечу. Они ушли раньше другихъ, и, воспользовавшись отпертой дверью, гуляли влюбленной парочкой въ аллеяхъ, предназначенныхъ для серьёзныхъ размышленій. Клоринда позвала ихъ рукой.

— Великій человѣкъ выходитъ въ отставку,—сказала она молодой женщинѣ, которая улыбалась.

М-me Бушаръ вдругъ выпустила руку своего кавалера и вся поблѣднѣла; между тѣмъ какъ Канъ, среди огорченной

Digitized by Google

группы друзей Ругона, протестовалъ энергически, вздымая руки къ небу, но не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ.

II.

Утромъ, въ «Moniteur», появилось извѣстіе объ отставкѣ Ругона, удалявшагося отъ дѣлъ «по причинѣ разстроеннаго здоровья». Онъ пришелъ послѣ завтрака въ государственный совѣтъ, желая уже къ вечеру очистить мѣсто для своего преемника. И, сидя передъ громаднымъ палисандровымъ бюро, въ большомъ кабинетѣ, красномъ съ золотомъ, отведенномъ для президента, онъ опорожнялъ ящики, разбиралъ бумаги и раскладывалъ на пачки, которыя связывалъ розовой тесемкой.

Онъ позвонилъ. Вошелъ приставъ, бравый мужчина, служившій въ кавалеріи.

— Зажгите свѣчу,—приказалъ Ругонъ.

И въ то время, какъ приставъ уходилъ, поставивъ на бюро одинъ изъ маленькихъ подсвѣчниковъ, красовавшихся на каминѣ, онъ позвалъ его снова:

— Мерль, послушайте!.. Никого не впускайте. Слышите, никого.

— Слушаю, господинъ президентъ,—отвѣчалъ приставъ, запирая безъ шума дверь.

Ругонъ слабо улыбнулся. Онъ повернулся къ Делестану, стоявшему на другомъ концѣ комнаты, передъ картономъ, въ которомъ онъ заботливо перебиралъ бумаги.

— Добрякъ Мерль не читалъ сегодняшняго нумера «Moniteur»,—пробормоталъ онъ.

Делестанъ покачалъ головой, не найдя, что отвѣтить. У него была красивая голова, хотя и лысая, но лысина его была изъ тѣхъ преждевременныхъ лысинъ, которыя такъ нравятся женщинамъ. Голый черепъ, безмѣрно увеличивавшій его лобъ, придавалъ ему видъ очень умнаго человѣка. Свѣжее лицо, гладко выбритое и нѣсколько широкое, напоминало одну изъ тѣхъ правильныхъ и задумчивыхъ физіономій, какія мечтательные живописцы любятъ придавать великимъ политическимъ дѣятелямъ.

— Мерль очень вамъ преданъ,—произнесъ онъ наконецъ.

И снова уткнулся головой въ картонъ, который перебиралъ. Ругонъ, смявшій охапку бумагъ, зажегъ ихъ на свѣчкѣ, потомъ бросилъ въ большую бронзовую чашку, стоявшую на бюро. Онъ глядѣлъ, какъ онѣ горѣли.

Digitized by Google

— Делестанъ, не трогайте нижнихъ картоновъ, — сказалъ онъ:—тамъ есть дѣла, въ которыхъ я одинъ могу добиться толку.

Послѣ этого оба продолжали молча свое дѣло въ теченіе добрыхъ получаса. Погода была прекрасная, солнце ярко свѣтило въ три большихъ окна, выходившихъ на набережную. Одно изъ этихъ оконъ, полуоткрытое, пропускало легкій вѣтерокъ, доносившійся съ Сены и слегка колыхавшій шелковую бахрому занавѣсей. Смятыя бумаги, брошенныя на коверъ, разлетались съ легкимъ шелестомъ.

— Вотъ, поглядите-ка на это,—промолвилъ Делестанъ, подавая Ругону письмо, которое только-что нашелъ.

Ругонъ прочиталъ письмо и спокойно зажегъ его на свѣчкѣ. Письмо было щекотливаго свойства. И они принялись болтать, отрывистыми фразами, безпрестанно умолкая и суя носъ во всѣ бумаги. Ругонъ благодарилъ Делестана за то, что тотъ пришелъ ему помочь. Этотъ «добрый другъ» былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ спокойно перемыть грязное бѣлье, накопившееся за восемь лѣтъ президентства. Онъ познакомился съ нимъ въ законодательномъ собраніи, гдѣ они оба засѣдали на одной скамьѣ, другъ подлѣ друга. Тамъ онъ почувствовалъ настоящую привязанность къ красивому мужчинѣ, находя его очаровательно глупымъ, пустымъ и надменнымъ. Онъ говорилъ съ убѣжденнымъ видомъ: «этотъ бѣдовый Делестанъ далеко пойдетъ». И толкалъ его впередъ, стараясь привязать къ себѣ узами благодарности, утилизируя его, какъ мебель, въ которую онъ запиралъ все, чего не могъ хранить при себѣ.

— Вотъ дурачье! сколько бумагъ накопили,—пробормоталъ Ругонъ, открывая новый ящикъ, биткомъ набитый бумагами.

— Вотъ, письмо отъ женщины,—сказалъ Делестанъ, мигая.

Ругонъ звучно разсмѣялся. Его широкая грудь заколыхалась. Онъ взялъ письмо, отнѣкиваясь. Но взглянувъ на первыя строчки, закричалъ:

— Маленькій д'Эскорайль потерялъ это!.. Вотъ, тоже хорошія тряпички, эти бумажонки! Трехъ строчекъ отъ женщины достаточно, чтобы погубить человѣка.

И, сожигая письмо, прибавилъ:

— Знаете, Делестанъ, берегитесь женщинъ!

Делестанъ повѣсилъ носъ. Онъ вѣчно находился въ какихъ-нибудь женскихъ тискахъ. Въ 1851 году чуть было даже не скомпрометтировалъ своей политической карьеры; онъ обожалъ тогда жену соціалистическаго депутата, и чаще всего, чтобы по-

Digitized by Google

нравиться мужу, вотировалъ съ оппозиціей противъ Елисейскаго дворца. Поэтому, второе декабря было для него точно ударомъ обуха по головѣ. Онъ заперся на два дня, растерянный, уничтоженный, трясясь, что вотъ-вотъ его арестуютъ. Ругону пришлось выручать его изъ бѣды, и онъ посовѣтовалъ ему не соваться на выборы и свезъ въ Елисейскій дворецъ, гдѣ выпросилъ для него мѣсто государственнаго совѣтника. Делестанъ, сынъ торговца виномъ въ Берри, бывшій присяжный повѣренный, владѣлецъ образцовой фермы близъ Сентъ-Менегу́, былъ милліонеръ и жилъ, въ улицѣ Колизе́, въ очень изящномъ домѣ.

— Да, берегитесь женщинъ,—повторилъ Ругонъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы заглянуть въ различныя дѣла.— Если женщина не надѣнетъ вамъ короны на голову, то накинетъ петлю на шею... Въ наши годы, видите ли, надо оберегать сердце такъ же тщательно, какъ и желудокъ.

Въ эту минуту большой шумъ поднялся въ передней. Послышался голосъ Мерля, защищавшаго дверь. Но маленькій человѣчекъ ворвался въ комнату, говоря:

— Я хочу только пожать ему руку, чортъ побери!

— А! дю-Пуаза!—вскричалъ Ругонъ, не вставая.

И, между тѣмъ какъ Мерль сильно размахивалъ руками, въ знакъ извиненія, приказалъ ему запереть дверь. Потомъ спокойно проговорилъ:

— Я полагалъ, что вы находитесь въ Бресскоирѣ... Значитъ, подпрефектуру бросаютъ подчасъ какъ старую любовницу.

Дю-Пуаза, худой, съ рысьей мордочкой, съ очень бѣлыми, но неровными зубами, слегка пожалъ плечьми.

— Я прибылъ сегодня въ Парижъ по дѣламъ, и разсчитывалъ только вечеромъ побывать у васъ въ улицѣ Марбе́фъ. Я собирался отобѣдать у васъ... Но когда я прочиталъ «Moniteur»...

И, придвинувъ кресло къ бюро, онъ усѣлся напротивъ Ругона.

— Скажите, что все это значитъ? Я пріѣхалъ изъ провинціи... Правда, до меня доходили кое-какіе слухи. Но я и не подозрѣвалъ... Почему вы мнѣ не написали?

Ругонъ въ свою очередь пожалъ плечами. Было ясно, что дю-Пуаза въ провинціи узналъ объ его немилости и приказалъ, чтобы поглядѣть, нельзя ли уцѣпиться хоть за соломинку. Онъ поднялъ свои густыя рѣсницы, зорко поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Я хотѣлъ сегодня вечеромъ писать вамъ... Подавайте въ отставку, мой милый.

Digitized by Google

— Мнѣ это только и нужно было знать; я подамъ въ отставку,—отвѣчалъ дю-Пуаза просто.

Онъ всталъ и началъ что-то посвистывать. Прогуливаясь небольшими шагами, онъ увидѣлъ Делестана на колѣняхъ, на коврѣ, среди цѣлаго столпотворенія картоновъ, и молча подошелъ пожать ему руку. Потомъ вынулъ изъ кармана сигару, которую зажегъ на свѣчѣ.

— Курить можно, такъ какъ мы переѣзжаемъ на новую квартиру,—проговорилъ онъ, снова усаживаясь въ кресло.—А весело это—переѣзжать на новую квартиру!

Ругонъ углубился въ кипу бумагъ, которыя перечитывалъ съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ старательно сортировалъ ихъ, сжигая однѣ, откладывая въ сторону другія. Дю-Пуаза, закинувъ назадъ голову, пускалъ тонкія струйки дыма, слѣдя за его работой. Они познакомились за нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи. Оба жили тогда у m-me Мелани Коррёръ, въ отелѣ Ванно, улица Ванно. Дю-Пуаза жилъ тамъ въ качествѣ земляка; онъ, также какъ и m-me Коррёръ, родился въ Куланжѣ, маленькомъ городкѣ округа Ніоръ. Отецъ его, судебный приставъ, отправилъ его изучать право въ Парижъ, куда присылалъ ему сто франковъ въ мѣсяцъ, хотя и нажилъ кругленькое состояніе ростовщичествомъ. И богатство старика было такъ необъяснимо, что его обвиняли даже въ томъ, что онъ нашелъ кладъ въ старомъ шкафу, описанномъ имъ у неисправнаго должника. Въ первыя времена бонапартистской пропаганды, Ругонъ утилизировалъ этого худого малаго, съ яростью проѣдавшаго свои сто франковъ въ мѣсяцъ и улыбавшагося бѣдовой улыбкой; они участвовали за-одно въ самыхъ щекотливыхъ операціяхъ. Позднѣе, когда Ругонъ пожелалъ вступить въ законодательное собраніе, дю-Пуаза поручено было взять съ боя его избраніе въ департаментѣ Двухъ-Севровъ. Затѣмъ, послѣ государственнаго переворота, Ругонъ въ свою очередь поработалъ для дю-Пуаза и добился назначенія его подпрефектомъ въ Брессюиръ. Молодому человѣку, насчитывавшему всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, хотѣлось покичиться на родинѣ, въ нѣсколькихъ льё отъ отца, скупость котораго терзала его съ самаго выхода изъ коллежа.

— А папа дю-Пуаза какъ поживаетъ?—спросилъ Ругонъ, не поднимая глазъ.

— Слишкомъ хорошо,—беззастѣнчиво отвѣчалъ тотъ. — Онъ прогналъ свою послѣднюю служанку за то, что она съѣдала три фунта хлѣба. Теперь держитъ два заряженныхъ ружья за

Digitized by Google

дверью, и когда я хожу съ нимъ повидаться, то долженъ вести переговоры черезъ садовую стѣну.

Разговаривая, дю-Пуаза нагнулся и рылся пальцами въ бронзовой чашкѣ, гдѣ валялись полуистлѣвшія бумаги. Ругонъ, замѣтивъ его маневръ, поспѣшно поднялъ голову. Онъ всегда побаивался своего бывшаго адъютанта, бѣлые и неровные зубы котораго напоминали зубы молодого волка. Онъ всего больше заботился въ былое время, когда они работали за-одно, о томъ, чтобы въ его рукахъ не оставалось ни одной мало-мальски опасной бумаги. Поэтому, видя, что онъ пытается прочитать неистлѣвшія слова, бросилъ въ бронзовую чашку связку горящихъ писемъ. Дю-Пуаза отлично его понялъ, но улыбнулся и пошутилъ:

— Мы заняты стиркой.

И взявъ пару длинныхъ ножницъ, употребилъ ихъ какъ щипцы. Онъ зажигалъ на свѣчкѣ письма, которыя потухали; шевелилъ истлѣвшіе остатки; въ чашкѣ пробѣгали яркіе огоньки и синеватый дымокъ медленно тянулся въ открытое окно. Свѣча минутами колыхалась, затѣмъ горѣла ровнымъ пламенемъ.

— Ваша свѣчка похожа на тѣ восковыя свѣчи, что́ зажигаютъ на похоронахъ,—произнесъ дю-Пуаза́, подсмѣиваясь.—Вотъ хлопотливые похороны, мой бѣдный другъ! Сколько покойниковъ приходится похоронить въ пеплѣ!

Ругонъ собирался отвѣчать, когда новый шумъ поднялся въ передней. Мерль опять защищалъ дверь. И такъ какъ шумъ все усиливался, Ругонъ сказалъ:

— Делестанъ, будьте такъ добры, узнайте въ чемъ дѣло. Если не ошибаюсь, то намъ угрожаетъ нашествіе.

Делестанъ, молчавшій въ послѣднюю четверть часа и совсѣмъ схоронившійся въ картонахъ, всталъ и осторожно отворилъ дверь, тотчасъ же заперевъ ее за собою. Но почти тотчасъ просунулъ голову, шепча:

— Канъ пришелъ.

— Ну, пусть войдетъ,—отвѣчалъ Ругонъ. — Но только онъ одинъ, слышите?

И позвалъ Мерля, чтобы подтвердить ему свое приказаніе.

— Прошу извинить, милый другъ,—обратился онъ къ Кану, когда приставъ вышелъ.—Но я такъ занятъ... Садитесь возлѣ дю-Пуаза и не двигайтесь съ мѣста; иначе я васъ обоихъ выгоню вонъ.

Депутатъ, повидимому, нисколько не обидѣлся этимъ грубымъ пріемомъ, онъ привыкъ къ характеру Ругона. Взявъ кресло, онъ

Digitized by Google

сѣлъ возлѣ дю-Пуаза, закуривавшаго вторую сигару. Потомъ произнесъ, переводя духъ:

— Уже стало жарко... Я былъ у васъ въ улицѣ Марбёфъ и думалъ застать васъ дома.

Ругонъ ничего не отвѣчалъ, и наступило молчаніе. Онъ мялъ бумаги и бросалъ ихъ въ корзинку, которую придвинулъ къ себѣ.

— Мнѣ надо переговорить съ вами,—продолжалъ Канъ.

— Говорите, говорите,—отвѣчалъ Ругонъ.—Я васъ слушаю.

Но депутатъ какъ-бы теперь только замѣтилъ безпорядокъ, царствовавшій въ комнатѣ.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ онъ съ отлично разыграннымъ удивленіемъ.—Вы перемѣняете кабинетъ?

Тонъ былъ такой искренній, что Делестанъ сдѣлалъ любезность, всталъ съ мѣста и подалъ «Moniteur» Кану.

— Ахъ! Богъ мой!—закричалъ этотъ послѣдній, какъ только бросилъ взглядъ на газету. — Я думалъ-было, что дѣло уладилось со вчерашняго вечера. Это просто ударъ грома!.. Мой милый другъ...

Онъ всталъ и сжалъ обѣ руки Ругона. Тотъ молчалъ, глядя на Кана. На его крупномъ лицѣ двѣ насмѣшливыхъ складки обозначились около губъ. И такъ какъ дю-Пуаза принялъ слишкомъ равнодушный видъ, то онъ заподозрилъ, что они уже видѣлись сегодня утромъ; тѣмъ болѣе, что Канъ не догадался удивиться, увидя подпрефекта. Одинъ поѣхалъ должно быть въ государственный совѣтъ, между тѣмъ какъ другой побѣжалъ въ улицу Марбёфъ. Такимъ образомъ они были увѣрены, что захватятъ его.

— Итакъ, вамъ нужно мнѣ что-то сообщить? — спросилъ Ругонъ съ спокойнымъ видомъ.

— Оставимъ это, любезный другъ!—вскричалъ депутатъ:— у васъ столько хлопотъ. Я вовсе не желаю докучать вамъ своими вздорами въ такой день.

— Нѣтъ, не стѣсняйтесь, говорите.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я все о своемъ дѣлѣ, знаете, объ этой проклятой концессіи... Я даже радъ, что дю-Пуаза здѣсь на лицо. Онъ можетъ дать вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

И пространно изложилъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло. Вопросъ шелъ о желѣзной дорогѣ изъ Ніора въ Анжеръ, проектъ которой онъ лелѣялъ уже три года. Сущность заключалась въ томъ, что эта дорога должна была проходить черезъ Бресскюиръ, гдѣ у него были заводы, стоимость которыхъ значи-

Digitized by Google

тельно возростала съ желѣзной дорогой; до тѣхъ поръ перевозъ былъ затруднителенъ и предпріятіе еле-плелось. Къ тому же выпускъ акцій обѣщалъ обильную ловлю рыбы въ мутной водѣ. Поэтому Канъ употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы добиться концессіи; Ругонъ энергически поддерживалъ его, когда де-Марси, министръ внутреннихъ дѣлъ, разсердясь, что не участвуетъ въ дѣлѣ, выгодность котораго чуялъ носомъ, и съ другой стороны желая насолить Ругону, употребилъ все свое вліяніе, чтобы затормазить проектъ. Онъ даже, съ нахальствомъ, его характеризующимъ, предложилъ черезъ министра общественныхъ работъ концессію директору западной компаніи и распускалъ слухи, что компанія одна могла успѣшно выполнить предпріятіе, требовавшее серьёзныхъ гарантій. Кану предстояло разореніе. Паденіе Ругона завершало бѣду.

— Я узналъ вчера, — сказалъ онъ, — что компанейскому инженеру поручено изучить новое направленіе дороги!.. Слышали ли вы объ этомъ, дю-Пуаза?

— Какъ же, — отвѣчалъ подпрефектъ. — Изслѣдованія даже уже начались... Хотятъ избѣжать крюка, который былъ у васъ въ планѣ, по направленію на Брессюиръ. Линія пройдетъ прямо на Партенэ и Туаръ.

Депутатъ сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— Это просто гоненіе, — проговорилъ онъ. — Что бы для нихъ значило провести линію мимо моего завода?.. Но я буду протестовать, я напишу мемуаръ противъ ихъ направленія. Я вернусь въ Брессюиръ вмѣстѣ съ вами.

— Нѣтъ, не ждите меня, — отвѣчалъ дю-Пуаза, улыбаясь. — Я вѣдь выхожу въ отставку.

Канъ упалъ въ кресло, какъ-бы окончательно сраженный послѣдней катастрофой. Онъ теръ свою бороду обѣими руками и глядѣлъ на Ругона съ умоляющимъ видомъ. Этотъ послѣдній выпустилъ изъ рукъ дѣла. Опершись локтями на бюро, онъ слушалъ. Имя де-Марси, произнесенное нѣсколько разъ, зажгло пламя въ его сѣрыхъ глазахъ.

— Вы хотите совѣта, не правда ли? — сказалъ онъ наконецъ грубымъ голосомъ. — Ну, такъ прикиньтесь мертвыми, мои добрые друзья; постарайтесь, чтобы дѣла оставались въ прежнемъ видѣ, и ждите, чтобы сила перешла на нашу сторону... Дю-Пуаза подастъ въ отставку, потому что еслибы онъ самъ не подалъ въ отставку, то получилъ бы ее раньше двухъ недѣль. Что касается васъ, Канъ, то напишите императору, помѣшайте во что бы то ни стало передачѣ концессіи западной компаніи. Вы, конечно, ее

Digitized by Google

не получите, но, пока ее никому не отдали, она можетъ позднѣе остаться за вами.

И между тѣмъ какъ оба собесѣдника качали головой:

— Вотъ все, что́ я могу сдѣлать для васъ, — отвѣчалъ онъ еще грубѣе. — Я свалился, дайте мнѣ время подняться... Развѣ я повѣсилъ носъ? Нѣтъ! не правда ли? Ну, такъ сдѣлайте мнѣ удовольствіе: не изображайте, что вы меня провожаете на кладбище... я радъ, что возвращаюсь къ частной жизни. Наконецъ мнѣ можно будетъ немного отдохнуть!

Онъ тяжело перевелъ духъ, сложилъ руки, раскачивая свое длинное тѣло. И Канъ пересталъ говорить о своемъ дѣлѣ. Онъ постарался принять на себя развязный видъ. Дю-Пуаза́ пытался выказывать полное самообладаніе; Делестанъ занялся другимъ картономъ; онъ, скрытый креслами, производилъ такой шумъ, что минутами можно было подумать, что это расшумѣлась толпа мышей, напущенныхъ въ картоны. Солнце, пробиравшееся по красному ковру, задѣвало бюро концомъ блѣднаго, золотистаго луча, въ которомъ свѣча продолжала горѣть совсѣмъ блѣднымъ пламенемъ.

Между тѣмъ завязался интимный разговоръ. Ругонъ снова принялся связывать кипы дѣлъ, увѣряя, что политика — не его призваніе. Онъ улыбался добродушно, между тѣмъ какъ его вѣки, точно усталыя, скрывали пламя, горѣвшее въ его глазахъ. Онъ бы желалъ владѣть обширными помѣстьями, съ полями, которыя бы сталъ воздѣлывать, какъ ему хочется, стадами быковъ, овецъ, табунами лошадей, надъ которыми былъ бы безусловнымъ господиномъ. И разсказывалъ, что въ былое время въ Плассанѣ, когда былъ еще незначительнымъ провинціальнымъ адвокатомъ, онъ всего больше любилъ ходить въ блузѣ на охоту въ ущелья Сейльи, гдѣ стрѣлялъ орловъ. Онъ называлъ себя мужикомъ; дѣдъ его пахалъ землю. Мало-по-малу онъ сталъ прикидываться человѣкомъ разочарованнымъ. Власть ему надоѣла. Онъ будетъ проводить лѣто въ деревнѣ. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такъ легко, какъ сегодня утромъ, и съ силой раскачивалъ широкія плечи, точно сбрасывалъ тяжесть.

— Что́ вы получали какъ президентъ? восемьдесятъ тысячъ франковъ?—спросилъ Канъ.

Онъ кивнулъ головой.

— У васъ останется теперь только тридцать тысячъ франковъ сенаторскаго жалованья.

Что за бѣда! Онъ живетъ схимникомъ; за нимъ не водится никакихъ пороковъ, — и это была правда. Онъ не былъ ни

Digitized by Google

игрокомъ, ни ловеласомъ, ни обжорой. Онъ мечталъ быть хозяиномъ въ своемъ домѣ, — вотъ и все. И незамѣтно снова перешелъ къ мечтѣ о фермѣ, въ которой всѣ бы животныя ему повиновались. Его идеалъ: взять въ руки бичъ и командовать; быть выше другихъ, умнѣе, сильнѣе. Мало-по-малу онъ оживился, заговорилъ о животныхъ точно о людяхъ, утверждалъ, что толпа любитъ палку, что пастухи управляютъ стадомъ только при помощи ударовъ. Онъ весь преобразился, его толстыя губы выражали презрѣніе, все его лицо дышало энергіей. Въ сжатомъ кулакѣ онъ держалъ какое-то дѣло, и точно собирался бросить имъ въ голову Кану и дю-Пуазá, которымъ стало не по себѣ при этомъ внезапномъ припадкѣ ярости.

— Императоръ очень худо поступилъ, — пробормоталъ дю-Пуазà.

Тогда Ругонъ успокоился. Лицо его снова побурѣло, тѣло снова стало какъ-бы грузнѣе. Онъ принялся осыпать императора преувеличенными похвалами: вотъ человѣкъ мощнаго ума, невѣроятной прозорливости. Дю-Пуазá и Канъ обмѣнялись взглядомъ. Но Ругонъ пошелъ еще дальше, толкуя о своей преданности и говоря, что всегда гордился тѣмъ, что служитъ простымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона III. Онъ кончилъ наконецъ тѣмъ, что разсердилъ дю-Пуазá,—къ сожалѣнію, очень вспыльчиваго малаго. И завязался споръ. Дю-Пуазá съ горечью говорилъ обо всемъ, что Ругонъ и онъ сдѣлали для имперіи съ 1848 по 1851 г., когда умирали съ голода у m-me Мелани Коррёръ. Онъ передавалъ о страшныхъ дняхъ, въ особенности въ теченіе перваго года, о тѣхъ дняхъ, когда они съ утра и до ночи шлепали по парижской грязи, набирая приверженцевъ. Позднѣе, они двадцать разъ жертвовали жизнью. Развѣ не Ругонъ занялъ 2-го декабря бурбонскій дворецъ во главѣ линейнаго полка? Тутъ вѣдь приходилось рисковать головой. А теперь его приносили въ жертву дворцовой интригѣ. Но Ругонъ протестовалъ; его вовсе не принесли въ жертву; онъ удалился изъ личныхъ соображеній. Потомъ, такъ какъ дю-Пуазá, расходившись, обзывалъ Тюльерійскихъ обитателей «свиньями», онъ заставилъ его замолчать, ударивъ изо-всей силы кулакомъ по палисандровому бюро, которое затрещало.

— Это наконецъ глупо!—сказалъ онъ просто.

— Вы заходите слишкомъ далеко,—пробормоталъ Канъ.

Делестанъ, весь блѣдный, поднялся съ полу, и потихоньку отворилъ дверь, чтобы поглядѣть, не подслушиваетъ ли кто въ передней, но увидѣлъ только высокій силуетъ Мерля, который

Digitized by Google

стоялъ, скромно повернувшись спиною къ двери. Слова Ругона заставили дю-Пуаза покраснѣть, и онъ умолкъ, отрезвленный, жуя сигару съ недовольнымъ видомъ.

— Конечно, императоръ дурно окруженъ,—продолжалъ Ругонъ послѣ минутнаго молчанія. — Я позволилъ себѣ ему это замѣтить, — и онъ улыбнулся. Онъ даже удостоилъ пошутить, прибавивъ, что окружающіе меня люди не лучше.

Дю-Пуаза и Канъ принужденно засмѣялись. Они нашли шутку очень милой.

— Но, повторяю,—продолжалъ Ругонъ особымъ голосомъ,—я ухожу по собственной охотѣ. Если васъ будутъ объ этомъ спрашивать, то вы, какъ мои друзья, должны утверждать, что я могъ вчера взять назадъ свою отставку... Опровергайте также сплетни, распускаемыя на счетъ дѣла Родригеца, изъ котораго сочинили, кажется, цѣлый романъ. Я, конечно, могъ разойтись въ этомъ дѣлѣ съ большинствомъ государственнаго совѣта, и, конечно, это могло вызвать неудовольствіе, ускорившее мою отставку. Но у меня были болѣе застарѣлыя и болѣе серьёзныя причины. Я давно порѣшилъ оставить высокое положеніе, которымъ былъ обязанъ благосклонности императора.

Онъ произнесъ эту тираду съ тѣмъ жестомъ правой руки, которымъ злоупотреблялъ, когда говорилъ въ палатѣ. Эти объясненія очевидно предназначались для публики. Канъ и дю-Пуаза, знавшіе насквозь Ругона, попытались ловкими фразами вывѣдать у него истину. Великій человѣкъ, какъ они фамильярно величали его между собою, долженъ былъ вести какую-то страшную игру. Они свели разговоръ на политику вообще. Ругонъ подсмѣивался надъ парламентской системой, которую называлъ: «навозомъ посредственности». Палата, по его мнѣнію, пользовалась нелѣпой свободой. Въ ней слишкомъ много говорили. Франціей слѣдовало управлять посредствомъ хорошо устроенной машины, наверху которой стоялъ бы императоръ, государственныя же учрежденія и чиновники—внизу играли бы роль простыхъ колесъ. Онъ смѣялся, грудь его вздымалась, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ излагалъ свою систему, закипая презрѣніемъ къ дуракамъ, требовавшимъ сильнаго правительства.

— Но,—перебилъ Канъ,—если императоръ стоитъ наверху, а прочіе всѣ внизу, то вѣдь это можетъ быть пріятно только для одного императора!

— Кому скучно, тотъ ступай вонъ, — произнесъ спокойно Ругонъ.

Онъ помигалъ вѣками, потомъ прибавилъ:

Digitized by Google

— Надо переждать, пока станетъ веселѣе, — и затѣмъ вернуться.

Наступило глубокое молчаніе. Канъ поглаживалъ бороду, довольный тѣмъ, что узналъ то, что хотѣлъ. Наканунѣ, въ палатѣ, онъ угадалъ вѣрно, когда намекнулъ, что Ругонъ, видя, что его вліяніе пошатнулось въ Тюльери, самъ рѣшилъ удалиться, чтобы выждать болѣе благопріятнаго времени. Дѣло Родригеца давало ему великолѣпный случай уйти съ видомъ честнаго человѣка.

— А что говорятъ въ публикѣ?—спросилъ Ругонъ, чтобы прервать молчаніе.

— Я только-что пріѣхалъ,—отвѣчалъ дю-Пуазà.—Однако, сію минуту въ кафé я слышалъ, какъ одинъ господинъ съ крестомъ очень одобрялъ вашу отставку.

— Вчера Бежуэнъ казался очень огорченнымъ,—объявилъ въ свою очередь Канъ.—Бежуэнъ очень васъ любитъ. Это малый довольно ограниченный, но надежный... Самъ маленькій Ла-Рукетъ велъ себя очень прилично. Онъ отлично о васъ отзывается.

И разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Ругонъ, безъ всякаго стѣсненія задавая вопросы, заставилъ депутата отдать ему подробный отчетъ, и тотъ, съ большой готовностью, сообщилъ ему въ подробности, какъ относилась къ нему палата.

— Сегодня, въ теченіи дня,—перебилъ дю-Пуазà, которому было непріятно, что ему нечего сообщить,—я пойду прогуливаться по Парижу и завтра утромъ явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Кстати,—вскричалъ Канъ, смѣясь,—я забылъ вамъ сообщить про Комбело!.. Нѣтъ, никогда не видывалъ я человѣка въ такомъ неловкомъ положеніи...

Но остановился, увидя, что Ругонъ мигаетъ ему глазами на спину Делестана, который въ эту минуту стоялъ на стулѣ и очищалъ верхнюю полку библіотеки, куда складывались журналы. Комбело былъ женатъ на сестрѣ Делестана. Этому послѣднему, со времени немилости Ругона, было непріятно его родство съ камергеромъ. Онъ повернулся и сказалъ съ улыбкой:

— Почему вы не продолжаете?.. Комбело дуракъ. Гмъ! вотъ въ чемъ секретъ!

Такая короткая расправа съ родственникомъ очень разсмѣшила этихъ господъ. Делестанъ, поощренный успѣхомъ, посмѣялся даже надъ черной бородой Комбело, столь знаменитой между дамами. Потомъ, безъ всякаго перехода, важно произнесъ слѣдующія слова, бросая кипу журналовъ на коверъ:

Digitized by Google

— Горе однихъ доставляетъ радость другимъ.

Эта истина опять навела разговоръ на де-Марси. Ругонъ, уткнувъ носъ въ портфѣль, въ которомъ тщательно пересматривалъ всѣ отдѣленія, предоставилъ своимъ друзьямъ отвести душу. Они говорили про де-Марси съ азартомъ политиковъ, напустившихся на противника. Ругательства, отвратительныя обвиненія, истинныя событія, преувеличенныя до безобразія, сыпались градомъ. Дю-Пуазà, знавшій де-Марси во время оно, до учрежденія имперіи, утверждалъ, что онъ жилъ тогда на содержаніи у любовницы, какой-то баронессы, у которой промоталъ брилльянты въ какихъ-нибудь три мѣсяца. Канъ утверждалъ, что ни одно мошенническое дѣло не совершалось на парижской биржѣ безъ участія де-Марси. И, взаимно подстрекая другъ друга, они сообщали факты, одинъ чудовищнѣе другого; въ одномъ предпріятіи по какимъ-то копямъ де-Марси содралъ взятку въ милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ; онъ подарилъ въ прошломъ мѣсяцѣ маленькой Флорансъ, изъ оперы Буффъ, домъ, стоимостью въ шестьсотъ тысячъ франковъ, полученныхъ имъ отъ игры на акціи марокканскихъ желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ, всего какихъ-нибудь дней десять тому назадъ рушилось со скандаломъ великое предпріятіе по египетской канализаціи, затѣянное его креатурами: акціонеры узнали, что еще ни одного удара заступомъ не было сдѣлано, хотя они уже два года вносили деньги. Потомъ они набросились на его наружность, раскритиковали въ пухъ и прахъ его надменную физіономію изящнаго авантюриста, толковали про застарѣлыя болѣзни, которыя рано или поздно сыграютъ съ нимъ недобрую штуку и, наконецъ, разбранили даже картинную галерею, которую онъ собиралъ тогда.

— Это бандитъ въ шкурѣ водевильнаго актера,—сказалъ, наконецъ, Дю-Пуазà.

Ругонъ медленно поднялъ голову. Онъ поглядѣлъ на обоихъ пріятелей своими большими глазами.

— Ну, какой толкъ въ вашей брани,—проговорилъ онъ.— Марси обдѣлываетъ свои дѣлишки, вотъ и все! Вы вѣдь тоже хотите обдѣлать свои... Мы не ладимъ другъ съ другомъ. И если даже мнѣ представится когда-нибудь случай свернуть ему шею, я это сдѣлаю съ удовольствіемъ. Но все, что́ вы разсказываете про Марси, не мѣшаетъ ему быть ловкимъ человѣкомъ. Если только онъ захочетъ, то раздавитъ васъ, какъ двухъ комаровъ, —предупреждаю васъ.

Онъ всталъ съ кресла, утомясь сидѣть и расправляя члены. Потомъ прибавилъ, зѣвая во весь ротъ:

Digitized by Google

— Тѣмъ болѣе, добрые друзья мои, что теперь я не могъ бы ему помѣшать.

— О, еслибы вы захотѣли, — пробормоталъ дю-Пуазá съ кислой улыбкой,—то могли бы жестоко насолить Марси. У васъ тутъ навѣрное найдутся бумаги, за которыя бы онъ дорого далъ... Вонъ тамъ, въ дѣлѣ Ларденуа, гдѣ онъ игралъ такую странную роль. Я узнаю письмо отъ него, очень любопытное, которое я самъ нѣкогда принесъ вамъ.

Ругонъ пошелъ бросить въ каминъ бумаги, которыми мало-по-малу наполнилъ корзинку. Бронзовой чашки уже было недостаточно.

— Надо убивать врага, но царапать его безполезно,—проговорилъ онъ, презрительно пожимая плечами.—Всякому случалось писать глупыя письма, попадающія въ чужія руки.

И онъ взялъ то письмо, зажегъ его на свѣчкѣ, и поджегъ имъ, въ свою очередь, кучу бумагъ въ каминѣ. Онъ съ минуту просидѣлъ на корточкахъ на коврѣ, наблюдая за горѣвшей бумагой, отлетавшей на самый коверъ. Иные толстые административные документы вытягивались точно свинцовыя пластинки; записочки, клочки бумаги, исписанные скернымъ почеркомъ, горѣли маленькими синеватыми язычками, между тѣмъ какъ въ горящемъ кострѣ, среди тучи искръ, оставались несгорѣвшіе обрывки, которые можно было прочитать.

Въ эту минуту дверь отворилась настежь. Чей-то голосъ произнесъ, смѣясь:

— Хорошо, хорошо, я извинюсь за васъ, Мерль... Я вѣдь свой человѣкъ. Если вы не пропустите меня отсюда, то я пройду черезъ залу засѣданій, чортъ возьми!

То былъ д'Эскорайль, котораго Ругонъ назначилъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, аудиторомъ въ государственный совѣтъ. Онъ велъ подъ руку хорошенькую m-me Бушаръ, свѣжую, какъ розанъ, въ свѣтломъ весеннемъ платьѣ.

— Ну, вотъ баб еще наведутъ сюда,—пробормоталъ Ругонъ.

Онъ не тотчасъ отошелъ отъ камина, а оставался на корточкахъ, съ лопаткой въ рукѣ, которою тушилъ пламя, во избѣжаніе пожара. Потомъ поднялъ свое широкое лицо съ недовольнымъ видомъ. Д'Эскорайль не смутился. И онъ, и молодая женщина уже на порогѣ перестали улыбаться, и состроили приличныя случаю физіономіи.

— Милый хозяинъ,—сказалъ онъ,—я привелъ къ вамъ одну изъ вашихъ пріятельницъ, которая непремѣнно хотѣла заявить

Digitized by Google

вамъ о своемъ соболѣзнованіи... Мы прочитали сегодня утромъ «Moniteur»...

— И вы прочитали «Moniteur», — проворчалъ Ругонъ, рѣшившись наконецъ встать на ноги.

Но тутъ онъ увидѣлъ лицо, котораго еще не видалъ, и пробормоталъ, помигавъ глазами:

— Ахъ! Monsieur Бушаръ.

То былъ дѣйствительно мужъ. Онъ вошелъ позади юбокъ жены, молчаливый и важный. Бушару было шестьдесятъ лѣтъ; голова его была совсѣмъ сѣдая, глаза потухшіе, лицо какъ-бы истертое тридцати-пяти-лѣтнею государственной службою. Онъ не произнесъ ни слова, но взялъ съ умиленнымъ видомъ руку Ругона и энергически потрясъ ее.

— Ну,—сказалъ этотъ послѣдній,—очень мило было съ вашей стороны придти меня провѣдать, но вы чертовски стѣсняете меня... Ну, станьте вотъ тутъ... Дю-Пуазà, уступите ваше кресло m-me Бушаръ.

И повернувшись, Ругонъ очутился носомъ къ носу съ полковникомъ Жобеленомъ.

— Какъ, и вы тутъ, полковникъ,—закричалъ онъ.

Дверь оставалась открытою. Мерль не могъ помѣшать полковнику, входившему на лѣстницу позади Бушаровъ, войти въ комнату. Онъ держалъ за руку сына, большого пятнадцатилѣтняго балбеса, ученика коллежа Louis le Grand.

— Я хотѣлъ привести къ вамъ Огюста,—произнесъ онъ.— Истинные друзья познаются въ несчастіи... Огюсть, пожми руку г. Ругону.

Но Ругонъ бросился въ переднюю, крича:

— Да заприте же дверь, Мерль! о чемъ вы думаете! Весь Парижъ заберется сюда.

Приставъ показалъ свое спокойное лицо, говоря:

— Да вѣдь они уже увидѣли васъ, господинъ президентъ.

И долженъ былъ посторониться и пропустить Шарбоннелей. Они шли рядомъ, но не подъ руку, запыхавшіеся, разогорченные, растерянные, и заговорили въ одинъ голосъ:

— Мы сейчасъ прочитали «Moniteur»... Ахъ, какая вѣсть! Какъ ваша бѣдная матушка огорчится. А мы-то? Въ какое это насъ ставитъ ужасное положеніе!

Шарбоннели, будучи наивнѣе другихъ, тутъ же готовились выложить всѣ свои дѣлишки. Ругонъ велѣлъ имъ замолчать. Онъ заперъ дверь на ключъ, говоря, что пусть теперь ломаютъ дверь, если хотятъ, а онъ не отопретъ. Потомъ, видя, что никто изъ

Digitized by Google

его друзей, повидимому, не располагаетъ уйти, примирился съ судьбой и попытался докончить свое дѣло въ обществѣ девяти человѣкъ, занявшихъ его кабинетъ. Переборка бумагъ произвела въ комнатѣ настоящее столпотвореніе. На коврѣ валялись кипы дѣлъ, такъ что полковнику и Бушару, пробиравшимся въ амбразуру окна, пришлось дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы не смять какого-нибудь важнаго дѣла. Всѣ кресла были завалены связанными кипами. Одна m-me Бушаръ могла сѣсть на свободное кресло и улыбалась любезностямъ дю-Пуаза и Кана, между тѣмъ какъ д'Эскорайль, не находя табурета, пододвинулъ ей подъ ноги толстую синюю папку, набитую письмами. Ящики бюро, составленные въ углу, послужили сѣдалищемъ для Шарбоннелей, съ трудомъ переводившихъ духъ; а юный Огюстъ, въ восторгѣ, что попалъ въ такую катавасію, сновалъ кругомъ и исчезалъ по временамъ позади горы картоновъ, за которыми Делестанъ скрывался, какъ за укрѣпленіемъ. Этотъ послѣдній сильно пылилъ, бросая журналы съ верхней полки библіотеки. М-me Бушаръ раскашлялась.

— Напрасно вы сидите въ этой грязи, — сказалъ Ругонъ, опорожнявшій картоны, до которыхъ просилъ Делестана не дотрогиваться.

Но молодая женщина, раскраснѣвшись отъ кашля, увѣряла его, что ей очень удобно, что шляпка ея не боится пыли. И вотъ, вся шайка разсыпалась въ соболѣзнованіяхъ. Императоръ, должно быть, вовсе не заботится объ интересахъ страны, что позволяетъ водить себя за носъ лицамъ, столь мало достойнымъ его довѣрія. Франція понесетъ важную утрату. Къ тому же, всегда такъ бываетъ: великій умъ всегда вооружаетъ противъ себя всѣ посредственности.

— Правительства неблагодарны,—объявилъ Канъ.

— Тѣмъ хуже для нихъ!—замѣтилъ полковникъ.

— Они вредятъ своимъ интересамъ, не дорожа своими слугами.

Но Канъ хотѣлъ, чтобы послѣднее слово осталось за нимъ. Онъ повернулся къ Ругону.

— Когда такой человѣкъ, какъ вы, падаетъ, то это бываетъ общественнымъ бѣдствіемъ.

Шайка подтвердила:—Да, да, общественнымъ бѣдствіемъ!

Эти беззастѣнчивыя похвалы заставили Ругона поднять голову. Безцвѣтныя щеки его раскраснѣлись, все лицо освѣтилось сдержанной улыбкой удовольствія. Онъ кокетничалъ силой, какъ женщина кокетничаетъ красотой, и любилъ, чтобы ему льстили прямо въ глаза. Между тѣмъ было очевидно, что друзья его

Digitized by Google

стѣсняютъ другъ друга; они сторожили другъ друга взглядомъ, стараясь уйти въ уголокъ, понижая голосъ. Теперь, когда великій человѣкъ казался обезоруженнымъ, необходимо было заручиться его добрымъ словомъ. И полковникъ первый рѣшился дѣйствовать. Онъ увелъ въ амбразуру окна Ругона, который покорно послѣдовалъ за нимъ, съ папкой въ рукахъ.

— Позаботились ли вы обо мнѣ?—спросилъ онъ шепотомъ, съ любезной улыбкой.

— Само собою разумѣется. Ваше назначеніе въ командоры было мнѣ обѣщано всего четыре дня тому назадъ. Но только вы понимаете, что теперь я не могу больше ни за что ручаться... Я боюсь, сознаюсь вамъ, какъ бы моя немилость не отразилась на моихъ друзьяхъ.

Губы полковника задрожали отъ волненія. Онъ пробормоталъ, что надо бороться, что онъ будетъ бороться. Потомъ, рѣзко повернувшись, позвалъ:

— Огюстъ!

Балбесъ сидѣлъ на четверенькахъ подъ бюро и читалъ заголовки дѣлъ, бросая время отъ времени умильные взгляды на маленькія ботинки m-me Бушаръ. Онъ подбѣжалъ.

— Вотъ мой молодецъ! — продолжалъ полковникъ вполголоса. — Вѣдь вы знаете, мнѣ нужно пристроить эту дрянь. Я разсчитываю на васъ. Я еще не рѣшилъ, куда опредѣлить его: въ магистратуру или въ администрацію... Пожми руку нашему другу, Огюстъ, чтобы онъ не забывалъ про тебя.

Въ это время m-me Бушаръ, кусавшая отъ нетерпѣнія перчатку, встала и подошла къ лѣвому окну, приказавъ взглядомъ д'Эскорайлю послѣдовать за ней. Мужъ уже стоялъ тамъ, опершись локтями на подоконникъ, и глядѣлъ на открывавшійся изъ окна видъ. Напротивъ высокіе тюльерійскіе каштаны трепетали, облитые теплыми лучами солнца, между тѣмъ какъ Сена, начиная отъ Королевскаго моста и до моста Согласія, катила голубыя воды, искрившіяся на солнцѣ.

М-me Бушаръ вдругъ обернулась, крича:

— М-г Ругонъ, поглядите-ка!

И въ то время, какъ Ругонъ поспѣшилъ оставить полковника, дю-Пуазá, стоявшій возлѣ молодой женщины, скромно отошелъ и подошелъ къ Кану, занявшему среднее окно.

— Поглядите на эту барку съ кирпичемъ; она чуть-было не потонула,—разсказывала m-me Бушаръ.

Ругонъ снисходительно оставался подлѣ нея, и д'Эскорайль, повинуясь новому взгляду молодой женщины, сказалъ:

Digitized by Google

— М-г Бушаръ хочетъ подать въ отставку. Мы привели его къ вамъ, чтобы вы его урезонили.

Тогда Бушаръ объяснилъ, что несправедливость его возмущаетъ.

— Да, господинъ Ругонъ, я началъ свою карьеру съ должности экспедитора въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и дослужился до столоначальника безъ всякихъ интригъ или искательствъ... Я служу столоначальникомъ съ 1847 года. Ну, и что-жъ! Мѣсто начальника отдѣленія было уже пять разъ вакантнымъ, четыре раза при республикѣ и разъ при имперіи, а министръ и не подумалъ обо мнѣ, хотя за мной права старшинства... Теперь, когда вы уходите и вамъ нельзя будетъ выполнить даннаго обѣщанія, я лучше выйду въ отставку.

Ругонъ успокоилъ его. Мѣсто еще не отдано другому; если даже оно и на этотъ разъ ускользнетъ отъ него, бѣда невелика: другой случай представится, конечно. Потомъ онъ взялъ m-me Бушаръ за руки, отечески хваля ее и суля ей всяческія благополучія. Домъ столоначальника былъ первый, который открылся для него въ эпоху его прибытія въ Парижъ. Тамъ онъ познакомился съ полковникомъ, троюроднымъ братомъ столоначальника. Позднѣе, когда m-r Бушаръ пятидесяти лѣтъ отъ роду получилъ наслѣдство отъ отца и вдругъ затѣялъ жениться, Ругонъ былъ шафером у m-me Бушаръ, урожденной Адель Девинь, очень хорошо воспитанной дѣвицѣ изъ почтенной семьи въ Рамбулье. Столоначальникъ пожелалъ жениться на провинціалкѣ, потому что особенно дорожилъ скромностью. Адель, бѣлокурая, маленькая, очаровательная, съ томными и наивными голубыми глазками, насчитывала уже третьяго любовника послѣ четырехлѣтней супружеской жизни.

— Ну, полноте, не безпокойтесь,—говорилъ Ругонъ, сжимая ея ручки въ своихъ большихъ рукахъ.—Вѣдь вы знаете, что все дѣлается по вашему... Жюль скажетъ вамъ на-дняхъ, на чемъ мы остановились.

И, отведя въ сторону д'Эскорайля, объявилъ ему, что написалъ утромъ къ его отцу, чтобы успокоить старика. Молодой аудиторъ долженъ былъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Фамилія д'Эскорайль была одна изъ старѣйшихъ въ Плассанѣ, гдѣ пользовалась общественнымъ уваженіемъ. Поэтому, тщеславію Ругона, въ былое время шлепавшаго въ стоптанныхъ башмакахъ мимо дома стараго маркиза, отца Жюля, особенно льстило то обстоятельство, что онъ покровительствуетъ молодому человѣку. Семья хранила благоговѣйный культъ къ Генриху V, но позволила сыну пристать къ имперіи. Таковъ былъ результатъ разврата эпохи.

Digitized by Google

У середняго окна, которое было открыто, чтобы лучше уединиться отъ остальнаго общества, бесѣдовали Канъ и дю-Пуазà, поглядывая на крышу Тюльери, синѣвшую вдали. Они ощупывали другъ друга и, высказавъ какое-нибудь мнѣніе, подолгу молчали. Ругонъ слишкомъ погорячился. Ему не слѣдовало заходить такъ далеко въ дѣлѣ Родригеца, которое было такъ легко уладить. Потомъ, устремивъ глаза въ пространство, Канъ пробормоталъ, какъ-бы разсуждая съ самимъ собою:

— Упасть не трудно, подняться мудренѣе.

Дю-Пуазá сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ. И долго спустя, произнесъ:

— О! онъ ловкій малый.

Тогда депутатъ живо повернулся къ нему и проговорилъ скороговоркой:

— Ну, знаете, между нами, я боюсь за него. Онъ играетъ съ огнемъ... Конечно, мы—его друзья, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы его покинуть. Но я только заявляю фактъ, когда говорю, что онъ не подумалъ обо мнѣ во всемъ этомъ... У меня, напримѣръ, замѣшаны крупные интересы въ дѣлѣ, которое онъ скомпрометтировалъ своимъ опрометчивымъ поступкомъ. Онъ не могъ бы быть на меня въ претензіи, неправда-ли, еслибы я теперь постучался въ другую дверь? Вѣдь не я одинъ при этомъ страдаю, а цѣлое населеніе.

— Что-жъ, постучитесь въ другую дверь, — повторилъ дю-Пуазá съ улыбкой.

Но тотъ, внезапно разсердясь, проболтался.

— Развѣ это возможно?... Этотъ бѣдовый господинъ со всѣми васъ ссоритъ. Когда принадлежишь къ его компаніи, то носишь ярлыкъ на спинѣ.

Онъ успокоился, вздохнулъ, поглядывая на Тріумфальную арку, сѣрѣвшую позади зеленаго шатра Елисейскихъ полей, и тихо прибавилъ;

— Что дѣлать, — я до глупости вѣренъ.

Полковникъ съ минуту уже стоялъ позади этихъ господъ.

— Вѣрность есть путь чести, — произнесъ онъ военнымъ голосомъ.

Дю-Пуазà и Канъ раздались, чтобы дать мѣсто полковнику, который продолжалъ:

— Ругонъ сегодня обязался относительно насъ. Онъ больше не принадлежитъ самому себѣ.

Это выраженіе произвело величайшій эффектъ. Нѣтъ, конечно, Ругонъ не принадлежитъ больше самому себѣ, и надобно ему

Digitized by Google

прямо сказать это, чтобы онъ понялъ свои обязанности. Всѣ трое понизили голосъ, затѣвая комплотъ, обнадеживая другъ друга. Порою они оборачивались и оглядывали большой покой, чтобы видѣть, не завладѣлъ ли великимъ человѣкомъ кто изъ друзей слишкомъ исключительно.

Въ настоящую минуту великій человѣкъ подбиралъ дѣла, продолжая разговаривать съ m-me Бушаръ. Между тѣмъ Шарбоннели въ углу, гдѣ сидѣли до сихъ поръ молча и смирно, вдругъ заспорили. Два раза они пытались-было завладѣть Ругономъ, котораго сначала увлекъ полковникъ, а затѣмъ молодая женщина. Шарбоннель толкнулъ наконецъ жену къ Ругону.

— Сегодня утромъ, — пролепетала она, — мы получили письмо отъ вашей матушки.

Онъ не далъ ей договорить, и самъ увелъ Шарбоннелей въ амбразуру праваго окна, въ третій разъ и безъ особаго нетерпѣнія выпустивъ дѣла изъ рукъ.

— Мы получили письмо отъ вашей матушки, — повторила m-me Шарбоннель.

Она собиралась прочесть письмо, но Ругонъ взялъ его у ней изъ рукъ и пробѣжалъ глазами. Шарбоннели, старинные торговцы масломъ въ Плассанѣ, были протежé m-me Фелиситэ, какъ величали мать Ругона въ ея родномъ городѣ. Она прислала ихъ въ Парижъ съ просьбой, которую они подали въ государственный совѣтъ. Одинъ изъ ихъ родственниковъ, нѣкто Шевессю, присяжный повѣренный въ Фоверолле, главномъ городѣ сосѣдняго департамента, умеръ, оставивъ состояніе въ пятьсотъ тысячъ франковъ монахинямъ «Св. Семейства». Шарбоннели, никогда не разсчитывавшіе на наслѣдство, но сдѣлавшіеся внезапно наслѣдниками, вслѣдствіе смерти брата покойника, завопили о каптаціи, и такъ какъ та община просила у государственнаго совѣта разрѣшенія принять даръ, они покинули свое старинное жилище въ Плассанѣ и помчались въ Парижъ, гдѣ и поселились въ улицѣ Жакобъ, въ отелѣ Перигоръ, чтобы слѣдить за дѣломъ. А оно тянулось уже полгода.

— Мы очень огорчены, — вздыхала m-me Шарбоннель, въ то время, какъ Ругонъ читалъ письмо. — Я не хотѣла и слышать объ этомъ процессѣ. Но Шарбоннель повторялъ, что съ вами эти деньги вѣрныя, что вамъ стóитъ сказать слово, чтобы положить намъ въ карманъ пятьсотъ тысячъ франковъ... Не правда-ли, Шарбоннель?

Бывшій торговецъ отчаянно замахалъ головой.

— Цифра крупная, — продолжала жена, — изъ-за нее стóило

Digitized by Google

перевернуть свое существованіе... О, да! наша жизнь пошла вверхъ дномъ! Знаете ли, monsieur Ругонъ, вчера служанка въ гостинницѣ отказалась перемѣнить наши грязныя салфетки! Подумайте только, что у меня въ Плассанѣ пять шкафовъ биткомъ набиты бѣльемъ!

И она продолжала горько жаловаться на Парижъ, который былъ ей ненавистенъ. Они пріѣхали сюда всего на недѣлю, постоянно ожидая, что вотъ-вотъ уѣдутъ, и ничего не выписывали изъ дома. Теперь, когда дѣло затянулось, они упорствовали, и жили въ меблированныхъ комнатахъ, питаясь тѣмъ, что̀ угодно подать служанкѣ, безъ бѣлья, почти безъ платья. У нихъ не было даже щетки, и m-me Шарбоннель причесывалась сломаннымъ гребешкомъ. Порою они садились на свой маленькій чемоданъ и плакали отъ утомленія и ярости.

— И въ этомъ отелѣ такое дурное общество! — пробормоталъ Шарбоннель, стыдливо закатывая глаза. — Возлѣ насъ живетъ молодой человѣкъ. Иногда мы слышимъ такія вещи...

Ругонъ сложилъ письмо и подалъ его m-me Шарбоннель.

— Моя мать,—сказалъ онъ,—даетъ вамъ отличный совѣтъ: вооружиться терпѣніемъ. Я тоже могу вамъ рекомендовать запастись мужествомъ... Дѣло ваше, по-моему, правое; но теперь я въ отставкѣ и не смѣю ничего вамъ обѣщать.

—. Мы завтра же уѣдемъ изъ Парижа! — закричала m-me Шарбоннель въ порывѣ отчаянія.

Но не успѣла она проговорить это, какъ вся поблѣднѣла. Шарбоннель долженъ былъ ее поддержать. Они простояли съ минуту безъ голоса, съ дрожащими губами и глядѣли другъ на друга, готовые расплакаться. Они совсѣмъ раскисли, сердце ихъ сжималось, точно кто вотъ сейчасъ только-что вырвалъ у нихъ изъ рукъ пятьсотъ тысячъ франковъ.

Ругонъ продолжалъ ласково:

— У васъ сильный противникъ: монсиньоръ Рошаръ, фоверольскій епископъ, пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы лично хлопотать за сестеръ «Св. Семейства». Безъ его вмѣшательства вы бы уже давно выиграли дѣло. Духовенство, къ несчастію, очень могущественно въ настоящее время... Но я оставляю здѣсь друзей, и надѣюсь, что мнѣ можно будетъ дѣйствовать, не выставляясь впередъ. Вы ждали такъ долго, и если завтра уѣдете...

— Мы останемся, мы останемся, — поспѣшно пробормотала m-me Шарбоннель. — Ахъ! m-r Ругонъ, вотъ наслѣдство, которое намъ дорого обойдется!

Ругонъ поспѣшно вернулся къ своимъ бумагамъ. Онъ съ удо-

Digitized by Google

мольствіемъ обвелъ глазами комнату, радуясь, что некому больше приставать къ нему. Вся шайка была удовлетворена. Въ нѣсколько минутъ онъ сильно подвинулъ свое дѣло. Когда онъ развеселялся, то становился грубъ и безжалостенъ къ людямъ. Въ теченіе четверти часа, онъ принялся бичевать друзей, которыхъ жалобы только-что выслушалъ съ такой снисходительностью. Онъ зашелъ такъ далеко и былъ такъ жестокъ съ хорошенькой m-me Бушаръ, что у той глаза наполнились слезами, хотя она и не переставала улыбаться. Друзья смѣялись, привыкнувъ къ этимъ ударамъ палкой, зная, что ихъ фонды особенно высоко стоятъ, когда Ругонъ колотитъ ихъ кулакомъ по затылку.

Въ эту минуту скромно постучались въ дверь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отворяйте! — закричалъ онъ Делестану, который хотѣлъ-было идти къ двери. — Смѣются надо мной, что-ли? У меня и безъ того голова трещитъ.

Но въ дверь постучали сильнѣе.

— Ахъ! еслибы я не уходилъ,—пробормоталъ Ругонъ сквозь зубы, — я бы въ три шеи прогналъ этого Мерля!

Стукъ больше не повторялся. Но вдругъ въ углу кабинета отворилась маленькая дверь и пропустила необъятную голубую шелковую юбку. Съ минуту только и было видно, что эту юбку, очень яркую, густо усаженную бантами. Женскій тонкій голосъ скороговоркой трещалъ за дверью.

— М-г Ругонъ! — позвала дама, показавъ наконецъ свое лицо.

То была m-me Коррёръ въ шляпѣ, убранной розами. Ругонъ, шедшій къ двери съ сжатыми кулаками, взбѣшенный, разжалъ кулаки и пожалъ руку вновь пришедшей, дѣлая любезное лицо.

— Я спрашивала у Мерля, доволенъ ли онъ мѣстомъ, — сказала m-me Коррёръ, нѣжно посматривавшая на долговязаго простака, улыбавшагося ей.

— А вы, m-г Ругонъ, довольны имъ?

— Да, да, конечно, — отвѣчалъ Ругонъ любезнымъ тономъ.

Мерль продолжалъ глупо улыбаться, не спуская глазъ съ жирной шеи m-me Коррёръ. Она жеманилась, поправляя завитушки, покрывавшія ея лобъ и виски.

— Ну, вотъ и прекрасно, мой милый,—произнесла она.

— Когда я помѣщу кого-нибудь, то люблю, чтобы всѣ были довольны... И еслибы вамъ понадобился совѣтъ въ чемъ-нибудь,

Digitized by Google

то приходите ко мнѣ утромъ, знаете—между восемью и девятью часами. Смотрите, ведите себя хорошо.

И она вошла въ кабинетъ, говоря Ругону:

— Нѣтъ лучше людей, какъ отставные военные.

Послѣ этого она вцѣпилась въ него, протащила за собой черезъ всю комнату на другой ея конецъ, къ окну. Она его бранила за то, что онъ не отперъ дверей. Значитъ, еслибы Мерль не согласился ввести ее черезъ маленькую дверь, она бы такъ и осталась за дверью? А между тѣмъ ей такъ нужно его видѣть! Вѣдь нельзя же ему уйти, не сказавъ ей, въ какомъ положеніи находятся ея просьбы. Она вынула изъ кармана маленькую записную книжку, очень богатую, переплетенную въ розовый муаръ.

— Я прочитала «Монитеръ» уже послѣ завтрака,—продолжала она:—и тотчасъ же наняла фіакръ... Скажите, въ какомъ положеніи дѣло m-me Летюркъ, вдовы капитана, которая проситъ разрѣшенія открыть табачную лавочку. Я обѣщала сообщить ей результатъ на будущей недѣлѣ... А дѣло той дѣвицы вы знаете, Эрмини Билькокъ, бывшей воспитанницы Сенъ-Дени которую ея соблазнитель, офицеръ, согласенъ взять за себя замужъ, если какая-нибудь сострадательная душа согласится дать сумму, обязательную для офицерскаго взноса, на случай женитьбы! Мы надѣялись на императрицу... А всѣ эти дамы: m-me Шардонъ, m-me Тестаньеръ, m-me Жалагье, которыя ждутъ уже по нѣсколько мѣсяцевъ?

Ругонъ спокойно отвѣчалъ по пунктамъ, объяснялъ, отчего происходитъ замедленіе, входилъ въ мельчайшія подробности. Онъ далъ, однако, понять m-me Коррёръ, что отнынѣ она не должна такъ сильно разсчитывать на него. Тогда она принялась сѣтовать. Ей такъ пріятно было оказывать услуги! Что́ она будетъ дѣлать со всѣми этими дамами? Потомъ заговорила о своихъ личныхъ дѣлахъ, которыя были хорошо извѣстны Ругону. Она повторяла что она урожденная Мартино́, хорошей фамиліи изъ Вандеи, что въ ихъ роду можно насчитать семь человѣкъ нотаріусовъ. Она никогда опредѣленно не говорила: почему она носитъ фамилію Коррёръ. Двадцати-четырехъ лѣтъ она убѣжала изъ дому съ приказчикомъ одного мясника, послѣ уединенныхъ лѣтнихъ свиданій съ нимъ. Отецъ ея мѣсяцевъ шесть съ ума сходилъ отъ этого скандала, чудовищность котораго до сихъ поръ еще волнуетъ умы въ той мѣстности. Съ того времени она жила въ Парижѣ но семья о ней не хотѣла и слышать. Разъ десять писала она своему брату, теперь управлявшему конторой, но не получала

Digitized by Google

отъ него отвѣта и обвиняла въ этомъ свою невѣстку: «ханжу, подвигшую за носъ дурака Мартино», говорила она. Одной изъ ея *idées fixes* было, какъ и у дю-Пуазà, вернуться на родину женщиной богатой и уважаемой.

— Я опять писала недѣлю тому назадъ,—бормотала она:— и парѝ держу, что она бросаетъ мои письма въ огонь!.. Однако, если бы Мартино умеръ, то ей пришлось бы принять меня въ домъ. У нихъ вѣдь нѣтъ дѣтей, я буду наслѣдницей послѣ брата.. Мартино пятнадцатью годами старше меня и страдаетъ подагрой, какъ мнѣ говорили.

Потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ голоса, замѣтила:

— Ну, да не время теперь объ этомъ думать... Теперь надо поработать для васъ, Эженъ? Будемъ стараться,—увидите. Надо имъ быть всѣмъ, чтобы мы были чѣмъ-нибудь... Помните, въ 1851 г.?

Ругонъ улыбнулся. И въ то время, какъ она съ материнской лаской сжимала ему обѣ руки, онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ:

— Если увидите Жилькéна, посовѣтуйте ему быть благоразумнѣе. Вѣдь его угораздило на прошлой недѣлѣ попасть на гауптвахту, и онъ сослался на меня, какъ на поручителя.

М-me Коррёръ обѣщала переговорить съ Жильбеномъ, однимъ изъ ея прежнихъ жильцовъ тѣхъ временъ, когда Ругонъ жилъ въ улицѣ Ванно, очень полезнымъ малымъ при случаѣ, но ведущимъ чертовски безпорядочную жизнь.

— Меня дожидается фіакръ, прощайте, — проговорила она громко, выходя на середину кабинета.

Однако пробыла еще нѣсколько минутъ, желая, чтобы вся шайка разошлась вмѣстѣ съ ней. Чтобы заставить всѣхъ двинуться съ мѣста, она даже предложила довезти кого-нибудь въ фіакрѣ. Вызовъ принялъ полковникъ, и рѣшено было, что маленькій Огюстъ сядетъ возлѣ кучера. Тогда началось всеобщее пожатіе рукъ. Ругонъ сталъ у двери, раскрытой настежь. Проходя мимо него, каждый еще разъ изъявлялъ ему свою симпатію. Канъ, дю-Пуазà и полковникъ вытянули шеи и шепнули ему на ухо словечко, чтобы онъ не забывалъ про нихъ. Шарбоннели уже стояли на первой ступенькѣ лѣстницы, а м-me Коррёръ разговаривала съ Мерлемъ въ передней, въ то время, какъ м-me Буаверъ, которую дожидались въ нѣсколькихъ шагахъ д'Эскорайль и мужъ, все еще любезничала съ Ругономъ, спрашивая его, когда она можетъ застать его одного, въ улицѣ Марбёфъ, потому что чувствуетъ себя слишкомъ глупой, когда много народу. Но

Digitized by Google

полковникъ, услышавъ это, внезапно вернулся, другіе послѣдовали за нимъ; произошла всеобщая давка.

— Мы всѣ будемъ навѣщать васъ,—кричалъ полковникъ.

— Вы не должны хоронить себя заживо,—вопили остальные голоса.

Канъ потребовалъ жестомъ молчанія. Затѣмъ пустилъ въ ходъ знаменитую фразу:

— Вы не принадлежите себѣ, вы принадлежите вашимъ друзьямъ и Франціи!

И затѣмъ всѣ разошлись. Ругонъ могъ затворить дверь, могъ вольно вздохнуть. Делестанъ, котораго онъ позабылъ, вышелъ тогда изъ-за груды картоновъ, подъ защитой которыхъ оканчивалъ распредѣленіе бумагъ, какъ добросовѣстный другъ. Онъ немного гордился своей работой; онъ дѣйствовалъ тогда, какъ другіе только разговаривали. Поэтому онъ съ истиннымъ наслажденіемъ выслушалъ благодарственные комплименты великаго человѣка. Одинъ онъ умѣлъ оказывать услуги; у него такой систематическій умъ, такая методичность въ трудѣ, что онъ далеко уйдетъ; и Ругонъ прибиралъ еще много другихъ лестныхъ вещей, и нельзя было разобрать: говоритъ онъ серьёзно или смѣется? Потомъ, оглядѣвшись кругомъ, прибавилъ:

— Кажется, все кончено, благодаря вамъ... Остается только приказать Мерлю отнести эти связки ко мнѣ.

Онъ позвалъ пристава и показалъ ему бумаги. На всѣ приказанія приставъ отвѣчалъ:

— Слушаю, господинъ президентъ.

— Полно же вамъ, глупый человѣкъ, звать меня президентомъ, когда я больше не президентъ.

Мерль поклонился, пошелъ-было къ двери, но остановился въ нерѣшимости. Онъ вернулся, говоря:

— Внизу дама, верхомъ на лошади, желаетъ васъ видѣть... Она говорила, смѣясь, что поднялась бы вмѣстѣ съ лошадью по лѣстницѣ, еслибы только тутъ было достаточно широко... Она желаетъ только пожать вамъ руку, сударь.

Ругонъ уже сжималъ кулаки, думая, что это шутка. Но Делестанъ, выглянувшій изъ окна, прибѣжалъ объявить съ взволнованнымъ видомъ:

— M-lle Клоринда!

Тогда Ругонъ отвѣчалъ, что сейчасъ сойдетъ внизъ. Потомъ, видя, что и Делестанъ берется за шляпу, онъ оглядѣлъ на него, наморщивъ брови, съ подозрительнымъ видомъ, пораженный его волненіемъ.

Digitized by Google

— Берегитесь женщинъ,—повторилъ онъ.

И на порогѣ въ послѣдній разъ оглядѣлъ кабинетъ. Въ раскрытыя настежь окна свободно проникалъ дневной свѣтъ, ярко озаряя пустые картоны, выдвинутые ящики, связанныя и сложенныя посреди комнаты кипы бумагъ. Кабинетъ казался пустыннымъ и печальнымъ. Въ каминѣ отъ сгорѣвшей груды бумагъ оставалась только небольшая щепотка черной золы. Въ ту минуту, какъ онъ затворялъ дверь, свѣча, забытая на столѣ, погасла, а стеклышко на ней съ трескомъ лопнуло.

III.

Ругонъ навѣщалъ иногда графиню Бальби днемъ, около четырехъ часовъ пополудни. Онъ приходилъ къ ней за-просто, пѣшкомъ. Графиня жила въ маленькомъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ улицы Марбёфъ, въ аллеѣ Елисейскихъ полей. Впрочемъ, она рѣдко бывала дома, а если и бывала, то лежала въ постелѣ и никого не принимала. Но это не мѣшало посѣтителямъ наполнять шумомъ лѣстницу маленькаго дома, а дверямъ гостинной хлопать изо всей мочи. Дочь ея, Клоринда, принимала въ галлереѣ, смахивавшей какъ-бы на мастерскую художника и выходившей окнами на улицу.

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ Ругонъ съ грубостью цѣломудреннаго человѣка рѣзко уклонялся отъ ухаживанья этихъ дамъ, которыхъ съ нимъ познакомили на балѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ всюду встрѣчалъ ихъ, улыбавшихся все той же неизмѣнной, заискивающей улыбкой; причемъ мать всегда молчала, а дочь громко говорила и глядѣла ему прямо въ глаза. Но онъ крѣпился, избѣгалъ ихъ, опускалъ глаза, чтобы ихъ не видѣть, отказывался отъ ихъ приглашеній. Потомъ, осажденный, преслѣдуемый въ своемъ собственномъ домѣ, мимо котораго Клоринда нарочно проѣзжала верхомъ, собралъ справки, прежде чѣмъ рискнуть сдѣлать имъ визитъ.

Въ итальянскомъ посольствѣ ему отрекомендовали этихъ дамъ съ самой выгодной стороны. Графъ Бальби дѣйствительно существовалъ; у графини были еще очень значительныя связи въ Туринѣ; дочь чуть-чуть не вышла замужъ въ прошедшемъ году за маленькаго нѣмецкаго владѣтельнаго князя. Но у герцогини Санъ-Кирино, къ которой онъ затѣмъ обратился, ему насказали иное. Тамъ его увѣрили, что Клоринда родилась два года спустя послѣ смерти графа; къ тому же насчетъ четы Бальби сло-

Digitized by Google

жилась очень пестрая легенда; мужъ и жена обоюдно насчитывали пропасть любовныхъ интригъ; они оба кутили напропалую, развелись во Франціи, снова сошлись въ Италіи и послѣ того жили такъ-сказать внѣ закона. Одинъ молодой членъ посольства, вполнѣ посвященный во все, что происходило при дворѣ короля Виктора-Эммануила, былъ еще обстоятельнѣе; по его словамъ, если графиня еще сохраняла тамъ вліяніе, то была имъ обязана старинной связи съ очень высокопоставленнымъ лицомъ, и намекалъ, что она жила бы въ Туринѣ, еслибы не одинъ крупный скандалъ, о которомъ онъ не хотѣлъ говорить. Ругонъ, заинтересованный мало-по-малу этимъ слѣдствіемъ, отправился даже въ полицейскую префектуру, гдѣ ему не сказали ничего опредѣленнаго; въ характеристикѣ этихъ двухъ иностранокъ было сказано только, что онѣ широко живутъ, хотя неизвѣстно, есть ли у нихъ состояніе. Онѣ говорили, что у нихъ есть имѣніе въ Пьемонтѣ. Дѣло въ томъ, что ихъ роскошь порою вдругъ какъ-то тускнѣла. Тогда онѣ внезапно исчезали, но вскорѣ появлялись съ новымъ блескомъ. Словомъ, никто не могъ сказать о нихъ ничего положительнаго, и всѣ предпочитали глядѣть сквозь пальцы. Онѣ были приняты въ свѣтѣ, домъ ихъ считался нейтральной почвой, на которой терпѣлась эксцентричность Клоринды, какъ иностранки. Ругонъ рѣшился побывать у этихъ дамъ.

При третьемъ визитѣ любопытство великаго человѣка было затронуто. Расшевелить въ немъ чувственность было не легко. Его прежде всего привлекло къ Клориндѣ ея темное прошлое и честолюбивые замыслы о будущемъ, которые, ему казалось, онъ читалъ въ большихъ глазахъ юной богини. Правда, ему передавали отвратительныя исторіи: будто бы первымъ увлеченіемъ ея былъ кучеръ; будто бы затѣмъ заключена была сдѣлка съ однимъ банкиромъ, который заплатилъ маленькимъ домомъ въ Елисейскихъ поляхъ за мнимую невинность этой барышни. Но въ иныя минуты она казалась ему такимъ ребенкомъ, что онъ сомнѣвался во всемъ этомъ и давалъ себѣ слово выпытать у ней правду. Онъ ходилъ къ нимъ, увлекаясь желаніемъ разгадать эту странную дѣвушку, и наконецъ она заинтересовала его настолько, насколько его могли интересовать щекотливые вопросы высшей политики. До того времени онъ презиралъ женщинъ, а первая, съ которой ему довелось столкнуться, оказалась весьма сложной машиной.

На другой день послѣ того, какъ Клоринда прискакала верхомъ къ дверямъ государственнаго совѣта, чтобы выразить Ругону свою симпатію, онъ отдалъ ей визитъ, котораго она, впрочемъ,

Digitized by Google

торжественно потребовала. Она покажетъ ему, говорила она, нѣчто такое, что̀ излечитъ его отъ меланхоліи. Онъ, смѣясь, звалъ ее «своимъ порокомъ», и охотно засиживался у нея; она дразнила, развлекала, забавляла его, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще ему не удалось разузнать ровно ничего изъ того, что̀ хотѣлось. Огибая уголъ улицы Марбёфъ, онъ взглянулъ въ улицу Колизея, на домъ, обитаемый Делестаномъ. Ему уже не разъ казалось, что онъ видитъ лицо послѣдняго въ полуоткрытыя ставни кабинета и что онъ наблюдаетъ за окнами Клоринды; но ставни были заперты. Делестанъ, должно быть, уѣхалъ на свою образцовую ферму.

Наружныя двери дома Бальби были всегда отворены настежь. Ругону попалась навстрѣчу внизу лѣстницы маленькая черная женщина, растрепанная, въ разорванномъ желтомъ платьѣ; она грызла апельсинъ, какъ яблоко.

— Антонія, барыня ваша дома?—спросилъ онъ у ней.

Она не отвѣчала — ротъ ея былъ набитъ биткомъ,—но стала махать головой со смѣхомъ. Губы ея были перепачканы апельсиннымъ сокомъ; маленькіе глазки, которые она еще прищуривала, казались двумя чернильными пятнами на ея коричневой кожѣ.

Ругонъ поднялся по лѣстницѣ; ему уже былъ не въ дикомину безпорядокъ, царствовавшій въ этомъ домѣ. На лѣстницѣ ему попался долговязый лакей съ лицомъ бандита, съ длинной черной бородой; онъ спокойно поглядѣлъ на Ругона и не подумалъ посторониться.

Потомъ, на площадкѣ перваго этажа онъ очутился одинъ напротивъ трехъ дверей, открытыхъ настежь. Лѣвая вела въ комнату Клоринды. Ругонъ съ любопытствомъ заглянулъ въ нее. Хотя было уже четыре часа, комната была еще не убрана; ширмы, стоявшія передъ кроватью, закрывали отчасти свѣсившіяся простыни и одѣяла, а на ширмахъ висѣли затасканныя юбки, съ грязнымъ подоломъ. Передъ окномъ стоялъ на полу тазъ, съ мыльной водой, а сѣрая кошка спала, свернувшись клубкомъ, на грудѣ валявшагося платья.

Клоринда сидѣла обыкновенно во второмъ этажѣ, въ той галереѣ, которую она поочередно превращала то въ мастерскую, то въ курильную комнату, то въ оранжерею, то въ зимній садъ. Въ то время, какъ Ругонъ поднимался по лѣстницѣ, до него долетали шумъ голосовъ, звонкій смѣхъ, стукъ падавшей мебели. Когда онъ очутился у самой двери, то разобралъ, что чахоточное фортепьяно заправляло шумомъ и чей-то голосъ пѣлъ. Онъ

Digitized by Google

два раза постучался, но не получилъ отвѣта. Тогда онъ рѣшился войти.

— Ахъ! браво! браво! вотъ и онъ! — закричала Клоринда, хлопая въ ладоши.

Не легко было сконфузить Ругона, но тутъ онъ въ смущеніи остановился на порогѣ. За старымъ фортепьяно, по которому хлопали изо-всей мочи, желая извлечь изъ него болѣе громкій звукъ, сидѣлъ шевальé Рускони, итальянскій посланникъ, красивый брюнетъ, дипломатъ, умѣвшій быть серьёзнымъ—въ свое время. Посрединѣ комнаты, депутатъ Ла-Рукетъ вальсировалъ со стуломъ, любовно прижимая его спинку къ грудѝ. Въ порывѣ усердія, онъ поронялъ на полъ нѣсколько стульевъ. А передъ однимъ изъ полукруглыхъ оконъ стояла на столѣ Клоринда, въ костюмѣ Діаны, съ обнаженными ногами, руками, плечами, вѣрнѣе сказать—совсѣмъ почти нагая, и съ спокойнымъ видомъ позировала передъ молодымъ человѣкомъ, снимавшимъ съ нея портретъ. На диванѣ три господина съ серьёзными лицами, курившіе толстыя сигары, сидѣли молча, закинувъ нога на ногу, и глядѣли на нее.

— Стойте, не безпокойтесь!—закричалъ Рускони Клориндѣ, которая готовилась соскочить со стола. — Я беру на себя представленія.

И, идя рядомъ съ Ругономъ, — шутливо сказалъ, проходя мимо Ла-Рукета, въ изнеможеніи упавшаго въ кресло.

— М-г Ла-Рукетъ, — который вамъ знакомъ: будущій министръ.

Потомъ, подходя къ живописцу,—продолжалъ:

— Г-нъ Луиджи Поццо, мой секретарь. Дипломатъ, живописецъ, музыкантъ и влюбленный.

Онъ позабылъ про господъ, возсѣдавшихъ на диванѣ. Но, повернувшись, увидѣлъ ихъ и, оставивъ шутливый тонъ, поклонился въ ихъ сторону,—проговоривъ церемоннымъ голосомъ:

— Г-нъ Брамбилла, г. Стадерино, г. Вискарди, всѣ трое политическіе выходцы.

Венеціанцы, не выпуская сигаръ, поклонились. Шевальé Рускони собирался сѣсть за фортепьяно, когда Клоринда торопливо позвала его, укоряя въ томъ, что онъ плохой церемоній-мейстеръ. И въ свою очередь, указывая на Ругона, произнесла съ особенной, необыкновенно любезной интонаціей въ голосѣ:

— Monsieur Эженъ Ругонъ.

Присутствующіе снова раскланялись другъ съ другомъ. Ругонъ, опасавшійся одну минуту какой-нибудь слишкомъ развязной шутки, былъ удивленъ тактомъ и чувствомъ собственнаго

Digitized by Google

достоинства, высказанными этой высокой дѣвушкой, едва прикрытой газовымъ костюмомъ. Онъ сѣлъ, освѣдомился о графинѣ Бальби, какъ это дѣлалъ обыкновенно; онъ прикидывался даже при каждомъ визитѣ, что пришелъ къ матери, потому-что это ему казалось приличнѣе.

— Я былъ бы радъ ее видѣть,—прибавилъ онъ, согласно установленной имъ формулѣ на этотъ случай.

— Да мамаша вонъ тамъ!—сказала Клоринда, указывая въ уголъ комнаты кончикомъ лука, изъ позолоченнаго дерева.

Графиня, въ самомъ дѣлѣ, находилась въ комнатѣ; она лежала въ большомъ креслѣ, заслоненная разной мебелью. Всѣ удивились; трое политическихъ выходца, должно быть, тоже не знали раньше объ ея присутствіи; они встали и поклонились. Ругонъ подошелъ пожать ей руку. Онъ остановился передъ ней, а она, не перемѣняя позы, отвѣчала односложными словами, съ той вѣчной улыбкой, которая не покидала ее даже въ тѣ минуты, когда она была больна. Потомъ она умолкла и съ разсѣяннымъ видомъ поглядывала на аллею, по которой катился цѣлый потокъ экипажей. Она, конечно, усѣлась здѣсь, чтобы видѣть проѣзжающій людъ. Ругонъ отошелъ отъ нея.

Между тѣмъ, Рускони снова усѣлся за свое фортепьяно и подбиралъ какую-то арію, тихонько перебирая клавиши и напѣвая вполголоса по-итальянски. Ла-Рукетъ обмахивался платкомъ; Клоринда съ серьёзнымъ лицомъ приняла прежнюю позу, а Ругонъ, среди наступившей внезапно тишины, прогуливался взадъ и впередъ, поглядывая на стѣны. Галлерея была загромождена самыми разнообразными предметами. Разная мебель, письменный столъ, шкафъ, нѣсколько столовъ, выдвинутыхъ на средину, образовали цѣлый лабиринтъ маленькихъ корридоровъ; на одномъ концѣ тропическія растенія, запиханныя въ уголъ, притиснутыя другъ къ дружкѣ, печально увядали, съ поникшими, зелеными листьями, наполовину уже засохшими; а на другомъ концѣ валялась куча высохшей глины, среди которой еще можно было признать разсыпавшіяся руки и ноги статуи, которую Клоринда слѣпила въ одинъ прекрасный день, когда затѣяла быть художницей. Только небольшое пространство этой весьма обширной галлереи было пусто и образовало родъ небольшого салона съ двумя диванами и тремя разрозненными стульями.

— Вы можете курить,—сказала Клоринда Ругону.

Онъ отказался, говоря, что не куритъ. Она же, не оборачиваясь, закричала:

Digitized by Google

— Шевальé Рускони, сверните мнѣ папироску. Передъ вами на фортепьяно долженъ быть табакъ.

И пока шевальé дѣлалъ папироску, молчаніе возобновилось. Ругонъ, досадуя, что встрѣтилъ такъ много народу, взялся за шляпу. Онъ подошелъ однако къ Клориндѣ, какъ ни въ чемъ не бывало — улыбающійся.

— Вы хотѣли мнѣ что-то показать? — спросилъ онъ.

Она не сразу отвѣчала, углубленная въ свое дѣло. Онъ повторилъ:

— Что́ же такое вы хотѣли мнѣ показать?

— Себя! — отвѣчала она.

И сказала это своимъ повелительнымъ голосомъ, не шевелясь, стоя на столѣ, въ позѣ богини. Ругонъ замигалъ глазами, отступилъ на шагъ и медленно поглядѣлъ на нее. Она была въ самомъ дѣлѣ великолѣпна, съ своимъ безукоризненнымъ профилемъ, стройной шеей. Но главной ея красотой былъ царственный станъ. — Ея круглыя руки и ноги казались выточенными изъ мрамора. Она опиралась одной рукой на лукъ, съ спокойнымъ видомъ античной богини, не заботясь о своей наготѣ, презирая любовь людей, холодная, высокомѣрная, безсмертная.

— Очень, очень хорошо,—пробормоталъ Ругонъ, не зная что́ сказать.

Дѣло въ томъ, что она стѣсняла его неподвижностью статуи. Она казалось такой побѣдоносной, такой убѣжденной въ своей классической красотѣ, что еслибы онъ посмѣлъ, то раскритиковалъ бы ее, какъ мраморное произведеніе, красоты котораго были не вполнѣ понятны его буржуазному вкусу: онъ предпочелъ бы болѣе тонкую талію, менѣе широкія бедра, болѣе высокую грудь. Потомъ ему вдругъ захотѣлось прикоснуться къ ней, и онъ долженъ былъ отойти, чтобы не уступить этому желанію.

— Вы достаточно наглядѣлись?—спросила Клоринда все съ тѣмъ же серьёзнымъ и убѣжденнымъ видомъ: — подождите, вотъ вамъ иное.

И вдругъ превратилась изъ Діаны въ Венеру. Закинувъ руки за голову, полу-опрокинувшись назадъ, она улыбалась, полу-открывъ губы, и вдругъ сдѣлалась какъ-бы миніатюрнѣе и гораздо привлекательнѣе.

Гг. Брамбилла, Стадерино и Вискарди, не покидая мрачной мины заговорщиковъ, съ серьёзнымъ видомъ захлопали въ ладоши.

— Браво! браво! браво!

Digitized by Google

Ла-Рукетъ выходилъ изъ себя отъ восторга, между тѣмъ какъ Рускони, подошедшій къ столу, чтобы подать папироску молодой дѣвушкѣ, остановился въ восхищеніи, слегка покачивая головой.

Ругонъ не сказалъ ничего. Онъ съ такой силой стиснулъ руки, что пальцы его захрустѣли. Легкая дрожь пробѣжала у него отъ затылка до пятокъ. Онъ не думалъ больше уходить, а усѣлся на мѣсто. Но она перемѣнила позу, громко смѣясь, и курила папироску съ развязностью мужчины. Она говорила, что охотно пошла бы на сцену; что она все бы съумѣла передать: гнѣвъ, нѣжность, стыдъ, испугъ, и однимъ жестомъ, одной миной выражала различные характеры. Потомъ вдругъ сказала:

— М-г Ругонъ, хотите, я представлю, какъ вы говорите въ палатѣ?

И, выпрямившись, вся подалась впередъ, тяжело дыша, сжимая кулаки, съ такой забавной мимикой, и такой правдивой, несмотря на легкій оттѣнокъ каррикатуры, что всѣ покатились со смѣху. Ругонъ смѣялся какъ ребенокъ; онъ находилъ ее очаровательной, тонкой штукой, бѣдовой дѣвушкой.

— Клоринда, Клоринда,—бормоталъ Луиджи, слегка ударяя подставкой о мольбертъ.

Она такъ шевелилась, что онъ не могъ больше работать, и, выпустивъ кисть, растиралъ краски съ прилежнымъ видомъ ученика. Онъ одинъ не улыбался среди всеобщаго хохота, огненными глазами глядѣлъ на молодую дѣвушку и бросалъ свирѣпые взгляды на мужчинъ, съ которыми она шутила. Онъ самъ надумался срисовать ее въ костюмѣ Діаны, о которомъ толковалъ весь Парижъ со времени послѣдняго бала въ посольствѣ. Луиджи называлъ себя ея кузеномъ, потому что они родились въ одной улицѣ, во Флоренціи.

— Клоринда!—повторилъ онъ гнѣвнымъ тономъ.

— Луиджи правъ,—сказала она.—Вы совсѣмъ неблагоразумны, господа; шумите Богъ знаетъ какъ... Будемъ работать.

И снова приняла свою олимпійскую позу; снова превратилась въ прекрасную, мраморную статую. Гости замерли на мѣстѣ, какъ очарованные. Одинъ Ла-Рукетъ тихонько выбивалъ тактъ на ручкѣ кресла. Ругонъ, прислонившись спиной къ креслу, глядѣлъ на Клоринду, впадая мало-по-малу въ задумчивость; молодая дѣвушка все росла въ его глазахъ. А вѣдь хитрая штука, вообще говоря, женщина! Никогда не приходило ему въ голову изучать ее. Онъ начиналъ догадываться, что дѣло вовсе

Digitized by Google

не такъ просто, какъ ему казалось. На одну минуту ему отчетливо представилось могущество этихъ голыхъ плечъ, способныхъ поколебать міръ. Клоринда въ его отуманенныхъ глазахъ все росла, да росла, застилая подъ конецъ все окно своимъ бюстомъ гигантской статуи. Но онъ мигнулъ глазами и нашелъ ее гораздо ниже себя ростомъ, хоть она и стояла на столѣ. Тогда онъ улыбнулся; онъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, высѣчь ее, какъ дѣвчонку, и очень удивился, что одну минуту какъ-бы испугался ея.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ галлереи слышался легкій шумъ голосовъ. Ругонъ прислушался по привычкѣ, но услышалъ лишь торопливую итальянскую болтовню. Рускони, пробравшійся въ это время сквозь лабиринтъ мебели, опирался одной рукой на спинку кресла графини и, почтительно наклонившись къ ней, повидимому, сообщалъ ей о какомъ-то дѣлѣ очень обстоятельно. Графиня довольствовалась кивками головы. Разъ однако она рѣзко покачала головой, въ знакъ неодобренія, но шевальé, нагнувшись еще сильнѣе, успокоилъ ее своимъ пѣвучимъ голосомъ, напоминавшимъ щебетаніе птицы. Ругонъ, благодаря знакомству съ провансальскимъ нарѣчіемъ, разобралъ наконецъ нѣсколько словъ, которыя заставили его насупиться; рѣчь шла объ итальянскомъ королѣ, о Кавурѣ, о тайномъ свиданіи, которое могло состояться между этимъ государственнымъ человѣкомъ и императоромъ.

— Мамаша,—закричала вдругъ Клоринда,—показывала ли ты шевальé вчерашнюю депешу?

— Депешу!—громко повторилъ Рускони.

Графиня вынула изъ кармана пачку писемъ и долго рылась въ нихъ. Наконецъ подала ему очень смятый клочокъ синей бумаги. Онъ пробѣжалъ его глазами, и сдѣлалъ жестъ удивленія и гнѣва:

— Какъ,—закричалъ онъ по-французски, забывая о присутствующихъ,—вы знали объ этомъ уже вчера! Но я самъ только сегодня получилъ это извѣстіе.

Клоринда залилась звонкимъ смѣхомъ, что́ окончательно разсердило его.

— И вы, графиня, заставляете меня въ подробности разсказывать всю исторію, точно она вамъ неизвѣстна!.. Ну, хорошо же, если центръ посольства здѣсь, то я буду каждый день приходить сюда читать свою корреспонденцію.

Графиня улыбалась. Она еще порылась въ письмахъ и дала ему прочесть одно. На этотъ разъ онъ оказался очень довольнымъ, и тихая бесѣда возобновилась. Къ нему вернулась почти-

Digitized by Google

тельная улыбка. Прощаясь съ графиней, онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Ну вотъ, серьёзныя дѣла всѣ покончены, — проговорилъ онъ вполголоса, снова усаживаясь за фортепьяно, и забарабанилъ удалой танецъ, бывшій въ большой модѣ въ тотъ годъ. Потомъ вдругъ, взглянувъ на часы, побѣжалъ за шляпой.

— Вы уходите?—спросила Клоринда.

Она подозвала его рукой, оперлась на его плечо и шептала ему что-то на ухо. Онъ качалъ головой, смѣясь, и пробормоталъ:

— Чудесно, чудесно... Я напишу это туда.

И вышелъ, раскланявшись съ обществомъ. Луиджи поднялъ Клоринду, присѣвшую-было на столѣ. Должно быть, потокъ экипажей, катившихся по аллеѣ, утомилъ графиню, потому что она дернула за ручку колокольчика, находившагося позади нея, какъ только потеряла изъ виду купэ шевальѐ, исчезнувшаго въ толпѣ ландо, возвращавшихся изъ «Лѣса». Въ комнату нагло вошелъ лакей съ лицомъ бандита. Графиня оперлась на его руку и медленно перешла черезъ всю комнату мимо мужчинъ, вскочившихъ съ мѣста и раскланивавшихся съ ней. Она съ улыбкой кивала головой, потомъ на порогѣ обернулась и сказала Клориндѣ:

— У меня мигрень, я лягу.

— Фламиніо,—закричала молодая дѣвушка лакею, который уводилъ ея мать,—положите ей въ ноги горячій утюгъ!

Трое политическихъ выходца не садились. Они постояли съ минуту, вытянувшись во фронтъ, доканчивая свои сигары, которыя бросили за кучу съ глиной, и, промаршировавъ мимо Клоринды, вышли одинъ за другимъ.

— Боже мой!—говорилъ Ла-Рукетъ, затѣявшій серьёзную бесѣду съ Ругономъ,—я очень хорошо знаю, что вопросъ о сахарномъ производствѣ очень важенъ. Тутъ дѣло идетъ о цѣлой отрасли французской промышленности. Бѣда въ томъ, что въ палатѣ, кажется, никто не изучилъ этого вопроса основательно.

Ругонъ, которому онъ надоѣлъ, отвѣчалъ одними кивками головы. Молодой депутатъ пододвинулся ближе и продолжалъ, съ напускной важностью на своемъ кукольномъ личикѣ:

— У меня есть дядя, сахарный заводчикъ. У него одинъ изъ богатѣйшихъ заводовъ въ Марсели. Ну, вотъ я и провелъ у него три мѣсяца. Собиралъ справки, о! много справокъ. Я бесѣдовалъ съ работниками, вникалъ въ дѣло... Понимаете... я собирался говорить объ этомъ въ палатѣ...

Digitized by Google

Онъ рисовался передъ Ругономъ, стараясь изо всѣхъ силъ говорить съ нимъ объ единственныхъ вещахъ, которыя, по его мнѣнію, должны были его занимать, и желая, кромѣ того, заявить себя въ его глазахъ солиднымъ политическимъ дѣятелемъ.

— Но не говорили,—перебила Клоринда, которой, повидимому, присутствіе Ла-Рукета было досадно.

— Нѣтъ, не говорилъ, — отвѣчалъ онъ протяжно,—я счелъ за лучшее не говорить... Въ послѣдній моментъ я побоялся, что цифры мои недостаточно точны.

Ругонъ поглядѣлъ ему прямо въ глаза, серьёзно произнеся:

— Извѣстна ли вамъ цифра кусковъ сахара, который поглощается въ день въ «Café Anglais»?

Ла-Рукетъ на минуту оторопѣлъ и вытаращилъ глаза. Потомъ залился хохотомъ:

— Ахъ! какъ мило! очень мило! — закричалъ онъ. — Понимаю, вы шутите... Но это вопросъ о сахарѣ, а я говорю о вопросѣ сахарнаго производства... Очень мило! Вы мнѣ позволите повторить вашу остроту, не правда ли?

Онъ прыгалъ отъ удовольствія на креслѣ. Къ нему вернулась его беззаботная физіономія; онъ почувствовалъ себя въ своей тарелкѣ и перешелъ къ игривымъ анекдотамъ. Но Клоринда принялась дразнить его женщинами. Она опять видѣла его третьяго дня въ театрѣ «Variétés» съ маленькой блондинкой, очень безобразной и взъерошенной, точно моська. Сначала онъ отпирался, но потомъ, задѣтый за живое ѣдкими насмѣшками Клоринды надъ «маленькой моськой», вышелъ изъ себя и сталъ защищать эту даму, говоря, что она очень приличная особа и вовсе не такая некрасивая: и сталъ толковать объ ея волосахъ, таліи, носѣ. Клоринда была безжалостна. И Ла-Рукетъ не вытерпѣлъ, вскочилъ, крича:

— Она меня ждетъ, прощайте.

Когда онъ затворилъ дверь, молодая дѣвушка захлопала въ ладоши съ торжествомъ, повторяя съ хохотомъ:

— Ушелъ! съ Богомъ!

И, соскочивъ со стола, подбѣжала къ Ругону, которому протянула обѣ руки. Она была очень ласкова, очень привѣтлива съ нимъ и выражала досаду на то, что онъ засталъ у ней такое многолюдное общество. Какихъ трудовъ ей стоило отдѣлаться отъ всего этого люда! Люди, право, безтолковы! А ужъ Ла-Рукетъ съ своимъ сахаромъ просто нелѣпъ! Но теперь, можетъ быть, имъ не помѣшаютъ, и имъ можно будетъ поговорить по душѣ. Ей нужно такъ много сказать ему! Говоря это, она подвела его къ

Digitized by Google

дивану. Онъ сѣлъ, не выпуская ея рукъ, когда Луиджи постучалъ подставкой, повторяя разсерженнымъ тономъ:

— Клоринда! Клоринда!

— Ахъ! Богъ мой, а портретъ-то!—сказала она, смѣясь.

И, вырвавшись у Ругона, ласково перегнулась черезъ плечо живописца. О! какъ мило онъ рисуетъ! Портретъ будетъ очень удаченъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, она немного устала и проситъ позволенія отдохнуть съ четверть часа. А пока онъ можетъ рисовать костюмъ, вѣдь для костюма она не нужна ему. Луиджи бросалъ сердитые взоры на Ругона и бормоталъ что-то съ досадой. Тогда она сказала ему что-то скороговоркой по-итальянски, нахмуривъ брови, но не переставая улыбаться. Онъ умолкъ и снова взялся за кисть ученической рукой.

— Я не лгу,—продолжала она, усаживаясь возлѣ Ругона,—у меня совсѣмъ онѣмѣла лѣвая нога.

И похлопала себя по лѣвой ногѣ, чтобы возстановить кровообращеніе, говорила она. Сквозь газъ видны розовыя колѣни. Она совсѣмъ забыла про свою наготу, наклонялась къ Ругону, съ серьёзнымъ лицомъ, царапая свое плечо о толстый драпъ его пальто.

Но вдругъ пуговица, на которую она наткнулась, заставила ее вздрогнуть. Она поглядѣла на себя и очень покраснѣла. И однимъ прыжкомъ набросилась на клочокъ чернаго кружева и закуталась въ него.

— Я озябла,—объяснила она, усаживаясь напротивъ Ругона въ кресло, которое подкатила.

Изъ-подъ кружева виднѣлись только кисти ея рукъ. Она обернула кружево вокругъ шеи, точно громадный галстухъ, и ушла въ него съ подбородкомъ. Лицо ея снова стало блѣдно и серьёзно.

— Ну, что́ такое случилось съ вами?—спросила она.—Разскажите мнѣ все, отъ начала до конца.

И принялась разспрашивать о постигшей его немилости съ дочерней откровенностью. Она вѣдь иностранка, говорила она, и заставляла повторять себѣ по три раза подробности, которыхъ, говорила, она не понимаетъ. Перебивала его восклицаніями на итальянскомъ языкѣ, а въ ея выразительныхъ глазахъ онъ могъ читать волненіе, возбуждаемое его разсказомъ, внезапный испугъ, сожалѣніе, радость. Зачѣмъ онъ разсорился съ императоромъ? какъ могъ онъ отказаться отъ такого высокаго поста? кто же были его враги, что онъ позволилъ имъ побѣдить себя? И когда онъ колебался отвѣчать ей, когда она выпытывала у него что-

Digitized by Google

нибудь такое, чего онъ не хотѣлъ ей говорить, она глядѣла на него съ такой привѣтливой искренностью, что онъ увлекался и досказывалъ исторію до конца. Вскорѣ она узнала, должно быть, все, что́ желала знать. Она сдѣлала еще нѣсколько вопросовъ, очень отдаленныхъ отъ предмета разговора, и ихъ странность поразила Ругона. Затѣмъ, сложивъ руки, умолкла. Она закрыла глаза. Быть можетъ, она размышляла.

— Ну, что?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Ничего,—прошептала она,—вы мена огорчили.

Онъ былъ тронутъ, и хотѣлъ взять ея руки, но она запрятала ихъ въ кружево, и молчаніе продолжалось. Минуты двѣ спустя, она раскрыла глаза, говоря:

— Итакъ, у васъ есть планы?

Онъ пристально поглядѣлъ на нее. Въ него закрадывалось подозрѣніе. Но она была такъ мила въ настоящую минуту, лежа въ креслахъ, въ томной позѣ, точно непріятности, постигшія ея «милаго друга», совсѣмъ разстроили ее, и онъ не поддался мимолетному недовѣрію. Она принялась усердно льстить ему: конечно, онъ не долго останется въ сторонѣ, и рано или поздно вернется къ власти. Она увѣрена, что онъ питаетъ великіе замыслы и вѣритъ въ свою звѣзду: это читается на его лицѣ. Почему не возьметъ онъ ее въ свои повѣренные? Она такъ скромна: ей было бы такъ пріятно участвовать въ его интересахъ! Ругонъ, опьянѣлый, ловилъ маленькія ручки, прятавшіяся въ кружево, и говорилъ, много говорилъ, такъ что выболталъ все: свои планы, свои надежды, свои разсчеты. Она больше не подзадоривала его и предоставляла ему говорить, не дѣлая ни одного жеста, изъ боязни спугнуть его говорливость. Она внимательно разсматривала его, изучала его съ ногъ до головы, изучала его черепъ, измѣряла плечи, грудь. Да, несомнѣнно, онъ былъ человѣкъ сильный, который одною рукою могъ взвалить ее себѣ на плечи и безъ утомленія взнести такъ высоко, какъ ей хотѣлось.

— Ахъ! дорогой другъ,—вдругъ проговорила она.—Я никогда въ васъ не сомнѣвалась!

Она приподнялась, вытянула руки, и кружево скатилось съ плечъ. Она точно вынырнула изъ кружева съ гибкимъ движеніемъ влюбленной кошки. Все это длилось одно мгновеніе: то́ была какъ-бы награда и обѣщаніе будущаго счастія для Ругона. И развѣ кружево не могло само соскользнуть съ плечъ. Она уже поправила его и крѣпче обвязала вокругъ шеи.

— Т-съ!—проговорила она,—Луиджи ворчитъ.

И, подбѣжавъ къ живописцу, нагнулась къ его плечу и про-

Digitized by Google

шептала ему что-то на ухо. Ругонъ, когда она отошла отъ него, принялся изъ всей мочи тереть руки, разстроенный, почти разсерженный. Онъ мысленно ругалъ ее. Двадцатилѣтнимъ мальчишкой не могъ онъ поступить глупѣе. Она вытянула изъ него всю правду, какъ изъ ребенка, а онъ уже цѣлыхъ два мѣсяца тщетно старался заставить ее проболтаться. Ей стóило только отнять у него свои руки, и онъ увлекся до того, что все разболталъ ей, лишь бы она ему ихъ опять дала. Теперь ясно, что она увлекаетъ его: она допытывалась, стóитъ ли труда вскружить ему голову.

Ругонъ улыбнулся, какъ человѣкъ, увѣренный въ себѣ. Онъ сломитъ ее, когда захочетъ. Вѣдь она заманиваетъ его? И нечестныя мысли зароились у него въ головѣ; ему мерещился цѣлый планъ, по которому онъ готовился соблазнить ее и потомъ бросить. Въ самомъ дѣлѣ, неужели же ему оказаться въ дуракахъ передъ этой красоткой, показывавшей ему свои плечи. Однако, онъ не былъ увѣренъ, что кружево не само скатилось у ней съ плечъ.

— Развѣ и вы тоже считаете мои глаза сѣрыми?—спросила Клоринда, подходя къ нему.

Онъ всталъ и совсѣмъ близко поглядѣлъ ей въ глаза, но не заставилъ опустить рѣсницъ. Потомъ, такъ какъ онъ протягивалъ руки, то она слегка ударила его по пальцамъ. Ему незачѣмъ дотрогиваться до нея. Она была теперь очень холодна, и куталась въ свои кружевныя тряпки съ самой цѣломудренной пугливостью. Какъ онъ ни подшучивалъ надъ ней, какъ ни дразнилъ ее, сколько ни пытался насильно поймать ея руки, она только ёжилась сильнѣе и вскрикивала, когда онъ слегка дотрогивался до кружева. Къ тому же, она не хотѣла садиться.

— Я лучше похожу,—говорила она:—мнѣ хочется промять ноги.

Тогда онъ пошелъ за нею, и они принялись ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ попытался, въ свою очередь, заставить ее разговориться. Обыкновенно она не отвѣчала на вопросы. Она болтала безъ толку, перескакивая отъ одного предмета къ другому, припутывала разныя исторіи, не идущія къ дѣлу и которыхъ никогда не доканчивала. Онъ началъ-было пытать ее насчетъ двухнедѣльной поѣздки куда-то, которую она совершила въ прошломъ мѣсяцѣ, съ матерью; а она принялась разсказывать ему кучу анекдотовъ вообще о своихъ путешествіяхъ. Она вездѣ бывала: въ Англіи, въ Испаніи, въ Германіи; всего насмотрѣлась. Посыпался цѣлый градъ пошлыхъ замѣчаній о пищѣ, о

Digitized by Google

модахъ, о погодѣ. Иногда она начинала разсказъ, въ которомъ была дѣйствующимъ лицомъ, вмѣстѣ съ извѣстными личностями, которыхъ называла. Но только-что Ругонъ навострить уши, ожидая, что вотъ она, наконецъ, проговорится, какъ разсказъ обрывался или кончался какимъ-нибудь вздоромъ. Въ этотъ день онъ опять ничего не узналъ. На лицѣ у ней играла вѣчная улыбка, и ею она маскировала всѣ свои чувства. Она оставалась непроницаемой, несмотря на оглушительную болтовню. Ругонъ, сбитый съ толку нелѣпыми повѣствованіями, изъ которыхъ одни противорѣчили другимъ, терялся въ догадкахъ: кого онъ видитъ передъ собой: двѣнадцатилѣтнюю дѣвчонку, наивную до глупости, или пронырливую женщину, для которой наивность служитъ только личиной?

Клоринда остановилась среди разсказа о приключеніи, случившемся съ нею въ одномъ городкѣ Испаніи, о томъ, какъ она принуждена была воспользоваться любезностью одного путешественника, уступившаго ей свою кровать и ночевавшаго въ той же комнатѣ на стулѣ.

— Не ѣздите въ Тюльери, — проговорила она вдругъ, безъ всякаго перехода. — Надо, чтобы тамъ почувствовали ваше отсутствіе.

— Очень благодаренъ, mademoiselle Макіавелли, — отвѣчалъ Ругонъ, смѣясь.

Она засмѣялась громче его, но, тѣмъ не менѣе, продолжала давать ему отличные совѣты. И такъ какъ онъ все еще пытался взять ее за руку, она разсердилась, закричала, что нельзя съ нимъ серьёзно поговорить двухъ минутъ сряду. «Ахъ! еслибъ она была мужчиной! ужъ она съумѣла бы пробить себѣ дорогу! Мужчины такъ безразсудны!»

— Ну-ка, разскажите мнѣ исторію вашихъ друзей, — произнесла она, усаживаясь на краю стола, между тѣмъ какъ Ругонъ остановился передъ ней.

Луиджи, не спускавшій съ нихъ глазъ, съ силой захлопнулъ ящикъ съ красками.

— Я ухожу, — объявилъ онъ.

Но Клоринда побѣжала за нимъ и вернула его, божась, что тотчасъ же начнетъ позировать. Она, должно быть, боялась оставаться одна съ Ругономъ. И такъ какъ Луиджи уступилъ, то постаралась выгадать время.

— Вы позволите мнѣ позавтракать. Я такъ голодна. О! только кусочекъ хлѣбца!

Она открыла дверь, крича:

Digitized by Google

— Антонія! Антонія!

И отдала ей приказаніе по-итальянски. Она только-что усѣлась на краю стола, какъ вошла Антонія, держа на каждой изъ своихъ раскрытыхъ ладоней тартинку съ масломъ. Служанка протянула ей ихъ точно на подносѣ, съ дурацкимъ смѣхомъ звѣря, котораго щекочутъ за ухомъ, смѣхомъ, отъ котораго красный ротъ на ея черной рожѣ раздвигался до самыхъ ушей. Потомъ ушла, вытирая руки объ юбку. Клоринда позвала ее и велѣла принести стаканъ воды.

— Хотите, я подѣлюсь съ вами? — предложила она Ругону. — Масло такое вкусное. Иногда я посыпаю его сахаромъ. Но не слѣдуетъ жадничать.

Она дѣйствительно не была жадна. Ругонъ засталъ ее въ одно прекрасное утро завтракавшей кускомъ холодной яичницы, оставшейся отъ вчерашняго дня. Онъ подозрѣвалъ, что она скупа, какъ многія итальянки.

— Три минуты всего, Луиджи! — закричала она, принимаясь за первую тартинку.

И, обращаясь снова къ Ругону, все еще стоявшему передъ ней, спросила:

— Ну вотъ, Канъ, напримѣръ, какая его исторія? какъ онъ сдѣлался депутатомъ?

Ругонъ удовлетворилъ этимъ новымъ разспросамъ, все еще надѣясь вытянуть изъ нея какое-нибудь признаніе. Онъ зналъ, что ее очень интересовала чужая жизнь, что она любила сплетни, и жадно слѣдила за всѣми сложными интригами, безпрестанно завязывавшимися въ той средѣ, гдѣ она вращалась. Ее интересовала карьера разныхъ счастливыхъ проходимцевъ.

— О! — отвѣчалъ онъ, смѣясь, — Канъ родился депутатомъ! У него должно быть и зубы прорѣзались на скамьяхъ палаты. При Луи-Филиппѣ онъ уже засѣдалъ въ правомъ центрѣ и поддерживалъ конституціонную монархію съ юношескимъ жаромъ. Послѣ 1848 года онъ перешелъ въ лѣвый центръ, не теряя прежняго пыла. Онъ написалъ республиканскій символъ вѣры возвышеннымъ слогомъ. Въ настоящее время онъ вернулся къ правому центру и страстно защищаетъ имперію... Въ сущности, онъ сынъ одного еврейскаго банкира въ Бордо, имѣетъ большіе заводы близъ Брессюира, избралъ себѣ спеціальностью финансовые и промышленные вопросы, живетъ довольно мизерно въ ожиданіи богатства, которое наживетъ со временемъ; онъ былъ произведенъ въ кавалеры 15-го прошлаго августа...

Digitized by Google

И Ругонъ старался припомнить еще что-нибудь, мигая глазами.

— Я ничего кажется не пропустилъ... Нѣтъ, у него нѣтъ дѣтей...

— Какъ! онъ женатъ? — вскричала Клоринда, и сдѣлала жестъ, выражавшій, что Канъ ее больше не интересуетъ. — Онъ хитрецъ; никогда не показываетъ жены. Тогда Ругонъ объяснилъ ей, что m-me Канъ живетъ въ Парижѣ очень уединенно. Потомъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ разспросовъ, продолжалъ.

— Хотите теперь біографію Бежуэна?

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала молодая дѣвушка.

Но онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе:

— Онъ вышелъ изъ политехнической школы. Писалъ брошюры, которыхъ никто не читалъ. У него хрустальный заводъ въ Сенъ-Флоранѣ, въ трехъ льё отъ Буржа... Его вывелъ въ люди Шерскій префектъ.

— Да замолчите же! — закричала она.

— Почтенный человѣкъ, всегда вотируетъ за правое дѣло, никогда не шутитъ, очень терпѣливъ, ждетъ, чтобы о немъ вспомнили, и всегда смотритъ вамъ въ глаза, чтобы вы его не забыли... Я выхлопоталъ ему орденъ...

Она закрыла ему ротъ рукою, сердясь и говоря:

— Эхъ! да вѣдь и онъ тоже женатъ! И вовсе не забавенъ... Я видѣла его жену у васъ; настоящая копна... Она приглашала меня пріѣхать къ нимъ на заводъ въ Буржъ.

Клоринда доѣла первую тартинку и запила водой. Ноги ея висѣли, и, нѣсколько согнувшись и откинувъ голову назадъ, она машинально раскачивала ими, а Ругонъ слѣдилъ за ихъ мѣрнымъ раскачиваніемъ. При каждомъ оборотѣ, икры напрягались подъ газомъ.

— А дю-Пуаза? — спросила она, послѣ минутнаго молчанія.

— Дю-Пуаза былъ подпрефектомъ, — отвѣчалъ онъ.

Она поглядѣла на него, дивясь краткости такого разсказа.

— Я знаю, — отвѣчала она. — А потомъ?

— Потомъ будетъ когда-нибудь префектомъ и ему дадутъ орденъ.

Она поняла, что онъ не хочетъ говорить подробнѣе. Къ тому же, она такъ, вскользь, произнесла имя дю-Пуаза. Затѣмъ она начала пересчитывать этихъ господъ по пальцамъ и бормотала:

— Д'Эскорайль: этотъ не надеженъ,—любитъ всѣхъ жен-

Digitized by Google

цинъ... Ла-Рукетъ: ничтожность, я его слишкомъ хорошо знаю... Бомбело: вотъ опять женатый...

Она остановилась, не находя больше никого, и Ругонъ, сказать ей, пристально глядя на нее:

— Вы забываете Делестана?

— Ваша правда! — закричала она. — Разскажите мнѣ про него.

— Это красивый мужчина,—продолжалъ онъ, не спуская съ нея глазъ.—Онъ очень богатъ. Я всегда предсказывалъ ему великую будущность.

Онъ продолжалъ на эту тэму, преувеличивая похвалы, удвоивая цифры. Образцовая ферма въ Шамадѣ стоитъ два милліона. Делестанъ будетъ, конечно, министромъ со-временемъ.

Но она презрительно сложила губы.

— Онъ очень глупъ,—произнесла она наконецъ.

— Что дѣлать!—отвѣчалъ Ругонъ съ тонкой усмѣшкой.

Онъ казался въ восторгѣ отъ высказаннаго ею мнѣнія, и они оба очень много смѣялись. Потомъ вдругъ она сдѣлала ему новый вопросъ, въ свою очередь пристально глядя на него.

— Вы, должно быть, хорошо знаете де-Марси?

— Да, да, мы хорошо знаемъ другъ друга,—отвѣчалъ онъ, не смущаясь, а скорѣе забавляясь ея вопросомъ.

Но вдругъ принялъ серьёзную мину. Онъ отозвался о де-Марси съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и безпристрастіемъ.

— Это чрезвычайно умный человѣкъ, — объяснялъ онъ.—Я горжусь, что онъ мнѣ врагъ... Онъ брался за все. Двадцатиосьми лѣтъ онъ былъ полковникомъ. Позднѣе управлялъ большимъ заводомъ. Потомъ, поочередно, занимался земледѣліемъ, финансами, торговлей. Увѣряютъ даже, будто онъ рисовалъ портреты и писалъ романы.

Клоринда позабыла про тартинку и сидѣла, задумчивая.

— Я разговаривала съ нимъ намедни, — проговорила она вполголоса.—Онъ очень приличенъ... королевской крови.

— На мой взглядъ,—продолжалъ Ругонъ,—умъ ему вредитъ. У меня иной взглядъ на силу. Я слышалъ отъ него каламбуры, тогда какъ дѣло было серьёзное. Какъ бы то ни было, ему повезло; онъ царствуетъ столько же, сколько и самъ императоръ. Этимъ незаконнорожденнымъ всегда везетъ!.. но что у него составляетъ личное, неотъемлемое достоинство, такъ это сильная рука, рука желѣзная, смѣлая, рѣшительная, и при этомъ маленькая и изящная.

Digitized by Google

Молодая дѣвушка невольно опустила глаза на большія руки Ругона. Онъ замѣтилъ это и произнесъ съ улыбкой.

— О! у меня лапы,—не правда ли? Вотъ почему мы никогда не могли столковаться съ де-Марси. Онъ любезно рѣжетъ людей, не пачкая бѣлыхъ перчатокъ. Я же ихъ убиваю сразу.

Онъ сжалъ кулаки, огромные кулаки, покрытые волосами, и махалъ ими, радуясь, что они такіе большіе. Клоринда принялась за вторую тартинку, не выходя изъ задумчивости. Наконецъ она подняла глаза на Ругона.

— Ну, а вы?—спросила она.

— Вы хотите, чтобы я разсказалъ вамъ свою исторію?—сказалъ онъ.—Ничего нѣтъ легче. Дѣдъ мой торговалъ овощами. Я до тридцати-восьми лѣтъ влачилъ безвѣстное существованіе провинціальнаго адвоката. Вчера еще я былъ темный человѣкъ. Я не подставлялъ спины, какъ нашъ другъ Канъ, поддерживая всѣ правительства. Я не воспитывался, какъ Бежуэнъ, въ политехнической школѣ. У меня нѣтъ ни громкаго имени д'Эскорайля, ни красивой наружности бѣднаго Комбело. У меня нѣтъ вліятельной родни, какъ у Ла-Рукета, который обязанъ мѣстомъ депутата сестрѣ, вдовѣ генерала Лоранца, теперешней статсъ-дамѣ. Отецъ не оставилъ мнѣ пяти-милліоннаго состоянія, нажитаго виноторговлей. Я не родился по близости трона, какъ де-Марси, и не выросъ, держась за юбку ученой женщины и осыпаемый ласками Талейрана. Нѣтъ, я человѣкъ новый, у меня есть только кулаки...

И онъ хлопалъ кулаками, громко смѣясь и обращая весь разговоръ въ шутку. Но при этомъ выпрямился и точно будто раздавливалъ камни своими сжатыми пальцами. Клоринда восхищалась имъ.

— Я былъ нулемъ, теперь буду тѣмъ, чѣмъ захочу,—продолжалъ онъ, увлекаясь и разсуждая больше съ самимъ собой.— Я—сила. И я не могу не пожимать плечами, когда всѣ они начнутъ увѣрять въ своей преданности имперіи? Развѣ они ее любятъ? развѣ они ее понимаютъ? развѣ они не приладились ко всякому другому правительству? Я выросъ съ имперіей; я создалъ, а она меня создала... Я былъ произведенъ въ кавалеры послѣ 10 декабря, въ оффисье въ январѣ 1852 г., въ командоры 15 августа 1854 г., и пожалованъ старшимъ оффисье четнаго легіона три мѣсяца тому назадъ. Въ эпоху президентства я управлялъ короткое время портфелемъ общественныхъ работъ; позднѣе, императоръ возложилъ на меня миссію въ Англію; потомъ я вступилъ въ государственный совѣтъ и въ сенатъ

Digitized by Google

— А завтра куда вы вступите?—спросила Клоринда со смѣхомъ, которымъ старалась замаскировать свое страстное любопытство.

Онъ вдругъ умолкъ.

— Вы очень любопытны, mademoiselle Макіавелли,—проговорилъ онъ.

Тогда она быстрѣе заболтала ногами. Наступило молчаніе. Ругонъ, видя ее снова погруженною въ глубокую думу, подумалъ, что наступилъ удобный моментъ ее поисповѣдовать.

— Женщины...—началъ онъ.

Но она перебила его, съ неопредѣленнымъ взглядомъ, улыбаясь собственнымъ мыслямъ и бормоча вполголоса:

— О! у женщинъ есть иныя средства.

Это было ея единственнымъ признаніемъ. Она доѣла тартинку, выпила залпомъ стаканъ воды и вскочила на столъ съ ловкостью, показывавшей въ ней искусную наѣздницу.

— Эй! Луиджи!—закричала она.

Живописецъ уже съ минуту какъ всталъ и, кусая усы отъ нетерпѣнія, вертѣлся вокругъ нея и Ругона. Онъ со вздохомъ снова усѣлся на свое мѣсто и взялся за кисть. Три минуты отдыха, которыя выпросила себѣ Клоринда, длились четверть часа. Она уже стояла на столѣ, все еще укутанная въ черное кружево. Потомъ, ставъ въ должную позу, она сбросила однимъ движеніемъ свое покрывало и снова превратилась въ статую, а потому больше не стыдилась.

Въ Елисейскихъ поляхъ кареты все рѣдѣли. Заходящее солнце осыпало аллею золотистой пылью, которая садилась на деревья, словно колеса экипажей подняли это облако яркаго свѣта. Свѣтъ, входившій въ высокія полукруглыя окна, озарилъ плечи Клоринды золотистымъ отблескомъ. Небо медленно блѣднѣло.

— А что, женитьба де-Марси на валахской принцессѣ—вещь рѣшенная?—спросила она, спустя минуту.

— Да, полагаю,—отвѣчалъ Ругонъ.—Она очень богата. А Марси вѣчно нуждается въ деньгахъ. Къ тому же разсказываютъ, что онъ отъ нея безъ ума.

Молчаніе больше не прерывалось. Ругонъ расположился точно у себя дома и не думалъ уходить. Онъ размышлялъ и прохаживался по комнатѣ. Эта Клоринда была, въ самомъ дѣлѣ, очень привлекательная дѣвушка. Онъ думалъ о ней, точно давно уже разстался съ ней и, вперивъ глаза въ полъ, погрузился въ сладкую думу, пріятно щекотавшую его нервы.

Его внезапно пробудилъ шумъ голосовъ. Высокій старикъ,

Digitized by Google

прихода котораго онъ не замѣтилъ, цѣловалъ въ лобъ Клоринду, съ улыбкой нагибавшую голову и ставшую на краю стола.

— Здравствуй, крошечка,—говорилъ онъ.—Какъ ты хороша! Ты показываешь себя всю?

Онъ слегка разсмѣялся, а когда сконфуженная Клоринда подняла свое черное кружево, прибавилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно; такъ очень мило, ты можешь показываться вся!... Ахъ, дитя мое, то ли еще я видывалъ на своемъ вѣку!

Потомъ, обернувшись къ Ругону, котораго назвалъ «любезнымъ собратомъ», пожалъ ему руку, говоря:

— Эта дѣвчонка прыгала у меня на колѣняхъ, когда была маленькая, а теперь, вонъ какой ослѣпительной красавицей стала.

То былъ старикъ де-Плугернъ. Ему было семьдесятъ лѣтъ. При Луи-Филиппѣ, будучи депутатомъ отъ Финистере въ палатѣ, онъ былъ въ числѣ легитимистскихъ депутатовъ, совершившихъ походъ въ Бельгрэвъ-Скверъ, и подалъ въ отставку вслѣдствіе неодобренія, заявленнаго ему и его товарищамъ палатою! Позднѣе, послѣ февральскихъ дней, онъ выказалъ внезапную нѣжность къ республикѣ, которую привѣтствовалъ съ жаромъ на скамьяхъ учредительнаго собранія. Въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ императоръ обезпечилъ за нимъ убѣжище въ сенатѣ, онъ сталъ бонапартистомъ, но только умѣлъ имъ быть, какъ дворянинъ. Онъ дозволялъ себѣ щеголять слабыми проблесками оппозиціи. Неблагодарность его забавляла. Скептикъ до мозга костей, онъ защищалъ религію и семью. Онъ считалъ, что его обязываетъ къ этому имя, одно изъ самыхъ громкихъ въ Бретани. Бывали дни, когда онъ находилъ императора безнравственнымъ, и громко высказывалъ это. Самъ онъ провелъ жизнь въ утонченномъ и изысканномъ развратѣ, и про него ходили анекдоты, заставлявшіе молодыхъ людей задумываться. Въ одно изъ путешествій въ Италіи онъ познакомился съ графиней Бальби и оставался ея любовникомъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Они разставались на цѣлые годы, затѣмъ снова сходились дня на три въ городахъ, гдѣ случай сводилъ ихъ. Злые языки утверждали, что Клоринда его дочь. Но ни онъ, ни графиня хорошенько этого не знали, а съ тѣхъ поръ, какъ молодая дѣвушка стала привлекательной женщиной, онъ увѣрялъ, что былъ коротко знакомъ съ ея отцомъ во времена бны, поглядывалъ на нее очень умильно для своихъ преклонныхъ лѣтъ, и позволялъ себѣ съ ней фамильярности, какъ старый другъ. Де-Плугернъ—высокій, сухой, костля-

Digitized by Google

ный, былъ похожъ на Вольтера, котораго втайнѣ очень почиталъ.

— Крёстный, что-жъ ты не поглядишь на мой портретъ?—закричала Клоринда.

Она звала его крёстнымъ по дружбѣ. Онъ зашелъ сзади Луиджи, подмигивая глазами, какъ знатокъ.

— Очаровательно!—пробормоталъ онъ.

Подошелъ Ругонъ. Сама Клоринда соскочила со стола, чтобы лучше видѣть, и всѣ трое принялись восхищаться портретомъ. Живопись была чистенькая. Живописецъ уже покрылъ все полотно легкими розовыми, бѣлыми, желтыми тѣнями, сохранявшими блѣдные оттѣнки акварели. И лицо улыбалось точно миловидная куколка, съ губками сердечкомъ, бровями дугой, щеками, покрытыми нѣжнымъ румянцемъ. То была Діана, какъ разъ пригодная для коробки съ конфектами.

— О! посмотрите-ка вонъ тамъ, возлѣ глаза, на эту маленькую родинку,—закричала Клоринда, хлопая въ ладоши отъ восхищенія. Этотъ Луиджи ничего не пропуститъ!

Ругонъ, въ которомъ обыкновенно картины возбуждали только скуку, былъ очарованъ. Въ эту минуту онъ понималъ искусство. Онъ произнесъ слѣдующее сужденіе убѣжденнымъ тономъ:

— Какой превосходный рисунокъ!

— И краски удивительныя,—подхватилъ де-Плугернъ.—Эти плечи—живое тѣло... Хороша тоже и грудь. А руки-то! У этой милочки изумительныя руки.

И обращаясь къ живописцу:

— М-г Поццо,—прибавилъ онъ:—поздравляю васъ. Я уже видѣлъ вашу «Купальщицу». Но этотъ портретъ превзойдетъ и... Почему вы не выставите своихъ произведеній? Я зналъ одного дипломата, который изумительно игралъ на скрипкѣ; это не помѣшало ему сдѣлать карьеру.

Луиджи, очень польщенный, поклонился. Между тѣмъ уже смеркалось, и такъ какъ онъ хотѣлъ окончить ухо, говорилъ онъ, то попросилъ Клоринду стать въ позу еще минутъ на десять. Де-Плугернъ и Ругонъ продолжали говорить о живописи. Этотъ послѣдній увѣрялъ, что спеціальныя занятія мѣшали ему слѣдить за артистическимъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ, но что онъ преклоняется передъ великими произведеніями искусства. Онъ объявилъ въ концѣ-концовъ, что равнодушенъ къ краскамъ, но красивый рисунокъ вполнѣ его удовлетворяетъ, такой рисунокъ, который могъ бы возвышать душу и внушать великія мысли. Что касается де-Плугерна, то онъ признавалъ только древнихъ ма-

Digitized by Google

стеровъ; онъ посѣтилъ всѣ европейскіе музеи и не понимаетъ, какъ это осмѣливаются еще заниматься живописью. Однако, въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ заказалъ отдѣлать маленькую гостинную одному артисту, совершенно неизвѣстному публикѣ и очень талантливому.

— Онъ нарисовалъ мнѣ маленькихъ амуровъ, цвѣты, зелень—просто изумительные,—говорилъ онъ.—Положительно хочется сорвать цвѣтокъ. И между цвѣтами есть насѣкомыя, бабочки, мухи, жуки, точно живые. Ну, словомъ, веселенькая живопись... Я люблю веселенькую живопись.

— Искусство не должно наводить на насъ скуку, — заключилъ Ругонъ.

Въ эту минуту, въ то время какъ они прохаживались рядомъ, небольшими шагами, де-Плугернъ раздавилъ каблукомъ что-то, что́ затрещало.

— Что это такое?—закричалъ онъ.

И поднялъ чётки, скатившіяся съ кресла, на которое Клоринда, должно быть, высыпала то, что́ лежало у нея въ карманѣ. Одна изъ стеклянныхъ бусъ, возлѣ крестика, была превращена въ порошокъ; самъ крестикъ, очень маленькій, серебряный, былъ согнутъ пополамъ. Старикъ замахалъ четками, посмѣиваясь и говоря:

— Милочка, зачѣмъ ты бросаешь эти игрушки?

Но Клоринда вся побагровѣла. Она бросилась со стола, надувъ губы, съ сердитыми глазами, поспѣшно прикрывая себѣ плечи, бормоча:

— Злой, злой! сломалъ мои чётки! И вырвала ихъ у него. Она плакала какъ ребенокъ.

— Ну, ну,—говорилъ де-Плугернъ, все еще смѣясь. — Видите, какая богомолка. Намедни, чуть мнѣ глаза не выцарапала за то, что, увидѣвъ въ глубинѣ ея алькова вербу, я спросилъ у ней, что́ она подметаетъ этой метелкой... Не плачь же, дурочка. Я ему ничего не сломалъ, твоему божинькѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала она,—вы ему сдѣлали больно.

Она уже не говорила ему «ты». Дрожащими руками она снимала разбитую бусу. Потомъ, рыдая еще сильнѣе, захотѣла выпрямить крестикъ. Она вытирала его кончиками пальцевъ, точно ей виднѣлись капли крови на металлѣ. Она бормотала:

— Папа подарилъ мнѣ его, въ первый разъ, какъ я была у него съ мамашей. Онъ меня знаетъ, папа. И зоветъ меня: «мой прекрасный апостолъ», потому что я ему сказала, что была бы рада умереть за него... Эти чётки приносили мнѣ сча-

Digitized by Google

сіе. Теперь онѣ потеряютъ свою силу. Онѣ будутъ привлекать дьявола...

— Постой, дай мнѣ ихъ,—перебилъ де-Плугернъ.—Ты сломаешь себѣ ногти, поправляя это. Серебро—крѣпкая штука, милочка.

Онъ взялъ у нея чётки и старался выпрямить крестикъ, осторожно, чтобы не сломать. Клоринда не плакала больше и пристально слѣдила за его работой. Ругонъ также вытягивалъ шею съ улыбкой. Онъ былъ совсѣмъ безбожникъ, такъ что молодая дѣвушка чуть-было два раза не разсорилась съ нимъ за неумѣстныя шутки.

— Вишь ты!—бормоталъ вполголоса де-Плугернъ,—какой божинька неподатливый. Я боюсь сломать его пополамъ... хотя тогда, милочка, у тебя будетъ другой на смѣну.

Онъ сдѣлалъ новое усиліе. Крестикъ переломился.

— Ну, тѣмъ хуже!—закричалъ онъ.—На этотъ разъ я его сломалъ.

Ругонъ засмѣялся. Тогда Клоринда, съ бѣшеными глазами, искаженнымъ лицомъ, отступила назадъ, поглядѣла имъ прямо въ лицо, сжимая кулаки и съ яростью толкая ихъ къ двери, точно собираясь вышвырнуть ихъ за дверь. Она ругала ихъ по-итальянски, совсѣмъ обезумѣвъ.

— Она насъ бьетъ, она насъ бьетъ,—повторялъ весело де-Плугернъ.

— Вотъ плоды суевѣрія,—произнесъ Ругонъ сквозь зубы.

Старикъ пересталъ шутить, лицо его стало вдругъ серьёзно. И такъ какъ великій человѣкъ продолжалъ повторять избитыя фразы о зловредномъ вліяніи духовенства, о жалкомъ воспитаніи католическихъ женщинъ, объ униженіи Италіи, отданной на жертву попамъ, онъ произнесъ своимъ сухимъ голосомъ:

— Религія составляетъ величіе государствъ.

— Когда она не поѣдаетъ ихъ какъ ржавчина,—возразилъ Ругонъ.—Исторія на лицо. Пусть только императоръ мало-мальски распуститъ епископовъ, они тотчасъ всѣ сядутъ ему на шею.

Тутъ де-Плугернъ въ свою очередь разсердился. Онъ принялся защищать Римъ. Заговорилъ объ убѣжденіяхъ всей своей жизни. Безъ религіи люди обратились бы въ скотовъ. И перешелъ къ защитѣ семьи. Времена наступили самыя кромѣшныя. Никогда еще порокъ не выставлялся съ такой наглостью, никогда безбожіе не производило такой смуты въ совѣсти людей.

— Не говорите мнѣ про вашу имперію!—закричалъ онъ въ концѣ-концовъ.—Она—незаконная дочь революціи... О! мы знаемъ,

Digitized by Google

что ваша имперія стремится унизить церковь. Но мы стоимъ на стражѣ, мы не позволимъ зарѣзать себя какъ барановъ... Попробуйте-ка, любезный Ругонъ, высказать свои убѣжденія въ сенатѣ.

— Эхъ! не спорьте съ нимъ больше,—сказала Клоринда.— Если вы раздразните его, онъ плюнетъ на крестъ. Это—отверженный.

Ругонъ, уничтоженный, поклонился, слегка пожимая плечами. Наступило молчаніе. Молодая дѣвушка искала на полу обломокъ крестика; и, найдя его, заботливо завернула въ клочокъ газеты, вмѣстѣ съ чѣтками. Она успокоилась.

— Ахъ, да! милочка,—началъ вдругъ де-Плугернъ:—я вѣдь тебѣ еще не сказалъ, зачѣмъ я зашелъ сегодня. У меня есть ложа на сегодняшній вечеръ въ Пале-рояль, и я васъ забираю съ собой.

— Милый крестный!—закричала Клоринда, покраснѣвъ отъ удовольствія.—Пойду, разбужу мамашу.

Она поцѣловала его: «за труды», какъ объявила. И повернулась къ Ругону, улыбающаяся, протягивая руку и говоря съ прелестной гримаской:

— Вы на меня не сердитесь, не правда ли? Не раздражайте меня своими языческими воззрѣніями... Я совсѣмъ глупѣю, когда меня поддразниваютъ религіей. Я способна разсориться съ лучшими друзьями.

Между тѣмъ Луиджи толкнулъ мольбертъ въ уголъ, видя, что ему не кончить уха сегодня. Онъ взялъ шляпу и тронулъ молодую дѣвушку за плечо, чтобы предупредить ее, что уходитъ. Она проводила его до площадки лѣстницы и захлопнула за собою дверь; но они распрощались такъ шумно, что слышно было, какъ Клоринда вскрикнула, потомъ засмѣялась. Когда она вернулась, то сказала:

— Я пойду переодѣваться, если только крёстный не согласенъ везти меня въ этомъ костюмѣ въ Пале-рояль.

И всѣ трое разсмѣялись этой мысли. Сумерки сгустились. Когда Ругонъ уходилъ, Клоринда пошла вслѣдъ за нимъ, оставивъ де-Плугерна одного и говоря, что сейчасъ вернется, только переодѣнется. На лѣстницѣ было уже совсѣмъ темно. Она пошла впередъ и спускалась молча и такъ медленно, что онъ чувствовалъ, какъ ея газовая тюника задѣвала его за колѣни. Дойдя до своей комнаты, она вошла въ нее и сдѣлала два шага, не оборачиваясь. Онъ послѣдовалъ за ней. Два окна озаряли блѣд-

Digitized by Google

нымъ свѣтомъ неприбранную постель, позабытую лоханку, и кошку, все еще спавшую на грудѣ платья.

— Вы не сердитесь на меня?—повторила она почти шепотомъ, протягивая ему руки.

Онъ поклялся, что нѣтъ. И взявъ ее за руки, пожалъ ихъ выше локтя, осторожно протискивая пальцы сквозь черное кружево, чтобы ничего не разорвать. Она потихоньку вытягивала руки, точно желала облегчить его работу. Они стояли въ тѣни ширмъ и не видѣли другъ друга въ лицо. Спертый воздухъ комнаты одурялъ его, и у него кружилась голова. Но какъ только руки его поднялись выше локтя, Клоринда вырвалась, и онъ слышалъ, какъ она закричала въ дверь, остававшуюся раскрытой:

— Антонія! свѣчей и мое сѣрое платье!

Когда Ругонъ очутился въ аллеѣ Елисейскихъ полей, онъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ и вдохнуть свѣжаго воздуха. Въ аллеѣ, совсѣмъ опустѣвшей отъ экипажей, зажигались одинъ за другимъ газовые фонари. Онъ провелъ руками по лицу.

— Ахъ!—произнесъ онъ громко:—это было бы слишкомъ глупо!

IV.

Кортежъ крестинъ долженъ былъ выступить изъ павильона «Часовъ» въ шестомъ часу. Маршрутъ велъ черезъ большую аллею Тюльерійскаго сада, площадь Согласія, улицу Риволи, площадь Ратуши, Аркольскій мостъ, Аркольскую улицу и площадь Парвй.

Уже съ четырехъ часовъ толпа заняла окрестности Аркольскаго моста. Тамъ, на раздольѣ по берегамъ рѣки, могли помѣститься цѣлыя полчища народа. Горизонтъ вдругъ расширялся и вдали виднѣлся островъ Сенъ-Луи, перекрещенный черной чертой моста Луи-Филиппа. Налѣво небольшой рукавъ рѣки терялся среди лабиринта низкихъ строеній; направо большой рукавъ уходилъ въ даль въ лиловатый туманъ, среди котораго виднѣлось зеленое пятно деревьевъ «Винной пристани». По обѣимъ сторонамъ, отъ набережной Сенъ-Поль до набережной Межиссери, отъ набережной Наполеона, до набережной Часовъ троттуары тянулись точно широкія дороги, а площадь Ратуши, напротивъ моста, раскидывалась равниной. И надъ этимъ обширнымъ пространствомъ небо іюньское, жаркое, безоблачное небо раскидывало громадную полу своей безконечной лазури.

Digitized by Google

Когда пробило половина пятаго, народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ. Вдоль троттуаровъ, безконечные ряды любопытныхъ стояли, притиснутые къ парапету набережной. Съ Жеврской набережной доносился шумъ, поднимаемый тысячами народа, волна котораго, постоянно растущая, заливала площадь Ратуши. Напротивъ, въ старыхъ домахъ Наполеоновской набережной, въ открытыхъ окнахъ торчали сотни головъ. Даже въ глубинѣ темныхъ переулковъ, выходящихъ на рѣку, въ улицѣ Коломбъ, въ улицѣ Сенъ-Ландри, въ улицѣ Глатиньи виднѣлись женскіе чепцы, высунувшіеся изъ оконъ, съ развѣвающимися по вѣтру завязками. На мосту Нотръ-Дамъ, залитомъ народомъ, зрители опирались локтями на камень, точно на бархатъ колоссальной трибуны. На другомъ концѣ, совсѣмъ вдали, на мосту Луи-Филиппа, кишили черныя точки, и самыя отдаленныя окна, маленькими черточками прорѣзывавшія желтые и сѣрые фасады домовъ, на концѣ острова, минутами озарялись свѣтлымъ пятномъ отъ какого-нибудь платья. На крышахъ, между трубами, стояли мужчины; люди, которыхъ было не видно, глядѣли въ подзорныя трубы съ высоты своихъ террасъ на набережной Турнель. Но что́ было видно отовсюду, со всѣхъ сторонъ, съ набережныхъ, изъ оконъ, со всѣхъ пунктовъ—такъ это красовавшійся на горизонтѣ, на голой стѣнѣ шестиэтажнаго дома, на островѣ Сенъ-Луи, гигантскій сѣрый сюртукъ, нарисованный al-fresco, въ профиль, съ лѣвымъ рукавомъ, сложеннымъ на локтѣ, точно платье сохраняло еще положеніе тѣла, въ настоящую минуту уже истлѣвшаго. Эта монументальная вывѣска принимала, на солнцѣ, надъ людскимъ муравейникомъ, необыкновенные размѣры.

Двойная шеренга солдатъ оберегала проходъ для кортежа среди толпы. Направо выстроились національгарды, налѣво линейные солдаты. Одинъ конецъ этой двойной шеренги терялся въ Аркольской улицѣ, убранной знаменами, съ окнами, драпированными богатыми матеріями, мягко колыхавшимися вдоль черныхъ домовъ. Мостъ, оставленный пустымъ, былъ единственной полосой голой земли — среди повсемѣстнаго наводненія людской толпой,—и, легкой дугой переброшенный черезъ рѣку, онъ производилъ странное впечатлѣніе. Но вниву, вдоль рѣки, давка была большая; разряженные буржуа, разложивъ платки на землю, усѣлись возлѣ своихъ женъ, отдыхая отъ полдневнаго шатанья по городу. По ту сторону моста, посреди широкой площади голубой воды, отливавшей зеленымъ при сліяніи двухъ рукавовъ, нѣсколько лодочниковъ, въ красныхъ курткахъ, гребли, направляя свою лодку въ «Фруктовую пристань». Близъ Жеврской на-

Digitized by Google

бережной виднѣлся также большой прачешный плотъ, съ котораго доносились смѣхъ и удары валька прачекъ. И вся эта скученная масса народа, всѣ эти триста-четыреста тысячъ головъ минутами поднимались и глядѣли на башни Нотръ-Дамъ, возвышавшіяся надъ домами Наполеоновской набережной. Башни, позолоченныя заходящимъ солнцемъ, цвѣта ржавчины, выдѣлялись на свѣтломъ небѣ и гудѣли въ воздухѣ, потрясаемыя неугомоннымъ колокольнымъ звономъ.

Двѣ или три фальшивыя тревоги уже неоднократно заставляли колыхаться толпу.

— Увѣряю васъ, что они не пройдутъ раньше половины шестого, говорилъ высокій малый, засѣдавшій передъ одной изъ кофеенъ Жеврской набережной въ обществѣ Шарбоннелей.

То былъ Жилькéнъ, Теодоръ Жилькéнъ, старинный постоялецъ Мелани Коррёръ, бѣдовый другъ Ругона. Въ этотъ день онъ былъ одѣтъ въ костюмъ изъ желтой нанки, — полный костюмъ въ двадцать-девять франковъ,—затасканный, въ пятнахъ, разлѣзавшійся по швамъ; на немъ были прорванные сапоги, свѣтло-коричневыя перчатки и широкая соломенная шляпа безъ ленточки. Когда Жилькéнъ надѣвалъ перчатки, то считалъ себя въ полномъ парадѣ. Съ самаго утра онъ служилъ проводникомъ Шарбоннелямъ, съ которыми познакомился однажды вечеромъ у Ругона въ кухнѣ.

— Вы все увидите, друзья мои, — повторялъ онъ, утирая рукой длинные усы, черной чертой пересѣкавшіе его пьяную рожу.—Вѣдь вы отдали себя въ мое распоряженіе, не правда-ли? Ну, такъ и предоставьте мнѣ руководить нашимъ праздникомъ.

Жилькéнъ уже выпилъ три рюмки коньяку и пять кружекъ пива. Еще два часа назадъ онъ затащилъ сюда Шарбоннелей, подъ предлогомъ, что надо придти на мѣсто первыми. Вотъ знакомая, маленькая кофейня,—очень хорошая, объяснялъ онъ, и говорилъ гарсону «ты». Шарбоннели, покорившись своей судьбѣ, слушали его, дивясь обилію и разнообразію его рѣчей. М-me Шарбоннель отказалась отъ всего, кромѣ стакана сахарной воды. Шарбоннель спросилъ рюмку полынной водки, которую иногда пивалъ въ коммерческомъ клубѣ, въ Плассанѣ. Тѣмъ временемъ Жилькéнъ разсказывалъ имъ о крестинахъ такъ, какъ еслибы ходилъ утромъ въ Тюльери за справками.

— Императрица очень довольна,—говорилъ онъ.—Роды были благополучные. О! она молодецъ-баба! Вы увидите, какая она красивая... Императоръ только третьяго дня пріѣхалъ изъ Нанта,

Digitized by Google

куда ѣздилъ по случаю наводненій... Гм!... вотъ-то бѣда съ этими наводненіями!

М-me Шарбоннель отодвинула свой стулъ. Она слегка трусила толпы, все болѣе и болѣе густыми рядами протекавшей мимо ихъ.

— Сколько народу! — пробормотала она.

—Еще бы! — закричалъ Жилькéнъ:—въ Парижъ понаѣхало однихъ иностранцевъ слишкомъ триста тысячъ человѣкъ. Вотъ уже цѣлую недѣлю увеселительные поѣзды перевозятъ сюда всю провинцію... Вонъ тамъ, смотрите, нормандцы, а вотъ это гасконцы; вотъ пріѣзжій изъ Франшъ-Конте. О! я ихъ сейчасъ узнаю! Я вѣдь изъѣздилъ Францію вдоль и поперекъ.

Потомъ онъ сообщилъ, что суды заперты, биржа закрыта, что всѣ управленія распустили своихъ служащихъ. Вся столица праздновала крестины. Потомъ началъ пересчитывать, сколько будутъ стóить церемонія и праздники. Законодательный корпусъ вотировалъ четыреста тысячъ франковъ; но это бездѣлица, потому что одинъ тюльерійскій конюхъ увѣрялъ его вчера, что одинъ кортежъ будетъ стóить около двухъ-сотъ тысячъ франковъ. Если императору придется доплатить только милліонъ изъ своихъ доходовъ, то онъ долженъ счесть себя счастливымъ. Одно приданое ребенка стóитъ больше ста тысячъ франковъ.

— Ста тысячъ франковъ! — повторила m-me Шарбоннель, сраженная. — Да изъ чего же оно сдѣлано? Изъ какихъ такихъ матерій?

Жилькéнъ снисходительно разсмѣялся. Есть вѣдь очень дорогія кружева! Во время óно онъ былъ коммиссіонеромъ по этой части. И продолжалъ свои разсчеты: пятьдесятъ тысячъ франковъ опредѣлены на пособія родителямъ законныхъ дѣтей, родившихся въ одинъ день съ маленькимъ принцемъ, и которыхъ императоръ и императрица пожелали быть воспріемниками; восемьдесятъ тысячъ франковъ будутъ истрачены на медали для авторовъ кантатъ, которыя поются на театрахъ. Наконецъ, сто-двадцать тысячъ медалей роздано гимназистамъ, ученикамъ первоначальныхъ школъ и пріютовъ, унтеръ-офицерамъ и солдатамъ парижской арміи. У него была одна такая, и онъ ее показалъ. То была медаль, величиной въ десять су: на одной сторонѣ выбиты были профили императора и императрицы, на другой императорскаго принца, и стояло число крестинъ: «14-го іюня 1856 г.»

— Уступите ее мнѣ? — попросилъ Шарбоннель.

Жилькéнъ согласился. Но когда толстякъ, затруднявшійся какую цѣну назначить, подалъ ему монету въ двадцать су, онъ

Digitized by Google

величественно отказался, замѣтивъ, что это не должно стоить дороже десяти су. Между тѣмъ, m-me Шарбоннель разглядывала профили императорской четы и пришла въ умиленіе.

— Они очень добры на видъ, — говорила она. — Сидятъ они тутъ рядышкомъ, точно голубки... Поглядите, m-r Шарбоннель, не правда-ли, если повернуть медаль вотъ этакъ, то выходитъ точно двѣ головы, лежащія на одной подушкѣ.

Тутъ Жилькенъ заговорилъ объ императрицѣ, превознося до небесъ ея красоту. На девятомъ мѣсяцѣ своей беременности, она посвящала цѣлыя утра на основаніе воспитательнаго дома для бѣдныхъ дѣвушекъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Она отказалась отъ восьмидесяти тысячъ франковъ, собранныхъ по копѣйкамъ въ народѣ на подарокъ маленькому принцу, и сумма эта, по ея желанію, будетъ обращена на обученіе ста сиротъ. Жилькенъ, слегка пьяный, страшно ворочалъ глазами, подыскивая нѣжныя выраженія,—выраженія, въ которыхъ бы сливалась почтительность подданнаго съ восторженнымъ поклоненіемъ мужчины. Онъ объявлялъ, что готовъ жизнью пожертвовать для этой благородной женщины. Но вокругъ него никто не возражалъ. Гулъ, производимый толпой, служилъ какъ-бы эхомъ его похваламъ и сливался въ непрерывный стонъ, а колокола Нотръ-Дамъ заливались изо-всей мочи и разносили надъ домами гулъ своей колоссальной радости.

— Не пора ли намъ стать на мѣста? — спросилъ робко Шарбоннель, которому надоѣло сидѣть.

M-me Шарбоннель встала, оправляя свою желтую шаль.

— Конечно, — пробормотала она. — Вы хотѣли, чтобы мы пришли первыми, а вотъ мы тутъ теряемъ время и пропускаемъ всѣхъ впередъ себя.

Жилькенъ разсердился. Онъ выругался, ударяя кулакомъ по маленькому желѣзному столику. Развѣ онъ не знаетъ Парижа какъ свои пять пальцевъ? И въ то время, какъ испуганная m-me Шарбоннель снова опустилась на свой стулъ, закричалъ гарсону:

— Жюль, полынной водки и сигаръ!

Но, обмакнувъ усы въ полынную водку, онъ яростно поцѣловалъ его, говоря:

— Ты смѣешься, что-ли, надо мной? Возьми прочь это лекарство и подай мнѣ другую бутылку, ту, которую я началъ въ пятницу... Я, любезный, былъ коммиссіонеромъ по части напитковъ. Теодора не такъ-то легко поддѣть.

И онъ угомонился, когда гарсонъ, который, повидимому, его

Digitized by Google

побаивался, принесъ ему бутылку. Тогда онъ похлопалъ дружески по плечу Шарбоннелей, величая ихъ папенькой и маменькой.

— Эге! маменька, намъ, должно быть, не сидится? ножки зудятъ? Полноте, успѣете еще до вечера отбить ихъ!... Слушайте, папенька, развѣ намъ тутъ худо? Мы сидимъ, глядимъ на проходящій народъ... Говорю же вамъ, что поспѣемъ. Спросите себѣ что-нибудь.

— Благодарствуйте, мы по-горло сыты,—объявилъ Шарбоннель.

Жилькéнъ закурилъ сигару. Онъ опрокинулся на спинку стула, засунулъ пальцы за жилетъ, выпятилъ грудь и раскачивался всѣмъ туловищемъ. Глаза его млѣли отъ блаженства. Вдругъ его осѣнила идея.

— Знаете что? — закричалъ онъ: — завтра утромъ, въ семь часовъ, я явлюсь къ вамъ, уведу съ собой и покажу весь праздникъ. Гм! идетъ, что-ли?

Шарбоннели съ испугомъ поглядѣли другъ на друга. Но онъ сообщилъ имъ всю программу. Онъ говорилъ имъ голосомъ вожака медвѣдей, заставляющаго плясать мишку. Утромъ завтракъ въ Пале-роялѣ и прогулка по городу. Послѣ полудня на Инвалидной площади военныя зрѣлища, призовые столбы, триста спущенныхъ шаровъ, уносящихъ бонбоньерки съ конфектами, большой шаръ съ дождемъ изъ леденцовъ. Вечеромъ обѣдъ у знакомаго ему виноторговца, на набережной Бильи, фейерверкъ, главная штука котораго должна изображать купель; прогулка на иллюминацію. И принялся толковать имъ объ огненномъ крестѣ, который воздвигаютъ надъ отелемъ Почетнаго Легіона; волшебномъ дворцѣ на площади Согласія, для котораго понадобилось девятьсотъ-пятьдесятъ тысячъ разноцвѣтныхъ стеколъ; о башнѣ Сенъ-Жака, статуя которой будетъ имѣть видъ зажженнаго факела. И такъ какъ Шарбоннели все еще колебались, онъ наклонился къ нимъ, понижая голосъ:

— Потомъ, на возвратномъ пути, мы остановимся въ одной молочной, въ улицѣ Сены, гдѣ готовятъ такой супъ съ сыромъ, что пальчики оближешь.

Тутъ Шарбоннели не посмѣли отказаться. Ихъ вытаращенные глаза выражали за-разъ и дѣтское любопытство, и дѣтскій ужасъ. Они чувствовали себя во власти этого страшнаго человѣка. М-me Шарбоннель только и могла проговорить:

— Ахъ! ужъ этотъ Парижъ, Парижъ!.. Ну, да ужъ разъ мы въ него попали, такъ нужно все видѣть. Но еслибы вы знали, м-г Жилькéнъ, какую мы спокойную жизнь вели въ Плассанѣ! У

Digitized by Google

меня тамъ гніютъ консервы, варенья, вишни, настоянныя на водкѣ, корнишоны...

— Небось, маменька,—отвѣчалъ Жилькéнъ, развеселившійся до того, что заговорилъ съ ней на *ты*.—Ты выиграешь свой процессъ и пригласишь меня къ себѣ въ гости, не правда ли? Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ угощаться твоими консервами.

И налилъ себѣ еще рюмку полынной водки. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ. Съ минуту глядѣлъ онъ нѣжными глазами на Шарбоннелей. Ему хотѣлось, чтобы всѣмъ было весело. Вдругъ онъ всталъ съ мѣста и замахалъ длинными руками, испуская разныя призывныя восклицанія! М-me Мелани Коррёръ, въ шелковомъ платьѣ сизаго цвѣта, проходила по улицѣ, на противоположномъ тротуарѣ. Она повернула голову и, повидимому, осталась очень недовольна, увидѣвъ Жилькéна, однако переплыла черезъ улицу, точно пава. И когда подошла къ столику, то долго заставила себя просить, прежде чѣмъ согласилась отвѣдать чего-нибудь.

— Ну, выпейте рюмочку вишневки,—уговаривалъ Жилькéнъ.—Вѣдь вы ее любите... Помните, въ улицѣ Ваннó, бывало... Ахъ! веселое то было времячко! Эта толстая скотина Коррёръ!

Она согласилась, наконецъ, сѣсть, когда вдругъ громкій гулъ пробѣжалъ въ толпѣ. Гуляющіе, точно ихъ подхватилъ вихрь, понеслись впередъ, словно испуганное стадо. Шарбоннели инстинктивно вскочили, чтобы бѣжать за толпой. Но тяжелая рука Жилькéна приковала ихъ къ стулу. Онъ побагровѣлъ.

— Ни съ мѣста, чортъ васъ побери! Ждите приказа... Вы увидите, что всѣ эти болваны расшибутъ себѣ носы. Это проѣхалъ кардиналъ-легатъ. Плевать намъ на кардинала-легата, не такъ ли? Я нахожу оскорбительнымъ, что пàпа не пріѣхалъ самъ лично. Взялся быть крестнымъ отцомъ, такъ и крести!.. Божусь вамъ, что малютку не понесутъ еще раньше получаса.

Мало-по-малу хмѣль отбивалъ у него почтеніе. Онъ повернулъ свой стулъ, пускалъ дымъ въ носъ прохожимъ, подмигивалъ женщинамъ, съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на мужчинъ. На мосту Нотръ-Дамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, произошла свалка экипажей; лошади били копытомъ отъ нетерпѣнія, мундиры, расшитые золотомъ и усѣянные орденами, высшихъ сановниковъ и военныхъ чиновъ виднѣлись у дверецъ.

— Вишь, какая мишура!—пробормоталъ Жилькéнъ, съ усмѣшкой человѣка, стоящаго выше всего этого.

Но вотъ подъѣхала карета съ набережной Межиссери, и онъ чуть не опрокинулъ стола, заоравъ:

— Гляди! Ругонъ!

Digitized by Google

И, стоя, онъ посылалъ привѣтствія рукой, обтянутой перчаткой. Потомъ, боясь, что его не замѣтятъ, взялъ свою соломенную шляпу и принялся ею махать. Ругонъ, въ мундирѣ сенатора, привлекалъ всеобщее вниманіе и поспѣшно нырнулъ въ глубь кареты. Тогда Жилькéнъ закричалъ ему, устроивъ трубу изъ своихъ двухъ кулаковъ, которые поднесъ къ губамъ. Напротивъ, на троттуарѣ, сбиралась толпа, заинтересованная бѣснованіемъ верзилы, одѣтаго въ желтую нанку. Наконецъ, кучеръ ударилъ по лошадямъ, карета покатилась по мосту Нотръ-Дамъ.

— Да замолчите же,—проговорила глухимъ голосомъ m-me Коррёръ, схвативъ за руку бѣдоваго человѣка.

Онъ не сразу согласился усѣсться на мѣстѣ. Приподнимался на цыпочкахъ, чтобы не потерять кареты Ругона изъ виду, и послалъ послѣдній залпъ восклицаній вслѣдъ убѣгавшимъ колесамъ.

— Ахъ! предатель! Все это потому, что у него теперь расшито золотомъ пальто! А все же, любезный, ты не разъ щеголялъ въ сапогахъ Теодора!

Вокругъ него буржуа, засѣдавшіе съ своими дамами за семью или восемью маленькими столиками, стоявшими у кофейни, широко таращили глаза, въ особенности за сосѣднимъ столомъ семья, состоявшая изъ отца, матери и троихъ дѣтей, слушала его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ охорашивался, въ восторгѣ, что его слушаютъ. Медленно обведя взглядомъ публику, онъ произнесъ очень громко, усаживаясь на свое мѣсто:

— Ругонъ! да вѣдь я его вывелъ въ люди!

Такъ какъ m-me Коррёръ старалась перебить его, онъ призвалъ ее въ свидѣтельницы. Вѣдь ей все это хорошо извѣстно. Это происходило у нея на квартирѣ, въ улицѣ Ваннó, въ отелѣ Ваннó. Ужъ не станетъ же она отрицать, что онъ разъ двадцать ссужалъ Ругона сапогами, когда тотъ таскался къ приличнымъ людямъ устраивать какія-то дѣла, въ которыхъ никто ничего не могъ понять. У Ругона въ это время была пара стоптанныхъ башмаковъ, отъ которыхъ отвернулся бы всякій трящичникъ. И наклонившись съ побѣдоноснымъ видомъ къ сосѣднему столу, приглашалъ семью вмѣшаться въ разговоръ, восклицая:

— Нѣтъ, чортъ возьми, она не скажетъ: нѣтъ. Вѣдь въ Парижѣ она сама купила ему первую пару новыхъ сапогъ.

M-me Коррёръ повернулась спиной къ Жилькену и дѣлала видъ, что не принадлежитъ къ его обществу. Шарбоннели поблѣднѣли, какъ полотно, слыша, какъ отдѣлываютъ человѣка, долженствовавшаго положить имъ въ карманъ пятьсотъ тысячъ

Digitized by Google

франковъ. Но Жилькéнъ закусилъ удила—и съ безконечными подробностями передавалъ начало карьеры Ругона. Себя самого онъ называлъ философомъ; теперь онъ смѣялся, поочередно обращаясь ко всѣмъ потребителямъ, засѣдавшимъ за столиками, курилъ, плевалъ на полъ, пилъ и объяснялъ имъ, что привыкъ къ людской неблагодарности и довольствуется своимъ собственнымъ уваженіемъ, и повторялъ, что вывелъ Ругона въ люди. Въ ту эпоху онъ былъ коммиссіонеромъ по части благовонныхъ товаровъ; но торговля не шла, потому что была республика. Оба они умирали съ голода въ одной конурѣ. Тогда ему пришло въ голову подговорить Ругона выписать прованскаго масла отъ одного плассанскаго землевладѣльца, и оба, каждый съ своей стороны, пустились гранить парижскую мостовую съ утра до ночи, съ образчиками масла въ карманѣ. Ругонъ былъ не изъ ловкихъ, однако возвращался иногда съ выгодными заказами отъ важныхъ лицъ, къ которымъ хаживалъ въ гости. Ахъ, какая шельма этотъ Ругонъ; вѣдь во многихъ вещахъ онъ глупѣе гуся, а хитеръ—шельма! Какъ онъ провелъ за носъ Теодора на политикѣ! Тутъ Жилькéнъ понизилъ голосъ и подмигнулъ глазами; вѣдь и онъ принадлежалъ къ ихъ шайкѣ. Какъ же: бѣгалъ по кабачкамъ предмѣстья, гдѣ провозглашалъ: да здравствуетъ республика! Что-жъ дѣлать, приходилось прикидываться республиканцемъ, чтобы набирать приверженцевъ. Имперія должна сказать ему большое спасибо. Ну, вотъ, а имперія и ухомъ не ведетъ. Въ то время, какъ Ругонъ и его шайка дѣлятъ между собою пирогъ, его оставляютъ за дверью, какъ паршивую собаку. Онъ, впрочемъ, предпочитаетъ это; онъ лучше хочетъ оставаться независимымъ. Онъ жалѣетъ объ одномъ только: о томъ, что не покончилъ съ республиканцами какъ слѣдуетъ, что надобно бы было смести съ лица земли эту сволочь.

— Вотъ тоже опять и маленькій дю-Пуазá, который прикидывается, будто не узнаетъ меня,—закончилъ онъ.—Поросенокъ, которому я не разъ набивалъ трубку... Дю-Пуаза! подпрефектъ! я видалъ его въ одной рубашкѣ съ долговязой Амеліей, которая, бывало, вышвырнетъ его за дверь, съ подзатыльникомъ, если онъ дурно ведетъ себя.

Онъ на минуту умолкъ, внезапно приходя въ умиленіе, съ глазами, отуманенными хмѣлемъ. Потомъ снова заговорилъ, обводя глазами всю публику:

— Ну-съ, вы видѣли Ругона!.. Я такого же роста, какъ и онъ, и такихъ же лѣтъ. Смѣю думать, что голова у меня получше устроена, чѣмъ у него. Ну, вотъ, развѣ бы я не съумѣлъ

Digitized by Google

также хорошо развалиться въ каретѣ, какъ эта толстая свинья, въ раззолоченомъ мундирѣ?

Но въ эту минуту такой стонъ поднялся на площади Ратуши, что присутствующіе и не подумали отвѣчать. Толпа снова пустилась бѣжать; виднѣлись только ноги мужчинъ, мелькавшія въ воздухѣ; женщины поднимали платья до колѣнъ, показывая бѣлые чулки, чтобы удобнѣе было бѣжать. И такъ какъ шумъ все приближался, Жилькéнъ закричалъ:

— У-у! это малютка!.. Скорѣе заплатите папá Шарбоннель, и идите всѣ за мной.

М-me Коррёръ схватила его за полу желтаго нанковаго сюртука, чтобы не потеряться въ толпѣ. М-me Шарбоннель побѣжала за ней, вся запыхавшись. Онѣ чуть не потеряли по дорогѣ Шарбоннеля. Жилькéнъ бросился въ самую толпу, рѣшительно работая локтями и очищая себѣ дорогу; онъ дѣйствовалъ съ такой энергіей, что самые тѣсные ряды разступались передъ нимъ. Когда онъ добрался до парапета набережной, то размѣстилъ свою публику. Онъ приподнялъ дамъ и посадилъ ихъ на парапетъ, ногами къ рѣкѣ, несмотря на крики испуга, которые онѣ испускали. Самъ онъ и Шарбоннель стали сзади нихъ.

— Ну, что! мои кошечки, вотъ вы и въ первомъ ряду креселъ, — успокоивалъ онъ ихъ. — Не бойтесь, мы будемъ васъ держать.

Онъ схватилъ обѣими руками толстую талію m-me Коррёръ, которая ему улыбнулась. Не было никакой возможности сердиться на этого пострѣла. Однако ничего еще не было видно. По направленію къ площади Ратуши головы колыхались, доносилось громкое «ура!» Шляпы летали въ воздухѣ, подбрасываемыя невидимыми руками, и это волненіе, точно морская волна, медленно передавалось дальше. Вотъ заволновались дома набережной Наполеона, возвышавшіеся напротивъ площади; у оконъ люди приподнимались на цыпочки; толкались съ восхищенными лицами, протягивая руки къ чему-то, влѣво, по направленію къ улицѣ Риволи. И въ теченіе трехъ минутъ, показавшихся вѣчностью, мостъ оставался пустымъ. Колокола Нотръ-Дамъ, словно обезумѣвъ отъ радости, зазвонили еще громче.

Вдругъ, среди взволнованной толпы, показались трубачи на безлюдномъ мосту. Громадный вздохъ пронесся и замеръ; потомъ наступила благоговѣйная тишина. Позади трубачей и хора музыки, слѣдовавшей за ними, показался генералъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи главнаго штаба. Затѣмъ слѣдовали эскадроны карабинеровъ, драгунъ, а за ними парадныя кареты. Ихъ

Digitized by Google

было сначала восемь, запряженныхъ шестерикомъ. Въ первыхъ сидѣли статсъ-дамы, камергеры, придворный штатъ императора и императрицы, фрейлины и великая герцогиня баденская, заступавшая воспріемницу. Жильбенъ, не выпускавшій m-me Коррёръ, объяснялъ ей сзади, что воспріемница, шведская королева, также какъ и воспріемникъ, не взяли на себя труда тронуться съ мѣста. Потомъ, когда проѣхали седьмая и восьмая кареты, онъ называлъ особъ, сидящихъ въ нихъ, съ фамильярностью, показывавшей, что онъ коротко знакомъ со всѣмъ, что происходитъ при дворѣ. Вотъ эти двѣ дамы: одна изъ нихъ принцесса Матильда. Эти трое господъ: король Жеромъ, принцъ шведскій и принцъ Наполеонъ; съ ними сидитъ великая герцогиня баденская. Кортежъ медленно двигался. Возлѣ дверецъ каретъ гарцовали на лошадяхъ шталмейстеры, адъютанты.

— Гдѣ же малютка? — спросила m-me Коррёръ съ нетерпѣніемъ.

— Небось! его не спрятали подъ лавку, — отвѣчалъ Жильбенъ смѣясь.—Погодите, сейчасъ увидимъ и его.

Онъ крѣпче сжалъ талію m-me Коррёръ, которая прижималась къ нему, говоря, что боится упасть. И вдругъ, придя въ восторгъ, онъ пробормоталъ:

— Нужды нѣтъ! Красивое зрѣлище, право! Вишь, какъ имъ хорошо, этимъ прощалыгамъ въ ихъ атласныхъ ящикахъ... Подумать только, что вѣдь я создалъ все это!

Онъ хорохорился: кортежъ, толпа, весь горизонтъ принадлежали ему. Но среди краткаго безмолвія, вызваннаго появленіемъ первыхъ каретъ, вдругъ поднялся страшный гвалтъ; теперь уже на самой набережной шляпы летали надъ головами. Посреди моста проѣзжали шесть пикёровъ императора въ своихъ зеленыхъ ливреяхъ, въ круглыхъ шапкахъ, вокругъ которыхъ падали золотыя кисти широкаго галуна. И, наконецъ, показалась карета императрицы: ее везли восемь лошадей; по четыремъ угламъ кузова красовались четыре очень богатыхъ фонаря, и вся она была въ стеклахъ, широкая, круглая, и походила на хрустальный ящикъ, отдѣланный золотыми полосками и поставленный на золотыя колеса. Внутри ясно виднѣлось въ облакахъ бѣлаго кружева розовое личико императорскаго принца, котораго держала на колѣняхъ воспитательница дѣтей Франціи. Возлѣ нея сидѣла кормилица, красивая бургиньонка съ здоровенной грудью. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ послѣ группы пѣшихъ конюховъ и конныхъ егерей, ѣхала карета императора, тоже запряженная восьмеркой лошадей и такая же великолѣпная, и въ ней импе-

Digitized by Google

раторъ и императрица раскланивались направо и налѣво. У дверецъ обѣихъ каретъ маршалы, не морщась, глотали пыль, ложившуюся на вышивки ихъ мундировъ.

— Вдругъ мостъ подломится! — проговорилъ, осклабляясь Жилькéнъ, воображенію котораго нравились страшныя картины.

М-me Коррёръ, испуганная, велѣла ему замолчать. Но онъ настаивалъ, толкуя, что желѣзные мосты никогда не бываютъ очень прочны; и, когда обѣ кареты очутились посреди моста, онъ началъ божиться, что видитъ, какъ мостъ шатается.

— Вотъ знатное будетъ купанье, чортъ возьми! Папà, мамá, дитя — всѣ окунутся въ воду!

Кареты медленно катились, безъ всякаго шума. Мостъ былъ такъ легокъ съ его длинной, мягкой дугой, что онѣ точно висѣли надъ рѣкой; а внизу, въ голубой скатерти, отражались онѣ, точно странныя золотыя рыбы, плавающія въ водѣ. Императоръ и императрица, немного утомленные, оперлись головой на мягкій атласъ, радуясь, что хоть на минуту могутъ ускользнуть отъ вниманія толпы и не раскланиваться съ ней. Воспитательница дѣтей Франціи тоже воспользовалась пустотой тротуаровъ, чтобы поправить маленькаго принца, съѣхавшаго у нея съ колѣнъ; между тѣмъ какъ кормилица, нагнувшись, улыбалась ему. И весь кортежъ купался въ солнцѣ; мундиры, наряды, сбруя горѣли; кареты, точно яркія свѣтила, бросали отблескъ, который скользилъ на черныхъ домахъ Наполеоновской набережной. Вдали, надъ каретами возвышалась, точно фонъ этой картины, та же монументальная вывѣска, нарисованная на стѣнѣ шести-этажнаго дома на островѣ Сенъ-Луи — сѣрый пустой сюртукъ, подъ которымъ не чувствовалось тѣла и который солнце заливало свѣтомъ апоѳеоза.

Жилькенъ замѣтилъ сюртукъ въ тотъ моментъ, какъ онъ развѣвался надъ обѣими каретами. Онъ закричалъ:

— Гляди-ка! вонъ тамъ самъ дядя болтается!

Кругомъ, въ толпѣ, разсмѣялись. Шарбоннель, который не понялъ въ чемъ дѣло, потребовалъ объясненія. Но уже ничего нельзя было разобрать: раздалось оглушающее «ура!» Триста тысячъ народа, давившаго другъ друга, хлопали въ ладоши. Когда маленькій принцъ доѣхалъ до средины моста, а за нимъ показались императоръ и императрица, на этомъ широкомъ, открытомъ пространствѣ, гдѣ ничто не стѣсняло взоровъ, необыкновенное волненіе овладѣло зрителями. Народъ почувствовалъ тотъ внезапный нервный восторгъ, который проносится порою, какъ ураганъ съ одного конца города до другого. Мужчины приподъ-

Digitized by Google

нимались на цыпочкахъ, сажали дѣтей къ себѣ верхомъ на плечи, женщины плакали, посылали нѣжныя привѣтствія «милому малютѣ», осыпали ласковыми словами императорскую чету! Буря криковъ продолжала нестись съ площади Ратуши, между тѣмъ какъ на набережныхъ съ двухъ сторонъ, на всемъ пространствѣ, какое только могъ обнять глазъ, видѣнъ былъ лѣсъ изъ рукъ, вытянутыхъ и махавшихъ въ воздухѣ. У оконъ развѣвались платки, наклонялись туловища съ пылавшими лицами. А совсѣмъ вдали, окна домовъ на островѣ Сенъ-Лун, узкія, какъ черточки, проведенныя рашкулемъ, оживлялись какими-то бѣлыми искорками, жизнью, которой нельзя было хорошенько разобрать. Между тѣмъ лодочники въ красныхъ курткахъ, стоя посреди Сены, уносившей ихъ, кричали во все горло; а прачки, высунувшись на половину изъ плота, съ голыми руками, растрепанныя, обезумѣвшія, желая, во что бы то ни стало, быть услышанными, изо-всей мочи колотили вальками, рискуя ихъ сломать.

— Кончено, пойдемте,—сказалъ Жилькенъ.

Но Шарбоннели захотѣли остаться до конца. Хвостъ кортежа, эскадроны гвардіи, кирасировъ и карабинеровъ уходили въ улицу Арколь. Затѣмъ поднялся страшнѣйшій гвалтъ, двойная шеренга національгардовъ и линейныхъ солдатъ была смята въ нѣсколькихъ мѣстахъ; женщины кричали.

— Пойдемте,—повторилъ Жилькенъ:—будетъ давка.

И ссадивъ дамъ на троттуаръ, онъ перевелъ ихъ черезъ улицу, несмотря на толпу; m-me Коррёръ и Шарбоннели были того мнѣнія, что надо идти вдоль парапета на мостъ Нотръ-Дамъ и поглядѣть, что происходитъ на площади Парвй. Но онъ ихъ не слушалъ и тащилъ за собой. Когда они снова очутились близъ маленькой кофейни, онъ толкнулъ ихъ къ ней и усадилъ за столъ, за которымъ они раньше сидѣли.

— Вишь вы какіе ловкіе! — кричалъ онъ имъ.—Развѣ вы думаете, что мнѣ желательно, чтобы эти зѣваки перебили мнѣ руки и ноги?.. Выпьемъ-ка... Намъ тутъ гораздо лучше, чѣмъ въ толпѣ. Гмъ! будетъ съ насъ толкотни! Вѣдь это, наконецъ, становится глупо... Ну, маменька, чѣмъ прикажете васъ подчивать?

Шарбоннели, съ которыхъ онъ не спускалъ своихъ страшныхъ глазъ, рискнули слабо возражать ему. Имъ бы очень хотѣлось поглядѣть на выходъ изъ церкви. Тогда онъ объяснилъ имъ, что надо дать толпѣ пройти; черезъ четверть часа онъ поведетъ ихъ, если только давка не будетъ очень велика. M-me Коррёръ,

Digitized by Google

въ то время, какъ онъ приказывалъ Жюлю подать сигаръ и пива, осторожно удалилась.

— Ну, хорошо, отдохните,—сказала она Шарбоннелямъ,—вы меня найдете тамъ.

Она повернула на мостъ Нотръ-Дамъ и пошла по улицѣ Ситэ. Но давка тамъ была такъ велика, что ей пришлось съ добрую четверть часа добираться до улицы Константенъ. Она должна была свернуть въ улицу Ликорнъ и улицу Троа-Канетъ. Наконецъ она выбралась на площадь Парви, оставивъ цѣлый воланъ отъ своего сизаго платья на отдушинѣ какого-то подозрительнаго дома. Площадь, усыпанная пескомъ, покрытая цвѣтами, была усажена столбами съ знаменами съ императорскимъ гербомъ. Передъ церковью, колоссальный портикъ, въ формѣ палатки, драпировалъ наготу камня занавѣсами изъ краснаго бархата съ золотой бахромой и кистями.

Тутъ m-me Коррёръ пришлось остановиться передъ шеренгой солдатъ, сдерживавшихъ толпу. Посреди широкой площадки, оставшейся свободной, лакеи прохаживались тихими шагами вдоль экипажей, выстроенныхъ въ пять длинныхъ рядовъ, а кучера торжественно возсѣдали на козлахъ, держа въ рукахъ возжи. Вытягивая шею и отыскивая какую-нибудь скважинку, черезъ которую бы она могла проскользнуть, m-me Коррёръ завидѣла дю-Пуаза́, спокойно курившаго сигару въ углу площади, посреди лакеевъ.

— Не можете ли вы провести меня въ церковь?—спросила она у него, когда ей удалось привлечь его вниманіе маханіемъ платка и подозвать къ себѣ.

Онъ сказалъ что-то офицеру и провелъ ее къ церкви.

— Повѣрьте, не ходите туда, останьтесь здѣсь со мной,—сказалъ онъ ей.—Тамъ такая давка, что можно задохнуться. Я не могъ выдержать и вышелъ вонъ... Глядите, вотъ полковникъ и m-me Бушаръ тоже отказались протискиваться въ толпѣ.

Дѣйствительно, эти господа стояли тутъ, налѣво, со стороны улицы Cloître Notre-Dame.

Бушаръ разсказывалъ, что поручилъ свою жену д'Эскорайлю, у котораго отличное кресло для дамы. Что касается полковника, то онъ жалѣлъ, что не могъ показать церемоніи своему сыну Огюсту, котораго держалъ за руку.

— Я бы желалъ показать ему знаменитую чашу,—говорилъ онъ...—Вы знаете, она принадлежала св. Людовику; это мѣдная чаша съ чернью, самаго прекраснаго персидскаго стиля... древ-

Digitized by Google

вость изъ временъ крестовыхъ походовъ, служившая купелью почти для всѣхъ королей.

— Вы видѣли процессію?—спросилъ Бушаръ у дю-Пуазá.

— Да,—отвѣчалъ тотъ.—М-me Лоранцъ несла чепчикъ.

И онъ долженъ былъ объяснить имъ различныя подробности. Для крестинъ всегда приготовляютъ чепчикъ. Никто изъ этихъ господъ этого не зналъ, и всѣ они были удивлены. Дю-Пуазà перечислилъ имъ тогда принадлежности крестинъ: чепчикъ, восковую свѣчу, солонку, салфетку и пр., которыя несли придворныя дамы.

Были еще ризки маленькаго принца, великолѣпныя, удивительныя, висѣвшія возлѣ купели, на креслѣ.

— Какъ? неужели же въ церкви нѣтъ ни одного крошечнаго мѣстечка,—вскричала m-me Коррёръ, у которой любопытство возросло до боли отъ всѣхъ этихъ розсказней.

Тогда они перечислили ей всѣ учрежденія, всѣ власти, всѣ делегаціи, которыя прошли мимо нихъ. То была нескончаемая процессія: дипломатическій корпусъ, сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, кассаціонная палата, контрольная палата, коммерческій судъ и судъ первой инстанціи, не считая министровъ, префектовъ, мэровъ и ихъ помощниковъ, академиковъ, штабъ-офицеровъ, и кончая делегатами отъ еврейской и протестантской консисторій. И это еще не все, это еще не все!

— Боже мой! какъ это должно быть прекрасно! — со вздохомъ проговорила m-me Коррёръ.

Дю-Пуазà пожалъ плечами. Онъ былъ страшно не въ духѣ. Весь этотъ людъ его «бѣсилъ». Ему повидимому досаждала продолжительность церемоніи. Когда-жъ это они, наконецъ, кончатъ? Вѣдь ужъ пропѣли *Veni Creator*, обкурились ладаномъ, нагулялись, накланялись. Малютку, должно быть, уже окрестили. Бушаръ и полковникъ, болѣе терпѣливые, глядѣли на окна домовъ, выходившія на площадь и устланныя коврами. Между тѣмъ Отостъ, высвободивъ свою руку изъ рукъ отца, проскользнулъ къ портику. М-me Коррёръ послѣдовала за нимъ. Но въ то время, какъ она проходила мимо главныхъ дверей, открытыхъ настежь, необыкновенное зрѣлище приковало ее къ мѣсту.

Между двухъ широкихъ занавѣсъ громадная церковь предстала передъ ней какимъ-то сверхъестественнымъ видѣніемъ. Своды свѣтло-голубого цвѣта усѣяны были звѣздами. Со всѣхъ сторонъ съ высокихъ колоннъ спускались красныя бархатныя драпировки, затемнявшія слабый и безъ того свѣтъ, который проникалъ въ цвѣтныя окна. И среди этой красной ночи горѣло море восковыхъ

Digitized by Google

свѣчей, цѣлый лѣсъ восковыхъ свѣчей, насаженныхъ такъ тѣсно одна возлѣ другой, что онѣ сливались какъ-бы въ одно свѣтило, сверкавшее дождемъ искръ. То горѣлъ алтарь—посреди̇нѣ, на эстрадѣ; справа и слѣва возвышались два трона. Широкій балдахинъ изъ бархата, подбитаго горностаемъ, разстилался надъ самымъ высокимъ изъ троновъ, точно гигантская птица съ бѣлоснѣжнымъ брюхомъ, съ пурпуровыми крыльями. И богатая, раззолоченная, сверкавшая драгоцѣнными каменьями толпа, наполняла церковь: возлѣ алтаря, въ глубинѣ, духовенство, епископы въ митрахъ образовали великолѣпное зрѣлище, точно просвѣтъ въ небо; вокругъ эстрады принцы, принцессы, сановники сіяли царственной роскошью; затѣмъ, съ двухъ сторонъ, шли ступени, на которыхъ красовались направо дипломатическій корпусъ и сенатъ; налѣво—законодательный корпусъ и государственный совѣтъ; между тѣмъ какъ различныя делегаціи толпились въ остальномъ пространствѣ, а дамы, наверху, на краю трибунъ, разстилали яркія матеріи своихъ костюмовъ. Все это представлялось въ какомъ-то кровавомъ облакѣ. Головы, уставленныя рядами въ глубинѣ, справа, слѣва сохраняли тоны разрисованнаго фарфора. Костюмы, атласъ, шелкъ, бархатъ отливали темными тѣнями, точно готовились запылать.

Цѣлые ряды вдругъ какъ-бы загорались; пробѣгали какъ-бы огненные языки; громадная церковь пылала какъ огненная печь.

Тутъ m-me Коррёръ увидѣла, какъ выступилъ впередъ церемоніймейстеръ и три раза громко прокричалъ:

— Да здравствуетъ императорскій принцъ!—да здравствуетъ императорскій принцъ! да здравствуетъ императорскій принцъ!

И среди громкаго воплн, потрясшаго своды церкви, m-me Коррёръ увидѣла императора, стоявшаго на краю эстрады и возвышавшагося надъ толпой. Онъ выдѣлялся чернымъ пятномъ на золотомъ фонѣ, который образовали позади него епископы, и показывалъ публикѣ императорскаго принца,—кружевной свертокъ, который держалъ очень высоко на вытянутыхъ рукахъ.

Но вдругъ швейцаръ отстранилъ рукой m-me Коррёръ. Она отступила на два шага и передъ ней очутилась только драпировка портика. Видѣніе исчезло. Тутъ дневной свѣтъ ослѣпилъ ее, и она простояла съ минуту оглушенная; ей казалось, что она видѣла какую-то старинную картину, въ родѣ тѣхъ, какія находятся въ Луврѣ, почернѣвшія отъ времени, покраснѣвшія и раззолоченныя, съ старинными лицами, которыхъ не встрѣтишь на улицѣ.

Digitized by Google

— Не стойте тутъ,—сказалъ ей дю-Пуазà, отводя ее къ полковнику и Бушару.

Эти господа толковали теперь про наводненія. Опустошенія были ужасны въ долинахъ Роны и Луары. Тысячи семействъ очутились безъ крова. Подписки, открытыя со всѣхъ сторонъ, были недостаточны для оказанія помощи столькимъ несчастливцамъ. Но императоръ выказывалъ удивительную твердость духа и великодушіе: въ Ліонѣ онъ въ бродъ переходилъ по кварталамъ нижняго города, покрытымъ водою; въ Турѣ онъ катался въ лодкѣ, въ теченіи трехъ часовъ, по затопленнымъ улицамъ. И вездѣ сыпалъ милостыню, не считая.

— Послушайте-ка,—перебилъ полковникъ.

Органъ загудѣлъ въ церкви. Широкое пѣніе неслось изъ разверстаго отверстія портика, драпировки котораго колыхались подъ этимъ мощнымъ дуновеніемъ.

— Начался молебенъ,—сказалъ Бушаръ.

Дю-Пуазà вздохнулъ съ облегченіемъ. Они, значитъ, кончили! Но Бушаръ объяснилъ ему, что акты еще не подписаны. Затѣмъ кардиналъ долженъ раздать папское благословеніе. Однако народъ уже повалилъ изъ церкви. Изъ первыхъ вышелъ Ругонъ, ведя подъ руку худощавую женщину, съ желтымъ лицомъ, одѣтую очень просто. Какое-то судейское лицо, въ костюмѣ президента аппеляціонной палаты, сопровождало ихъ.

— Кто это такой?—спросила m-me Коррёръ.

Дю-Пуазà назвалъ ихъ. Бенуа д'Оршеръ познакомился съ Ругономъ незадолго до декабрьскаго переворота, и съ той эпохи выказывалъ ему особенное уваженіе, хотя знакомства между ними не было въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Mademoiselle Вероника, его сестра, жила вмѣстѣ съ нимъ въ отелѣ улицы Гарансьеръ, изъ котораго выходила только къ обѣднѣ въ церковь св. Сульпиція.

— Знаете ли,—произнесъ полковникъ, понижая голосъ:—вотъ настоящая жена для Ругона.

— Вы правы,—подтвердилъ Бушаръ.—Состояніе порядочное, хорошая фамилія, толковая и опытная женщина.

Но дю-Пуазà протестовалъ. Дѣвица совсѣмъ перезрѣла, точно изюминка, позабытый въ погребѣ. Ей по крайней мѣрѣ тридцать-шесть лѣтъ, а на видъ можно дать всѣ сорокъ. Хорошая подруга жизни, нечего сказать! Ханжа съ прилизанными волосами! съ такимъ помятымъ, такимъ вылинявшимъ лицомъ,—точно ее продержали шесть мѣсяцевъ въ кропильницѣ!

— Вы молоды,—важно объявилъ столоначальникъ:—Ругонъ

Digitized by Google

долженъ жениться по разсудку... Я, конечно, женился по любви; но это не всякому удается.

— Э! да мнѣ плевать въ сущности на эту дѣву,—сознался дю-Пуазà.—Но меня пугаетъ рожа самого Бенуа д'Орперъ. У этого молодца морда какъ у дога... Поглядите-ка на его толстую морду и этотъ лѣсъ курчавыхъ волосъ, въ которыхъ не видно ни одного сѣдого, несмотря на его пятьдесятъ лѣтъ! Развѣ можно знать, что онъ думаетъ? Скажите-ка мнѣ на милость, зачѣмъ онъ продолжаетъ толкать свою сестру въ объятія Ругона, теперь, когда этотъ послѣдній не въ милости?

Бушаръ и полковникъ молчали и обмѣнялись тревожнымъ взглядомъ. Неужели же «догъ», какъ его называлъ бывшій подпрефектъ, одинъ пожретъ Ругона? Но m-me Коррёръ медленно проговорила:

— Очень полезно имѣть на своей сторонѣ магистратуру.

Между тѣмъ Ругонъ довелъ m-lle Веронику до кареты и раскланивался съ ней, собираясь усадить ее въ карету. Какъ разъ въ эту самую минуту вышла изъ церкви красавица Клоринда, подъ руку съ Делестаномъ. Она вдругъ стала серьёзна и окинула огненнымъ взглядомъ высокую, желтую дѣву, за которой Ругонъ любезно затворилъ дверцу кареты, несмотря на свой сенаторскій мундиръ. И вотъ, въ то время какъ карета удалялась, она пошла прямо на него, выпустивъ руку Делестана и смѣясь, какъ ребенокъ... За ней послѣдовала вся шайка.

— Я потеряла мамашу!—весело закричала она ему.—У меня похитили мамашу въ толпѣ... Довезите меня въ своей каретѣ, пожалуйста.

Делестанъ, надѣявшійся отвезти ее домой, казался раздосадованнымъ. На ней было надѣто ранжевое шелковое платье съ такими пестрыми цвѣтами, что лакеи на него заглядывались. Ругонъ поклонился, но имъ пришлось прождать кареты минутъ десять. Всѣ ждали, не исключая и Делестана, карета котораго стояла въ двухъ шагахъ. Церковь медленно пустѣла. Канъ и Бежуэнъ, проходившіе мимо, поспѣшили примкнуть къ группѣ. И такъ какъ великій человѣкъ вяло пожималъ руки съ кислымъ лицомъ, то Канъ спросилъ у него съ тревожною живостью:

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ. — Но яркій свѣтъ въ церкви утомилъ меня.

Онъ умолкъ, потомъ прибавилъ вполголоса:

— Зрѣлище было поразительное... Я никогда не видывалъ такой радости на лицѣ у человѣка.

Digitized by Google

Онъ, конечно, говорилъ объ императорѣ. Опустивъ глаза, точно стараясь припомнить сцену въ церкви, онъ не сказалъ больше ничего. Друзья вокругъ него тоже молчали. Они стояли въ уголку площади совсѣмъ маленькой группой. Передъ ними проходила толпа, судьи въ мантіяхъ, офицеры въ парадной формѣ, чиновники въ мундирахъ, пестрая, разукрашенная толпа, которая топтала цвѣты, покрывавшіе площадь, и двигалась среди криковъ зѣвокъ и движенія экипажей. Слава имперіи въ своемъ апогеѣ неслась въ пурпурѣ заходящаго солнца, между тѣмъ какъ башни Нотръ-Дамъ, залитыя розовыми лучами, звучныя, словно провозглашали вверху, въ области мира и величія, будущее царствованіе дитяти, крещеннаго подъ ихъ сводами. Они же, недовольные, ощущали лишь приливъ необъятной зависти, возбуждаемой въ нихъ великолѣпіемъ церемоніи, звономъ колоколовъ, распущенными знаменами, восторженнымъ городомъ, всѣмъ этимъ ликующимъ оффиціальнымъ міромъ. Ругонъ, который впервые ощутилъ холодъ своей немилости, былъ очень блѣденъ и въ мечтахъ ревновалъ императора.

— Прощайте, я ухожу; это нестерпимо,—сказалъ дю-Пуаза, протягивая руку другимъ.

— Что съ вами сегодня? — спросилъ его полковникъ. — Вы очень свирѣпы.

Но подпрефектъ спокойно отвѣтилъ, уходя:

— Вотъ еще! съ какой стати мнѣ радоваться?.. Я прочиталъ сегодня въ «Moniteur» о назначеніи болвана Кампенона въ префектуру, которая была обѣщана мнѣ.

Остальные переглянулись. Дю-Пуаза былъ правъ. Праздникъ этотъ не для нихъ. Ругонъ при рожденіи принца обѣщалъ имъ цѣлый дождь наградъ ко дню крестинъ: Канъ долженъ былъ получить свою концессію; полковникъ кресть командора; m-me Коррёръ пять или шесть табачныхъ лавокъ, о которыхъ просила. И вотъ, вмѣсто того, стоять они теперь маленькой кучкой, въ уголку площади, съ пустыми руками. Тутъ они подняли на Ругона такой отчаянный взглядъ, полный такого горькаго упрека, что тотъ раздраженно пожалъ плечами. И такъ какъ карета его подъѣхала въ эту минуту, онъ поспѣшно усадилъ въ нее Клоринду, сѣлъ самъ, не говоря ни слова, и съ силой захлопнулъ дверцу.

— Вонъ проѣхалъ Марси, — пробормоталъ Канъ, уводя Бежуэна.—Смотри, какъ важенъ, каналья!.. Да поверните же голову. Недостаетъ только, чтобы онъ не отвѣтилъ на нашъ поклонъ.

Digitized by Google

Делестанъ поспѣшилъ сѣсть въ свою карету, которая поѣхала вслѣдъ за каретой Ругона. Бушаръ дожидался жены; потомъ, когда церковь опустѣла, ушелъ съ полковникомъ, который тоже не доискался сына Огюста. Что касается m-me Коррёръ, то она приняла услуги одного драгунскаго поручика, земляка, отчасти ей обязаннаго своими эполетами.

Между тѣмъ, въ каретѣ Клоринда съ восторгомъ толковала о церемоніи, а Ругонъ, прислонившись къ подушкамъ и полузакрывъ глаза, ее слушалъ. Она видѣла праздникъ Пасхи въ Римѣ, онъ не былъ грандіознѣе. И объявила, что для нея религія — это уголокъ отверзтаго рая, съ Богомъ-Отцомъ, возсѣдающимъ на своемъ тронѣ, точно солнце, среди ангеловъ, выстроенныхъ вокругъ него широкимъ кругомъ красивыхъ юношей въ золотыхъ одеждахъ. Потомъ вдругъ спросила:

— Вы будете сегодня вечеромъ на праздникѣ, который городъ устраиваетъ для ихъ величествъ? Говорятъ, онъ будетъ великолѣпный.

Она приглашена. На ней будетъ розовое платье, усѣянное незабудками. Повезетъ ее де-Плугернъ, потому что мамаша не хочетъ выѣзжать по вечерамъ, вслѣдствіе головныхъ болей. И вдругъ круто оборвала разсказъ и спросила:

— Кто это судейская персона, съ которой вы только-что разговаривали?

Ругонъ поднялъ вѣки и духомъ отрапортовалъ:

— Г. Бенуа д'Оршеръ, пятидесяти лѣтъ, изъ судейской фамиліи, былъ товарищемъ прокурора въ Монбризонѣ, прокуроромъ въ Орлеанѣ, генеральнымъ адвокатомъ въ Руанѣ; былъ членомъ смѣшанной коммиссіи въ 1852 г., затѣмъ перебрался въ Парижъ совѣтникомъ аппеляціонной палаты, наконецъ теперь назначенъ предсѣдателемъ этой палаты... Ахъ! забылъ! онъ одобрилъ декретъ 22-го января 1852 г., которымъ конфисковалось имущество орлеанской фамиліи... Довольны ли вы?

Клоринда разсмѣялась. Онъ насмѣхается надъ ней, потому что она хочетъ все знать; но вѣдь позволено же разспрашивать о людяхъ, съ которыми можешь встрѣтиться въ обществѣ. И ни словечка не промолвила про мадемуазель Бенуа д'Оршеръ. Она снова заговорила о пиршествѣ, имѣющемъ быть въ ратушѣ; галлерея празднествъ должна была быть отдѣлана съ неслыханной роскошью; оркестръ будетъ играть во все время обѣда. Ахъ! Франція — великая страна! Нигдѣ, ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ Испаніи, ни въ Италіи, не видывала она такихъ ослѣпительныхъ баловъ, такихъ изумительныхъ празднествъ. По-

Digitized by Google

этому, говорила она съ восторженнымъ лицомъ, выборъ ея сдѣланъ: она хочетъ быть француженкой.

— О, солдаты!—закричала она,—посмотрите,—солдаты!

Карета, ѣхавшая по улицѣ Ситэ, была удержана на концѣ моста Нотръ-Дамъ полкомъ, проходившимъ вдоль набережной. То были линейные солдаты, маленькіе солдатики, шедшіе точно бараны, разстроенными рядами. Они возвращались съ поста, который занимали по пути кортежа. Лица ихъ были озарены яркимъ дневнымъ солнцемъ, ноги бѣлыя, спина сгорбленная подъ тяжестью ранца и ружья. Они все время проскучали среди толчковъ толпы, и на лицахъ ихъ остался отпечатокъ тупого утомленія.

— Я обожаю французскую армію,—проговорила Клоринда въ восторгѣ, наклоняясь, чтобы лучше видѣть.

Ругонъ какъ будто проснулся и тоже глядѣлъ. То сила имперіи проходила въ пыли дороги. Мостъ былъ заставленъ экипажами, но кучера почтительно дожидались; между тѣмъ какъ особы въ парадныхъ мундирахъ высовывали головы изъ дверецъ и, безсознательно улыбаясь, слѣдили умиленными взорами за маленькими солдатиками, одурѣвшими отъ долгаго стоянія; солдатскіе штыки придавали новый блескъ торжеству.

— Вонъ, поглядите на послѣдній рядъ, видите? — начала Клоринда.—Все безбородые. Не правда ли, какіе милашки?

И въ порывѣ нѣжности посылала изъ кареты поцѣлуи солдатамъ обѣими руками. Она немножко откинулась назадъ, чтобы ее не видали. Ее восхищала, радовала вооруженная сила, и она наслаждалась ею. Ругонъ отечески улыбнулся; онъ тоже испытывалъ первое пріятное ощущеніе за сегодняшній день.

— Что тамъ еще случилось? — спросилъ онъ, когда карета обогнула, наконецъ, уголъ набережной.

Значительное сборище образовалось на троттуарѣ и на мостовой. Каретѣ пришлось снова остановиться. Голосъ въ толпѣ произнесъ:

— Какой-то пьяница оскорбилъ солдатъ. Сержанты забрали его.

Тутъ толпа разступилась, и Ругонъ увидѣлъ Жилькéна, мертвецки-пьянаго; его крѣпко держали за шиворотъ двое городскихъ сержантовъ. Костюмъ его изъ желтой нанки былъ весь изорванъ, и сквозь него просвѣчивало тѣло. Но добродушіе не покидало его, а усы по прежнему торчали на его красной рожѣ. Онъ говорилъ *ты* городскимъ сержантамъ и называлъ ихъ: «мои милашки». Онъ объяснялъ имъ, что спокойно провелъ весь день въ

Digitized by Google

одной кофейнѣ, въ обществѣ очень богатыхъ господъ. Можно навести объ этомъ справки въ Пале-роялькомъ театрѣ, куда m-r и m-me Шарбоннели пошли смотрѣть *Les Dragées de baptême:* они, конечно, не отрекутся.

— Пустите меня, шутники,—вдругъ закричалъ онъ, напрягая всѣ силы.—Кажется, это тутъ рядомъ, чортъ побери! пойдемте туда, если мнѣ не вѣрите!.. Солдаты мнѣ не оказали должнаго почтенія, понимаете! одинъ въ особенности, маленькій, осмѣлился смѣяться. Тогда я посовѣтовалъ ему утереть себѣ носъ. Но оскорблять французскую армію,—никогда!.. Спросите-ка у императора про Теодора, вы увидите, что́ онъ вамъ скажетъ. Ахъ! чортъ возьми! останетесь вы въ дуракахъ!

Толпа, которую все это забавляло, смѣялась. Городскіе сержанты, непоколебимые, не выпускали Жилькéна и медленно подталкивали его къ улицѣ Сенъ-Мартенъ, въ которой издали виднѣлся красный фонарь гауптвахты. Ругонъ быстро откинулся въ карету. Но вдругъ Жилькéнъ, поднявъ голову, увидѣлъ его. Тогда, несмотря на хмѣль, онъ сдержалъ себя, и, поглядѣвъ на него, подмигнулъ глазами и заговорилъ какъ-бы про себя:

— Довольно! ребята, мы могли бы наскандалить, да не хотимъ, потому что у насъ есть честь... Гмъ! скажите-ка, вѣдь вы не наложили бы лапъ на Теодора, еслибы онъ няньчился съ принцессами, какъ одинъ гражданинъ изъ моихъ знакомыхъ. А вѣдь и мы работали вмѣстѣ съ разными франтами, частенько работали, можно чести приписать, и золотыхъ горъ за это не требовали... Я себѣ цѣну знаю. Вотъ что... Это утѣшаетъ въ людскихъ низостяхъ... О, чортъ побери! друзья, значитъ, больше не друзья?!.

Онъ разнѣжился; голосъ его прерывался икотой. Ругонъ осторожно подозвалъ къ себѣ человѣка въ длинномъ пальто, котораго увидѣлъ возлѣ кареты, и, пошептавшись съ нимъ, далъ ему адрессъ Жилькéна: 17, улица Виржини, Гренелль. Человѣкъ подошелъ къ сержантамъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы помочь имъ сдержать вырывавшагося пьяницу. Толпа изумилась, увидя, что полицейскіе повернули налѣво, посадили Жилькéна въ фіакръ, кучеръ котораго по ихъ приказу поѣхалъ вдоль набережной Межиссери. Но голова Жилькена, громадная, всклокоченная, осклабляющаяся торжествующей улыбкой, показалась въ послѣдній разъ въ дверцахъ, вопя:

— Да здравствуетъ республика!

Когда толпа разошлась, на набережной воцарилось тихое спокойствіе. Парижъ, утомясь отъ восторга, засѣлъ за обѣден-

Digitized by Google

ные столы; триста тысячъ любопытныхъ, давившихъ здѣсь другъ друга, наводнили рестораны по берегамъ рѣки и въ кварталѣ Тампль.

На пустыхъ троттуарахъ одни провинціалы, сбившись съ ногъ, еле-двигались, не зная гдѣ бы имъ отобѣдать. А внизу, на плоту, прачки оканчивали стирку, изо-всей мочи колотя вальками. Полоса солнца еще золотила верхушки башенъ Нотръ-Дамъ, теперь безмолвныхъ, надъ домами, тонувшими въ сѣромъ сумракѣ. А въ легкомъ туманѣ, поднимавшемся съ Сены, глазъ уже не различалъ больше вдали, на концѣ острова Сенъ-Луи, среди сѣрой массы фасадовъ, гигантскаго сюртука монументальной вывѣски, привѣсившей къ гвоздю, какъ-бы вбитому въ горизонтъ, буржуазное облаченіе какого-то титана, члены котораго раздробила молнія.

А. Э.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ

О

КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ

Съ тѣхъ поръ, какъ границы крестьянскаго землевладѣнія у насъ опредѣлились фактически—крестьянское дѣло вступило въ новый фазисъ. До этого момента вопросы крестьянскаго дѣла состояли въ томъ: сколько именно отвести крестьянамъ земли, какую именно долю экономической самостоятельности имъ предоставить, въ какомъ именно размѣрѣ обложить ихъ повинностями? Но, какъ скоро границы крестьянскаго надѣла проведены,—выступаютъ на сцену уже другого рода вопросы: какія именно явленія обнаруживаетъ современная экономическая *жизнь* сельскаго населенія, насколько это населеніе фактически пользуется экономическою самостоятельностью, какіе именно вопросы успѣла возбудить новѣйшая исторія крестьянскаго быта? Прежде дѣло шло о томъ, какіе задатки нужно *дать* экономической будущности сельскаго населенія, а теперь дѣло идетъ о томъ—что именно производитъ сама жизнь при *данныхъ* экономическихъ задаткахъ?

Вступленіе крестьянскаго дѣла въ новый фазисъ, какъ намъ кажется, совершилось именно около настоящаго времени. Въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ Малороссіи и Новороссіи землевладѣніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ обозначилось въ главныхъ чертахъ еще около 1864 года, на основаніи уставныхъ грамотъ, и съ тѣхъ поръ всѣ послѣдующія перемѣны состояли только

Digitized by Google

въ постепенномъ умноженіи числа выкупныхъ сдѣлокъ, теперь уже почти совсѣмъ прекратившемся. У удѣльныхъ и дворцовыхъ крестьянъ землевладѣніе опредѣлилось около того же времени. Въ западныхъ губерніяхъ бывшіе крѣпостные крестьяне получали надѣлы позже, преимущественно въ 1865, 1866 и 1867 годахъ. Бывшіе государственные крестьяне стали получать земли въ собственность еще позже, именно съ 1868 года, и хотя процессъ отвода имъ земель еще продолжается, но остающаяся часть работъ по этому отводу относительно незначительна: опредѣленіе границъ владѣнія бывшихъ государственныхъ крестьянъ замедлилось въ Малороссіи, въ селеніяхъ горнозаводскихъ крестьянъ, въ архангельской и немногихъ другихъ, преимущественно сѣверо-восточныхъ губерніяхъ.

Конечно, поземельныя дѣла нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селеній продолжаются и тамъ, гдѣ почти все крестьянское дѣло числится порѣшеннымъ: такъ, не окончены еще дѣла по исправленію выкупныхъ сдѣлокъ въ юго-западномъ краѣ, ведутся еще немногія отдѣльныя дѣла во внутреннихъ губерніяхъ; но все это вмѣстѣ представляетъ только незначительную долю всей массы громаднаго «крестьянскаго дѣла». Тотъ или другой исходъ получатъ дѣла отдѣльныхъ селеній—это едва ли можетъ сколько-нибудь чувствительно измѣнить не только общую физіономію всего поземельнаго устройства, но и характеръ крестьянскаго дѣла въ сколько-нибудь значительныхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Единственнымъ исключеніемъ представляется покуда остзейскій край, гдѣ принципъ «крестьянской земельной собственности» коснулся не очень большой группы казенныхъ крестьянъ, да и то только въ имѣніяхъ, не сданныхъ въ долгосрочную аренду. Мы и не будемъ брать въ разсчетъ этого края, какъ совершенно исключительнаго.

Итакъ, не останавливаясь на исключеніяхъ, мы имѣемъ полное право заключить, что къ настоящему времени первый фазисъ крестьянскаго дѣла — прошелъ. Самый *процессъ* устроенія крестьянъ — дѣло минувшее. Теперь уже не время вдаваться въ критическій разборъ тѣхъ или другихъ принятыхъ основаній поземельнаго крестьянскаго устройства, такъ какъ послѣднія—уже совершившійся фактъ. Теперь надобно внимательно приглядываться и прислушиваться уже къ «новымъ» явленіямъ, порождаемымъ «свободною» крестьянскою экономическою жизнью, нужно насколько можно удовлетворять современныя потребности и изучить ставимые «нынѣшнею» сельскою жизнью вопросы.

Тутъ передъ нами открывается довольно обширное поле для наблюденій. Такъ какъ крестьянская жизнь при новыхъ опредѣ-

Digitized by Google

лившихся условіяхъ въ большинствѣ русскихъ мѣстностей имѣетъ уже десятилѣтнюю исторію, а въ другихъ хотя и болѣе короткую, но тоже не вчерашнюю,—то несомнѣнно, что эта жизнь должна представить много вѣскихъ фактовъ, способныхъ показать наглядно, какъ складывается физіономія сельскаго быта и въ какомъ направленіи измѣняются обставляющія этотъ бытъ условія? Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ должно было выясниться, какъ мужикъ устроился, что́ даетъ ему его надѣлъ, насколько производителенъ и свободенъ его трудъ, гдѣ возрастаетъ его благосостояніе и чѣмъ ростъ этого благосостоянія задерживается? Словомъ, есть уже чему подводить итоги. Для серьёзнаго, добросовѣстно относящагося къ предмету изслѣдователя, тутъ представляется вполнѣ благодарный трудъ, хотя, къ сожалѣнію, на эту сферу у насъ обращается еще очень мало вниманія. О явленіяхъ сельскаго быта мы обыкновенно получаемъ только отрывочныя свѣдѣнія, часто не чуждыя тенденціозностей. «Общества» же, занимающіяся статистикою и сельско-хозяйственными вопросами, больше обращаютъ вниманія на второстепенные предметы, иногда мелочные, и нерѣдко проявляютъ больше интереса къ дѣламъ средней Азіи, чѣмъ къ быту крестьянина европейской Россіи. Нѣкоторый опытъ подведенія итоговъ новѣйшей сельской жизни, правда, представили труды извѣстной «коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства», состоявшей подъ предсѣдательствомъ министра государст. имуществъ, но этотъ первый опытъ отличается, да и не могъ не отличаться большими недостатками: въ немъ не мало можно встрѣтить разнорѣчивыхъ показаній, которыя остались безъ строгой провѣрки; доставленные коммиссіи отзывы очень отрывочны, не задѣваютъ нѣкоторыхъ живыхъ вопросовъ сельскаго быта и вообще представляютъ существенные пробѣлы. Что же касается выводовъ самой коммиссіи, то они, какъ извѣстно, вышли неопредѣленны и безцвѣтны. Для того, чтобы можно было дѣйствительно слѣдить за ходомъ сельской жизни и ея вопросами, необходимо періодически возобновлять подобное собираніе данныхъ, и притомъ повести дѣло гласно, безъ канцелярской тайны, такъ, чтобы всякій цѣнный матеріалъ легко могъ найти себѣ мѣсто. Публика и печать могли бы помочь не только собиранію свѣдѣній, но и выработкѣ болѣе удовлетворительныхъ, болѣе захватывающихъ жизнь программъ.

При всей, однако, отрывочности и малоизслѣдованности новѣйшаго крестьянскаго быта, въ немъ довольно замѣтно выдаются нѣкоторые вопросы существенной важности. Объ одномъ изъ такихъ вопросовъ мы и намѣрены здѣсь поговорить. Вопросъ этотъ

Digitized by Google

отчасти есть наслѣдіе стараго времени, а отчасти результатъ несогласованности нѣкоторыхъ частей новаго законодательства съ важными экономическими потребностями населенія и вообще страны.

Извѣстно, что полученный крестьянами земельный надѣлъ часто не удовлетворяетъ крестьянскимъ нуждамъ, а въ губерніяхъ скудныхъ онъ притомъ еще оцѣненъ довольно высоко, что̀ легло на крестьянъ фактическою, добавочною, подушною податью. Въ губерніяхъ не-черноземныхъ крестьянамъ хотя и досталось десятины по четыре на душу, но эта земля, по своему неплодородію, не можетъ прокормить своего населенія, не говоря уже о покрытіи его повинностей. Главнымъ источникомъ крестьянскихъ средствъ, поэтому, сдѣлались работы по найму внѣ надѣла; но такъ какъ подобныя работы, въ свою очередь, вознаграждаютъ иногда плохо, то въ подспорье къ нимъ мужикъ обращается еще къ отхожимъ промысламъ. Чѣмъ меньше крестьянская состоятельность, тѣмъ напряженнѣе становится со стороны крестьянина «предложеніе» труда, а это, по извѣстному экономическому закону, выражается въ малой рабочей платѣ, которая лучше всякихъ голословныхъ увѣреній можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительныхъ экономическихъ отношеніяхъ въ той или другой мѣстности.

Впрочемъ, распространяться о степени нужды крестьянъ въ сѣверныхъ и болѣе скудныхъ среднихъ губерніяхъ, въ родѣ Бѣлоруссіи, псковской или смоленской губерніи, нѣтъ никакой надобности. О нихъ уже слишкомъ много разъ говорилось и въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ, такъ что вообще положеніе этихъ крестьянъ можно считать общеизвѣстнымъ фактомъ, не требующимъ объясненій. Можно сказать, что о крестьянахъ скудныхъ губерній говорилось иногда даже въ ущербъ другимъ крестьянамъ, отчего эти послѣдніе какъ будто оставались въ тѣни. Когда обсуждалась, напримѣръ, податная реформа, вниманіе печати обращалось преимущественно на крестьянъ скудныхъ губерній, между тѣмъ какъ большая цѣнность земель южныхъ губерній давала нѣкоторымъ представителямъ печати поводъ высказывать даже совершенно неосновательное предположеніе о существованіи на югѣ какихъ-то «свободныхъ платежныхъ силъ», могущихъ принять на себя часть податного бремени сѣверныхъ и среднихъ крестьянъ. Возможность появленія подобныхъ предположеній сама по себѣ показываетъ, что сельскій бытъ среднихъ черноземныхъ и южныхъ губерній у насъ совсѣмъ не выясненъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ, для крестьянъ плодородныхъ губерній существуютъ своего рода неблагопріятныя условія. Конечно, они получили гораздо лучшую землю и живутъ въ болѣе производительной мѣстности, но подобными благами имъ приходится пользоваться въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Дѣло въ томъ, что гдѣ земля лучше, тамъ размѣръ надѣла вышелъ гораздо меньше, такъ что одно почти вознаграждается другимъ. Если, напримѣръ, смоленскому крестьянину на душу досталось четыре десятины тощей земли, дающей урожай самъ-третей или самъ-четвертъ, то полтавскій крестьянинъ хотя получилъ и лучшую землю, дающую урожай самъ-восемь, однако уже въ размѣрѣ не болѣе двухъ десятинъ на душу, слѣдовательно, надѣлъ его опять выходитъ недостаточнымъ для обезпеченія его быта.

Подобныя условія необходимо принимать во вниманіе при обсужденіи степени крестьянскихъ нуждъ. Много значитъ для крестьянъ скудость почвы, но много также значитъ и недостатокъ земли.

Возьмемъ цѣлый поясъ плодородныхъ густонаселенныхъ губерній и посмотримъ, насколько великъ въ нихъ поземельный крестьянскій надѣлъ.

Начнемъ съ запада и будемъ подвигаться къ востоку. Въ волынской губерніи у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ на 409,959 ревизскихъ душъ досталось 1.614,014 десятинъ, то-есть на душу приходится 3,9 десятинъ. У бывшихъ государственныхъ на 110,194 души 521,691 десятина, то-есть 4,7 дес. на душу. Но такъ какъ въ составъ этой губерніи входитъ значительная часть неплодороднаго «Полѣсья», то въ лучшихъ частяхъ губерніи средній надѣлъ у бывшихъ крѣпостныхъ можно предположить 2,7, а у бывшихъ государственныхъ—$3^1/_2$ дес.

Въ подольской губерніи 506,979 душъ бывшихъ крѣпостныхъ имѣютъ 1.194,360 десятинъ, а 141,498 душъ бывшихъ государственныхъ 445,182 дес., то-есть у первыхъ на душу приходится 2,3 дес., а у послѣднихъ 3,1 дес.

Въ кіевской губерніи на 546,174 души бывшихъ крѣпостныхъ имѣется 1.363,786 десятинъ, а на 150,026 бывшихъ государственныхъ 454,585 дес.; итакъ, тутъ получаются двѣ нормы душевого надѣла—2,5 дес. и 3 десятины.

Въ полтавской губерніи на 200,778 бывшихъ крѣпостныхъ [1])

---

[1]) За недостаткомъ полныхъ данныхъ о бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ въ полтавской, черниговской, харьковской и воронежской губерніяхъ, здѣсь приводятся свѣдѣнія только о тѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые выкупили свои надѣлы; хотя подобныя данныя не полны, но изъ нихъ можно вывести приблизительно существующія нормы надѣловъ.

Digitized by Google

398,268 десятинъ, то-есть на душу 2 дес., а на 72,862 души бывшихъ государственныхъ крестьянъ 324,497 десятинъ, или на душу 4,4 дес.

Въ курской губерніи на 295,738 душъ бывшихъ крѣпостныхъ—634,600 десятинъ, или на душу 2,2 дес., а у 413,263 бывшихъ государственныхъ 1.908,561 десятина, или на душу 4,6 дес.

Въ черниговской—у бывшихъ крѣпостныхъ на 194,411 душъ 653,460 десятинъ, а на 100,149 бывшихъ государственныхъ 455,714 десятинъ, то-есть и тутъ получаются двѣ нормы—въ 3,3 дес. и 4,5 дес. Но такъ какъ часть этой губерніи совершенно неплодородна и не походитъ на остальную, то мы уменьшаемъ обѣ нормы примѣрно на 25%, т.-е. до 2,5 и 3,5 дес.

Въ харьковской—163,493 бывшихъ крѣпостныхъ владѣютъ 404,907 десятинами, а 420,914 бывшихъ государственныхъ 1.948,032 десят., слѣдовательно, на душу приходится 2,4 и 4,6 дес.

Въ воронежской губерніи у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ на 136,620 душъ 363,456 десятинъ, а у бывшихъ государственныхъ на 526.093 душъ 3.014.011 десят., слѣдовательно, у первыхъ на душу 2,6 десят., а у послѣднихъ 5,7 десят.

Въ тамбовской губерніи 429,173 души бывшихъ государственныхъ владѣютъ 2.017,828 десятинами, а 355,234 души бывшихъ крѣпостныхъ—864,436 десятинами, то-есть мы получаемъ душевые надѣлы въ 2,4 и 4,7 дес.

Итакъ, у насъ получается слѣдующій рядъ цифръ, выражающихъ степень надѣленія крестьянъ землею:

	На душу:	
Губерніи:	у бывш. крѣпостн.	у бывш. государст.
Волынская	2,7 дес.	3,5 дес.
Подольская	2,3 »	3,1 »
Кіевская	2,5 »	3 »
Полтавская	2 »	4 »
Курская	2,2 »	4,6 »
Черниговская	2,5 »	3,5 »
Харьковская	2,4 »	4,6 »
Воронежская	2,6 »	5,7 »
Тамбовская	2,4 »	4,7 »

Слѣдуетъ замѣтить, что въ числѣ крестьянскихъ земель найдется нѣсколько неудобныхъ, что̀ понижаетъ среднія нормы душевого надѣла.

Digitized by Google

Выходитъ, что въ лучшихъ губерніяхъ преобладающая норма надѣла очень мало удаляется отъ двухъ десятинъ [1]) и не доставляетъ крестьянину полныхъ средствъ для содержанія.

Но если эта норма оказывается недостаточною при самомъ отводѣ надѣла, то съ каждымъ годомъ она дѣлается еще болѣе недостаточною. Цифра населенія не стоитъ неподвижно, а возрастаетъ; если годовой приростъ населенія въ плодородныхъ губерніяхъ положить не болѣе $1^1/_4{}^0/_0$, то населеніе должно удваиваться въ 55-ть лѣтъ, а увеличиваться въ полтора раза въ 32 года. Съ приростомъ населенія увеличивается и число ртовъ и число рабочихъ людей, требующихъ производительнаго приложенія своему труду. Является тѣснота, является потребность расширить средства пріобрѣтенія, является нужда въ увеличеніи размѣра работъ, въ увеличеніи количества обработываемыхъ земель.

Тѣснота въ названныхъ губерніяхъ является не вслѣдствіе одного текущаго прироста населенія; она существовала уже при самомъ отводѣ надѣловъ во многихъ мѣстахъ, какъ прямое послѣдствіе крѣпостного права. Крѣпостное право прикрѣпляло людей къ землѣ, дѣлая ихъ собственностью владѣльцевъ. Владѣлецъ не отпускалъ крестьянъ, и задержка ихъ на мѣстѣ размножала сельское населеніе именно тамъ, гдѣ труду его представлялось меньше производительнаго приложенія. Еслибъ передвиженіе населенія было свободно, населеніе распредѣлилось бы экономически правильнѣе, то-есть распредѣлилось бы пропорціонально мѣстнымъ потребностямъ въ рабочихъ силахъ. Гдѣ по количеству земли рабочихъ силъ слишкомъ много, оттуда эти силы отливали бы и направлялись туда, гдѣ больше простора, гдѣ земледѣльческій трудъ обѣщаетъ больше выгодъ. Отъ этого увеличивался бы самый размѣръ производства въ странѣ. Крѣпостное право мѣшало приложенію къ жизни самаго простого экономическаго закона, и часъ крестьянской свободы засталъ скученность сельскаго населенія въ одномъ мѣстѣ и широкій просторъ въ другомъ. Одно изъ важныхъ требованій отъ новаго порядка вещей состояло въ томъ, чтобы прекратить прежнюю задержку дѣйствія экономическихъ законовъ, дать населенію свободу движенія, словомъ— установить дѣйствительно «свободный» трудъ, необходимый и для

---

[1]) У бывшихъ государственныхъ крестьянъ хотя и большіе надѣлы, но численность этого разряда крестьянъ значительна только въ курской, харьковской, воронежской и тамбовской губерніяхъ; въ остальныхъ же надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ очень мало вліяетъ на среднюю норму душевого надѣла. Итакъ, норма надѣла вообще оказывается очень умѣренною.

Digitized by Google

благосостоянія крестьянъ и для экономическаго преуспѣянія страны вообще. Однако это требованіе остается еще неудовлетвореннымъ до настоящаго времени.

Скученность населенія дѣлаетъ то, что далеко не всѣ рабочія силы обезпечены въ производительномъ приложеніи труда; къ этому прибавляется и другое обстоятельство, — что еще меньшее ихъ число обезпечено въ приложеніи труда къ «собственной» землѣ—не всѣ получили надѣлъ. Во-первыхъ, земли не получили многіе дворовые [1]), оставшіеся въ очень трудномъ положеніи. Во-вторыхъ, въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ не общинное, а личное землевладѣніе, надѣлъ не равномѣренъ: одни получили большіе, а другіе малые участки; многимъ достались одни усадьбы, а нѣкоторымъ даже не досталось ничего; въ юго-западныхъ губерніяхъ цѣлое сословіе однодворцевъ вовсе не получило при своемъ преобразованіи поземельнаго надѣла, а между тѣмъ въ каждой изъ трехъ губерній это сословіе исчисляется десятками тысячъ ревизскихъ душъ.

Итакъ, недостаточность надѣла, неравномѣрность его, безземельность и неправильное распредѣленіе рабочихъ силъ по мѣстностямъ — существовали уже въ первомъ фазисѣ крестьянскаго дѣла; все это переходитъ теперь во второй фазисъ со всѣми шансами дальнѣйшаго развитія. Эти условія очень важны и заслуживаютъ большого вниманія.

При недостаточности собственнаго надѣла, крестьяне сильно нуждаются въ обработкѣ чужихъ земель. Чѣмъ надѣлъ недостаточнѣе, тѣмъ эта потребность бываетъ напряженнѣе, въ особенности тамъ, гдѣ значительно число безземельныхъ, становящихся въ полную экономическую зависимость отъ нанимателей, отъ степени спроса на свой трудъ. Размѣръ требованій на работы является очень важнымъ условіемъ, и потому будетъ не лишнимъ разсмотрѣть еще данныя, относящіяся къ спросу на рабочую силу.

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ курской губерніи мы встрѣтили поселокъ, наглядно показывающій, какъ живется иногда дворовымъ, даже успѣвшимъ кое-какъ устроиться: оставшись безъ земли, они купили нѣсколько участковъ, размѣромъ около 500 кв. саж., заплативъ по 25 р. за каждый. Живутъ они съемкою чужихъ земель, но жалуются, что достаточно земли имъ нанять нельзя: „счастье наше,—говорятъ они,—что вблизи есть городская земля; мы за десятину платимъ *только* по 8 руб., хотя эта земля пашется изъ году въ годъ и оттого истощается. За 4 десятины „толоки" подъ пастбище платимъ работою рублей на шесть". — Итакъ, вотъ каково ихъ „счастье": нанять за дорогую цѣну истощенную землю и платить сосѣднимъ владѣльцамъ по 1½ рубля за десятину той земли, которая считается *отдыхающею*. И все-таки эти „счастливцы" не имѣютъ достаточно земли для своего содержанія.

Digitized by Google

Данныя эти довольно разнообразны по мѣстностямъ. Рабочіе нужны для обработки земель помѣщичьихъ, казенныхъ, удѣльныхъ, и т. п., спросъ на рабочую силу обусловливается количествомъ десятинъ этихъ земель въ разныхъ губерніяхъ. Чѣмъ значительнѣе процентное отношеніе числа этихъ десятинъ къ общей численности рабочаго населенія, тѣмъ выгоднѣе положеніе рабочихъ, и наоборотъ — чѣмъ меньше десятинъ приходится на одну крестьянскую душу, тѣмъ труднѣе положеніе сельскаго населенія. Обратимся къ тѣмъ же губерніямъ, которыхъ мы коснулись выше [1]).

Въ волынской губерніи крестьянъ 550 тысячъ душъ, помѣщичьей земли 2.256,338 десятинъ, казенной и удѣльной 135,199 десятинъ.

Въ подольской: душъ 688 тысячъ, помѣщичьей земли 1.601,590 дес., казенной, и удѣльной и пр. 42,456 дес.

Въ кіевской: душъ 719 тысячъ, помѣщичьей земли 1.808,424 дес., казенной и удѣльной 144,776 дес.

Въ полтавской: душъ 765 тысячъ, земли частнаго владѣнія 1.942,137 дес., казенной и удѣльной 10,603 дес.

Въ курской: душъ 733 тысячи, земли частнаго владѣнія 1.347,384 дес., казенной и удѣльной 3,526 дес.

Въ черниговской: душъ 577 тысячъ, земли частнаго владѣнія 1.612,577 дес., казенной и удѣльной 5,129 дес.

Въ харьковской: душъ 638 тысячъ, земли частнаго владѣнія 1.366,235 дес., казенной и удѣльной 89,970 дес.

Въ воронежской: душъ 816 тысячъ, земли частнаго владѣнія 1.540,298 дес., казенной и удѣльной 39,197 дес.

Въ тамбовской: душъ 783 тысячи [2]), земли помѣщичьей 1.638,589 дес., казенной и удѣльной 535,916 дес.

Изъ этихъ данныхъ видно, сколько въ вышеозначенныхъ губерніяхъ на каждую душу приходится обработывать чужихъ зе-

---

[1]) Относительно помѣщичьихъ и удѣльныхъ земель мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ раскладки государственнаго земскаго сбора, а относительно казенныхъ земель изъ трудовъ коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства.

[2]) Числа душъ крестьянъ, здѣсь показанныя, нѣсколько не сходятся съ приведенными выше итогами крестьянъ двухъ разрядовъ; это происходитъ отъ того, что выше показаны были государственные крестьяне только надѣленные, а здѣсь приведено число всѣхъ крестьянъ, надѣленныхъ и ненадѣленныхъ, по свѣдѣніямъ о числѣ окладныхъ (т.-е. податныхъ) душъ. Послѣднее число имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ вопросу объ отношеніяхъ между предложеніемъ труда и спросомъ на трудъ, да, кромѣ того, по нѣкоторымъ губерніямъ у насъ не было полныхъ свѣдѣній о бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ.

Digitized by Google

ель; а присоединяя къ чужимъ землямъ собственный крестьянскій надѣлъ, можно вывести и общія нормы всего количества обработываемой земли, приходящіяся на душу. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій рядъ выводовъ:

Губерніи:	На душу приходится: а) чужой земли:	б) всей земли:
	десятинъ:	
Волынская	4,4	8,2
Подольская	2,4	4,8
Кіевская	2,7	5,2
Полтавская	2,6	5,1
Курская	1,9	5,5
Черниговская	2,8	6,0
Харьковская	2,3	6,2
Воронежская	1,9	6,5
Тамбовская	2,8	6,4

Въ этотъ разсчетъ, разумѣется, не вошли казенные лѣса, предъявляющіе очень слабый спросъ на рабочую силу.

Выходитъ, что потребность обработки чужихъ земель очень незначительно увеличиваетъ спросъ на рабочую силу; чужія земли, за немногими колебаніями, прибавляютъ на каждую душу только обработку 2-хъ лишнихъ десятинъ или около того; размѣръ подобной прибавки кажется значительнѣе въ волынской губерніи, но тутъ разница имѣетъ лишь фиктивное значеніе, такъ какъ въ этой губерніи, въ полѣсскихъ уѣздахъ, много неплодородныхъ помѣщичьихъ земель, изъ которыхъ не всѣ предъявляютъ спросъ на крестьянскій трудъ. Отчасти то же слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ уѣздахъ черниговской губерніи; вообще, правильнѣе будетъ предположить, что въ обѣихъ только-что названныхъ губерніяхъ обработка помѣщичьихъ земель прибавляетъ почти столько же труда на крестьянскую душу, сколько въ другихъ поименованныхъ выше губерніяхъ. Итакъ, размѣръ объясненной прибавки въ полосѣ, охватывающей девять болѣе плодородныхъ губерній, колеблется лишь между 1,9 и 2,8 десятинами на душу. Ни въ одной губерніи обработка чужихъ земель не удваиваетъ размѣра производительнаго земледѣльческаго труда, прилагаемаго къ крестьянскому надѣлу; это тѣмъ болѣе справедливо, что въ составъ владѣльческихъ земель вездѣ входитъ нѣкоторая часть мало удобныхъ, и что у помѣщиковъ больше чѣмъ у крестьянъ найдется сѣнокосовъ, требующихъ труда только при уборкѣ сѣна, но не нуждающихся ни въ распашкѣ, ни въ посѣвѣ; къ тому же, обработка чужой земли не столько даетъ

Digitized by Google

земледѣльцу дохода, какъ обработка собственной. Обработка 6-ти десятинъ своей и чужой земли въ упомянутой полосѣ губерній оказывается максимумомъ приложенія земледѣльческаго труда.

Гдѣ населенія оказывается больше, чѣмъ нужно для обработки мѣстныхъ земель — лишнимъ рабочимъ рукамъ нечего дѣлать у себя дома, развѣ только перебивать другъ у друга заработокъ. Понятно, что тутъ предложеніе труда дѣлается напряженнѣе, и въ результатѣ должна значительно понижаться задѣльная плата, если только населеніе не съумѣетъ найти себѣ болѣе достаточное и болѣе прибыльное занятіе на сторонѣ. Замѣтимъ при этомъ, что количество мѣстныхъ земель остается постояннымъ, между тѣмъ какъ населеніе растетъ, слѣдовательно, отношеніе между спросомъ на трудъ и предложеніемъ труда способно измѣняться лишь не въ пользу послѣдняго. Потребность въ рабочей силѣ для обработки мѣстныхъ земель можетъ только уменьшаться. Возможныя въ земледѣльческомъ хозяйствѣ улучшенія, въ родѣ введенія машинъ и т. под., въ свою очередь, только уменьшаютъ спросъ на трудъ, дѣлаютъ лишними еще бо́льшую часть рукъ и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, ведутъ не къ возвышенію размѣра ихъ вознагражденія.

То обстоятельство, что названныя нами губерніи принадлежатъ къ числу наиболѣе плодородныхъ — мало увеличиваетъ долю земледѣльца въ дѣлежѣ общей суммы земледѣльческаго производства. Крестьянинъ выигрываетъ только на качествѣ земли собственнаго надѣла; но такъ какъ достоинство почвы, бо́льшею частію, уравновѣшивается размѣромъ надѣла, то въ общемъ итогѣ выгоды земледѣльца все-таки остаются очень умѣренными. Плодородіе же земель, не принадлежащихъ крестьянамъ, вовсе не отражается для нихъ сколько-нибудь чувствительными послѣдствіями. Высокое достоинство почвы, по извѣстнымъ экономическимъ законамъ, увеличиваетъ только «ренту», то-есть долю владѣльца земли, а не рабочую плату, поступающую въ руки крестьянъ. Рента представляетъ собою излишекъ производительности данной земли надъ производительностью самой худшей изъ обрабатываемыхъ земель; фактъ обработки послѣдней служитъ доказательствомъ, что ея продуктъ достаточенъ для покрытія стоимости прилагаемаго къ ней труда и капитала — иначе ее не стали бы обрабатывать. Все же, что́ получается съ земли сверхъ оплаты труда и капитала, то-есть все, что́ составляетъ преимущество какой-либо земли предъ худшею изъ обрабатываемыхъ, — составляетъ выгоду владѣльца. Коль скоро одна мѣстность выходитъ плодороднѣе другой, землевладѣлецъ

Digitized by Google

отбываетъ въ свою пользу весь излишекъ ея продуктовъ, и на долю земледѣльца остается обыкновенная норма рабочей платы. Поэтому, преимущественное плодородіе разсматриваемыхъ нами губерній для крестьянъ имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько оно относится къ собственному ихъ надѣлу, то-есть насколько они сами представляютъ землевладѣльцевъ, обладателей ренты. Что же касается размѣра рабочей платы, то онъ обусловливается, главнымъ образомъ, спросомъ и предложеніемъ, то-есть густотою населенія и количествомъ подлежащихъ обработкѣ земель.

Въ связи съ густотою населенія на размѣръ рабочей платы много вліяетъ еще нынѣшняя податная система. Срочность уплаты податей дѣлаетъ то, что во время нужды крестьянамъ приходится обращаться, какъ къ единственному источнику — къ продажѣ труда. Поэтому, ради податей они бываютъ вынуждаемы продавать этотъ трудъ даже дешевле его обыкновенной стоимости.

Сказанное нами, будучи вѣрно теоретически, въ то же время подтверждается цѣлымъ рядомъ практическихъ явленій. Мы видѣли, что плодородіе земли увеличиваетъ только ренту, что при густотѣ населенія, усиливающей предложеніе труда несоразмѣрно съ спросомъ, и при податной системѣ, сильно облагающей трудъ — неизбѣжно долженъ понижаться уровень рабочей платы и должны имѣть мѣсто вынужденныя продажи труда по еще болѣе дешевой цѣнѣ. Посмотримъ теперь, какъ это оправдывается на дѣлѣ.

Въ курской губерніи мы сами встрѣчали факты арендованія крестьянами помѣщичьей земли, причемъ они платили за одну десятину подъ посѣвъ озимаго хлѣба 15 рублей въ годъ, за десятину подъ яровой хлѣбъ 12 рублей, и, кромѣ того, выполняли особыя отработки, единственно за то, что имъ *дают*ъ землю въ аренду. Слагая плату за озимую и яровую десятину и принимая въ разсчетъ третью, отдыхающую, десятину, получимъ средній подесятинный денежный платежъ въ 9 рублей; а такъ какъ особыя отработки стоютъ еще около пяти-шести рублей, то подесятинный доходъ составляетъ не менѣе 11 рублей. Тамъ же, при обработкѣ земель исполу, крестьяне и землевладѣлецъ хотя и дѣлятъ общее количество земельнаго продукта пополамъ, но при этомъ крестьяне засѣваютъ всю землю своими сѣменами и, кромѣ того, также выполняютъ еще особыя отработки. Эти сѣмена и отработки увеличиваютъ вознагражденіе помѣщика. Слѣдовательно, тутъ не половина, а по крайней мѣрѣ двѣ-трети урожая обращаются въ «ренту».

Digitized by Google

Въ трудахъ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства мы, о той же курской губерніи, встрѣчаемъ слѣдующія данныя: въ щигровскомъ уѣздѣ за озимую десятину платится 14—20 руб.; за яровую десятину 10—12 р.; въ тимскомъ—за первую десятину 11—16 руб., за вторую — 8—12 р.; въ курскомъ — за озимую десятину 8—20 р., за яровую — 6—15 р. и т. д. Въ рыльскомъ и путивльскомъ уѣздахъ испольная система, по показанію землевладѣльцевъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «крестьянинъ, обработавъ 5 десятинъ земли и 4 изъ нихъ засѣявъ *своими* сѣменами, а пятую—господскими, и убравъ затѣмъ урожай, беретъ себѣ половинную часть только съ четырехъ десятинъ, другую же половину съ этихъ десятинъ, равно какъ и всю жатву съ 5-й десятины, отдаетъ владѣльцу». Итакъ, тутъ на 4-хъ десятинахъ хозяйство ведется дѣйствительно исполу, хотя сѣмена даютъ одни крестьяне, а пятая десятина обработывается какъ добавочное вознагражденіе владѣльца, сверхъ половины урожая. «Кромѣ того, — добавляютъ землевладѣльцы, — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, смотря по качеству земли и *густотѣ* населенія, крестьяне отработываютъ еще съ каждой десятины: озимой — по 2 конныхъ и по 1 пѣшему дню, и яровой — по 1 конному и 1 пѣшему дню». Всѣ приведенныя данныя, вполнѣ согласуясь между собою, подтверждаютъ другъ друга и показываютъ, что въ курской губерніи рента дѣйствительно составляетъ не менѣе $^2/_3$ урожая, и только остальная треть или менѣе представляетъ вознагражденіе за трудъ и за трату капитала (сѣменъ, орудій, рабочаго скота и т. под.).

Перейдемъ къ полтавской губерніи.

Въ золотоношскомъ уѣздѣ, по словамъ «Доклада ком. для изсл. сел. хоз.»: «крестьянинъ сѣетъ десятину своими сѣменами и даетъ владѣльцу 3-й снопъ и нѣсколько рабочихъ дней». Въ роменскомъ — «двѣ десятины отдаются крестьянамъ, а третью крестьяне засѣваютъ своими сѣменами для помѣщика, или же земля вообще отдается крестьянамъ, которые отдаютъ помѣщику 3-ю копну; въ сѣверной части уѣзда, гдѣ населеніе *гуще*, при испольной обработкѣ крестьяне еще приплачиваютъ по 2 рубля». Свѣдѣнія о полтавской губерніи, въ «Трудахъ коммиссіи», впрочемъ, не полны и отличаются отрывочностью; но и изъ приведенныхъ указаній видно, что со включеніемъ приплатъ и отработковъ, выполняемыхъ крестьянами, рента составляетъ не менѣе половины всего урожая. «Наемныя цѣны на земли почти вездѣ въ повышеніи»—замѣчаютъ полтавскіе землевладѣльцы.

Въ тамбовской губерніи, при погодныхъ наймахъ, цѣны на

Digitized by Google

земли слѣдующія: въ липецкомъ уѣздѣ за озимую десятину—10—13 р., за яровую 9—10 руб.; въ тамбовскомъ—за озимую 8—15 р., за яровую 6—13 р.; въ козловскомъ—за озимую 10—17 р., за яровую 6—15 р. и т. д. «Какъ долговременныя, такъ и погодныя арендныя цѣны во многихъ мѣстахъ за послѣднія 6—10 лѣтъ почти удвоились». Испольная система признается для владѣльцевъ земли «менѣе выгодною». Слѣдовательно, и тутъ рента составляетъ болѣе половины урожая. Вздорожаніе земель замѣчается и въ харьковской губерніи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже и при долгосрочной арендѣ, платится въ годъ съ десятины 6 рублей.

Теперь перейдемъ къ противоположному краю полосы — къ подольской губерніи. Здѣсь земельныя арендныя цѣны быстро поднялись въ послѣдніе годы; семь-восемь лѣтъ тому назадъ за десятину платили около 2 рублей, а теперь платятъ до 6 рублей, причемъ, разумѣется, возвышеніе земельныхъ цѣнъ еще задерживается извѣстными ограниченіями въ правахъ покупки и арендованія земель, относящимися къ національностямъ. Не будь этихъ ограниченій, возвышеніе цѣны земель было бы еще быстрѣе; но если оно теперь и задерживается, то это обстоятельство нисколько не измѣняетъ доли крестьянина-работника и касается только разсчетовъ между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. Въ этой губерніи испольная система не существуетъ (замѣтимъ кстати, что выраженіе «испольная» на практикѣ утратило свой буквальный смыслъ, такъ какъ оно означаетъ не только дѣйствительный дѣлежъ продуктовъ «пополамъ», но вообще распредѣленіе продуктовъ урожая между землевладѣльцемъ и работникомъ въ заранѣе опредѣленной пропорціи; мы уже видѣли, что при такъ-называемой «испольной» системѣ рента можетъ составлять $^2/_3$ урожая), почему не такъ удобно представить, какую именно долю урожая составляетъ рента? Но уже самое отсутствіе испольной системы показываетъ, что существующая вольнонаемная система хозяйства для владѣльцевъ выгоднѣе испольной и что, слѣдовательно, рента тутъ не можетъ быть менѣе половины продукта.

Итакъ, несомнѣнно, что въ густонаселенныхъ губерніяхъ излишекъ плодородія земли обращается прямо въ ренту и не оказываетъ вліянія на выгоды земледѣльца. Это сдѣлается еще яснѣе, когда мы сопоставимъ высокую ренту названныхъ губерній съ размѣромъ задѣльной платы.

Въ курской губерніи, по показанію экспертовъ-землевладѣльцевъ, данному коммиссіи, въ рыльскомъ и путивльскомъ уѣздахъ

Digitized by Google

лѣтній рабочій день оплачивается 30—40 коп., а въ льговскомъ и новооскольскомъ даже 25 — 30 коп. (разумѣется, безъ хозяйскихъ харчей). Во время молотьбы, рабочіе даже съ лошадью получаютъ по 25 коп. Годовой рабочій получаетъ 36—50 рублей, то-есть 3—4 рубля въ мѣсяцъ.

Въ полтавскомъ уѣздѣ лѣтній рабочій получаетъ въ день 30—40 коп.; въ пирятинскомъ 15—30 коп.; въ кобелякскомъ 15—25 коп. и т. д., то-есть, въ полтавской губерніи плата рабочимъ едвали не ниже, чѣмъ въ курской.

Въ тамбовской губерніи показанія экспертовъ даютъ разнообразныя свѣдѣнія, и опредѣленіе рабочей платы колеблется между 30 коп. и даже 1 рублемъ въ лѣтнее время. Размѣръ платы годовымъ рабочимъ, по тѣмъ же показаніямъ, очень мало разнится противъ курской губерніи.

Въ подольской губерніи, въ лѣтнее время поденная плата доходитъ до 40 коп., но иногда падаетъ до 30 коп. Все это зависитъ отъ размѣра урожаевъ, которые въ послѣдніе годы были очень разнообразны: рядомъ съ годомъ обильнаго сбора иногда встрѣчался совершенно неурожайный, голодный годъ; но въ отношеніи къ платѣ за трудъ всего лучше будетъ принять въ соображеніе сильно распространяющуюся тамъ систему найма на годовую барщину: крестьяне обязываются круглый годъ работать по 2 дня въ недѣлю и получаютъ за эти 100 рабочихъ дней 15—18 рублей, то-есть 15 — 18 к. за день работы во всякое время года и на своихъ харчахъ. Цѣна этого средняго годового дня выражаетъ результатъ общаго итога экономическихъ условій мѣстности, помимо случайнаго вліянія урожаевъ. Не лишена значенія также плата, получаемая крестьянами на сахарныхъ заводахъ: за мѣсяцъ платится тутъ 4, $4^1/_2$ или 5 рублей, то-есть отъ 13 до 18 копѣекъ въ день, при хозяйскомъ уже кормѣ; но эта работа — не обыкновенный здоровый сельскій трудъ: тутъ работаютъ 12 часовъ въ день, при жаркой атмосферѣ завода и въ холодное время года, что̀ располагаетъ къ простудамъ и вообще при большомъ рискѣ для здоровья, такъ какъ помѣщенія рабочихъ очень тѣсны, а помощь больнымъ часто почти не существуетъ, между тѣмъ какъ тифъ и другія болѣзни весьма нерѣдко посѣщаютъ заводы. На подобныя работы даже не всякій пойдетъ. Надобно замѣтить, что упомянутая система наймовъ на годовую барщину появилась уже 10 лѣтъ назадъ; въ то время, когда цѣны земель и многихъ другихъ предметовъ значительно поднялись, цѣна барщины почти не подвинулась: прежде платилось 15 рублей за 100 дней, и теперь еще встрѣчается иногда

Digitized by Google

та же цѣна, а кое-гдѣ послѣдняя поднялась только до 20 руб., и уже не переходитъ за этотъ предѣлъ.

Насколько нужда и срочная уплата податей вынуждаетъ къ дешевой продажѣ труда, можно видѣть изъ многихъ примѣровъ. Въ подольской губерніи намъ самимъ приходилось встрѣчать условія между нанимателями и крестьянами, въ которыхъ откровенно высказывалось: «взявъ столько-то рублей у такого-то на уплату податей», мы обязываемся въ теченіе будущаго лѣта выполнить такія-то работы, считая по такой-то цѣнѣ. «Нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей», мы получили отъ такого-то въ задатокъ столько-то и должны отработывать по такой-то цѣнѣ. Тутъ видѣнъ не просто наниматель и работникъ, а человѣкъ, находящійся въ крайности и человѣкъ, могущій выручить изъ крайности въ трудную минуту. Въ приведенныхъ примѣрахъ крестьяне получали плату: 20 рублей—за 104 дня въ годъ (по 2 дня въ недѣлю), 10 рублей за 50 дней въ *лѣтній* періодъ, съ 1-го апрѣля по 1-е октября (тоже по два дня въ недѣлю) и т. под., т.-е. во всякомъ случаѣ плата была менѣе 20 коп. въ день, на крестьянскихъ же харчахъ. Вынужденность подобныхъ условій, кромѣ буквальнаго смысла приведенныхъ выше выраженій, доказывается еще сравненіемъ рабочей платы по такимъ условіямъ съ платою при невынужденныхъ договорахъ. Одинъ лѣтній мѣсяцъ оплачивается для крестьянъ той же подольской губерніи иногда такъ же, какъ и вся годовая барщина.

Въ полтавской губерніи, по одному показанію, данному комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, «нѣкоторыя экономіи ссужаютъ крестьянъ осенью, для уплаты податей, деньгами, съ тѣмъ, чтобы деньги эти они лѣтомъ заработали. Въ этихъ случаяхъ, уборка десятины табачной плантаціи обходится вмѣсто 30 рублей въ 20 рублей, а уборка десятины хлѣба вмѣсто 2 р. 50 к. въ 1 р. 50 к.».

Въ курской губерніи, въ уѣздахъ курскомъ, фатежскомъ, тимскомъ, старооскольскомъ, щигровскомъ, корочанскомъ, льговскомъ и новооскольскомъ «землевладѣльцы осенью выдаютъ рабочимъ деньги впередъ, которыя впослѣдствіи засчитываются имъ за работы».

Даже изъ тульской губерніи мы имѣемъ подобное же показаніе, данное мѣстнымъ губернаторомъ: «осенью, когда наступаетъ время вносить въ казначейство разные сборы, крестьяне нуждаются въ деньгахъ и продаютъ свой будущій трудъ за безцѣнокъ».

Не одинъ разъ случается встрѣчать и въ частныхъ разговорахъ и въ печати разсказы о томъ, какъ осенью и зимою раз-

Digitized by Google

ные наниматели и ихъ агенты разъѣзжаютъ по деревнямъ и, раздавая задатки во время нужды и уплаты податей, дешево закупаютъ будущій трудъ. Евреи славятся своимъ искусствомъ въ торговлѣ чужимъ трудомъ. Еслибы мы стали приводить подобныя извѣстія, то это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно, что система дешевыхъ закупокъ труда встрѣчается на большомъ пространствѣ отъ подольской губерніи до тульской, а можетъ быть и дальше.

Если цѣны на трудъ въ густонаселенныхъ губерніяхъ и измѣняются нѣсколько, то это еще не значитъ, чтобы выгоды трудящагося увеличивались; важна не денежная цѣна, а отношеніе между цѣною труда и другими предметами. Если, напримѣръ, въ подольской губерніи цѣна двухдневной барщины въ семь-восемь лѣтъ поднялась на 20 процентовъ, то въ тотъ же періодъ времени цѣна земель возвысилась втрое; цѣна хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ потребленія также возвысилась по крайней мѣрѣ въ полтора раза; размѣръ повинностей тоже увеличился. Поэтому, нѣкоторое увеличеніе денежной цѣны еще не доказываетъ дѣйствительнаго подъема крестьянскихъ средствъ, и за цѣну того же самаго труда нельзя пріобрѣсти бо́льшаго, чѣмъ прежде, количества необходимыхъ предметовъ. Когда повышеніе платы за трудъ отстаетъ отъ повышенія другихъ цѣнъ, тутъ скорѣе можно предполагать увеличеніе затрудненій.

Несоразмѣрность спроса на трудъ съ предложеніемъ послѣдняго въ густонаселенныхъ губерніяхъ, какъ мы уже замѣтили, увеличивается и число «лишнихъ» рукъ, нуждающихся въ отысканіи работъ, возрастаетъ.

Результатомъ такого положенія дѣлъ являются усиленныя исканія заработковъ на сторонѣ, такъ-называемые отхожіе промыслы. Излишекъ рабочихъ рукъ ищетъ себѣ приложенія за многія сотни верстъ отъ родины. Крестьяне направляются туда, гдѣ есть больше простора въ земляхъ, гдѣ больше требованій на рабочую силу.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ отхожимъ земледѣльческимъ промысламъ является и стремленіе къ переселеніямъ въ просторныя мѣста. Для многихъ безземельныхъ или мало надѣленныхъ землею переселеніе въ многоземельныя губерніи, гдѣ можно получать высшую заработную плату и гдѣ представляются шансы какого-нибудь поземельнаго устройства—является очень заманчивою мечтою. Къ подобной мечтѣ крестьяне относятся — если можно такъ выразиться—лихорадочно. Они жадно прислушиваются къ толкамъ и слухамъ о предстоящемъ будто бы разрѣшеніи

Digitized by Google

переселеній съ льготами, а иногда даже рѣшаются на серьёзныя попытки къ передвиженіямъ. Все это совершенно естественно для человѣка, которому на мѣстѣ родины не удается добыть сытнаго куска хлѣба, и который имѣетъ руки, способныя заработать больше, чѣмъ онъ получаетъ. Хотя далеко не всѣ попытки къ переселеніямъ дѣлаются извѣстными, но и попадающіяся иногда въ печати извѣстія о томъ говорятъ слишкомъ краснорѣчиво. Самый фактъ, что населеніе такъ чутко относится къ дѣлу переселеній, доказываетъ, что тутъ дѣло идетъ о живѣйшей потребности народа.

Въ какомъ видѣ представляется дѣло исканія заработковъ на сторонѣ, объ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ часто упоминаемыхъ трудовъ коммиссіи для изслѣд. сел. хоз. Въ екатеринославскую губернію рабочіе приходятъ изъ харьковской, курской, полтавской, черниговской, воронежской, орловской, кіевской и даже смоленской губерніи и Бѣлоруссіи. Изъ тѣхъ же губерній рабочіе приходятъ въ таврическую губернію, слѣдовательно, иные проходятъ до полуторы тысячи верстъ и болѣе. Въ Бессарабію уходятъ крестьяне изъ подольской губерніи, откуда рабочіе также уходятъ и въ херсонскую. Изъ тамбовской и воронежской, черниговской, курской, полтавской и харьковской губерній масса рабочихъ уходитъ на Донъ, въ кубанскую область, въ Крымъ, а изъ первой—и въ самарскую губернію.

Только недостатки нашей статистики, которая до сихъ поръ не успѣла еще захватить въ свою область нѣкоторыхъ интереснѣйшихъ явленій экономической жизни, мѣшаетъ представить движеніе рабочихъ въ чужія губерніи со всею наглядностью. У насъ нѣтъ цифръ, которыя могли бы хотя приблизительно выразить размѣръ временныхъ отливовъ рабочихъ силъ изъ густо-населенныхъ губерній, и мы, поневолѣ, ограничиваемся указаніемъ, изъ какихъ губерній и въ какія передвигаются крестьяне для земледѣльческихъ работъ.

Приведемъ, однако, нѣсколько замѣчаній, встрѣченныхъ нами въ трудахъ коммиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ состоянія волостныхъ судовъ (и объѣзжавшей при этомъ губерніи): въ миргородской волости (полтавск. губ.) ежегодно выдается «въ отходъ» болѣе 500 паспортовъ, на сроки болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; изъ сорочинской волости около 500 человѣкъ каждый годъ уходитъ косить на Донъ; изъ савинской и ново-аврамовской волостей уходятъ на промыслы, на Донъ же, человѣкъ по 200. По разсказамъ хозяевъ, изъ курской и полтавской губерній иногда уходитъ столько крестьянъ, что отъ этого бываетъ ощутителенъ недостатокъ

Digitized by Google

въ рабочихъ на мѣстѣ. Изъ чигиринскаго уѣзда кіевской губерніи малонадѣленные бывшіе государственные крестьяне уходятъ въ южные края и даже на Кавказъ, какъ это объяснилось при недавней исторіи о безпорядкахъ, возникшихъ вслѣдствіе требованія крестьянами душевого надѣла.

Независимо отъ тѣхъ губерній, которыхъ мы коснулись выше, существуютъ еще движенія рабочихъ силъ изъ центральныхъ губерній въ восточныя. Такъ какъ, въ настоящей статьѣ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, только болѣе южныя губерніи, относящіяся къ которымъ данныя совершенно достаточны для выясненія важности вопроса переселеній, то ограничимся однимъ только извлеченіемъ изъ трудовъ ком. сел. хоз., относительно движеній рабочихъ въ самарскую губернію и сопровождающихъ эти движенія невыгодъ; что тутъ сказано о самарской губерніи—въ той или другой степени относится и къ южнымъ.

Сызранская земская управа говоритъ: «движеніе рабочихъ въ самарскія степи имѣетъ слишкомъ большое значеніе для здѣшняго края. Оно захватываетъ, конечно, не одинъ сызранскій уѣздъ, но черезъ этотъ уѣздъ, по кузнецкому и московскому скотопрогонному тракту, проходятъ массы народа изъ пензенской и частью саратовской и симбирской губерній. Къ сожалѣнію, вся эта масса людей, ищущая работы, не можетъ въ своемъ движеніи управляться точными свѣдѣніями объ урожаѣ за Волгою, а слѣдовательно и запросѣ на трудъ. Обыкновенно, рабочее населеніе получаетъ двоякаго рода извѣстія: съ одной стороны мѣстные землевладѣльцы нагорнаго берега постоянно и, несмотря ни на какія обстоятельства, упорно распространяютъ слухи, что требованіе на трудъ за Волгой не велико, цѣны низки и урожай дуренъ; съ другой стороны, заволжскіе помѣщики, въ интересахъ которыхъ поддерживать увеличеніе предложенія труда, также упорно поддерживаютъ чрезъ своихъ посланныхъ извѣстія о высокихъ цѣнахъ на трудъ, о потребности въ рабочихъ. Изъ передвигающихся рабочихъ бо́льшая часть приходитъ къ заключенію, что необходимо лично убѣдиться въ томъ, какое изъ противорѣчивыхъ извѣстій справедливо. Въ 1868 году урожай за Волгою былъ отличный; рабочее населеніе, убѣдившись въ выгодности заволжскихъ работъ, стало двигаться туда въ огромномъ количествѣ; но въ 1869—1871 годахъ пришедшіе за Волгу рабочіе убѣждались, что цѣны на трудъ тамъ стоятъ даже ниже, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они вышли. Бывали случаи такого скопленія народа, что, напримѣръ, въ Сызрани не успѣвали для него печь хлѣбъ. Въ 1872 году передвиженіе рабочихъ опять значительно

Digitized by Google

уменьшилось. Все это рабочее движеніе въ степные края, безъ сомнѣнія, *достойно самаго тщательнаго изученія;* нѣтъ сомнѣнія, что при его настоящемъ *неустройствѣ*, послѣднее составляетъ одно изъ главныхъ препятствій для правильнаго хозяйства». Итакъ, въ дѣлѣ отхожихъ промысловъ крестьяне дѣйствуютъ ощупью, наугадъ и часто несутъ оттого очень чувствительныя потери. О подобныхъ же потеряхъ при движеніи въ южныя окраины также нерѣдко случается слышать. Онѣ имѣли мѣсто не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году: многіе возвращались домой, питаясь Христовымъ именемъ, проѣдая лошадей, платье и т. п. Газеты и телеграфъ, оказывая ежедневныя услуги коммерческому міру, нисколько не служатъ нуждамъ нашихъ искателей земледѣльческихъ заработковъ.

Что касается попытокъ къ переселеніямъ, то они хотя нерѣдки и выражаютъ самую насущную потребность, но въ свою очередь отличаются случайностью и неустройствомъ, влекущими за собою большія, иногда невознаградимыя потери для крестьянъ. Не дальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одной изъ провинціальныхъ газетъ разсказанъ былъ случай, что въ одной мѣстности полтавской губерніи крестьяне начали сбывать свое имущество и, руководствуясь неясными слухами, двинулись-было къ югу на переселеніе; но, потерпѣвъ неудачу, должны были остаться на прежнихъ мѣстахъ, понеся большой ущербъ.

Недавняя исторія въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, совершенно однородна съ предыдущею. Въ виду оффиціальнаго циркуляра, сообщавшаго о возможности для нѣкоторой части крестьянъ получить въ херсонской губерніи участки казенной земли, масса населенія записалась въ охотники, распродавала имущество и не обсѣменяла полей. Удовлетворить эту массу оказалось невозможно, и горькое разочарованіе послѣдовало скоро.

Три года тому назадъ, мы встрѣтили въ газетахъ любопытныя свѣдѣнія о крестьянскихъ попыткахъ къ переселеніямъ на Кубань и въ ставропольскую губернію. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ масса крестьянъ (преимущественно изъ Малороссіи) двинулась въ кубанскую область, въ надеждѣ получить казенныя земли, но значительная часть ихъ въ томъ не успѣла; тогда тысячи крестьянъ пошли скитаться по ставропольской губ. и кубанской области, перебиваясь изо-дня въ день кое-какими заработками; въ 1869 году они начали обращаться къ администраціи съ просьбами о причисленіи къ тѣмъ селеніямъ, въ которыхъ есть свободныя земли. Ставропольская администрація успѣла устроить участь 2—3 тысячъ человѣкъ, но остальныя кочующія

Digitized by Google

семейства не могли воспользоваться выгодами своихъ собратовъ, по неполученію съ мѣста увольнительныхъ свидѣтельствъ, т.-е. безъ всякой собственной вины. Медленная канцелярская переписка и полный формальностей и затрудненій порядокъ перечисленій поставили многихъ ищущихъ хлѣба переселенцевъ въ печальнѣйшее положеніе.

Г. Чаславскій въ своей статьѣ объ отхожихъ промыслахъ и переселеніяхъ, помѣщенной въ послѣднемъ выпускѣ «Сборника Государств. Знаній», разсказываетъ, что въ кубанской области бывали даже случаи самовольныхъ поселеній—такъ велика нужда въ переселеніяхъ; среди степей возникаетъ поселокъ, его уничтожатъ, а онъ потомъ вновь возникаетъ. Затрудненія, обставляющія причисленіе къ сельскимъ обществамъ, дѣлаютъ то, что истые земледѣльцы должны бываютъ приписываться къ городамъ и считаться, такимъ образомъ, de jure горожанами; это дѣлалось потому, что на Кубани для приписки къ городамъ не требовалось пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ.

Всѣ эти факты показываютъ, до какого напряженія доходитъ, незримый для нашей статистики, вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, о болѣе правильномъ и сообразномъ съ экономическими потребностями страны размѣщеніи сельскаго населенія. Не нужно въ крестьянскихъ стремленіяхъ искать никакихъ «подстрекательствъ». Подстрекателемъ тутъ если кто-нибудь является, то развѣ—естественный ходъ экономической жизни. Основной мотивъ тутъ—желаніе хлѣба и заработка, при существующей дома тѣснотѣ, т.-е. самый законный мотивъ. Стремясь изъ менѣе выгодной въ болѣе выгодную для себя страну, крестьяне повинуются несомнѣнному экономическому закону, тому самому, который заставляетъ массу людей изъ западной Европы эмигрировать въ Америку, который руководитъ и нашихъ южныхъ колонистовъ въ ихъ движеніи за океанъ, при которомъ, однако, колонисты оказываются несравненно менѣе связанными, чѣмъ полтавскій мужикъ, желающій поселиться только на Кубани. Стремленіе нашихъ крестьянъ къ переселеніямъ оправдаетъ всякая политическая экономія.

Но если крестьяне большими массами уже уходятъ на сторону за заработками,—могутъ замѣтить намъ,—то этимъ уже удовлетворяется ихъ экономическая потребность. Однако такое замѣчаніе будетъ совсѣмъ несправедливо. Семья, хорошо надѣленная землею дома и имѣющая много членовъ, конечно, можетъ высылать лишнія руки на сторону для усиленія уже имѣющихся у нея средствъ. Но человѣкъ безземельный или очень мало на-

Digitized by Google

дѣленный находится въ совершенно иномъ положеніи. Первому, послѣ ухода на заработки, *не къ чему* возвращаться, такъ какъ у него на родинѣ нѣтъ ни дома, ни земли; ему лучше остаться тамъ, гдѣ онъ получаетъ главныя средства къ жизни, не тратя ни денегъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, ни времени, которое могло бы быть употреблено съ пользою. Надѣленный ничтожнымъ кускомъ земли тоже несетъ напрасныя потери, такъ какъ ему лучше промѣнять плохое устройство дома на лучшее положеніе въ чужой сторонѣ. Всякій отправляющійся на крайній югъ неминуемо тратитъ на путешествіе туда и обратно или деньги, или много времени, или то и другое вмѣстѣ. Если онъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ только 750 верстъ (напр., если онъ проѣдетъ одну курско-азовскую дорогу, имѣющую протяженіе въ 764 версты), то уже издержитъ минимумъ 10 рублей, кромѣ расхода на прокормъ. Туда и обратно—это составитъ слишкомъ 20 рублей, а такой вычетъ—и притомъ совершенно напрасный вычетъ, никому не идущій въ пользу—равняется фактическому уменьшенію сторонніхъ заработковъ, которое отражается между прочимъ и поддержкою низкой платы дома. Напрасныя странствованія на югъ въ годы неурожаевъ являются добавочною потерею, и притомъ постоянною, такъ какъ они случаются, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ три-четыре года, и притомъ непредотвратимы. Сверхъ того, при работахъ вдали отъ семьи и собственнаго дома всегда является для рабочаго больше условій, благопріятствующихъ лишнимъ издержкамъ и даже пропиванію заработаннаго. Отхожіе промыслы—только палліативъ; сами по себѣ они не помогутъ дѣлу.

Резюмируя все сказанное, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что предъ нами—дѣйствительно крупный крестьянскій вопросъ: передъ нами масса безземельныхъ или почти ненадѣленныхъ крестьянъ, ищущихъ какого-нибудь устройства, масса лишнихъ у себя дома, но способныхъ къ производительному труду рукъ; передъ нами быстрый приростъ населенія, увеличивающій число нуждающихся въ работѣ и землѣ; предъ нами искусственный подъемъ ренты и задержка роста рабочей платы, ежегодныя, часто безуспѣшныя скитанія крестьянъ по просторнымъ губерніямъ, мало обращающія на себя вниманія—вотъ что успѣла выростить въ послѣдніе годы сельская жизнь въ густонаселенныхъ губерніяхъ. Подобное положеніе создаетъ большія затрудненія для сельскаго населенія, уменьшаетъ его состоятельность и податную силу. Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ бо́льшее значеніе.

Digitized by Google

Однако, при всей важности объясненныхъ затрудненій сельскаго населенія, устраненіе ихъ не представляетъ слишкомъ трудной задачи. Существуетъ возможность разрѣшить вопросъ правильнѣйшимъ способомъ. Хотя нашъ сельскій пролетаріатъ и значителенъ, но мы также богаты и средствами для его устройства. У насъ есть еще масса плодородныхъ, просторныхъ мѣстностей, которыя составляютъ важное преимущество нашего государства передъ государствами западной Европы. Надобно только, чтобъ это преимущество не оставалось напраснымъ, чтобы оно приносило всю ту пользу, какую можетъ приносить. Дѣло можетъ уладиться безъ всякихъ эмиграцій за границу свободнымъ перемѣщеніемъ населенія изъ однѣхъ частей государства въ другія.

Не вдалекѣ отъ упоминавшихся выше густонаселенныхъ губерній находится рядъ губерній и областей, отличающихся совершенно противоположными условіями; въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчается уже другого рода несоразмѣрность между предложеніемъ труда и спросомъ на него, именно—избытокъ свободныхъ земель и крайній недостатокъ въ рабочихъ людяхъ. Таковы: херсонская, екатеринославская, таврическая, ставропольская губерніи, донская и кубанская области. Здѣсь радуются всякой захожей рабочей силѣ и много земель остается безъ обработки. Приведемъ нѣсколько цифренныхъ данныхъ, относительно этихъ мѣстностей:

Въ херсонской губерніи помѣщичьихъ земель 2.883,670 дес., а казенныхъ и удѣльныхъ 372,274 дес., между тѣмъ какъ крестьянскихъ ревизскихъ душъ только 313,084 [1]); слѣдовательно на каждую душу, кромѣ обработки крестьянскаго надѣла, приходится еще обработка 10,4 десятинъ чужой земли.

Въ екатеринославской — крестьянъ 403,200 душъ, а земли помѣщичьей 2.543,358, казенной и удѣльной 86,400 дес., т.-е. на душу приходится чужой земли 6,6 дес.

Въ таврической—душъ 178,551, земли частнаго владѣнія—2.894,632 дес., казенной и удѣльной 276,429 десятинъ, стало быть, на душу 17,8 дес.

Сравнивая три только-что названныя губерніи съ разсмотрѣнными нами прежде, нельзя не замѣтить огромной разницы въ размѣрѣ спроса на трудъ; ни въ одной изъ тѣхъ губерній, о

---

[1]) Выводя въ этой и двухъ послѣдующихъ губерніяхъ число душъ крестьянъ, мы вычитаемъ изъ общаго числа ревизскихъ душъ сельскаго населенія колонистовъ, такъ какъ эти послѣдніе, имѣя большое количество земли, не нанимаются въ работы, а, напротивъ, сами нанимаютъ пришлыхъ рабочихъ.

Digitized by Google

которыхъ мы говорили прежде, на крестьянскую душу не приходится обработки болѣе 2,8 десятинъ чужой земли (въ иныхъ только 1,9 дес.); здѣсь же для крестьянскаго труда втрое и вчетверо бо́льшій просторъ; притомъ же собственный надѣлъ крестьянъ здѣсь значительнѣе, чѣмъ въ густонаселенныхъ губерніяхъ, почему предложеніе труда со стороны крестьянъ не до такой степени напряженно. Мѣстныя рабочія силы недостаточны для обработки всѣхъ удобныхъ земель трехъ названныхъ губерній, которыя могутъ сдѣлаться вполнѣ производительными только при приливѣ населенія изъ чужихъ мѣстъ.

На Дону, кромѣ собственныхъ казачьихъ земель, по показанію г. Чаславскаго, есть болѣе полутора милліона десятинъ такъ-называемаго «войскового запаса», который сдается крупными участками въ аренду съёмщикамъ, также нуждающимся въ рабочихъ силахъ. Въ кубанской области, по словамъ г. Чаславскаго, кромѣ земель станичныхъ и частнаго владѣнія, также есть значительный войсковой запасъ, а въ ставропольской губерніи, сверхъ казенныхъ земель, есть 895 тысячъ десятинъ, оставшихся послѣ ухода нагайцевъ. Казенной земли въ ставропольской губерніи (по одному довольно обстоятельному печатному извѣстію), послѣ пожалованія въ шестидесятыхъ годахъ частнымъ лицамъ 300 тысячъ десятинъ и отчужденія въ удѣлъ слишкомъ ста тысячъ дес., осталось еще болѣе 200 тысячъ десятинъ. Въ кубанской области частнымъ лицамъ въ шестидесятыхъ годахъ пожаловано было 800 тысячъ десятинъ. Всѣ эти земли, т.-е. казенныя войсковыя и частныя, и даже часть принадлежащихъ станицамъ не могутъ обрабатываться мѣстнымъ населеніемъ и представляютъ огромный спросъ на пришлую рабочую силу. Въ общей совокупности своей эти земли могутъ дать занятіе милліонамъ рабочихъ рукъ. Вотъ каково наше богатство средствами для устройства сельскаго пролетаріата! Послѣдній можетъ сдѣлаться для насъ совсѣмъ не страшнымъ, и представляетъ поэтому только временныя затрудненія, хотя, конечно, очень чувствительныя.

Понятно, что въ просторныхъ мѣстностяхъ цѣны на трудъ далеко выше, чѣмъ въ густонаселенныхъ; притомъ же онѣ подвержены сильнымъ колебаніямъ, что́ составляетъ очень чувствительное неудобство для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, положительно затрудняющее веденіе сельскаго хозяйства. Вотъ нѣсколько свѣдѣній по этому предмету.

Какъ видно изъ доклада коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, въ екатеринославской губерніи, въ лѣтнее время, рядовой работникъ получаетъ отъ 75 коп. до 2 руб. въ день. Въ

Digitized by Google

таврической губерніи поденная плата иногда доходитъ до 3-хъ рублей.

Изъ южной части херсонской губерніи не разъ сообщалось въ газеты, что во время уборки хлѣба цѣна рабочаго дня доходила до 2 рублей, а иногда поднималась и выше. На Дону и на Кубани цѣны доходятъ до подобнаго же размѣра, и только въ нынѣшнемъ, совершенно неурожайномъ, году цѣна падала до 50 и 30 к. къ совершенному разоренію пришлыхъ рабочихъ.

Херсонскіе землевладѣльцы и даже земство не разъ поднимали вопросъ о необходимости снабженія южнаго края рабочими. Приведемъ одно мѣсто изъ записки, напечатанной въ «Херсонскомъ Земскомъ Сборникѣ», показывающее, въ какія затрудненія поставляются иногда землевладѣльцы недостаткомъ рабочихъ:

«На какой-нибудь сборный пунктъ въ базарный день собирается 300—400 душъ пришлыхъ рабочихъ и становятся таборомъ. Они знаютъ, что имъ не придется долго ждать, и дѣйствительно, съ утра съѣзжаются со всѣхъ сосѣднихъ селеній приказчики, управляющіе и помѣщики, причемъ оказывается, что всѣмъ имъ въ совокупности нужно впятеро или вшестеро больше рабочихъ, чѣмъ на лицо находится. Тогда наступаетъ ужасное для всякаго хозяина время, когда каждый старается набить цѣну, чтобы переманить рабочихъ къ себѣ, такъ какъ іюньское солнце не шутитъ и днемъ позже пропадаютъ цѣлыя клѣтки сѣнокоса. Является фигура какого-нибудь управляющаго: «что́ бы кто ни далъ, я плачу 10-ю копѣйками больше; ребята, ко мнѣ!»—раздается его голосъ... и т. д. Цѣны, при недостаткѣ рабочихъ, таковы, что при затраченномъ впередъ капиталѣ становится невозможнымъ поддерживать хозяйство» (Сборн. Херсон. земства, іюль, 1873).

Конечно, можно допустить, что авторъ этой записки нѣсколько преувеличиваетъ неудобства херсонскаго хозяйства, однако какъ ни ослаблять значеніе получаемыхъ съ нашего юга извѣстій, все-таки выходитъ, что на югѣ эти неудобства значительны, и что тамошнія отношенія между хозяевами и рабочими далеко не похожи на отношенія, существующія въ густонаселенныхъ губерніяхъ. Если отъ такого положенія нѣсколько выигрываютъ пришлые рабочіе, то выигрываютъ только отчасти, потому, во-первыхъ, что изъ ихъ заработка, вслѣдствіе дальности переходовъ, дѣлается вычетъ, а во-вторыхъ, что, при колебаніи цѣнъ, выгоды рабочихъ дѣлаются случайными, такъ что на нихъ нельзя разсчитывать вѣрно. При подобномъ положеніи, сравнительно небольшая рента новороссійскихъ мѣстностей оказывается столь же ненормаль-

Digitized by Google

нымъ, искусственнымъ явленіемъ, какъ и особенная значительность ренты въ густонаселенныхъ губерніяхъ. Выгоды однихъ землевладѣльцевъ растутъ на счетъ выгодъ другихъ землевладѣльцевъ и на счетъ крестьянъ; одни мѣстности не знаютъ куда дѣвать лишнія руки, другія—какъ быть съ излишкомъ земель, гдѣ набрать рабочихъ силъ для обработки свободныхъ пространствъ.

Что же мѣшаетъ естественному выходу изъ подобнаго положенія; что мѣшаетъ согласить выгоды мѣстностей, даже не очень удаленныхъ другъ отъ друга; что мѣшаетъ безземельнымъ рабочимъ лучше устроиться, южнымъ землевладѣльцамъ поправить свои дѣла, а южнымъ мѣстностямъ сдѣлаться производительнѣе? Въ чемъ состоятъ тѣ искусственныя задержки, которыя охраняютъ нынѣшнее положеніе.

Эти задержки—двоякаго рода: во-первыхъ, несоглашенность существующихъ правилъ о переселеніяхъ съ крестьянскими потребностями и условіями, обставляющими быть крестьянъ; а во-вторыхъ, не совсѣмъ цѣлесообразное распоряженіе землями, какъ казенными, такъ и частными.

Обратимся сперва къ первой причинѣ. По существующимъ правиламъ (Общ. Полож. о крест., стр. 130), для того, чтобы переселиться въ новую мѣстность, отъ крестьянина требуется: чтобы къ увольненію его изъ прежняго общества не было препятствія по отправленію рекрутской повинности; чтобы на семействѣ увольняемаго не было никакихъ казенныхъ, земскихъ или мірскихъ недоимокъ и чтобы, притомъ, подати были уплачены по 1-е января слѣдующаго года; чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному управленію; чтобы желающій получить увольненіе представилъ пріемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ. Только удовлетворивъ всѣмъ этимъ условіямъ, крестьянинъ можетъ получить увольнительное свидѣтельство отъ волостного старшины и приступить къ ходатайству о причисленіи къ новому обществу.

Понятно, что большинство крестьянъ не можетъ удовлетворить всѣмъ этимъ условіямъ. Изъ нихъ только первое перестало быть затрудненіемъ, такъ какъ послѣ преобразованія воинской повинности послѣдняя относится прямо къ лицу крестьянина, помимо его общества, и притомъ человѣкъ, вышедшій изъ 21-лѣтняго возраста, повинности уже не опасается. Но чтобъ быть свободнымъ отъ всякихъ недоимокъ и даже уплатить подати впередъ—на это нужны свободныя деньги, какія есть у немногихъ; напротивъ, многіе крестьяне — и именно наиболѣе нуждающіеся

Digitized by Google

въ переселеніи и поправленіи дѣлъ—ради уплаты текущихъ податей запродаютъ будущій трудъ; подобныя запродажи, будучи безспорнымъ обязательствомъ рабочаго, «извѣстнымъ волостному управленію», сами по себѣ, служатъ препятствіемъ къ увольненію желающаго переселиться изъ прежняго общества. Едва ли не самымъ затруднительнымъ условіемъ, однако, является требованіе пріемнаго приговора отъ новаго общества, такъ такъ полученіе этого приговора сопряжено съ большими хлопотами, заискиваніями, тратами времени и даже денежными издержками. Всякое общество въ правѣ принять или не принять въ свою среду новаго члена, и потому общества могутъ отказывать желающимъ переселяться, даже безъ объясненія причинъ. Участь переселенца тутъ часто зависитъ отъ произвола и притомъ не только со стороны самихъ обществъ, но со стороны узурпирующихъ ихъ власть старостъ, старшинъ и писарей. Всѣхъ ублаготворить не легко и не дешево. Въ томъ же самомъ сообщеніи о скитаніяхъ малороссійскихъ крестьянъ по ставропольской губерніи, о которомъ упоминалось выше, мы нашли извѣстіе, что нѣкоторыя общества за выдачу пріемнаго приговора требовали отъ переселенцевъ отъ 25 до 50 рублей! Кто же, не только изъ бѣдняковъ, но и изъ крестьянъ средняго состоянія, въ силахъ удовлетворить всѣмъ подобнымъ требованіямъ? Въ 1869 году, часть безземельныхъ однодворцевъ юго-западнаго края успѣла переселиться въ таврическую губернію, но этимъ она обязана была, главнымъ образомъ, тому, что ей на короткое время дана была льгота приписки безъ пріемныхъ приговоровъ, вмѣстѣ со льготою, относившеюся къ податямъ.

Совокупность всѣхъ требованій, обращаемыхъ къ переселенцамъ, выражаетъ просто «запретительную», въ отношеніи къ переселеніямъ, систему. Если этимъ требованіямъ можетъ удовлетворить человѣкъ богатый или какой-нибудь промышленникъ, то есть лица исключительныя, то этимъ нисколько не удовлетворяется важная экономическая потребность сельскаго населенія. Нужно, чтобы переселеніе было доступно тѣмъ, кто въ немъ нуждается, какъ въ средствѣ поправленія своихъ дѣлъ, а не какъ въ средствѣ расширенія значительныхъ промышленныхъ операцій.

Кромѣ внѣшнихъ затрудненій въ переселеніи, важнымъ условіемъ является еще то, что переселенецъ, даже и перебравшись въ новую мѣстность, очутился бы тамъ въ положеніи батрака, не имѣющаго собственнаго угла. Положимъ, что быть батракомъ въ просторной мѣстности, гдѣ трудъ всѣмъ нуженъ, нѣсколько

Digitized by Google

лучше, чѣмъ оставаться батракомъ на родинѣ и ловить искусственно пониженную рабочую плату, однако отводъ безземельнымъ переселенцамъ надѣла былъ бы болѣе согласенъ и съ ихъ собственными выгодами, и съ выгодами страны и даже съ выгодами казны, средства которой сильно опираются на состоятельность рабочаго населенія. Подобный отводъ земель можно было бы считать не вполнѣ умѣреннымъ требованіемъ только тогда, когда бы у насъ былъ недостатокъ въ земляхъ, или когда бы казна и частные землевладѣльцы получали отъ своихъ пространствъ чрезчуръ большіе доходы. Но вѣдь этого вовсе нѣтъ. Земель у насъ много; въ нѣкоторыхъ, названныхъ нами выше, мѣстностяхъ сотни тысячъ десятинъ розданы въ награды и вообще отчуждены въ частное владѣніе, что однако не мѣшаетъ имъ оставаться пустынными, тогда какъ отводъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ надѣловъ нуждающимся земледѣльцамъ несомнѣнно улучшилъ бы мѣстную производительность и оживилъ бы страну.

Изъ отчетовъ государственнаго контроля можно видѣть, что всѣ казенныя оброчныя статьи даютъ валового дохода только около пяти милліоновъ рублей; но въ числѣ этихъ оброчныхъ статей заключаются не одни пахатныя и сѣнокосныя пространства, но также водяныя мельницы, рыбныя ловли и т. под. О доходности собственно казенныхъ земель мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ часто поминаемомъ «Докладѣ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства»; по его показанію, общій доходъ съ земель доходитъ едва лишь до трехъ милліоновъ рублей (не считая лѣсовъ). 372 тысячи десятинъ казенной земли въ херсонской губерніи приносили въ 1872 году всего 341 тысячу рублей, т.-е. десятина приносила менѣе рубля въ годъ; 1.144,000 десятинъ въ самарской губерніи приносили 483 тысячи рублей, то-есть десятина около 40 копѣекъ; 71 тысяча десятинъ въ екатеринославской губерніи давали 94 тысячи рублей; 273 тысячи десятинъ въ таврической губерніи приносили дохода 196 тысячъ рублей, т.-е. съ десятины казна получала около 70 коп. Сколько приносятъ свободныя пространства ставропольской губерніи, донской и кубанской областей, этого мы не знаемъ, но по всей вѣроятности не больше, а меньше. Кромѣ упомянутыхъ нами пространствъ свободной земли, какъ на средство для устройства безземельныхъ крестьянъ, можно указать еще на монастырскія имѣнія въ Бессарабіи, поступившія недавно въ казенное завѣдываніе, занимающія довольно большую площадь земли и приносящія ничтожнѣйшій доходъ.

Digitized by Google

Казенныя земли бо́льшею частію сдаются арендаторамъ, иногда очень крупными кусками, за малую плату и на больші сроки, лишающіе казну даже возможности пользоваться совершающимся общимъ повышеніемъ земельной ренты. Арендаторы часто дурно платятъ, за ними водятся недоимки, иногда же они прямо являются нарушителями контрактовъ. Напримѣръ, въ херсонской губерніи, часть казенныхъ земель взята была евреями на шестилѣтіе 1870—1876 годовъ, за плату 3 рубля съ десятины. «Черезъ годъ за симъ они отказались отъ арендъ на эти земли, оставивъ въ пользу казны незначительные залоги, и на новыхъ торгахъ оставили ихъ за собою, только подъ другими именами, за половинную и менѣе того цѣну». (Сб. Херс. Зем 1874 г. № 6). Слѣдуетъ еще замѣтить, что доходъ отъ казенныхъ земель нельзя считать чистымъ доходомъ, такъ какъ земли эти требуютъ управленія, стоющаго не малыхъ денегъ.

Вообще, когда дѣло идетъ объ огромныхъ пространствахъ, приносящихъ казнѣ едва 1% всего государственнаго бюджета и при этомъ еще требующихъ издержекъ на управленіе, можетъ ли быть рѣчь о серьёзныхъ затрудненіяхъ къ устройству массы нуждающагося безземельнаго люда, который, вмѣстѣ съ поправленіемъ собственныхъ дѣлъ, оживитъ пустыя губерніи, усилитъ ихъ производительность и, вслѣдствіе своей состоятельности, увеличитъ сумму косвенныхъ доходовъ казны?

Пособіемъ переселенцамъ могли бы быть и частныя земли. Мы говоримъ здѣсь не объ экспропріаціи, а о возможныхъ результатахъ частной иниціативы землевладѣльцевъ. Нуждаясь въ рабочихъ, они ломаютъ головы надъ изысканіемъ средствъ къ обезпеченію себя ими, но лучшаго, болѣе дѣйствительнаго средства нѣтъ, какъ дать рабочимъ устройство на части своихъ свободныхъ земель, путемъ ли обыкновенныхъ продажъ, или при пособіи какой-либо кредитной операціи (объ основаніяхъ которой теперь, разумѣется, еще не время толковать, такъ какъ прежде всего нужно порѣшить вопросъ въ принципѣ). Увеличеніе мѣстнаго населенія дастъ притокъ рабочей силы, тогда какъ всѣ прочіе проекты, вѣрнѣе всего, останутся только праздными словами. Надобно, чтобы сами землевладѣльцы утвердились въ мысли о необходимости фактическаго пособія съ ихъ собственной стороны, не ограничиваясь надеждами на однѣ правительственныя мѣры, которыя при этомъ могутъ облегчить порядокъ переселеній, дать льготы и т. п. Помощь частной иниціативы была бы тѣмъ умѣстнѣе, что казенныя земли не во всѣхъ губерніяхъ ест

Digitized by Google

въ очень большомъ количествѣ, и не во всѣхъ мѣстностяхъ равномѣрно распредѣлены.

Мы не станемъ, разумѣется, пускаться въ составленіе подробныхъ проектовъ облегченія переселеній, а также поземельнаго устройства безземельныхъ и мало надѣленныхъ крестьянъ. Въ виду существованія у насъ достаточныхъ средствъ къ разрѣшенію вопроса о сельскомъ пролетаріатѣ, проекты могутъ быть очень разнообразные. Важно то, чтобы на этотъ вопросъ обращено было соотвѣтственное его значенію вниманіе, чтобы необходимость его разрѣшенія вошла въ общее сознаніе, словомъ, чтобы за нимъ признано было значеніе серьёзнаго крестьянскаго и вообще экономическаго вопроса. Дозволеніе ли причисленій къ новымъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ; образованіе ли новыхъ особыхъ поселеній для переселенцевъ на пустыхъ земляхъ; пріобрѣтеніе ли казенныхъ земель на общихъ съ государственными крестьянами основаніяхъ или на какихъ-нибудь особенныхъ; пріобрѣтеніе ли переселенцами частныхъ земель съ простою разсрочкою платежей, или устройство какой-нибудь новой кредитной операціи,—словомъ, тотъ или другой родъ мѣръ былъ бы принятъ — все это уже предметы второстепенной важности. Главное состоитъ въ томъ, чтобы поставлено было *цѣлью*—облегчить отливъ сельскаго населенія изъ густонаселенныхъ губерній и дать образующемуся сельскому пролетаріату хозяйственное устройство. Коль скоро подобная цѣль поставлена будетъ, самъ собою возникнетъ вопросъ объ исполнительныхъ средствахъ, и тогда рѣчь о нихъ будетъ наиболѣе своевременна.

Конечно, для улучшенія быта сельскаго населенія крайне необходима также и податная реформа. Но переселенія и поземельное устройство въ просторныхъ мѣстностяхъ могутъ имѣть для безземельныхъ и плохо устроенныхъ крестьянъ значеніе не меньшее, чѣмъ эта реформа: они способны расширять самыя *средства пріобрѣтенія*, служащія источникомъ и собственнаго содержанія крестьянъ и уплаты повинностей. Подати представляютъ собою вычитаемое, а расширенныя средства получатъ заработки и извлекать доходъ изъ земли — уменьшаемое, безъ котораго ни вычитаемое, ни остатокъ немыслимы. Наши колонисты платятъ иногда возвышенную подушную подать, но при своемъ большомъ надѣлѣ землею—они богаче всякихъ крестьянъ.

Само собою разумѣется, что односторонніе интересы земледѣльцевъ густо населенныхъ губерній, пользующихся нынѣшнимъ искусственнымъ возвышеніемъ ренты и дешевою рабочею платою, не могутъ перевѣшивать общей совокупности интересовъ: дру-

Digitized by Google

гихъ землевладѣльцевъ, массы крестьянъ, производительности страны а также интересовъ фискальныхъ. Если, при предположенномъ нами умѣренномъ приростѣ населенія, послѣднее въ тридцать-два года должно увеличиваться въ полтора раза, то черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ настоятельнѣйшая нужда въ переселеніи, въ одномъ разсмотрѣнномъ нами поясѣ губерній, уже коснется цѣлыхъ милліоновъ крестьянъ. Сила вещей сама поставитъ тогда вопросъ въ слишкомъ рѣшительной формѣ, между тѣмъ какъ теперь этотъ вопросъ можетъ разрѣшиться безъ всякихъ хозяйственныхъ потрясеній и даже безъ сколько-нибудь серьёзныхъ затрудненій. Неизбѣжное возростаніе значенія обсуждаемаго вопроса въ будущемъ лучше предвидѣть во-время и заранѣе открыть шлюзы. Вмѣсто запретительной системы въ отношеніи къ переселеніямъ лучше ввести другую: отмѣнить прежнія затрудненія и устроить такъ, чтобы отливъ населенія и устройство переселенцевъ совершались по частямъ, съ извѣстною правильностью, чтобы дѣло велось безъ канцелярской тайны, съ тою гласностью, которая всегда лучше будетъ предупреждать вліяніе темныхъ слуховъ, безполезныя скитанія и попытки къ передвиженіямъ, дѣлаемыя на-обумъ. Если теперь уже часты случаи запродажи труда впередъ, то впереди они могутъ умножаться и сами по себѣ сдѣлаться новымъ затрудненіемъ при переселеніяхъ.

Въ настоящее время удобно было бы руководить дѣломъ переселенія, опредѣляя число и размѣръ участковъ, подлежащихъ отводу подъ поселенія, и распредѣляя между густонаселенными губерніями число людей, могущихъ ежегодно получать новое поземельное устройство. При этомъ разумѣется необходимо также, чтобы дѣло не было предоставлено главнымъ образомъ вліянію мѣстныхъ чиновниковъ, небрежность которыхъ иногда заставляетъ переселенцевъ терпѣть напрасныя лишенія и получать не совсѣмъ удобныя земли, при полной возможности этого избѣгнуть. Сознаніе важности дѣла переселеній, разумѣется, предполагаетъ мысль о необходимости болѣе живого контроля надъ ходомъ дѣла, участія въ дѣлѣ болѣе живыхъ элементовъ и возможной гласности. Что все недавно имѣло мѣсто въ отношеніи къ крестьянскому дѣлу. Дѣлу переселеній могли бы пособить, кромѣ правительственныхъ органовъ, и представители земства, хорошо знакомые съ мѣстностью, ея средствами и нуждами.

Въ настоящемъ дѣлѣ чувствуется и за статистикою недоимка, которую слѣдовало бы ей начать пополнять. Пора обстоятельнѣе заняться собираніемъ данныхъ о тѣхъ живыхъ явленіяхъ сельской жизни, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ. Подоб

Digitized by Google

ныя данныя помогли бы разрѣшенію вопроса о переселеніяхъ, между тѣмъ какъ теперь отсутствіе ихъ мѣшаетъ даже полному выясненію этого вопроса. Изслѣдователямъ сельскаго быта, работающимъ по собственной иниціативѣ или посылаемымъ отъ ученыхъ обществъ, можно посовѣтовать почаще посѣщать крестьянскія волости, изъ дѣлопроизводства которыхъ можно извлекать цѣнныя и вполнѣ достовѣрныя данныя: о стоимости земель, о цѣнахъ труда, о числѣ безземельныхъ, объ основаніяхъ сдѣлокъ при наймахъ въ работы, о числѣ работниковъ, уходящихъ въ чужія губерніи, о размѣрѣ получаемаго этими людьми вознагражденія и т. под. Подобныя данныя будутъ надежнѣе многихъ частныхъ показаній, такъ какъ они будутъ почерпаться прямо изъ источника, или—иначе сказать—будутъ взяты прямо изъ жизни.

Заключимъ нижеслѣдующими словами: дѣло свободнаго передвиженія населенія—вопросъ важный, созрѣвшій, неотложный, для многихъ—вопросъ насущнаго хлѣба, а для страны—вопросъ экономическаго преуспѣянія.

Ѳ. Воропоновъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ

I.

НА РОДИНѢ.

1.

На дальнемъ горизонтѣ,
Какъ призракъ роковой,
Встаетъ знакомый городъ,
Окутанъ сизой мглой.

Колышетъ вѣтеръ влажный
Равнину мутныхъ водъ;
Печальнымъ, мѣрнымъ взмахомъ
Мой лодочникъ гребётъ.

И солнце, на прощанье,
Бросаетъ снопъ лучей
На мѣсто, гдѣ разстался
Я съ милою своей.

2.

Привѣтъ тебѣ, громадный городъ!
Въ стѣнахъ таинственныхъ своихъ,
Скрывалъ ты нѣкогда подругу
Веселыхъ, юныхъ дней моихъ.

Digitized by Google

Скажите башни и ворота:
Гдѣ нынѣ милая моя?
Порукою мнѣ вы служили:
Ее вѣдь вамъ довѣрилъ я.

Невинны башни: какъ могли бы
Онѣ вслѣдъ милой побѣжать...
Картонки милой, чемоданы
И милую мою нагнать.

Но эти глупыя ворота,
Они похожи на людей,
И устоять предъ милой дурой
Отъ нихъ и требовать не смѣй.

3.

Старой дорогой, избитой тропой
Бреду я вдоль улицъ уныло...
Вотъ и дошелъ до жилища я той,
Что счастье въ быломъ мнѣ сулила.

Домъ опустѣлъ и заброшенъ стоитъ,
И все меня мучитъ здѣсь больно...
Камень дороги несносно избитъ...
Я шагъ ускоряю невольно.

4.

Зашелъ я поглядѣть на стѣны,
Свидѣтелей ея измѣны...
Гдѣ капли слезъ ея лились,
Тамъ змѣи нынѣ развелись.

5.

Замерли улицы, городъ весь спитъ,
Полночь глухая надъ міромъ царитъ...
Вижу я домъ, гдѣ когда-то жила
Та, что мнѣ радостью жизни была.

Digitized by Google

Нѣтъ ея здѣсь. Но стоитъ, какъ стоялъ
Домъ. Передъ домомъ угрюмъ, одичалъ,
Призракъ какой-то, въ жестокой борьбѣ
Руки ломаетъ и бродитъ въ тоскѣ.

Мѣсяца свѣтомъ залитъ его ликъ
Кажется сумраченъ, блѣденъ и дикъ...
Страшно мнѣ, страшно глядѣть на него:
Въ немъ узнаю я себя самого.

Призракъ печальный, мой страшный двойникъ!
Какъ ты любви моей тайну проникъ—
Тайну, подругу безсонныхъ ночей?
Что же теперь ты глумишься надъ ней!

6.

Какъ можешь спокойно ты спать?
Что живъ я — должна же ты знать!
И если въ душѣ моей гнѣвъ пробудится,
Она своей долѣ едваль покорится!

Ты пѣсни старинной разсказъ
Слыхала, конечно, не разъ?
Какъ мертвый женихъ, полуночной порою,
Въ могилу невѣсту увлекъ за собою.

Повѣрь же малютка-краса,
Порукой мнѣ въ томъ небеса:
Я живъ, и владѣю я бо́льшею силой,
Чѣмъ всѣ обитатели темной могилы.

Digitized by Google

II.

ЛОРЕЛЕЯ.

Баллада.

Не знаю я, право, что́ сталось со мною?
Томитъ мою душу печаль.
А старая сказка тревожной мечтою
Уноситъ въ забытую даль.

Прохлада и сумракъ. И Рейнъ величавый
Катится на дальній просторъ;
Заката лучами, какъ ризой кровавой,
Вершины одѣлися горъ.

Красавица-дѣва сидитъ на утесѣ,
На ней ожерелье горитъ,
И чешетъ она золотистыя косы,
Въ рукахъ ея гребень блеститъ.

И косы она золотистыя чешетъ,
И чудную пѣсню поетъ.
Напѣвъ тотъ властителенъ: душу онъ нѣжитъ,
И скорбію сердце гнететъ.

Заслышитъ пловецъ эту пѣсню, и жгучей
Охваченъ онъ сразу тоской,
Не думаетъ больше о безднѣ зыбучей,
А смотритъ на берегъ крутой.

Сдается мнѣ: бездна умчитъ, не жалѣя,
Пловца съ его утлой ладьей...
Не даромъ, не даромъ поетъ Лорелея:
Грозитъ ему пѣсня бѣдой.

—дтъ.

Digitized by Google

ПЕРВАЯ ИМПЕРІЯ

НАКАНУНѢ

ПАДЕНІЯ

1810—1812 гг.

P. Lanfrey, Histoire de Napoléon I. Tome cinquième. Paris, 1875.

Первые томы «Исторіи Наполеона I-го» Ланфре появились въ свѣтъ лѣтъ семь или восемь тому назадъ, когда наполеоновскій режимъ былъ еще въ полномъ цвѣту, когда никто не ожидалъ скораго его паденія, но оппозиція противъ него становилась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Враги второй имперіи, вездѣ собирая оружіе для борьбы съ нею, старались, между прочимъ, поразить ее именно въ томъ, чему она въ значительной степени была обязана своимъ успѣхомъ—въ обаяніи и славѣ основателя наполеоновской династіи. Въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи, исторія и поэзія—не предвидя, конечно, всѣхъ послѣдствій своего дѣла—создали наполеоновскую легенду; теперь онѣ же принялись за разрушеніе ея. Попытки въ этомъ направленіи были дѣлаемы и раньше; но онѣ проходили почти безслѣдно, пока вражда ко второй имперіи не стала источникомъ ретроспективной ненависти противъ перваго императора. Пѣсни Беранже, историческій трудъ или, лучше сказать, историческая поэма Тьера долго оставались безъ достаточно сильнаго противовѣса; только Кинé, Шаррá, Барни, Эркманнъ-Шат-

Digitized by Google

ріанъ положили прочное начало развѣнчанію народнаго кумира. Ту же цѣль преслѣдовалъ и Ланфре, приступая къ составленію «Исторіи Наполеона I-го». При Наполеонѣ III онъ успѣлъ издать четыре тома этого сочиненія и довести его до 1809 года. Прусско-французская война, затѣмъ дипломатическая дѣятельность отвлекли на время Ланфре отъ предпринятой имъ работы; но паденіе Тьера возвратило его къ ней, заставивъ его отказаться отъ званія посланника при швейцарскомъ союзѣ. Хотя имперія болѣе не существуетъ, сочиненіе Ланфре имѣетъ, какъ и прежде, не одно только чисто-историческое, но и политическое значеніе. Бонапартизмъ еще слишкомъ силенъ, чтобы борьба противъ него могла ослабѣть или прекратиться; значеніе его все еще основывается отчасти на преданіяхъ первой имперіи. Возстановивъ въ его настоящемъ видѣ образъ Наполеона I, разсѣявъ облака, за которыми онъ такъ долго скрывался, французская историческая наука сдѣлаетъ все зависящее отъ нея, чтобы предупредить третью побѣду бонапартизма.

Ошибочно было бы, впрочемъ, предполагать, что сочиненіе Ланфре—не что иное, какъ обвинительный актъ противъ памяти Наполеона I, или полемическій отвѣтъ его панегиристамъ. Правда, Ланфре постоянно думаетъ о томъ, какъ бы извлечь изъ прошедшаго урокъ для настоящаго и для будущаго; онъ подчеркиваетъ, если можно такъ выразиться, всѣ ошибки, всѣ безумства, всѣ преступленія Наполеона I, останавливается по нѣсколько разъ на каждомъ вредномъ послѣдствіи его системы, мѣняетъ иногда роль историка на роль публициста, усиленно старается доказать свою основную мысль, точно боясь, что она ускользнетъ отъ вниманія читателей. Но это не мѣшаетъ ему заботиться о полнотѣ и точности разсказа, не мѣшаетъ ему даже отдавать справедливость военному генію, административнымъ талантамъ Наполеона I. Онъ подкрѣпляетъ свои сужденія, гдѣ это только возможно, ссылкою на собственныя слова Наполеона. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важнымъ пособіемъ для историка служитъ корреспонденція Наполеона I, изданная во время второй имперіи особою коммиссіею, дѣйствовавшею по порученію и подъ надзоромъ самого императора. Не трудно догадаться, что изданію, исполненному при такихъ условіяхъ, недостаетъ полноты и критическаго, даже просто добросовѣстнаго отношенія къ предмету: многія письма Наполеона I, уже слишкомъ откровенныя, вовсе не включены въ оффиціальное изданіе, въ составъ котораго вошли за то письма явно подложныя, со-

Digitized by Google

чиненныя заднимъ числомъ, съ опредѣленною цѣлью [1]). По собственнымъ словамъ коммиссіи, она печатала только тѣ письма, которыя не затруднился бы предать гласности самъ Наполеонъ I. Несмотря на такое своеобразное пониманіе своей задачи, коммиссія вывела на свѣтъ множество драгоцѣнныхъ данныхъ, которыми на каждомъ шагу пользуется Ланфре, конечно не для прославленія императора. Въ умѣньи искажать и скрывать истину, отрекаться отъ собственныхъ своихъ приказаній, взваливать отвѣтственность на другихъ, бывшихъ только исполнителями его воли, Наполеонъ I имѣетъ немногихъ соперниковъ; ему удавалось весьма часто вводить въ обманъ не только современниковъ, но и потомство. Но, подобно Филиппу II, онъ слишкомъ любилъ писать—и объ этотъ подводный камень разбивается теперь мало-по-малу его слава. Его корреспонденція является свидѣтелемъ противъ него, запоздалымъ, но тѣмъ болѣе опаснымъ, что о пристрастіи или неточности ея показаній не можетъ быть и рѣчи. Какую цѣну могутъ имѣть, напримѣръ, неоднократныя увѣренія Наполеона, что папа былъ арестованъ безъ его вѣдома и разрѣшенія, въ виду письма его къ Мюрату, отъ 19-го іюня 1809 г., въ которомъ онъ приказываетъ арестовать папу? Правда, приказаніе это дано условно, но условіе, отъ котораго должно было зависѣть его исполненіе, наступило—и Міоллису, командовавшему французскими войсками въ Римѣ, не оставалось ничего другого, какъ повиноваться. Мелкія притѣсненія, которымъ подвергался папа во время заточенія въ Савонѣ, приписывались обыкновенно агентамъ Наполеона; переписка его доказываетъ, что они были личнымъ его дѣломъ. Воспоминаніе о нихъ не помѣшало однако Наполеону горько жаловаться на гораздо меньшія стѣсненія, которыя онъ испытывалъ на островѣ св. Елены. 28-го мая 1809 года, послѣ вытѣсненія австрійцевъ изъ Италіи, Наполеонъ, въ оффиціальномъ бюллетенѣ, расточаетъ самыя пышныя похвалы вѣрности и преданности итальянцевъ; «народы Италіи,—говоритъ онъ,—держали себя (во время нашествія австрійцевъ) такъ, какъ могли бы держать себя народы Эльзаса, Нормандіи или Дофине. Во время отступленія нашихъ солдатъ, они напутствовали ихъ сочувствіемъ и слезами! Прокламаціи эрцгерцога Іоанна внушили имъ только презрѣніе. Изъ семи милліоновъ итальянцевъ только трое не устояли противъ непріятельскихъ искушеній». А между тѣмъ, *въ тотъ же самый день* Наполеонъ пишетъ вице-королю итальянскому, Евгенію Богарне,

[1]) Любопытный примѣръ такой поддѣлки см. у Ланфре, на стр. 271—273.

Digitized by Google

конфиденціальное письмо слѣдующаго содержанія: «если въ Падуѣ есть семейство, дурно державшее себя (qui se soit mal comportée),—т.-е. склонившееся на сторону австрійцевъ, — я хочу *истребить его поголовно* (la détruire de fond en comble), включая отца, братьевъ, двоюродныхъ братьевъ, чтобы оно служило примѣромъ въ лѣтописяхъ Падуи. Исполняйте съ бо́льшею, чѣмъ когда-либо, строгостью декретъ объ итальянцахъ, взявшихся за оружіе противъ васъ». Непрочна же была надежда императора на вѣрность *народовъ Италіи*, если для поддержанія этого чувства онъ считалъ нужнымъ прибѣгнуть къ поголовному избіенію *дурно державшихъ себя* итальянцевъ.

Холодная, обдуманная жестокость, которою дышетъ только-что приведенное письмо къ принцу Евгенію, составляетъ вообще отличительную черту характера Наполеона I. Знаменитый вождь тирольцевъ во время войны 1809 году, Андрей Гоферъ, внушалъ уваженіе даже своимъ противникамъ; единственной виной его былъ пламенный патріотизмъ, направленный притомъ не столько противъ Франціи, сколько противъ Баваріи, которой Наполеонъ I хотѣлъ, во что бы то ни стало, подчинить Тироль. Когда Гоферъ, уже послѣ окончанія войны, былъ схваченъ и привезенъ въ Италію, вице-король, желая спасти его жизнь, не отправилъ его въ Парижъ, вопреки волѣ императора; но какъ только Наполеонъ узналъ объ этомъ, онъ написалъ Евгенію письмо, не вошедшее въ составъ оффиціальнаго изданія его корреспонденціи,—съ формальнымъ приказомъ созвать военный судъ и въ двадцать четыре часа *осудить и разстрѣлять* Гофера [1]). Приговоръ суда былъ, такимъ образомъ, написанъ какъ-бы подъ диктовку императора, въ глазахъ котораго судьи никогда не были чѣмъ-либо инымъ, какъ слѣпыми исполнителями его воли. Чтобы сохранить неприкосновенной славу французскаго оружія, Наполеонъ выставлялъ всякую его неудачу результатомъ измѣны или трусости отдѣльнаго лица, которое и должно было нести — все равно, заслуженно или незаслуженно — всю тяжесть отвѣтственности за ошибки и слабыя стороны императорской системы. Послушнымъ орудіемъ императора и въ этихъ случаяхъ служилъ военный судъ. Въ апрѣлѣ 1809 г. французская эскадра, блокируемая англичанами въ Рошфорскомъ портѣ, подвергается

[1]) Замѣчательно, что приказъ разстрѣлять Гофера былъ данъ 11-го февраля 1810 г., а за четыре дня передъ тѣмъ, 7-го февраля, былъ подписанъ свадебный контрактъ Наполеона и Маріи-Луизы, дочери того монарха, за котораго сражался Гоферъ!

Digitized by Google

нападенію, которое, вслѣдствіе нераспорядительности французскаго адмирала и въ особенности вслѣдствіе неудачнаго выбора—высшею властью — мѣста для расположенія эскадры, чуть-было не оканчивается совершеннымъ ея истребленіемъ. Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать общія причины катастрофы, приказываетъ судить съ величайшею строгостью одного изъ капитановъ, виновнаго только въ неисполненіи буквы закона — и товарищи подсудимаго, вполнѣ сознавая его невинность, скрѣпя сердце приговариваютъ его къ смерти. Крѣпость Флиссингенъ сдается англичанамъ, во время валхернской экспедиціи, послѣ трехдневной сильнѣйшей бомбардировки, сдѣлавшей дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ; но такъ какъ Наполеонъ, въ нѣсколькихъ бюллетеняхъ, называлъ Флиссингенъ неприступнымъ, то, не ожидая подробныхъ донесеній, не собирая никакихъ свѣдѣній, онъ не задумывается приписать сдачу крѣпости измѣнѣ ея коменданта, генерала Монне—вѣдь иначе ему пришлось бы сознаться въ ошибкѣ!—и приказываетъ печатать въ газетахъ статьи, написанныя въ этомъ смыслѣ. Само собою разумѣется, что послѣ такого предрѣшенія вопроса военному суду не оставалось ничего другого, какъ произнести надъ Монне смертный приговоръ, отъ исполненія котораго онъ спасся только бѣгствомъ.

Эпоха, которой посвященъ пятый томъ сочиненія Ланфре—кульминаціонный пунктъ могущества Наполеона I-го, и вмѣстѣ съ тѣмъ время сравнительно мирное, такъ какъ въ 1810 и 1811 гг. военныя дѣйствія на континентѣ Европы (помимо войны Россіи съ Турціей, въ которой Франція участія не принимала) продолжались только въ Испаніи. Какъ же воспользовался Наполеонъ этимъ моментомъ, столь благопріятнымъ для мирныхъ преобразованій, для смягченія гнета, тяготѣвшаго надъ Франціей? Не говоримъ уже о томъ, что онъ и въ это время постоянно создавалъ новые поводы къ будущимъ войнамъ, произвольно присоединяя къ своей имперіи то Голландію, то Валлискій кантонъ, то сѣверо-западную часть Германіи между Эмсомъ и Эльбой, оскорбляя Россію, выводя изъ терпѣнія Пруссію и не удовлетворяя Австрію, насильственно подчиняя Европу всѣмъ невыгодамъ континентальной системы; и во внутренней его политикѣ деспотизмъ точно такъ же не зналъ мѣры и границы, какъ и во внѣшней. Отъ участія народа въ государственныхъ дѣлахъ остался, со времени уничтоженія трибуната, одинъ только блѣдный призракъ—законодательный корпусъ, нѣмой, смиренный, послушный; но Наполеонъ тяготится и этой пародіей на народное представительство, отсрочиваетъ, насколько возможно, созваніе законодатель-

Digitized by Google

наго корпуса, предлагаетъ на его обсужденіе—кромѣ кодексовъ, составленныхъ государственнымъ совѣтомъ—только законы второстепенной важности, издавая остальные въ формѣ сенатскихъ постановленій, даетъ ему въ президенты своего оберъ-каммергера, Монтескью. На основаніи конституціи, законодательный корпусъ долженъ былъ обновляться по частямъ, въ размѣрѣ одной пятой ежегодно; сенатъ, по приказанію императора, продолжаетъ на одинъ годъ полномочіе тѣхъ депутатовъ, срокъ дѣятельности которыхъ оканчивался въ 1809 г. Департаменты, вновь присоединенные къ имперіи, должны были выбрать отъ себя депутатовъ въ законодательный корпусъ; сенатское постановленіе освобождаетъ ихъ отъ избирательныхъ тревогъ, предоставляя назначеніе этихъ депутатовъ усмотрѣнію сената. Оффиціальный отчетъ о двухъ сессіяхъ законодательнаго корпуса, 1809 и 1810 гг., не составляетъ, по объему, и двадцатой части отчета объ одной изъ современныхъ парламентскихъ сессій; между тѣмъ онъ наполненъ на половину разборомъ сочиненій, посвященныхъ авторами законодательному корпусу, съ очевидною цѣлью уменьшить хоть сколько-нибудь избытокъ его досуга. Въ 1811 г. бюджетъ былъ разсмотрѣнъ и принятъ законодательнымъ корпусомъ въ одно засѣданіе, по докладу, состоявшему изъ нѣсколькихъ строкъ, и *безъ всякихъ преній*. Въ 1810 г., при обсужденіи уголовнаго кодекса—которое едва ли даже можетъ быть названо обсужденіемъ, потому что предметомъ преній были не отдѣльныя статьи, а цѣлыя главы—никто не возвысилъ голоса противъ включенія конфискаціи въ число наказаній, хотя въ то время не было ни одного криминалиста, который бы не отвергалъ ея въ теоріи, хотя сами легисты государственнаго совѣта уступили въ этомъ отношеніи только прямо выраженной волѣ императора. Безмолвнымъ протестомъ противъ конфискаціи послужили только 35 голосовъ, поданныхъ противъ той главы кодекса, которою она устанавливалась; за нее было подано 225 голосовъ.

Въ то самое время, когда законодательному корпусу недоставало занятій, когда онъ вяло разсуждалъ о томъ, слѣдуетъ ли разрѣшить той или другой общинѣ продажу небольшого участка изъ принадлежащей ей земли, Наполеонъ издавалъ собственною властью декреты, касавшіеся самыхъ важныхъ сторонъ общественной жизни. Съ самаго начала его управленія произвольный арестъ, безъ суда, лицъ, почему-нибудь опасныхъ или непріятныхъ для правительства, и долговременное содержаніе ихъ подъ стражей были явленіями весьма обыкновенными; но въ 1810 г. онъ пожелалъ, почему-то, придать подобнымъ мѣрамъ внѣшній видъ

Digitized by Google

законности, и приказалъ государственному совѣту составить проектъ декрета о *государственныхъ тюрьмахъ* (prisons d'état), т.-е. о мѣстахъ заключенія государственныхъ преступниковъ, предпославъ ему страницы двѣ соображеній, въ которыхъ высказывались бы *либеральныя идеи* (il me faut deux pages de considérants qui contiennent des idées libérales)! «Вотъ одно изъ тѣхъ характеристическихъ словъ, — говоритъ по этому поводу Ланфре, — которыми, больше можетъ быть чѣмъ побѣдами, объясняется удивительное возвышеніе Наполеона I и необыкновенное вліяніе его на французовъ. Да, онъ слишкомъ хорошо зналъ эту несчастную націю, постоянно поддающуюся на обманъ громкихъ словъ и готовую слѣдовать за всякимъ шарлатаномъ! Какими дивирамбами, какими потоками негодованія она огласила свѣтъ по поводу Бастильи, сколько крови пролила, чтобы ее разрушить, какъ высоко превознесла ея побѣдителей! Теперь идетъ рѣчь не о возстановленіи сравнительно безобидной Бастильи слабаго короля Людовика XVI; теперь создается восемь бастилій, распредѣленныхъ по всей поверхности государства, состоящихъ въ полномъ распоряженіи неумолимой, склонной къ подозрѣніямъ власти; но онѣ создаются во имя либеральныхъ идей — и этого довольно, всѣ преклоняются передъ ними, нигдѣ не слышно ни ропота, ни протеста». Намъ кажется, что въ этихъ словахъ Ланфре есть нѣкоторое преувеличеніе. Безспорно, французы всегда были расположены увлекаться фразами и забывать изъ-за нихъ о сущности дѣла; но есть случаи, когда эта сущность слишкомъ очевидна и не можетъ быть ничѣмъ разукрашена и прикрыта. Молчаніе, съ которымъ встрѣченъ былъ обществомъ декретъ о государственныхъ тюрьмахъ, объясняется не либеральными соображеніями, которыми онъ былъ мотивированъ, а общимъ въ то время равнодушіемъ къ свободѣ, къ политической жизни, отсутствіемъ общественнаго мнѣнія и органовъ, въ которыхъ оно могло бы безпрепятственно выражаться. Всѣ умы, сколько-нибудь независимые, не окончательно ослѣпленные блескомъ военной славы и обаяніемъ силы, безъ сомнѣнія поняли, какъ нельзя лучше, значеніе и цѣль декрета; но гдѣ и какимъ образомъ они могли протестовать противъ него? При такомъ положеніи дѣлъ, какое тогда существовало во Франціи, молчаніе отнюдь не можетъ быть безусловно принимаемо за знакъ согласія и одобренія [1].

---

[1]) Мнимый *либерализмъ* декрета о государственныхъ тюрьмахъ заключался и томъ, что для ареста безъ суда требовалось постановленіе тайнаго совѣта (составленнаго изъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ императору), по докладу министра юстиціи

Digitized by Google

Одновременно съ декретомъ о государственныхъ тюрьмахъ былъ обнародованъ декретъ о книгопечатаніи, поставившій его подъ надзоръ особаго управленія по дѣламъ печати, учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и установившій *факультативную* цензуру, т.-е. предоставившій авторамъ, если они пожелаютъ, подвергать свои сочиненія предварительному просмотру цензора. Одобреніе цензора не лишало однако министра полиціи даннаго ему вообще права задержать отпечатанное сочиненіе и представить его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, отъ котораго должна была зависѣть окончательная судьба его. Какъ ни велика была власть или, лучше сказать, произволъ, предоставленный администраціи этимъ декретомъ, порядокъ, установленный имъ, былъ нарушенъ вслѣдъ за его изданіемъ. Сочиненіе madame де-Сталь: «De l'Allemagne», было отпечатано съ разрѣшенія цензора, исключившаго изъ него множество отдѣльныхъ мѣстъ, даже самыхъ невинныхъ [1]); тѣмъ не менѣе оно было задержано по распоряженію министра полиціи и *немедленно* уничтожено, безъ представленія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; самой сочинительницѣ было приказано оставить Францію въ двадцать-четыре часа. Въ письмѣ министра полиціи на ея имя, написанномъ въ неприлично-грубомъ тонѣ, мотивомъ запрещенія книги былъ выставленъ замѣченный въ ней недостатокъ патріотизма (nous n'en sommes pas réduits à chercher des modèles dans les peuples que vous admirez; *votre ouvrage n'est pas français*).

Въ положеніи періодической печати, крайне тяжеломъ съ самыхъ первыхъ дней консульства, также произошла значительная перемѣна къ худшему. Было рѣшено, чтобы въ каждомъ департаментѣ, кромѣ Сенскаго (т.-е. Парижа), издавалась только одна газета, подъ непосредственнымъ надзоромъ и съ одобренія префекта; другими словами, въ провинціи могли отнынѣ существовать только оффиціальныя газеты. На доходы съ парижскихъ газетъ былъ наложенъ высокій налогъ въ видѣ пенсій въ 6, 8, 10 тысячъ франковъ, которыя издатели обязаны были платить литераторамъ или ученымъ, пользовавшимся благосклонностью Наполеона. Печальной характеристикой эпохи служитъ принятіе по-

---

ціи полиціи, и что списокъ арестованныхъ подвергался ежегодно пересмотру того же совѣта. Само собою разумѣется, что и то, и другое было не гарантіей, а пустою формальностью, которая притомъ на практикѣ вовсе не соблюдалась.

[1]) Такъ напримѣръ, зачеркнута была фраза: „Парижъ—такое мѣсто, гдѣ всего менѣе можно обойтись безъ счастья". Цензора вѣроятно возмутила или испугала мысль, что живя въ Парижѣ, можно не быть счастливымъ.

Digitized by Google

добныхъ пенсій такими людьми, какъ Монжъ, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерръ, Мари-Жозефъ Шенье. Нѣсколько времени спустя Наполеонъ сталъ еще менѣе церемониться съ правами издателей; онъ сталъ дарить своимъ приближеннымъ право собственности на газету, отнятое, безъ всякаго вознагражденія, у прежняго владѣльца.

Лишенная всякой самостоятельности, поставленная въ безусловную зависимость отъ власти, литература, по мысли Наполеона, должна была сдѣлаться однимъ изъ орудій управленія, занятіе ею—какъ-бы одною изъ отраслей государственной службы [1]). То же желаніе сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ средства дѣйствія на умы, всѣ главные источники нравственнаго вліянія, руководило Наполеономъ въ борьбѣ его противъ папы. Успѣшное окончаніе этой борьбы привело бы къ такому порабощенію умовъ, къ такому всемогуществу одного лица, какого не знали даже средніе вѣка. «Парижъ,—восклицаетъ самъ Наполеонъ,—сдѣлался бы столицей христіанства; я руководилъ бы религіознымъ міромъ, точно также какъ и міромъ политическимъ. У меня были бы свои религіозныя, какъ и свои законодательныя сессіи. *Мои* соборы были бы представительствомъ христіанства, папы — только предсѣдателями ихъ. Я сдѣлалъ бы изъ папы идола, онъ всегда былъ бы рядомъ со мною»... Понятно, что, созывая въ 1811 г. соборъ французскихъ и итальянскихъ епископовъ, Наполеонъ имѣлъ въ виду не возвращеніе къ первобытному церковному самоуправленію, не освобожденіе церкви, а новое подчиненіе ея, еще болѣе тяжкое, чѣмъ прежнее. При первой попыткѣ сопротивленія со стороны членовъ собора, Наполеонъ закрылъ его засѣданія, приказалъ арестовать главныхъ руководителей оппозиціи и заставилъ большинство епископовъ подписать декретъ, согласный съ видами императора. Посредникомъ между Наполеономъ и епископами былъ при этомъ.... министръ полиціи!

Унизивъ и обезсиливъ законодательныя собранія, задавивъ печать, сломивъ, по крайней мѣрѣ повидимому, сопротивленіе духовенства, Наполеонъ дошелъ до того, что не могъ переносить возраженій даже со стороны самыхъ близкихъ ему лицъ: онъ хотѣлъ и требовалъ отъ нихъ одобренія, самое молчаніе ихъ казалось ему косвеннымъ протестомъ противъ его воли. Изъ числа его министровъ двое чувствовали въ себѣ способность и силу

[1]) Не только журнальныя статьи, но и многія книги писались по заказу императора — напр. книга Дону: „Essai sur le pouvoir temporel des papes", цѣлью которой было приготовленіе общества къ уничтоженію свѣтской власти папы.

Digitized by Google

быть чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ простыми секретарями императора; это были Талейранъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, и Фуше, министръ полиціи — люди безъ убѣжденій, безъ политической честности, но созрѣвшіе среди бурь революціи, привыкшіе къ самостоятельной дѣятельности, относившіеся критически ко всему, даже къ личности своего повелителя. Такимъ людямъ теперь не было больше мѣста въ кабинетѣ Наполеона [1]). Съ Талейраномъ онъ разстался еще въ 1808 г., по поводу испанскихъ дѣлъ, и замѣнилъ его Шампаньи, безцвѣтнымъ, но послушнымъ. Три года спустя Шампаньи, молчаливый и сдержанный отъ природы, оказался недостаточно пламеннымъ поклонникомъ всѣхъ плановъ и мнѣній Наполеона, и въ свою очередь былъ замѣненъ Маре, герцогомъ Бассано. Въ качествѣ секретаря императора, Маре давно привыкъ къ точной передачѣ его мыслей, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспиталъ въ себѣ восторженное удивленіе къ генію императора, безусловную вѣру въ его непогрѣшимость. Умѣрять, сдерживать его порывы, служить посредникомъ между нимъ и иностранными дипломатами Маре былъ рѣшительно неспособенъ. Французская дипломатія, много потерявшая уже съ отставкой Талейрана, сдѣлалась теперь непосредственнымъ отраженіемъ насилія и непослѣдовательности, которыми отличался императоръ. Нѣсколько раньше увольненія Шампаньи, министромъ полиціи, на мѣсто Фуше, былъ назначенъ Савари, герцогъ Ровиго, *исполнитель* (homme d'exécution), какъ его называлъ Наполеонъ, *мамелюкъ*, какъ его называли въ обществѣ, пріобрѣвшій печальную извѣстность тою ролью, которую онъ игралъ въ двухъ постыдныхъ эпизодахъ управленія Наполеона — въ казни герцога Энгіенскаго и въ арестованіи наслѣднаго принца испанскаго, Фердинанда. Впечатлѣніе, произведенное назначеніемъ Савари, было самое тяжелое; онъ самъ признаетъ это въ своихъ мемуарахъ. «Я всѣмъ внушалъ страхъ,—говоритъ онъ: — многіе стали приготовляться къ бѣгству; со всѣхъ сторонъ шли слухи о предстоящихъ изгнаніяхъ, арестахъ или чемъ-то еще худшемъ; однимъ словомъ, извѣстіе о появленіи чумы испугало бы не больше, чѣмъ

---

[1]) Морской министръ, Декре, также не принадлежалъ къ числу слѣпыхъ почитателей Наполеона; уже въ 1810 г., въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Мармономъ, онъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „императоръ — безумецъ, который погубитъ всѣхъ насъ; все это окончится страшною катастрофой“ (l'empereur est fou, tout à fait fou, il nous culbutera tous tant que nous sommes, et tout cela finira par une épouvantable catastrophe). Но по самому свойству своихъ обязанностей, Декре рѣдко приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ императоромъ, и потому могъ сохранить свое мѣсто дольше Фуше и Талейрана.

Digitized by Google

вѣсть о моемъ назначеніи». Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, даже Фуше пріобрѣлъ нѣчто въ родѣ ретроспективной популярности; всѣ знали, что онъ во многихъ случаяхъ смягчалъ, при исполненіи, слишкомъ строгія приказанія Наполеона и предупреждалъ, искусною медленностью, цѣлый рядъ безполезныхъ и жестокихъ преслѣдованій. Самый скептицизмъ его, циническій и насмѣшливый, его знаніе людей и обстоятельствъ, его старые революціонные инстинкты служили гарантіей нѣкоторой независимости, которой напрасно было бы ожидать отъ «мамелюка», безгранично преданнаго и безусловно послушнаго. Съ назначеніемъ Савари можно сравнить только назначеніе генерала Эспинасса министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1858 г., послѣ покушенія Орсини на жизнь Наполеона III; но Эспинассъ былъ назначенъ въ моментъ всеобщей паники, Савари — среди глубокаго спокойствія; Эспинассъ былъ уволенъ отъ должности черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, · какъ только паника миновала, Савари оставался на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, чуть ли не до самаго паденія имперіи.

Деспотизму Наполеона соотвѣтствовало вполнѣ раболѣпство — конечно, смѣшанное съ лицемѣріемъ — и подобострастіе лицъ и учрежденій, его окружавшихъ. Никогда, кажется, французскіе государственные люди не говорили такимъ языкомъ, какъ въ эти годы высшаго могущества первой имперіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно прочесть въ подлинникѣ поздравленія сената, законодательнаго корпуса, государственнаго совѣта по поводу брака Наполеона съ Маріей-Луизой или по поводу рожденія императорскаго принца. «Ваши народы, — говоритъ президентъ сената,—привѣтствуютъ эту новую звѣзду (новорожденнаго принца), взошедшую надъ горизонтомъ Франціи; первый лучъ ея разсѣеваетъ послѣднія тѣни мрака, покрывавшаго будущее». Президентъ законодательнаго корпуса, созваннаго два мѣсяца спустя послѣ рожденія принца, отправляется, во главѣ депутаціи, поздравить новорожденнаго, и даетъ своимъ товарищамъ слѣдующій отчетъ въ исполненіи этого порученія: «мы выразили ему ваши нѣжныя чувства, вмѣстѣ съ тѣми пожеланіями, которыя можетъ внушить наша любовь къ собственнымъ нашимъ дѣтямъ. Насъ приняла и благодарила отъ имени юнаго принца его гувернантка, жалѣя, безъ сомнѣнія, о невозможности присоединить къ выраженію своихъ собственныхъ чувствъ выраженіе личныхъ чувствъ принца». Даже и помимо такихъ торжественныхъ случаевъ, оффиціальные ораторы не знали мѣры въ своемъ паѳосѣ, когда говорили о Наполеонѣ; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, назвалъ его «провидѣніемъ Франціи». Удивляться л

Digitized by Google

ному, впрочемъ, если католическій епископъ, потомокъ древней фамиліи Рогановъ, обращался къ Наполеону, испрашивая у него какую-то милость, какъ къ своему «божественному покровителю» (le grand Napoléon est mon Dieu tutélaire)?

Каково же было въ это время дѣйствительное положеніе народа, *провидѣнію* котораго расточались такія восторженныя похвалы? Не говоря уже о неувѣренности въ будущемъ, о постоянномъ страхѣ новыхъ войнъ, — и настоящее было далеко неутѣшительно. Несмотря на громадныя контрибуціи, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ въ императорскую казну, несмотря на то, что издержки по содержанію войскъ, расположенныхъ за предѣлами Франціи — а они составляли значительно бо́льшую часть французской арміи — упадали на страны, ими занятыя, государственные расходы постоянно возрастали; только въ бюджетѣ цифра ихъ (730 милліоновъ) оставалась неподвижной, благодаря фокусу, заключавшемуся въ томъ, что множество расходовъ, прежде считавшихся государственными и дѣйствительно имѣвшихъ этотъ характеръ (напр. содержаніе префектовъ и подпрефектовъ), были переносимы, вполнѣ или отчасти, на счетъ департаментовъ и общинъ. Континентальная система обогащала немногихъ, но была крайне тяжела для большинства; она развила до огромныхъ размѣровъ контрабанду, для подавленія которой были повсемѣстно учреждены чрезвычайные суды, съ правомъ подвергать контрабандистовъ каторжной работѣ, клейменію и даже смертной казни. Въ 1811 году надъ Франціей разразился сильнѣйшій коммерческій кризисъ, зависѣвшій непосредственно отъ торговой политики правительства; но объ измѣненіи ея Наполеонъ не хотѣлъ и слышать, и думалъ помочь злу палліативными мѣрами, которыя, конечно, оказались безуспѣшными. Безпрестанные наборы истощили населеніе; плата за наемъ охотника въ 1811 году дошла до 8,000 франковъ — а цѣнность денегъ была тогда почти вдвое больше, чѣмъ теперь; число скрывшихся бѣгствомъ отъ исполненія воинской повинности возросло въ томъ же году до восьмидесяти тысячъ. Чтобы положить конецъ этому положенію вещей, правительство прибѣгало къ такимъ явно-несправедливымъ мѣрамъ, какъ возложеніе отвѣтственности за вину бѣглеца на родителей его, братьевъ и сестеръ, на общину, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этою цѣлью сначала поселяли въ домѣ бѣглеца извѣстное число солдатъ, которыхъ долженъ былъ содержать на свой счетъ хозяинъ дома; потомъ посылались цѣлыя колонны для занятія, на тѣхъ же основаніяхъ, общины или кантона. Народъ далъ этимъ ко-

Digitized by Google

лоннамъ названіе *адскихъ* (colonnes infernales). При всей громадности жертвъ, которыхъ требовало отъ народа пополненіе войска, въ минуту внезапной опасности страна оказывалась почти беззащитной. Появленіе англійскаго десанта около устьевъ Шельды, въ 1809 году, навело паническій страхъ на весь сѣверъ Франціи; министры, кромѣ Фуше, потеряли голову (Наполеонъ былъ въ это время подъ стѣнами Вѣны); пришлось прибѣгнуть къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ мобилизація національной гвардіи, перевозка войскъ на почтовыхъ и т. п. Наконецъ, самое войско, этотъ предметъ постоянной, исключительной заботливости Наполеона, было въ это время уже далеко не тѣмъ, что́ прежде. Особенно вредно дѣйствовала на него война на Пиренейскомъ полуостровѣ, среди враждебнаго населенія, среди скрытыхъ опасностей всякаго рода, при безпрестанно отрѣзываемыхъ сообщеніяхъ, при недостаточномъ снабженіи одеждой, даже пищей. Все это, вмѣстѣ взятое, развивало въ солдатахъ привычку къ жестокости, къ грабежу, къ мародёрству, подрывало порядокъ и дисциплину. Офицеры и генералы, обогатившіеся, утомленные войною, жаждущіе спокойствія, не соединяемые общею мыслью, не поддерживаемые искреннимъ, безкорыстнымъ чувствомъ, занимались интригами, ссорились между собою, засыпали на лаврахъ. Чтобы поддержать въ нихъ единодушіе, дѣятельность и бодрость, необходима была желѣзная рука самого Наполеона — а онъ, съ самаго отъѣзда своего изъ Испаніи, въ началѣ 1809 года, не возвращался туда, хотя, послѣ заключенія мира съ Австріей, имѣлъ къ тому полную возможность. Образъ дѣйствій его относительно Испаніи представляетъ цѣлый рядъ ошибокъ, не только политическихъ, но и военныхъ, административныхъ. Онъ хочетъ руководить изъ Парижа ходомъ военныхъ дѣйствій, при условіяхъ, безпрерывно измѣняющихся и съ точностью ему неизвѣстныхъ; вмѣсто того, чтобы сосредоточить начальство въ рукахъ одного отвѣтственнаго, но самостоятельнаго лица, онъ раздробляетъ его между нѣсколькими генералами, не умѣющими или не желающими поддерживать другъ друга; вмѣсто того, чтобы возвысить авторитетъ короля Іосифа, своего брата, онъ первый подаетъ примѣръ неуваженія къ нему; изъ личной непріязни къ Журдану, онъ парализуетъ всѣ распоряженія его; изъ личной пріязни къ Сульту — поручаетъ ему командованіе надъ арміей въ то самое время, когда неудачный походъ его въ Португалію лишилъ его уваженія и довѣрія солдатъ и офицеровъ. Вдобавокъ ко всему этому, Наполеонъ не съумѣлъ понять опасности, угрожавшей ему на Пи-

Digitized by Google

ренейскомъ полуостровѣ со стороны англичанъ, не съумѣлъ распознать въ ихъ полководцѣ, Веллингтонѣ, противника, заслуживающаго серьёзнаго вниманія. Эта послѣдняя ошибка была одною изъ самыхъ фатальныхъ для Наполеона.

Сужденія Ланфре о Веллингтонѣ выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ всю разницу между новымъ французскимъ историкомъ и его предшественниками. Послѣдніе, по примѣру самого Наполеона, относились къ Веллингтону свысока, объясняли всѣ его удачи случаемъ, счастьемъ; Ланфре доказываетъ всю несостоятельность, всю смѣшную и наивную надменность такого объясненія, и отдаетъ полную справедливость благоразумію, дальновидности, гражданскому мужеству и военнымъ талантамъ Веллингтона. Въ *осторожности* его, такъ часто служившей предметомъ насмѣшекъ со стороны французскихъ писателей, Ланфре видитъ результатъ глубокихъ соображеній, не только военныхъ, но и политическихъ. Веллингтонъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно вся Европа поднимется противъ Наполеона, если только гдѣ-нибудь, хоть въ одномъ мѣстѣ, будетъ данъ примѣръ упорнаго, непрерывнаго сопротивленія его оружію, его власти [1]). Поддержать во что бы то ни стало это сопротивленіе на Пиренейскомъ полуостровѣ—такова была задача Веллингтона, тѣмъ болѣе трудная, что союзники его, испанцы и португальцы, больше мѣшали, чѣмъ помогали ему; что собственныя его силы были крайне незначительны; что англійское министерство не всегда понимало его планы и отчаявалось иногда въ его успѣхѣ; что англійское общественное мнѣніе часто упрекало его въ безлѣйствіи, въ нерѣшительности [2]), что противъ него были направляемы одинъ за другимъ, съ свѣжими силами, лучшіе маршалы Наполеона. Выдти побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій можно было только съ помощью строго обдуманной и послѣдовательно проведенной выжидательной системы, которая точно также соотвѣтствовала характеру и условіямъ испанской войны, какъ смѣлость

[1]) Вотъ подлинныя слова Веллингтона по этому предмету, взятыя изъ письма его къ одному изъ членовъ португальскаго регентства: „если намъ удастся удержаться въ Португаліи, война на Пиренейскомъ полуостровѣ не прекратится — а отъ продолженія ея зависитъ спасеніе Европы“.

[2]) „По мнѣнію всѣхъ военныхъ и невоенныхъ людей,—писалъ Веллингтону лордъ Ливерпуль въ мартѣ 1810 г.,—шансы успѣшной защиты для васъ такъ невелики, что я не смѣю совѣтовать вамъ сдѣлать попытку отчаяннаго сопротивленія“. Нѣсколько ранѣе Веллингтонъ писалъ Ливерпулю: „я знаю, что лондонскій общинный совѣтъ требуетъ назначенія слѣдствія надо мною... Я готовъ пасть жертвой этихъ людей, но ни новая опасность не пугаетъ меня, и я останусь на своемъ мѣстѣ, исполню свой долгъ до конца, чего бы мнѣ это ни стóило“.

Digitized by Google

и быстрота натиска, прославившія генерала Бонапарте — характеру и условіямъ итальянской кампаніи 1796 года. «Уже въ 1809 г.,—говоритъ Ланфре, — внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ мало извѣстномъ еще генералѣ вѣрность сужденія, холодную, неукротимую волю, большую власть надъ другими и надъ самимъ собою, заботливость о своихъ, честное отношеніе къ противникамъ, презрѣніе къ шарлатанизму, отвращеніе отъ всякаго рискованнаго предпріятія, хотя бы оно могло увеличить его славу, умѣнье принимать сраженія не иначе, какъ обезпечивъ за собою всѣ шансы успѣха, удивительное искусство въ организаціи обороны. Замѣтивъ все это, онъ понялъ бы, что Франція имѣетъ опаснаго врага, и что Англія, не переставшая еще оплакивать Питта и Нельсона, опять нашла *человѣка*». — «Въ сравненіи съ повелителемъ Европы, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — Веллингтонъ (въ 1810 г.) значилъ, повидимому, очень немного; но онъ представлялъ собою нравственную силу въ борьбѣ съ грубой силой числа и всемогущества. На его сторонѣ была не только правота дѣла, которому онъ служилъ, но и превосходство проницательности, предусмотрительности, осторожности, спокойной, непреклонной рѣшимости, большихъ результатовъ, добываемыхъ малыми средствами. Веллингтону принадлежитъ заслуженная слава перваго рѣшительнаго удара, нанесеннаго подавляющему могуществу Наполеона. Конечно, паденіе Наполеона было непосредственно вызвано войною съ Россіей; но кто знаетъ, началась ли бы эта война, еслибъ не желѣзное остріе, уже въ 1810 году введенное въ бокъ колосса и парализовавшее его движенія?»

Еще болѣе ожесточеннымъ нападеніямъ, чѣмъ Веллингтонъ, подвергался со стороны французскихъ историковъ Бернадоттъ, изъ маршаловъ Франціи сдѣлавшійся королемъ шведскимъ, изъ сподвижниковъ Наполеона — противникомъ его. Повторяя слова самого Наполеона, они утверждали, что Бернадоттъ, всѣмъ обязанный императору, заплатилъ ему самою гнусною измѣной, самою черною неблагодарностью. Ланфре остается свободнымъ и отъ этого увлеченія. Онъ доказываетъ фактами, что Наполеонъ не любилъ Бернадотта, какъ и всѣхъ другихъ генераловъ (напр. Журдана, Келлермана), не безусловно преклонявшихся передъ его величіемъ и не рѣшавшихся порвать всякую связь съ воспоминаніями революціоннаго времени. Заслугамъ Бернадотта не была отдаваема справедливость, онъ былъ нарочно отодвигаемъ на второй планъ, устраняемъ отъ дѣятельнаго участія въ предпріятіяхъ императора. Послѣ сраженія при Ваграмѣ онъ былъ

Digitized by Google

уволенъ изъ арміи—за то, что публично выразилъ благодарность своему корпусу, намѣренно забытому императоромъ въ похвалахъ дневного приказа. Въ моментъ опасности Наполеонъ вспомнилъ о немъ и поручилъ ему командованіе надъ войскомъ, собраннымъ по случаю высадки англичанъ на островѣ Валхеренѣ; но какъ только опасность миновала, Бернадоттъ былъ немедленно отозванъ отъ своего поста [1]), назначенъ губернаторомъ Рима, затѣмъ скоро лишенъ и этого званія. Кандидатура Бернадотта на шведскій престолъ возникла не только помимо Наполеона, но даже противъ его воли; его кандидатомъ былъ король датскій, о которомъ не хотѣлъ и слышать шведскій народъ. Агентъ, которому Бернадоттъ поручилъ способствовать подъ рукою избранію его въ наслѣдники короля Карла XIII, уѣхалъ въ Стокгольмъ безъ вѣдома императора; когда послѣдній узналъ объ его отъѣздѣ, онъ поспѣшилъ предупредить французскаго посланника въ Стокгольмѣ, что полномочій отъ французскаго правительства агентъ этотъ никакихъ не имѣетъ. На извѣщеніе о состоявшемся избраніи Бернадотта Наполеонъ отвѣчалъ королю сухимъ и холоднымъ письмомъ, на письма самого Бернадотта не отвѣчалъ вовсе. Если прибавить ко всему этому, что репутація Бернадотта, какъ опытнаго и искуснаго полководца, была составлена еще во время революціонныхъ войнъ, что онъ при директоріи занималъ должность военнаго министра, то вопросъ о правахъ Наполеона на благодарность Бернадотта разрѣшится самъ собою.

Безпристрастіе Ланфре выдержало испытаніе еще болѣе трудное; оно не оставило его и тогда, когда ему пришлось говорить о Германіи, о нѣмцахъ. Воспоминаніе о войнѣ 1870—71 г. тяготѣетъ, конечно, и надъ Ланфре; но оно внушаетъ ему не раздраженныя выходки противъ побѣдителей, а болѣе ясное сознаніе ошибокъ самой Франціи въ прошедшемъ, слабыхъ сторонъ ея въ настоящемъ. Уже въ предисловіи онъ проводитъ мысль, что учиться слѣдуетъ и у враговъ; что примѣръ, подаваемый ими, часто принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ уроковъ исторіи. «Затрудненіе,—говоритъ онъ,—заключается не въ томъ, чтобы выставить на видъ подобные уроки; трудно найти націю достаточно мудрую, чтобы выслушать ихъ, и достаточно мужественную, чтобы воспользоваться ими». Слова эти, очевидно, обращены къ Франціи, до сихъ поръ слишкомъ вѣрившей въ себя, въ

[1]) „Я не имѣю повода къ неудовольствію противъ принца Понте-Корво (Бернадотта), — писалъ по этому случаю Наполеонъ,—но я не счелъ возможнымъ оставить человѣка столь колеблющихся мнѣній во главѣ многочисленнаго войска".

Digitized by Google

свои силы, чтобы обращать большое вниманіе на жизнь другихъ народовъ. Состояніе умовъ во Франціи при Наполеонѣ I даетъ Ланфре поводъ указать, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ національная замкнутость, доведенная до крайнихъ предѣловъ. «Подъ вліяніемъ китайской стѣны, проведенной вокругъ насъ предразсудками и деспотизмомъ, французскій умъ обѣднѣлъ и сдѣлался безплоднымъ. Литература издыхала подъ двойнымъ гнетомъ порядка вещей, враждебнаго всякому умственному движенію, и узкаго, формалистичнаго классицизма, давно уже державшагося не блескомъ своихъ произведеній, а только своею нетерпимостью. Это была какъ-бы казенная литература, созданная по образцу тогдашняго политическаго общества, связанная условными требованіями, оффиціальными формулами, разъ навсегда принятыми типами, внѣ которыхъ не позволялось чувствовать и мыслить. Она отличалась сухостью, однообразіемъ и дисциплиной административнаго учрежденія. Напрасно было бы искать въ ней характеристическихъ признаковъ національнаго духа Франціи: она воспроизводила его устарѣлыя формы, но безъ той жизни, которою онѣ нѣкогда были одушевлены. Извѣстнѣйшіе представители ея—Делилль, Фонтанъ—соединяли большое мастерство во внѣшнихъ литературныхъ пріемахъ съ полнымъ отсутствіемъ вдохновенія. Оригинальность, силу, свѣжесть можно найти только у писателей, долго дышавшихъ другимъ воздухомъ—у Шатобріана, Жозефа де-Местра, Бенжамена Констана, madame де-Сталь. Раскрытіе новыхъ горизонтовъ, новыхъ идей и формъ, знакомство съ новыми созданіями поэзіи, драмы, философіи, исторіи, было единственнымъ средствомъ возвратить французскому уму если не прежнюю оригинальность, то по крайней мѣрѣ творческую силу. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ удивительный полетъ французской мысли въ эпоху реставраціи, какъ только пали преграды, мѣшавшія наружному воздуху проникать во Францію. Приготовить такое пробужденіе національнаго духа было цѣлью madame де-Сталь, когда она, въ сочиненіи своемъ «de l'Allemagne», изображала умственное возрожденіе Германіи въ концѣ XVIII-го вѣка, съ его новыми типами, обновленными формами красоты, живымъ чувствомъ природы, глубокимъ, хотя и страннымъ міросозерцаніемъ, однимъ словомъ, съ тѣми источниками фантазіи и мысли, которымъ имя — Гёте, Шиллеръ, Лессингъ, Кантъ, Фихте, Гердеръ... Этимъ славнымъ вождямъ своимъ Германія была обязана тѣмъ, что въ первый разъ послѣ долгой летаргіи почувствовала себя націей — и новое чувство было такъ сильно, что пережило всѣ удары, нанесенные Германіи Наполео-

Digitized by Google

ник. Онъ разрѣзалъ ее на куски, изгналъ или подкупилъ ея вождей, уничтожилъ ея древнія учрежденія, казнилъ ея патріотовъ; но нѣмцы нашли какъ-бы второе отечество въ своей литературѣ, поддерживавшей національное чувство и вражду къ чужеземцамъ. Духъ остался свободнымъ подъ узами, сковывавшими тѣло, и страна поднялась въ 1813 г. болѣе полною жизни, чѣмъ когда бы то ни было... Книга madame де-Сталь была исполнена сочувствія къ подавленному нѣмецкому народу; но это вовсе не значитъ, чтобы справедливъ былъ упрекъ, брошенный въ нее Савари по приказанію Наполеона — упрекъ въ недостаткѣ патріотизма, въ отсутствіи французскаго духа. Напротивъ того, каждая страница этой книги проникнута качествомъ, французскимъ попреимуществу, качествомъ, которое Франція сохранила среди всѣхъ своихъ испытаній и за которое ее уважали даже враги ея — *великодушіемъ*, такъ ясно выразившимся въ крестовыхъ походахъ, въ созданіи рыцарства, въ войнѣ за независимость Америки и, на нашихъ глазахъ, въ итальянской войнѣ 1859 г. Да, исторія должна признать это къ чести націи, то слишкомъ превозносимой, то черезъ мѣру порицаемой: изъ Франціи раздался голосъ въ защиту побѣжденныхъ, изъ Франціи была протянута рука ихъ несчастью, во Франціи, не страшась гоненій, привѣтствовали бѣдствующую, униженную Германію! Сами нѣмцы находятъ, что сужденія о нихъ madame де-Сталь грѣшатъ излишней снисходительностью, что она слишкомъ хвалитъ нѣмецкую доброту, нѣмецкое простосердечіе, что *великодушіе* ея часто вредитъ ея проницательности. Настоящую мѣру добродѣтели, трогательное, благородное преувеличеніе которой мы видимъ у madame де-Сталь, нѣмцы недавно имѣли случай показать намъ... но они не сочли нужнымъ присоединить этотъ урокъ ко всѣмъ тѣмъ, которые они намъ дали»! Горечь упрека, заключающагося въ этихъ послѣднихъ словахъ, чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сдержаннѣе форма, въ которой онъ выраженъ [1]).

Сила національныхъ предразсудковъ, національнаго само-

[1]) Во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги Ланфре относится съ полнымъ сочувствіемъ къ возрожденію политической жизни въ Германіи, къ внутренней преобразовательной работѣ, вызванной въ Пруссіи катастрофой 1806 г., даже къ такимъ явленіямъ, какъ самовольное поднятіе Шиллемъ оружія противъ Франціи. Правда, первой оцѣнкѣ этихъ явленій много способствовалъ опытъ послѣдней франко-германской войны, во время которой французскіе волонтеры испытали на себѣ всю тяжесть жестокой системы, выработанной первою имперіею въ борьбѣ съ нѣмецкими и испанскими партизанами.

Digitized by Google

обольщенія такъ велика, что легкую дань заплатилъ ей и Ланфре, какъ ни далекъ онъ, вообще говоря, отъ обычныхъ увлеченій узкаго патріотизма. Въ только-что приведенныхъ нами разсужденіяхъ по поводу книги madame де-Сталь, принадлежащихъ къ числу лучшихъ страницъ сочиненія Ланфре, рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ старое, избитое общее мѣсто о великодушіи французскаго народа. Проявленіе этого великодушія Ланфре видитъ въ томъ, что madame де-Сталь не убоялась выразить сочувствіе къ Германіи въ то самое время, когда Германія была угнетена и подавлена Наполеономъ. Но развѣ madame де-Сталь можетъ быть разсматриваема какъ представительница французскаго народа? Ея образъ мыслей, въ эту эпоху, далеко не былъ популяренъ; ея мнѣнія раздѣлялъ только небольшой кружокъ лицъ, ее окружавшихъ, кружокъ, имѣвшій весьма мало общаго съ большинствомъ тогдашней французской интеллигенціи. Такія единичныя явленія, очевидно, не могутъ служить основаніемъ для характеристики цѣлаго народа. Протестъ Гервинуса или Якоби противъ завоевательныхъ тенденцій современной Германіи оставляетъ далеко за собою, по рѣзкости и силѣ, оппозицію madame де-Сталь противъ Наполеоновской системы; но что слѣдовало бы сказать объ историкѣ, который увидѣлъ бы въ этомъ протестѣ выраженіе истинныхъ чувствъ всего германскаго народа? Въ массѣ французскаго общества образъ дѣйствій Наполеона I относительно Германіи, безъ сомнѣнія, возбуждалъ столь же мало неудовольствія, какъ въ массѣ нѣмецкаго общества — образъ дѣйствій Бисмарка относительно Франціи послѣ войны 1870—71 г. И это совершенно понятно, потому что народъ, какъ цѣлое, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страстей или интересовъ, оставляющихъ мало мѣста для великодушія; даже увлеченіе идеей, возможное въ рѣдкіе, исключительные моменты народной жизни, остается безкорыстнымъ только до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ осуществленіе ея на практикѣ. Достаточнымъ подтвержденіемъ этому служитъ вся исторія революціонныхъ войнъ. Въ примѣръ французскаго великодушія — Ланфре, кромѣ книги madame де-Сталь, приводитъ крестовые походы, созданіе рыцарства, войну за независимость Америки и итальянскую войну 1859 г. Въ крестовыхъ походахъ участвовали всѣ западно-европейскія государства, рыцарство процвѣтало не въ одной Франціи; почему Ланфре ставитъ ихъ въ спеціальную заслугу французскому народу — это для насъ не совсѣмъ понятно. Да и независимо отъ этого, не слишкомъ ли просто объясненіе, предлагаемое Ланфре для такихъ явленій, какъ рыцарство и крестовые походы? На-

Digitized by Google

рывѣ съ хорошими побужденіями, не играли ли въ нихъ роль другія, менѣе блестящія стороны человѣческой природы? Не были ли они естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, среди которыхъ возникли? Не руководили ли крестоносцами, кромѣ религіознаго чувства, жажда приключеній, жажда добычи, влеченіе отъ тяжелой, безцвѣтной дѣйствительности къ заманчивымъ миражамъ отдаленнаго востока? Участіе Франціи въ войнѣ за независимость сѣверо-американскихъ штатовъ обусловливалось преимущественно вѣковымъ соперничествомъ Франціи и Англіи. Если относить энтузіазмъ Лафайета и его сподвижниковъ къ чести всего французскаго народа, то не придется ли признать великодушіе отличительною чертою и англичанъ — потому что лордъ Байронъ и другіе филэллены сражались за независимость Греціи,—и итальянцевъ, потому что Гарибальди и гарибальдійцы поспѣшили на защиту французской республики противъ германскаго войска? Причины, вызвавшія итальянскую кампанію 1859 г., слишкомъ извѣстны; любопытно было бы только узнать, согласились ли бы защитники тезиса о великодушіи Франціи возвратить Италіи Савойю и Ниццу, полученныя отъ нея въ награду за поддержку ея противъ Австріи? Нельзя не пожелать, чтобы французскіе историки и публицисты сбросили съ себя какъ можно скорѣе бремя предвзятыхъ идей и ходячихъ фразъ, завѣщанныхъ имъ недавнимъ господствомъ шовинизма. Серьёзные, честные труды, въ родѣ сочиненія Ланфре, способствуютъ достиженію этой цѣли даже тогда, когда сами не вполнѣ свободны отъ стариннаго національнаго недостатка [1]).

А — и —

[1]) Первые четыре тома исторіи Наполеона, Ланфре, переведены на русскій языкъ, подъ редакціей А. Афанасьева-Чужбинскаго, и изданы М. Вольфомъ: 1870—1873 г.

Digitized by Google

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ *).

I.

1) *G. H. Lewes:* Problems of Life and Mind. 1-st Series: the Foundation of a Creed. London. Trübner and C°. 1875., 2 vol., 472 и 542 pages.—2) *John Fiske:* Outlines of Cosmic Philosophy, based on the Doctrine of Evolution etc. London. Macmillan and C°; 1874, 2 vol. in 8°, 463 and 523 pages.

Въ Лондонѣ существуетъ диковинная выставка рѣдкостей, которую англичане, оборотомъ рѣчи, свойственнымъ ихъ языку, называютъ «*Madam Tussaud's*». Тамъ. показываются различные предметы несомнѣнной исторической достовѣрности, ключъ отъ Бастиліи, гильотинный рѣзецъ, отрубившій голову Людовику XVI, карета Наполеона I, найденная на полѣ сраженія при Ватерлоо и пр. Но это второстепенныя принадлежности. Главная «приманка» заключается въ выставкѣ многочисленныхъ восковыхъ фигуръ, изображающихъ историческихъ лицъ прошлаго и нынѣшняго временъ. Тутъ мы видимъ собраніе коронованныхъ лицъ,

*) См. выше: іюль, 180 стр.

Digitized by Google

поэтовъ, генераловъ, знаменитыхъ великановъ и карликовъ. Вотъ, обворожительная Марія Стюартъ слушаетъ проповѣдь Нокса, рядомъ съ Вольтеромъ, любезно предлагающимъ цвѣтокъ какой-нибудь маркизѣ дю-Шатле. Базенъ разсуждаетъ съ маршаломъ Мак-Магономъ, неподалеку отъ Генриха VIII, неподвижно стоящаго между Анной Боленъ и Катериной Говардъ, изумляющихся тому, что у нихъ на плечахъ снова красуются ихъ прелестныя головки. Есть даже старый квакеръ, въ прическѣ и шляпѣ Франклина, который время отъ времени автоматически поворачиваетъ голову направо и налѣво и засовываетъ въ свой восковой носъ щепотку историческаго табаку. Въ одномъ углу залы оркестръ исполняетъ симфонію, принимающую по большей части характеръ похороннаго марша. Порою музыка оживляется, и кажется, что вотъ сейчасъ всѣ эти женщины въ великолѣпныхъ костюмахъ, всѣ эти короли и генералы пустятся танцовать вальсъ или кадриль. Но, увы! танецъ смерти — единственный танецъ, имъ приличный. Собраніе безжизненно и неподвижно: нѣтъ жизни въ стеклянныхъ глазахъ, сердце не бьется въ груди этихъ чучелъ. Одни только дѣти, ослѣпленныя пышностью ихъ нарядовъ, спрашиваютъ, по выходѣ изъ залы: «что они — живы?»

Именно, подобное же зрѣлище ожидаетъ несчастнаго, который по необходимости или по доброй волѣ пускается въ область метафизики. Тамъ тоже во всѣхъ углахъ и закоулкахъ громоздятся неподвижныя, на отведенныхъ имъ мѣстахъ, и подъ этикетками: идея, причина, «Ding an sich», и вся онтологическая свита. Видали все это кажется реальнымъ, но, подойдя ближе, видишь, что жизнь всѣхъ этихъ созданій призрачная: все это субъективныя созданія, вышедшія изъ мозга метафизиковъ, подобно тому, какъ восковыя фигуры вышли изъ рукъ художника. Уже двѣ или три тысячи лѣтъ нѣкоторые мыслители упорно витаютъ въ этихъ сферахъ, но ничего не даетъ безплодная почва, несмотря на всѣ усилія: ничего, кромѣ призрачныхъ существъ, которыми имъ удалось населить эти пустыни, остающіяся, однако, какъ и прежде, безмолвными.

Казалось бы, никакъ нельзя ожидать, что Джоржъ Льюисъ когда-нибудь попадетъ въ эту категорію, и если я отвожу ему первое мѣсто въ настоящемъ критическомъ обзорѣ, то не столько ради того, что онъ сдѣлалъ, сколько ради того, что онъ можетъ сдѣлать. Къ тому же, онъ занимаетъ видное мѣсто въ новой философской школѣ здѣшней страны: имя его приводится непосредственно вслѣдъ за именами Александра Бэна и Герберта

Digitized by Google

Спенсера. Умѣренный послѣдователь и поклонникъ Конта, онъ особенно прославился своей *Исторіей философіи*, которую издалъ въ 1845 г., и въ 1871 г. она вышла четвертымъ изданіемъ [1]). Въ этомъ сочиненіи, равно какъ и въ сочиненіи объ Аристотелѣ, изданномъ въ 1864 г., уже были замѣтны нѣкоторыя изъ тенденцій, нынѣ вполнѣ обнаружившихся, чему нельзя удивляться, когда знаешь, что авторъ былъ сначала восторженнымъ поклонникомъ идей Рейда и Дугальда Стюарта. Съ другой стороны, онъ изучалъ медицину, и такимъ образомъ пристрастился къ наукѣ столько же, сколько и къ умозрительной философіи.

Но первая любовь всегда живуча! Къ тому же, лавры Герберта Спенсера должно быть не давали ему спать: ослѣпленный побѣдами современной науки, онъ подумалъ, что наступилъ моментъ основать философію,—что я говорю! новую вѣру. Ему показалось также, къ несчастію, что философія не можетъ обойтись безъ метафизики. Но такъ какъ онъ считаетъ себя человѣкомъ науки, то и задумалъ преобразовать метафизику, приложивъ къ ней научный методъ. И вотъ, отнынѣ для него не существуетъ преградъ. «Такимъ образомъ,—восклицаетъ онъ,—мы будемъ обладать методомъ, который саму религію сдѣлаетъ выраженіемъ опыта и разсѣетъ облака таинственнаго и непостижимаго, которыя такъ долго скрывали отъ насъ небеса» (t. I, p. 5).

Психологія еще не стоитъ на степени науки: «она находится почти въ томъ же положеніи, въ какомъ была химія до Лавуазье, біологія до Биша» (p. VIII введенія). Льюисъ не настолько смѣлъ, чтобы выдавать себя за Лавуазье философіи; но онъ имѣлъ бы на это право, еслибы только ему удалась его философія. Декартъ и Лейбницъ не могли справиться съ своей задачей, по его мнѣнію, только оттого, что у нихъ не было метода. Замѣтимъ мимоходомъ, что большинство новѣйшихъ метафизиковъ также воображали, что прикладываютъ научный и экспериментальный методъ къ психологіи и метафизикѣ. Авторъ возражаетъ, что они не догадались провести слѣдующее разграниченіе, на которомъ, по его мнѣнію, опирается все зданіе его открытія. Предметъ каждаго изслѣдованія, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ три точки зрѣнія: 1) *положительное* или извѣстное; 2) *умо-*

---

[1]) Джорджъ Генри Льюисъ, родившійся въ 1819 г., настоящій полиграфъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, онъ издалъ „Жизнь Робеспьера", „Жизнь Гёте" (въ 1855 г.), этюдъ объ испанской исторической драмѣ, „Физіологію обыденной жизни" и проч. Онъ основалъ „Fortnightly Review" (1865 г.), но давно уже отказался отъ редакціи.

Digitized by Google

рительное или неизвѣстное, но познаваемое (knowable) черезъ наведеніе и черезъ разсужденіе, опирающіяся на данныхъ, которыя можно провѣрить; 3) *недоступное къ познанію* (unknowable). Это начало, которое безусловно не поддается изслѣдованіямъ, останется пищей для отвлеченныхъ умовъ. Его назовутъ «Metempirical», и пренебреженіе, съ какимъ ученые относились къ метафизикѣ, отнынѣ станетъ удѣломъ тѣхъ, кто будетъ упорствовать въ изученіи «Metemperique'и»; напримѣръ: «метафизическія проблемы о матеріи, силѣ, причинѣ, душѣ и пр. всѣ представляютъ элементы положительно извѣстные, элементы, познаваемые умозрительно и другіе стоящіе внѣ сферы, доступной опыту, положительному или умозрительному» (t. I, p. 47).

Тутъ Льюисъ, какъ Спенсеръ и другіе, признаетъ существованіе знаменитаго «недоступнаго къ познанію», которое и будетъ камнемъ преткновенія для его «метода». Сталкиваясь съ самаго начала съ проблемой — которую я не побоюсь назвать вѣчной—реальности внѣшняго міра, онъ воображаетъ, что побѣдоносно разрѣшаетъ ее, провозглашая, что: «реальное—это то, что ощущается (the Real is that, which is felt). Объектъ является для насъ тѣмъ, *чѣмъ* онъ ощущается или познается нами: познаніе есть ощущеніе въ состояніи виртуальномъ... Интуиція есть чувствованіе отношеній; ощущеніе и интуиція всегда влекутъ за собой убѣжденіе». И такимъ образомъ: «ученіе, формулируемое здѣсь, можетъ быть названо *сознательнымъ реализмомъ*. Оно отличается отъ натуральнаго реализма, отъ символическаго реализма нѣкоторыхъ современныхъ мыслителей, отъ гадательнаго реализма, равно какъ отъ беззастѣнчиваго (unhesitating) реализма поверхностныхъ умовъ. Это ученіе пытается исправить естественныя иллюзіи разума, когда разумъ предпринимаетъ исправлять предполагаемую иллюзію чувствъ».

Все это прекрасно, и мы понимаемъ, куда ведетъ авторъ. То, что всегда служило спорнымъ пунктомъ, то, что несомнѣнно относится къ сферѣ метафизики, это—кажущаяся трудность примирить умъ и матерію или, точнѣе говоря, субъектъ и объектъ, *я* и *не-я*. Льюисъ разрубаетъ узелъ, на манеръ Александра, съ тою только разницей, что искренно думаетъ, будто развязалъ его. Но его «сознательный реализмъ», который онъ отличаетъ и отъ гадательнаго реализма и отъ беззастѣнчиваго, совсѣмъ не реализмъ; положеніе, что «реальное есть то, что ощущается», сильно смахиваетъ на знаменитый афоризмъ Берклн: «esse—percipi»,—быть — значитъ быть ощущаемымъ. И дѣйствительно, идеализмъ утверждаетъ, что реальность внѣшняго міра заключается един-

Digitized by Google

ственно въ ощущеніи, между тѣмъ какъ настоящій реализмъ утверждаетъ, что внѣ насъ самихъ есть нѣчто, что также ощущаетъ и существуетъ.

Льюисъ самъ все относитъ къ ощущенію или, точнѣе сказать, употребляя его любимое выраженіе, къ «сознанію», которое ощущаетъ. Впрочемъ, чтобы меня не укоряли въ ошибкѣ или неточности, я докажу это фактами. Между «Problems of Life and Mind», онъ разсматриваетъ, подъ № IV, одну изъ самыхъ значительныхъ проблемъ, о матеріи и силѣ, и приводитъ слѣдующее опредѣленіе Шеллинга: «матерія есть не что иное, какъ умъ, разсматриваемый въ равновѣсіи его свойствъ», что, говоритъ Льюисъ, можетъ быть истолковано такъ: «матерія есть ощущеніе, разсматриваемое въ его статическомъ состояніи». И прибавляетъ: «съ такимъ толкованіемъ я принимаю опредѣленіе: все, что мы знаемъ, есть ощущеніе и перемѣна ощущенія» (t. II, p. 262). Что бы онъ ни говорилъ послѣ этого, а это не что иное какъ чистѣйшій идеализмъ.

А какой доктринѣ принадлежитъ слѣдующее опредѣленіе науки, къ которому онъ безпрестанно возвращается? «Я неоднократно настаивалъ на томъ знаменательномъ фактѣ, что наука есть не передача дѣйствительности, но идеальное построеніе, создаваемое изъ анализа сложныхъ явленій, совмѣщаемыхъ въ ощущеніи и выражаемыхъ въ отвлеченностяхъ» (t. II, p. 86). Какая разница съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое было дано всего четыре года тому назадъ, въ 4-мъ изданіи *Исторіи философіи:* «наука есть систематизація нашихъ знаній о явленіяхъ, разсматриваемыхъ какъ явленія» (t. I, p. VI). Это опредѣленіе научное; первое же метафизическое, или, какъ угодно назвать его автору, метэмпирическое. И въ этомъ заключается роковымъ образомъ осужденіе всей его системы. Все это относится къ общей логикѣ, если хотятъ, но это не есть наука, это даже не есть философія, если подъ этимъ названіемъ понимать, какъ оно и слѣдуетъ, цѣлое міросозерцаніе, а не распредѣленіе болѣе или менѣе полное умственныхъ явленій. Словомъ, это прежде всего субъективный методъ, а субъективный методъ есть могила науки, если не отрицаніе философіи.

Это тѣмъ прискорбнѣе, что у него рядомъ съ этими неудачными положеніями есть вещи очень разумныя. Въ первой проблемѣ, трактующей о «границахъ знанія», онъ разсуждаетъ въ духѣ истины и науки. Онъ побѣдоносно доказываетъ, въ противность Канту, что сужденія въ математикѣ основываются на обыкновенномъ научномъ методѣ. Аксіомы не только *не выше* опыта, но

Digitized by Google

ляются крайне простыми истинами, такими, какія ежедневный опытъ безпрестанно подвергаетъ провѣркѣ. Онъ даже объявляетъ, что «математика есть опытная наука, занимающаяся реальными предметами, какъ и всѣ другія науки»,—что уже есть преувеличеніе въ томъ смыслѣ, что математикѣ приходится имѣть дѣло гораздо больше съ логикой въ тѣсномъ смыслѣ и отвлеченностью: это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить примѣромъ путаницы, которую влечетъ за собой метода автора, признающаго реальными предметами только состоянія ума, формы мысли.

Тѣмъ не менѣе идея автора вѣрна въ сущности. Онъ также правъ, когда оспариваетъ знаменитое различіе между истинами необходимыми и истинами относительными, указывая на нелѣпость спора и на то, что въ сущности фактъ необходимо и безусловно вѣренъ до тѣхъ поръ, какъ элементы, изъ которыхъ онъ слагается, существуютъ. «Начала убѣжденія», «сила», «причина», «абсолютъ» — вотъ заглавія трехъ остальныхъ, важныхъ задачъ, разсматриваемыхъ м-ромъ Льюисомъ, и понятно, что я отступаю по многимъ причинамъ передъ этой страшной арміей. Скажу однако нѣсколько словъ о послѣдней.

Не существуетъ метафизики безъ абсолюта, и Льюису понадобился таковой. Съ другой стороны, ему нуженъ былъ совсѣмъ особый абсолютъ, подходящій къ его программѣ,—податливый, сговорчивый абсолютикъ, который бы допустилъ занести себя въ одинъ изъ отдѣловъ его классификаціи. Вотъ этотъ абсолютъ, какимъ онъ его обработалъ для этой цѣли: «жизнь—абсолютъ, открывается намъ черезъ ощущеніе, которое въ своемъ самомъ отвлеченномъ выраженіи есть перемѣна, подвижность, внутренняя или внѣшняя». То-есть, ощущеніе и движеніе отожествляются въ одной и той же дѣйствительности, которая есть жизнь: и мы знаемъ жизнь, потому что знаемъ ощущеніе. Затѣмъ, въ жизненной цѣпи не существуетъ перерывовъ; всѣ ея виды суть одно только дифференцированіе. Нашъ организмъ можетъ разсматриваться только «какъ нераздѣльная часть того космоса, изъ котораго онъ дифференцировался относительно формы» (t. II, p. 500).

Итакъ, мы знаемъ, что такое абсолютъ.

А Льюисъ торжествуетъ, потому что думаетъ, что выполнилъ свои обѣщанія: онъ обрѣтается въ сферѣ метафизики, ибо у него есть абсолютъ; онъ обрѣтается въ сферѣ науки, ибо онъ его знаетъ. Бѣда лишь въ томъ, что и метафизикъ и ученый за-одно возстанутъ на злополучнаго автора! Первый закричитъ ему: анаѳема! объявляя, что «абсолютъ» есть прекрасное, идеальное, божественное, непонятное и безконечное, познаваемое лишь черезъ интуи-

Digitized by Google

цію души, пришедшей въ экстазъ. Ученый упрекнетъ его въ игрѣ словъ, и въ томъ, что онъ производитъ страшную путаницу понятій, нарекая абсолютомъ космосъ или систему мірозданія. Упрекъ тѣмъ болѣе основательный, что Льюисъ гдѣ-то обмолвился слѣдующей фразой: «я далекъ отъ отрицанія существованія *сверхъестественнаго*. Я утверждаю только, что оно не существуетъ для насъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть доступнымъ положительному познанію, хотя оно и навязывается намъ какъ отрицательное понятіе» (t. I, p. 232). Можно было бы въ крайнемъ случаѣ допустить вашъ абсолютъ, хотя слово и невѣрно; но съ той минуты, какъ вы допускаете простую возможность чего-нибудь внѣ его, чего вы не можете познать, вашъ абсолютъ переходитъ въ состояніе относительное, если только не измѣнить радикально смыслъ словъ.

Ученый и метафизикъ, выведенные на сцену, не суть простыя риторическія фигуры. Одинъ компетентный критикъ въ «Westminster Review» порицаетъ энергически такое вмѣшательство метафизики въ науку, которая вовсе не нуждается въ такой союзницѣ. А въ «Fortnightly Review», послѣдняго октября, м-ръ Скотъ Гендерсонъ оканчиваетъ разборъ «Problems of Life» слѣдующими словами: «въ заключеніе скажемъ, что разсужденіе Канта въ предисловіи ко 2-му изданію критики «Чистаго Разума» остается до сихъ поръ безъ возраженія; а аргументы введенія въ энциклопедію Гегеля кажутся мнѣ болѣе основательными, чѣмъ когда-либо». Авторъ, надо сказать, ожидалъ повидимому такого результата и въ томъ, что́ онъ называетъ претенціозно — «Заключеніе»: въ концѣ своей книги, онъ объявляетъ, что больше разсчитываетъ на молодыя поколѣнія. Это опять заблужденіе, тѣмъ болѣе досадное, что онъ могъ бы сочинить очень полезную книгу, сокративъ свои два толстые тома въ маленькій in-12, объемомъ отъ 200—300 страницъ. Онъ высказалъ бы въ немъ свои аргументы противъ трансцендентальной философіи и философіи Канта, свои научныя опредѣленія или, скорѣе, свои объясненія причины, закона, явленія и пр. И успѣхъ былъ бы тогда полный въ средѣ людей науки, еслибы ему удалось отдѣлаться вполнѣ отъ досадной метафизики, введенной въ англійскую философію Гербертомъ Спенсеромъ, теоріей о непознаваемомъ. Вотъ, скажутъ мнѣ, рѣзкія слова, когда рѣчь идетъ о мыслителѣ, сдѣлавшемся апостоломъ и популяризаторомъ самыхъ смѣлыхъ открытій новѣйшей науки. Никто съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ я, не будетъ готовъ признать его заслуги: онѣ велики. Но его обиняки и метафизи-

Digitized by Google

ческій складъ его ума грозятъ произвести совсѣмъ противоположные и пагубные результаты. «Вялость и робость, —говоритъ Джонъ Моркей въ прекрасной книжечкѣ [1]), —соединились, чтобы популяризировать между нами плоскій индифферентизмъ, который считается за добродушную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, въ сущности же есть не что иное, какъ претенціозная манерность, скрывающая полное отсутствіе какихъ бы то ни было убѣжденій». Это, конечно, не относится къ Герберту Спенсеру, но его обиняки и перифразы произвели дѣйствіе, котораго онъ, быть можетъ, не предвидѣлъ, но которое, съ другой стороны, неизбѣжно вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ его анти-научныхъ утвержденій.

Въ доказательство укажу на Джона Фиске и его «Космическую Философію». Фиске—американскій ученый, экс-профессоръ философіи въ горвардскомъ университетѣ, самомъ знаменитомъ университетѣ штата Массачусетсъ и Сѣверной Америки.

Я имѣлъ случай, говоря о Дрэперѣ, высказать свое мнѣніе объ американскихъ ученыхъ, всѣхъ въ извѣстномъ отношеніи болѣе или менѣе покорныхъ тиранніи общественнаго мнѣнія, зараженнаго пуританскимъ духомъ. Авторъ «Космической Философіи» не составляетъ исключенія, и я бы не говорилъ ни о немъ, ни объ его двухъ толстыхъ книгахъ, еслибы онъ не представлялъ разительнаго примѣра того факта, о которомъ я только-что заявилъ: уклоненія съ прямого пути англійской философіи, подъ вліяніемъ Герберта Спенсера.

Въ самомъ дѣлѣ, Фиске—восторженный поклонникъ сочиненій этого мыслителя. Общая теорія постепеннаго развитія, теорія естественнаго подбора, дарвиновскія идеи, необходимость законовъ и естественныхъ явленій—всѣ эти идеи несомнѣнно *реальныя*, излагаются въ его книгѣ самымъ замѣчательнымъ образомъ и съ полнымъ сочувствіемъ. «Между теоріей случая и теоріей закона,—говоритъ онъ,—не можетъ быть ни компромисса, ни взаимности, ни заимствованій. Написать исторію, по методѣ, основанной на свободной волѣ, было бы совершенно невозможнымъ дѣломъ» (t. II, p. 187). И знаете, къ какому выводу онъ приходитъ послѣ этого? Обсудивъ и опровергнувъ теорію того, что́ онъ называетъ «антропоморфнымъ деизмомъ», авторъ прибавляетъ: «результатомъ настоящей аргументаціи будетъ ни атеизмъ, ни позитивизмъ, но болѣе возвышенный и болѣе чистый фазисъ деизма, потому что онъ ближе къ истинѣ» (t. II, p. 412). И продолжаетъ: «эта крайне

[1]) „On Compromise", by John Morley.

Digitized by Google

важная теорема, въ которой объединяются наука и религія, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ теорема, которая одна выражаетъ вполнѣ ту великую истину, что всякое знаніе относительно». А это опять игра словъ. Но Фиске развиваетъ свою мысль, и ссылаясь на Спенсера, выводитъ изъ относительности нашихъ познаній, что существуетъ «нѣчто», чего явленія служатъ лишь проявленіемъ.

Вотъ знаменитое мѣсто изъ Спенсера, откуда вытекаетъ вся теорія. «Есть сила, которая существуетъ вѣчно: это абсолютная сила, которую мы постоянно сознаемъ какъ силу, находящуюся въ необходимой связи съ той, которую мы ощущаемъ. Такимъ образомъ, подъ вѣчностью силы мы понимаемъ въ дѣйствительности вѣчность какой-то силы, которая стоитъ внѣ нашего пониманія. Проявленія внутри или внѣ насъ не вѣчны; но что вѣчно, такъ это неизвѣстная причина этихъ проявленій.... И въ то время, какъ намъ доказано, что мы не можемъ знать ничего, кромѣ относительнаго, эти самыя условія нашей мысли навязываютъ нашему сознанію необходимость идеи абсолютнаго существа». Послѣ этого, Фиске въ правѣ установить свою знаменитую теорему, слѣдующимъ образомъ формулированную: «существуетъ сила (sic), которой нельзя опредѣлить границъ ни въ пространствѣ, ни во времени, и явленія которой, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ сознаемъ, суть не что иное какъ проявленія, но которую мы можемъ познать единственно лишь черезъ эти проявленія» (t. II, p. 413). И вотъ, «тайна открыта»: въ томъ смыслѣ, что тайна—это Богъ; а то, что открыто или видимо—это вселенная». «Но (это мѣсто направлено противъ пантеистовъ), разсматривая міръ явленій, какъ разнообразное откровеніе «всемогущей силы», мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ отожествлять эту силу съ ея проявленіями.... вселенная есть проявленіе божества, но божество есть нѣчто высшее, чѣмъ вселенная».

И вотъ, такимъ образомъ основывается новая религія—*космическій деизмъ*. Такимъ образомъ, разрѣшается окончательно—въ ожиданіи лучшаго — *непознаваемое, абсолютъ, неизслѣдованная сила* Герберта Спенсера. Это логично. Къ тому же, позитивная школа, школа Конта, которая такъ сильно упрекала этого мыслителя, равно какъ и Стюарта Милля, въ злоупотребленіи логикой и психологіей — эта школа впадаетъ въ подобныя же крайности, настаивая на каждомъ шагу на границахъ, положенныхъ нашему знанію. Говорить, что мы можемъ знать одни лишь явленія, значитъ допускать существованіе «Ding an sich». Умъ человѣческій не знаетъ границъ; ему нельзя сказать: «ты

Digitized by Google

остановившься на этомъ и дальше не пойдешь». Извѣстно вѣдь, что философія Конта, стремясь указать границы человѣческому уму и запрещая изслѣдовать происхожденіе міра и человѣка, пришла къ тому, что стала союзницей враговъ философіи и отрицала открытія Дарвина, которыя опровергали ея теорію. Область науки съ каждымъ днемъ расширяется; уже теперь извѣстны нѣкоторыя изъ веществъ, входящихъ въ составъ Сиріуса и солнца, и никто не можетъ указать границы уму человѣческому въ его побѣдоносномъ стремленіи завоевать вселенную. Фаусту не нужно больше дрожать передъ духомъ земли, и онъ можетъ смѣло объявить ему:

Ich bin's, bin Faust, bin deines Gleichen!

Но это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы навѣки распрощаться съ метафизикой, этимъ «музеемъ Тюссо» мысли. Пусть метафизикъ — какъ ребенокъ — принимаетъ за «живыхъ существъ»: идею, «ноуменъ» и «Ding an sich». Пусть онъ увлекается этими фантасматоріями, не замѣчая, согласно прекрасному выраженію Бэкона, что, «подобно пауку, онъ ткетъ паутину, матеріалъ которой извлекается изъ его собственнаго организма» [1]). Настоящему философу нѣтъ никакого дѣла до этихъ безжизненныхъ существъ. Онъ также не задергиваетъ фиктивную завѣсу на нѣкоторые пункты вселенной, предполагая за ней существованіе фантастическихъ существъ, но смѣло изучаетъ раскрытую книгу природы съ основательной надеждой, рано или поздно, перевернуть всѣ ея листы, до послѣдняго.

II.

1) The Unseen Universe, or Physical Speculations on a future State. London, Macmillan. 1873. 8°, 212 pages.—2) Professor *Clerk-Maxwell:* Molecules, a Lecture delivered before the British Association.—3) *John Tyndall.* Adress delivered before the British Association at Belfast. Longmans, London, 1874, in 8°, 63 pages. —4) *Lucretius Carus:* De rerum natura, avec notes et une traduction par. J. Munro. Bell and Daldy, Cambridge; London, 1873, 3-e edition, 2 vol. 8°, 695 and 183 pages.

Благосклонный читатель, не испугавшійся слова «наука», выставленнаго въ заглавіи этихъ бѣглыхъ критическихъ замѣтокъ, уже могъ замѣтить, въ какомъ широкомъ смыслѣ понимается это слово. Слово «философія» было бы можетъ быть приличнѣе: къ

[1]) Novum Organum, афоризмъ 93 (книга I).

Digitized by Google

несчастію, слово это не имѣетъ точнаго и опредѣленнаго смысла, и многіе считаютъ его до сихъ поръ синонимомъ метафизики. Синтезъ науки—вотъ единственная возможная отнынѣ философія: и какъ во времена оны Ѳалесъ, Демокритъ, Эмпедоклъ и другіе, такъ и въ новѣйшее время настоящими философами являются ученые, какъ Ламаркъ, Дарвинъ и Тиндаль. Вотъ почему выраженіе «наука» показалось мнѣ болѣе пригоднымъ, если только расширить его смыслъ и связать съ нимъ идею о научной философіи. Поэтому мы оставляемъ въ сторонѣ частности отдѣльныхъ наукъ, которымъ здѣсь не мѣсто, и если въ настоящую минуту предполагаемъ сдѣлать экскурсію въ область химіи и физики, то потому только, что дѣло идетъ о самыхъ общихъ понятіяхъ, а именно, ни болѣе, ни менѣе, какъ о новомъ шагѣ въ познаніи матеріи.

Кромѣ того, недавнія открытія, въ которыхъ Англія принимала такое значительное участіе, составляютъ въ настоящее время предметъ всѣхъ разговоровъ и послужили даже поводомъ къ скандалу, благодаря сочиненію, выставленному во главѣ этого параграфа. Если ему отведено мною первое мѣсто, то не столько ради его внутренняго достоинства, сколько ради шума, который оно произвело. Главнымъ образомъ это произошло оттого, что авторы этого фантастическаго разглагольствованія—двое ученыхъ, пользовавшихся до сихъ поръ неоспоримой славой. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что анонимное сочиненіе «The Unseen Universe» написано сообща профессоромъ физики въ Эдинбургскомъ университетѣ, Тэтомъ [1]), и профессоромъ Бальфуромъ Стюартомъ въ «коллегіи Оуэна», въ Манчестерѣ. Всего диковиннѣе то, что и они также ссылаются на Герберта Спенсера и его «Первыя начала», въ которыхъ провозглашается, что «мы обязаны видѣть въ каждомъ явленіи проявленіе нѣкоей силы, которая на насъ дѣйствуетъ». Они выводятъ изъ этого существованіе сверхъ-естественнаго, но не ограничиваются, какъ Фиске, силлогистической дедукціей, а намѣреваются основать свое *credo* на непосредственныхъ данныхъ науки и ея послѣднихъ завоеваніяхъ. Съ этою цѣлью они опираются на недавнія открытія объ образованіи матеріи, и поэтому крайне важно познакомиться съ интересными фактами, изъ которыхъ они дѣлаютъ такое неудачное примѣненіе.

---

[1]) Онъ издалъ вмѣстѣ съ сэромъ Уильямомъ Томсономъ, профессоромъ физики въ университетѣ Глазго, весьма замѣчательный трактатъ этой науки, въ которомъ излагаются очень подробно законы динамики. I-й томъ появился въ 1869 г.

Digitized by Google

Въ знаменитой лекціи, прочитанной передъ обществомъ поощренія наукъ въ Брадфордѣ, въ 1873 г., профессоръ Клэркъ Максвелль выражался такъ: «возьмите частицу матеріи, напримѣръ каплю воды, и раздѣлите ее на двѣ части. Потомъ дѣлите дальше: вы хорошо понимаете, что наступитъ наконецъ моментъ, когда у васъ не будетъ хватать средствъ для произведенія фактическаго дѣленія, хотя оно еще и возможно. Но можетъ ли оно продолжаться до безконечности? По мнѣнію Демокрита и атомистической школы, мы должны отвѣчать: нѣтъ! Послѣ извѣстнаго числа подраздѣленій мы дойдемъ до такого пункта, гдѣ дальнѣйшее дѣленіе станетъ невозможнымъ. Мы можемъ такимъ образомъ мысленно дойти до атома, который, какъ указываетъ его имя, недѣлимъ. Вотъ ученіе объ атомахъ Демокрита, Эпикура, Лукреція и—я могу прибавить—вашего покорнаго слуги».

Итакъ, послѣ столькихъ безсмысленныхъ и злобныхъ разглагольствованій, послѣ пятнадцати-вѣковой брани и насмѣшекъ, теорія великаго поэта провозглашается во всей ея ясности и истинѣ профессоромъ Кембриджскаго университета, однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ королевской академіи въ Лондонѣ. Эти, столь жестоко осмѣянные атомы, надъ которыми потѣшалось нѣсколько умныхъ людей и великое множество глупцовъ, реабилитированы и заняли должное мѣсто въ научной области, куда геній древнихъ уже указалъ имъ дорогу. Въ настоящую минуту для насъ неважно ихъ внутреннее свойство. Для насъ достаточно знать, что тѣла составлены изъ этихъ первыхъ элементовъ недѣлимыхъ, вѣчно двигающихся въ камнѣ и въ желѣзѣ, какъ и въ воздухѣ: разстояніе между ними, ихъ бóльшая или мéньшая упругость составляютъ всю разницу. «И всѣ тѣ, которые образуютъ болѣе плотную аггрегацію, когда, будучи сближены, они отскакиваютъ, оставляя между собою только незначительное пространство—сцѣпляются своими неравными поверхностями и образуютъ такимъ образомъ крѣпкіе базисы утесовъ и плотнаго вещества желѣза;... другіе, которые прыгаютъ и отскакиваютъ, оставляя между собою широкія пространства, образуютъ воздухъ и яркій свѣтъ солнца» [1]). Такъ говоритъ Лукрецій. «Главное различіе между газомъ и жидкостью,—продолжаетъ профессоръ Максвелль,—состóитъ въ томъ, что въ газѣ частица свободно проходитъ свой путь, на весьма короткое лишь время сталкиваясь съ другими частицами, между тѣмъ какъ въ жидкости она по-

[1]) *Lucret.* Lib. II (99—107).

Digitized by Google

чти не свободна въ своихъ движеніяхъ и почти всегда находится въ тѣсной связи съ другими частицами».

Не кажется ли спервоначала изумительнымъ, что геній грековъ сразу проникъ въ сущность вещей? Или, скорѣе, не кажется ли естественнымъ, что онъ сразу ухватился за самый простой способъ пониманія вещей, затемненныхъ впослѣдствіи платониками всѣхъ школъ? Какъ бы то ни было, нельзя не восхищаться тѣмъ, что въ желѣзѣ и въ камнѣ, равно какъ и въ воздухѣ, Демокритъ, Эпикуръ и Лукрецій съумѣли признать присутствіе атомовъ, оживленныхъ вѣчнымъ движеніемъ? И движеніе это не только существуетъ, но даже опредѣлена его скорость! Открывъ законы диффузіи и давленія газовъ, дошли до такого изумительнаго результата. Кубическій сантиметръ водорода, при температурѣ тающаго льда и подъ давленіемъ одной атмосферы, вѣситъ 0,00009 граммовъ (приблизительно). Оставалось открыть степень быстроты, съ какой должна двигаться эта маленькая масса, чтобы произвести давленіе, наблюденное на стѣнкахъ кубическаго сантиметра. Докторъ Іуль первый рѣшилъ эту задачу. Онъ открылъ, что частица, атомъ [1]) углерода, движется со скоростью 1839 метровъ въ секунду. Кларкъ Максвелль нашелъ, что скорость для кислорода будетъ въ 463 метра, а для углекислоты въ 396. Частицы воздуха, въ тихую погоду, движутся во всѣхъ направленіяхъ со скоростью, по его мнѣнію, семнадцати миль въ минуту [2]).

Это можетъ быть сравнено только со скоростью воздуха, выходящаго изъ жерла пушки. Какимъ образомъ можемъ мы ему сопротивляться? «Это происходитъ,—говоритъ ученый профессоръ,—оттого, что частицы движутся въ различныхъ направленіяхъ. Къ тому же, онѣ ударяются не только о насъ, но и о стѣны комнаты. Принимая во вниманіе ихъ огромное число и зная, что онѣ движутся во всѣхъ направленіяхъ, вы поймете, что онѣ не могутъ не сталкиваться другъ съ другомъ. Всякій разъ, какъ двѣ частицы столкнутся, онѣ перемѣняютъ направленіе. Такимъ образомъ, каждая частица встрѣчаетъ препоны на своемъ пути и, несмотря на большую быстроту, можетъ пройти довольно долгое время, прежде чѣмъ она достигнетъ точки, очень отдаленной отъ ея точки отправленія». Максвелль

---

[1]) У каждаго вещества есть свои собственныя частицы: атомъ есть частица основного вещества. Итакъ, не каждая частица есть атомъ, но каждый атомъ есть частица. Вотъ почему профессоръ предпочитаетъ это послѣднее выраженіе.

[2]) Журналъ „Nature“, t. VIII, p. 437. 1874.

Digitized by Google

шелъ дальше: онъ высчиталъ число столкновеній, которыя могутъ выпасть на долю частицы въ данное время, и нашелъ, что для водорода число это достигаетъ 17,000 милліоновъ въ секунду [1]). Это фактъ научный; и смѣхъ, и шутки больше неумѣстны. Болѣе того: тотъ же самый ученый разсчиталъ, что два милліона частицъ водорода, вытянутые другъ возлѣ друга, заняли бы пространство, равняющееся 0,039 (39-тысячн.) вершка. Чтобы пояснить дѣло, сэръ Уилльямъ Томсонъ говоритъ, что если предположить, что капля воды выросла бы съ земной шаръ, то величина частицъ, ее составляющихъ, измѣнялась бы отъ ружейной пули до биллiарднаго шара.

Но ученые пошли еще дальше, и тутъ мы уже вступаемъ въ область гипотезы, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ сторонъ. Извѣстно, что искусный курильщикъ можетъ выпускать дымъ колечками, развѣвающимися въ воздухѣ: этотъ фактъ повторяется иногда непроизвольно. Цилиндръ, образующій это кольцо, обладаетъ коловратнымъ движеніемъ вокругъ своей оси, которое, впрочемъ, гораздо легче замѣтить, чѣмъ описать. Гельмгольцъ доказалъ путемъ цѣлаго ряда удивительныхъ вычисленій, что въ *совершенной* жидкости подобное движеніе не можетъ быть ни вызвано, ни уничтожено, такъ что если оно существуетъ, то навсегда и, кромѣ того, можно быть увѣреннымъ, что оно всегда существовало. Слѣдовательно, атомъ долженъ быть неуничтожаемымъ, имѣть опредѣленную величину и опредѣленное число колебаній. Кольцо съ коловращательнымъ движеніемъ (Vortex-Ring) выполняетъ эти условія. «Атомъ,—объявляетъ сэръ Уилльямъ Томсонъ,—можетъ быть разсматриваемъ, какъ «Vortex-Ring» въ совершенной жидкости» [2]).

Но это, очевидно, только гипотеза, которой предстоитъ однако играть важную роль въ окончательномъ построеніи науки о веществѣ. Авторы «Unseen Universe» измѣняютъ эту гипотезу слѣдующимъ образомъ. Они не считаютъ атомовъ неуничтожаемыми, но только очень живучими. Имъ, слѣдовательно, не нужна совершенная жидкость.

Несовершенная жидкость образуется изъ болѣе мелкихъ частицъ, чѣмъ обыкновенный атомъ, а эти частицы суть «Vortex-Rings» въ жидкости еще менѣе совершенной, и такъ далѣе, до безконечности: и вотъ готовъ «невидимый міръ», въ которомъ есть мѣсто для всякихъ религіозныхъ концепцій. Великій и не-

[1]) „Nature“, t. I, p. 331. 1870.
[2]) Philosophical Magazine. 1867.

Digitized by Google

оспоримый принципъ непрерывности примѣняется авторами къ требованіямъ ихъ дѣла, и вотъ какимъ образомъ они резюмируютъ свою аргументацію: такого рода вещи приходится приводить дословно, чтобы не навлечь обвиненія въ преувеличеніи или въ недобросовѣстности.

«Передъ нами два великихъ принципа,—говорятъ ученые авторы,—одинъ есть принципъ сбереженія энергіи (сбереженія силъ), т.-е. сбереженія объективнаго элемента вселенной. Другой есть законъ біогенезиса, въ силу котораго присутствіе одного живого существа во вселенной обличаетъ существованіе антецедента, обладавшаго жизнью. Эти два великихъ принципа заставляютъ насъ признать за самое вѣроятное рѣшеніе существованіе разумнаго фактора, дѣйствующаго во вселенной, и функція котораго заключается въ развитіи энергіи; затѣмъ, другого аналогичнаго фактора, функція котораго—развивать жизнь. Можетъ быть намъ слѣдовало бы скорѣе сказать, что этотъ выводъ наиболѣе соглашается съ принципомъ непрерывности. Этотъ выводъ мало отличается отъ христіанскаго ученія» и пр. [1]), и, повторяя lapsus Максвелля, объявляютъ, что совершенное тожество атомовъ придаетъ имъ характеръ сфабрикованныхъ предметовъ, и сфабрикованныхъ разумнымъ факторомъ и пр.

Молодой математикъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся профессоровъ University College, напечаталъ въ «Fortnightly Review», за прошедшій іюнь, опроверженіе на эти тирады. Статья произвела сенсацію, потому что впервые на страницахъ журнала, извѣстнаго своей respectability, появилась такая рѣзкая критика, направленная противъ британскаго ханжества и лицемѣрія.

Рѣчь Тиндаля въ британскомъ обществѣ поощренія наукъ [2]), сказанная въ прошломъ году въ Бельфастѣ, можетъ считаться послѣднимъ словомъ современной науки. Издатель Лонгмансъ напечаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ, которое разошлось въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Въ ней мы находимъ прежде всего весьма отчетливое и интересное резюме атомистическаго ученія, со временъ Демокрита и Лукреція и до нашего. Открытія Дарвина и теорія постепеннаго развитія связаны съ ней необыкновенно ловко. И если къ достоинству самого труда мы присоединимъ справедливое обаяніе, внушаемое именемъ автора, то понятенъ будетъ громадный успѣхъ его рѣчи. Успѣхъ этотъ длится до сихъ поръ и выражается въ безчисленныхъ изданіяхъ, и вотъ

[1]) The Unseen Universe, p. 188.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы", декабрь, 1874 г.

Digitized by Google

почему я упоминаю о ней въ настоящихъ замѣткахъ; хотя она больше не новинка, но интересъ, возбуждаемый ею, все еще очень живъ.

Вотъ почему также я поставилъ въ заголовкѣ имя самого Лукреція: оно является для насъ новинкой, несмотря на 18 вѣковъ, раздѣляющихъ насъ отъ него. Изданіе Мунро—верхъ эрудиціи и изящества, необходимаго отнынѣ для ученаго и литератора. Изъ 693 страницъ перваго тома, двѣ-трети заняты примѣчаніями, которыя не только поясняютъ сомнительныя мѣста, но указываютъ всѣ точки соприкосновенія между стихами поэта и открытіями новѣйшихъ ученыхъ: Тиндаля, Гельмгольца, Клэрка Максвелля и пр. Приведемъ, напримѣръ, изъ рѣчи Тиндаля тѣ строки, которыя надѣлали наиболѣе шума и вызвали наиболѣе опроверженій: «прослѣдите цѣпь жизни въ обратномъ отношеніи и поглядите, какъ она все болѣе и болѣе приближается къ тому, что́ мы называемъ чисто физическимъ состояніемъ. Мы достигаемъ, наконецъ, тѣхъ организмовъ, которые я сравнивалъ съ каплями масла, впущенными въ смѣсь алкоголя съ водой. Мы достигаемъ protogenes Геккеля, въ которыхъ мы имѣемъ «типъ, отличающійся отъ кусочка бѣлковины только своимъ красивымъ, зернистымъ сложеніемъ». Можемъ ли мы на этомъ остановиться? Мы переламываемъ магнитъ, и находимъ два полюса въ каждомъ изъ его обломковъ. Мы продолжаемъ ломать его, но какъ бы ни были малы части, каждая сохраняетъ въ себѣ, хотя и въ слабѣйшей степени, полярность цѣлаго. А когда намъ уже нельзя больше продолжать ломать магнитъ, то мы переносимъ умственное представленіе на частицы магнита. Не слѣдуетъ ли намъ предпринять нѣчто подобное и относительно жизни? Развѣ не является при этомъ охота повторить слова Лукреція, который утверждаетъ, что «природа, какъ мы это видимъ, творитъ все произвольно изъ самой себя», или слова Бруно, когда онъ объявляетъ, что матерія не есть «та чисто пустая capacitas, какъ ее изображали философы, но всеобщая мать, которая производитъ всѣ вещи изъ своей собственной утробы?» Вопросы, возникающіе при этомъ, неизбѣжны. Они надвигаются на насъ съ усиленной скоростью, и для насъ не безразлично, будутъ ли они поставлены такъ или иначе. Оставляя въ сторонѣ всякія недомолвки, я считаю себя обязаннымъ высказать свое признаніе, а именно, что я храню въ себѣ убѣжденіе, передаваемое изъ вѣка въ вѣкъ, относительно очевидности, основанной на опытѣ, и усматриваю въ матеріи,—которую въ своемъ невѣжествѣ я, не взирая

Digitized by Google

на наше благоговѣніе къ ея Творцу, мы презирали,—усматриваю въ этой матеріи обѣтъ и залогъ всякой формы и качества жизни».

Многимъ, по прочтеніи этого мѣста, захочется заглянуть въ оригиналъ, заглянуть въ «Natura rerum»—и въ изданіи Мунро найдутся всѣ желаемыя поясненія. Они укажутъ, что не слѣдуетъ заблуждаться насчетъ нѣкоторыхъ выраженій поэта, въ которыхъ онъ какъ будто считаетъ матерію мертвой.

Такимъ образомъ, открывъ сначала законы движенія вселенной и ея частей, человѣкъ находится наканунѣ того, чтобы узнать ея характеръ и внутреннее сложеніе: изучивъ «динамику» міра, онъ изучаетъ «статику» и химію. Пусть послѣ этого Спенсеръ напираетъ, сколько хочетъ, на границы, положенныя знанію, и на скромность ученыхъ и науки. Скромность въ этомъ случаѣ — убѣжище посредственности. Пытливый умъ испытываетъ справедливую гордость и неизъяснимую радость всякій разъ, какъ его открытія расширяютъ поле дѣйствія для человѣчества и повторяетъ прекрасныя слова Лапласа, въ его превосходномъ трактатѣ «О небесной механикѣ»: «Наконецъ, трудами многихъ вѣковъ отдернута завѣса, скрывавшая отъ взоровъ человѣка систему міра. Тогда онъ увидѣлъ себя жильцомъ планеты, едва примѣтной въ солнечной системѣ, обширное пространство которой, въ свою очередь, есть не что иное, какъ незамѣтная точка въ безконечности пространства. Великіе результаты, къ которымъ привело его это открытіе могутъ вполнѣ утѣшить его въ мѣстѣ, отводимомъ землѣ, показавъ ему его собственное величіе въ крайней малости основанія, послужившаго ему для измѣренія небесъ»! [1]).

---

[1]) Mécanique Céleste de Laplace, t. V., p. 480.

Digitized by Google

III.

1) *The Greville Memoirs*, a journal of the reigns of George IV and William IV, by the late Charles Greville. London. Longmans and C-ie. 1874, 3 vol. 8°.—2) *John Earl Russel:* Recollections and Suggestions, 1813—1873. London. Longmans and C-ie. 1875. 8°, 475 p.

Взгляды на мемуары вообще весьма различны: одни считаютъ ихъ лучшимъ матеріаломъ для исторіи, другіе признаютъ никуда негодными, упрекая въ пристрастіи и несправедливости. Конечно, тотъ, кто вздумалъ бы писать исторію революціи въ Англіи, избравъ, какъ единственный источникъ, разсказъ Кларендона, тотъ написалъ бы очень плохую исторію. Но это еще не значитъ, чтобы книга Кларендона не могла оказаться при случаѣ весьма полезной. Возьмите нѣсколькихъ лицъ, свидѣтелей одного и того же факта, мало-мальски сложнаго; каждый разскажетъ вамъ о немъ по-своему, а если разсказъ о немъ уже напечатанъ, тогда есть всѣ основанія думать, что каждый обзоветъ его ложью и пародіей, и возьмется представить единственное вѣрное описаніе того, какъ дѣло происходило. И всѣ они вполнѣ добросовѣстны. Только мы видимъ въ этомъ новый примѣръ: какъ трудно отдѣлаться отъ своего *я*, или, выражаясь просто, какъ трудно вѣрно наблюдать. Каждый пишетъ подъ вліяніемъ личнаго характера, темперамента, личныхъ стремленій и предразсудковъ: и самый умный безсознательно вноситъ все это въ свою оцѣнку явленій. Съ этой стороны и, смотря по качествамъ автора, мемуары могутъ принимать важное значеніе или равняться нулю. При этомъ историку слѣдуетъ разобрать истину, и для того, кто умѣетъ за это взяться и дѣйствуетъ осмотрительно, мемуары, конечно, будутъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для исторіи.

Слѣдуетъ при этомъ разбирать еще и то: былъ ли авторъ простымъ свидѣтелемъ событій, или же онъ принималъ въ нихъ живое и сильное участіе: «quorum pars magna fui», — какъ говоритъ набожный Эней; потому что не всѣ разсказчики такъ же скромны, какъ этотъ простодушный герой, и каждому человѣку свойственно преувеличивать роль, которую онъ игралъ въ извѣстныхъ событіяхъ. Даже тотъ, кто бывалъ простымъ лишь зрителемъ, зачастую воображаетъ, что руководилъ всѣмъ: повторяется вѣчная исторія мухи и быка съ плугомъ. Гревилль принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи. Не то, чтобы онъ доходилъ въ этомъ отношеніи до геркулесовыхъ столбовъ, но какъ бы то ни

Digitized by Google

было, а по поводу его Дизраэли обмолвился слѣдующей шуткой: «я считаю Гревилля самымъ тщеславнымъ человѣкомъ въ мірѣ, а между тѣмъ я читалъ Цицерона и знакомъ съ Бульвером Литтономъ».

Происходя изъ Варвикскаго дома, внукъ герцога Портлэндскаго, Гревилль былъ изъ числа тѣхъ немногихъ баловней судьбы, которымъ стоитъ только родиться на свѣтъ, чтобы быть счастливыми. Двадцати лѣтъ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ министерства, а въ 1821 г. получилъ мѣсто, или, лучше сказать, значительную синекуру «Clerk of the Council», которую удерживалъ за собой до 1839 г. Приходя непрерывно въ соприкосновеніе съ знаменитостями дня, онъ съ раннихъ поръ задумалъ и привелъ въ исполненіе мысль о дневникѣ, который теперь изданъ послѣ его смерти и въ теченіи года разошелся четвертымъ изданіемъ.

Дневникъ имѣлъ, слѣдовательно, успѣхъ и успѣхъ заслуженный, не столько по *качеству* книги, сколько по *количеству* фактовъ. Какъ и показываетъ его заглавіе, въ немъ говорится, главнымъ образомъ, объ эпохѣ, совпадающей съ царствованіями Георга IV и Вильгельма IV. Но разсказъ касается не одной только Англіи: авторъ сообщаетъ порою любопытныя подробности изъ разговоровъ съ иностранными посланниками и дипломатами. Къ тому же, онъ много путешествовалъ и не пропускаетъ случая разсказать, что онъ видѣлъ тамъ-и-сямъ, что гораздо интереснѣе его путевыхъ впечатлѣній и стихотворныхъ фантазій, которыми онъ увлекается порою, какъ, напримѣръ, при выѣздѣ изъ Неаполя.

Россія неоднократно упоминается въ разсказахъ этого неспѣшащаго повѣствователя. Будучи въ Римѣ въ 1830 г., Гревилль познакомился съ графомъ Ксавье-де-Метромъ и герцогомъ Дальбергомъ, а черезъ посредство послѣдняго подружился съ графомъ де-ла-Феронне, французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Вотъ небольшой эпизодъ, который онъ сообщаетъ по этому поводу, выводя первоначально на сцену герцога Дальберга.

«Онъ говорилъ мнѣ наканунѣ про ла-Феронне, описывая его какъ человѣка очень здравомыслящаго и честнаго, но «*diablement russe*». Вчера вечеромъ (24 мая 1830 г.) этотъ самый ла-Феронне разсказывалъ намъ про бунтъ гвардейцевъ, которымъ ознаменовалось начало царствованія императора Николая, бунтъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; онъ говорилъ намъ о твердости императора и о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ нимъ нѣсколько времени спустя; все это было разсказано очень толково и съ боль-

Digitized by Google

нимъ жаромъ. Онъ сообщилъ намъ, что на другой день послѣ бунта гвардейцевъ весь дипломатическій корпусъ явился къ императору, который произнесъ превосходную рѣчь съ совершенно спокойнымъ видомъ. Кончивъ аудіенцію, — говоритъ ла-Феронне, — императоръ провелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ залился слезами, восклицая: «вы видѣли меня въ роли императора: вы теперь увидите человѣка съ его чувствительностью. Я говорю съ вами, какъ съ лучшимъ другомъ, для котораго у меня нѣтъ ничего скрытаго». Императоръ прибавилъ, что онъ несчастнѣйшій изъ людей, вынужденный вступить на престолъ, котораго никогда не желалъ, и поставленный въ самомъ началѣ своего царствованія въ самое тяжелое и трудное положеніе; хотя онъ никогда не стремился къ престолу, но теперь, когда онъ ему достался, съумѣетъ его удержать и защитить. Когда ла-Феронне кончилъ: «L'entendez-vous, — сказалъ Дальбергъ: — comme il parle avec goût. Cela lui est personnel. L'empereur ne lui a pas dit la moitié de tout cela» [1]).

Одной изъ замѣчательныхъ женщинъ того времени, равно знаменитой какъ во Франціи, такъ и въ Россіи, княгинѣ Ливенъ, также отведено мѣсто въ этихъ мемуарахъ: и послѣ того, что писалъ о ней Шатобріанъ, будетъ не безынтересно узнать эту новую характеристику. Гревилль имѣлъ случай познакомиться съ ней въ 1819 г., въ Оутландъ-Паркѣ, резиденціи герцога Іоркскаго.

«Эта женщина, — говоритъ онъ, — весьма замѣчательна, и очень мила, когда захочетъ. Она богато одарена, но сознаетъ свое превосходство не менѣе, какъ и ничтожество другихъ людей. И презрѣніе, какое она питаетъ къ уму окружающихъ ее людей, дѣлаетъ то, что она не даетъ себѣ труда нравиться и не находитъ никакого удовольствія въ обществѣ. Манеры ея исполнены граціи и чувства собственнаго достоинства: это отлично образованная особа. Она пытается иногда быть ласковой въ обхожденіи; но дѣлаетъ это небрежно и неловко, потому что чувствуется усиліе. Она доводитъ манію скуки до такой степени, что не стѣсняется въ обществѣ ближайшихъ друзей объявлять, что умираетъ отъ скуки... Она пишетъ такъ же хорошо, какъ и говоритъ, съ легкостью и прелестью чрезвычайной, и совсѣмъ такъ ее не любятъ и друзей у ней мало. Манеры ея холодны и сдержанны, и такъ мало добродушія просвѣчиваетъ въ ея чувствѣ собственнаго достоинства, что немногіе люди рѣшаются про-

[1]) Эти слова приведены по-французски авторомъ.

Digitized by Google

бить ледъ, въ которомъ она себя, повидимому, заморозила» (t. I, p. 13).

Этотъ портретъ, не особенно лестный, даетъ довольно вѣрное понятіе о небрежности слога и частыхъ повтореніяхъ. Гревилль просто занимательный болтунъ, поэтому не надо требовать отъ него глубины въ оцѣнкѣ политическихъ событій. Объ одной изъ величайшихъ реформъ въ исторіи современной Англіи, о «Reform Bill» 1832 г., онъ разсуждаетъ такъ, какъ прилично только старымъ болтливымъ старухамъ. Не всѣ вполнѣ понимаютъ значеніе этой реформы: она была настоящей революціей, не менѣе важной по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ революція 1688 года. Внѣшней революціи, насильственнаго переворота, правда, не было, но это произошло главнымъ образомъ оттого, что, въ противность обычному ходу вещей, король и министры были на сторонѣ народа. Но умы были крайне напряжены и всеобщее броженіе умовъ въ Соединенномъ королевствѣ, волненія въ Лондонѣ, Бирмингемѣ и Манчестерѣ, бунты и пожары въ Бристолѣ — все даетъ думать, что страшная революція разразилась бы, еслибы лорды не уступили напору общественнаго мнѣнія. Извѣстно, какъ мало-по-малу и путемъ великихъ усилій были завербованы *waveres (колеблющіеся)*, и въ знаменитомъ засѣданіи 14-го апрѣля 1832 г. билль объ избирательной реформѣ былъ принятъ въ верхней палатѣ большинствомъ 9-ти голосовъ.

Гревилль сообщаетъ, между прочимъ, весьма интересныя подробности объ этомъ великомъ событіи; но все это мельчаетъ въ его разсказѣ. Тѣмъ не менѣе факты вѣрны, подлинны и даютъ матеріалъ, которымъ не долженъ пренебрегать историкъ этой важной эпохи. Словомъ сказать, книга заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, успѣхъ, встрѣченный ею и который можно было заранѣе предвидѣть въ странѣ, гдѣ общество такъ падко до мелкихъ фактовъ и личныхъ анекдотовъ.

Совсѣмъ иной характеръ носитъ книга, преподнесенная лордомъ Джономъ Росселемъ публикѣ, подъ заглавіемъ «Recollections and Suggestions». «Послѣдній изъ виговъ», апостолъ и зачинщикъ избирательной реформы, захотѣлъ представить такъ сказать рекламу событій, въ которыхъ онъ игралъ важную роль въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Вождь либеральной партіи съ 1834 по 1866 г., имя его связано съ большею частію великихъ мѣръ, которыя такъ существенно измѣнили, въ смыслѣ свободы и прогресса, столь глубоко аристократическую дотолѣ конституцію Великобританіи. Третій сынъ 6-го герцога Бедфордскаго, родившійся въ Лондонѣ въ 1792 г., лордъ Джонъ Россель сдѣлался

Digitized by Google

членъ парламента отъ мѣстечка Тавистокъ, въ 1813 г., за годъ до своего совершеннолѣтія. Уже въ 1819 г. онъ поднялъ вопросъ объ избирательной реформѣ, и съ этой эпохи рвеніе его не охладѣвало. Отмѣна «Test and corporations Acts», эмансипація католиковъ, введеніе гражданскаго брака (въ 1836 году), водвореніе системы свободной торговли и реформа по дѣлу образованія — все это мѣры, которыя онъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ возбуждены и доведены до конца только по его иниціативѣ.

«Джонъ Россель, — говоритъ лордъ Брумъ, — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ большой твердостью воли, доходящей порой до упрямства, очень дѣятельный: онъ много читалъ и много писалъ... Какъ ораторъ, онъ ясенъ и трезвъ, какъ «debater», онъ выходитъ изъ ряду вонъ. Въ кабинетѣ онъ всегда былъ однимъ изъ тѣхъ твердыхъ людей, которые не отступаютъ ни передъ чѣмъ и на которыхъ можно положиться. Онъ такъ увѣренъ въ себѣ, что возьмется за что угодно, и есть нѣкоторое основаніе въ шуткѣ Сиднея Смита, сказавшаго: «лордъ Джонъ одинаково готовъ принять командованіе флотомъ Ла-Манша, какъ и произвести операцію камня [1])».

Благородный графъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту послѣднюю оцѣнку его характера, на страницѣ 346 своей книги, — и совсѣмъ напрасно, думаемъ мы. Принявши шутку съ хорошей стороны, нельзя не сказать, что она представляетъ довольно вѣрный фактъ, а именно—существованіе у лорда Джона качества, необходимаго для государственнаго человѣка: смѣлости. Какъ бы то ни было, жизнь его не прошла даромъ, и понятна, и извинительна законная гордость, просвѣчивающая по временамъ изъ-подъ скромной оболочки, которою онъ облекаетъ то, что можно назвать повѣствованіемъ объ его подвигахъ. Книга написана живо, съ тою ясностью, которая отличала его рѣчи. Читатель находитъ въ ней очень точныя свѣдѣнія о фактахъ и о партіяхъ; старая и новая политика виговъ, напримѣръ, характеризуется въ ней со всей компетентностью, какую обѣщаетъ имя автора (p. 41—43).

Правда, тамъ-и-сямъ попадаются выраженія, могущія привести въ отчаяніе тѣхъ, кому не вполнѣ знакома борьба партій, съ ихъ безчисленными аксессуарами. Такъ, напримѣръ, авторъ неоднократно съ горечью и гнѣвомъ высказываетъ свое негодованіе на

[1]) „The Life and Times of Henry Lord Brougham", written by Himself. 3 vol. London. Blackwood and Sons. 1871. t. III. p. 469—70.

Digitized by Google

«Adullamites», а «Cave of Adullone» неоднократно поминается въ книгѣ съ громкими проклятіями. Тутъ заключается намекъ на насмѣшку, сказанную Джономъ Брайтомъ въ эпоху паденія кабинета Росселя въ 1866 г. Дѣло шло о новой избирательной реформѣ, съ тѣхъ поръ проведенной дальше и увѣнчанной торійскимъ министерствомъ въ 1860 г. Нѣсколько либеральныхъ членовъ, соединившись съ консерваторами, низвергли лорда Джона Росселя, и вотъ тогда-то Джонъ Брайтъ запятналъ членовъ этой коалиціи и въ особенности либеральныхъ дезертировъ, предводительствуемыхъ м-ромъ Лоу, сравнивъ ихъ съ людьми, которые присоединились къ Давиду, укрывавшемуся въ Адулланской пещерѣ отъ ярости Саула. «И всѣ тѣ, у кого худо шли дѣла и были долги, и тѣ, у которыхъ сердце полно было горечи, присоединились къ нему». (Самуилъ, XXII. . 2).

«Эта шайка,—говоритъ лордъ Россель о современныхъ адулламитахъ,—можетъ быть раздѣлена на три группы: первая заключаетъ въ себѣ эгоистовъ, вторая—робкихъ, третья—тѣхъ, которые были за-разъ и робки и эгоисты... Конечно, было и нѣсколько хорошихъ людей въ этой пещерѣ. Но, въ сущности, я не встрѣчалъ въ теченіи всей своей политической карьеры партіи, болѣе лишенной принциповъ и патріотическихъ стремленій. Когда эти бандиты, соединившись съ торіями, оставили правительство въ меньшинствѣ, кабинетъ счелъ за лучшее подать въ отставку, не потому, чтобы онъ не могъ перенести неудачи въ дѣлѣ частности избирательнаго закона, но было ясно, что шайка адулламитовъ не успокоится, пока не опрокинетъ министерства. Изъ трехъ группъ, вышедшихъ изъ адулланской пещеры, группа робкихъ возбуждаетъ состраданіе, группа эгоистовъ негодованіе, а группа робкихъ эгоистовъ презрѣніе» (р. 286). Есть, конечно, нѣкоторое личное недоброжелательство въ его словахъ, относящихся къ его преемнику.

«Я не могу повѣрить, что ошибался, предоставивъ м-ру Гладстону руководство партіей вигo-радикальной при министерствѣ Пальмерстона; я могъ только восхищаться его твердостью и разсудительностью въ управленіи нашими финансами. Я не имѣлъ никакого основанія думать, что онъ менѣе чѣмъ я дорожитъ національной честью; что онъ менѣе, чѣмъ я, гордится успѣхами нашей націи на сушѣ и на водѣ; что онъ противъ расширенія нашихъ колоній; наконецъ, что его мѣры будутъ клониться къ тому, чтобы низвести великую и славную имперію, за управленіе которой онъ брался, на степень бумагопрядильной фабрики и склада дешевыхъ товаровъ, съ арміей и флотомъ,

Digitized by Google

веденными жалкой экономіей до послѣдней степени безсилія и слабости» (p. 294).

Слова эти рѣзки, быть можетъ преувеличены. Однако, если принять во вниманіе, что нѣсколькими страницами далѣе авторъ отдаетъ должную справедливость министру, которому Англія обязана тремя великими реформами: отдѣленіемъ отъ государства ирландской церкви, поземельнымъ закономъ для Ирландіи, и закономъ объ образованіи, тотъ увидитъ въ этомъ сужденіи просто искренній взрывъ оскорбленнаго патріотизма, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе почти единодушно считаетъ внѣшнюю политику Гладстона неудачной. Что касается лорда Джона, то лучшей наградой и источникомъ живѣйшаго удовольствія для него должно служить то, что никто не оспариваетъ у него права произнести о себѣ самомъ слѣдующую великую и несложную похвалу, которую онъ высказываетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: «что касается меня, то, мнѣ кажется, я могу сказать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми людьми, управлявшими дѣлами этого края со времени революціи 1689 года, что мои цѣли были всегда честны, а счастіе моихъ согражданъ было единственной моей заботой и предметомъ всѣхъ моихъ усилій».

IV.

1) *Sir Samuel Baker, pacha:* Ismaïlia, a narrative of the expedition to central Africa for the suppression of the Slave trade. London, Macmillan et C°. 1874. vol. in 8°, 448 and 588 pages (with illustrations etc.).—2) *David Livingstone:* His last journal in central Africa. London, John Murray. 1874. 2 vol. in 8°, 360 and 344 pages (with maps and illustrations).

Книга сэра Самуила Бэкера надѣлала много шуму, не только по своему внутреннему достоинству, сколько благодаря политическимъ недоразумѣніямъ, вызваннымъ ею. Мы имѣемъ дѣло уже не съ простымъ путешественникомъ, восторженнымъ слѣдователемъ центральной Африки, которому міръ обязанъ открытіемъ озера Альберъ Ніанза [1]); передъ нами египетскій сановникъ, паша, облеченный оффиціальной должностью египетскимъ хедивомъ, Исмаиломъ, какъ о томъ напоминаетъ любезно заглавіе, выставленное на обложкѣ книги: «Ismaïlia».

Въ началѣ 1869 года, вице-король египетскій поручилъ на

1) См. между предыдущими сочиненіями сэра Самуила Бэкера «Albert N'yanza» и «The Nile tributaries of Abyssinia».

Digitized by Google

четыре года сэру Самуилу Бэкеру, съ высшими полномочіями, включая право жизни и смерти, командованіе надъ экспедиціей въ центральную Африку. По заключеніямъ фирмана, экспедиція организовалась «для покоренія власти хедива странъ, лежащихъ на югъ отъ Гондокоро: для уничтоженія торга невольниками; для установленія системы правильныхъ торговыхъ сношеній; для открытія навигаціи по великимъ озерамъ экватора, наконецъ, для основанія ряда военныхъ станцій и торговыхъ конторъ, на разстояніи трехъ дней ходьбы другъ отъ друга, избравъ Гондокоро центромъ операцій» («Ismaïlia», p. 7).

Вотъ текстъ фирмана, и надо сознаться, что хедивъ въ дѣлѣ присоединенія не церемонился. Гондокоро—родъ станціи на Бѣломъ Нилѣ, подъ 4 град. сѣверной широты и 32 град. восточной долготы (по Гринвичскому меридіану), и, присоединяя страны, свободныя къ югу, не было резону останавливаться раньше, чѣмъ дойдешь до англійскихъ владѣній Мыса Доброй Надежды. На дѣлѣ имѣлись въ виду главнымъ образомъ земли, лежащія между экваторомъ и 4-мъ град. сѣверной широты, съ одной стороны, между 31 и 35-мъ градусами восточной долготы съ другой. Таково и было почти пространство, пройденное экспедиціей и присоединенное къ Египту.

Читатель, интересующійся путешествіями, прочитаетъ эти два тома если безъ пользы, за то съ удовольствіемъ. Самуила Бэкера сопровождалъ отрядъ египетскаго войска въ 550 человѣкъ, и, кромѣ того, отборный отрядъ, окрещенный, и, какъ кажется, не безъ основанія, страннымъ именемъ «Сорока воровъ». Эта вооруженная сила навлекла на него больше непріятностей и нападеній, чѣмъ это можно было предполагать. Сочиненіе наполнено разсказами о сраженіяхъ и внезапныхъ нападеніяхъ, о какихъ читаешь въ романахъ Купера. Могикане и Сіу замѣнены уроженцами Фатико, Уніоро и пр. — все дикарями самаго худшаго свойства — все неграми, которымъ природа отпустила ума ровно настолько, чтобы убивать, воровать, лгать и напиваться. Есть тамъ одинъ король, по-имени Кабба-Рега, который одинъ стоитъ всѣхъ висѣльниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Онъ умасливаетъ Самуила Бэкера льстивыми рѣчами, получаетъ подарки и восторгается, между протимъ, ящикомъ съ музыкой, «чудесной выдумкой, которую вы можете слушать по вечерамъ, чтобы уснуть, когда вы слишкомъ пьяны, чтобы самому играть на какомъ-нибудь инструментѣ» (t. II, p. 240). Этотъ монархъ отравляетъ солдатъ Бэкера, даетъ ему настоящее сраженіе, въ которомъ убито много египетскихъ солдатъ, и затѣмъ божится ему, что онъ не

Digitized by Google

этомъ дѣлѣ не причемъ. Надо сознаться, что и египетскіе солдаты удивительны въ своемъ родѣ: начальникъ застаетъ ихъ однажды на томъ, что они собирались сожрать сырой и окровавленный кусокъ печени одного негра, въ надеждѣ, что вслѣдствіе этого ни одинъ негръ не спасется отъ ихъ ружейныхъ пуль.

Конечно, Самуилъ Бэкеръ въ этомъ не виноватъ, но смѣшно послѣ этого читать, какъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ поздравляетъ его съ тѣмъ, что онъ «выказалъ настойчивость, ловкость и гуманность англійскаго *джентльмена*». А это стóило показать туземцамъ центральной Африки. Такъ какъ это, во всякомъ случаѣ, единственный результатъ экспедиціи, то спрашиваешь себя: стóитъ ли поздравлять кого бы то ни было, и какимъ образомъ фактъ вторженія людей, пожирающихъ печень своихъ враговъ, можетъ содѣйствовать образованію сердца и ума африканскихъ туземцевъ?

Этотъ неуспѣхъ зависитъ отъ условій экспедиціи. Англійская пресса единодушно порицала сэра Самуила Бэкера за то, что онъ принялъ это порученіе отъ египетскаго вице-короля. Во-первыхъ, что касается факта присоединенія къ Египту центральной Африки, то замѣчали, что не дѣло англичанина помогать хедиву въ честолюбивыхъ замыслахъ, клонящихся ни болѣе, ни менѣе, какъ къ тому, чтобы основать африканскую имперію, предназначенную вырости на развалинахъ константинопольской. Египетъ въ настоящую минуту является ключомъ къ Индіи, и можетъ случиться, что Англія вынуждена будетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, вмѣшаться въ его дѣла. «Есть одно обстоятельство, — говоритъ анонимный критикъ, — которое англійскіе государственные люди должны имѣть всегда въ виду и быть постоянно на-готовѣ на случай дѣйствія; а именно: полное занятіе страны» [1]). Вчера еще м-ръ Брасси, членъ парламента, выражалъ ту же идею на митингѣ. Въ этомъ отношеніи находятъ, что экспедиція Самуила Бэкера могла втянуть Англію въ дѣло раньше, чѣмъ это было бы ей желательно.

Вотъ какъ смотрятъ въ Англіи на вопросъ о присоединеніи земель центральной Африки къ Египту. Что́ касается торга невольниками, то сэру Самуилу Бэкеру замѣчали, что невольничество въ настоящее время процвѣтаетъ у однихъ лишь мусульманъ, и что трудно повѣрить искренности хедива въ этомъ дѣлѣ. Въ

[1]) Fraser's Magazine.—Mars, 1875.

Digitized by Google

двухъ томахъ сочиненія Бэкера, мы встрѣчаемъ одного субъекта, играющаго роль злодѣя въ мелодрамѣ — это нѣкій Абу-Саудъ, «охотникъ на людей» худшаго свойства, находящійся на службѣ у одного торгового дома въ Картунѣ. Этотъ арабъ устраивалъ съ Бэкеромъ дьявольскія штуки, такъ какъ тотъ явился, чтобы помѣшать его дѣятельности,—возбуждалъ противъ него племена, которыя могли бы оставаться нейтральными, и былъ отчасти причиной неуспѣха экспедиціи: Бэкеру удалось арестовать его. И во второмъ томѣ, поставивъ уже слово «*finis*», онъ прибавляетъ слѣдующее небольшое замѣчаніе, являющееся нравоученіемъ книги и экспедиціи: «послѣ моего отъѣзда изъ Египта, Абу-Саудъ былъ выпущенъ на свободу и назначенъ адъютантомъ моего преемника» (t. II, p. 314).

Несмотря на этотъ политическій и нравственный неуспѣхъ, книга, повторяю, интересна и поучительна, какъ дневникъ путешествія, богатый фактами и эпизодами всякаго рода. Къ нему приложены карты, по которымъ можно слѣдить за всѣми перипетіями экспедиціи, и замѣчательныя иллюстраціи, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ карандашу одного изъ самыхъ замѣчательныхъ лондонскихъ артистовъ, Дюрону.

Послѣдній дневникъ Дэвида Ливингстона представляетъ только тотъ интересъ, который намъ всегда внушаетъ великодушный человѣкъ, ставшій жертвой своего самоотверженія. Но одного великодушія и самоотверженія не всегда бываетъ достаточно: результаты, добытые бѣднымъ докторомъ, конечно, несоразмѣрны съ понесенными имъ трудами.

Родившись въ Шотландіи въ 1817 г., сдѣлавшись однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ лондонскаго «общества миссіонеровъ», онъ провелъ бо́льшую часть своей жизни въ центральной Африкѣ, преслѣдуя за-разъ свою двойную цѣль, какъ евангелическаго миссіонера и какъ ученаго. Въ качествѣ послѣдняго имя его будетъ жить въ новѣйшей географіи Африки, какъ открывшаго озеро Нгами и рѣку Шамбезе. Но открытія его далеко не такъ важны, какъ открытія Бертона, Спика и Бекера. Несмотря на его миссіонерское рвеніе, послѣднее обстоятельство не мало мучило Ливингстона, который даже увлекся мыслію, что система Шамбезе должна быть главнымъ истокомъ Нила: предположеніе, считаемое ошибочнымъ большинствомъ географовъ.

Для провѣрки его, онъ предпринялъ въ 1866 г. свое послѣднее путешествіе, прерванное его смертью въ 1873 г. Читатели помнятъ, какъ посланный «New Iork Herald'a», м-ръ

Digitized by Google

Стенли, нашелъ его въ 1872 г. близъ Уджиджи: Ливингстонъ, уже шесть лѣтъ находившійся въ этихъ странахъ, съ убійственнымъ климатомъ, не хотѣлъ отказаться отъ своего предпріятія и умеръ отъ диссентеріи. Дневникъ его только повторенія и разглагольствованія въ перемежку съ интересными фактами. «Онъ былъ прежде всего *христіанскимъ миссіонеромъ*, — говоритъ «Quarterley Review». — И точно: только извѣстная доля мистицизма могла вырвать у него слѣдующія слова, безпрестанно повторяющіяся въ его книгѣ: «когда тотъ, кто все можетъ, выполнитъ свои предначертанія, тогда здѣшняя страна станетъ одной изъ чудеснѣйшихъ!» (t. II, p. 81). Между тѣмъ изъ его собственныхъ показаній, равно какъ и изъ матеріаловъ, доставленныхъ другими, вытекаетъ, что негры центральной Африки — гнуснѣйшая изъ расъ, за которыхъ можетъ краснѣть человѣчество; раса, долженствующая, по моему мнѣнію, исчезнуть со временемъ съ лица земли, для ближняго благополучія человѣчества. И это, право, не парадоксъ.

Что касается Ливингстона, то его примѣръ доказываетъ, въ противность тому, что́ неоднократно утверждалось, что сильная воля безсильна и приводитъ къ ничтожнымъ результатамъ, когда ее не подкрѣпляетъ большой умъ.

V.

Alfred Tennyson: Queen Mary, a drama. London. Henry King and C°, 1875.

Судьба была милостива къ намъ, когда мы предпринимали эту литературную корреспонденцію, и если она окажется неинтересной, то виною этому никакъ уже не матеріалы, доставляемые намъ судьбой. Послѣ Стюарта Милля и Джорджа Льюиса въ сферѣ философіи, Джорджа Эліота въ романѣ, послѣ сэра Генри Мэна и лорда Джона Росселя, послѣ Суинборна съ его «Ботвеллемъ», является Теннисонъ съ своей «Queen Mary». Британскій умъ находится въ сильномъ броженіи, и кажется, что всѣ великіе мыслители и знаменитые поэты дали себѣ слово ознаменовать крупными произведеніями послѣднюю четверть XIX-го вѣка.

Конечно, теперь уже прошло время Байрона и Шелли: наше столѣтіе, столь полное мирныхъ обѣщаній послѣ битвы при Ватерлоо, столь сильно волновавшееся съ тѣхъ поръ, не представ-

Digitized by Google

ляетъ при своемъ закатѣ того литературнаго блеска, которымъ оно озарялось вначалѣ. Шиллеръ и Гёте, Ламартинъ и Мюссе еще не нашли преемниковъ, и если Франція гордится Викторомъ Гюго, то это потому, что великій поэтъ, такъ-сказать, пережилъ свое время. Англія счастливѣе въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ. Вѣдь Байроны и Шекспиры нарождаются не каждый день, и за неимѣніемъ ихъ, она можетъ съ гордостью выставить Суинборна, Теннисона.

Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, носитъ титулъ «Poet Laureate»,—придворное званіе, удержавшееся въ этой странѣ традицій и которымъ королева увѣнчала его по смерти Уордсуорта, въ 1830 г. Онъ родился въ 1810 г., и его слава началась, главнымъ образомъ, съ 1830 г., эпохи, когда онъ издалъ поэму, озаглавленную «In memoriam» и написанную въ память сына историка Галлама, похищеннаго преждевременной смертью. Онъ уже издалъ до того, въ 1830 г., одинъ томъ своихъ поэмъ, который остался почти незамѣченнымъ публикой. Въ 1847 г. онъ издалъ поэму «The Princess», которая возбудила больше вниманія. Въ 1839 г. появились знаменитыя «Idylls of the King», изъ которыхъ послѣдняя «Gareth and Lynette» вышли только въ 1872 г. Если присоединить къ этому «Maud» (1833) и рядъ поэмъ, заключающихся въ «Enoch Arden» (1864), то мы будемъ имѣть полный списокъ главнѣйшихъ стихотвореній лауреата. На первый взглядъ это представляется довольно объемистымъ матеріаломъ, но бо́льшая часть этихъ поэмъ очень коротки, и шесть томовъ, образующихъ полное изданіе его сочиненій, могли бы съ успѣхомъ быть сжаты въ два тома. Авторъ—не изъ числа писателей, которыхъ можно упрекнуть въ слишкомъ большой плодовитости, и счастіе его, что онъ не умеръ 29-ти лѣтъ, какъ Шелли, или 36-ти какъ Байронъ. Это не важно, скажутъ мнѣ, и геніальное произведеніе остается такимъ, не взирая на то, сколько времени положено на его созданіе. Что за дѣло, сколько дней и ночей употребилъ Эсхилъ на сочиненіе «Ореста», или Шекспиръ на сочиненіе «Макбета»: мы наслаждаемся этими двумя мастерскими произведеніями, и этого довольно. Приводятъ также въ примѣръ Бальзака, который писалъ съ такимъ трудомъ, что не только его рукописи, но и корректуры были покрыты помарками, и до сихъ поръ памятны парижскимъ типографамъ. Но это не помѣшало ему написать очень много: его копотливость была дѣломъ щепетильности, а не безсилія. Безплодіе никогда не бываетъ удѣломъ генія, и нельзя по этому случаю не вспомнить о случаѣ съ Ма-

Digitized by Google

керомъ, превосходнымъ писателемъ, но плохимъ поэтомъ. Одинъ изъ его друзей потерялъ жену, и онъ задумалъ *утѣшить* его въ стихахъ, въ родѣ тѣхъ знаменитыхъ, которые онъ написалъ дю-Перрье. Этотъ трудъ занялъ у него три года, и когда похоронная ода дошла до своего назначенія, другъ уже былъ вторично женатъ.

Какъ бы то ни было, Теннисонъ, конечно, стоитъ выше Маккерба, и если у него не орлиный полетъ, то онъ все же не далеко отсталъ отъ орловъ. «Слава, которою пользуется Альфредъ Теннисонъ,—говоритъ одинъ критикъ,—безспорна, но такъ же скромна, какъ и его талантъ. Удивительное дѣло! въ его славѣ нѣтъ ничего надутаго, и въ популярности, которою онъ пользуется, глупость не при чемъ!» [1]) Затѣмъ выраженія: «спокойствіе», «безмолвіе», «отсутствіе восторженности, патетическаго элемента», «кроткая и безобидная гармонія», такъ и льются съ пера г. Эмиля Монтэгю и его французскихъ собратовъ; такъ что читатель приходитъ наконецъ къ заключенію, что въ поэмахъ Теннисона отсутствуетъ всякое поэтическое дарованіе.

Ничего не можетъ быть фальшивѣе этого взгляда, очень распространеннаго на континентѣ. Во-первыхъ, слава его была изъ тѣхъ, которыя особенно оспаривались и до сихъ поръ еще оспариваются. Затѣмъ, странное дѣло! англичанамъ нравится—кому его «In memoriam», кому «Enoch Arden», кому «Идилліи короля», а отъ тѣхъ вещей, которыя не въ томъ родѣ, въ какомъ написана ихъ любимая вещь, они безжалостно отворачиваются. «Enoch Arden», конечно, очень хорошенькая идиллія, хотя въ ней нѣтъ ничего королевскаго, и еслибы выполненіе было неудовлетворительно, то сама идея такъ удачна, такъ поэтична, что не можетъ не произвести значительнаго эффекта. Въ ней разсказывается исторія одного моряка, простого матроса, отправляющагося въ дальнее плаваніе: онъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе и проводитъ долгіе годы на необитаемомъ островѣ, и когда, наконецъ, одинъ корабль находитъ его и доставляетъ на родину, онъ узнаетъ, что его жена, его Анни, которая считала его умершимъ, вышла замужъ во второй разъ, вслѣдствіе нужды, за одного друга и стараго поклонника, которому она въ былое время отказала. Онъ тотчасъ же рѣшаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступить, но прежде хочетъ въ послѣдній разъ увидѣть ту, которую такъ сильно любилъ, и дѣтей, оставленныхъ ей. Онъ пробирается вечеромъ подъ деревья, окру-

[1]) Revue des deux Mondes, 18 Мая, 1866.

Digitized by Google

жающія маленькій домикъ, и притаившись за стекломъ, видитъ новую семью, новаго отца, своихъ собственныхъ дѣтей, красивыхъ и веселыхъ, свою жену, счастливую и играющую съ младенцемъ отъ второго мужа; онъ едва успѣваетъ заглушить страшный вопль: «который въ одну минуту, какъ труба послѣдняго суда, сокрушила бы это семейное счастіе». Только умирая, открываетъ онъ свое имя своей старой хозяйкѣ.

Сюжетъ, безъ сомнѣнія, очень трогательный; и однако нашлись люди, которые завопили о безнравственности! Другіе же, напротивъ того, превозносили свыше всякой мѣры самоотверженіе Эноха Ардена и выставляли его за образецъ великодушія и безкорыстія. Можно многое сказать объ этомъ: замѣчу только, что самоотверженіе его—какъ это бываетъ зачастую—нѣсколько вынужденное. Какъ бы ни поступилъ бѣднякъ, а мѣсто его занято. Жена его не только замужемъ за другимъ, но и имѣетъ отъ него дѣтей. Показавшись, онъ разрушилъ бы счастіе всѣхъ этихъ существъ; но его собственное было бы тѣмъ не менѣе утрачено. Словомъ, Энохъ Арденъ покоряется року,—покоряется честно и благородно, я согласенъ, но все же покоряется року. Читатели извинятъ это отступленіе по поводу такого интереснаго сюжета, значеніе котораго было совсѣмъ не понято англійскими критиками.

Какъ бы то ни было, и помимо всякихъ личныхъ пристрастій, «Idylls of the King» остается самымъ популярнымъ произведеніемъ Теннисона и, по-моему, оно наиболѣе того заслуживаетъ. Старыя британскія легенды доставили самый подходящій матеріалъ для этого поэта, не особенно восторженнаго, средняго и смирнаго таланта и туго вдохновляющагося. Говорили, что эти сюжеты отжили свое время, что все это лица изъ гобеленевыхъ обой, которыми нельзя интересоваться! Пусть такъ, но если обои хороши, если краски ихъ свѣжи и пріятны для глазъ, то—не бѣда! Изъ вещей средняго достоинства, онѣ не хуже другихъ. Что же касается живости красокъ и вѣрности описаній, идущихъ совсѣмъ въ разрѣзъ той идеѣ, какую мы составляемъ себѣ о легендахъ цикла Артура и Круглаго Стола, то эти вещи однѣ изъ самыхъ удачныхъ. Не могу не привести того мѣста изъ послѣдней идилліи: «Смерть Артура», въ которомъ Теннисонъ превзошелъ самого себя. Дѣло происходитъ вечеромъ великой битвы: всѣ рыцари Круглаго Стола убиты. Артуръ съ разбитымъ черепомъ остается наединѣ съ Бедиверомъ, послѣднимъ изъ его рыцарей, и приказываетъ ему сначала бросить въ воду его слав-

Digitized by Google

ную шпагу, которую онъ получилъ отъ морскихъ фей, чтобы она не доставалась въ руки враговъ:

Then spake King Arthur to sir Bedivere:
In those old days, one summer noon, an arm
Rose up from out the bosom of the lake,
Clothed in white samite, mystic, wonderful
Holding the sword...

«Тутъ король Артуръ сказалъ сэру Бедиверу: давно тому назадъ, въ одно лѣтнее утро, высунулась изъ озера рука, одѣтая въ бѣлый бархатъ, мистическая, удивительная, потрясая шпагой». Сэръ Бедиверъ неохотно и послѣ трехъ путешествій исполняетъ, наконецъ, волю короля и бросаетъ шпагу въ воду. Но прежде, чѣмъ она достигаетъ поверхности, высовывается рука, хватаетъ шпагу за эфесъ и три раза махаетъ ею надъ поверхностью воды и вмѣстѣ съ ней скрывается въ водѣ. Сэръ Бедиверъ разсказываетъ объ этомъ королю и въ третій разъ повторяются тѣ же самыя выраженія, по поводу руки, «clothed in white samite», и пр. Это очень удачный пріемъ, заимствованный у Гомера, равно какъ и:

«Then spake King Arthur to sir Bedivere».

Это производитъ впечатлѣніе спокойствія и простоты по истинѣ эпической. Артуръ чувствуетъ, что пришло время умереть и, согласно традиціи, велитъ отнести себя на берегъ большого озера, и тамъ: «они увидѣли, что мрачная барка—черная, какъ траурный крепъ, отъ носа до кормы—качается надъ ними: они подходятъ и видятъ, что вся палуба покрыта величественными фигурами, драпированными въ черное, укутанными въ черное, какъ привидѣнія; и возлѣ нихъ трехъ королевъ въ золотыхъ коронахъ: и изъ ихъ среды послышался крикъ—трепетный и дошедшій до самыхъ звѣздъ, которыя задрожали—и поднялся единодушный жалобный стонъ, подобный вѣтру, который свищетъ ночью въ пустынѣ» [1]).

[1]) There saw they how there how a dusky barge,
Dark as a funeral scorf from stem to stern,
Beneath them: and descending they were ware
That all the docts were dense with stately forms,
Black-stoled, black-hooded, like a dream; by there
Three queens with crowns of gold; and from them rose
A cry that shiver'd to the tingling stars,
And, as it were one voice, one agony
Of lamentations, like a wind that shrills
All night in a warte land.

Digitized by Google

Артура снесли въ таинственную барку, и три королевы взяли короля и начали плакать. «Но та, которая была выше другихъ ростомъ и красивѣе, положила голову короля къ себѣ на грудь—и разстегнула разбитую каску и принялась согрѣвать его руки и съ стономъ звать его по имени» [1]). Потомъ барка удаляется послѣ прощанія Артура: «я отправляюсь,—говоритъ онъ,—въ дальній путь и направляюсь въ Авиньонскую долину, гдѣ не бываетъ ни града, ни дождя, ни снѣга—гдѣ вѣтеръ никогда не дуетъ рѣзко; она цвѣтетъ, счастливая и прекрасная, покрытая лугами и плодовыми садами; тамъ я излечусь отъ своей жестокой раны» [2]).

Это прекрасно и въ самомъ дѣлѣ величественно; повторяю, это самое превосходное и поэтическое изложеніе легенды Артура. Въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе, кажется мнѣ, не заблуждается: геній Теннисона нашелъ въ этихъ поэмахъ свое истинное призваніе.

Но что онъ отказался отъ него, чтобы попытать свои силы на драмѣ — вотъ что́ трудно было бы понять, еслибы не знать объ его прежнихъ попыткахъ въ самыхъ разнообразныхъ родахъ. Есть и другая причина, о которой англійская печать не упоминала, но которая невольно приходитъ въ голову. Я говорю о послѣдней драмѣ Суинборна [3]). Это, конечно, предположеніе, но можно побиться объ закладъ, что успѣхъ «Bothwell» вдохновилъ музу Теннисона. Онъ сказалъ себѣ, что и онъ тоже можетъ написать драму: его соперникъ избралъ Марію Стюартъ, онъ остановился на другой Маріи: Маріи Кровожадной.

Это представляло уже свою невыгодную сторону. Но тѣмъ больше основаній упорствовать.

A vaincre sans péril, ou triomphe sans gloire, сказалъ себѣ лауреатъ. Трудно было бы выбрать болѣе неблагодарный сюжетъ и менѣе подходящій къ таланту автора. Можетъ ли быть что-нибудь антипатичнѣе этой королевы, заклейменной англичанами прозвищемъ «Bloody». У ней было мало симпатичныхъ или почтенныхъ качествъ, говоритъ Юмъ, и ея наружность была

---

[1]) But she, that rose the tallest of them all
And fairest, laid the head upon her lap,
And loored the shatter'd carque, and chafed his hands,
And call'd him by his name, complaining loud.

[2]) Where falls not houl, or rain, or any snow,
Nor ever wind blows loudly: but it lies
Deep—meadow'd, happy, fair with orkhord-lawns,
Where I will heal me of my grievous wound.

[3]) Разобранный въ первомъ письмѣ. См. январскій № „Вѣстн. Евр.", 1875.

Digitized by Google

тами же антипатичная, какъ и ея образъ дѣйствій. Упрямство, лживость, жестокость, злость, тиранство — всѣ эти стороны ея характера получали особый отпечатокъ отъ ея худого здоровья и ограниченнаго ума». Пять лѣтъ ея царствованія — отъ 1553 до 1558 г.—были ознаменованы казнями, которыя не могли однако возстановить католическую религію. Если къ этому присоединить бунтъ Нортомбеленда въ началѣ царствованія, бунтъ Уайта, казнь леди Джэнъ Грей, Кранмера, утрату Калэ, то мы найдемъ, что въ драматическихъ элементахъ нѣтъ недостатка. Но только нужно было вывести Марію на сцену такъ, какъ выводитъ Нерона или Ричарда III.

Вмѣсто этого, Теннисонъ задумалъ заинтересовать насъ своей героиней, т.-е., я хочу сказать, внушить намъ къ ней сострадніе, если не любовь. Но что̀ это за героиня! Мы привели слова Юма; но надо видѣть портреты, медали и гравюры того времени, болѣе поучительные, чѣмъ все другое. Какую симпатичную черту можно открыть въ этомъ желчномъ лицѣ, съ тонкими губами, съ узкимъ лбомъ, съ косымъ и злымъ взглядомъ: въ этой 38-ми-лѣтней мегерѣ, которой можно дать пятьдесятъ, съ ея морщинами, которая влюбляется истерической любовью въ не менѣе мрачную, чѣмъ она, историческую фигуру Филиппа II, одиннадцатью годами моложе ея?

Вотъ именно этой любовью и думалъ насъ заинтересовать поэтъ. Главная сцена перваго акта—послѣдняя, когда Марія, выйдя изъ залы совѣта, который согласился на ея замужство съ испанскимъ принцемъ, падаетъ чуть не въ обморокъ въ кресло, восклицая: «My Philip is all mine».

Во второмъ актѣ мы присутствуемъ при мятежѣ сэра Томаса Уайта, весьма блѣдной копіи съ мятежа Джека Кедъ въ «Генрихѣ VI» (2-я часть). Между тѣмъ Филиппъ не ѣдетъ и его посланникъ, Симонъ Ренаръ, играющій важную роль въ пьесѣ, подходитъ къ королевѣ: «вспомните,—говоритъ онъ ей,—о нашемъ послѣднемъ разговорѣ, когда я возвѣщалъ вамъ, что Филиппъ не пріѣдетъ, пока Джильфордъ Додли герцогъ Соффолькъ и леди Джэнъ не будутъ устранены съ дороги».

Мэри: Они умрутъ.—Симонъ Ренаръ: «А ваша прелестная сестра?»—Мэри: Она умретъ! враги мои у моихъ ногъ, и Филиппъ король!» [1])

---

[1]) That Philip would not come
Till Guildford Dudly and the Duke of Suffolk,
And Lady Jane Grey had left us.

Digitized by Google

Итакъ, королева, не сдававшаяся до сихъ поръ, соглашается казнить Джэнъ Грей, увлеченная страстью къ Филиппу. Печальное заблужденіе талантливаго человѣка! Конечно, бываютъ случаи, когда страсть смягчаетъ преступленія или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ ихъ трагическими, но не у этой старухи, у которой она просто отвратительна. Поэтъ, преслѣдуя свой неудачный замыселъ, показываетъ намъ въ слѣдующемъ актѣ Марію, воображающую, что она беременна, и обращающуюся съ восторженной тирадой къ будущему ребенку своему: «вотъ, онъ уже грядетъ, второй князь мира, великій защитникъ вѣры; звѣзда моя восходитъ... Свѣтъ новаго ученія погасаетъ—души Лютера и Цвингли блѣднѣютъ въ аду, гдѣ они несутъ свою кару—при видѣ моей звѣзды! Его скипетръ будетъ простираться отъ одной Индіи до другой, его шпага повергнетъ еретическіе народы къ его ногамъ—вѣра его охватитъ весь міръ, который станетъ его собственностью—какъ воздухъ и свѣтъ солнца! Разверзайтесь вѣчныя ворота! Идетъ король—моя звѣзда, мой сынъ! [1]).

Кромѣ того, что этотъ взрывъ материнской гордости очень мало трогаетъ насъ въ женщинѣ, казнившей Джэнъ Грей,—самый фактъ предполагаемой беременности разрѣшается водяной, что́ дѣлаетъ просто смѣшнымъ всю вышеприведенную тираду. Эти стихи утрачиваютъ всю свою прелесть, будучи не на мѣстѣ и, откровенно говоря: «Open, ye everlasting gates!» выходитъ довольно комично.

Mary. They shall die.
Renard. And your soloving sister?
Mary. They shall die.
My foes are at my feet, and Philip King!
(act. II. Sc. IV).

[1]) The second Prince of Peace
The great unborn defender of the Faith.
He comes and my star rises!
... The light of this new learning Wanes and dies:
The ghosts of Luther and Zwinglis fade
Into the deathless hell whiet is their doom
Before my star.
His sceptre shall go forth from Ind to Ind!
His sword shall hen the heretic peoples down!
His faith shall clothe the world thalt will be his
Like universal air and sunshine! Open
Ye everlasting gates! the King is here!
My star! my son!
(Act. III. Sc. II).

Digitized by Google

Главною сценою четвертаго акта является та, въ которой представлена смерть Кранмера. Стараго прелата, у котораго вырвали отреченіе, приводятъ въ церковь Св. Маріи, чтобы онъ покаялся тамъ публично, прежде чѣмъ его отведутъ на костеръ. Историческая сцена сохранена во всей ея красотѣ. Теннисона упрекали лишь въ томъ, что онъ слишкомъ налегаетъ на фактъ отреченія Кранмера: это было съ его стороны малодушіемъ, которое скорѣе слѣдовало бы сгладить, такъ какъ она оскорбляетъ отчасти величіе его прежняго образа дѣйствій. Наконецъ, наступаетъ послѣдній актъ. Марія, отчаявшись въ надеждѣ обратить свое королевство въ католическую вѣру, лишившись своего Филиппа — совсѣмъ безцвѣтная роль въ операхъ, — потерявъ надежду быть матерью, печально угасаетъ, снѣдаемая желчью и болѣзнью. Извѣстіе о взятіи Калэ французами наноситъ ей послѣдній ударъ. Поэтъ показываетъ ее намъ въ отчаяніи, лежащую на полу, между тѣмъ какъ одна изъ приближенныхъ ей женщинъ восклицаетъ: «о, несчастнѣйшая изъ королевъ, женъ и женщинъ!» Весьма неудачная мысль. Невольно припоминается безподобная сцена въ «Ричардѣ III», когда три женщины: герцогиня Іоркская, королева Елисавета и страшная Маргарита Анжуйская, эта Гекуба, тоже повергаются на землю, раздавленныя совсѣмъ иного рода бѣдствіемъ, и возбуждаютъ къ себѣ дѣйствительное состраданіе:

> On England's lawful earth
> Unlawfully made drunk with innocent blood! [1]).

Если теперь спросятъ: гдѣ же драматическое дѣйствіе? гдѣ же интрига? Иныхъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, какія видны изъ предыдущаго анализа. Критики первыхъ дней завопили о чудѣ, о Шекспировскомъ возрожденіи. Этотъ преждевременный восторгъ улегся, и всѣ пришли къ болѣе правильной оцѣнкѣ. Такъ какъ я не желалъ бы быть обвиненнымъ въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, то приведу слѣдующія слова критика, вполнѣ расположеннаго къ Теннисону: «Мы не рѣшимся утверждать, что драма «Queen Mary» имѣла настоящій успѣхъ,—говоритъ «British Quarterly Review» [2]),—хотя она, повидимому, написана для сцены, но производитъ скорѣе впечатлѣніе поэмы, предназначенной для чтенія, чѣмъ сценической вещи. Въ ней недостаетъ драматическаго огня и интереса. Она, бо́льшею частію,

[1]) King Richard III, Act. IV.
[2]) Октябрьскій №, 1875 г.

Digitized by Google

блѣдна и безцвѣтна: страсть отсутствуетъ и рѣдко сердце трогается при ея чтеніи. Даже съ поэтической точки зрѣнія, въ ней мало стиховъ, которые бы врѣзывались въ памяти, мало выраженій рельефныхъ, проникнутыхъ чувствомъ и мыслью, между тѣмъ какъ движеніе въ пьесѣ вялое и лишено энергіи, порыва и драматическаго дѣйствія».

Мнѣ нѣчего къ этому прибавить. Какъ со стороны лирическаго пафоса, такъ и со стороны чисто драматической пальма первенства рѣшительно остается за «Bothwell» Суинборна. Пусть Теннисонъ утѣшится: не одна дорога ведетъ въ Коринѳъ! Онъ уже былъ тамъ однажды, и снова вернется туда, когда сквозь утренній туманъ отправится туда вмѣстѣ съ какой-нибудь сестрой Вивіаны или Астолатской дѣвы.

А. Рѣ — ръ.

Лондонъ, 3 декабря 1875.

Digitized by Google

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ

ПО ПОВОДУ ПЕРЕСМОТРА УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся событій въ исторіи нашего учебнаго вѣдомства за истекшій годъ будетъ, конечно, считаться путешествіе особо для того назначенной коммиссіи по русскимъ университетамъ для собиранія матеріаловъ, необходимыхъ при пересмотрѣ университетскаго устава 1863 г. Эта коммиссія исполнила свое порученіе съ безпримѣрной быстротой: въ $2^1/_2$ мѣсяца успѣла она облетѣть всѣ окраины обширной Россіи, побывать въ Дерптѣ и Одессѣ, въ Варшавѣ и Казани, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ и въ Москвѣ, и возвратиться въ Петербургъ. Такая быстрота оказалась возможной, конечно, благодаря только тѣмъ усовершенствованнымъ способамъ передвиженія, которыми располагаетъ наше время. Какой траты времени потребовало бы подобное обозрѣніе русскихъ университетовъ лѣтъ 12 тому назадъ, при составленіи устава 1863 г.! Вѣроятно, тогдашнее малое развитіе желѣзно-дорожной сѣти и было причиною, что при составленіи устава 1863 года никто даже не напалъ на подобную мысль.

Но коммиссія исполнила возложенную на нее задачу въ такой короткій срокъ не столько благодаря желѣзнымъ дорогамъ, сколько благодаря особому способу, придуманному ею для изученія университетовъ. Примѣненіе фотографіи къ дѣлу науки съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе обширные размѣры. Въ прежнее время для изученія рѣдкой рукописи, хранящейся гдѣ-нибудь въ далекомъ краѣ, или для изученія флоры и фауны какой-нибудь вновь присоединенной варварской области, нужно было самимъ ученымъ собираться въ трудный и дальній путь. Теперь ученые спеціалисты могутъ спокойно оставаться въ своемъ кабинетѣ: достаточно снарядить экспедицію

Digitized by Google

изъ искусныхъ фотографовъ, снабдить ихъ хорошими снарядами и прогонами, и черезъ нѣсколько времени на рабочемъ столѣ у ученаго окажутся болѣе или менѣе вѣрные снимки съ стараго палимпсеста или съ животныхъ и растеній невѣдомой страны. Способъ, придуманный коммиссіей для болѣе быстраго изученія какъ положенія русскихъ университетовъ, такъ и свойства личнаго состава ихъ, напоминаетъ этотъ пріемъ.

Коммиссія выработала извѣстное количество вопросовъ—около 60. Эти вопросы были напечатаны особо для каждаго университета съ легкимъ видоизмѣненіемъ и перестановкою ихъ порядка. По пріѣздѣ коммиссіи въ университетскій городъ вопросы были раздаваемы профессорамъ и доцентамъ, которые должны были *по одиночкѣ* въ назначенный часъ являться въ коммиссію и отвѣчать на предложенные имъ вопросы. Благодаря этому средству, въ дневникѣ членовъ коммиссіи, которые *сами* записывали отвѣты, рисовался, такъ сказать, мгновенно умственный и нравственный силуэтъ вопрошаемаго профессора, и въ какіе-нибудь три дня весь личный составъ университета былъ снимаемъ съ натуры. Что такой способъ изученія представляетъ неоцѣненныя выгоды для научныхъ опытовъ—въ извѣстномъ отношеніи—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Нужно только въ такихъ случаяхъ, чтобы камера-обскура была снабжена вѣрными стеклами, чтобъ снимаемый предметъ былъ правильно освѣщенъ и достаточно долго подвергался дѣйствію снаряда; иначе, еслибы стекло было невѣрно наведено или точка зрѣнія выбрана неудачно, полученное изображеніе вышло бы мутное и мало пригодное для научныхъ цѣлей: мирный кроликъ, встревоженный необычнымъ зрѣлищемъ, можетъ оказаться со свирѣпой физіономіей, а лисица, пожалуй, выйдетъ похожей на ягненка. Поэтому научный результатъ дѣятельности коммиссіи долженъ былъ прежде всего зависѣть оттого, насколько удаченъ ея снарядъ, то-есть программа вопросовъ, по которымъ происходила катехизація призванныхъ къ отвѣту профессоровъ. Объ этой-то программѣ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Прежде всего выдѣлимъ цѣлую массу тѣхъ вопросовъ, которые кажутся внѣ всякой связи съ задачей коммиссіи, или на которые коммиссія не могла ожидать отвѣтовъ, т.-е. вообще вопросы такого рода, изъ-за которыхъ не стóило объѣзжать окраины Россіи. Такъ, напримѣръ профессоровъ спрашивали: „черезъ сколько минутъ послѣ звонка они начинаютъ лекціи?“ Такъ какъ между членами коммиссіи находился по крайней мѣрѣ одинъ университетскій профессоръ, то онъ могъ бы сообщить коммиссіи, не выѣзжая изъ Петербурга, что въ русскіе университеты перешелъ изъ Германіи обычай соблюдать *akademische Viertelstunde*, т.-е. начинать лекціи черезъ 1/4 часа послѣ звонка; поэтому

Digitized by Google

вопросъ коммиссіи едва ли сюда былъ направленъ. Если же коммиссія желала знать, дѣйствительно ли профессора выходятъ изъ профессорской ровно въ ту секунду, когда пробьетъ четверть,—съ аккуратностью кукушки на шварцвальдскихъ часахъ, — то на этотъ вопросъ могутъ отвѣчать и сторожа университета. Другой вопросъ: „можно ли дозволить профессору быть городскимъ головой?“ На этотъ вопросъ, въ разныхъ городахъ Россіи, можно отвѣчать различно; напримѣръ, для Одессы этотъ вопросъ можно разрѣшить отрицательно: несомнѣнное вниманіе тамошняго городского головы къ просвѣщенію, просвѣтителямъ и даже къ ихъ малолѣтнымъ дѣтямъ [1]), дѣлаетъ излишнимъ желаніе видѣть во главѣ города представителей науки; но при всемъ томъ, мы недоумѣваемъ, почему же коммиссія считаетъ вообще несовмѣстнымъ съ профессурой именно *только* положеніе городского головы? Не менѣе загадоченъ слѣдующій вопросъ: „что предпочтительнѣе, оставить ли за ректоромъ право давать профессорамъ отпуски до 29 дней или сократить этотъ срокъ до 8 дней, какъ въ Дерптѣ, а сроки до 29 дней предоставить совѣту?“ Къ числу вопросовъ, при которыхъ профессорамъ приходилось только выражать удивленіе, принадлежатъ слѣдующіе: „что извѣстно о *времяпровожденіи* студентовъ внѣ *времени* посѣщенія лекцій“? Конечно, Сократъ слѣдилъ иногда за Алкивіадомъ и могъ знать, что онъ дѣлаетъ *внѣ* его аудиторіи; но, во-первыхъ, у Сократа былъ одинъ студентъ, которымъ онъ особенно интересовался, а во-вторыхъ, не въ правахъ нашего времени вообще слѣдить за кѣмъ бы то ни было, подобнымъ образомъ; едва ли даже какой-нибудь отецъ семейства не удивился бы, еслибы его кто спросилъ о „времяпровожденіи“ его взрослыхъ сыновей внѣ дома. Профессора еще могутъ приблизительно заключать о размѣрѣ домашнихъ занятій студента, по его успѣхамъ въ наукѣ, но о „времяпровожденіи“ — подобныхъ знаній, мы думаемъ, профессора не могутъ имѣть; тутъ пришлось бы, пожалуй, для нѣкоторыхъ свѣдѣній о „времяпровожденіи“ пустить въ дѣло обоняніе, при помощи котораго доказываютъ иногда прислугѣ ея веселое „времяпровожденіе“.

Вотъ еще вопросъ: „начинаютъ ли и задолго ли *начинаютъ* передъ экзаменомъ рѣдѣть аудиторіи?“ Или: „какая степень близости существуетъ между профессорами и студентами?“ Но если на такіе вопросы легко было отвѣчать, потому что нечего было отвѣчать, то другіе вопросы были зато слишкомъ головоломны и даже совсѣмъ неразрѣшимы. Напримѣръ: „при какихъ условіяхъ было бы возможно

[1]) Въ оффиціальномъ изданіи Мин. нар. просв. (декабрь, 1875 г., 161 стр.), предъ отдѣломъ классической филологіи, уже напечатанъ тостъ Одесскаго городского головы за здоровье малолѣтнаго сына министра народнаго просвѣщенія, Гѣбба.

Digitized by Google

введеніе системы гонорарія безъ обремененія студентовъ, сравнительно съ теперешней платой за ученье?" Если спрашивавшіе имѣли въ виду гонорарій, который не превышалъ бы теперешней платы 40 или 50 руб., то объ этомъ нечего было бы и спрашивать. Студентамъ, конечно, оттого не было бы тяжелѣе, еслибы ихъ рубли пошли вмѣсто кассы университета въ карманъ 5-ти или 6-ти профессоровъ. Если же предполагался гонорарій, превышающій теперешнюю плату за лекціи, то самому искусному математику было бы не по силамъ придумать способъ, по которому 75 или 100 руб. оказались бы равными 50-ти, или уплата 100 руб.—не болѣе обременительной для платящаго, чѣмъ взносъ 50 руб. Къ числу такихъ трудныхъ вопросовъ отнесемъ также вопросъ петербургскому университету о мѣрахъ къ улучшенію *медицинскаго* факультета, котораго тамъ вовсе нѣтъ, и потому профессора едва ли могли найти что̀ отвѣчать по этому вопросу. Быть можетъ, впрочемъ, вопросные пункты составлялись въ ту эпоху, когда была увѣренность въ присоединеніи медицинской академіи къ университету, въ качествѣ факультета, — а послѣ совсѣмъ забыли уничтожить эти историческіе слѣды.

За исключеніемъ подобныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ нисколько не подвинуло бы дѣла о пересмотрѣ устава, вопросная программа коммиссіи значительно уменьшится. Если же привести и эти остальные вопросы къ одному знаменателю, то такимъ знаменателемъ будетъ мысль о необходимости во что бы то ни стало радикальнаго измѣненія устава 1863 г., благодаря которому вотъ уже 12 лѣтъ наши университеты пользуются желательнымъ для успѣховъ преподаванія науки спокойствіемъ. Что же касается до пріема вопросной программы, то онъ вездѣ одинъ: берется какое-нибудь положеніе стараго устава, представляется съ легкимъ тономъ осужденія или приводится въ связь съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ или мнимымъ недостаткомъ университетскаго образованія, независящимъ вовсе отъ устава, и затѣмъ ставится вопросъ: „полезно ли такое положеніе?" и—„не полезно ли отмѣнить такое положеніе?"—такъ что вообще отвѣтъ бо́льшею частью заключается уже въ самомъ вопросѣ. Это—та система, которая съ выгодой примѣняется искусными педагогами на экзаменахъ и называется *умѣньемъ наводить ученика* на *хорошіе* отвѣты, т.-е. на такіе, отъ которыхъ и ученикъ, и экзаменаторъ, могутъ равномѣрно выиграть свое дѣло. Напримѣръ: „полезно ли было бы ввести карцеръ въ систему наказанія? Приводить наказаніе къ двумъ формамъ—выговору и удаленію, не значитъ ли исключить вообще наказаніе изъ системы нравственнаго надзора за студентами?" Въ первой половинѣ вопроса — вопросъ, а во второй—довольно прозрачно указанъ желательный отвѣтъ на вопросъ. Стараніе представить состояніе нашихъ университе-

Digitized by Google

тов неудовлетворительнымъ, именно, по винѣ устава 1863 г., доходитъ имъ далеко, что въ пылу полемики вопросная программа приводитъ даже не совсѣмъ точныя данныя. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вопросовъ сказано, что въ германскихъ университетахъ составляются и рекомендуются студентамъ нормальные учебные планы, тогда какъ въ нашихъ университетахъ не въ обычаѣ составлять учебные планы. Если бъ комиссія изъ Варшавы заѣхала по сосѣдству въ ближайшій нѣмецкій университетъ, то она не включила бы такого замѣчанія въ свою программу. Правда, въ старинныхъ уставахъ и старыхъ циркулярахъ прусскаго министерства упоминаются учебные планы для студентовъ, но во многихъ университетахъ въ наше время не выдаютъ никакихъ учебныхъ плановъ студентамъ, какъ могутъ то засвидѣтельствовать многіе русскіе профессора, учившіеся за границей; а гдѣ такіе планы сохранились, какъ напр. въ Лейпцигѣ, тамъ они заключаются въ сухомъ перечисленіи предметовъ, преподаваемыхъ на факультетѣ, причемъ только при нѣкоторыхъ предметахъ сказано: такой-то предметъ удобнѣе слушать *послѣ* такого-то. Въ учебномъ планѣ юридическаго факультета напр. показаны *25* предметовъ—такое число, котораго не слушало конечно никогда большинство юристовъ; такъ что весь этотъ планъ лишенъ всякаго практическаго значенія, и печатное распредѣленіе лекцій въ нашихъ университетахъ имѣетъ несравненно болѣе характеръ *нормальнаго учебнаго плана*. Поэтому сѣтованіе комиссіи, что у насъ нѣтъ такихъ плановъ, какіе рекомендуются студентамъ за границей, совершенно напрасно, и по этому поводу можно только замѣтить, что отъ теоретическаго къ дѣйствительному знакомству съ германскими университетскими порядками труднѣе перейти, нежели объѣхать всю Россію.

Неточное знакомство съ дѣйствительными германскими порядками обнаруживается и въ другихъ случаяхъ. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что въ Германіи обыкновенно факультетамъ предоставляется право рекомендовать на выборъ министра *нѣсколькихъ лицъ* для занятія вакантныхъ мѣстъ. Здѣсь, кажется, не совсѣмъ точно разграничены понятія о правѣ и обязанности, и это невольно напоминаетъ одинъ уставъ, приводимый, конечно, для шутки однимъ нашимъ талантливымъ писателемъ: въ этомъ уставѣ было сказано, что членамъ комитета предоставляется право вставать съ своихъ мѣстъ при входѣ предсѣдателя.

Если насъ спросятъ, насколько можно съ достовѣрностью заключать изъ „вопросной программы“ коммиссіи о предстоящемъ переустройствѣ нашего университетскаго быта, то мы легко можемъ удо-

Digitized by Google

влетворить такому любопытству, не перепечатывая вопросовъ. Мы были поражены сходствомъ ихъ съ напечатанною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873 года статьею проф. Любимова, по поводу пересмотра устава. Въ вопросной программѣ нѣтъ ни одной новой мысли, ни одного новаго предположенія внѣ совѣтовъ, предлагавшихся въ упомянутой статьѣ. За то въ вопросную программу перешло изъ статьи даже то, что̀ совершенно не существенно или можетъ быть признано за личное мнѣніе пр. Любимова. Такъ, напримѣръ, спрашивается: „необходимо ли, чтобъ завѣдующій дисциплинарной частію былъ профессоръ? Не затрудняетъ ли профессоровъ обязанность проректора? Съ *охотою* ли принимается эта обязанность? Съ какими выгодами соединена эта должность?“ Весь рядъ этихъ вопросовъ объясняется тѣмъ, что въ упомянутой статьѣ пр. Любимова сказано въ стилѣ законодателя: „инспекція должна находиться въ непосредственномъ подчиненіи ректора“. Далѣе, профессора, вѣроятно, были въ немаломъ затрудненіи, когда имъ былъ предложенъ вопросъ: „необходимо ли сохранить содержаніе въ 300 р., получаемое секретаремъ факультета?“ Профессорамъ не было повода отстаивать это содержаніе, но не было также основанія высказываться противъ того, чтобы одинъ изъ ихъ товарищей получалъ за свои лишніе труды по составленію протоколовъ эти 300 р. Поэтому такой вопросъ можетъ казаться излишнимъ. Но появленіе его въ программѣ объясняется тѣмъ, что г. Любимовъ совѣтовалъ въ своей статьѣ употребить жалованье секретаря на вознагражденіе членамъ испытательной комиссіи.

Насколько отрицательная и полемическая сторона вопросовъ комиссіи, опирающаяся на статьи г. Любимова, ясна въ своей цѣли, настолько неопредѣленна ея положительная сторона. Будущій видъ нашихъ университетовъ представляется чрезвычайно смутнымъ сквозь призму вопросовъ, и трудно себѣ представить, что̀ именно желаетъ дать коммиссія взамѣнъ устава 1863 года. Въ этомъ отношеніи въ вопросахъ постоянно наталкиваешься на противорѣчія—противорѣчія чисто логическія, и противорѣчія относительно самой цѣли. Такъ, напр., въ одномъ вопросѣ осуждается „замѣчаемое въ общемъ уставѣ нашихъ университетовъ стремленіе къ обособленію каѳедръ чрезъ требованіе, чтобы ищущій каѳедры былъ докторомъ по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ его каѳедрѣ, такъ что, слѣдовательно, докторъ астрономіи или механики не можетъ сдѣлаться профессоромъ математики“ и т. д. Въ другомъ же вопросѣ рекомендуется для будущаго устава постановленіе: „чтобы никто не могъ быть про-

Digitized by Google

фессоромъ, не сдѣлавшись извѣстнымъ учеными трудами по предметамъ замѣщаемой каѳедры". Выставляя такимъ образомъ требованіе, чтобы по новому уставу получающій каѳедру астрономіи былъ *извѣстенъ* сочиненіями по астрономіи, а получающій каѳедру механики *извѣстенъ* сочиненіями по *механикѣ*, коммиссія возстановляетъ для устава 1876 года то самое, что она осуждаетъ въ уставѣ 1863 года.

Далѣе — словесный факультетъ осуждается за стремленіе дробиться на отдѣленія. Даже математическій факультетъ осуждается за то, что онъ дозволилъ выдѣлиться естественному отдѣленію. Осужденіе произносится въ виду того, что подобная спеціализація и дробленіе „ведутъ къ значительнымъ практическимъ неудобствамъ при выборѣ и назначеніи учителей",—а черезъ двѣ страницы словесному факультету предлагается вопросъ: „какія особыя мѣры считалъ бы онъ необходимыми для возможно лучшаго приготовленія: а) преподавателей древнихъ языковъ, б) преподавателей русскаго языка и словесности, в) преподавателей исторіи"? Конечно, всѣ профессора словеснаго факультета должны были на это отвѣтить: „именно тѣ мѣры, которыя осуждаются коммиссіей, т.-е. дробленіе старшихъ курсовъ на отдѣленія, соотвѣтствующія названнымъ категоріямъ учителей, и что если коммиссія допускаетъ такіе разряды учителей и требуетъ для нихъ спеціальнаго приготовленія, то она сама признаетъ необходимымъ то, что осуждаетъ.

Но гораздо важнѣе подобныхъ противорѣчій, число которыхъ мы могли бы увеличить другими примѣрами—то существенное противорѣчіе относительно общаго характера будущихъ русскихъ университетовъ, насколько онъ обрисовывается въ вопросахъ коммиссіи. Этотъ характеръ представляется то съ либеральными, то съ противоположными очертаніями; въ перспективѣ рисуется не то ультра-германскій университетъ, не то военная школа, съ соотвѣтственною дисциплиною. Такое колебаніе совершенно соотвѣтствуетъ знаменитой нерѣшительности г. Любимова въ прежнихъ статьяхъ его, на которую было указано въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы" въ статьѣ: „Нашъ Аргонавтъ". Въ вопросахъ прославляется, съ одной стороны, германская система съ началомъ „свободы преподаванія и слушанія", и спрашивается: „не должны ли дальнѣйшіе шаги въ развитіи и нашихъ университетовъ направляться къ усвоенію этихъ началъ?"—Съ другой стороны, эта свѣтлая перспектива подтушевывается нѣкоторыми объясненіями, которыя значительно затемняютъ фонъ картины. Надъ университетами будетъ царить экзаминаціонная коммиссія, къ

Digitized by Google

программамъ которой *свободные* профессора будутъ приспособлять свои *свободныя* лекціи, а *свободные* въ своихъ занятіяхъ студенты будутъ искать на лекціяхъ университета отвѣтовъ для предстоящаго экзамена предъ этой коммиссіей. Но такъ какъ коммиссію безпокоитъ опасеніе, что студенты, пожалуй, не станутъ искать этихъ отвѣтовъ на профессорскихъ лекціяхъ, и профессора будутъ напрасно декламировать *съ онемъ* въ пустыхъ аудиторіяхъ, то для предотвращенія такого злоупотребленія свободой, коммиссія предложила на обсужденіе профессоровъ слѣдующія раціональныя мѣры: „чтобы быть допущенными до экзаминаціонной коммиссіи, студенты должны будутъ запасаться свидѣтельствомъ профессоровъ о посѣщеніи ихъ курсовъ", т.-е. значитъ, на свободныхъ профессоровъ предполагается возложить обязанность считать въ своей аудиторіи число свободныхъ студентовъ и спрашивать ихъ имена. Далѣе, подвергающіеся экзамену должны будутъ представлять въ испытательную коммиссію сочиненія, просмотрѣнныя и одобренныя профессорами, профессорскія свидѣтельства объ удовлетворительныхъ отвѣтахъ на экзаменахъ и репетиторіяхъ, т.-е. на профессоровъ будетъ возложено не то право, не то обязанность, выдавать плательщикамъ гонорарія какого-то рода паспорты.

При болѣе пристальномъ изученіи программы темный фонъ картины беретъ окончательно верхъ надъ лучами западнаго либерализма и читатели приходятъ къ заключенію, что сущность предполагаемыхъ перемѣнъ, по крайней мѣрѣ по плану вопросной программы, заключается во введеніи *школьнаго* строя. Что студенты должны превратиться въ школьниковъ—явствуетъ изъ упомянутыхъ мѣръ, предлагаемыхъ „при свободѣ слушанія". Что профессора должны обратиться въ школьныхъ учителей—видно изъ предположеній коммиссіи и мнѣнія г. Любимова, что профессора должны читать лекціи по всѣмъ предметамъ своихъ факультетовъ. Что факультеты предполагается превратить въ школы—видно изъ намѣренія, ясно выраженнаго въ программѣ, сократить число каѳедръ — на словесномъ факультетѣ, напримѣръ, уничтожить каѳедры всеобщей литературы, церковной исторіи и исторіи искусства, но за то ввести педагогію и географію;—на юридическомъ факультетѣ уничтожить энциклопедію права и на половину уничтожить государственное право и международное право или, какъ выражается коммиссія, слить ихъ въ одну каѳедру. Это сокращеніе каѳедръ совершенно согласно съ основнымъ положеніемъ статьи г. Любимова, чтобы все преподаваніе вращалось около нѣсколькихъ главныхъ предметовъ, преподаваемыхъ по программѣ, установленной не профессорами.

Digitized by Google

Странная мысль—превратить университетъ въ школу—зародилась еще прежде въ головѣ человѣка, пожертвовавшаго каѳедрой для учительства и университетомъ для основанной имъ школы. У этого человѣка была властолюбивая, пристрастная къ дисциплинарному строю натура, которая должна была мало-по-малу сдѣлать ему антипатичнымъ университетъ и заставила принести въ жертву новому Молоху стремленіе юности. Экзаминаціонная коммиссія, на половину состоящая изъ профессоровъ университета и на половину изъ преподавателей лицея, могла бы имѣть смыслъ для основателя лицея,—но кому же нужна эта цѣль теперь?

Конечно, умершій учитель оставилъ адептовъ; главные изъ этихъ адептовъ вошли въ составъ коммиссіи, объѣзжавшей русскіе университеты, и потому не удивительно, что въ программѣ ея встрѣчаются указанныя воззрѣнія. Но есть основаніе думать, судя по программѣ, что адепты не вполнѣ усвоили себѣ тайну своего учителя. Архитекторъ при жизни успѣлъ заготовить много матеріала—навезли и кирпича и дерева—изъ-за границы выписали разныя новыя машины, необычныя для русскихъ рабочихъ. Но вотъ, архитекторъ умираетъ, и съ нимъ исчезъ организующій духъ; несмотря на это, ученики продолжаютъ работу—кто считаетъ кирпичи, кто ломаетъ голову надъ смѣтой, кто задумывается, какъ бы пустить въ ходъ иностранную машину, и для лучшаго успѣха считаетъ необходимымъ нарядить русскихъ рабочихъ въ заграничную блузу.

Но возвратимся къ коммиссіи. Уже краткое обозрѣніе предлагаемыхъ ею вопросовъ показываетъ, что результатъ, который будетъ добытъ такимъ путемъ, едва ли существенно увеличитъ свѣдѣнія, находившіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія до отправленія въ путь коммиссіи. Что, напримѣръ, могло выиграть министерство отъ отвѣтовъ профессора на подобные вопросы: есть ли въ такомъ-то университетѣ казенныя квартиры, или какимъ образомъ израсходованы такія-то суммы, отпущенныя на приватъ-доцентовъ? Свѣдѣнія, которыя могли заключаться въ отвѣтахъ, конечно, давно имѣлись въ министерствѣ. Но цѣнность добытаго коммиссіей матеріала еще уменьшается вслѣдствіе самаго способа добыванія его. Форма *единичнаго* допроса профессоровъ представляла картину испытан[ія] предъ будущими экзаминаціонными коммиссіями, составъ котор[ыхъ] будетъ, вѣроятно, не менѣе разнообразенъ. Допрашивались [профес]сора по одиночкѣ, съ глазу на глазъ съ коммиссіей. Допросъ [продол]жность, продолжался долго, другимъ пришлось быть на допросѣ [по] нѣ[сколь]кихъ вызывали утромъ, другихъ днемъ, иныхъ вечер[омъ] придти къ

Digitized by Google

около полуночи, когда коммиссія не могла не быть совершенно утомленной. Не только роль отдѣльныхъ профессоровъ на допросахъ была различна, но не менѣе различна роль отдѣльныхъ факультетовъ и университетовъ. Въ одномъ городѣ коммиссія оставалась долго, въ другомъ недолго; одинъ факультетъ шелъ на допросъ въ началѣ, когда этотъ допросъ имѣлъ для коммиссіи прелесть новизны, другой въ концѣ, когда коммиссія уже собиралась въ путь; вслѣдствіе этого одинъ факультетъ, напримѣръ, занималъ коммиссію недѣлю, на долю другого выпадалъ одинъ день. Нѣкоторые профессора приносили съ собой письменные отвѣты; имъ, тѣмъ не менѣе, предлагалось давать и устные; большинство ограничивалось устными. Что касается до послѣднихъ, то не совсѣмъ ясно, какую пользу могла извлечь изъ нихъ коммиссія, такъ какъ она не запаслась стенографомъ. Объясненія и отвѣты, даваемые профессорами, записывались самими членами коммиссіи. Но, не будучи стенографами и притомъ утомляясь записываньемъ, продолжавшимся нѣсколько, иногда по 8-ми, часовъ сряду,—каждый изъ членовъ записывалъ, конечно, только то, что ему казалось нужнымъ, такъ что допрашиваемые профессора едва ли узнаютъ свое мнѣніе. Но даже и при такомъ сокращенномъ способѣ записыванія, въ рукахъ коммиссіи должно было оказаться, въ виду огромнаго числа допрошенныхъ, громадное количество отрывочныхъ мнѣній и замѣчаній по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Спрашивается, какое употребленіе захочетъ сдѣлать коммиссія изъ сырого матеріала, который набрался въ ея портфели, и какое употребленіе въ состояніи она будетъ сдѣлать? При этомъ невольно приходитъ на умъ одинъ ученый, который всю жизнь читалъ ученыя сочиненія, выписывалъ изъ нихъ глубокомысленныя „максимы“ на отдѣльныхъ ярлычкахъ, которые клалъ въ отдѣльные ящички, собираясь когда-нибудь слить этотъ матеріалъ въ цѣлое. Но ярлычковъ оказалось такъ много, а содержаніе „максимъ“ было такъ разнообразно и безсвязно, что онъ до сихъ поръ ничего не написалъ.

На обязанности коммиссіи, кромѣ полученія отвѣтовъ на стереотипные вопросы, лежало еще изученіе учебныхъ средствъ и пособій университетовъ: лабораторій, кабинетовъ, музеевъ и т. д. Коммиссія, конечно, посѣщала послѣдніе, но ограниченная въ своемъ времени и принятая главнымъ образомъ отбираніемъ отвѣтовъ, она могла удѣлять эту обязанность свою лишь по нѣскольку минутъ, такъ что [illegible] ею университетскихъ кабинетовъ имѣло бо́льшею частью [illegible] дней тѣхъ обычныхъ посѣщеній, какихъ удостоиваются ученыя [illegible] нѣкоторыя учрежденія со стороны иностранныхъ гостей.

[illegible]ѣ, уст[illegible]

Digitized by Google

Въ виду всего этого можно спросить, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какую же собственно цѣль имѣла въ виду коммиссія и какихъ результатовъ ожидала она отъ своей поѣздки? Естественно думать, что еслибы коммиссія желала познакомиться съ состояніемъ науки въ нашихъ университетахъ, съ характеромъ преподаванія и съ тѣмъ, что выносятъ слушатели изъ университетскаго преподаванія, то члены ея должны были бы состоять изъ признанныхъ въ научномъ мірѣ авторитетовъ, такъ какъ, по мнѣнію коммиссіи, и профессоромъ можетъ быть только лицо, сдѣлавшееся извѣстнымъ по своей спеціальности, а каковъ же долженъ быть научный авторитетъ того, кто обсуждаетъ дѣятельность профессоровъ; члены коммиссіи должны были бы употребить гораздо больше времени на дѣйствительное изученіе нуждъ университета и, напримѣръ, побывать въ университетахъ въ маѣ, во время экзаменовъ.

Имѣла ли въ виду коммиссія узнать, какъ относятся университеты къ нынѣ дѣйствующему уставу? Но для этого не нужно было бы вовсе пускаться въ путь, такъ какъ не болѣе, какъ три года тому назадъ, всѣ университеты высказались въ пользу устава 1863 г.

Имѣла ли она въ виду узнать, какъ относятся университеты къ мѣрамъ, предложеннымъ въ „Рус. Вѣсти.“ относительно преобразованія устава?

Для этого было бы достаточно разослать статью г. Любимова и предложить университетамъ обсудить ее, какъ это было сдѣлано въ московскомъ университетѣ, совѣтъ котораго *единогласно* забаллотировалъ „мнѣніе“ г. Любимова.

Можетъ быть, коммиссія полагала, что мнѣнія г. Любимова найдутъ болѣе сочувствія между профессорами при одиночномъ допросѣ ихъ съ глазу на глазъ съ самимъ авторомъ? Но какое же значеніе могутъ имѣть въ глазахъ министерства мнѣнія такихъ профессоровъ, которые высказались бы на-единѣ съ коммиссіей иначе, чѣмъ при гласномъ обсужденіи проекта г. Любимова въ совѣтѣ или въ печати; притомъ же, это мнѣнія, не скрѣпленныя авторами ихъ и записанныя лицами, напередъ заявившими свою солидарность съ извѣстной системой какъ самымъ содержаніемъ, такъ и расположеніемъ предлагаемыхъ вопросовъ.

Въ виду всего этого мы продолжаемъ питать полную увѣренность, что министерство народнаго просвѣщенія сохранитъ вполнѣ свою независимость отъ заключеній коммиссіи, если только она могла придти къ

Digitized by Google

какимъ-нибудь заключеніямъ,—и это тѣмъ легче для министерства, что оно имѣетъ точнѣйшія свѣдѣнія объ университетахъ отъ своихъ попечителей, изъ которыхъ каждый знакомъ съ своимъ университетомъ не двѣ, или три недѣли, а цѣлыми годами; на основаніи постоянныхъ отчетовъ попечителей, министерству должно быть близко знакомо настоящее положеніе его университетовъ, и потому ему вовсе не нужно стѣсняться результатами безпримѣрно быстрой работы комиссіи, возвратившейся нынѣ изъ своего путешествія. Все это мы говоримъ съ цѣлью успокоить нашихъ алармистовъ, тревожащихъ общество слухами и разсказами о работахъ комиссіи.

В. Н.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е января, 1876.

Выборы во французскій сенатъ.

Республиканская партія во Франціи въ прошломъ мѣсяцѣ одержала весьма важную побѣду: изъ числа безсмѣнныхъ сенаторовъ, избранныхъ національнымъ собраніемъ, огромное большинство принадлежитъ къ партіи республиканской. Важность этого успѣха удостовѣряется прежде всего тѣмъ значеніемъ, какое орлеанисты придавали самому учрежденію сената. Учрежденіе сената было цѣной, которую республиканское меньшинство заплатило за учредительные законы 25-го февраля, то-есть за формальное установленіе республики. До 1875 года во Франціи былъ только „септеннатъ", не было органическихъ учрежденій и законовъ, опредѣляющихъ способъ перехода власти изъ однѣхъ рукъ въ другія. Опасеніе успѣховъ бонапартизма и сознаніе, что національное собраніе когда-нибудь должно будетъ разойтись до наступленія возможности возстановить орлеанскую монархію, побудили партію праваго центра придумать такое учрежденіе, въ которомъ она могла бы пережить нынѣшнее собраніе, имѣя въ рукахъ органъ, посредствомъ котораго партія эта надѣялась сохранить вліяніе на ходъ дѣлъ. Вотъ для чего придуманъ былъ сенатъ, состоящій не болѣе, чѣмъ изъ 300 членовъ, изъ числа которыхъ 75 должны были быть избранными нынѣшнимъ собраніемъ и оставаться безсмѣнными. При этомъ правый центръ былъ убѣжденъ, что, составляя въ собраніи „ключъ зданія", ту побѣдоносную дружину, которая рѣшаетъ дѣло въ важнѣйшія минуты то своимъ постояннымъ союзомъ съ правой стороной, то временнымъ соединеніемъ съ лѣвой стороной, онъ пріобрѣтетъ для своихъ членовъ значительное число, а для всей правой вмѣстѣ — огромное большинство въ средѣ 75 первыхъ сенаторскихъ мѣстъ. Только въ силу этого убѣжденія и подъ формальнымъ условіемъ, что лѣвый центръ подастъ голоса за учрежденіе сената, орлеанистскій правый центръ рѣшился временно соединиться съ нимъ и вотировать „окруженіе септенната органическими учрежденіями". Плодомъ этого соединенія была республиканская конституція 25-го февраля 1875 года.

Что же оказалось въ минувшемъ мѣсяцѣ? Изъ числа 75 избранныхъ собраніемъ сенаторовъ, къ орлеанистской правой и правому центру принадлежатъ только пятеро, изъ которыхъ еще трое: пре-

Digitized by Google

зидентъ собранія, военный и морской министры были избраны только потому, что за нихъ подавала голоса часть лѣвой стороны. Пораженіе для орлеанистовъ полнѣйшее. Та цѣна, которою у нихъ было куплено провозглашеніе республики, не уплачена имъ, тотъ оплотъ, который они хотѣли создать себѣ въ будущемъ, ускользнулъ изъ ихъ рукъ и достался въ руки ихъ противникамъ, будетъ служить средствомъ не къ смѣнѣ республики орлеанскою монархіей при удобномъ случаѣ, но средствомъ къ упроченію республики.

Въ такомъ результатѣ орлеанисты должны винить свою же алчность, свою самоувѣренность. Составляя списки кандидатовъ, они предоставили 17 мѣстъ себѣ, 12 близкой имъ умѣренной правой (Кердрель, Депейръ и т. д.), 6—также близкимъ себѣ консерваторамъ (группѣ Pradié-Шангарнье, Джонстонъ и проч.), 5—еще одной фракціи правой стороны (группа de-Clercq), короче—40 мѣстъ себѣ и своимъ союзникамъ; легитимистамъ (крайняя правая) они хотѣли предоставить только 13 мѣстъ и пограничной съ лѣвою стороной группѣ Lavergne (Валлонъ, Лавернь и др.) 7 мѣстъ. Такимъ образомъ, они хотѣли предоставить фракціямъ правой стороны 62 мѣста изъ 75; всѣмъ группамъ лѣвой, всѣмъ республиканскимъ партіямъ вмѣстѣ предполагалось дать только 13 мѣстъ, да и то еще говорили о возможности включить въ это послѣднее число нѣсколько лицъ, взятыхъ внѣ собранія, и конечно—не республиканцевъ.

Такая алчность и самоувѣренность и были причиною пораженія. Нѣсколько членовъ крайней правой стороны (маркизъ де-Франьё, де-ла-Рошеттъ), такъ-называемыхъ chevau-légers, сочли ее обдѣленною и не могли простить этой новой интриги той орлеанистской партіи, „которая, сдѣлавъ республику противъ короля, теперь хотѣла создать сенатъ противъ республики“, какъ выразился одинъ изъ членовъ крайней правой, де-ла-Рошеттъ, въ письмѣ. Лѣвая сторона ловко воспользовалась этимъ настроеніемъ и предложила легитимистамъ свой союзъ, который и былъ принятъ. Легитимисты стали подавать голоса съ республиканцами, „предпочитая открытыхъ враговъ скрытымъ недругамъ“, по другому выраженію письма ла-Рошетта. Конечный результатъ былъ таковъ: избраны были 23 члена лѣваго центра (Казиміръ Перье, Лабуле, Пикаръ, Воловскій), 14 членовъ „республиканской лѣвой“ (Бартелеми-Сентъ-Илеръ, Литтре, Ж. Симонъ), 8 членовъ республиканскаго союза (Шёльхеръ, Э. Адамъ), 10 членовъ крайней правой, 6 группы Лаверня, 5 правой и праваго центра, наконецъ 8 не принадлежащихъ къ опредѣленнымъ фракціямъ (квесторъ Базъ, епископъ орлеанскій Дюпанлу и др.).

Замѣчательно, что изъ 20-ти делегатовъ фракцій правой стороны, собравшихся, 6-го декабря, у генерала Шабб-Латура, и утвердив-

Digitized by Google

ихъ приведенное вначалѣ распредѣленіе мѣстъ съ явной несправедливостью для лѣвой стороны, 15 были сами включены въ эти списки, но изъ нихъ избранъ собраніемъ только одинъ, генералъ Шангарнье. Вотъ гдѣ оправдалась поговорка: „не рой другому ямы". Органъ герцога Брольи, газета „Français" провозглашала передъ выборами: „вопросъ не можетъ разрѣшиться безъ борьбы между лѣвою и консерваторами; никто еще не одерживалъ побѣды, не давъ сраженія". „Français" и ею представляемая вся партія въ этомъ сраженіи были разбиты на-голову.

Успѣхъ республиканцевъ будетъ имѣть не только то значеніе, что они уже обезпечили себѣ большинство среди безсмѣнныхъ сенаторовъ, но еще и то, что выборы эти могутъ послужить примѣромъ для будущихъ выборовъ въ сенатъ и палату депутатовъ, имѣющихъ происходить въ странѣ въ скоромъ времени; результатъ нынѣшнихъ, первыхъ выборовъ можетъ дать импульсъ всему ходу избирательнаго дѣла. Что же касалось практическаго значенія выборовъ 75-ти сенаторовъ для настоящаго времени, то оно было преувеличено республиканскими органами, ожидавшими, что послѣдствіемъ ихъ можетъ быть выходъ въ отставку кабинета Бюффе и окончательное расторженіе знаменитаго союза „консервативныхъ силъ", низвергшаго Тьера, такъ-называемаго союза 24-го мая. На выборахъ было побѣждено именно 24-е мая; съ этимъ соглашался даже „Revue des deux Mondes", который вовсе не враждебенъ орлеанистамъ. Попытку праваго центра этотъ журналъ охарактеризовалъ такъ: „это былъ прямой реваншъ противъ 25-го февраля, устроенный въ пользу политики 24-го мая, которая вошла бы побѣдоносно въ сенатъ". Но что 24-е мая могло быть побѣждено на выборахъ, изъ этого еще не слѣдовало, что консерваторы не сойдутся болѣе для осуществленія тѣхъ законовъ, которые они еще считаютъ необходимымъ провесть до распущенія нынѣшняго собранія, до производства новыхъ выборовъ, и именно съ цѣлью повліять на эти выборы, въ консервативномъ смыслѣ, насколько то возможно, безъ нарушенія основного принципа всеобщаго избирательства. Главный изъ этихъ законовъ, тотъ, который установляетъ систему одноименнаго избранія, по округамъ, а не по департаментскому списку, еще ранѣе былъ принятъ собраніемъ, и принятіе его послужило тѣмъ „психологическимъ моментомъ", въ который самое большинство сознало, что, создавъ условіе столь благопріятное успѣху кандидатуръ богатыхъ людей, могущихъ лично принимать на себя расходы по избранію и пользующихся мѣстнымъ вліяніемъ, консервативное собраніе можетъ уже думать о своемъ распущеніи. Съ этого момента, близость распущенія была рѣшена въ общемъ сознаніи. Оставалось установить еще другія кон-

Digitized by Google

сервативныя гарантіи для выборовъ: росписаніе избирательныхъ участковъ и законъ объ осадномъ положеніи и о печати, которыхъ осадное положеніе и безправное состояніе печати въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, и въ томъ числѣ въ Парижѣ — все еще предоставляются усмотрѣнію правительства. Въ засѣданіи 24-го декабря, несмотря на всѣ усилія лѣвой стороны, собраніе положило не раздѣлять вопроса о печати отъ вопроса объ осадномъ положеніи. Такимъ образомъ, коалиція 24-го мая возстановилась, какъ только дѣло коснулось вновь „охраненія основъ“ и заложенія „консервативныхъ гарантій“. Бонапартисты, которые при сенаторскихъ выборахъ подавали голоса съ республиканцами и легитимистами, и сами легитимисты тотчасъ возвратились подъ знамя 24-го мая.

Естественно, что Бюффе остался вице-президентомъ совѣта, хотя и не попалъ въ сенаторы. Онъ будетъ орудіемъ 24-го мая для консервативнаго вліянія на выборы въ смыслѣ 24-го мая. Это очевидно и само по себѣ, но, сверхъ того, было еще прямо засвидѣтельствовано письмомъ самого президента республики, обнародованнымъ 25-го декабря, на другой день послѣ новой побѣды Бюффе надъ лѣвою. Въ этомъ письмѣ маршалъ Макъ-Магонъ поздравлялъ его съ тѣмъ, что онъ вѣрно опредѣлилъ роль истинныхъ консерваторовъ, „къ которымъ взываетъ правительство и которые должны поддержать свой союзъ въ новыхъ палатахъ“. Это есть новое подтвержденіе программы 24-го мая самимъ главой республики, который въ заключеніе рекомендуетъ ее и странѣ, выражая увѣренность, что „большинство избирателей пойметъ такія чувства и приступитъ къ общему дѣлу“. Между тѣмъ, въ чемъ сущность дѣла этого „общаго дѣла“ союза 24-го мая?—не давать республикѣ упрочиться! И съ такою-то программой обращается къ избирателямъ глава республики! Отсюда можетъ произойти, что еслибы выборы вышли рѣшительно въ пользу республики, то возникъ бы вопросъ: сохранятъ ли сентеннатъ въ пользу того человѣка, который нынѣ такъ положительно связалъ себя съ дѣломъ противниковъ республики.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

X *).

Бракъ во Франціи и его главные типы.

I.

Въ настоящую минуту въ Парижѣ заключается много браковъ. Вчера я не могъ сдѣлать шагу, не наткнувшись на свадебный поѣздъ, и, возвращаясь домой, размышлялъ о странномъ вліяніи сильныхъ холодовъ на сладость брачныхъ узъ. И мнѣ внезапно пришло въ голову разсмотрѣть въ настоящемъ письмѣ важный вопросъ брака, какъ онъ поставленъ во Франціи. Вѣдь это явленіе ежемѣсячное и ежедневное, гораздо болѣе интересное, чѣмъ мелкіе факты парижской хроники. Я буду разсуждать о бракѣ скорѣе какъ наблюдатель, чѣмъ какъ моралистъ, потому что сомнѣваюсь, чтобы когда-либо удавалось моралистамъ исправлять людей, но полагаю, что всегда полезно ихъ изучать.

По примѣру дидактическихъ поэтовъ, я начну издалека, чуть не съ потопа, то-есть я хочу этимъ сказать, что сперва поговорю о любви. Въ семнадцатомъ столѣтіи любовь во Франціи была вельможей въ великолѣпномъ одѣяніи, разгуливавшимъ по салонамъ подъ звуки торжественной музыки. Она подчинена была весьма сложному церемоніалу, и въ ней не дѣлалось шагу, не разсчитаннаго заранѣе. При этомъ любовь оставалась безусловно благородной, глубоко и сознательно нѣжной, честной, утончающей темныя стороны увлеченій. Въ восемнадцатомъ столѣтіи любовь является въ видѣ разнузданнаго мальчишки, слоняющагося по улицамъ, въ погонѣ за всевозможными любовными похожденіями. Любовь существуетъ ради самой любви; утромъ она увлекается блондинкой, вечеромъ—брюнеткой, относится къ женщинамъ какъ къ добрымъ богинямъ, щедро награждающимъ своихъ поклонниковъ. Она заражаетъ нѣгой все общество и порождаетъ минутныя связи, удовлетворяющіяся однимъ поцѣлуемъ. То была изумительная эпоха, когда плоть царила,—эпоха великихъ наслажденій; отголосокъ ихъ долетѣлъ и до насъ. Въ девятнадцатомъ столѣтіи

*) См. „В. Е." мартъ, 441; май, 432; іюнь, 874; іюль, 381; авг., 825; сент., 400; октябрь, 857; ноябрь, 401; декабрь, 845 стр.

Digitized by Google

любовь—степенный малый, аккуратный какъ нотаріусъ, владѣющій государственными рентами. Онъ посѣщаетъ общество, торгуетъ чѣмъ-нибудь въ какомъ магазинѣ на новыхъ бульварахъ. Политика занимаетъ его, дѣла отнимаютъ у него цѣлый день, отъ девяти часовъ утра до шести часовъ вечера. Что касается ночей, то онъ отдаетъ ихъ практическому пороку, любовницѣ, которую содержитъ, или женѣ, съ которой обходится какъ съ любовницей; расходы которой регулированы на каждый мѣсяцъ.

Итакъ, вотъ къ чему мы пришли. Героическая любовь семнадцатаго столѣтія, чувственная любовь восемнадцатаго превратились въ положительную любовь нашей эпохи, которую стараются уладить какъ можно скорѣе, точно сдѣлку на биржѣ. Я недавно слышалъ, какъ одинъ промышленникъ жаловался на то, что до сихъ поръ не выдумали машину, чтобы выводить дѣтей. И какъ же этому промышленнику не сердиться: вѣдь выдумали же машины, молотящія хлѣбъ, ткущія полотна, замѣняющія человѣческіе мускулы во всѣхъ работахъ. Въ тотъ день, когда машина будетъ любить за нихъ, великіе труженики нашего времени, тѣ, которые отдаютъ каждую минуту своего времени какой-нибудь дѣятельности, выгадаютъ время для своей упорной погони за милліонами. Вѣкъ слишкомъ дѣятеленъ, чтобы быть влюбленнымъ. Со времени страшнаго толчка, даннаго первой революціей, мужчины во Франціи еще не нашли досуга, чтобы думать о женщинахъ. При Наполеонѣ I пушки мѣшали влюбленнымъ слушать другъ друга. Во время реставраціи и іюльской монархіи страсть къ наживѣ овладѣла обществомъ, которое принялось искать кладовъ среди развалинъ стараго режима, отложивъ любовныя дѣла до другого времени. Наконецъ, въ царствованіе Наполеона III, страсть къ наживѣ, увлеченіе спекуляціей усилились до послѣдней степени, не принеся съ собой никакого оригинальнаго порока, никакой величественной оргіи. Но это не все: наука, паръ, электричество, всѣ изобрѣтенія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ нанесли жестокій ударъ любви. Это не парадоксъ, но фактъ. Надо видѣть современнаго человѣка, съ его многочисленными занятіями, живущаго внѣ дома, угнетаемаго заботой сохранить и увеличить свое состояніе. Онъ не можетъ сложа руки глядѣть на громадный трудъ, который совершается у него на глазахъ: онъ помимо воли содѣйствуетъ колоссальной производительности вѣка. Его умъ поглощенъ новыми задачами; чувственность заморена утомленіемъ ежедневной борьбы. Онъ превратился въ настоящій винтъ гигантской соціальной машины. Очевидно, этотъ человѣкъ долженъ былъ позабыть лепетъ страсти, и перелить его въ отчетливую дѣловую рѣчь. У него есть любовницы, какъ есть лошади. Если онъ женится, то только потому, что

Digitized by Google

бракъ сталъ такой же операціей, какъ и всякая другая; а если у него есть дѣти, то потому, что этого хочетъ его жена. Мнѣ представляются прошлые вѣка, когда дѣды наши жили не торопясь и у нихъ былъ досугъ для любви. Они ѣздили на лошадяхъ и успѣвали цѣловаться дорогой; они не читали газетъ, не знали утромъ въ Марсели о томъ, что́ случилось за ночь въ Парижѣ.

Конечно, отсутствіе любви не мѣшаетъ жениться. Извѣстны старыя шутки надъ бракомъ, и одинъ комическій поэтъ даже обозвалъ его „гасильникомъ любви". Но тѣмъ не менѣе справедливо и то, что можно перевернуть поговорку и сказать каждому вѣку: скажи мнѣ, какъ ты любишь, и я тебѣ скажу, какъ ты женишься. Въ числѣ причинъ, придающихъ нашему времени его отличительный характеръ, надо, конечно, поставить на первомъ планѣ ослабленіе страсти во Франціи, ограниченную роль, которую женщинѣ суждено, повидимому, играть отнынѣ въ нашей душѣ и нашей жизни.

Существуетъ еще и другая весьма важная причина, на которой я хочу подолѣе остановиться, прежде чѣмъ перейти къ примѣрамъ. Эта причина—та глубокая пропасть, которую воспитаніе и образованіе вырываютъ у насъ между дѣвушками и мальчиками съ самаго дѣтства. Возьмемъ для примѣра маленькую Жоржетту и маленькаго Густава. До шести или семи лѣтъ имъ позволяютъ играть вмѣстѣ. Матери ихъ дружны, они говорятъ другъ другу *ты* и братски надѣляютъ другъ дружку тумаками. Но въ семь лѣтъ общество разлучаетъ ихъ и беретъ на свое попеченіе. Густава запираютъ въ коллежъ, гдѣ стараются набить ему голову всѣми выводами человѣческихъ знаній; позднѣе онъ поступаетъ въ спеціальное училище, избираетъ себѣ карьеру, становится мужчиной. Предоставленный самому себѣ, знакомясь съ добромъ и зломъ, онъ въ теченіи своего долгаго знакомства съ жизнью приходитъ въ соприкосновеніе со всѣми ея темными сторонами, испытываетъ всѣ ея радости и горести, познаетъ вещи и людей. Жоржетта, напротивъ того, проводитъ все это время въ комнатѣ своей матери; ее учатъ тому, что́ всякая благовоспитанная дѣвица должна знать, то-есть весьма немногому: обрывкамъ литературы и исторіи, географіи, ариѳметикѣ, катехизису. Она умѣетъ, кромѣ того, играть на фортепьяно, танцовать, рисовать пейзажи, въ два карандаша. При этомъ Жоржетта абсолютно не знаетъ жизни; она видѣла ее только изъ окна своей матери, да и то, когда жизнь становилась слишкомъ шумной на улицѣ, то окошко запирали. Никогда не приходилось ей пройтись одной по улицѣ; никогда не разговаривала она десяти минутъ съ молодымъ человѣкомъ. Ее старательно оберегали, какъ оранжерейное растеніе; ее держали въ искусственной обстановкѣ, старательно устраняя отъ нея все житейское. Ну

Digitized by Google

вотъ, представьте, что, лѣтъ черезъ десять, двѣнадцать, Гюставъ и Жоржетта встрѣчаются другъ съ другомъ. Они стали совсѣмъ чужими другъ другу, и свиданіе ихъ полно замѣшательства. Далеко то время, когда они говорили другъ другу ты, и тузили другъ дружку для потѣхи. Она, опустивъ глаза, стоитъ въ смущеніи передъ незнакомцемъ, какимъ онъ ей является. Онъ же чувствуетъ, что ихъ раздѣляетъ цѣлое житейское море, о которомъ онъ не смѣетъ говорить съ ней. Что могутъ они сказать другъ другу? Они говорятъ на разныхъ языкахъ; они существа изъ разныхъ міровъ. Имъ остается только обмѣняться условными фразами, причемъ каждый держитъ себя на-сторожѣ; они чуть ли не врагами относятся другъ къ другу и лгутъ одинъ другому. Изъ двухъ дѣтей, которыя могли бы вырости вмѣстѣ и стать друзьями, общественныя условія образовали два накрахмаленныя существа, исподтишка наблюдающія другъ за другомъ и мечтающія провести и одолѣть одинъ другого.

Конечно, я не утверждаю, что слѣдуетъ предоставлять нашимъ дочерямъ и сыновьямъ расти вмѣстѣ, какъ трава въ садахъ. Вопросъ о совмѣстномъ воспитаніи обоихъ половъ слишкомъ важенъ, чтобы его могъ рѣшать простой наблюдатель. Я довольствуюсь тѣмъ, что указываю на существующій фактъ: сыновья наши знаютъ все, а дочери ничего не знаютъ. Одинъ изъ моихъ друзей часто пересказывалъ мнѣ о страномъ чувствѣ отчужденія, которое онъ испытывалъ въ молодости относительно своихъ сестеръ. Съ каждыми новыми каникулами, пріѣзжая домой, онъ чувствовалъ, какъ отчужденіе между ними все росло. Наконецъ, настало время, когда ему не о чемъ было говорить съ ними. Поздоровавшись съ ними, ему оставалось только взять шляпу и уйти. Что же будетъ въ серьёзномъ вопросѣ о бракѣ? Тутъ два міра сталкиваются съ неизбѣжной силой, и этотъ толчокъ всегда грозитъ разбить женщину или мужчину. Гюставъ женится на Жоржеттѣ, не зная ея, не будучи знакомъ ей, потому что тянуть дѣло нельзя и узнавать другъ друга некогда. Семья молодой дѣвушки обыкновенно бываетъ очень рада сбыть ее съ рукъ. Она вручаетъ ее мужу, прося замѣтить, что сохранила ее въ цѣлости и сохранности. Теперь уже мужъ станетъ надзирать за женой. И вотъ, Жоржетта сразу знакомится съ любовью, съ жизнью, со всѣми тайнами, которыя отъ нея такъ долго скрывали. Въ одну минуту завѣса раздирается сверху до низу. И лучшія изъ женщинъ зачастую долго не могутъ опомниться отъ потрясенія. Но хуже всего то, что антагонизмъ двухъ воспитаній не прекращается. Если мужъ не передѣлаетъ жену на свой образецъ, она останется навѣки чужой ему, съ своими собственными вѣрованіями, привычками, характеромъ, неизлечимой пустотой, привитой ей воспитаніемъ. Что за странная

Digitized by Google

система раздѣлять человѣчество на двѣ половины, по одну сторону мужчинъ, по другую женщинъ, потомъ, вооруживъ оба лагеря другъ противъ друга, соединить ихъ, говоря: живите мирно!

Философы предлагаютъ различныя системы. Одни требуютъ эманципаціи женщинъ, другіе видятъ спасеніе въ разводѣ и даже въ свободной любви. Само собою разумѣется, что эманципація женщинъ вещь хорошая; свободная любовь имѣетъ свою прелесть, и самые цивилизованные народы охотно предаются ей. Но вѣдь нельзя же не принимать во вниманіе общественныя условія, на сторонѣ которыхъ долгая традиція и почти всеобщее согласіе. Лекарство противъ современнаго положенія вещей — предположивъ, что таковыя существуютъ — могутъ быть примѣняемы весьма постепенно и должны быть приспособлены къ развитію общества. Я вѣрю въ прогрессъ, какъ въ естественное преобразованіе поколѣній. Не отрицая способности къ усовершенствованію въ человѣческомъ родѣ, я все же желаю ограничиться ролью простого зрителя, въ ожиданіи тѣхъ благодѣяній, которыя намъ окажутъ моралисты.

Резюмирую свои два первыхъ замѣчанія: въ наше время мужчинѣ некогда любить, и онъ женится на женщинѣ, не зная ея и не будучи узнанъ ею. Вотъ отличительныя черты современнаго брака. Я не хочу усложнять общихъ данныхъ дальнѣйшими подробностями, и прямо перехожу къ примѣрамъ. Конечно, разновидности многочисленны; но легко однако выдѣлить извѣстные типы, подъ которые подходитъ большинство современныхъ браковъ. Я беру четыре главныхъ типа: бракъ въ большомъ свѣтѣ, бракъ въ высшей буржуазіи, бракъ изъ среды мелкихъ торговцевъ и бракъ въ средѣ простонародья. Надѣюсь, что такимъ образомъ мнѣ удастся дать очень ясное понятіе о томъ, какъ въ настоящее время совершаются браки во Франціи. Повторяю,—я даю факты, только факты. Но я никому не мѣшаю построить цѣлую систему общественнаго преобразованія, на основаніи тѣхъ документовъ, которые я представлю въ этомъ очеркѣ.

II.

Графу Максиму де-ла-Рошь-Маблонъ тридцать-два года. Онъ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій въ Анжу. Отецъ его былъ сенаторомъ при имперіи, не отказываясь, какъ онъ увѣрялъ, ни отъ одного изъ своихъ легитимистскихъ вѣрованій. При этомъ ла-Рошь-Маблоны не утратили ни одной пяди земли во время эмиграціи и считаются богатѣйшими изъ землевладѣльцевъ во Франціи. Утверждаютъ, что они такъ же ловки, какъ и богаты. Что ка-

Digitized by Google

сается Максима, онъ провелъ бурную молодость; служилъ въ папскихъ зуавахъ; потомъ вернулся въ Парижъ, гдѣ принималъ большое участіе въ скачкахъ; игралъ въ карты, имѣлъ любовницъ, два раза дрался на дуэли, но ничѣмъ не скомпрометтировалъ себя. Это высокій, бѣлокурый малый, славный наѣздникъ, ума ограниченнаго и безъ сильныхъ страстей. Въ сущности, онъ жилъ до сихъ поръ, какъ всѣ живутъ, а теперь подумываетъ избрать себѣ дипломатическую карьеру, чтобы остепениться.

Головой у ла-Рошъ-Маблоновъ слыветъ одна тётушка, баронесса де-Бюссьеръ, старуха-хлопотунья, витающая въ академическомъ и политическомъ мірахъ. Какъ только племянникъ Максимъ сообщаетъ ей о своихъ планахъ, она восклицаетъ, что прежде всего ему слѣдуетъ жениться, такъ какъ бракъ служитъ основаніемъ для всякой серьёзной карьеры. Боже мой! Максимъ вовсе не прочь жениться! Правда, онъ объ этомъ еще не думалъ, и, пожалуй, охотнѣе остался бы холостымъ, однако, если для того, чтобы играть въ свѣтѣ видную роль, надо жениться, то онъ согласенъ исполнить эту формальность, какъ и всякую другую,—но сознается, смѣясь, что рѣшительно ни въ кого не влюбленъ и находитъ весьма затруднительнымъ выборъ невѣсты. Сколько ему помнится, всѣ дѣвушки, съ которыми ему приходилось танцовать, были въ одинаковыхъ бѣлыхъ платьяхъ и одинаково скромно улыбались. М-me де-Бюссьеръ въ восторгѣ. Ему не зачѣмъ искать и ломать себѣ голову. Это не его дѣло. Онъ не знаетъ женщинъ и выбралъ бы себѣ жену неудачно. Она беретъ на себя всѣ хлопоты.

Черезъ день баронесса говоритъ Максиму о m-lle Генріеттѣ де-Сальнёвъ. Состояніе значительное, древняя дворянская фамилія изъ Нормандіи, бракъ вполнѣ подходящій во всѣхъ отношеніяхъ. И настаиваетъ на выгодахъ такого союза. Нельзя найти партіи, болѣе удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ свѣта. Такой бракъ никого не удивитъ. Максимъ покорно киваетъ головой. Въ самомъ дѣлѣ, все это ему кажется весьма разсудительнымъ. Имена стоютъ другъ друга. Состоянія почти равныя; связи весьма цѣнныя, если онъ желаетъ выступить на дипломатическое поприще.

— Она, кажется, блондинка?—спрашиваетъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, брюнетка,—отвѣчаетъ баронесса; то-есть, я право хорошенько не знаю... Можетъ быть, у нея каштановые волосы.

Впрочемъ, не все ли равно? Несомнѣнно то, что Генріеттѣ девятнадцать лѣтъ. Максимъ припоминаетъ, что, кажется, онъ танцовалъ съ нею, если только не съ ея младшей сестрой. О воспитаніи ея не говорятъ, это безполезно: ее воспитывала мать, и этого достаточно. Что касается ея характера, то о немъ не можетъ быть и рѣчи; онъ

Digitized by Google

никому не извѣстенъ. М-ше де-Буосьеръ объявляетъ, что слышала однажды, какъ она играла вальсъ Шопена съ большимъ чувствомъ. У ней должна быть прекрасная душа. Впрочемъ, сегодня же вечеромъ должно состояться свиданіе въ нейтральномъ салонѣ.

Когда вечеромъ Максимъ видится съ m-lle де-Сальнёвъ, онъ очень удивленъ, найдя, что она хорошенькая. Онъ танцуетъ съ ней, хвалитъ ея вѣеръ, и его благодарятъ улыбкой. Двѣ недѣли спустя сдѣлано формальное предложеніе, и контрактъ обсуждается нотаріусами. Максимъ видѣлъ Генріэтту пять разъ. Она, право, очень недурна, такая бѣленькая, стройная и, конечно, съумѣетъ одѣваться, когда сброситъ свои дѣтскія платья. Она повидимому любитъ музыку, ненавидитъ запахъ мускуса, и у ней была подруга, которую звали Клара, и которая умерла; даже однажды она призналась ему, смѣясь, что немножко упряма. Вотъ и все. Максимъ, впрочемъ, находитъ, что этого достаточно. Она изъ фамиліи де-Сальнёвъ, онъ беретъ ее изъ-подъ крылышка очень строгой матери и, слѣдовательно, нечего особенно задумываться. Позднѣе они успѣютъ познакомиться другъ съ другомъ. Пока онъ думаетъ о ней безъ неудовольствія; не то, чтобы онъ былъ положительно влюбленъ въ нее, но онъ доволенъ, что она недурна, потому что еслибы она была дурна, то онъ все-таки бы женился, но только съ бо́льшей скукой. Старухи, знакомыя баронессы, утверждаютъ, что онъ страстно влюбленъ въ свою невѣсту. Онъ соглашается съ улыбкой и, наконецъ, вѣритъ въ это самъ. Страсть, впрочемъ, не мѣшаетъ ему держаться въ строгихъ границахъ приличія.

Незадолго до свадьбы молодой графъ сводитъ концы своей холостой жизни. Онъ содержалъ Антонію, бывшую наѣздницу въ циркѣ, которая вернулась изъ Бразиліи, вся покрытая брилліантами. Онъ даритъ ей новую мебель и дружески разстается съ ней послѣ ужина, за которымъ пьютъ за его супружеское счастіе. Уплачиваетъ кое-какіе долги, которые у него накопились, отсылаетъ своего камердинера, сожигаетъ безполезныя письма и раскрываетъ всѣ окна въ своемъ отелѣ, чтобы провѣтрить его. И послѣ этого совсѣмъ готовъ къ женитьбѣ.

Нотаріусы обѣихъ фамилій составили контрактъ. Вся скучная денежная сторона дѣла была предоставлена имъ. Благородные кліенты ограничились лишь бѣглыми замѣчаніями на этотъ счетъ въ бесѣдѣ съ ними. Великій вопросъ о матеріальныхъ интересахъ остается на заднемъ планѣ какъ-бы замаскированнымъ. Впрочемъ, дѣло просто; состояніе супруговъ извѣстно, бракъ совершается подъ условіемъ *régime dotal*. Во время чтенія контракта обѣ семьи не проронятъ ни одного слова, ни одного замѣчанія, и передаютъ другъ другу

Digitized by Google

перо съ улыбкой. Разговоръ вертится совсѣмъ на посторонникъ предметахъ, на благотворительномъ праздникѣ, который затѣваетъ баронесса, на проповѣди отца Монсабре въ прошлое воскресенье, сказанной имъ съ большимъ талантомъ.

Гражданскій бракъ совершается въ одинъ понедѣльникъ, когда обыкновенно въ мэріяхъ не бываетъ браковъ. Но мэръ объявилъ, что онъ весь къ услугамъ благородной четы. Впрочемъ, церемонія совершается живо и безъ всякой торжественности. Молодая одѣта въ простомъ сѣромъ шелковомъ платьѣ; молодой въ черномъ сюртукѣ и свѣтлыхъ панталонахъ. Ни души гостей; одни члены семьи и четыре свидѣтеля, важныя особы. Въ то время, какъ мэръ читаетъ статьи кодекса, взоры Генріэтты и Максима встрѣчаются съ улыбкой. На какомъ варварскомъ языкѣ выражается законъ! Неужели же бракъ, въ самомъ дѣлѣ, такая страшная вещь? Они одинъ за другимъ произносятъ роковое „да“ безъ малѣйшаго волненія. Мэръ—маленькій человѣчекъ, почти горбатый, и мизерная особа его лишена всякаго величія. Присутствующіе только серьёзны, больше ничего. Баронесса въ темномъ платьѣ оглядываетъ залу въ бинокль и находитъ, что законъ помѣщается очень тѣсно. Покидая мэрію, Максимъ и Генріэтта оставляютъ каждый по тысячѣ франковъ для бѣдныхъ.

Но вся торжественность, всѣ слезы приберегаются ко времени религіозной церемоніи. Чтобы ихъ свадьба не смѣшалась съ вульгарными свадьбами, избирается частная церковь, маленькая церковь Миссій. Это тотчасъ же придаетъ браку особенно тонкій ароматъ набожности. Монсиньеръ Фелибьенъ, епископъ одной южной епархіи, дальній родственникъ фамиліи де-Сальнёвъ, совершаетъ бракосочетаніе. Когда наступаетъ день торжества, то церковь оказывается слишкомъ мала; внутри, въ полусвѣтѣ, проливаемомъ цвѣтными стеклами, слышится шелестъ дорогихъ матерій, тихій шопотъ голосовъ. Вездѣ ковры. Передъ престоломъ пять рядовъ креселъ. Тутъ собралось все дворянство Франціи; оно у себя дома, съ своимъ Богомъ. И тутъ Максимъ, въ безукоризненномъ фракѣ, кажется нѣсколько блѣднымъ. Является Генріэтта вся въ бѣломъ, окруженная кружевнымъ облакомъ. Она также очень взволнована; глаза у ней красны; она плакала. Когда монсиньеръ Фелибьенъ простираетъ руки надъ ихъ головами, оба наклоняютъ голову съ набожностью, которая производитъ большое впечатлѣніе. Потомъ епископъ говоритъ объ обязанностяхъ супруговъ,—голосомъ, полнымъ елейности. Вся семья утираетъ слезы, въ особенности m-me де-Вюссьеръ, которая была очень несчастна замужемъ. Затѣмъ церемонія оканчивается среди облаковъ ладана и сіянія зажженыхъ восковыхъ свѣчъ. Это не буржуазная шумная роскошь, но высшій бонтонъ, утончающій религію для обихода благо-

Digitized by Google

воспитанныхъ людей. До послѣднихъ рукопожатій, которыми обмѣнимются послѣ подписки документовъ, церковь остается салономъ...

Медовый мѣсяцъ супруговъ длился всего три недѣли. Причина разрыва очень щекотливаго свойства. Максимъ, привыкшій къ Антоніи, хотѣлъ обращаться съ Генріэттой, какъ съ любовницей, но эта послѣдняя, холодная по природѣ и еще чуждая всякихъ чувственныхъ порывовъ, не согласилась на это. Къ тому же, они черезъ нѣсколько дней открыли, что никогда не поладятъ другъ съ другомъ. Максимъ сангвиническаго темперамента, вспыльчивъ и упрямъ. Генріэтта очень спокойнаго, почти вялаго темперамента, но упряма не менѣе его. Кромѣ того, они взаимно обвиняютъ другъ друга въ черной злости. Но такъ какъ люди ихъ общества должны всегда уважать приличія, то они обращаются другъ съ другомъ съ большой вѣжливостью. Они безукоризненно вѣжливы другъ съ другомъ, каждое утро присылаютъ узнать о здоровьѣ одинъ другого; каждый вечеръ прощаются съ церемоннымъ поклономъ. И хотя только одинъ салонъ раздѣляетъ ихъ комнаты, но они такъ далеки другъ отъ друга, какъ еслибы ихъ разлучали тысячи верстъ. Двери ихъ заперты на замокъ.

Максимъ опять сошелся съ Антоніей. Онъ совсѣмъ отказался отъ мысли выступить на дипломатическое поприще. Эта идея была просто глупа. Ла-Роннъ-Маблону нѣтъ никакой надобности компрометтировать себя политикой въ нашу демократическую эпоху. Встрѣтясь съ баронессой де-Бюссьеръ, онъ смѣется порою, размышляя, что женился совсѣмъ безполезнымъ образомъ. Впрочемъ, онъ не сожалѣетъ о своей женитьбѣ. Имя, состояніе—обезпечены. Лучшаго выбора онъ не могъ бы сдѣлать. Дѣла устроились наивыгоднѣйшимъ образомъ, такъ какъ за нимъ остается преимущество женатаго, серьёзнаго человѣка, помимо всѣхъ тягостей этого положенія. Онъ опять занимается скачками, просиживаетъ ночи въ клубѣ и ведетъ беззаботную жизнь богатаго дворянина.

Генріэтта сначала очень скучала, но потомъ ей очень понравились свобода замужней женщины. Она нѣсколько разъ въ день принимаетъ закладывать лошадей, бѣгаетъ по магазинамъ, посѣщаетъ своихъ подругъ, много выѣзжаетъ. Она пользуется всѣми выгодами положенія вдовы. До сихъ поръ спокойный темпераментъ спасалъ ее отъ крупныхъ проступковъ. Самое большое, если она позволяла цѣловать у себя кончики пальцевъ, потому что мужчины ей противны. Но бываютъ минуты, когда она считаетъ себя просто дурочкой. И она уже обсуждаетъ сама съ собой вопросъ: не взять ли ей любовника будущею зимой. Боже мой! Да, она возьметъ любовника, такъ какъ у всѣхъ женщинъ есть любовники.

Digitized by Google

III.

Жюль Бонграмъ—сынъ знаменитаго Бонграна, адвоката, славнаго оратора нашихъ политическихъ собраній. Антуанъ Бонграмъ, его дѣдъ, жилъ мирнымъ буржуа въ Анжерѣ и происходилъ изъ семьи нотаріусовъ, весьма уважаемой въ его провинціи. Самъ онъ не чувствовалъ склонности къ нотаріальнымъ занятіямъ. Напротивъ того, старшій сынъ его, знаменитый Бонграмъ, весьма дѣятельный и честолюбивый человѣкъ, нажилъ прекрасное состояніе. Что касается Жюля Бонграна, то онъ заразился честолюбіемъ отца, тщеславится своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и жаждетъ царской роскоши. Къ несчастію, ему уже стукнуло тридцать лѣтъ, и онъ начинаетъ сознавать себя посредственностью. Сначала онъ мечталъ о ролѣ депутата, объ ораторскихъ успѣхахъ, о министерскомъ портфелѣ при первой же правительственной катастрофѣ. Но въ говорильнѣ молодыхъ адвокатовъ, гдѣ онъ пробовалъ свои силы, онъ открылъ въ себѣ несносное заиканіе въ рѣчи, вялость мысли и слова, которыя безусловно преграждаютъ ему доступъ къ политическимъ успѣхамъ. Послѣ этого онъ съ минуту колебался: не обратиться ли ему къ промышленной дѣятельности? Но спеціальныя занятія отпугнули его. Къ тому же онъ желалъ оставаться въ Парижѣ. И въ концѣ-концовъ рѣшилъ просто на просто открыть контору стряпчаго. Отецъ его, который не зналъ, что съ нимъ дѣлать, купилъ ему очень дорого лучшую изъ парижскихъ конторъ, послѣдній владѣлецъ которой нажилъ въ ней нѣсколько милліоновъ.

Итакъ, вотъ уже полгода какъ Жюль стряпчимъ. Контора его помѣщается въ темной квартирѣ улицы св. Анны, но самъ онъ живетъ въ отелѣ Амстердамской улицы, проводитъ вечера въ свѣтѣ, собираетъ картины, старается какъ можно менѣе думать о томъ, что онъ стряпчій. И при этомъ находитъ, что богатство заставляетъ себя слишкомъ долго ждать. Ему недостаетъ роскошной обстановки, возможности, напримѣръ, кормить хорошимъ обѣдомъ разъ въ недѣлю важныхъ особъ, или хотя бы салона, открытаго по вечерамъ для политическихъ друзей его отца. Онъ убѣждаетъ себя, что жизнь на болѣе широкую ногу, пріемы, пятерикъ лошадей въ конюшнѣ, словомъ—болѣе широкая рама жизни, были бы весьма выгодной вещью и удвоили бы кругъ его кліентовъ.

— Женись,—говоритъ ему отецъ, съ которымъ онъ совѣтуется.—Женщина внесетъ въ твой домъ шумъ и блескъ. Вѣдь этого тебѣ хочется, не правда ли? Женись на богатой, потому что жена, при такихъ условіяхъ, стоитъ дорого. Боже мой! въ богатыхъ невѣстахъ

Digitized by Google

нѣтъ недостатка. Да, вотъ, чего лучше, m-lle Девинь, дочь фабриканта Девиня... За ней, кажется, милліонъ приданаго. Это какъ разъ тебѣ съ руки.

Жюль не спѣшитъ, обдумываетъ идею со всѣхъ сторонъ. Конечно, женитьба придастъ ему вѣсъ въ обществѣ, но это вопросъ важный, который нельзя рѣшить, очертя голову. Поэтому онъ присматривается къ богатымъ невѣстамъ. Отецъ, съ его проницательностью дѣлового человѣка, былъ правъ: m-lle Маргарита Девинь—самая выгодная партія. Тутъ онъ наводитъ самыя точныя справки о положеніи дѣлъ на фабрикѣ Девиня. Онъ даже ловкимъ образомъ выѣдываетъ объ этомъ у фамильнаго нотаріуса. Отецъ даетъ милліонъ за дочерью; а можетъ быть и милліонъ двѣсти тысячъ. Хорошо, если бы онъ далъ милліонъ двѣсти тысячъ—и Жюль рѣшаетъ жениться.

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ кампанія ведется весьма искусно. Знаменитый Бонгранъ играетъ въ ней главную роль. Онъ вступаетъ въ переговоры съ Девинь, однимъ изъ его старинныхъ собратовъ по учредительному собранію, и мало-по-малу обработываетъ его и убѣждаетъ отдать дочь и милліонъ двѣсти тысячъ франковъ приданаго.

— Я его обошелъ! — говоритъ онъ, смѣясь, Жюлю: —теперь ты можешь начать ухаживать за дочерью, не рискуя скомпрометтировать себя.

И Жюль начинаетъ ухаживать за дочкой. Онъ зналъ Маргариту во времена оны, когда она была ребенкомъ. Они оба проводили лѣто въ деревнѣ, неподалеку отъ Фонтенбло, жили другъ отъ друга на разстояніи десяти минутъ ходьбы, и гуляя, съ няньками, ежедневно встрѣчались другъ съ другомъ. Маргаритѣ уже двадцать-пять лѣтъ. Но, Боже мой! какъ она подурнѣла на его взглядъ, когда онъ вновь свидѣлся съ ней! Конечно, она никогда не была хороша; она была и во время оно черна, какъ кротъ, но съ тѣхъ поръ стала почти горбатой, и одинъ глазъ у ней больше, чѣмъ другой. Но это не мѣшаетъ ей быть милѣйшей дѣвушкой въ свѣтѣ, весьма остроумной, говорятъ, и крайне требовательной насчетъ качествъ, которыхъ она ищетъ въ будущемъ мужѣ. Она уже отказывала отличнымъ женихамъ, чѣмъ и объясняется то, что она до сихъ поръ не замужемъ, не взирая на милліонъ приданаго. Когда Жюль разстается съ ней, послѣ перваго свиданія, онъ объявляетъ, что она очень мила. Она одѣвается очаровательно, говоритъ обо всемъ съ несокрушимымъ апломбомъ и, повидимому, съумѣетъ играть роль хозяйки гостинной, съ искусствомъ настоящей парижанки, которой некрасивость только придаетъ нѣкоторую оригинальность. Къ тому же, дѣ-

Digitized by Google

вушка, у которой милліонъ двѣсти тысячъ приданаго, право же, можетъ позволить себѣ быть некрасивой.

Съ этихъ поръ дѣло идетъ живо на ладъ. Женихъ и невѣста не такіе люди, чтобы терять время на любовныя предисловія. И тотъ, и другая отлично знаютъ, какого рода сдѣлку они заключаютъ другъ съ другомъ. Они поняли другъ друга съ перваго взгляда. Маргарита воспитывалась въ аристократическомъ пансіонѣ; она лишилась матери семи лѣтъ отъ роду, и отецъ не могъ наблюдать за ея воспитаніемъ. Она оставалась въ пансіонѣ до семнадцати лѣтъ, учась всему тому, чего не можетъ не знать богатая дѣвушка: музыкѣ, танцамъ, хорошимъ манерамъ и даже немножко географіи, исторіи и ариѳметики. Но воспитаніемъ ея главнымъ образомъ занимались ея товарки, маленькія дѣвочки, собранныя со всѣхъ богатыхъ кварталовъ Парижа. Въ этомъ маленькомъ міркѣ, бывшемъ миніатюрной копіей большого свѣта, въ четырехъ стѣнахъ, въ которыхъ она росла, Маргарита уже съ четырнадцати лѣтъ постигла пріятности богатства, проникласъ практическимъ духомъ вѣка, познала могущество женщины и всѣ тѣ условія, изъ которыхъ слагается наша цивилизація. Если ее смущаетъ какая-нибудь хозяйственная мелочь, за то она сразу отличитъ всевозможныя кружева, говоритъ о модахъ, какъ опытная портниха, знаетъ актрисъ по именамъ, держитъ пари на скачкахъ и судитъ о лошадяхъ въ техническихъ выраженіяхъ. Она знаетъ еще и многое другое, но все по части; вѣдь она вела строгую жизнь въ послѣднія восемь лѣтъ, какъ вышла изъ пансіона. Маргарита представляетъ собою новѣйшій типъ молодой французской дѣвицы, строго приличной, но разглядѣвшей все изъ-за своего вѣера.

Между тѣмъ Жюль ежедневно присылаетъ ей букетъ въ три лундора. Когда онъ навѣщаетъ ее, то обращается съ ней очень любезно. Но разговоръ скоро переходитъ на то, какъ они обставятъ свою семейную жизнь. Послѣ двухъ-трехъ банальныхъ комплиментовъ, женихъ съ невѣстою толкуютъ безъ устали объ обойщикахъ, каретникахъ и всякаго рода поставщикахъ. Маргарита рѣшилась принять предложеніе Жюля, потому что находитъ его достаточно глупымъ, и еще потому, что очень скучала прошлою зимой въ домѣ отца. Первая любовная прогулка ихъ совершится въ отель Амстердамской улицы. Маргарита находитъ, что онъ маловатъ; но рѣшаетъ, что снимутъ двѣ-три перегородки и перенесутъ двери. Потомъ обсуждаетъ цвѣтъ мебели, справляется, какъ расположена ея будущая спальная, осматриваетъ конюшни, которыми остается довольна. Она пріѣзжаетъ еще раза два въ отель, чтобы лично сдѣлать нѣкоторыя указанія архитектору. Жюль въ восторгѣ; онъ нашелъ такую жену, какую ему нужно.

Digitized by Google

За недѣлю до свадьбы обѣ семьи сбиты съ ногъ. Знаменитый Бонграмъ и старикъ Девинь уже разъ десять совѣщались съ нотаріусомъ. Они слѣдятъ за мельчайшими статьями контракта съ недовѣрчивостью людей, которымъ людская честность не внушаетъ никакихъ иллюзій. Жюль, съ своей стороны, хлопочетъ изъ всѣхъ силъ о свадебной корзинкѣ. Маргарита, вопреки всѣмъ приличіямъ, попросила съ улыбкой избалованнаго ребенка, которому нельзя ни въ чемъ отказать, самой выбрать золотыя украшенія и кружева. И вотъ, въ сопровожденіи бѣдной родственницы, они бѣгаютъ съ утра до ночи по магазинамъ и оцѣниваютъ бриллианты и валансіенны. Это, впрочемъ, очень ихъ забавляетъ. Они не гуляютъ, обнявшись, мимо зеленыхъ изгородей, какъ влюбленные у поэтовъ; они улыбаются другъ другу, сидя передъ прилавкомъ ювелировъ, передавая другъ другу кольца и брошки пальцами, охлажденными прикосновеніемъ къ драгоцѣннымъ камнямъ.

Наконецъ, контрактъ подписанъ. Во время его чтенія послѣдній споръ возникаетъ между знаменитымъ Бонграномъ и Девинь. Но Жюль вступается, между тѣмъ какъ Маргарита слушаетъ съ величайшимъ вниманіемъ, готовая защищать свои интересы, если замѣтитъ, что имъ грозитъ малѣйшая опасность. Контрактъ очень сложенъ. Онъ предоставляетъ половину приданаго въ распоряженіе мужа, а изъ другой половины учреждаетъ неотчуждаемое имущество, доходы съ котораго предоставляются въ общее пользованіе, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы сумма въ двѣнадцать тысячъ франковъ была предоставляема женѣ ежегодно на ея туалетъ. Знаменитый Бонграмъ, творецъ этого chef-d'oeuvre, въ восторгѣ, что „обошелъ" своего стараго друга Девиня.

Въ мэріи приглашено много-много десять человѣкъ. Мэръ—кумъ Жюля. Онъ принимаетъ серьёзный видъ, чтобы прочитать конституцію; но какъ только закрываетъ книгу, такъ спѣшитъ снова превратиться въ свѣтскаго человѣка, говоритъ комплименты дамамъ и даетъ перо свидѣтелямъ, въ числѣ которыхъ находятся два доктора, одинъ министръ и одинъ генералъ. Маргарита произнесла тихое „да", голосомъ немного громкимъ, съ серьёзнымъ лицомъ, потому что знаетъ законы. Всѣ присутствующіе держатъ себя съ большимъ достоинствомъ, точно содѣйствуютъ своимъ присутствіемъ заключенію крупной сдѣлки, отъ которой пахнетъ милліонами. Каждый изъ супруговъ оставляетъ тысячу пятьсотъ франковъ для бѣдныхъ, а вечеромъ у Девиня назначенъ обѣдъ, на который приглашены свидѣтели; одинъ министръ не можетъ пріѣхать, въ великой досадѣ обоихъ семействъ. Когда Жюль уѣзжаетъ домой, ему позволяютъ поцѣловать въ лобъ свою жену.

Digitized by Google

Бракосочетаніе происходитъ въ церкви Магдалины. За три дня передъ тѣмъ, Жюль и его отецъ условливаются въ цѣнѣ съ духовенствомъ. Они пожелали возможно роскошной обстановки, но торговались за всякую статью расхода: столько-то опредѣлено за обѣдню, столько-то за главный престолъ, столько-то за органъ, столько-то за ковры. Условились, что ковры будутъ покрывать всѣ двадцать ступеней широкаго крыльца и дойдутъ до троттуара. Рѣшено также, что органъ будетъ привѣтствовать тріумфальнымъ маршемъ появленіе свадебнаго кортежа. Это стоитъ лишнихъ пятьдесятъ франковъ, но за то эффектно. Разослано двѣ тысячи приглашеній. Когда кареты поѣзжанъ приближаются въ правильномъ порядкѣ, церковь уже полна народа: мужчины во фракахъ и женщины въ великолѣпныхъ туалетахъ. Кокетство совершило чудо, и Маргарита почти недурна въ бѣломъ вуалѣ и въ вѣнкѣ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Жюль преисполняется сознаніемъ своей важности, видя, что онъ потревожилъ столько народу; это его первый публичный успѣхъ. Между тѣмъ, органъ гудитъ, пѣвчіе гремятъ, точно мѣдныя трубы, церемонія длится болѣе двухъ часовъ. Зрѣлище великолѣпное. Но оба супруга, даже въ тотъ моментъ, какъ священникъ Магдалины благословляетъ ихъ, ничего не чувствуютъ, кромѣ тщеславнаго торжества, что за спиной у нихъ собрался весь Парижъ и глядитъ на нихъ. Затѣмъ, въ ризницѣ происходитъ безконечная процессія: знакомые, гости и даже незнакомые входятъ въ одну дверь и выходятъ черезъ другую, пожавъ руки молодымъ и ихъ родственникамъ. Эта формальность длится полтора часа. Въ числѣ гостей много политическихъ дѣятелей, адвокатовъ, стряпчихъ, крупныхъ промышленниковъ, артистовъ, журналистовъ, и Жюль особенно радушно жметъ руку невысокому молодому человѣку, котораго немного знаетъ и который пишетъ въ одномъ изъ бульварныхъ листковъ, гдѣ, быть можетъ, помѣститъ замѣтку о свадьбѣ.

Такъ какъ ни у Бонграновъ, ни у Девиня нѣтъ такой большой залы, чтобы устроить въ ней обѣдъ, то обѣдъ и танцы устраиваются въ луврскомъ отелѣ. Это принято въ высшей буржуазіи. Свадьба празднуется въ отелѣ. Балъ въ танцовальной залѣ отеля очень параденъ. Затѣмъ, въ полночь карета увозитъ молодыхъ въ Амстердамскую улицу; они шутятъ всю дорогу, катаясь по темному Парижу и слѣдя въ окна кареты за женскими тѣнями, блуждающими на перекресткахъ...

Вотъ уже два года, что Бонграны женаты. Они не поссорились, но въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ забываютъ о существованіи другъ друга. Когда Жюлю придетъ въ голову сойтись съ женой, онъ ухаживаетъ за ней въ теченіи недѣли; но чаще всего, чтобы сберечь время, ко-

Digitized by Google

торое для него дорого, онъ обращается къ другимъ женщинамъ. У него столько дѣлъ! Онъ не довольствуется своей конторой, но участвуетъ во многихъ обществахъ и даже играетъ на биржѣ. Чтобы поддержать свое достоинство, онъ взялъ себѣ любовницу, которой недавно поднесъ великолѣпные брилліанты. Удовольствіе его жизни заключается въ томъ, чтобы занимать собою Парижъ; маленькіе листки приписываютъ ему каламбуры, и даже одинъ журналистъ изъ его пріятелей разсказалъ исторію о брилліантахъ, напечатавъ только заглавныя буквы именъ. Впрочемъ, онъ не бьетъ жены и не придумалъ еще средства, не взирая на совѣты отца, завладѣть шестью-стами тысячами неотчуждаемаго по контракту капитала жены. Но онъ не теряетъ надежды изобрѣсти такое средство.

Съ своей стороны, Маргарита стала прелестной женщиной. Молодая дѣвушка сдержала то, что́ обѣщала, она сдѣлала изъ отеля въ Амстердамской улицѣ центръ роскоши и бонтона. Вся безумная расточительность Парижа, тысячные туалеты, которые истреплятся за одинъ вечеръ, тысячные билеты, которыми зажигаютъ свѣчи — все это озаряетъ его своимъ блескомъ. Съ утра до вечера экипажи подъѣзжаютъ къ его крыльцу, а по инымъ ночамъ весь кварталъ до зари слышитъ отдаленную музыку, сливающуюся со смѣхомъ танцующихъ. Маргарита сіяетъ своимъ безобразіемъ. Она умѣетъ нравиться больше, чѣмъ хорошенькія женщины. Она лучше, чѣмъ красавица, говоритъ она сама, смѣясь. Милліонъ двѣсти тысячъ ея приданаго горятъ, какъ потѣшный огонь. Она разорила бы своего мужа раньше года, еслибы не была необыкновенно умна. Всѣмъ извѣстно, что она располагаетъ всего лишь тысячью франками въ мѣсяцъ на свой туалетъ, но ни у кого нѣтъ настолько безтактности, чтобы удивляться тому, что она издерживаетъ въ одинъ мѣсяцъ то, что́ получаетъ за цѣлый годъ. Жюль въ восторгѣ; никакая другая женщина не поставила бы его домъ на такую ногу, и онъ ей искренно благодаренъ за все, что́ она дѣлаетъ для того, чтобы расширить кругъ ихъ связей. Въ настоящую минуту Маргарита выказываетъ дочернюю нѣжность къ одному изъ сенаторовъ, бывшихъ свидѣтелями у ней на свадьбѣ. Она дозволяетъ цѣловать свои плечи въ темныхъ уголкахъ, и принимаетъ банковые билеты въ бонбоньеркахъ.

Digitized by Google

IV.

Луизѣ Бодэнъ уже тридцать лѣтъ съ хвостикомъ. Это высокая особа, не красивая и не безобразная, съ плоскимъ лицомъ, угреватымъ отъ продолжительнаго дѣвства. Она дочь мелочного торговца въ улицѣ Сенъ-Жакъ, уже лѣтъ двадцать торгующаго въ темной лавчонкѣ и отложившаго въ сторону всего какихъ-нибудь тысячъ десять франковъ, да и то благодаря самой строгой бережливости: ему приходилось ѣсть говядину всего два раза въ недѣлю, носить одно и то же платье по два года сряду, не считая экономіи на отопленіе. Уже двадцать лѣтъ какъ Луиза возсѣдаетъ здѣсь за прилавкомъ и созерцаетъ, какъ фіакры обдаютъ грязью пѣшеходовъ. Два раза въ жизни она бывала за городомъ; въ первый разъ—въ Венсеннѣ, а во второй—въ Сенъ-Дени. Когда она станетъ на порогъ двери, то видитъ на концѣ улицы мостъ, подъ которымъ течетъ рѣка. Впрочемъ, она особа благоразумная, проникнута глубокимъ почтеніемъ къ грошовому товару, который продаетъ мелкому люду квартала. Мать отдала-было ее въ небольшой пансіонъ по сосѣдству; но взяла оттуда, какъ только явилась возможность замѣнить Луизой приказчицу. Луиза умѣетъ читать и писать, но не особенно сильна въ ореографіи; всего же тверже знаетъ она четыре правила ариѳметики. Она достаточно учена, чтобы заниматься торговлей,—заявляетъ она сама своимъ степеннымъ голосомъ.

Между тѣмъ отецъ ея торжественно объявилъ, что даетъ за дочерью двѣ тысячи франковъ приданаго. Это обѣщаніе распространилось въ кварталѣ; всѣ знаютъ, что за m-lle Бодэнъ даютъ двѣ тысячи франковъ приданаго, поэтому въ женихахъ не было недостатка. Но Луиза дѣвушка осторожная, она спокойно объявила, что ни за что не выйдетъ замужъ за голяка. Вѣдь женятся люди не затѣмъ, чтобы сидѣть сложа руки и глядѣть другъ на друга. Могутъ пойти дѣти; да и къ старости не худо припасти себѣ обезпеченный кусокъ хлѣба. Поэтому она требуетъ, чтобы и у жениха было по крайней мѣрѣ двѣ тысячи франковъ капитала; это составитъ вмѣстѣ съ ея приданымъ четыре тысячи, и имъ можно будетъ завести какую-нибудь лавочку и честно заработывать свой хлѣбъ. Но если женихи съ капиталомъ въ двѣ тысячи франковъ не рѣдки, то чаще всего они мечтаютъ о невѣстѣ, которая была бы вдвое и втрое богаче ихъ самихъ. Вотъ почему Луиза рискуетъ остаться старой дѣвушкой. Она прогоняла шелопаевъ, которые ухаживали за ней только затѣмъ, чтобы прокутить ея приданое. Она согласна, чтобы на ней женились изъ-за денегъ, такъ какъ деньги въ сущности все въ жизни; но только же-

Digitized by Google

лаетъ найти такого мужа, который столько же, сколько и она, уважалъ бы деньги, который бы искалъ денегъ не за тѣмъ, чтобы растратить ихъ, но приращать и пускать въ торговые обороты.

Вотъ, наконецъ Бодэнъ прослышала про одного очень приличнаго молодого человѣка, часовщика по ремеслу, весьма солиднаго малаго. Онъ живетъ по сосѣдству съ матерью, получающей небольшую ренту. M-me Мёнье скопила, благодаря чудесамъ экономіи, небольшую сумму, чтобы облегчить женитьбу сына. Александръ Мёнье годомъ моложе Луизы, очень застѣнчивъ и вообще охотнѣе остался бы холостякомъ. Бодэны узнаютъ, наконецъ, и сумму сбереженій m-me Мёнье. Это составляетъ полторы тысячи франковъ. Но Луиза, когда ей сообщаютъ объ этомъ, категорически заявляетъ, что безполезно вести дѣло дальше; она требуетъ двухъ тысячъ франковъ; всѣ ея разсчеты основаны на этой суммѣ. Однако сношенія между двумя семействами уже завязались; m-me Мёнье сама желаетъ, чтобы сыну удалось сдѣлать такую приличную партію, и, узнавъ о томъ, какую сумму требуетъ Луиза, она одобряетъ благоразумное рѣшеніе молодой дѣвушки и обѣщаетъ пополнить сумму въ полтора года. Отнынѣ все улажено. Обѣ семьи сближаются очень тѣсно. Дѣти, Александръ и Луиза, спокойно ждутъ, дружески пожимая при встрѣчахъ другъ другу руки. Каждый вечеръ оба семейства сходятся, и Александръ съ Луизой спокойно засѣдаютъ у стола въ задней части лавки, и безъ всякаго смущенія или волненія разговариваютъ о дѣлахъ квартала, объ удачныхъ оборотахъ однихъ, о дурномъ поведеніи или неудачѣ другихъ. Въ полтора года они не обмолвились ни однимъ словомъ любви. Луиза находитъ Александра очень честнымъ, но нѣсколько слабохарактернымъ, потому что слышала, какъ онъ однажды сознавался, что у него не хватитъ духа потребовать у товарища десяти франковъ, которыя онъ ему далъ взаймы, три мѣсяца назадъ. Александръ объявляетъ, что Луиза рождена для торговли, что въ его устахъ большой комплиментъ.

Въ назначенный день, точно въ срокъ уплаты по векселю, m-me Мёнье выкладываетъ двѣ тысячи франковъ. Цѣлыхъ полтора года она не пила кофе и экономничала на пищѣ, освѣщеніи и отопленіи. Послѣ этого свадьба назначена черезъ три мѣсяца, чтобы дать время жениху съ невѣстой приготовиться къ ней. Рѣшено, что Александръ откроетъ часовой магазинъ въ улицѣ Сенъ-Жакъ, нанявъ бывшую овощную лавку одной торговки, дѣла которой не пошли. Впрочемъ, всѣ улучшенія ограничиваются тѣмъ, что потолокъ побѣлили, а обои подчистили, такъ какъ маляръ просилъ двѣсти франковъ, чтобы отдѣлать лавку за-ново. Что касается товара, то онъ первоначально будетъ состоять изъ нѣсколькихъ самыхъ простыхъ золотыхъ укра-

Digitized by Google

шеній и нѣсколькихъ стѣнныхъ часовъ, купленныхъ по случаю. Александръ займется вначалѣ починкой часовъ въ кварталѣ; а тамъ уже, когда имя ихъ получитъ извѣстность и имъ удастся хорошо повести свое дѣло, они устроятъ себѣ красивый и богатый магазинъ. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, когда лавка приведена въ порядокъ, издержки перемѣщенія уплачены, имъ остается три тысячи франковъ, съ которыми имъ можно будетъ сторожить выгодныя покупки. Всѣ эти хлопоты наполняютъ ихъ время до самой свадьбы.

Когда заговорили о контрактѣ, Луиза пожала плечами, а Александръ улыбнулся. Контрактъ стóитъ по крайней мѣрѣ двѣсти франковъ. Они все будутъ дѣлить по-ровну, имущество у нихъ все будетъ общее—это гораздо проще; къ тому же, они намѣрены поступать добросовѣстно другъ съ другомъ. Александръ, кромѣ золотого обручальнаго кольца, цѣною въ пятнадцать франковъ, подарилъ Луизѣ золотую цѣпочку для часовъ и турецкую шаль. Свадьбу назначено отпраздновать въ ресторанѣ одного изъ городскихъ предмѣстій, въ Сенъ-Мандé, подъ вывѣскою *Panier fleuri*. Причемъ Бодэны объявляютъ, что берутъ на себя издержки свадебнаго пира.

Свадьба назначена въ субботу, потому что такимъ образомъ можно будетъ отдыхать все воскресенье. На свадьбѣ набралось семь каретъ, нанятыхъ на цѣлый день. Александръ заказалъ себѣ черные панталоны и сюртукъ. Луиза сама сшила свое бѣлое платье; а одна изъ ея тётокъ подарила ей вѣнокъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Всѣ приглашенные, въ числѣ двадцати человѣкъ, принарядились; дамы одѣты въ яркихъ платьяхъ, голубыхъ, зеленыхъ, желтыхъ; мужчины въ сюртукахъ; одинъ либеральный продавецъ, удалившійся отъ дѣлъ, облачился даже во фракъ. Но вниманіе прохожихъ особенно привлекаютъ подружки невѣсты, двѣ высокихъ, бѣлокурыхъ дѣвушки въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, съ широкими красными кушаками. Свадебный поѣздъ трогается съ мѣста въ девять часовъ утра и отправляется въ мэрію, гдѣ поѣзжане вторгаются въ свадебную залу. Мэръ заставляетъ себя ждать три-четверти часа. Онъ—толстякъ, съ скучающей физіономіей — отбарабаниваетъ статьи кодекса, безпрестанно поглядывая на стѣнные часы, висящіе напротивъ него; у него, должно быть, назначено дѣловое свиданіе. М-me Бодэнъ и м-me Мёнье много плачутъ. Молодые произносятъ „да“ съ вѣжливымъ поклономъ г. мэру. Въ это время отставной продавецъ мебели позволяетъ себѣ шутки, заставляющія мужчинъ хихикать. Александръ и Луиза, каждый съ своей стороны, приготовили пяти-франковую монету, которую и опускаютъ въ кружку для бѣдныхъ. Послѣ этого поѣзжане разсаживаются по каретамъ и ѣдутъ въ церковь. Наканунѣ

Digitized by Google

m-lle Бодэнъ и Александръ пріѣзжали условливаться на счетъ обряда вѣнчанія. Они пожелали простѣйшей церемоніи, потому что не чувствуютъ ни малѣйшаго желанія набивать карманы попамъ. И даже Бодэнъ, будучи свободнымъ мыслителемъ, не хотѣлъ вовсе церковнаго брака и если уступилъ, то ради приличія, чтобы на нихъ не показывали пальцами въ кварталѣ. Патеръ живо катаетъ мессу. Присутствующіе встаютъ и снова садятся по знаку дьячка. Только у женщинъ есть молитвенники, которыхъ онѣ, впрочемъ, не читаютъ. Молодые серьёзны, но скучны и разсѣянны, точно думаютъ о другомъ. По выходѣ изъ церкви всѣ вздыхаютъ съ облегченіемъ. Кончено, слава Богу! Теперь можно и посмѣяться! Право, въ этой церкви можно было задохнуться.

Въ два часа пополудни кареты привозятъ поѣзжанъ въ Сенъ-Мандѐ. Обѣдъ назначенъ въ шесть часовъ. Чтобы убить время, отправляются въ Венсенскій лѣсъ, и въ теченіи трехъ часовъ гуляютъ подъ деревьями. Подружки бѣгаютъ, какъ дѣвчонки; дамы ищутъ тѣни, а мужчины закуриваютъ сигары. Такъ какъ всѣ поѣзжане съ ногъ сбиты отъ усталости, то вскорѣ все общество разсаживается на одной прогалинѣ и прислушивается къ рожку сосѣдней крѣпости, къ свисткамъ проѣзжающихъ локомотивовъ, отдаленному гулу Парижа, виднѣющагося на горизонтѣ. Время летитъ незамѣтно. Давно уже всѣ эти лавочники столько не смѣялись.

Между тѣмъ наступаетъ часъ обѣда, и всѣ возвращаются въ ресторанъ. Столъ накрытъ въ большой залѣ, освѣщенной десятью газовыми рожками, какъ въ кофейнѣ; на двухъ концахъ стола красуются два букета искусственныхъ цвѣтовъ, полинявшихъ отъ употребленія. Обѣдъ проходитъ весело среди стука вилокъ и ножей, шутокъ, разговоровъ. Самый веселый моментъ тотъ, когда одинъ молодой человѣкъ, приказчикъ изъ магазина модныхъ товаровъ, подлѣзаетъ подъ столъ, чтобы развязать подвязку у молодой, которую потомъ мужчины разрѣзаютъ на части и украшаютъ ея отрывками свои петлицы. Луиза желала, чтобы ее уволили отъ этой шутки, но отецъ далъ ей понять, что она омрачитъ этимъ всеобщее веселье, и съ обычнымъ здравымъ смысломъ она подчинилась обычаю. Александръ смѣется очень громко и веселится отъ души, какъ человѣкъ, которому не часто приходится пировать. По поводу подвязки начинаются нѣсколько рискованныя шуточки. Обѣдъ кончается среди взрывовъ смѣха, вызываемыхъ двусмысленными выходками. Когда которая-нибудь окажется изъ рукъ вонъ смѣлой, дамы скрываютъ лицо въ салфетку, чтобы смѣяться безъ стѣсненія.

Девять часовъ вечера. Гарсоны ресторана просятъ гостей перейти

Digitized by Google

на минуту въ сосѣдній небольшой салонъ. Въ это время они живо убираютъ столъ, и большая столовая превращается въ танцовальный залъ. Двѣ скрипки, корнетъ-а-пистонъ, кларнетъ и контрбасъ помѣщаются на эстрадѣ. Начинается балъ. Платья подружекъ, и ихъ красные кушаки всю ночь порхаютъ съ одного конца залы до другого между черными сюртуками. Въ залѣ очень жарко; дамы открываютъ окно, чтобы впустить свѣжій воздухъ. Разносятъ подносы съ смородиннымъ сиропомъ. Около двухъ часовъ ночи ищутъ молодую, но она исчезла: вернулась въ Парижъ вмѣстѣ съ матерью и мужемъ. Бодэнъ остался представителемъ семьи, и старается поддержать веселость гостей. Надо, чтобы танцы длились до утра...

И живутъ молодые потомъ очень счастливо. Къ довершенію удачи у нихъ нѣтъ дѣтей; дѣти были бы имъ помѣхой. Торговля ихъ процвѣтаетъ, маленькая лавка расширяется, витрины наполняются часами и золотыми украшеніями. Луиза ведетъ весь домъ, какъ образцовая хозяйка. Она весь день проводитъ за прилавкомъ, улыбаясь покупательницамъ, выдавая за самыя модныя—брошки и серьги устарѣлаго фасона. Вечеромъ съ перомъ за ухомъ она провѣряетъ счеты, приготовляетъ заказы. Зачастую даже она проводитъ весь день, рыская по Парижу, чтобы поторопить рабочихъ. Вся ея жизнь наполнена торговыми заботами. Женщина умерла въ ней и уступила мѣсто дѣятельному и хитрому приказчику, безъ пола, неспособнаго къ увлеченію, одержимаго одной *idée fixe*: удалиться со временемъ отъ дѣлъ, наживъ семьвосемь тысячъ франковъ дохода, которыя они станутъ проживать въ Сюренѣ, въ маленькой виллѣ, выстроенной на манеръ швейцарскаго шалé. И Александръ безусловно, слѣпо довѣряетъ женѣ. Самъ онъ занимается только часовымъ дѣломъ, починкой часовъ карманныхъ и стѣнныхъ; и можно подумать, что весь домъ ихъ не что иное какъ большіе часы, которые они завели разъ навсегда. Никогда они не узнаютъ: любили ли они другъ друга, но они навѣрное знаютъ, что они честные ассосье, алчные къ наживѣ, и снятъ вмѣстѣ лишь затѣмъ, чтобы избѣжать двойного раскода на стирку простынь.

Digitized by Google

V.

Валентинъ — высокій двадцати-пяти-лѣтній молодецъ, ремесломъ столяръ, родился въ самомъ центрѣ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Его отецъ и дѣдъ были столярами. Онъ росъ среди стружекъ; до десяти лѣтъ игралъ въ кегли на троттуарѣ Бастильской площади, вокругъ іюльской колонны. Теперь онъ ночуетъ въ улицѣ Ла-Рокеттъ въ жалкой лачугѣ, гдѣ за десять франковъ въ мѣсяцъ нанимаетъ уголъ подъ крышей, въ которомъ помѣщается только кровать и стулъ; да и то еще, чтобы влѣзть на кровать ему нужно согнуться въ три погибели, чтобы не разбить себѣ лба объ потолокъ. Онъ первый потѣшается надъ своей норой. Ему рѣшительно нипочемъ, что квартира у него не княжеская. Онъ въ ней не принимаетъ гостей, возвращается домой въ десять часовъ вечера затѣмъ, чтобы заваляться спать, и въ пять часовъ утра, зимою и лѣтомъ, уже снова на ногахъ. Онъ говоритъ, что ему бываетъ досадно на свою квартиру только тогда, когда онъ сведетъ пріятное знакомство, потому что онъ не рѣшается приглашать къ себѣ дамъ. Кровать такъ мала, что вдвоемъ на ней помѣститься нѣтъ никакой возможности.

Хорошій малый, нашъ Валентинъ! Онъ работаетъ какъ волъ, потому что молодъ и еще вѣритъ въ трудъ, и при этомъ не пьяница, не игрокъ, одно развѣ-что: слишкомъ влюбчивъ. Женщины — вотъ его главный порокъ. Когда утромъ онъ вяло дѣйствуетъ рубанкомъ, товарищи подсмѣиваются надъ нимъ и кричатъ, что онъ навѣрное видѣлся съ мадемуазель Лизой. Это объясняется тѣмъ, что одна изъ знакомыхъ Валентина называлась Лизой, и въ тѣ дни, когда лѣнь овладѣвала Валентиномъ, онъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „чортъ побери! работа не ладится, я видѣлся вчера съ Лизой!“ Въ кабачкахъ предмѣстья его зовутъ „красавецъ-столяръ“. У него большая удалая голова, съ курчавыми волосами, и, танцуя, онъ обыкновенно засучиваетъ рукава своей блузы—для бо́льшаго удобства, говоритъ онъ, но въ сущности затѣмъ, чтобы показать свои сильныя руки, которыя бѣлизной поспорятъ съ женскими руками. Поэтому онъ славится своими побѣдами: онъ вскружилъ голову самымъ красивымъ дѣвушкамъ: большой Нанѣ, маленькой Огюстинѣ, и толстой, одноглазой Адели и даже самой Борделетѣ, брошировщицѣ, изъ-за которой дрались на дуэли двое военныхъ. Каждый вечеръ онъ обходитъ всѣ увеселительныя заведенія, заглянетъ туда, сюда, единственно затѣмъ только, чтобы поглядѣть, не встрѣтитъ ли незнакомыхъ ему хорошенькихъ дѣвочекъ.

Однажды вечеромъ, войдя въ *Садъ Флоры*, увеселительное заве-

Digitized by Google

деніе въ улицѣ Шароннь, онъ видитъ Клемансъ, шестнадцатилѣтнюю цвѣточницу, съ прелестными бѣлокурыми волосами, которые, ему кажется, окружаютъ ее точно солнечнымъ сіяніемъ. Онъ сразу влюбляется въ нее до зарѣзу! Весь вечеръ ухаживаетъ за ней, танцуетъ съ ней и угощаетъ виномъ à la française. Потомъ около одиннадцати часовъ, когда Клемансъ уходитъ домой, провожаетъ ее и, натурально, проситъ позволенія остаться съ ней. Но она отказываетъ наотрѣзъ. Она охотно танцуетъ съ мужчинами на балахъ,—но и только, и запираетъ дверь у него подъ носомъ. На другой день онъ наводитъ справки. У Клемансъ уже былъ любовникъ, который бросилъ ее, не заплативъ за два квартирныхъ срока. Тогда она поклялась вымстить зло на первомъ мужчинѣ, который сдѣлаетъ глупость ее полюбить.

Въ слѣдующіе дни Валентинъ поджидаетъ ее на улицѣ и въ обѣденный часъ рѣшается пойти поздороваться съ ней; всюду преслѣдуетъ ее.

— Сегодня вечеромъ вы примете меня, что ли? — спрашиваетъ онъ, смѣясь.

Но она весело отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ дождика въ четвергъ!

Каждое воскресенье онъ встрѣчается съ ней въ *Саду Флоры*. Она сидитъ тамъ обыкновенно возлѣ оркестра. Она охотно выпиваетъ вино à la française; охотно танцуетъ съ нимъ; но какъ только онъ хочетъ поцѣловать ее, даетъ ему щелчка, а если онъ заговоритъ съ ней о томъ, какъ славно они зажили бы вмѣстѣ, отвѣчаетъ ему хладнокровно, что напрасно онъ настаиваетъ, что она не хочетъ этого, потому что это ей не по душѣ. Въ теченіи шести недѣль дразнятъ они такимъ образомъ другъ друга, не переставая смѣяться.

Въ концѣ второго мѣсяца Валентинъ становится мраченъ. Онъ не спитъ по ночамъ въ своей норѣ, подъ крышей, онъ задыхается въ ней. Когда онъ лежитъ въ ней съ широко раскрытыми глазами, то видитъ передъ собой бѣлокурую головку Клемансъ, волосы которой сіяютъ, какъ солнце. Тутъ его начинаетъ колотить лихорадка, и онъ до бѣлой зари ворочается, какъ на горячихъ угольяхъ, а на другой день въ мастерской ничего не дѣлаетъ; глаза его блуждаютъ, инструменты валятся изъ рукъ. Товарищи кричатъ ему: „ты видѣлся, должно быть, съ m-lle Лизой!“ Увы! нѣтъ, онъ не видѣлся съ m-lle Лизой, и вотъ почему лѣнь одолѣваетъ его въ настоящую минуту. Три раза онъ приходилъ къ Клемансъ и на колѣняхъ умолялъ полюбить его, но она заладила одно: нѣтъ, да нѣтъ, и онъ плакалъ, какъ дуракъ, на улицѣ. Онъ уже собирается идти лечь передъ ея дверью на площадкѣ, потому что ему кажется, что ему станетъ легче, если онъ услышитъ ея легкое дыханіе сквозь щели дверей. Страсть къ

Digitized by Google

этой маленькой дѣвочкѣ, которой онъ бы легко свернулъ шею двумя пальцами, лишаетъ его сна и аппетита.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ онъ идетъ къ Клемансъ и предлагаетъ ей выдти за него замужъ. Такъ дольше продолжаться не можетъ, онъ пропадетъ съ тоски, онъ не можетъ жить безъ нея. Цвѣточницу предложеніе его захватываетъ въ расплохъ. Она никогда объ этомъ не думала, но очень скоро даетъ свое согласіе. Боже мой! она сама любитъ его всѣмъ сердцемъ, но вѣдь она много слезъ уже пролила, когда прежній ее бросилъ. А какъ скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы соединиться на всю жизнь, то у ней нѣтъ причинъ отказываться.

На другой день они отправляются въ мэрію за справками. Медленность процедуры смущаетъ ихъ. Клемансъ не знаетъ, гдѣ найти актъ о смерти отца, Валентинъ бѣгаетъ изъ одного полицейскаго бюро въ другое, въ поискахъ за документомъ, свидѣтельствующимъ объ его увольненіи отъ воинской повинности. Они видятся теперь ежедневно, гуляютъ вмѣстѣ, посѣщаютъ увеселительныя мѣста за городомъ. Вечеромъ, возвращаясь вдоль длинныхъ улицъ предмѣстья, они ничего не говорятъ, а только тихо пожимаютъ другъ другу руки. Сердце ихъ полно радости, которой они не умѣютъ высказать. Клемансъ спѣла разъ Валентину романсъ, въ которомъ говорилось о лунѣ, о домѣ на балконѣ, о господинѣ, цѣлующемъ у ней руку, и Валентинъ нашелъ романсъ такимъ прекраснымъ, что у него навернулись слезы на глазахъ.

Всѣ формальности выполнены. Свадьба назначена въ слѣдующую субботу. Она совершится безъ всякаго парада. Валентинъ ходилъ справляться въ церковь, но такъ какъ священникъ спросилъ съ него пять франковъ за обрядъ вѣнчанія, то Валентинъ отвѣчалъ, что обойдется и безъ того; а Клемансъ воскликнула, что бракъ въ мэріи самый настоящій и что патеръ имъ не нуженъ. Сначала они собирались совсѣмъ не праздновать свадьбы; но потомъ, чтобы не подумали, что они прячутся, рѣшили устроить пикникъ по пяти франковъ съ персоны, въ винномъ погребкѣ, у Тронной заставы. Приглашенныхъ набралось человѣкъ восемнадцать. Клемансъ должна привести съ собой трехъ пріятельницъ, замужнихъ женщинъ. Валентинъ завербовалъ цѣлый полкъ столяровъ и рѣзчиковъ съ ихъ дамами. Собраться въ винномъ погребкѣ назначено въ два часа пополудни, потому что рѣшено прогуляться до обѣда.

Въ мэрію Валентинъ и Клемансъ приходятъ только съ свидѣтелями. Валентинъ отдалъ вычистить свой сюртукъ; Клемансъ три ночи сряду приводила въ порядокъ старое голубое платье, которое ей продала пріятельница за десять франковъ. На ней надѣтъ чепчикъ съ

Digitized by Google

красными цвѣтами. Она такая хорошенькая, съ бѣленькой дѣтской рожицей и пушистыми бѣлокурыми волосами, что мэръ отечески улыбается ей. Когда дошелъ чередъ ей произнести „да", она чувствуетъ, что Валентинъ толкаетъ ее локтемъ, и прыскаетъ со смѣха. Всѣ въ залѣ смѣются, даже писаря. По желтымъ страницамъ кодекса проносится какъ-бы дуновеніе молодости. Когда приходится подписываться на регистрахъ, свидѣтели отличаются, Валентинъ ставитъ крестъ, потому что не умѣетъ писать, у Клемансъ выходитъ чернильная клякса. Въ кружку бѣдныхъ всѣ кладутъ по два су. Одна молодая, перерывъ всѣ свои карманы, жертвуетъ, наконецъ, три су.

Въ два часа все общество находится въ сборѣ въ винномъ погребкѣ, у Тронной заставы; оттуда идутъ гулять на городскія укрѣпленія. Потомъ мужчины устраиваютъ во рву игру въ жмурки. Когда кто-нибудь изъ столяровъ поймаетъ даму, онъ щиплетъ ее, а дама вскрикиваетъ и говоритъ, что щипаться не слѣдуетъ, что это не допускается. Все общество заливается дружнымъ хохотомъ и наполняетъ такимъ шумомъ этотъ мирный уголокъ земли, что испуганные воробьи улетаютъ прочь. На возвратномъ пути отцамъ приходится посадить себѣ на спину трехъ или четырехъ ребятишекъ семи-восьми лѣтъ, которые еле-волочатъ ноги. Впрочемъ, и всѣ поѣзжане не чувствуютъ подъ собою ногъ отъ усталости, но это никому не мѣшаетъ здорово работать челюстями за обѣдомъ. Каждый хочетъ съѣсть на всѣ свои пять франковъ. Вѣдь за обѣдъ заплачены кровныя денежки, не такъ ли? Нечего, значитъ, церемониться. Ну, за то и надо видѣть, какъ обгладываются всѣ косточки — никакихъ объѣдковъ не приходится уносить въ кухню. Одинъ рѣзчикъ съѣдаетъ такія кусища хлѣба, что пораженные гарсоны кладутъ, наконецъ, возлѣ него хлѣбъ въ четыре фунта вѣсомъ. Когда появляется жаркое, жирный гусь, вокругъ стола поднимаются крики восторга. Валентинъ, котораго товарищи стараются напоить для потѣхи, зорко слѣдитъ за своимъ стакаиомъ, но Клемансъ, не привыкшая пить безъ воды, раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и болтаетъ, какъ сорока. Всѣ очень веселы; все идетъ прекрасно. За десертомъ начинаются пѣсни. Каждый поетъ поочереди; въ теченіи трехъ часовъ одинъ куплетъ смѣняется другимъ. Кто поетъ романсъ, гдѣ говорится объ Адріатическомъ морѣ, о дожѣ и гондолахъ; кто исполняетъ коническую шансонетку и пересказываетъ о тѣхъ шуткахъ, какія вино шутитъ надъ человѣкомъ, передразнивая въ концѣ каждаго куплета пьянаго; третій, наконецъ, поетъ гривуазную пѣсенку, которую дамы съ хохотомъ акомпанируютъ ударами ножей въ стаканы. Но когда дѣло доходитъ до расплаты, под-

Digitized by Google

нимается шумъ. Виноторговецъ требуетъ дополнительной платы, но никто не хочетъ платить свыше пяти франковъ. Было условлено, что обѣдъ стóитъ пять франковъ,—значитъ, и толковать нечего. И такъ какъ виноторговецъ грозитъ позвать полицію, то дѣло кончается, наконецъ, дракой, и часть поѣзжанъ проводитъ остатокъ ночи въ кутузкѣ. Къ счастію, молодые догадались уйти при самомъ началѣ ссоры.

Въ четыре часа утра, Валентинъ и Клемансъ возвращаются въ комнату послѣдней, которую рѣшили оставить за собой до слѣдующаго срока уплаты за квартиру. Они пѣшкомъ прошли черезъ все Сенть-Антуанское предмѣстье, но холодку, котораго не чувствовали, потому что шли очень скоро. И какъ только дверь захлопнулась за ними, Валентинъ заключаетъ Клемансъ въ объятія и покрываетъ ея лицо поцѣлуями съ неистовой страстью, которая смѣшитъ молодую дѣвушку. Она бросается къ нему на шею и сама цѣлуетъ его изъ всей мочи, чтобы доказать ему, что она его любитъ. Уже разсвѣтаетъ, когда они ложатся спать. Канарейка Клемансъ, въ клѣткѣ у окна, сладко щебечетъ. Въ бѣдной комнаткѣ любовь паритъ надъ полинялымъ пологомъ кровати...

Валентинъ и Клемансъ вступаютъ въ семейную жизнь съ капиталомъ въ двадцать-три су. Въ понедѣльникъ они спокойно, каждый съ своей стороны, идутъ на работу. Дни идутъ за днями, проходитъ жизнь. Въ тридцать лѣтъ Клемансъ дурна собой; ея бѣлокурые волосы стали грязно-желтыми, трое дѣтей, которыхъ она выкормила, съѣли ея красоту. Трудъ скоро старитъ женщину въ Парижѣ. Валентинъ сталъ пьяницей; отъ него несетъ водкой; красивыя руки его огрубѣли и похудѣли на работѣ. Въ день получки заработка, когда столяръ возвращается домой пьяный, съ пустыми руками, супруги вступаютъ въ рукопашную, подъ ревъ ребятишекъ. Мало-по-малу жена привыкла ходить разыскивать своего мужа по винным погребкамъ, гдѣ, въ концѣ-концовъ, онъ усаживается обыкновенно за столъ и напивается до-пьяна среди облаковъ табачнаго дыма. Но она по прежнему любитъ своего мужа и прощаетъ его, когда тотъ задастъ ей потасовку. Она осталась честной женщиной, и ее нельзя обвинить въ томъ, что она гуляетъ съ первымъ встрѣчнымъ, какъ иныя твари. И среди этой жизни, полной ссоръ и нищеты, въ грязномъ жилищѣ, гдѣ зачастую не бываетъ огня и хлѣба, среди медленной утраты двумя пьяницами человѣческаго образа и подобія, до самой ихъ смерти бываютъ часы, когда любовь заглядываетъ подъ дырявый пологъ кровати.

Digitized by Google

VI.

Я кончаю на этомъ примѣрѣ. Я уже говорилъ, что всѣ браки не исчерпываются приведенными четырьмя. Я старался только набросать общія черты. Для бо́льшей полноты слѣдовало бы указать на второстепенныя черты браковъ въ каждомъ изъ четырехъ классовъ. Такъ, напримѣръ, въ простонародьѣ многіе ремесленники, проживъ семь-восемь лѣтъ съ любовницей, женятся на ней въ концѣ-концовъ; другіе пребываютъ въ незаконномъ сожительствѣ до конца жизни, причемъ даже сосѣди не знаютъ: обвѣнчаны они или нѣтъ. Но эти подробности завели бы меня слишкомъ далеко, и я предпочитаю ограничиться общими основаніями. Однако, прежде чѣмъ кончить, желаю пополнить этотъ очеркъ нѣсколькими необходимыми штрихами.

Во всѣхъ почти нашихъ селахъ крестьяне очень практически относятся къ вопросу о бракѣ. Мужчины женятся на дѣвушкахъ только тогда, когда они забеременятъ. Влюбленные назначаютъ другъ другу свиданія въ поляхъ, и это не считается предосудительнымъ, пока не родится ребенокъ. Надо прибавить, что весьма рѣдко случается, чтобы мужчина отказался жениться на дѣвушкѣ, беременной отъ него. Въ Нормандіи, въ Бургони, въ Пикардіи въ особенности, примятый хлѣбъ въ поляхъ не вызываетъ даже улыбки у прохожихъ; всѣ знаютъ, что тутъ прошла любовь. На югѣ Франціи дѣвушки гораздо недовѣрчивѣе. Но, въ сущности, крестьяне наши, говоря относительно, очень нравственны. Если семейные раздоры бываютъ изрѣдка между ними, зато рѣдко встрѣтишь между крестьянками развратную женщину. Каждое село насчитываетъ двѣ-три семьи, совратившіяся съ пути истиннаго, но пропорція въ городахъ гораздо значительнѣе. Крестьяне ближе къ землѣ и инстинкту; дѣвушки принадлежатъ первому любовнику, а жены—вѣрны мужьямъ.

Въ провинціальныхъ городахъ встрѣчаемъ тѣ же четыре типа брака, которые я описалъ, говоря о бракахъ въ Парижѣ, только обычаи и церемоніи мѣняются вмѣстѣ съ провинціей. Но бракъ по любви является исключеніемъ, а браки по разсудку и разсчету преобладаютъ. И въ провинціи положительная сторона дѣла играетъ громадную роль. Тамъ всѣ состоянія на виду; приданое дѣвушекъ извѣстно до послѣдней копѣйки; съ другой стороны, общество коротко знакомо между собой; молодые люди знаютъ, какого цвѣта глаза у всѣхъ дѣвицъ. Эта вынужденная короткость дѣлаетъ людей еще осмотрительнѣе; заключая бракъ, они, конечно, совершаютъ сдѣлку, но при этомъ зрѣло обдумываютъ все дѣло, и отцы отдаютъ дочерей такъ же

Digitized by Google

осмотрительно, какъ-бы давали взаймы сто франковъ. Я говорю о вопросѣ денежномъ и вопросѣ приличія, такъ какъ чувство, воспитаніе не играютъ при этомъ никакой роли. Одно обстоятельство меня всегда очень сильно поражало, а именно, что развратъ гораздо сильнѣе развитъ въ провинціи, чѣмъ въ Парижѣ. Измѣна супружеской вѣрности царитъ тамъ почти въ каждомъ семействѣ; скандалы случаются безпрестанно. Быть можетъ, затишье общественной жизни придаетъ особенный шумъ малѣйшей любовной интригѣ. Я склоннѣе, впрочемъ, объяснить это тѣмъ, что чѣмъ сильнѣе лицемѣріе, тѣмъ беззастѣнчивѣе порокъ.

У меня есть, однако, одинъ аргументъ въ пользу брака, и я съ удовольствіемъ привожу его. Литераторы и художники нашего времени женятся, и довольны своей судьбой. Существуетъ цѣлая теорія противъ брака людей, живущихъ умственной жизнью: неоднократно повторялось, что жена—гасильникъ таланта, что семейная жизнь гаситъ творческое пламя, что истинно сильный человѣкъ долженъ жить одинокимъ, какъ Моисей. Все это однѣ фразы, опровергаемыя опытомъ. Не стану приводить именъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ; но сколько мощныхъ талантовъ въ литературѣ и въ искусствѣ, женившись, не только не утратили своихъ творческихъ силъ, но какъ-бы черпали ихъ въ бракѣ. Дѣло въ томъ, что великіе труженики поняли, что необходима буржуазная, правильная жизнь, размѣренный по часамъ трудъ,—для того, чтобы удовлетворить колоссальной производительности, требуемой нашей эпохой. Далеки отъ насъ тѣ блаженныя времена, когда считалось, что поэту стоитъ только раскрыть окно, чтобы въ него влетѣло вдохновеніе и осѣнило его голову. Современный анализъ, изученіе дѣйствительной жизни, непрерывная борьба съ толпой требуютъ продолжительнаго труда, ежеминутнаго напряженія. И вотъ почему семейная жизнь превосходна. Вставать рано и работать упорно, точно лавочникъ, любить свой домашній очагъ и не допускать въ него дурацкаго уличнаго шума — вотъ лучшее условіе для того, чтобы создавать мастерскія произведенія.

Я обѣщалъ себѣ не дѣлать выводовъ, не искать, какимъ путемъ можно было бы скрѣпить брачныя узы, которыя, повидимому, расшатываются съ каждымъ днемъ. Я заявляю только, что въ настоящую минуту единственная сила брака заключается въ необходимости соціальныхъ рамокъ. Женятся въ родѣ того, какъ пишутъ завѣщанія, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла. Сердце, любовь—въ девяти случаяхъ изъ десяти непричемъ. Всеобщій развратъ подрываетъ бракъ, равно какъ и протестъ, растущій съ каждымъ днемъ противъ этого юридическаго учрежденія, соединяющаго жизнь мужчины и женщины

Digitized by Google

во имя общихъ интересовъ. Я держусь однихъ фактовъ, и на ряду съ немногими счастливыми брачными союзами указываю на страшное число супружескихъ невѣрностей, на семьи, живущія среди настоящаго ада раздоровъ, прелюбодѣяній, всѣхъ ужасовъ проституціи, глубоко потрясающей основы нашей цивилизаціи. Ахъ, бѣдное человѣчество! оно такъ стремится къ покою, придумываетъ всякаго рода преграды, чтобы помѣшать страстямъ отравлять жизнь людей, и на другой же день само опрокидываетъ рогатки, которыя воздвигло наканунѣ.

Куда идетъ девятнадцатый вѣкъ? Чего мы должны ожидать въ двадцатомъ? Быть можетъ, богъ любви улыбается, приложивъ палецъ къ губамъ, и готовитъ намъ какую-нибудь великую зарю страсти. Вначалѣ любовь была героической, потомъ чувственной, въ наше время стала положительной. Но завтра, быть можетъ, она вспыхнетъ какъ зарево новаго свѣтила. Одинъ изъ моихъ друзей, зараженный лирическими парадоксами, часто говоритъ мнѣ: „бракъ при послѣднемъ издыханіи, это очевидно. Когда онъ совсѣмъ умретъ, все пойдетъ хорошо. Люди будутъ любить другъ друга, какъ птицы, въ теченіи одного лѣта. Любовь людей станетъ похожа на любовь цвѣтовъ. Быть можетъ, люди не перестанутъ жениться; но жены будутъ брать, какъ покупаютъ бумаги на биржѣ, не видя даже ихъ и оставляя иногда у маклеровъ, для коммерческаго оборота. Настоящіе браки будутъ заключаться въ маѣ мѣсяцѣ, въ лѣсахъ, возлѣ каждаго города, куда будутъ ходить гулять мужчины и женщины. Тамъ каждый выберетъ себѣ подругу по-сердцу. Это будетъ прелестно, и ни моралистамъ, ни философамъ нельзя будетъ жаловаться, потому что каждому предоставятъ примѣнять свою систему!“

Богъ мой! Вотъ было бы пріятное разрѣшеніе вопроса!

Эмиль Зола.

Парижъ. — 5 (17) декабря, 1875.

Digitized by Google

ВТОРИЧНАЯ ПОѢЗДКА Г. РИДА ВЪ РОССІЮ

въ извлеченіи изъ его писемъ въ „Times".

Года три тому назадъ съ небольшимъ мы познакомили нашихъ читателей съ результатами поѣздки въ Петербургъ одного изъ весьма извѣстныхъ техниковъ-строителей англійскаго флота и бывшаго главнаго кораблестроителя (Chief Constructor of the Navy), а впослѣдствіи вице-президента института морскихъ архитекторовъ въ Лондонѣ, г-на Рида [1]). Осенью истекшаго года онъ предпринялъ новую поѣздку къ намъ, и на этотъ разъ—въ Крымъ. Помѣщая извлеченіе изъ нынѣшнихъ писемъ г-на Рида въ Англію, мы даемъ, такимъ образомъ, читателю конецъ знакомаго уже ему начала, и потому не имѣемъ надобности повторять теперь тѣхъ оговорокъ, которыя мы сдѣлали тогда о необходимости относиться критически не только къ осужденію насъ иностранцами, но также и къ похваламъ съ ихъ стороны. Нынѣшній разъ г. Ридъ особенно останавливается на круглыхъ броненосцахъ, вызвавшихъ громкую полемику и у насъ, и въ отечествѣ г-на Рида. Въ самой полемикѣ, конечно, мы не можемъ принять никакого участія; мы даже готовы допустить, что хотя г. Ридъ пророчествуетъ и въ чужой землѣ, но все же можетъ имѣть участь тѣхъ, о которыхъ сказано въ Св. писаніи, что „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ"; наконецъ, ошибаться—это общая участь людей; всѣ помнятъ, какъ еще недавно и самое это изрѣченіе Св. писанія было весьма компетентнымъ лицомъ названо „французскою пословицею" [2]);

---

[1]) См. „В. Е." 1872, сентябрь, стр. 416: „Англійское мнѣніе о русскомъ флотѣ".

[2]) См. о томъ въ „Московскихъ Вѣдом." извѣстія о путешествіи г. министра народнаго просвѣщенія на югъ, изъ Ѳеодосіи, отъ 23-го сентября.—Мы не провѣряли, было ли перепечатано это мѣсто въ „Журн. Мин. Нар. Просв"., но за то тамъ мы нашли другія мѣста, которыя желательно было бы оставить на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Въ городѣ Ананьевѣ, благочинный, отецъ Ѳеодоръ Гилевскій сказалъ между прочимъ: „Мы, граждане города Ананьева, полны восторга отъ счастія пребыванія вашего сіятельства среди насъ и той высокой *милости*, какую шлете *вы* намъ возможностью открытія въ нашемъ городѣ полной мужской гимназіи. Вѣрьте, ваше сіятельство, что мы вчера вечеромъ, когда изъ устъ вашихъ услышали слово о такой *высокой милости* къ намъ,—въ восторгѣ поздравляли другъ друга взаимными лобзаніями, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія" („Ж. М. Н. Пр." дек. 1875, стр. 145, предъ отдѣломъ классической филологіи). Основаніе гимназіи можно назвать милостью по отношенію къ Верховной власти въ странѣ но для министра народнаго просвѣщенія это обязанность, возложенная на него Верховною властью, но не его „милость". Наконецъ, приравненіе такой „милости" ми-

Digitized by Google

но можно недовѣрчиво относиться ко многому, и тѣмъ не менѣе необходимо изучать близко даже и такое мнѣніе, съ которымъ мы можемъ быть несогласны. Вотъ потому мы помѣщаемъ вторично мнѣніе г. Рида, и нынѣшній разъ о весьма спорномъ вопросѣ, не какъ завѣтъ какой-нибудь, а только какъ весьма интересный матеріалъ, сообщаемый рукою человѣка, котораго можно оспаривать, но котораго нельзя не признать мастеромъ и знатокомъ. Впрочемъ, крымскія письма г. Рида могутъ заинтересовать и помимо главнаго ихъ предмета: авторъ сообщилъ также и общія свои путевыя впечатлѣнія, и, какъ то часто мы замѣчаемъ у иностранцевъ-техниковъ, обнаружилъ при этомъ большую наблюдательность и талантъ, хорошо развитый общимъ образованіемъ. Въ западной образованности мы вообще не видимъ узкаго стремленія сдѣлать реальное обученіе профессіональнымъ и спеціально-техническимъ: оно также предназначается для того, чтобы служить средствомъ къ общему развитію духовныхъ способностей человѣка; читая письма г. Рида, трудно даже догадаться объ его крайней спеціальности; это—прежде всего образованный человѣкъ, а затѣмъ—спеціалистъ. Нельзя потому не пожалѣть, что такой наблюдательный человѣкъ, какъ г. Ридъ, вынужденъ былъ съ первыхъ же словъ жаловаться на свою спѣшность, а также и на „праздничный“ характеръ путешествія, часто препятствующій видѣть вещи въ будничной правдѣ.

Николаевъ, 6-го октября, 1875 года. — Узнавъ, что 7-го октября здѣсь предназначенъ спускъ на воду второго изъ круглыхъ броненосцевъ, строющихся въ Россіи для защиты южныхъ береговъ, а также воспользовавшись приглашеніемъ, позволявшимъ мнѣ осмотрѣть новое судно и присутствовать при его спускѣ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, и наконецъ, имѣя возможность пробыть за-границею непродолжительное время послѣ занятій въ парламентѣ, я отправился изъ Англіи чрезъ Вѣну въ Одессу, откуда на пароходѣ прибылъ вчера въ Николаевъ какъ разъ во-время, чтобы хорошо осмотрѣть этотъ весьма интересный военный портъ. Желая вкратцѣ сообщать вамъ о всемъ видѣнномъ мною, я въ то же время долженъ предварительно извиниться въ томъ, что замѣтки мои будутъ бѣглыя и отрывочныя вслѣдствіе спѣшности, съ какою по необходимости я долженъ буду писать, а также вслѣдствіе праздничнаго характера моего путешествія.

Такъ какъ желаніе посѣтить южную Россію увеличивается по мѣрѣ расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ въ этой части Европы, то здѣсь будетъ кстати упомянуть, что я прибылъ въ Николаевъ черезъ

нистра къ Свѣтлому празднику въ устахъ пастыря церкви можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ. Слова о. Ѳеодора не были отклонены, и на-дняхъ появились даже на страницахъ оффиціальнаго изданія. — См. ниже: „Библіографическій Листокъ“—рѣчь раввина Пѣвзахера въ Одессѣ: „Будущее въ прошедшемъ“.—*Ред.*

Digitized by Google

шесть дней по выѣздѣ изъ Лондона, сдѣлавъ при этомъ три остановки на пути: остановку на ночь въ Кёльнѣ, 24 часа въ Вѣнѣ и почти 24 часа въ Одессѣ. Повидимому, можно было бы вполнѣ довольствоваться столь скорымъ переѣздомъ, но я убѣдился, что время, употребляемое для этого переѣзда, возможно было бы сократить, еслибы главныя континентальныя линіи желѣзныхъ дорогъ, и особенно русскія, приспособили скорые поѣзды для удобства пассажировъ, ѣдущихъ съ одного конца Европы въ другой. Такимъ образомъ сократилась бы значительная часть двухъ тягостныхъ ночей, проводимыхъ на пути между Пассау и Вѣной, а также между Жмеринкой и Одессой. Напримѣръ, разстояніе между русской границей и Одессой равно только 342 милямъ, а между тѣмъ такъ-называемый „скорый поѣздъ“ пробѣгаетъ это разстояніе въ $19^1/_2$ часовъ, что составитъ среднюю скорость даже менѣе 18 миль въ часъ, благодаря числу и продолжительности остановокъ. Точно также, вслѣдствіе неудобнаго устройства пассажирскаго сообщенія на южныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, пассажиры, ѣдущіе съ запада въ Николаевъ, предпочитаютъ теперь путь въ Одессу, а оттуда моремъ въ Николаевъ, несмотря на то, что по существующей вѣтви отъ соединенія въ Балтѣ до Николаева разстояніе значительно короче, чѣмъ соединенное разстояніе желѣзною дорогою и моремъ чрезъ Одессу; но замедленія по этой вѣтви такъ велики и время прибытія поѣзда въ Николаевъ столь неудобно (3 часа ночи), что путь моремъ всегда предпочитается даже самыми боязливыми пассажирами. Я не могу допустить мысли, чтобы управляющіе южными русскими желѣзными дорогами смѣшивали при этомъ дѣйствіе съ причиною, а между тѣмъ на вопросъ: почему съ постройкою дорого-стоющей дороги до Николаева доставляется такъ мало удобствъ путешествующимъ, вамъ обыкновенно отвѣчаютъ, что для незначительнаго числа пассажировъ, ѣздящихъ по этой дорогѣ, не стóитъ заводить другихъ, лучшихъ удобствъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ было бы чудомъ, если бы поѣзды, приходящіе и уходящіе среди ночи, могли привлекать и перевозить много пассажировъ изъ города или въ городъ, подобный Николаеву, улицы котораго не освѣщены газомъ, не вымощены и безъ панелей, несмотря на то, что ширина улицъ безспорно позволяетъ вымостить ихъ и проложить панели.

Послѣ паденія Севастополя, 20 лѣтъ тому назадъ, Николаевъ былъ главнымъ портомъ для русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ, но трактатомъ 1856 года морскія силы Россіи на югѣ уменьшены такъ значительно, что поверхностнаго взгляда на Николаевъ, съ его портомъ, портовыми сооруженіями и приспособленіями, вполнѣ достаточно, чтобы считать ихъ совершенно удовлетворительными для нынѣшнихъ требованій черноморскаго флота. Однако, всѣ признаки и указанія, встрѣчающіеся какъ на пути въ Николаевъ, такъ и въ самомъ городѣ, показываютъ, что Николаеву предстоитъ сдѣлаться впослѣдствіи гораздо болѣе важнымъ пунктомъ, въ военно-морскомъ отношеніи, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Напримѣръ, входя вчера въ широкій Днѣпровско-Бугскій лиманъ между Кинбурномъ и Очаковымъ, я замѣтилъ, что среди этихъ двухъ пунктовъ сооружается на водѣ большихъ размѣровъ крѣпость. Поднимаясь далѣе вверхъ по рѣкѣ Бугу, мы видѣли по берегамъ нѣсколько

Digitized by Google

защищенныхъ пунктовъ, которые очевидно хорошо выбраны какъ относительно фарватера рѣки, такъ и искусственныхъ и естественныхъ заграждений. Пункты эти представляютъ собою обширныя земляныя укрѣпленія, хорошо вооруженныя новѣйшею сильною артилеріею. Наконецъ, въ самомъ Николаевскомъ портѣ стоялъ на якорѣ, среди полъ-дюжины небольшихъ обыкновенныхъ военныхъ судовъ черноморскаго флота, первый русскій круглый броненосецъ „Новгородъ". Такъ какъ я имѣю надежду на позволеніе сдѣлать на этомъ броненосцѣ переходъ по Черному морю и вѣроятно осмотрю его на рейдѣ въ портѣ, то я теперь ничего больше не скажу о немъ, тѣмъ болѣе что если мнѣ посчастливится присутствовать на немъ во время плаванія въ открытомъ морѣ, тогда я, конечно, сообщу вамъ о результатахъ моихъ наблюденій. Здѣсь же будетъ достаточно сказать, что сборка доставленныхъ сюда изъ Петербурга частей для этой первой поповки и полная постройка второй поповки въ Николаевѣ служатъ осязательными доказательствами того важнаго употребленія, какое можетъ быть дано средствамъ хорошо защищеннаго Николаевскаго порта. Я называю этотъ портъ хорошо защищеннымъ на томъ основаніи, что не только хорошо охранены доступы къ его адмиралтейству, какъ указано выше, но это послѣднее пользуется прекраснымъ мѣстоположеніемъ, образуемымъ рѣкою Бугомъ, которая, по приближеніи къ Николаеву, дѣлаетъ сначала большой поворотъ отъ него и потомъ опять заворачивается къ нему подъ прикрытіемъ возвышенности. Надо замѣтить, что въ дѣйствительности адмиралтейство расположено вовсе не на рѣкѣ Бугѣ, а на ея притокѣ—рѣкѣ Ингулѣ, какъ разъ передъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Ингулъ самою глубокою своею частью вливается въ Бугъ. Насколько рѣка Бугъ дѣйствительно превосходна, можно судить по тому факту, что русское правительство учредило свой самый главный южный военный портъ почти въ 50-ти миляхъ вверхъ отъ устья этой рѣки.

Общее названіе „поповка", какъ типъ особаго военнаго судна, присвоено по желанію Государя Императора круглымъ броненосцамъ, строющимся по чертежамъ адмирала Попова. Вторая поповка „Вице-адмиралъ Поповъ", названная въ честь ея изобрѣтателя, должна быть спущена на воду завтра, и къ ея спуску готовились въ Николаевѣ какъ къ большому событію, о чемъ можно было догадаться уже вчера во время приближенія къ городу, не зная даже заранѣе о готовившемся по этому случаю празднествѣ. Одновременно съ этимъ дѣлались приготовленія для пріема и встрѣчи великаго князя Константина Николаевича. Военныя суда, стоявшія на якорѣ, находились въ самомъ лучшемъ порядкѣ; поповка „Новгородъ", насколько возможно, смягчила свой угрюмый видъ блестящею бѣлизною своихъ трубъ и свѣжею окраскою своихъ надстроекъ; казенная пристань приведена въ самый лучшій видъ, и на ней былъ оконченъ красиво украшенный павильонъ, въ которомъ великаго князя должны были встрѣтить городскія власти и портовое начальство.

Пользуясь временемъ до прибытія великаго князя, скажу нѣсколько словъ о немъ. Онъ принадлежитъ къ разряду личностей, замѣчательныхъ по своимъ природнымъ дарованіямъ, обширности своихъ познаній, преданности общественной службѣ своей страны. Внѣ морской спеціальности, великій князь хорошо извѣстенъ на ряду съ

Digitized by Google

другими извѣстными общественными дѣятелями въ Европѣ за его широкое знакомство съ характеромъ и вліяніемъ тѣхъ силъ, которыя содѣйствуютъ развитію просвѣщенія своего вѣка. Поощреніе успѣховъ морского дѣла, въ высшемъ смыслѣ слова, не останавливается впрочемъ на лицѣ генералъ-адмирала, но получаетъ высшее выраженіе въ особѣ Государя Императора. Всѣмъ извѣстны здѣсь частые случаи, при которыхъ Его Величество публично выражалъ свое близкое участіе къ интересамъ развитія флота, и я могу указать еще на такой фактъ, что на-дняхъ Государь Императоръ осматривалъ въ Севастополѣ лично „Новгородъ“ и совершилъ на этой первой поповкѣ небольшой переходъ, чтобы самолично судить объ этомъ броненосцѣ.

Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи вице-адмирала Попова и нѣкоторыхъ офицеровъ своего морского штаба, прибылъ на яхтѣ „Ливадія“ въ Николаевъ сегодня въ 11-ть часовъ утра. Вице-адмиралъ Аркасъ, главный командиръ черноморскаго флота, и контръ-адмиралъ Андреевъ, капитанъ надъ Николаевскимъ портомъ, отвалили отъ берега на первомъ катерѣ для встрѣчи его высочества и для сопровожденія его на берегъ. Великій князь вышелъ на берегъ у адмиралтейской пристани, которая была наполнена офицерами всѣхъ чиновъ, въ парадной формѣ, городскими властями, и украшенная развѣвавшимися флагами, она представляла весьма оживленную картину, при яркомъ солнечномъ блескѣ и при ясной южной атмосферѣ. Городской голова и представители сословій поднесли великому князю хлѣбъ и соль, какъ обыкновенное выраженіе здѣсь привѣтствія и гостепріимства, и при этомъ было пріятно видѣть сердечный пріемъ, оказанный всѣми великому князю, который въ свою очередь тѣмъ же отвѣчалъ встрѣчавшимъ его лицамъ. Особенно радушно великій князь привѣтствовалъ одного пожилого моряка, который, какъ я узналъ, имѣя теперь чинъ полнаго адмирала [1]), былъ 30 лѣтъ назадъ командиромъ военнаго судна, на которомъ его высочество служилъ гардемариномъ. По окончаніи церемоніи пріема и встрѣчи, великій князь, не теряя нисколько времени, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Сначала онъ отправился въ обсерваторію, въ которой весьма тщательно осмотрѣлъ каждую комнату, дѣлая при каждомъ случаѣ самые подробные разспросы, особенно относительно исправности разныхъ приспособленій и инструментовъ. Потомъ онъ посѣтилъ морское училище [2]), приготовляющее молодыхъ людей въ офицеры русскаго флота. Главное вниманіе великаго князя въ адмиралтействѣ, между прочимъ, было обращено на вторую поповку „Вице-адмиралъ Поповъ“, спускъ которой на воду назначенъ на завтрашній день, о чемъ я буду говорить послѣ.

Успѣвши написать вышеизложенное, я воспользовался свободнымъ временемъ для осмотра поповки „Новгородъ“, о которой мнѣ уже было довольно хорошо извѣстно все, что́ возможно было узнать по чертежамъ и печатнымъ описаніямъ, и которую вчера я видѣлъ только издали. Потомъ я внимательно обошелъ поповку „Вице-адмиралъ Поповъ“, стоявшую еще на стапелѣ, гдѣ ее можно было го-

[1]) Адмиралъ Юхаринъ.

[2]) Морскіе юнкерскіе классы.

Digitized by Google

раздо лучше осмотрѣть, чѣмъ по спускѣ на воду завтра, когда, очевидно, были бы нагружены въ воду не только подводная часть съ многочисленными фалшкилями, но также шесть винтовыхъ двигателей и одинъ весьма сильный руль. Имѣя довольно близкое знакомство съ броненосцами англійскаго и другихъ флотовъ и осмотрѣвши теперь эти нововки, я, разумѣется, посовѣтовалъ бы полковнику Стренджу (Strange) и другимъ лицамъ, предлагающимъ прекратить въ Англіи постройку броненосцевъ, отложить свои сужденія по этому предмету до тѣхъ поръ, пока они примутъ въ соображеніе эти русскія нововки. Если надо отказаться отъ брони, тогда, очевидно, слѣдуетъ посылать нашихъ офицеровъ и матросовъ драться съ непріятелемъ на судахъ съ незащищенными котлами и пороховыми погребами, которые непремѣнно будутъ взорваны первымъ же попавшимъ въ нихъ непріятельскимъ снарядомъ. Ясно, что только крайняя необходимость можетъ оправдать такую мѣру, а такая необходимость можетъ произойти только послѣ истощенія всѣхъ разумныхъ средствъ защиты судовъ бронею. При обсужденіи этого предмета я желаю дать полнѣйшую цѣну и значеніе тому факту, что броненосецъ „Vanguard“ былъ потопленъ, отъ одного удара тараномъ, и судномъ, совершенно подобнымъ ему. При этомъ я, конечно, полагаю, что на военномъ суднѣ, надлежащимъ образомъ приготовленномъ къ бою, будутъ невозможны факты, обнаруженные судомъ надъ „Vanguard'омъ“, относительно состоянія дверей въ непроницаемыхъ для воды переборкахъ, замедленіе въ закрытіи этихъ дверей, а также касательно слишкомъ большого замедленія въ открытіи сообщенія между машиннымъ и кочегарнымъ отдѣленіями, что́ крайне важно для безопасности парового судна, и т. д. Я еще полагаю, что въ разсматриваемомъ случаѣ опасность и трудность спасенія судна увеличивались отъ мѣста, куда нанесенъ ударъ тараномъ и отъ обстоятельствъ таранѣнія. Ко всему сказанному надо еще прибавить, что наше кораблестроеніе, какъ и вообще всѣ общественныя работы, должно прежде всего пользоваться довѣріемъ общества, а это довѣріе, безъ малѣйшаго сомнѣнія, серьёзно поколебалось послѣ несчастія со шкуною „Mistletoe“ и вскорѣ послѣдовавшею гибелью броненосца „Vanguard“, хотя въ послѣднемъ случаѣ наша потеря нѣсколько вознаграждается очевиднымъ доказательствомъ громадной силы того тарана, которымъ я настаивалъ снабжать каждое броненосное судно моего чертежа. Вотъ, въ этой-то силѣ тарана мы должны видѣть побудительную причину для самаго благоразумнаго обсужденія вопроса о будущемъ развитіи броненоснаго судостроенія, и значеніе этой причины еще болѣе увеличивается при сопоставленіи ея съ вопросомъ объ увеличеніи силы артиллеріи.

Когда мнѣ пришлось приложить свои мысли къ разработкѣ чертежей броненосныхъ судовъ, тогда я глубоко убѣдился въ томъ, что прежде всего крайне необходимо совершенно отказаться отъ принятыхъ тогда формъ и размѣровъ паровыхъ судовъ. Я нашелъ, что длинные броненосцы были несостоятельны почти во всѣхъ отношеніяхъ, а именно: относительно тонкой брони, легкихъ орудій, огромной величины, большой стоимости, большой неповоротливости и подверженности ко всякаго рода подводнымъ и надводнымъ атакамъ. Вслѣдствіе этого, вступивъ въ исполненіе обязанности глав-

Digitized by Google

наго судостроителя англійскаго флота, я на первомъ же броненосцѣ уменьшилъ длину съ 400 на 300 футъ, увеличилъ толщину брони, сдѣлалъ его способнымъ носить вдвое тяжелую артиллерію, сберегъ до 100,000 фунт. стерлинговъ въ стоимости его постройки и достигъ того, что „Bellerophon“ былъ въ англійскомъ флотѣ самымъ поворотливымъ, легко управимымъ судномъ, которое, поэтому, менѣе другихъ могло подвергаться нападеніямъ непріятеля. Къ счастію, мнѣ удалось достигнуть столь значительной перемѣны такъ успѣшно, что лица, отвѣтственныя въ судостроеніи, должны были, вопреки своимъ сильнымъ предразсудкамъ, навсегда отказаться отъ длинныхъ броненосцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я успѣлъ довести свои принципы еще далѣе, но все же не до тѣхъ размѣровъ, какихъ я желалъ. Наконецъ, наступило время, когда, невидимому, сдѣлалось невозможнымъ проводить мои единичные взгляды далѣе сферы желанія адмиралтейства, и тогда я отказался отъ должности главнаго судостроителя. Но въ это время въ Россіи одно лицо, сочувствовавшее моимъ идеямъ въ высшей степени, довольно ясно предвидѣло крайнее развитіе этихъ идей, и въ условіяхъ существованія русскаго флота нашло полное основаніе для немедленнаго примѣненія моихъ идей въ той крайней формѣ, о которой я никогда не мечталъ. Благодаря этому обстоятельству, я могъ сегодня осмотрѣть уже оконченную первую поповку, имѣющую около 2500 тоннъ водоизмѣщенія, защищенную 11-ти дюймовою бронею, вооруженную двумя 28-ми-тонными 11-ти-дюймовыми нарѣзными орудіями и имѣющую углубленіе въ водѣ менѣе 13-ти футъ; а завтра будетъ спущена вторая поповка, съ водоизмѣщеніемъ 3500 тоннъ, съ бронею въ 18 или 19 дюймовъ толщиною, съ двумя 40-тонными 12-ти-дюймовыми орудіями и съ углубленіемъ въ водѣ не болѣе первой поповки. Правда, что поповки не быстроходныя суда, но онѣ и не строились для скорости хода; но какъ военныя суда, носящія столь толстую броню и большія орудія, при маломъ углубленіи въ водѣ, онѣ представляютъ огромный интересъ и имѣютъ большое значеніе. Хотя я указалъ на тѣсную связь происхожденія поповокъ съ идеями постройки броненосцевъ по моимъ чертежамъ, какъ на это настойчиво указываетъ и вице-адмиралъ Поповъ, но справедливость требуетъ сказать, что прекрасный способъ постройки поповокъ есть результатъ только его собственныхъ идей и труда, осуществленныхъ и исполненныхъ не только при помощи способныхъ молодыхъ офицеровъ, назначенныхъ къ нему по его выбору, но также при содѣйствіи офицеровъ Николаевскаго порта, строившихъ эти суда. По окончаніи общаго осмотра поповки „Новгородъ“, мнѣ показали способъ дѣйствія ея большими 28-ми-тонными 11-ти-дюймовыми орудіями, стоящими въ одной открытой неподвижной башнѣ, и для управленія каждымъ такимъ орудіемъ требовалось только 7 человѣкъ прислуги. Приспособленія для заряжанія, вдвиганія и отодвиганія, повышенія, пониженія и наведенія этихъ орудій отличаются замѣчательной простотой и обезпечиваютъ возможную скорость пальбы изъ нихъ. При этомъ я замѣтилъ одно качество, обладаемое этими орудіями и котораго нѣтъ у нашихъ орудій во вращающихся башняхъ, а именно: будучи въ состояніи, подобно нашимъ орудіямъ, стрѣлять по параллельнымъ направленіямъ, каждое изъ орудій на

Digitized by Google

поповкѣ можетъ дѣйствовать независимо одно отъ другого во время прицѣливанія, такъ что эти орудія могутъ быть наводимы, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на разные предметы. Поповка „Новгородъ“ имѣетъ шесть винтовыхъ двигателей, приводимыхъ въ движеніе параллельными валами, по три на каждой сторонѣ судна, и, будучи снабжена сильнымъ рулемъ, дѣйствіемъ котораго поповка вращается очень быстро, она, въ случаѣ несчастія съ этимъ рулемъ, очевидно, можетъ очень легко и быстро вращаться помощью однихъ винтовъ. Для приведенія въ движеніе и для остановки трехъ винтовъ, съ правой и съ лѣвой стороны судна устроенъ особый аппаратъ, съ приводами къ каждой изъ шести отдѣльныхъ машинъ, такъ что одинъ человѣкъ можетъ совершенно свободно и легко управляться ими по своему желанію. Помѣщеніе на „Новгородѣ“ для офицеровъ и команды дѣйствительно очень хорошо, особенно если принять во вниманіе, что по своей низкобортности поповка принадлежитъ къ типу мониторовъ. Это просторное помѣщеніе достигнуто помощью палубной надстройки, которая въ носовой части образуетъ бакъ и простирается по срединѣ судна до кормы. Даже та часть помѣщенія, которая находится ниже броневой палубы, чрезвычайно хорошо освѣщается и вентилируется, во-первыхъ, помощью большихъ палубныхъ люковъ, устроенныхъ внутри и кругомъ неподвижной башни, и, во-вторыхъ, посредствомъ палубныхъ иллюминаторовъ. Во всей внутренней постройкѣ судна, гдѣ только не имѣлось надобности въ непроницаемыхъ для воды отдѣленіяхъ и переборкахъ, вездѣ потрачено много трудовъ и искусства на устройство люковъ для возможно свободнаго обращенія и распространенія воздуха и свѣта. Всѣ приспособленія для установки и уборки якорей и цѣпныхъ канатовъ почти такъ же удобно удовлетворяютъ своему назначенію, какъ и на обыкновенныхъ судахъ.

О морскихъ качествахъ и скорости хода этого судна я буду говорить впослѣдствіи. Здѣсь же пока мы имѣемъ дѣло съ броненосцемъ небольшого углубленія, обладающаго большою наступательною и оборонительною силою, наибольшею поворотливостью, сравнительно очень недорогою стоимостью постройки и имѣющаго хорошее помѣщеніе для офицеровъ и команды. Чтобы указать на значеніе такихъ судовъ для Россіи, я напомню вамъ только объ одномъ характерномъ событіи крымской войны 1854 — 1856 годовъ. Лицамъ, помнящимъ эту войну, вѣроятно извѣстна та легкость, съ какою наши мелкосидящія неброненосныя суда и канонерскія лодки наносили вредъ по берегамъ Азовскаго моря, и для этой цѣли мы могли безнаказанно посылать туда любое судно, какой бы малой величиной и силой ни обладало оно. Но въ настоящее время я желалъ бы знать — какой классъ судовъ существуетъ теперь въ англійскомъ или французскомъ флотѣ, которымъ можно было бы дать подобное порученіе въ присутствіи поповки? Мы не только не имѣемъ судовъ для плаванія въ мелководьяхъ и для боя тамъ съ поповками „Новгородъ“ и „Вице-Адмиралъ Поповъ“, но я, не колеблясь, скажу, что такія суда, съ необходимыми для нихъ качествами, возможно создать лишь постройкою броненосцевъ типа поповки (но бо́льшихъ размѣровъ и, слѣдовательно, болѣе сильныхъ), или же постройкою еще гораздо болѣе значительныхъ и болѣе дорогихъ судовъ прежнихъ типовъ. Но, быть мо-

Digitized by Google

жетъ, нѣкоторые спросятъ, какіе шансы имѣютъ русскіе круглые броненосцы противъ таранов и торпедъ? Я могу отвѣтить на это, что изъ всѣхъ существующихъ теперь системъ постройки судовъ, круглая форма постройки доставляетъ гораздо больше средствъ для защиты судна отъ таранныхъ и минныхъ нападеній. Обѣ поповки имѣютъ круглыя, непроницаемыя для воды переборки, идущія совершенно кругомъ всего судна въ нѣкоторомъ разстояніи отъ борта, и если дальнѣйшее развитіе таранныхъ упражненій и миннаго дѣла покажутъ, что это разстояніе можетъ быть съ пользою увеличено, то для этого не представляется ни малѣйшаго затрудненія, и даже будетъ легко помѣстить вторую переборку внутри перваго непроницаемаго для воды отдѣленія, начиная отъ борта, и такимъ образомъ клѣтчатую систему постройки можно здѣсь всегда довести до желаемыхъ размѣровъ, а для этого поповка представляетъ, конечно, болѣе удобствъ, чѣмъ какой-либо другой типъ судовъ. Если къ этому факту мы еще прибавимъ, что въ случаѣ надобности на поповкѣ, благодаря ея малому углубленію, броню можно носить и въ ея подводной части, тогда, разумѣется, мы должны будемъ обратить серьёзное вниманіе на эти суда при дальнѣйшемъ развитіи броненоснаго судостроенія.

Николаевъ, 7-го октября, — Сегодня, ровно въ полдень, съ большимъ успѣхомъ былъ спущенъ на воду второй круглый броненосецъ „Вице-адмиралъ Поповъ“. Послѣ того, что было сообщено мною о поповкѣ „Новгородъ“, я нахожу излишнимъ говорить много о второй поповкѣ, за исключеніемъ того, что она, сравнительно съ „Новгородомъ“, обладаетъ оборонительною и наступательною силами въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ можно было бы судить соотвѣтственно ея увеличеннымъ размѣрамъ. „Новгородъ“ имѣетъ 101 футъ въ діаметрѣ и 2491 тонна водоизмѣщенія; „Вице-адмиралъ Поповъ“, при 120 футахъ въ діаметрѣ, имѣетъ 3550 тоннъ водоизмѣщенія. Углубленіе въ водѣ обѣихъ поповокъ не представляетъ большой разницы. Броневая защита на „Новгородѣ“ почти равносильна 13-тидюймовымъ плитамъ; броня на „Вице-адмиралъ Поповъ“ имѣетъ почти 18 дюймовъ толщины. Номинальная сила машины на первой поповкѣ 480 лошадиныхъ силъ, а на второй 640 силъ. Каждая поповка имѣетъ по шести винтовыхъ двигателей, но на второй поповкѣ два винта значительно бо́льшаго діаметра, чѣмъ остальные, и валы ихъ расположены нѣсколько ниже, такъ что на глубокой водѣ лопасти этихъ двухъ винтовъ будутъ дѣйствовать значительно ниже дна судна, а на мелководьѣ эти два винта будутъ оставаться въ покоѣ въ положеніи выше килей. Палубная броня на каждой поповкѣ имѣетъ $2^3/_8$ дюйма толщины, покрывая собою палубу съ большою выпуклою кривизною, такъ что хотя высота наружнаго борта не болѣе 17 дюймовъ отъ воды, но дѣйствительный избытокъ плавучести каждой поповки гораздо больше, вслѣдствіе такой кривизны ихъ палубы, о чемъ можно судить по высотѣ ихъ надводнаго борта. „Вице-адмиралъ Поповъ“—первый изъ плавающихъ броненосцевъ съ бронею въ 18 дюймовъ и съ предполагаемыми двумя 40-тонными орудіями (которыя на самомъ дѣлѣ имѣютъ $41^1/_2$ тонны).

Послѣ спуска мы посѣтили новый морской госпиталь, въ которомъ

Digitized by Google

внимательно обошли всѣ комнаты. По моему мнѣнію, съ этимъ госпиталемъ врядъ ли можетъ соперничать какой-либо изъ мною видѣнныхъ прежде госпиталей, и хотя часто случается замѣчать въ русскихъ домахъ (и даже въ барскихъ помѣщеніяхъ) недостатокъ свѣжаго воздуха, но въ данномъ случаѣ на вентиляцію было обращено главнѣйшее вниманіе, и цѣль эта дѣйствительно достигнута вполнѣ удовлетворительно. Даже въ тѣхъ частяхъ госпиталя, въ которыхъ всегда скучивается болѣе или менѣе значительное число больныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ зданіяхъ, предназначаемыхъ для помѣщенія большой массы людей, воздухъ поддерживается совершенно чистымъ особою вентиляціею по системѣ обратной тяги, производимой печами.

Усовершенствованіе этой системы вентиляціи принадлежитъ лично великому князю, которому удалось достигнуть того послѣ многихъ опытовъ и при помощи французскаго инженера, котораго система во многихъ отношеніяхъ согласовалась съ собственными взглядами его высочества. Великій князь посѣтилъ каждую палату госпиталя, разговаривалъ съ больными, и въ особыхъ случаяхъ дѣлалъ указанія по возбуждавшимся вопросамъ. Мнѣ извѣстно отъ лицъ, знающихъ великаго князя въ теченіе продолжительнаго періода времени, что можно считать почти невѣроятнымъ, чтобы на какое-нибудь изъ его указаній не было обращено надлежащаго вниманія и чтобы это не было замѣчено его высочествомъ при слѣдующемъ же посѣщеніи. По выходѣ изъ новаго госпиталя, его высочество направился, повидимому, противъ ожиданія оффиціально присутствовавшихъ лицъ, въ одну изъ невзрачныхъ частей стараго госпиталя, который частію находился еще въ употребленіи, и, найдя здѣсь очевидныя доказательства небрежности, его высочество тотчасъ же выразилъ свое неудовольствіе и не принялъ никакихъ оправданій. Затѣмъ великій князь посѣтилъ дѣвичье училище, которое мнѣ показалось очень практическимъ и въ которомъ, частію на казенныя средства, обучаются почти исключительно дочери нижнихъ чиновъ морского вѣдомства. Здѣсь не упускается изъ виду элементарное образованіе, но бо́льшая часть времени посвящается шитью, стряпнѣ въ кухнѣ и другимъ подобнымъ занятіямъ. Дѣвицы, наиболѣе успѣвшія въ хорошемъ шитьѣ, приступаютъ потомъ къ вышиванью и работѣ на шелку, которая довольно значительно развита въ Николаевѣ. Работы этихъ дѣвицъ продаются, и вырученныя такимъ образомъ деньги поступаютъ въ руки распорядителей училища до окончанія курса ученія, когда эти деньги раздаются дѣвицамъ, которыя, благодаря такому порядку, выходятъ на практическую дѣятельность съ болѣе или менѣе значительною суммою своихъ денегъ. Бываютъ примѣры, что на вакаціи, незамѣщенныя вслѣдствіе неступленія дѣтей нижнихъ чиновъ, принимаются въ училище дѣти наиболѣе бѣдныхъ офицеровъ. Наконецъ, отсюда великій князь отправился осмотрѣть одну изъ 25-ти небольшихъ благотворительныхъ школъ города Николаева, благодаря существованію которыхъ 3000 дѣтей [изъ общаго числа народонаселенія около 60,000 человѣкъ [1])] могутъ безвозмездно получать элементарное образованіе на суммы, собираемыя доб-

[1]) Авторъ ошибается: въ Николаевѣ около 75 тыс. жителей.

Digitized by Google

ральными пожертвованіями городскихъ обывателей. Вечеромъ былъ
ъ большой балъ въ морскомъ собраніи, которое, вмѣстѣ съ веду-
ей къ нему дорогой, было великолѣпно иллюминовано. По поводу
этого бала я могу только сказать, что морскіе офицеры оказались
отличными хозяевами.

Николаевъ, 8-го октября.—Будучи почти невольно вовлеченъ интересомъ самаго предмета въ сообщеніе о всѣхъ случаяхъ посѣщенія имъ Николаева, я могу также и закончить свое описаніе краткимъ изложеніемъ происходившаго въ теченіе этого третьяго и послѣдняго дня. Около полудня мы отправились осматривать дѣйствіе ракетъ и другихъ предметовъ, принадлежащихъ обществу спасенія погибающихъ на морѣ, которое недавно организовалось въ Россіи и уже весьма значительно расширило свою дѣятельность подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны. Ракеты, служащія для передачи линя съ берега на бѣдствующее судно, были изготовлены въ Россіи съ нѣкоторыми усовершенствованіями, о которыхъ я не буду говорить здѣсь, но которыя были разсмотрѣны великимъ княземъ со всѣми подробностями. Послѣ завтрака, мы ѣздили въ „Лѣски“ морского вѣдомства: такъ называется мѣстность, прилегающая къ западной части Николаева. Мѣстность эта заключаетъ въ себѣ три характеристическія особенности, изъ которыхъ двѣ представляютъ наибольшій интересъ. Во-первыхъ, на этой мѣстности существуетъ инвалидное селеніе, занимающее довольно большое пространство земли, раздѣленное на большіе квадратные участки, на каждомъ изъ которыхъ выстроено по небольшому домику. Эти домики отданы въ даровое пользованіе раненымъ или престарѣлымъ матросамъ, а принадлежащіе къ нимъ участки обработываются подъ сады и огороды. Подобная система постройки домиковъ и заселенія началась тотчасъ же послѣ крымской войны, причемъ первѣе всего имѣлось въ виду пріютить и обезпечить раненыхъ и неспособныхъ къ службѣ солдатъ. Но такъ какъ земля для этого инвалиднаго селенія принадлежитъ морскому министерству, то права на будущее жительство въ домикахъ, по мѣрѣ очищенія вакацій, были предоставлены преимущественно матросамъ. Мы посѣтили нѣкоторые изъ этихъ домиковъ, занятыхъ старыми матросами, доставивъ этимъ огромное удовольствіе старикамъ и ихъ семействамъ, которыхъ его высочество много разспрашивалъ, между прочимъ, объ обработкѣ огородовъ и о цѣнѣ продуктовъ. При этомъ оказалось, что получаемый доходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ простирается отъ 150 до 200 рублей въ годъ, несмотря на то, что земля здѣсь песчаная и скудная, а лѣтомъ много терпитъ отъ недостатка воды. При селеніи также существуетъ школа, помѣщающаяся въ одномъ изъ домиковъ. Вторая характеристическая особенность мѣстности „Лѣсковъ“ имѣетъ много общаго съ первою. Здѣсь же для морскихъ офицеровъ, также безвозмездно, отведены еще большіе участки земли, съ условіемъ, чтобы въ теченіи четырехъ лѣтъ офицеры построили себѣ дома на этихъ участкахъ. Если это условіе не будетъ исполнено, тогда земельный участокъ обращается въ собственность казны. Подобными селеніями достигается двойная выгода: во-первыхъ, пожилые офицеры и матросы хорошо обезпечиваются подъ старость, и во-вторыхъ, голая степь превращается въ

Digitized by Google

обработанную мѣстность, улучшающую общій видъ и характеръ города и порта, и препятствующую степнымъ пескамъ заноситься вѣтрами въ рѣку Бугъ, которая омываетъ всю мѣстность кругомъ „Лѣсковъ". Незаселенная часть этой мѣстности представляетъ отличный паркъ, съ густо насаженными большими деревьями и съ устроенными источниками хорошей свѣжей воды, которою снабжаются военныя суда. Иниціатива такого устройства мѣстности „Лѣсковъ" принадлежитъ адмиралу Грейгу. Отсюда мы отправились на корветѣ „Воинъ", назначенномъ быть артиллерійскимъ учебнымъ судномъ для черноморскаго флота и на которомъ, кромѣ его собственной бортовой артиллеріи, поставлены еще орудія въ деревянной вращающейся башнѣ, построенной спеціально для обученія матросовъ дѣйствію изъ башенныхъ орудій. На этомъ корветѣ я видѣлъ усовершенствованной системы револьверъ, принятый для вооруженія судовыхъ командъ. Я обратилъ вниманіе на это улучшеніе: оно, по моему мнѣнію, имѣетъ то важное значеніе, что, давая возможность удобнѣе и крѣпче держать револьверъ въ рукѣ, въ то же время позволяетъ дѣйствовать полною силою средняго пальца для удержанія связи между камерою и стволомъ во время выстрѣла. Съ корвета „Воинъ" мы заѣхали на императорскую яхту „Ливадія", которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собою великолѣпное судно. Каюты и приспособленія на верхней палубѣ и вообще все, предназначенное для помѣщенія Государя Императора, отдѣлано по образцу дворца въ Ливадіи въ смѣшанномъ мавританскомъ и восточномъ стилѣ; мебель, столовая и чайная посуда, хрусталь и проч. были нарочно заказаны и приготовлены для яхты. Яхта эта имѣетъ въ носовой части электро-магнитный фонарь, сильный свѣтъ котораго весьма хорошо освѣщаетъ путь яхты на большое разстояніе впереди ея. Вечеромъ великій князь выѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Николаевѣ я встрѣтилъ молодого офицера, лейтенанта Макарова, уже хорошо извѣстнаго въ Англіи по его изобрѣтенію спасательныхъ пластырей, которые подводятся на пробоины въ подводной части судовъ и такимъ образомъ весьма содѣйствуютъ не только прекращенію течи, но и задѣлкѣ пробоинъ, и которые, по моему мнѣнію, могли бы быть съ пользою употреблены на затонувшемъ броненосцѣ „Vanguard". Этотъ офицеръ въ послѣднее время занимается упрощеніемъ и усовершенствованіемъ устройства на броненосныхъ судахъ помпъ съ ихъ приспособленіями, и я, не колеблясь, могу сказать, что ему удалось въ этомъ случаѣ достигнуть большихъ улучшеній, и что устройство помповыхъ приспособленій на нѣкоторыхъ изъ строющихся теперь русскихъ броненосцахъ, въ томъ числѣ и на второй поповкѣ, представятъ доказательства весьма значительнаго прогресса въ этой важной части судостроенія. На столѣ, у котораго я пишу эти строки, лейтенантъ Разсказовъ объясняетъ инженерному офицеру предложенный имъ гидравлическій станокъ для большихъ орудій. Я внимательно разсмотрѣлъ чертежи этого станка, и нахожу, что онъ не только не уступаетъ, но будетъ лучшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною подобныхъ станковъ. До отъѣзда моего на прошлой недѣлѣ изъ Англіи, я встрѣтилъ корабельнаго инженера Гуляева. Г. Гуляевъ прибылъ въ Англію для участія въ постройкѣ желѣзнаго дока для Николаева, который будетъ строиться по черте-

Digitized by Google

жамъ гг. Кларка и Стансфильда, сдѣлавшихъ уже такъ много для усовершенствованія плавучихъ доковъ и рѣшившихся недавно еще на дальнѣйшій шагъ по тому же направленію. Г. Гуляевъ, окончивъ спеціальное образованіе въ Россіи, продолжалъ это образованіе въ Англіи, и въ настоящее время хорошо воспользовался удачно сложившимися для него обстоятельствами. Наконецъ, во время моего пребыванія въ Россіи, я пользовался въ нѣкоторыхъ случаяхъ помощью другого корабельнаго инженера, г. Арцеулова, который также былъ прежде слушателемъ лекцій въ нашей королевской школѣ морской архитектуры и который теперь въ Россіи имѣетъ будущность по своей спеціальности. Но возвращусь къ вышеупомянутому желѣзному плавучему доку. Въ теченіе нѣкотораго времени я тщетно протестовалъ въ Англіи противъ постройки длинныхъ и узкихъ гранитныхъ доковъ, совершенно негодныхъ для настоящаго времени. Я доказывалъ, что милліонныя затраты денегъ на такіе доки не только больше чѣмъ безполезны, но дѣйствительно служатъ препятствіемъ нашему прогрессу въ кораблестроеніи. Я указалъ, что мы должны строить именно желѣзные доки, которые могутъ быть измѣняемы соотвѣтственно измѣненію требующихся условій. Но тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ идти старымъ путемъ, подъ руководствомъ военныхъ инженеровъ, которые вѣроятно имѣютъ очень мало понятія и ни малѣйшаго сочувствія къ нашимъ будущимъ военно-морскимъ нуждамъ. До сихъ поръ мы еще не приступили къ постройкѣ въ Англіи ни одного желѣзнаго дока для надобностей военнаго флота, и все, сдѣланное нами въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ предположеніи построить въ этомъ году нѣсколько небольшихъ желѣзныхъ поддоновъ (saucers) для судовъ малаго ранга. Даже и эти поддоны, требующіе употребленія огромныхъ помповыхъ средствъ для подъема какой-нибудь канонерки, будутъ такъ проектированы и выстроены, что надобность въ большихъ гранитныхъ докахъ увеличится еще въ три или четыре раза. Въ Россіи же, напротивъ, когда удостовѣрились, что желѣзный, а не гранитный докъ будетъ лучше отвѣчать нынѣшнимъ и будущимъ требованіямъ, тотчасъ же труды и деньги направили на постройку желѣзнаго дока.

Такъ какъ я теперь уже выѣхалъ изъ Николаева и мнѣ пришлось дописывать это письмо уже въ Черномъ морѣ, гдѣ не всегда возможно пользоваться полнымъ комфортомъ для корреспонденціи, то я здѣсь закончу это письмо, въ надеждѣ писать вамъ опять по прибытіи въ Севастополь, или послѣ плаванія на поповкѣ „Новгородъ“.

Севастополь, 11-го октября. — Воспользовавшись охотно приглашеніемъ посѣтить Севастополь на паровой яхтѣ *Эльборусъ*, принадлежащей главному командиру черноморскаго флота, съ заходомъ на пути въ Одессу, я отправился изъ Николаева рано утромъ въ субботу, 9-го октября, и здѣсь на яхтѣ окончилъ мое предыдущее письмо. Плывя внизъ по рѣкѣ Бугу, мы остановились у одного изъ главныхъ укрѣпленій ниже Николаева, чтобы осмотрѣть производившіяся тамъ работы и взглянуть на новый способъ управленія орудіями по системѣ, впервые введенной въ употребленіе нашимъ капитаномъ Монкрифомъ. Этотъ новый способъ составляетъ изобрѣтеніе русскаго инженера, подполковника Борисова, который, вмѣстѣ съ

Digitized by Google

полковникомъ Бергомъ, занимается теперь постройкою новой крѣпости между Кинбурномъ и Очаковымъ, о которой упомянуто въ моемъ первомъ письмѣ. Я позволю себѣ здѣсь мимоходомъ замѣтить, что для меня совсѣмъ непонятно — какая надобность можетъ быть въ постройкѣ этой крѣпости на водѣ, когда существуютъ броненосцы и особенно поповки? Точно такъ же я не понимаю—почему крѣпость эта строится именно здѣсь, такъ какъ если бы мнѣ пришлось атаковать ее флотомъ, то я весьма вѣроятно выбралъ бы именно эту мѣстность, какъ самую удобную для атаки, а не другую, какую я могъ бы назвать. Если бы такія крѣпости были желѣзныя и плавучія, приводимыя въ движеніе небольшою паровою силою для перехода съ одного мѣста на другое въ случаѣ надобности, тогда ошибка въ выборѣ для нихъ позиціи была бы легко исправима. Но если военные инженеры, основываясь на своихъ соображеніяхъ, приступаютъ къ сооруженію постоянныхъ укрѣпленій на водѣ, уподобляя такимъ образомъ ихъ неподвижность ставшей на мель поповкѣ, тогда ошибка въ выборѣ позиціи дѣлается уже неисправимою, и вслѣдствіе этого государство и его финансы будутъ постоянно страдать отъ подобныхъ ошибокъ. Вообще непонятно, зачѣмъ морскія націи тратятъ деньги на сооруженія морскихъ неподвижныхъ укрѣпленій? Я полагаю, что если бы русскіе во время крымской войны могли передвинуть Михайловскій фортъ изъ Севастополя, положимъ—въ Балаклаву, пользуясь для этого удобнымъ случаемъ, тогда участь войны могла бы быть совершенно другою. Но пока націи будутъ употреблять два совершенно различныхъ разряда защитниковъ, моряковъ и сухопутныхъ, съ ихъ разнородными интересами и традиціями, до тѣхъ поръ мы будемъ видѣть наши приморскія укрѣпленія лишенными самаго драгоцѣннаго качества — способности передвиженія. Но, однако, возвратимся къ управленію и дѣйствію тяжелыми орудіями по способу подполковника Борисова. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что обыкновенный станокъ съ роульсами поставленъ на платформу, которая можетъ двигаться вверхъ и внизъ по наклонной плоскости, сохраняя орудіе постоянно въ одномъ и томъ же направленіи. Поднявшись вверхъ по наклонной плоскости, орудіе будетъ готово для выстрѣла по данному направленію, а опустившись внизъ, орудіе будетъ находиться ниже кроны брустверa. Орудіе со станкомъ и платформою почти уравновѣшиваются противовѣсомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ рядовъ тяжелыхъ кружковъ, а подъемъ орудія производится помощью добавочнаго груза, который кладется къ противовѣсу. Подполковникъ Борисовъ самъ лично присутствовалъ и любезно объяснялъ намъ всѣ подробности устройства своего станка, и я долженъ сказать, что станокъ этотъ заслуживаетъ полнаго довѣрія за простоту его устройства и за замѣчательное соотношеніе между всѣми малѣйшими его приспособленіями. Особенно замѣчательна одна особенность этой системы устройства, а именно: соединеніе двигающейся платформы съ тонкой цѣпью, проведенной такимъ образомъ, что послѣ каждаго выстрѣла она тащитъ для новаго заряда по рельсамъ снарядъ и картузъ изъ порохового погреба, защищеннаго отъ выстрѣловъ. Всѣ механическія приспособленія для приведенія въ дѣйствіе этого станка хотя и были окончены, но находились еще въ такомъ видѣ, что въ настоящее

Digitized by Google

время нельзя вѣрно судить о результатахъ; тѣмъ не менѣе практическіе люди, даже при настоящемъ несовершенномъ видѣ всѣхъ приспособленій, съумѣютъ дать должную похвалу этому способу.

Возвратившись съ берега на яхту „Эльборусъ", мы увидали поповку „Новгородъ", которая, плывя внизъ по рѣкѣ Бугу, приближалась къ намъ съ хорошимъ ходомъ, управляясь съ искусствомъ самой небольшой канонерки. Такъ какъ „Эльборусъ" обладаетъ лучшею скоростью хода, то мы вскорѣ оставили поповку значительно позади, надѣясь снова встрѣтиться съ нею завтра въ Севастополѣ. Моя остановка въ Одессѣ (куда мы прибыли вскорѣ послѣ полудня) какъ въ этомъ случаѣ, такъ и на пути изъ Англіи, была столь непродолжительна, что не даетъ мнѣ права сообщить вамъ о какихъ-либо путевыхъ впечатлѣніяхъ. Въ 7 часовъ п.-пд. мы отправились изъ Одессы въ Севастополь, и на этомъ переходѣ провели великолѣпную ночь на Черномъ морѣ. Глубокое, мрачное море, ярко-стального цвѣта небо, полный блескъ луны и сверканіе множества звѣздъ на безоблачномъ небѣ составляли торжественную картину, великолѣпіе которой трудно даже вообразить себѣ. Вечеромъ я услыхалъ звуки гармоническаго пѣнія и, узнавъ, что эти звуки исходятъ изъ устъ команды, поющей вечернюю молитву, я немедленно вышелъ на палубу и здѣсь увидѣлъ матросовъ, собравшихся въ носовой части судна и пѣвшихъ молитву полными и разнообразными голосами, которые удивительно вѣрно и пріятно сливались въ одну общую музыкальную гармонію. Я былъ совершенно пораженъ такимъ пѣніемъ при такомъ многочисленномъ хорѣ, и торжественность произведеннаго на меня впечатлѣнія увеличивалась еще, во-первыхъ, религіознымъ воодушевленіемъ пѣвшихъ матросовъ, и, во-вторыхъ, довольно яркимъ, но таинственнымъ свѣтомъ, которымъ были освѣщены стоявшіе на палубѣ матросы. Свѣтъ этотъ, изливавшійся отъ совершенно тихаго и безоблачнаго небеснаго свода и образовавшійся отъ соединенія блеска луны и сверканія звѣздъ, вѣроятно долженъ производить на человѣка болѣе возвышенное впечатлѣніе, чѣмъ даже тотъ искуственный свѣтъ, которымъ обыкновенно освѣщаются храмы во время церковнаго богослуженія. Въ 1 часъ ночи мы обогнали поповку „Новгородъ", которая спокойно двигалась къ Севастополю среди глубокой ночной тишины. Адмиралъ Поповъ, находившійся на яхтѣ „Эльборусъ", приказалъ командиру яхты обойти кругомъ „Новгорода", и по окончаніи этого маневра, которымъ было удовлетворено весьма понятное любопытство адмирала къ своему созданію, яхта продолжала свой путь далѣе по направленію къ Севастополю. Съ разсвѣтомъ прекраснаго утра яхта начала приближаться къ крымскимъ берегамъ, и при этомъ ни Евпаторіи, ни устья рѣки Альмы мы, конечно, не могли видѣть, но влѣво можно было легко разсмотрѣть тѣ мѣста, куда впадаютъ рѣки Кача и Бельбекъ; съ правой стороны открылись херсонесскій маякъ, Камышевая и другія бухты, прилегающія съ запада къ Севастополю, этому „городу печали, горя и смерти", къ которому мнѣ пришлось приближаться теперь первый разъ въ жизни и изъ котораго я посылаю вамъ это письмо. Передъ носомъ яхты хорошо обрисовались развалины большихъ фортовъ, находящихся по южную сторону Севастопольской бухты, и фортъ Константинъ, который представлялся издали почти

Digitized by Google

столь же грознымъ, какъ будто соединенные флоты никогда не испытывали надъ нимъ своей силы; но, однако, подойдя къ берегу еще ближе, мы хорошо разсмотрѣли оставленные на немъ слѣды бомбардированій. Небольшая батарея Волохова, причинившая такъ много вреда нашимъ судамъ во время войны, не оставила по себѣ никакого слѣда. Большая Севастопольская бухта, съ ея внутренними бухточками и гаванями, хотя занимаетъ весьма большое пространство и имѣетъ большое сходство по красотѣ съ нашею Мильфордскою бухтою, но нѣсколько меньше послѣдней. До сихъ поръ эти обѣ великолѣпныя бухты, которыя по своему мѣстоположенію и естественнымъ условіямъ кажутся явно предназначенными для великихъ торговыхъ цѣлей, были до сихъ поръ преимущественно посвящены для удовлетворенія военнымъ потребностямъ и для украшенія себя военными судами и крѣпостями. Но въ настоящее время я съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что все, сдѣланное мною и моими друзьями для Мильфордской гавани, начинаетъ теперь въ томъ же смыслѣ осуществляться въ Севастополѣ, такъ что эти оба важные пункта, щеголявшіе до сихъ поръ преслѣдованіемъ только военныхъ цѣлей, будутъ отнынѣ стремиться еще въ бо́льшей степени къ развитію мирныхъ и торговыхъ интересовъ. Поэтому, я опишу теперь Севастополь съ сейчасъ указанной точки зрѣнія.

Севастополь прежде славился красотою своего положенія, прекраснымъ климатомъ и великолѣпіемъ своихъ зданій. Разрушенія, которымъ подвергся этотъ красивый городъ во время знаменитой его осады, не такъ замѣтны по приближеніи съ моря къ Севастопольской бухтѣ, какъ потомъ, когда приходится идти по улицамъ этого города и подниматься на окружающія его высоты. Хорошая Екатерининская пристань, у которой вы высаживаетесь на берегъ, и которая ведетъ въ городъ чрезъ колоннаду, а также украшающія ее прекрасныя статуи и два каменныхъ льва, поражаютъ васъ своимъ уцѣлѣвшимъ видомъ, почти нисколько не напоминающимъ о грозныхъ бомбардировкахъ. Но, даже не пройдя колоннаду, вашъ взглядъ невольно останавливается на нагроможденныхъ развалинахъ великолѣпнаго зданія, въ которомъ прежде помѣщался морской клубъ. Затѣмъ, куда бы вы уже ни направились по городу — по верхнимъ или по нижнимъ его улицамъ,—вы будете идти среди опустошенія и развалинъ, такъ что даже Помпея не можетъ быть сравниваема съ Севастополемъ ни по обширности, ни по грандіозности видимаго разрушенія. Если вы посмотрите на городъ съ какой-либо изъ высотъ, на которыхъ былъ расположенъ Севастополь, то вамъ представится ужасающій видъ, который превзойдетъ всѣ ваши ожиданія. Впрочемъ, въ настоящее время этотъ видъ города начинаетъ во многомъ измѣняться къ лучшему реставрированіемъ старыхъ зданій, сооруженіемъ новыхъ храмовъ и церквей, постройкою гостинницъ и жилыхъ домовъ. Мнѣ говорили, что г. Кази, нынѣшній городской голова, будучи человѣкомъ богатымъ, а главное, чрезвычайно способнымъ, съ большимъ здравымъ смысломъ и энергіей, рѣшился приняться за наискорѣйшее очищеніе и возобновленіе нѣкоторыхъ главныхъ улицъ; но при этомъ дѣйствительно страшно подумать о массахъ развалинъ, отъ которыхъ надо будетъ освободить городъ. На самой возвышенной части города сооруженъ, на

Digitized by Google

суммы добровольныхъ пожертвованій, надъ могилами извѣстныхъ адмираловъ, убитыхъ во время войны, великолѣпный храмъ Св. Владиміра, который почти оконченъ и постройка котораго произведена въ стилѣ, неизвѣстномъ у насъ въ Англіи, но чрезвычайно красивомъ, своеобразномъ и соразмѣрномъ во всѣхъ частяхъ. Также на добровольныя пожертвованія строится другой, такой же великолѣпный храмъ Св. Владиміра, въ небольшомъ разстояніи отъ Севастополя, на морскомъ берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говоритъ исторія, великій князь Владиміръ принялъ, въ десятомъ вѣкѣ, христіанскую вѣру. Проѣхавъ немного по городу, мы (т.-е. адмиралъ Поповъ и я) отправились къ мѣсту бывшаго Малахова кургана, и здѣсь, пользуясь указаніями и объясненіями адмирала, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ крымской войнѣ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, я могъ хорошо познакомиться съ общими очертаніями полей наиболѣе извѣстныхъ сраженій, о которыхъ подробности, сообщенныя мнѣ тутъ же на мѣстѣ, возбуждаютъ до сихъ поръ животрепещущій интересъ. Потомъ мы осмотрѣли мѣстоположеніе 4-го бастіона, занимавшаго самый южный предѣлъ русскихъ укрѣпленій и, такимъ образомъ, я могъ дополнить свой общій обзоръ русскихъ позицій и самыхъ главныхъ пунктовъ, откуда союзныя войска вели свою осаду. Такъ какъ погода во время поѣздки стояла весьма хорошая и ясная, то можно было легко разсмотрѣть не только такіе замѣчательные пункты, какъ главную квартиру лорда Раглана, Инкерманскія высоты, главныя французскія и англійскія батареи и французское кладбище, но также такія подробности, какъ англійскія траншеи впереди Редана; причемъ, однако, надо замѣтить, что отъ времени и путешественниковъ, берущихъ съ собою на память множество разнаго рода мелкихъ предметовъ, — всѣ слѣды тѣхъ полей, на которыхъ дрались и громили другъ друга храбрые воины,— начинаютъ быстро изглаживаться. Въ „Путеводителѣ по Россіи", изданномъ г-мъ Муррей [1]), прекрасно описаны всѣ эти мѣста, и поэтому я не буду болѣе ничего говорить ни о Севастополѣ, ни объ его достопримѣчательныхъ окрестностяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не упомянуть, что каждый изъ посѣтителей этихъ мѣстъ не можетъ не вынести отсюда самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній объ опустошеніяхъ и разореніяхъ, причиняемыхъ войною. Достаточно сказать, что на двухъ смежныхъ кладбищахъ, которые можно узнать издали по пирамидальной церкви, съ крестомъ на самомъ верху, погребено болѣе 100,000 человѣкъ русскихъ, убитыхъ во время осады Севастополя. Одной этой цифры было бы достаточно для того, чтобы имѣть понятіе о числѣ ядеръ и пуль, выполнившихъ свое назначеніе. Но, однако, число это ничтожно, сравнительно съ тѣмъ количествомъ разнаго рода снарядовъ, какое было брошено союзниками въ многострадальный Севастополь. Чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе объ этомъ количествѣ снарядовъ, я могу сослаться на тотъ фактъ, что русское правительство, по окончаніи крымской войны, предоставило мѣстнымъ жителямъ собирать въ Севастополѣ и его окрестностяхъ осколки бомбъ, ядеръ, картечь и проч. съ тѣмъ, чтобы за каждый пудъ собраннаго металла, прежде

[1]) Handbook for Russia, by Mr. Murray.

Digitized by Google

обращенія его въ продажу, вноситъ въ казну 15 копѣекъ, и такимъ путемъ было выручено казною съ 1856 по 1872 годъ около 110,000 рублей.

Съ удовольствіемъ возвращаюсь отъ этого несчастнаго прошлаго Севастополя къ его настоящему и будущему положенію. Было бы очень хорошо и полезно, еслибы случившееся здѣсь въ этомъ году землетрясеніе уничтожило всѣ оставшіяся здѣсь развалины, отъ которыхъ городъ могъ бы, такимъ образомъ, легко освободиться; но, къ несчастію, отъ этого землетрясенія болѣе или менѣе пострадала значительная часть возобновленныхъ и полезныхъ зданій. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже замѣтилъ выше, есть много причинъ надѣяться, что торговля и промышленность разовьются здѣсь въ ближайшемъ будущемъ въ такихъ размѣрахъ, что вскорѣ на-мѣсто развалинъ явятся хорошіе дома, товарные склады, торговыя конторы и другія необходимыя учрежденія, вызываемыя торговою дѣятельностью. Главнѣйшій источникъ такой счастливой будущности заключается, конечно, въ оконченной уже теперь огромной желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Севастополь съ Москвой и Петербургомъ. Конечная станція этой желѣзной дороги находится въ самой глубинѣ внутренней Севастопольской бухты. Недавно, по приказанію правительства, дорога эта продолжена нѣсколько далѣе вдоль берега бухты, чтобы испытать практически ту часть русскихъ войскъ, на обязанности которой лежитъ производство желѣзно-дорожныхъ работъ для военныхъ цѣлей. Можетъ показаться невѣроятнымъ, но я вполнѣ ручаюсь за достовѣрность сообщаемаго факта, что для продолженія этой дороги вдоль южной бухты потребовалось вырыть и вывезти около 1,200 кубическихъ саженъ земли, и эта работа была исполнена солдатами въ 24 часа, причемъ было еще уложено новыхъ рельсовъ на протяженіи почти 15-ти верстъ! Если даже мы примемъ во вниманіе, что для такой работы было, конечно, употреблено огромное число солдатъ, работавшихъ безостановочно въ теченіи 24 часовъ, и что рельсы и шпалы находились уже на мѣстѣ передъ началомъ работы, то и тогда такой срокъ все же долженъ казаться чрезвычайно короткимъ. Тѣмъ не менѣе дорога эта существуетъ теперь, и между нею и берегомъ бухты предполагается выстроить длинный рядъ товарныхъ складовъ, впереди которыхъ уже значительно подвинулись работы по устройству нѣсколькихъ пристаней. Самая бухта представляетъ столько естественныхъ удобствъ, что дѣйствительно потребуется затратить очень немного труда и денегъ, чтобы вполнѣ приспособить ее для нагрузки и выгрузки большихъ купеческихъ пароходовъ, которые будутъ тогда въ состояніи оставаться вдоль очень длинной набережной. Я уже сказалъ выше, что до настоящаго времени Севастополь былъ исключительно только военнымъ портомъ, но недавно правительство рѣшилось объявить его коммерческимъ портомъ, безъ чего онъ, конечно, никогда не могъ бы имѣть для себя счастливой торговой будущности. Кромѣ того, въ этомъ же году правительство разрѣшило выдать деньги на постройку пристаней, товарныхъ складовъ, на учрежденіе правительственнаго банка, школъ и проч. Два частныхъ коммерческихъ банка уже открыли свои отдѣленія въ Севастополѣ. Также приступлено къ устройству водопроводовъ, газоваго освѣщенія и другихъ

Digitized by Google

такихъ же необходимыхъ сооруженій, благодаря разумной инициативѣ г. Кази, о которомъ я уже упомянулъ выше, и на котораго здѣсь всѣ смотрятъ какъ на главнаго руководителя подобныхъ прогрессивныхъ мѣръ. Судя по тому, насколько мнѣ удалось узнать этого человѣка, я нисколько не удивляюсь всеобщему къ нему довѣрію.

Теперь я намѣренъ коснуться слѣдующаго вопроса: какія причины позволяютъ думать, что въ Севастополѣ разовьется торговая дѣятельность? Во-первыхъ, уже въ настоящее время торговое движеніе не только направилось сюда, но замѣтно увеличивается. Я сегодня самъ видѣлъ въ бухтѣ два судна, пришедшія сюда изъ Таганрога для перегрузки на заграничныя суда привезеннаго ими хлѣба. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе сначала на привозные товары, то тотчасъ убѣдимся, что Севастополь представляетъ огромныя выгоды для торговаго транзитнаго движенія между Россіею, Константинополемъ и странами, лежащими за Босфоромъ, а также между Россіею и Кавказскимъ краемъ. Москва служитъ главнымъ центромъ, куда направляются привозные товары, посылаемые въ Россію, и теперь уже начинаютъ появляться признаки уменьшающагося значенія Одессы, какъ транзитнаго пункта; такъ, напримѣръ, мнѣ извѣстно объ одномъ чайномъ грузѣ изъ Ханькоу, который, вмѣсто обыкновеннаго движенія чрезъ Одессу, направился въ Балтійское море кругомъ всей Европы и прибылъ въ Ревель, для того, чтобы выиграть разстояніе по желѣзнымъ дорогамъ до Москвы или Нижняго-Новгорода. Затѣмъ, если даже мы допустимъ, что для Одессы и Севастополя существуютъ совершенно одинаковыя условія по всѣмъ другимъ вопросамъ, то относительно привозныхъ товаровъ слѣдуетъ помнить, что Севастополь на 60 миль ближе къ Босфору моремъ и на 90 миль ближе къ Москвѣ по желѣзной дорогѣ, чѣмъ Одесса, и очевидно, что какъ пассажиры, такъ и товарные грузы должны въ данномъ случаѣ предпочесть болѣе короткій путь. Точно также кавказскій хлопокъ и персидскіе товары должны направиться въ Севастополь, потому что, въ противномъ случаѣ, идя прямо въ Одессу мимо Севастополя, эти товары должны будутъ пройти моремъ излишекъ разстоянія между этими портами, и, кромѣ того, еще лишнихъ 90 миль по желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что относительно привозныхъ транзитныхъ товаровъ Севастополь можетъ хорошо конкуррировать съ Одессой. Теперь мы разсмотримъ, что̀ можетъ произойти съ отпускными товарами. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что рѣка Днѣпръ раздѣляетъ южную Россію на двѣ части: восточную и западную. Для западной части портами служатъ Одесса и Николаевъ; восточная часть до сихъ поръ пользовалась азовскими портами: Таганрогомъ, Маріуполемъ и Бердянскомъ. Здѣсь невольно рождается слѣдующій весьма важный вопросъ для Севастополя: представляетъ ли онъ, сравнительно съ азовскими портами, болѣе значительныя выгоды для вывоза хлѣба и другихъ продуктовъ изъ восточной половины южной Россіи? Извѣстно, что ни одинъ изъ азовскихъ портовъ не имѣетъ достаточной глубины, такъ что суда, обыкновенно употребляющіяся для морской перевозки продуктовъ изъ южной Россіи, нагружаются въ разстояніи 3-хъ или 4-хъ миль отъ Бердянска, въ 4-хъ и 5-ти миляхъ отъ Маріуполя, отъ 10-ти до 15-ти миль отъ Таганрога. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ условій,

Digitized by Google

возникаютъ значительные добавочные расходы, увеличивающіе цѣнность вывозимыхъ товаровъ и судового фрахта. Точно также, по причинѣ мелководнаго бара въ Керченскомъ или Еникольскомъ проливѣ, нѣкоторымъ судамъ приходится выгружать здѣсь часть своего груза и потомъ снова нагружаться, вызывая этимъ дальнѣйшее увеличеніе расходовъ. Наконецъ, надо еще принять во вниманіе опасность плаванія по Азовскому морю, и тогда, на основаніи вышеизложенныхъ причинъ, сдѣлается понятнымъ, почему для этихъ портовъ существуетъ высокій фрахтъ и большой процентъ для морского страхованія. Я тщательно обсудилъ здѣсь на мѣстѣ этотъ вопросъ и нашелъ, что общую сумму этихъ добавочныхъ расходовъ можно опредѣлить по крайней мѣрѣ въ 1 рубль 40 коп. на каждую четверть хлѣба. Принимая Харьковъ за центръ отпускной хлѣбной торговли и направивъ послѣднюю не къ Азовскому морю, а въ Севастополь, мы увидимъ, что за вызываемое такимъ образомъ добавочное разстояніе по желѣзной дорогѣ, около 280 верстъ, придется приплатить по 60 копѣекъ за каждую четверть хлѣба, и слѣдовательно, вычтя эти 60 коп. изъ 1 рубля 40 коп., мы получимъ сбереженіе по 80 копѣекъ за четверть, если воспользуемся Севастополемъ. Но этимъ еще не ограничиваются всѣ выгоды Севастополя, такъ какъ необходимо помнить, что азовскіе порты замерзаютъ ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ, начиная съ ноября. Послѣ закрытія навигаціи цѣна хлѣба тамъ понижается, въ явный ущербъ землевладѣльцамъ, на 15%, а иногда на 20%, потому что купецъ не будетъ покупать хлѣбъ только для склада его въ ожиданіи открытія слѣдующей навигаціи, не уменьшивъ соотвѣтственно этому цѣну на хлѣбъ. Севастопольская же бухта никогда не замерзаетъ, такъ что хлѣбъ и другіе продукты могутъ вывозиться оттуда въ теченіи всего года, причемъ нагрузка всякаго рода судовъ будетъ производиться при самыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ и съ огромною выгодою какъ для судовладѣльцевъ, такъ и для землевладѣльцевъ. Въ такомъ видѣ представляются мнѣ весьма существенныя и убѣдительныя причины въ пользу будущаго процвѣтанія Севастополя, и съ этими моими доводами совершенно согласенъ г. Гартфордъ, нашъ консулъ въ этомъ портѣ.

Спустившись съ Малахова кургана и осмотрѣвъ развалины великолѣпныхъ гранитныхъ доковъ, разрушенныхъ англичанами послѣ завладѣнія городомъ, мы увидали поповку „Новгородъ", которая входила въ севастопольскую бухту. Мы тотчасъ же отправились на поповку, еще разъ осмотрѣли ее довольно подробно, обошли съ нею кругомъ бухты и при этомъ произвели нѣсколько испытаній надъ ея поворотливостью, дѣйствуя или однимъ рулемъ, или одними винтами, или рулемъ вмѣстѣ съ винтами. Круглая форма судна до такой степени благопріятна для поворотливости, что „Новгородъ" очень легко повернуть на одномъ мѣстѣ со скоростью, которая можетъ произвести головокруженіе, причемъ ее можно не только тотчасъ же остановить, но повернуть, въ случаѣ надобности, въ обратную сторону.

Послѣ того, какъ я успѣлъ написать эти строки, мы отправились сначала къ монастырю Св. Георгія, расположенному въ небольшомъ разстояніи отъ Балаклавы на великолѣпной мѣстности, возвышающейся почти на 1000 футъ надъ поверхностью моря, а потомъ проѣхали по голой степи, минуя Кадикой, и наконецъ прибыли въ

Digitized by Google

Балаклаву. Когда мы выѣзжали изъ монастыря, солнце было уже довольно низко надъ горизонтомъ, такъ что мы прибыли въ Балаклаву послѣ заката солнца; но поле балаклавской битвы, замѣчательной между прочимъ по геройской аттакѣ 600 кавалеристовъ, было великолѣпно освѣщено послѣдними лучами заходившаго солнца, когда мы приближались и проѣзжали мимо его. На пути въ Балаклаву, я не могъ удержаться, несмотря на позднее время дня, чтобы не посѣтить одно изъ многихъ англійскихъ кладбищъ въ этой мѣстности, ознаменовавшейся военными дѣйствіями союзныхъ войскъ. Подойдя наугадъ къ одному изъ этихъ кладбищъ, я вошелъ на него чрезъ ворота, проломанныя въ невысокой бѣлой стѣнѣ, ограждающей это кладбище. По надписи на простомъ, разваливающемся памятникѣ, я узналъ, что здѣсь погребены офицеры и солдаты, завѣдывавшіе во время войны сухопутной перевозкой (Land Transport Service). Надпись на памятникѣ уже частью стерлась, и я не сомнѣваюсь, что здѣшніе татары гоняютъ на эти могилы свой скотъ для пастбища. Нечего удивляться такимъ безпорядкамъ на этомъ кладбищѣ, гдѣ покоятся кости нашихъ соотечественниковъ, такъ какъ то же самое я нашелъ и на другихъ англійскихъ кладбищахъ въ Крыму, надзоръ надъ которыми признается излишнимъ нашимъ правительствомъ. Тѣ изъ нашихъ кладбищъ, которыя находятся по близости русскихъ деревень (напримѣръ, около Балаклавскаго селенія), охраняются русскими крестьянами; но кладбища, расположенныя на открытыхъ равнинахъ, на склонахъ горъ и вдали отъ деревень, и которыя только и могли бы быть охраняемы попеченіемъ нашего народа и правительства, находятся безъ всякаго надзора. Я не хочу этимъ сказать, что надлежащій надзоръ надъ нашими кладбищами было бы возможно организовать безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, такъ какъ болѣе 120 кладбищъ разбросаны на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль. Извѣстно, что правительство уже затратило многія тысячи фунтовъ стерлинговъ на устройство и исправленіе нашихъ крымскихъ кладбищъ, и въ настоящее время расходуетъ на нихъ болѣе 5000 фунт. стерл., но, однако, здѣсь не имѣется ни одного сторожа для наблюденія за этими кладбищами. Франція ежегодно расходуетъ 160 фунт. стерл. для присмотра за своимъ крымскимъ кладбищемъ, и, конечно, Англія могла бы ежегодно жертвовать 25 или 30 фунт. стерл. для найма отставного русскаго солдата или какого-нибудь другого довѣреннаго лица, которому былъ бы порученъ надзоръ хотя за нѣкоторыми нашими кладбищами, на исправленіе которыхъ мы расходуемъ даже теперь столь значительную сумму.

Въ Балаклавскомъ селеніи остались въ настоящее время весьма немногіе признаки прежде существовавшей здѣсь дѣятельности. Я могъ замѣтить на берегахъ бухты только нѣсколько разбросанныхъ и разваливающихся строеній, оставшихся почти единственными свидѣтельствами пребыванія въ этомъ небольшомъ портѣ союзныхъ арміи и флотовъ. Весьма вѣроятно, что въ этихъ строеніяхъ или хижинахъ я нашелъ бы много другихъ указаній, но, видя Балаклаву въ первый разъ, я не могъ усмотрѣть здѣсь ничего напоминающаго о прошлой войнѣ. Кромѣ небольшой бѣдной деревни, населенной рыбаками и землепашцами, я, разумѣется, долженъ былъ еще обратить свое вниманіе на мрачный, но весьма живописный видъ

Digitized by Google

небольшой бухты, окруженной высокими и еще болѣе мрачными горами, среди которыхъ, съ лѣвой стороны, возвышались старыя генуэзскія башни, освѣщенныя послѣдними лучами потухавшей зари. Мнѣ сообщили здѣсь, что французская компанія занимается очисткою бухты и добываніемъ вещей съ нѣкоторыхъ судовъ и транспортовъ, затонувшихъ въ бухтѣ во время сильнаго шторма. Компаніи этой дѣйствительно удалось достать со дна много разныхъ вещей и предметовъ и, въ числѣ ихъ, нѣсколько бутылокъ отличнаго портеру. Ѣдучи изъ Балаклавы обратно въ открытой коляскѣ и при холодномъ вечернемъ воздухѣ, я могъ, хотя въ самой малой степени, испытать на себѣ тотъ холодъ, который въ самой высшей степени должны были выносить союзныя войска, расположенныя на ровной и открытой мѣстности между Балаклавой и Севастополемъ. Испытываемый нами холодъ былъ чрезвычайно рѣзкій и пронзительный, судя по времени года, когда въ теченіи дня солнечные лучи имѣютъ еще лѣтнюю силу.

Поповка „Новгородъ“, въ Черномъ морѣ, 13-го октября.—Плывя на поповкѣ „Новгородъ“, я могу воспользоваться чрезвычайнымъ спокойствіемъ этого судна, чтобы сообщить вамъ тѣ впечатлѣнія, какія были вызваны переходомъ на поповкѣ изъ Севастополя въ Ѳеодосію. Но сначала я долженъ вкратцѣ упомянуть о моемъ посѣщеніи древняго города Херсонеса, гдѣ я былъ вчера до переѣзда на этой первой изъ поповокъ, которыхъ, какъ я рѣшаюсь предсказать, мы увидимъ много, если наука не откажется отъ употребленія брони на морскихъ судахъ. Контръ-адмиралъ Попандопуло, капитанъ надъ Севастопольскимъ портомъ, любезно предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ на своемъ паровомъ катерѣ въ Херсонесъ, куда мы направились ранѣе поповки „Новгородъ“, чтобы успѣть осмотрѣть тамъ наиболѣе интересныя мѣста до условленнаго часа, когда поповка должна была подойти къ Херсонесу. Врядъ ли надо говорить съ какимъ удовольствіемъ я воспользовался столь благопріятнымъ случаемъ, чтобы посѣтить одно изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ мѣстъ въ Россіи. Высадившись съ парового катера на южный берегъ Карантинной бухты, мы находились не болѣе 50-ти саженъ отъ того самаго мѣста, на которомъ, какъ говоритъ историческое преданіе, великій князь Владиміръ принялъ крещеніе. Сначала мы пошли къ новой, еще строющейся церкви, въ которой, какъ я узналъ, предполагается сосредоточить и сохранить всѣ наиболѣе важные остатки того храма, который, согласно преданію, былъ построенъ самимъ Владиміромъ для обозначенія мѣста своего крещенія. Въ настоящее время открыто въ разныхъ видахъ много прекрасныхъ остатковъ этого древняго храма и другихъ еще болѣе старинныхъ зданій. Остатки эти собраны и разложены теперь вдоль дороги, ведущей къ сосѣднему монастырю, къ которому мы потомъ и отправились. Здѣсь г. Попандопуло представилъ меня настоятелю этого монастыря, который былъ до крайней степени любезенъ и внимателенъ ко мнѣ. Я долженъ признаться, что этотъ человѣкъ заинтересовалъ меня даже болѣе, чѣмъ мраморъ, кресты, разныя надписи и древнѣйшія монеты, хранящіяся здѣсь, такъ какъ въ немъ прошедшее гармонично сливалось съ настоящимъ, и это выражалось

Digitized by Google

въ его станѣ, глазахъ, мысляхъ, словахъ, одеждѣ, совмѣстно съ живостью, умомъ и вѣжливостью современнаго образованнаго русскаго человѣка. Одѣтый въ длинную бархатную рясу, съ бархатнымъ же клобукомъ на головѣ, съ обыкновенными четками и особаго вида посохомъ въ рукахъ, онъ принялъ меня чрезвычайно привѣтливо и радушно, и тотчасъ же пошелъ показывать мнѣ монастырь и его окрестности, соразмѣряя свою поступь и объясненія съ условленною кратковременностью нашего посѣщенія. Онъ недавно былъ боленъ и повидимому еще не совсѣмъ поправился, но ничто не могло отвлечь его отъ намѣренія показать все, что было возможно при извѣстныхъ условіяхъ. Сначала мы осмотрѣли новыя картины, уже приготовленныя для храма св. Владиміра; потомъ перешли въ музей древностей, собранныхъ здѣсь на мѣстѣ, и затѣмъ поднялись на искусственную гору или курганъ, стоящій посреди древняго Корсуня и обозначающій мѣсто, на которомъ жители защищались въ древности противъ войскъ великаго князя Владиміра, или, быть можетъ, развалины языческаго храма четвертаго столѣтія; какое именно изъ этихъ двухъ предположеній болѣе вѣроятное, я не могъ узнать съ точностію, вслѣдствіе спѣшности осмотра и объясненій. Поднимаясь на этотъ курганъ, мы замѣтили, что нашъ любезный путеводитель усталъ такъ сильно, что долженъ былъ обождать на верху нѣсколько минутъ, чтобы собраться съ силами, и потомъ онъ тотчасъ же продолжалъ скоро и горячо объяснять историческое значеніе окружавшей насъ мѣстности, выражаясь при этомъ попеременно то древне-церковнымъ слогомъ, то обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ. Несмотря на то, что онъ прибылъ сюда изъ Кіева только девять мѣсяцевъ назадъ, но онъ успѣлъ уже оставить на этой мѣстности очевидные слѣды своего полезнаго присутствія, и онъ былъ такъ добръ, что указалъ намъ на всѣ усовершенствованія и перемѣны, какія были произведены имъ здѣсь, а именно: гдѣ разведенъ новый садъ, гдѣ устроена терраса, гдѣ лѣтній домъ, гдѣ купальня, гдѣ отрытъ полъ или стѣна древнѣйшаго зданія, гдѣ стоитъ простой крестъ „la source du monde, la source d'Adam", выражаясь буквально словами нашего дорогого пріятеля. Когда онъ произносилъ эти слова, я замѣтилъ особый блескъ въ его яркихъ, выразительныхъ глазахъ, и происходило ли это отъ религіознаго настроенія или отъ другой причины, мнѣ было трудно не только опредѣлить, но даже догадаться, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще не изобрѣтенъ спектроскопъ, съ помощью котораго можно было бы разлагать глазной свѣтъ на составныя его части и опредѣлять его элементы. Правда, что я не могу вполнѣ примирить этого объясненія о происхожденіи Адама („Adam's origin" соотвѣтственно „la source d'Adam") съ другими историческими сказаніями, но я перевожу или истолковываю неясныя и темныя мѣста словъ и объясненій нашего друга тѣмъ, что нахожу болѣе очевиднымъ и вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ я увѣренъ, что нашъ любезный другъ желалъ доставить мнѣ удовольствіе и удовлетвореніе этимъ объясненіемъ, какъ и вообще всѣмъ остальнымъ своимъ разсказомъ. Но въ это время намъ объявили о прибытіи поповки „Новгородъ", на которой предстояло сдѣлать морской переходъ въ 120-ть миль, и поэтому мнѣ надо было разстаться съ любезнымъ путеводителемъ, съ кото-

Digitized by Google

рымъ я надѣюсь встрѣтиться еще когда-нибудь и о которомъ я, конечно, буду вспоминать съ уваженіемъ.

Послѣ внимательнаго обсужденія, я призналъ за лучшее отложить свои замѣчанія о поповкѣ „Новгородъ“ до окончанія плаванія на ней, и такъ какъ въ настоящее время поповка находится на обратномъ пути изъ Ѳеодосіи въ Ялту, плывя въ значительномъ разстояніи вдоль южнаго крымскаго берега и испытывая при этомъ гораздо бо́льшую зыбь и волненіе, чѣмъ на предъидущемъ пути въ Ѳеодосію, то я позволю пройти еще нѣсколькимъ часамъ, прежде чѣмъ буду говорить о своихъ наблюденіяхъ надъ поповкою. Пользуясь этими свободными часами, я намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о городѣ Ѳеодосіи (прежняя Кафа). Самый древній городъ существовалъ здѣсь за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, но въ XIII-мъ столѣтіи одинъ генуэзецъ основалъ Кафу и возвысилъ ее до цвѣтущаго состоянія. Городъ теперь представляетъ самыя интересныя и живописныя развалины укрѣпленій, которыя были нѣкогда сооружены здѣсь, вмѣстѣ съ армянскою церковью оригинальнаго наружнаго вида. Къ городу прилегаетъ большая деревня или кварталъ, населенный крымскими татарами. Городъ этотъ представлялъ для меня особенный интересъ, какъ мѣсто рожденія и пребыванія г. Айвазовскаго. Конечно, я не могу говорить съ какимъ-либо авторитетомъ по этому предмету, но, по моему мнѣнію, картины г. Айвазовскаго имѣютъ двѣ главныхъ особенности, которыхъ нѣтъ у большинства англійскихъ живописцевъ; я говорю объ изображеніи влажной атмосферы и цвѣта неба при разныхъ условіяхъ. Изъ дверей моей каюты, въ которой я пишу это письмо почти въ полдень, я вижу гору Меганомъ и рядъ другихъ утесистыхъ и обрывистыхъ возвышенностей, тянущихся вдоль берега. Всѣ эти горы покрыты тонкимъ слоемъ сѣраго пара, который сглаживаетъ всѣ рѣзкія очертанія, смягчаетъ яркость свѣта и густоту тѣней, и въ то же время, сливая все вмѣстѣ съ окружающею поверхностью моря, придаетъ всей картинѣ необыкновенную нѣжность и красоту. Въ этомъ отношеніи я не знаю ни одного живописца, который могъ бы равняться г. Айвазовскому по пониманію прелести такихъ видовъ и по художественности воспроизведенія ихъ на картинѣ. Я видѣлъ нѣкоторыя изъ его большихъ картинъ, на которыхъ изображены только море и небо съ ихъ туманною атмосферою, причемъ облака, волны и морская мгла то сливаются, то оттѣняются такимъ разнообразіемъ и смѣлостью красокъ, что я не удивляюсь тѣмъ лицамъ, которыя считаютъ своею обязанностію не наслаждаться идеей и исполненіемъ картины, а, придираясь къ мелочамъ, критиковать и указывать на нарушеніе законовъ искусства со стороны г. Айвазовскаго. На нѣкоторыхъ картинахъ того же рода, кромѣ моря и неба, представлены какія-нибудь остатки отъ кораблекрушенія, напр., сломанная мачта, рея или шлюпка, съ ухватившимися за нихъ людьми, и все это изображено съ характеристическою своеобразностью красокъ, свойственныхъ только геніальной кисти г. Айвазовскаго, который дѣйствительно неподражаемъ въ этомъ родѣ живописи. Здѣсь я долженъ замѣтить, что наши англійскіе художники, говоря вообще, мало путешествуютъ, а потому не отличаются ни пониманіемъ иностранныхъ вкусовъ, ни знакомствомъ съ чужеземными картинами природы. Услов-

Digitized by Google

ные цвѣта англійскаго ландшафта, какъ бы вѣрно они ни изображали нашей природы, никогда не могутъ вполнѣ передать видѣнныхъ мною здѣсь картинъ на морѣ и на сушѣ, а тѣмъ менѣе картинъ египетской природы. Впрочемъ, къ чести г. Макъ-Куллёма (M'Cullum) и еще немногихъ нашихъ художниковъ надо сказать, что они не только много путешествовали, но жили и учились заграницею. Произведенныя ими работы обнаруживаютъ въ нихъ несомнѣнный талантъ, а своеобразность и оригинальность ихъ кисти весьма естественно не можетъ нравиться огромному большинству членовъ королевской академіи художествъ.

Ѳеодосія, какъ мы скоро могли замѣтить, представляетъ много доказательствъ присутствія г. Айвазовскаго, высоко-образованнаго человѣка. Онъ выстроилъ хорошенькое зданіе въ греческомъ стилѣ, собралъ въ немъ самую интересную и богатую коллекцію мѣстныхъ достопримѣчательностей, и украсилъ его своими работами съ изображеніемъ здѣшней природы и жизни. Онъ также построилъ небольшую часовню въ память заслугъ русскаго генерала Котляревскаго. Врядъ ли надо говорить, съ какимъ любопытствомъ я встрѣтился съ г. Айвазовскимъ, который пріѣхалъ къ намъ даже прежде, чѣмъ поповка успѣла стать на якорь въ Ѳеодосіи. Онъ отправился вмѣстѣ съ нами на берегъ, провелъ насъ по всему городу, въ которомъ объяснилъ все наиболѣе интересное, потомъ ввелъ въ свой домъ, гдѣ мы нашли радушное и широкое гостепріимство и имѣли возможность осмотрѣть его новѣйшія работы. Кромѣ того, его особенное вниманіе къ намъ выразилось еще тѣмъ, что онъ при прощаньи далъ намъ по одной небольшой картинкѣ, на которой изображена поповка „Новгородъ", идущая подъ парами, какъ мы теперь, на спокойной водѣ вдоль краснаго крымскаго берега, но только съ тѣмъ единственнымъ различіемъ отъ нашего плаванія на ней, что вмѣсто спокойнаго моря, мы испытываемъ теперь сильную зыбь отъ юго-запада. Изъ новѣйшихъ его картинъ я особенно заинтересовался тѣми, въ которыхъ сила его таланта обнаруживается одновременно какъ художественнаго мариниста, такъ и пейзажиста, и я долженъ сознаться, что въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, несмотря на повторяемость сюжета, онъ умѣетъ на каждой картинѣ проявить самобытность и силу своего таланта. Даже на небольшихъ морскихъ картинкахъ и на одномъ или двухъ пейзажахъ, видѣнныхъ мною въ его домѣ, глазъ невольно пріемлется такимъ изображеніемъ величественной и естественной красоты природы, которымъ долженъ гордиться любой художникъ.

По прибытіи поповки „Новгородъ" въ Ѳеодосію, куда вѣроятно было предварительно сообщено о нашемъ посѣщеніи, мы были встрѣчены при съѣздѣ на берегъ мѣстными властями и овваціями со стороны собравшагося народа. Городской голова, говорящій хорошо по-англійски, привѣтствовалъ меня нѣсколькими любезными словами и потомъ обратился съ русскою рѣчью къ адмиралу Попову, котораго я сопровождалъ. Въ это же время музыканты играли нашъ и русскій національные гимны, нѣкоторые дома были украшены флагами, и вечеромъ, когда мы переѣзжали съ берега на поповку, былъ сожженъ красивый фейерверкъ, эффектъ котораго еще болѣе увеличивался полнымъ блескомъ луны. Столь лестный пріемъ, оказанный намъ въ Ѳеодосіи, я приписываю, во-первыхъ, моему званію члена

Digitized by Google

англійскаго парламента, и, во-вторыхъ, тому обстоятельству, что одновременно прибыли сюда два составителя чертежей новѣйшихъ броненосцевъ, возбуждающихъ въ настоящее время всеобщее вниманіе. Я тѣмъ болѣе оцѣниваю радушные пріемы, оказываемые мнѣ въ черноморскихъ портахъ, что въ этомъ случаѣ русскіе привѣтствуютъ одного изъ иностранцевъ, соотечественники котораго еще такъ недавно бомбардировали ихъ порты и даже превратили въ развалины нѣкоторые изъ нихъ.

Возвратившись на поповку „Новгородъ", съ цѣлью двинуться въ обратный путь до Ялты, мы замѣтили, что барометръ началъ понижаться, небо заволакивалось тучами, вѣтеръ быстро усиливался и уже развелъ большое волненіе. Такъ какъ предстоявшій переходъ мы могли совершить въ нѣсколько часовъ, а мнѣ очень хотѣлось видѣть „Новгородъ" въ морѣ днемъ, то адмиралъ Поповъ рѣшился остаться на якорѣ до ранняго утра. На слѣдующій день „Новгородъ" снялся съ якоря въ 6-ть часовъ утра, и въ это время вѣтеръ хотя значительно стихъ, но юго-западный (SW) штормъ, дувшій ночью по всему Черному морю, развелъ сильную зыбь, съ коротвимъ и неправильнымъ волненіемъ, такъ что обстоятельства были чрезвычайно благопріятныя, чтобы поповка могла обнаружить свои качества въ морѣ. На этомъ переходѣ отъ Ѳеодосіи до Ялты намъ приходилось огибать высокіе обрывистые мысы, далеко выдающіеся въ море, и вслѣдствіе этого поповкѣ надо было значительно измѣнять свой курсъ, такъ что въ теченіе утра мы послѣдовательно имѣли волненіе съ правой крамболы, прямо съ носа, съ лѣвой крамболы и почти отъ траверза. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мы плывемъ на очень небольшомъ суднѣ, сравнительно съ остальными броненосцами. Водоизмѣщеніе наибольшаго изъ нашихъ броненосцевъ превышаетъ 10,000 тоннъ; водоизмѣщеніе „Sultan'a" около 9000 тоннъ; у „Devastation" почти такое же водоизмѣщеніе; у „Iron Duke" 6000 тоннъ; у „Glatton'a", брустверная монитора для прибрежной защиты, водоизмѣщеніе около 5000 тоннъ; четыре небольшихъ броненосца, построенные во время послѣдней франко-прусской войны, имѣютъ по 3500 тоннъ, а у поповки „Новгородъ" водоизмѣщеніе только 2500 тоннъ. Я укажу еще на другой способъ для опредѣленія сравнительной величины поповки. При діаметрѣ въ 100 футъ, „Новгородъ" имѣетъ общую длину кругомъ борта только 314 футъ. Соотвѣтственно такимъ размѣрамъ поповки и протяженію, занимаемому на ней бронею, мы будемъ въ состояніи покрыть ея бронею борта обыкновеннаго судна, длиною 140 футъ и шириною 30 футъ. А между тѣмъ эти размѣры не только гораздо меньше размѣровъ вышеупомянутыхъ небольшихъ четырехъ броненосцевъ, но даже менѣе размѣреній броненосныхъ канонерокъ „Viper" и „Vixen", построенныхъ въ 1865 году для спеціальной цѣли и которыхъ никакими средствами нельзя было сдѣлать годными для морской службы. Поповка же „Новгородъ", кромѣ того, носитъ броню и орудія, вѣсъ которыхъ превышаетъ общій вѣсъ англійскихъ канонерокъ, вмѣстѣ съ ихъ корпусомъ, бронею, орудіями, машинами, мачтами, запасами и съ остальными принадлежностями. Наконецъ, надводный броненосный бортъ поповки возвышается только на 18 дюймовъ отъ ватерлинія; выше же борта тянутся вдоль средины судна, отъ носа до кормы, прочныя надстройки,

Digitized by Google

высотою 7 футъ отъ палубы, а посреди судна возвышается неподвижная броненосная открытая башня, внутри которой стоятъ два большихъ 28-ми-тонныхъ 11-ти-дюймовыхъ орудія, стрѣляющія чрезъ банкъ. Въ кормѣ устроена очень удобная рубка, въ которой мы могли оставаться въ теченіе всего утра совершенно сухими даже при самомъ большомъ волненіи. Къ этому я долженъ прибавить, что покрытая бронею палуба имѣетъ значительную (на 4 фута) выпуклость, начиная отъ борта, и представляетъ видъ сегмента большого круга. Вслѣдствіе такой выпуклости палубы, плавучесть поповки увеличивается гораздо больше, чѣмъ можно было бы наглядно судить на основаніи только одной низкобортности. Послѣ всего сказаннаго, если читатель спроситъ меня: что было съ этимъ необыкновеннымъ судномъ среди окружавшихъ его волнъ?—я отвѣчу, что, представляя безпримѣрный видъ во многихъ отношеніяхъ, судно это справлялось съ волнами такъ, какъ никогда ни одно судно не дѣлало этого прежде; поповка двигалась противъ волненія почти съ такою же скоростію, какъ и на тихой водѣ. Она поднималась и опускалась всею своею массою почти на незамѣтную величину; килевая и боковая качка была столь незначительна и спокойна, что, въ какомъ бы направленіи поповка ни встрѣчала волну, мы не испытали ни одного момента въ теченіе всего утра, когда нельзя было бы стоять, ходить и даже писать совершенно спокойно. Чтобы дать моимъ замѣчаніямъ еще бо́льшее значеніе, я долженъ публично сознаться, что меня укачиваетъ въ морѣ, что на меня непріятно дѣйствуетъ даже то неопредѣленное положеніе, когда судно, оставаясь на нѣсколько секундъ какъ-бы спокойнымъ на волнѣ, неизвѣстно въ которую сторону потомъ качнется, и что всѣ разсужденія, которыми я обладаю на берегу, обыкновенно исчезаютъ во мнѣ на морѣ, лишь только начинается качка. Однимъ словомъ, желая дать читателямъ вѣрное понятіе о величинѣ качки круглаго судна и объ ея дѣйствіи, я считаю себя обязаннымъ заявить по чести, что какъ ни былъ я приготовленъ видѣть поповку остойчивою, но дѣйствительная ея остойчивость на волненіи удивляла и до сихъ поръ продолжаетъ удивлять меня.

Дача около Ялты, 15-го октября.—По прибытіи въ Ялту, я прервалъ нить своего разсказа. Въ настоящее время я взялся за перо въ отличномъ помѣщеніи, расположенномъ недалеко отъ моря, среди великолѣпнаго естественнаго амфитеатра, гдѣ огромныя, неровныя и утесистыя горы возвышаются надъ садомъ, паркомъ и виноградниками. Съ одной стороны, по направленію къ морю, тянется неровная стѣна ущелистыхъ скалъ, подходящихъ къ самому берегу и возвышающихся надъ моремъ въ видѣ огромныхъ разрушающихся башенъ и вершинъ. Съ другой стороны, видны ряды горъ, склоны которыхъ покрыты роскошною зеленью и освѣщены солнцемъ, и за которыми выступаетъ въ море высокій и обрывистый мысъ Аю-Дагъ, имѣющій форму лежащаго медвѣдя, отчего крымскіе татары и дали ему это названіе. Впрочемъ, я не намѣренъ подробно описывать южнаго берега Крыма, гдѣ величіе и красота природы какъ-бы соперничаютъ между собою. Достаточно сказать, что привлекательность этой мѣстности такъ велика, что въ это время года сюда съѣзжаются

Digitized by Google

со всѣхъ частей обширной имперіи, по тысяча-верстнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, Государь Императоръ, великіе князья, высшая аристократія и другія лица, пользующіяся болѣе или менѣе хорошими средствами. Вообще говоря, здѣсь русская Италія; но только я, хорошо знакомый съ бо́льшею частью итальянскаго берега отъ Ливорно до Венеціи, позволяю себѣ сомнѣваться, чтобы какая-нибудь часть южной Италіи могла соперничать съ этою мѣстностью въ Крыму. Я увѣренъ, что ничто не можетъ превзойти такого великолѣпнаго сочетанія естественной красоты скалъ и горъ съ роскошною растительностью и съ здѣшнею прелестью картинъ южнаго моря и неба.

Снова возвращаюсь къ описанію круглаго судна. По прочтеніи всего, сказаннаго мною выше о замѣчательной остойчивости поповки, читатель, быть можетъ, скажетъ: „но вѣроятно большая зыбь и волненіе, о которыхъ вы говорили, должны были огромными массами вкатываться на палубу, край которой возвышается только на 18 дюймовъ надъ поверхностью воды?“ Въ томъ-то и дѣло, что ничего подобнаго не было, и въ дѣйствительности мы замѣчали, что болѣе или менѣе незначительное количество воды по временамъ перекатывалось чрезъ палубу, а при приближеніи самыхъ высокихъ волнъ почти каждая изъ нихъ вкатывалась на палубу въ бо́льшей или меньшей степени: но даже при самыхъ высокихъ волнахъ мы не замѣчали, чтобы онѣ вкатывались на палубу огромными сплошными массами, вышиною въ нѣсколько футъ, и при этомъ не было ни одного изъ тѣхъ тяжелыхъ ударовъ волны въ палубныя надстройки, которые, по мнѣнію многихъ, непремѣнно должны случаться при плаваніи поповки на такомъ волненіи. На самомъ же дѣлѣ намъ приходилось наблюдать, что какъ при подходѣ волны къ борту судна, такъ и при опусканіи корпуса судна на волну, поповка въ томъ и другомъ случаѣ вытѣсняла изъ-подъ себя свою собственную волну, которая, встрѣчаясь съ приближающеюся волною, представляла ей сопротивленіе и значительно уменьшала, если не совершенно уничтожала скорость ея движенія. Даже было много случаевъ, когда эта вытѣсняемая волна не только останавливала приближавшуюся, но отталкивала ее назадъ, причемъ на палубу попадали только однѣ брызги. Случалось иногда, что приближавшаяся волна частью преодолѣвала вытѣсняемую волну, и тогда попадавшая на палубу вода въ незначительномъ количествѣ производила на двигавшуюся поповку гораздо меньшее дѣйствіе, чѣмъ еслибы волна разбилась о неподвижную скалу или объ отлогій бэрегъ. Многіе уподобляютъ низкобортныя суда полузатопленнымъ скаламъ, но, на основаніи произведенныхъ мною наблюденій, я долженъ сказать, что по крайней мѣрѣ поповка не только не оправдываетъ такого сравненія, но представляетъ совершенно не тѣ явленія, какія замѣчаются у скалъ, о которыя разбиваются волны. Здѣсь я долженъ оговориться, что я отнюдь не называю громадными вчерашнія волны, и точно также не желаю сказать, чтобы огромныя волны не произвели на поповку болѣе значительнаго дѣйствія, чѣмъ это было вчера. Я только записываю факты и желаю дать имъ надлежащую оцѣнку. На основаніи этихъ фактовъ, я могу съ увѣренностью сказать, что круглое низкобортное судно типа поповки „Новгородъ“, несмотря на свою малую величину, обладаетъ гораздо лучшими морскими качествами, чѣмъ многіе объ этомъ

Digitized by Google

думаютъ, и что въ поповкѣ (не принимая во вниманіе размѣровъ, высоты борта и другихъ второстепенныхъ подробностей) мы имѣемъ типъ судна съ весьма замѣчательными мореходными качествами.

Такъ какъ поповка „Новгородъ“ небольшихъ размѣровъ, построена спеціально для прибрежной защиты и снабжена недостаточно сильной машиной, которая даже не можетъ въ полной степени пользоваться доставляемымъ ей паромъ, то скорость хода поповки, при лучшихъ условіяхъ, не достигаетъ 8-ми узловъ. До сихъ поръ она имѣла наибо́льшую часовую скорость $7^1/_2$ узловъ, при переходѣ разстоянія около 100 миль. Съ нами она прошла болѣе значительное разстояніе со среднею скоростью $6^1/_2$ узловъ, причемъ болѣе или менѣе значительное противное волненіе, повидимому, имѣло очень мало вліянія на ея ходъ. Недавно спущенная вторая поповка „Вице-адмиралъ Поповъ“, имѣя также небольшія размѣренія, все-таки будетъ значительно больше поповки „Новгородъ“; но такъ какъ она снабжена еще болѣе слабой двигательной силой (соотвѣтственно своей величинѣ), то придется считать уже успѣхомъ, если она достигнетъ той же скорости, какъ и „Новгородъ“. Поэтому, вторая поповка не будетъ въ состояніи разъяснить вопроса о наибо́льшей скорости хода, возможной для судовъ этого типа, такъ какъ рѣшить такой вопросъ можно только примѣненіемъ болѣе значительной двигательной силы, соотвѣтственно увеличенію размѣровъ судна. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, однако, что круглыя суда могутъ имѣть большую скорость хода, потому что они въ высшей степени обладаютъ способностью носить сильныя машины, съ большими котлами и запасами топлива, а также благодаря тѣмъ огромнымъ преимуществамъ, какія будутъ имѣть броненосцы этого типа съ увеличеннымъ діаметромъ. Но, предсказывая возможность имѣть этимъ судамъ бо́льшую скорость впослѣдствіи, я, разумѣется, не надѣюсь теперь убѣдить въ этомъ многихъ, такъ какъ изъ продолжительнаго опыта мнѣ извѣстно, насколько упорны бываютъ человѣческіе предразсудки въ вопросахъ подобнаго рода. Напримѣръ, я знаю, что даже теперь есть личности, несочувствующія коротkимъ броненосцамъ моихъ чертежей, несмотря на разумность основной идеи такихъ судовъ и вопреки большой скорости ихъ хода, которая предполагалась по проекту и осуществилась на самомъ дѣлѣ. Когда броненосный фрегатъ „Bellerophon“ готовился къ первымъ испытаніямъ на пробной милѣ, въ то время нашъ морской министръ сказалъ мнѣ, что онъ, пробывъ три дня въ Портсмутѣ и разговаривая съ моряками, не встрѣтилъ ни одного офицера, который бы вѣрилъ, что фрегатъ этотъ когда-либо пойдетъ болѣе 11 узловъ. Но на слѣдующій же день фрегатъ пошелъ болѣе 11 узловъ, имѣя пары только въ половинномъ числѣ котловъ, и достигъ $14^1/_4$ узловъ при дѣйствіи полными парами всѣхъ котловъ. Слѣдовательно, если существуютъ личности, невѣрящія подобнымъ фактамъ даже въ настоящее время, когда уже выстроено такъ много коротkихъ броненосцевъ съ большою скоростью хода, то какимъ же образомъ эти личности повѣрятъ большой скорости круглыхъ броненосцевъ, изъ которыхъ пока еще нѣтъ ни одного быстроходнаго. Что же касается меня, то, никогда не позволяя себѣ въ подобныхъ случаяхъ говорить опрометчиво и наугадъ, я глубоко убѣжденъ, что круглые броненосцы могутъ и будутъ обладать большою скоростью,

Digitized by Google

не лишаясь при этомъ своей громадной способности носить самую толстую броню и самую тяжелую и сильную артиллерію, при сравнительно небольшой осадкѣ въ водѣ. Это мое убѣжденіе подтверждается тѣмъ еще не для всѣхъ понятнымъ фактомъ, что когда хотятъ построить судно съ толстою бронею, тогда его размѣръ и форма должны опредѣляться совершенно не тѣми разсужденіями, какими въ настоящее время руководствуются судостроители. Конечно, рано или поздно, фактъ этотъ будетъ признанъ всѣми, а чтобы ускорить его пониманіе или по крайней мѣрѣ заставить отвѣтственныхъ лицъ подумать о немъ внимательно, я взялъ на себя трудъ сообщить вамъ подробно мои наблюденія. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ Англіи круглые русскіе броненосцы считаются простою фантазіею способнаго и энергичнаго морского офицера, которому удалось заручиться на постройку такихъ судовъ разрѣшеніемъ высшихъ и всесильныхъ правительственныхъ властей. Англичане думаютъ, что фантазія эта пройдетъ, и мы никогда болѣе не будемъ слышать о круглыхъ броненосцахъ; но такія предположенія и взгляды совершенно ошибочны. Адмиралъ Поповъ проектировалъ круглый броненосецъ послѣ самаго обдуманнаго и тщательнаго изслѣдованія всего, что было сдѣлано и дѣлается въ другихъ государствахъ для развитія военно-морского дѣла. Онъ понялъ и хорошо оцѣнилъ тѣ перемѣны, какія произошли въ нашемъ и другихъ флотахъ вслѣдствіе увеличенія толщины брони и силы артиллеріи. Основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ, онъ собственно самъ проектировалъ круглое судно, и, по моему мнѣнію, время докажетъ, что его идея вѣрна и навсегда полезна. Еслибы эта идея не имѣла огромнаго и существеннаго значенія, то, конечно, она не была бы примѣнена въ Россіи, гдѣ ею воспользовались только послѣ самыхъ тщательныхъ, строгихъ предварительныхъ изслѣдованій и испытаній со стороны лицъ, отвѣтственныхъ за флотъ. Сегодня я имѣлъ честь представиться въ Ливадіи Государю Императору, причемъ я осмѣлился поздравить Его Величество съ обладаніемъ первымъ въ мірѣ плавающимъ броненосцемъ съ 18-ти-дюймовою бронею.

Существованіемъ „Новгорода“ и „Вице-адмирала Попова“, по моему мнѣнію, весьма существенно измѣняется вопросъ о броненосномъ судостроеніи. До постройки поповокъ и до испытанія одной изъ нихъ, было легко и, быть можетъ, даже естественно, для большинства судостроителей и морскихъ офицеровъ, игнорировать и даже смѣяться надъ идеею круглаго броненосца. Съ своей же стороны, я всегда высказывался въ пользу и съ уваженіемъ къ этой идеѣ, а послѣ плаванія на „Новгородѣ“, такой взглядъ мой укрѣпился еще болѣе чѣмъ когда-либо. Дѣйствительно, поповки представляютъ много очень важныхъ преимуществъ. Кромѣ способности носить самую толстую броню, поповки даютъ возможность расположить эту броню по борту самымъ лучшимъ образомъ, не дѣлая при этомъ ни одной изъ тѣхъ уступокъ, къ которымъ приходится прибѣгать на вновь строющихся судахъ другихъ флотовъ и, быть можетъ, въ настоящее время болѣе чѣмъ прежде. На поповкахъ нѣтъ незащищенныхъ оконечностей, какъ на нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ броненосцевъ; нѣтъ незащищенныхъ бортовъ; нѣтъ броневыхъ поясовъ, постепенно утоняющихся къ носу, кормѣ и ниже ватерлиніи. Броня на поповкахъ имѣетъ

Digitized by Google

одинаковую толщину кругомъ всего борта, а потому я и утверждаю, что въ этомъ отношеніи поповки—боевыя суда по преимуществу. Точно также, броневая палубная защита на поповкахъ гораздо лучше, чѣмъ на какихъ-либо другихъ извѣстныхъ мнѣ судахъ, и эта палубная броня расположена такимъ образомъ, что служитъ вполнѣ дѣйствительной защитой для всѣхъ жизненныхъ или наиболѣе важныхъ частей судна. Артиллерія на нихъ помѣщена въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, а именно: въ центрѣ судна; орудія могутъ имѣть какой угодно калибръ и вѣсъ; кромѣ того, орудія эти обладаютъ наибольшимъ угломъ обстрѣла и поставлены на самую устойчивую платформу, которая занимаетъ такое мѣсто, гдѣ она почти не будетъ ни повышаться, ни понижаться, и гдѣ едва будетъ чувствительно вліяніе боковой или килевой качки. Огромныя орудія на поповкахъ можно установить какъ угодно: въ башнѣ, на монкрифскомъ станкѣ, или по проекту моему и г. Витворта, въ которомъ предлагается сдѣлать орудіе столь прочнымъ и большимъ, чтобы оно не боялось непріятельскихъ снарядовъ, и у котораго казенная часть была бы достаточно велика, чтобы скрывать за собою орудійную прислугу. Вмѣсто одной или двухъ машинъ, съ однимъ или двумя винтовыми двигателями, какъ на другихъ броненосцахъ, обѣ поповки имѣютъ по шести отдѣльныхъ машинъ, съ шестью винтами. Вслѣдствіе этого, поповкамъ можно управляться совершенно независимо отъ руля, въ случаѣ его поврежденія, и даже если на нихъ попортятся нѣсколько машинъ или винтовъ, то и тогда поповка будетъ въ состояніи спокойно продолжать свое плаваніе. Своими морскими переходами, поповка „Новгородъ“ уже доставила прекрасныя доказательства способности къ плаваніямъ въ открытомъ морѣ, и что касается до меня лично, то я, конечно, предпочелъ бы отправиться въ море лучше на поповкѣ надлежащихъ размѣровъ, чѣмъ на обыкновенномъ броненосномъ суднѣ. Видѣнныя мною обѣ поповки не имѣютъ таранова, и на нихъ отдано предпочтеніе миннымъ приспособленіямъ. Но это нисколько не доказываетъ, что онѣ не могутъ быть таранами; напротивъ, будучи хорошо знакомъ съ ихъ необыкновенною поворотливостью, превосходящею въ высшей степени поворотливость даже лучшихъ изъ моихъ броненосцевъ, которые въ свою очередь обладаютъ этимъ качествомъ гораздо лучше другихъ броненосныхъ судовъ, я нахожу, что поповки весьма способны дѣйствовать тараномъ съ ужасающею силою. Точно также, я признаю поповки лучшими изъ существующихъ судовъ, которые могутъ выдерживать или сопротивляться удару тарана, потому что у поповокъ таранъ можетъ повредить только отдѣленія по ихъ окружности, незаключающія въ себѣ ничего жизненнаго для судна. Затѣмъ, вопросъ объ углубленіи броненосныхъ судовъ разрѣшенъ поповками самымъ лучшимъ образомъ. Слѣдуетъ также сказать, что, кромѣ другихъ преимуществъ, поповки представляютъ вполнѣ удобное и здоровое помѣщеніе для офицеровъ и команды, комплектъ которыхъ (кстати замѣчу въ пользу поповокъ) требуется весьма небольшой для службы на этихъ судахъ. Наконецъ, я ничего не буду говорить о большой экономіи и дешевизнѣ поповокъ, такъ какъ, сравнивая въ этомъ случаѣ поповки съ обыкновенными броненосцами, мы видимъ, что онѣ составляютъ какъ-бы центральную часть этихъ броненосцевъ, у которыхъ только эта часть

Digitized by Google

въ настоящее время и покрывается бронею. Слѣдовательно, очевидно, что поповки представляютъ въ этомъ случаѣ ту огромную выгоду, что всѣ расходы будутъ ограничиваться только постройкою одного броненоснаго корпуса, не требуя ни сооруженія, ни снабженія всѣмъ необходимымъ длинныхъ и дорого-стоющихъ носовыхъ и кормовыхъ оконечностей обыкновенныхъ броненосцевъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, поповки представляютъ поразительный примѣръ простоты и несложности осуществленія имѣвшихся въ виду цѣлей. Мы видимъ, что во всѣхъ существующихъ броненосцахъ приходилось болѣе или менѣе жертвовать боевыми ихъ элементами, ради сохраненія въ нихъ обыкновенныхъ судовыхъ формъ. Но въ поповкахъ ни оборонительная, ни наступательная силы не были принесены ничему въ жертву, и, сверхъ того, было достигнуто требовавшееся для нихъ углубленіе. Вообще говоря, все показываетъ, что главною руководящею идеею при постройкѣ поповокъ было желаніе сдѣлать ихъ боевыми судами во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ именно этому-то я въ нихъ и удивляюсь. А такъ какъ теперь уже извѣстно, что поповка, кромѣ того, оказалась удачною и въ морскомъ отношеніи, то, пожалуй, кто-нибудь подумаетъ, что всевозможныя жертвы были принесены въ нихъ для согласованія ихъ качествъ съ прежними морскими идеями и традиціями. Я не буду далѣе продолжать этихъ замѣчаній, какой бы интересъ они ни представляли, такъ какъ если уже всѣмъ сказаннымъ выше я не успѣлъ привлечь общественнаго вниманія къ столь важному предмету, то для этого я ничего не могу сдѣлать больше въ настоящее время.

Москва, 22-го октября. — Кому случится проѣзжать по Россіи прямо съ юга на сѣверъ въ это время года (т.-е. осенью), тотъ не можетъ не обратить особеннаго вниманія на быстроту измѣненія мѣстныхъ видовъ и климатическихъ условій, о которыхъ я желаю сообщить вамъ нѣсколько строкъ. Въ воскресенье, 17-го октября, я срывалъ виноградныя лозы въ оріандскихъ виноградникахъ, при самыхъ теплыхъ лучахъ южнаго солнца. Въ понедѣльникъ, 18-го октября, я былъ въ Бельбекской долинѣ, гдѣ собиралъ садовыя розы; во вторникъ, рано утромъ, я проѣзжалъ надъ печальными видами Сиваша и вскорѣ почувствовалъ признаки прохладнаго степного воздуха; въ среду, раннимъ утромъ, когда поѣздъ прибылъ въ Харьковъ, я увидѣлъ всю мѣстность покрытою глубокимъ снѣгомъ, какъ это обыкновенно бываетъ здѣсь зимою; въ четвергъ, по прибытіи въ Москву, мы застали настоящую зиму, и я отправился въ гостинницу на санкахъ по замерзшимъ и снѣжнымъ улицамъ. Въ своемъ первомъ письмѣ изъ Россіи, я упомянулъ о медленности движенія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и высказался въ пользу необходимости облегчить по крайней мѣрѣ пассажирское движеніе. Тамъ же я показалъ, что, при существующихъ порядкахъ, пассажирамъ почти невозможно пользоваться прямымъ сообщеніемъ по желѣзной дорогѣ отъ Балты до Николаева. Въ настоящее время я не намѣренъ ни отказываться, ни измѣнять что-либо изъ сказаннаго мною тогда, и я очень радъ распространившемуся извѣстію, что сообщеніе съ Николаевымъ предполагается во многомъ улучшить. Тѣмъ не менѣе, нельзя не указать на нѣкоторыя обстоятельства,

Digitized by Google

имѣющія существенное вліяніе на скорость движенія по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и которыя необходимо принять въ разсужденіе для составленія правильнаго понятія по этому предмету. Къ числу такихъ обстоятельствъ первѣе всего слѣдуетъ отнести: суровость климата, внезапность и преждевременность наступленія холодной и теплой погоды, а также — крайняя неопредѣленность измѣненій погоды. Чтобы показать именно, какимъ образомъ эти причины вліяютъ на скорость движенія поѣздовъ, я приведу нѣсколько примѣровъ. Внезапное прекращеніе телеграфнаго сообщенія, вслѣдствіе снѣговыхъ бурь въ октябрѣ, должно, весьма естественно, сопровождаться большими несчастіями на желѣзныхъ дорогахъ, если такія бури будутъ одновременно господствовать на огромномъ пространствѣ. При этомъ я долженъ признаться, что такое уничтоженіе телеграфныхъ столбовъ, которому я былъ свидѣтелемъ на линіи отъ Харькова до Москвы, и которое случилось въ то же время, какъ мнѣ сообщили, и по другимъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, невольно заставляетъ меня предполагать о непрочности устройства телеграфныхъ линій. Дѣйствительно, телеграфные столбы мнѣ показались слишкомъ длинными, тонкими, непрочно утвержденными въ землю, съ слабыми изоляторами, которые, какъ я могъ убѣдиться, ломались въ нѣкоторыхъ случаяхъ не отъ силы вѣтра, а отъ своей непрочности. Впрочемъ, для всего этого, быть можетъ, существуютъ свои разумныя причины, не сразу понятныя и объяснимыя случайному зрителю и критику,—тѣмъ болѣе, что мѣры предосторожности, принятыя въ другихъ случаяхъ, и относительно рѣдкія несчастія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, заставляютъ быть крайне осторожнымъ въ сужденіяхъ. Напримѣръ, по всей линіи московско-курской желѣзной дороги, около тѣхъ мѣстъ, которыя могли быть занесены снѣгомъ, я видѣлъ много рабочихъ, разставлявшихъ въ небольшомъ разстояніи по обѣ стороны отъ полотна дороги ряды шестовъ, съ тонкими приколоченными къ нимъ досками, для устройства рѣшетчатаго забора, чтобы задерживать мятель и не позволять снѣгу заваливать полотно дороги. Въ Англіи ничего подобнаго неизвѣстно, и такихъ искусственныхъ преградъ нѣтъ, но которыя здѣсь обходятся очень дорого и, конечно, не содѣйствуютъ увеличенію скорости поѣздовъ. Точно также чрезвычайно длинныя линіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ и малочисленность пассажирскихъ поѣздовъ, требуемыхъ для движенія, весьма увеличиваютъ важность значенія вопроса о поддержаніи правильной связи между различными линіями желѣзныхъ дорогъ. Если въ Англіи недостатокъ такой связи между желѣзными дорогами, происходящій отъ разныхъ причинъ, часто производитъ много хлопотъ и вызываетъ потерю времени для публики, то подобные недостатки связи будутъ невыносимы въ Россіи, гдѣ бываетъ только по одному или по два пассажирскихъ поѣзда въ день, и гдѣ пассажирамъ приходится совершать свои переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду. Очевидно, что при такихъ условіяхъ правильная связь между соотвѣтствующими линіями желѣзныхъ дорогъ можетъ быть обезпечена только назначеніемъ небольшой скорости движенія и опредѣленіемъ столь продолжительныхъ остановокъ на станціяхъ, какія немыслимы на нашихъ

Digitized by Google

дорогахъ. Кромѣ того, во время зимнихъ мятелей и снѣговыхъ бурь иногда случается, что на нѣкоторыхъ русскихъ дорогахъ прекращается на нѣсколько дней всякое движеніе, и тогда пассажиры находятъ себѣ единственное убѣжище на станціяхъ, которыя, поэтому, въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою прекрасныя, просторныя и удобныя зданія, съ хорошимъ буфетомъ и достаточнымъ числомъ стульевъ и скамеекъ. Если къ этимъ удобствамъ я присоединю хорошую теплоту и комфортъ въ вагонахъ, благодаря которымъ въ значительной степени облегчается утомленіе отъ продолжительныхъ переѣздовъ, то за все это будетъ трудно, какъ слѣдуетъ, отблагодарить администрацію главныхъ линій русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Чтобы окончательно проститься съ югомъ Россіи, мнѣ хочется прибавить еще нѣсколько замѣчаній ко всему, уже сказанному въ моихъ предыдущихъ письмахъ, касательно южнаго берега Крыма. Врядъ ли въ Англіи достаточно извѣстно, что на всемъ протяженіи, болѣе ста миль, крымскій берегъ представляетъ одну непрерывную, величественную и романтическую картину, вмѣщающую въ себѣ всю прелесть и нѣжность итальянскаго климата. Здѣсь природа очаровательна для всѣхъ, начиная отъ императорскаго двора и кончая самою скромною татарскою хижиною. Правда, что въ Ялтѣ было нѣсколько англійскихъ морскихъ офицеровъ и владѣльцевъ яхтъ, со своими спутницами, которые проѣхались по берегу западнѣе и восточнѣе Ялты и поднялись на горы, чтобы насладиться нѣкоторыми живописными видами. Бываетъ также, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ случайно посѣщаютъ новую гостинницу въ Ялтѣ, оттуда съѣздятъ къ западу до Ливадіи для осмотра дворцовъ, и къ востоку чрезъ Урзуфъ до Алушты, чтобы на обратномъ пути вечеромъ посмотрѣть на красивую ялтинскую бухту при лунномъ и звѣздномъ освѣщеніи. Кромѣ того, докторъ Россель былъ здѣсь тотчасъ послѣ крымской войны и, проѣхавшись чрезъ Байдарскую долину до южнаго берега Крыма, онъ, разумѣется, не могъ не подѣлиться съ вашими читателями самыми лучшими впечатлѣніями о красотѣ здѣшней природы. Но, къ несчастію, его путешествіе было совершено при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; его поѣздки прерывались многими препятствіями, и его замѣтки касались только части его пути, такъ что даже его краснорѣчивому перу не удалось познакомить читателей со всѣми прелестями этого очаровательнаго берега. Что же касается меня лично, то я не позволю себѣ взяться за такой трудъ и постараюсь только напомнить вамъ объ этомъ берегѣ, замѣчательномъ въ историческомъ, геологическомъ, этнологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Здѣсь греки, турки, генуэзцы и татары проводили свою жизнь въ теченіи многихъ вѣковъ и вездѣ оставили слѣды своихъ трудовъ, благодаря которымъ выстроились города и деревни, окруженные роскошною растительностью и высокими горами, начинающимися у морского берега и теряющимися своими вершинами въ облакахъ.

Петербургъ, 26-го октября.—Сегодня я былъ въ Кронштадтѣ, гдѣ мнѣ пришлось испытать дѣйствительно холодную, зимнюю погоду, которая только-что начала устанавливаться здѣсь. Въ бытность мою

Digitized by Google

въ Москвѣ, какъ я писалъ вамъ, тамъ уже стояла зима; но по выѣздѣ изъ Москвы и по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, погода дѣлалась теплѣе, началъ таять снѣгъ, и въ теченіи двухъ-дневнаго пребыванія въ Петербургѣ, хотя воздухъ былъ очень холодный и даже рѣзкій, но до сегодняшняго утра никто не могъ сказать, что мы наканунѣ настоящей сѣверной зимы. Правда, что уже за нѣсколько дней здѣсь опасались большихъ холодовъ, и одинъ изъ негоціантовъ, отправляющій большіе грузы въ Англію и съ которымъ мнѣ пришлось говорить, очень безпокоился, чтобы навигація на Невѣ не закрылась преждевременно. Вчера, предполагая сдѣлать на слѣдующій день поѣздку по Невѣ, мы всѣ опасались, что ледъ помѣшаетъ исполненію нашего намѣренія. Сегодня утромъ, по прибытіи на набережную Невы для отправленія въ Кронштадтъ, я узналъ, что получена телеграмма съ извѣстіемъ о начавшемся движеніи льда изъ Ладожскаго озера въ Неву.

Цѣль моего посѣщенія Кронштадта состояла въ томъ, чтобы осмотрѣть броненосный корабль „Петръ Великій“, окончательное изготовленіе котораго значительно замедлилось, и даже на послѣдній морской смотръ въ Кронштадтѣ онъ вышелъ съ временными деревянными башнями, вмѣсто настоящихъ. Мнѣ не хотѣлось бы брать на себя трудъ перечислять всѣ причины такой медленности работъ на этомъ кораблѣ, но я только замѣчу, что, во-первыхъ, судно съ броневыми плитами для „Петра Великаго“ погибло вмѣстѣ съ грузомъ, и во-вторыхъ, изготовленіе нѣкоторыхъ сортовъ желѣза, прокатку которыхъ взялъ на себя колпинскій заводъ, было отложено до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончены предпринятыя передѣлки по расширенію этого завода. Мнѣ также извѣстно, что работы на „Петрѣ Великомъ“ были нарочно замедлены, вслѣдствіе настоятельной необходимости ускорить постройку броненосныхъ крейсеровъ „Герцогъ Эдинбургскій“, „Генералъ-адмиралъ“, „Мининъ“ и главнѣе всего, чтобы окончить вторую поповку въ Николаевѣ. Само собою разумѣется, что было бы неблагоразумно и несправедливо осуждать кого-либо за подобное распоряженіе, тѣмъ болѣе, что даже въ настоящее время въ одной Англіи еще только строются броненосцы одинаковой силы съ „Петромъ Великимъ“, и мнѣ достовѣрно извѣстно, что за оживленіе дѣятельности и за ускореніе работъ на нашихъ строющихся теперь сильныхъ броненосцахъ мы обязаны тѣмъ самымъ замѣткамъ о „Петрѣ Великомъ“, которыя были напечатаны въ „Times“ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ настоящее же время „Петръ Великій“ совершенно готовъ почти по всѣмъ частямъ, исключая башенъ, да и тѣ быстро приближаются къ окончанію. Кромѣ того, къ этому надо еще прибавить, что заложенный тогда при мнѣ первый круглый броненосецъ построенъ почти въ два года, а второй круглый броненосецъ, съ 18-ти-дюймовою бронею, уже спущенъ на воду. Хотя намъ извѣстно, что Россія не можетъ расходовать большихъ суммъ на свой флотъ и что сумма необходимыхъ расходовъ ограничивается здѣсь даже болѣе чѣмъ у насъ, но тѣмъ не менѣе я нахожу, что постройка „Петра Великаго“, броненосныхъ крейсеровъ и поповокъ заслуживаетъ большого и серьёзнаго вниманія съ нашей стороны. Но я не буду долѣе останавливаться на

Digitized by Google

этомъ предметѣ и ничего больше не прибавлю къ тому, что я уже сообщилъ о своемъ посѣщеніи Кронштадта. Теперь мнѣ хотѣлось бы посвятить нѣсколько словъ еще двумъ слѣдующимъ предметамъ. Во-первыхъ, намъ приходится время отъ времени слышать довольно много объ императорѣ Петрѣ Великомъ, и Петербургъ, гдѣ я пишу это письмо, дѣйствительно представляетъ собою огромный и чудесный памятникъ величія его ума. Въ Кронштадтѣ же мы находимъ воплощеніе другихъ его идей, которыя не менѣе изумительны во многихъ отношеніяхъ вообще и съ моей точки зрѣнія въ частности. Мы обыкновенно гордимся и хвалимся постройкою въ новѣйшее время большихъ каменныхъ доковъ, въ которыхъ могутъ помѣщаться самыя громадныя паровыя суда; но Петръ Великій почти двумя столѣтіями предупредилъ насъ постройкою въ Кронштадтѣ сухого дока, который, благодаря своимъ размѣрамъ по длинѣ, ширинѣ и глубинѣ, можетъ одновременно помѣстить въ себѣ отъ шести до восьми самыхъ большихъ паровыхъ судовъ, какія только существуютъ теперь въ купеческомъ или военномъ флотѣ! Часть этого дока, длиною 1000 футъ, отдѣлена батопортомъ и воротами отъ всего остального дока, и была приготовлена для ввода въ нее трехъ судовъ, которыя будутъ поставлены въ кильватеръ одно къ другому; въ этой же части дока корабль „Петръ Великій“ обшивался бронею. Вообще, для насъ очень полезно по временамъ наблюдать, что дѣлается въ другихъ государствахъ въ любимой нами области морскихъ предпріятій. Во-вторыхъ, я хочу указать на другой, наиболѣе заинтересовавшій меня предметъ въ Кронштадтѣ, а именно: великолѣпный морской клубъ, въ которомъ также помѣщаются музей и библіотека. Клубъ этотъ отчасти поддерживается правительствомъ, и хотя я не защитникъ казенныхъ расходовъ на такіе предметы, какъ клубы и библіотеки, но въ подобныхъ портахъ, какъ Кронштадтъ, гдѣ большинство морскихъ офицеровъ должно жить почти безъ всякихъ посторонннихъ удовольствій и развлеченій, матеріальная поддержка названныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы существованіе ихъ было хорошо и экономически обезпечено, чрезвычайно полезна для морской службы. Правда, что мы много сдѣлали для устройства хорошихъ помѣщеній и для улучшенія быта какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ; но, судя по тому, что я здѣсь самъ видѣлъ и слышалъ о кронштадтскомъ морскомъ клубѣ въ хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ, мы можемъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, позаимствоваться многими полезными правилами и порядками.

27-го октября. — Закончу свои письма краткимъ упоминаніемъ еще нѣсколькихъ фактовъ по поводу всего видѣннаго мною здѣсь, въ Петербургѣ и особенно касательно морскихъ дѣлъ. О дѣятельности и различныхъ предпріятіяхъ, существующихъ здѣсь по морскому дѣлу, читатель можетъ судить, напримѣръ, изъ того, что сегодня я долженъ былъ раздѣлить свое время на присутствіе при паровыхъ испытаніяхъ чрезвычайно быстраго, небольшого винтового баркаса и при парусныхъ испытаніяхъ круглой яхточки. Большинству, вѣроятно, приходилось если не видѣть, то слышать о небольшихъ па-

Digitized by Google

ровыхъ, рѣчныхъ и быстроходныхъ яхточкахъ, впервые введенныхъ въ употребленіе съ такимъ искусствомъ, находчивостью и успѣхомъ г. Торнейкрофтомъ. Его Высочество, Наслѣдникъ Цесаревичъ пріобрѣлъ одну такую яхточку, которая и была благополучно доставлена въ Петербургъ. Здѣсь эта яхточка доставила прекрасный случай г. Берду (владѣльцу большого механическаго и судостроительнаго завода) показать, что можно сдѣлать въ Россіи въ такомъ же родѣ, и вотъ сегодня мнѣ удалось посѣтить яхточку или небольшой паровой баркасъ, построенный на заводѣ г. Берда. Баркасъ этотъ выстроенъ изъ тонкихъ мѣдныхъ листовъ и снабженъ совокупною (compound) машинкою, изготовленною по чертежу г. Скотта Росселя, управляющаго заводомъ г. Берда. Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что баркасъ этотъ оказался удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что скоростью своего хода онъ даже превзошелъ англійскіе образцы. Во время сегодняшнаго плаванія онъ, вѣроятно, имѣлъ скорость 18 миль въ часъ, несмотря на не вполнѣ благопріятныя условія нашей прогулки. До прибытія шлюпки г. Торнейкрофта въ Россію, говорили, что она въ Англіи ходила съ бо́льшею скоростью, чѣмъ яхточка г. Берда, но когда онѣ были подвергнуты здѣсь одновременному испытанію, яхточка г. Берда оказалась лучшимъ ходокомъ. Дѣйствительно, какъ образецъ чрезвычайно легкой и быстроходной рѣчной шлюпки, на которой можно нѣсколько человѣкъ быстро перевезти съ одного мѣста на другое, эта яхточка дѣлаетъ большую честь г. Берду.

Не меньшей похвалы, но уже по совершенно другой причинѣ, заслуживаетъ крайне любопытная, небольшая, круглая, парусная яхточка, діаметромъ въ 20 футъ, надъ которой мнѣ удалось произвести нѣсколько интересныхъ парусныхъ испытаній. Эта яхточка построена однимъ молодымъ морскимъ офицеромъ, съ тою цѣлью, чтобы показать, что круглая форма отнюдь не препятствуетъ развитію большой скорости, какъ многіе полагаютъ. Она вооружена тендеромъ, съ одной огромной мачтой, и обладаетъ подъ парусами не только большою скоростью, но безпримѣрною способностью слушаться руля и ворочаться оверъ-штагомъ и черезъ фордевиндъ. Будучи совершенно круглою и обладая огромною остойчивостью, она имѣетъ палубу на подобіе Бермудскихъ ботовъ и можетъ носить, почти безъ крена, свою весьма значительную парусность. Эта круглая яхточка неопровержимо доказываетъ, что *круглая* форма нисколько не мѣшаетъ развитію большой скорости хода и прекраснымъ морскимъ качествамъ. Очевидно, что, подобно всему видѣнному мною въ Россіи въ связи съ круглыми судами, эта яхточка должна значительно потревожить старые предразсудки и научить многому даже тѣхъ, которые считаютъ себя многознающими.

Во время моего пребыванія въ Россіи, мнѣ неоднократно представлялись удобные случаи встрѣчаться и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ передовыхъ людей и съ министрами, отъ которыхъ я узналъ очень многое касательно управленія и внутренняго строя русскаго государства. Такъ какъ обстоятельства, въ которыхъ я находился, не оставляли мнѣ времени, чтобы сообщить вамъ свои взгляды или мнѣнія, составленные мною по этимъ предметамъ, то

Digitized by Google

я невольно долженъ былъ ограничиваться въ своихъ письмахъ болѣе обыкновенными или извѣстными темами. Даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ мнѣ приходилось писать торопясь и урывками, что вѣроятно будетъ принято во вниманіе вашими благосклонными читателями. Тѣмъ не менѣе, я могу надѣяться, что въ моихъ письмахъ сообщены нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ этой, конечно, самой любопытной странѣ. Что же касается круглыхъ броненосцевъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что сообщенные мною факты и разсужденія заслуживаютъ тщательнаго вниманія. Точно также вѣроятно никто не будетъ отрицать огромнаго значенія круглыхъ броненосцевъ для главной цѣли первоначальной ихъ постройки, а именно: для защиты Азовскаго моря и устьевъ днѣпровскаго лимана, и равнымъ образомъ никто не выразитъ сомнѣнія въ полномъ ихъ успѣхѣ въ этомъ отношеніи. Что касается меня лично, то я нимало не сомнѣваюсь въ такомъ же огромномъ значеніи этихъ судовъ для болѣе обширнаго поля дѣятельности, а также, что они могутъ быть быстроходными и будутъ обладать хорошими морскими качествами. Вотъ, въ смыслѣ этихъ-то послѣднихъ условій намъ придется увидѣть новый и могущественный типъ судна, качества котораго мы должны обсудить внимательно и строго. Хотя мнѣ хорошо извѣстно, что все сказанное мною въ пользу этихъ судовъ будетъ считаться преувеличеннымъ и не будетъ надлежащимъ образомъ понято, но я тѣмъ не менѣе надѣюсь, что мнѣ удалось обезпечить для этого предмета то вниманіе, котораго заслуживаетъ въ нашей странѣ каждый серьёзный вопросъ по морскому дѣлу.

Z.

НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

L'opposition sous les Césars, par Gaston Boissier. Paris. 1875.

Pro nihilo. Vorgeschichte des Arnim'schen Processes. Erstes Heft. Zürich. 1876.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, ежедневно проявляющемъ упадокъ прежнихъ политическихъ и общественныхъ стремленій и вѣрованій, которыя не дальше какъ сто, даже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ еще двигали цѣлые народы,—при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, говоримъ мы, трудно подойти близко къ исторіи древней римской имперіи безъ неотвязчивой мысли о возможности найти въ этой исторіи общія черты съ европейской современностью. Эта мысль прокрадывается къ вамъ незамѣтно, помимо вашей воли; вы совсѣмъ не рады ей, она пугаетъ васъ въ виду тѣхъ ужасающихъ образовъ, въ которыхъ олицетворилось для васъ глубокое нрав-

Digitized by Google

ственное паденіе древняго міра, вы гоните ее отъ себя, какъ нѣчто зловѣщее и способное окончательно придавить современнаго человѣка. И однако же эта мысль не покидаетъ васъ, и вы не можете не позавидовать тому автору, который, занимаясь исторіей римской имперіи, не испыталъ ея томительнаго вліянія. Въ такомъ завидномъ положеніи находится, между прочимъ, авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ",— историческаго изслѣдованія, въ основаніи котораго положено самостоятельное изученіе источниковъ и литературы предмета. Французская критика вмѣняетъ автору въ особенную заслугу то, что его изслѣдованіе чуждо всякаго отношенія къ современности, что онъ не послѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру своихъ предшественниковъ: Ампера („Histoire romaine à Rome") и Бёле („les Césars"). Нравственное спокойствіе автора тѣмъ болѣе завидно, что собственное его отечество уже пережило двухъ цезарей къ тому времени, когда онъ началъ свой интересный трудъ, и переживаетъ теперь мизернѣйшую изъ республикъ. Постараемся же и мы обойтись безъ поспѣшныхъ и пессимистическихъ сближеній.

Въ древнемъ Римѣ замѣна республики имперіей была результатомъ продолжительнаго и естественнаго историческаго процесса; она произошла тогда, когда прежнія формы государственной, общественной и частной жизни до того изжили все свое содержаніе, что окончательное водвореніе имперіи стало естественной необходимостью. Все склонялось раболѣпно передъ новой силой, которая казалась единственно способною дать міру спокойствіе, поддержать громадное римское государство и замѣнить собою прежнюю, теперь утраченную народную энергію. Великій городъ, бывшій прежде правителемъ цѣлаго міра, вырождался теперь въ олигархію, а представительство въ нынѣшнемъ европейскомъ смыслѣ было неизвѣстно древнимъ. Оставался одинъ выходъ — въ имперію, и римскій народъ волновался и бушевалъ уже не для того, чтобы сохранить свою власть и вліяніе на публичныя дѣла, а съ цѣлью склонить Августа принять диктатуру. Самая сила вещей выдвигала диктатуру на первый планъ, возлагая на нее призваніе охранять громадную имперію. Такой переворотъ, разумѣется, не могъ не вызвать нѣкоторой критики въ иныхъ слояхъ общества. Воспоминанія о прошломъ величіи Рима и его свободѣ были еще живы; но вопросъ въ томъ, какъ сильна была эта критика, и гдѣ она проявлялась. Составляла ли оппозиція партію, имѣющую свои принципы, свою программу и свои интересы, указывающую путь и цѣли народу, передъ которымъ впереди еще цѣлая историческая будущность; имѣли ли цезари серьёзное основаніе страшиться за новый порядокъ вещей и за свою власть—вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ", и на ко-

Digitized by Google

торые мы должны вмѣстѣ съ нимъ отвѣтить отрицательно. Ничего похожаго на оппозицію не находитъ онъ въ арміи, которая со времени Августа сдѣлалась постоянною и имѣла въ рядахъ своихъ уже не гражданъ, а солдатъ по ремеслу, хорошо обезпеченныхъ въ своихъ насущныхъ интересахъ, порвавшихъ связь съ народной средой и остававшихся на службѣ двадцать-пять лѣтъ и долѣе; онъ не находитъ ея и въ провинціяхъ, которыхъ положеніе улучшилось противъ прежняго при цезаряхъ. Сенатъ, принявшій въ послѣднія времена республики характеръ олигархіи, уже не могъ теперь смотрѣть сквозь пальцы на вопіющія злоупотребленія своихъ проконсуловъ. Республиканская аристократія въ Римѣ, привыкшая пріобрѣтать почести и вліяніе посредствомъ несмѣтныхъ богатствъ и расточительности, относилась прежде къ провинціямъ какъ къ лучшему источнику своего обогащенія; ея проконсулы могли обирать провинціи безъ всякой опасности для самихъ себя: отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ они давали только своимъ сообщникамъ въ сенатѣ, изъ которыхъ многіе дѣлали прежде то же самое. И вотъ, на эту аристократію явился бичъ въ лицѣ цезаря, новая сила, передъ которой всѣ были равны и которая не замедлила придавить сенатъ и его проконсуловъ. Правительственная власть послѣднихъ была ограничена: въ важныхъ дѣлахъ они должны были испрашивать разрѣшенія цезаря, который могъ смѣнять ихъ однимъ почеркомъ пера; рядомъ съ правительственною властью проконсуловъ, цезари терпѣли въ провинціальныхъ городахъ довольно широкое самоуправленіе. Муниципіи сами избирали своихъ правителей. Римляне въ шутку называли муниципальные выборы бурей въ стаканѣ воды, fluctus in simpulo; но сами города относились къ нимъ иначе. Мѣстныя честолюбія разыгрывались при этихъ выборахъ съ замѣчательною силой, не оставлявшей мѣста ни для какой серьёзной политической оппозиціи. Кандидаты не жалѣли расходовъ для достиженія цѣли, и „гонораръ“ имѣлъ тогда совсѣмъ не то значеніе, какое дано этому слову у новыхъ народовъ. Въ то время „гонораромъ“ была та сумма, которую долженъ былъ израсходовать избранный городской администраторъ, эдилъ или дуумвиръ, за оказанную ему честь. Наименѣе богатые изъ выборныхъ лицъ, въ самыхъ бѣдныхъ муниципіяхъ, угощали избирателей виномъ и печеньями. Съ утра до вечера бѣдные имѣли право лакомиться на счетъ эдила или дуумвира. Декуріоны, такъ сказать гласные городскихъ думъ, получали большое угощеніе. Избранный приглашалъ ихъ на публичный пиръ; приглашеніе это распространялось иногда на весь народъ, а въ концѣ пира обѣдавшимъ раздавались деньги. Эдили и дуумвиры должны были устраивать на свой счетъ всякія публичныя игры: бѣги, бой атлетовъ и гладіаторовъ и пр. Но

Digitized by Google

и этихъ расходовъ было мало, если избранный желалъ затмить своихъ соперниковъ и вполнѣ удовлетворить избирателей. Народъ требовалъ, чтобы онъ не ограничивался обѣдами и зрѣлищами, а предпринималъ на свой счетъ общественныя работы въ пользу города. Города покрылись, такимъ образомъ, богатыми зданіями и памятниками, которые какъ будто ничего не стоили ни государственной, ни городской казнѣ. Нѣкоторые просто разорялись на выборныхъ муниципальныхъ должностяхъ. И при всемъ томъ, между людьми, которыхъ они кормили и забавляли и для которыхъ предпринимали общественныя работы, всегда бывали недовольные. Многіе имѣли безцеремонность сравнивать щедрость нынѣшняго эдиля или дуумвира съ щедростью его предшественника. Многіе находили, что вино и печенья новаго администратора не довольно вкусны, что число гладіаторовъ не довольно велико, что возводимые имъ зданія и монументы не довольно великолѣпны. Но страсть занимать первое мѣсто въ городѣ была такъ сильна у многихъ въ большихъ и небольшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ городахъ, что люди стремились занять его во что бы то ни стало. Къ этой страсти присоединялись, вѣроятно, еще и другія побужденія. Ссылаясь на сатиры Петронія, авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ“ находитъ недовольство горожанъ капризнымъ и вздорнымъ; но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ въ этомъ случаѣ. На одной надписи, содержащей имя умбрійскаго выборнаго городского чиновника, вырѣзаны другой рукой слова: „онъ плутъ“. Едва ли можно съ достаточнымъ основаніемъ считать теперь, что подобная приписка непремѣнно вызвана одною только наглостью горожанъ, какъ и направленныя противъ эдилей и дуумвировъ обвиненія въ дороговизнѣ хлѣба, въ стачкахъ съ монополистами. Расходуясь и разоряясь на выборы и на усиленіе своего вліянія въ городѣ, эдили и дуумвиры могли вознаграждать себя этими путями за понесенные убытки. Во всякомъ случаѣ, въ провинціяхъ, при такомъ порядкѣ, дѣйствительно не оказывалось почвы и данныхъ для оппозиціи противъ имперіи. Провинціи прежде никогда не пользовались тѣми правами, которыя перешли отъ римскаго народа къ цезарю. Даже римскимъ гражданамъ, жившимъ внѣ Рима, не трудно было утѣшиться по уничтоженіи комедій на Марсовомъ полѣ, въ которыхъ они не могли участвовать. Республика не давала провинціямъ никакого участія въ центральной власти, и онѣ отнеслись равнодушно къ ея паденію. Онѣ, напротивъ, охотно воздвигали статуи и храмы въ честь живыхъ и умершихъ цезарей, власть которыхъ обезпечивала имъ спокойное пользованіе муниципальными правами. Какому-нибудь городу Галліи или Испаніи не приходилось терпѣть отъ безчинствъ, совершаемыхъ цезарями въ Римѣ; до нихъ могли доходить

Digitized by Google

только смутные слухи объ этихъ безумствахъ, ни мало не нарушавшихъ обычнаго теченія мѣстной жизни. Римская цивилизація уже втянула города въ свой заколдованный кругъ, и они, естественно, подчинялись ея объединяющему вліянію.

Не только въ арміи и въ провинціяхъ, но и въ самомъ Римѣ нигдѣ не видно систематической, послѣдовательной и дѣятельной республиканской оппозиціи противъ цезарей, которая преслѣдовала бы опредѣленныя цѣли общаго освобожденія. Всѣмъ цезарямъ, какъ самымъ дурнымъ, такъ и самымъ лучшимъ, воздаются въ Римѣ одинаковыя почести. Сенатъ расточаетъ имъ льстивыя хвалы; жрецы усердно примѣшиваютъ ихъ имена къ общественнымъ молитвамъ; въ отсутствіи цезаря, всюду возносятся жертвенники „фортунѣ возвращенія"; когда онъ боленъ, всѣ возносятъ мольбы къ Эскулапу объ его выздоровленіи; въ циркѣ и въ театрѣ цезарей радостно привѣтствуетъ народъ, который они кормятъ и забавляютъ; знаменитѣйшіе граждане толпятся у палатинскаго дворца, чтобы привѣтствовать ихъ пробужденіе. Всюду возводятся цезарямъ статуи и тріумфальныя арки; мѣсяцы получаютъ ихъ имена; на оборотной сторонѣ ихъ монетъ помѣщается изображеніе общественнаго Счастія. Лучшіе поэты осыпаютъ ихъ преувеличенными хвалами. Виргилій, заживо помѣщая Августа между созвѣздіями, объясняетъ, что Скорпіонъ уже спѣшитъ потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому свѣтилу. Луканъ совѣтуетъ Нерону занять мѣсто въ самой серединѣ неба, когда онъ сдѣлается богомъ, чтобъ не нарушить равновѣсія міра. Марціалъ безъ иронія задается вопросомъ, былъ ли Римъ когда-нибудь болѣе славенъ и свободенъ, чѣмъ при Домиціанѣ.

Подобныя заявленія общаго униженія не исключали, конечно, скрытыхъ проявленій неудовольствія; но неудовольствіе, вызванное новымъ порядкомъ вещей, было совершенно особаго рода. Оно всего менѣе походило на оппозицію въ томъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ она обыкновенно понимается. Въ своемъ глубокомъ нравственномъ безсиліи, недовольная часть римскаго общества не имѣла противопоставить настоящему порядку вещей никакого иного; всѣ, даже самые недовольные, склонялись передъ диктатурой, какъ благотворною необходимостью, и ограничивались только предпочтеніемъ хорошихъ цезарей дурнымъ. Никакой другой оппозиціи, кромѣ личной и свѣтской, такъ сказать, придворной, цезари собственно не встрѣчали въ своей правительственной дѣятельности. Ихъ власть нигдѣ не наталкивалась на противоположные и враждебные ей принципы и интересы. Самый характеръ этой власти отчасти обусловливалъ безцвѣтность и безсиліе встрѣчаемой ею оппозиціи. Ея предѣлы никогда не были опредѣлены никакимъ закономъ; съ самаго начала она была

Digitized by Google

ограничена только нравами, да проницательнымъ и злымъ на языкъ общественнымъ мнѣніемъ, которое, утративъ способность къ энергическому и доблестному контролю надъ общественными дѣлами, сохранило способность къ насмѣшкѣ и пересудамъ. Въ одинъ прекрасный день имперія вошла въ республику, какъ остроумно выражается Сенека; но она не заявила при этомъ, какую долю власти она отводитъ себѣ и какую оставляетъ прежнимъ учрежденіямъ. Прежнія власти, сохранившіяся номинально и при имперіи, не знали, какъ далеко простираются ихъ полномочія. Августъ любилъ увѣрять, что власть его не превышаетъ власти другихъ сановниковъ республики, что ему принадлежитъ только нѣчто въ родѣ нравственнаго авторитета (dignitas) надъ ними. Отсюда безсиліе прежнихъ учрежденій, совершенно парализованныхъ неопредѣленностью новаго, и та глубокая недовѣрчивость, съ которою цезари, сохраняя эти учрежденія только по имени, относились къ малѣйшему проявленію самостоятельности съ ихъ стороны; цезари постоянно опасались, что эта терпимость ихъ можетъ быть принята за чистую монету. Новая власть, неувѣренная въ себѣ и всего боявшаяся, дѣлалась жестокою при каждомъ подобномъ подозрѣніи. Страхъ деспотической власти всегда дѣлаетъ ее свирѣпой.

Этому постоянно встревоженному и неувѣренному въ себѣ деспотизму соотвѣтствовала въ Римѣ нерѣшительная и затаенная оппозиція, болѣе склонная къ пересудамъ, чѣмъ къ дѣятельности, неустойчивая и безпринципная. Оппозиція эта исходила не изъ политическихъ учрежденій, не отъ сената и не отъ народа. Она исходила изъ той среды, которую въ наше время называютъ „свѣтомъ“, и о которой, по разсказу Тацита, Тиверій отозвался однажды, что ему извѣстно, гдѣ находятся недовольные, что о правительствѣ злословятъ „за обѣдами и въ кружкахъ“ — in conviviis et in circulis. Эти два слова въ такомъ же смыслѣ встрѣчаются у римскихъ писателей. Цицеронъ разсказываетъ, что въ эпоху перваго тріумвирата, когда союзъ демократіи съ военной диктатурой передалъ власть въ руки нѣсколькихъ честолюбцевъ, площадь оставалась безгласною, и честные люди дерзали говорить только въ „кружкахъ и за обѣдомъ“. Знаменитый ораторъ былъ очень недоволенъ этой робкой оппозиціей; онъ зналъ ея безсиліе и сожалѣлъ, что дѣла не обсуждались открыто на форумѣ, гдѣ граждане, вмѣсто того, чтобъ вздыхать въ четырехъ стѣнахъ, съ трибуны могли бы указывать народу враговъ государства. Но подобныя вспышки негодованія были бы уже несвоевременны при цезаряхъ. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣли обѣды въ римской жизни; „кружки“ были не что иное, какъ группа гуляющихъ, которые останавливались или садились на улицахъ подъ открытымъ

Digitized by Google

небомъ, чтобы поговорить между собою. Эти бесѣды были, правда, не безопасны: шпіоны и доносчики, игравшіе тогда большую роль и обогащавшіеся на счетъ своихъ жертвъ, могли подслушать разговоръ и передать его куда слѣдуетъ. Но произнесенное кѣмъ-нибудь и подслушанное доносчикомъ слово недовольства еще не составляетъ оппозиціи. За обѣдомъ и въ кружкахъ могли быть разсказываемы забавные анекдоты про цезаря, могли раздаваться насмѣшки и читаться сатирическія стихотворенія; но все это еще меньше походило на дѣйствительную и дѣятельную оппозицію, чѣмъ то, что говорилось во время перваго тріумвирата и что казалось Цицерону лишь робкимъ и жалкимъ противодѣйствіемъ насилію. Остроуміе и насмѣшки оставались единственнымъ оружіемъ въ рукахъ римскаго общества при цезаряхъ. Они были необходимою принадлежностью изящнаго свѣтскаго общества; они замѣняли ему публичную дѣятельность, отъ которой оно уже отстало. Остроумные люди большого свѣта, въ которомъ въ то время видная роль принадлежала и женщинамъ, не могли принимать за чистую монету всѣ тѣ комедіи, которыя разыгрывались тогда въ сенатѣ; безмѣрная лесть, расточаемая передъ цезаремъ, вызывала ихъ улыбку; имъ было трудно относиться не скептически къ обоготворенію умершаго или живущаго еще цезаря. Шутки этого рода были опасны; при случаѣ можно было дорого поплатиться за иную остроту; но легкое и блестящее общество того времени такъ дорожило удачною шуткой, что пренебрегало для нея серьёзной опасностью. „Я не могу чувствовать никакой жалости къ людямъ, которые готовы лучше потерять голову, чѣмъ затаить красное словцо", говорилъ Сенека (отецъ) объ этомъ свѣтскомъ обществѣ. Люди вознаграждали себя такимъ образомъ за горькую чашу, которую имъ только-что пришлось выпить въ сенатѣ, гдѣ надо было одобрительно улыбаться сторонникамъ цезаря и рукоплескать хваламъ, которыми они его осыпали. Человѣкъ выходилъ изъ сената недовольный собой и другими, съ досадой въ сердцѣ, и изливалъ ее въ небольшомъ обществѣ друзей, на честность которыхъ могъ положиться. Авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ" подробно характеризуетъ эту праздную свѣтскую оппозицію, единственную, какую знала власть цезарей; она то затихала, то вновь оживала, и никогда не прекращалась надолго во все время имперіи. Гибкость и постоянство составляли всю ея силу. Она проявляла свое существованіе то въ памфлетѣ,—напримѣръ, въ одномъ изъ тѣмъ сатирическихъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ умершій свободно высказывалъ все, что онъ думалъ о живыхъ,—то въ ѣдкихъ стихахъ, которые сначала переходили изъ устъ въ уста по секрету, а потомъ вдругъ появлялись на стѣнахъ форума, начертанные неизвѣстною рукой. „Тиверій презираетъ вино съ тѣхъ поръ какъ жа-

Digitized by Google

ждетъ крови; теперь онъ пьетъ кровь, какъ прежде пилъ вино",— вотъ что говорилось въ этой потаенной свѣтской литературѣ. Когда прямыя нападенія дѣлались невозможными въ виду усиленной бдительности доносчиковъ, и становилось уже очень опаснымъ распространять стихи или памфлеты, недовольные большого свѣта находили въ древнихъ и новыхъ сочиненіяхъ такія вещи, которыя болѣе или менѣе подходили къ настоящему порядку въ Римѣ. Эта литература намековъ также обращалась преимущественно къ свѣтскимъ людямъ; ея главнымъ театромъ были публичныя чтенія, прекрасную характеристику которыхъ читатель найдетъ въ книгѣ Буасье. Для насъ теперь важенъ только общій характеръ анализируемой авторомъ оппозиціи. Вопреки увѣреніямъ расплодившихся тогда доносчиковъ, она не имѣла ни опредѣленныхъ руководящихъ началъ, ни положительныхъ цѣлей. Тѣ, которые много говорили и подчасъ острили насчетъ цезарей въ большомъ свѣтѣ, всего менѣе походили на опасныхъ противниковъ. У нихъ не было никакого опредѣленнаго плана, они не входили между собою ни въ какія соглашенія, не составляли ничего похожаго на партію. Вмѣстѣ съ авторомъ мы, конечно, не сомнѣваемся, что въ Римѣ и при цезаряхъ еще были честные люди, но трудно не согласиться съ нимъ, что они были очень рѣдки и предпочитали не высказываться въ обществѣ. Эти рѣдкіе люди, какъ видно изъ другихъ явленій тогдашней жизни и литературы, могли смотрѣть лишь назадъ, а не впередъ; только въ прошедшемъ могли они находить и почерпать свои идеалы, и вліяніе этихъ людей на современниковъ было вполнѣ ничтожно. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ римской литературы временъ цезарей мы напрасно стали бы искать прямыхъ слѣдовъ того, что можно было бы назвать тогдашнимъ романтизмомъ. Та отрасль литературы, которую мы теперь называемъ „изящной словесностью", или превозносила цезарей, какъ великое благо, или не имѣла другихъ идеаловъ, кромѣ того же цезаризма, исправленнаго и дополненнаго въ иномъ изданіи. Еслибъ въ тогдашнемъ обществѣ существовали какія-нибудь иныя, лучшія стремленія; еслибъ оно не удовлетворялось одною только насмѣшкой; еслибъ оно подготовляло прочныя начала общественнаго устройства, то эти стремленія нигдѣ не могли бы проявиться съ бо́льшей полнотой, чѣмъ въ литературѣ. Но именно тогдашняя литература не представляетъ ни одной подобной попытки. Съ наибо́льшею недовѣрчивостью относились цезари къ философіи и философамъ, и дѣйствительно философія, по своему общему, всеобъемлющему характеру, имѣла въ древности большое вліяніе на умы и на литературу. Цезари смотрѣли на философовъ, какъ на истинныхъ враговъ имперіи, и гоненіе на нихъ, начавшееся при Тиверіи, не прекращалось до

Digitized by Google

Антониновъ. Противъ нихъ часто „принимались мѣры"; при Неронѣ, Веспасіанѣ и Домиціанѣ они были даже изгоняемы изъ Рима и Италіи. Но это совсѣмъ не значитъ, чтобы они были двигателями дѣятельной оппозиціи. Доносчики, правда, говорили о стоикахъ, что „эта секта плодитъ лишь интригановъ и мятежниковъ", но одинъ изъ этихъ „мятежниковъ", Сенека, тогда же показалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, какъ ошибочно подобное мнѣніе. Онъ называетъ философовъ безмятежнѣйшими изъ людей, которымъ всего болѣе нужно общественное спокойствіе, чтобы достигать высшей мудрости, и которые признательны виновнику этого спокойствія, т.-е. цезарю. Самъ Сенека во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій высказываетъ вовсе не республиканскія убѣжденія. Имперія при справедливомъ цезарѣ представлялась ему наилучшимъ правительствомъ; онъ сознавалъ, что нельзя возвратиться къ прежней республикѣ, утративъ прежніе нравы; онъ признаетъ власть цезарей необходимой для спасенія Рима. Того же мнѣнія были и другіе извѣстные мыслители того времени. Но ихъ не понимали цезари. Для цезарей довольно было того, что философы или совсѣмъ не ходили въ сенатъ, какъ скоро не могли съ честью участвовать въ его засѣданіяхъ, или ходили въ сенатъ и тамъ молчали; но именно право молчать и не желали оставить имъ цезари. Значеніе ихъ оппозиціи было такимъ образомъ до крайности преувеличено, и самый принципъ ея совершенно искаженъ. Философы, конечно, не любили дурныхъ цезарей, но предметомъ ихъ ненависти были пороки, а не власть цезарей. Они, къ тому же, относились съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ дѣламъ міра сего; предвѣстники христіанства, они уже приписывали душѣ способность создавать себѣ свою самостоятельную судьбу, независимо отъ всякихъ случайностей, способность быть счастливою въ нищетѣ и житейскихъ бѣдствіяхъ, и свободною въ оковахъ. Самые крайніе изъ нихъ даже желали гоненій для упражненія своей добродѣтели. Философы были собственно равнодушны къ существующему порядку, и въ принципѣ оппозиція ихъ была не политическая, а нравственная. Никакой серьёзной опасности не могли они причинить имперіи. Но моральная оппозиція ихъ была лично непріятна цезарямъ: она имѣла характеръ урока, наставленія, которыхъ не терпѣла ихъ власть на высотѣ своего положенія.

Но если философы были безвредны для цезарей, въ смыслѣ дѣятельной оппозиціи, то какую же оппозиціонную силу могла представлять остальная тогдашняя литература? Авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ", на основаніи источниковъ и новѣйшихъ изслѣдованій, подвергаетъ довольно подробному анализу сочиненія и ссылку Овидія и дѣятельность тѣхъ выдающихся литературныхъ талантовъ, произведенія которыхъ обыкновенно считаются оппозиціонными: Петронія, Лу-

Digitized by Google

кана, Тацита, Ювенала, и нигдѣ не находитъ сколько-нибудь твердой оппозиціи. Всѣ эти таланты въ самомъ корнѣ были подточены полнымъ разложеніемъ и упадкомъ прежнихъ общественныхъ идеаловъ, на смѣну которыхъ римская жизнь не выработывала ничего новаго. Эта нѣкогда плодотворная историческая почва, породившая великіе гражданскіе характеры древняго Рима, которыхъ энергіи достало на созданіе всесвѣтнаго государства, теперь совсѣмъ изсякла. Прежнія силы были потрачены на это трудное дѣло, и лучшіе умы, лучшіе таланты не знали теперь куда вести дальше эту, созданную ихъ предками, громаду. Личные интересы и цѣли и безъисходная ничтожность государственныхъ и общественныхъ стремленій даютъ себя чувствовать въ лучшихъ произведеніяхъ тогдашней литературы. Ни что такъ не придавливаетъ человѣка, его мысль, волю, характеръ, какъ смутное или ясное чувство нравственной безъисходности даннаго положенія. А что же могло быть безъисходнѣе дѣятельности на почвѣ безплодной, изжившей свои соки, для которой нѣтъ впереди будущности? Какъ бы ни была безотрадна окружающая насъ дѣйствительность, но наши нравственныя силы, нашъ характеръ еще могутъ быть спасены, если передъ нами, хотя въ смутныхъ очертаніяхъ, виднѣются вѣхи будущаго, и вы можете мыслить и работать въ этомъ направленіи. Но древній римлянинъ временъ имперіи не видѣлъ этихъ вѣхъ передъ собою. Отъ него былъ совсѣмъ заслоненъ горизонтъ будущаго, ему некуда было смотрѣть и идти впередъ, онъ могъ принадлежать только настоящему со всѣми его растлѣвающими характеръ особенностями.

Мы возьмемъ на выдержку одну изъ главъ „Оппозиціи“, посвященную ссылкѣ Овидія. Избираемъ именно эту главу, потому что ссылка Овидія относится къ самому началу имперіи, когда воспоминаніе о республикѣ было еще свѣжо въ римскомъ обществѣ. Самъ Августъ, въ началѣ своего правленія, считалъ еще нужнымъ относиться съ большою терпимостью къ недовольнымъ, и только подъ конецъ сталъ преслѣдовать ихъ. Ссылка Овидія относится ко второй половинѣ его правленія, и мы остановимся на этомъ любопытномъ и, къ сожалѣнію, еще очень темномъ событіи того времени. Причина ссылки до сихъ поръ не выяснена окончательно. Эдиктъ Августа, ссылающій поэта на дикое побережье Чернаго моря, вмѣнялъ ему въ вину только поэму „Искусство любить“ („Ars amandi“); но въ Римѣ было извѣстно, что причиной наказанія была не одна только „безнравственность“ сочиненій Овидія. Говорили, что вина поэта передъ цезаремъ была и болѣе крупная, и болѣе личная, но говорили это шепотомъ, и ни одинъ писатель древности не передалъ намъ, въ чемъ именно она состояла. Сочиненія самого Овидія остаются единственнымъ ис-

Digitized by Google

точникомъ, на основаніи котораго приходится выяснять это дѣло, и авторъ „Оппозиціи при цезаряхъ“ не безъ тонкости и остроумія пользуется ими для этой цѣли.

Прежде всего, Овидій не принадлежалъ къ числу политически-недовольныхъ. О немъ скорѣе можно сказать, что онъ любилъ свое время и былъ очарованъ имъ. Судьба благопріятствовала ему какъ нельзя болѣе. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ уже былъ знаменитостью въ Римѣ и наслаждался жизнію больше, чѣмъ это было нужно для его поэтической натуры. „Пусть другіе сожалѣютъ о прошломъ,—говоритъ онъ въ своемъ „Искусствѣ любить“:—я радуюсь, что родился въ нашъ вѣкъ; онъ отвѣчаетъ моимъ вкусамъ“ [1]). Поэтъ относится къ прошедшему Рима съ полуироническою улыбкой, и если Виргилій говоритъ, что въ его время миѳологическіе сюжеты износились, то Овидій освѣжилъ ихъ, придавъ имъ современную обстановку, окраску и содержаніе. Современники его были въ восторгѣ, они находили въ стихахъ Овидія, подъ миѳической оболочкой, свои нравы, понятія, страсти. „Это общество,—говоритъ Буасье, — принадлежало всецѣло настоящему, какъ и Овидій; оно не знало надоѣдливыхъ воспоминаній, всегда примѣшивающихъ немного горечи къ испытываемымъ наслажденіямъ. Вмѣсто общественныхъ дѣлъ, которыми оно уже совсѣмъ не занималось, оно бросилось на другія развлеченія. Интересъ жизни измѣнился. Онъ заключался уже не въ пріобрѣтеніи политическаго вліянія, не въ управленіи партіями, не въ возбужденіи народныхъ собраній, а въ возможности блестѣть въ лучшемъ обществѣ, занимать его репутаціей своего ума и шумомъ своихъ похожденій. Это были весьма занятые праздные люди, in otio negotiosi; тысячи тѣхъ важныхъ мелочей, изъ которыхъ слагается свѣтская жизнь, не оставляли имъ времени для сожалѣнія объ утраченной гражданской дѣятельности. Именно такими представляются мнѣ современники Овидія, когда я читаю его сочиненія. Я не рѣшился бы сказать, что это было счастливое время: въ счастіи, въ широкомъ смыслѣ слова, заключается также и то серьёзное удовольствіе, которое мы испытываемъ, чувствуя себя вполнѣ самостоятельными, независимыми и полными хозяевами нашихъ судебъ, а въ то время люди находились въ полной зависимости отъ одного человѣка; но то было время, вполнѣ довольное собой“. Такое общество, какъ нельзя больше, отвѣчало природѣ Овидія, и онъ занималъ въ немъ блестящее положеніе. Любовь и женщины наполняли все его существованіе. Его „Пѣсни любви“ („Amores“) не что иное, какъ исторія его юности, и самъ онъ высказываетъ въ этомъ произведеніи, прелестными стихами, такое признаніе: „я не въ силахъ владѣть собою; я похожъ на корабль,

[1]) „Ars amandi“, III, ст. 121—122.

Digitized by Google

уканемый быстрымъ теченіемъ. Сердцу мало любить красоту въ томъ или иномъ образѣ; оно находитъ тысячи причинъ любить ихъ всѣ[1]), и вычисляетъ далѣе всѣ тѣ, которые его плѣняютъ. За „Наукою любви" слѣдовало „Искусство любить", противъ котораго самъ авторъ въ началѣ предостерегаетъ читателей. Тутъ онъ обращается уже прямо къ тѣмъ женщинамъ легкаго поведенія, бо́льшею частью вольноотпущенницамъ, которыхъ въ то время было много въ Римѣ и которыя играли видную роль въ обществѣ. Поэтъ изображаетъ этихъ женщинъ очень ловкими и искусными. Онѣ получали сравнительно не малое внѣшнее образованіе. Ихъ учили не только двумъ языкамъ, господствовавшимъ въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ, пѣть и танцовать, но и говорить съ пріятностью, ходить граціозно, смѣяться и плакать по желанію; онѣ умѣли при случаѣ примѣнять всѣ эти таланты. „Съ обычными подобнымъ женщинамъ недостатками, — говоритъ Буасье, — онѣ соединяли еще и другіе, свойственные ихъ времени; онѣ были, напримѣръ, чрезвычайно суевѣрны. Восточныя религіи, уже начинавшія пускать корни въ Римѣ, не знали болѣе горячихъ послѣдовательницъ. Эти женщины спѣшили участвовать въ праздникахъ Великой Богини, отъ всей души оплакивали Адониса, посѣщали храмъ Изиды и даже назначали тамъ свиданія; онѣ набожно постились по субботамъ, и когда заболѣвали, то охотнѣе посылали за знахаркой, чѣмъ за врачомъ. Онѣ, конечно, не могли похвалиться особенною вѣрностью. Овидій, невѣрующій въ женскую добродѣтель, полагаетъ, что въ концѣ-концовъ женщина никогда не можетъ противиться соблазну, что побѣда надъ женскимъ сердцемъ есть лишь дѣло терпѣнія. „Скажи себѣ,—говоритъ онъ,—что ты долженъ побѣдить, и ты побѣдишь непремѣнно. Сама Пенелопа уже начала уступать, и мужъ ея возвратился очень кстати". Разумѣется, женщины этого сорта были и очень жадны. Овидій жалуется, что женщины уже нечувствительны къ хорошимъ стихамъ, что еслибъ самъ Гомеръ поднесъ имъ только „Иліаду", онѣ показали бы ему дверь. „Мы живемъ въ истинно золотомъ вѣкѣ, — весело говоритъ поэтъ:—при помощи злата можно добиться почета, на золото можно купить любовь"[2]). Вотъ для какихъ женщинъ была написана поэма Овидія. Что касается мужчинъ, то поэтъ назначалъ ее для золотой молодежи Рима, и притомъ для той части ея, которая, любя удовольствія, не имѣла достаточно средствъ, чтобы платить за нихъ. „Но для бѣдныхъ,—говоритъ поэтъ: — я самъ былъ бѣденъ, когда влюблялся, и платилъ словами, потому что не могъ платить ничѣмъ

[1]) Am. II, элегія 4-я, ст. 7—10.
[2]) Ars am., II, ст. 277, 278.

Digitized by Google

другимъ“ [1]). У богатыхъ есть вѣрное средство нравиться. Искусство любить для нихъ очень просто; но люди безъ большихъ средствъ должны замѣнять искусствомъ недостающее имъ богатство. И Овидій предлагаетъ имъ чудесныя средства для достиженія любовныхъ цѣлей. Не имѣя ничего принести въ даръ, они тѣмъ не менѣе должны обѣщать. „Обѣщанія ничего не стоютъ, и всякій можетъ быть богатъ ими. Дѣлай видъ, что ты постоянно готовъ дать то, чего не дашь никогда. Такъ, тощее поле часто обольщаетъ надеждой своего владѣльца; такъ, игрокъ продолжаетъ проигрывать въ надеждѣ отыграться: ожиданіе счастья возвращаетъ къ игрѣ его жадныя руки. Старайся прежде всего достигнуть цѣли безъ всякихъ подарковъ; тогда, чтобъ не утратить плодовъ твоей благосклонности, тебѣ окажутъ новыя ласки“ [2]). „Дорогіе подарки всего лучше замѣняются любезностью, но любезность должна быть самой высшей пробы“. Овидій требуетъ отъ своей пастыы чудесъ терпѣнія и покорности. Надо уступать всѣмъ требованіямъ возлюбленной, повиноваться ея приказаніямъ, защищать ея мнѣнія, смѣяться, когда она улыбается, плакать, когда у нея слезы на глазахъ; проигрывать, когда играешь съ нею; подвигать стулъ, какъ только она пожелаетъ сѣсть; снимать обувь съ ея нѣжной ножки и надѣвать ее опять; держать зеркало, когда она занята туалетомъ. Если все это вамъ не нравится,—говоритъ поэтъ,—то вспомните для вашего ободренія, что до васъ самъ Геркулесъ дѣлалъ то же самое. Перенося всѣ прихоти женщины, надо еще и не видѣть ея невѣрностей. Надо умѣть терпѣть соперника. Эта жертва велика, и Овидій признается, что самъ никогда не могъ принести ее; но это недостатокъ, за который онъ себя упрекаетъ, и отъ котораго надѣется исцѣлить своихъ учениковъ. Мужья еще имѣютъ право сердиться; но въ томъ мірѣ, гдѣ любовныя связи основаны единственно на прихоти, подобный гнѣвъ смѣшонъ. Поэтъ опять напоминаетъ, что его наставленія предназначены не для женатыхъ людей. „Свидѣтельствую еще,—говоритъ онъ,—что рѣчь идетъ лишь объ удовольствіяхъ, дозволенныхъ закономъ. Моя легкая муза не дерзаетъ шутить съ честными женщинами“ [3]).

Читатель видитъ, что въ этой поэмѣ довольнаго своимъ временемъ поэта нѣтъ ничего политическаго вообще и оппозиціоннаго въ особенности. Но она очень не понравилась строгимъ моралистамъ, и вѣроятно самому Августу. Моралисты считали ее произведеніемъ опаснымъ и приписывали поэту развращеніе современниковъ, какъ-будто современники ихъ не были развращены и до нея. Овидій ско-

[1]) Ars am., II, ст. 165, 166.
[2]) Ars am., I, ст. 445—454.
[3]) Ars am., II, ст. 597—600.

Digitized by Google

рѣе шелъ за своимъ временемъ, чѣмъ направлялъ его, и не безъ основанія отвѣчаетъ это моралистамъ въ одной элегіи своихъ „Скорбныхъ пѣсенъ“ („Tristes“), обращенной къ Августу. Онъ говоритъ очень вѣрно, что общество и безъ него наполнено подобными опасностями, что на улицахъ, въ храмахъ—нигдѣ нѣтъ недостатка въ поводахъ къ развращенію нравовъ. Все это была сущая правда, но ей не внимали. Общество любитъ слагать на кого-нибудь отвѣтственность за свои пороки, какъ и за честный протестъ противъ нихъ, и удовлетворяться только тогда, когда этотъ „кто-нибудь“ понесъ строгую кару. Въ настоящемъ случаѣ оно имѣло дѣло только съ своими пороками, а не съ оппозиціей; но и соблазнительное обнаруженіе ихъ было ему непріятно.

Овидій однакоже продолжалъ весело жить въ Римѣ десять лѣтъ послѣ появленія его „Искусства любить“. Ему было сорокъ лѣтъ, когда вышла эта поэма, а гнѣвъ Августа и ссылка разразились надъ нимъ не раньше пятидесятилѣтняго возраста. Покровительствуя литературѣ, Августъ однакоже настойчиво уклонялся отъ сближенія съ Овидіемъ, и притомъ не по винѣ поэта, который не жалѣлъ лести и усилій, чтобы приблизиться къ нему. Въ „Искусствѣ любить“ и въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ тоже приравниваетъ цезаря и его семейство богамъ. Обоготвореніе цезаря уже было тогда въ нравахъ. Вскорѣ послѣ битвы при Филиппахъ, когда солдаты Октавія грабили Италію, Виргилій, пользовавшійся его благосклонностью, восклицалъ: „да, это богъ, и кровь ягненка часто будетъ омывать алтари его!“ Впослѣдствіи самъ Августъ страшился того всеобщаго раболѣпства и разслабленія характеровъ, которыми сопровождалась его диктатура, хотя это явленіе и благопріятствовало его власти. „Онъ конечно не любилъ честолюбцевъ,—говоритъ Буасье,—но онъ понималъ, что гибель имперіи неизбѣжна, если всѣ будутъ бѣгать отъ общественныхъ должностей, и принималъ мѣры противъ этого общаго бѣгства. Ему, конечно, не могла быть непріятна общая погоня за удовольствіями; она всегда съ руки абсолютизму; но онъ замѣтилъ подъ-конецъ, что страна, которой удовольствіе представляется важнѣйшимъ дѣломъ жизни, не даетъ болѣе ни гражданъ, ни солдатъ. Послѣ пораженія Вара, когда была сдѣлана попытка набрать новое войско, никто не хотѣлъ идти, и пришлось вербовать ветерановъ и вольноотпущенныхъ. Сѣтуя объ этомъ, какъ глава государства, Августъ, разумѣется, не возвратилъ и не могъ возвратить обществу утраченную послѣднимъ энергію. Противъ этой болѣзни онъ могъ употребить лишь самыя ничтожныя лекарства. Наиболѣе дѣйствительнымъ лекарствомъ было бы возвращеніе обществу самоуправленія, а именно этого-то средства и не могъ употребить въ

Digitized by Google

дѣло Августъ. Оттого попытки его преобразовать общество остались безплодными; можно даже сказать, что, относясь къ обществу мягко, онъ былъ ему менѣе полезенъ, чѣмъ жестокіе цезари, его преемники. Жестокій деспотизмъ иногда лучше деспотизма умѣреннаго и человѣколюбиваго. Благоденствіе ослабляетъ характеры, избытокъ страданія, напротивъ, укрѣпляетъ ихъ, и въ сущности Тиверій и Неронъ сдѣлали въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ Августъ". Напрасно пытался Августъ оживить въ этомъ обществѣ гражданскія и семейныя доблести, напрасно считалъ онъ ихъ совмѣстимыми съ своей диктатурой. Доблесть не предписывается указами, и Августу вскорѣ пришлось убѣдиться, что развратъ пустилъ глубокіе корни даже въ его семействѣ. Поведеніе его дочери Юліи было для него страшнымъ ударомъ. Онъ воспиталъ ее съ величайшимъ вниманіемъ; но тщетно учили ее прясть, какъ пряли древнія римлянки, тщетно самъ Августъ не носилъ иного платья, кромѣ сотканнаго женой и дочерью. Духъ времени и свѣтская среда все-таки развратили послѣднюю. Несчастная была изгнана отцомъ изъ Рима. Случилось, что „Искусство любить" вышло въ свѣтъ въ самый годъ ея изгнанія. Августу не могло быть пріятно это сочиненіе, хотя и не оно погубило его дочь; но онъ не выказалъ своего неудовольствія и сначала не преслѣдовалъ поэта.

Что же было причиной ссылки Овидія черезъ десять лѣтъ послѣ появленія соблазнительной поэмы? Самъ Овидій старательно избѣгаетъ говорить объ этомъ прямо. „Молчи, языкъ!—восклицаетъ онъ при первой вырывающейся у него нескромности въ одномъ „Посланіи съ Понта" (къ Мессаллину):—не прибавляй ничего. Зачѣмъ не могу я похоронить съ моимъ пепломъ это печальное воспоминаніе! [1])". Ссылка Овидія естественно дала изслѣдователямъ поводъ къ разнообразнымъ догадкамъ, основаннымъ на слѣдующихъ словахъ поэта, въ разныхъ мѣстахъ его „Скорбныхъ Пѣсенъ": „Зачѣмъ я видѣлъ нѣчто? Зачѣмъ сдѣлалъ глаза мои сообщниками паденія?.. Я наказанъ за то, что былъ свидѣтелемъ преступленія, самъ того не зная; я виновенъ лишь въ томъ, что у меня были глаза". Какого же преступленія былъ онъ свидѣтелемъ? Одни думаютъ, что онъ узналъ какую-нибудь государственную тайну и разгласилъ ее; другіе, что онъ видѣлъ Ливію, супругу Августа, въ ваннѣ; третьи считаютъ его свидѣтелемъ какого-нибудь дурного поступка Августа, быть можетъ, его преступныхъ отношеній къ дочери. Буасье рѣшительно и не безъ основанія отвергаетъ всѣ эти догадки. Онъ видитъ ключъ къ объясненію ссылки поэта въ словахъ его къ Августу: „не

[1]) „Pont", II, посл. 2, ст. 61.

Digitized by Google

снѣю растравлять твои раны; довольно и той боли, которую онѣ причинили тебѣ [1])". Эти слова, вмѣстѣ съ приведенными прежде, показываютъ ясно, что поэтъ былъ свидѣтелемъ не какого-нибудь дурного поступка Августа, а чьего-то преступленія, обращеннаго противъ Августа. О преступленіи самого Августа онъ не рѣшился бы упоминать. По мнѣнію Буасье, дѣло идетъ о развратѣ въ семействѣ цезаря, и не о первой Юліи, которая въ эту эпоху ссылки уже десять лѣтъ жила въ изгнаніи, а о младшей Юліи, внукѣ цезаря, которая пошла по стопамъ своей матери, несмотря на примѣрную кару, которой подверглась послѣдняя. Обвиненная въ связи съ юношей большого свѣта, Силаномъ, она также была изгнана изъ Рима; ея изгнаніе совпадаетъ съ ссылкой Овидія. Буасье полагаетъ, что Овидій былъ замѣшанъ въ любовныя отношенія Силана и Юліи, и что цезарь припомнилъ тогда и его „Искусство любить".

Мы не будемъ подробно развивать эту догадку автора. Она имѣетъ за себя очень многое; но для характеристики времени довольно и того, что вина поэта была не политическаго свойства. Для насъ интересно также самое отношеніе Овидія къ Августу послѣ ссылки. Онъ жилъ восемь лѣтъ между гетами, на берегу Чернаго моря, въ городкѣ Томи, нынѣ Кюстенджи, и не щадилъ своего достоинства, чтобы получить прощеніе. Онъ умоляетъ друзей и жену, которой не любилъ, но которая была близка къ женѣ цезаря, Ливіи, просить за него Августа; но эти мольбы ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ обращаетъ къ самому цезарю и даже къ его изображеніямъ. Въ этихъ мольбахъ поэтъ утратилъ всякій стыдъ и всякое чувство мѣры. Онъ ставитъ Августа не только выше героевъ древности, но и выше боговъ Олимпа. Сравнивая его съ Юпитеромъ, онъ спѣшитъ однако же прибавить, что тотъ богъ воображаемый, а Августъ—богъ видимый. Тотъ день, когда другъ его Котта прислалъ ему изображеніе цезаря и его семейства, былъ для него великимъ праздникомъ. Поэтъ не могъ наглядѣться на эти изображенія, устроилъ для нихъ часовню и набожно молился имъ. „Скорѣй голова упадетъ съ моихъ плечъ, и глаза мои выйдутъ изъ орбитъ, чѣмъ я разстанусь съ вами, мои боги! Вы—пристань и алтарь моего несчастія. Если гетъ придетъ убить меня, то найдетъ васъ на моей груди" [2]). Буасье очень вѣрно называетъ это бредомъ раболѣпства. При этомъ Овидій постоянно надѣется быть прощеннымъ. По смерти Августа, онъ строитъ въ честь его храмъ, воспѣваетъ его въ гетской поэмѣ, и спѣшитъ обратиться къ новому цезарю, возобновляя свои мольбы и

[1]) „Tristes", II, ст. 209, 210.
[2]) „Pont", II, ст. 8, 65.

Digitized by Google

свою безмѣрную лесть, но безуспѣшно. Онъ кончилъ жизнь въ ссылкѣ, пятидесяти-девяти лѣтъ.

То же или почти то же приходится сказать о другихъ литературныхъ дѣятеляхъ эпохи цезарей. Петроній былъ сначала другомъ Нерона и сообщникомъ его удовольствій; Луканъ принадлежалъ къ тому же кружку и восхвалялъ цезаря-пѣвца. Ювеналъ раболѣпствовалъ передъ богатой аристократіей и искалъ щедротъ цезаря. Самъ Тацитъ, желчный и негодующій Тацитъ, высказывался противъ лицъ, а не противъ учрежденій, и былъ вполнѣ удовлетворенъ правленіемъ Траяна; онъ тоже никогда не былъ ни членомъ, ни главою какой-нибудь дѣятельной оппозиціи. Читатели могутъ найти у Буасье, какъ и у другихъ изслѣдователей той же эпохи, подробности поучительной исторической повѣсти, обнимающей жизнь и дѣятельность ея выдающихся литературныхъ талантовъ. Намъ остается только отдать справедливость интересному и дѣльному изслѣдованію Буасье. Несмотря на довольно большой грузъ источниковъ и прежнихъ, преимущественно нѣмецкихъ изслѣдованій, съ которымъ авторъ предпринялъ свой нелегкій путь, изложеніе его выводовъ просто и изящно; книга читается съ удовольствіемъ и съ интересомъ, не слабѣющимъ отъ начала до конца, и если съ авторомъ можно о чемъ-нибудь поспорить, то развѣ только о характерѣ Тиверія и тѣхъ сближеніяхъ, которыя онъ дѣлаетъ отъ времени до времени между эпохой цезарей и концомъ прошлаго вѣка. Но эти сближенія не занимаютъ видного мѣста въ его книгѣ; онъ дѣлаетъ ихъ только мимоходомъ, и мы позволимъ себѣ на нихъ не останавливаться. Считаемъ также совершенно излишнимъ указывать на нѣкоторыя ошибки, или, вѣрнѣе, недосмотры въ ссылкѣ автора на сочиненія Овидія. Мы приведемъ лучше его окончательный выводъ. Оппозиція цезарямъ была только свѣтская, и, значитъ, не шла дальше словъ. „Вы не возстаете больше съ оружіемъ въ рукахъ, — говорилъ Тертулліанъ, — но ваши языки все еще мятежны". Въ высшемъ обществѣ Рима жили, такъ сказать, привычка и потребность никогда не быть довольными; всѣ мѣры цезарей были ему болѣе или менѣе подозрительны; оно всегда находило причины жаловаться и издѣваться, но слова его никогда не переходили въ дѣло. Самые недовольные, питая ненависть къ цезарю, обыкновенно признавали имперію. Наиболѣе рѣшительные позволяли себѣ только выбирать въ цезарскомъ семействѣ менѣе извѣстнаго или болѣе любимаго принца, восхвалять его качества и пользоваться его именемъ, чтобы противодѣйствовать цезарю правительствующему: такъ составилась популярность Друза и Германика. Но именно эта неизмѣнная мысль оппозиціи искать своихъ героевъ въ Палатинскомъ дворцѣ и показываетъ, что въ сущности оппозиція

Digitized by Google

имѣла глубоко придворный характеръ. „Не понимаю, — говоритъ Буасье,—какъ могли нѣкоторые мечтатели приписывать этимъ принцамъ намѣреніе возстановить республику. Не подобныя намѣренія обыкновенно на умѣ людей ихъ общественнаго положенія, и надо быть слишкомъ наивными, чтобы предполагать ихъ. Еслибъ счастливый случай доставилъ власть Германику или его отцу, они оставили бы ее за собою. Они, конечно, сдѣлали бы изъ нея лучшее употребленіе, чѣмъ Тиверій; они были бы внимательнѣе къ желаніямъ честныхъ людей, но эти желанія были сами по себѣ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Отъ принцевъ не требовали отреченія отъ власти, даже раздѣла ея съ нѣмъ бы то ни было; имъ, напротивъ, желали оставить власть для охраненія общественнаго спокойствія. Отъ нихъ только требовали, чтобъ они пользовались властью съ большими мягкостью и человѣколюбіемъ, совѣтовались съ мудрыми, больше уважали права другихъ властей, чаще совѣщались съ сенатомъ, прислушивались къ общественному мнѣнію, давали больше свободы слову и литературѣ, которыя тѣмъ болѣе опасны, чѣмъ больше ихъ боятся; отъ нихъ требовали, чтобъ они съ нѣкоторой сдержанностью примѣняли безграничную власть, которая у нихъ не оспаривалась, смягчали ея внѣшніе пріемы, не давали чувствовать всѣхъ ея размѣровъ, и довольствовались дѣйствительной силой, не слишкомъ ее выказывая. Вотъ скромныя желанія той оппозиціи, которая считалась тогда мятежной; таковъ былъ ея правительственный идеалъ, осуществленія котораго она желала при Тиверіи и Неронѣ, и этотъ идеалъ не былъ химерическимъ: онъ былъ осуществленъ Антонинами".

Римская имперія не оставляла человѣку не только нравственнаго, но и географическаго выхода. Она обнимала весь извѣстный тогда и удобообитаемый міръ, изъ предѣловъ котораго не могла бы выдти самая рѣшительная и непримиримая оппозиція, еслибъ она существовала: кромѣ подземныхъ катакомбъ, единственный выходъ изъ нея оставался всегда открытымъ—это выходъ на тотъ свѣтъ. Въ наше время обстоятельства сложились иначе; всемірной имперіи не существуетъ, и когда, въ 1851 году, ловкій цезарь новѣйшихъ временъ захватилъ въ свои руки власть во Франціи, недовольные могли удалиться изъ страны и найти убѣжище въ другихъ государствахъ. Въ числѣ этихъ недовольныхъ былъ самый крупный поэтъ нашего времени, Викторъ Гюго, издавшій недавно, подъ заглавіемъ: „Pendant l'exil", свои письма и рѣчи, писанныя или произнесенныя имъ во время девятнадцатилѣтняго изгнанія, по разнымъ поводамъ, съ предисловіемъ: „ce que c'est que l'exil". Многіе не любятъ Виктора Гюго за его упрямый идеализмъ, переходящій въ

манерность, за его вѣчное позированіе и разыгрываніе возвышенной роли, за недостатокъ простоты, и все это отчасти справедливо. Но при этомъ какое богатство содержанія, какія указанія на будущіе нравственные идеалы человѣчества, хотя громадная качественная разница съ римскимъ поэтомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Какой поразительный контрастъ! Въ немъ сказались и глубокое различіе двухъ поэтическихъ натуръ, и глубокое различіе двухъ цивилизацій, раздѣленныхъ пятнадцатью вѣками. Все, что̀ прожито человѣчествомъ въ эти пятнадцать вѣковъ, встаетъ передъ вами при случайномъ сближеніи двухъ поэтовъ, которые оба были изгнанниками, но одинъ добровольнымъ и протестующимъ два десятилѣтія, другой — вынужденнымъ и умоляющимъ о пощадѣ; одинъ — громящимъ противника съ точки зрѣнія отвлеченнаго принципа и народныхъ правъ, другой—незнающимъ народныхъ правъ и руководимымъ, вмѣсто отвлеченнаго принципа, жаждой житейскихъ удобствъ и наслажденій. При этомъ сближеніи невольно приходится сбавить значительную долю того восторга, съ которымъ принято относиться къ созданіямъ латинской музы, или забыть вѣка христіанства и новыя идеи восемнадцатаго вѣка, вліяніе которыхъ совсѣмъ не коснулось ея. Велика также и разница въ значеніи двухъ поэтовъ — каждаго для своего времени, для своей и, если можно такъ выразиться, для общечеловѣческой литературы. Въ извѣстномъ смыслѣ, направленіе Виктора Гюго, пожалуй, нельзя назвать современнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось его литературное поприще, много воды утекло въ Европѣ, и онъ скорѣе представляется живымъ памятникомъ недавняго прошлаго, чѣмъ представителемъ нашей современности. Онъ принадлежитъ къ поколѣнію двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, которое сходитъ въ могилу; это одна изъ немногихъ величественныхъ фигуръ того времени, которыя пережили многихъ своихъ современниковъ. Воспитанное на отвлеченныхъ идеяхъ добра и общественнаго блага, прошедшее черезъ школу литературнаго и политическаго романтизма, оно вѣрило въ неотразимое могущество этихъ идей, и въ лучшихъ своихъ представителяхъ сохранило эту вѣру, несмотря ни на какія крушенія, ни на какіе уроки дѣйствительности. Идеализмъ былъ его характеристической особенностью, и онъ оставилъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ душѣ поэта. Этотъ идеализмъ признаетъ дѣйствительность лишь въ той мѣрѣ, въ какой она отвѣчаетъ его стремленіямъ. Люди стали съ тѣхъ поръ прозаичнѣе и положительнѣе, и понятно, что самыя искреннія вліянія тогдашняго идеализма нерѣдко представляются намъ теперь не больше какъ живописною фразой. Но мы не должны забывать, что точно также нерѣдко это можетъ только казаться нашему практическому времени. Въ сущности же, фразерство, но безъ горячей вѣры въ идеи, больше свой-

Digitized by Google

ственно этому послѣднему, чѣмъ его предшественнику. Фразеръ безъ вѣры—это нашъ современникъ. Онъ говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Онъ всего менѣе вѣренъ тому, что̀ выдаетъ за свои убѣжденія, и непремѣнно вводитъ въ заблужденіе другихъ или обманываетъ самого себя. Это нашъ общій знакомый, отважно позирующій безъ всякаго на то права. Пережившій свое время, европейскій идеализмъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ тоже любилъ рисоваться, и это заставляетъ насъ не довѣрять искренности его современныхъ заявленій. Но онъ позируетъ потому, что дѣйствительно считаетъ себя выше той или другой случайной, какъ онъ думаетъ, дѣйствительности, что вмѣняетъ себѣ въ обязанность направлять дѣйствительность къ высокимъ идеаламъ. Онъ, такъ сказать, считаетъ себя священнодѣйствующимъ даже тамъ, гдѣ достаточно простого теплаго слова убѣжденія и просьбы; онъ не просто говоритъ, а непремѣнно проповѣдуетъ, и мы могли бы указать въ новой книгѣ Виктора Гюго: „Pendant l'exil" не мало примѣровъ подобнаго саморисованія передъ слушателями и читателями. И однако же никто не можетъ отказать поэту не только въ большомъ талантѣ, создавшемъ множество крупныхъ поэтическихъ образовъ, которые безконечно выше, по своему содержанію, поэтическихъ образовъ римской музы, но и въ глубокой искренности убѣжденій, въ горячей преданности общему благу. И у него, какъ и у римскаго поэта, есть свои личныя слабости, безъ которыхъ талантливые люди обходятся такъ же мало, даже еще меньше, чѣмъ люди посредственные. Но идеалы его, какъ поэта, эти лучшія и непреходящія созданія его творческой природы, не только тѣ, которые принадлежатъ его молодости, но и тѣ, которые созданы имъ въ сравнительно недавнее время, въ такихъ капитальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ, напр., „Miserables", не только современны, но и могутъ быть названы идеалами будущаго.

Въ ожиданіи этого будущаго, когда у европейскаго человѣчества опять явятся идеалы и великія стремленія, приходится пока останавливаться на современныхъ явленіяхъ въ родѣ Арнимовскаго процесса, въ которыхъ современный политическій реализмъ проявляется въ самой грубой своей формѣ. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на идеалы прошлаго или будущаго; тутъ все—интриги и личные счеты настоящаго; этотъ процессъ и вызванная имъ брошюра, недавно вышедшая въ Цюрихѣ: „Pro nihilo! Vorgeschichte des Arnim'schen Processes"— своего рода знаменія времени. Они и интересны только въ этомъ смыслѣ, а отнюдь не сами по себѣ. Въ этомъ смыслѣ мы и останавливаемъ вниманіе читателей на цюрихской брошюрѣ, которую всѣ единогласно приписываютъ графу Арниму, или автору, писав-

Digitized by Google

шему исключительно подъ его вліяніемъ и въ его интересѣ, и которая, повидимому, послужитъ къ новому, еще болѣе извѣстному процессу.

Мы далеки отъ мысли умалять установившуюся славу германскаго имперскаго канцлера, или способствовать прираще́нію славы графа Арнима. Мы и не считаемъ возможнымъ изложить характеристическія черты всего дѣла бывшаго германскаго дипломата на основаніи одной его брошюры. Мы, напротивъ, желаемъ, мы должны быть безпристрастны въ этомъ изумительномъ служебномъ столкновеніи двухъ современныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Мы приведемъ изъ брошюры графа Арнима такія только черты, которыя или проливаютъ свѣтъ на современную политику Германіи, или выясняютъ характеръ современныхъ политическихъ дѣятелей, и которыя должны быть вѣрно переданы въ брошюрѣ отчасти потому, что онѣ не особенно лестны для самого гр. Арнима, отчасти по своему правдоподобію и полному согласію съ фактами, всѣмъ извѣстными въ Германіи.

Вскорѣ послѣ арестованія графа Арнима, Дизраэли остроумно замѣтилъ въ одной своей рѣчи, что личная свобода простого рабочаго больше ограждена въ Англіи, чѣмъ личная свобода аристократа на материкѣ. Этотъ отзывъ перваго министра Англіи нуждается въ нѣкоторомъ дополненіи: не всякій простой рабочій въ Англіи станетъ такъ упорно навязывать кому-нибудь свои услуги, какъ навязывалъ ихъ своему правительству одинъ изъ первыхъ аристократовъ Пруссіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ служитъ не правительству вообще, а своему королю. Еслибъ онъ съ бо́льшимъ достоинствомъ отнесся къ своему противнику при самомъ началѣ столкновеній съ нимъ, еслибъ онъ не задался мыслію остаться во что бы то ни стало на своемъ постѣ въ Парижѣ, то съ нимъ, вѣроятно, не случились бы всѣ тѣ бѣды, на которыя онъ теперь жалуется. Съ 1872 года, какъ самъ онъ разсказываетъ, ему приходилось терпѣть всякаго рода обиды отъ государственной канцеляріи и ея главнаго руководителя. Государственный канцлеръ не принимаетъ его, когда онъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ; государственный канцлеръ старается не допустить его къ королю, и передаетъ свои дипломатическія распоряженія въ Парижъ не черезъ посла, а черезъ главную квартиру нѣмецкихъ войскъ, еще стоявшихъ тогда во Франціи, или, безъ всякой видимой причины, переноситъ совѣщанія и переговоры изъ Парижа въ Берлинъ. И гр. Арнимъ оскорбляется, но допускаетъ все это, пока не получаетъ очень грубаго посланія, которое возвѣщаетъ ему, что онъ уволенъ отъ своей должности!

Брошюра написана съ цѣлью доказать, что въ служебномъ отношеніи гр. Арнимъ, какъ подчиненный, не подалъ никакого повода

Digitized by Google

своему начальнику, государственному канцлеру, быть недовольнымъ его дѣйствіями; что всѣ распоряженія и инструкціи, полученныя посломъ отъ послѣдняго, исполнялись въ точности, хотя бы онѣ и не отвѣчали его личному мнѣнію; что посолъ никогда не интриговалъ при дворѣ противъ канцлера, чтобы занять его мѣсто. До іюля 1872 года, какъ говоритъ брошюра, государственный канцлеръ относился къ послу наилучшимъ образомъ, и незадолго передъ тѣмъ оффиціально высказалъ желаніе сдѣлать графа своимъ ближайшимъ помощникомъ, на что императоръ охотно изъявилъ свое согласіе. Въ этомъ году, лѣтомъ, гр. Арнимъ—мы говоримъ со словъ брошюры—былъ проѣздомъ въ Эмсѣ, гдѣ находился тогда германскій императоръ. Глава государства принялъ его съ отличіемъ и благодарилъ за оказанныя въ Парижѣ услуги. Въ Эмсѣ были тогда министръ графъ Эйленбургъ и начальникъ кёльнскаго соборнаго капитула Франкенъ, имѣвшій репутацію либеральнаго ревностнаго патріота. Въ разговорѣ съ ними о признаваемой всѣми ими необходимости вести борьбу съ папствомъ, гр. Арнимъ высказалъ, что раздѣляетъ ихъ мнѣніе о вредѣ насильственныхъ мѣръ, которыя могутъ сдѣлать епископовъ мучениками за вѣру и привести къ результату, совершенно противоположному правительственнымъ цѣлямъ. Съ этого разговора ведетъ брошюра мартирологъ гр. Арнима: этотъ разговоръ, вмѣстѣ съ распространившимися тогда же слухами о предстоящемъ будто бы назначеніи его на мѣсто кн. Бисмарка, представляется автору причиной крутого поворота въ оффиціальномъ положеніи посла и сношеніяхъ его съ государственнымъ канцлеромъ. Соображеніе это, само по себѣ, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Исключительный и деспотическій характеръ германскаго государственнаго канцлера общеизвѣстенъ; но для борьбы съ нимъ, да еще въ наше практическое время, нужны его талантъ, его ловкость, его правительственныя средства и авторитетъ, а графъ Арнимъ упустилъ изъ виду это важное обстоятельство. Понятно, что въ его разсчетахъ оказалась на практикѣ громадная ошибка, за которую онъ жестоко поплатился съ тѣхъ поръ и, какъ мы увидимъ, еще поплатится въ будущемъ. Кн. Бисмаркъ, напротивъ, дѣйствовалъ на основаніи наивѣрнѣйшаго разсчета, въ которомъ не было упущено изъ виду ни одного изъ важнѣйшихъ условій успѣха.

На основаніи одной только цюрихской брошюры трудно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, насколько расходились канцлеръ и посолъ въ своихъ видахъ по отношенію къ дѣламъ Франціи. Прежде всего, ключъ къ ихъ разногласіямъ заключается, повидимому, въ томъ, что сказалъ однажды кн. Бисмаркъ, по словамъ цюрихской брошюры, одному изъ членовъ нѣмецкаго посольства въ Парижѣ: „мои подчиненные должны „дѣлать повороты“ по командѣ, какъ

унтеръ-офицеры, не спрашивая: зачѣмъ?" Потомъ, канцлеръ ожидалъ наибольшаго вреда для Франціи отъ правленія Тьера и существованія республики, которой трудно пріобрѣтать союзниковъ, а посолъ полагалъ одно время, что правленіе Тьера подготовляетъ правленіе Гамбетты и, слѣдовательно, опасность для монархическаго принципа въ Европѣ. Брошюра утверждаетъ однако же самымъ рѣшительнымъ образомъ, что, каковы бы ни были его личныя мнѣнія, онъ постоянно исполнялъ инструкціи канцлера и ни мало не способствовалъ паденію Тьера. Между тѣмъ, уже въ декабрѣ 1872 года, канцлеръ оффиціально писалъ гр. Арниму, что не можетъ терпѣть, чтобы представители его величества составляли свои донесенія на основаніи „фальшивыхъ данныхъ", и что всякое разногласіе въ дѣлахъ внѣшней политики такъ же опасно, по его мнѣнію, какъ разногласіе между дивизіоннымъ генераломъ и подчиненнымъ ему бригадиромъ въ военное время. Приводя текстъ этого рѣзкаго замѣчанія, брошюра объясняетъ, что дивизіонный генералъ, конечно, можетъ предписать своему бригадиру атаковать непріятельскіе форпосты, каково бы ни было мнѣніе бригадира о численной силѣ непріятеля, но онъ не можетъ заставить бригадира думать и доносить, что непріятель, котораго онъ видитъ, слабѣе, чѣмъ это кажется дивизіонному командиру.

Какъ скоро дѣло дошло до подобныхъ замѣчаній, графу Арниму, ради собственнаго достоинства, оставалось только отказаться отъ занимаемаго имъ поста. Но онъ остался посломъ и продолжалъ получать новые, не менѣе чувствительные уроки изъ Берлина. Тутъ онъ подвергается замѣчаніямъ уже и за личные и словесные свои доклады императору. Въ январѣ 1874 года, какъ оказывается изъ приведенныхъ въ брошюрѣ документовъ, гр. Арнимъ еще оправдывается передъ канцлеромъ въ частномъ письмѣ, и убѣждаетъ его въ полномъ согласіи ихъ политическихъ, не говоримъ воззрѣній, но разсчетовъ. „Ваша свѣтлость,—пишетъ канцлеру посолъ,—считаете нашей ближайшей политической задачей во Франціи не допускать, чтобы эта страна опять стала способна имѣть союзниковъ, и я постоянно имѣлъ въ виду эту цѣль, лишь относительно путей, ведущихъ къ этой цѣли,—я высказывалъ мнѣніе, которое не совсѣмъ сходится съ вашимъ. Когда я возвратился сюда, въ октябрѣ прошлаго (1873) года, я нашелъ президента (Тьера), возвышающагося передъ тѣмъ изъ Трувилля, выросшимъ больше, чѣмъ это желательно. Онъ выросъ не только въ собственныхъ глазахъ, но и въ мнѣніи другихъ; онъ сталъ, какъ мнѣ казалось, болѣе способнымъ имѣть союзниковъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія и было написано мое донесеніе отъ 3-го октября. По второмъ моемъ возвращеніи, самосознаніе президента еще усилилось, и я считалъ возможнымъ засвидѣтельствовать, что враждебные намъ элементы въ Европѣ, насколько

Digitized by Google

они были видны отсюда, съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ усиленіи. Въ то-же время въ господствующихъ итальянскихъ кружкахъ было замѣтно нѣкоторое чувство удовольствія по тому поводу, что политика г. Тьера, хотя и обусловленная требованіями его собственнаго положенія, избавила бы Италію отъ необходимости примкнуть безусловно къ нашей системѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ я не безъ опасенія видѣлъ, что г. Тьеръ старается упрочить за собой власть на нѣсколько лѣтъ и организовать жизненныя силы страны, къ которымъ принадлежитъ и демократія Гамбетты, примыкая то къ правительствамъ, то къ революціоннымъ партіямъ. Съ этой точки зрѣнія я полагалъ и высказывалъ, что было бы желательно, чтобъ возбуждаемая нашимъ правительствомъ нѣмецкая печать не поддерживала болѣе систему г. Тьера такъ безусловно, какъ прежде".

Вотъ какъ оправдывался гр. Арнимъ передъ своимъ противникомъ въ самомъ началѣ 1874 года. Но канцлера трудно было смягчить, какъ скоро онъ чувствовалъ себя лично затронутымъ. Напрасно, въ заключеніе того же письма, посолъ заявлялъ сожалѣніе о поданныхъ имъ поводахъ опасаться, что онъ, посолъ, „находится въ противорѣчіи съ намѣреніями, о которыхъ его свѣтлость почтилъ его своими недвусмысленными наставленіями": кн. Бисмаркъ не довольствовался и такимъ укрощеніемъ своего противника. Ему нужно было полное его уничтоженіе и, какъ говоритъ брошюра, съ тѣхъ поръ началась противъ него, по сигналу канцлера, война той самой „возбуждаемой правительствомъ нѣмецкой печати", объ извѣстномъ употребленіи которой противъ системы Тьера онъ самъ высказывается въ вышеприведенномъ письмѣ.

Эта война господствующей нѣмецкой печати противъ лицъ, учрежденій, правительствъ и государствъ, непріятныхъ германскому правительству, составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій канцлера. По данному знаку, десятки газетъ поднимаютъ въ Германіи шумъ и тревогу, съ цѣлью подставить кому-нибудь ногу, или испробовать почву, въ смыслѣ скрытыхъ пока правительственныхъ намѣреній. Одинъ и тотъ же голосъ выдѣлываетъ разнообразныя варьяціи на одну и ту же тэму въ Берлинѣ, Кёльнѣ, Ганноверѣ и пр. Это голосъ канцлера; варьяціи выдѣлываются такъ-называемыми „пресмыкающимися" (Reptilianer). Какъ бывшее правительственное лицо, гр. Арнимъ, конечно, хорошо зналъ механизмъ этого искусственнаго возбужденія печати въ тѣхъ или другихъ видахъ. Представьте себѣ страну, въ которой не двѣ и не три подобныя газеты, какъ у насъ, а двадцать, тридцать и болѣе органовъ, повинующихся даннымъ сигналамъ или изъ-за денегъ, или изъ-за доставляемыхъ имъ сенсаціонныхъ замѣтокъ и свѣдѣній. Мы живо помнимъ разговоръ нашъ, въ началѣ

Digitized by Google

прошлаго года, съ однимъ южно-германскимъ книгопродавцемъ, о современной нѣмецкой политической печати. „Es giebt keine deutsche Presse mehr!“ рѣзко отозвался онъ, сдѣлавъ многозначительный жестъ рукою. Все это, повторяемъ, должно было быть хорошо извѣстно бывшему германскому послу въ Парижѣ, но онъ заговорилъ объ этомъ явленіи только тогда, когда дѣло коснулось его личнаго положенія. Чтобы сохранить это положеніе, онъ самъ прибѣгалъ къ скрытому содѣйствію печати иного характера, которая, повидимому, тоже пресмыкалась, но въ другую сторону. Извѣстно, что въ процессѣ гр. Арнима сношенія его съ печатью, противодѣйствующей извѣстнымъ цѣлямъ германской политики, были предметомъ усерднѣйшихъ изслѣдованій прокуратуры, которыя, впрочемъ, не повели къ желаемымъ ею разоблаченіямъ. Надо думать, что усилія ея въ этомъ отношеніи оказались бы болѣе успѣшными, еслибы оно задалось цѣлью прослѣдить ежедневныя отношенія государственной канцеляріи съ сонмомъ нѣмецкихъ и другихъ газетъ въ Германіи и заграницей. Этотъ правительственный пріемъ, сначала примѣненный въ широкихъ размѣрахъ Наполеономъ III, нигдѣ не примѣняется нынѣ съ такимъ цинизмомъ и внѣшнимъ успѣхомъ, какъ въ германской имперіи.

Замѣчательно отношеніе брошюры къ этому поразительному явленію современности. „Къ числу сильнѣйшихъ особенностей государственнаго канцлера,—говоритъ она,—принадлежитъ то, что онъ не находитъ истину на основаніи объективно установленныхъ фактовъ, а создаетъ ее. Инстинктъ или вдохновеніе указываетъ истину его исключительной натурѣ, и умъ его, необыкновенно счастливый въ своихъ соображеніяхъ, группируетъ тогда факты такимъ образомъ, что они подтверждаютъ первое, часто совершенно вѣрное, впечатлѣніе. Сознаніе, быть можетъ существовавшее первоначально, что первое впечатлѣніе основано на собственной догадкѣ или чужомъ внушеніи, отступаетъ на задній планъ, въ дальнѣйшемъ процессѣ созданія истины, передъ той энергіей, съ которой творческая сила личной воли подчиняетъ себѣ фактическую дѣйствительность. Канцлеръ, такимъ образомъ, произвольно приспособляетъ къ своимъ мыслямъ прошедшее, настоящее и будущее. Кому случалось быть въ сношеніяхъ съ кн. Бисмаркомъ, тотъ могъ замѣтить многое, что подтверждаетъ вышеприведенное объясненіе нѣкоторыхъ психологическихъ загадокъ. Характеристику извѣстныхъ, непріятныхъ ему, лицъ — а они составляютъ большинство — канцлеръ всегда даетъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ и оборотахъ рѣчи, съ непремѣннымъ присоединеніемъ однихъ и тѣхъ же анекдотовъ, которые часто ошибочно примѣняются имъ къ обсуждаемому субъекту. Историческіе факты разсказываетъ онъ постоянно въ одинаковой послѣдователь-

Digitized by Google

ности, съ стереотипнымъ разоблаченіемъ ихъ внутренней связи, причемъ хронологическія указанія, вѣроятно безъ умысла, придвигаются ближе къ настоящему времени, для устраненія всякихъ сомнѣній въ вѣрности изображенія. Великій человѣкъ всегда придаетъ свой отпечатокъ тому времени, когда онъ господствуетъ. Такъ и этотъ даръ изображенія событій и лицъ, эта власть надъ исторіей перешли въ современную литературу, на которую князь Бисмаркъ оказываетъ преобладающее вліяніе, именно въ произведенія ежедневной печати. Художественныя произведенія, которыя онъ создаетъ и долженъ создавать, влекомый своими высокими цѣлями, появляются на всѣхъ концахъ страны въ разнообразнѣйшихъ формахъ и краскахъ. Поверхностный наблюдатель ошибочно видитъ въ этомъ исходящее сверху и широко развѣтвляющееся внизу искаженіе истины. Это скорѣе неизбѣжное, для достиженія цѣлей имперіи, установленіе исторіи въ пользу государства. Конечно, это ведетъ къ нѣкоторому однообразію въ образѣ мыслей и рѣчи; конечно, это вводитъ въ плоть и кровь націи ужасающую одинаковость намѣреній; но это необходимо и вполнѣ совмѣстимо съ интересами культурной борьбы. Въ послѣднемъ результатѣ, это не что иное, какъ практика іезуитовъ съ тѣмъ усовершенствованіемъ, которое стало возможно при помощи безграничной власти надъ государственными доходами и при „доступной совѣсти“ современнаго человѣка. Но, съ другой стороны, нельзя всегда предотвратить злоупотребленіе образующей истину пластикой, которая опасна для отдѣльныхъ лицъ, служащихъ матеріаломъ художнику. Опасность эта тѣмъ крупнѣе, что авторъ художественнаго произведенія естественно старается употребить всѣ средства, какія только находятся въ его распоряженіи, чтобы предохранить его отъ разрушенія. Оттого такъ трудно бороться противъ однажды предписанной (кн. Бисмаркъ сказалъ-бы „установленной“) истины“.

Мы обращаемъ на эту характеристическую выписку вниманіе тѣхъ, кто еще сохранилъ какое-нибудь довѣріе къ огромному большинству органовъ европейской ежедневной печати вообще, и нѣмецкой въ особенности. Спекуляція! Спекуляція! — вотъ ея современный лозунгъ, спекуляція политическая или промышленная, а въ наилучшемъ случаѣ то и другое вмѣстѣ. Общія начала, общіе интересы, общія идеи, пригодныя для человѣчества — все это въ наше время пустяки, которые надо предоставить мечтателямъ, идеалистамъ и поэтамъ—въ родѣ пережившаго свое время Гюго. Намъ нужно теперь что-нибудь посущественнѣе: военные интересы, внѣшняя сила, никого не оставляющая въ покоѣ, наружное могущество, всегда готовое подставить ногу сосѣду и эксплуатировать его, и связанное съ этимъ могуществомъ обаяніе власти въ глазахъ господствующихъ

Digitized by Google

классовъ. И вотъ человѣкъ, называющій себя жертвой современной германской правительственной системы, обличающій ея пороки, не затрудняется однакоже признать, что эта система вполнѣ совмѣстима съ интересами культурной борьбы! Кроткій на посольскомъ постѣ, когда ему приходилось испытывать величайшія непріятности и униженія, онъ и тутъ обнаруживаетъ истинно современную кротость въ иронической оцѣнкѣ системы, которая, по его мнѣнію, опрокинула вверхъ дномъ, по отношенію къ нему, самыя элементарныя правила справедливости и сначала бросила его въ тюрьму, а теперь грозитъ выбросить его вонъ изъ отечества.

Послѣ паденія Тьера, „пресмыкающіеся" заговорили, что графъ Арнимъ не понялъ своего положенія и своей задачи относительно новаго французскаго правительства, поспѣшивъ его признаніемъ. „Вѣрно совсѣмъ противоположное — говоритъ брошюра: — нѣмецкій посолъ не имѣлъ ничего возразить противъ личности Макъ-Магона. Правда, маршалъ, хотя и былъ прежде оффиціальнымъ лицомъ, избѣгалъ сношеній съ гр. Арнимомъ. Онъ встрѣчался съ посломъ въ салонахъ президента Тьера, но не соглашался познакомиться съ нимъ, къ чему, однако, онъ былъ обязанъ этикетомъ всѣхъ странъ. Притомъ, какъ выдающійся представитель французской арміи, маршалъ не могъ не навести посла на мысль о вліяніи его избранія на армію, а это обстоятельство требовало отъ посла большой осторожности. Да и нельзя было поручиться за то, что и маршалъ Макъ-Магонъ въ свою очередь не будетъ внезапно замѣненъ другимъ лицомъ, съ которымъ не желательно вступать въ оффиціальныя сношенія. Поэтому, необходимо было установить прецедентъ и заявить въ принципѣ, что пока Франція не имѣетъ конституціи, до тѣхъ поръ правительства не будутъ безъ дальнѣйшихъ формальностей признавать каждую подобную личную перемѣну. Въ этомъ смыслѣ донесли гр. Арнимъ своему правительству, и его усиліямъ должно быть приписано соглашеніе кабинетовъ берлинскаго, петербургскаго, вѣнскаго, римскаго и другихъ — не признавать маршала Макъ-Магона, пока онъ не возвѣстилъ установленнымъ порядкомъ о своемъ вступленіи въ управленіе Франціею. Въ Берлинѣ это было хорошо извѣстно, потому что князь Бисмаркъ обратился къ кабинетамъ по предложенію посла, чтобы достигнуть соглашенія съ ними. И, однакоже, оффиціозныя газеты безстыднѣйшимъ образомъ напали на графа Арнима". Жалоба посла на эти нападки, изложенная въ письмѣ къ канцлеру, была оставлена послѣднимъ безъ отвѣта. Вмѣсто того, канцлеръ прислалъ ему письмо другого рода, которое имѣло характеръ выговора за личное сообщеніе посла императору о французскихъ дѣлахъ. Изъ этого посланія видно, что императоръ Вильгельмъ раздѣлялъ опасенія посла относительно республики-

Digitized by Google

скихъ послѣдствій правленія Тьера, и что это обстоятельство было крайне непріятно канцлеру. Полагая, что „лучшимъ правительствомъ во Франціи всегда будетъ такое, которому придется употреблять наименьшую часть своей силы на борьбу съ своими внутренними врагами", князь Бисмаркъ считалъ необходимымъ поддерживать во Франціи Тьера. Въ своемъ выговорѣ послу онъ высказываетъ, что „удовольствіе, съ которымъ было встрѣчено паденіе Тьера всѣми политическими противниками Германіи", доказываетъ вѣрность его расчета, и что посолъ имѣлъ, въ этомъ отношеніи, вредное вліяніе на императора, внушая ему опасенія за будущность монархическаго принципа въ Европѣ, если за Тьеромъ послѣдуетъ Гамбетта. Письмо это переполнено обидными и дерзкими выраженіями, и заключено угрозой сдѣлать императору докладъ о необходимости возстановить единство и дисциплину во внѣшней политикѣ и избавить службу его величества отъ вреднаго человѣка.

Брошюра называетъ всѣ эти факты и основанныя на нихъ соображенія канцлера совершенно ложными, и старается доказать это. Она ставитъ на видъ ту теорію „министерскаго деспотизма", по которой „послы и посланники обязаны такъ окрашивать свои донесенія, какъ это угодно министру". „Еслибъ эта теорія была принята всѣми, то было бы естественнѣе и проще изготовлять всѣ посольскія донесенія въ Берлинѣ". Но, повторяетъ брошюра, донесенія гр. Арнима вовсе не имѣли окраски, неудобной для государственнаго канцлера. Она утверждаетъ, что посолъ вовсе не ставилъ его въ необходимость вести борьбу противъ его донесеній, что кн. Бисмаркъ не могъ сказать императору: „Ваше величество, гр. Арнимъ доноситъ въ такомъ смыслѣ и съ такой окраской, которые не отвѣчаютъ моимъ инструкціямъ, и я прошу уволить меня или его". „Кн. Бисмаркъ,—продолжаетъ брошюра,—не могъ сказать этого, во-первыхъ, потому, что посолъ доносилъ не такъ, какъ онъ утверждаетъ въ своемъ выговорѣ, и, во-вторыхъ, потому, что посолъ имѣлъ и право и обязанность высказывать свое мнѣніе, пока онъ находился въ отвѣтственномъ положеніи". Онъ просто имѣлъ въ виду подставить ногу послу,—и это объясняется съ его стороны какъ личнымъ характеромъ, такъ и ошибочнымъ, по словамъ брошюры, предположеніемъ, что посолъ имѣлъ тайныя сношенія съ императоромъ, и притомъ сношенія самаго опаснаго свойства. Отсюда, говоритъ брошюра, всѣ тѣ непріятности, которыя посолъ долженъ былъ испытывать не только отъ своего берлинскаго начальства, но и въ своихъ сношеніяхъ съ тѣмъ правительствомъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ и съ которымъ германскій канцлеръ сносился инымъ путемъ, помимо посла.

Дѣло шло объ условіяхъ окончательнаго очищенія французскихъ

Digitized by Google

департаментовъ нѣмецкими войсками и уплатѣ знаменитыхъ милліардовъ, и посолъ въ это время старался, какъ говоритъ онъ самъ въ своихъ донесеніяхъ, обмануть французовъ кажущимися уступками, которыя въ сущности—это опять его слова—должны были ухудшить ихъ положеніе. Онъ совѣтовалъ очистить департаменты, но оставить гарнизонъ въ Бельфорѣ, сохраняя за Германіей право во всякое данное время снова вторгнуться во Францію, если условія мира не будутъ исполнены въ точности, приравнивая Францію панской области во время занятія ея французами. По мнѣнію гр. Арнима, высказанному въ той же депешѣ, онъ „не видитъ, почему французы не должны первые почувствовать потребность въ примиреніи съ Германіей, тѣмъ болѣе, что въ сущности послѣдняя не чувствуетъ никакой вражды къ нимъ". Остальной Европѣ, прибавлялъ онъ, мои предложенія покажутся на первый взглядъ даже легкомысленно великодушными, и тѣмъ хуже будетъ для Франціи, если она окажется „неблагодарною" въ глазахъ Европы. Конвенція была подписана 15-го марта 1873 года, а между тѣмъ оффиціозныя газеты продолжали утверждать, что графъ Арнимъ только мѣшалъ этому дѣлу. Брошюра идетъ еще далѣе. Она говоритъ, ссылаясь на оффиціальныя телеграммы, полученныя посломъ въ то время въ Парижѣ, что канцлеръ предписывалъ ему съ укоромъ, по высочайшему повелѣнію, исполнить то, что не только было исполнено посломъ прежде, но о чемъ послѣдній уже доносилъ канцлеру, какъ объ исполненномъ. Подъ вліяніемъ этихъ пререканій, заключеніе конвенціи было перенесено въ Берлинъ, гдѣ канцлеръ согласился отказаться отъ занятія Бельфора, хотя въ то же время предписывалъ послу отнюдь не отступать отъ этого условія.

Когда читаешь показанія одной стороны, нельзя, конечно, дѣлать выводовъ, не выслушавъ и другой. Но въ настоящемъ случаѣ и односторонніе показанія убѣждаютъ, что въ сношеніяхъ государственной канцеляріи съ германскимъ посольствомъ въ Парижѣ несомнѣнно проглядываетъ желаніе первой сдѣлать послѣднему какъ можно больше непріятностей, и что ихъ дальнѣйшія оффиціальныя сношенія стали невозможными. „Изъ Берлина, — говоритъ брошюра, —распространилось мнѣніе, перешедшее во всѣ близко стоящія къ канцлеру газеты, что гр. Арнимъ намѣренно замедлялъ заключеніе конвенціи, и что поэтому нужно было перевести переговоры въ Берлинъ. Впослѣдствіи то же обвиненіе было повторено въ англійской газетѣ „The Hour", состоящей подъ вліяніемъ германскаго посла въ Лондонѣ, графа Мюнстера. Назначеніе газеты „The Hour"—высиживать яйца, выкладываемыя въ оффиціозной фабрикѣ газетныхъ утокъ въ Берлинѣ, дабы они потомъ возвращались въ Германію въ качествѣ оригинальныхъ англійскихъ голубей".

Digitized by Google

Только теперь, послѣ цѣлаго ряда имъ самимъ описываемыхъ оскорбленій, графъ Арнимъ обидѣлся не на шутку. Напрасно прождавъ объясненій отъ канцлера, который не отвѣчалъ ему, онъ обратился къ императору съ просьбой назначить слѣдствіе по его дѣлу. Только теперь, говоритъ брошюра, онъ пересталъ считать образъ дѣйствій канцлера въ отношеніи къ нему слѣдствіемъ не временной раздражительности, а „предвзятой тенденціи". Императоръ Вильгельмъ собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ посла, что передалъ канцлеру его просьбу о слѣдствіи, но что канцлеръ отказался принять ее, пока она не будетъ доставлена ему обычнымъ служебнымъ порядкомъ. Кн. Бисмаркъ становился такимъ образомъ судьею въ собственномъ дѣлѣ. Графъ Арнимъ однако же оставался посломъ, но провелъ и лечился три лѣтнихъ мѣсяца 1873 года на разныхъ водахъ. „И въ это время,—говоритъ брошюра,—онъ получилъ нѣкоторыя сообщенія государственнаго канцлера, которыя показали ему, какъ усилилась ненависть къ нему кн. Бисмарка".

Леченіе и воды не помѣшали однако же графу Арниму заботиться о сохраненіи своего служебнаго поста. Онъ былъ въ это время въ Берлинѣ, и 1-го сентября (1873) былъ принятъ императотомъ Вильгельмомъ. „Посолъ спросилъ его величество,—говоритъ брошюра,—желаетъ ли онъ отозванія его изъ Парижа и вообще оставленія имъ службы". Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ отрицательно, замѣтивъ, что нѣтъ къ тому никакого основанія. По мнѣнію его величества, все дѣло въ „rancune" кн. Бисмарка, которая тѣмъ менѣе понятна императору, что онъ самъ не злопамятенъ. Но „rancune"—господствующая черта въ характерѣ князя, и очень грустно видѣть ее въ человѣкѣ, оказавшемъ столь большія заслуги. Эта „rancune" уже удалила многихъ вѣрныхъ слугъ его величества—Гольца, Тиле, Савиньи, Уздома, Вертера и другихъ. „Теперь ваша очередь", прибавилъ императоръ. Графъ Арнимъ возразилъ, что онъ — слуга императора, а не князя Бисмарка, и считаетъ своимъ долгомъ еще разъ показать государственному канцлеру, какъ неосновательны всѣ доводы, которыми онъ, быть можетъ самъ введенный въ заблужденіе, объясняетъ свою ненависть. Его величество изъявилъ на то свое согласіе, и графъ Арнимъ отправился къ кн. Бисмарку. Посолъ былъ въ то время боленъ; его нервная система была такъ потрясена, что ему нужно было нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ могъ начать рѣчь. Кому знакома та болѣзнь, которою въ то время страдалъ гр. Арнимъ въ высшей степени, тотъ знаетъ, что она имѣетъ послѣдствіемъ для больного невозможность говорить, когда онъ сильно возбужденъ, и нѣкоторымъ образомъ парализуетъ языкъ (неудобный посолъ! замѣтимъ мы отъ себя мимоходомъ). Кн. Бисмаркъ, который

Digitized by Google

ни въ какомъ случаѣ не могъ не замѣтить, въ какомъ мучительномъ состояніи находился гр. Арнимъ, не сдѣлалъ ничего для облегченія этого состоянія. Se pâmant d'aise de se trouver en si bonne santé, онъ началъ разговоръ въ обидномъ тонѣ великодушнаго, спокойнаго величія и милостиваго снисхожденія, къ которому въ данную минуту не было никакого повода. На просьбу графа Арнима сказать ему, что́ собственно служитъ причиной того „ожесточенія", съ которымъ онъ, канцлеръ, преслѣдуетъ его, князь разразился потокомъ упрековъ, къ которымъ онъ приготовился, какъ это показывали лежавшія на столѣ бумаги. „Я преслѣдуемый, а не вы", сказалъ князь. „Вотъ уже годъ, что вы отняли у меня покой, что вы разстраиваете мнѣ здоровье. Вы тайно дѣйствуете противъ меня за-одно съ императрицей и не успокоитесь до тѣхъ поръ, пока не сядете за этотъ самый столъ, гдѣ я теперь сижу. Я знаю васъ съ молодыхъ лѣтъ. Вы уже тогда говорили, что видите въ каждомъ начальникѣ вашего естественнаго врага. Въ эту минуту вашъ врагъ — я. Вы замедлили заключеніе конвенціи 15-го марта, чтобъ свергнуть Тьера, а мнѣ приходится нести отвѣтственность за эту политическую ошибку. Вы жаловались на меня императору, вы имѣете при дворѣ такія сношенія, которыя уже прежде помѣшали мнѣ призвать васъ сюда". Князь присоединилъ еще многое, въ чемъ не было тогда никакой надобности. Дѣйствительное или притворное—раздраженіе дѣлало рѣчь его безсвязною. Онъ потерялъ послѣдовательную нить событій. То, что́ происходило давно, онъ относилъ къ недавнему времени, и наоборотъ. Въ заключеніе онъ утверждалъ, что все, что́ онъ говоритъ, основано на подлинныхъ актахъ, но ничѣмъ не доказывая справедливости своихъ словъ. Особенную важность придавалъ онъ желанію, заявленному посломъ графу Эйленбургу въ ноябрѣ 1872 года, быть призваннымъ въ верхнюю палату. Въ этомъ желаніи кн. Бисмаркъ видѣлъ несомнѣнное доказательство неисцѣлимой мстительности гр. Арнима. „Вы желали тогда взять продолжительный отпускъ, чтобы интриговать противъ меня въ придворныхъ кружкахъ, пока я былъ въ Варцинѣ, такъ что я долженъ былъ предписать вамъ по начальству возвратиться къ вашему посту".

Брошюра называетъ все это ложнымъ, и припоминаетъ слѣдующій случай. Когда кн. Бисмаркъ былъ еще прусскимъ посланникомъ и находился въ 185* году въ отпуску въ Берлинѣ, онъ отправился, по истеченіи срока отпуска, къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы просить его о продленіи отпуска. Министръ отвѣчалъ на эту просьбу: „любезный г. фонъ-Бисмаркъ, я знаю, что вы воспользовались вашимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы свергнуть меня, и что вы съ этою цѣлью просите о продленіи отпуска. Желаю вамъ полнаго успѣха и даю вамъ испрашиваемый отпускъ". Кн. Бисмаркъ

Digitized by Google

очень смутился и промолчалъ. „Мы можемъ,—говоритъ брошюра,—назвать лицо, при которомъ происходилъ этотъ разговоръ съ нынѣшнимъ государственнымъ канцлеромъ".

Успокоенный главой государства, гр. Арнимъ возвратился въ Парижъ къ своему посту. Онъ говоритъ, что въ виду личнаго раздраженія канцлера не счелъ нужнымъ требовать отставки; кн. Бисмаркъ, съ своей стороны, зная настроеніе императора въ этомъ дѣлѣ, тоже не потребовалъ теперь же его увольненія. Съ нимъ посолъ разстался также, какъ говоритъ брошюра, „искренно желая предать забвенію прошлое", и „даже заявилъ свое сожалѣніе о томъ, что, быть можетъ, затруднилъ своей жалобой императору прямое согласіе съ княземъ".

Вскорѣ пастырскія посланія французскихъ епископовъ подали канцлеру и преданной ему печати новый поводъ къ нападеніямъ на посла Мы не будемъ входить въ подробности этого дѣла, такъ какъ читатель уже достаточно ознакомленъ теперь и съ характеромъ борьбы между двумя германскими сановниками, и съ самою брошюрой. Посла обвиняли въ томъ, что онъ не увѣдомлялъ своего правительства о дѣйствіяхъ французскихъ епископовъ и не умѣлъ отстоять въ этомъ дѣлѣ ни права своего отечества, ни даже „достоинство своего государя". Говорили, что кн. Бисмаркъ былъ вынужденъ самъ приняться за это дѣло, чтобы выяснить его путемъ переговоровъ съ французскимъ посломъ въ Берлинѣ и получить необходимое удовлетвореніе. Брошюра называетъ все это чистою ложью, и приводитъ подробности переговоровъ посла съ французскимъ правительствомъ по этому дѣлу. Она утверждаетъ, что канцлеръ не достигъ и прямыми переговорами съ французскимъ посломъ ни одного изъ тѣхъ результатовъ, которыхъ требовалъ отъ германскаго посла въ Парижѣ. Переговоры были перенесены въ Парижъ, какъ полагаетъ брошюра, съ единственной цѣлью поставить посла въ невозможное положеніе, какъ это уже было сдѣлано во время переговоровъ о конвенціи 15-го марта. Германскій канцлеръ, по словамъ брошюры, даже предупреждалъ герцога Деказа противъ гр. Арнима, сказавъ одному агенту: „Monsieur de Decases doit être bien jeune pour se livrer à des épanchements vis-à-vis d'Arnim". Любопытно тоже другое дѣло въ этомъ же родѣ: дѣло о французской ультрамонтанской печати. Графу Арниму было предписано изъ Берлина заявлять французскому правительству, каждыя двѣ недѣли, жалобы на эту печать. „Графъ Арнимъ исполнялъ это порученіе съ возможнымъ соблюденіемъ помянутаго срока", говоритъ брошюра; но когда газета „Univers" была пріостановлена вслѣдствіе жалобъ посла, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ на свое сообщеніе объ этомъ: „по моему

Digitized by Google

мнѣнію, нѣтъ никакой пользы дѣлать газетѣ „Univers“ рекламу изъ того, что она запрещена по нашему желанію. *Бисмаркъ*“.

Сторонники князя Бисмарка словесно и печатно называли графа Арнима скрытымъ клерикаломъ, и это вызвало послѣдняго на помѣщеніе въ вѣнской газетѣ „Presse“ своей записки о соборѣ, составленной еще въ іюнѣ 1870 года, когда гр. Арнимъ былъ представителемъ Германіи при папскомъ дворѣ въ Римѣ. Записка напечатана имъ съ цѣлью показать, что онъ былъ тогда въ полномъ согласіи съ канцлеромъ относительно конечныхъ цѣлей церковной политики. Ея появленіе и характеръ произвели сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ: „опять Бисмаркъ, — говоритъ брошюра, — почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ“, обратился въ архивы и „обнародовалъ оффиціальныя, секретныя и написанныя по довѣрію къ нему письма“, которыя должны были въ свою очередь показать, что до собора гр. Арнимъ думалъ иначе объ его послѣдствіяхъ, чѣмъ во время собора. Публика же, объясняетъ брошюра, перемѣшала факты и въ ней „составилось мнѣніе, будто гр. Арнимъ напечаталъ всѣ сейчасъ помянутыя бумаги, тогда какъ онъ обнародовалъ только записку и одно письмо“—въ видахъ самозащиты. „Князь Бисмаркъ напечаталъ, а графъ Арнимъ былъ прозванъ нѣмецкимъ Ла-Марморой“, продолжаетъ брошюра,—и въ этомъ видѣ дѣло было представлено императору. Трудно придумать болѣе замѣчательное, болѣе коварное изложеніе факта, происходившаго на глазахъ современниковъ; оно свидѣтельствуетъ объ ужасныхъ по истинѣ условіяхъ, къ которымъ привело насъ злоупотребленіе деньгами и властью. На вопросъ: „что есть истина?“—нынѣ труднѣе отвѣчать, чѣмъ когда-нибудь прежде“. Ко всему этому присоединялось еще извѣстное письмо гр. Арнима къ Дёллингеру. 5-го мая прошлаго года германскій посолъ въ Парижѣ получилъ оффиціальное письмо, подписанное за канцлера фонъ-Бюловомъ, и которое, по повелѣнію императора и порученію канцлера, требовало у него объясненій, угрожая законнымъ преслѣдованіемъ въ случаѣ ихъ неудовлетворительности, и напоминая ему, что если онъ имѣлъ поводы жаловаться на газетныя нападки, то долженъ былъ жаловаться по начальству. Отвѣтъ посла фонъ-Бюлову былъ уклончивый, но въ сущности гр. Арнимъ отклонилъ отъ себя отвѣтственность за оглашеніе помѣщенныхъ въ вѣнской газетѣ „Presse“ записки и письма. Брошюра увѣряетъ, что въ Вѣнѣ сдѣланы были попытки купить показанія редакціи. Съ своей стороны, гр. Арнимъ поспѣшилъ въ Берлинъ, но тамъ ему уже былъ закрытъ доступъ къ императору. Онъ долженъ былъ письменно отвѣчать на предложенные ему вопросы. „Графъ Арнимъ просилъ императора о назначеніи особой коммиссіи (Immediat commission) для разъясненія дѣла, и его величество, повидимому, соглашался снизойти на эту просьбу.

Digitized by Google

Но г. фонъ-Бюловъ, находившійся тогда при его величествѣ въ Висбаденѣ, объяснилъ ему, что кн. Бисмаркъ сдѣлаетъ изъ этого министерскій вопросъ. Это соображеніе побудило императора отказать въ назначеніи особой коммиссіи". Въ то же время „г. фонъ-Бюловъ принялъ совершенно исключительную мѣру, разославъ германскимъ дипломатическимъ агентамъ циркуляръ, представлявшій графа Арнима опаснымъ человѣкомъ, противъ котораго вѣроятно будетъ произведено дисциплинарное слѣдствіе".

Интересны объясненія брошюры о бумагахъ, увезенныхъ графомъ Арнимомъ изъ германскаго посольства въ Парижѣ, за что, какъ извѣстно, онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ тюремному заключенію. „Канцлеръ не безъ основанія опасался,—говоритъ брошюра,—что посолъ будетъ оправдываться, и притомъ публично, при помощи доступныхъ ему документовъ, послѣ того какъ законный путь къ оправданію передъ императоромъ былъ отрѣзанъ ему произвольнымъ вмѣшательствомъ канцлера. Забота въ виду такого обнародованія могла представляться государственному канцлеру тѣмъ болѣе основательною, что содержаніе этихъ документовъ, не могло ни въ какомъ отношеніи повредить интересамъ страны, а только личному его интересу. На самомъ же дѣлѣ посолъ былъ очень далекъ все время отъ подобнаго намѣренія, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, чтобы скрыть свое намѣреніе, снялъ бы копіи съ бумагъ, оставивъ оригиналы въ канцеляріи посольства. Онъ имѣлъ только понятное намѣреніе не передавать въ канцелярію посольства тѣхъ документовъ, которые служили доказательствомъ постыднаго къ нему отношенія".

Повторяемъ, все это показанія одной только стороны, и нельзя считать ихъ вполнѣ вѣрными и исчерпывающими дѣло. Но достаточно и ихъ, чтобы сказать, что это дѣло имѣетъ ничтожный, личный и дворскій характеръ, и вполнѣ обрисовываетъ наше время, не представляя ни одной человѣчной, утѣшительной черты, на которой можно было бы остановиться и отдохнуть нравственно. Эта скандалёзная и циническая борьба даровитаго и всемогущаго сановника съ своимъ подчиненнымъ передъ лицомъ всей Европы въ ужасающей степени наглядно показываетъ, какія побужденія и страсти стоятъ теперь на первомъ планѣ и „дѣлаютъ исторію". Въ этомъ общеинтересномъ смыслѣ, брошюра графа Арнима гораздо крупнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Она отлично обрисовываетъ время. Повидимому, она еще не послѣдняя. На заглавномъ листѣ ея обозначено: „выпускъ первый", а берлинская прокуратура начинаетъ противъ бывшаго посла судебное преслѣдованіе за нее, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что на ней не выставлено имени автора, о которомъ можно только догадываться. Къ счастію для Арнима, онъ нахо-

Digitized by Google

дится теперь въ Швейцаріи, и берлинскимъ судьямъ едва ли удастся засадить его въ одну изъ многочисленныхъ германскихъ крѣпостей.

Показанія одной изъ сторонъ, изложенныя въ брошюрѣ, достаточны также для того, чтобы выяснить воззрѣнія нынѣшняго германскаго правительства на Францію и на свои отношенія къ ней. Въ этомъ вопросѣ, повидимому, нѣтъ никакого разногласія между гр. Арнимомъ и его врагомъ. Франція представляется этому правительству страною разлагающеюся, въ отношеніи къ которой Германія можетъ занять приблизительно то же положеніе, какое занимали въ прошломъ столѣтіи три сѣверныя державы относительно Польши. „Вчера я вручилъ маршалу Макъ-Магону мои новыя кредитивныя грамоты и высочайшій отвѣтъ на его извѣщеніе о вступленіи въ должность президента", доноситъ графъ Арнимъ императору Вильгельму 8-го іюня 1873 года. „Пріемъ, хотя и очень простой, существенно отличался отъ совершенно свободныхъ пріемовъ г. Тьера. Маршалъ былъ въ мундирѣ, принималъ стоя, въ присутствіи своего министра, и отпустилъ меня точно государь. Я рѣдко встрѣчалъ француза, который такъ мало походилъ бы на француза, какъ герцогъ Маджентскій. (*Слѣдуетъ строка точекъ въ брошюрѣ*). Если національное собраніе и министры маршала полагали найти въ немъ лишенное воли орудіе, то имъ придется непріятно разубѣдиться въ этомъ. Быть можетъ, эта сухая, простая, неразсуждающая манера болѣе удобна для управленія французами, чѣмъ esprit его предшественника. Здѣшнія дѣла, въ ихъ настоящемъ видѣ, представляютъ одно изъ любопытныхъ явленій въ исторіи. Потомки всѣхъ династій, управлявшихъ Франціей, могутъ жить на французской территоріи, безъ всякаго стѣсненія своей свободы съ чьей бы то ни было стороны. Ихъ присутствіе не вызоветъ никакихъ потрясеній, ихъ отсутствіе никѣмъ не будетъ принято за несчастіе. Еслибъ Генрихъ V пожелалъ сегодня поселиться въ Шамборѣ, то онъ только удивилъ бы всѣхъ недѣли на двѣ. Болѣе сильное впечатлѣніе могло бы однако быть произведено появленіемъ Наполеона IV. А умный человѣкъ, отъ жизни котораго еще вчера, повидимому, все зависѣло, сидитъ грустный, лишенный всякаго вліянія, въ небольшомъ антресолѣ. Съ трудомъ и нехотя оказываютъ ему знаки должнаго уваженія. Онъ продолжаетъ быть популярнымъ, но его начинаютъ забывать. Вся публичная жизнь сосредоточивается не на принципіальныхъ вопросахъ, а на одномъ человѣкѣ, которому, чтобы быть императоромъ, недостаетъ только императорскаго титула и, вѣроятно, желанія принять его. Въ послѣднія времена римской имперіи хорошіе солдаты подобнаго закала задержали на нѣсколько лѣтъ ея безостановочное паденіе. Теперь еще невозможно сказать, какое направленіе примутъ здѣшнія дѣла вообще. Въ данную минуту новое политическое положеніе при-

Digitized by Google

весло ощутительнѣйшую выгоду бонапартистамъ. Недѣли двѣ тому назадъ считалось не совсѣмъ приличнымъ открыто показываться съ приверженцами павшей династіи: „c'étaient des lépreux". Нынѣ уже признается своевременнымъ поддерживать отношенія съ генераломъ Флёри и г. Руэромъ, и хвалиться ими". Объяснивъ затѣмъ ближайшіе виды и планы монархическихъ партій, посолъ прибавляетъ: „какъ бы то ни было, ни одно изъ династическихъ разрѣшеній правительственнаго вопроса, которыми заняты партіи, не послужитъ въ пользу монархическаго принципа въ Европѣ. Если поглубже вглядѣться въ дѣла, то становится яснымъ, что тутъ на первомъ планѣ интересы совсѣмъ иного рода. За исключеніемъ легитимистскихъ горячихъ головъ, монархическія партіи больше озабочены охраненіемъ своей собственности отъ петрольщиковъ и своихъ головъ отъ гильотины, чѣмъ введеніемъ монархической формы правленія. Послѣдняя, какъ и клерикальная политика, для нихъ только средство къ достиженію главной цѣли"... „Оттого нѣтъ никакого повода больше желать той или другой династической развязки, или только внутренно питать особенное сочувствіе къ одной изъ нихъ. Каждое правленіе въ теченіи ближайшаго двадцатилѣтія постарается извлечь пользу изъ настоящихъ затрудненій, чтобы потребовать назадъ „награбленное" у Франціи, но ни одно не затѣетъ войны безъ надежныхъ союзниковъ. Только радикальное или безумно-ультрамонтанское правительство могло бы нарушить миръ и безъ союзниковъ, потому что какъ то, такъ и другое, разсчитывали бы на друзей въ непріятельскомъ лагерѣ. Лучшимъ правительствомъ во Франціи всегда будетъ для насъ то, которое должно будетъ тратить бо́льшую часть своей силы на борьбу съ внутренними врагами". Таково мнѣніе посла о французскихъ дѣлахъ. А вотъ и мнѣніе канцлера. „По письменнымъ и словеснымъ заявленіямъ государственнаго канцлера,—говоритъ брошюра,—онъ считалъ все потеряннымъ съ паденіемъ г. Тьера. Онъ предусматривалъ легитимистское, безпокойное, угрожающее нарушеніемъ мира правительство и Европу въ союзѣ съ нимъ. Французская республика, къ которой онъ питалъ столь горячее сочувствіе, казалась ему въ опасности. Не безъ огорченія жаловался онъ, 2-го сентября, въ разговорѣ съ графомъ Арнимомъ, что имперія утратила всѣ шансы во Франціи"... „Князь Бисмаркъ сказалъ г. Филиппсборну 1-го сентября 1873 года, что никогда не проститъ графу Арниму паденія г. Тьера, потому что Тьеръ неизбѣжно предалъ бы Францію въ руки Гамбетты и анархіи"...

На этомъ мы остановимся. Брошюра, приписываемая графу Арниму, не представляетъ болѣе ничего интереснаго.

Римъ. 3/15 декабря 1875. В. К.

Digitized by Google

ОБЪ УПАДКѢ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Отвѣтъ на письмо г. Кавелина, въ «Недѣлѣ», 1875, № 40.

... Оканчивая біографію Бѣлинскаго, я, естественно, встрѣчался съ вопросомъ объ общественномъ смыслѣ его литературной дѣятельности и, слѣдовательно, объ отношеніи ея къ послѣдующему движенію. Я высказалъ, какъ разумѣю это отношеніе,—и такъ какъ опредѣленіе его должно было отчасти основаться и на томъ, какъ понимать самую личность Бѣлинскаго, то для меня не лишено было интереса — слышать мнѣнія людей, его близко знавшихъ, бывшихъ его личными друзьями, переживавшихъ впечатлѣнія и порывы той эпохи.

Я указывалъ тотъ разладъ, который, въ періодъ послѣ-Бѣлинскаго, оказался между людьми „сороковыхъ“ годовъ, т.-е. имени людьми традиціи Бѣлинскаго, и людьми „пятидесятыхъ“ годовъ, и по моему мнѣнію, этотъ разладъ былъ не таковъ, чтобы его можно было оправдать теоретически. Другими словами, на мой взглядъ, это былъ скорѣе разладъ личный,—разница людей, изъ которыхъ одни, уже прошедшіе извѣстную дѣятельность, были „искушены опытомъ“, отчасти утомлены имъ, и оттого менѣе воспріимчивы или болѣе недовѣрчивы къ новымъ явленіямъ жизни; другіе, только начинавшіе свою дѣятельность, напротивъ, отдавались ей съ увлеченіемъ живого убѣжденія, и этому увлеченію далъ обильную пищу новый начавшійся періодъ общественности. Но мы не находимъ въ этомъ теоретическаго разлада—въ томъ смыслѣ, что, по нашему мнѣнію, новый періодъ не выставлялъ какой-либо особенной системы мнѣній, которая противорѣчила бы недавнему литературному преданію, или идеямъ Бѣлинскаго и друзей, всего ближе къ нему стоявшихъ. Напротивъ, между этими идеями и новой возникавшей критикой была тѣснѣйшая связь, одно было непосредственнымъ основаніемъ для развитія другого, безъ скачка и перерыва; и если обнаруживался упомянутый разладъ, то не потому, чтобы писатели новаго поколѣнія отвергли идеи Бѣлинскаго,—напротивъ, скорѣе тѣ, которые являлись въ литературѣ какъ люди круга Бѣлинскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти, подъ указанными личными впечатлѣніями, не видѣли или не захотѣли видѣть въ новой литературѣ (лично съ Бѣлинскимъ не связанной) историческаго развитія идей прежняго періода. „Развитіе“ не есть, конечно, однообразное продолженіе, повтореніе стараго; и дѣйствительно, повторенія не было; но развитіе есть во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ тѣсная, непосредственная, историческая связь одного и другого періода.

Такова была, въ сущности, моя мысль. Съ точки зрѣнія г. Кавелина выходитъ иначе. Бѣлинскій и новая критика—два разныя литературныя явленія, два различныя отношенія къ идеалу; новая критика приняла иной путь, и оттого менѣе богата результатами, болѣе богата ошибками, и между прочимъ повела къ упадку критики. Сколько мы слышали, и у другихъ (думаемъ, однако, не у всѣхъ) современниковъ и друзей Бѣлинскаго являлось подобное мнѣніе относительно нашего взгляда.

Это противорѣчіе (которое не заставляетъ, однако, насъ измѣнить высказаннаго взгляда) исходитъ чисто отъ недостаточнаго вниманія къ тому, что́ называютъ новой критикой, и отъ слишкомъ податливой уступчивости своимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Имѣя въ виду это послѣднее, я говорилъ въ своемъ „заключеніи“ о томъ недостаткѣ взаимнаго пониманія между поколѣніями, которое такъ невыгодно отличаетъ нашу литературу. Желаніе помочь разъясненію дѣла побуждаетъ меня возвратиться къ предмету еще разъ. Прежде мнѣ приходилось встрѣтиться, въ отзывахъ г. Тургенева, съ крайнимъ предубѣжденіемъ противъ новой критики,—которое представляло ее совершеннымъ извращеніемъ дѣла Бѣлинскаго, не имѣющимъ съ этимъ дѣломъ ничего общаго и т. д. Теперь я, по крайней мѣрѣ, не безъ удовольствія увидѣлъ, что г. Кавелинъ признаетъ вполнѣ убѣдительными („побѣдоносными“) нѣкоторыя мои возраженія г. Тургеневу, и самое изложеніе г. Тургенева признаетъ „полемическимъ“, т.-е. писаннымъ съ задней мыслью, которая недоказана. Тѣмъ не менѣе, г. Кавелинъ не согласенъ съ моими выводами.

Настоящая аргументація противъ меня состоитъ, въ сущности, въ слѣдующихъ положеніяхъ, изъ которыхъ, какъ самъ читатель увидитъ, иныя мнѣ незачѣмъ будетъ опровергать, потому что они доказываютъ мою же мысль. Оговоримся впередъ, что, останавливаясь на мнѣніяхъ г. Кавелина, мы по необходимости исключимъ всякіе личные вопросы, и представимъ только рядъ отдѣльныхъ замѣчаній...

Бѣлинскій, по словамъ г. Кавелина, представляя собою переходъ русской мысли изъ сферы отвлеченной (литературной, эстетической, философской) въ общественную, „носилъ въ себѣ идеалъ нравственной человѣческой личности, какъ онъ создался у насъ по европейскимъ образцамъ цѣлымъ періодомъ историческаго развитія, и въ то же время страстно отрицалъ наше тогдашнее общественное безобразіе“. Г. Кавелинъ подтверждаетъ, что отрицаніе Бѣлинскаго было очень энергическое, что чѣмъ дальше, тѣмъ оно становилось сильнѣе; что по своей точкѣ зрѣнія и тогдашнему настроенію лучшихъ умовъ,

Digitized by Google

„Бѣлинскій *не могъ довольствоваться* однимъ *чисто-теоретическимъ* наслажденіемъ истиной, красотой и нравственнымъ идеаломъ, а хотѣлъ видѣть осуществленнымъ то, въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ, чему былъ преданъ всѣмъ сердцемъ". Это—именно одно изъ тѣхъ свойствъ характера и дѣятельности Бѣлинскаго, которое, по моему мнѣнію, и сближало его съ послѣдующей критикой. Но вслѣдъ затѣмъ г. Кавелинъ, расходясь съ г. Тургеневымъ въ оцѣнкѣ отрицательной стороны мнѣній Бѣлинскаго, рѣшительно не соглашается и съ моими словами, что новое движеніе русской литературы было дальнѣйшимъ развитіемъ направленія Бѣлинскаго. По его словамъ, „послѣ Бѣлинскаго идеалы у насъ сначала переродились, а потомъ стали болѣе и болѣе удаляться на второй планъ; уже съ перерожденіемъ идеаловъ, а тѣмъ болѣе потомъ, когда они потускнѣли, на первый планъ все сильнѣе и рѣзче выступало отрицательное направленіе, которое въ послѣднее время почти исключительно господствовало въ нашей литературной критикѣ". О Бѣлинскомъ сказать этого невозможно. Отрицательное направленіе Бѣлинскаго существовало только въ силу идеаловъ; они шли у него *рядомъ* съ отрицаніемъ. „Именно потому, что Бѣлинскій имѣлъ идеалы, вносилъ ихъ въ свою дѣятельность, вліяніе его и было такъ сильно. Бѣлинскій воспиталъ цѣлыя поколѣнія и воспиталъ ихъ не однимъ отрицаніемъ отжившаго, отсталаго, негоднаго, но и поднятіемъ мысли и настроенія на высоту нравственнаго идеала, который потомъ формулировался каждымъ по-своему и служилъ ему точкой опоры въ практической дѣятельности". Послѣ же Бѣлинскаго, характеръ и направленіе критики, по словамъ г. Кавелина, мало-по-малу существенно измѣнились. Отъ идеала нравственнаго новые дѣятели перешли къ идеаламъ общественнымъ, и здѣсь ихъ направленіе не было продолженіемъ идей Бѣлинскаго. Бѣлинскій, въ этомъ отношеніи, твердо стоялъ на реальной почвѣ; новые критики были идеалисты. „Бѣлинскій, выработывавшій свои идеалы съ внутренней борьбой и страданіями, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія (?), никогда ихъ не формулировалъ и не навязывалъ дѣйствительности. Вся сила и обаяніе его воззрѣній заключались въ стремленіяхъ, глубоко проникнутыхъ нравственнымъ элементомъ... Какъ настроеніе, идеалы Бѣлинскаго предоставляли широкій просторъ личной дѣятельности каждаго, не заключали ее въ тѣсную рамку, столь удобную для нашей умственной лѣни; напротивъ, они будили къ умственной дѣятельности, вынуждая искать примѣненія идеала къ самымъ различнымъ обстоятельствамъ и условіямъ. Бѣлинскій дѣйствовалъ прямо на живую почву и источникъ всякаго идеала—на человѣческую, нравственную, духовную личность. Послѣдующіе критики относились къ дѣйствительности совсѣмъ иначе. Отжившимъ формамъ жизни

Digitized by Google

они противопоставили свои, столько же настойчивыя и требовательныя, и потому столько же стѣснительныя. Программа была дана, но способы ея выполненія не были указаны. Что́ же такіе идеалы имѣютъ общаго съ идеалами Бѣлинскаго? Послѣдніе создали школу въ литературѣ и критикѣ, первые привели и ту и другую къ упадку. И это не была случайность, а логическое послѣдствіе неправильной постановки идеаловъ".

Остановимся пока на этихъ положеніяхъ.

Въ подтвержденіе своей мысли о связи двухъ литературныхъ періодовъ, я указывалъ прежде всего фактъ. Какъ только открылась первая возможность говорить о Бѣлинскомъ, и прежде чѣмъ кто либо изъ его ближайшихъ друзей высказался о немъ, собралъ свои воспоминанія,—новая критика (не знавшая вовсе его личнаго вліянія) вспомнила о немъ, какъ о своемъ предшественникѣ и учителѣ, старалась—въ первый разъ—выяснить обществу его значеніе для развитія русской литературы, выдѣлить и указать его труды. Напоминаемъ снова этотъ фактъ, потому что онъ или забытъ моими противниками, или недостаточно ими оцѣненъ. Но на дѣлѣ, наша литература до послѣдняго времени не представляла другого труда, посвященнаго дѣятельности Бѣлинскаго, труда, исполненнаго съ такой любовью и внимательнымъ изученіемъ, которыя свидѣтельствовали не объ одномъ чисто-историческомъ любопытствѣ. Можно сказать, что съ этого труда новой критики для большинства въ первый разъ выяснилось дѣло, совершённое Бѣлинскимъ, и характеръ самой личности,—какъ этого не было сдѣлано самими его друзьями.

Скажутъ, что то была только хронологическая послѣдовательность, а не внутренняя связь; что новая критика признавала историческую заслугу Бѣлинскаго, но сама вступала на совсѣмъ иной путь. Но противъ этого возраженія мы повторимъ, что смыслъ этого воспоминанія о Бѣлинскомъ заключался не въ одномъ историческомъ интересѣ, и, кромѣ того, мы указывали другой фактъ, признаваемый впрочемъ и моими противниками, именно, что уже въ рукахъ самого Бѣлинскаго критика переходила изъ литературной отвлеченной области въ чисто-общественную. Этотъ переходъ очень замѣтенъ и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго: за послѣдніе годы, его критика все больше и больше обращалась къ прямымъ вопросамъ общественнаго быта. Изданные теперь отрывки его переписки указываютъ намъ этотъ ходъ его мыслей въ еще болѣе сильной степени и рѣзко опредѣленной формѣ: это—то направленіе мысли и та форма, съ какими является извѣстное письмо къ Гоголю. Это письмо, которое мои противники хотятъ выставить какъ будто случайнымъ порывомъ безъ послѣдствій, было, напротивъ, естественнымъ завершеніемъ цѣлаго развитія... На людей, стоявшихъ внѣ собственнаго круга Бѣлинскаго,

Digitized by Google

это произведеніе подѣйствовало, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ всѣ другія его произведенія, подѣйствовало какъ энергическое, полное проявленіе его личности и взгляда на вещи. Простое сопоставленіе послѣднихъ мнѣній Бѣлинскаго съ первыми заявленными требованіями новой критики можетъ показать, что между ними было гораздо больше внутренней связи, чѣмъ обыкновенно думаютъ, — другими словами, что Бѣлинскій въ своихъ теоретическихъ мнѣніяхъ послѣдняго времени вовсе не былъ тѣмъ, чѣмъ представляютъ его мои противники.

Правда, что Бѣлинскій, при всемъ интересѣ къ общественному содержанію, какой увлекалъ его въ послѣднее время, оставался до конца и эстетикомъ (и вмѣстѣ съ этимъ нравственно-поэтическимъ идеалистомъ) и, быть можетъ, въ бо́льшей степени, чѣмъ то бывало въ новой критикѣ. Но это не уничтожаетъ указываемаго нами единства. Эстетическія влеченія были врожденнымъ свойствомъ Бѣлинскаго, усиленнымъ долгими занятіями и привычкой;—но сильнымъ эстетическимъ чувствомъ и нравственно-поэтическимъ пониманіемъ не была обдѣлена и новая критика, напр. въ лицѣ Добролюбова, сочиненія котораго, по эстетической критикѣ, также какъ будто призабыты моими противниками.

Г. Кавелинъ соглашается, что „г. Тургеневъ ступевалъ отрицательную сторону Бѣлинскаго, развитую въ немъ, какъ всѣ мы знаемъ и помнимъ, до болѣзненной страстности"; что Бѣлинскій не могъ довольствоваться „однимъ чисто теоретическимъ наслажденіемъ истиной, красотой и нравственнымъ идеаломъ",—что онъ не могъ этого по своей точкѣ зрѣнія и по тогдашнему настроенію лучшихъ умовъ; что „его раздражала житейская гниль и пошлость". Мы, право, затрудняемся понять, какимъ образомъ настроеніе, описываемое подобными выраженіями, можетъ быть противоположно послѣдующей критикѣ, какъ „реализмъ" — идеализму. Намъ кажется, что идеализмъ былъ совершенно одинаковъ съ обѣихъ сторонъ,—но различны были условія, время, окружающія событія.

Приписывая Бѣлинскому этотъ реализмъ, какъ особенное свойство и преимущество, г. Кавелинъ настаиваетъ потомъ, что у Бѣлинскаго, рядомъ съ отрицаніемъ, шелъ въ тѣснѣйшей связи нравственный идеалъ, который именно и сообщалъ силу его вліянію; тогда какъ у его преемниковъ (ближайшихъ) все больше брало верхъ чистое отрицаніе, — которое, впослѣдствіи, въ наше время, будто бы даже „забыло, во имя чего отрицаетъ".

Эти слова, по нашему мнѣнію, — цѣлый рядъ недоразумѣній. Прежде всего, г. Кавелинъ въ началѣ письма очень справедливо объяснялъ, что самое отрицаніе невозможно безъ идеала, предполагаетъ его. Такъ это дѣйствительно и было. Новая критика, которую

Digitized by Google

такъ несправедливо, скажемъ болѣе—такъ поверхностно считаютъ за исключительно (или преимущественно) отрицательную, въ основаніи своемъ носила тотъ же нравственный идеалъ, который не одинъ разъ и высказывала въ той положительной формѣ, какая была возможна въ пятидесятыхъ годахъ. Можетъ быть, что она высказывала его рѣже, съ меньшими истолкованіями, чѣмъ то бывало у Бѣлинскаго. Но не должно забывать разницу времени. Критика, принимавшая дѣло Бѣлинскаго, смѣло могла считать объясненными многіе вопросы, надъ которыми работалъ Бѣлинскій. То объясненіе его дѣятельности, съ котораго начала она, было этимъ общимъ указаніемъ на то, что уже было сдѣлано въ литературѣ и чего не было надобности повторять. Значеніе самого Бѣлинскаго заключалось въ томъ, что извѣстныя нравственно-общественныя истины, распространенію которыхъ онъ (вмѣстѣ съ другими) посвящалъ свои усилія, вошли въ сознаніе лучшихъ людей, и разъяснять ихъ больше было иногда почти невозможно. Послѣднія произведенія Бѣлинскаго были еще въ свѣжей памяти. Идеалы новой критики во многомъ были тождественны съ идеалами Бѣлинскаго: для людей размышляющихъ не было надобности повторять вновь ихъ главнѣйшія основанія. Но во многомъ, новые идеалы были гораздо шире, потому, что время шло, а общественная мысль незамѣтно, но несомнѣнно развивалась и расширялась... Бѣлинскому приходилось еще объяснять гнусность воровства и казнокрадства, гадость кулачнаго права въ семейной или общественной жизни, вредъ невѣжества и т. п. Думаемъ, что поученія подобнаго рода для слѣдующаго поколѣнія были ясны безъ особенныхъ истолкованій или же требовали разъясненій на практическихъ, реальныхъ примѣрахъ. Это дѣйствительно и дѣлала такъ-называемая „обличительная литература“, теперь забытая, отчасти пренебрегаемая, но въ свое время дѣлавшая свое полезное дѣло. „Бѣлинскій ясно понималъ необходимость реформъ“—да, но очень неясно понималъ возможность ихъ осуществленія (какъ, впрочемъ, и большинство лучшихъ людей въ то время); позднѣйшее время, самымъ складомъ обстоятельствъ, ставило эти вопросы значительно иначе, яснѣе и доступнѣе, — и это одно сильно измѣняло всю роль новой критики. Обстоятельства же вскорѣ указали близкую возможность осуществленія реформъ, о которыхъ Бѣлинскій мечталъ только въ чистомъ идеалѣ и теоріи; возможность была несомнѣнна; для людей, владѣвшихъ „нравственными идеалами“, цѣлью надеждъ было — возможно широкое осуществленіе этихъ реформъ; здѣсь ожидалось прямое, широкое, осязательное народное благо, и понятно, что эти великіе интересы подняли идеализмъ тогдашнихъ лучшихъ людей, одушевили ихъ не отвлеченными моральными идеями, а живыми насущными стремленіями. Разница обстоятельствъ была чрезвычайная; то, о чемъ

Digitized by Google

Бѣлинскій мечталъ какъ о далекомъ и неясномъ благѣ, становилос вопросомъ дня, — о которомъ вскорѣ заговорила и печать. Это н могло не отразиться на критикѣ. Одна доля ея силъ оставила совсѣм предметъ своихъ прежнихъ разсужденій—belles lettres, въ иныя минут было не до нихъ,—и обратилась къ публицистикѣ. Естественност этого—нечего объяснять. Народные вопросы являлись уже не „зерца ломъ въ гаданіи", и тѣ, кому они были близко на душѣ, обратилис къ ихъ непосредственному изученію. Другая доля критическихъ силъ слѣдившая—какъ Добролюбовъ—за явленіями художественной лите ратуры (и также очень часто приходившая къ чистой публицистикѣ) естественно принимала иной тонъ и ставила иныя задачи. Вес уровень требованій повысился. Идеалы вовсе не „переродились", как утверждаетъ г. Кавелинъ, а опредѣлились, перестали быть отвлечен ными,—и не „отступили на второй планъ", а сдѣлались достояніемъ несравненно бо́льшаго круга людей, стали получать гораздо больше толкованій и примѣненій. Произошло измѣненіе и въ критикѣ— измѣненіе не отъ свойства критиковъ (которое ничѣмъ не уступал прежнему), не отъ прихоти, а отъ самаго времени. Оттого критик требовала бо́льшаго реализма, бо́льшей художественной прямоты и изображеніяхъ жизни. Было явно, и чувствовалось, что за новым движеніемъ, обѣщавшимъ лучшее будущее, кроются еще многочи сленныя силы стараго мрака и себялюбія, которыя могли внушат опасенія за самый успѣхъ возникавшаго блага, и понятно, что „от рицаніе", которое съ ними боролось, должно было становиться тѣм рѣзче и даже нетерпимѣе, чѣмъ глубже и горячѣе были стремленія къ лучшему. Если даже не принимать въ соображеніе чисто-индиви дуальныя свойства (напр. у Добролюбова), то одного свойства об стоятельствъ достаточно, чтобы объяснить проявлявшуюся желчь раздраженіе, сарказмъ.

Намъ говорятъ, что будто отрицаніе усиливалось оттого, что „идеалы потускнѣли"!

Итакъ, общее обвиненіе, выставленное противъ новой критики, и той, которая непосредственно слѣдовала за Бѣлинскимъ, и той, ко торая дѣйствуетъ въ настоящую минуту, состоитъ въ томъ, что но вые идеалы (мнимо-„переродившіеся") привели литературу и кри тику къ упадку, что новѣйшее отрицаніе забыло даже, во имя чего оно отрицаетъ. „Всѣ эти явленія,—замѣчаетъ г. Кавелинъ,—служа щія признаками сбитой съ толку мысли, конечно, принадлежатъ уже не тому времени, о которомъ мы собственно хотѣли говорить; но эти явленія произошли вслѣдствіе ошибочной постановки идеала послѣ Бѣлинскаго, вслѣдствіе того, что путь, имъ указанный, былъ оставленъ и забытъ".

Digitized by Google

Г. Кавелинъ признаетъ, что „въ обстоятельствахъ и условіяхъ нашего прошедшаго и настоящаго, въ жизни и настроеніяхъ нашихъ интеллигентныхъ слоевъ, конечно, были свои побудительныя причины, почему русская мысль направилась въ сторону идеализма, а потомъ отрицанія, а не развитія идеаловъ на реальной почвѣ",—но это въ сущности самое капитальное условіе новаго времени онъ считаетъ только облегчающимъ обстоятельствомъ, а затѣмъ продолжаетъ опять винить критику за оставленіе дороги Бѣлинскаго.

Всѣ эти разсужденія объ упадкѣ литературы и критики, какія очень часто приводится слышать въ послѣдніе годы, кажутся намъ чрезвычайно странными, и обыкновенныя объясненія его представляютъ самое превратное пониманіе вещей. Попробуемъ указать нѣкоторыя стороны дѣла, на которыя не обращаютъ вниманія строгіе судьи современной литературы.

Во-первыхъ, эти судьи проводятъ совершенно ошибочное сравненіе между критикой новѣйшей и критикой временъ Бѣлинскаго даже по ихъ чисто внѣшнему положенію. Во времена Бѣлинскаго, критика литературная (и отчасти историческая) составляла главное основаніе, центръ тяжести журнала. Бывало, выйдетъ повѣсть, книжка стиховъ, собраніе сочиненій, журналъ считалъ необходимостью дать о нихъ критическую статью,—которая, правда, очень часто пользовалась ими только какъ поводомъ, но обыкновенно посвящала не мало мѣста опредѣленію художественныхъ достоинствъ и недостатковъ даннаго произведенія. Въ свое время, это господство литературно-эстетической критики имѣло свой смыслъ и свою пользу: литературныя понятія публики были еще очень мало развиты; ей было нужно разъяснять самые первоначальные эстетическіе вопросы, какъ, напр., нужно было растолковать Гоголя, для того, чтобъ она его уразумѣла; кромѣ того, литературная критика была въ то время единственной возможной формой, въ которой можно было говорить о жизни и нравахъ. Но такъ было это въ рукахъ Бѣлинскаго; при его эпигонахъ (какъ Дудышкинъ) эта эстетическая критика вырождалась уже въ безплодное эстетическое перемываньe различныхъ „художественныхъ" произведеній, на половину не стоившихъ никакого вниманія. Въ рукахъ новыхъ дѣятелей, напримѣръ, у Добролюбова, эта критика опять возвысилась до такого значенія, какое имѣла у Бѣлинскаго; но роль ея уже въ это время значительно измѣнилась: литературная критика, съ одной стороны, начинаетъ глубже касаться самыхъ вопросовъ жизни, меньше увлекаться эстетической, и больше реально-бытовой стороной произведеній; съ другой—она прямо смѣняется публицистикой. Причина была простая. Мало-по-малу литература пріобрѣла, хотя до извѣстной степени, воз-

Digitized by Google

можность говорить прямо о тѣхъ общественныхъ предметахъ, кот рые прежде только отвлеченно трактовались по поводу „художестве ныхъ“ произведеній. Эта нѣкоторая возможность наступила тогд когда сталъ подготовляться вопросъ реформы, и въ литературѣ на чались понемногу разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ, о преобраз ваніи суда и т. п. Понятно, что люди, серьёзно этими предметам заинтересованные, оставили „художественныя“ произведенія и стал говорить прямо объ учрежденіяхъ, о политической экономіи, а такж и объ общихъ философскихъ вопросахъ—съ точекъ зрѣнія и съ общи ностью взгляда, о которыхъ только мечтала старая литературна критика.

Не знаемъ, съ которой стороны это могло быть „упадкомъ“. По нашему мнѣнію, это былъ несомнѣнный и большой успѣхъ.

По старой привычкѣ къ литературной критикѣ, думаютъ, что отсутствіе или ограниченіе журнальной рубрики (хотя, собственно говоря, до начала шестидесятыхъ годовъ и этого ослабленія не было) означало отсутствіе или ослабленіе „идеаловъ“—какъ-будто идеал могъ высказываться только въ формѣ идеализированія, и какъ-будто онъ не могъ господствовать надъ мыслью и чувствомъ писателя и читателя и въ философскомъ трактатѣ, и въ политико-экономическом разсужденіи, и въ сатирическомъ очеркѣ и во „внутреннемъ обозрѣ ніи“. Этихъ идеаловъ не видѣли строгіе судьи новѣйшей литературы, —неужели потому, что на нихъ не было вывѣски? Было очень естественно, что возможность касаться живыхъ интересовъ стала развивать именно публицистическую сторону литературы, и къ ней дѣйствительно примкнули многіе лучшіе умы и таланты, которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ между прочимъ и та заслуга, что они укрѣпили въ литературѣ и въ лучшихъ людяхъ общества вниманіе къ серьёзнымъ интересамъ общественнаго быта. Г. Кавелинъ, вѣроятно, не станетъ спорить, если я припишу часть этой заслуги въ русской публицистикѣ Добролюбову и друзьямъ его.

Это и есть та положительная заслуга новой критики, которой хотятъ придавать одну „отрицательную“ дѣятельность.

Должно замѣтить, что и сама „художественная“ литература значительно измѣнилась со временъ Бѣлинскаго, и для нея едва ли уже требовались тѣ эстетическіе трактаты, какіе представляла критика Бѣлинскаго. Послѣдняя работала надъ элементарнымъ воспитаніемъ эстетическаго вкуса, успѣла сдѣлать не мало для этой цѣли и, безъ сомнѣнія, теперь этого пониманія—больше. Но главное, „художественная“ литература пошла въ слѣдъ за жизнью, и все больше обращалась къ предметамъ чисто общественнаго свойства. Она не имѣла въ послѣднія десятилѣтія талантовъ, равныхъ Пушкину, Лермонтову, Гоголю, но въ этомъ непосредственномъ изображеніи общественности

Digitized by Google

она, безъ сомнѣнія, идетъ несравненно дальше. Въ тѣ времена общественное сознаніе вращалось на общихъ гуманистическихъ тэмахъ; отрицаніе и идеалы той литературы достигали большой высоты, но и бывали неопредѣленны, и критикѣ бывало не мало труда связать ихъ съ жизнью, указать ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Послѣгоголевская школа была слабѣе талантами, но ближе къ самой жизни. Сначала она была нравоописательная, затѣмъ въ ней стали показываться признаки тенденціи; въ новѣйшее время она стала несомнѣнно тенденціозной, или, другими словами (если считать тенденціозность порокомъ), она стала изображать явленія жизни, въ которыхъ отразилось общественное броженіе, отношенія разныхъ общественныхъ элементовъ—съ сочувствіями къ той или другой сторонѣ.

Въ сороковыхъ годахъ г. Тургеневъ являлся еще съ „Парашей", „Андреемъ" и только подъ конецъ съ „Записками Охотника"; Бѣлинскій писалъ длинныя разсужденія о „Двухъ судьбахъ" Майкова, о „Тарантасѣ" гр. Соллогуба, о стихахъ Языкова, о самой „Парашѣ". Въ пятидесятыхъ годахъ, самъ г. Тургеневъ былъ уже не тотъ; г. Гончаровъ явился съ „Обломовымъ", г. Островскій со своими комедіями, Щедринъ — съ „Очерками". Конечно, они не сговаривались съ критикой, чтобы дать самой художественной литературѣ новый тонъ, глубже захватывавшій общественные нравы, чѣмъ то было въ сороковыхъ годахъ,—и они, конечно, дали этотъ тонъ, въ уровень съ которымъ шла и критика.

Когда, такимъ образомъ, сама „художественная" литература принимала (такъ или иначе) болѣе спеціально и болѣе серьёзно-общественный характеръ, не въ правѣ ли были читатели и критика, когда вслѣдъ за движеніемъ самой жизни, за явнымъ стремленіемъ самаго „творчества", стали гораздо воспріимчивѣе, понятливѣе и требовательнѣе именно къ общественной сторонѣ „художественныхъ" произведеній, и даже при отсутствіи чего-либо особенно замѣчательнаго въ эстетическомъ отношеніи (замѣчательныхъ вещей этого рода было дѣйствительно немного), интересовались и менѣе важными въ эстетическомъ смыслѣ, но новыми и смѣлыми въ общественномъ смыслѣ произведеніями. Второстепенная повѣсть, романъ могли быть очень любопытны по этой сторонѣ (напомнимъ „Откупное дѣло"). Такъ это и было, и литература, особенно съ шестидесятыхъ годовъ, была наполнена произведеніями, которыя или явно преслѣдовали публицистическія и памфлетныя цѣли, или отличались такими свойствами безсознательно для самихъ авторовъ, которые даже съ неудовольствіемъ отвергали всякую намѣренность своихъ твореній.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о разсказахъ Щедрина, блистательный успѣхъ которыхъ намъ еще очень памятенъ, развѣ и позднѣе „Отцы

Digitized by Google

и Дѣти" не были памфлетомъ? Развѣ „Дымъ" свободенъ отъ публ
цистическихъ намѣреній? Развѣ гр. Л. Толстой есть чистый объе
тивный художникъ, а не писатель, въ которомъ есть, кромѣ поэт
ческаго элемента, и чистая тенденціозность особаго рода? Не буде
перечислять множества примѣровъ, гдѣ за мнимой художественност
открывается прямая принадлежность писателя къ той или друг
сторонѣ общественныхъ взглядовъ, — къ той или другой „партіи
сказали бы мы, еслибъ это слово имѣло у насъ серьёзный смыслъ.

Публика это чувствовала и, конечно, было совершенно естествени
что она прежде всего искала *этого* содержанія? При трудности г
ворить въ литературѣ объ извѣстныхъ явленіяхъ нашей жизни, к
торыя однако были нѣсколько болѣе доступны для повѣсти и романа
иначе и быть не могло. Понятно, что эстетическая критика, как
говорятъ, „упала". Она дѣйствительно стала рѣже, ею стали меньш
интересоваться.

Но, повторяемъ, въ этомъ мы не видѣли никакого особеннаго п
денія вообще литературы. Напротивъ, и это извѣстный успѣхъ: л
тература пріучалась говорить прямѣе о дѣлѣ, а не витать въ иде
листическихъ отвлеченностяхъ; пріучалась цѣнить вѣрнѣе свое поэт
ческое имущество, и не воображая себя окруженной эстетическим
богатствами, присматриваться ближе къ реальному смыслу литер
турныхъ изображеній.

Не увлекаясь въ преувеличенія и громкія фразы, надо объяснит
вещи простѣе и—иначе, чѣмъ дѣлаютъ наши противники. Слѣдует
напримѣръ, вспомнить замѣчаніе, не однажды высказанное Бѣлин
скимъ, что надо очень осторожно обращаться съ словомъ „художе
ственность". Истинно художественныя произведенія такъ же рѣдк
какъ великіе писатели, и толковать о художественности по повод
первой встрѣчной повѣсти, значитъ слишкомъ мало оказывать ува
женія къ искусству. Не лишенъ любопытности фактъ, что ревностнѣй
шими защитниками „художественности" являются теперь люди, и
родѣ литературнаго критика „Русскаго Вѣстника". Меньшій объемъ чи
сто эстетической критики въ настоящее время больше соотвѣтствует
наличному объему художественныхъ произведеній и показываетъ так
же, что въ обществѣ является больше запроса на иного рода кри
тическія изысканія,—именно, на болѣе прямыя изслѣдованія объ об
ществѣ и, вѣроятно, меньшая податливость къ *мнимой* художе
ственности. Въ тѣ времена повѣсть высказывала отдаленныя мысли
о крѣпостномъ вопросѣ, о крайней испорченности суда и администра
ціи, о грубости нравовъ и домашняго быта, о человѣческихъ пра
вахъ женщины, о гнетущемъ вліяніи неразвитаго общества и т. д.,
и эта повѣсть давала критикѣ поводъ излагать свою точку зрѣнія,
исправлять ошибки автора не только эстетическія, но и теоретическія.

Digitized by Google

Теперь, какъ мы замѣчали, для теоретическихъ вопросовъ (по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ) есть возможность болѣе прямого изложенія, и хотя оно менѣе доступно для массы читателей, чѣмъ было изложеніе беллетристическое, — но во всякомъ случаѣ болѣе опредѣлительно. Отсюда происходятъ различныя послѣдствія. Во-первыхъ, беллетристика потеряла долю своего значенія, какое имѣла прежде, какъ единственная (съ эстетической критикой) форма публицистики. Во-вторыхъ, и публика и критика перестали (какъ это и совѣтовалъ Бѣлинскій) преувеличивать „художественность“ и отыскивать ее тамъ, гдѣ ея не было или гдѣ она была въ очень скромномъ количествѣ; а если замѣчали тенденціозность произведенія, то и стали говорить прямо о ней. Притомъ сама литература (особенно „положительная“, а не отрицательная) въ наше нынѣшнее время такова, что говорить о „художественныхъ“ ея качествахъ было бы ребячествомъ: произведенія В. Крестовскаго (не-псевдонима), Авсѣенко, Маркевича, Клюшникова, гр. Соллогуба, — можно ли говорить здѣсь о „художественности“? Гр. Соллогубъ даетъ намъ и сравненіе съ сороковыми годами: когда вышелъ „Тарантасъ“, Бѣлинскій нашелъ возможнымъ написать о немъ большую статью; но есть ли возможность разбирать съ эстетической точки зрѣнія поэму того же гр. Соллогуба „Нигилистъ“ (въ „Утрѣ“ г. Погодина) — это была бы неприличная профанація критики.

Наконецъ, о состояніи нашей критики нельзя судить врозь съ состояніемъ цѣлой литературы. Мы сами очень знаемъ недостатки современной критики и самой литературы, знаемъ, что ихъ состояніе далеко не блестяще, — но *то* ли это главные недостатки и *отъ того* ли они происходятъ, какъ намъ говорятъ?

Можно ли, прежде всего, считать нормальнымъ состояніе этой литературы, — чтобы прилагать къ ней серьёзныя и строгія требованія? Развѣ находится она въ такихъ условіяхъ, которыя бы давали ей возможность выразить свое содержаніе даже настолько, насколько она могла бы по ея наличнымъ существующимъ силамъ или по взглядамъ и стремленіямъ ея лучшихъ людей? Отвѣтъ не труденъ. Въ то время, когда въ сознаніи общества наростаютъ все новые вопросы, когда жизнь указываетъ новыя потребности просвѣщенія, внѣшнія условія литературы таковы, что она не можетъ быть ни выраженіемъ этого сознанія, ни средствомъ служить этому просвѣщенію. Въ послѣдніе годы цѣлыя категоріи общественныхъ и литературныхъ мнѣній, напр. славянофильская и другія, не имѣютъ своихъ органовъ и даже совершенно замолкли, и многимъ,—между прочимъ, моимъ противникамъ,—какъ будто кажется, что онѣ и не существуютъ... Цѣлая масса научныхъ знаній, напр. самыхъ основныхъ историческихъ положеній и изслѣдованій, остается неизвѣстна и

Digitized by Google

недоступна въ русской литературѣ; многочисленныя попытки усвоить ей замѣчательныя произведенія современной или даже старой европейской науки, имѣющія теперь только одинъ историческій интересъ, оказывались безуспѣшными или даже кончались въ большой ущербъ людямъ, дѣлавшимъ такія попытки, и т. д. Понятно, что подобное положеніе вещей не можетъ дать литературѣ ни спокойной равномѣрности развитія, ни цѣльнаго выраженія мысли, ни даже особеннаго расположенія къ эстетическимъ вопросамъ.

Могутъ сказать, что положеніе литературы не было нормально и во времена Бѣлинскаго. Справедливо, но обстоятельства были весьма непохожи. Въ тѣ времена литература едва начинала касаться предметовъ, столь близкихъ къ жизни, и хотя также поставлена была въ опредѣленныя рамки, но могла кое-какъ къ нимъ приспособляться, потому-что издавна къ нимъ привыкла. Въ наше время эти старыя рамки были все-таки раздвинуты, а главное еще, что самыя потребности жизни стали перерастать ихъ; и невозможность отвѣта на возникающіе идеальные, теоретическіе и бытовые запросы ставитъ литературу въ одно изъ самыхъ отяготительныхъ положеній, какія ей случалось переживать. Въ обществѣ и у самыхъ дѣятелей литературы есть сознаніе (у однихъ менѣе, у другихъ очень ясное) того, *чѣмъ* можетъ и должна быть серьёзная литература; есть стремленіе дать ей достойное національное значеніе, — но это стремленіе остается невыполнимымъ. Очень естественно, что эта невыполнимость оставляетъ гнетущее впечатлѣніе въ умахъ, и отражается самымъ невыгоднымъ образомъ на литературной дѣятельности и ея результатахъ... Есть, конечно, самодовольные и простодушные, или мало образованные люди, которые не знаютъ и не чувствуютъ этихъ впечатлѣній; но думаемъ, что отъ этихъ впечатлѣній несвободны всѣ лучшіе дѣятели литературы, и въ области „искусства", и въ области науки.

Говорить въ это самое время объ упадкѣ нашей эстетической критики, винить ее за упадокъ литературы—кажется намъ большой странностью.

Но если странно судить о литературѣ отдѣльно отъ ея условій, внѣ ея стоящихъ и отъ нея независящихъ, то не менѣе странно судить о ней отдѣльно отъ общества, въ которомъ она существуетъ, имѣетъ свою почву и кругъ. Въ нашей исторіи, литература всегда исходила изъ чрезвычайно небольшого меньшинства—не скажемъ націи, а даже такъ-называемаго „общества", т.-е. образованныхъ классовъ. Дѣятельная часть литературы подвержена такимъ образомъ большимъ случайностямъ. Статистическія цифры нашей литературы—число книгъ, журналовъ, книжной торговли, читателей или подписчиковъ,—какъ извѣстно, представляютъ собой чрезвычайно скромный

Digitized by Google

запросъ на образованіе. Количество истинно образованныхъ людей такъ невелико, что кругъ Бѣлинскаго казался „сектой“; дѣятельность его вызывала сочувствіе и могла находить нравственную опору только въ незначительномъ меньшинствѣ, которое, конечно, не давало никакого серьёзнаго обезпеченія его труду. Большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей не знало о немъ, а быть можетъ, еслибъ и знало, то не сочувствовало бы ему. Такимъ образомъ литература остается, въ сущности, предоставлена самой себѣ и безконтрольному вліянію упомянутыхъ условій... Можно ли винить ее, если она приходитъ въ упадокъ,—теряя свои дѣятельныя силы и не имѣя опоры въ сознательномъ обществѣ, способномъ ее ободрить и поддержать? Можно ли упрекать ее ссылками на это общество, которое будто бы ищетъ того или другого, а литература не даетъ этого, и т. п.? Если бы было такъ, то это самое общество и выставило бы для этого новыя силы и новыя средства, заявило бы чѣмъ-нибудь свои запросы,—и, какъ ни слабо вообще значеніе самого общества, мы думаемъ, что все-таки оно могло бы возымѣть извѣстное моральное вліяніе на улучшеніе условій литературы. До сихъ поръ мы этого не видимъ.

Оспаривая „отрицательное направленіе“, г. Кавелинъ дѣлаетъ такія ссылки на общество. „Лишь въ недавнее время мы стали догадываться (?), что идти дальше въ исключительно-отрицательномъ направленіи нельзя. Въ насъ замѣтно пробуждается сознаніе, что безъ идеаловъ въ смыслѣ Бѣлинскаго жить невозможно. Ихъ опять начинаютъ *требовать* и искать“... Гдѣ начали ихъ требовать въ недавнее время, мы не припомнимъ; но думаемъ, что „отрицательное“ направленіе не было ихъ лишено никогда, и въ самую сильную пору „отрицанія“: это были давно извѣстные идеалы общественные, о которыхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ никогда совсѣмъ не забывала литература, и которыхъ не могла опредѣлять ближе только по чистой невозможности дать имъ мѣсто, достойное ихъ серьёзнаго значенія.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ партизаны Бѣлинскаго и противники новой критики были неправы, предполагая, что послѣдняя не имѣла связи съ Бѣлинскимъ по своему содержанію, вводила что-то новое, предавалась голому отрицанію и глумленію и т. п. Г. Кавелинъ, хотя и продолжаетъ дѣлить эти двѣ эпохи, какъ „нравственный идеалъ“ (у Бѣлинскаго) и „отрицаніе“ (у позднѣйшей критики), думаетъ однако, что послѣднее явилось не безъ основаній, что къ развитію его были сильныя побудительныя причины. „Я убѣжденъ, что это вполнѣ соотвѣтствовало массѣ умственной и нравственной гнили, накопившейся въ нашемъ обществѣ; разлагая и унося ее, оно, конечно, принесло большую и весьма существенную пользу“. Онъ думаетъ только, что пора бросить отрицать и обратиться къ

Digitized by Google

идеальнымъ построеніямъ. Развѣ уже вся гниль разложилась и унесена, и осталось ея очень мало въ нашемъ обществѣ?

Впрочемъ, мы припомнили, гдѣ, между прочимъ, начинаютъ требовать и искать новыхъ идеаловъ. Намъ указывали статью: „Отчего безжизненна наша литература?“ (въ „Недѣлѣ“, № 44). Авторъ едва ли еще не суровѣе г. Кавелина относится къ современной литературѣ, винитъ ее въ „отрицаніи, какъ ремеслѣ“, винитъ въ оторванности отъ жизни,—отчего и происходитъ ея „безжизненность“, и перебравъ различные факты русской журналистики (гдѣ два-три мелкихъ замѣчанія, пожалуй, вѣрны), приходитъ къ такому огульному заключенію. „Отбросивъ лицемѣріе,—говоритъ авторъ,—нужно съ горечью сознаться, что не однѣ „Отеч. Записки“ (авторъ передъ тѣмъ говорилъ о нихъ), а *почти всѣ* наши литераторы по профессіи—книжники, книжники съ головы до пятокъ, съ идеалами и стремленіями, сложившимися исключительно по *иностраннымъ* книгамъ. И этимъ-то людямъ, созерцающимъ Россію издали (?)—многіе изъ нихъ никогда не жили въ провинціи—черезъ *заграничные очки*, приходится быть руководителями общественнаго мнѣнія, давать отвѣты на запросы русской жизни!“

Просимъ извиненія у почтенной редакціи, помѣстившей ту статью, но мы не ожидали прочесть на страницахъ ея изданія такихъ и имъ подобныхъ разсужденій, отъ которыхъ повѣяло и блаженной памяти „Москвитяниномъ“, и его, современнымъ намъ, потомствомъ. Редакція „Недѣли“, вѣроятно, довольно опытная относительно фактовъ настоящаго положенія русской литературы, могла бы предостеречь автора отъ нѣкоторыхъ соображеній, въ родѣ вышеприведенныхъ, и обличающихъ незнакомство съ самыми элементарными изъ этихъ фактовъ. Оторванность отъ жизни! Но развѣ литература не стоитъ въ условіяхъ этой самой жизни, не опредѣляется ею? Авторъ дѣлаетъ выводы о литературѣ, перебравъ нѣсколько журнальныхъ статей; но развѣ это—вся литература? И *добросовѣстно* ли авторъ перебралъ и самую журналистику, хоть за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ? И если уже авторъ хотѣлъ говорить объ отношеніяхъ литературы къ жизни, онъ долженъ былъ бы вспомнить главную черту этихъ отношеній. То, о чемъ мы говорили выше, повидимому, совершенно неизвѣстно автору „Недѣли“. Далѣе, что между литераторами по профессіи есть книжники, кабинетные люди, это не подлежитъ сомнѣнію,—кабинетные люди есть и у насъ, и вездѣ; безъ нихъ никакая литература немыслима; но авторъ страннымъ образомъ заблуждается, взводя на русскую литературу огульное обвиненіе въ книжничествѣ, въ незнаніи русской жизни. Неужели дѣйствительно, напримѣръ, Щедринъ не видалъ губернскаго города, Писемскій смот-

Digitized by Google

рѣлъ сквозь заграничные очки, Некрасовъ не имѣетъ понятія о деревнѣ, Тургеневъ или Островскій не видали провинціи, Рѣшетниковъ или Скалдинъ писали по „заграничнымъ книжкамъ“ и т. д., и т. д.? Наконецъ, и люди, живущіе въ Петербургѣ, неужели видятъ русскую жизнь *издали*? Намъ кажется, наоборотъ, что нѣкоторыя, весьма существенныя стороны ея они видятъ такъ близко, какъ едва ли кто можетъ видѣть въ провинціи.

Выше мы замѣтили, что дѣйствительно русская литература не все говоритъ о русской жизни, что могла бы,—но виноваты ли въ этомъ писатели? Мы предполагаемъ, что самъ авторъ „Недѣли“ исполненъ благими намѣреніями. и желаетъ, напримѣръ, напомнить литературѣ о „деревнѣ“,—но отчего его мысль высказана такъ смутно, даже такъ невразумительно? Мы готовы были бы не приписывать этого той причинѣ, что самъ авторъ понимаетъ ее смутно и невразумительно...

„Руководители общественнаго мнѣнія“—подумаешь, что рѣчь идетъ о какой-нибудь Англіи, Франціи, Америкѣ. Вѣроятно, автору также очень „издали“ представляется русская литература, если онъ приписалъ ей такое руководительство. Прежде, чѣмъ обвинять „руководителей“, ему надо бы постараться понять, въ такомъ ли положеніи находятся руководители, чтобы здравый смыслъ могъ позволить автору назойливый и самодовольный тонъ его обличеній противъ литературы. Авторъ одушевляется, повидимому, благимъ намѣреніемъ — побудить литературу освободиться отъ отчужденности съ жизнью, указываетъ на „деревню“, предвѣщаетъ, что изъ „деревни“ придутъ новыя, освѣжающія начала будущей литературы и т. д. Намѣреніе прекрасно; — но неужели дѣйствительно русская литература такъ забыла о деревнѣ, и неужели деревня дѣйствительно владѣетъ этимъ чудотворнымъ средствомъ? Авторъ забылъ исторію русской литературы, особенно новѣйшую; что же касается обновленія литературы деревней (въ смыслѣ автора), слова его могутъ показаться ироніей. Первое, что нужно для такого обновленія, это — какое-нибудь просвѣщеніе. Сколько намъ извѣстна „деревня“, никакого просвѣщенія въ ней не существуетъ.

Но, кромѣ того, авторъ—партизанъ „самобытнаго развитія“, и съ пренебреженіемъ говоритъ о тѣхъ, кто думаетъ, что наша разница съ Европой заключается въ *степени* развитія, — тогда какъ по его мнѣнію, центръ тяжести вопроса заключается не въ степени, а въ *типѣ* развитія. Это — извѣстно намъ съ основанія славянофильства, или, съ другой стороны—съ основанія „Маяка“. Но эти Колумбы будущаго нашего развитія, и авторъ въ ихъ числѣ, никогда не могли уразумѣть, что люди „подражательнаго періода“ (какъ называетъ авторъ людей осуждаемаго имъ направленія), мнѣнія которыхъ, впро-

Digitized by Google

чемъ, представляютъ такъ много варіацій, что ихъ невозможно смѣшивать въ одну кучу,—что эти люди, вообще не предрѣшая будущаго (чтó было бы слишкомъ смѣло), думали собственно, что прежде восхваленія своего „типа", нація должна усвоить себѣ необходимую степень образованія. Это образованіе есть знакомство съ *наукой*, которая создана была не нами, а все той же западной Европой, и безъ знанія которой „типъ" развитія можетъ быть только бухарскій; и, кромѣ этой общечеловѣческой науки, неизмѣнной и обязательной для всякаго *сознательнаго* развитія, образованіе предполагаетъ извѣстныя основныя, такъ сказать, общечеловѣческія учрежденія—освобожденіе личности (начало его—отмѣна крѣпостного права), правильный судъ, мѣстное самоуправленіе, вѣротерпимость, свобода слова и печати, и пр. Никакой *европейскій* „типъ" развитія не можетъ создаться безъ образованія и безъ этихъ основныхъ общечеловѣческихъ учрежденій. Русская жизнь долго ихъ не имѣла и не вѣдала; но русское сознаніе стало, наконецъ, искать ихъ, и „подражательный періодъ", къ которому такъ высокомѣрно относится авторъ, имѣетъ ту величайшую историческую заслугу, что помогъ русскому сознанію убѣдиться въ ихъ необходимости и достигать ихъ. Въ настоящее время полагаются зачатки этихъ понятій и учрежденій, и существенный интересъ современной русской образованности и литературы заключается именно въ утвержденіи этихъ понятій, въ разъясненіи ихъ обществу — потому что дѣйствительно безъ нихъ будущее невозможно.

Русская образованность и литература въ прежнія времена стремились къ этой цѣли неясными исканіями, идеальными порывами; потомъ цѣль стала больше и больше выясняться; только очень недавно явилась возможность высказать эти стремленія нѣсколько прямо. Предметъ былъ новъ, пониманіе пріобрѣталось медленно и туго; среди вѣрнаго и справедливаго бывали ошибки и преувеличенія,—но тотъ, въ комъ есть истинное желаніе блага русскому образованію и кто способенъ понимать исторію, найдетъ объясненіе этимъ колебаніямъ и ошибкамъ, и съумѣетъ понять истинный смыслъ стремленій образованности. Авторъ ихъ не понимаетъ,—какъ сейчасъ увидимъ.

„Кто изъ нашихъ литераторовъ, — спрашиваетъ онъ, — положа руку на сердце, скажетъ, что онъ руководится въ своемъ писательствѣ тѣми вопросами и задачами, которые дѣйствительно ставятся русскою жизнью,—что его направленіе вызвано потребностями этой жизни, развилось и окрѣпло подъ ея вліяніями?" Авторъ сомнѣвается, чтобы былъ такой человѣкъ. Сказать что-нибудь на это чрезвычайно трудно: вопросъ ставится съ такой наивной рѣшительностью, какъ могутъ ставить ихъ только люди, совершенно незнакомые съ тѣмъ, о чемъ говорятъ. Если онъ до сихъ поръ не увидѣлъ въ русской литературѣ (какова она ни была) направленій, вызванныхъ „русской

Digitized by Google

жизнью", то, кажется, ничто его не вразумитъ... Мы не склонны нимало преувеличивать того, что́ ею сдѣлано доселѣ, еще менѣе склонны преувеличивать ея современныя достоинства; — но можемъ утвердительно отвѣтить автору, что и въ давнемъ и недавнемъ прошедшемъ дѣйствовало не мало людей, „руководившихся въ писательской дѣятельности тѣми вопросами и задачами, которые дѣйствительно ставятся русскою жизнью"; что дѣятельность этихъ людей принадлежитъ къ лучшимъ и отраднѣйшимъ явленіямъ русской образованности; что она уже оцѣнена или будетъ высоко оцѣнена исторіей нашего общественнаго развитія; что немало подобныхъ людей составляютъ славу и гордость русской литературы и образованности, и что долгъ всякаго нѣсколько образованнаго человѣка знать имена этихъ людей. Мы можемъ отвѣтить, что люди такого рода есть и въ литературѣ современной,—и кто всего этого не знаетъ, тотъ, если хочетъ быть добросовѣстнымъ, не долженъ бы браться судить объ этой литературѣ.

Намъ указывали эту статью какъ примѣръ „новыхъ требованій" идеала. Идеала мы въ ней не нашли; авторъ желаетъ что-то сказать, и, можетъ быть, что-то хорошее, но въ его понятіяхъ о русской литературѣ такой туманъ, сквозь который хорошенько ничего нельзя разобрать. Въ своей настоящей формѣ, эти „требованія" очень мало удаляются отъ разсужденій, напримѣръ, „Гражданина".

Возвращаемся къ письму г. Кавелина.

Мы сдѣлаемъ еще два замѣчанія. Обвиняя современную литературу въ исключительномъ отрицаніи, г. Кавелинъ потерялъ изъ виду два обстоятельства: во-первыхъ, то, что „отрицаніе" (если ужъ принимать этотъ очень неясный и не совсѣмъ вѣрный терминъ) само развивается въ своемъ содержаніи; другими словами, что его точка зрѣнія пріобрѣтаетъ бо́льшую опредѣленность, требованія выростаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, конечно, то положительное содержаніе, которое всегда лежитъ въ его основѣ, и которое оно безъ сомнѣнія выскажетъ, когда по условіямъ общественнымъ (отъ литературы независящимъ) будетъ возможно и не слишкомъ отяготительно высказывать это положительное содержаніе. Во-вторыхъ, „отрицаніе" и теперь вовсе не такъ велико, какъ представляетъ себѣ г. Кавелинъ. Въ области литературы, критика теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, стоитъ на исторической точкѣ зрѣнія, и несравненно болѣе опредѣленной, чѣмъ было во времена Бѣлинскаго: это—пріобрѣтеніе, и притомъ совершенно положительное, сдѣланное новою литературой. Если критика меньше, чѣмъ прежде занимается красотами художественныхъ произведеній, то мы уже указывали тому причину. Этихъ произведеній на дѣлѣ не такъ много, и критика, наконецъ, догадывается,

Digitized by Google

что и самыя художественныя изъ нихъ вовсе не „отражаютъ" русскую жизнь такъ полно, какъ это воображали въ прежнее время и какъ должно бы настоящее „искусство". Критика чувствуетъ, что для истиннаго художества требуются болѣе широкія рамки, болѣе обширный взглядъ въ самомъ художникѣ, бо́льшая свобода для его кисти или пера, чѣмъ до сихъ поръ это имѣлось въ наличности, и не желаетъ ни сама впадать, ни вводить читателя въ заблужденіе относительно этого предмета. Когда такимъ образомъ художественная сторона вопроса приведена была къ ея настоящимъ предѣламъ, то „изученіе жизни", какое дѣлалось прежде на основаніи художественныхъ произведеній, приняло иной путь: прямое изученіе этнографическое, экономическое, юридическое открываютъ теперь гораздо больше въ этой жизни, чѣмъ открываетъ современное художество.

Да не подумаетъ читатель, чтобы все это означало неуваженіе къ области искусства, непризнаваніе его идеальнаго и воспитательнаго значенія. Намъ кажется совсѣмъ напротивъ, что новая критика слишкомъ высоко цѣнитъ искусство, чтобы причислять къ нему всякій только-что сносный разсказъ, повѣсть или романъ; она думаетъ только вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что словомъ „искусство" не должно злоупотреблять, — какъ это дѣлается достаточно и по сію пору. Да не подумаетъ также читатель, чтобы новая литература была лишена „идеаловъ",—она лишилась только, или желаетъ лишиться идеальничанья. Гдѣ же ея идеалы? Надо быть внимательнѣе къ литературѣ, и отчасти можно будетъ ихъ увидѣть; отчасти они умалчиваются. И тѣ и другіе надо пріучиться понимать.

Наконецъ, обратимъ вниманіе еще на одно мѣсто письма. „Вы думаете,—говоритъ г. Кавелинъ,—что въ настоящее время естественныя науки способны дать строй нашимъ мыслямъ, какъ во время Бѣлинскаго его давала философія. Нѣтъ, естественныя науки не дадутъ его. Въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть отвѣта на вопросы, которые лежатъ внѣ ихъ круга. Къ тому же, подъ именемъ естественныхъ наукъ теперь гуляетъ по свѣту выродившаяся философія, окончившая свой вѣкъ. Ею мы начиняли себя въ сласть, но не получили отъ нея ни отвѣта на вопросы, ни строя мыслей. Бѣлинскій не зналъ естественныхъ наукъ, и умеръ четверть вѣка тому назадъ, а глубже и лучше, чѣмъ мы, понималъ человѣка и человѣческое общество. Чему же научили насъ естественныя науки, правильнѣе сказать,—философія, прикрывающаяся ихъ названіемъ?"

Было бы слишкомъ долго разбирать эти положенія г. Кавелина, изъ которыхъ мы ни съ однимъ несогласны. Говоря объ естествознаніи, мы не думали, конечно, сказать, что ботаника можетъ замѣнить логику, или геологія эстетику и нравственныя ученія; но намъ непонятно, какимъ образомъ г. Кавелинъ хочетъ оспаривать вліяніе

Digitized by Google

естествознанія на строй мыслей не только нашъ, но на строй мыслей цѣлой европейской науки; не думаемъ также, чтобы та философія, которая, по выраженію г. Кавелина, „гуляетъ по свѣту подъ именемъ естественныхъ наукъ“ (хотя мы и не разумѣли эту самую философію, на которую авторъ намекаетъ своими словами), могла быть сочтена за выродившуюся и окончившую свой вѣкъ.

Довольно указать цѣлую исторію европейской науки, чтобы объяснить, напротивъ, какое громадное значеніе имѣло и еще можетъ и будетъ имѣть естествознаніе, т.-е. изученіе природы, на самые существенные вопросы антропологіи, человѣческой исторіи, и самой морали. При началѣ новой европейской исторіи, изученіе природы нанесло ударъ средневѣковой схоластикѣ, которая была своего рода идеалистическая философія. Полагаемъ, что не въ иномъ отношеніи находится и теперь изученіе природы ко всякой идеалистической философіи, которая строится на чисто теоретической подкладкѣ, какъ была напр. Гегелева философія. Г. Кавелинъ какъ будто думаетъ, что Бѣлинскій развитіемъ своихъ идеаловъ и нравственныхъ принциповъ былъ обязанъ именно этой теоретической философіи, — думаетъ на томъ основаніи, что дѣйствительно, когда Бѣлинскій стремился теоретически достигнуть истины, онъ думалъ найти ее въ Гегелѣ. Но окончательный его образъ мыслей былъ однако вовсе не гегелевскій; мы видѣли, въ какой раздоръ становился онъ съ „Егоромъ Ѳедорычемъ“, т.-е. съ олицетвореніемъ идеалистической философіи. Позднѣйшій взглядъ Бѣлинскаго имѣлъ иные—именно реалистическіе источники, вниманіе къ дѣйствительной жизни (построенной въ его прежней философіи невозможнымъ образомъ), вниманіе къ исторіи, и, наконецъ, къ современному политическому движенію въ Европѣ. Правда, онъ не удовлетворялся позитивизмомъ Конта, но развитіе будущей философіи онъ предполагалъ на этомъ, позитивномъ пути. То обращеніе къ естествознанію, о которомъ я говорю, въ русской литературѣ высказалось въ первый разъ вовсе не теперь только, а еще со временъ „Писемъ объ изученіи природы“, и въ сочиненіяхъ Грановскаго не трудно также найти весьма вѣрную оцѣнку метода естественныхъ наукъ.

Мы удивляемся также словамъ г. Кавелина, будто бы „мы начинали себя въ сласть“ той несочувственной ему философіей, которую онъ считаетъ окончившею свой вѣкъ. Мы довольно знакомы съ русской литературой, и недоумѣваемъ, гдѣ г. Кавелинъ могъ найти подобный фактъ. Мы знаемъ, что есть люди, которые знакомы съ этой философіей, что изрѣдка въ русской литературѣ высказывались мысли, ей соотвѣтствующія, существуютъ двѣ-три переведенныя книги; но, внѣ этихъ отдѣльныхъ примѣровъ, г. Кавелинъ могъ сказать свои слова только по чистому недоразумѣнію.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

М. М.—Желая вкратцѣ объяснить нѣкоторые до меня лично ка
сающіеся факты, прошу позволенія обратиться къ посредству вашег
журнала.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилась замѣтка г-на П. Би
бліографа, въ которой указывается на разборъ книги Муравьева
„Путешествіе къ святымъ мѣстамъ русскимъ"—помѣщенный въ „Жур
налѣ Министерства Просвѣщенія" за 1836-й годъ, какъ на *первое* мое
печатное произведеніе. Существованіе этой статьи меня удивило болѣе
чѣмъ кого-либо. Мнѣ тогда только-что минуло семнадцать лѣтъ, я
былъ студентомъ с.-петербургскаго университета; родственники мои,
въ виду обезпеченія моей будущей карьеры, отрекомендовали меня
Сербиновичу, тогдашнему издателю „Журнала Министерства Про
свѣщенія"... Сербиновичъ, котораго я видѣлъ всего *одинъ* разъ, же
лая вѣроятно испытать мои способности, вручилъ мнѣ ту книгу Му
равьева съ тѣмъ, чтобы я разобралъ ее; я написалъ нѣчто по ея по
воду—и вотъ теперь, чуть не черезъ сорокъ лѣтъ, я узнаю, что это
„нѣчто" удостоилось тисненія! Ни тогда, ни впослѣдствіи я моей на
печатанной статейки въ глаза не видалъ! Вы, конечно, согласитесь со
мною, что не могу же я, по совѣсти, считать это ребяческое упраж
неніе своимъ первымъ литературнымъ трудомъ.

Вашъ—

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 3 дек. 1875.

НЕКРОЛОГЪ

М. П. Погодинъ.

8-го декабря истекшаго 1875 года скончался въ Москвѣ Михаилъ Петровичъ Погодинъ—ровесникъ нашему столѣтію. Его общественная карьера началась съ 1821 года въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ онъ получилъ тогда мѣсто учителя географіи; въ 1826 г. ему была предложена въ университетѣ каѳедра русской исторіи, которую онъ и занималъ въ теченіе 30-ти лѣтъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ въ Академію Наукъ, причемъ съ нимъ случилось происшествіе, кажется, еще не разсказанное въ печати: онъ не былъ утвержденъ, и, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, это былъ единственный примѣръ въ лѣто-

Digitized by Google

писяхъ Академіи Наукъ, что избранный Академіею не удостоился утвержденія. Погодинъ былъ обязанъ этою неудачею двумъ первымъ буквамъ своей фамиліи: его смѣшали съ Полевымъ, написавшимъ незадолго передъ тѣмъ неблагосклонный отзывъ, по поводу пьесы Кукольника: „Рука Всевышняго отечество спасла". Недоумѣніе скоро объяснилось, и Погодинъ былъ утвержденъ. Начало его литературнаго и научнаго поприща можетъ быть отнесено къ 1822 г., когда была напечатана, въ „Вѣстникѣ Европы" Каченовскаго, первая его небольшая статья: „Нѣкоторыя замѣчанія на таблицы Россійской исторіи Филистри". Литературная и научная дѣятельность Погодина продолжалась до послѣднихъ дней его жизни: еще въ истекшемъ году онъ издалъ переработанные имъ прежніе труды по исторіи Петра В., подъ заглавіемъ: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго". Между тою первою журнальною статьею начинавшаго юноши и послѣднимъ предсмертнымъ изданіемъ, отстоящими другъ отъ друга болѣе чѣмъ на 50 лѣтъ, легла цѣлая масса трудовъ научнаго содержанія, преимущественно по русской исторіи, — публицистическаго и даже беллетристическаго. Ко всему этому Погодинъ присоединялъ по временамъ журнальную дѣятельность: онъ издавалъ „Московскій Вѣстникъ", „Москвитянинъ" и еще не такъ давно газету „Русскій". Дѣятельность Погодина, какъ публициста, безъ сомнѣнія, останется въ воспоминаніяхъ дольше всѣхъ другихъ его призваній. Въ публицистикѣ, какъ и въ полемикѣ, онъ обнаруживалъ всегда болѣе, чѣмъ обыкновенную, энергію, и иногда потому случалось, что нѣкоторыя изъ его произведеній этого рода могли появляться въ печати уже по окончаніи той эпохи, событіями которой были вызываемы его публицистическія наклонности, политическія письма къ друзьямъ и различныя рѣчи.

Но это послѣднее обстоятельство въ жизни Погодина было результатомъ такихъ сложныхъ причинъ, заключавшихся отчасти въ его личномъ характерѣ, а отчасти въ особенностяхъ строя всей нашей жизни, что удовлетворительное объясненіе ихъ могло бы быть задачею только самой подробной и обстоятельной біографіи покойнаго. Такая біографія со временемъ представитъ чрезвычайно много интереснаго и въ психологическомъ, и въ общественномъ отношеніи. Если Погодину нельзя отказать въ извѣстномъ вліяніи на общество, то, съ другой стороны, и онъ многими чертами своего характера вѣрно изображалъ ту или другую преобладающую общественную тенденцію, и потому его можно было называть—человѣкомъ своего времени. Такіе люди при жизни всегда вызываютъ или безусловныя похвалы, или безусловное осужденіе. Долгое время и послѣ остаются къ нимъ пристрастны къ ту или другую сторону. Пожелаемъ памяти покойнаго найти себѣ

Digitized by Google

въ будущемъ справедливую оцѣнку тѣхъ заслугъ, которыя могутъ быть за нимъ признаны независимо отъ всякаго другого приговора.

Мы, его современники, обязаны однако засвидѣтельствовать по крайней мѣрѣ одно: справедливый взглядъ на истинное значеніе характера дѣятельности Погодина будетъ всегда затрудняться тѣмъ обстоятельствомъ, что біографъ его можетъ встрѣтиться со множествомъ противорѣчій, которыя ему придется объяснять. Погодинъ, напримѣръ, въ противность всякимъ матеріальнымъ разсчетамъ, осуждалъ и писалъ много противъ увлеченія классицизмомъ, съ желаніемъ пользы своему обществу, самымъ искреннимъ, которое мы никакъ не можемъ заподозрить уже потому, что безкорыстіе такого желанія въ то время было очевидно. Одна изъ статей Погодина по этому вопросу была напечатана въ нынѣшнемъ „Вѣстникѣ Европы“ (1868 г., авг., 605 стр.: „Школьныя Воспоминанія, 1814—1820 гг.“). Онъ былъ свидѣтелемъ перваго введенія классицизма при гр. Уваровѣ и въ своихъ воспоминаніяхъ разсказалъ въ назиданіе потомству, какими ошибками ознаменовались первые шаги даже такого дѣйствительно просвѣщеннаго человѣка, какимъ былъ Уваровъ: „На бѣду,—говоритъ Погодинъ,—явились Уварову такіе помощники, которые, *не зная даже по-латыни* (курсивъ въ подлинникѣ), приняли къ сердцу такъ-названную классическую методу, и начали изъ всѣхъ силъ стараться о распространеніи латинскаго языка, точно какъ нѣкоторые мусульманскіе капитанъ-исправники въ восточныхъ губерніяхъ отличились въ то время лучше православныхъ усердіемъ и успѣхомъ въ распространеніи христіанской вѣры“. Намъ случилось встрѣтиться съ покойнымъ въ Москвѣ, въ маѣ прошедшаго года, тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ вышеупомянутаго послѣдняго его изданія. Мы спросили его, что́ такое значатъ его сѣтованія въ предисловіи къ исторіи Петра Великаго? Отвѣчая не прямо, онъ отчаянно махнулъ рукой и, съ обычною ему запальчивостью, воскликнулъ, какъ-бы обращаясь къ себѣ: „А то́ значитъ, милостивый мой государь, что другой разъ не пиши противъ классицизма!“

Не можемъ не привести еще одной черты изъ жизни покойнаго: когда кончался срокъ его профессорской службы, онъ, сколько мы слышали, не агитировалъ въ пользу какихъ-нибудь перемѣнъ университетскаго устава, чтобы лучше обезпечить себѣ продолженіе службы, т.-е. оклада, и добровольно удалился, уступя мѣсто новымъ силамъ.

Мы приводимъ всѣ эти факты для будущаго біографа покойнаго; ему могутъ попасться и совсѣмъ другіе... Мы увѣрены, что все это заставитъ его невольно задуматься и, можетъ быть, онъ, вмѣсто всякаго приговора, скажетъ: странная бываетъ иногда судьба русскаго человѣка!

М. С.

12 декабря, 1875.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 29-го сентября 1875 г.

1) Назначено, взамѣнъ производившейся съ апрѣля 1871 года выдачи по 240 р. въ годъ на воспитаніе двоихъ дѣтей умершаго писателя, уплачивать въ учебное заведеніе за воспитаніе дочери этого писателя по 160 р. въ годъ и единовременно выдать на обзаведеніе 20 р., а на воспитаніе сына отпускать по 120 р. въ годъ.

2) Выдано 100 р. сотруднику многихъ газетъ, находящемуся, по болѣзни, въ затруднительномъ положеніи.

3) Выдано 25 р. бывшему редактору двухъ провинціальныхъ листковъ.

4) Выдано, согласно просьбѣ писателя, 20 р. на выѣздъ его изъ Петербурга.

5) Опредѣлено уплатить 50 р. въ учебное заведеніе за воспитаніе сына умершаго профессора.

6) Сдѣлано сношеніе съ редакціей газеты объ уплатѣ гонорара ея сотруднику.

7) Отклонены ходатайства о пособіи: двухъ лицъ за силою § 5-го устава, двухъ лицъ—за недавними выдачами, одного—за нѣсколькими выдачами и одного—за многочисленными выдачами, причемъ во всѣхъ случаяхъ не представлялось достаточныхъ основаній къ новымъ назначеніямъ; а одному лицу отказано за неимѣніемъ указаній на то, чтобъ проситель дѣйствительно нуждался въ помощи общества.

8) Отказано одному лицу въ передачѣ его стихотвореній въ редакціи журналовъ и газетъ, такъ какъ это онъ можетъ сдѣлать помимо общества.

9) Изъявлена благодарность общества за пожертвованія по 10 р. въ пользу общества А. Д. Данилову и Л. Д. Трахтенбергу, и за содѣйствіе комитету баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ.

Засѣданіе комитета 13-го октября 1875 г.

1) Назначена пенсія по 150 р. въ годъ семейству умершаго писателя, извѣстнаго педагогическими изданіями.

2) Назначена пенсія по 250 р. въ годъ семейству умершаго писателя, извѣстнаго многими оригинальными и переводными произведеніями и изданіемъ журнала, существовавшаго около 15-ти лѣтъ.

3) Назначена пенсія по 180 р. въ годъ больной и престарѣлой дочери умершаго ученаго.

4) Выдано 150 р. больной писательницѣ, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

5) Назначена одному лицу стипендія изъ числа четырехъ, опре-

Digitized by Google

дѣленныхъ для студентовъ и слушателей петербургскаго университета (по 125 р. каждая).

6) Сохранена на годъ за прежнимъ стипендіатомъ стипендія имени Е. П. Ковалевскаго въ 300 р.

7) Переданъ одному лицу гонораръ, полученный за его статью изъ редакціи журнала.

8) Сдѣлано сношеніе съ редакціями двухъ газетъ о выдачѣ гонорара ихъ сотруднику за его статьи.

9) Сдѣлано сношеніе съ типографіей о напечатаніи сочиненія одного лица, неимѣющаго средствъ къ уплатѣ за изданіе.

10) Отклонено предложеніе одного лица о высылкѣ книгъ для распродажи обществомъ.

11) Отказано въ пособіи: одному лицу за силою § 5-го устава и другому — за полученіемъ значительнаго пособія изъ иного источника.

12) Отказано одному лицу въ отпускѣ денегъ на изданіе его сочиненій, такъ какъ общество не имѣетъ на это средствъ.

13) Заявлено казначеемъ о пріобрѣтеніи закладныхъ листовъ земскаго банка Херсонской губерніи: для капитала общества въ 30,000 р. и для стипендіи Е. П. Ковалевскаго въ 4,500 р. (по $88^{7}/_{8}$).

14) Изъявлена благодарность общества Ѳ. П. Баймакому за содѣйствіе комитету.

15) Прочитанъ отчетъ казначея за сентябрь. Въ кассѣ *было* къ 1-му сентября 64,847 р. 78 к. Къ тому *поступило:* членскихъ взносовъ за 1875 годъ 20 р., отъ Ф. Ф. Мартенса и Н. К. Свѣчинскаго (по 10 р.), пожертвованныхъ А. Д. Даниловымъ 10 р. и Л. Д. Трахтенбергомъ 10 р., процентовъ съ капитала 145 р. 50 к.; всего 185 р. 50 к. *Израсходовано:* на пенсіи девяти лицамъ 756 р., въ единовременное пособіе шести лицамъ 450 р., на воспитаніе девяти лицъ 560 р., въ продолжительное пособіе одному лицу 25 р., въ ссуду одному лицу 180 р., на пересылку суммъ 37 р. 18 к. и за храненіе процентныхъ бумагъ 5 р. 25 к., всего 2,013 р. 43 к. Къ 1 октября *осталось* 63,019 р. 85 к.

Общее собраніе 26-го октября 1875 г.

Въ общемъ собраніи общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 26-го октября, въ которомъ присутствовало 30 членовъ, предсѣдатель произнесъ рѣчь въ память недавно скончавшихся членовъ общества: В. С. Курочкина, графа А. К. Толстого и князя Н. Н. Церетелева, и имъ же было прочитано письмо И. С. Тургенева въ воспоминаніе о гр. Толстомъ. Затѣмъ секретарь общества прочиталъ слѣдующій отчетъ:

„Милостивые государи! За время съ 1-го мая по 1-е октября къ числу прежнихъ 496 членовъ общества прибавилось 25 и выбыло 5, изъ которыхъ одинъ сложилъ званіе члена и четверо умерли (кн. Н. Н. Церетелевъ, В. С. Курочкинъ, гр. А. К. Толстой и Н. А. Ананьевъ). Затѣмъ къ 1-му октября членовъ состояло 516.

Денежныя пособія за минувшіе 5 мѣсяцевъ, сверхъ произведенныхъ по назначеніямъ прошлыхъ лѣтъ, были слѣдующія: 1) пособія

Digitized by Google

на воспитаніе и ученіе: вторая стипендія имени Е. П. Ковалевскаго 150 р. въ годъ сохранена, согласно правиламъ этой стипендіи, за тѣмъ же студентомъ харьковскаго университета, перешедшимъ съ 4 на 5 курсъ медицинскаго факультета. Что же касается первой стипендіи въ 300 р., то возникшая о назначеніи ея переписка кончилась только въ октябрѣ сохраненіемъ и этой стипендіи еще на годъ за прежнимъ стипендіатомъ, окончившимъ курсъ кандидатомъ и оставленнымъ при университетѣ для приготовленія на степень магистра. Обычная и ежегодная высылка 120 р. въ пособіе двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ юридическаго факультета харьковскаго университета произведена была комитетомъ и на нынѣшній учебный годъ. Затѣмъ вновь принятый комитетомъ расходъ составляли: назначеніе 70 р. на уплату въ учебное заведеніе за годичное воспитаніе бывшаго народнаго учителя и автора нѣсколькихъ руководствъ, и плата 60 р. въ одно изъ московскихъ учебныхъ заведеній за годичное воспитаніе дочери умершаго писателя, оставившаго большую семью безъ средствъ къ жизни. Относительно прежнихъ воспитанниковъ общества комитетъ также сдѣлалъ нѣсколько новыхъ назначеній; именно: продолжилъ на 4 мѣсяца по 15 руб. плату за приготовленіе сына умершаго писателя въ учебное заведеніе; вновь выдалъ 50 руб. на учебный годъ за воспитаніе сына покойнаго профессора, и вмѣсто 240 руб., отпускавшихся съ апрѣля 1871 г. на воспитаніе двоихъ дѣтей умершаго писателя, опредѣлилъ отпускать въ учебное заведеніе по 160 руб. въ годъ на воспитаніе дочери этого писателя съ выдачею ей 20 р. на единовременное обзаведеніе, а на воспитаніе сына писателя назначилъ выдавать по 120 р. до опредѣленія его въ учебное заведеніе. Всего же вновь произведеннаго и назначеннаго къ производству расхода на воспитаніе за эти 5 мѣсяцевъ было для 9 лицъ по 810 р. Сверхъ того, выдано одному лицу въ пособіе и на уплату за слушаніе лекцій 75 р., что̀ съ вышеуказаннымъ расходомъ составитъ на 10 лицъ 885 р.; 2) продолжительныхъ пособій было назначено два на 450 р., именно одно въ 150 р. на 3 мѣсяца для доставленія средствъ молодому писателю и ученому окончить начатый имъ серьёзный трудъ, и другое въ 300 руб. на годъ вдовѣ извѣстнаго педагога, оставшейся съ двумя малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію; 3) единовременныя пособія были назначены 20-ти лицамъ и семействамъ въ 1,970 р., въ томъ числѣ одно въ 500 р. произведено было во вниманіе къ серьёзнымъ литературнымъ заслугамъ писателя и его тяжкой болѣзни, требующей полнаго спокойствія и леченія внѣ Петербурга; выдача въ 25 р. назначена по просьбѣ писателя для взноса за документы, удержанные у него университетской канцеляріей по неуплатѣ за слушаніе лекцій; а 20 руб. выданы тоже согласно просьбѣ писателя на выѣздъ его изъ Петербурга. Вообще же комитетъ старается не упускать изъ вида статьи устава, предписывающей выдачу пособія въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно выводило нуждающихся изъ крайности и облегчало ихъ положеніе; 4) на погребеніе двухъ лицъ выдано 150 р.; 5) ссуды были назначены тремъ лицамъ въ 390 р., именно: первая въ 60 руб., вторая въ 150 р. и третья въ 180 р., причемъ, согласно просьбѣ лицъ, получившихъ ссуду, примѣнены были во всѣхъ трехъ случаяхъ правила

Digitized by Google

выдачи безвозвратнаго пособія. Всего же было оказано денежныхъ пособій разныхъ видовъ 36-ти лицамъ и семействамъ на 3,845 руб. Неденежныя пособія общества были слѣдующія: 1) 6-ти лицамъ оказано посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями газетъ и журналовъ по истребованіямъ гонорара за статьи и возвращенію рукописей. При этомъ 3 лица получили свой гонораръ до 155 р. и одно лицо рукопись; одному лицу была обѣщана редакторомъ высылка гонорара, но обѣщаніе осталось неисполненнымъ, и только одна редакція еще не возвратила рукописи и не отвѣтила на заявленіе комитета; 2) рукопись одного лица передана на просмотръ въ спеціальное ученое учрежденіе, а согласно желанію другого писателя, разсмотрѣны самимъ комитетомъ его сочиненія и данъ ему о нихъ отзывъ; 3) по двумъ прошеніямъ комитетъ ходатайствовалъ о безплатномъ помѣщеніи дочерей писателей въ учебныя заведенія, но одна изъ нихъ не могла быть опредѣлена по малолѣтству, при опредѣленіи же другой предоставлена была первая вакансія. Плата за воспитаніе обѣихъ производится теперь на счетъ общества; 4) прошеніе одного лица о пособіи, уже не разъ пользовавшагося имъ отъ общества, передано въ благотворительное учрежденіе съ рекомендаціей просителя его вниманію; 5) больному писателю выданъ безплатный билетъ для пользованія въ водолечебницѣ, пожертвовавшей нѣсколько такихъ билетовъ въ пользу общества. При переходѣ къ отказамъ въ пособіи лицамъ, обращавшимся къ обществу, необходимо замѣтить, что, съ одной стороны, въ виду недостаточности средствъ общества, особенно ощутительной въ нынѣшнемъ году, когда не состоялся концертъ, приносившій около 3,000 руб. дохода, а съ другой стороны, въ виду увеличившагося требованія на пособія отъ общества, комитетъ вынужденъ былъ относиться къ поступающимъ просьбамъ съ особенною осторожностью и осмотрительностью, устраняя по возможности просьбы лицъ, во-1-хъ, основывающихъ свои обращенія къ обществу на незначительныхъ статейкахъ и замѣткахъ, неимѣющихъ никакого литературнаго значенія; во-2-хъ, уже получавшихъ пособіе отъ общества нѣсколько разъ, нерѣдко въ недавнее время, и не выставляющихъ достаточнаго основанія для новаго назначенія; въ-3-хъ, имѣющихъ какіе-нибудь постоянные доходы, какъ, напр., пенсію отъ правительства, иногда въ размѣрѣ отъ 500 до 800 р. въ годъ, тогда какъ въ это же время поступаютъ прошенія значительнаго числа лицъ и семействъ, неимѣющихъ рѣшительно ничего. Точно также и при выдачѣ ссудъ, чтобы не ослабить средствъ общества временнымъ недостаткомъ денегъ, необходимыхъ на текущіе расходы, комитетъ не разрѣшалъ выдачъ лицамъ, вполнѣ обезпеченнымъ. Руководствуясь указанными основаніями, комитетъ отклонилъ 23 ходатайства о пособіи, въ томъ числѣ восьми лицамъ за неодиократными и въ большинствѣ случаевъ недавними полученіями, шести лицамъ за незначительностью литературныхъ трудовъ просителей, тоже впрочемъ уже получавшихъ пособіе, тремъ лицамъ почти за совершеннымъ отсутствіемъ литературныхъ трудовъ, тремъ лицамъ за собранными о нихъ свѣдѣніями, показавшими, что пособіе не принесетъ никакой пользы ихъ положенію, и тремъ лицамъ за болѣе или менѣе обезпеченнымъ ихъ состояніемъ. Кромѣ того, отказано въ просьбѣ

Digitized by Google

одного лица о пособіи на свадьбу дочери, потому что было выдано имъ пособіе уже два раза, несмотря на малое число трудовъ ея покойнаго мужа. Четыремъ лицамъ отказано въ ссудѣ по непредставленію поручительства и за неимѣніемъ основанія къ выдачѣ ея. Одному лицу отказано въ опредѣленіи дочери въ учебное заведеніе на счетъ общества, потому что общество въ теченіе 11 лѣтъ воспитываетъ на свой счетъ другую дочь и израсходовало на это около 1,000 руб. Одному лицу отказано въ пріисканіи мѣста за неимѣніемъ его въ виду; одному лицу—въ передачѣ его стихотвореній въ редакціи газетъ и журналовъ, что могъ сдѣлать самъ проситель. Наконецъ одному — въ сношеніи съ издателемъ перевода о ежегодной выдачѣ денегъ впредь до окончательнаго разсчета по распродажѣ книгъ, тогда какъ издатель уже прежде отзывался комитету, что книга вовсе не покупается публикой. Прочія занятія комитета были слѣдующія: Озабочиваясь наибольшимъ полученіемъ дохода съ капитала общества и стипендіи Е. П. Ковалевскаго, комитетъ, по сношеніи съ главнымъ бухгалтеромъ государственнаго банка И. А. Бѣлушкинымъ и съ одобренія управляющаго банкомъ Е. И. Ламанскаго, рѣшилъ обмѣнять металлическія процентныя бумаги общества и стипендіи, именно облигаціи разныхъ желѣзныхъ дорогъ, на приносящіе больше процентовъ закладные листы харьковскаго и херсонскаго земельныхъ банковъ. Металлическія бумаги были проданы чрезъ с.-петербургскимъ отдѣленіемъ варшавскаго коммерческаго банка безъ коммиссіоннаго процента и по очень выгодной цѣнѣ, а именно по номинальной стоимости 61,760 руб. за 65,927 р. 90 к. Полученныя деньги, въ ожиданіи покупки новыхъ процентныхъ бумагъ, были помѣщены на условный текущій счетъ того же отдѣленія, приносящій $4^1/_2$%, и сюда же переведенъ текущій счетъ общества и стипендіи изъ государственнаго банка, такъ какъ въ немъ проценты по текущему счету въ это время были понижены съ 3 на 2. Пріобрѣтеніе новыхъ процентныхъ бумагъ еще не окончено, потому что покупка ихъ соображается съ возможною выгодою для общества, и въ настоящее время въ октябрѣ мѣсяцѣ куплено для общества и стипендіи херсонскихъ закладныхъ листовъ на 34,500 р. за 30,661 р. 87 к. (по $88^7/_8$), чрезъ контору Ѳ. П. Вайнакова, также не взявшаго коммиссіоннаго процента. Предположенный комитетомъ къ изданію въ пользу общества литературный сборникъ подготовляется и будетъ изданъ въ будущемъ году. Составляемый же особо избранною коммиссіею проектъ устава ссудо-сберегательной кассы литераторовъ еще не разработанъ ею и въ комитетъ не поступалъ. По приготовленіи онъ будетъ напечатанъ въ газетахъ для общаго обсужденія.

Въ заключеніе, комитетъ считаетъ обязанностью упомянуть объ изданіяхъ и лицахъ, содѣйствовавшихъ ему и обществу, и о пожертвованіяхъ въ пользу общества: 1) извлеченія изъ журналовъ и объявленія комитета безвозмездно печатались въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Недѣлѣ“, „Финансовомъ Обозрѣніи“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Вѣстникѣ Европы“. „Русскія Вѣдомости“ и „Современныя Извѣстія“ безплатно печатали объявленія о мѣстѣ пріема членскихъ взносовъ

Digitized by Google

въ Москвѣ, а въ недавнее время редакціи „Новаго Времени“ и „Русскаго Міра“ изъявили желаніе также безвозмездно печатать извлеченія изъ журнала комитета; 2) изъ членовъ Общества, по просьбѣ комитета, содѣйствовали ему въ разныхъ случаяхъ своею помощью: П. Е. Басистовъ, Ѳ. П. Баймаковъ, В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. М. Благовѣщенскій, Н. Н. Буличъ, Н. В. Гербель, М. П. Драгомановъ, Д. А. Корсаковъ, Е. И. Ламанскій, М. Н. Островскій, баронесса Э. Ѳ. Раденъ, И. А. Слѣпушкинъ, А. М. Унковскій, А. С. Фаминцынъ и Н. Ѳ. фонъ-деръ-Флитъ; 3) денежныя пожертвованія, сверхъ пожалованныхъ Государынею Императрицею 300 р. и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ 200 р., были сдѣланы: М. М. Стасюлевичемъ 200 р., М. А. Варшавскимъ 25 р., А. Д. Даниловымъ и Л. Д. Трахтенбергомъ по 10 р. и Н. Бѣлелюбскимъ 6 р., и поступило невостребованныхъ обратно за билеты, взятые на предполагавшійся концертъ, пожертвованныхъ въ пользу общества 257 р., а всего 568 р. Кромѣ того, Е. И. Гасабовъ представилъ въ пользу общества 5% съ чистаго дохода отъ распродажи изданной имъ книги, а Н. М. Михаловскій пожертвовалъ обществу собраніе своихъ стихотвореній. Оно будетъ издано Н. В. Гербелемъ, съ возвращеніемъ ему расхода отъ продажи первыхъ экземпляровъ. Какъ ни цѣнны въ своей сущности всѣ эти пожертвованія, доказывающія вниманіе къ обществу, но комитетъ не можетъ не заявить, что главною силою и существеннымъ основаніемъ для дѣйствій и дальнѣйшаго развитія общества служитъ увеличеніе числа его членовъ, которыхъ постоянные взносы даютъ твердую опору дѣятельности общества. Поэтому, чѣмъ сочувственнѣе относится публика къ нашему обществу, чѣмъ бо́льшее число членовъ поступаетъ въ него, тѣмъ больше является у него средствъ и тѣмъ успѣшнѣе можетъ оно развиваться. Къ сожалѣнію, многимъ изъ среды публики неизвѣстно, что членами нашего общества могутъ быть не одни только литераторы, и потому комитетъ, уже заявлявшій однажды свою просьбу, снова обращается къ вамъ, милостивые государи, прося распространять по возможности это свѣдѣніе между своими знакомыми. При этомъ комитетъ считаетъ необходимымъ напомнить, что желающіе вступить въ члены нашего общества должны быть предложены комитету однимъ изъ членовъ общества; заявленія же о семъ могутъ быть присылаемы секретарю или въ комитетъ, съ означеніемъ имени, отчества, фамиліи, званія и адреса предлагаемаго лица [1]).

Изъ прочитаннаго затѣмъ отчета казначея видно, что къ 1-му января 1875 г. въ кассѣ было 63,547 р. 95 к.—Вновь поступило 59,325 р. 93 к., въ томъ числѣ пожалованные Государынею Императрицею 300 р. и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ 200 р.; пожертвованія: М. М. Стасюлевича 200 р., А. Рѣдкина 40 р., В. Е. Якушкина, А. Д. Данилова и Л. Д. Трахтенберга по 10 р., М. А. Варшавскаго 25 р., Н. Бѣлелюбскаго (въ капиталъ В. Ѳ. Корша) 6 р., невостребованныя деньги за билеты въ концертѣ 257 р., членскіе взносы 21-го лица 215 р., проценты съ капитала общества 1042 р. 43 к. и съ капитала В. Ѳ. Корша 32 р. 33 к.;

[1]) Адресъ предсѣдателя—Литейная, № 48, а секретаря—Лиговка, № 25.

Digitized by Google

всего 2343 р. 10 к., и по оборотамъ: отъ продажи процентныхъ бумагъ и возвратъ процентовъ, уплаченныхъ при покупкѣ 56,982 р. 83 к.—Израсходовано въ 5 мѣсяцевъ 59,854 р. 3 к., въ томъ числѣ на пенсіи 22 семействамъ 1926 р., на воспитаніе 13 лицъ 940 р., на продолжительныя и единовременныя пособія 23 лицамъ 2200 р., на погребеніе 2 лицъ 150 р., въ безсрочную ссуду 3 лицамъ 390 р., за храненіе процентныхъ бумагъ 10 р. 85 к. и на пересылку суммъ 37 р. 18 к., въ ссуду 1 лицу 300 р., всего 5954 р. 3 к., и по оборотамъ: продано процентныхъ бумагъ на 53,900 р. нарицательной стоимости.—Затѣмъ, въ кассѣ къ 1-му октября 63,019 р. 85 к., въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала 15,347 р., капитала И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1000 р., Н. М. Василевскаго 300 р. и В. Ѳ. Корша 2076 р. 67 к.—Капитала стипендіи С. П. Ковалевскаго состояло къ 1-му мая 8346 р. 50 к.; поступило процентовъ съ капитала 119 р. 3 к. и отъ продажи процентныхъ бумагъ 8977 р. 40 к.; въ расходъ выписано: на стипендію студенту харьковскаго университета 150 р., за храненіе бумагъ 45 к. и проданныхъ процентныхъ бумагъ на 7860 р. нарицательной стоимости; затѣмъ, къ 1-му октября состоитъ 9432 р. 48 к.

По прочтеніи отчета была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены общества, по которой оказались избранными: Ѳедоръ Константиновичъ Опочининъ, Сергѣй Александровичъ Каратыгинъ, Семенъ Викентьевичъ Пахманъ, Николай Васильевичъ Шелгуновъ, Михаилъ Абрамовичъ Филипповъ, Василій Ивановичъ Водовозовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Воропоновъ, Евгеній Александровичъ Шакѣевъ, Николай Всеволодовичъ Козловъ, Францъ Егоровичъ Фельдманъ, Юрій Васильевичъ Толстой, Александръ Семеновичъ Нѣжинскій, Петръ Козмичъ Мартьяновъ, Александръ Даниловичъ Даниловъ, Николай Никитичъ Запольскій, Карлъ Карловичъ Сентъ-Илеръ, Захаръ Борисовичъ Вулихъ, Александръ Потаповичъ Кирпотенко, Василій Адріановичъ Евтушевскій, Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ, Петръ Андреевичъ Тарапыгинъ, Владиміръ Степановичъ Садовскій, Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій, Александръ Александровичъ Хомяковскій, Михаилъ Ипполитовичъ Мацневъ и Иванъ Кондратьевичъ Вабстъ. Безъ баллотировки приняты въ члены общества: Надежда Михайловна Половцова, Анна Петровна Ге, Елизавета Николаевна Водовозова, Надежда Владиміровна Яковлева, Александра Андреевна Рагозина, Евгенія Карловна Гайдебурова и Софія Александровна Боборыкина.

Въ заключеніе О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ свою статью о графѣ А. К. Толстомъ.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Объясненіе по поводу письма гр. А. К. Толстого къ г. Де-Губернатису.

По поводу напечатаннаго, въ декабрьской книжкѣ истекшаго года письма гр. А. К. Толстого къ г. Де-Губернатису, мы получили столь же справедливый, сколько незаслуженный нами упрекъ въ видѣ вопроса: какимъ образомъ помѣщенный у насъ переводъ этого письма могъ оказаться обширнѣе французскаго подлинника, вышедшаго затѣмъ въ „Rivista Europea"? Это требуетъ объясненія.

Мы замѣтили, при изданіи нашего перевода, что г. Де-Губернатисъ сообщилъ намъ *копію* письма къ нему гр. А. Толстого. Когда декабрьская книжка нашего журнала была отпечатана и вышла въ свѣтъ, мы получили декабрьскій нумеръ итальянскаго журнала вмѣстѣ съ письмомъ г. редактора, объясняющаго намъ, что въ „Rivista Europea", по отсылкѣ въ Петербургъ упомянутой копіи, редакція сдѣлала въ двухъ-трехъ мѣстахъ *сокращенія*, между тѣмъ какъ въ полученной нами копіи письмо покойнаго сообщалось вполнѣ и дословно. Вотъ почему въ нашемъ переводѣ оказались такія мѣста, какихъ нѣтъ въ *напечатанномъ* подлинникѣ,—но они находятся въ рукописномъ оригиналѣ. Редакція журнала „Rivista Europea" была конечно въ правѣ издать письмо вполнѣ или съ сокращеніями; но разстояніе помѣшало ей своевременно сообщить намъ объ исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ оригиналѣ. Мы съ своей стороны также выпустили одно мѣсто, предполагая, что авторъ назначалъ его не для публики, и были правы,—такъ какъ и въ „Rivista Europea" это мѣсто оказалось не пущеннымъ; но редакція итальянскаго журнала не ограничилась этимъ однимъ мѣстомъ,—и такимъ образомъ переводъ оказался пространнѣе оригинала. Соглашаемся впередъ, что эти мѣста, выпущенныя въ „Rivista", не представляютъ особенной важности, — но объясненіе съ нашей стороны было тѣмъ не менѣе необходимо: въ подобнаго рода вопросахъ и самая тѣнь сомнѣнія имѣла бы всю силу тяжкаго обвиненія.

ПОПРАВКИ:

Стран.	строк.	Напечатано:	вмѣсто:
9	11 сн.	пробурчалъ	пробурчавъ
38	8 »	съ волосъ	съ головы
48	5 св.	высказалъ	выказалъ

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

ХВОРАЯ

ПОВѢСТЬ

I.

Надъ деревней Сгорьево лежала уже темная лѣтняя ночь. Во всѣхъ домахъ спали крѣпкимъ сномъ. Тишина стояла кругомъ непробудная. Только въ одной избѣ мерцалъ огонекъ и слышался шумъ, перебранка, всхлипыванія.

— Пошла, пошла, убирайся: нечего тебѣ здѣсь дѣлать. Ухватомъ погоню, въ-зашей вытолкаю, коли по-слову не пойдешь— кричала суровая, крѣпко сложенная, пожилая баба, наскакивая на другую, молодую еще, худую, блѣдную, болѣзненнаго вида, которая стояла въ нерѣшительной позѣ, горько всхлипывая, у дверей избы.

У первой, сердившейся бабы, лицо было точно деревянное, четырехугольное, скуластое; маленькіе глаза блестѣли сухой, холодной злобой. Она была въ одной рубашкѣ и въ кичкѣ. На другой накинутъ былъ темный дырявый кафтанишка и засаленный рваный, желтый бумажный платокъ, съ красными разводами. Блѣдное лицо ея хранило еще слѣды прежней миловидности въ красиво выведенныхъ бровяхъ, въ большихъ глазахъ и въ очертаніяхъ губъ; но оно было страшно истощено и болѣзненно: щеки впали, губы синія, сухія, ввалившіеся глаза смотрѣли устало и запуганно.

Въ избѣ было тѣсно, душно, темно и грязно. Стоявшій на столѣ ночникъ изъ плошки съ рыльцемъ, въ которую налито было какое-то масло, едва мерцалъ, но сильно дымилъ и распро-

Digitized by Google

странялъ страшную вонь. Въ углу, на грязномъ полу, на охапкѣ полусгнившей соломы, прикрытыя какой-то рваной ветошью, копошились двое маленькихъ дѣтей и возлѣ нихъ теленокъ-сосунъ. Дѣти были разбужены крикомъ старой бабы и плачемъ молодой, и робко, испуганно высовывали изъ-подъ тряпья свои маленькія головки, но тотчасъ же и прятали ихъ, какъ только въ ихъ сторону взглядывала сердитая старая баба. Съ полатей смотрѣли на происходящее въ избѣ двѣ головы: молодого мужика и мальчика, ребенка лѣтъ шести. Мужикъ смотрѣлъ тупо и, повидимому, равнодушно, ребенокъ бойко и вопросительно: глазенки его бѣгали со старухи на молодую бабу, и изрѣдка съ лукавой, вызывающей улыбкой обращались къ мужику, который, впрочемъ, не обращалъ на него никакого вниманія.

— Куда же я пойду теперь, ночью... изъ своего дома?— всхлипывая возражала молодая баба.

— Нѣтъ, ты домъ-отъ сначала наживи, да выстрой, тогда онъ и будетъ твой.

— Отъ своихъ дѣтей,—продолжала больная.

— Такъ ты мать что-ли своимъ дѣтямъ?.. Развѣ экія матери-то бываютъ?.. Матери-то обшиваютъ, да обуваютъ дѣтей, поятъ ихъ да кормятъ.. Спину-то ломаютъ, да работаютъ... А ты только и знаешь—съ печи на полати, да съ полатей на печь,—и вся твоя работа въ томъ; да еще корми тебя, да все приготовь про тебя...

— Такъ развѣ я рада... немочь моя... болѣсть...

— Хороша болѣсть, немочь: что ни годъ, то ребенокъ... Семи годовъ нѣтъ замужемъ, пятымъ на сносѣ... Нѣтъ, ужъ силушки моей нѣтъ всѣхъ-то васъ на себѣ везти, уѣздили вы меня... Тоже въ людяхъ думаютъ: невѣстка у нея есть... а вотъ, жнитво пришло, скоро за яровое приниматься надо, а невѣстушки и на полосѣ не видала: все одна да одна...

— Такъ, вѣдь, развѣ бы я... Я бы рада радостью... Да силушки моей нѣтъ, рученьки не поднимаются...

— Слышала я это, слышала довольно... Ну, такъ и я про тебя не работница, не припащица... Поди-ка, по людямъ-то пошляйся, покормися: вонъ, люди жнутъ, по три гривенника берутъ, на хозяйскихъ харчахъ—можно прокормиться, слава Богу... Ступай, ступай... Не стану я тебя кормить, лежебоку... Нѣтъ, ужъ будетъ... Ступай, говорятъ...

— Да куда же я пойду...

— А куда хошь, туда и иди... Куда даве ходила, ночью назадъ пришла—туда и поди...

Digitized by Google

— Да я въ лекарнѣ ходила, въ Ломы... про болѣсть же про свою... снадобьица просила...

— Ну, вотъ... Она по лекаркамъ будетъ шляться, а мы за нее работай, припасай... Какъ по лекаркамъ бѣгать, такъ тутъ и немочь прошла: за пять верстъ сбѣгала; а на полосу—такъ ея нѣтъ... Сгинь ты, пропащая... Не будоражь сердца моего...

Старуха свирѣпо засверкала глазами, бросилась въ уголъ къ печкѣ, схватила деревянную обгорѣлую клюку, которая служила вмѣсто кочерги, и застучала ею по полу.

— Уходи, говорятъ, пока цѣла... Силушки моей больше нѣтъ... Зрить я тебя не могу, прокуратку ледящу... Уходи, убью, право, убью...

— Дай хоть ночь-то переночевать: я, вѣдь, и то за силу за великую еле до дому доплелась... Дай переночевать—завтра уйду, хоть къ сестрѣ Секлетеѣ, что-ли...

— Уходи тотчасъ, благо обута-одѣта... Завтра опять съ тобой судачься, а мнѣ на поле нужно... Еще тебѣ говорю, дѣвка, уйди отъ грѣха...

Старуха сдѣлала нѣсколько шаговъ къ молодой бабѣ и съ угрожающимъ жестомъ постучала въ полъ клюкою.

— Да чтой-то же это, батюшки мои...—заплакала молодая баба.—Петръ Иванычъ, да вступись хоть ты: вѣдь я тебѣ жена, твоимъ дѣтямъ мать...

Эти слова были обращены къ мужику, лежащему на полатяхъ. Тотъ что-то промычалъ и спряталъ голову подъ полушубокъ.

— Такъ ты еще сына противъ меня поднять хочешь... Да что онъ, больше матери-то, что-ли?.. Ты ужъ не меня ли хочешь изъ моего дома-то выжить?.. А кто про него, да про его дѣтокъ вѣкъ свой работаетъ, да печалуетъ? ты, что-ли, али я? Кто домъ-то держится? кто спину-то за тебя ломаетъ? кѣмъ онъ обутъ-одѣтъ? не ты ли напряла-наткала? Нѣтъ, кабы меня-то не было, такъ не то что ребятишки, а и онъ-то пропадомъ бы пропалъ съ тобой, лежебокой... Такъ ты сына подбивать, сына сомущать противъ матери?.. Ну, такъ нѣтъ... Сказала, уходи безъ грѣха, сказала...

Старуха замахнулась на больную клюкой, но задѣла ею, къ счастію, за полати: ударъ вышибъ у нея изъ рукъ палку. Она бросилась къ молодой женщинѣ, повернула ее лицомъ къ двери и вытолкала вонъ, сначала въ сѣни, потомъ изъ сѣней на крыльцо. Собираясь замкнуть передъ ней дверь въ сѣни, она закричала еще:

Digitized by Google

— Слушай, Палашка, уходи... Не дѣлай грѣха: не дамъ я тебѣ у меня жить, нечѣмъ мнѣ тебя кормить, нѣтъ моихъ достатковъ. Промышляй сама про себя. Дѣтей твоихъ не уморю, какъ-ни-какъ подниму, а про тебя я не работница, чтобы тебѣ на печкѣ лежать, а мнѣ передъ тобой служить... Будетъ, пять лѣтъ я тебя терпѣла экую... Теперь ступай, куда хошь... Да и не думай, не приходи, не пущу... На мужа не полагайся—онъ самъ тебѣ не радъ... Ступай же, говорятъ...

Старуха захлопнула и заперла дверь изъ сѣней на крыльцо.

Между тѣмъ въ избѣ, какъ только скрылись за дверями бабы, маленькія ребятишки приподнялись и сѣли на своей грязной соломѣ. Одинъ изъ нихъ заплакалъ и протянулъ руки къ дверямъ.

— Мама,—лепеталъ онъ, тихо и жалобно хныкая.

Самый маленькій, лѣтъ двухъ, вылѣзъ изъ кучи, какъ звѣрокъ, на четверенькахъ, поползъ по избѣ къ дверямъ, за матерью.

На полатяхъ, бойкій старшій мальчишка, какъ видно, общій баловень, обратился къ лежавшему съ нимъ рядомъ мужику:

— Тятька, а тятька, бабка-то Агафья мамку-то палкой, да въ спину...

Онъ засмѣялся дѣтскимъ безсмысленнымъ смѣхомъ. Отецъ даже не пошевелился подъ своей шубой...

— Тятька, мамка-то не придетъ ужъ больше?.. Гдѣ она жить-то будетъ?.. Тятька!..

— Ну, нишкни, ложись...—отвѣчалъ изъ-подъ шубы голосъ.

— Вы что тутъ завозились,—продолжалъ онъ, обращаясь къ лежавшимъ внизу дѣтямъ.—Перестань пищать... Брысь, пострѣлята... Вось, бабка придетъ на васъ!.. Вось она васъ вѣникомъ...

Появленіе ея въ избѣ мгновенно возстановило тишину. Четвероногій путешественникъ добрымъ шлепкомъ возвращенъ былъ на мѣсто родины, въ кучу соломы; пищавшіе ребятишки умолкли подъ угрозы бабушки и снова забились подъ свое грязное тряпье. Съ полатей ни отецъ, ни сынъ не подали голоса.

Старуха подняла съ полу клюку и поставила ее въ уголъ, на свое мѣсто; тѣмъ же вѣникомъ, которымъ грозила внучатамъ, подмела соръ къ кучѣ соломы, на которой лежали дѣти, перевернула на другой бокъ теленка, слегка ударила его по мордочкѣ, которою онъ тыкался ей въ колѣни, прося пойла, сурово взглянула на полати, но ласково провела рукой по бѣлокурой головкѣ лежавшаго тамъ и притворившагося спящимъ, стар-

Digitized by Google

мою внучка; стала твердо, устойчиво передъ переднимъ угломъ, гдѣ темные деревянные образа на тябл'ѣ едва отличались отъ нихъ же темныхъ стѣнъ, истово перекрестилась, глубоко вздохнула и стала класть земные поклоны, читая про себя молитву. Зат'ѣмъ, она задула ночникъ, который пустилъ ц'ѣлое облако дыму и чаду, и спокойно легла на голбецъ около печки, подложивши подъ голову полушубокъ и прикрывшись кафтаномъ. Чрезъ минуту въ изб'ѣ вся семья спала мирнымъ, глубокимъ сномъ, какъ будто среди ея ровно ничего не случилось и обыденный порядокъ жизни ничѣмъ не былъ нарушенъ.

II.

Оставшись одна на крыльцѣ, Палагея стояла нѣсколько мгновеній, точно не сознавая, что съ нею случилось: толкнулась-было она въ сѣнную дверь,—заперта, посмотр'ѣла кругомъ—темная, тихая ночь, на неб'ѣ ни облачка, ни зв'ѣздочки, сос'ѣдній л'ѣсъ едва отд'ѣляется на густой синев'ѣ неба, деревенскія избёнки едва различаются во мрак'ѣ; холодный, сырой в'ѣтерокъ тянетъ отъ пруда; отъ него, али такъ, дрожь пробѣгаетъ по т'ѣлу, ноги и руки ноютъ, въ голов'ѣ ровно что стучитъ. Тихо, тихо вездѣ; всѣ спятъ. И ей бы лечь теперь и уснуть: хоть бы гдѣ-нибудь притулиться, да въ теплomъ углу... Всѣ спятъ по своимъ домамъ, по своимъ угламъ, а вотъ ее выгнали изъ своего дома; вотъ здѣсь и мужъ ея, и д'ѣти, а ей, женѣ, матери, н'ѣтъ м'ѣста около нихъ... Палагея опустилась и присѣла на ступеньки крыльца, слезы такъ и капали у нея изъ глазъ, точно сами собой, безъ ея воли.

— За-что, за-что прогнали-то?..—спрашивала она себя.—Я тихая, не р'ѣчистая, поступчивая... Ни свекрови, ни мужу слова поперекъ не сказала: обругаютъ—смолчу, и толкнутъ—смолчу, прибьютъ—только спла́чу... За-что же? Больная, чу, немогучая... не работаю, д'ѣтей объ'ѣдаю, домъ разоряю... Да рада бы я радостью, голубчики мои, да гдѣ же мнѣ силушки-то взять, коли н'ѣту ея?.. Свекровь, та работаетъ, рукъ не покладаючи: и утреню зарю встр'ѣтитъ и вечерню проводитъ, все на полосѣ, все за работой; не допьетъ, не дое́стъ, все около дома старается, а силушки у нея не убываетъ... Вотъ и старъ человѣкъ, а ц'ѣлокоренекъ; а я и рада бы, да все изъ рукъ валится: наклонюсь лишній разъ—въ голову застучитъ, спину никакъ не разогнешь; руками что́ подѣлаю—ломитъ ихъ, нить начнутъ... Все

Digitized by Google

бы я лежала, все бы я лежала... Эку Господь напасть на меня послалъ!.. Видно, за грѣхи родительскіе... Вамъ-то, вамъ-то, дѣточки мои, хоть бы я послужила, хоть бы поработала на васъ, чтобы вы матерью-то меня почитали; а то и въ дѣтямъ-то своимъ, кровнымъ-то своимъ, я не слуга отъ Бога поставлена, а, ровно, чужая... Эка мать, эка радѣльщица: для дѣтокъ-то своихъ руки не переложила; кто поитъ-кормитъ, кто одѣваетъ-обуваетъ? все бабка, а мать такъ, не причемъ, ровно чужая... И ее горе вземетъ на меня глядѣть, и дивить нечего: до кого ни доведись... Такъ что же мнѣ дѣлать-то съ собой, батюшки мои?.. Кто меня научитъ, кто голову къ плечамъ приставитъ?.. Куда идти, у кого помочи просить?.. Вотъ, ходила къ лекаркѣ, кланялась, просила: это, говоритъ, въ тебѣ порча, либо по вѣтру пущено, либо на слѣдъ положено, шестымъ брюхомъ, говоритъ, пройдетъ, а ужъ тѣхъ поръ промѣшься... А вотъ теперь и изъ дома выгнали, и идти не знаю куда: кто станетъ дармоѣдку держать?.. Да, вѣдь, я бы ужъ и своихъ-то не объѣла бы; вѣдь что же дѣлать-то, мало ли Богъ какое наказаніе посылаетъ: все же я своему мужу жена, своимъ дѣтямъ мать... И собаку хворую иной добрый хозяинъ съ разу-то не пришибетъ... Ну, повалялась бы повалялась, да, можетъ быть, Богъ далъ и справилась бы, а нока хошь бы около дѣтей-то за-мѣсто няньки была... Да, вѣдь, съ матушкой-свекровью не сговоришь теперь, коли ужъ она на томъ стала, ни за что не пуститъ въ домъ, коли разъ выгнала; а мужъ? что онъ? развѣ ему больную жену жалко? да и супротивъ матушки онъ не пойдетъ: гдѣ онъ экую работницу найдетъ другую? не промѣняетъ онъ ее на меня ни за что... Студено стало... Пойду попрошусь хоть къ сусѣдямъ куда переночевать, а утромъ поплетусь къ сестрѣ Секлетеѣ: она баба ловкая, проворная, можетъ что и надоумитъ...

Палагея пошла вдоль по порядку деревни.

— Стыдобушка и постучаться-то... Что сусѣдушки подумаютъ, чему посудятъ? Какая такая мать, что отъ дѣтей прогнали, какая такая жена, что мужъ изъ дома спровадилъ!.. Видно-де, сама хороша, что свекровь гонитъ, а мужъ и не вступится... Знаютъ, что больная, хворая, да, вѣдь, кто повѣритъ, что за одну хворь изъ дома выгнали... Ну, похвораютъ люди недѣлю, похвораютъ мѣсяцъ, да и выздоровѣютъ, а я второй ужъ годъ экая-то живу... Такъ неужто ужъ такъ мнѣ и угла нѣтъ, на улицѣ такъ и издыхать... Вѣдь, человѣкъ же я и самъ-дѣлъ, не звѣрь лѣсной, не овца паршивая... Что она, хошь бы и матушка-свекровь... Я при своемъ законномъ мужѣ, при своихъ дѣтяхъ: какъ меня

Digitized by Google

можно гнать, ровно звѣря какого!.. И опять же, я безродная... кабъ бы у меня батюшка съ матушкой живы были, или братъ, или сестрица родные, такъ я хошь бы къ нимъ пошла: можетъ, примирили бы, а то одна сестра двоюродная, Секлетея, а та и сама не знаетъ, какъ прокормиться... Нѣтъ, это ты, матушка-свекровь, и ты, Петръ Иванычъ, это вы не законно дѣлаете... Неужто есть такіе законы, что коли хворый въ дому человѣкъ, такъ и гнать его можно... Вотъ, развѣ у баушки Арины постучаться: она старуха добрая, знающая, радѣльная; ночевать-то всякій пуститъ, а она еще, можетъ, и научитъ чему: какъ мнѣ быть, что дѣлать, какъ по правдѣ жить...

Палагея постучалась въ окно избы, около которой остановилась. Ея робкій, нерѣшительный стукъ не сразу услышали въ избѣ; пришлось постучать еще разъ, погромче. Въ избѣ зашевелились, кто-то всталъ, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ въ него, потомъ отодвинулъ маленькую оконную раму.

— Ктой-то это? — спросили изъ избы.

— Я, баушка Арина, я... къ тебѣ... — тихо, едва проговорила Палагея. Голосъ ея оборвался, она заплакала.

— Да ктой-то это? не признаю... Ревешь ни-что?... Кто ты, матка, чья такая? говори что-ли: къ ночи-то не признать никакъ... Что тебѣ? чего ревешь?

— Петрова я... Палагея... Агафьина... хворая...

— А-а... Такъ что ты это ночью-то... Да что ты ревешь-то?

— Пусти, баушенька, переночевать...

— Переночевать?... — вопросительно протянула Арина. — Подь, матка... Да чтой-то? а дома-то?...

— Прогнала меня матушка-свекровь...

— Прогнала?... Да что-то это? повздорили что ли?...

— Нѣтъ... за хворь за мою... Не знаю ужъ я какъ и быть!... Пусти хоть до утра-то... Въ экую ночь куда пойдешь... — Палагея всхлипывала.

— Да подь, матка, подь... Вотъ я сейчасъ отомкну двери-то... Подь, ночуй... Петрова Палагея... — повторяла про себя Арина, идя отпирать двери. — Вишь ты... хворая... прогнали...

Палагея вошла въ темную избу.

— Постой, огонька вадую... — говорила Арина, шаркая спичкой объ печь и зажигая сальную тонкую свѣчку въ желѣзномъ подсвѣчникѣ.

— Ай, бабка, не цвѣтна!... — продолжала Арина, поднося свѣчку къ Палагеѣ: — въ чемъ только душа... Полѣзай на печь-то: чай, иззябла... На печи-то нимого нѣтъ... Полѣзай...

Digitized by Google

— Спасибо, баушка Арина...

Палагея влѣзла на печь. Арина присѣла на лавку. Эта послѣдняя была женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ строгимъ, но благообразнымъ лицомъ; рѣзкія, суровыя черты ея умягчались умнымъ и добрымъ выраженіемъ глазъ.

— Тамъ, кажись, есть на печкѣ-то шуба; подстелись... — говорила она. — Али нѣтъ, такъ я подамъ?

— Есть, баушка, есть... Вотъ она тутъ... Дай Богъ тебѣ, помоги тебѣ Создатель милостивый за твою добродѣтель...

— Такъ что же, Агафья одна, али и съ мужемъ вмѣстѣ выгнали-то тебя? — полюбопытствовала Арина.

— Матушка-свекровь больше... Мужъ-то молчитъ, а не вступился тоже, слова не замолвилъ...

— Такъ неужто только за то, что больная, хвораешь?...

— За то, баушка: больше никакого за собой грѣха не знаю, вотъ семь лѣтъ съ мужемъ живу: ни я сластоѣжка, ни я непословна, супротивности этой во мнѣ нѣтъ, чтобы что на зло, али наперекоръ кому сдѣлать; къ дѣтямъ тоже, али къ мужу, я, кажется, со всей моей душой: только и свѣта въ глазахъ, что дѣтушки; и для мужа тоже, какъ ни больна, какъ ни хвора, а завсегда женой была, какъ есть законной, отъ себя не отваживала... въ люди не посылала... Да вотъ, не далъ Богъ здоровьица... безсчастная я...

— Да у мужа-то, у Петра-то, нѣтъ ли чего на сторонѣ?...

— Не знаю, родима, не въ примѣту, невдомёкъ... Кажись, нѣтъ этого за нимъ... Да я бы, родима баушка, по болѣзни по моей, въ это и не вступилась: Богъ бы съ нимъ... Что ужъ мнѣ, хворому человѣку, въ это вступаться... А вотъ ты мнѣ что, баушенька, молви, вотъ что мнѣ въ голову вложи: зачѣмъ я больше и постучалась къ тебѣ: куда я теперь пойду, что я дѣлать стану? Хворой я человѣкъ, не влашной, опять же съ брюхомъ хожу, работать не могу, а пить-ѣсть надо, осень подходитъ, зима студеная подойдетъ: куда я дѣнусь?... Пущай я больной человѣкъ, въ домъ ничего не заработаю, а только своихъ дѣтей опиваю да объѣдаю, да что же мнѣ-то дѣлать? не вольна же я въ томъ... И неужто-таки Божья то правда, чтобы мнѣ за это и своего дома не знать, и дѣтей малыхъ не видать, и пропадать ровно собакѣ какой паршивой... Пять лѣтъ я маюсь, сохну... Неужто ужъ и конецъ мнѣ такой показанъ?...

Палагея тихо плакала. Арина задумалась.

— Да можетъ, Агафья-то пытаетъ тебя только: думаетъ, ты работать не хочешь, привередничаешь, что на всемъ на гото-

Digitized by Google

мнѣ живешь... А вотъ, молъ, какъ выгоню изъ дома, такъ и-невоѣ работать примется...

— Да, она это думаетъ, точно, думаетъ; особливо вотъ Богъ мое несчастье на меня посылаетъ, что каждый, почитай, годъ дѣтей ношу... Да, вѣдь, не надо бы ей думать-то такъ: вѣдь, была я здорова, ни отъ какой работы не отказывалась... Правда, не больно я сручна къ крестьянству-то, потому во дворѣ жила въ дѣвкахъ, а все же старалась, пріучалась, черезъ силу работала: вѣдь она это видѣла... А и больная-то: развѣ я не сомнусь и на сѣнокосъ, и на полосу? да что подѣлаешь, коли слушки нѣтъ?... Вѣдь, не одинъ разъ съ полосы-то подъ-руки приводили; а вотъ теперь до того дошла, что не то что въ полѣ работать, а и ребенка на руки поднять не могу... Вотъ, вѣдь, горе-то мое какое, баушка Арина, ты это подумай...

— Слышу, слышу, дѣвка,.. Божье на тебя попущеніе... А все бы такъ, по-мнѣ, мужу-то не слѣдъ бы тебя покидать: какова ты ни есть, а все дѣтямъ его мать... Извѣстно, свекровь честно ли: невѣстка хороша — работница въ дому, ей помощница... Ну, и мужъ любитъ жену здоровую, правда это... А все бы такъ по-мнѣ: горе пополамъ; съ чѣмъ Богъ судилъ, съ тѣмъ и живи: жену-то бы гнать изъ дома, хоть и больную, все бы ровно не схоже... Да нишкни, спи теперь: скоро свѣтъ, а вотъ я завтра попытаю, поговорю съ твоимъ-то Петромъ, а нѣтъ, такъ и съ Агафьей: что Богъ дастъ...

— Спытай, баушка Арина... Дай Богъ тебѣ здоровья... Да вѣдь, наврядъ ли же послушаетъ она и тебя...

— Ну, а не послушаетъ, такъ другое станемъ что думать: оно вечера мудренѣе... Спи-ка теперь...

Арина погасила свѣчку и легла на лавку, гдѣ спала прежде.

— Ахъ горе, горе!...—говорила она вздыхая.—Какого только горя на свѣтѣ не живетъ!... О-хъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!...

III.

Арина спала, а Палагея долго не могла сомкнуть глазъ: въ первый разъ еще послѣ замужства ночевала она не въ своей избѣ, не рядомъ съ своими ребятишками; сердце ея ныло и мысль невольно возвращалась къ той грязной, темной лачугѣ, гдѣ на полу валялись ея дѣти, гдѣ равнодушно смотрѣлъ на ея страданіе лежавшій на полатяхъ мужъ, гдѣ на нее, едва живую, замахивалась палкою свекровь и гдѣ она оставила все, что ей

Digitized by Google

было мило и дорого. Вспомнился ей тотъ печальный дѣтскій призывъ, который она услышала изъ-за брани свекрови въ ту минуту, когда она толкала ее вонъ изъ избы: точно ножъ вострый рѣзнуло ее по-сердцу это воспоминаніе. «Только ты одинъ, мой сердечный, видно, и пожалѣлъ меня!...» тихо проговорила она, утирая свои слезы. «Васька, тотъ баловень, тому ничего, еще лучше, что матку прогнали: того и отецъ и бабушка любятъ, балуютъ; а вотъ вамъ, мелюзга малая, плохо будетъ безъ матери: какова я ни есть больная, хворая, а все мать: и присмотрю, и покормлю, и укутаю, и Васькѣ баловню въ обиду не дамъ... И за что это у Господа Бога разное счастье живетъ? вотъ хоть бы и тутъ, въ дѣтяхъ: Ваську всѣ любятъ, всѣ балуютъ: и батька его спать съ собой положитъ, и бабушка кусокъ лишній дастъ, и рубаха на немъ безъ дыръ; а тѣ, другія, точно лишнія, точно не надо бы имъ и на свѣтъ родиться: и съ бабушкой изъ-за нихъ больше ссора бывала, они и объѣли, и обпили, отъ нихъ и въ избѣ тѣсно, и подъ ноги попадаются, на нихъ не напасешься, не наготовишься; а кажись бы, все равно, всѣ одного отца-матери дѣти.... Анъ и нѣтъ: Васька-то королемъ по избѣ ходитъ, куда захочетъ — влезетъ, чего захочетъ ѣсть — возьметъ, набалуетъ что — такъ пройдетъ; а тѣ по стѣнкамъ жмутся, дохнуть не смѣютъ, голодны, холодны — молчатъ; а вступлюсь за нихъ — меня же ругаютъ, что дѣтей баловать, да нычать цѣлый день рада, а работать-де такъ нѣтъ тебя, готовое-то, моль, всякой съумѣлъ бы раздать, да размотать, а ты, поди, сама добудь да и припаси... Горькое вамъ будетъ житье, дѣтушки... Ужъ лучше бы прибралъ Господь васъ вмѣстѣ со мною... И за что же, Господи, экое разное счастье-то?... Вы хошь бы, дѣтушки малыя, изъ-за меня мучаетесь, изъ-за матери больной, негодной... А я-то чѣмъ согрѣшила, прогнѣвала Создателя?»

Палагея вспоминала всю свою жизнь... Вотъ она, сиротка-дѣвчонка на господскомъ дворѣ, на посылушкахъ у барыни, худенькая, тоненькая, стриженая, въ ситцевомъ узенькомъ платьишкѣ, босая. Сидитъ она на полу, съ чулкомъ въ рукахъ, въ уголку у дверей, а барыня сидитъ у окна въ креслахъ и чай кушаетъ со сливками, съ булками. Барыня старая, живетъ одна, не злая она, а капризная, сумнительная, никому не вѣритъ, все жалуется, ничѣмъ на нее не потрафишь — все брюзжитъ, сидитъ цѣлый день и смотритъ въ окно, черезъ которое весь дворъ и всѣ службы видно. Вдругъ окликнетъ: «Палашка, поди сбѣги, спроси приказчика, зачѣмъ въ амбаръ ходилъ», или: «спроси кучера: отчего рыжій припадалъ, какъ на водопой велъ», или: «поди посмотри, что

Digitized by Google

Иванъ съ Марьей въ людской дѣлаютъ: сейчасъ онъ туда прошелъ, а впереди его Машка пробѣжала; поди подслушай, о чемъ въ людской, али на скотной, али въ дѣвичей говорятъ, да смотри скажи всю правду, смотри у меня...» И бѣжитъ Палашка, и надоѣдаетъ, спрашиваетъ, подсматриваетъ, подслушиваетъ, — но никогда ничего дурного до барыни не доводитъ, за что бы человѣку достаться могло, норовитъ, какъ бы прикрыть, да къ добру сказать... А во дворнѣ ее не любятъ, барыниной наушницей, доводчицей считаютъ, всякой обругаетъ, а при случаѣ и тумакану дастъ; барыня тоже прознаетъ чего не сказала, не доложила — опять бѣда: точаетъ-точаетъ, пилитъ-пилитъ, милостями своими попрекаетъ, а иной разъ нарочно подведетъ передъ людьми, скажетъ: «я отъ Палашки слышала, мнѣ Палашка докладывала», чего у той и на умѣ не было, подводитъ нарочно, чтобы люди ея не любили, а чтобы она одной ей служила, на ее одну надѣялась. А какъ кого обругаетъ, будто бы по Палашкинымъ словамъ, такъ въ тотъ день нарочно ей и подачку дастъ и ѣсть ее пошлетъ въ дѣвичью, чтобы всѣ знали и видѣли, что Палашка при милости, при ручкѣ при барской за то, что на ушкѣ у барыни лежитъ. Хорошо ли ужъ тутъ было житье сиротѣ на хлѣбахъ у цѣлой у дворни? Подачку эту барскую, какъ ни сладка она, лучше бы собакѣ бросилъ или съ поклономъ кому отдалъ: на, батюшка, возьми, только не ругай, не срами, не доносчица я...

И никто того не домекнулъ, что не радость Палашкѣ безвыходно цѣлый день около барыни съ чулкомъ сидѣть: лучше бы она никогда барскаго сладкаго куска не знала, легче бы ей на послѣдней черной работѣ быть, что крестьянскіе мальчишки-дѣвчонки дѣлаютъ, чѣмъ въ этой неволѣ, да на срамотѣ этакой жить. Да какъ не легче: бывало, смотритъ, завидуетъ на своихъ одногодковъ, то не работа, а праздникъ, гулянка: въ навозницу ли — ребятишки и дѣвчонки лошадей подъ уздцы съ возами водятъ, а назадъ ѣдутъ въ пустыхъ телѣгахъ, стоятъ, лошадьми правятъ, погоняютъ ихъ, покрикиваютъ, хохочутъ; сѣнокосъ ли — сѣно сгребаютъ, на воза подаютъ, на возахъ ѣдутъ; въ жнитво — опять праздникъ, опять катанье на сноповой телѣгѣ; а тамъ за грибами, за ягодами пошли; о праздникахъ свои хороводы водятъ, пѣсни поютъ. А ты смотришь на все это только издальки, да завидуешь...

«Господи, и малымъ-то недоросткомъ я ровно не люди жила, думала про себя Палагея, вспоминая свое дѣтство; бывало, урвусь лѣтомъ-то, выбѣгу на деревню, такъ и товарокъ-то у меня никого

Digitized by Google

не было, никто и водиться-то со мной не хотѣлъ, и тамъ кликали барской наушницей; бывало, попрыгаю на одной ногѣ, одна, сама съ собой, пѣсню запою, да и заплачу, заплачу и затихну — и гулянка не въ гулянку... Нѣтъ, видно ужъ меня Господь такъ зародилъ безсчастной, неключимой»...

А вотъ и подросла Палашка, Палагеей стала, говорятъ красива, только не тѣльна была. Лакейство начало приставать: кто за плечо ухватитъ, кто ущипнетъ, иной и совсѣмъ облапитъ; самъ приказчикъ съ сережками напрашивался, да не до того ей было. Старая барыня начала хирѣть, съ кресель на диванъ перешла, а потомъ и вовсе въ постель легла, Палагеѣ своей любимкой быть приказала. «Я, говоритъ, тебя, сироту, вспоила-вскормила, мной ты только и жила и дышала, а теперь, говоритъ, ты, при концѣ моей жизни, меня не оставь, походи за мной, а я безъ тебя жить не могу, привыкла къ тебѣ, и ты мой обычай знаешь, никто лучше тебя за мной не уходитъ. Ты меня не оставишь, и я тебя не оставлю: награжу, по вѣкъ жизни довольна мной будешь. Побожись, говоритъ, что ты меня, старуху, не бросишь, хошь и воля выйдетъ, а тогда воли ждали.—Тѣмъ, говоритъ, никому я не вѣрю, тѣ всѣ воры, разбойники, одной тебѣ я вѣрю; а уйдешь ты, меня всю разграбятъ, да и уйдутъ, воды подать некому будетъ. Побожись же». Образъ заставила снять. Побожилась ей Палагея, образомъ образовалась, да такъ цѣлыхъ два года, почитай, изъ ея комнаты и не выходила. Мѣсяца три изъ своихъ рукъ съ ложечки барыню кормила: та владѣнья лишилась. Чувствовала старуха все это стараніе Палагеи, два платья подарила, старый салопъ подарила, всѣ ключи ей отдала, все бумагу собиралась писать, да такъ и просбиралась: вдругъ и языкъ Богъ отнялъ. Что тогда съ дворней-то было: точно и самъ-дѣлѣ разбойники, такъ вездѣ и тащили, и изъ сусѣковъ тащили, и изъ сундуковъ, изъ чулановъ, изъ погребовъ тащили, сбрую всю раскрали, шкворня желѣзнаго въ телѣгѣ не осталось. Сколько разъ до комодовъ добирались; что въ спальной стояли; Палагею оттуда выманивали, и подговаривали, и стращали, думали, что она одна всѣмъ покорыстуется; батюшку-попа подсылали раза три; тотъ Палагею допрашивалъ, страшнымъ судомъ грозилъ, просилъ показать, гдѣ деньги лежатъ, чтобы въ церковь спрятать, а она не знала и сказать ничего не могла. За цѣлые сутки до смерти старой барыни разные господа-чиновники изъ города понаѣхали, тоже все Палагею пытали, разспрашивали, а какъ только умерла старуха, выгнали Палагею вонъ изъ спальной и начали переписывать все, что

Digitized by Google

осталось. Искали все денегъ да не доискались; были ли, нѣтъ ли онѣ, только самая малость на лицо явилась: то́ ли старуха ихъ куда запрятала, то́ ли приказчикъ какъ выудилъ, говорили и на господъ чиновниковъ, а больше всѣ думали на Палагею, что деньги она затаила. Много тогда она изъ-за этихъ денегъ и страху, и муки видѣла и слезъ пролила...

На этомъ воспоминаніи Палагея заснула, какъ-будто память о хорошемъ, честномъ дѣлѣ успокоила ее и принесла забвеніе настоящаго въ тихомъ снѣ. Но мы знаемъ продолженіе ея исторіи.

Пріѣхали новые господа, поговорили съ Палагеей, сначала лаской, потомъ тоже стращать принялись, а подъ конецъ ни за что ни про что воровкой обругали и велѣли вонъ идти, куда глаза глядятъ, но даренаго не отобрали: и платья, и платки, и салопъ отдали. А въ ту пору и эта воля вышла. Куда идти, что́ дѣлать? Знакомыхъ никого, родныхъ одна двоюродная сестра за-мужемъ въ сосѣдней вотчинѣ жила. Къ ней Палагея и поѣхала, чтобы хоть посовѣтоваться на первыхъ порахъ. Не прожила она у ней и двухъ сутокъ, не успѣла еще подумать куда идти: въ городъ ли, или къ сосѣдямъ, помѣщикамъ, къ кому наниматься въ услуженіе, какъ Агафья и сватовъ засылаетъ. Баба она себѣ на умѣ, думала, что Палагея съ деньгами, да невѣсть съ какимъ богатствомъ уѣхала, что сундукъ съ собой увезла, къ тому больше и посваталась. Сестра Секлетея, которая не мало мылила сестрѣ голову, что она съ пустыми руками изъ этакого дома, отъ этакого счастья ушла, тотчасъ же посовѣтовала ей идти замужъ, чѣмъ шататься по чужимъ домамъ.

— Какъ-ни-какъ, да хоть по крайности своимъ домомъ будешь жить, сама себѣ хозяйкой,—говорила Секлетея.—Я вотъ сама о дворѣ жила, и теперь не больно пироги-то ѣмъ да чаи-то распиваю, забыла какой и скусъ-то въ нихъ, а ни за что не пойду въ чужіе люди, въ услуженіе. Ужъ это послѣднее дѣло: хоть щей горшокъ, да самъ большой. Ужъ какъ ни плоха моя жизнь, а все я около своей печки, меня отъ нея, кажись, золотомъ обсыпь—не отманишь...

— А свекровь-то?—нерѣшительно возражала Палагея.

— Ну что свекровь!.. Извѣстно, лучше кабы ея не было. А то у тебя будетъ мужъ: онъ парень ничего, смирный, и изъ себя не дуракъ. Свекровь-то, вѣдь, не вѣчная: долго ли, коротко ли, а все ты хозяйкой въ дому будешь. Вотъ, какъ бы ты не была дура, да умѣла себѣ что приберечь въ барскомъ-то дому, какъ извѣстно, я бы тебѣ сама не посовѣтовала за Петра идти,

Digitized by Google

а теперь, коли онъ тебѣ по мысли, такъ съ пустыми-то руками чего тебѣ ждать... Развѣ-что больно не по мысли...

— Нѣтъ, онъ по мнѣ ничего...

— Ну, такъ и думать нечего, и выходи. А ужъ ты дай мнѣ, на меня надѣйся: я всю переговорку за тебя поведу за мѣсто матери.

Палагея сообразила, что если она умѣла услужить и уживаться съ капризной барыней-старухой, такъ ей нипочемъ будетъ ужиться и со свекровью, а мысль имѣть *свой* домъ, *свое* хозяйство, сдѣлаться все-таки самостоятельнымъ человѣкомъ, манила ее, какъ самая завѣтная мечта; къ тому же, женихъ былъ кудрявый, молодой, а сердце Палагеи до сихъ поръ было совершенно свободно, Агафья же (разсчитывая, конечно, на деньги невѣсты, какъ сообразила уже послѣ Палагея) притворилась такой доброй, уступчивой, ласковой.

Палагея рѣшилась, и скоро сдѣлалась женою Петра. Агафья, подозрѣвая, что у Палагеи есть такія деньги, о которыхъ говорить не годится, не заводила о нихъ рѣчи, а Секлетея съ своей стороны съ умысломъ умалчивала объ этомъ вопросѣ, основательно предполагая, что Агафья, пожалуй, пойдетъ на попятную, если узнаетъ, что у Палагеи ничего нѣтъ. На очень осторожный и политичный вопросъ Агафьи, что вѣроятно, дескать, будущая невѣстушка что-нибудь да зажила въ господскомъ домѣ, Секлетея также уклончиво и политично отвѣчала, что навѣрно не знаетъ, пытать не пытала сестру объ этомъ, а видѣла у нея сундукъ, большой, и въ немъ не то, что платья, а и салопъ есть мѣховой, лисій. Считая будущую невѣстку богатой, Агафья справила и богатую свадьбу, даже заняла на нее, а Палагея, чтобы сдѣлать себѣ пристойное по крестьянству приданое, должна была продать съ помощью Секлетеи всѣ барскіе подарки,—и пріѣхала въ домъ мужа съ пустымъ сундукомъ. Это было первое обстоятельство, которое съ первыхъ же дней вооружило Агафью противъ невѣстки и поселило къ ней большое неудовольствіе, которое потомъ превратилось въ прямую ненависть. Агафья никогда не могла забыть и простить невѣсткѣ своей ошибки, своего разочарованія, и вымещала ихъ на ней. Можетъ быть уступчивость, доброта, покорность и трудолюбіе Палагеи примирили бы ее впослѣдствіи со свекровью, еслибъ она не была непривычна къ крестьянской работѣ, и на бѣду не захворала на другой же годъ замужства. Агафья надѣялась быть богатой, жить въ довольствѣ и на покоѣ, а вмѣсто того она видѣла, что семья съ каждымъ годомъ прибываетъ, работы у нея все больше и больше, помощи ни откуда,

Digitized by Google

нужда и бѣдность растутъ и растутъ: единственной виновницей всего этого она считала Палагею. Сама дѣятельная, неутомимая работница, никогда незнавшая ни усталости, ни болѣзни, она не могла понять и повѣрить болѣзни Палагеи: она объясняла ее себѣ лѣнью, притворствомъ бѣлоручки, которая сначала попробовала каковъ крестьянскій хомутъ, а потомъ увидѣла, что тяжелъ, и притулилась, легла, точно норовистая лошадь, которая сначала сгоряча дернетъ возъ, а какъ почуяла, что тяжело, такъ и упрется, ни съ мѣста, либо повалится на землю. «И хошь ты ее убей, хошь ты ее зарѣжъ—съ мѣста не сдвинешь,—разсуждала про себя Агафья: отъ человѣка и до скота все едино. Что худа-то да тѣломъ тонка, такъ это такъ у нея, кость такая, да и отъ ребятъ: нѣтъ, не носила бы каждый годъ, кабы экая болѣзнь была, не до того бы». Этотъ послѣдній аргументъ всего больше говорилъ въ глазахъ Агафьи противъ Палагеи, тѣмъ болѣе, что увеличеніе семейства увеличивало нужду и заботы.

Жизнь Палагеи съ каждымъ годомъ замужества становилась все тяжелѣе, мучительнѣе. Свекровь не только лишила ее какого-либо малѣйшаго права въ домѣ, но какъ будто находила особенное удовольствіе изыскивать и дѣлать все для нея непріятное: стóило ей только приласкать котораго-нибудь своего ребенка, чтобы тотъ немедленно получилъ отъ бабушки или тычокъ, или косоволоску; стóило ей проговориться, что пора бы покормить дѣтей, чтобы обѣдъ или ужинъ замедлился; а ужъ къ попрекамъ, бранямъ, оскорбленіямъ она почти привыкла: не было угла, изъ котораго бы ее не выгнала свекровь, не было мѣста, гдѣ бы она не мѣшала, не съѣла она куска не оговореннаго. Только и отдыхала Палагея въ тѣ часы, когда свекровь уходила въ поле и она оставалась одна съ своими ребятишками. Старшаго, Ваську, бабушка успѣла уже вооружить противъ матери: онъ не только не слушался и не любилъ ее, но даже дразнилъ и смѣялся надъ ней. Жизнь эта была хуже каторги, но Палагея переносила ее покорно, считая себя виноватою передъ всѣми за свою безплодность. Она никогда не отругивалась, никогда даже не возражала свекрови, а эта молчаливость еще болѣе раздражала и злила Агафью: она не умѣла объяснить ея ничѣмъ, кромѣ упорства. Такія трудолюбивыя, дѣятельныя натуры, какъ Агафья, въ крестьянствѣ, полную бездѣятельность, полное спокойствіе лежанья считаютъ величайшимъ благомъ, и Агафья думала, что Палагея пользуется этимъ благомъ и упорно отстаиваетъ за собою это благо. Подъ-часъ она просто завидовала ей, и эта зависть усиливала ея ненависть. Трудно понять, какъ при такихъ отноше-

Digitized by Google

ніяхъ такія двѣ натуры еще такъ долго могли ужиться вмѣстѣ безъ какой-нибудь катастрофы; но ни Агафьѣ, ни Палагеѣ до сихъ поръ никогда не приходило въ голову, что ихъ что-нибудь можетъ разлучить, кромѣ смерти. Возвращаясь домой съ работы, Агафья каждый разъ отворяла дверь избы съ готовой бранью и попрекомъ, которые должны были обрушиться на невѣстку, а Палагея каждый разъ, ожидая возвращенія свекрови, готовилась къ этой бранн и упрекамъ. Но вотъ, въ послѣдній, роковой день, Палагея, въ отсутствіе свекрови, надумала сходить къ знахаркѣ, которую ей указывали въ сосѣдней деревнѣ. Какъ она ни старалась воротиться домой до возвращенія свекрови, но силъ ея не хватило: деревня находилась въ пяти-шести верстахъ, Палагея устала, должна была отдыхать не разъ на дорогѣ, и пришла домой уже поздно вечеромъ. Агафья, когда воротилась къ себѣ въ избу и не нашла своей жертвы дома, то сначала даже остолбенѣла отъ удивленія, потомъ злоба въ ней закипѣла, и съ минуты на минуту ожиданіе доходило до бѣшенства. Мысль, что въ то время, какъ она работаетъ, убивается, эта потихоня, притворщица, лежебока гуляетъ невѣдомо гдѣ, выводила ее изъ себя. Погоди-жъ ты, погоди-жъ ты! — говорила она, угрожая, но сама не знала еще, что́ бы ей такое сдѣлать со своимъ врагомъ. За отсутствіемъ обычной жертвы она напустилась на сына, попрекая его въ потворствѣ и баловствѣ.

— Да что же мнѣ съ ней дѣлать-то?—безучастно отозвался Петръ, лежа на полатяхъ.

— А вотъ, какъ бы ты хорошенько поучилъ бы ее, такъ и хворость эту какъ рукой снято.

— Такъ ужъ пытался я ее бить-то, кажись, по твоему же указу, такъ что́ корысти-то? только хуже: лежитъ послѣ того пластомъ. Что же мнѣ, убить что-ли и самъ-дѣлѣ?

— Ну, такъ вотъ ты знай: я ее прогоню... больше дѣлать нечего!.. — какъ-то даже радостно вскричала Агафья, точно ее вдругъ осѣнила счастливая мысль, которую она давно искала съ мучительными усиліями и наконецъ нашла. — Прогоню, вовсе изъ дома прогоню: пущай на сторонѣ живетъ, сама себѣ хлѣбъ промышляетъ. Нѣтъ, ужъ у насъ силушки не хватаетъ работать про нее.

— Что-жъ, прогони: развѣ мнѣ жаль... Она сама мнѣ опостыла...

— И прогоню, вотъ свѣтецъ зажгу, всю ночь буду ждать въ останный разъ; и какъ воротится, придетъ въ избу, такъ и

Digitized by Google

выгоню, переночевать не дамъ. Нѣтъ, ужъ спасибо, я измаялась съ ней, видѣть я ее не могу...

И вотъ, когда неожиданное намѣреніе Агафьи было исполнено, когда она вытолкала невѣстку и заперла за ней дверь, она воротилась въ избу, взволнованная еще, но успокоенная, примиренная, точно она достигла давно желаемаго, точно покончила какое запутанное дѣло, разрѣшила къ общему удовольствію мучительную, долго неразрѣшаемую задачу. Она спокойно помолилась Богу, спокойно уснула.

Мужъ Палагеи, Петръ, давно уже охладѣлъ къ ней. Онъ продолжалъ еще смотрѣть на нее, какъ на свою самку, но вся маленькая способность любви, которою было одарено его сердце, въ послѣднее время сосредоточилась на его старшемъ сынѣ, Васькѣ. Почему именно ушла его любовь именно туда, онъ не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Петръ принадлежалъ къ числу тѣхъ апатичныхъ натуръ, которыя часто встрѣчаются въ крестьянствѣ, которыя какъ будто родились только для того, чтобы жить день за день и работать по заведенному и указанному порядку, ни о чемъ болѣе не разсуждая и ко всему относясь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ привыкъ идти, куда указывала мать, и дѣлать то, что она велитъ; другого авторитета онъ не зналъ и не искалъ, своей личной воли онъ заявлять не хотѣлъ, да врядъ ли и имѣлъ ее. Онъ зналъ, что пока жива мать, она должна быть полной хозяйкой въ домѣ, что возражать ей безполезно, да и грѣшно и непозволительно: и Богъ не велитъ, и добрые люди не совѣтуютъ. Въ настоящемъ случаѣ полное равнодушіе его къ женѣ облегчило ему строгое подчиненіе волѣ матери. Онъ смотрѣлъ на изгнаніе своей жены также спокойно, какъ бы это касалось человѣка совершенно посторонняго.

IV.

Утро только-что начинало брезжиться, Палагея еще не просыпалась, когда Арина, поднявши всѣхъ своихъ домашнихъ, пошла къ Агафьѣ.

— Дмитревна, здравствуй,—сказала она, входя въ избу Агафьи, которая въ эту минуту хлопотала у печки.

Петръ былъ уже въ полѣ, ребятишки спали еще.

— А-а, Сергѣевна... добраго здоровья! привѣтствовала ее

Digitized by Google

Агафья, не оставляя своей работы. На поясу, что-ли, собралась?.. Что́ больно рано: неужто управилась ужъ съ печью-то?

— Нѣту, я къ тебѣ нарокомъ...

— Нарокомъ? — переспросила Агафья, и съ недоумѣніемъ и любопытствомъ оборотилась къ Аринѣ и оперлась на ухватъ, который былъ у нея въ рукахъ.

— А что?

— У меня сегодня ночлещица ночевала.

— Ночлещица? какая ночлещица?

— Ваша Палагея...

Арина пристально, прямо въ глаза, смотрѣла на Агафью.

— Ахъ, а я думала что... Легче бы ты мнѣ про нее не поминала... — проговорила съ сердцемъ Агафья и отвернулась опять къ печкѣ.

— Да что у васъ съ ней вышло?..

— Что вышло?.. Ничего не вышло... Надоѣла она мнѣ, все мое брюшенько переболѣло, глядя на ея прокуратство: лежитъ, ничего не дѣлаетъ... Взяла да и выгнала... Такъ она нечто къ тебѣ постучалась?

— Да... Слышь, ночевала у меня...

— Инъ ты, подлая...

— Да куда же ей дѣться-то ночью, коли изъ дома выгнали?..

Агафья промолчала и засунула голову въ печь, подставляя къ огню горшокъ.

— Чай, поди, жалобилась тоже, расписывала меня?—спросила Агафья, больше изъ праздного любопытства, чѣмъ по какому иному побужденію.

— На судьбу свою жалобилась, на болѣсть свою... Объ дѣткахъ плачется...

— Нечего ей объ нихъ плакаться-то: и безъ нея проживутъ не хуже... Немного она на нихъ радѣла да промышляла, только и живы что мной да отцомъ... Ей и одной-то себя не прокормить, не то, что четверыхъ ребятъ...

— Да гдѣ ей себя прокормить: чего съ хвораго человѣка взять... Не знаю, какъ она жить-то будетъ...

— А ну ее... Я и думать-то не хочу, я рада, что съ плечъ сбыла... Нѣтъ, Сергѣвна, ты бы пожила съ ней, съ эстолько, какъ я-то... Вѣдь, вотъ почитай, шестой годъ она у меня ровно барыня на готовыхъ харчахъ жила, а я ровно у нея раба... Вѣдь она въ лежку лежитъ, рукъ не переложитъ... Ребятъ, вонъ,

Digitized by Google

обшивать, такъ и тѣхъ не поспѣвала... Вотъ мнѣ какую Богъ невѣстушку далъ, помощницу-то какую хорошую...

— Что же противъ Бога-то подѣлаешь, коли такое на человѣка наказаніе послалъ: болѣзнь этакую, невладѣніе... Ничего, матушка, не подѣлаешь...

Арина вздохнула.

— Да ты ей вѣришь, что-ли?.. Полно-ка, Серафима: все прокуратитъ, все прихидывается. Нѣтъ, кабы невлашна была, не бѣгала бы до Ломовъ... Ломы-то, слава Богу, шесть верстъ, что больше... Къ лекарю, говоритъ... А почемъ я знаю къ кому... Вотъ захотѣла, такъ сбѣгала и за шесть верстъ. Ни въ жизнь я ей не повѣрю...

— Нѣтъ, я такъ вѣрю... Да это сейчасъ и по виду видно, что больной человѣкъ, слабый... Смотри-ка ты; ровно рушникъ бѣлая, а тѣломъ-то: взять — щепка худая...

— Это, матушка, худоба-то ея брюхомъ... Она и безъ того-то костлявая, а носи да носи дѣтей, извѣстно похудѣешь... А бѣла-то, такъ какъ ей бѣлой не быть: съ малолѣтства въ затворѣ, въ барскихъ хоромахъ жила, да и замужемъ-то живетъ, изъ избы ни шага — поневолѣ бѣлая будешь... Нѣтъ, кабы она хоть съ полъ-наше спину-то на полосѣ погнула, бѣль-то бы, небось, заржавѣла... А то ей съ пола-горя: и день-деньской, и ночь-ноченскую, съ печи да на полати, съ полатей да на лавку... Какъ бѣлой не быть!.. Нѣтъ, ты и не говори со мной про нее... Не мути моего сердца. Нѣтъ, вѣдь я отъ нея не слезами, а, можетъ, кровью плакала... Изъ-за нея у меня вся спинушка, всѣ плеченьки изломаны... Я старуха, мнѣ бы ужъ на покой пора, такъ я на нее служить не согласна... Я съ ней теперь развязалась-то, такъ точно я въ полѣ убралась, точно у меня изба-то умылась безъ нея... Вотъ она мнѣ какъ надокучила...

— Такъ развѣ ты ужъ ее совсѣмъ прогнала, и не пустишь больше?..

— А то какъ же?.. Знамо, не пущу... Ни въ жизнь... Издохну развѣ, ну, такъ тогда Петрушка какъ хочетъ, тогда его дѣло, не мое...

— Да какъ же ты, Дмитревна, законъ-то разводишь? Какъ же мужъ-то безъ жены останется?..

— Э, матушка... Мужикъ — мужикъ и есть — найдетъ... Ты сама, славу Богу, довольно на свѣтѣ жила, всего довольно видала, все знаешь... Чѣмъ другимъ, а этимъ, матушка, не обидишь мужика: небось, онъ завсегда найдетъ...

— Нѣтъ, да я не про то... А какъ же ты законъ-отъ раз-

Digitized by Google

ведешь: вѣдь, они мужъ-жена законные, въ церкови вѣнчаны: кто же ихъ развести можетъ? Вотъ я про что...

Арина опять пытливо и упорно посмотрѣла на Агафью.

Агафья не нашлась что̀ отвѣтить на это, но внутренно разсердилась, что̀ видно было по ея порывистымъ, суетливымъ движеніямъ, съ которыми она снова принялась за свою хлопотню около печки, оставленную было во время разговора.

— Да ты, Сергѣвна, что? Съ подсыломъ ты, что-ли, отъ нея?— обратилась она вдругъ, прервавъ неловкое молчаніе. — Такъ ты вотъ что: возьми ты ее къ себѣ, я тебѣ даромъ отдамъ... Вотъ!.. И держи у себя эвую работенку дорогую, и корми ее, и ходи за ней... Вотъ!.. коли больно вступаешься...

Агафья ядовито и злобно смотрѣла на Арину; деревянное лицо ея въ эту минуту какъ будто даже освѣтилось умной насмѣшливой улыбкой. Видимо, она очень была довольна собою за эту выходку и внутренно смѣялась и торжествовала. Сергѣвна на этотъ разъ тоже разсердилась: брови ея нахмурились, добрые глаза сдѣлались суровы.

— Что мнѣ, матка, брать ее къ себѣ,—отвѣчала Арина:— она мнѣ не невѣстка, у меня нѣтъ отъ нея внучатъ, не моего сына она жена; у меня своя семья... А будь у меня достатки, не нужда моя, точно что взяла бы ее, болѣзнаго человѣка, для Бога бы стала ходить за ней и прокормила бы, а ужъ свою невѣстку не вытолкала бы за порогъ отъ мужа, отъ малыхъ дѣтей!.. Вотъ тебѣ истинно говорю, на Бога сослаться...

— Ну, да что говорить: тебѣ и дорога въ рай, а намъ, видно, и въ аду мѣста не будетъ... Чужую-то бѣду и я руками разведу... Чужая-то ноша не тянетъ... Бы-да-бы... Вотъ погоди, коли у тебя что повстрѣчается, какая бѣда, и я приду къ тебѣ, такіе ли разводы разведу, про всякую свою добродѣтель тебѣ разскажу...

— Да что ты на меня накликаешь: я за добромъ къ тебѣ шла, а не со зла...

— Нечего было и ходить-то, въ чужое дѣло мѣшаться... Я сама не меньше тебя на свѣтѣ живу...

— Всякъ живетъ, да не у всякаго одна думка, всякъ, видно, по-своему, — проговорила Арина, вставая.—Прощай, коли. Браниться-то мнѣ съ тобой не пристало: не за тѣмъ я приходила.

Арина медленно, съ достоинствомъ пошла къ дверямъ.

— Скажи-ка ты ей лучше,—говорила вслѣдъ ей Агафья,— чтобы она ни подсыловъ не присылала, ни сама ко мнѣ не совалась: пути не будетъ, меня не перемнешь, я сама въ семи

Digitized by Google

скупаетъ мята... Выгнала, такъ ужѣ не пущу, хоть кого подсылай...

Оставшись одна, Агафья продолжала сердиться и ворчать до тѣхъ поръ, пока не истопилась печка и не пришло время идти въ поле, на жнитво. Уходя, она оставила избу и маленькихъ дѣтей подъ надзоромъ Васьки, котораго погладила по головѣ, а остальнымъ погрозила кулакомъ; впрочемъ, не забыла каждому изъ нихъ дать по куску хлѣба. Хлѣбъ этотъ мало посоленъ былъ солью, но круто приправленъ попреками и бранью, но, по-правдѣ сказать, не отъ сердца, а такъ, по привычкѣ, ради порядка.

V.

Палагея проснулась въ отсутствіе Арины. Въ избѣ было движеніе, разговоръ: многочисленная семья хозяйки завтракала, собираясь на жнитво. Около стола, стоявшаго въ переднемъ углу, сидѣли два сына Арины: одинъ женатый, другой еще женихъ, невѣстка и двое дѣтей-подростковъ; дочь, пожилая уже дѣвушка, запоздавшая невѣста, замѣняла хозяйку, хлопотала около печки, пекла ячныя аладьи и подавала ихъ на столъ, не забывая отъ времени до времени подливать въ глиняную плошку горячаго паденья (подонки отъ масла), въ которое завтракавшіе макали аладьи, для сдобы. Шелъ отрывистый, несвязный разговоръ, сопровождаемый аппетитнымъ чавканьемъ. Палагея прислушалась: говорили про нее.

— Ночью пришла?—спрашивалъ старшій братъ.

— Въ самую въ ночь...—отвѣчала сестра.—Я слышала, на полатяхъ спала, и ее видѣла: матушка огонь вздувала...

— Ревѣла?

— Ровно рѣка льется...

— До кого ни доведись: ну-ка, отъ родныхъ дѣтей прогнали...—отозвалась со вздохомъ невѣстка.

— Петрухѣ, видно, она ужъ опостыла, — замѣтилъ младшій братъ.

— Противъ матери-то не что сдѣлаешь, — возразила сестра. Можетъ, и не опостыла, да коли мать-то гонитъ, такъ что ты подѣлаешь?..

— Все-жъ-таки... всячески онъ мужъ...

— Такъ что же, что мужъ... Все мать-то больше... — настаивала сестра.—Не мать же изъ дома вонъ гнать... А она ра-

Digitized by Google

ботница-то какая, хоть бы Агафья, весь домъ на ней одной держится...

— Опять же и бѣдность у нихъ, братецъ ты мой... бѣда! дѣтей куча, матери ровно нѣтъ: хворая... бѣда, не приведи Христосъ!.. И Агафью-то тоже судить какъ, неизвѣстно!..—замѣтилъ съ своей стороны старшій братъ.

— Подавать аладьевъ-то еще, али будетъ, сыты?—спросила сестра.

— Я сытъ, доволенъ,—отвѣчалъ молодой парень, вставая.—Вона, солнышко обогрѣвать стало: чай обсохло, въ поле пора... Какая седни ночь была холодная. Спалъ я въ сараѣ—иззябъ даже...

— Да ужъ утренники скоро пойдутъ... Пора и въ избу перебираться...

— И въ избѣ-то, парень, не сладко: мухи жоромъ-жрутъ... Таковы злы, таковы злы стали, окаянны,—замѣтила сестра.

— Да и утѣсненіе у насъ въ избѣ-то большое,—прибавила невѣстка...

— Давно говорю матушкѣ: надо бы другую избу справить: какъ не тѣсно экой семьѣ,—поддержалъ ее мужъ.—Какіе, братецъ мой, срубища Иванъ Макаровъ купилъ; в-вотъ срубы... въ охватъ...

— Гдѣ?

— Въ горѣ... изъ казеннаго... Важные срубы... И дешево далъ...

— Тамъ сходно...

— Ничего, еще и въ этой избѣ годокъ-другой поживемъ: въ тѣснотѣ люди живутъ...—сказала сестра.—Вось, Ванюшку женить будемъ: его въ новую-то избу и посадимъ... Пущай съ молодой женой проклажается...

— Чтой-то, я меньшой братъ,—возразилъ Иванъ,—а малый братъ завсегда на корени остается... Мы лучше Андрюху въ новую-то избу высадимъ...

— Какова изба будетъ, братчикъ, — вмѣшалась невѣстка:—можетъ, и ты въ новую запросишься...

— Полноте, постойте еще дѣлиться-то, ничего не видя,—остановила сестра съ замѣтнымъ неудовольствіемъ въ голосѣ:—шли бы лучше въ поле... Смотри-ка, люди всѣ ужъ прошли съ серпами... И я вотъ матушки дождусь, да въ вамъ приду...

— И впрямь!..—согласился старшій братъ.—Сегодня бы дожать рожь-то, коли бы погода... Вотъ бы... Пойдемте-ка...

— Сестра Александра, а ты хворую-то поверми аладьями-то, какъ выспится да встанетъ,—говорилъ Иванъ, надѣвая шапку и кладя на плечо серпъ.

Digitized by Google

— Такъ неужто?.. Не знаютъ безъ него: его не спросили... Ишь ты, поботрясъ!..

— Онъ къ бабамъ-то радѣлецъ, какъ я же,— пошутилъ старшій братъ, выходя изъ избы вслѣдъ за Иваномъ.

— Всѣ вы радѣльщики... да!.. А захворай только, такъ тоже, пожалуй, вонъ погонишь, — проговорила жена его, слѣдуя за мужемъ...

Въ избѣ затихло. Осталась одна только Александра. Ребятишки юркнули изъ избы еще прежде старшихъ, тотчасъ какъ съѣли послѣднюю аладью. Палагея лежала неподвижно, слушая семейный разговоръ. Ей было и совѣстно показаться передъ сторонними людьми, которые знали, что она выгнана изъ своего дома, и тяжело слушать ихъ разговоры о себѣ, ихъ предположенія о нелюбви къ ней мужа, ихъ невольныя оправданія Агафьи за изгнаніе безполезнаго, лишняго члена семьи.

«Вотъ и добрая, и хорошая семья, — думала про себя Палагея,—а нѣтъ же ко мнѣ большой жалости, никто не сталъ за меня, никто не винитъ матушку, а всѣ правятъ и ее, и мужа. Неужто же я и вправду виновата въ томъ, что хворая, и по дѣломъ терплю на бѣломъ свѣтѣ?»

Она не рѣшалась встать и сойти съ печи даже къ одной Александрѣ, и поднялась только тогда, какъ вошла Арина.

— Что, али спитъ Палагеюшка-то?—спросила Арина, войдя въ избу.

— Не вѣдаю, не слѣзала съ печи... Молчитъ, видно, спитъ...

— Нѣту, родима баушенька, не сплю... Я давно не сплю...

— Что же не слѣзаешь: али не можется?..

— Я тебя, баушка, ждала... Тотчасъ слѣзу... Что ты мнѣ какую хорошую вѣсточку принесла?.. Здравствуй, Александра... Не обезсудьте вы меня, Христа-ради...

— Здорово живешь, Палагеюшка... Садись вотъ, поѣшь... Я-те аладушекъ припасла... Вотъ вмѣстѣ съ матушкой: и та еще не завтракала.

— Садися, садися,—подхватила Арина,—и впрямь, чай, ѣсть хочешь.

— Покорно благодарствуйте, родимыя. Не до ѣды мнѣ, а вотъ бы какъ ты мнѣ, баушка, разсказала: какой ты мнѣ резонъ-то принесла.

— Эхъ, не хочется мнѣ и говорить-то: лучше бы я не ходила... Никакого пути изъ того не вышло: не совладаешь съ твоей Агафьей, и слушать ничего не хочетъ...

— Я того и ждала.

Digitized by Google

— Да погоди, дѣвка: я другое надумала. Всю дорогу шла, все въ землю смотрѣла, все думала. Коли это не поможетъ, не знаю, какой и совѣтъ тебѣ тогда дать.

— Что́ же ты, баушенька, надумала обо мнѣ, горькой...

— А вотъ что́: ты вотъ поѣшь сначала, а послѣ того поди къ своему Петру въ поле: онъ одинъ теперь, боронитъ; и попытай его, поговори. Можетъ, онъ усовѣститъ мать-то, жена же, вѣдь, ты ему, жалко же, вѣдь, чай, ему тебя... А будетъ очень къ матери-то приставать: вѣдь, не каменная же она... Ну, да спытай его во всемъ, что́ онъ тебѣ скажетъ... А коли и отъ него пути никакого не будетъ, такъ тогда къ батюшкѣ, отцу Ѳедору, идти мой совѣтъ тебѣ будетъ, попросить его: пущай онъ отъ божественнаго со старухой-то поговоритъ, посовѣститъ ее, а то и попристращаетъ... А больше того я не знаю что́ и посовѣтовать тебѣ. Живи разѣ у меня: авось, Александра, прокормишь больного человѣка отъ нашей семьи, для ради Бога... Пущай же Агафьѣ хоть на совѣсть-то ляжетъ...

— Нѣтъ, баушка Арина, велика твоя добродѣтель, а тѣмъ я не покорыствуюсь: совѣсть у меня не поднимется, у тебя у самой семья большая, да и человѣкъ ты мнѣ не родной, чужой, сторонній... Покорно тебѣ благодарствую на томъ: все, чему учишь, все сдѣлаю, а нѣтъ, жить не пойду... Все спытаю, что́ говоришь, а не возьметъ—пойду къ сестрѣ Секлетеѣ: она не прогонитъ меня, тамъ еще что́ съ ней одумаемъ... Прощай, баушенька. Я пойду... Коли ладовъ у меня съ Петромъ не будетъ, я и не ворочусь къ тебѣ, такъ и знай; пойду дальше къ батюшкѣ, а отъ него къ сестрѣ Секлетеѣ. А тебѣ за твое радѣнье, я вотъ какъ тебѣ благодарствую... Больной я человѣкъ... Вотъ Богъ видитъ: вотъ какъ!..

И Палагея съ рыданіями повалилась въ ноги Аринѣ. Та тоже прослезилась, и вмѣстѣ съ Александрой поспѣшила ее поднять и усадила на лавку.

Ее почти силой заставили поѣсть и отпустили съ пожеланіями и благословеніями. Не забыли сунуть и краюху хлѣба за пазуху.

VI.

Ласковость и привѣтливость сторонних людей усилили горе Палагеи и въ то же время возбудили въ доброй душѣ ея озлобленіе противъ свекрови и мужа. Она начинала сознавать всю несправедливость, всю жестокость поступка съ нею.

Digitized by Google

«Вотъ, и чужіе люди, да пожалѣли меня, уголъ дать хотѣли больному человѣку, а родной муженекъ и родная свекровушка вонъ выгнали!» думала она, идя въ поле, гдѣ, по ея соображеніямъ, долженъ былъ работать Петръ. Палагея шла задами деревни: она боялась встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ односельцевъ: тяжело бы и совѣстно ей было разсказывать про свое горе.

Петръ, идя за своей бороной, издали замѣтилъ подходящую къ нему Палагею, но не остановилъ лошади, а напротивъ, сталъ погонять ее, чтобы скорѣй дойти до конца полосы и повернуться къ женѣ спиною, прежде чѣмъ она подойдетъ.

«Чего лѣзетъ ко мнѣ... Матушка выгнала—къ ней бы и шла», мелькнуло въ головѣ Петра. «Быть, поди, будетъ».

Онъ глянулъ по сторонамъ. Кругомъ лежало широкое, сѣрое, свѣже-взборанное паровое поле, вдоль и поперекъ перекрещенное узкими, поросшими желтой рябинкой и потемнѣвшей кашкой межниками; по одному изъ нихъ пробиралась Палагея; кое-гдѣ, но не по сосѣдству, а вдалекѣ, мужички допахивали свои полосы. Солнышко стало уже пригрѣвать, но не высушило еще росу на травѣ и полевой паутинѣ, и играло въ ней своими лучами. Въ воздухѣ стояла еще сырость и свѣжесть.

«А пущай воетъ, — продолжалъ размышлять Петръ, поглядывая то на лошадь, то по сторонамъ:—пущай воетъ, благо никого нѣтъ по близности... Стану молчать... Мнѣ хоть что хошь... Кабы еще мы одни жили... А то мнѣ тоже съ матушкой свариться изъ-за нея не слѣдъ... Матушка-то мнѣ за всякъ часъ пригодится: на ней весь домъ держится, а Палагея—больной человѣкъ, за ней же ходи...»

Палагея подошла къ полосѣ мужа и молча остановилась, ожидая его. Петръ подошелъ вслѣдъ за своею лошадью и даже глазъ не поднялъ на жену, точно ея тутъ и не было.

— Петръ Иванычъ,—окликнула его Палагея,—постой-ка маленько.

Петръ нерѣшительно передернулъ возжами, не то понукая, не то останавливая лошадь, но далъ ей завороться, повернулся и самъ спиною къ женѣ, и только тогда остановился и оборотился къ женѣ въ полоборота.

— Что надо?—спросилъ онъ, несмотря на Палагею.

— Ты скажи мнѣ, Петръ Иванычъ, съ твоего согласа прогнала меня матушка отъ родныхъ дѣтей, али нѣтъ?

— Что ты меня спрашиваешь, развѣ сама не знаешь, кто тебя прогналъ?

— Знаю я: ты слова за меня не промолвилъ, точно я и не

Digitized by Google

жена тебѣ, а чужая, не мать твоимъ дѣтямъ, ровно ты и самъ радъ, что хворую жену изъ твоего дома гонять, что придется ей по чужимъ дворамъ шляться, какъ собакѣ заблудшей, да издохнуть гдѣ-нибудь подъ чужимъ заборомъ... Ты бы такъ ужъ и молвилъ, что такое твое радѣнье ко мнѣ, съ тѣмъ бы я и ушла.

— Что мнѣ-ка... Мнѣ все одно... Съ матушкой у васъ ладокъ нѣтъ...

— Такъ на кого же мнѣ теперь просить-то будетъ... суда-то искать: на тебѣ, или на матушкѣ?.. Ты мнѣ вотъ что молви, кто въ отвѣтѣ-то изъ васъ будетъ?..

— Нечто судиться хошь?—спросилъ Петръ, въ первый разъ взглянувши на жену какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ, въ которомъ выражалось больше всего недоумѣніе и удивленіе.

— Куда же мнѣ дѣться-то? У меня нѣтъ ни кола, ни двора, ни сродственниковъ: я безродная... Работать у меня силушки нѣтъ... Куда я пойду?..

— Судись... Намъ тоже кормить тебя не изъ-чего... Дѣтей бы поднять въ силу... Судиться хочешь!.. Ну, судись...

Петръ ударилъ по лошади, мызгнулъ и, не оборачивась, пошелъ за бороною вдоль борозды.

Палагея молча, терпѣливо, дождалась, когда онъ снова воротился и поровнялся съ нею.

— Такъ только отъ тебя и рѣчей будетъ?—спросила она мужа.—Иди вонъ, хворая жена, постылая: кормить мнѣ тебя нечѣмъ... пропадай, ровно собака.

Петръ, не останавливаясь и не отвѣчая, прошелъ мимо жены и повернулъ къ ней спину.

Палагея дождалась новаго возвращенія мужа.

— Прощай коли, Петръ Иванычъ... Богъ тебѣ судья!—проговорила она.—Ты хошь бы слово-то ласковое молвилъ, хошь бы пожалѣлъ жену-то, чтобы ужъ знала я, что отъ одной свекрови терплю... А ты, видно, за-одно съ ней... Куска тебѣ жаль женѣ хворой... Небось, не объѣла бы я тебя, за-мѣсть няньки коло дѣтей малыхъ сидѣла бы... А можетъ, Богъ милость свою показалъ: прибралъ бы меня, совсѣмъ тебя освободилъ отъ меня... по крайности, безъ грѣха...

Но что ни говорила Палагея, Петръ былъ молчаливъ, какъ рыба, и не обращалъ на жену ни малѣйшаго вниманія. Что-то вдругъ злое, горькое заневеликось въ душѣ Палагеи; она вытерла слезы на глазахъ, съ ненавистью взглянула на мужа, круто повернулась и пошла межниками въ сторону отъ деревни.

Digitized by Google

Палагея рѣшилась искать суда, помощи и защиты. Прежде всего, по совѣту Арины, она пошла къ своему приходскому священнику.

VII.

До села было добрыхъ три версты. Когда Палагея подходила къ дому священника, солнце стояло уже высоко. Домъ этотъ, и по величинѣ и по наружному виду, отличался отъ окружавшихъ его домовъ причетниковъ: онъ былъ въ пять оконъ, подъ тесовой крышей, съ мезонинчикомъ и маленькимъ балкономъ подъ самой крышей. Палагея робко подошла къ крыльцу; дверь въ сѣни оказалась, противъ обыкновенія, незапертою. Настежь была отворена и дверь, ведущая изъ сѣней въ кухню. Тамъ суетилась матушка-попадья съ работницей, оттуда несло запахомъ горячаго хлѣба и кислой капусты. Палагея переступила порогъ кухни и стала у дверей.

Попадья, круглолицая, съ рѣзко выведенными густыми, черными бровями, сердито ворчала на работницу, вытаскивавшую ржаные пироги изъ печи.

— Вотъ сыры, вотъ съ закаломъ... Говорила: рано кутаешь печку—жарко будетъ... Вотъ говорила... Эки остолопы, батюшки...

— Ну, ничего—съѣдятъ,—флегматично возражала работница.

— Чего съѣдятъ?.. На, посмотри, ткни носомъ-то... совсѣмъ съ закаломъ, и лукъ-отъ сырой, а сверху пригорѣли... На, на, возьми глаза-то въ зубы...—сердилась попадья, подсовывая подъ самый носъ работницы горячій, дымящійся паромъ отрѣзанный уголъ пирога.—Ткни носомъ-то... На...

— Чего суешь: вижу и такъ... Знамо, горячій пирогъ... Вотъ отойдетъ—и закалу не будетъ,—огрызалась работница.

— Не будетъ, да... Не знаю я тоже... Вишь, сырое тѣсто, вишь,—продолжала попадья, отковыривая пальцемъ кусокъ тѣста изъ середины пирога и поднося его на пальцѣ опять къ носу работницы.

— Да, ну, вижу, отстань... Сама бы смотрѣла имо: у меня не одно дѣло-то...

— Какое у тебя дѣло?.. Жрать, да спать—вотъ ваше дѣло... Дармоѣдки... Ну, какъ ты экіе пироги помочанамъ понесешь... Кто ихъ ѣсть станетъ? Кому въ глотку пойдетъ?.. Что добрые люди скажутъ?..

— Все съѣдятъ, небось... Ничего не останется...

— Оболтусь ты, оболтусь, право... Съѣдятъ... Знамо, съѣдятъ...

Digitized by Google

Да ну, ворочайся, что-ли... Чай, ужъ вѣдь время и нести: вонъ гдѣ солнышко-то... Тебѣ чтó?—обратилась попадья къ Палагеѣ.

— Къ батюшкѣ я, къ отцу Ѳедору...

— Чтó, треба, что-ли?.. Помочь-то не дадутъ управить... Съ какой требой-то?

— Нѣту, я не съ требой, а по своему дѣлу... поговорить...

— Нашла время говорить: у насъ помочь, рожь дожинаемъ... Чай, и въ людяхъ тоже: нигдѣ рожь-то еще не выжата, а она съ разговорами... Вотъ какъ на помочь придти, такъ васъ нѣтъ, а вотъ поговорить, такъ она вонъ когда пришла, въ самую горечь, въ работу... Некогда ему теперь...

— Я подожду...

— Да ты чья такая?

— Я Сгорьевска...

— Да чья такая?

— Петрова я... Агафью знаешь...

— Это что хворая-то?.. Ты, что-ли?

— Я самая...

— Чего же тебѣ?.. А ты что стала?—обратилась попадья къ работницѣ, которая тоже оставила было работу, чтобы послушать разговоръ хозяйки съ прихожей бабой... Али не каплетъ?.. Чай, тамъ народъ ждетъ, ѣсть хотятъ... А ты и уши распустила... Рада...

— Поспѣютъ.

— Поспѣютъ... У тебя все поспѣютъ... Собирай, собирай живѣе...

— Вотъ бы бабу-то взять: подсобила бы снести въ поле-то... Мнѣ одной не забраться со всѣмъ-то,—подала мысль работница.—Хошь бы вонъ ведра съ квасомъ отнесла, али бо что.

Мысль эта попадьѣ понравилась.

— А и то взаправду,—сказала она.—Подсоби-ка, дѣвка: тебѣ все равно ждать-то, а тамъ еще и батюшку захватишь: можетъ, и поговоритъ съ тобой...

— Я, съ моимъ удовольствіемъ, подсоблю, сколь по силамъ... Больно я не цѣломожна: ведеръ-то мнѣ не осилить, не стащить, а вотъ что другое...

— Ну, вотъ пироги хошь... А водку я сама снесу.

— Али не вѣришь водку-то... Небось, не выпью...—отозвалась работница.—Про насъ и въ кабакѣ водки-то довольно...

— Ну-ка, забирайся, забирайся... Сходи за квасомъ-то, нацѣди; а мы вотъ пока съ бабой-то здѣсь... Пора, вѣдь...

— Вишь ты, не вѣритъ...—проговорила работница, уходя

Digitized by Google

съ обиженнымъ видомъ.—Какъ же домъ-отъ пустой, что-ли, покинешь: сама-то понесешь... Всѣ уйдемъ.

— Ну, а ты проворнѣй отнеси, да и приходи назадъ, тогда я и пойду, надо же отцу-то Ѳедору тамъ помочь: одинъ не управится, хошь бы и съ дьячкомъ, тоже артель не малая, поди, чай человѣкъ подъ двадцать жнетъ...

— Нанималась я тебѣ бѣгать-то взадъ да впередъ, ровно оголтѣлая...

— Да, вѣдь, ужъ не дамъ въ руки водки-то, ужъ хоть что хошь говори, все одно не дамъ... Знаю я тебя довольно...

— Да наплевать мнѣ тебѣ и въ водку-то... Что больно думаешь... Знамо, ужъ вы, кутейники,—ады. Жить-то у васъ не какъ у людей... Дрожитъ надъ каждой крохой...

Попадья приготовилась-было къ сильной отбранкѣ, но работница вышла изъ избы и, передъ самымъ носомъ попадьи, со стукомъ захлопнула отворенную настежь дверь.

— Вотъ остолопъ проклятый, дармоѣдка... пьяница!.. носа-то утереть путемъ не умѣетъ, а тоже грубитъ... Экой народецъ, экой народецъ нынче...—говорила попадья.

— Отвори, баба, двери-то, душно больно,—продолжала она, обращаясь къ Палагеѣ.—Дверями тоже хлопаетъ, ровно путная и самъ-дѣлѣ... Нѣтъ нынче человѣчка, изойди всю округу, не найдешь путнаго человѣчка... Ну-ка, бабка, помоги мнѣ пироги-то укласть...

— Дай, матушка, я отнесу водку-то,—сказала Палагея, помогая попадьѣ.—Въ цѣлости донесу: я ее не пью.

— Да она у тебя дорогой-то отобьетъ, отниметъ: она у насъ духу ея по близости слышать не можетъ... не знаемъ, куда запирать отъ нея: чуть не доглядишь, такъ графинъ-то и чистъ; наливки не даетъ на окно поставить настоять, и тѣ подъ замкомъ держимъ... Нѣтъ, ужъ я сама приду водку-то подносить, ты только молви тамъ батюшкѣ, чтобы скорѣе ее назадъ къ печкѣ присылалъ. Тебѣ объ чемъ же поговорить-то съ отцомъ Ѳедоромъ нужно?

— Да объ дѣлахъ объ своихъ, матушка. По болѣзни по моей свекровь меня изъ дома выгнала отъ малыхъ дѣтей, и мужъ тоже ея руку держитъ: такъ вотъ добрые люди посовѣтовали сходить къ батюшкѣ, не обдумаетъ ли чего объ моей головѣ...

— Такъ это бы тебѣ не къ батюшкѣ, а по начальству... Что тутъ батюшка сдѣлаетъ?

Digitized by Google

— А можетъ, посовѣститъ, можетъ, его и послушаютъ, потому законъ, дѣти малыя...

— Не послушаютъ нынѣче... Нынѣше вонъ народъ-отъ какой: насилу на помочь дозовешься; батюшка-то ходитъ-ходитъ, глаголется по деревнямъ-то: свое, говоритъ, еще, батюшка, стоитъ, дай управиться; ровно и не прихожане... Вы тоже нынѣче, вѣчего сказать... А православные считаются тоже, дѣти духовныя... Не думаютъ того, что у батюшки-то тоже семейство, дѣти, и рожь-то перестояла, сыплется... А на помочь-то придутъ, да еще привередничаютъ: то не хорошо, угощеніемъ недовольны, водки мало подносили... Наработаютъ на грошъ, а съѣдятъ-выпьютъ на два... Вотъ вы нынѣче народъ-то какой... А со славой, али за новью пойдетъ, такъ только срамъ одинъ, хоть не ходи: чуть не съ пустыми мѣшками ворочается... Иной ровно на-смѣхъ, ужъ не то что гарнецъ, а пригоршни новаго-то хлѣбца вынесетъ: на, говоритъ, батюшка, по урожаю, говоритъ, и жертвуй: видно, говоритъ, плохо молишься за насъ, совсѣмъ хлѣбъ пересталъ родиться... Вотъ ваша вѣра-то какая нынѣче... По сѣно ужъ и ѣздить пересталъ: прежде разъ по пяти на трехъ лошадяхъ объѣзжалъ, какой сарайще набивалъ сборнымъ-то сѣномъ, а въ нынѣшнее время всего-то трехъ возовъ не соберетъ... Такъ и плюнулъ, нынѣче и не ѣздилъ совсѣмъ. Такъ вотъ и живи... А какъ что нужно, такъ къ кому первому?—къ батюшкѣ... Нѣтъ, вы самые неблагодарные... Я говорю: ты, отецъ, ничего для нихъ такъ не дѣлай, такъ лучше чувствовать будутъ. Какъ пришли о чемъ просить, такъ и отказывай: некогда, дескать, на другую требу ѣду, пріѣзжай завтра, да привози впередъ денегъ, либо хлѣба... Вотъ, какъ онъ раза два-три съѣздитъ даромъ верстъ за пять, за семь, такъ и будетъ чувствовать... А ужъ на счетъ чего этакого, не касающаго, тамъ посовѣтовать, али научить, такъ прямо и гони, коли съ пустыми руками, безо всякаго чувства, безо всякой благодарности пришли: иди, иди, голубчикъ, вы нынѣче умны стали, вольные, иди къ своему начальству... Вотъ бы я какъ, кабы по-моему...

— У меня, матушка, поблагодарить нечѣмъ: я сама безъ куска хлѣба изъ дома вышла: что вотъ есть на плечахъ, тутъ все и мое богатство, имущество... Хворый я человѣкъ...

Палагея отерла набѣжавшую слезу.

— Да нѣтъ, не до тебя одной и говорю; а такъ, что народъ нынѣче весь сталъ балованный, неблагодарный... Да мало меня батюшка-то слушаетъ... Вожавать онъ большо: ото всякаго угощеніе примаетъ, со всякимъ въ разговоры входитъ, а они вотъ

Digitized by Google

какъ это чувствуютъ; что годъ, то все хуже: на счетъ ли кружки, на счетъ ли ручного дохода, все хуже стало... Скоро попамъ жить нечѣмъ будетъ, семью нечѣмъ поднять, изъ вѣры народъ выходитъ, изъ послушанія — я вотъ про что... А мы все еще по-божески живемъ, не притѣсняемъ, не обижаемъ и нищему подаемъ... На, вотъ, пирожка съѣшь, коли голодна... На, Богъ съ тобой...

— Покорно благодарю, матушка, не хочу еще...

— Съѣшь, съѣшь, ничего... У меня ради Христа никогда отказа нѣтъ: вонъ на подоконницѣ завсегда куски... Что же, пущай Бога молятъ, хоть не намъ, такъ дѣтямъ взыщется. Возьми, возьми, ѣшь.

— Нечто, и въ горло-то кусокъ нейдетъ...

— Ну, за пазуху положи, опосля съѣшь. А вотъ Маланья запила, провалилась... На зло, вѣдь, это: долго ли двои ведра квасомъ нацѣдить... Наказалъ меня Богъ экой работенкой... Только и держу, что третій годъ живетъ, привыкла, а то давно бы прогнать надо...

Въ это время снаружи въ окно кухни постучали. Попадья подошла къ окну.

— Долго ли же мнѣ ждать-то съ ведрами-то здѣсь?—послышался съ улицы голосъ работницы Маланьи. Что бабу-то не посылаешь съ пирогами-то: вѣдь, она одна-то не знаетъ дороги въ поле-то...

— А ты что же не скажешь, а я здѣсь жду... Сейчасъ, сейчасъ... Поди, бабонька съ ней. Возьми вотъ... неси... Попадья навьючила Палагею узломъ съ пирогами.

— Ты, смотри же, ворочайся скорѣе назадъ,—обратилась она къ работницѣ чрезъ окно,—да скажи тамъ батюшкѣ, чтобы рѣзалъ пироги на-трое, а коли народу много нашло, такъ на-четверо... Да скажи, что матушка, молъ, сейчасъ придетъ и водку принесетъ... Ну, ступайте. Смотри, расплещешь квасъ-отъ... А ковшъ-отъ взяла ли?.. Что, не взяла, вѣдь... Такъ и есть... Вотъ...

— Да взяла, отстань... — откликнулась Маланья, приподнимая и показывая надъ головой въ правой рукѣ деревянный крашеный желтый ковшъ. — Посмотри щи-то въ печкѣ... Отставь —не ушли бы...

Палагея, таща свой узелъ, старалась не отстать отъ поповой работницы, которая, искривившись на правый бокъ, поддерживая на лѣвомъ плечѣ коромысло съ двумя ведрами, и помахивая ковшомъ въ правой, шла быстрымъ шагомъ.

— Еще бѣги, да скорѣе ворочайся,..—бормотала Маланья,

Digitized by Google

идя... — Не видала я твоей водки... Ады!.. Ужъ на что хуже жизни у попа въ работницахъ... Кажется, жилы-то рады вытянуть у человѣка, а все дармоѣдка, да лежебока... Сама пойду подносить... Иди... А ужъ не удержишь: все равно самъ-отъ налижется, ужъ къ вечеру будетъ готовъ, небось, не усмотришь, какъ ни смотри... да и не послушаетъ: ему бы только до первой-то дорваться... Вона, да народу-то много набралось: станетъ ли у насъ пироговъ-то. Говорила, больше твори квашню... Пожадничала, не послушала: вотъ теперь станетъ выкраивать середки, а послѣ народъ голодный пойдетъ, ругаться будутъ.

VIII.

Впереди виднѣлась полоса поповой ржи. Десятка три женскихъ головъ въ платкахъ и кичкахъ поднимались и опускались передъ желтой стѣной ржи. Бабы и дѣвки были, ради жары, въ однѣхъ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ: то тамъ, то тутъ около сжатыхъ сноповъ валялись синіе сарафаны и красные платки. За работающими наблюдали съ одной стороны приглашенный батюшкою заштатный дьячокъ, съ другой самъ отецъ Ѳедоръ. Старикашка-дьячокъ со сморщеннымъ маленькимъ личикомъ, на которомъ торчалъ луковицей красносизый носъ, съ сѣдыми на головѣ волосами, заплетенными въ свернутую на затылкѣ косичку, былъ въ одной бѣлой рубашкѣ, спускавшейся на такія же бѣлыя порты и въ опоркахъ на босу ногу. Отецъ Ѳедоръ, съ потнымъ, краснымъ, рябоватымъ, но добродушнымъ лицомъ, имѣлъ на себѣ, сверхъ бѣлой рубахи, синій потертый подрясникъ, надѣтый въ рукава, но не застегнутый и неподпоясанный.

— Навались, навались, бабы, дѣвки...—командовалъ дьячокъ. Ну, ну, ироклажаться нечего: не рано... Поддавай, поддавай... эй, ты, толстый задъ, что зазѣвалась...

— Да чтой-то ты, старый чортъ, зычешь... не подвластныя мы, кажись, твои... — осердилась краснолицая, широкоплечая дѣвка, медленно завивая соломенный поясъ около сжатаго снопа.

— Тоже, чай не крѣпостныя, не на барщину пришли, — подхватила другая.

— Ровно какъ и слова-то подпираешь не больно складно... Ровно какъ можно бы и поблагороднѣе...—замѣтила въ тотъ же тонъ степенная, пожилая крестьянка.

— Вишь ты, какая благородная... — отозвался нѣсколько сконфуженный дьячокъ. —Пришла работать, такъ работай...

Digitized by Google

— Мы, вѣдь, на чести пришли работать-то, а не изъ денегъ... Что ты...

— Прямъ что не изъ денегъ...

— А рѣчи-то свои, этакія, ты бы въ кабакъ беретъ... а не къ намъ бы... вотъ что... А еще духовный человѣкъ, ученый... Богу служишь, на крылосу поешь... въ святую книгу читаешь... Э-эхъ...

— Тоже косу плететъ...

— Да ну, ну, ишь, благочестіе какое распустили... Какія нынче стали... слова не скажи... Наплевать... вѣдь не на меня жнете-то... Я, вѣдь, чтобы веселѣй было, только для того... для бодрости духа... для поощренія вашего... А онѣ ужъ и обижаться... Вишь ты... Ну, наплевать, коли... Вонъ, видно, закусь несутъ... Чай, къ водкѣ-то тоже пойдете...

Съ другой стороны поощрялъ работающихъ самъ батюшка.

— Постарайтесь, постарайтесь, православные, приналягьте... какъ для Бога... Богъ труды любитъ, по трудамъ и награждаетъ... — говорилъ онъ.

— Ужъ, кажется, стараемся для тебя, отецъ Ѳедоръ...—отвѣчаетъ одна баба. Посмотри-ка, сколь сноповъ-то наворочали.

— Да ужъ и рожь-то у тебя нонѣ больно сильна...—говорила другая.

— Такова ли рожь; всѣ рученьки повывертѣла... Тяжелая рожь: и колосомъ, и соломой далась.

— Навожу, оттого... Стараюсь...

— Знамо отъ навоза... Да какъ у тебя и не родиться-то: не отъ одной лошадки да отъ коровки валишь, не какъ въ крестьянствѣ: а, чай, головъ десять есть крупнаго-то...

— Не отъ одного этого, а и по молитвамъ бываетъ,—замѣчаетъ старуха.—Онъ-то завсегда предъ престоломъ, не какъ мы, грѣшники: кому и замолить, коли не ему... Оттого и рожь...

— Да, надо молиться, надо молиться... — со вздохомъ соглашается отецъ Ѳедоръ. — Трудиться нужно, молиться нужно —продолжаетъ онъ, растягивая слова.—Вѣра наша малая, грѣхи наши большіе... А ты, Анна, Анна, не отставай, не отставай... Люди вонъ куда ушли, вонъ... Ну-ка, ну-ка, ну-ка пріударьте, пріударьте... Не лѣнитесь, полноте, время не рано... Вонъ, кажись, завтракать несутъ... Постарайтеся, постарайтеся...

Отецъ Ѳедоръ подошелъ къ Маланьѣ.

— Все принесла?—спросилъ онъ.

— Чего всего-то? Вотъ квасъ принесла, а вонъ пироги...

Digitized by Google

Водки-то не повѣрила: сама, говоритъ, принесу... Выпью, вишь ты, дорогой-то... Не видала я...

— Ну ставь, ставь... Раскладывайте пироги-то, да рѣжьте...

— Много ли у тебя народа-то? Какъ рѣзать-то: на сколь середокъ? Велѣла на-четверо, коли народа много.

— Рѣжь на-четверо...

— Дай я изрѣжу: — вмѣшалась Палагея: — матушка-то наказывала, чтобы поскорѣй назадъ приходила...

— Такъ бѣги, бѣги скорѣй... Скажи, шла бы: народъ ждетъ... Бѣги же...

— Да вамъ какъ... Вамъ все бѣги, да скорѣй...—огрызалась Маланья, поворачиваясь спиной къ священнику.

— А ты коли, бабка, рѣжь...—обратился отецъ Ѳедоръ къ Палагеѣ.

— Батюшка, благословите...—подошла та къ нему съ протянутой рукой.

— Богъ тебя благословитъ, Богъ тебя благословитъ...

Палагея изловила руку священника и поцѣловала.

— Ну-ка, ну-ка, а ты рѣжь, рѣжь, съ Богомъ... Бабы, бабы, бабы... а вы что же... Постарайтесь, постарайтесь... Не лѣнись... Богъ труды любитъ... Вотъ сейчасъ водку принесутъ, позавтракаете...

Кончивши съ пирогами, Палагея робко подошла къ отцу Ѳедору.

— Батюшка, а я-было къ тебѣ...

— Что, изрѣзала?.. Ну, пожала бы маненько, пока мать-то придетъ... Все хоть сноп-другой свяжешь, чѣмъ такъ-то сидѣть...

— Да я, вѣдь, батюшка, Сгорьевска... Не призналъ ты меня: хворая-то Палагея, болящая...

— Не призналъ и есть: думалъ и ты на помочь...

— Нѣтъ, насъ, вѣдь, не сбивали сегодня...

— Да, да, нѣтъ... Васъ я и не звалъ сегодня... Васъ, Сгорьевскихъ, я берегу на яровое: тогда ужъ не оставьте... Такъ ты что же?..

— А я, батюшка, къ тебѣ, къ твоей милости, по своему дѣлу...

— Что, съ требой, что-ли?.. Ну ужъ погоди, видишь ты, у меня какая горячка идетъ: тридцать человѣкъ на работѣ... Вы всегда такъ... не во-время... Да что, какая треба-то?..

— Нѣту, батюшка, не треба... Я на счетъ своего дѣла, поговорить съ тобой, на счетъ совѣта твоего... попросить наставленія...

— Ну вотъ, въ экое ты время пришла со мной разговари-

Digitized by Google

вать... Не нашла другого... Видишь что́ у меня дѣлается, голова кругомъ идетъ... А она съ разговорами... Ахъ, вы бабы, бабы... Нѣтъ у васъ ума, нѣтъ совѣсти... Видитъ, у батюшки, у отца духовнаго, работа идетъ, хлопоты: чѣмъ бы взять серпъ, да прихватить, помочь поработать, она, видишь ты, въ этакое время, со своими разговорами, за совѣтами лѣзетъ... Правда, попадья-то говоритъ, что вы безсовѣстныя... неблагодарныя... Тьфу!..

Отецъ Ѳедоръ очень огорчился, съ сердцемъ запахнулъ полы разстегнутаго ради жары и распахнувшагося синяго потертаго подрясника, изъ-подъ котораго виднѣлась выпущенная поверхъ штановъ бѣлая рубашка—и отошелъ отъ Палагеи. Та осталась въ смущеніи и сконфуженная; слезы подступили у нея къ глазамъ.

— Что же теперь дѣлать-то?.. Къ Секлетеѣ нешто идти, да силушки-то нѣтъ, устала, надо отдохнуть... Эка, не ко времени я съ нимъ заговорила-то... Нѣтъ, ужъ все равно: отдохну здѣсь, подожду часокъ-другой; вотъ, можетъ, угощать будетъ помочанъ, такъ и самъ развеселится... Выпивши, онъ добрѣе живетъ... Подожду, что́ будетъ.

Вдали показалась попадья. Она бережно несла на рукахъ четвертную бутыль съ водкой, закупоренную синей сахарной бумагой, которая была сверху прикрыта надѣтымъ на горлышко бутылки стаканомъ зеленаго стекла, съ толстымъ дномъ.

Отецъ Ѳедоръ пошелъ навстрѣчу матушкѣ.

— Ну, что ты больно долго: народъ проголодался, ропщетъ... —сказалъ онъ.

— Полно-ка... Народъ проголодался: некогда проголодаться-то, время-то еще не поздно... Ропщетъ!.. Не самъ ли ты полно возропталъ, что долго водки-то не видишь... Ты, смотри у меня, не больно усы-то мочи, не накидывайся, помни...

— Ну, ну, ну... Пошла-поѣхала...

— То-то ну, ну... Я сама нукать-то умѣю...

Къ попадьѣ съ водкой подошелъ и дьячокъ.

— Что́, шабашить, что-ли? звать?—спросилъ онъ, подойдя.

— Звать, звать... Что тутъ, пора: зови...—торопился отецъ Ѳедоръ.—Бабы, кладите серпы, идите завтракать... Подходите... Ты, поди, мать, раздавай пироги-то, а я подносить стану.

Попадья съ неудовольствіемъ отдала отцу Ѳедору бутыль, но, присѣвши на землю около пироговъ и раздавая ихъ помочанамъ, старалась придать лицу привѣтливое выраженіе гостепріимной хозяйки.

Digitized by Google

— Подходите же, бабы... Кто пьетъ? — говорилъ отецъ Ѳедоръ, наливши стаканъ.

Бабы переминались: ни которой не хотѣлось подходить первой.

— А вы подходите! Что и самъ-дѣлѣ манерничаете... Ждать-то васъ!..—сердито пробурчалъ старый дьячокъ и, взглянувши на налитый стаканъ, сплюнулъ.

— Ты бы, батюшка, отецъ Ѳедоръ, самъ-то сначала... И мы бы съ твоего благословенія... — проговорила одна баба, выступая впередъ и тыломъ руки отодвигая стаканъ съ водкой.

— За ваше развѣ здоровье...—сказалъ отецъ Ѳедоръ.

— Ну, хоть за наше... Кушай на здоровье, во славу Божію...

— Ну такъ, покорно васъ благодарю, что потрудились, не отказали, поработали для отца духовнаго... Христіанская помощь — благое дѣло... И Господь васъ не оставитъ... Будьте же здоровы... Петровичъ,—обратился онъ къ дьячку,—дай же мнѣ пирожка-то закусить...

Отецъ Ѳедоръ выпилъ и отломилъ кусочекъ отъ середки пирога, которую держалъ передъ нимъ дьячокъ.

— Такъ надо коли и Петровичу, бабы, поднести сначала: онъ тоже наблюдалъ, старался... — сказалъ отецъ Ѳедоръ съ улыбкой, взглянувши на дьячка. Тотъ сталъ смотрѣть въ сторону, куда-то вдаль...

— Поднеси, поднеси ему, батюшка, поскорѣе... Вишь ты, онъ прискорбный какой...

— Поднеси, авось ласковѣй будетъ, а то онъ больно ужъ лютъ, все понукаетъ, да все срамится, такой старый хрѣнъ...— со смѣхомъ говорили бабы.

— Да-а, срамится... Больно благородны нонѣ стали... Васъ не понукать, такъ вы чувствуете, что-ли...—бормоталъ старикъ, принимая стаканъ изъ рукъ отца Ѳедора. Въ прежнее время, васъ, бывало, какъ...

— Ну-ка, ну, пей...

— Благословите, батюшка...

— Да что ты время-то проводишь: пилъ бы, что-ли... Людей только держитъ...—сердито замѣтила понадья.

Петровичъ быстро отворотился и проворно выпилъ водку.

— Какъ скоро, такъ и сейчасъ, матушка,—отвѣчалъ онъ съ мгновенно просіявшимъ взглядомъ: — а ты не гнѣвайся на насъ, не взыскивай... Пожалуй-ка мнѣ пирожка-то серединку...

Почти всѣ бабы выпили, морщась и кашляя, но не отказались и повторить; нѣкоторыя дѣвушки только пригубили, а иныя

Digitized by Google

только подходили къ протянутой рукѣ отца Ѳедора и, молча кланяясь, отталкивали отъ себя стаканъ съ водкою, причемъ сами смотрѣли въ сторону, какъ-бы даже съ пренебреженіемъ.

Когда всѣ такимъ образомъ были угощены, а въ бутыли еще много оставалось водки, отецъ Ѳедоръ взглянулъ въ сторону попадьи. Она была окружена помочанами, которыя, разсѣвшись вокругъ нея, жевали пирогъ и перекидывались разговорами. Попадья въ нихъ участвовала. Отецъ Ѳедоръ быстро налилъ стаканъ, а за нимъ другой, и выпилъ, затѣмъ мигнулъ Петровичу, старательно вертѣвшемуся около него, и поднесъ ему стаканъ. Тотъ выпилъ его, искоса посматривая на матушку. Отецъ Ѳедоръ лукаво ему улыбнулся.

— Ну, всѣ ли подходили? — спросилъ онъ, ставя на землю бутыль и прикрывая ее опрокинутымъ вверхъ дномъ стаканомъ. — Мать, всѣ ли подходили?

— Чай, самъ подносилъ — видѣлъ... — отозвалась попадья, быстро оборачиваясь и бѣглымъ взглядомъ окидывая попа, дьячка и бутыль.

Отецъ Ѳедоръ поднялся на ноги. Лицо его было весело и привѣтливо; глаза ласково щурились. Матушка подозрительно и недружелюбно на него посматривала.

— А вона, и обидѣли одну, обошли, — сказалъ отецъ Ѳедоръ, замѣтя сидящую въ сторонѣ Палагею. — Что-жъ ее обижать: надо поднести и ей. Подходи! — Онъ махнулъ рукою Палагеѣ.

— Нѣту, батюшка, покорно тебѣ благодарствую, — отвѣчала Палагея, вставая. Благодарю покорно, нѣту, не кушаю я. Гдѣ ужъ больному человѣку водку пить.

— Ничего, для здоровья... это крѣпитъ, помогаетъ... Для слабаго человѣка это хорошо... На, на, выпей, на...

Отецъ Ѳедоръ налилъ.

— Полно-ка, батюшка, за что меня угощать: я и не работала, а только тебя обезпокоила...

— Да полно, что заколобродилъ!... — сердито замѣтила попадья. — Слышишь, не пьетъ баба.

— Ничего, для добродѣтели дѣлаю... Слабаго человѣка, больного, нужно поддержать... Больного посѣти, сказано... Ну, а коли не хочешь, ну, Богъ съ тобой... Напрасно только налилъ.

Отецъ Ѳедоръ посмотрѣлъ на стаканъ и быстро опрокинулъ его себѣ въ ротъ.

— Вотъ теперь и я выпилъ, и закушу... — сказалъ онъ

какъ-бы въ оправданіе передъ попадьей и, не смотря на нее, наклонился, взялъ кусокъ пирога и оборотился опять къ Палагеѣ.

— Ну, какое твое дѣло? — сказывай пона.

— Выгнала меня, батюшка, свекровь изъ дома, отъ мужа, отъ малыхъ дѣтей прогнала, изъ своего дома... Вотъ какое дѣло.

Палагея взглянула по сторонамъ на прислушивающихся крестьянокъ и заплакала.

— Ну, — проговорилъ отецъ Ѳедоръ, пережевывая пирогъ.

— Ну, вотъ и не знаю что теперь дѣлать: человѣкъ больной, безродный... Куда я пойду, чѣмъ кормиться стану...

— Свекровь выгнала?

— Свекровь, батюшка...

— А мужъ что же?

— Мужъ молчитъ: ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, ровно не его дѣло...

— Значитъ, и мужъ не желаетъ?... Гмъ... Да за что у васъ вышло? Не за это ли?

Отецъ Ѳедоръ указалъ пальцемъ и подмигнулъ глазами на излишнюю полноту Пелагеи.

— Полно-ка, батюшка... Вотъ ужъ не покаюсь... До того ли мнѣ, больному человѣку... Я и жизни-то не рада, не то что объ этомъ думать.

— Что же, повздорили, что-ли, съ свекровью-то?

— Вздоръ-то у насъ идетъ не теперь только, не первый годъ... Давно ужъ она меня точитъ, ровно червь... Я человѣкъ смирный, я все молчала... А вотъ теперь ужъ до того дошло, что и выгнала, и назадъ ворочаться не велѣла... Съ того и пришла напрежь всего къ твоей милости: разсуди ты наше дѣло: мы, чай, христіяне живемъ, можно ли живую жену отъ мужа, отъ дѣтей, изъ дома выгнать?...

— Ужъ эти свекрови, не приведи ты Господи! — замѣтила одна изъ помочанокъ.

— Смутницы, смутницы! — подхватила другая на-распѣвъ.

— Злодѣйки, кровь рады пить, жилы вытянуть рады... для невѣстокъ... — прибавила третья.

— Ну, и вы, молодки, хороши... Дай вамъ волю-то... — замѣтила старуха.

— Нѣтъ, баушка, вѣдь, житья нѣтъ... Вѣдь, вонъ тоже Праскуху съѣла свекровь-то, вѣдь, въ петлю Праскуха-то лазала... Сняли синюю... Вотъ оно каково сладко отъ свекровей-то живетъ...

Бабы загалдѣли въ одинъ голосъ.

Digitized by Google

— Постойте вы! — махнулъ на нихъ рукой отецъ Ѳедоръ.

— Погоди, ништни... Что батюшка скажетъ... — говорили бабы одна другой.

— Свекровь замѣсто матери, говорилъ отецъ Ѳедоръ. — Она глава въ домѣ, потому и мужу мать. Человѣкъ она старый... Стараго почти. Брюжжитъ она, взыскиваетъ—покорись, обидитъ—перенеси на себѣ, всплачь въ сторонкѣ, а перенеси, не груби, потому человѣкъ старый, умретъ: ты будешь хозяйкой, у тебя сынъ выростетъ, женится — сама свекровь будешь, сама будешь человѣкъ старый и взыскивать станешь съ невѣстки... Безъ этого нельзя... потому и терпи, стерпится-слюбится... Вотъ наша христіанская вѣра: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши...

— Такъ, батюшка, такъ кормилецъ! Учи ты ихъ, дуръ...— перебила старуха.—Да, вотъ она божеская-то заповѣдь... Слушайте, дуры, слушайте... Старуха утерла слезливые глаза и ротъ.

— Да, въ покорности повелѣвается жить, — продолжалъ отецъ Ѳедоръ со вздохомъ. — Жизнь наша — терпѣніе и покорность. Покаряйся Богу, властямъ предержащимъ, священству, родителямъ, старшимъ.

— Батюшка, такъ нечто я ей не покорялась... Я слова-то николи противъ нея не молвила, и жила-то я, больной человѣкъ, какъ собаченка, угла своего не знала...

— Богъ посылаетъ людямъ искушенія на землѣ, страданія... всяческія... Ахъ, да... И нужно... хотѣлъ-было продолжать отецъ Ѳедоръ, увлеченный ораторскимъ пафосомъ, но его вдругъ оборвала попадья.

— Да что ты больно очень развелъ: чай, не за налоемъ стоишь, — сказала она. — Чай, пора жать приниматься: время-то идетъ, теперь закусили, скоро обѣдъ...

— Да, да, пора, пора... Поднимайтесь бабы... бабы...—схватился отецъ Ѳедоръ. Какъ твое дѣло разсудить—не знаю...— обратился онъ къ Палагеѣ, взмахнулъ руками, хлопнулъ по бедрамъ и потомъ запустилъ ихъ въ карманы подрясника, широко разставивъ ноги.—Молись Богу... Уповай... Да смягчитъ Онъ ея сердце и преложитъ въ немъ гнѣвъ въ любовь и ярость въ смиреніе...

— Батюшка, ты хоть поговорилъ бы съ ней, съ матушкой-то, чтобы она меня хошь въ домъ-то бы опять приняла...—просила Палагея.

— Поговорю... Пускай придетъ, скажи ей, приведи: я поговорю... внушу...

— Да она меня, батюшка, не послушаетъ, не пойдетъ...

Digitized by Google

— Ну, вотъ самъ не повстрѣчаю ли какъ... Встрѣчу—все скажу, что̀ мнѣ по званію моему подобаетъ... Наше дѣло утѣшать, врачевать раны духовныя... Вотъ, я тебя утѣшилъ безвозмездно... Я не мздоимецъ, вы меня знаете... Ее увижу, и ей внушу по долгу моему... Все сдѣлаю, все... Вы мои дѣти духовныя, любить я васъ долженъ, совѣтовать, вразумлять, поучать... Власть моя не отъ міра сего... Ну, иди съ Богомъ... Вотъ, бабы жать принялись... Да скажи-ка вашимъ сгорьевскимъ бабамъ: не придутъ ли завтра пожать, хоть бы бабъ пятокъ, дохватить бы: сегодня не кончать, видно, не дожнуть... Эхъ-ма... Право, молвила тамъ: угощенья-то у меня останется отъ сегодняшней помочи, всего не пріѣдятъ... И чудесно бы завтра: скажи-ка.

— Батюшка, я не пойду теперь въ Сгорьево, не ворочусь ужъ... Я коли къ старшинѣ пойду, да судиться стану со свекровью и съ мужемъ... Мнѣ, видно, больше дѣлать нечего...

— Судиться?.. Ну, что-жъ, судись, попробуй... На то судъ поставленъ... Можетъ, Богъ дастъ и присудятъ: за обиженнаго Богъ... Ну, бабы, бабы, смотрю, вѣдь...

— Благословите батюшка.

— Богъ тебя благословитъ...

Отецъ Ѳедоръ возложилъ руку на голову Палагеи и направился къ женямъ, а Палагея, уныло опустя голову, побрела къ селу.

IX.

Въ селѣ, возлѣ церкви стоялъ домъ, занятый волостнымъ правленіемъ, а вслѣдствіе этой близости церковный сторожъ былъ вмѣстѣ и сторожемъ волостного правленія — отставной старый солдатъ Мартыновъ, онъ же сапожникъ Мартынычъ. Его встрѣтила Палагея, подойдя къ правленію. Мартыновъ сидѣлъ на крыльцѣ и, держа между колѣнами мужицкій сапогъ, накладывалъ на него заплату. Весь околотокъ зналъ Мартыныча и по его оффиціальному положенію, и по его ремеслу. Онъ самъ сознавалъ себя лицомъ очень почтеннымъ и очень вліятельнымъ, и принималъ живое участіе во всѣхъ интересахъ и дѣлахъ прихода и волости. Безродный и одинокій, уроженецъ этой волости, онъ смотрѣлъ на всѣхъ своихъ земляковъ, какъ на родныхъ, но относился къ нимъ свысока, покровительственно и строго, какъ старшій взрослый братъ относится къ брату-школьнику, отданному подъ его надзоръ и попеченіе.

Digitized by Google

— Чего тебѣ? — спросилъ Мартынычъ Палагею, когда та подошла къ крыльцу правленія.

— Къ старшинѣ я...

— Нѣту его... А тебѣ зачѣмъ его нужно?..

— Гдѣ же онъ? — спросила Палагея, не желая отвѣчать прямо на вопросъ.

— Гдѣ?.. Все сидѣлъ здѣсь—тебя дожидался: долго не приходила. Гдѣ?.. Развѣ старшина будетъ тебѣ репортовать куда, по какимъ дѣламъ поѣхалъ...

— Такъ уѣхалъ нечто куда?

— Да и не пріѣзжалъ вовся... А ты и вправду повѣрила, что все сидѣлъ здѣсь, тебя ждалъ... Умница!..

— Чему повѣрить: станетъ ли онъ меня ждать. Я впервой: у него про меня и думки-то нѣтъ... А я такъ, что не здѣсь ли, молъ, онъ, а то, можетъ, дома, али бо гдѣ.

— Стало быть, что гдѣ ни на есть да есть...

— Такъ, коли же сюда-то ждете?.. По какимъ днямъ онъ въ приказъ-то ходитъ: ты мнѣ, дѣдушка Мартынычъ, путемъ молви, у меня дѣло до него.

— Развѣ старшина станетъ ходить—онъ, чай, ѣздитъ... А-а?.. Пара, чай, про него, отъ общества: какъ нужно, потребовалъ, сѣлъ и поѣхалъ. А-а? не слыхивала?.. Есть дѣла, требуется: сейчасъ и пріѣхалъ... Пріѣхалъ—и поди къ нему съ прошеніемъ, али съ дѣломъ твоимъ: вотъ сейчасъ тебѣ и разборъ, и рѣшеніе... А нужно: справку навелъ, приказъ послалъ, вызвалъ кого ему надо... А ты думала, какъ дѣла-то дѣлаются?.. Ты думала, старшина-то сидитъ да ждетъ въ правленіи, не зайдетъ ли какая Акуля... Тебя какъ звать-то? Акулей, что-ли?

— Нѣту, Палагеей...

— Ну, такъ вотъ Палаху... Ты съ прошеніемъ, съ бумагой, али такъ?

— Нѣту, я такъ... безъ бумаги...

— Ну, такъ вотъ видишь ты: съ пустыми руками пришла, пустая и домой пойдешь, и здѣсь-то ничего не оставишь: такъ и ходи взадъ да впередъ... Эхъ вы, умники!.. Ты въ гости, что-ли, пришла къ старшинѣ-то, чайку попить, да погоститься, поговорить съ нимъ для скуки... али зачѣмъ за другимъ?..

— Гдѣ ужъ намъ гоститься...

— Такъ что же, зачѣмъ?

— Милости попросить въ своей обидѣ, чтобы защитилъ...

— Чтобы защитилъ... Прекрасно это... Ну, такъ какъ же онъ безъ прошенія-то тебя защищать-то будетъ? Ты придешь ему

Digitized by Google

поговоришь, другая придетъ—тоже поговоритъ, третья, пятая, десятая; онъ все и держи это въ головѣ... Чай, вѣдь, прошеніе написать нужно... Дура!..

— Да гдѣ же мнѣ, Мартынычъ, писать: я неграмотна...

— Да онъ и самъ неграмотный, и старшина... А это для порядка нужно, чтобы сейчасъ... документъ былъ... А написать—на то писаря есть. Пошла къ писарю, разсказала: такое и такое мое дѣло, тамъ обида, али другое что прочее, вотъ онъ тебѣ и написалъ сейчасъ. А ты взяла, да старшинѣ: вотъ онъ и видитъ, не съ пустыми разговорами человѣкъ пришелъ, а съ бумагой, съ прошеніемъ. Принялъ—и пошелъ разборъ... Вотъ что, умница...

— Такъ ужъ не знаю, куда и идти-то: нѣтъ у меня человѣчка-то такого, писарька-то... Не знаешь ли ты, Мартынычъ, будь отецъ—научи...

— Вотъ такъ-то бы лучше, поумнѣе маненько... И то, вѣкъ свой только и дѣла, что учи васъ. Какое дѣло-то у тебя? На кого жаловаться хочешь?.. Отъ кого обида-то?

— Отъ матушки-свекрови: изъ дома выгнала, отъ мужа, отъ дѣтей малыхъ...

— А изъ-за чего?

— А изъ-за хвори, изъ-за болѣзни моей.

— Врешь...

— Чего мнѣ врать, Мартынычъ... Не вру я, она и сама скажетъ: лежебока, говоритъ, привередница...

— А можетъ ты и вправду...

— Нѣту, Мартынычъ, я бы рада-радостью, да силушки нѣтъ, извелась я совсѣмъ... Ты погляди-ка на меня, цвѣтна ли я...

Мартынычъ посмотрѣлъ на Палагею.

— А не била она тебя, не тиранила?.. свекровь-то...

— Бить не била, не хочу грѣшить, только какъ вотъ гнала—клюкой замахнулась, и то не попала... А ужъ языкомъ ѣла довольно, до нутра сердца... Стыда, срама приняла до-сыта, а безъ куска хлѣба, голодная, по суткамъ сиживала... Да что ужъ это разсказывать: кажись, всѣ я и слезыньки-то выплакала, нѣту и ихъ у меня въ очахъ... Да пущай бы ужъ я собачей жизнью жила, да только бы около своихъ дѣтей, хошь бы они на глазахъ были...

— Такъ вотъ что: чай, у тебя алтына нѣтъ за душой-то, чтобы писарю заплатить?

— Нѣту, Мартынычъ, истинно нѣтъ.

— Такъ постой, я къ нашему писарю волостному дойду,

Digitized by Google

вишлю его къ тебѣ, а ты ему въ ноги, да и разскажи все: онъ законъ знаетъ и тебя научитъ, какъ и что... Постой тута...

Мартынычъ ушелъ въ домъ правленія, Палагея осталась на крыльцѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Мартыныча, вышелъ на крыльцо молодой человѣкъ, изъ-рыжа-бѣлокурый, съ лицомъ, усыпаннымъ угрями и веснушками, въ клѣтчатыхъ нитанахъ, желтой жакеткѣ и съ цвѣтнымъ на шеѣ галстукомъ, концы котораго летѣли отъ шеи въ обѣ стороны. Молодой человѣкъ имѣлъ очень рѣшительныя, развязныя манеры, съ перваго взгляда обличалъ въ себѣ пристрастіе къ франтовству и женскому полу. Это былъ волостной писарь и въ то же время учитель сельской школы, неокончившій курсъ семинаристъ.

— Вотъ она, та самая Палагея, Самсонъ Львовичъ,—заговорилъ, слѣдуя за нимъ, Мартынычъ.—Вотъ, кланяйся господину писарю: а твое дѣло я ему отлепортовалъ, говорить тебѣ больше нечего,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Палагеѣ.

— Да, да, пожалуйста, поменьше этихъ разговоровъ,—проговорилъ писарь, сильно напирая на букву о.—Съ вами, бабами, хорошо безо времени разговаривать-то, за любовь, а ужъ по дѣламъ приметесь размазывать, такъ бѣги.

Между тѣмъ Палагея кланялась ему въ землю.

— Вы только не оставьте меня, господинъ... твое благородіе, припишите бумажку, а ужъ заплатить мнѣ нечѣмъ, не обезсудь.

— Никакихъ бумажекъ не нужно: твое дѣло на волостной судъ пойдетъ, словесное разбирательство...

— А какъ же, Самсонъ Львовичъ, насчетъ прошенія... прошеніе-то подать?—сконфуженно замѣтилъ Мартынычъ.

— Какое прошеніе... ничего не нужно. Говори: кого вызвать на судъ?

— Вызвать-то... Ужъ не знаю кого... Этого дѣла я не знаю: какъ твоей милости будетъ угодно, вамъ лучше знать...

— Да на кого же ты жалуешься-то?

— На свекровь, батюшка...

— Ну, вотъ ее, значитъ, и вызовемъ... А мужъ-то у тебя завсегда дома, или на сторону ходитъ?

— Онъ завсегда дома.

— Молодой, али старый?

— Нѣту, онъ молодой у меня...

— Къ нему, значитъ, претензіи не имѣешь... Да оно и видно... Вона!..—прибавилъ писарь, подмигивая Мартынычу и тыкая пальцемъ въ животъ Палагеи.

Digitized by Google

Мартынычъ ухмыльнулся такъ, что даже усы у него ощетинились. Палагея поняла, и не то сконфуженію, а какъ-бы отъ внутренней какой боли, опустила въ землю глаза.

— Не по здоровью бы по моему это... да человѣкъ подневольный, подъ закономъ живу... Мужу-то бы нужно жену-то, кажись, берегчи, а вотъ, выгнали, онъ слова не молвилъ, не вступился.

— Значитъ, и къ мужу претензію заявляешь. Ну, можно и мужа вызвать. Ты мнѣ теперь скажи, какъ ихъ зовутъ-то, и свекровь, и мужа: я запишу.

Палагея сказала.

— Ну, такъ вотъ чрезъ ту недѣлю въ воскресенье приходи—и судъ тебѣ будетъ... Слышишь: не въ это воскресенье, а въ то, еще черезъ недѣлю...

— А что же мнѣ теперь-то будетъ?

— А теперь ступай.

— Куда же мнѣ идти-то?—домой, вѣдь, не пуститъ свекровь-то.

— Ну, ужъ это твое дѣло: у меня про тебя квартиры не припасено... Какъ бы поздоровѣе была, да *безъ этого*, такъ я бы, пожалуй, на недѣльку взялъ... подержалъ бы и у себя... А то теперь что въ тебѣ толку-то...

Писарь опять лукаво и съ вызывающей улыбкой посмотрѣлъ на Мартыныча, но на этотъ разъ Мартынычъ не ухмыльнулся, а какъ-то стыдливо захлопалъ глазами и отвернулся въ сторону.

Палагея печально опустила голову.

— Такъ какъ же бы мнѣ старшину-то повидать?—спросила она.

— Старшину желаешь? А на что тебѣ онъ?

— Все бы я его попросила: можетъ, и взялся бы въ моей бѣдѣ.

— Проси,—съ усмѣшкой проговорилъ писарь.—Да развѣ онъ можетъ что безъ меня, нечто онъ въ законахъ, что ли, читаетъ?.. Развѣ у неграмотнаго мужика голова на плечахъ-то поставлена? Вотъ, возьми печной горшокъ, да надѣнь на него медаль—вотъ тебѣ и старшина... Я ей говорю: ея дѣло на волостной судъ слѣдуетъ, принимаю въ ней участіе, а она къ старшинѣ просится... Поди, поди къ старшинѣ, ступай... Дура... Чѣмъ бы благодарить, что участіе приняли... И ты хорошъ, Мартынычъ,—тоже вызывалъ, безпокоилъ, я съ ней время проводилъ, толковалъ тоже, а она вотъ какъ это чувствуетъ... Ну, ступай

Digitized by Google

къ старшинѣ, чортъ съ тобой, наплевать!.. Свиньи, дурачье неблагодарное!..

Самсонъ Львовичъ плюнулъ и разгнѣванный ушелъ отъ Палагеи въ свою квартиру. Мартынычъ насупился и, молча взявъ брошенный сапогъ, по прежнему усѣлся на приступкахъ крылечка и принялся за прежнюю работу.

— За что онъ осерчалъ на меня?—робко спросила его Палагея.

— А за то—не ходи горбато,—отвѣчалъ Мартынычъ, постукивая молоткомъ по сапогу.—Оттого, что дура: видишь, человѣкъ вышелъ, совѣтуетъ тебѣ; и въ самъ-дѣлѣ: ты не кума ему, не дѣтей ему съ тобой крестить—съ тобой растабарывать-то; такъ, чѣмъ бы слушаться его да благодарить: такъ, молъ, точно, такъ точно, покорнѣйше, молъ, благодаримъ за неоставленіе!—ты что?.. Къ старшинѣ желаю... Ну, и ступай, онъ тебя не держитъ, не препятствуетъ... Да разсудокъ-то изъ-за этого какой будетъ? Кто въ законахъ-то, и въ самъ-дѣлѣ, будетъ читать: онъ, али старшина неграмотный?.. Не то что въ вашемъ дѣлѣ, въ мужицкомъ, а и у насъ, въ полку: ужъ на что кажется?!. а тоже сначала идешь къ писарю... Коли онъ тебѣ поладилъ дѣло, ну, и пошло, какъ по маслу... А поди-ка, сунься мимо его, прямо къ начальству—ничего и не будетъ... Э-эхъ вы, глупый, глупый народъ, необразованный...

— Что же мнѣ теперь дѣлать-то, Мартынычъ, научи Христа-ради...

— Что дѣлать теперь... Иди коли ужъ на-удалую къ старшинѣ... На писаря теперь надѣяться нечего... Онъ у насъ такой: коли слушаешь его, благодаришь да кланяешься—и ничего, все для тебя сдѣлаетъ, а чуть заговорилъ, сталъ свое разсуждать, ну, и ступай вонъ, и шабашъ!.. И откуда въ немъ это?.. Кажись, кутья, вѣдь, а поди-жъ ты: ровно офицеръ себя содержитъ...

Мартынычъ оглянулся назадъ.

— Честно-благородно содержитъ себя,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Окромя вотъ, дѣвки да бабы молодыя: тѣхъ любитъ, сколь угодно... Будь ты не экая—и съ тобой бы не тотъ разговоръ пошелъ... Ну, да ужъ и врядъ ли, чтобы ребра у него не посчитали когда, либо полѣна отвѣдаетъ...

Рѣчь словоохотливаго Мартыныча была прервана звономъ колокольчика, который послышался изъ улицы села. Мартынычъ прислушался.

— Смотри, нашъ катитъ,—промолвилъ онъ.

— Кто?—спросила Палагея.

Digitized by Google

— Кто? Коли «нашъ», такъ значитъ старшина... Григорій Иванычъ... Онъ и есть... Вотъ, тебѣ и ходить, и ждать не надо: на твое счастье самъ, нежданый, ѣдетъ...

— Ну, вотъ, и слава тебѣ, Господи! Поворно благодарствую тебѣ, Мартынычъ...

Палагея повеселѣла и кланялась Мартынычу, благодаря его за неожиданный пріѣздъ старшины.

— Ничего, попроси его,—покровительственно говорилъ Мартынычъ:—можетъ, Богъ и дастъ: возьмется въ твоемъ дѣлѣ; съ нимъ иной разъ бываетъ это—вдругъ воззрится и примется поди ты какъ: и вызоветъ, и взыщетъ... и писаря не вонметъ ни во что... Съ нимъ это бываетъ: въ какой часъ попадешь... Попроси... ничего...

Изъ-за угла круто поворотила телѣжка, запряженная парой. На козлахъ, едва прилѣпясь, сидѣлъ молодой парень, въ одной рубашкѣ, въ низенькой шляпѣ съ павлинымъ перомъ. Онъ безпрестанно передергивалъ возжами и приподнималъ правую руку, показывая лошадямъ кнутъ. Маленькія лошаденки старались изъ всѣхъ силъ: коренная, наклоня внизъ голову и безпрестанно потряхивая ею, какъ-то заботливо и суетливо сѣменила ногами, а пристяжная скакала съ такимъ размахомъ, точно собиралась кувырнуться черезъ голову. Въ телѣжкѣ сидѣлъ тучный мужикъ, въ синей поддёвкѣ, въ высокой поярковой шляпѣ, подъ которой лоснилось на солнышкѣ красное, одутловатое лицо, обрамленное сѣдыми кудрями и бородой.

— Вишь ты, какъ катитъ,—проговорилъ Мартынычъ, вставая на ноги и откладывая въ сторону свою работу.

Палагея подвинулась къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Ладно ли, Григорій Иванычъ?—спросилъ ямщикъ, круто осаживая лошадей передъ самымъ крыльцомъ.

— Ладно, ничего...—отвѣчалъ старшина, вылѣзая изъ телѣги:—всю душу, чортъ, вытрясъ.

— Теперь у меня эти лошади... Боже ты мой!.. Куда угодно...—проговорилъ ямщикъ самодовольно, и, въ видѣ ласки, со всего размаху огрѣлъ кнутомъ обѣихъ.

Лошади рванули-было, но ямщикъ сильно осадилъ ихъ...

— Ну-у... Дыши смирно...

Онъ завилъ возжи за желѣзную ручку на передкѣ, ловко сосвочилъ и началъ поправлять сбрую на лошадяхъ.

— Милыя... Ну, раздышись маненько, пока живы... Дохни...—приговаривалъ онъ.—Послужимъ Григорію Иванычу.

Digitized by Google

— Гдѣ писарь? дома?—спрашивалъ между тѣмъ старшина, грузно опускаясь на ступеньки крыльца.

— Точно такъ, Григорій Иванычъ, при своемъ мѣстѣ,—отвѣчалъ Мартынычъ, вытянувшись по-военному.

— Что же онъ, али не слышитъ колокольчика-то... Позови его скорѣе сюда, ко мнѣ...

Писарь давно уже стоялъ у окна, выходящаго на улицу, и видѣлъ старшину, но, по чувству собственнаго достоинства, не хотѣлъ выходить къ нему на встрѣчу.

Мартынычъ ушелъ за писаремъ.

Палагея выступила впередъ, на глаза старшины.

— Ты что?—спросилъ онъ, отирая лицо платкомъ, который досталъ изъ шляпы.

— Къ твоей милости, Григорій Иванычъ, заставь за себя вѣчно Бога молить.

Палагея поклонилась старшинѣ въ ноги.

— Чего такого?—говори... Фу-у, жарища... Сказывай скорѣй: мнѣ некогда.

Палагея начала-было объяснять свое дѣло, но на крыльцо вышелъ писарь, и старшина, разсѣянно слушавшій ее, оборотился къ нему.

— Прошеніе подай, разберемъ...—сказалъ онъ мимоходомъ Палагеѣ.

— Жду, жду тебя, Самсонъ Львовичъ, а ты ровно не слышишь, что пріѣхалъ: колокольчикъ-то, чай, слышалъ?—продолжалъ онъ съ полу-упрекомъ, протягивая руку писарю.

— Бумаги готовилъ, углубился,—отвѣчалъ писарь.—Дѣловъ, сами знаете, сколько: мнѣ не бѣгать на каждый колокольчикъ.

— Ахъ, дѣловъ, дѣловъ, не говори-ка... Третьяго-дни становой проѣзжалъ черезъ насъ, остановился противъ дома, велѣлъ вызвать, а я спалъ: ругался, ругался, срамилъ, срамилъ, стращалъ всячески: зачѣмъ у тебя въ волости дороги неисправны, да недоимки много?.. Я говорю: ваше благородіе,—со сна-то ему говорю,—у меня дороги исправныя, я самъ завсегда по дорогамъ ѣзжу... Какъ онъ на меня, братецъ, завопилъ, загоготалъ: это, говоритъ, исправныя, подъ самой твоей деревней у меня лошадь сквозь мостъ оборвалась, ногу зашибла, вишь, говоритъ, ссадила... Коли, говоритъ, подо мной мостъ провалился, такъ что же подъ обывателями-то... Я-было ему насчетъ земства, что земскій мостъ: куда-те, и слушать не хочетъ, только хуже... А недоимокъ, говоритъ, на что накопилъ съ эстолько? Я говорю: ваше благородіе, недоимка не отъ меня: не платятъ, такъ ничего

Digitized by Google

не подѣлаешь. Я, говоритъ, тебѣ дамъ, ничего не подѣлаешь: пори, тебѣ власть... Я говорю: всѣхъ не перепорешь... Опять же я говорю, на то старосты общественные есть: пущай они бы старались... Старосты?!. А подъ чьей, говоритъ, рукой старосты. Да какъ онъ, братецъ, взялся: и почалъ, и почалъ... Съ тобой, говоритъ, такой-сякой, вотъ исправникъ поговоритъ, я ему донесу обо всемъ... Ты, говоритъ, думаешь—старшина, такъ ты и зазнался, думаешь, полиція ничего тебѣ сдѣлать не можетъ... А вотъ, погоди... Да сегодня, братецъ ты мой, только-что въ трактиръ было съ пріятелемъ зашелъ чаю напиться, только графинчикъ подали, по другой выпить не успѣли, шасть сотскій, отъ исправника, чтобы сей минутой въ городъ былъ, къ нему, ни мало не медля... безъ отлагательства... Вотъ и приказъ, прочитай...

Старшина подалъ писарю клочокъ сѣрой бумаги, сложенный вчетверо.

— Прочитай мнѣ вслухъ.

— «По полученіи сего,—читалъ писарь: — приказываю тебѣ немедленно сего числа явиться ко мнѣ для объясненія по дѣламъ службы, не терпящимъ отлагательства...»

— Вотъ, вишь ты, безъ отлагательства... Я и явился одинъ духомъ... въ ту-жъ минуту... Даже все бросилъ...

— Да, вотъ, и отъ посредника получено предписаніе: немедленно явиться къ нему...

— Къ посреднику?..

— Само собой, къ посреднику...

— Ахъ ты, Боже мой милосердый... Какъ же тутъ разорвешься: къ одному въ городъ за 50 верстъ, къ другому — въ сторону, въ имѣніе, за 20: вотъ и разорвись... Что же ты мнѣ, братецъ, посредника-то приказъ не прислалъ?

— Да и то хотѣлъ сейчасъ посылать: надо было разсмотрѣть; онъ съ книгами требуетъ...

— Вотъ тебѣ и два... Куда же ѣхать-то сначала, къ кому?..

— Это какъ сами знаете...

— Да чего знать-то? Я знаю, а ты посовѣтуй...

— Чего-жъ тутъ совѣтовать: посредникъ къ намъ ближе начальникъ, къ нему и надо сначала...

— Знаю, что ближе... Да вѣдь вонъ исправникъ-то съ нарочнымъ присылалъ, чтобы въ руки отдать... Посредникъ-то пишетъ ли, чтобы сего числа безъ отлагательства?

Digitized by Google

— Нѣтъ, этого не прописываетъ, а стало быть, что надо сейчасъ ѣхать... коли требуетъ немедленно...

— Ахъ ты, Создатель мой милостивый... Теперь исправникъ узнаетъ: былъ въ трактирѣ, за графиномъ сидѣлъ, въ руки приказъ принялъ, по дѣламъ службы, и вдругъ теперь не къ нему, а къ посреднику... Ну, что тутъ будетъ? Каша... не разхлебаешь послѣ... Вотъ наша служба... А вѣдь зачѣмъ зоветъ? Ругаться, ужъ знаю... Больше ничего... А вѣдь почемъ знать: можетъ, дѣло-то такое, что и уголовщина будетъ, коли не пріѣду: они знаютъ какъ подвести, особливо же теперь, въ сердцахъ... Ты мнѣ, Самсонъ Львовичъ, совѣтуй, по-дружески: какъ быть... У меня сердце закачалось... Къ своему не ѣхать—бѣда, ближній начальникъ; скажетъ: ты больше исправнику стараешься... Къ тому не ѣхать: она, полиція, большую вреду можетъ сдѣлать: за умыселъ, за ослушаніе сочтутъ, бунтъ выдумаютъ; опять же, говорятъ, вонъ наши, Степуринскіе, становому согрубили... И я-то тутъ, со сна, неправильно ему говорилъ... Ахъ ты, Боже мой... Просто бѣда... Что дѣлать-то?.. Какъ лучше-то?..

— Ужъ не знаю, какъ лучше: сами знаете...

— Да говори, братецъ, ты, чтой-то ты... Ты выведи меня изъ сомнѣнія... Ты по закону мнѣ скажи, какъ быть я долженъ теперь поступить, чтобы въ отвѣтъ не попасть... Слышь, у меня сердце зашлось... Научи, братецъ, по совѣсти...

— То-то и есть, Григорій Иванычъ! То ты гордыбачишься: по колокольчику тебя встрѣчай,—то научи тебя... Научить я всегда могу, а важности мнѣ твоей не нужно, потому у меня, у самого, ея довольно, по моему характеру, гордому... Вотъ, что...

—. Да ну тебя и съ гордостью-то твоей: тутъ не къ тому дѣло... Тебя по-дружески просятъ, для совѣта.

— А коли по-дружески, такъ я вотъ какъ тебя научу... Кто твое ближайшее начальство?.. Посредникъ! Прекрасное дѣло! Его и бойся, ему и служи... Полиція тебѣ тоже начальство — это самая правда, и законъ повелѣваетъ исполнять требованія полиціи безпрекословно—это правильно; но все-таки посредникъ для тебя всегда больше значитъ, и защиту ты отъ него можешь всегда получить, а на полицію тебѣ нечего надѣяться—никогда, потому она знаетъ, что мужикъ теперь ушелъ изъ полной ея воли, и за это всякое зло норовитъ сдѣлать мужику. Такъ вотъ ты это и соображай: поѣзжай къ посреднику и доложи, что такъ и такъ, получилъ приказъ отъ исправника, но не поѣхалъ, сочтя долгомъ предварительно исполнить приказаніе его, господина посредника... Явишься къ нему, и попроси, чтобы посредникъ всту-

Digitized by Google

пился за тебя, въ случаѣ какихъ нападковъ отъ г. исправника... Ужъ повѣрь ты мнѣ, вступится и защититъ, и въ обиду не дастъ: еще, пожалуй, и вовсе не отпуститъ тебя, а самъ напишетъ къ исправнику, что такъ какъ ты исполняешь его порученность, то какая можетъ быть въ тебѣ надобность, и зачѣмъ онъ тебя требовалъ къ себѣ... Это, по моему характеру, такъ даже можетъ быть очень пріятно и лестно: изъ-за тебя между начальства переписка и даже ссора можетъ пойти. Чудесное дѣло! И ужъ можешь быть покоенъ: посредникъ за тебя все равно что за себя будетъ стоять изъ одной амбиціи, чтобы исправнику не поддаться... Ну, понялъ ты теперь?..

— Понимаю я это все...

— Ну, такъ что же еще?..

— А не можетъ исправникъ, не взирая на посредника, а напротивъ его, напримѣръ...

— Что такое?

— А между прочимъ, подъ арестъ меня, али подъ штрафъ подвести...

— Коли посредникъ не вступится—можетъ, а коли посредникъ за тебя—ничего не подѣлаетъ...

— Такъ, значитъ, къ посреднику ѣхать... Такъ собирайся...

— Куда?

— А со мной, къ посреднику...

— Да зачѣмъ же мнѣ-то?.. Въ предписаніи насчетъ меня ничего не сказано.

— Все равно, на всякой случай: можетъ, потребуешься... Поѣдемъ пожалуйста, я тебя прошу... Опять же, братецъ, съ книгами велѣно... Какъ я безъ тебя стану: неравно что спросятъ насчетъ записей, ты, вѣдь, пишешь, не я... Непремѣнно поѣзжай...

— То-то вотъ вы, старшины, всѣ такъ: сами ступить не умѣете, все писарь... Какъ передъ начальствомъ какое отличіе, такъ онъ все сдѣлалъ, своей головой, а какъ отвѣтъ, такъ поди писарь отвѣчай...

— Ну, ну, полно, я ужъ за тебя, кажется, завсегда... Баба, ты чего ждешь?—обратился старшина къ Палагеѣ, чтобы замять разговоръ съ писаремъ.

— Да вотъ твоя милость приказалъ прошеніе-то мнѣ подать, а вонъ они говорятъ не надо... Можно, чу, и такъ...

Палагея указала на писаря.

— Да про какое прошеніе-то ты говоришь?

Digitized by Google

— А по моему-то дѣлу, что давеча-то, вотъ сейчасъ, тебѣ кланялась, просила...

— Такъ помнить, что-ли, я буду твое дѣло, о чемъ ты просила... Много васъ тутъ ходитъ... Напишешь прошеніе, такъ вотъ и увидимъ твое дѣло: Самсонъ Львовичъ вонъ разберетъ, мнѣ доложитъ...

— Такъ вѣдь они-жъ не пишутъ, чу, не надо... Такъ, чу, можно вызвать...

— Да если тебѣ г. старшина приказываетъ подать, такъ чего-жъ ты еще лѣзешь? — вмѣшался писарь.—Значитъ, нужно подать, и подай.

— Отцы родные, такъ кто же мнѣ напишетъ-то: писарька-то у меня такого нѣтъ, и заплатить мнѣ нечѣмъ, сама я не учена, не умѣю, твоя милость написать не изволишь...

— Да, вотъ есть мнѣ когда: всякая придетъ со своимъ вздоромъ, а я ей писать буду, у меня своего дѣла довольно...

— Такъ нельзя ли такъ-то, безо всякаго безъ письма... Войди ты въ мое дѣло, г. старшина, прошу я тебя божески...

— Приходи послѣ, теперь толковать мнѣ съ тобой некогда, ѣхать нужно. Собирайся, Самсонъ Львовичъ, да поѣдемъ. Николка, готовь лошадей-то!... Спишь, что-ли?

— У насъ лошади готовы завсегда... попоить бы вотъ только маненько, коли скоро поѣдемъ,—отвѣчалъ ямщикъ, приподнимаясь изъ телѣжки, въ которой онъ лежалъ.

— Ну, такъ напой скорѣе, да подавай. Сейчасъ поѣдемъ. Испить и мнѣ кваску: въ горлѣ, нѣчто, пересохло... Ну-ка, Мартынычъ, поди, промысли кружечку... А тамъ, *запасная*, есть?

— Есть еще, Григорій Иванычъ...

— Ну-ка, такъ притащи. Я въ присутствіе пойду... Для ободренія надо немножко... Пересмякъ я смерть съ этихъ дѣловъ, да и дорога не близкая... Выдохнусь, чай, до посредника?..

— Ну, какъ не выдохнуться, Григорій Иванычъ: все часа три проѣдете,—отвѣчалъ Мартынычъ.

— Да, надо... Усталъ ничто... Эхма, служба, служба наша: одна непріятность... Ты слушай, Мартынычъ, ты коли и закусочки промысли, хоть огурчиковъ что ли, али лучку... Луку, луку лучше: онъ отбиваетъ... Да и Николкѣ скажи, пускай и Николка войдетъ, я и ему поднесу...

— Слушаю, Григорій Иванычъ...

— Да-а...

Григорій Иванычъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Слышишь, Мартынычъ, я въ присутствіе пойду... Туда...

Digitized by Google

— Слышу, понимаю, Григорій Иванычъ... Сей минутой будемъ.

Мартынычъ куда-то ушелъ. Старшина съ новымъ зѣвкомъ поднялся съ приступковъ и направился къ дверямъ правленія.

— Что же, Григорій Иванычъ, мое-то дѣло?.. Съ чѣмъ же ты меня-то отпустишь?—спрашивала вслѣдъ ему Палагея.

— Вотъ, дура баба, сказано: прошеніе подай, разберемъ,— чего-жъ ты еще пристаешь? — осердясь оборотился къ ней старшина.

— Да, отецъ родной, возьмись ты такъ въ мое дѣло... Вѣдь совсѣмъ я изобижена... Послушай ты меня...

— Убирайся къ чорту, пошла... Вотъ нашла время: отъ дѣловъ не знаешь куда дѣваться, голова кругомъ, а я ее слушать стану... Пошла...

— Да вѣдь я, батюшка... — начала-было Палагея, но старшина не сталъ ее слушать, махнулъ съ сердцемъ рукой и затворилъ за собою дверь въ сѣни.

Палагея стояла нѣсколько времени около крыльца въ какомъ-то безсознательномъ, отупѣломъ состояніи, ничего не думая, не давая себѣ отчета о томъ, что съ нею происходило. Потомъ она почувствовала усталость, боль во всѣхъ членахъ, и невольно опустилась на траву возлѣ крыльца. Голодъ напомнилъ ей, что у нея за пазухой есть кусокъ пирога, которымъ ее ссудила попадья: почти также безсознательно она вытащила его и начала жевать. Она видѣла, какъ мимо ея пробѣжалъ на крыльцо Мартынычъ съ зеленымъ лукомъ подъ мышкой и съ караваемъ хлѣба въ рукахъ; видѣла, какъ онъ махнулъ Николкѣ, и тотъ, ласково ухмыльнувшись и крякнувши, проворно соскочилъ съ козелъ и, снявши шапку, почтительно, съ подобострастнымъ видомъ, входилъ на крыльцо и въ сѣни правленія, помялся нѣсколько времени у дверей, нѣсколько разъ кашлянулъ и быстро скрылся за дверями присутствія, откуда снова вышелъ веселый, довольный, съ огонькомъ въ глазахъ, отирая ротъ полою кафтана и крѣпко придерживая шапку локтемъ лѣвой руки, въ которой былъ кусокъ хлѣба и луковица. Палагея не думала о томъ, что видѣла.

— Что, и ты ись захотѣла? Проголодалась, значитъ! —проговорилъ Николка, проходя мимо ея къ лошадямъ. — Въ такерешнее время выпить да закусить — дорогого стоитъ... дороже ста рублей.

Палагея ничего ему не отвѣтила, даже почти не поняла, что онъ говорилъ. Также равнодушно и безучастно проводила она глазами старшину и писаря, которые чрезъ нѣсколько времени

Digitized by Google

вышли на крыльцо въ сопровожденіи Мартыныча, всѣ красные, улыбающіеся, сѣли въ телѣгу и уѣхали.

— Желаю здравія и всякаго благополучія, — проговорилъ Мартынычъ, подсадивши Григорія Иваныча въ телѣжку и прощаясь съ нимъ.

— Спасибо... А ты смотри же...—отвѣчалъ старшина.

— Насчетъ чего прикажете, Григорій Иванычъ?—съ какимъ-то восторженнымъ усердіемъ спрашивалъ Мартынычъ, вытягиваясь.

— Насчетъ... всего... Сторожи, старайся...

— Радъ стараться, Григорій Иванычъ...

— Ну то-то, смотри же, чтобы... Ну, пошелъ, Николка... къ посреднику.

Николка передернулъ возжами, взмахнулъ кнутомъ, и лошади понеслись; коренная снова затрясла головой и засѣменила ногами, пристяжная начала кувыркаться.

Мартынычъ неподвижно стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающимъ, пока телѣга скрылась за поворотомъ дороги; тогда онъ повернулся и съ меланхолическимъ, грустнымъ видомъ, точно тоскуя объ уѣхавшихъ, медленнымъ шагомъ сталъ подходить къ крыльцу. Онъ замѣтилъ Палагею и остановился.

— Ты что же, баба, будешь дѣлать теперь? — спросилъ онъ ее.

— Ась?

— Прогорѣло твое дѣло: не въ часъ пришла. Что, молъ, теперь дѣлать-то думаешь?

— Къ сестрицѣ пойду, посовѣтуюсь, а тамъ что̀ будетъ... Всѣ обидчики, ни у кого жалости нѣтъ... къ больному человѣку...

Палагея заплакала.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать съ тобой?.. А у тебя сестра есть?

— Есть, двуродная.

— Что-жъ, ступай... А опосля опять приходи, попадешь въ часъ, онъ разберетъ, не оставитъ.

— Не приду я къ вамъ: жалобиться на васъ пойду, къ посреднику, во всѣ суды пойду... Покуль ноги таскаютъ, буду ходить, суда на всѣхъ искать... Вотъ что...

Палагея съ усиліемъ приподнялась на ноги.

— Что-жъ, и слѣдуетъ: по начальству и иди, дойдешь до конца. Начальство должно взыскать, почему что̀... это его обязанность, а нашъ отвѣтъ. Это правильно... Иди, и я совѣтую...

Digitized by Google

Мнѣ что?.. Онъ хоть мнѣ и поднесъ, и душевно я чувствую это, а я завсегда за правду... Старшина ты — и долженъ разсудить, а нѣтъ, не принялъ — отвѣтишь, почему что... у насъ завсегда начальство есть... Ты мнѣ поднесъ, очень я благодаренъ, а я завсегда долженъ тебѣ сказать: старшина ты, хоть и мужикъ, ну, и разсуди... А она баба... непонимающая... Ее обидѣть можно завсегда... Ну, и иди, и иди, и я велю... Ищи суда, жалуйся...

Но Палагея давно уже не слушала Мартиныча и уходила вонъ изъ села.

X.

Сестра Секлетея жила одиноко, на сиротскомъ положеніи, въ собственной избушкѣ, за околицей деревни Мѣшково; но, несмотря на свое одиночество, на свое сиротство, была не послѣдній человѣкъ въ околоткѣ: знали далеко по деревнямъ и сосѣднимъ господскимъ усадьбамъ маленькую, черненькую, съ круглыми бѣгающими глазами Секлетею Софоровну, безъ умолку говорящую, все знающую, готовую на всякую послугу, какого бы рода она ни была. Знали ее крестьянскія дѣвки и горничныя господскихъ домовъ, желавшія скрыть тайну незаконной любви; знали ее молодые господа, скучающіе въ одиночествѣ, ищущіе столь свойственнаго юности развлеченія; знали ее и барыни и барышни, какъ мастерицу по части шитья гладью и расписыванія узоровъ на репутаціи добрыхъ знакомыхъ. Секлетея гордилась своей популярностью, доступомъ въ господскіе дома, знала себѣ цѣну, но по свойствамъ своего характера, черезчуръ подвижнаго и способнаго къ увлеченіямъ, не умѣла создать себѣ не только обезпеченнаго, но даже безбѣднаго существованія. Вѣчно въ хлопотахъ, на послугахъ, на побѣгушкахъ по чужимъ дѣламъ, она въ то же время была рабою собственнаго сердца, пылкаго и неугомоннаго, несмотря на то, что пережила уже бабій вѣкъ. Некрасивая и навязчивая, Секлетея съ ранняго дѣвства томилась неутолимою жаждою любви: нерѣдко она успѣвала завоевывать расположеніе мужчины, но не на долго, а еще чаще была бита и отвергаема. Столь желаемыя и усердно преслѣдуемыя узы брака и семейный очагъ не давались Секлетеѣ до тридцатилѣтняго возраста, когда она соединила себя этими узами съ больнымъ, глухимъ, старымъ кучеромъ своихъ господъ, который при освобожденіи крестьянъ остался за штатомъ, и долженъ былъ искать угла и пріюта. — У кучера, по слухамъ, во-

Digitized by Google

дились деньжонки, скопленныя насчетъ разныхъ пропавшихъ безъ вѣсти возжей, ремней и иныхъ принадлежностей господскаго выѣзда, а также насчетъ худыхъ, недокормленныхъ боковъ господскихъ лошадей. На эти деньжонки разсчитывала Секлетея, избирая отставного избитаго кучера вѣчнымъ спутникомъ своей жизни; этихъ денегъ дѣйствительно достало на постройку избушки за околицей деревни Мѣшково. Въ ней поселилась Секлетея съ своимъ мужемъ, но не долго наслаждалась семейнымъ счастіемъ: отставной кучеръ, обрадовавшись собственной теплой печи, нажитой съ такимъ трудомъ, залѣзъ на нее въ первый же день, какъ она затопилась, и не слѣзалъ цѣлыхъ три года, а затѣмъ отправился къ праотцамъ. Секлетея осталась сиротою, но полною хозяйкою и своего дома, и своего сердца.

Пылкій темпераментъ Секлетеи не мѣшалъ ей сочувствовать чужому горю: она радушно и съ искреннимъ участіемъ встрѣтила Палагею, когда та дотащилась до нея усталая, измученная дальней дорогой до послѣдней степени. Она уложила ее на печку, укутала, заварила въ жестяномъ кофейникѣ чаю и напоила больную. Разспросамъ, разумѣется, не было конца, а выслушавъ отъ Палагеи разсказъ о всѣхъ ея похожденіяхъ и просьбу не оставить и помочь, Секлетея возмутилась духомъ и не знала, на кого больше сердиться и кого больше бранить: злую ли свекровь Палагеи; тюфяка ли мужа ея, безчувственную дубину; франта ли писаря, кутью прокислую; старшину ли пьяницу, толстопузаго дурака, или саму Палагею, которая не умѣетъ за себя постоять и дается всякому въ обиду. Отъ расходившейся Секлетеи доставалось всѣмъ.

— И безпремѣнно къ посреднику, безпремѣнно,—заключила она.—У меня всѣ знакомы, я до всѣхъ дойду и тебя доведу. Вотъ, полежи денёкъ-другой у меня, раздышись маненько, да и пойдемъ. Умна, что ко мнѣ пришла, я тебя не оставлю, я всѣ дороги знаю. Къ посреднику-то, Филарету Иванычу, я довольно вхожа... Да, надо эту толсторожую животную, старшину, расписать ему: пущай онъ ему толстое-то брюхо порастрясетъ. Онъ потачки имъ не даетъ: я сама видала, какъ они у него потѣютъ; другого такъ намылитъ, ровно оглашенный выскочитъ, раздышаться не можетъ, ровно изъ бани, даромъ что въ медали. Это они такъ, въ приказахъ-то своихъ, важность на себя напускаютъ, а тутъ куда и прыть дѣнется. Какъ это можетъ статься: бабу изъ своего дома, отъ живого мужа, отъ родныхъ дѣтей выгнали. Этакого закона быть не можетъ, никто имъ этого не позволитъ. Взялъ жену, такъ корми. Вотъ у меня мужъ былъ

Digitized by Google

больной, три года на печи лежалъ, да и то я не вылила... А что я? баба... Земли у меня своей нѣтъ, на сиротскомъ положеніи живу, и то больного мужа прокормила... и схоронила... все путемъ-порядкомъ, какъ быть слѣдуетъ... А ужъ моего-то знали, каковъ былъ работникъ, много ли я отъ него корысти видѣла... Онъ дуракъ,—остолопъ, твой мужёнекъ-то, продолжала Секлетея: — не понимаетъ того, что кабы тебя поить да кормить какъ слѣдуетъ, да содержать въ порядкѣ, такъ ты бы была баба не по его мужицкому рылу, а можетъ быть и иной бы господинъ за счастіе почелъ... Знаю я этихъ дѣловъ довольно: иная вся-то гропъ стбитъ, ни кожи, ни рожи, не лучше насъ, грѣшныхъ, а какъ добиваются, какія бумажки бросаютъ... страсть!.. Они только-что, злодѣи, заморили тебя совсѣмъ, лишъ-то Божій съ тебя сняли... Помню я, какая ты въ дѣвкахъ-то была, а теперь, ну-ка, насилу и признала... Тогда-то я, дура, не сдогадалась, дала тебѣ замужъ выдти, думала: все лучше, своя изба, своя печка... А вотъ оно какъ лучше-то вышло: изъ своей-то избы помеломъ... Погоди-жъ ты, Агафья Дмитревна, я твой привѣтъ къ себѣ тоже помню, какъ ты меня угощала да привѣчала, какъ на праздники я приходила... И Палагеи мнѣ жалко: то же сестра двоюродная, да и за себя я съ тобой посчитаюсь, я тебѣ покажу себя, меня всѣ господа въ округѣ знаютъ, а тебя, корявую, и въ комнаты-то не пустятъ...

Лежа въ спокойномъ положеніи, на теплой печкѣ, согрѣтая изнутри горячимъ чаемъ, Палагея чувствовала себя почти въ блаженномъ состояніи: никакого воспоминанія о только-что пережитыхъ оскорбленіяхъ, обидахъ и физическихъ страданіяхъ, никакого озлобленія противъ своихъ обидчиковъ; какъ будто ничего больше и не нужно ей было, кромѣ этого тепла и спокойствія, точно никакого горя у нея не было ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ; сердитая воркотня Секлетеи не вызывала въ ней сочувствія: она равнодушно, безучастно полу-выслушивала ея брань и угрозы, обращенныя къ ея недругамъ, точно ей до нихъ никакого дѣла не было и все это ея не касалось; ее клонило ко сну, глаза невольно смыкались.

— Вотъ такъ бы все и лежать, больше бы ничего и не нужно...

Но вдругъ, почему-то, изъ всей длинной Секлетеиной рѣчи въ душу Палагеи точно насильно ворвались слова сестры объ ея прошлой, утраченной красотѣ, о непоправимой ошибкѣ замужства: отъ этихъ словъ почему-то защемило сердце Палагеи, ей сдѣлалось тошно и грустно, точно она сейчасъ только имѣла

Digitized by Google

что-то дорогое, и неожиданно, невозвратно потеряла его. Никогда, прежде, не думала она о своей красотѣ, никогда ей и въ голову не приходила мысль, что могла бы ей быть другая судьба, или иное замужство, болѣе удачное и счастливое; она не думала объ этомъ даже въ самыя горькія минуты жизни, когда страдала физически, или когда притѣсняла ее и обижала свекровь, или мужъ, по ея наущенью. И вотъ теперь, когда Палагея обо всемъ забыла и наслаждалась полнымъ физическимъ довольствомъ, вдругъ новая мысль ворвалась къ ней въ голову и болѣзненно, скорбно отозвалась въ сердцѣ.

— Да, была и я красива: не мало мнѣ о томъ говорили, не мало ко мнѣ приставали въ дѣвкахъ. Не соваться бы мнѣ зря замужъ, подождать бы, въ людяхъ пожить: можетъ быть, и другая бы судьба вышла. Не такой бы, можетъ, и мужъ попался, не такъ бы берегъ меня, не отдалъ бы подъ началъ свекрови, не билъ бы по ея приказу, не оставлялъ бы безъ куска хлѣба, безъ угла, ровно собаку, не такъ бы ласкалъ, не тычкомъ бы, молча, на постель клалъ... Не знаю я, горемычная, какъ мужья женъ любятъ, а ровно бы не такъ, какъ мой... Вонъ, дѣтей цѣлуешь, всякія слова прибираешь, и рукой погладишь, и у сердца бы все держалъ, прижималъ... Не видала я этого отъ моего Петра, не слыхала похвалы былой красотѣ своей, не слыхала словъ привѣтливыхъ, ласковыхъ; не злой онъ, а ровно деревянный, и жена-то у него словно лошадь какая: взялъ, заложилъ да поѣхалъ, а не везетъ, такъ тычкомъ, или кнутомъ ее. Да и у меня видно, нѣтъ къ нему жалости, ровно чужой. Сначала-то было его стыдно, послѣ привыкла, а тутъ ровно подневольная: противенъ даже иной разъ... а супротивничать не смѣешь... Только дѣтокъ, дѣтокъ однихъ жалко...

— Ну, ты теперь спи да отдыхай, вылеживайся — прервала ея думы Секлетея; — отдохнешь денька два-три, да и пойдемъ къ мировому.

Мировой посредникъ лѣтъ пятнадцать уже считался женихомъ въ трехъ сосѣднихъ уѣздахъ, въ которыхъ имѣлъ небольшія помѣстья и занималъ множество разныхъ должностей: въ одномъ мирового посредника, въ другомъ попечителя уѣздныхъ училищъ и гласнаго, въ третьемъ посредника по полюбовному размежеванію; былъ старшиной клуба въ городѣ, опекуномъ разныхъ, заброшенныхъ хозяевами и потонувшихъ въ недоимкахъ, помѣстій, числился предсѣдателемъ какого-то съѣзда, членомъ правленія какого-то мѣстнаго общества и пр. и пр. Говорунъ и

Digitized by Google

хлопотунъ, одержимый бѣсомъ дѣятельности, онъ не зналъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, безпрестанно разъѣзжалъ изъ уѣзда въ уѣздъ, зналъ именины всѣхъ помѣщиковъ и помѣщицъ своего района, и не пропускалъ ни однихъ; крестилъ дѣтей у хозяевъ постоялыхъ дворовъ, въ которыхъ приставалъ напиться чаю, или съѣсть яичницу по дорогѣ; дѣлалъ закупки въ городѣ по порученію деревенскихъ барышень, и былъ извѣстенъ знаніемъ и вкусомъ въ женскихъ костюмахъ; въ то же время онъ неустанно исполнялъ государственныя свои обязанности. Подъ именемъ Филарета Иваныча извѣстенъ онъ былъ между крестьянами и помѣщиками всего околотка, и никто не спрашивалъ фамиліи, когда произносилось это имя, зная о комъ идетъ рѣчь. Относительно крестьянъ онъ держалъ себя очень доступно, старался быть популярнымъ, любилъ разговаривать о крестьянскихъ нуждахъ, либеральничалъ, но возраженія и неповиновенія ненавидѣлъ, строго и нерѣдко собственноручно взыскивая за нихъ; со всѣми старался жить въ мирѣ, но крѣпко стоялъ за самостоятельность своихъ дѣйствій и не терпѣлъ вмѣшательства посторонней власти въ область своего вѣдѣнія; притомъ, по юркости своего характера, умѣлъ вмѣшаться въ каждую уѣздную сплетню, любилъ до страсти оффиціальную перебранку на бумагѣ, и потому часто ссорился съ уѣздными властями, и попадался въ такъ-называемыя уѣздныя исторіи.

Къ нему-то и вела Секлетея свою бѣдную сестру. Застать Филарета Иваныча дома было весьма трудно, но Секлетея шила на него рубашки, сообщала ему сплетни, сватала сосѣднихъ барышень, два раза передавала записки отъ одной помѣщицы-вдовы, вслѣдствіе этого была знакома со всей дворней мирового и надѣялась, что если она и не застанетъ дома самого барина, то найдетъ и привѣтъ, и совѣтъ, и даже гостепріимство у дворни. Но Филаретъ Иванычъ на счастье былъ дома. Онъ былъ сильно заинтересованъ только-что возникшею оффиціальною перепискою съ исправникомъ по поводу неявки къ послѣднему старшины Григорія Иванова, и съ злорадною улыбкою, съ жгучимъ наслажденіемъ строчилъ колкій отвѣтъ на бумагу исправника, подвергшаго старшину какому-то взысканію. Самъ Григорій Ивановъ въ подобострастной позѣ, со сложенными назади руками, съ опущенною головой, со смиреннымъ, обиженнымъ выраженіемъ лица стоялъ въ углу кабинета посредника и отъ времени до времени, скоса поглядывая на него, тяжело вздыхалъ.

— Ты не бойся, Григорій Иванычъ,—заговорилъ посредникъ, лихо расчеркиваясь подъ письмомъ, которое окончилъ:—я сказалъ

Digitized by Google

тебѣ, что не дамъ въ обиду не только тебя, но ни одного, послѣдняго изъ моихъ подчиненныхъ — и это вѣрно, будь въ этомъ покоенъ. Не только медаль съ тебя снять, или подъ судъ отдать, — исправнику не удастся ничего тебѣ сдѣлать... А на счетъ его крика, брани, угрозъ, хватанія тебя за медаль, которая тебѣ дана по волѣ самого Государя Императора, мы объ этомъ еще поговоримъ съ исправникомъ.

— На васъ только и надежда, Филаретъ Иванычъ. Безъ васъ мы ровно дѣти безъ отца, ровно сиротки.

— Ужъ это будь покоенъ. Вотъ я тутъ ему кое-что написалъ: пускай раскуситъ... Нынче не прежнее время... Полиція должна исполнять, а не умничать, и не распоряжаться...

— Онъ, г. исправникъ, говорилъ, что якобы онъ такой же намъ, старшинамъ, начальникъ, какъ и ваше высокоблагородіе, Филаретъ Иванычъ, и даже наиболѣе, какъ вы насчетъ только мірскихъ дѣловъ и по землѣ, а она по всѣмъ дѣламъ: и по дорогамъ, и по недоимкамъ, и насчетъ всякаго спокойствія и порядка... Кого же намъ будетъ слушаться, Филаретъ Иванычъ, если и ваше высокоблагородіе намъ начальникъ — это ужъ безо всякаго сумлѣнія, какъ, напримѣръ, и по Положенію, — а тутъ будто и г. исправникъ начальникъ, и г. становой — начальникъ, и всѣ будутъ начальники?.. Что-жъ намъ будетъ тогда дѣлать: вы одно изволите приказывать, а они совсѣмъ другое?.. Вы къ себѣ, примѣрно, приказываете явиться, потому мы за всякій часъ обвязаны и должны, а они къ себѣ требуютъ... Человѣку не разорваться... Какъ же такъ? Кому-жъ мы отданы, кто надъ нами поставленъ? Само собой, одинъ, г. посредникъ: къ нему мы и должны завсегда принадлежать... Вотъ мое разсужденіе. При этомъ при всемъ мы отъ вашего высокоблагородія довольны: вы и поучите, и взыщете, и на путь наставите, а отъ нихъ только одинъ взыскъ, брань и обида... Какъ же такъ?.. Мы къ вамъ все равно какъ къ отцу... Какъ прежде къ барину, такъ нынче къ вамъ... Вотъ я какъ правильно понимаю, Филаретъ Иванычъ, по-своему, по глупому, по-мужицкому...

— И совсѣмъ не глупо, и не по-мужицки, а совершенно согласно съ моими взглядами... какъ я всегда и толковалъ вамъ...

— За то-то насъ и обижаютъ, Филаретъ Иванычъ...

— Никто тебя не обидитъ, не безпокойся: я уже тебѣ сказалъ. Вотъ этотъ конвертъ взять и отправить къ исправнику съ нарочнымъ.

— Защитите, Филаретъ Иванычъ, если что: уморю, говоритъ, подъ арестомъ, посажу на недѣлю; просидишь — выпущу; только

Digitized by Google

отойдешь два шага, опять, говоритъ, въ темную, снова на недѣлю...

— Онъ это говорилъ?..

— Умереть на мѣстѣ — говорилъ: не осмѣлюсь солгать передъ вами...

— По закону никто ничего не можетъ сдѣлать тебѣ безъ меня... Это одни угрозы... А вотъ послушай, что я пишу исправнику насчетъ этихъ угрозъ...

Филаретъ Иванычъ вынимаетъ изъ конверта сложенную-было и приготовленную къ отправкѣ бумагу и вновь съ наслажденіемъ прочитываетъ про себя все сначала, отыскивая мѣсто, которымъ хотѣлъ подѣлиться со старшиною.

— А, вотъ оно: слушай... «Что же касается до угрозъ,— читаетъ онъ, — которыя вы изволили высказывать бухаловскому волостному старшинѣ, то на это я могу замѣтить, что власть, снабженная прерогативами, никогда не прибѣгаетъ къ угрозамъ, ибо угрозы не доказываютъ силы, не служатъ къ моральному исправленію и ничего не внушаютъ, кромѣ сомнѣнія относительно ихъ правильности, и тѣмъ возбуждая подчиненное лицо къ недоумѣнію и даже грубости, особенно если эти угрозы соединены съ нарушеніемъ закона и превышеніемъ власти, ибо всѣ взысканія, которымъ можетъ подлежать старшина, налагаются не иначе, какъ однимъ только мировымъ посредникомъ. Не считаю нужнымъ указывать въ подтвержденіе моихъ словъ на статью закона, полагая, что она вамъ, м. г., извѣстна, какъ должностному лицу, столь же хорошо, какъ и мнѣ». Вотъ видишь, какъ я ему пишу.

— Это такъ точно Филаретъ Иванычъ; все истинно вы такъ пишете: угрозы были... при писарѣ... А что намъ угрожать? мы люди темные: насъ напугать не долго... А мы свое начальство знаемъ: намъ данъ мировой посредникъ, мы это и должны чувствовать.. А что же намъ угрожать...

— А вотъ пишу далѣе, — продолжалъ посредникъ, увлекшись своимъ краснорѣчіемъ:— «я не могу дать вѣры жалобѣ, что будто бы ваши угрозы сопровождались дѣйствіемъ рукъ: хватаніемъ за медаль, хотя этому факту и были свидѣтели, ибо, полагаю, вамъ должно быть извѣстно, что медаль есть неприкосновенный знакъ, возлагаемый высшею властію на старшинъ, какъ доказательство ихъ званія и достоинства, и хватаніе его есть дѣйствіе въ нарушеніе достоинства, принадлежащаго званію должностного лица. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, я не могу исполнить вашего требованія о наложеніи взысканія на бухаловскаго волостного старшину за неисполненіе будто бы имъ поли-

Digitized by Google

цейскихъ распоряженій, состоящее главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не явился къ вамъ въ назначенный день, тогда какъ онъ въ этотъ же самый день находился по дѣламъ службы у меня; относительно же всей прочей служебной дѣятельности я, какъ ближайшій и непосредственный его начальникъ, всегда замѣчалъ съ его стороны усердіе и исполнительность»... Понялъ ты это, какъ я тебя аттестую?..

— Какъ же не понять, Филаретъ Иванычъ: истинно, что я готовъ завсегда всю душу положить по вашему приказу, и ужъ нѣтъ человѣка исправнѣе меня на счетъ всего...

— Ну, не очень-то, братъ, ты тоже не очень бахвалься... это, вѣдь, я только такъ, въ пику исправнику; а то я тебя хорошо знаю: ты тоже дуракъ, и пьяница не послѣдній, и лѣнтяй порядочный...

— Какъ это можно, Филаретъ Иванычъ... Я, кажется...

— Ну, да, да, ты со мной-то не очень разговаривай... Я не исправникъ... Я каждаго изъ васъ насквозь знаю: меня не проведешь... На-ка вотъ, возьми конвертъ, да убирайся: надоѣлъ...

Только-что старшина, послѣ низкихъ поклоновъ, бокомъ вышелъ изъ кабинета, въ него вошелъ лакей, который доложилъ Филарету Иванычу, что пришла Секлетея съ какой-то бабой жаловаться на этого самаго бухаловскаго старшину. Филаретъ Иванычъ велѣлъ задержать старшину и позвать Секлетею съ бабой.

— Ахъ-съ, Софоровна!.. Секлетея Софоровна, ну, что вы скажете?— обратился къ ней посредникъ въ шутливомъ тонѣ.

— Къ вамъ-съ, Филаретъ Иванычъ...

— Вижу-съ... Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?.. А рубашки-то послѣднія ты мнѣ плохо сшила.

— Не можетъ этого быть, Филаретъ Иванычъ: отъ всего моего усердія старалась.

— Да, старалась, а въ воротѣ узки и на груди топырятся.

— Вѣрно, изволили пополнѣть маненько: дай Богъ на здоровье... Это не вещь, Филаретъ Иванычъ, можно поправить, припустить; а насчетъ строчки-то изволили замѣтить, ужъ кажется, хоть на выставку сейчасъ...

— А рукава длинны скроила: вся манжетка вонъ изъ-подъ сюртука выглѣзаетъ...

— Для виду я это нарочно сдѣлала, Филаретъ Иванычъ, потому виду въ этомъ гораздо больше: вы полотно изволите носить тонкое, хорошее, вамъ манжетки на выпускъ не стыдно показать ни передъ какой барышней... И запонки у васъ золотыя на виду, превосходно!.. Это не какъ у прочихъ господъ, что въ домотканой холщевки рубашки шьютъ, чтобы только обмануть

Digitized by Google

сдѣлать, что бѣлье носятъ: надѣнетъ да и прячетъ, боится, чтобы много не выставилось...

— Такъ-то такъ, да ужъ очень мнутся въ дорогахъ, а вѣдь ты знаешь: я все въ разъѣздахъ... Пріѣдешь куда, посмотришь: и смялись, и загрязнились...

— Коли угодно, и это не вещь, и это можно сдѣлать короче, только-что я нарочно для вашего же вида старалась.

— Ну-съ, однако извольте говорить, какое ваше дѣло: мнѣ ѣхать пора.

— Вотъ, это сестричка моя: не родная, а двоюродная,—начала Секлетея, указывая на Палагею и, описавши яркими красками бѣдственное семейное положеніе сестрицы, принесла жалобу на невниманіе къ ея просьбѣ старшины, и просила защиты и покровительства посредника.

— И какая она была красавица въ дѣвкахъ, еслибы вы могли только предвидѣть, Филаретъ Иванычъ, — заключила Секлетея; а вотъ что съ ней сдѣлали мужицкая-то нужда, да свекровь-матушка: въ гробъ баба смотритъ...

— Такъ ты чего же хочешь,—обратился Филаретъ Иванычъ къ Палагеѣ:—чтобы тебя опять мужъ взялъ къ себѣ?

— Куда же мнѣ, батюшка, дѣться: я человѣкъ безродный, болящій...

— Да, вѣдь, тебя свекровь опять тиранить будетъ...

— По крайности я хошь при дѣтяхъ буду, хошь смотрѣть за нихъ стану: и умирать стану, такъ на моихъ глазахъ они будутъ.

— Опять же на васъ надежда, Филаретъ Иванычъ; прикажете постращать свекровь-то, да и мужа, такъ можетъ и побоятся васъ, и тиранить не будутъ...—подсказала Секлетея.

Филаретъ Иванычъ велѣлъ позвать старшину.

— Ты знаешь эту бабу?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, ровно не вдомёкъ, Филаретъ Иванычъ.

— Да, вѣдь, она къ тебѣ приходила дня три-четыре назадъ, жаловалась на свекровь и мужа, что изъ дома выгнали...

— А, такъ точно, запамятовалъ, приходила: много, вѣдь, ихъ ходятъ, вдругъ-то не призналъ.

— Что же ты, какое сдѣлалъ распоряженіе по ея просьбѣ?..

— А что я?.. Какъ я тебѣ, бабка?.. Что я сказалъ?.. Кажись, я всякое ублаготвореніе тебѣ сдѣлалъ?..

— Вы прошеніе велѣли подать, а на словахъ и слушать не хотѣли,—вмѣшалась Секлетея.

— Это вѣрно, Филаретъ Иванычъ; прошеніе, я говорю, подай, потому мы сейчасъ въ книгу, а потомъ и судъ, и разборъ,

Digitized by Google

чтобы все въ порядкѣ... Я такъ и ублаготворилъ ее: я говорю, прошеніе, бабочка, подай, потомъ я тебѣ всякой разборъ и защиту сдѣлаю...

— Это кому же прошеніе-то подавать?—вскипѣлъ Филаретъ Иванычъ:—тебѣ, что-ли? Ахъ ты, рыло дурацкое!.. Онъ прошенія приказываетъ себѣ подавать... Да какъ ты это смѣешь выдумывать? Чѣмъ ты, какимъ мѣстомъ, прошенія-то будешь читать?.. Вѣдь, ты аза не смыслишь въ грамотѣ, а тоже, видишь ты, чиновника изъ себя разыгрываетъ: прошеніе ему подай...

— Я не для того, Филаретъ Иванычъ, а бываетъ на волостной судъ дѣло идетъ...

— Такъ что же? Какіе у васъ тамъ грамотѣи судятъ: тѣ же неграмотные мужичье, какъ и ты.

— Потому въ книгу приказано заносить...

— Такъ рѣшенія, дуракъ, рѣшенія, а все разбирательство—словесное и по словесной жалобѣ начинается... Сколько разъ говорено было... Это писаришка твой выдумываетъ, а ты, дуракъ, потакаешь... Смотри у меня... чтобы этого впередъ не было... Какъ кто пришелъ съ жалобой, или съ просьбой, сейчасъ разбирать... И никакихъ прошеній... Слышишь!..

— Слушаю, Филаретъ Иванычъ... Какъ прикажете, такъ и будемъ подражать.

— Да, такъ и подражай... А насчетъ этой женщины вотъ тебѣ мое приказаніе: тотчасъ, какъ пріѣдешь домой, вызвать ея мужа и свекровь и сказать моимъ именемъ, чтобы онѣ не смѣли ее выгонять и обижать, а держали бы какъ слѣдуетъ больного человѣка... Слышишь?..

— Слушаю, Филаретъ Иванычъ... А если не послушается старуха-то: не приметъ?

— Какъ смѣетъ не послушаться: моимъ именемъ скажи, пригрози... А то волостной судъ собери, пускай судъ разберетъ... Да въ наказаніе тебѣ за то, что она вотъ должна была идти сюда ко мнѣ жаловаться на тебя, возьми ее теперь же съ собой и на своихъ лошадяхъ довези прямо до ея избы и водвори тамъ: этакъ-то будетъ короче и ей покойнѣе... Слышишь...

Григорій Иванычъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу.

— Что молчишь, или не слышишь, что говорю?..

— Слышу, Филаретъ Иванычъ... Не бойко бы имъ было, не растрясти бы по ихней болѣзни...

— Ничего, а ты потише поѣзжай, поосторожнѣе... не молодцуй... Ну, ступайте... Прощай Софоровна, мнѣ ѣхать пора.

Digitized by Google

Секлетея, послѣ многочисленныхъ благодарностей, съ торжествомъ вышла вслѣдъ за старшиной, въ сопровожденіи Палаги.

Лошади ожидали старшину за воротами. Не оборачиваясь, сердитый, недовольный, онъ подошелъ къ телѣгѣ и сѣлъ въ нее. Ямщикъ хотѣлъ-было тронуть лошадей, но старшина сурово остановилъ его.

— Стой, — прикрикнулъ онъ на ямщика. — Вотъ чортова служба... Надоѣли, окаянные... Не дотянешь, кажись, до конца срока... Ну что еще, ждать я тебя буду, что-ли?—сердито обратился онъ къ Палагеѣ, которая стояла не вдалекѣ съ Секлетеей, обнималась, благодарила и прощалась съ нею. Полѣзай, что-ли... Вишь, какіе законы пошли: еще непріятности изъ-за нихъ примай, да возись съ ними... Вишь, потаскуха, за сколько верстъ спроворила, прибѣжала, а еще, говоритъ, больна, мочи нѣтъ...

— Чтой-то это, Григорій Иванычъ: неужто и эту съ собой посадите... Далеко ли эку барыню везти-то?..—спросилъ ямщикъ.

— Молчи, не твое дѣло... Садись, говорятъ, что-ли... Вваливайся... Эхъ, чортова кукла...

— Да, я, пожалуй, г. старшина, и пѣшкомъ добреду помаленьку: поѣзжайте себѣ съ Богомъ, только не оставьте меня...

— Къ чему-то это ты пѣшкомъ пойдешь, когда самъ Филаретъ Иванычъ приказалъ старшинѣ подвезти тебя до самаго дома, да еще и ѣхать тише, да осторожнѣе, по болѣзни твоей... Садись, садись, ничего...—говорила Секлетея.—А ты пододвинься, батька... Что разсѣлся на всю телѣгу: подожми пузо-то, тебѣ не родить... Вишь ты, больно вы важны, какъ не на глазахъ у барина-то; да Филаретъ Иванычъ, дай Богъ ему здоровья, умѣетъ вашу братью сокращать... Садись, Палаша, не взирай на него... Вотъ, г. старшина, хоть вы и начальство, и старшина, а и намъ, бабамъ, почтеніе должны оказать... Смотри же ты у меня, не больно тряси, осторожнѣй поѣзжай, а то Филарету Иванычу отвѣтишь... Ну, ловко ли сидѣть-то, Палаша?

— Ловко, ловко, сестрица.

— Ну, прощай, Богъ съ тобой, а коли что, приходи опять: небось, въ обиду не дамъ, завсегда заступлюсь. Ну, прощайте, г. старшина, да и впередъ помни Секлетею Софоровну... Ну, трогай, братъ, поѣзжай съ Богомъ,—обратилась она къ ямщику, который съ застывшей на губахъ насмѣшливой улыбкой и съ изумленіемъ, полу-оборотясь, смотрѣлъ на эту сцену. Григорій Иванычъ сидѣлъ совсѣмъ отворотясь въ сторону и молчалъ, сердито пыхтя.

Лошади тронулись легкой рысцой.

Ал. Потѣхинъ.

Digitized by Google

СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ

и

ИХЪ АРХИТЕКТУРА

Европа испытываетъ въ настоящую минуту такой періодъ всеобщей ломки и перемѣнъ въ отношеніи архитектуры, на какой трудно было бы указать во всѣ предыдущія эпохи. Пожары и разрушенія, быстрое увеличеніе народонаселенія и связанное съ тѣмъ разростаніе городовъ, пришедшія въ ветхость зданія, требующія замѣны—все это причины, которыя всегда существовали, и, конечно, въ наше время оказываютъ не больше вліянія, чѣмъ въ предыдущія времена. Архитектурныя *моды* тоже не играютъ тутъ первенствующей роли. Правда, онѣ стали капризнѣе въ наше время, онѣ измѣняются быстрѣе и чаще прежняго. Если взглянуть на ходъ архитектуры съ начала нынѣшняго столѣтія, мы замѣтимъ, что тутъ было перепробовано множество модъ и стилей въ такое короткое время, какъ это никогда прежде не случалось. Сначала продолжалось царство лже-классицизма, завѣщанное еще XVIII-мъ вѣкомъ; его смѣнила мода на готику и средневѣковой стиль, потомъ пришелъ чередъ стилю возрожденія, потомъ стилямъ Людовика XV, Людовика XVI—и все это въ теченіе какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ. Когда, въ какія времена, такъ часто чередовались стили и вытѣснялись одинъ другимъ? Въ прежнія столѣтія, извѣстный стиль, извѣстный архитектурный складъ, разъ водворившись, пускалъ сильные и глубокіе корни надолго, водворялся крѣпко и прочно, и уступалъ мѣсто другому,

Digitized by Google

новому, не раньше, какъ лѣтъ чрезъ 100. Въ наше время, напротивъ, довольно 30-ти, 20-ти, даже 10-ти лѣтъ для того, чтобы тотъ или другой стиль архитектурный надоѣлъ и показался скученъ. Все это такъ, и однако же нельзя приписывать одной только измѣнчивости и нетерпѣливой подвижности вкуса тѣ перевороты, какіе на нашихъ глазахъ совершаются въ архитектурѣ всѣхъ европейскихъ странъ. Дѣло идетъ на этотъ разъ уже не объ однѣхъ эстетическихъ прихотяхъ и затѣяхъ. Причины измѣненій лежатъ гораздо глубже и покоятся на основаніяхъ несравненно болѣе важныхъ.

Дѣло въ томъ, что европеецъ новаго времени рѣшился, наконецъ, подумать о томъ, о чемъ слишкомъ давно не думалъ: а именно, что онъ со своею семьею живетъ прескверно, пребезобразно и пренеудобно. Прежде онъ какъ-то мирился со всѣмъ этимъ, какъ-то не замѣчалъ, а если даже и замѣчалъ, то скоро успокоивался, подумавъ, что давно уже такъ вездѣ ведется, значитъ, нечего понапрасну горячиться и хлопотать. Болѣе или менѣе торжественныя зданія, созданныя по всѣмъ правиламъ признаннаго оффиціальнаго искусства, церкви, дворцы, вообще всякія парадныя постройки, отводили глаза его и заставляли забывать слишкомъ неудовлетворительную обстановку его собственной, частной жизни. Нынѣче, въ нашемъ столѣтіи, мысль сдѣлалась смѣлѣе и рѣшительнѣе: она стала, наконецъ, затрогивать и общественныя дѣла, и жизненныя условія частнаго человѣка, и сразу замѣтила, что все это идетъ плохо, и что пора, въ самомъ дѣлѣ, добиваться чего-нибудь лучшаго.

Въ нынѣшней Европѣ отъ мысли до дѣла—всего одинъ шагъ. Довольно было пробудиться сознанію, что существующее слишкомъ неудовлетворительно—и разомъ на всѣхъ пунктахъ закипѣла работа. Возникла вдругъ такая многочисленная литература съ нападками на несовершенства городовъ и частныхъ домовъ, какой нельзя набрать за цѣлыхъ нѣсколько столѣтій прежнихъ эпохъ. Наше время увидѣло даже одного главу государства, Наполеона III, который, чувствуя себя нетвердымъ на захваченномъ престолѣ, призналъ однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ для поправленія своей популярности—подчиниться общему голосу и указанію, и перестроить Парижъ (соблюдая при этомъ, конечно, тоже и свои финансовыя и стратегическія соображенія). Перестройка цѣлаго города, цѣлой столицы за-разъ—когда это видано было прежде? Но то, что въ одномъ углу Франціи дѣлалось по приказанію правительства и однимъ разомъ, то въ другихъ мѣстахъ шло по почину частныхъ лицъ, самого

Digitized by Google

общества. Недовольство раздавалось слишкомъ уже громко, быстро перебрасывалось отъ одного другому, распространялось на всѣ массы. Скажите, что такое, если не выраженіе недовольства и протеста противъ города и дома—это всеобщее переселеніе за городъ и въ чужіе края, начинающееся теперь каждою весной во всѣхъ краяхъ Европы? При первой возможности всѣ бѣгутъ вонъ оттуда, гдѣ заперты необходимостью въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ; всѣ хлопочутъ какъ-бы поскорѣе избавиться отъ пыли, жары и вѣчнаго грома, отъ тоскливой правильности и надоѣдающей монотонности, отъ казенныхъ формъ и безконечныхъ неудобствъ всякаго рода, начиная съ лѣстницы и кончая сквозными вѣтрами и горѣлымъ воздухомъ. Дача и путешествія, прежнія привилегіи знати и богачей, сдѣлались теперь потребностію и привычкою массы, пользованіе ими разливается на цѣлое общество все болѣе и болѣе широкой волной. Что же они выражаютъ, какъ не то, что города наши невозможны, дома—отвратительны и невыносимы, житье и въ тѣхъ, и другихъ—такое зло, которому можно лишь подчиняться, скрѣпя сердце, пока не найдено чего-нибудь болѣе сноснаго и резоннаго.

Вотъ, это-то «болѣе сносное и резонное» и есть искомая величина, задача множества лучшихъ, пытливѣйшихъ умовъ. Пробы, эксперименты совершаются на всѣхъ пунктахъ, старое ломается и выбрасывается за бортъ, новое испытывается на сто разныхъ манеровъ, въ каждомъ мѣстѣ по-своему; потому что, разумѣется, въ каждомъ мѣстѣ есть свои недочеты, свои недостатки, иные чѣмъ у другихъ, близкихъ и дальнихъ сосѣдей. И вотъ, именно эти-то безконечныя пробы, упорные эксперименты и являются тою причиною, которая поставила всю нынѣшнюю европейскую архитектуру вверхъ дномъ, наполнила города шумомъ лопатъ и молотовъ, густою чащею строительныхъ лѣсовъ, визгомъ блоковъ, туманами кирпичной пыли, кварталами заборовъ. Всюду идетъ кройка и примѣрка. На помощь возбужденной мысли подоспѣли громадныя открытія новой техники, прежде невѣдомое умѣнье владѣть матеріалами—и все это вмѣстѣ дѣлаетъ то, что города получаютъ мало-по-малу новый видъ и характеръ, дома ихъ являются съ новыми формами и устройствомъ. Наше поколѣніе навѣрное передастъ будущему поколѣнію, своему наслѣднику, Европу съ такою архитектурною физіономіею, какой у ней прежде никогда не бывало, и которая будетъ свидѣтельствовать уже не объ одной художественной изобрѣтательности и фантазіи нашихъ художниковъ, но также и о сознанныхъ, наконецъ, разнообразныхъ житейскихъ потребностяхъ нынѣшняго европейца, и о томъ,

Digitized by Google

какъ нынѣшній художникъ долженъ былъ и насколько умѣлъ съ ними справляться.

Въ послѣднія 15—20 лѣтъ мнѣ нѣсколько разъ случалось путешествовать по Европѣ. Я былъ пораженъ совершающимся во всѣхъ главныхъ центрахъ архитектурнымъ движеніемъ, я старался выяснить себѣ причины и результаты его, и теперь думаю изложить, въ краткихъ чертахъ, взглядъ мой на этотъ, конечно, любопытный предметъ.

I.

Я начну свой обзоръ съ Англіи, потому что, по моему мнѣнію, въ этой странѣ новое движеніе сказалось съ особенною силою и оригинальностью.

Какъ извѣстно, въ Лондонѣ теперь насчитываютъ до 4 милліоновъ жителей и до 400,000 домовъ. Долгіе вѣка и поколѣнія создали эти громадныя цифры; значитъ, какую же массу тутъ встрѣтимъ массу наслоеній всякаго рода, идущихъ изъ разнообразнѣйшихъ періодовъ англійской исторіи, какое присутствіе разнообразнѣйшихъ вкусовъ, хорошихъ и дурныхъ качествъ, какую массу таланта и бездарности, разума и нелѣпости. А если вспомнить вѣчный консерватизмъ англичанъ и слѣпую страсть ихъ упрямо беречь все старое *свое*, каково бы оно ни было, легко представить себѣ, какая пестрая мозаика должна царствовать въ предѣлахъ гигантской англійской столицы. Всѣ періоды всѣ царствованія покинули тутъ остатки своихъ старинныхъ гнѣздъ и жилищъ, начиная съ глубокихъ среднихъ вѣковъ. Передъ вами словно раковинки изъ обнажившихся слоевъ земныхъ и изъ горныхъ породъ, свидѣтельствующія о давнопрошедшей жизни и давнопрошедшихъ поколѣніяхъ, тутъ смѣнявшихся. Римскія башни, стѣны и бани, норманскіе замки, храмы изъ временъ Плантагенетовъ и Ланкастеровъ, дворцы и капеллы Тюдоровъ и Стюартовъ, биржи, церкви, дома, театры, школы и тюрьмы прошлаго столѣтія; дебаркадеры, рынки, музеи и клубы нынѣшняго — все это перемѣшано и стоитъ рядомъ въ Лондонѣ, какимъ-то чуднымъ столпотвореніемъ вавилонскимъ. Но сквозь весь этотъ хаосъ формъ и вкусовъ, сквозь весь нескладный и спутанный оркестръ весьма рѣзко звенитъ одна нота, мрачная и печальная нота: это нота пуританства, прорѣзавшаяся впервые уже цѣлыхъ два столѣтія назадъ и до сихъ поръ все покрывающая

Digitized by Google

въ Англіи своимъ трауромъ и скукой. Въ томъ числѣ громко она звучитъ и въ архитектурѣ.

Европа всего прошлаго столѣтія и доброй половины нынѣшняго вѣчно жаловалась на Лондонъ, какъ на городъ мертвый и нестерпимый въ его внѣшнемъ обликѣ, городъ насупленныхъ фасадовъ и кирпичныхъ голыхъ стѣнъ, затянутыхъ мрачною дымкою копоти. Но не одни англійскіе туманы, не одни испаренія англійскаго каменнаго угля придали этому городу тотъ нестерпимый видъ, который съ первой же минуты поражаетъ и отталкиваетъ. Что такое антипатичные краски и цвѣта въ сравненіи съ антипатичными формами? А формы лондонскихъ домовъ были продиктованы тою сектаторскою мыслью, тѣмъ ханжествомъ и ложнымъ благочестіемъ, которое считало попираніе ногами всего человѣчнаго и жизненнаго—заслугою, все веселое и свѣтлое — преступленіемъ, деревянность и прозу—торжествомъ. Богъ знаетъ почему, пуританство было глубокою потребностью англичанина,— но осталось на немъ зіяющею раною даже и тогда, когда пуритане давнымъ-давно исчезли съ лица земли. Оно отравляло Англію в теченіе всего XVII и XVIII вѣка, продолжаетъ отравлять ее в нѣкоторой степени еще и нынѣче, и это во всѣхъ отправленіяхъ жизни, во всѣхъ процессахъ внѣшняго и внутренняго быта. Посмотрите на англичанина прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія—что наложило на него особенную, неизгладимую печать, что отдѣлило его непроходимыми стѣнами отъ остальныхъ европейцевъ? Его проза и замкнутость, его шершавая необщительность, его презрѣніе и непониманіе художественной формы въ чемъ бы то ни было на свѣтѣ, его узкое служеніе одной выгодѣ и барышу. Такова была всегда и англійская архитектура,— злая, жидкая, безсердечная, какъ огня боящаяся всякаго изящества и привлекательности, — истинная сухая и черствая пуританка! Посмотрите на картины и рисунки XVIII-го вѣка: уже и тогда была въ полномъ ходу и въ полной силѣ та самая архитектура, которая придаетъ такой безотрадный видъ нынѣшнему Лондону. Вспомните хоть сцены и каррикатуры Гогарта. Онѣ сильно во всемъ преувеличены, какъ всегда рѣчь реформирующаго реалиста, онѣ часто умышленно искажаютъ множество предметовъ; но онѣ вѣрно передаютъ костюмъ и жилище: на каждомъ шагу вы встрѣтите тѣ самые несносные дома, которыхъ безконечныя массы и до сихъ поръ наполняютъ всѣ концы англійской столицы. Это не что иное, какъ правильные кубики, поставленные стоймя, высокіе и узенькіе, дающіе помѣщеніе всего только двумъ-тремъ окнамъ въ рядъ; стѣны сложены изъ чернаго

Digitized by Google

или бураго кирпича, такъ и оставшагося на-голо́ безъ всякой штукатурки и окраски; ни малѣйшаго нигдѣ украшенія, нигдѣ ни единой веселой линіи или краски; ни малѣйшаго признака крыши не видно вверху, она спрятана безконечною линіею домовъ; одни только глиняные цилиндры дымовыхъ трубъ торчатъ вверхъ рядами, словно растопыренные пальцы. Окна отъ низу до верху все одни и тѣ же, будто протиснуты какою-то одною и тою же повсюду врѣзавшеюся машиною: ни одно окно не можетъ открываться цѣликомъ, оно состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ нижняя поднимается вверхъ и опускается какъ гильотина, или какъ подъёмная дверь средневѣковой башни. Внизу, посерединѣ, входная дверь, такая же мертвая съ виду, и вдобавокъ вѣчно запертая на замокъ. Вообще, что́ такое этотъ англійскій домъ?—Это не что иное, какъ домъ средневѣкового горожанина, еще совершенная крѣпостца, которая недовѣрчиво ёжится и топорщится противъ вѣчно ожидаемаго непріятеля, противъ вѣчнаго нашествія, и потому скупа на окна и двери, пробиваетъ ихъ у себя на внѣшней стѣнѣ, какъ можно меньше и рѣже. Но у среднихъ вѣковъ, по мѣрѣ разростанія городовъ, сталъ наконецъ проходить страхъ предъ непріятелемъ, и творческая фантазія, оригинальный художественный складъ ума этой эпохи одѣлъ прежнюю унылую крѣпостцу такою жизнью и живописностью, которая заставила скоро забыть прежній суровый скелетъ. Пуританскія времена, напротивъ, жадно схватились снова за древнюю крѣпостцу, отрѣзали прочь всю ея позднѣйшую живописность, всю ея красоту и миловидность, эти нависшія далеко впередъ острыя верхія кровли, выступающіе капризно балконы и цѣлыя части строенія, сквозныя галерейки на аркахъ, все разнообразіе неправильно разставленныхъ оконъ и дверей, все изящество оригинальной орнаментистики, всю красоту разноцвѣтности, и удержали одну ея неприступный видъ, печальную замкнутость и безотрадную угрюмость. У англичанина XVII или XVIII вѣка время проходило между лавкой, или мастерской, и семейной монотонной комнатой, гдѣ читалась библія и двери вѣчно были на запорѣ. Малѣйшая художественная черточка была ему ненужна или враждебна. Онъ жилъ одиноко; весь складъ его жизни былъ тощъ, сухъ и одноо́бразенъ, какъ часовой маятникъ; куда же ему годилась, на что ему могла понадобиться веселость, приглядность жилья, да отъ куда ему было и взять красивость формъ, когда у него не было никакой веселости въ груди, внутри духа его?

Но подъ конецъ второй четверти нынѣшняго столѣтія, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ наступила однакоже крупная перемѣна

Англійскіе нравы, англійскій образъ жизни стали измѣняться. Европейское вліяніе стало, наконецъ, чувствительно и въ Англіи. Саксонско-пуританское удаленіе отъ всего чужого начало сглаживаться и исчезать; сначала рѣдкимъ приливомъ, потомъ все чаще и чаще стала вливаться европейская волна въ англійскую жизнь—и все пошло мѣняться. Не только костюмъ, даже самый типъ англичанина началъ становиться другимъ. Гдѣ теперь увидишь прежняго чудака, посмѣшище всѣхъ водевилей и каррикатуръ, въ вѣчномъ длинноломъ фракѣ, или гороховомъ сюртукѣ, со шляпою на затылкѣ, съ рыжими гладко выстриженными волосами, съ бритой бородой и усами, съ руками въ карманахъ и грубою надменною рѣчью на устахъ? Гдѣ увидишь прежнюю миссъ и лэди, чопорную и высохшую, плоскую какъ доска, съ длинными, выпятившимися изо-рта, зубами, съ тирбушонами на вискахъ и въ смѣшномъ, пестромъ и безвкусномъ костюмѣ? Все это исчезло и слушевалось. Европа прошла наконецъ своею мощною рукою надъ Англіею, засыпала дикія чудачества и безобразныя каррикатурности, и, вмѣсто нихъ, водворила свои смягченныя, общечеловѣческія формы. Англичанинъ сталъ ходить и говорить какъ всѣ, надѣлъ общее европейское платье, отпустилъ бороду, спряталъ клыки, и—что всего изумительнѣе—сдѣлался сообщителенъ и разговорчивъ. Ему стала невыносима затворническая, засушенная и узкая домашняя жизнь, онъ сталъ искать общества и собраній, захотѣлъ выходить изъ дома и быть съ другими — даже въ воскресенье, и тогда все вокругъ него стало быстро мѣняться. Прежде всего получили общій европейскій видъ, —веселый, свѣтлый и открытый,—лавки и магазины, превратившіеся въ сквозныя громадныя стеклянныя клѣтки, открытыя для всѣхъ взоровъ еще съ улицы и придавшія вдругъ совершенно новый видъ и физіономію всему нижнему этажу Лондона. Онъ наполнился вдругъ блескомъ, цвѣтистостью; мрачныя стѣны исчезли здѣсь, уступивъ мѣсто непрерывнымъ рядамъ колоссальныхъ зеркальныхъ стеколъ въ золоченыхъ рамахъ, и изъ-за нихъ глядѣла играющая пестрота и веселая разноцвѣтность безчисленныхъ товаровъ, наваленныхъ горами. Верхніе этажи тоже принарядились сначала пышными вывѣсками, изъ-за которыхъ не стало видно чернѣющихъ кирпичей стѣны; потомъ, гостинницы и отели, наполнившіе Лондонъ, распахнули двери и стали внутри прилаживаться и устроиваться по европейскому образцу, заблестѣли роскошью и элегантностью, свѣтлою шириною. Мало-по-малу новымъ формамъ ихъ внутренняго домашняго устройства послѣдовали частные люди—и прежняя мрачность, уединенность и замкну-

Digitized by Google

тость англійскаго дома стала исчезать. Рѣже стали бросаться въ глаза окна гильотинами, и раздѣленныя на три вертикальныя полосы: ихъ вѣчный, скучный параллелограммъ началъ замѣняться всѣмъ разнообразіемъ формъ и скульптурныхъ украшеній; появились выступы, балконы, пояски, фризы, появилась штукатурка, свѣтлыя краски, а главное — выступили впередъ спекулянты и общества, скупавшіе десятками, сотнями прежніе узенькіе дома въ два или три окна, и потомъ выстраивавшіе на мѣсто ихъ громадные, массивные дома. Новыя постройки не всегда отличались талантливостью и воображеніемъ архитектора, онѣ иногда слишкомъ покорно слѣдовали какимъ-нибудь несчастнымъ, педантскимъ ученіямъ школы, водворяли лже-классическія притворныя формы, населяли цѣлыя улицы казармо-образными домами, со старинными фронтонами, іоническими колоннами и достаточно казенными окнами и дверями, но по крайней мѣрѣ за ними была та громадная заслуга, что онѣ сломили унылый, тюремный видъ прежняго Лондона и сдѣлали его уже на вѣки-вѣковъ невозможнымъ. Рушилась прежняя система, ненавистная, мертвящая глаза и духъ—теперь уже дѣло было за индивидуальнымъ талантомъ художниковъ, никого уже болѣе не стѣсняло теперь преданіе: художникъ, наконецъ, выступалъ впередъ и получалъ право работать вмѣсто каменьщика, почти единственнаго строителя прежняго Лондона.

При прежнихъ поколѣніяхъ, художникъ былъ архитекторъ и создавалъ для однихъ только аристократовъ ихъ палацы, для правительства—общественныя церкви и зданія, по итальянскимъ и псевдо-римскимъ образцамъ. Теперь, и сами аристократы и богачи требовали для своихъ роскошныхъ дворцовъ тѣхъ самыхъ разнообразныхъ формъ, какими въ послѣднее время стала наполняться Франція, всегда раньше всѣхъ остальныхъ пробующая все новое. Художники выполняли требованія могучихъ патроновъ, перебывавшихъ всюду въ Европѣ и желавшихъ повторять ее у себя, но они работали уже не для одной знати и аристократіи: среднее сословіе успѣло уже вырости, оно тоже успѣло побывать въ Европѣ и тянулось за тѣми же лакомыми гостинцами. Надо уже было строить дома по-новому, по-европейски, и этому классу, громадному численностью, безмѣрно богатому достатками; надо было и этой массѣ англичанъ замѣнить надоѣвшее имъ прежнее пуританское ихъ жилье чѣмъ-то болѣе удобнымъ и изящнымъ. Никто болѣе не соглашался строить новый домъ такимъ манеромъ, чтобъ столовая, а часто и спальня была въ подвальномъ этажѣ, помѣщеніе для каменнаго угля — подъ тротуаромъ

Digitized by Google

улицы, и въ каждомъ этажѣ по одной, рѣдко по двѣ комнаты, такъ что люди осуждены были упорно сидѣть все въ одной и той же sitting-room. Новое поколѣніе англичанъ требовало новаго размѣщенія, новаго простора, ширины и удобства, но тоже и новаго изящества и художественности. Планъ англійскаго дома измѣнился самымъ радикальнымъ образомъ, но въ то же время столько же измѣнилась и наружность его, и оттого Лондонъ наполнился выросшими вдругъ на всѣхъ концахъ его большими зданіями во всевозможныхъ разнообразнѣйшихъ стиляхъ: романскомъ, готическомъ, ренесансномъ, итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ и даже арабско-испанскомъ. Городъ получилъ совершенно новый, небывалый видъ, безчисленныя улицы сдѣлались интересны и живописны, и придали колоссальнымъ размѣрамъ англійской столицы художественный обликъ. Переворотъ былъ громадный, рѣшительный.

Но сколько ни важенъ онъ былъ для англійской жизни и исторіи, все-таки онъ не отличался оригинальностью и самобытностью. Отбросить въ сторону англійскія архитектурныя привычки, ставшія невозможностью, принять европейскія удобства и художественныя формы — все это былъ крупный выигрышъ, но утратился при этомъ англійскій, народный характеръ, а утрата національности есть всегда для искусства и художественнаго творчества — утрата самая громадная. Многіе англичане это понимали, особливо подъ вліяніемъ вѣчнаго своего консерватизма, и потому раздалось множество голосовъ противъ иностраннаго наплыва и иностранныхъ формъ, проникнувшихъ со всѣхъ сторонъ въ англійскую жизнь. Образовалась цѣлая литература, требовавшая съ гнѣвомъ и упорствомъ возврата ко всему національному, англійскому, въ томъ числѣ и въ архитектурѣ. Это были своего рода наши славянофилы— только англійскіе. Однако и эти, какъ наши, были во многомъ правы, и требованія ихъ повели ко многому, въ самомъ дѣлѣ, хорошему и важному.

Что касается архитектуры, однимъ изъ значительнѣйшихъ результатовъ національнаго направленія и требованія было зданіе новаго парламента. Архитекторъ его, Барри, никогда ничего не строилъ, до того, въ готическомъ стилѣ, и даже имѣлъ, кажется, мало къ нему симпатій, но съ него потребовали зданія непремѣнно въ готическомъ англійскомъ стилѣ (стилѣ времени Тюдоровъ). Онъ отказывался, но его не отпускали, какъ самаго талантливаго англійскаго художника, и дали только на придачу все, что было знахарей, по части готическаго стиля, между англійскими архитекторами и археологами. Все это національное

Digitized by Google

движеніе не осталось безъ крупныхъ результатовъ: новый парламентъ въ Лондонѣ есть созданіе дѣйствительно въ высшей степени смѣлое и оригинальное, лучшая и громаднѣйшая постройка въ готическомъ стилѣ съ тѣхъ поръ, какъ готики болѣе не существуетъ. Новыхъ формъ нѣтъ, всѣ части заимствованы отъ уцѣлѣвшихъ зданій времени Генриха VII и Генриха VIII, но онѣ сложились въ новыя сочетанія, для новыхъ цѣлей, и оттого все вмѣстѣ создало эффектъ новый, свѣжій. Зданіе вмѣстѣ массивно и роскошно. У Тюдорскаго стиля нѣтъ угловатости, смѣлости и суровой грандіозности французской и нѣмецкой готики, это уже искусство художниковъ, жившихъ гораздо позже временъ католическихъ, мрачныхъ и фанатическихъ, но все-таки толкавшихъ на крупныя и смѣлыя дѣла; это искусство — было искусствомъ архитекторовъ-царедворцевъ, у которыхъ душа наполнена была чувствомъ роскоши, ослѣпительнаго богатства, но все-таки еще сильныхъ формъ. Исчезли въ этихъ зданіяхъ суровые стрѣльчатые своды—они срѣзали стремительныя свои верхушки, сдѣлались площе и раскинулись роскошными рѣзными опахалами. Наружныя тоненькія башенки, стоящія вездѣ по угламъ, словно пучки связанныхъ колосьевъ, тоже побросали прочь свои длинныя острія и накрыли свою вершину шапочками, на подобіе епископскихъ митръ. Рѣзная роскошь изъ опахалъ и висячихъ буветовъ покрыла повсюду стѣны, въ промежуткахъ между тонкими колонками, летящими вверхъ точно стрѣлы, расцвѣтила двери и пространства вокругъ нихъ; прежнія узкія и длинныя готическія окна спустились внизъ и удесятерились въ ширину, сложившись вдругъ громадными арками, словно арки тріумфальныя, только тутъ едва кверху заостренными и залитыми прозрачнымъ стекломъ во всю ширину и въ нѣсколько этажей въ вышину. И вотъ, отъ этой-то парадной и широкой архитектуры, дышащей силой, сытымъ довольствомъ и цвѣтистою жизнью, Англія 40-хъ годовъ потребовала ея могучіе члены и формы для своего «Новаго Парламента».

Этотъ громадный домъ, цѣлый кварталъ, лежитъ словно повоящійся левъ у берега Темзы, приподнявъ надъ могучимъ вытянувшимся тѣломъ широкую голову — чудесную, стройную, главную башню свою—«Королевинъ-входъ» въ парламентъ. Много осужденій сыпалось въ эти послѣдніе годы на созданіе Барри—его упрекали во множествѣ недостатковъ, даже за отсутствіе иной разъ правильности, симметричности, — она вѣдь въ понятіяхъ у многихъ, особливо у такихъ поклонниковъ всего издавна принятаго, какъ англичане, играетъ всегда первую роль, особенно въ архитектурѣ.

Digitized by Google

Но мнѣ всегда казалось, что смѣлость Барри — одно изъ главныхъ его достоинствъ, и мысль поставить самую большую, главную, королевскую башню не гдѣ-нибудь въ центрѣ, а прямо и дерзко сбоку, безъ всякаго соотвѣтствія во всемъ остальномъ зданіи—эта мысль тутъ великолѣпна, даетъ необыкновенно оригинальную физіономію цѣлому, а потомъ и совершенно выражаетъ смыслъ своеобразной англійской національной конституціи. Все зданіе занято настоящими его хозяевами, представителями народа, засѣдателями верхней и нижней камеры. Королевская власть является тутъ какъ главная, возвышающаяся надъ всѣмъ и превосходящая всѣхъ мощь, но только какъ зрительница и участница, сбоку, со стороны. На другомъ концѣ зданія, столь же одиноко отъ всего остального, безъ симметріи и всякаго pendant, высится надъ львинымъ корпусомъ парламента—не слишкомъ высокая, но необыкновенно стройная и оригинальная четырехъ-угольная башня, съ утолщеніемъ наверху, словно голова или фонарь: это башня часовъ, указывающая время представителямъ народа, на всѣ четыре стороны, во все продолженіе дня, а потомъ освѣщающаяся огнемъ на всѣ четыре же стороны, и на цѣлую ночь, пока идутъ парламентскія засѣданія.

Домъ парламента былъ уже довольно крупною и самобытною попыткою англійскаго творчества въ новое время. Но скоро послѣ этого почина пошли быстрымъ шагомъ, одно за другимъ, иныя еще созданія, еще во сто разъ болѣе оригинальныя и самостоятельныя.

Въ самой серединѣ нашего столѣтія совершилось такое событіе, которое не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи: это первая всемірная выставка. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія республиканская Франція родила эту великодушную, грандіозную идею, но бурныя быстро смѣнявшіяся политическія событія помѣшали осуществить ее, и на нѣсколько времени она сошла со сцены, всѣ ее позабыли, за громомъ пушекъ, за паденіями и возстановленіями троновъ, за громадными превращеніями, совершёнными точно всемірнымъ землетрясеніемъ и разсѣданіемъ почвы. Но, 50 лѣтъ спустя, великая идея выплыла снова, и гдѣ же? Среди англичанъ, всегда отличавшихся эгоизмомъ и прихотью, вошедшими въ пословицу. Но XIX-е столѣтіе есть эпоха самаго полнаго, самаго коренного перерожденія англійскаго народа. Низшіе классы стали терять свою безотвѣтную покорность, свою мертвую выносливость; они подняли голову и возвысили голосъ за свои слишкомъ давно позабытыя и попранныя права; высшіе классы— сдали много изъ своего эгоистическаго высокомѣрія и невозму-

Digitized by Google

тимой отчужденности. Чѣмъ громче и настоятельнѣе первые высказывали требованія, тѣмъ болѣе вторые уступали и спускались со своихъ недосягаемыхъ высотъ. Притомъ же, знакомство съ Европой и гуманное образованіе тоже дѣлали свое дѣло, и постепенно все болѣе и болѣе сглаживали прежнія угловатыя и грубо-эгоистическія привычки англійскихъ высшихъ слоевъ. Англичанинъ не хотѣлъ долѣе сторониться отъ всѣхъ другихъ, какъ отъ чужихъ, и ревниво прятать отъ всѣхъ глазъ то, чего онъ достигъ желѣзнымъ трудомъ и изобрѣтательностью, или цѣною несмѣтныхъ, накопленныхъ поколѣніями сокровищъ. Англійская интеллигенція и сила вдругъ исполнились безмѣрнаго желанія благодѣтельствовать, быть полезною, помочь развитію не только своихъ ближайшихъ, но и всей массѣ народа, не только своей націи, но и народамъ цѣлаго свѣта. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, усиліемъ небывалаго размаха и ширины, осуществилось предпріятіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра. Въ Лондонѣ, лѣтомъ 1851 года, произошла всемірная выставка.

Но для мысли небывалой нужны были и средства небывалыя. Гдѣ и какъ помѣстить сокровища и богатства, свезенныя со всѣхъ концовъ міра? Всѣ прежнія архитектурныя соображенія и формы уже не годились, и оттого-то 245 проектовъ, присланныхъ на конкурсъ, для будущаго Дворца Промышленности, отовсюду, изъ всѣхъ краевъ Европы, были отвергнуты. Коммиссія и распорядители были въ отчаяніи, не знали, на что рѣшиться, времени оставалось едва нѣсколько мѣсяцевъ, и въ эту-то минуту, когда всѣ сроки конкурса давнымъ-давно уже прошли, вдругъ выступилъ впередъ человѣкъ, не архитекторъ, не художникъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о стиляхъ и художественной наукѣ, преподаваемой въ школѣ—и положилъ на столъ коммиссіи свой рисунокъ «Хрустальнаго дворца». Умолкли всѣ разногласія и споры, и коммиссія, составленная изъ всего, что тогда было интеллигентнаго и художественнаго въ Англіи, съ принцомъ Альбертомъ во главѣ, преклонилась передъ садовникомъ Пакстономъ,—она почувствовала, что великое событіе совершилось передъ ними, и новый стиль создался въ Европѣ, новая архитектура, творящая неслыханныя и невиданныя, волшебныя какія-то палаты изъ стекла.

Что такое былъ новый «Хрустальный дворецъ»? Громадная оранжерея, громадный стеклянный футляръ, надвинутый чью-то гигантскою рукою надъ снесенными и свезенными отовсюду созданіями человѣческаго творчества, футляръ, подъ которымъ свободно стояли самыя великанскія, самыя великолѣпныя деревья

Digitized by Google

Гайдъ-Парка, захваченныя въ предѣлы дворца выставки; футляръ, отовсюду освѣщенный насквозь англійскимъ скупымъ солнцемъ, сверху и съ боковъ; футляръ, не оставившій ни единаго уголка темнымъ, и давшій просіять всѣмъ краскамъ и формамъ, всѣмъ созданіямъ фантазіи, роскоши и пользы, которыми былъ наполненъ дворецъ.

Прошло пять мѣсяцевъ, кончилась выставка, но не погибла новая идея и новое искусство. Англичанинъ уже понималъ всю ихъ цѣну и значеніе, и перенесъ свой стеклянный домъ на одинъ изъ холмовъ, окружающихъ Лондонъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, по національной подпискѣ, собраны были новые милліоны, и на нихъ воздвигнули дворецъ Пакстона, но въ еще болѣе оригинальномъ, возвеличенномъ видѣ. Все, что было еще несовершенствомъ у перваго опыта, устранилось теперь тщательною и заботливою рукою, въ совѣщаніи участвовало нѣсколько талантливѣйшихъ архитекторовъ,—всѣ считали новый хрустальный дворецъ дѣломъ національнымъ, народною славою, и оттого дружнымъ усиліемъ совокупляли свои таланты и знанія. Съ общаго согласія, уничтожена была монотонія слишкомъ удлиненной горизонтальной линіи: ее перерѣзали тремя поперечными галереями, накрыли ихъ стеклянными полукруглыми сводами, выдвинули боковыя крылья—и изъ всего вмѣстѣ, изъ общей работы лучшихъ умовъ и талантовъ, получилось созданіе, которое отмѣчаетъ яркою чертою художественную исторію XIX-го вѣка.

Конечно, и до сихъ поръ можно еще услыхать разсужденія прозаиковъ и педантовъ, придающихъ очень мало значенія новой архитектурѣ, початой Англіею, и даже считающихъ ее, пожалуй, вовсе не художествомъ, а дѣломъ инженеровъ. Но что такое запоздалые вопли немногихъ, неспособныхъ отдѣлаться отъ школьныхъ привычекъ и слѣпого идолопоклонства передъ выученными еще во младенчествѣ архитектурными «ордерами» или примѣрами прежнихъ поколѣній? Что значатъ ихъ презрѣніе или негодованіе въ сравненіи съ общимъ голосомъ восторга, съ живымъ чувствомъ всемірнаго энтузіазма? Стеклянно-желѣзная архитектура, подаренная Европѣ Пакстономъ, стоитъ уже на твердыхъ ногахъ и занесена во всѣ лучшія исторіи новаго искусства, какъ капитальнѣйшій архитектурный фактъ новаго времени, въ сравненіи съ которымъ крошечными, хромающими пигмеями выходитъ большинство современныхъ построекъ, продолжающихъ воспроизводить или обезьянничать чужіе стили, чужія готовыя созданія прежнихъ временъ и народовъ. Подражаніе другимъ или собственное

Digitized by Google

свѣжее, самобытное творчество — чему суждено больше вѣсить на вѣсахъ будущихъ временъ?

Новая общественная мысль Англіи была полна самаго широкаго доброжелательства, самой заботливой благости, когда создавала Сиденгамскій хрустальный дворецъ. Творцы его хотѣли приготовить дворецъ для самого народа, небывалую и невиданную волшебную палату, возможности которой еще за немного лѣтъ прежде никто бы даже и не повѣрилъ. Никакихъ стѣнъ, ни одного кирпича, ни одного камня и бревна деревяннаго, въ цѣлой колосальной постройкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — прочность и твердость, противящаяся самымъ грознымъ ураганамъ, красота и простота, превосходящая чуднымъ своимъ впечатлѣніемъ, — все что только можетъ вообразить самая горячая фантазія или представить вся вереница прежнихъ смѣлѣйшихъ геніевъ,—да кто бы не принялъ всего этого за чистую сказку изъ «Тысячи и одной ночи»? Но вотъ что значитъ могучая мысль, устремленная къ глубоко важному новому дѣлу, и направленная въ удовлетворенію потребностей совершенно новыхъ. Устроители Сиденгамскаго дворца задумали сдѣлать такой музей, который соединилъ бы въ громадныхъ своихъ пространствахъ, открытыхъ отъ одного конца и до другого, образцы искусства всего міра; и вотъ они разставили, среди зелени и бьющихъ фонтановъ, ряды архитектурныхъ отрывковъ, цѣлые куски знаменитѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ построекъ всѣхъ временъ, въ настоящую величину и со всѣми красками, орнаментами и безчисленными подробностями. Египетскіе храмы съ тяжелыми узорчатыми столбами, у которыхъ капители въ видѣ раскрытыхъ цвѣточныхъ чашечекъ; средневѣковые соборы съ стрѣльчатами верхами и окнами, съ густымъ лѣсомъ скульптурныхъ святыхъ и колонокъ, чудными рѣзными дверями и толпою разволоченныхъ и раскрашенныхъ гробницъ; греческій Парѳенонъ съ его Фидіасовскими барельефами по фризамъ; алгамбрскіе дворики и палаты съ нависшими, какъ цвѣтные сталактиты, сводами и куполами; дворцы королевы Елизаветы англійской, итальянскія палаты съ скульптурами и фресками временъ Микель-Анджело и Рафаэля; романскіе суровые монастыри, цѣлый уголъ древне-ассирійскихъ царскихъ палатъ съ крылатыми четвероногими чудовищами на обрѣзахъ, стоящими какъ страшные фантастическіе часовые у сокровищъ и таинствъ Востока,— и вездѣ, кругомъ, вереница бѣлыхъ статуй, созданныхъ новымъ міромъ и отлитыхъ въ гипсѣ съ оригиналовъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ Европы — вотъ изъ чего составился этотъ небывалый музей, живой художественно-историческій атласъ, вѣчно рас-

Digitized by Google

ритый для всѣхъ и разлѣстившійся подъ высокими стеклянными, перекрещивающимися другъ другу на встрѣчу сводами. И въ придачу и на помощь архитектурѣ, скульптурѣ и живописи, выступившимъ здѣсь впервые одной сплошной, непрерывной громадой, тутъ же присоединилась и музыка: она выставила колоссальный органъ, больше всѣхъ существующихъ въ Европѣ; двѣ сцены, идущія ступеньчатыми горами, гдѣ могутъ усѣсться, во время всякихъ народныхъ концертовъ, 5000 маленькихъ пѣвцовъ, собранныхъ изъ всѣхъ городскихъ школъ Лондона. Выйдите изъ Хрустальнаго дворца—съ террасъ его вы увидите стелющіеся у подножія ихъ сады и цвѣтники, бассейны, кіоски съ струящимися потоками съ ихъ кровли водою, что-то истинно волшебное, когда ихъ освѣтитъ, ночью, изнутри, электрическій свѣтъ и бенгальскіе огни; вдали геологическіе острова, съ изваянными изъ камня во всю громадную ихъ величину мастодонтами, плезіозаврами и мегатеріумами, великанскими ирландскими оленями древняго міра. Какое чудное впечатлѣніе все это вмѣстѣ производитъ на душу зрителя, какой величественный аккордъ звучитъ у каждаго въ груди, когда онъ, вмѣстѣ со стотысячною толпою, раскинувшеюся повсюду, бродитъ по садамъ внизу, или по необозримымъ пространствамъ сіяющаго со всѣхъ сторонъ хрустальнаго дворца! Прежній европеецъ еще никогда не испытывалъ тѣхъ впечатлѣній, какія испытываетъ толпа англичанъ, стекающаяся сюда круглый годъ густой массой, изъ дворцовъ и казармъ, изъ мастерскихъ и лавокъ, изъ темныхъ угловъ Лондона и фабричныхъ удушливыхъ лачугъ, изъ зеркальныхъ роскошныхъ клубовъ и темныхъ нищенскихъ норъ, изъ дали веселыхъ загородныхъ коттеджей и изъ подземелій Сити, — послѣ барскихъ наслажденій, послѣ тяжкаго гнетущаго труда, прямо отъ вращающихся колесъ машины или изъ тихаго кабинета ученаго. Всѣ тутъ сходятся и отдыхаютъ въ одномъ чувствѣ гордаго довольства, умственнаго и художественнаго наслажденія, и растутъ бойцами и подвижниками новой жизни, могучей духомъ, широкой мыслью. И всѣ здѣсь съ благоговѣніемъ смотрятъ тогда на монументъ великаго садовника-творца, поставленный на террасѣ передъ аркою главнаго портала: это колоссальный бюстъ, на каменномъ красномъ пьедесталѣ, геніальнаго Пакстона, съ кипитевскою головою, красавца англо-саксонца, твердаго и мощнаго, благодушно наклонившаго широкое чело изъ-подъ густой гривы своей, и привѣтливо смотрящаго съ высоты на волнующуюся внизу толпу народную, собранную сюда его творческою мыслью:

Digitized by Google

вѣдь для нея онъ создалъ всѣ эти новыя чудеса и приготовилъ всѣ эти новыя ощущенія.

За созданіемъ Пакстона скоро пошло вслѣдъ длинной вереницей множество другихъ созданій, назначенныхъ, какъ и его хрустальный дворецъ, точно также не для отдѣльныхъ группъ, не для отдѣльныхъ классовъ и людей, а для всей массы народной. Въ этой главной, коренной чертѣ они всѣ сходятся, но всякій разъ всѣ средства, и подробности, и части — другія. Такъ, скоро послѣ обоихъ хрустальныхъ дворцовъ, Гайдъ-Парскаго и Сидегамскаго, совершившихъ поворотъ въ новую сторону, въ концѣ 50-хъ годовъ выросла вдругъ въ Лондонѣ новая читальная зала — тоже своего рода небывалая новость. Британскій музей задыхался отъ тѣсноты среди своихъ историческихъ коллекцій, — египетскихъ мумій, папирусовъ и саркофаговъ, ассирійскихъ громадныхъ скульптуръ, — греческихъ и римскихъ, мексиканскихъ, средневѣковыхъ и индійскихъ древностей, — необозримыхъ своихъ этнографическихъ, зоологическихъ и минералогическихъ музеевъ; онъ жался, тѣснился изъ всѣхъ силъ, — мѣста все-таки нигдѣ не было. Тогда снова поднялась англійская мысль и сила, и вдвинула среди единственнаго пустого двора, гигантскую желѣзную ротонду, величиною съ Пантеонъ, и какъ онъ же, освѣщенную сверху, изъ-подъ полукруглой шапочки желѣзнаго купола. Но свѣтъ падаетъ здѣсь уже не изъ срединнаго отверстія макушки, а изъ 20-ти колоссальныхъ оконъ, прорѣзанныхъ въ закругленіи купола и потому усѣявшихъ вершину залы цѣлымъ рядомъ живописныхъ ракурсовъ, свѣтовъ и тѣней. Въ этой залѣ можетъ заниматься за одинъ разъ 300 человѣкъ, и все-таки, несмотря на эти размѣры, ни единая читальная зала на свѣтѣ не была еще полна такихъ безконечныхъ удобствъ, такой предупредительности насчетъ читателя, какъ эта. Ничто не должно его тревожить, ничто безпокоить, и пока горы рѣдчайшихъ книгъ или рукописей даются ему въ руки и лежатъ въ его маленькомъ отдѣленіи, гдѣ онъ сидитъ, уединенный отъ всѣхъ, въ кабинетѣ своемъ, словно баринъ, владѣющій всѣми средствами заниматься тѣмъ, чѣмъ любитъ, всласть, и со всѣмъ комфортомъ роскоши, — онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ такимъ изяществомъ формъ, такимъ богатствомъ красокъ, которыя не могутъ не поднимать и чудно настраивать духъ его. Здѣсь нѣтъ уже и помина о прежнемъ тѣсномъ и постномъ видѣ англійскихъ архитектурныхъ созданій: здѣсь все блестящая краска на орнаментахъ, позолота на желѣзныхъ перилахъ, поручняхъ и протянувшихся галлереяхъ; и, мѣшаясь съ пестротой разноцвѣтныхъ переплетовъ, усѣявшихъ ярусы

Digitized by Google

стѣнъ,—все это производитъ впечатлѣніе блестящей залы какого-то дворца. Вотъ какими желанными, дорогими гостями трактуетъ теперь англійскій народъ людей науки, знанія и труда, готовящихъ ему новые горизонты и новую жизнь. Каждый посѣтитель Британскаго музея, словно настоящій принцъ какой-нибудь, вступаетъ въ эту роскошную палату, и засѣдаетъ тамъ, какъ среди своихъ собственныхъ сокровищъ.

Послѣ читальной залы Британскаго музея, явилось въ Лондонѣ, въ 60-хъ годахъ, еще одно народное зданіе, опять-таки гигантское и безпредѣльно-роскошное, какъ все, что́ теперь дѣлаетъ Англія для своего народа. Это—Кенсингтонскій музей, сооруженный на остаточныя деньги отъ первой всемірной выставки. Снаружи зданіе не отличается ни большою художественностью, ни оригинальностью; вся роскошь, всѣ затѣи фантазіи и творчества пошли на внутреннее созиданіе и работу. Кенсингтонскій музей—это собраніе всѣхъ возможныхъ художественныхъ предметовъ, начиная отъ самыхъ величайшихъ размѣрами, значеніемъ и ростомъ, и до самыхъ миніатюрныхъ и, на первый взглядъ, маловажныхъ. Здѣсь хранятся и подлинные картоны Рафаэля за зеркальными стеклами, величиной съ ворота, и роскошныя опахала красавицъ XVII и XVIII вѣка, и серьги римскихъ крестьянокъ; здѣсь есть восковые эскизы большихъ статуй, дѣланные рукою самого Микель-Анджело или Донателло, и оригинальные серебряные орнаменты на парадномъ платьѣ абиссинской царицы; цѣлые портали французскихъ, нѣмецкихъ или испанскихъ соборовъ, отлитые съ натуры изъ гипса, съ безчисленнымъ строемъ святыхъ, стоящихъ или сидящихъ, прицѣпившись къ колонкамъ и архивольтамъ, и тутъ же рядомъ коллекціи табакерокъ и севрскихъ фарфоровыхъ куколокъ, амурящихся пастушковъ и маркизъ; картины всей англійской школы, начиная съ основанія ея, цѣлые мавританскіе дворики, снятые въ настоящую величину съ натуры,—и кареты, ризы, перья и складни, колокольчики и ковры, жезлы, булавки, маіолики, кружева и чарки всѣхъ народовъ и эпохъ. По богатству и чудному составу, это первый музей въ Европѣ, на него не жалѣлъ никакихъ, самыхъ страшныхъ денегъ, департаментъ народнаго просвѣщенія, завѣдующій имъ. «Это для народа», говорилъ онъ, и не смотрѣлъ на груды золотыхъ совереновъ, чтобы отбить у другихъ самыхъ великихъ богачей, перетянуть, выторговать, уговорить хозяевъ на продажу. Скоро музей разросся до колоссальныхъ размѣровъ, какъ все въ Англіи, и для него построили такія четыре залы, сплоченныя въ одинъ большой четырехугольникъ, какихъ не можетъ показать ни

Digitized by Google

одинъ другой музей въ Европѣ. Какихъ онѣ размѣровъ, эти залы, можно судить по тому, что тамъ, внутри, свободно стоитъ Траянова колонна, въ слѣпкѣ, лишь разрѣзанная въ вышину на два равныхъ отрубка. Но здѣсь новые англійскіе архитекторы не довольствовались уже одними прежними матеріалами хрустальныхъ дворцовъ и читальной залы Британскаго музея, желѣзомъ и стекломъ. Это было уже старо, бѣдно, надо было впередъ идти, выдвигать новыя средства и матеріалы. Новыми матеріалами, на придачу старымъ, выступили теперь мозаика и терракотта, т.-е. возвышенная, удесятеренная игра цвѣтовъ и тоновъ. Всѣ потолки, по прежнему, сложены изъ желѣзныхъ, росписныхъ золотомъ и красками, сводовъ; арки ихъ поддерживаются витыми колонками, изъ чугуна, тоже росписанными отъ низу до верху и устремляющимися вверхъ, словно тоненькія цвѣтныя змѣйки, до самыхъ капителекъ, гдѣ крутятся и развертываются граціозные лепестки цвѣточные и листики. Но полы уже не деревянные, какъ въ хрустальныхъ дворцахъ, какъ въ Британскомъ музеѣ: они на-половину желѣзные, съ сквозными узорами и сѣтками, и на-половину терракотовые, цвѣтные и узорчатые, словно каменные ковры. Огромныя массы стекла, цѣлыя площади, наполняютъ аркады оконъ и затопляютъ залы свѣтомъ; нависшіе сверху балкончики и галлереи второго этажа громоздятся со всѣхъ сторонъ, цвѣтные фризы перерѣзываютъ извилистыми узорами плоскость стѣнъ, а пустыя пространства по бокамъ наполнены огромными мозаиками, картинами, представившими во весь ростъ, на золотомъ фонѣ, художниковъ всѣхъ народовъ и всѣхъ школъ искусства. Все вмѣстѣ — чудные, невиданные, стеклянные колпаки, наложенные поверхъ представителей художественнаго творчества прежнихъ и новыхъ поколѣній, поверхъ несмѣтныхъ богатствъ и красотъ, свезенныхъ сюда съ цѣлаго свѣта.

Лондону мало было одного Сиденгамскаго дворца и одного Кенсингтонскаго музея. Вскорѣ послѣ онъ построилъ ихъ и по второму разу, опять-таки въ громадныхъ размѣрахъ, но все-таки вторые были уже менѣе огромны и роскошны, чѣмъ первые. Сиденгамскій дворецъ стоитъ къ югу отъ столицы. Англичане сказали себѣ: намъ надо другой еще, на сѣверѣ,—и построили «Alexandra-Palace», опять на холмѣ, опять среди роскошныхъ садовъ, весь изъ стекла и желѣза, но на этотъ разъ поставили надъ нимъ высокіе хрустальные купола, поверхъ обоихъ концовъ зданія; внутри очутились опять фонтаны, колоссальныя залы съ органами во всю стѣну, цѣлыми картинными галлереями и безчисленными статуями; наконецъ, съ роскошными, громадными, зеле-

Digitized by Google

ными садами. У Лондона былъ Кенсингтонскій музей, на западѣ города: англичане захотѣли имѣть другой подобный же на востокѣ, и поставили Бетналь-Гринскій музей на краю города, тамъ, гдѣ скучилась вся масса рабочаго населенія, трудящагося весь день и не имѣющаго времени въ минуты досуга идти поперекъ великанскаго города, за цѣлыя версты, въ Кенсингтонскій музей. И вотъ, у рабочаго, у ремесленника, у мастерового великолѣпный, безцѣнный музей стоитъ теперь подъ бокомъ. Это нѣчто въ родѣ колоссальнаго дебаркадера изъ камня, съ желѣзными ребрами вверху, вмѣсто кровли, съ массами стеколъ для ослѣпительнаго свѣта; онъ весь насквозь открытъ, сверху и до низу, у него нѣсколько боковыхъ галлерей, какъ у лютеранской церкви, и все это полнымъ-полнехонько картинами, статуями, маіоликами, китайскими, индійскими, персидскими и европейскими матеріями, коврами, стекломъ, фарфоромъ, деревянной и костяной рѣзьбой, великолѣпнѣйшими образцами желѣзной и бронзовой работы. За то непрерывная толпа англійскаго простонародья, любопытствующая и напряженно-внимательная всѣмъ своимъ умомъ, вѣчно наполняетъ этотъ музей, и золотая необозримая жатва таланта и творчества скоро, конечно, взойдетъ здѣсь, благодаря великодушно протянутой народу рукѣ.

Не все въ новомъ Лондонѣ чудесно и изящно, какъ указанные мною примѣры. Нерѣдко постройки, даже самыя громадныя и значительныя по назначенію, бываютъ поручены людямъ, не имѣющимъ ничего въ себѣ художественнаго, и понимающимъ только инженерную, техническую сторону дѣла. Такія постройки могутъ, конечно, быть только безобразны и нелѣпы. Въ числѣ ихъ довольно будетъ указать на «Albert-Hall»—громадную залу для концертовъ, говорятъ, размѣрами превосходящую Колизей; на «Albert-Memorial», памятникъ въ честь принца Альберта, въ родѣ итальянскаго средневѣковаго балдахина, и на сарайныя, безвкусныя зданія постоянной всемірной выставки—всѣ три зданія почти рядомъ въ Гайдъ-Паркѣ. Несмотря на колоссальные размѣры, потраченные милліоны, громады мрамора, бронзы, мозаикъ, барельефовъ, колоннъ и статуй—все-таки это зданія жалкія, тощія и несчастныя, темнѣющія черными пятномъ на обновляющемся Лондонѣ. Но я не остановлюсь на этихъ примѣрахъ и на нѣсколькихъ другихъ, имъ подобныхъ. Они слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми образцами, чудными и оригинальными созданіями новаго англійскаго архитектурнаго творчества, о которыхъ я говорилъ выше.

Мнѣ кажется, эти послѣдніе довольно ясно рисуютъ нынѣш-

Digitized by Google

нее настроеніе англійскаго новаго племени на верхнемъ и на нижнемъ его концѣ, а также и англійскаго новаго искусства. Оно глубоко и искренне, народно, значитъ оно стало тѣмъ, чѣмъ должно быть истинное искусство. Плоды его, несомнѣнно, будутъ велики и могучи, они принесутъ, навѣрное, неизмѣримыя новыя богатства въ сокровищницу человѣчества. Такова моя вѣра. Надѣюсь, это также и вѣра всякаго, кто изучаетъ и взвѣшиваетъ новые, полные силы и жизни факты, возникающіе теперь на нашихъ глазахъ въ Европѣ.

II.

Нѣмцы одарены изумительною любовью къ порядку и правильности, все у нихъ систематизировано и занесено въ клѣточку, вездѣ они желаютъ начертить совершенно правильный планъ, съ симметричными и соотвѣтствующими частями. Повинуясь этому требованію своей натуры, а также и безпредѣльному патріотизму, они давно уже разсказали во всѣхъ своихъ курсахъ художественной исторіи и эстетикахъ, какъ великолѣпно развилась и шла у нихъ архитектура со временъ общаго возрожденія Европы въ концѣ прошлаго вѣка и въ теченіи всего нынѣшняго. Показаны предтечи и побудительныя причины; возвеличены главные мессіи; наконецъ, методично и послѣдовательно разсказаны великія художественныя дѣянія нашихъ современниковъ, достойныхъ дѣтей великихъ дѣятелей. Прочитаешь нѣмецкую книгу, или прослушаешь нѣмецкую лекцію — все такъ стройно, хорошо и чисто, все такъ великолѣпно, талантливо! Остается только радоваться и апплодировать могучему движенію, тутъ разсказанному, радоваться и апплодировать. Лишь изрѣдка раздается то тамъ, то сямъ въ Германіи голосъ, болѣе серьёзный и строгій, провозглашающій, что не все такъ хорошо и завидно въ новой германской архитектурѣ, какъ разсказываютъ, и что много радоваться еще нечего. И что же? Иностранецъ, не зараженный нѣмецкимъ кваснымъ патріотизмомъ (который, пожалуй, вскорѣ будетъ и нашего русскаго, и даже за поясъ заткнетъ еще недавній французскій) — такой иностранецъ часто принужденъ бываетъ согласиться съ нѣмцемъ, мало одобряющимъ своихъ соотечественниковъ.

Не въ томъ дѣло, чтобы у германскаго племени мало было таланта и творчества, или, по крайней мѣрѣ, меньше, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ,—конечно, ни у кого и въ головѣ

Digitized by Google

не можетъ быть такой странной мысли. Германская нація — великая нація, богато одаренная всѣми лучшими дарами, и довольно доказавшая цѣлому міру свои права на общую признательность и глубокое почтеніе въ дѣлѣ интеллектуальнаго и художественнаго движенія впередъ. Но, въ послѣднія три столѣтія, у этого великаго племени развилась одна черта характера, которая, нерѣдко, слишкомъ сильно выступаетъ во вредъ другимъ и заслоняетъ ихъ. Это—безмѣрное идолопоклонство передъ исторіей и признанными великими именами, и безпредѣльная жажда какъ-нибудь да превратиться въ людей прежняго времени, натянуть на себя всю ихъ шкуру. Что̀ такое было причиною этого страннаго настроенія: политическая ли долгая приниженность у себя дома подъ вліяніемъ правителей, устроившихъ слишкомъ основательные намордники и слишкомъ тугіе ошейники, или же педантское воспитаніе, распространявшее прежде всего покорность авторитетамъ и, значитъ, недовѣрчивость въ самому себѣ, или быть можетъ, тутъ дѣйствовали многія другія сложныя причины— мудрено сказать, но, во всякомъ случаѣ, результатомъ выходила разслабленность мысли и бѣгство изъ настоящаго времени въ любое прошедшее. Въ этомъ отношеніи «Фаустъ» Гёте — типъ необыкновенно народный: это портретъ нѣмца, гнушающагося тѣмъ, что̀ его окружаетъ, неумѣющаго въ немъ найти ни отрады, ни красоты, ни интереса, и ищущаго себѣ утѣшенія и отдыха въ какихъ-нибудь старинныхъ потёмкахъ. Точно такимъ давно уже сталъ нѣмецъ: какъ бы ему ни было хорошо, какъ бы ни счастливы были сложившіяся около него обстоятельства, все ему будетъ этого мало, все ему будетъ казаться, что ка́къ бы тамъ ни было, а это еще не *настоящее*, и существовало прежде, у другихъ людей, что-то въ сто разъ лучшее и завиднѣйшее. Ему все кажется, что онъ недостаточно классиченъ и величественъ; и вотъ, вздыхая и мечтая, онъ тянется къ этому классицизму, и, кажется, всего бы себя охотно исковеркалъ собственными руками, только бы наконецъ хоть капельку приблизиться къ своему мудреному идеалу. Какое униженіе собственной личности, какое рабское считанье себя ни во-что̀! Этимъ людямъ вѣчно надо къ чему-то прислониться и пристроиться, имъ вѣчно хочется перенести къ себѣ привычки и дѣла прежнихъ людей. Гдѣ царствуетъ такая приниженность и слѣпая вѣра, тамъ, конечно, нечего искать ничего своего, самостоятельнаго и оригинальнаго.

На мои глаза, архитектура предшествовавшаго намъ періода дороже всѣхъ остальныхъ искусствъ поплатилась въ Германіи

Digitized by Google

за слишкомъ сильно распространенное худосочіе и приниженность мысли. И здѣсь главными примѣрами могутъ служить — Мюнхенъ и Берлинъ.

Въ Мюнхенѣ царствовалъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, король, славившійся своею изумительною образованностью и любовью къ искусствамъ. Еще молодымъ человѣкомъ, кронъ-принцемъ, онъ побывалъ въ Греціи, Италіи, и достаточно подготовленный воспитаніемъ, признаннымъ тогда за наилучшее, плакалъ въ лунныя ночи передъ развалинами Парѳенона и писалъ восторженные, но плохенькіе сонеты въ честь прежняго Рима. Сѣвъ, впослѣдствіи, на престолъ, онъ болѣе всего, — даже болѣе бесѣдъ съ іезуитами, учившими его истинному трактованію народа — занялся устройствомъ своей столицы. У него крѣпко сидѣла въ головѣ мысль — подарить Европѣ новыя Аѳины, и это должно было случиться именно въ Мюнхенѣ. Благодаря успѣшно собираемымъ доходамъ и покорной готовности нѣсколькихъ архитекторовъ, произведенныхъ вдругъ въ чинъ всемірныхъ талантовъ, скоро столица Баваріи превратилась въ курсъ архитектурной исторіи, а улицы ея — въ страницы атласа. Выискивались всевозможныя оказіи для того, чтобъ что-нибудь построить и сдѣлать экспериментъ во всѣхъ возможныхъ стиляхъ. Мюнхенъ покрылся греческими Пропилеями и пинакотеками, средневѣковыми церквами, византійскими базиликами, римскими тріумфальными арками, итальянскими дворцами съ расписными стѣнами, гдѣ представлены то дѣянія гомеровскихъ боговъ, то звѣрскія драки Нибелунговъ. Король Лудвигъ словно будто хотѣлъ поставить тутъ все, что ему нравилось во время его путешествій, и пригласилъ своихъ подданныхъ легкими и удобными средствами поучиться архитектурнымъ стилямъ на своихъ собственныхъ улицахъ, никуда далеко не отправляясь. Подданные крахтѣли отъ налоговъ, но довѣрчиво дивились премудрымъ затѣямъ своего короля; художники же били въ ладоши, прославляли новаго Перикла и съ почтеніемъ подписывали его немудрые стишки на улицѣ, въ аркадахъ, изображавшихъ виды Италіи и Греціи. Тѣмъ не менѣе, Мюнхенъ въ коротное время получилъ такой педантскій и несносный видъ, какого не бывало, кажется, еще отъ роду ни у одного города на свѣтѣ, и который ему Богъ знаетъ еще когда удастся сбросить прочь. Невозможно сдѣлать двухъ шаговъ по Мюнхену, не натинувшись на нѣсколько парадныхъ зданій, отъ которыхъ несетъ мертвымъ холодомъ и притворствомъ, и которыя, словно оледенѣлые мертвецы, поднятые наукой, стоятъ безполезные и чуждые среди живой современности,

Digitized by Google

тѣснящейся кругомъ со своими истинными потребностями. Всего болѣе смѣшнымъ, непристойнымъ и безполезнымъ остаткомъ этой странной эпохи является теперь гигантская статуя «Баварія», когда-то прегрославленная по всей Европѣ, и стоившая огромныхъ денегъ, а теперь только-что заставляющая пожимать плечами бѣднаго путешественника, когда онъ отправится за городъ, и тамъ, среди необозримыхъ полей Theresienwiese вдругъ увидитъ, вверху длинной ступеньчатой лѣстницы, «Баварію», эту печальную нѣмку въ греческомъ платьѣ, съ вѣнкомъ въ несладно приподнятой рукѣ, съ облизывающимся львомъ у колѣнъ, и съ разставленною позади ширмою, въ видѣ греческой колоннады. Что за диковинныя идеи ничѣмъ нестѣсняемой фантазіи, что за болѣзненные капризы, и что за безумное швырянье денегъ на игрушки, — вдобавокъ даже некрасивыя! Наслѣдникъ Лудвига баварскаго перещеголялъ, однакоже, даже и его: онъ тоже былъ «образованный», онъ тоже искренно интересовался судьбами искусства. И вотъ, онъ задумалъ однимъ почеркомъ пера, въ такой-то годъ, день и часъ, создать новую архитектуру. Разосланы были приглашенія, циркуляры, объявлены конкурсы и преміи, и однако же изъ всего этого, разумѣется, ничего другого не вышло, кромѣ большихъ потраченныхъ денегъ и очень крупнаго и комичнаго архитектурнаго фіаско, подъ видомъ особой улицы, Maximilianstrasse, на-половину застроенной диковинными образчиками «новой» живо изобрѣтенной архитектуры.

Но, несмотря ни на что, слава Лудвига баварскаго была очень велика, и многимъ она стала завидна. Всего больше, кажется, она безпокоила прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, и стараніями всей жизни своей онъ достигъ того, что, наконецъ, былъ признанъ достойнымъ соперникомъ Лудвига баварскаго и владыкой, сдѣлавшимъ для архитектуры по крайней мѣрѣ столько же, какъ и тотъ. Только разница въ настоящемъ случаѣ была та, что въ Мюнхенѣ новыя постройки возводились съ неслыханною расточительностью, съ беззаботностью, доходившею, можно сказать, до легкомыслія,—въ Берлинѣ онѣ предпринимаемы были съ величайшею бережливостью, осторожностью и осмотрительностью. Правда, въ теченіе этого царствованія было построено 300 церквей, 600 госпорскихъ домовъ, 1900 сельскихъ школъ, 16 гимназій, 16 судовъ, 18 казармъ и 75 экзерцирь-гаузовъ, — и все это почти прямо по личной иниціативѣ самого короля, но нигдѣ тутъ не присутствовало той скороспѣлой легкости, которая отличала Лудвига баварскаго: огромное количество церквей и казармъ свидѣтельствовало о спеціальныхъ вкусахъ самого короля, а еще бо́льшее

Digitized by Google

количество народныхъ школъ—объ общемъ настроеніи тогдашней Пруссіи, гдѣ дѣло образованія стояло необыкновенно высоко, а берлинскій университетъ, еще не остывшій послѣ лекцій Гегеля, считалъ себя первымъ университетомъ въ мірѣ и разсадникомъ всемірнаго образованія и движущейся впередъ мысли.

Другая черта, различавшая строительную дѣятельность обоихъ королей, баварскаго и прусскаго, состояла въ томъ, что южный—ревностный католикъ—хлопоталъ обо всѣхъ на свѣтѣ стиляхъ и потому наполнилъ свою столицу самыми разнообразными архитектурными образчиками; сѣверный же—не менѣе ревностный, но лютеранинъ—болѣе всего заботился объ одномъ только наичистѣйшемъ, наименогрѣшительнѣйшемъ, самомъ достовѣрномъ классицизмѣ и стилѣ греческомъ. На это были свои причины. Людвигъ баварскій окруженъ былъ нѣсколькими художниками, которыхъ онъ всѣхъ признавалъ великими свѣтилами, и изъ которыхъ каждый ему нашептывалъ и подсказывалъ свое: кто проектъ въ наидостовѣрнѣйшемъ стилѣ временъ Перикла, кто—другой проектъ въ коренастомъ стилѣ романскомъ, кто въ веселомъ и торжественномъ стилѣ ренессансъ, кто въ мрачномъ, суровомъ, и мечтательномъ готики. Людвигъ на все былъ согласенъ, всему радовался, его широкое дилеттантское сердце находило восторги для любой затѣи—только бы строить. У Фридриха-Вильгельма дѣло было другое: онъ самъ въ досужее время создавалъ и двигалъ фантазіею, онъ самъ чертилъ и набрасывалъ, и все это было въ такъ называемомъ греческомъ стилѣ; правда, онъ, бывало, говаривалъ архитектору, передавая ему свой черновой набросокъ: «на-те, вотъ, возьмите мою пачкотню, прибавьте туда разума», но всякій пойметъ, много ли потомъ измѣненій происходило въ проектахъ коронованнаго архитектора. Притомъ же, еще недавно передъ тѣмъ сошелъ съ берлинской художественной сцены человѣкъ, котораго вліяніе на его современниковъ и наслѣдниковъ было громадно, потому что общій голосъ призналъ его за одного изъ тѣхъ людей, какіе являются вѣками: вслѣдствіе того всѣ ему покорились и надолго стали ходить съ его гербомъ и въ его мундирѣ. А этотъ мундиръ и этотъ гербъ были—прусско-военные.

Я говорю про Шинкеля. Нѣкій нѣмецкій живописецъ конца прошлаго вѣка, по имени Карстенсъ, котораго у насъ очень мало, и даже можно сказать почти вовсе не знаютъ, и по всей справедливости, такъ какъ у него таланта не было,—признанъ давно уже былъ истиннымъ возобновителемъ нѣмецкой живописи, въ классическомъ стилѣ. Для симметріи, въ pendant къ нему, были пріисканы и утверждены на прочныхъ основахъ ко-

Digitized by Google

обновители и по другимъ искусствамъ. По части архитектуры такимъ оказался—Шинкель. Разсматривая построенныя имъ зданія и оставленные имъ чертежи, нельзя теперь довольно надивиться, какимъ образомъ такой сухой, холодный и тщедушный компиляторъ могъ одно время считаться великимъ художникомъ и оригинальнымъ творческимъ духомъ. Но что дѣлать! Такъ оно было, и пущенный во всѣ стороны изъ Берлина лозунгъ былъ принятъ во многихъ мѣстахъ (всего, конечно, болѣе въ Германіи и—у насъ), принятъ былъ съ почтеніемъ и долгое время свято соблюдался съ примѣрною вѣрностью. Въ Берлинѣ сооружались, въ періодъ времени отъ паденія Наполеона I и до начала 40-хъ годовъ, кордегардіи въ видѣ греческихъ храмовъ, какіе-то греческіе музеи съ широкими лѣстницами и открытыми колоннадами, надъ которыми на десяткахъ саженъ тянутся фрески на греческій манеръ,—греческіе дворцы и дома. Всякій признавалъ Шинкеля великимъ геніемъ, проникшимъ, какъ никто, во всѣ сокровеннѣйшія таинства греческаго духа и греческой художественной натуры, всѣ ему безпрекословно покорялись, конечно болѣе всего его ученики. А вотъ, именно этихъ-то учениковъ и наслѣдовалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, когда сдѣлался королемъ Пруссіи. Архитектурный маякъ этотъ былъ такъ великъ, что пересилилъ и пересидѣлъ даже патріотически-романтическое движеніе 30-хъ и 40-хъ годовъ, а оно ли еще было не сильно тогда въ Германіи! Въ поэзіи и жизни оно разрослось вдругъ съ такой силой, что только и было тогда стиховъ, что про Леонору съ мертвецами, про монаховъ и нашей съ рыцарями и дамами въ замкахъ,—и даже многіе нѣмцы остригались и одѣлись по средневѣковому; и однакоже, несмотря на примѣръ остальной Германіи, начавшей вдругъ строить дома и церкви въ готическомъ, «національномъ» стилѣ, Берлинъ лишь слабо поддался этому сумасшедшему готическому водовороту. У Берлина, этого на-половину методическаго, сухого метафизика и на-половину деревяннаго фрунтовика, голова все-таки не закружилась, и, отпуская одною рукою милліоны на самую настоящую, самую археологически вѣрную реставрацію Кёльнскаго собора и другихъ знаменитыхъ готическихъ строеній—дѣло патріотическое, дѣло разсудка — онъ другою рукою самъ строилъ совсѣмъ иначе, какъ сердце велѣло — а оно велѣло крѣпко стоять за любезный, за высокій, за идеально-благородный классицизмъ; такъ что, когда въ своей протестантской ревности и благочестивой горячности, Вильгельмъ IV задумалъ выстроить громадный соборъ, который долженъ былъ исправлять въ Берлинѣ для всего лютеранскаго міра ту же роль, какую

Digitized by Google

соборъ св. Петра въ Римѣ—для католиковъ (мечта, впрочемъ, и до сихъ поръ не осуществившаяся), то ему никогда въ голову не приходило строить свой всемірно-лютеранскій соборъ—въ готическомъ стилѣ. Ему все-таки нужны были купола, колонны, фронтоны, благородная классическая орнаментистика и т. д. Значитъ, что же должно было произойти, когда и ученики-то поклонялись памяти и вкусу своего учителя, да и король, взявшій, въ свою собственную десницу, заботу объ архитектурѣ цѣлой Пруссіи, тоже только и мечталъ, что о классицизмѣ. Должно было произойти то, на что и до сихъ поръ жалуются всѣ путешественники: произошелъ городъ правильный и регулярный какъ клѣтка, невыносимый какъ всякое притворство и подѣлка подъ что-то чуждое, далекое. Какъ на бѣду еще, въ характерѣ Пруссіи давно уже, съ временъ Фридриха Великаго и его блестящихъ побѣдъ, лежало что-то солдатское и деревянное. Отъ этого путешественникъ, посѣщавшій Берлинъ, переходилъ поминутно отъ одного удивленія и скуки къ другому: то въ однихъ мѣстахъ онъ наталкивался на цѣлые кварталы, желавшіе притвориться Греціей—что имъ, впрочемъ, плохо удавалось, не взирая на всѣ ихъ груды дорическихъ колоннъ, на всю ихъ громаду и расточительность, фотографически вѣрно скопированныхъ пальметокъ, львиныхъ головъ и всяческой орнаментистики въ аѳинскомъ родѣ, — то опять въ другихъ мѣстахъ онъ попадалъ на ряды сумрачныхъ, безотрадныхъ зданій, отъ которыхъ несло казармой и тюрьмой, и гдѣ строители работали уже на чистоту, прозаично и флегматически, безъ всякихъ хлопотъ о какихъ-то излишествахъ и украшеніяхъ, безъ малѣйшаго желанія прикрыть свою прозу: прямо строили себѣ большую кирпичную коробку съ проломленными регулярно отверстіями для оконъ—и больше ни до чего имъ не было дѣла. Это было что-то въ родѣ того, что въ прежнія времена существовало у нашихъ помѣщиковъ: много напускной, притворной галантерейности напереди, на показъ пріѣзжимъ, тысячи улыбокъ, ласковыя, полныя чувства встрѣчи — но за то, тамъ, подальше, позади парадныхъ комнатъ, какой вдругъ мрачный поворотъ медали, какія безцеремонности и шаршавости, какая сирая проза, какія щемящія ноты!

Быть можетъ, Берлинъ долго еще не отдѣлался бы отъ своей фарисейски-фальшивой физіономіи, еслибъ продолжалъ слушаться все только приказа, и самъ собой не шевельнулъ бы пальцемъ. Но сталъ, наконецъ, просыпаться и нѣмецъ, чего не смѣли видѣть, въ глубокомъ своемъ отчаяніи, ни Гейне, ни Бёрне. Шевельнулось что-то даже и у него внутри, и немножко тошне

Digitized by Google

стало ему жить и двигаться все только по прописи и обычаю. Насталъ такой день, когда ему пришло въ голову подумать не только объ университетѣ и философскихъ спорахъ про Гегеля, не только о послѣднемъ парадѣ и производствахъ, но еще и о своемъ собственномъ житьѣ-бытьѣ. Берлинъ вдругъ показался многимъ скученъ и душенъ, и цѣлая толпа людей, та, у которой немножко болѣе развязаны руки, ушла изъ Берлина, выступила за Бранденбургскія ворота, несмотря на всѣхъ ихъ торжественныхъ коней и колесницу, несмотря на всѣ блестящіе магазины и статуи фельдмаршаловъ «Unter den Linden», и попробовала основаться своимъ гнѣздомъ и вздохнуть свободно среди садовъ и чистаго воздуха, и здѣсь настроить себѣ такіе дома, которые бы не были больше похожи на наемную казарму. Это были протестанты, это были піонеры и колонисты, основатели будущаго Берлина и новой берлинской жизни. Тотчасъ загородный кварталъ сталъ разростаться; онъ росъ живо, не по днямъ, а по часамъ, и скоро сталъ головой всего города. Только та бѣда, что продолжали быть въ силѣ прежнія привычки; гуртовой пріемъ, покорность, крѣпко въѣлись въ плоть и кость пруссаковъ, даже самыхъ новыхъ: они нашли себѣ одного, двухъ архитекторовъ по вкусу, и на нихъ взвалили всю задачу выстроить имъ новый городъ за городомъ. Есть тамъ цѣлыя улицы, созданныя все однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, сдѣлавшимся моднымъ и вошедшимъ въ славу (архитекторъ Гитцигъ). Значитъ, какъ ни способенъ былъ этотъ человѣкъ, но пропадала добрая половина новости и оригинальности, какой можно было ожидать отъ новыхъ задачъ: гдѣ было взять такого человѣка, который могъ бы создать цѣлую массу варіацій домовъ, все на одну и ту же тэму? Такимъ-то образомъ и вышло, что новые кварталы Берлина носятъ отпечатокъ чего-то хорошаго, освѣжающаго и утѣшительнаго, послѣ косной рутины прежняго города; они весело глядятъ въ своей зелени, не скучены и не приклеены одинъ къ другому въ длинной анфиладѣ улицы; дома стоятъ одиноко, раздѣльно другъ отъ дружки, какъ наши дачи; они не обязаны вытягиваться въ струнку вдоль одной улицы; сосѣдніе размѣры и высоты никого изъ нихъ не стѣсняютъ, каждый домъ могъ теперь стать гдѣ хочетъ и какъ хочетъ на своей землѣ, прямо, вкось, или бокомъ; онъ могъ тоже и располагаться во всѣ стороны такъ капризно, какъ угодно: входы и выходы, повороты оконъ и выступы могли складываться и прилаживаться рѣшительно по волѣ прихоти, и въ самомъ дѣлѣ по удобству живущихъ—и это все отчасъ же придало Богъ знаетъ сколько процентовъ живописно-

Digitized by Google

сти и красивости всѣмъ этимъ новымъ кварталамъ,—чего бы, кажется, лучше желать? Какую еще лучшую оказію могъ себѣ нажить архитекторъ для того, чтобъ творить новыя, свободныя формы, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь? Такъ нѣтъ же, этого не случилось: во-первыхъ, архитекторъ истощался въ своей изобрѣтательности и фантазіи, обязанный переворачивать на сто манеровъ одно и то же и, во-вторыхъ, этотъ архитекторъ или эти архитекторы опять-таки были еще слишкомъ близки ко временамъ великаго Шинкеля и его прославленнаго «чистаго» вкуса. У нихъ такъ и торчали въ воображеніи все только колонки и фронтончики, розетки и пальметочки, а-ла-грекъ и всякія другія подобныя же затѣи. Берлинско-аѳинскій вкусъ продолжалъ свирѣпствовать. Безъ дани классическимъ совершенствамъ и тутъ тоже нельзя было шагу ступить. И притомъ, какое однообразіе въ расположеніи: вездѣ подъѣздъ сбоку, три-четыре ступеньки надо подняться подъ крытое полукруглымъ сводомъ пространство —это перистиль; по серединѣ фасада всегда группа изъ двухъ или трехъ оконъ, непремѣнно съ греческими или ренесансными колонками, накрытыми треугольничкомъ съ акротеріями по угламъ; съ непремѣннымъ однимъ балкончикомъ по серединѣ или двумя по бокамъ, съ открытыми террасами, балюстрадами надъ крышей; въ сторонѣ веранда, трельяжъ—вотъ и вся нехитрая затѣя новой берлинской архитектуры, тысячу разъ повторенная направо и налѣво, повсюду, и, что всего печальнѣе, здѣсь то же, какъ въ прежнее время, злоупотребленіе никуда не нужныхъ каріатидъ, ничего не несущихъ атлантовъ, стоящихъ тутъ точно будто только для какой-то гимнастической пробы, голые гермы, печальные на морозѣ и холодѣ съ своими нагими руками и животомъ, выходящимъ изъ каменныхъ тумбъ; однимъ словомъ, снова весь старый классическій гардеробъ явился тутъ на сцену. Что за поразительная бѣдность фантазіи, что за жалкое отсутствіе изобрѣтательности! Только двѣ вещи спасаютъ иногда отъ полнаго крушенія архитектуру новаго Берлина: идущія, кверху съуживаясь, высокія кровли съ узорчатымъ конькомъ наверху, и мастерское, разнообразнѣйшее употребленіе желѣза на рѣшетки, перила, фонари, дверную оковку и тому подобныя подробности. Отнимите здѣсь оба эти два новые ингредіента, живописныя кровли и орнаментальное желѣзо, извивающееся и разстилающееся тутъ на тысячу разныхъ манеровъ, на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ съ дивною изобрѣтательностью и вкусомъ, родившимися на нашемъ вѣку, — надъ этими домами и домиками можно было бы наску-

Digitized by Google

чаться точь-въ-точь столько же, какъ, бывало, надъ берлинскими модными домами—напокавъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Даже самыя необыкновенныя политическія событія, часто поворачивающія все нутро́ не только у народовъ, но и у художниковъ, неспособны были въ послѣднее время выбить изъ груди у берлинскихъ архитекторовъ пламенную, неожиданную искру. Пять лѣтъ тому назадъ Пруссія побѣдила Францію. Ликованіе было неслыханное, невиданное. Расходившемуся высокомѣрному чванству и узкому себялюбію не было предѣловъ. Въ сотнѣ книгъ и въ тысячѣ газетныхъ статей было повторено, что Пруссія дожила до громаднаго, величаваго всемірно-историческаго момента. И что́ же? Пока, несмотря на все это, берлинскій нижній классъ продолжалъ умирать съ голоду хуже, чѣмъ когда-нибудь, и селиться за городомъ, въ полѣ, въ покинутыхъ вагонахъ и кое-какъ сколоченныхъ продувныхъ шалашахъ; пока торговля и мастерство продолжали бѣдствовать и жаловаться на худыя времена (несмотря на всѣ пять милльярдовъ),—искусство, эта аристократическая холеная дѣятельность человѣческая, часто умѣющая уберечься отъ гнетущихъ внѣшнихъ вліяній и уйти въ творчество, какъ въ спасительную гавань и утѣшеніе, и оно тоже ничего не выиграло отъ великихъ міровыхъ побѣдъ, и ни на единый вершокъ не расправило шире своихъ крыльевъ. Вспомните торжество Бельгіи, наконецъ отдѣлившейся отъ Голландіи и вздохнувшей вольно изъ полной груди: сію же секунду поднялось, точно со дна какого-то, изъ глубины оковъ, національное бельгійское искусство, и выразило всю могучую свою мощь—новый міръ и новая жизнь тутъ начались. Съ Пруссіей совсѣмъ другое. Пять лѣтъ уже прошло, и ни одна новая художественная фибра не двинулась и не зазвучала, ничто не выразило усилившагося дыханія жизни, поднявшагося прилива мощи и творческой силы. Вѣрно побѣды и торжество были на самомъ дѣлѣ безплодны и не нужны для коренной народной стихіи, и ничего онѣ не прибавляли въ національную сущность. Посмотрите хотя на такъ-называемый «Побѣдный памятникъ», только-что воздвигнутый у самаго входа въ Берлинъ и назначенный на то, чтобъ навѣки закрѣпить великую минуту народной гордости и торжества. Плохо такъ гордиться и торжествовать, какъ это дѣлаетъ «Побѣдный памятникъ», а его сочинилъ еще одинъ изъ лучшихъ берлинскихъ художниковъ (Штракъ)! Памятникъ на цѣлую половину выше Траяновой колонны, на четверть выше Вандомской и... и все-таки изъ этого ничего не вышло. «Побѣдная зала», составляющая основаніе всему монументу, стоящая на 16-ти наружныхъ

Digitized by Google

колонкахъ и покрытая на внутреннемъ стержнѣ своемъ фрескам
побѣднаго содержанія — это не что иное, какъ садовый кіоск
въ старинномъ вкусѣ, даже со львиными головами вдоль пок
той крыши, и надъ этимъ-то незатѣйливымъ созданіемъ возв
гается длинная колонна, правда, раззолоченная и блестящая, как
пуговица, правда, съ датскими, австрійскими и французски
пушками, прикрѣпленными къ античнымъ ложкамъ, правда, с
орлами для капители и аллегорическою «Пруссіею», летящ
поверхъ ихъ, но все-таки колонна сильно смахиваетъ на долго
зую дымовую трубу надъ заводомъ.

Другое созданіе, которое по своей задачѣ должно было то
быть въ высшей степени новымъ и національнымъ — громадн
домъ для засѣданій германскаго сейма,—тоже не сказало ни е
наго новаго слова и ни въ единой черточкѣ не явилось выра
телемъ порыва, новой загорѣвшейся мысли и патріотическаго в
торга, будто бы охватившаго объединившуюся, наконецъ, Гер
нію: изъ числа всѣхъ проектовъ, присланныхъ на конкурсъ, б
линцы выбрали тотъ, который отличался только декоративной
радностью и весь составленъ былъ изъ общеизвѣстныхъ, бана
нѣйшихъ мотивовъ, но за то представлялъ колоннъ и аровъ
волю. Только на это и хватило всеобновляющаго, колоссальна
животворнаго энтузіазма, о которомъ намъ уши прожужжали
1870 года!

Все это, вмѣстѣ взятое, ничуть не говоритъ, мнѣ кажет
за блестящее процвѣтаніе архитектуры въ Пруссіи. Какъ и
Англіи, сильно уже почувствована потребность частнаго удоб
сильно высказалась необходимость покончить съ прежнимъ город
и городскимъ складомъ, но тѣ архитектурныя формы, въ котор
должна проходить и совершаться новая, будущая жизнь, еще
найдены и не выступили еще впередъ.

Но нельзя сказать, чтобъ прусскіе художники нашего в
мени уже ровно ничего не значили и ничѣмъ себя не заяв
въ послѣднее время. Нѣтъ—Боже сохрани, у меня ни един
минуты не было этого въ головѣ. Напротивъ, какъ я въ нача
сказалъ, такъ и теперь повторю, нѣмецкіе архитекторы, въ то
числѣ и прусскіе, часто одарены значительнымъ талантомъ,
про ихъ знаніе, самую солидную образованность, глубокое и с
рательное изученіе всѣхъ стилей—и говорить нечего. Тутъ
врядъ ли кто ихъ можетъ перещеголять. Можетъ быть, ни
въ Европѣ такъ не подвинулъ истиннаго, серьёзнаго изуче
искусства всѣхъ эпохъ и народовъ, какъ нѣмецкіе ученые и х
дожники. Но въ томъ-то вся и бѣда, что слишкомъ многіе нѣмец

Digitized by Google

рхитекторы скорѣе ученые, чѣмъ художники, слишкомъ почти-ельны передъ другими, слишкомъ робко держатся строгой точ-ости въ передачѣ сдѣланнаго другими, и слишкомъ рѣдко осмѣ-ваются дать волю своей собственной индивидуальности. Они росто нѣмѣютъ передъ другими, оттого почти никогда ихъ самихъ слыхать. Но коль скоро уже разъ признать, что, при довольно удной творческой способности берлинскихъ архитекторовъ, глав-е качество ихъ—знаніе того, что было создано прежними по-лѣніями и народами, и умѣнье отлично пользоваться этимъ атымъ матеріаломъ, то нельзя не отнестись съ величайшимъ ѣніемъ ко многому, созданному въ Берлинѣ въ послѣднія -30 лѣтъ. Съ каждымъ днемъ точность и мастерство воспроиз-нія дѣлаютъ все больше и больше успѣха.

И, прежде всего, надо сказать это про «Новый Музей», по-енный Штюлеромъ въ 40-хъ годахъ. Конечно, меня радуетъ немъ не продолженіе Шинкелевскихъ традицій, не фетишизмъ редъ Грецiей, не отведеніе мѣста ея архитектурнымъ пріемамъ и робностямъ, не колоссальная безцѣльная лѣстница—пустая и щенная декорація, опять-таки полная греческихъ эховъ,—ъ, все это оставляетъ меня равнодушнымъ и безучастнымъ; мнѣ кажется въ высшей степени симпатичнымъ и глубоко вдимъ тотъ принципъ, который положенъ архитекторомъ въ ву его зданія. «Мнѣ казалось,—говоритъ Штюлеръ въ преди-ви къ своему изданію «Новаго Музея»,—мнѣ казалось необхо-имъ, чтобы залы были держаны въ наивозможно-бо́льшей гар-и съ выставленными въ каждой изъ нихъ предметами. А какъ цѣль музеевъ состоитъ въ томъ, чтобы, кромѣ наслаж-художественными произведеніями, доставить зрителю какъ но болѣе ясное обозрѣніе художественныхъ производствъ раз-ыхъ народовъ и временъ, искусства же никогда не должны понимаемы каждое, какъ что-то уединенно-стоящее, отдѣленное остальныхъ искусствъ, то я и считалъ своею обязанностью можно болѣе пополнять художественныя коллекціи складомъ екораціею назначенныхъ имъ помѣщеній, тѣмъ болѣе, что во хорошія эпохи искусства, архитектура всегда была «носитель-ею скульптуры и живописи». Въ этихъ словахъ мы слышимъ тектора нашего времени, уже не слѣпого и равнодушнаго нителя даннаго ему заказа, въ любомъ стилѣ, занятаго лишь ическими подробностями и строительною техникой,—нѣтъ, слышимъ художника, полнаго свѣтлой мысли и вливающаго ю струю въ европейскую интеллектуальную жизнь. Отъ сихъ музеи не должны болѣе быть прозаическими, скучными

Digitized by Google

магазинами и складами всякихъ художественныхъ предметовъ; въ нихъ должна присутствовать не только систематическая группировка по временамъ и народамъ (что уже и раньше вошло въ общее употребленіе), но еще такая обстановка, гдѣ бы всѣ искусства сходились на помощь одно другому и дѣйствовали потомъ однимъ общимъ, торжественнымъ аккордомъ на душу и фантазію зрителя. Такимъ образомъ, залы греческой, римской и египетской скульптуры являются архитектурными созданіями въ этихъ самыхъ стиляхъ, мастерски воспроизведенными, а по стѣнамъ ихъ тянутся длинной панорамой великолѣпно исполненныя, талантливо задуманныя картины, гдѣ со всѣмъ блескомъ знанія и дарованія воспроизведены города, площади и пейзажи тѣхъ народовъ, чьи скульптуры тутъ выставлены, а зала сѣверныхъ древностей наполнена фресками, представляющими сцены изъ древне-сѣверной миѳологіи. Всего поразительнѣе дѣйствуютъ на зрителя египетскія залы; изъ нихъ одна переноситъ васъ въ средину карнакскаго храма, васъ окружаютъ ряды росписныхъ колоннъ, кончающіяся цвѣткомъ наверху, и покрытыя священными фигурами, змѣями, іероглифическими табличками, а вмѣстившимися въ рядъ островерхими листьями лотоса; къ стѣнамъ прислонились красные, сидящіе колоссы царей и боговъ, священные овны лежатъ, протянувшись на своихъ пьедесталахъ среди дворика, съ золотыми дисками между роговъ; въ другой залѣ передъ вами сидитъ, подъ древне-египетскимъ пестрымъ балдахиномъ, молодая царица Египта, и вокругъ нея всѣ стѣны наполнены фресками, изображающими побѣды, охоты, домашнюю жизнь, сельскія и городскія работы египтянъ. И вотъ, тутъ-то, когда воображеніе ваше настроено на историческій тонъ, передъ вами выступаютъ, изъ-подъ голубыхъ съ золотыми звѣздами сводовъ, поддерживаемыхъ древними колоннами бенигассанскихъ гротовъ, тысячи предметовъ египетской жизни, исторіи, богопочитанія: муміи, священные сосуды, ибисы, кошки, лягушки, амулеты, сандаліи, плетеныя косы, каштаны, ожерелья, опахала, пальмусы, домашніе божки. Въ другихъ залахъ передъ вами цѣлыми каменныя, глыбы — замурованныя египетскія гробницы. Все это вмѣстѣ представляетъ картину поразительную, необычайную. Чего тутъ дивиться, когда египетское отдѣленіе создано и устроено по мысли одного изъ величайшихъ ученыхъ нашего времени, знаменитаго Лепсіуса. Большинство предметовъ, наполняющихъ музей этотъ, начиная отъ громадныхъ камней, статуй и гробницъ, и кончая мельчайшими туалетными вещицами, серьгами, кольцами, коробочками для румянъ — привезены Лепсіусомъ и

Digitized by Google

го прославленнаго путешествія; это была полнѣйшая и изумитель-
ѣйшая коллекція, и ее-то онъ задумалъ разставить и разло-
ить такъ, чтобъ вышла связная, художественная картина исчез-
шаго сѣдого міра. Это было въ 1848 году. Когда, шесть лѣтъ
усл, въ 1854 году англичане стали устроивать свой волшеб-
й Хрустальный дворецъ, они взяли примѣръ съ чуднаго
нія Лепсіуса и Штюлера, увеличили, расширили его, при-
и ему повсюду и во всемъ еще болѣе колоссальные размѣры,
еще, на придачу, поставили тутъ же рядомъ множество дру-
подобныхъ же воспроизведеній древняго искусства: дворики
рійскій, греческій, римскій, алгамбрскій, романскій, готиче-
и т. д. Такъ-то въ нынѣшней Европѣ не теряется болѣе
ая значительная мысль, и тотчасъ идетъ на выковку и у
ъ другихъ націй.

Въ другихъ зданіяхъ Берлинъ, напротивъ, заимствовалъ первo-
льную мысль отъ англичанъ, но только въ свою очередь
лъ, расширилъ и возвеличилъ ее по-своему. Это — музей
ивыхъ животныхъ. У англичанъ у первыхъ въ Европѣ
нула мысль, что тоже и съ животными надо быть гуманными,
ли необходимость заставляетъ держать ихъ плѣнниками въ
тическихъ садахъ для нашего любованья или ученья, то не
чтобъ зоологическіе сады были для этихъ несчастныхъ злою
тою: имъ тамъ должно быть по возможности сносно, и даже
но и привольно. Отъ этого-то и создался впервые въ Лон-
такой зоологическій садъ, гдѣ орлы могли свободно летать
воихъ клѣткахъ, львы — бѣгать и метаться своими гигантскими
ками, рыбы — плавать стаями среди скалъ и подводной зелени,
и гиппопотамы — уходить съ головою въ глубокіе пруды во
знойной жары, змѣи — ползать по полу и по сучьямъ дерева,
ицы — проворно скользить по песку и прятаться въ камень-
Почти тотчасъ всѣ стали перенимать англійскій великодуш-
образецъ, но никто не пошелъ дальше Берлина. Одинъ изъ
айшихъ естествоиспытателей нашего времени, Брэмъ, сталъ
авѣ предпріятія, устроившаго «Акваріумъ», и создалъ здѣсь,
помощи хорошаго архитектора, Луэра, такое чудо, какого
другого нигдѣ въ Европѣ. Животныя, птицы, рыбы, пом-
ѣ на этотъ разъ уже не только удобно и заботливо, но еще
акой живописной обстановкѣ, которая дѣлаетъ этотъ музей
ъ прелестнѣйшихъ, увлекательнѣйшихъ картинъ природы.
адилы лежать неподвижно въ глубокихъ прудахъ, окружен-
ящими кустами родной имъ растительности; помѣщенія
рыбъ — это рядъ живописнѣйшихъ, ярко освѣщенныхъ кар-

Digitized by Google

тинокъ, на которыя смотришь изъ-подъ темныхъ гротовъ и скал
жилища птицъ—это для однихъ уголъ громадной скалы, нависшей
впередъ разнообразными своими пластами, съ каскадомъ вверху
и маленькимъ озеркомъ внизу, для другихъ это—воздушный, от
крытый фаланстеръ, общее, широкое, свѣтлое, привольное жил
окруженное зеленью и освѣщенное стекляннымъ сводомъ сверху
тоненькія колонны и аркадки, окружающія этотъ свѣтлый дом
раздѣленный на участки тонкими сѣтками-невидимками, и лежащ
передъ вами весь какъ на ладони, взяты изъ готической архи
тектуры—и ничто не могло быть больше кстати: вѣдь готическа
архитектура, это—увѣряли, бывало, иные—архитектурное воспро
веденіе лѣса; летящія вверху стройные, точеные стволики
люнь—это стволы древесные, и кончаются они вверху листья
и цвѣтами; аркады готическія—вѣдь это своды, сплетенные
хушками густой чащи. Вѣрно или невѣрно такое объясненіе,
во всякомъ случаѣ примѣненіе было на этотъ разъ чудесно, уда
и оригинально, и готическая архитектура вышла тутъ на мѣс

Берлинскій зоологическій садъ столько же энергично, к
аквaріумъ, продолжаетъ развивать великодушную, сострадатель
и поэтическую идею, брошенную въ нынѣшнюю Европу Англ
Ученые такого же склада, какъ Брэмъ, завѣдуютъ его устр
ствомъ и ростомъ, и для нихъ, точно также какъ и для зна
нитаго автора «Жизни животныхъ», мало того, чтобъ живот
были помѣщены хорошо и удобно, имъ кажется необходи
вся та обстановка природы и искусства, которая окружаетъ
дое животное на его родинѣ. Этотъ великолѣпный планъ
водится, подъ ихъ смотрѣніемъ, въ исполненіе талантливыми
линскими архитекторами, которые, какъ я уже говорилъ
глубочайшіе знатоки и мастера воспроизводить зданія иноземн
стилей. Всего изумительнѣе у нихъ вышло помѣщеніе для
новъ и риноцеросовъ. Для нихъ выстроили великолѣпный
скій домъ, пагоду или монастырь, съ громадными купол
какъ древняя восточная митра, съ далеко нависшими галер
ками на столбикахъ-кубышкахъ, со входными воротами, въ
пригнутой книзу подковы, съ окнами прорѣзанными насквозь
сячью отверстій, какъ медовый сотъ, съ мозаичными крылат
змѣями, бѣгущими слонами и стройными деревцами, усѣявш
верхъ стѣны; внутри грузныя колонны лежатъ разноцвѣтны
слоями своими, какъ нагроможденныя чаши и круги; вверху
кончаются капителями, откуда глядятъ, какъ изъ окна, ко
сальныя слоновыя головы, и все это цвѣтно, разволочено, б
ститъ и горитъ, какъ будто въ Индіи, ошаренное раскаленны

Digitized by Google

ницевъ. Картина чудная, чудно двигающая духъ зрителя. «Слоный домъ» въ берлинскомъ зоологическомъ саду и всѣ другіе елью же характерные, мало-по-малу возникающіе вокругъ него, разнообразныхъ животныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта (напримѣръ, арабскій домъ для африканскихъ жирафовъ, сіамскій—для ихъ-то южныхъ болотныхъ птицъ, швейцарскій—для козуль т. д.), конечно, служатъ могучимъ средствомъ научнаго и эстетическаго воспитанія народной массы, и оттого-то не жалѣютъ ихъ никакихъ денегъ тѣ, кто этимъ дѣломъ завѣдуетъ.

Еще одна превосходная постройка новаго времени въ Берлинѣ—это еврейская синагога. Ее строилъ архитекторъ, еврей Кноблаухъ, уже давно славившійся у берлинцевъ построенными имъ многочисленными частными домами. Берлинцы находили у него и вкусъ, и тонкое художественное чувство, и удивительную изобрѣтательность на орнаментистику, на придачу къ умѣнью обыкновенно удобно располагать частные дома. Послѣднее это могло быть и правдой, все же остальное навряд ли будетъ кѣмъ-нибудь признано нынѣче,—такъ все у него обыкновенно и посредственно, такъ все обличаетъ ординарнаго послѣдователя шинкелевской школы. Конечно, не построй Кноблаухъ ничего на своемъ вѣку, кромѣ своихъ частныхъ домовъ, скоро имъ затерялась бы память даже въ самомъ Берлинѣ; но ему была доля быть позваннымъ на такую постройку, которая какъ нельзя болѣе приходилась по его способностямъ, натурѣ и происхожденію—отъ этого изъ его рукъ и вышло такое архитектурное созданіе, которое увѣковѣчиваетъ его имя, а Берлину оставляетъ однимъ чудеснымъ художественнымъ созданіемъ больше. Берлинская синагога—это, за исключеніемъ парижской церкви, про которую мы будемъ еще говорить ниже, и которая имѣетъ совершенно особенный характеръ—самый значительный еврейскій храмъ всей Европы. Вѣрно будетъ сказать даже: это единственный еврейскій соборъ. Въ Берлинѣ еврейское племя такъ многочисленно и такъ богато, что архитекторъ могъ смѣло дать полетъ своей семитической фантазіи, и вотъ, тутъ и родилось одно изъ современныхъ европейскихъ чудесъ. Берлинская синагога построена въ мавританскомъ стилѣ (вѣдь, арабы родные братья евреевъ и оно кстати было строить въ ихъ архитектурномъ вкусѣ, когда не уцѣлѣло ни одной древне-еврейской постройки). Талантъ Кноблауха, его оріентальный вкусъ, долго сдерживаемый, развернулся тутъ во всемъ блескѣ, и невозможно видѣть всего великолѣпія синагоги, когда она вся пламенѣетъ огнемъ, во время торжественнаго служенія въ пятницу вече-

Digitized by Google

ромъ, но свѣтомъ нѣжнымъ, такъ какъ онъ идетъ и въ вид
круглой нишѣ позади алтаря, и въ потолкѣ, сквозь громадны
цвѣтныя и узорчатыя стекла. Мраморный рѣзной кіоскъ дл
чтеца св. писанія, высокія арабскія арки, усѣянныя по кра
зубчиками, алгамбрскія чудесныя колонки, покрытыя краскам
золотомъ, всѣ изъ узоровъ арабскія двери и рѣшетки, Давидо
звѣзда, повсюду восточныя лампочки, подъ которыми весе
сіяетъ нынѣшній газъ—все это чудесно и волшебно. И еврей
и Берлину есть чѣмъ гордиться.

Наконецъ, къ числу примѣчательныхъ новыхъ построе
прусской столицы надо еще отнести отъѣздную залу вагоно
Постдамской желѣзной дороги и пассажъ «Подъ-липами», и
званный «Императорскою галлереею». Обѣ постройки громадн
стройны, сложены изъ желѣза и стекла, въ стилѣ итальянск
ренесанса, и—что придаетъ особую цѣну,—ихъ роскошная ор
ментистика вся выполнена не изъ налѣпленнаго алебастра и п
катурки, а изъ громадныхъ массъ терракотты, богато и вку
изваянной, и прибавляющей новое изящество своими нѣжны
цвѣтными тонами.

Теперь взглянемъ на Вѣну. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ э
городъ совершенно переродился, словно онъ выползъ изъ пр
ней шкурки, и на немъ отросла новая. Перерожденіемъ В
обязана прямо энергическому почину своихъ архитекторов
вмѣшательству самихъ вѣнцевъ, болѣе глубоко интересовавши
близкимъ для каждаго изъ нихъ дѣломъ, чѣмъ это обыкнове
бываетъ въ другихъ мѣстахъ. Вѣна перестраивалась разомъ, н
но не по приказанію начальства, какъ это было въ Парижѣ,
потому, что самъ городъ почувствовалъ въ томъ крайнюю необ
димость, сталъ просить этого и настоялъ на выполненіи сво
нуждъ.

Вѣна—городъ очень развитый и художественный, быть м
жетъ, именно потому, что въ немъ перемѣшалось столько р
ныхъ національностей,—нѣмецкая, славянская, итальянская. Ин
ресъ къ художественному дѣлу здѣсь столько силенъ и дѣйст
теленъ, что не разъ случалось, — значительная часть жите
чувствовала себя вдругъ оскорбленною тою или другою постр
кою, по крайней мѣрѣ, въ проектѣ; требовала ея измѣненія, и
даже и полнаго неисполненія, и заявляла это такъ энергич
что приходилось дѣлать по ея. Бывали примѣры, что вѣн
заставляли принять прочь цѣлыя архитектурныя или скульптур
части и украшенія, признанныя ими негодными. Такъ бы

Digitized by Google

напримѣръ, съ пегазами, поставленными наверху зданія «Новой Оперы»: и публика, и печать такъ дружно и упорно нападали на ихъ безобразіе, что ихъ, наконецъ, сняли вонъ и рѣшились заставить другими группами.

При такой живости ощущенія, при такомъ интересѣ къ художественнымъ и всякимъ другимъ вопросамъ, касающимся города, вѣнское населеніе сильно должно было сознавать стѣснительность стараго города, на-половину еще сжатаго средневѣковыми стѣнами и рвами, и наполненнаго плохими, безобразными домами и домишками стариннаго покроя, въ узенькихъ, кривыхъ, запутанныхъ и нездоровыхъ улицахъ. Не разъ вѣнскіе архитекторы предлагали правительству обширные, основательные планы или реформы города—ихъ не принимали, на томъ основаніи, что, по тогдашнимъ понятіямъ, стѣны съ башнями и запирающимися воротами, съ рвами и бастіонами необходимы были—въ случаѣ чего, для сдерживанія возставшаго народа. Однако жалобы общества и художниковъ раздавались все громче и громче, такъ что, наконецъ, въ 1857 году послѣдовало разрѣшеніе заняться планомъ коренной перестройки города; въ 1858 году былъ объявленъ конкурсъ по этому предмету, въ томъ же году было представлено 85 проектовъ разнообразнѣйшаго достоинства, изъ нихъ выбрано и слито вмѣстѣ нѣсколько наилучшихъ, и въ концѣ 1859 года перестройка была окончательно утверждена императоромъ.

Такъ рухнули стѣны и бастіоны Вѣны, окружавшіе, словно оградою какой-то, внутреннее стариннѣйшее ядро города; на мѣсто ихъ, а также засыпанныхъ рвовъ, протянулась кругомъ кольцомъ великолѣпная, широкая «Ringstrasse», и въ нѣсколько годовъ обстроилась громадными домами небывалой прежде въ Вѣнѣ роскоши и красивости. Примѣръ срединнаго кольца, расцвѣтшаго въ неожиданномъ блескѣ, былъ слишкомъ соблазнителенъ для остальной Вѣны, и въ немногіе годы она вся преобразилась, отъ одного конца до другого.

Въ пятнадцать лѣтъ оживленной, можно сказать, судорожной дѣятельности, вѣнская архитектура не произвела ничего самостоятельнаго, оригинальнаго. Нѣтъ здѣсь ни одного зданія, на которое можно было бы указать, какъ на образецъ нынѣшняго строительнаго творчества, какъ на созданіе, вытекшее отъ самыхъ корней и до послѣдняго орнамента изъ потребностей нынѣшней жизни. Въ Вѣнѣ царствуетъ только копированіе прежнихъ стилей и приноравливаніе ихъ къ теперешнимъ потребамъ. Лучшія его зданія построены съ чужого голоса: такъ, напри-

Digitized by Google

мѣръ, арсеналъ построенъ въ романскомъ стилѣ; Votiv-Kirche—въ готическомъ; оперный театръ, художественно-промышленный музей, Heinrichshof, наконецъ, большинство крупнѣйшихъ домовъ—въ стилѣ ренесанс; но копированія и приноживанія этимастерскія и достойныя всякаго вниманія, потому что они съумѣли не только выполнить свои архитектурныя задачи, но еще выразить яркими чертами настоящій характеръ, настоящую физіономію вѣнскаго населенія. Характеръ этотъ состоитъ въ веселомъ, праздничномъ настроеніи духа, въ стремленіи жить широко и далеко отъ домашняго очага, въ бесѣдѣ съ толпой знакомыхъ и незнакомыхъ пріятелей, въ художественныхъ, быстро смѣняющихся наслажденіяхъ, украшать жизнь, гдѣ только можно окружать увлекательнымъ орнаментомъ даже все самое строгое и суровое въ жизни. Вѣнецъ—это французъ Германіи; онъ столько же, какъ парижанинъ, готовъ проводить весь свой день на улицѣ и въ кафе; вѣнская Ringstrasse—это давно необходимое для вѣнца повтореніе парижскихъ бульваровъ, и оттого-то эта непрерывная линія сверкающихъ громадныхъ магазиновъ, зеркальныхъ кафе и трактировъ, отелей, выставокъ, царство ослѣпительной роскоши и блеска, среди тянущихся длинными линіями деревьевъ и выглядывающихъ мѣстами садовъ, съ кіосками и чудной австрійской музыкой.

Никакая архитектура не годилась для всего этого столько, какъ архитектура ренесансъ, богатая, веселая, свѣтлая и статная, пышная какъ милліонеръ, улыбающаяся какъ красавица въ бальномъ нарядѣ. И вотъ, вѣнскіе архитекторы наполнили всю Вѣну колоссальными пяти-этажными домами, съ аркадами внизу, какъ на Rivoli въ Парижѣ, съ рядами стройно расположенныхъ этажей и оконъ, съ великолѣпными гербами на лбу, прорѣзными золочеными коньками поверхъ съуживающейся вверхъ крыши, съ грандіозными порталями и воротами посерединѣ. Часто попадающіяся поперечныя улицы и загибы переулка, идущаго круглымъ кольцомъ, даютъ поминутно чудесныя перспективы, и ничто не можетъ сравниться, потому, съ живописностью новой Вѣны. Индивидуальный характеръ отдѣльныхъ архитекторовъ частію почти совершенно потерянъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ капитальнѣйшія и многочисленнѣйшія постройки производятся архитектурными обществами, т.-е. талантомъ и соображеніемъ многихъ за-разъ,—но за то выиграло цѣлое, общее впечатлѣніе, и оно все состоитъ въ одной громкой нотѣ богатой сытости, безъ заботной радости и наслажденія. Какая разница не только съ прежнимъ, но даже и новымъ Берлиномъ!

Digitized by Google

Не по одному коренному характеру, всюдѣ и во всемъ вѣрно выраженному, но также и по климату, архитектура ренессанса приходилась удивительно хорошо по Вѣнѣ, и вотъ отчего вышло, что нигдѣ нельзя такъ наслаждаться этою архитектурою, какъ въ Вѣнѣ. Высшее свое выраженіе она нашла въ новомъ оперномъ театрѣ (архитекторъ фанъ-деръ-Нюлль), который, несмотря на разные недостатки, кажется мнѣ лучшимъ европейскимъ театромъ въ настоящую минуту (почему и буду говорить о немъ не теперь, а ниже, когда рѣчь пойдетъ о новомъ парижскомъ оперномъ театрѣ), и еще въ такъ-называемомъ «Heinrichshof» (архитекторъ Ганзенъ). Это огромный частный домъ, стоящій напротивъ «Новой Оперы», 50 саженъ въ длину, 25 саженъ въ ширину. Онъ назначенъ весь для найма отдѣльными квартирами, но имѣетъ снаружи и внутри видъ настоящаго палаццо: благородство частей, гармоническое распредѣленіе оконъ и этажей, мастерски задуманные выступы каменными глыбами для того, чтобы не дать кирпичу остального зданія сдѣлаться монотоннымъ, богатство фресокъ по золотому фону на пустыхъ пространствахъ между окнами верхняго этажа,—все производитъ великолѣпное впечатлѣніе, и его не нарушаетъ даже сравнительно капельная малость входныхъ дверей въ нижнемъ этажѣ, тамъ, гдѣ бы требовалось нѣсколько крупныхъ порталовъ. Можетъ быть, вѣнцы и въ самомъ дѣлѣ правы, говоря, что ихъ Heinrichshof не только лучшее зданіе новой Вѣны, но еще лучшій и красивѣйшій наемный домъ цѣлой Европы. Это могло быть достигнуто только при великой художественной способности, при большомъ художественномъ знаніи австрійскихъ архитекторовъ. И это знаніе и способность высказались не въ однихъ только постройкахъ въ стилѣ ренессанса: за что́ бы ни взялись лучшіе изъ вѣнскихъ строителей, они нигдѣ не творили ничего новаго, но всюду, во всѣ стили вносили свое умѣнье, и въ то же время оживляющій ихъ свѣтлый, счастливый духъ. «Новый арсеналъ» (архитекторы фанъ-деръ-Нюлль, Сиккардсбургъ и Ганзенъ) есть коренастая, крѣпкая романская постройка, съ бойницами, раскатами базисовъ и слоновыми стѣнами съ желѣзными воротами, врѣзывающимися въ промежуткѣ между двухъ граненыхъ башенъ, цѣлая крѣпостца, способная выдержать даже осаду возставшаго народа или наступившаго непріятеля; но эта грозная задача все-таки рѣшена была австрійскими архитекторами такъ, что вся массивная прочность и надежность была соблюдена, но въ то же время и впечатлѣніе самой изящной красоты и стройности было произведено посредствомъ художественнаго выбора формъ и мастерской группировки

Digitized by Google

романскихъ красивыхъ оконъ, парами и въ шахматъ одни надъ другими, наконецъ игрою цвѣтныхъ пластовъ кирпича.

Такъ точно и знаменитая «Votiv-kirche» (архитекторъ Ферстль) строго слѣдуетъ великолѣпнымъ готическимъ примѣрамъ средневѣковой эпохи, но незамѣтно вноситъ въ мрачный монашескій характеръ что-то улыбающееся, роскошное и цвѣтущее, не совсѣмъ, быть можетъ, свойственное древнему католичеству полу-варварскихъ, фанатическихъ временъ, но за то отличающее это зданіе печатью новой Вѣны XIX-го столѣтія.

Я старался набросать архитектурную физіономію нынѣшняго Мюнхена, Берлина и Вѣны, отсутствіе новаго самостоятельнаго стиля, и то, какъ равно архитекторы этихъ германскихъ столицъ рѣшали задачу примѣненія къ нынѣшнимъ потребностямъ старыхъ стилей. Но есть еще одна особенность, отличающая какъ эти царскія резиденціи, такъ и большинство прочихъ нѣмецкихъ городовъ. Это — безчисленныя статуи нѣмецкихъ великихъ людей, — уже не все только государей и полководцевъ, какъ бывало прежде, — поэтовъ, ученыхъ, музыкантовъ, государственныхъ людей, художниковъ, творческихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, свято сохраненные въ первобытномъ своемъ видѣ дома, гдѣ жили великіе нѣмецкіе люди, дорогіе отечеству и городу. Это черта высокаго интеллектуальнаго благочестія, свидѣтельствующая о нынѣшнемъ развитіи германскаго народа. Эти истинно-національные, повсюду многочисленные памятники придаютъ нѣмецкимъ городамъ такой живописный видъ, и вмѣстѣ такой глубокій интересъ, какой не всегда можно встрѣтить въ другихъ мѣстахъ.

Обратимся теперь къ Парижу.

Влад. Стасовъ.

Digitized by Google

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ЭЖЕНЪ РУГОНЪ

Романъ, соч. Эмиля Зола.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par *Emile Zola*. Tome sixième: Son Excellence Eugène Rougon.

V *).

Однажды утромъ, часовъ въ одиннадцать, Клоринда явилась къ Ругону, въ улицу Марбёфъ. Она возвращалась изъ «Лѣсу», слуга держалъ ея лошадь у дверей. Она пришла прямо въ садъ, повернула налѣво и остановилась передъ открытымъ настежъ окномъ, гдѣ великій человѣкъ работалъ.

— Гмъ! вотъ какъ я васъ накрыла! — вдругъ проговорила она.

Ругонъ поспѣшно поднялъ голову. Гостья смѣялась, вся залитая жаркимъ іюльскимъ солнцемъ. Въ амазонкѣ изъ толстаго синяго сукна, съ закинутымъ на лѣвую руку шлейфомъ, она казалась еще выше ростомъ; а корсажъ съ жилетомъ и маленькими круглыми басками облегалъ вплотную ея плечи, грудь и бедра. На ней были надѣты полотняные манжеты, полотняный воротничекъ съ узенькимъ галстукомъ изъ голубого фуляра; мужская шляпа молодецки надвинута на скрученныхъ волосахъ, а вокругъ

*) См. выше: янв., 84 стр.

Digitized by Google

нея развѣвался голубымъ облакомъ газовый голубой вуаль, искрившійся золотистой солнечной пылью.

— Какъ! это вы! — закричалъ Ругонъ, бросаясь къ ней.— Войдите, войдите же!

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала она. — Не безпокойтесь, мнѣ нужно сказать вамъ только одно слово... Мамаша ждетъ меня къ завтраку.

Уже въ третій разъ пріѣзжала она такимъ образомъ къ Ругону, вопреки всѣмъ приличіямъ, но ни за что не хотѣла войти въ домъ. Къ тому же, и въ первые два раза она бывала также въ амазонкѣ,—костюмъ, въ которомъ она, повидимому, считала себя свободной, какъ мужчина, и видѣла въ его длинной юбкѣ должно быть спасительную гарантію.

— Знаете, вѣдь я пріѣхала побираться,—продолжала она.— Я привезла вамъ лотерейные билеты... Мы устроили лотерею въ пользу бѣдныхъ дѣвушекъ.

— Ну, такъ войдите,—повторилъ Ругонъ.—Вы мнѣ объясните въ чемъ дѣло.

Она держала въ рукахъ хлыстикъ, тоненькій хлыстикъ, съ серебряной рукояткой. И снова разсмѣялась, слегка похлопывая хлыстикомъ по юбкѣ.

— Да больше объяснять нечего! Вы возьмете у меня нѣсколько билетовъ. Я только за этимъ и заѣхала... Я уже три дня безуспѣшно гоняюсь за вами, а лотерея разыгрывается завтра.

И, вынувъ изъ кармана маленькій портфель, спросила:

— Сколько билетовъ вы возьмете?

— Ни одного, если вы не войдете!—закричалъ онъ.

И прибавилъ шутливо:

— Чортъ возьми! Развѣ можно обдѣлывать дѣла черезъ окошко! Неужели же мнѣ подать вамъ деньги въ окно, какъ нищенкѣ!

— Мнѣ все равно, давайте.

Но онъ не сдавался. Она съ минуту молча глядѣла на него, потомъ сказала:

— Если я войду, возьмете ли вы у меня десять билетовъ?.. Они по десяти франковъ.

И все-таки не сразу рѣшилась. Она быстрымъ взглядомъ обвела весь садъ. Въ одной изъ аллей, садовникъ, стоя на колѣняхъ, сажалъ герань. Она слабо улыбнулась и направилась къ крыльцу изъ трехъ ступенекъ, на которое выходилъ балконъ

Digitized by Google

кабинета. Ругонъ уже протягивалъ ей руку. Когда онъ привелъ ее на средину комнаты:

— Вы боитесь, должно быть, что я васъ съѣмъ? — проговорилъ онъ.—Развѣ вы не знаете, что я самый покорный изъ вашихъ рабовъ... Чего вы боитесь?

Она слегка хлопала хлыстикомъ по юбкѣ.

— Я ничего не боюсь,—отвѣчала она съ апломбомъ эмансипированной дѣвицы.

Потомъ, положивъ хлыстикъ на диванъ, снова принялась рыться въ портфелѣ.

— Вы берете десять, не правда ли?

— Двадцать, если вамъ угодно,—отвѣчалъ онъ:—но только, умоляю, сядьте, потолкуемъ... Вѣдь вы не убѣжите сейчасъ же, не правда ли?

— Ну, такъ хотите, за каждую минуту, которую я проведу у васъ, вы берете билетъ, да?.. Если я останусь четверть часа, это составитъ пятнадцать билетовъ; если пробуду двадцать минутъ—двадцать билетовъ и такъ до самаго вечера... Я на это согласна, это мнѣ съ руки... Рѣшено?

Они посмѣялись надъ этой сдѣлкой. Клоринда сѣла въ кресло, въ амбразурѣ окна, оставшагося раскрытымъ. Ругонъ, чтобы не пугать ее, усѣлся снова за письменный столъ. И они заговорили объ его домѣ.

Она глядѣла въ окно и объявила, что находитъ садъ маловатымъ, но прелестнымъ съ его центральной лужайкой и кущами зеленыхъ деревъ. Онъ сообщалъ ей подробный планъ дома: внизу, въ rez-de-chaussée, расположены его кабинетъ, большой салонъ, маленькій салонъ и большая столовая, въ первомъ и во второмъ этажахъ по семи комнатъ. Все это, хотя и невелико, относительно, но для него слишкомъ просторно. Когда императоръ подарилъ ему этотъ отель, онъ собирался жениться на одной дамѣ, вдовѣ, выбранной для него его величествомъ. Но дама умерла. Теперь онъ остался холостымъ.

— Почему?—спросила она, глядя ему прямо въ лицо.

— Ба! У меня много другого дѣла. Въ мои годы женщины больше не нужны.

Но она, пожавъ плечами, замѣтила ему просто:

— Не рисуйтесь.

Они такъ тѣсно сблизились, что уже больше не стѣснялись въ разговорахъ. Она утверждала, что онъ долженъ быть человѣкъ страстный. Онъ отрицалъ это, разсказывалъ ей о своей молодости, о годахъ, прожитыхъ имъ въ пустыхъ комнатахъ, куда даже

Digitized by Google

прачки не входили,—смѣялся онъ. Тогда она съ дѣтскимъ любопытствомъ разспрашивала его про его любовницъ; вѣдь были же онѣ у него; напримѣръ, онъ не можетъ отрицать своей связи съ одной дамой, извѣстной всему Парижу, которая, разставшись съ нимъ, поселилась въ провинціи. Но онъ пожималъ плечами. Юбки его не тревожили.

Когда кровь бросалась ему въ голову, чортъ возьми! онъ былъ такой же, какъ и всѣ мужчины, высадилъ бы плечомъ перегородку, чтобы проникнуть въ альковъ. Онъ не любилъ мѣшкать за дверью. Но потомъ, когда дѣло было сдѣлано, онъ становился очень спокойнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо женщинъ,—повторялъ онъ, съ глазами, уже зажигавшимися огнемъ отъ томной позы Клоринды.— Онѣ занимаютъ слишкомъ много мѣста въ жизни.

Молодая дѣвушка, раскинувшись въ креслахъ, странно улыбалась. Лицо у ней было томно, а глаза часто мигали. Она усиливала свой итальянскій акцентъ и говорила на-распѣвъ.

— Полноте, mon cher, вы насъ обожаете,—сказала она.— Хотите пари́ держать, что женитесь въ нынѣшнемъ году?

Она была такъ увѣрена въ своей побѣдѣ, что становилось даже досадно. Съ нѣкоторыхъ поръ она прямо бросалась Ругону на шею безъ всякой церемоніи. Она даже не брала больше труда скрывать свои старанія вскружить ему голову. Она считала, что настолько завладѣла имъ, что можетъ уже дѣйствовать прямо. Между ними ежеминутно завязывалась настоящая дуэль. Если они еще не высказывали вслухъ условій боя, то самыя откровенныя признанія вертѣлись у нихъ на языкѣ, читались въ глазахъ.

Взглядывая другъ на друга, они не могли не улыбаться, и взглядами вызывали другъ друга на бой. Клоринда объявила свою цѣну и шла къ цѣли съ гордой смѣлостью, убѣжденная, что поставитъ на своемъ. Ругонъ, опьяненный, задѣтый за живое, отбросилъ всякую совѣстливость, мечталъ о томъ только, чтобы сдѣлать своей любовницей эту красавицу-дѣвушку и затѣмъ бросить ее, чтобы доказать ей, что онъ сильнѣе ея. Самолюбіе разыгралось въ нихъ еще больше, чѣмъ чувственность.

— У насъ,—говорила она почти шопотомъ:—любовь великое дѣло. Двѣнадцатилѣтнія дѣвчонки уже влюбляются... Я сдѣлалась мальчикомъ, потому что много путешествовала. Но если бы вы знавали мамашу, когда она была молода! Она не выходила изъ своей комнаты. И была такъ хороша, что на нее пріѣзжали поглядѣть издалека. Одинъ графъ нарочно для этого про-

Digitized by Google

жилъ въ Миланѣ шесть мѣсяцевъ, хотя ему не удалось увидѣть кончика ея носа. Итальянки вѣдь не то, что француженки, которыя болтаютъ и слоняются по бѣлу-свѣту: итальянки всю жизнь висятъ на шеѣ у человѣка, котораго избрали... Я, конечно, привыкла путешествовать и не знаю, угомонюсь ли. Однако, мнѣ кажется, что я могла бы любить очень сильно, да! очень сильно, до смерти...

Глаза ея раскрылись, лицо озарилось нѣгой. Ругонъ въ то время, какъ она это говорила, всталъ изъ-за стола съ дрожащими руками, точно его толкала непреодолимая сила. Но, когда онъ подошелъ къ ней, она широко раскрыла глаза, спокойно поглядѣла на него, и, показывая на часы, съ улыбкой сказала:

— За вами уже десять билетовъ.

— Какъ! десять билетовъ?—пробормоталъ онъ, не понимая.

Когда онъ пришелъ въ себя, она расхохоталась во все горло. Ей нравилось кружить ему голову. Но когда онъ распрывалъ объятія, она ускользала отъ него; такая игра повидимому ее очень забавляла. Ругонъ, внезапно поблѣднѣвшій какъ полотно, съ яростью глядѣлъ на нее, и это только усиливало ея веселость.

— Прощайте, я ухожу,—произнесла она.—Вы недостаточно любезны съ дамами... Нѣтъ, серьёзно, мамаша ждетъ меня къ завтраку.

Но онъ уже принялъ отеческій видъ. Одни только сѣрые глаза его, полу-закрытые тяжелыми вѣками, еще бросали пламя, когда она отворачивала голову. Тогда онъ окидывалъ ее огненнымъ взглядомъ съ яростью человѣка, выведеннаго изъ себя и рѣшившагося добиться своего. Совсѣмъ тѣмъ онъ прикидывался добродушнымъ, повторялъ, что можетъ же она подарить ему еще пять минутъ. Она застала его за такимъ скучнымъ трудомъ,—отчетомъ въ сенатъ о петиціяхъ. И Ругонъ заговорилъ съ ней объ императрицѣ, на которую она молилась. Императрица уже съ недѣлю какъ уѣхала въ Біарриць. Тутъ молодая дѣвушка снова развалилась въ креслахъ и принялась болтать безъ умолку. Она знавала Біарриць, она провела тамъ цѣлое лѣто, во время оно, когда это мѣстечко еще не вошло въ моду. Она была въ отчаяніи, что не могла посѣтить его снова въ то время, какъ тамъ находится дворъ. Потомъ перескочила къ засѣданію въ академіи, куда возилъ ее наканунѣ де-Плугернъ. Тамъ принимали писателя, надъ которымъ она очень потѣшалась, потому что онъ былъ лысъ. Къ тому же она ненавидѣла книги. Какъ только вздумаетъ читать, такъ съ ней сейчасъ сдѣлается нервный припадокъ. Она

Digitized by Google

не понимаетъ того, что́ читаетъ. Когда Ругонъ сообщилъ ей, что писатель, принятый наканунѣ въ академію, врагъ императора, и рѣчь его была полна отвратительныхъ намековъ, она совсѣмъ оторопѣла.

— А вѣдь онъ на видъ казался такимъ добрякомъ, — объявила она.

Ругонъ, въ свою очередь, началъ громить книги. Въ то время вышелъ романъ, который возбуждалъ въ немъ особенное негодованіе: это произведеніе самаго развращеннаго воображенія, говорилъ онъ, гоняющагося будто бы за правдой и угощающаго читателя похожденіями истерической женщины. Слово «истерической», повидимому, ему нравилось, потому что онъ повторялъ его три раза. Клоринда спросила у него, что́ оно означаетъ, но онъ отказался объяснить, выказывая вдругъ необыкновенную щекотливость.

— Все можно сказать, — продолжалъ онъ, — но на все есть своя манера... Такимъ образомъ, въ администраціи часто приходится касаться самыхъ щекотливыхъ вопросовъ. Я, напримѣръ, читалъ отчеты объ извѣстнаго сорта женщинахъ, — вы меня понимаете? Ну вотъ, самыя точныя подробности высказывались въ нихъ яснымъ, простымъ, честнымъ слогомъ. Словомъ, все это было цѣломудренно!.. Между тѣмъ какъ романисты нашего времени пишутъ какимъ-то разнузданнымъ слогомъ, изображаютъ вещи такъ, какъ еслибы вы ихъ видѣли собственными глазами. Они называютъ это искусствомъ. Это, просто, забвеніе всякихъ приличій.

Онъ произнесъ слово «порнографія» и даже упомянулъ имя маркиза де-Садъ, котораго, впрочемъ, вовсе не читалъ. Но, говоря все это, онъ все маневрировалъ, чтобы ему зайти за кресло Клоринды, не будучи ею замѣченнымъ. Она же, съ задумчивыми глазами, лепетала:

— О! что касается романовъ, такъ я не читала ни одного. Всѣ эти выдумки такъ глупы... Вы не знаете «Цыганка Леонора». Это мило. Я читала это по-итальянски, когда была маленькая. Тамъ говорилось о молодой дѣвушкѣ, которая въ концѣ-концовъ выходитъ замужъ за вельможу. Она сначала попадаетъ въ руки разбойниковъ...

Легкій скрипъ за ея спиной заставилъ ее живо повернуть голову, точно ее разбудили.

— Что это вы такое дѣлаете?—спросила она.

— Спускаю стору,—отвѣчалъ Ругонъ.—Солнце васъ безпокоитъ.

Digitized by Google

Она дѣйствительно какъ-будто купалась въ солнцѣ, летучія искорки котораго золотили сукно ея амазонки.

— Оставьте въ покоѣ стору!—закричала она.—Я вѣдь люблю солнце! Я тутъ точно въ теплой ваннѣ.

И сильно встревоженная, она полу-приподнялась и заглянула въ садъ, чтобы видѣть, тутъ ли еще садовникъ. Когда она увидѣла его по ту сторону куртины, гдѣ онъ присѣлъ на корточкахъ, выставивъ круглую спину, облеченную въ синюю куртку, то опять усѣлась, успокоенная, улыбающаяся. Ругонъ, слѣдившій за направленіемъ ея взгляда, оставилъ стору, выслушивая ея нашёпки. Онъ, значитъ, какъ сова, любитъ потемки. Но онъ не сердился, ходилъ по кабинету, не выказывая ни малѣйшей досады. Его громадное туловище напоминало медленныя движенія медвѣдя, замышляющаго предательскую штуку.

Потомъ, когда Ругонъ очутился на другомъ концѣ комнаты, возлѣ широкаго дивана, надъ которымъ висѣла большая фотографія, онъ позвалъ ее:

— Послушайте-ка,—говорилъ онъ.—Вы еще не видѣли моего новаго портрета?

Она еще покойнѣе раскинулась въ креслѣ, и отвѣчала, не переставая улыбаться:

— Я отлично вижу его отсюда... Къ тому же, вы мнѣ его уже показывали.

Но онъ не унывалъ. Спустилъ стору съ другого окна и придумалъ еще два-три предлога, чтобы привлечь ее въ этотъ укромный уголокъ, гдѣ такъ уютно, увѣрялъ онъ. Но она, презирая эту грубую западню, даже не отвѣчала, а только отрицательно качала головой. Тогда, видя, что она поняла его, онъ подошелъ къ ней и, бросивъ хитрости, открыто вызвалъ ее на бой.

— Я забылъ!.. Я хотѣлъ показать вамъ Монарха, мою новую лошадь. Вы знаете, что я вымѣнялъ ее на прежнюю. Вы мнѣ скажете свое мнѣніе. Вы вѣдь любите лошадей.

Она отказывалась. Но онъ настаивалъ; конюшня въ двухъ шагахъ; времени это займетъ не болѣе пяти минутъ. И такъ какъ она все-таки отказывалась, то онъ произнесъ вполголоса, почти неврительно:

— Ага! вы не изъ храбрыхъ!

Ее точно ударили хлыстомъ. Она вскочила на ноги, съ серьёзнымъ и блѣднымъ лицомъ:

— Пойдемте смотрѣть Монарха,—сказала она просто.

Закинувъ шлейфъ амазонки на лѣвую руку, она пристально поглядѣла ему въ глаза. Съ минуту они не спускали глазъ одинъ

Digitized by Google

съ другого, точно читали мысли другъ друга. То былъ вызовъ, сдѣланный открыто и такъ же открыто принятый. Она первая спустилась съ крыльца, между тѣмъ какъ онъ машинально застегивалъ домашнюю куртку, которая была на немъ надѣта. Но, сдѣлавъ три шага по аллеѣ, она остановилась.

— Постойте,—сказала она.

И вернулась въ кабинетъ. Выйдя оттуда, она небрежно помахивала хлыстикомъ, который оставила-было на диванѣ. Ругонъ искоса поглядѣлъ на хлыстикъ; потомъ медленно поднялъ глаза на Клоринду. Она улыбалась, и смѣло прошла впередъ.

Конюшня помѣщалась направо, въ глубинѣ сада. Когда они проходили мимо садовника, тотъ прибиралъ свои инструменты, готовясь уйди. Ругонъ поглядѣлъ на часы; они показывали пять минутъ двѣнадцатаго; конюхъ, вѣроятно, ушелъ завтракать. И съ открытой головой, по палящему солнцу, Ругонъ послѣдовалъ за Клориндой, которая шла спокойно, похлестывая деревья направо и налѣво. Они не разговаривали. Она даже не поворачивала головы. Дойдя до конюшни, пропустила впередъ Ругона, отворившаго дверь и вошла вслѣдъ за нимъ. Дверь съ шумомъ захлопнулась, а она все не переставала улыбаться. Лицо ея было спокойно, надменно и самоувѣренно.

Конюшня была маленькая, очень обыкновенная, съ четырьмя дубовыми стойлами; хотя полъ былъ вымытъ поутру, а стѣны, ясли и рѣшетка содержались въ большой чистотѣ, запахъ конюшни былъ очень силенъ. Въ ней было жарко, какъ въ банѣ. Свѣтъ проходилъ черезъ два круглыхъ слуховыхъ окошка и прорѣзывалъ двумя блѣдными полосками мракъ потолка, оставляя во мракѣ самую конюшню. Клоринда, ослѣпленная яркимъ дневнымъ свѣтомъ, ничего не видѣла въ первую минуту; однако остановилась, не растворяя дверей, чтобы Ругонъ не подумалъ, что она боится. Только два стойла были заняты. Лошади храпѣли, поворачивая головы.

— Вотъ, должно быть, новая лошадь?—спросила она, когда глаза ея привыкли къ темнотѣ.—Она, кажется, славная.

И похлопала лошадь по крестцу. Потомъ пробралась въ стойло, гладя ей бока и не выказывая ни малѣйшаго страха. Ей хочется, говорила она, поглядѣть на ея голову. И когда она забралась въ самую глубину стойла, то Ругонъ услыхалъ, какъ она громко цѣловала лошадь въ ноздри. Эти поцѣлуи вывели его изъ себя.

— Отойдите, прошу васъ, — закричалъ онъ.—Если лошадь бросится въ сторону, она васъ раздавитъ.

Digitized by Google

Но она смѣялась, еще сильнѣе цѣловала лошадь, осыпала ее нѣжными словами, и отъ ея неожиданныхъ ласкъ дрожь пробѣгала по шелковистой спинѣ животнаго. Наконецъ, она вышла изъ стойла. Она говорила, что обожаетъ лошадей, что онѣ хорошо ее знаютъ и никогда ее не трогаютъ, даже когда она ихъ дразнитъ. Она умѣетъ съ ними обращаться. Это очень щекотливыя существа. А его лошадь кажется очень доброй. И присѣвъ на корточкахъ, позади лошади, она приподняла ея ногу обѣими руками и стала разглядывать копыто. Лошадь терпѣливо выносила это.

Ругонъ, стоя, глядѣлъ на нее, какъ она сидѣла на землѣ, а юбки образовали вокругъ нея цѣлую гору. Онъ ни слова не говорилъ, кровь бросилась ему въ голову, но онъ не могъ осилить застѣнчивости, которая иногда находитъ на грубыхъ людей; наконецъ нагнулся. Клоринда почувствовала, что ее берутъ за талію, но прикосновеніе было такъ легко, что она продолжала разсматривать лошадиное копыто. Ругонъ перевелъ духъ и смѣлѣе протянулъ руки. Она даже и не вздрогнула, точно ждала этого. Выпустила копыто изъ рукъ и сказала, не оборачиваясь:

— Что съ вами? что это на васъ нашло?

Онъ хотѣлъ охватить ея талію, но она отщелкала его по пальцамъ, говоря:

— Подальше руки, покорнѣйше васъ прошу! Я, какъ и лошади, очень щекотлива... Чудакъ вы, право.

И смѣялась, дѣлая видъ, что не понимаетъ; но почувствовавъ дыханіе Ругона на своемъ затылкѣ, вскочила съ упругостью стальной пружины, вырвалась изъ его рукъ и побѣжала прислониться спиной къ стѣнѣ, напротивъ стойлъ. Онъ пошелъ за нею, вытягивая руки и стараясь ее поймать. Но она сдѣлала себѣ щитъ изъ пилейфа амазонки, который несла на лѣвой рукѣ, а въ поднятой правой рукѣ держала хлыстъ. Онъ, съ дрожащими губами, не говорилъ ни слова. Она была очень развязна и все время болтала.

— Вамъ не удастся дотронуться до меня, знайте это! — говорила она.—Я брала уроки фехтованья, когда была помоложе. И жалѣю, что не продолжала... Берегите свои пальцы... Что? я вамъ говорила!

Она какъ будто играла съ нимъ. Она хлопала не очень сильно, а только слегка задѣвала по кожѣ всякій разъ, какъ онъ протягивалъ впередъ руки. Но удары расточались съ невѣроятной быстротой, такъ что ему не удавалось даже дотронуться до ея платья. Сначала онъ хотѣлъ взять ее за плечи; но, получивъ два удара хлыстомъ, намѣревался схватить за талію; тутъ хлыстъ

Digitized by Google

снова прогулялся по его рукамъ, и онъ хотѣлъ измѣнически схватить ея за колѣнки, но не успѣлъ нагнуться, какъ цѣлый градъ ударовъ заставилъ его приподняться. Удары были безпощадны и сыпались щедро.

Ругонъ избитый, съ горѣвшей кожей, отступилъ на минуту. Онъ былъ теперь очень красенъ; капли пота выступили у него на вискахъ. Одуряющій запахъ конюшни опьянялъ его. Онъ перемѣнилъ тактику, и открыто набросился на нее; а она, все еще не переставая смѣяться и болтать, уже не расточала ему легкихъ ударовъ, а хлестала рѣже, но все сильнѣе и сильнѣе. Она была хороша въ эту минуту, обмотавъ юбку вокругъ колѣнъ, стройная и гибкая—въ корсажѣ, который былъ точно вылитъ на ней; она походила на проворную змѣю темносиняго цвѣта.

— Ну, будетъ, что-ли?—спросила она, смѣясь.—Вы первый утомитесь, мой милый, предупреждаю васъ.

Но то были послѣднія слова, произнесенныя ею. Ругонъ, ошалѣвшій, страшный, съ багровымъ лицомъ, набросился на нее, тяжело дыша, точно быкъ, сорвавшійся съ привязи. А у нея самой, съ наслажденіемъ хлеставшей его, глаза медленно загорѣлись свирѣпымъ огнемъ. Умолкнувъ, она отступила отъ стѣны и гордо вышла на средину конюшни; она вертѣлась во всѣ стороны, учащая удары: хлестала его по рукамъ, по ногамъ, по плечамъ, между тѣмъ какъ онъ, одурѣлый, громадный, прыгалъ точно звѣрь, подъ бичомъ укротителя. Она била его сверху внизъ, точно стала выше ростомъ, высокомѣрная, и слегка побѣдительная, но съ нервной усмѣшкой на губахъ. Между тѣмъ, самъ того не замѣчая, онъ толкалъ ее въ грудь, къ открытой двери, выходившей въ другое отдѣленіе, гдѣ хранилось сѣно и солома. Тутъ, въ то время, какъ она защищала хлыстъ, который онъ хотѣлъ-было у нея отнять, онъ схватилъ ее за талію, не взирая на удары, и съ такой силой бросилъ на солому, въ открытую дверь, что самъ полетѣлъ съ ногъ и растянулся возлѣ нея. Она не вскрикнула. Изъ всей мочи, изъ всѣхъ силъ ударила она его хлыстомъ по лицу, и на немъ обозначился рубецъ отъ одного уха до другого.

— Дрянь!—закричалъ онъ.

И принялся ругаться, какъ извощикъ, кашляя, задыхаясь. Онъ говорилъ ей «ты», говорилъ, что она всѣмъ принадлежала: и кучеру, и банкиру, и Поццо.

Потомъ спросилъ:

— Почему вы не хотите отдаться мнѣ?

— Почему вы не хотите? — повторилъ онъ.—Вы позволили

Digitized by Google

же мнѣ жать ваши голыя руки?—Скажите мнѣ только: почему вы не хотите?

Она оставалась серьёзна, презирая оскорбленія, съ разсѣяннымъ взглядомъ.

— Такъ,—произнесла она, наконецъ. И взглядывая на него, послѣ минутнаго молчанія, прибавила:

— Женитесь на мнѣ...

Онъ принужденно засмѣялся, глупымъ и оскорбительнымъ смѣхомъ, сопровождая его отрицательнымъ качаніемъ головы.

— Ну, такъ никогда! — закричала она:—слышите, никогда! никогда!

Они не выговорили больше ни слова и вернулись въ конюшню. Лошади въ стойлахъ поворачивали головы и храпѣли сильнѣе, встревоженные шумомъ борьбы, которую слышали за собой. Солнце дошло до круглыхъ слуховыхъ оконъ, и два желтыхъ пятна легли на полъ конюшни. Между тѣмъ, Клоринда, снова спокойная, съ хлыстомъ подъ мышкой, опять проскользнула къ Монарху. Она два раза поцѣловала его надъ ноздрями, говоря:

— Прощай, голубчикъ.—Ты вотъ умно ведешь себя.

Ругонъ, разбитый, пристыженный, почувствовалъ себя тоже успокоеннымъ. Послѣдній ударъ хлыста точно усмирилъ его волненіе. Все еще дрожащими руками, онъ поправлялъ свой галстукъ, удостовѣрялся, хорошо ли застегнута его куртка. Потомъ машинально, но заботливо снялъ съ амазонки молодой дѣвушки приставшія къ ней соломинки. Теперь имъ владѣлъ только страхъ: какъ бы его не застали здѣсь съ ней наединѣ, и онъ навострилъ уши. Она же, точно ничего особеннаго не произошло между ними, предоставляла ему вертѣться вокругъ себя безъ малѣйшаго опасенія. Когда она попросила его отворить дверь, онъ повиновался.

Въ саду они тихо шли. Ругонъ, чувствовавшій какъ горѣла его лѣвая щека, прикладывалъ къ ней носовой платокъ. Первымъ дѣломъ Клоринды, когда она вошла въ кабинетъ, было поглядѣть на часы.

— За вами тридцать-два билета,—сказала она, улыбаясь.

И такъ какъ онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на нее, засмѣявшись еще громче,—продолжая:

— Скорѣе прогоните меня, стрѣлка двигается дальше... Вотъ ужъ скоро перейдетъ за тридцать-третій билетъ... Вотъ, глядите, я кладу билеты на ваше бюро.

Онъ отдалъ ей триста-двадцать франковъ, не торгуясь, только пальцы его слегка задрожали, когда онъ пересчитывалъ золотыя

Digitized by Google

монеты: онъ наказывалъ самого себя. Тогда она, восхищенная тѣмъ, какъ онъ такъ легко разставался съ такой значительной суммой, подошла къ нему съ восхитительнымъ жестомъ довѣрія, и подставила ему щеку. Когда онъ отечески поцѣловалъ ея щеку, она ушла съ довольнымъ лицомъ, говоря:

— Спасибо за бѣдныхъ дѣвушекъ... У меня теперь осталось всего семь билетовъ. Крестный ихъ возьметъ.

Ругонъ остался одинъ; онъ машинально сѣлъ за свое бюро. Онъ взялся за прерванную работу и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ писалъ, съ большимъ вниманіемъ справляясь съ документами, разложенными передъ нимъ. Потомъ, съ перомъ въ рукахъ, съ серьёзнымъ лицомъ, замеръ на мѣстѣ, глядя въ открытое окно, но ничего не видя. Ему мерещился передъ этимъ окномъ тонкій силуэтъ Клоринды, колыхавшійся, извивавшійся съ мягкой змѣиной нѣгой. Змѣя ползла, вползала къ нему; и вотъ уже она въ его кабинетѣ, и встаетъ стоймя на живой шлейфъ своего платья, а руки ея протягиваются къ нему и силятся его захватить. Мало-по-малу она завладѣвала всей комнатой.

Тутъ Ругонъ съ сердцемъ бросилъ перо и всталъ изъ-за бюро, ломая пальцы такъ, что они захрустѣли. Неужто она теперь будетъ мѣшать ему работать? ужъ не сходитъ ли онъ съ ума, что ему грезятся вещи, которыхъ на дѣлѣ нѣтъ; и однако у него такая крѣпкая голова. Ему вспомнилась одна женщина, съ которою онъ былъ знакомъ, во время оно, когда былъ студентомъ и возлѣ которой писалъ, бывало, ночи на пролетъ, даже не слыша ея дыханія. Онъ приподнялъ стору, раскрылъ второе окно и, устраняя сквозной вѣтеръ, открылъ дверь на другомъ концѣ комнаты, точно боялся задохнуться. И съ раздраженнымъ жестомъ, точно гналъ какую-нибудь ядовитую осу, онъ сталъ платкомъ разгонять запахъ, оставленный въ комнатѣ Клориндой. Когда запахъ улетучился, онъ вытеръ горѣвшее лицо носовымъ платкомъ.

И все-таки не могъ докончить начатой страницы. Медленными шагами ходилъ онъ взадъ и впередъ по кабинету. Взглянувъ въ зеркало, онъ увидѣлъ красное пятно на лѣвой щекѣ. Подошелъ ближе и поглядѣлся въ зеркало: хлыстъ оставилъ лишь легкую царапину. Онъ объяснитъ ушибомъ ея появленіе. Но если на кожѣ его едва виднѣлся узкій, розовый рубецъ, за то во всемъ тѣлѣ онъ снова чувствовалъ огонь отъ удара хлыстомъ, которымъ она стегнула его по лицу. Онъ побѣжалъ въ уборную и облилъ голову водой, что́ очень его облегчило. Онъ боялся, какъ бы этотъ ударъ хлыстомъ не сдѣлалъ Клориндy для него

Digitized by Google

еще дороже. Онъ говорилъ себѣ, что будетъ невольно думать о ней, пока не заживетъ царапина на щекѣ.

— Нѣтъ! не хочу я этого!—проговорилъ онъ громко, возвращаясь въ кабинетъ.—Это просто глупо, наконецъ!

И сѣлъ на диванъ, сжимая кулаки. Вошелъ слуга доложить, что завтракъ стынетъ, но не вывелъ его изъ сосредоточенности, съ какой онъ велъ борьбу съ самимъ собой. Суровое лицо было искажено внутреннимъ усиліемъ; бычачья шея надувалась, мускулы напрягались, точно онъ старался задушить, не испуская ни одного крика, какое-то животное, пожиравшее его внутренности. Эта борьба длилась минутъ десять. Онъ не помнилъ, чтобы когда-либо ему приходилось тратить столько силы. Онъ вышелъ изъ борьбы помертвѣлый, съ мокрымъ отъ пота затылкомъ.

Въ продолженіи двухъ дней, Ругонъ никого не принималъ. Онъ велѣлъ говорить всѣмъ, что занятъ. Одну ночь онъ просидѣлъ на пролетѣ. Слуга заставалъ его еще раза три лежащимъ навзничь на диванѣ, какъ будто одурѣвшимъ, съ страшнымъ лицомъ. Вечеромъ второго дня онъ одѣлся, чтобы идти къ Делестану обѣдать, но, вмѣсто того, чтобы идти къ нему, повернулъ въ отель Бальби. Было шесть часовъ вечера.

— Барышни нѣтъ дома,—сказала ему маленькая служанка Антонія, остановивъ его на лѣстницѣ съ обычнымъ ей глупымъ смѣхомъ.

Онъ нарочно возвысилъ голосъ, чтобы Клоринда могла его услышать, и не рѣшался уйти, какъ вдругъ она появилась на верхней площадкѣ и перегнулась черезъ перила.

— Войдите!—закричала она.—Эта дѣвушка такъ глупа! Она никогда не понимаетъ приказаній, которыя ей отдаютъ.

Она ввела его въ уженькую комнату, расположенную рядомъ съ ея спальной, въ первомъ этажѣ. То была уборная, обтянутая обоями нѣжно-голубого цвѣта, въ которой стояло у стѣны большое бюро изъ краснаго, неполированнаго дерева, кожаное кресло и картонъ для бумагъ. Бумаги валялись и на бюро, покрытыя густымъ слоемъ пыли. Можно было бы подумать, что находишься у какого-то сомнительнаго приказнаго. Ей пришлось принести ему стулъ изъ своей спальной.

— Я васъ ждала,—закричала она ему изъ этой комнаты.

И когда принесла стулъ, то объяснила, что писала письма. Она указала на бюро, на большіе листы желтоватой бумаги, покрытые крупнымъ, круглымъ почеркомъ. И когда Ругонъ усаживался, обратила вниманіе на то, что онъ во фракѣ.

Digitized by Google

— Вы пришли просить моей руки?—весело проговорила она.

— Именно!— отвѣчалъ онъ.

И продолжалъ, улыбаясь:

— Не для себя, а для одного изъ моихъ друзей.

Она поглядѣла на него нерѣшительно, не зная, шутитъ онъ, или говоритъ серьёзно. Она была нечесаная, грязная, въ растрепанномъ красномъ пеньюарѣ, но, несмотря на то, хороша, властительной красотой античнаго мрамора, валяющагося въ лавчонкѣ тряпичницы. Она облизывала палецъ, который запачкала въ чернилахъ, и разсматривала чуть замѣтный шрамъ, оставшійся на лѣвой щекѣ Ругона. Наконецъ повторила вполголоса съ разсѣяннымъ видомъ:

— Я была увѣрена, что вы придете. Но только я ждала васъ раньше.

И прибавила громко, припомнивъ то, что́ онъ ей сказалъ:

— Итакъ, вы просите моей руки для вашего друга, конечно, для самаго дорогого.

И звонко засмѣялась. Теперь она была убѣждена, что Ругонъ говорилъ о себѣ. Ей хотѣлось дотронуться пальцемъ до его шрама, чтобы убѣдиться, что она отмѣтила его, что отнынѣ онъ принадлежитъ ей. Но Ругонъ взялъ ее за обѣ руки и потихоньку посадилъ на кожаное кресло.

— Потолкуемъ, хотите?—сказалъ онъ.—Мы, вѣдь, пріятели, не такъ ли?..... Ну вотъ, я много размышлялъ съ третьяго дня. Я все время думалъ о васъ... Я представлялъ себѣ, что мы уже мѣсяца три какъ женаты. И знаете, за какимъ занятіемъ я мысленно видѣлъ васъ и себя?

Она не отвѣчала, слегка смутившись, несмотря на весь свой апломбъ.

— Я видѣлъ, что мы сидимъ у огня. Вы вооружились лопаткой, я щипцами, и мы деремся.

Это показалось ей такъ забавно, что она опрокинулась въ креслахъ, хохоча во все горло.

— Нѣтъ, не смѣйтесь, это серьёзная вещь,—продолжалъ онъ.—Не стóитъ намъ соединять свои жизни, чтобы драться другъ съ другомъ. Клянусь вамъ, что это неизбѣжно случилось бы. Сначала мы подрались бы, а потомъ разошлись... Запомните вотъ что́: никогда не слѣдуетъ связывать двѣ сильныя воли.

— Ну?—спросила она съ серьёзнымъ лицомъ.

— Ну, вотъ я думаю, что мы поступимъ очень благоразумно, пожавъ другъ другу руку и оставшись только добрыми друзьями.

Digitized by Google

Она молчала, уставивъ мрачный взоръ ему прямо въ глаза. Грозная складка легла поперегъ ея лба, какъ у оскорбленной богини. Губы ея слегка дрожали, подергиваясь презрительной усмѣшкой.

— Вы позволите?—проговорила она.

И, повернувъ кресло къ бюро, стала складывать письма. Она употребляла такіе же большіе сѣрые конверты, какіе въ ходу въ администраціи, и печатала ихъ сургучомъ. Она зажгла свѣчу и глядѣла на растопленный сургучъ. Ругонъ спокойно ждалъ, когда она кончитъ.

— И вы для этого только пришли?—спросила она, не оставляя своего занятія.

Въ свою очередь онъ не отвѣчалъ. Онъ желалъ видѣть ея лицо. Когда она рѣшилась, наконецъ, снова повернуть кресло, онъ улыбнулся ей, стараясь поймать ея взглядъ; потомъ поцѣловалъ у ней руку, какъ бы желая обезоружить ее. Она оставалась надменно холодной.

— Я вѣдь сказывалъ вамъ, что пришелъ просить вашей руки для одного изъ моихъ друзей.

Онъ долго говорилъ. Онъ любитъ ее гораздо больше, чѣмъ она это думаетъ; онъ любитъ ее главнымъ образомъ за то, что она умна и энергична. Ему тяжело отказываться отъ нея; но онъ жертвуетъ своей страстью ихъ обоюдному счастію. Онъ хочетъ, чтобы она была царицей въ своемъ домѣ. Она должна выдти замужъ за очень богатаго человѣка, которымъ будетъ командовать какъ ей угодно: ей не придется поступаться своими правами. Развѣ это не лучше, чѣмъ парализовать другъ друга? Они такіе люди, что могутъ говорить другъ другу правду въ глаза. Онъ кончилъ тѣмъ, что назвалъ ее своимъ ребенкомъ. Она была его бѣдовой дочкой; его радуютъ ея властолюбивыя наклонности, и ему было бы жаль, еслибы онѣ не привели ни къ чему.

— Вотъ и все?—спросила она, когда онъ кончилъ.

Она слушала его съ величайшимъ вниманіемъ. И, поднявъ на него глаза, прибавила:

— Если вы выдаете меня замужъ, чтобы обладать мной, то предупреждаю васъ, что разсчетъ невѣренъ... Я ужъ сказала: никогда!

— Что за мысль!—вскричалъ онъ, слегка покраснѣвъ.

Онъ откашлялся и, схвативъ книжный ножъ со стола, принялся его разглядывать, чтобы скрыть отъ нея свое смущеніе. Но она не занималась имъ больше и размышляла.

Digitized by Google

— Кто мой будущій мужъ?—прошептала она.

— Угадайте.

Она слабо улыбнулась, постукивая пальцами по бюро и пожимая плечами. Она знала, кого онъ имѣетъ въ виду.

— Онъ такъ глупъ!—проговорила она вполголоса.

Ругонъ сталъ защищать Делестана. Онъ очень приличный человѣкъ, который будетъ плясать по ея дудкѣ. Онъ распространился объ его здоровьѣ, состояніи, привычкахъ. Къ тому же, он обѣщаетъ помогать ей и ея мужу всѣмъ своимъ вліяніемъ, ес когда-нибудь будетъ снова призванъ къ власти. Делестанъ, бы можетъ, не особенно умный человѣкъ, но онъ нигдѣ не осрамит

— О! онъ подходитъ къ программѣ, согласна, — замѣти она, откровенно смѣясь.

Потомъ—снова помолчавъ:

— Чтожъ! Я не отказываюсь; вы быть можетъ правы... Де станъ мнѣ не противенъ.

Она глядѣла на него, произнося эти послѣднія слова. уже не разъ казалось, что онъ ревнуетъ ее къ Делестану. онъ и бровью не моргнулъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ себѣ силы убить страсть въ теченіи этихъ двухъ дней. Напр тивъ того, онъ казался въ восторгѣ отъ успѣха своей попы и началъ снова излагать ей выгоды такого брака, точно о былъ какой-нибудь приказный крючокъ, предлагавшій ей оч выгодную сдѣлку. Онъ взялъ ея руки и дружески похлопыва по нимъ съ видомъ счастливаго сообщника, повторяя:

— Мнѣ пришло это въ голову нынѣшней ночью. Я сейч же подумалъ: мы спасены!.. Я не хочу, чтобы вы остались дѣвушкахъ! Вы, по моему мнѣнію, единственная женщина, служивающая мужа. Делестанъ улаживаетъ намъ все дѣло. Делестаномъ у насъ руки развязаны.

И весело прибавилъ:

— Я увѣренъ, что вы сдѣлаете меня свидѣтелемъ уди тельныхъ дѣлъ.

— Делестану извѣстны ваши планы?—спросила она.

Онъ какъ бы удивился въ первую минуту, точно она с зала что-то такое, чего онъ отъ нея не ожидалъ, потомъ спокой отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это безполезно. Онъ узнаетъ о нихъ позднѣе!

Она опять принялась запечатывать письма. Приложивъ к сургучу большую безымянную печать, она перевертывала писы и писала на оборотѣ адресъ, медленно, крупнымъ почеркомъ; въ то время, какъ она отбрасывала письма направо, Ругонъ с

Digitized by Google

рался прочитать надписи. То были, по бо́льшей части, имена весьма извѣстныхъ политическихъ дѣятелей въ Италіи. Она, должно быть, замѣтила его нескромность, потому что сказала, унося письма, чтобы отправить ихъ на почту:

— Когда у мамапіи болитъ голова, я веду ея корреспонденцію.

Ругонъ, оставшись одинъ, всталъ и прошелся по маленькой комнаткѣ. На картонѣ онъ прочиталъ, точно у дѣлового человѣка, надписи: квитанціи, письма, дѣла А. И улыбнулся, увидя среди бумагъ, валявшихся на бюро, корсетъ, старый, истрепанный, лопнувшій по швамъ. Тамъ были еще мыло въ раковинѣ чернильницы и обрывки голубыхъ атласныхъ лентъ на полу, которые, вѣроятно, забыли вымести. Дверь въ спальную была полуоткрыта, и онъ съ любопытствомъ заглянулъ въ нее. Но ставни были закрыты, и въ ней было такъ темно, что онъ увидѣлъ только тѣнь отъ алькова. Клоринда вернулась.

— Я ухожу,—сказалъ онъ.—Я обѣдаю сегодня вечеромъ у нашего друга. Разрѣшаете ли вы мнѣ дѣйствовать?

Она не отвѣчала. Она вернулась мрачная, какъ ночь; должно быть, подъ вліяніемъ размышленій, которыя ей пришли въ голову дорогой. Онъ уже держался за перилы лѣстницы, но она вернула его и поспѣшно захлопнула дверь. Онъ уносилъ съ собой ея мечту, надежду, которая сто́ила ей такихъ ловкихъ усилій, которую за часъ еще передъ этимъ она считала сбывшейся. Кровь отъ нанесенной смертельной обиды бросилась ей въ голову. Ей казалось, что ее отхлопали по щекамъ.

— Итакъ, вы говорите серьёзно?—переспросила она, становясь спиной къ свѣту, чтобы онъ не замѣтилъ ея разгорѣвшихся щекъ.

И когда онъ въ третій разъ принялся высказывать ей свои аргументы, она не промолвила ни слова. Она боялась, если заговоритъ, дать волю безумному гнѣву, который душилъ ее въ эту минуту. Она боялась, что прибьетъ его. Потомъ, соверцая развалины той жизни, которую она въ головѣ уже устроила-было для себя, она вдругъ утратила сознаніе настоящаго положенія вещей и отступила до самой двери спальной, готовая броситься въ нее, увлечь Ругона, крича:

«Слушай! возьми меня, я вѣрю тебѣ, я буду твоей женой только въ томъ случаѣ, если ты этого захочешь».

Ругонъ, не переставшій говорить, понялъ ее и внезапно умолкъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно. Они поглядѣли другъ на друга. Съ минуту они колебались. Ему мерещилась тѣнь алькова.

Digitized by Google

Она уже соображала о послѣдствіяхъ своего великодушія. Но увлеченіе длилось съ обѣихъ сторонъ всего лишь минуту:

— Вы желаете этого брака?—медленно спросила она.

Онъ безъ всякаго колебанія отвѣчалъ, возвысивъ голосъ:

— Да.

— Хорошо! дѣйствуйте.

И оба тихими шагами подошли къ двери и съ успокоеннымъ видомъ вышли на площадку. Только у Ругона выступило нѣсколько капель пота на вискахъ, отъ усилій, которыхъ ему стоила его послѣдняя побѣда надъ собой. Клоринда выпрямилась во весь ростъ, въ сознаніи своей силы. Они съ минуту оставались другъ противъ друга, безмолвные; имъ нечего было больше сказать другъ другу, но они все еще не могли рѣшиться оставить одинъ другого. Наконецъ, когда онъ собрался уходить, пожавъ ей руку, она задержала его, промолвивъ ему, безъ гнѣва:

— Вы считаете себя сильнѣе меня... Напрасно... Со временемъ вы, быть можетъ, пожалѣете о случившемся.

Больше она не грозила ему. Она оперлась на перила и глядѣла, какъ онъ спускался съ лѣстницы. Когда онъ сошелъ внизъ, то поднялъ голову, и они улыбнулись другъ другу. Мщеніе у нея не могло быть мелкимъ; она уже мечтала раздавить его какимъ-нибудь тріумфальнымъ апоѳеозомъ. Вернувшись въ кабинетъ, она произнесла вполголоса:

— Ахъ! тѣмъ хуже! всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Съ того же вечера Ругонъ принялся обработывать Делестана. Онъ передалъ ему мнимыя похвалы, которыя будто бы m-lle Бальби высказала на его счетъ на празднествѣ ратуши въ день крестинъ. И съ этой поры не переставалъ твердить ему о необыкновенной красотѣ этой дѣвушки. Онъ, въ былое время такъ часто предостерегавшій его насчетъ женщинъ, теперь старался предать его ей связаннаго по рукамъ и по ногамъ. То расхваливалъ онъ ея руки, то превозносилъ ея талію съ подзадоривающей безцеремонностью. Делестанъ, крайне влюбчивый, уже раньше очарованный Клориндой, вскорѣ воспылалъ къ ней безумной страстью. Когда Ругонъ увѣрилъ его, что никогда не думалъ о ней, онъ признался, что уже полгода, какъ любитъ ее, но молчалъ, чтобы не перебивать у него дороги. Теперь онъ каждый вечеръ приходилъ въ улицу Марбефъ, чтобы поговорить о ней. Черезъ три недѣли онъ ею бредилъ. Кругомъ него составился какъ-бы заговоръ; съ кѣмъ онъ ни заговаривалъ, всякій превозносилъ до небесъ ту, которую онъ обожалъ; даже Шарбоннели, и тѣ, въ одно прекрасное утро, остановили его посре-

Digitized by Google

днѣ Площади Согласія и разсыпались въ похвалахъ «красавицѣ барышнѣ, съ которой его всюду видятъ».

Съ своей стороны Клоринда не жалѣла улыбокъ. Она передѣлала программу своего существованія и въ нѣсколько дней привыкла къ новой ролѣ. Съ геніальной тактикой она соблазняла Делестана, совсѣмъ не съ той безцеремонной удалью, которую было-испробовала на Ругонѣ. Она преобразилась, стала необыкновенно томной, выказывала болѣзненную стыдливость, увѣряла, что нервна до того, что съ ней дѣлаются припадки отъ слишкомъ нѣжнаго пожатія руки. Когда Делестанъ разсказывалъ Ругону, какъ она упала въ обморокъ оттого, что онъ осмѣлился поцѣловать у ней руку, тотъ видѣлъ въ этомъ доказательство непорочности ея ума. Потомъ, такъ какъ дѣло слишкомъ затягивалось, Клоринда въ одинъ іюльскій вечеръ отдалась ему, будто невзначай. Делестанъ устыдился своей побѣды, тѣмъ болѣе, что подумалъ, какъ безсовѣстно воспользовался обморокомъ молодой дѣвушки: она была точно мертвая и какъ будто ничего не помнила. Когда онъ пытался извиниться или позволялъ себѣ какую-нибудь фамильярность, она такъ невинно глядѣла на него, что онъ начиналъ бормотать невнятныя слова, терзаемый угрызеніями совѣсти и страстью. Вотъ когда онъ серьёзно задумалъ на ней жениться. Онъ видѣлъ въ этомъ средство искупить свой низкій поступокъ; онъ видѣлъ, кромѣ того, въ этомъ единственную возможность законно обладать тѣмъ, что онъ укралъ, минутнымъ блаженствомъ, воспоминаніе о которомъ его жгло и которое онъ отчаявался иначе вернуть.

Совсѣмъ тѣмъ Делестанъ колебался еще съ недѣлю. Онъ пришелъ посовѣтоваться съ Ругономъ. Когда послѣдній понялъ, что случилось, онъ поникъ головой, задумавшись надъ загадочной испорченностью женщины, надъ долгимъ сопротивленіемъ, какое оказывала ему Клоринда и надъ ея внезапнымъ паденіемъ въ объятіяхъ этого болвана. Онъ не понималъ глубокихъ причинъ этого двойственнаго поведенія. Одну минуту, уязвленный въ своей страсти, охваченный яростью, онъ готовъ былъ съ ругательствами высказать всю правду Делестану. Но Делестанъ, на безцеремонные вопросы его, отвѣчалъ отрицаніемъ, какъ честный человѣкъ. И Ругонъ опомнился. Тогда онъ очень ловко обработалъ Делестана. Онъ не совѣтовалъ ему жениться, но наталкивалъ на эту мысль разсужденіями, почти не касавшимися этого вопроса. Что касается худыхъ слуховъ, ходившихъ въ городѣ о m-lle Бальби, они его удивляли; онъ въ нихъ не вѣрилъ и лично наводилъ справки, причемъ слышалъ только хорошіе отзывы. Къ тому

Digitized by Google

же, не слѣдуетъ критиковать женщину, которую любишь. Это было его послѣднее слово.

Шесть недѣль спустя, по выходѣ изъ церкви Маделенъ, гдѣ свадьба совершилась съ необычайной пышностью, Ругонъ отвѣтилъ одному депутату, дивившемуся выбору Делестана:

— Что вы хотите! я сто разъ предупреждалъ его... Онъ долженъ былъ попасть въ женскіе силки.

Въ концѣ зимы, когда Делестанъ съ женой возвращались изъ Италіи, они узнали, что Ругонъ готовится жениться на m-lle Бенуа д'Оршеръ. Когда они посѣтили его, Клоринда совсѣмъ безмятежно поздравила его. Тогда онъ объяснилъ ей съ добродушнымъ видомъ, что дѣлаетъ это для своихъ друзей. Цѣлыхъ три мѣсяца они преслѣдуютъ его и доказываютъ, что человѣкъ въ его положеніи долженъ быть женатъ! Онъ, смѣясь, прибавилъ, что когда онъ принимаетъ друзей по вечерамъ, то у него некому даже разлить чай.

— Значитъ, это вамъ вдругъ пришло въ голову, вы объ этомъ не думали?—сказала Клоринда, улыбаясь.—Надо было жениться въ одно время съ нами. Мы бы вмѣстѣ поѣхали въ Италію.

И принялась шутя разспрашивать его. Это, конечно, другъ его дю-Пуазá придумалъ такую штуку? Онъ побожился, что нѣтъ, что дю-Пуазá, напротивъ того, былъ противъ этого брака; бывшій подпрефектъ ненавидѣлъ Бенуа-д'Оршера. Но всѣ остальные Канъ, Бежюенъ, m-me Коррёръ, сами Шарбоннели превозносили до небесъ качества m-lle Вероники: по ихъ словамъ, она внесетъ въ его домъ всѣ добродѣтели, всѣ благополучія, невыразимое очарованіе. И кончилъ шуткой:

— Словомъ, это такая особа, которая нарочно создана для меня. Я не могъ отъ нея отказаться.

Потомъ прибавилъ тонко:

— Если у насъ начнется осенью война, то надо подумать о союзникахъ.

Клоринда съ жаромъ одобрила его. Она тоже принялась расхваливать m-lle Бенуа-д'Оршеръ, которую, однако, видѣла всего разъ. Делестанъ, до тѣхъ поръ только качавшій головой, глядя на жену, пустился въ восторженныя восхваленія брака. Онъ заговорилъ-было о своемъ собственномъ счастіи, но тутъ она встала, упомянувъ о другомъ визитѣ, который еще имъ предстоитъ сдѣлать. Ругонъ провожалъ ихъ, она задержала его на минуту, пропустивъ мужа впередъ:

Digitized by Google

— Я вѣдь вамъ говорила, что вы будете женаты въ концѣ года,—тихонько прошептала она ему на ухо.

VI.

Наступило лѣто. Ругонъ жилъ въ безусловномъ покоѣ. M-me Ругонъ въ три мѣсяца придала степенный характеръ дому въ улицѣ Марбёфъ, который въ былое время все какъ-то отзывался проходимцемъ. Теперь комнаты, немного холодныя, очень чистыя, говорили о честной жизни; мебель была разставлена въ строгомъ порядкѣ, занавѣсы пропускали самую узкую полоску свѣта, ковры заглушали шаги, придавая гостинной чинность какъ-бы монастырской пріемной. Казалось даже, что все здѣсь отзывается стариной, что входишь въ какое-то патріархальное жилище.

Эта высокая, некрасивая женщина, неусыпно надзиравшая за порядкомъ, неслышными шагами бродила по дому и вела хозяйство такъ ловко и такъ незамѣтно, точно она состарѣлась въ этомъ домѣ и была уже лѣтъ двадцать замужемъ.

Ругонъ улыбался, когда его поздравляли. Онъ продолжалъ утверждать, что женился по совѣту и по выбору своихъ друзей. Жена приводила его въ восторгъ. Давно уже онъ мечталъ о буржуазномъ очагѣ, который былъ бы, такъ сказать, матеріальнымъ доказательствомъ его честности. Такой очагъ долженъ былъ окончательно отдѣлить его отъ сомнительнаго прошлаго и помѣстить въ разрядъ честныхъ людей. Онъ остался въ душѣ провинціаломъ и носилъ въ ней, какъ идеалъ, воспоминаніе о нѣкоторыхъ богатыхъ салонахъ въ Плассанѣ, на креслахъ которыхъ круглый годъ красовались бѣлые чехлы. Когда онъ бывалъ у Делестановъ, гдѣ Клоринда изъ каприза щеголяла безумной роскошью, то выражалъ свое презрѣніе легкимъ пожатіемъ плечъ. Онъ находилъ совсѣмъ смѣшнымъ дѣломъ—бросать деньги за окошко,—не потому, чтобы былъ скупъ, но онъ толковалъ при этомъ обыкновенно, что ему знакомы радости болѣе дорогія, чѣмъ всѣ тѣ, которыя можно купить за деньги. Поэтому онъ предоставилъ женѣ распоряжаться ихъ состояніемъ. До сихъ поръ онъ жилъ не считая. Отнынѣ она стала распоряжаться деньгами съ той же щепетильной аккуратностью, какую уже вносила въ управленіе хозяйствомъ.

Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ, Ругонъ замкнулся въ своемъ домѣ, собираясь съ мыслями, готовясь къ борьбѣ, о которой меч-

Digitized by Google

талъ. Въ немъ жила любовь къ власти, ради самой власти, помимо всякихъ увлеченій тщеславіемъ, богатствомъ, почестями.

Невообразимо невѣжественный, совсѣмъ дюжинный человѣкъ во всемъ, что не касалось умѣнья командовать людьми, онъ возвышался надъ уровнемъ посредственности только благодаря жаждѣ къ владычеству. Тутъ онъ любилъ показать свою силу, тутъ онъ гордился своимъ умомъ. Стать выше толпы, въ которой онъ видѣлъ только дураковъ и мошенниковъ, управлять міромъ посредствомъ бича и палки—это стремленіе развивало въ его неповоротливомъ организмѣ удивительную смѣтливость, поразительную энергію. Онъ вѣрилъ только въ самого себя, опирался на свои мнѣнія, какъ на аргументы, и все подчинялъ своей неугомонной личности. Чуждый всякихъ пороковъ, онъ втайнѣ наслаждался оргіями самовластія. Если отецъ передалъ ему широкую массивную фигуру и дубоватую наружность, то отъ матери, бѣдовой Фелситэ, вертѣвшей всѣмъ Плассаномъ, онъ заимствовалъ огненную волю, уваженіе къ силѣ, презрѣніе къ мелкимъ средствамъ и мелкимъ радостямъ. Онъ былъ, конечно, самымъ крупнымъ изъ Ругоновъ.

Когда онъ очутился наединѣ съ самимъ собой, безъ всякаго занятія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельной жизни, онъ сначала почувствовалъ пріятное чувство отдохновенія. Ему показалось, что со времени жаркихъ дней 1851 г. онъ ни разу не спалъ. Онъ принималъ свою немилость, какъ отпускъ, заслуженный долголѣтней службой. Онъ разсчитывалъ пробыть въ сторонѣ мѣсяцевъ шесть, чтобы оглядѣться, а затѣмъ ринуться снова въ бой, но уже по истеченіи нѣсколькихъ недѣль наскучилъ покоемъ. Никогда не сознавалъ онъ такъ ясно свою силу: теперь, когда голова и руки его бездѣйствовали, онъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ по цѣлымъ днямъ прогуливался по своему тѣсному садику, зѣвая во весь ротъ, подобно тому, какъ потягиваются львы, засаженные въ клѣтку, расправляя свои окоченѣвшіе члены. Тогда началось для него тягостное существованіе, скуку котораго онъ скрывалъ самымъ тщательнымъ образомъ; онъ вѣдь простакъ, говаривалъ онъ; онъ радъ, что выбрался изъ «толоки». Тяжелыя вѣки его приподнимались порою, въ минуту напряженнаго вниманія за ходомъ событій, но тотчасъ же опускались, скрывая пламя, горѣвшее въ его глазахъ, какъ только кто-нибудь взглядывалъ на него. Даже съ своими друзьями онъ прикидывался человѣкомъ пресыщеннымъ: но надо сказать и то, что тѣ на это только плечами пожимали за его спиной. Что поддерживало въ немъ бодрость, — такъ это популярность, которая окру-

Digitized by Google

жала его личность. Паденіе его порадовало многихъ. Не проходило дня, чтобы какая-нибудь газета не задѣла его; въ немъ олицетворяли государственный переворотъ, проскрипціи, всѣ насилія, о которыхъ говорили лишь иносказательно: императора поздравляли съ тѣмъ, что отдѣлался отъ слуги, компрометтировавшаго его. Въ Тюльери вражда противъ него была еще живѣе; торжествующій Марси осыпалъ его эпиграммами, которыя дамы разносили по салонамъ. Эта ненависть подзадоривала его, усиливала въ немъ презрѣніе къ людскому стаду. Его не забывали, его ненавидѣли—и это ему льстило. Одинъ противъ всѣхъ—это и было любимой мечтой, которую онъ лелѣялъ; одинъ, съ бичомъ въ рукѣ, онъ держалъ на почтительномъ разстояніи разверстыя пасти. Онъ опьянѣлъ отъ оскорбленій и еще сильнѣе закалился въ горделивомъ уединеніи.

Между тѣмъ праздность сильно тяготила его мускулы борца. Еслибы онъ посмѣлъ только, то схватилъ бы заступъ и вскопалъ часть своего сада. Онъ предпринялъ большой трудъ: сравнительный этюдъ англійской конституціи и императорской конституціи 1852 года. Надо было, отведя должное мѣсто исторіи и политическимъ правамъ обоихъ народовъ, доказать, что свобода также велика во Франціи, какъ и въ Англіи. Потомъ, когда онъ подобралъ матеріалы, когда черновая работа была окончена, ему пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы взяться за перо. Онъ охотно изложилъ бы дѣло передъ палатой; но писать, взвѣшивать каждое слово, отдѣлывать фразы—показалось ему тяжкимъ трудомъ, не представляющимъ непосредственной пользы. Слогъ всегда затруднялъ его, и поэтому онъ его презиралъ. Онъ не пошелъ дальше десятой страницы. Начатая рукопись валялась на бюро, хотя онъ не прибавлялъ къ ней и двадцати строкъ въ недѣлю. Всякій разъ, какъ его спрашивали про его занятія, онъ отвѣчалъ, въ подробности развивая свою идею и придавая своему произведенію громадное значеніе. За этими ширмами онъ скрывалъ несносную пустоту своей жизни.

Проходили мѣсяцы, а онъ улыбался все безмятежнѣе. Отчаяніе, душившее его втайнѣ, ничѣмъ не выдавалось наружу. Онъ отвѣчалъ на жалобы своихъ друзей разсужденіями, которыя всѣ клонились къ тому, что онъ вполнѣ доволенъ своей судьбой. Развѣ онъ не счастливъ? Онъ обожаетъ умственный трудъ и можетъ работать вволю. Развѣ это не въ сто разъ лучше, чѣмъ лихорадочныя занятія общественными дѣлами. Если императоръ не нуждается въ немъ, то хорошо дѣлаетъ, оставляя его въ углу, и говорилъ объ императорѣ не иначе какъ съ выраженіемъ

Digitized by Google

глубокой преданности. Часто однако онъ объявлялъ, что готовъ по одному знаку своего господина снова взвалить на себя «бремя власти», но прибавлялъ, что ничего не сдѣлаетъ, чтобы внушить этотъ знакъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ ревнивымъ стараніемъ оставался въ сторонѣ. Среди безмолвія, наступившаго въ первые годы имперіи, среди страннаго оцѣпенѣнія, обусловленнаго страхомъ и утомленіемъ, ему слышался глухой ропотъ пробужденія. И завѣтныя мечты его призывали какую-нибудь катастрофу, которая бы сдѣлала его внезапно необходимымъ. Онъ былъ человѣкъ пригодный для опасныхъ положеній, «человѣкъ съ двумя кулаками», какъ его называлъ Марси.

По воскресеньямъ и четвергамъ домъ въ улицѣ Марбёфъ раскрывался для друзей. Они приходили побалакать въ большой красный салонъ, до половины одиннадцатаго, когда Ругонъ неумолимо изгонялъ друзей: онъ говорилъ, что позднее сидѣнье по вечерамъ отуманиваетъ мозгъ. М-me Ругонъ ровно въ десять часовъ приказывала подавать чай, который разливала сама, какъ хозяйка, внимательная ко всякимъ мелочамъ. Угощеніемъ были двѣ тарелки печеній, къ которымъ никто не притрогивался.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ четвергъ, слѣдовавшій за генеральными выборами, вся шайка находилась въ сборѣ въ салонѣ уже съ восьми часовъ вечера. Дамы: m-me Бушаръ, m-me Шарбоннель, m-me Коррёръ сидѣли у открытаго окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, доносившимся изъ саду, а д'Эскорайль разсказывалъ имъ свои плассанскія похожденія, когда онъ отправлялся на нѣсколько часовъ въ Монако, подъ предлогомъ охоты у пріятеля. М-me Ругонъ, одѣтая въ черное и полу-скрытая занавѣсами окна, не слушала, тихо вставала, исчезала по цѣлымъ четвертямъ часа. Подлѣ дамъ сидѣлъ также на креслѣ Шарбоннель и дивился тому, что приличный молодой человѣкъ разсказываетъ о такихъ исторіяхъ. Въ глубинѣ комнаты, Клоринда, стоя, разсѣянно прислушивалась къ разговору объ урожаяхъ, который велся ея мужемъ и Бежюэномъ. Одѣтая въ желтое платье, густо отдѣланное желтыми лентами, она похлопывала вѣеромъ по ладони лѣвой руки, пристально глядя на яркій шаръ единственной лампы, горѣвшей въ комнатѣ. За игорнымъ столомъ полковникъ и Бушаръ играли въ пикетъ, а Ругонъ въ уголку раскладывалъ пасьянсъ, съ серьёзнымъ и методическимъ видомъ снимая и опуская карты. Это было его любимымъ занятіемъ по четвергамъ и воскресеньямъ, которымъ онъ занималъ голову и мысль.

— Ну, что выходитъ? — спросила Клоринда подходя съ улыбкой.

Digitized by Google

— Да вѣдь всегда что-нибудь выходитъ, — отвѣчалъ тотъ спокойно.

Она сошла передъ нимъ по другую сторону стола, въ то время какъ онъ снова разложилъ колоду на восемь частей.

Когда онъ перебралъ всѣ карты попарно, она продолжала:

— Вы правы, удивлюсь... О чемъ вы задумали?

Но онъ медленно поднялъ глаза, какъ-бы давая вопросу.

— О томъ, какова-то завтра будетъ погода, — отвѣтилъ онъ наконецъ.

И опять принялся раскладывать карты. Делестанъ и Бежюэнъ умолкли. Въ гостинной звучалъ только серебристый смѣхъ хорошенькой м-ще Бушаръ. Клоринда подошла къ окну и постояла передъ нимъ съ секунду, глядя на сгущавшіеся сумерки. Потомъ, не поворачиваясь, спросила:

— Есть ли извѣстія отъ бѣднаго Кана?

— Я получилъ отъ него письмо, — отвѣчалъ Ругонъ, — и жду его сегодня вечеромъ.

Тутъ заговорили о неудачѣ Кана. Онъ имѣлъ неосторожность, во время послѣдней сессіи, довольно сильно раскритиковать законопроектъ, внесенный правительствомъ; надо сказать, что этотъ законопроектъ, создававшій для него опасную конкурренцію въ сосѣднемъ департаментѣ, грозилъ разорить его заводы въ Бресскомъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ не думалъ, что переступилъ границы законной защиты, когда по возвращеніи въ департаментъ Двухъ-Севровъ, куда отправился хлопотать по выборамъ, узналъ отъ самого префекта, что онъ больше не оффиціальный кандидатъ; онъ пересталъ быть угоднымъ; министръ указалъ на одного стряпчаго въ Ніорѣ, человѣка совсѣмъ ничтожнаго. То было ударомъ обуха по головѣ.

Ругонъ передавалъ эти подробности, когда вошелъ Канъ въ сопровожденіи дю-Пуаза. Оба пріѣхали съ семичасовымъ поѣздомъ. Они успѣли только отобѣдать.

— Ну, что, какъ вы объ этомъ думаете? — произнесъ Канъ, стоя посреди салона, между тѣмъ, какъ всѣ столпились вокругъ него. — Я попалъ въ революціонеры; какъ вамъ это нравится?

Дю-Пуаза бросился въ кресло съ утомленнымъ видомъ.

— Славная компанія! — закричалъ онъ: — славная ерунда! Просто, глядѣть противно.

Но Кана заставили разсказать все дѣло обстоятельно. Онъ говорилъ, что тотчасъ же по пріѣздѣ туда замѣтилъ какое-то замѣшательство, даже у своихъ лучшихъ друзей. Что касается префекта, де-Ланглада, то это — человѣкъ развратной жизни и

Digitized by Google

будто бы въ связи съ женой Ніорскаго стряпчаго, новаго депутата. Однако этотъ Лангладъ сообщилъ ему о немилости очень любезно, куря сигару за дессертомъ завтрака въ префектурѣ. И передалъ весь разговоръ. Хуже всего то, что уже печатали его бюллетени и объявленія. Въ первую минуту гнѣвъ до того ослѣпилъ его, что онъ собирался все-таки выступить кандидатомъ.

— Ахъ! еслибы вы намъ написали, — сказалъ дю-Пуазá, обращаясь къ Ругону: — мы бы задали знатный урокъ правительству.

Ругонъ пожалъ плечами, тасуя карты, и только небрежно замѣтилъ:

— Вы бы провалились на выборахъ и скомпрометтировали бы себя на всю жизнь. Великъ барышъ!

— Не знаю, какъ это вы скроены!—закричалъ дю-Пуазá, вскакивая съ мѣста съ яростными жестами. — Я объявляю, что де-Марси начинаетъ сильно бѣсить меня. Вѣдь это онъ въ васъ мѣтилъ, задѣвъ нашего друга Кана... Читали ли вы его циркуляры? Нечего сказать! хороши его выборы! онъ выѣзжаетъ на фразахъ... Не улыбайтесь... Будь вы министромъ внутреннихъ дѣлъ, мы бы не такъ повернули.

И такъ какъ Ругонъ продолжалъ улыбаться, глядя на него, прибавилъ съ бóльшимъ задоромъ:

— Мы, вѣдь, были тамъ, мы все видѣли... Одинъ бѣдный малый, старый мой товарищъ, осмѣлился выступить республиканскимъ кандидатомъ. Вы не можете себѣ представить, какъ съ нимъ обошлись. Префектъ, мэры, жандармы—вся шайка набросилась на него, объявленія его срывали, бюллетени бросали въ ямы, арестовали нѣсколькихъ бѣдняковъ за то, что они разносили его циркуляры. Дошло до того, что его тетка, женщина, впрочемъ, весьма почтенная, попросила его не бывать у ней, потому что онъ ее компрометтируетъ. А газеты-то! онѣ обзывали его разбойникомъ. И теперь добрые люди крестятся, когда онъ проходитъ по улицѣ.

Онъ шумно перевелъ духъ и продолжалъ, опять бросаясь въ кресло:

— Нужды нѣтъ! Если Марси получилъ большинство во всѣхъ департаментахъ, то Парижъ тѣмъ не менѣе назначилъ пять депутатовъ оппозиціи... Это—пробужденіе. Пусть только императоръ оставитъ власть въ рукахъ этого болвана министра и въ рукахъ его альковныхъ префектовъ, которые посылаютъ мужей въ палату, чтобы свободнѣе волочиться за женами,—черезъ пять лѣтъ потрясенной имперіи будетъ грозить распаденіе... Я въ во-

Digitized by Google

сторгѣ отъ парижскихъ виборовъ. Я нахожу, что они мстятъ за насъ.

— Значитъ, еслибы вы были префектомъ?..—спросилъ Ругонъ съ спокойнымъ видомъ, между тѣмъ какъ тонкая иронія проложила складку въ углахъ его толстыхъ губъ.

Дю-Пуазá показалъ свои бѣлые, неровные зубы. Его жалкіе кулачонки, точно у больного ребенка, прижимались къ ручкамъ кресла съ такимъ азартомъ, что онъ собирался ихъ сокрушить.

— О!—пробормоталъ онъ:—еслибы я былъ префектомъ...

Но не договорилъ и, откидываясь на спинку кресла, сказалъ:

— Нѣтъ, это наконецъ отвратительно!.. Къ тому же, я всегда былъ республиканцемъ!

Между тѣмъ у окна дамы молчали, поворотившись лицомъ къ глубинѣ салона и прислушиваясь, а д'Эскорайль съ большимъ вѣеромъ въ рукахъ обмахивалъ имъ, не говоря ни слова, хорошенькую m-me Бушаръ, которая совсѣмъ раскисла отъ іюльской жары. Полковникъ и Бушаръ, оканчивавшіе свою партію, пріостанавливали игру минутами, и одобрительно или неодобрительно качали головой на то, что говорилось. Широкій кругъ изъ креселъ образовался вокругъ Ругона: Клоринда, настороживъ уши, оперпись рукой на подбородокъ, не шевелилась; Делестанъ улыбался женѣ, занятый, вѣроятно, какимъ-нибудь пріятнымъ воспоминаніемъ. Бежюзинъ, скрестивъ руки на колѣнихъ, оглядывалъ поочередно всѣхъ присутствующихъ растеряннымъ взглядомъ. Внезапное появленіе дю-Пуазá и Кана возмутило точно буря великое спокойствіе, царствовавшее въ салонѣ. Они какъ будто принесли въ своей одеждѣ запахъ оппозиціи.

— Какъ бы то ни было, я послѣдовалъ вашему совѣту и отступилъ,—замѣтилъ Канъ.—Меня предупредили, что со мной поступятъ еще суровѣе, чѣмъ съ республиканскимъ кандидатомъ. А я-то служилъ имперіи съ такой преданностью! Сознайтесь, что такая неблагодарность можетъ обезкуражить самыя мужественныя души.

И горько жаловался на тысячу преслѣдованій. Онъ хотѣлъ основать газету, чтобы поддерживать свой проектъ желѣзной дороги между Ніорномъ и Анжеромъ. Позднѣе, эта газета должна была стать могущественнымъ финансовымъ орудіемъ въ его рукахъ; но ему отказали въ разрѣшеніи. Марси вообразилъ, что за нимъ скрывается Ругонъ и что газета будетъ вести борьбу противъ его министерскаго портфѣля.

— Еще бы!—сказалъ дю-Пуазá:—они боятся какъ-бы не пропечатали всю правду о нихъ. Ахъ! я бы доставилъ вамъ хо-

Digitized by Google

рошенькія статейки... Это просто позоръ такая пресса, какъ наша, съ клиномъ во рту, и подъ угрозой быть задушенной при первомъ крикѣ. Одного изъ моихъ друзей, начинающаго романъ, призвали въ министерство, гдѣ столоначальникъ просилъ его перемѣнить цвѣтъ жилета у своего героя, потому что выбранный имъ цвѣтъ не нравился министру... Я не сочиняю.

И привелъ другіе факты; заговорилъ о страшныхъ легендахъ, ходившихъ въ народѣ о самоубійствѣ одной молодой актрисы и одного родственника императора, о мнимой дуэли двухъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ убилъ другого въ корридорѣ Тюльери, вслѣдствіе какой-то исторіи о воровствѣ. Дали бы развѣ вѣрить такимъ баснямъ, еслибы пресса могла говорить свободно? И повторилъ въ видѣ заключенія:

— Я республиканецъ, рѣшительно, я республиканецъ.

— Вы очень счастливы,—пробормоталъ Канъ:—я же рѣшительно не знаю, что́ я такое.

Ругонъ, передернувъ своими широкими плечами, началъ новый, очень хитрый пасьянсъ. Надо было трижды разложить карты сперва на семь частей, потомъ на пять, потомъ на три и добиться того, чтобы, когда всѣ карты будутъ разложены, всѣ восемь трефовыхъ картъ очутились въ одной кучѣ. Онъ, казалось, былъ такъ поглощенъ своимъ дѣломъ, что не слыхалъ разговоровъ, хотя уши его точно вздрагивали при иныхъ словахъ.

— Парламентская система управленія представляла серьёзныя гарантіи,—сказалъ полковникъ.—Ахъ! еслибы принцы вернулись!

Полковникъ Жобеленъ бывалъ орлеанистомъ въ моменты оппозиціи. Онъ охотно вспоминалъ про битву въ ущельѣ Музайя, гдѣ онъ стрѣлялъ рядомъ съ герцогомъ Омальскимъ, который былъ въ то время капитаномъ 4-го линейнаго полка.

— При Луи-Филиппѣ хорошо было жить,—продолжалъ онъ, видя, что его восклицаніе встрѣчено было молчаніемъ.—Развѣ другъ нашъ не былъ бы во главѣ управленія не позже полугода, еслибы у насъ былъ отвѣтственный кабинетъ? Мы бы насчитывали однимъ великимъ ораторомъ больше.

Но Бунжаръ давно уже выказывалъ знаки нетерпѣнія. Онъ выдавалъ себя за легитимиста; дѣдъ его во время оно былъ при дворѣ. Поэтому, каждый вечеръ жестокій споръ завязывался между нимъ и его кузеномъ о политикѣ.

— Полноте!—пробормоталъ онъ.—Ваша іюльская монархія всегда пробавлялась уловками. Вѣдь вы знаете, что есть только одинъ принципъ.

И они очень сурово обошлись другъ съ другомъ. Они ни-

Digitized by Google

вергали имперію и учреждали, каждый, правительство по своему вкусу. Развѣ орлеанская династія торговалась когда съ старшимъ солдатомъ изъ-за ордена? Развѣ легитимные короли нарушили бы когда-нибудь права старшинства, какъ это ежедневно совершалось въ министерствахъ? Когда они дошли до того, что обозвали другъ друга дураками, полковникъ закричалъ, просто хвастая карты:

— Отстаньте отъ меня, Бушаръ, слышите!.. У меня четырнадцать десятокъ и кварта отъ валета. Годится ли?

Делестанъ, вызванный споромъ изъ задумчивости, нашелъ нужнымъ защищать имперію. Боже мой! конечно, никакое правительство не удовлетворяетъ его вполнѣ. Онъ желалъ бы болѣе гуманнаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, правительства. И старался объяснить свои стремленія, излагалъ весьма сложную соціалистическую программу, ускореніе пауперизма, ассоціацію всѣхъ работниковъ, что-нибудь въ родѣ его образцовой памадской фермы. Дю-Пуаза говаривалъ обыкновенно, что онъ слишкомъ много возился съ животными. Клоринда, въ то время какъ мужъ ея говорилъ, качая своей великолѣпной оффиціальной головой, глядѣла на него, слегка надувъ губы.

— Да, я бонапартистъ,—повторялъ онъ неоднократно,—либеральный бонапартистъ, если хотите.

— А вы, Бежюэнъ?—спросилъ внезапно Канъ.

— И я тоже,—отвѣчалъ Бежюэнъ, едва ворочая языкомъ, послѣ своего продолжительнаго молчанія:—то-есть, конечно, существуютъ оттѣнки... словомъ, я бонапартистъ.

Дю-Пуаза пронзительно засмѣялся:

— Еще бы!—закричалъ онъ.

И такъ какъ со всѣхъ сторонъ приглашали объясниться, онъ отрѣзалъ напрямки:

— Ловкіе вы тоже господа! Васъ, вѣдь, не пустили гулять на всѣ четыре стороны. Делестанъ все еще засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ. Бежюэнъ вновь выбранъ въ депутаты.

— Это случилось само собой,—перебилъ послѣдній.—Шерскій депутатъ...

— О! вы тутъ непричемъ, я васъ ни въ чемъ не укоряю. Мы знаемъ, какъ эти вещи дѣлаются... Комбело тоже выбранъ, Ла-Рукетъ тоже..... Имперія—превосходная штука!

Д'Эскорайль, продолжавшій обмахивать вѣеромъ хорошенькую m-me Бушаръ, вздумалъ вмѣшаться. Онъ защищалъ имперію съ другой точки зрѣнія; онъ присталъ къ имперіи потому,

Digitized by Google

что, по его мнѣнію, у императора есть миссія: спасти прежде всего Францію.

— За вами осталось ваше мѣсто аудитора, не правда ли?— возразилъ дю-Пуазà, возвышая голосъ; — ну, ваши мнѣнія, значитъ, извѣстны... Чортъ возьми! мои слова кажется всѣхъ васъ скандализируютъ. А между тѣмъ дѣло кажется просто... Каку и мнѣ нѣтъ больше резона быть слѣпыми, вотъ и все!

Всѣ разсердились. Такой взглядъ на политику отвратителенъ. Въ политикѣ есть кое-что иное, кромѣ личныхъ интересовъ. Сами, полковникъ и Бушаръ, не будучи бонапартистами, признавали однако, что могутъ существовать и бонапартисты по убѣжденію. И толковали о своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ съ удвоеннымъ жаромъ, точно ихъ собирались насильно отнять у нихъ. Что касается Делестана, онъ былъ задѣтъ за живое; онъ повторялъ, что его не поняли; указывалъ на важные пункты, въ которыхъ онъ расходится съ слѣпыми приверженцами имперіи, что увлекло его въ новыя разсужденія о демократическихъ задачахъ, выполнить которыя, по его мнѣнію, могло императорское правительство. Ни Бежюанъ, ни д'Эскорайль не соглашались также, чтобы ихъ считали просто бонапартистами: они указывали на различія, заявляли о какихъ-то особенныхъ мнѣніяхъ, которыя было трудно опредѣлить, такъ что черезъ какихъ-нибудь десять минутъ все общество перешло въ оппозицію. Голоса возвышались, завязывались частные споры, слова: легитимистъ, орлеанистъ, республиканецъ сыпались среди заявленій о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, повторяемыхъ разъ по двадцати. М-me Ругонъ показалась на минуту на порогѣ двери, съ тревожнымъ видомъ; потомъ тихонько исчезла.

Ругонъ между тѣмъ кончилъ трефовый пасьянсъ. Клоринда нагнулась спросить его среди гвалта:

— Вышло?

— Конечно,—отвѣчалъ онъ съ обычной спокойной улыбкой.

И точно теперь только спохватившись о состояніи умовъ всѣхъ присутствующихъ, Ругонъ помахалъ рукою, говоря:

— Вы слишкомъ шумите!

Они умолкли, ожидая, что онъ заговоритъ. Воцарилось глубокое безмолвіе. Всѣ, немного утомленные, ждали. Ругонъ однимъ движеніемъ большого пальца распустилъ по столу вѣеръ изъ тринадцати картъ. Онъ пересчиталъ ихъ и проговорилъ среди всеобщаго ожиданія:

— Три дамы—признакъ ссоры... Ночное извѣстіе... Смуглая женщина, которой слѣдуетъ остерегаться...

Но дю-Пуазà въ нетерпѣніи перебилъ его:

Digitized by Google

— А вы, Ругонъ, какъ думаете объ этомъ?

Великій человѣкъ откинулся на спинку кресла и загнутымъ рукою легкій зѣвокъ. Онъ кивнулъ вверхъ подбородкомъ, точно у него болѣла шея.

— О! я,—пробормоталъ онъ, глядя на потолокъ,—я абсолютистъ, какъ вамъ извѣстно. Это бываетъ прирождено человѣку. Это не мнѣніе, это потребность моей натуры. Вы глупы, что спорите. Во Франціи, какъ только соберутся пять мужчинъ въ комнатѣ, такъ сходятся пять правительствъ. Это никому не мѣшаетъ служить тому, которое признано. Гмъ! не правда ли? вѣдь все это одна пустая болтовня.

Онъ опустилъ подбородокъ и медленно обвелъ ихъ всѣхъ глазами, продолжая:

— Марси очень хорошо велъ выборы. Вы напрасно хулите его циркуляры. Послѣдній въ особенности былъ очень ловко составленъ... Что касается прессы, то она и теперь слишкомъ свободна. Куда бы мы зашли, еслибы первый встрѣчный могъ писать все, что онъ думаетъ? Я, впрочемъ, какъ и Марси, отказалъ бы Кану въ правѣ основать газету. Всегда безполезно давать орудіе въ руки противниковъ... Видите ли: имперіи, которыя станутъ нѣжничать,—имперіи погибшія. Франція требуетъ желѣзной руки. Когда ее чуть-чуть придушатъ, ей отъ этого только польза.

Делестанъ хотѣлъ протестовать. Онъ началъ фразою:

— Однако, существуетъ извѣстная сумма необходимыхъ вольностей...

Но Клоринда заставила его замолчать. Она одобряла все, что говорилъ Ругонъ, энергическими кивками головы. Она наклонялась къ нему, чтобы онъ видѣлъ, какъ она сочувствуетъ ему, покоряется ему. Поэтому онъ къ ней обратился глазами, восклицая:

— Ахъ, да! необходимыя вольности! я ожидалъ, что ихъ пустятъ въ ходъ!.. Слушайте, еслибы императоръ спрашивалъ моего совѣта, то никогда не далъ бы ни одной вольности.

И такъ какъ Делестанъ снова заволновался, то жена опять угомонила его, сердито нахмуривъ свои прекрасныя брови.

— Никогда!—повторилъ Ругонъ съ энергіей.

Онъ приподнялся съ кресла съ такимъ грознымъ видомъ, что никто и не пикнулъ. Но затѣмъ упалъ съ усталымъ видомъ, пробормотавъ:

— Вотъ, вы и меня заставили кричать... Я теперь добрякъ буржуа, и ничего больше. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего прочаго,

Digitized by Google

и я очень радъ. Дай Богъ, чтобы я больше не понадобился императору!

Въ эту минуту дверь салона отворилась. Онъ приложилъ палецъ къ губамъ и тихо прошепталъ:

— Тсъ!

Вошелъ Ла-Рукетъ. Ругонъ подозрѣвалъ, что его подсылаетъ къ нему сестра, m-me де-Лоранцъ, въ качествѣ шпіона. Марсъ, хотя былъ женатъ всего такихъ-нибудь полгода, возобновилъ сношенія съ этой дамой, съ которой былъ въ связи слишкомъ два года. Поэтому, съ появленіемъ молодого депутата пересали толковать о политикѣ. Салонъ снова принялъ свой степенный видъ. Самъ Ругонъ пошелъ за абажуромъ и надѣлъ его на лампу: въ узкомъ кругѣ желтаго свѣта видѣлись только сухія руки полковника и Бушара, бросавшія методически карты на столъ. Передъ окномъ m-me Шарбоннель сообщала вполголоса свои заботы m-me Коррёръ, между тѣмъ какъ Шарбоннель подчеркивалъ каждую подробность тяжелымъ вздохомъ: хоть уже скоро два года, какъ они живутъ въ Парижѣ, а ихъ проклятая тяжба все еще не кончена. Наканунѣ еще они вынуждены были купить себѣ по полудюжинѣ рубашекъ, узнавъ о новой отсрочкѣ. Немного позади нихъ, возлѣ занавѣски, сидѣла m-me Бушаръ, повидимому усыпленная жарой. Д'Эскорайль снова подсѣлъ, и такъ какъ никто не глядѣлъ на нихъ, онъ имѣлъ спокойную дерзость поцѣловать ея полуоткрытыя губы. Она раскрыла глаза, не двигаясь, очень серьёзная.

— Боже мой! да,—говорилъ Ла-Рукетъ:—въ эту самую минуту я не ѣду въ Variétés! Я видѣлъ генеральную репетицію пьесы. О! успѣхъ колоссальный, Мариза неописанно весела! Это привлечетъ весь Парижъ... Мнѣ нужно было кончить одну работу. Я нѣчто готовлю.

Онъ пожалъ руку мужчинамъ и любезно поцѣловалъ руку у Клариды поверхъ перчатки. Онъ стоялъ, опершись на спинку кресла, улыбаясь, въ безукоризненномъ костюмѣ. Совсѣмъ тѣмъ въ манерѣ, съ какой былъ застегнутъ его сюртукъ, проглядывала претензія на серьёзность.

— Кстати,—продолжалъ онъ,—обращаясь къ хозяину дома,—мнѣ надо указать вамъ для вашего обширнаго труда на одну статью объ англійской конституціи, весьма любопытную, которая появилась въ одномъ вѣнскомъ журналѣ... Вы подвигаетесь впередъ?

— О! медленно,—отвѣчалъ Ругонъ.—Я теперь на такой главѣ, которая стоитъ мнѣ много.

Digitized by Google

Обыкновенно, онъ находилъ пикантнымъ заставлять болтать молодого депутата. Онъ зналъ черезъ него обо всемъ, что происходило въ Тюльери. Сегодня вечеромъ, умѣренный, что его подослали, чтобы развѣдать, что онъ думаетъ объ успѣхѣ оффиціальныхъ кандидатуръ, онъ смумѣлъ, не проронивъ ни одной фразы, которую можно было бы повторить, вышпилять у него кучу свѣдѣній. Онъ началъ съ того, что поздравилъ его съ избраніемъ. Потомъ, съ добродушнымъ видомъ, какой умѣлъ напускать на себя, поддерживалъ разговоръ простыми кивками головы. Ла-Рукетъ, въ восторгѣ оттого, что его слушаютъ, не умолкалъ. Дворъ былъ внѣ себя отъ радости. Императоръ узналъ о результатѣ выборовъ въ Пломбьерѣ; разсказываютъ, что при полученіи депеши онъ сѣлъ, потому что ноги у него подкосились отъ волненія. Однако, побѣда эта отравлялась сильной тревогой: Парижъ вотировалъ, какъ неблагодарное чудовище.

— Ба! Парижъ обуздаютъ,—пробормоталъ Ругонъ, подавляя зѣвоту, точно скучая, что не находитъ для себя ничего интереснаго въ потокѣ словъ Ла-Рукета.

Пробило десять часовъ. М-me Ругонъ, выдвинувъ столъ на средину комнаты, подала чай. Въ это время обыкновенно общество разбивалось на отдѣльныя группы по угламъ. Канъ, съ чашкой въ рукахъ, стоялъ передъ Делестаномъ, который никогда не пилъ чаю, потому что онъ его возбуждалъ, и объяснялъ ему, что главное дѣло его, концессія на желѣзную дорогу между Ніэромъ и Анжеромъ, все еще не выгораетъ. Онъ прибавилъ, что каналья де-Лагладъ осмѣлился воспользоваться его проектомъ, въ видѣ избирательнаго маневра въ пользу новаго оффиціальнаго кандидата. Ла-Рукетъ, перейдя теперь къ обществу дамъ, нашептывалъ имъ вещи, вызывавшія у нихъ улыбку. Позади оплота изъ креселъ, m-me Коррёръ оживленно бесѣдовала съ дю-Пуаза: она держала его за руку и разспрашивала его про своего брата, Мартино, нотаріуса въ Кулансѣ, котораго онъ долженъ былъ видѣть. И дю-Пуаза сообщилъ ей, что онъ только видѣлъ его на минуту, возлѣ церкви; онъ все такой же, съ холоднымъ лицомъ, серьёзнымъ видомъ. Потомъ, когда она пустилась въ свои обычныя жалобы, зло посовѣтовалъ ей никогда не показывать туда носа, потому что m-me Мартино боялась, что выпроводитъ ее за дверь. М-me Коррёръ допила свой чай, задыхаясь отъ злости.

— Ну, дѣти, спать пора,—отечески произнесъ Ругонъ.

Было только двадцать-пять минутъ одиннадцатаго, и онъ разрѣшилъ еще остаться на пять минутъ. Иные уже распрощались.

Digitized by Google

Онъ проводилъ Кана и Венкизена, которымъ m-me Ругонъ всегда поручала кланяться женамъ, хотя видалась съ этими дамами не чаще, какъ раза два въ годъ. Ругонъ тихонько толкнулъ въ дверяхъ Шарбонелей, которые не знали, какъ имъ уйти. Потомъ, такъ какъ хорошенькая m-me Бушаръ уходила въ обществѣ д'Эсторайля и Ла-Рукетъ, повернулся къ карточному столу, крича:

— Эй! Бушаръ, у васъ уводятъ жену.

Но столоначальникъ, не слыша его, объявлялъ игру:

— Пятнадцать отъ туза въ трефахъ! годится?.. Три короля, тоже годится...

Ругонъ смѣшалъ карты своими огромными ручищами.

— Конченъ балъ, уходите,—проговорилъ онъ.—Не стыдно вамъ приходить въ такой азартъ!.. Слушайте, полковникъ, будьте благоразумны.

Та же исторія повторялась каждый четвергъ и каждое воскресенье. Ругону приходилось прерывать ихъ среди начатой партіи и зачастую тушить лампу, чтобы заставить ихъ уйти. И они расходились взбѣшенные и поссорясь другъ съ другомъ.

Когда въ комнатѣ остались только Делестанъ и Клоринда, послѣдняя, въ то время, какъ мужъ ея всюду искалъ ея вѣеръ, тихонько сказала Ругону:

— Напрасно вы не дѣлаете никакого моціона, вы можете захворать.

Онъ сдѣлалъ жестъ равнодушія и покорности судьбѣ. М-me Ругонъ уже прибирала чашки и чайныя ложечки. Потомъ, въ то время, какъ Делестаны пожимали ему руки, онъ откровенно зѣвнулъ во весь ротъ и сказалъ изъ вѣжливости, чтобы не показать, что онъ зѣваетъ отъ скуки:

— Ахъ! чортъ возьми! какъ я буду спать эту ночь!

Такъ проходили всѣ вечера. Въ салонѣ Ругона царствовала «непроходимая скука», по выраженію дю-Пуаза, который тоже находилъ, что теперь отъ него «разитъ ханжествомъ». Клоринда выказывала дочернія чувства. Часто, послѣ полудня, она одна заѣзжала въ улицу Марбёфъ съ какимъ-нибудь порученіемъ, взятымъ ею на себя. Она весело говорила m-me Ругонъ, что пріѣхала любезничать съ ея мужемъ: а та, улыбнувшись своими бѣдными губами, по цѣлымъ часамъ оставляла ихъ вдвоемъ. Они дружески бесѣдовали, какъ будто позабывъ о прошломъ; они, какъ пріятели, жали другъ другу руки въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ въ прошломъ году онъ мечался передъ ней, какъ звѣрь, въ порывѣ страсти. И вотъ, забывъ объ этомъ, они обра-

Digitized by Google

щались другъ съ другомъ съ спокойной фамильярностью. Онъ поправлялъ ей растрепавшіеся волосы или же помогалъ выпутать изъ кресла шлейфъ, который у ней былъ всегда непомѣрной длины. Разъ, когда они проходили по саду, она вздумала загляпуть въ конюшню, и вошла, глядя на него съ легкой усмѣшкой. А онъ, держа руки въ карманахъ, пробормоталъ тоже улыбаясь:

— Гм! бываетъ, вѣдь, человѣкъ глупъ иногда!

И при каждомъ ея посѣщеніи Ругонъ подавалъ ей добрые совѣты. Онъ заступался за Делестана, — въ сущности хорошаго мужа. Она разсудительно отвѣчала, что уважаетъ его и что ему не въ чемъ упрекнуть ее. Она говорила, что даже не чувствуетъ охоты кокетничать—что́ была правда. Во всѣхъ ея словахъ проглядывало большое равнодушіе, можно сказать, презрѣніе къ мужчинамъ. Когда говорили про какую-нибудь женщину, любовникамъ которой былъ потерянъ счетъ, она широко раскрывала глаза, какъ ребенокъ, и спрашивала:

— Неужели это ее занимаетъ?

Она по цѣлымъ недѣлямъ забывала про свою красоту и вспоминала о ней только тогда, когда она нужна была ей, какъ орудіе. Поэтому, когда Ругонъ съ странной настойчивостью возвращался къ этому сюжету, и читалъ ей мораль, повторяя, что она должна быть вѣрна Делестану, она сердилась, крича:

— Да отстаньте же, наконецъ! Очень мнѣ нужно все это... Вы просто оскорбляете меня!

Однажды она отвѣчала, глядя ему прямо въ лицо:

— Ну, что-жъ такое, еслибы это и случилось? Вамъ какое дѣло? Вы тутъ ничего не теряете!

Онъ покраснѣлъ и нѣсколько времени не говорилъ ей объ ея обязанностяхъ, объ обществѣ, объ ея положеніи въ немъ. Правда была въ томъ, что если онъ уступилъ ее Делестану, то не хотѣлъ уступать никому другому. Эта постоянная ревнивая забота была единственнымъ слѣдомъ, сохранившимся въ немъ отъ грубой страсти, которую она на минуту зажгла въ немъ. Онъ доходилъ до того, что устроивалъ за ней надзоръ въ томъ обществѣ, которое она посѣщала. Еслибы онъ что-нибудь замѣтилъ, то, быть можетъ, предупредилъ бы мужа.

Когда Ругонъ видѣлся съ нимъ наединѣ, то не переставалъ внушать ему быть на-сторо́жѣ, указывая на необыкновенную красоту его жены. Но Делестанъ самоувѣренно смѣялся, говоря съ фатовскимъ видомъ, что можетъ спать спокойно, такъ что въ этой семьѣ всѣ муки ревности выпадали на долю Ругона.

Digitized by Google

Остальные его совѣты, весьма практическіе, доказывали его сильную дружбу къ Клориндѣ. Онъ мало-по-малу убѣдилъ ее отослать мать въ Италію. Графиня Вальби, оставшись теперь единственной владѣтельницей маленькаго отеля въ Елисейскихъ Поляхъ, вела такую странную и безалаберную жизнь, что служила предметомъ общихъ толковъ. Онъ взялъ на себя переговоры съ графиней о щекотливомъ вопросѣ ежегодной пенсіи. Отель продали, прошлое молодой женщины было какъ-бы стерто. Потомъ онъ предпринялъ исправить ее отъ эксцентричности, но тутъ разбился объ ея безусловную наивность, объ ея тупое бабье упрямство. Клоринда, замужемъ за богачемъ, то бросала деньги за окошко самымъ сумасброднымъ образомъ, то поддавалась припадкамъ постыдной скупости. Она оставила при себѣ свою маленькую служанку, чернявую Антонію, которая сосала апельсины съ утра до ночи. Вдвоемъ съ ней онѣ страшно грязнили покои Клоринды, занимавшей цѣлый уголъ громаднаго отеля въ улицѣ Колизея. Когда Ругонъ посѣщалъ ее, то видѣлъ грязныя тарелки на креслахъ, бутылки отъ сиропа на полу и вдоль стѣнъ. Онъ угадывалъ подъ мебелью цѣлый ворохъ грязныхъ предметовъ, которые туда запихали, заслышавъ его шаги. И, уживаясь съ грязными обоями, пыльной мебелью, она продолжала проявлять самые дикіе капризы. Зачастую она принимала его полунагая, завернутая въ одѣяло, валяясь на диванѣ и жалуясь на неслыханныя болѣзни: на собаку, которая грызла ей ноги, или на булавку, которую она проглотила и которая должна выдти черезъ лѣвую ногу. Въ другой разъ она закрывала ставни съ трехъ часовъ, зажигала пропасть свѣчей и затѣмъ плясала съ своей служанкой; обѣ при этомъ хохотали, какъ полоумныя, такъ что когда онъ входилъ, то служанка минутъ пять не могла перевести духа и уйти. Однажды она не захотѣла, чтобы онъ ее видѣлъ; она зашила занавѣсь кровати съ верху до низу и, сидя на тюфякѣ въ этой клѣткѣ, спокойно разговаривала съ нимъ болѣе часу, точно они сидѣли у камина. Эти вещи казались ей вполнѣ естественными. Когда онъ ее журилъ, она удивлялась, говоря, что не дѣлаетъ ничего худого. Сколько онъ ни проповѣдывалъ ей о приличіяхъ, сколько ни божился, что изъ одинъ мѣсяцъ сдѣлаетъ изъ нея самую привлекательную женщину въ Парижѣ, она сердилась, повторяя:

— Я такова, какъ есть, и живу, какъ мнѣ хочется... Какое до того дѣло другимъ.

Порою она улыбалась.

— Меня любятъ такою, какъ я есть,—бормотала она.

Digitized by Google

И правду сказать: Делестанъ обожалъ ее. Будучи женою, она оставалась его любовницей, тѣмъ болѣе могущественной, чѣмъ менѣе походила на законную жену. Онъ сквозь пальцы глядѣлъ на ея капризы, трепеща, чтобы она не бросила его, какъ пригрозила однажды, когда онъ вздумалъ упрекать ее.

Быть можетъ, покорность его обусловливалась также и смутнымъ сознаніемъ ея превосходства, убѣжденіемъ, что она такъ сильна, что можетъ вертѣть имъ, какъ угодно. При другихъ, онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ, говорилъ о ней съ снисходительной нѣжностью серьёзнаго человѣка. За кулисами же этотъ высокій bel homme, съ великолѣпной головой, плакалъ, когда она не хотѣла отворить ему дверь своей спальной. Онъ только пряталъ ключи отъ покоевъ перваго этажа, чтобы спасти свои парадныя комнаты отъ жирныхъ пятенъ.

Ругонъ добился однако отъ Клоринды, чтобы она одѣвалась почти такъ, какъ всѣ. Она была, впрочемъ, очень смѣтлива,— смѣтливостью, свойственной сумасшедшимъ, которые умѣютъ прикидываться здравомыслящими въ присутствіи постороннихъ. Онъ встрѣчалъ ее въ иныхъ домахъ сдержанной, уступающей видную роль мужу, вполнѣ приличной среди восторга, возбуждаемаго ея великой красотой. Онъ часто встрѣчалъ у нея де-Плугерна, который за-одно съ нимъ читалъ ей нотаціи, а она шутила съ ними, причемъ старый сенаторъ фамильярно похлопывалъ ее по щекѣ, что̀ очень не нравилось Ругону; но онъ никогда не осмѣливался высказывать своихъ чувствъ на этотъ счетъ. Онъ былъ смѣлѣе относительно Луиджи Поццо, секретаря кавалера Рускони, котораго онъ не разъ видалъ выходящимъ отъ нея въ непоказанное время. Когда онъ намекнулъ молодой женщинѣ, что это могло ее компрометтировать, она, по своему обыкновенію, съ удивленіемъ взглянула на него, потомъ расхохоталась. Плевать ей на общественное мнѣніе. Въ Италіи женщины принимаютъ мужчинъ, которые имъ нравятся, и никто ничего худого не думаетъ. Къ тому же, Луиджи свой человѣкъ, кузенъ; онъ приноситъ ей миланскіе пирожки изъ пассажа Кольберъ.

Но политика оставалась главной заботой Клоринды. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за Делестана, весь ея умъ уходилъ въ двусмысленныя и запутанныя дѣла, истинное значеніе которыхъ никому не было хорошо извѣстно. Она удовлетворяла этимъ своей склонности къ интригѣ, которая такъ долго служила пищею ея аттаки на мужчинъ съ видной карьерой впереди. Можно было подумать, что она готовилась къ какому-нибудь болѣе важному дѣлу, когда слишкомъ до двадцати-двухъ лѣтъ рас-

Digitized by Google

кидавала свои тенета дѣвушки-невѣсты. Теперь она поддерживала дѣятельную переписку съ матерью, поселившеюся въ Туринѣ. Она почти ежедневно бывала въ итальянскомъ посольствѣ, гдѣ кавалеръ Рускони уводилъ ее въ уголки, и они торопливо бесѣдовали другъ съ другомъ шепотомъ. Затѣмъ происходили непонятныя катанья по всѣмъ концамъ Парижа, визиты, дѣлаемые тайкомъ высокопоставленнымъ лицамъ, свиданія, назначаемыя въ глухихъ кварталахъ. Всѣ венеціанскіе эмигранты: Бромбилла, Стадерино, Вискароли видались съ ней по секрету, передавали ей клочки бумаги, покрытыя замѣтками. Она купила себѣ монументальный портфёль изъ краснаго сафьяна, въ которомъ таскала цѣлую кучу документовъ. Въ каретѣ она держала его обыкновенно на колѣняхъ, точно муфту; вездѣ, гдѣ она ни показывалась, она таскала его подъ мышкой съ привычнымъ жестомъ; даже раннимъ утромъ ее встрѣчали пѣшкомъ, прижимающей его къ груди онѣмѣвшими руками. Вскорѣ портфёль истерся, разорвался на швахъ. Тогда она стала связывать его шнурками. А въ своихъ яркихъ платьяхъ съ длиннымъ шлейфомъ, вѣчно нагруженная этимъ безобразнымъ кожанымъ мѣшкомъ, изъ котораго торчали бумаги, она походила на какого-то адвоката-ябедника, бѣгающаго по судамъ, чтобы зашибить копѣйку.

Не разъ Ругонъ пытался проникнуть въ великія дѣла Клоринды. Однажды, оставленный наединѣ съ знаменитымъ порфирлемъ, онъ не поцеремонился вытащить письма, торчавшія въ его скважины. Но то, что́ онъ узнавалъ тѣмъ или другимъ способомъ, казалось ему такимъ несообразнымъ, такимъ дикимъ, что онъ смѣялся надъ политическими претензіями молодой женщины. Она объявила ему въ одно прекрасное утро, съ спокойнымъ видомъ, что работаетъ надъ союзомъ между Италіей и Франціей въ виду близкой войны съ Австріей; она хотѣла отобрать у Австріи Венецію; но присовокупила къ этому столько такихъ вещей, что Ругонъ, сначала очень пораженный, кончилъ тѣмъ, что пожалъ плечами. По его мнѣнію, она просто оригинальничала. Онъ не желалъ измѣнить своего мнѣнія о женщинахъ. Впрочемъ, Клоринда охотно соглашалась играть роль его ученицы. Когда она посѣщала его въ улицѣ Марбёфъ, то выказывала необыкновенное смиреніе, покорность, разспрашивала его, слушала съ жаромъ ученика, желающаго просвѣтиться. А онъ, зачастую, забывая съ кѣмъ говоритъ, высказывалъ свою правительственную систему, пускался въ самыя сокровенныя признанія. Потомъ, мало-по-малу эти бесѣды вошли въ привычку; онъ сдѣлалъ ее своей повѣренной и облегчалъ съ ней свою душу, от

дыхая отъ скрытности, съ какой не разставался даже въ обществѣ лучшихъ друзей своихъ. Именно потому, что она была женщина, онъ не остерегался ея и обращался съ ней, какъ съ скромной ученицей, восхищеніе которой ему было очень пріятно.

Въ теченіи августа и сентября Клоринда участила свои посѣщенія. Она теперь являлась по три, по четыре раза въ недѣлю. Усерднѣе чѣмъ когда-либо разыгрывала она роль восторженной поклонницы. Она усиленно льстила Ругону, восторгалась его геніемъ, ахала надъ великими дѣлами, которыя бы онъ совершилъ, еслибы не держался въ сторонѣ. Однажды, въ минуту проворливости, онъ спросилъ у нея, смѣясь:

— Я вамъ, должно быть, очень нуженъ?

— Да,—отвѣчала она смѣло.

И посѣшила принять восхищенный видъ, который всегда сохраняла въ его присутствіи. Политика занимала ее больше, чѣмъ любой романъ, говорила она. Но, когда Ругонъ поворачивался къ ней спиной, она бросала на него огненные взгляды, въ которыхъ горѣло пламя мести за никогда невабываемое оскорбленіе. Часто она оставляла свои руки въ его рукахъ, какъ будто бы все еще чувствовала себя слишкомъ слабой относительно его, и съ дрожью въ рукахъ ждала вожделѣнной минуты, когда настолько обезсилитъ его, что ей можно будетъ его задушить.

Особенно тревожила Клоринду постоянно возраставшая вялость Ругона. Она видѣла, что онъ совсѣмъ опустился подъ бременемъ скуки. Сначала она отлично видѣла, насколько могло быть притворства въ его поведеніи. Но теперь, несмотря на всю свою смѣтливость, начинала приходить въ уныніе. Жесты его становились медлительнѣе, голосъ вялъ, и въ иные дни онъ выказывалъ такое равнодушіе, былъ такъ добродушенъ, что молодая женщина въ ужасѣ спрашивала себя: ну, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ примирится съ своей отставкой въ сенатѣ, въ качествѣ политическаго инвалида.

Въ концѣ сентября, Ругонъ казался очень озабоченнымъ. Потомъ, среди обычной бесѣды ихъ, онъ признался ей, что питаетъ великій замыселъ. Онъ скучаетъ въ Парижѣ и хочетъ подышать свѣжимъ воздухомъ. И сряду выложилъ ей все: онъ составилъ планъ новой жизни, добровольной ссылки въ Ланды, гдѣ онъ займется расчищеніемъ нѣсколькихъ квадратныхъ миль земли, и основетъ городъ на завоеванной почвѣ. Клоринда, блѣдная, какъ полотно, слушала его.

Digitized by Google

— Но ваше положеніе здѣсь, ваши надежды? —вскричала она.

Онъ сдѣлалъ жестъ пренебреженія, шепча:

— Ба! все это воздушные замки!.. Видите ли, я рѣшительно не созданъ для политики.

И заговорилъ о своей давнишней мечтѣ быть крупнымъ землевладѣльцемъ, владѣть обширными стадами, надъ которыми онъ будетъ царствовать. Но въ Ландахъ честолюбіе его будетъ удовлетворено еще полнѣе; онъ будетъ королемъ-завоевателемъ новой земли; у него будетъ свой народъ. И пустился въ безконечныя подробности. Въ послѣднія двѣ недѣли онъ читалъ, не говоря ни слова, спеціальныя сочиненія. Онъ осушитъ болота, съ помощью машинъ расчиститъ почву отъ камней, остановитъ расширеніе дюнъ, насадитъ плантацію сосенъ, надѣлитъ Францію чудно-плодороднымъ уголкомъ земли. Вся его дремавшая дѣятельность, вся его сила праздная великана пробуждалась при этой творческой фантазіи; сжатые кулаки какъ-будто уже разбивали непокорные камни, руки переворачивали почву; на плечахъ онъ точно переносилъ цѣлые дома; онъ ставилъ ихъ на берегъ рѣки, русло которой пробивалъ ударомъ ноги. Нѣтъ ничего легче какъ достигнуть этого. Тутъ ему будетъ дѣла вволю. Императоръ, конечно, любитъ его настолько, чтобы предоставить ему въ распоряженіе департаментъ. Выпрямившись во весь ростъ, съ раскраснѣвшимися щеками, онъ точно выросъ, внезапно расправивъ свое массивное туловище и залился внезапно гордымъ смѣхомъ.

— Эге! вѣдь это идея!—сказалъ онъ.—Я назову городъ своимъ именемъ, я осную свою маленькую имперію.

Клоринда объяснила все это капризомъ, бреднями, явившимися какъ результатъ глубокой скуки, которая его угнетала. Но на слѣдующіе дни онъ заговорилъ о своемъ проектѣ съ еще большимъ энтузіазмомъ. Въ каждое посѣщеніе она заставала его за картами, разложенными на бюро, на креслахъ, на коврѣ. Въ одно утро онъ не могъ принять ее; у него происходило совѣщаніе съ двумя инженерами. Тутъ она не на шутку испугалась. Неужто же онъ ее кинетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, чтобы строить свой городъ въ пустынѣ? Ужъ не новая ли это уловка съ его стороны? Она отказалась разузнавать правду, но сочла полезнымъ забить тревогу между друзьями.

Тѣ пришли въ ужасъ. Дю-Пуаза вышелъ изъ себя; уже слишкомъ годъ какъ онъ гранилъ мостовую; въ послѣднюю его поѣздку въ Вандею, отецъ вынулъ изъ ящика пистолетъ, когда онъ рискнулъ попросить у него десять тысячъ франковъ на одно очень

Digitized by Google

выгодное предпріятіе. И теперь, какъ и въ 1848 г., ему грозила нищета. Канъ пришелъ въ такую же ярость: заводамъ его въ Брессюирѣ грозило банкротство; онъ чувствовалъ себя погибшимъ, если не добьется, не позже шести мѣсяцевъ, концессіи на желѣзную дорогу. Остальные: Бежюэнъ, полковникъ, Бушары, Шарбонели—тоже завопили. Это не могло такъ кончиться. Ругонъ, право, сошелъ съ ума. Его слѣдуетъ урезонить.

Прошло еще двѣ недѣли. Клоринда, которую вся шайка очень слушалась, рѣшила, что непрактично было бы прямо аттаковать великаго человѣка, надо выждать случая. Однажды вечеромъ, около половины октября, когда друзья были собраны во всемъ комплектѣ въ салонѣ улицы Марбёфъ, Ругонъ сказалъ, улыбаясь:

— Вы не знаете, что я сегодня получилъ?

Онъ взялъ изъ-за часовъ на каминѣ розовую карточку и показалъ ее.

— Приглашеніе въ Компіень.

Въ эту минуту слуга осторожно отворилъ дверь. Человѣкъ, котораго баронъ дожидался, пришелъ; Ругонъ извинился и вышелъ. Клоринда встала, прислушиваясь. Потомъ, среди воцарившагося безмолвія, съ энергіей сказала:

— Надо, чтобы онъ ѣхалъ въ Компіень!

Друзья осторожно оглядѣлись кругомъ себя; но они были одни; m-me Ругонъ тоже куда-то исчезла. Тогда вполголоса, поглядывая на двери, они заговорили безъ стѣсненія. Дамы сидѣли полукругомъ у камина, въ которомъ горѣлъ огонь. Бушаръ и полковникъ играли въ свой вѣчный пикетъ, а мужчины откатили свои кресла въ уголъ, чтобы лучше уединиться. Клоринда стояла посреди комнаты, наклонивъ слегка голову, и глубоко размышляла.

— Онъ, значитъ, ждалъ кого-нибудь?—спросилъ дю-Пуаза.—Кого бы это?

Другіе пожали плечами въ знакъ того, что не знаютъ.

— Еще какое-нибудь дурацкое дѣло!—продолжалъ онъ.—Мое терпѣніе лопнуло. Въ одинъ изъ вечеровъ я ему выскажу прямо все, что думаю,—вотъ увидите.

— Т-съ!—произнесъ Канъ, поднося палецъ къ губамъ.

Бывшій подпрефектъ неосторожно возвысилъ голосъ. Всѣ прислушивались съ минуту. Потомъ Канъ заговорилъ снова шопотомъ:

— Конечно, онъ взялъ на себя обязательства относительно насъ.

Digitized by Google

— Скажите, что его связываетъ съ нами долгъ,—прибавилъ полковникъ, кладя карты на столъ.

— Да, да, долгъ, это настоящее слово, — подтвердилъ Бушаръ.—Мы вѣдь сказали ему это въ послѣдній разъ, въ государственномъ совѣтѣ.

Остальные одобрили кивками головы. Тутъ поднялся всеобщій вопль. Ругонъ всѣхъ ихъ разорилъ; Бушаръ прибавилъ, что еслибы не его вѣрность другу въ несчастіи, онъ давно былъ бы начальникомъ отдѣленія. Полковникъ божился, что ему предлагали крестъ командора и мѣсто для его сына, Огюста, отъ имени графа де-Марси, но что онъ отказался изъ дружбы къ Ругону. Хорошенькая m-lle Бушаръ разсказала, что родители г. д'Эскорайи чувствовали себя очень обиженными тѣмъ, что сынъ ихъ оставался аудиторомъ, когда они уже полгода надѣялись, что его сдѣлаютъ докладчикомъ. И даже тѣ, которые ничего не говорили: Делестанъ, Бежюэнъ, m-me Коррёръ, Шарбоннели сжимали губы и поднимали глаза къ небу съ видомъ жертвъ, терпѣніе которыхъ начинаетъ истощаться.

— Словомъ, мы въ дуракахъ,—началъ дю-Пуаза.—Но онъ не уѣдетъ, ручаюсь вамъ! Ну, есть ли смыслъ ѣхать воевать съ камнями въ какую-то трущобу, когда въ Парижѣ удерживаютъ такіе крупные интересы?.. Хотите, я съ нимъ поговорю?

Клоринда вышла изъ задумчивости. Она жестомъ заставила его замолчать; потомъ, пріотворивъ дверь и убѣдившись, что тамъ никого не было, повторила:

— Слышите ли, надо, чтобы онъ ѣхалъ въ Компіень!

И такъ какъ всѣ лица снова обратились къ ней, она новымъ жестомъ остановила потокъ вопросовъ:

— Т-съ! не здѣсь.

Однако объяснила, что мужъ и она тоже приглашены въ Компіень; ее увѣряли, что де-Марси будетъ тамъ въ одно время съ ними, и упомянула имя m-me Лоранцъ, но отказалась объясняться дальше и только улыбалась. Великаго человѣка проталкиваютъ къ власти помимо его воли; ему отрѣзываютъ всѣ пути къ отступленію. Бенуа д'Орширъ и вся магистратура глухо поддерживали его. Ла-Рукетъ сознался, что императоръ хранилъ безусловное молчаніе среди взрывовъ ненависти у его окружающихъ къ Ругону; какъ скоро его называли при немъ, онъ становился серьёзенъ, опускалъ глаза и не говорилъ ни слова.

— Не о насъ однихъ рѣчь идетъ,—объявилъ наконецъ Канъ:—если мы успѣемъ, страна должна будетъ насъ благодарить.

Тутъ принялись вслухъ хвалить хозяина дома. Въ сосѣдней

Digitized by Google

комнатѣ послышался глухой шумъ голосовъ. Дю-Пуазá, подмываемый любопытствомъ, толкнулъ дверь, собираясь выдти, потомъ медленно захлопнулъ ее, чтобы успѣть разглядѣть человѣка, говорившаго съ Ругономъ. То былъ Жильбенъ, въ толстомъ пальто, почти онрятномъ, съ толстой тростью съ мѣднымъ набалдашникомъ въ рукахъ.

Онъ говорилъ, не понижая голоса, съ преувеличенной фамильярностью:

— Знаешь, не посылай больше въ улицу Виржини, въ Гренеллѣ. У меня были непріятности; я переѣхалъ въ Батиньоль, въ пассажъ Гютенъ... Словомъ, можешь разсчитывать на меня. До свиданія.

И пожалъ руку Ругону. Когда тотъ вернулся въ салонъ, то извинился, глядя пристально на дю-Пуазà.

— Славный малый, знакомый вамъ, дю-Пуазá, неправда ли?.. Я поручилъ ему набрать колонистовъ для моего Новаго Свѣта, тамъ, въ Ландахъ. Кстати, я забираю васъ всѣхъ; можете укладываться. Канъ будетъ моимъ первымъ министромъ, Делестанъ и его жена будутъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Бежюэнъ—почтою. И я не забываю дамъ. М-me Бушаръ будетъ держать скипетръ красоты, а m-me Шарбоннель я поручу ключи отъ нашихъ амбаровъ.

Онъ шутилъ, а друзьямъ его было не по себѣ, и они спрашивали себя: не слышалъ ли онъ ихъ толки въ какую-нибудь щель въ стѣнѣ. Когда онъ объявилъ, какими орденами изукрасить грудь полковника, этотъ послѣдній чуть не разсердился. Между тѣмъ Клоринда смотрѣла на пригласительный билетъ въ Компіень, снявъ его съ камина.

— Вы поѣдете?—спросила она небрежно.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Ругонъ, удивленный.—Я разсчитываю на этотъ случай, чтобы выпросить у императора мой департаментъ.

Пробило десять часовъ. М-me Ругонъ вернулась и подала гостямъ чай.

VII.

Въ семь часовъ вечера, въ день своего пріѣзда въ Компіень, Клоринда разговаривала съ г. де-Плутерномъ у окна въ карточной галереѣ. Ждали императора и императрицу, чтобы идти въ столовую. Вторая серія приглашенныхъ всего какихъ-нибудь часа три канъ прибыла въ замокъ, и не всѣ еще были въ сборѣ.

Digitized by Google

Молодая женщина однимъ словомъ характеризовала каждаго входящаго. Дамы въ платьяхъ съ открытымъ лифомъ, съ цвѣтами въ волосахъ, уже съ порога улыбались съ кроткимъ видомъ; мужчины сохраняли серьёзныя лица, въ бѣлыхъ галстукахъ и коротенькихъ панталонахъ, съ обтянутыми икрами, подъ шелковымъ чулкомъ.

— А! вотъ и кавалеръ Рускони, — пробормотала Клоринда. — Онъ очень хорошъ... Но посмотри-ка, крестный, на Бенуа д'Орперъ, онъ точно собирается залаять; и какія у него ноги, Боже ты мой!

Де-Плугернъ ухмылялся, радуясь случаю позлословить. Кавалеръ Рускони подошелъ раскланяться съ Клориндой съ томной любезностью красавца-итальянца. Потомъ обошелъ дамъ, отвѣшивая имъ поочереди самые граціозные поклоны. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Делестанъ, крайне серьёзный, разглядывалъ громадныя карты Компьенскаго лѣса, покрывавшія стѣны галлереи.

— Въ какой вагонъ забрался ты?—продолжала Клоринда.— Я тебя искала на дебаркадерѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ тобой. Представь, я ѣхала съ цѣлой толпой мужчинъ...

Но перемѣнила тонъ, и, сдерживая смѣхъ, произнесла:

— Ла-Рукетъ похожъ на сахарную конфетку.

— Пригодную на то, чтобы ею лакомились дѣвчонки,—замѣтилъ зло сенаторъ.

Въ эту минуту послышался у двери шелестъ юбокъ; дверь отворилась настежъ, и вошла женщина въ платьѣ, отдѣланномъ такимъ множествомъ бантовъ, цвѣтовъ и кружевъ, что ей пришлось прижать юбку обѣими руками, чтобы пройти въ дверь. То была m-me Комбело, золовка Клоринды. Послѣдняя оглядѣла ее, пробормотавъ:

— Ну, на что это похоже!

И въ то время, какъ де-Плугернъ оглядывалъ ея собственное платье изъ простого тарлатана, наброшеннаго на небрежно сшитый чехолъ изъ розоваго фая, она продолжала совсѣмъ равнодушнымъ тономъ:

— О, что касается меня, то, вѣдь, ты знаешь, крестный, что туалетъ меня не занимаетъ! Меня нужно брать такою, какъ я есть.

Между тѣмъ Делестанъ рѣшился разстаться съ картами и идти навстрѣчу сестрѣ, которую подвелъ къ женѣ. Онѣ не долюбливали другъ друга, и обмѣнялись кисло-сладкимъ привѣтствіемъ. М-me де-Комбело удалилась, волоча атласный шлейфъ,

Digitized by Google

напоминавшій цвѣтникъ, мимо молчаливыхъ мужчинъ, осторожно отступавшихъ на два или на три шага передъ волнами ея кружевныхъ оборокъ. Клоринда, оставшись снова вдвоемъ съ де-Плугерномъ, шутя намекнула на великую страсть, какую эта дама питала къ императору. Потомъ, на слова сенатора, сообщавшаго о стойкомъ сопротивленіи послѣдняго, замѣтила:

— Заслуга не велика, она такая худая! Я слышала, какъ нѣкоторые мужчины находили ее хорошенькой, не знаю почему. У ней совсѣмъ незначительная наружность.

Разговаривая, она не спускала глазъ съ дверей, съ озабоченнымъ видомъ:

— Ахъ! на этотъ разъ, это долженъ быть Ругонъ, — проговорила она.

Но тотчасъ же поправилась, причемъ въ глазахъ ея зажглось пламя:

— И, нѣтъ! Это де-Марси.

Министръ, безукоризненно изящный въ своемъ черномъ фракѣ и короткихъ панталонахъ, улыбаясь, подошелъ къ m-me Комбелó и, разговаривая съ ней, поглядывалъ, мигая на приглашенныхъ, точно онъ никого изъ нихъ не узнавалъ. Потомъ, весьма любезно наклонялъ голову въ отвѣтъ на поклоны, которыми его привѣтствовали. Нѣсколько мужчинъ осторожно приблизились къ нему. Вскорѣ онъ сталъ центромъ группы. Его блѣдное, тонкое и злое лицо возвышалось надъ плечами окружавшихъ его.

— Кстати, — начала Клоринда, уводя де-Плугерна въ глубину амбразуры,—я разсчитывала на тебя, чтобы узнать нѣкоторыя подробности... Что ты знаешь о знаменитыхъ письмахъ m-me Лоранцъ.

— Да только то, чтó всѣмъ извѣстно,—отвѣчалъ онъ.

И разсказалъ о трехъ письмахъ, написанныхъ, какъ говорили, графомъ де-Марси къ m-me Лоранцъ, лѣтъ пять тому назадъ, немного раньше женитьбы императора. Эта дама, лишившаяся тогда своего мужа, генерала, по происхожденію испанца, находилась въ Мадридѣ по имущественнымъ дѣламъ. То было самое жаркое время ихъ страсти. Графъ, чтобы позабавить ее, увлекаясь также своимъ юморомъ, послалъ ей чрезвычайно пикантные детали о нѣкоторыхъ августѣйшихъ особахъ, въ интимномъ кружкѣ которыхъ вращался. И разсказывали, что съ тѣхъ поръ m-me Лоранцъ, красивая женщина, страшно ревнивая, держала эти письма, какъ угрозу надъ головой де-Марси.

— Она съ трудомъ дала свое согласіе на бракъ его съ валахской княжной,—сказалъ сенаторъ въ заключеніе.—Но, раз-

Digitized by Google

рѣшивъ ему медовый мѣсяцъ, дала затѣмъ знать, что если онъ не вернется къ ея ногамъ, то она положитъ три страшныхъ письма на столъ императора; и онъ опять надѣлъ свою цѣпь. Увѣряютъ, что онъ осыпаетъ ее любезностями, чтобы добыть отъ нея эту проклятую корреспонденцію.

Клоринда много смѣялась; исторія казалась ей очень забавной, и сыпала вопросъ за вопросомъ. Значитъ, еслибы графъ измѣнилъ m-me Лоранцъ, то она способна исполнить свою угрозу? Гдѣ она хранитъ эти три письма? Говорятъ, въ лифѣ платья? Но де-Плугернъ ничего объ этомъ не зналъ. Никто не читалъ ничего. Онъ знаетъ одного молодого человѣка, который для того, чтобы снять съ нихъ копію, въ теченіи шести мѣсяцевъ былъ рабомъ m-me де-Лоранцъ.

— Чортъ возьми! — прибавилъ онъ: — онъ не спускаетъ съ тебя глазъ, моя милочка. Эге! кстати, вѣдь я совсѣмъ и позабылъ: говорятъ, ты вскружила ему голову!.. Правда ли, что на послѣднемъ своемъ министерскомъ вечерѣ онъ разговаривалъ съ тобой больше часу?

Молодая женщина ничего не отвѣтила. Она его больше не слушала и неподвижно и горделиво выдерживала пристальный взглядъ де-Марси. Потомъ, медленно поднявъ голову, поглядѣла на него въ свою очередь, и ждала поклона. Онъ подошелъ къ ней, поклонился. Тогда она очень кротко улыбнулась ему. Они не сказали другъ другу ни слова. Графъ вернулся въ центръ группы, гдѣ Ла-Рукетъ громко разглагольствовалъ, величая его на каждомъ словѣ «ваше превосходительство».

Мало-по-малу, однако, галлерея наполнилась народомъ. Тутъ было около ста человѣкъ, высокопоставленные чиновники, генералы, иностранные дипломаты, пять депутатовъ, три префекта, два живописца, одинъ романистъ, два академика, не считая придворныхъ чиновъ, каммергеровъ, адъютантовъ и егерей. Скромный ропотъ голосовъ носился среди свѣта люстръ. Придворные расхаживали мелкими шагами, между тѣмъ какъ новые гости стояли и не рѣшались подходить къ дамамъ. Стѣсненіе, испытываемое людьми, изъ которыхъ многіе не знали другъ друга и вдругъ очутились вмѣстѣ у дверей императорской столовой, придавало ихъ лицамъ выраженіе сердитаго достоинства. Временами воцарялась внезапная тишина, головы оборачивались съ смутной тревогой. А мебель этого обширнаго покоя, во вкусѣ имперіи, столики съ прямыми ножками, четырехугольныя кресла, казалось, еще усиливали торжественность ожиданія.

— Вотъ и онъ наконецъ,—пробормотала Клоринда.

Digitized by Google

Вошелъ Ругонъ. Онъ остановился на минуту, мигая глазами. Онъ принялъ свой видъ неповоротливаго добряка съ слегка согнутой спиной, съ соннымъ лицомъ. Съ перваго взгляда замѣтилъ онъ легкій трепетъ вражды, который появленіе его вызвало въ нѣкоторыхъ группахъ. Потомъ спокойно, пожимая кое-кому руку, онъ постарался очутиться лицомъ къ лицу съ де-Марси. Они поклонились другъ другу съ такимъ видомъ, какъ будто бы имъ было очень пріятно встрѣтить другъ друга. И, глядя пристально въ глаза одинъ другому, какъ враги, уважающіе силу противника, дружески стали бесѣдовать. Вокругъ нихъ образовалась пустота. Дамы слѣдили за ихъ малѣйшими жестами, между тѣмъ какъ мужчины, прикидываясь скромными, глядѣли въ другую сторону, по временамъ украдкой скашивая на нихъ глаза. Во всѣхъ углахъ шептались. Какое тайное намѣреніе руководило императоромъ? Зачѣмъ свелъ онъ этихъ двухъ людей? Ла-Рукетъ, сбитый съ толку, думалъ, что готовится какое-нибудь важное событіе. Онъ подошелъ съ разспросами къ де-Плугерну, который, чтобы позабавиться, отвѣчалъ ему:

— Кто знаетъ! Быть можетъ, Ругонъ свалитъ Марси, и не худо ухаживать за нимъ... Лишь бы только императоръ не сдѣлалъ этого невзначай, это съ нимъ иногда бываетъ... А можетъ быть также онъ захотѣлъ доставить себѣ удовольствіе видѣть ихъ вмѣстѣ, разсчитывая, что они будутъ забавны.

Но шепотъ умолкъ. Началось движеніе. Двое придворныхъ переходили отъ группы къ группѣ, бормоча что-то вполголоса. И гости, сдѣлавшись снова серьёзными, направились къ двери налѣво, гдѣ образовали двойной рядъ, мужчины съ одной стороны, а женщины съ другой. У двери сталъ Марси, удержавшій Ругона возлѣ себя; затѣмъ размѣстились другія лица, смотря по своему чину и званію. Тутъ еще прождали минуты три въ глубокомъ молчаніи.

Дверь отворилась настежъ. Императоръ во фракѣ, съ красной лентой черезъ плечо, вошелъ первый, въ сопровожденіи дежурнаго каммергера, де-Комбелъ. Онъ слабо улыбнулся, остановившись передъ Марси и Ругономъ. Онъ медленно дергалъ свои длинные усы рукой, раскачивая всѣмъ туловищемъ. Потомъ, смущеннымъ голосомъ пролепеталъ:

— Передайте m-me Ругонъ, что мы были огорчены, узнавъ о ея нездоровьи... Мы очень бы желали видѣть ее съ вами... Но надо надѣяться, что болѣзнь кончится пустяками. Въ настоящую минуту насморки очень часты.

И прошелъ впередъ. Два шага дальше онъ пожалъ руку

Digitized by Google

одному генералу, освѣдомляясь объ его сынѣ, котораго звалъ «мой маленькій другъ Гастонъ». Гастонъ былъ ровесникомъ императорскому принцу, но былъ гораздо крупнѣе его. Рядъ наклонялся по мѣрѣ того, какъ онъ двигался. Наконецъ, на самомъ концѣ де-Комбело представилъ ему одного изъ двухъ академиковъ, который впервые являлся ко двору. Императоръ заговорилъ объ его послѣднемъ произведеніи, нѣкоторыя мѣста котораго онъ прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, говорилъ онъ.

Между тѣмъ вошла императрица, въ сопровожденіи м-me де-Лоранцъ. Она была одѣта очень скромно: въ голубомъ шелковомъ платьѣ съ бѣлымъ кружевнымъ тюникомъ. Мелкими шагами, улыбаясь, граціозно наклоняя свою голую шею, на которой виднѣлась простая голубая бархатка, съ привѣшеннымъ къ ней брилліантовымъ сердечкомъ, она проходила мимо ряда, образуемаго дамами. Дамы присѣдали на ея пути, шурша юбками, отъ которыхъ пахло духами. М-me де-Лоранцъ представила ей одну молодую женщину, которая казалась очень взволнованной. М-me де-Комбело обращалась съ императрицей съ умильной фамильярностью.

Потомъ, какъ императоръ съ императрицей обошли каждый свой рядъ, они повернули назадъ, причемъ императоръ пошелъ мимо дамъ, а императрица мимо мужчинъ. Начались новыя представленія. Никто еще не говорилъ,—почтительное замѣшательство дѣлало гостей безмолвными. Но мало-по-малу ряды разстроились: нѣкоторые обмѣнялись замѣчаніями вполголоса, и уже послышался веселый смѣхъ, когда дворцовый генералъ-адъютантъ пришелъ объявить, что обѣдъ готовъ.

— Гм! Я тебѣ больше не нуженъ! — весело шепнулъ де-Плугернъ на ухо Клориндѣ.

Клоринда ему улыбнулась. Она стояла передъ де-Марси, чтобы вынудить его предложить ей руку, что онъ сдѣлалъ, впрочемъ, съ любезнымъ видомъ. Произошелъ легкій безпорядокъ. Императоръ и императрица прошли впередъ, въ сопровожденіи особъ, долженствовавшихъ сидѣть по ихъ правую и лѣвую сторону. Сегодня это выпало на долю двухъ иностранныхъ дипломатовъ, одной молодой американки и жены одного министра. Позади шли другіе приглашенные, кто какъ хотѣлъ, съ дамой, которую ему угодно было выбрать. И медленно процессія организовалась.

Входъ въ столовую совершился съ большимъ торжествомъ. Пять люстръ горѣло надъ длиннымъ столомъ; огни сверкали въ серебряныхъ украшеніяхъ на столѣ, изображавшихъ охотничьи сцены, начиная съ того, какъ выгоняютъ оленя, и кончая дѣле-

Digitized by Google

жемъ добычи. Серебряная посуда сіяла точно длинный серебряный снурокъ, которымъ какъ-бы выложили край стола. Хрусталь, переливавшій всѣми цвѣтами радуги, корзины съ фруктами и вазы съ цвѣтами ярко-розоваго цвѣта—все это придавало императорскому столу великолѣпіе, блескъ котораго наполнялъ громадную комнату. Въ дверяхъ, открытыхъ настежь, показался кортежъ, медленно прошедшій черезъ залу гвардейцевъ. Мужчины наклонялись, шептали одно какое-нибудь слово своимъ дамамъ, потомъ выпрямлялись; это торжественное шествіе пріятно щекотало ихъ тщеславіе. Дамы, съ обнаженными плечами, казались въ восхищеніи; шлейфы, волочась по коврамъ, вынуждали пары держаться въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и это придавало еще больше торжественности шествію, сопровождаемому шелестомъ дорогихъ матерій. Когда на порогѣ, въ виду великолѣпно накрытаго стола, военная музыка, скрытая въ глубинѣ сосѣдней галлереи, встрѣтила гостей фанфарой, служившей какъ-бы знакомъ къ какому-нибудь волшебному пиршеству, гости, которыхъ слегка стѣсняли ихъ короткіе панталоны, невольно и съ улыбкой на губахъ сжали руку своихъ дамъ.

Императрица прошла направо и стала посреди́нѣ стола, а императоръ прошелъ налѣво и сѣлъ напротивъ нея. Потомъ, когда назначенныя къ тому особы усѣлись по правую и по лѣвую сторону ихъ величествъ, остальныя пары разсѣлись въ свою очередь, выбравъ себѣ любыя мѣста и любыхъ сосѣдей. Въ этотъ вечеръ столъ былъ накрытъ на восемьдесять-три персоны. Около пяти минутъ прошло, прежде чѣмъ всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. Слуги забрали шляпы, которыя мужчины держали въ рукахъ. И всѣ сѣли.

Де-Плугернъ усѣлся возлѣ Ругона. Послѣ супа, онъ толкнулъ его локтемъ, спрашивая:

— Развѣ вы поручили Клориндѣ помирить васъ съ Марси?

И глазами указалъ ему на молодую женщину, сидѣвшую по другую сторону стола, возлѣ графа, съ которымъ она очень нѣжно разговаривала. Ругонъ, съ раздосадованнымъ видомъ, только пожалъ плечами; потомъ съ намѣреніемъ избѣгалъ глядѣть напротивъ себя. Но, несмотря на свое наружное равнодушіе, онъ безпрестанно наблюдалъ за Клориндой, интересовался ея малѣйшими жестами, движеніемъ ея губъ, точно желалъ уловить слова, которыя она произноситъ.

— М-г Ругонъ,—сказала, наклоняясь къ нему m-me де-Комбело́, которая усѣлась какъ можно ближе къ императору, — вы

Digitized by Google

помните объ этомъ случаѣ? Вѣдь вы нашли мнѣ фіакръ. Цѣлый волант моего платья былъ оборванъ.

Она интересничала, разсказывая о томъ, какъ однажды лакей одного русскаго князя чуть-было не разрѣзало пополамъ ея карету. Ругонъ долженъ былъ отвѣчать. Съ минуту за столомъ потолковали объ этомъ случаѣ. Стали приводить всякаго рода приключенія на туже тэму, между прочимъ паденіе съ лошади одной парфюмерши изъ пассажа Панорамы, совершившееся на предыдущей недѣлѣ, причемъ она сломала себѣ руку. Императрица слегка вскрикнула съ соболѣзнованіемъ, а императоръ ничего не говорилъ, слушалъ съ глубокомысленнымъ видомъ и медленно ѣлъ.

— Куда запропастился Делестангъ?—спросилъ въ свою очередь Ругонъ у де-Плугерна.

Они принялись искать его. Наконецъ, сенаторъ открылъ его на концѣ стола. Онъ сидѣлъ рядомъ съ де-Комбело, въ обществѣ нѣсколькихъ мужчинъ, и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ весьма вольнымъ разговорамъ, покрываемымъ шумомъ голосовъ. Ла-Рукетъ описывалъ любовныя похожденія одной прачки на его родинѣ; кавалеръ Рускони вдавался въ характеристики парижанокъ; между тѣмъ какъ одинъ изъ живописцевъ и романистъ судили шепотомъ, въ безцеремонныхъ выраженіяхъ о присутствующихъ дамахъ, подсмѣиваясь надъ ихъ слишкомъ толстыми или слишкомъ худыми руками. А Ругонъ свирѣпо поглядывалъ на Клоринду, все развязнѣе и развязнѣе любезничавшую съ графомъ, на ея болвана мужа, который ничего не замѣчалъ и улыбался съ достоинствомъ крѣпкимъ словцамъ, которыя слушалъ.

— Зачѣмъ онъ не сѣлъ съ нами?—пробормоталъ онъ.

— Э-е! я о немъ не сожалѣю,—отвѣчалъ де-Плугернъ, смѣясь.—Въ его углу кажется очень весело.

Потомъ продолжалъ на ухо:

— Мнѣ кажется, они поднимаютъ на смѣхъ m-me де-Марансъ. Замѣтили вы, какъ она декольтирована?..

Но, наклонясь къ столу, чтобы лучше разглядѣть m-me де-Марансъ, сидѣвшую на одной съ нимъ сторонѣ, онъ вдругъ сталъ серьёзенъ. У этой дамы, великолѣпной блондинки, нѣсколько полной, было въ эту минуту страшное лицо, побѣлѣвшее какъ полотно отъ сосредоточенной ярости; голубые глаза ея, казавшіеся въ эту минуту черными, были устремлены на Марси и на Клоринду. Де-Плугернъ проговорилъ сквозь зубы и такъ тихо, что даже Ругонъ его не разслышалъ:

— Чортъ возьми! дѣло-то не ладно.

Digitized by Google

Музыка все играла, отдаленная музыка, которая, казалось, неслась съ потолка. При нѣкоторыхъ взрывахъ мѣдныхъ инструментовъ гости поднимали голову, искали музыку, которая ихъ преслѣдовала, и вдругъ какъ-бы умолкала, потому что тихое пѣніе кларнета, внутри сосѣдней галлереи, сливалось съ звонкимъ шумомъ серебряной посуды, которую разносили въ громадномъ количествѣ. Большія блюда звенѣли точно заглушенные кимвалы. Вокругъ стола молча суетился цѣлый рой слугъ, пристава во фракахъ и свѣтло-голубыхъ панталонахъ, со шпагой и трехугольной шляпой, лакеи, съ напудренными волосами, въ зеленой ливреѣ, расшитой золотомъ. Блюда приносились, вина обходили гостей въ правильные промежутки, между тѣмъ какъ дежурные повара, контролёры, главный стольничій наблюдали за этой сложной операціей, за всей этой суматохой, въ которой однако роль самаго послѣдняго лакея была заранѣе опредѣлена. Позади императора и императрицы камеръ-лакеи ихъ величествъ служили съ безукоризненнымъ достоинствомъ.

Когда подали жаркое и разнесли бургонское, разговоры стали шумнѣе. Теперь въ обществѣ мужчинъ, на концѣ стола, Ла-Рукетъ толковалъ о кухнѣ, обсуждая, хорошо ли зажаренъ кусокъ дикой козы, которую имъ только-что подали. Обѣдъ состоялъ изъ супа à la Креси, лососины au bleu, говяжьяго филе съ соусомъ échalotte, пулярдовъ à la financière, куропатокъ aux choux montés и пирожковъ съ устрицами.

— Пари́ держу, что у насъ будутъ кардоны въ сокѣ и огурцы à la crême!—сказалъ молодой депутатъ.

— Я видѣлъ раковъ,—вѣжливо объявилъ Делестанъ.

Но въ это время появились кардоны и огурцы, и Ла-Рукетъ громко торжествовалъ, прибавивъ, что ему извѣстны вкусы императрицы. Между тѣмъ романистъ глядѣлъ на живописца, слегка прищелкивая языкомъ.

— Гмъ! не важная кухня!—пробормоталъ онъ.

Живописецъ сдѣлалъ одобрительную гримасу. Потомъ, отпивъ вина, замѣтилъ въ свою очередь:

— Вино отличное.

Въ эту минуту императрица вдругъ засмѣялась такъ громко, что всѣ умолкли. Присутствующіе вытягивали головы, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Императрица разговаривала съ нѣмецкимъ посланникомъ, который сидѣлъ у ней по правую руку; она продолжала смѣяться, произнося отрывистыя слова, которыхъ нельзя было разслушать. Среди любопытнаго молчанія, которое воцарилось, слышно было, какъ корнетъ-à-пистонъ игралъ соло, какую-

Digitized by Google

то фразу сантиментальнаго романса, подъ аккомпаниментъ контрбаса. Мало-по-малу шумъ снова усилился. Стулья были повернуты въ полъ-оборота, локти опирались на столъ, интимные разговоры завязывались среди общаго шума.

— Хотите сладкій пирожокъ?—спросилъ де-Плугернъ.

Ругонъ отрицательно покачалъ головой. Въ послѣднія минуты онъ ничего не ѣлъ. Весь дессертъ прошелъ мимо него, а онъ ничего не взялъ, кромѣ немножко камамбера. Онъ больше не стѣснялся и пристально глядѣлъ на Клоринду и Марси, надѣясь конечно смутить молодую женщину. Но эта послѣдняя вела себя такъ фамильярно съ графомъ, какъ будто бы позабыла о томъ, гдѣ находится, и думала, что она обѣдаетъ гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, въ интимномъ кружкѣ. Необыкновенная красота ея оживилась оттѣнкомъ нѣжности. Она грызла конфекты, которыя передавалъ ей Марси, и завоевывала его непрерывной улыбкой съ такой нахальной безцеремонностью, что кругомъ нихъ начинали шушукаться.

Разговоръ зашелъ о модахъ, и де-Плугернъ, чтобы поддразнить Клоринду, спросилъ ея мнѣніе о новыхъ шляпкахъ, которыя носили дамы. Потомъ, такъ какъ она сдѣлала видъ, что не слышитъ, наклонился, чтобы сдѣлать тотъ же вопросъ m-me Лоранцъ, но не посмѣлъ,—такъ показалась ему страшна эта послѣдняя съ своими стиснутыми зубами, трагической миной ревниваго бѣшенства. Клоринда въ эту минуту оставила одну изъ своихъ рукъ въ рукахъ Марси подъ предлогомъ, что показываетъ ему античную камею, которая была у нея на пальцѣ. Она подала ему свою руку; онъ снялъ кольцо съ пальца и опять надѣлъ его; это было просто неприлично. M-me Лоранцъ, нервно игравшая ложкой, разбила стаканъ съ бордо, и слуга поспѣшно подобралъ черепки.

— Онѣ вцѣпятся другъ другу въ волосы, это вѣрно,—прошепталъ сенаторъ на ухо Ругону.—Слѣдили ли вы за ними? Я не спускаю съ нихъ глазъ... Но чортъ меня побери, если я понимаю намѣренія Клоринды. Гмъ? что ей нужно? не знаете ли вы?

Но взглянувъ на своего сосѣда, сенаторъ былъ очень удивленъ перемѣной въ его лицѣ.

— Что съ вами?—вамъ нездоровится?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ругонъ,—мнѣ душно. Этотъ обѣдъ слишкомъ долго тянется. Потомъ, здѣсь такъ пахнетъ мускусомъ!

Обѣдъ приходилъ къ концу. Иныя дамы еще грызли бисквитъ, откинувшись на спинку креселъ, но тѣмъ не менѣе никто не двигался съ мѣста. Императоръ, до сихъ поръ молчавшій, вдругъ воз-

Digitized by Google

ился голосъ — и на двухъ концахъ стола, гости, совсѣмъ-было забывшіе о присутствіи его величества, вдругъ насторожили уши съ большимъ вниманіемъ. Императоръ отвѣчалъ на разсужденія Бенуа д'Оршера противъ развода. Потомъ, перервавъ свою рѣчь, бросилъ искоса взглядъ на открытый лифъ молодой американки, сидѣвшей у него по лѣвую руку, и произнесъ вялымъ голосомъ:

— Въ Америкѣ, я видѣлъ, только некрасивыя женщины убѣгаютъ къ разводу.

Гости разсмѣялись. Это показалось тонкой остротой, и Ла-Ругъ ухитрился отыскать въ ней скрытый смыслъ. Молодая американка усмотрѣла въ этомъ, должно быть, комплиментъ, потому и поблагодарила наклоненіемъ головы, слегка сконфузясь. Императоръ и императрица встали. Вокругъ стола поднялось шуршаніе юбокъ, стукъ отодвигаемыхъ стульевъ, и только лакеи, выстроившись вдоль стѣнъ, сохраняли упорную осанку среди этой суматохи людей, хорошо пообѣдавшихъ. И шествіе снова образовалось: во главѣ ихъ величества, гости попарно въ рядъ, съ промежутками, обусловливаемыми длинными шлейфами дамъ, переходили черезъ залу гвардейцевъ. Позади нихъ, въ яркомъ свѣтѣ люстръ, надъ безпорядкомъ, царившемъ на скатерти, раздавались послѣдніе удары турецкаго барабана военной музыки, доигрывавшей послѣднюю фигуру кадрили.

Кофе былъ поданъ въ этотъ вечеръ въ карточной галлереѣ; придворовый префектъ принесъ чашку императора на эмальированномъ подносѣ, между тѣмъ многіе изъ гостей уже отправились въ курильную комнату. Императрица удалилась съ нѣсколькими дамами въ фамильный салонъ, по лѣвую руку отъ галлереи. Они передавали другъ другу на ухо, что она осталась очень недовольна страннымъ поведеніемъ Клоринды за столомъ. Она старалась ввести при дворѣ, во время пребыванія въ Компіенѣ, отказное приличіе, любовь къ невиннымъ играмъ и сельскимъ развлеченіямъ. Она выказывала просто личную ненависть къ безобразнымъ выходкамъ.

Де-Плугернъ отвелъ Клоринду въ сторону, чтобы намылить ей голову; въ сущности, онъ хотѣлъ допросить ее, но она прикинулась изумленной. Съ чего онъ взялъ, что она скомпрометировала себя съ графомъ де-Марси? они шутили другъ съ другомъ — и только.

— Смотри,—пробормоталъ старый сенаторъ.

Онъ, толкнувъ полуотворенную дверь маленькаго сосѣдняго салона, указалъ ей на m-me Лоранцъ, которая дѣлала страшную

Digitized by Google

сцену Марси. Онъ видѣлъ, какъ они туда прошли. Красавица-блондинка, потерявъ голову отъ ревности, облегчала свою душу очень рѣзкими словами, утративъ всякое самообладаніе и позабывъ, что взрывы ея голоса могутъ произвести жестокій скандалъ. Графъ, немного блѣдный, улыбающійся, успокоивалъ ее, говоря торопливо, мягко и шепотомъ. Шумъ ссоры достигъ до карточной галлереи, и гости, услыхавшіе его, удалились отъ сосѣдства маленькаго салона изъ предосторожности.

— Ты, значитъ, хочешь, чтобы она прибила знаменитыя письма на четырехъ концахъ дворца?—спросилъ де-Плугернъ, ходившій по галлереѣ съ Клориндой подъ-руку.

— А что, вѣдь это было бы забавно!—отвѣчала она, смѣясь.

Тогда, сжавъ ея руку съ пылкостью молодого влюбленнаго, онъ опять началъ читать ей нравоученія. Пусть она предоставитъ m-me Комбело эксцентрическія выходки. Потомъ сталъ увѣрять ее, что ея величество очень сердита на нее. Клориндѣ, заявлявшая о своемъ благоговѣніи къ императрицѣ, прикинулась крайне удивленной. Чѣмъ она могла прогнѣвить императрицу? И такъ какъ они въ эту минуту подошли къ дверямъ фамильнаго салона, то остановились на минуту, заглянувъ въ полуотворенную дверь. Цѣлое общество дамъ засѣдало за большимъ столомъ. Императрица, сидя въ центрѣ, терпѣливо показывала имъ игру въ baguenaudier, между тѣмъ какъ нѣсколько мужчинъ, стоя позади креселъ, серьёзно слѣдили за урокомъ.

Ругонъ въ это время упрекалъ Делестана въ концѣ галлереи. Онъ не рѣшился говорить ему про жену; онъ укорялъ его за слабость, съ какой онъ согласился поселиться въ комнатахъ, выходившихъ на дворъ, и хотѣлъ принудить его требовать себѣ помѣщенія, выходящаго въ паркъ. Но тутъ подошла Клоринда съ де-Плугерномъ. Она говорила нарочно громко:

— Отстаньте отъ меня съ вашимъ Марси! Я не скажу съ нимъ ни слова во весь вечеръ. Довольны ли вы?

Эти слова всѣхъ успокоили. Въ эту минуту Марси вышелъ изъ маленькаго салона, очень веселый на видъ; онъ пошутилъ съ кавалеромъ Рускони, затѣмъ вошелъ въ семейный салонъ, и вскорѣ стало слышно, какъ императрица и окружавшія ее дамы хохотали надъ исторіей, которую онъ имъ разсказывалъ. Десять минутъ спустя, m-me Лоранцъ появилась въ свою очередь; она казалась утомленной, и руки ея слегка дрожали; но, видя, что любопытные взгляды слѣдятъ за ея малѣйшимъ движеніемъ, она храбро остановилась въ комнатѣ, перекидываясь словами съ различными группами.

Digitized by Google

Почтительная скука заставляла всѣхъ зѣвать въ платки. Вечеръ былъ труднымъ моментомъ дня. Вновь приглашенные, не зная чѣмъ разсѣять себя, подходили къ окнамъ и глядѣли въ темную ночь. Бенуа д'Оршѐръ продолжалъ въ одномъ углу свою диссертацію противъ развода. Живописецъ, находя, что здѣсь «скука смертная», спрашивалъ шепотомъ у академика, нельзя ли уйти спать. Между тѣмъ императоръ показывался время отъ времени и переходилъ черезъ галлерею, волоча ноги, съ папироской во рту.

— На нынѣшній вечеръ рѣшительно нельзя было ничего устроить,—объяснялъ де-Комбело̀ маленькой группѣ, состоявшей изъ Ругона и его друзей.—Завтра, послѣ охоты съ гончими, будетъ происходить кормленіе собакъ при факелахъ. Послѣ завтра артисты Comédie Française должны пріѣхать и сыграть «Les Plaideurs». Поговариваютъ также о живыхъ картинахъ и шарадѣ, которыя будутъ устроены въ концѣ недѣли.

И сообщилъ различныя подробности. Жена его участвуетъ въ представленіи. Репетиціи должны немедленно начаться. Потомъ подробно разсказалъ о прогулкѣ, совершённой третьяго-дня къ «Верченому-Камню»: это столбъ изъ цѣльнаго камня, происхожденіемъ изъ друидическихъ временъ, вокругъ котораго дѣлаютъ раскопки. Императрица непремѣнно захотѣла спуститься въ ровъ.

— Представьте,—продолжалъ каммергеръ чуть не растроганнымъ голосомъ,—что работники имѣли счастіе отрыть два черепа въ присутствіи ея величества. Никто этого не ожидалъ. Всѣ остались очень довольны.

Онъ гладилъ свою великолѣпную черную бороду, которой онъ былъ обязанъ своими успѣхами у дамъ. Его физіономія тщеславнаго «бельома» сіяла добродушной глупостью, и по временамъ онъ пепелявилъ отъ избытка умиленія.

— Но,—сказала Клоринда,—меня увѣряли, что актеры изъ «Vaudeville» должны представить новую пьесу... У женщинъ въ ней изумительные костюмы. И, говорятъ, пьеса уморительна.

Де-Комбело̀ съежилъ губы.

— Да, да,—пробормоталъ онъ,—объ этомъ была рѣчь одно время.

— Ну, и что-жъ?

— Этотъ планъ оставленъ... Императрица не любитъ этого рода пьесъ.

Въ эту минуту послышался большой шумъ въ галлереѣ. Всѣ мужчины вышли изъ курильной. Императоръ собрался играть въ палетъ. М-me де-Комбело̀, хвалившаяся своимъ искусствомъ въ этой игрѣ, потребовала у него реванша, потому что, говорила,

Digitized by Google

помнитъ, какъ онъ побѣдилъ ее прошлымъ лѣтомъ. И съ такой умильной нѣжностью поглядывала на него, такъ выразительно улыбалась ему, что его величество въ смущеніи вынужденъ былъ безпрестанно отводить отъ нея глаза.

Игра началась. Гости собрались вокругъ играющихъ и дивились ихъ ловкости. Молодая женщина, стоя передъ длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, бросила свой первый палэтъ такъ ловко, что онъ упалъ возлѣ цѣли, отмѣченной бѣлой точкой. Но императоръ еще съ большей ловкостью выбилъ ея палэтъ и занялъ его мѣсто. Всѣ стали апплодировать. Выиграла однако m-me де-Комбело.

— Государь, по чемъ мы играли?—смѣло спросила она.

Онъ улыбнулся и не отвѣчалъ. Потомъ, обернувшись, сказалъ:

— М-г Ругонъ, хотите сыграть со мною?

Ругонъ поклонился и взялъ палэты, толкуя про свою неловкость.

Волненіе пробѣжало между лицами, выстроившимися по обѣимъ сторонамъ стола. Неужели Ругонъ снова входитъ въ милость? И глухая вражда, съ какой къ нему обращались при первомъ его появленіи, начала смягчаться; головы нагибались, чтобы слѣдить за его палэтами съ видомъ симпатіи. Ла-Рукетъ, болѣе сбитый съ толку, чѣмъ до обѣда, отвелъ сестру въ сторону, чтобы узнать отъ нея въ чемъ дѣло. Но она, должно быть, не могла дать ему удовлетворительнаго объясненія, потому что онъ вернулся къ столу съ прежнимъ нерѣшительнымъ видомъ.

— Ахъ! очень хорошо!—пробормотала Клоринда, при ловкомъ ударѣ Ругона.

И бросила значительный взглядъ на друзей великаго человѣка, находившихся тутъ. Случай былъ удобный подвинуть его въ добромъ мнѣніи императора. Она повела атаку. Въ теченіи минуты похвалы сыпались градомъ.

— Чортъ возьми!—вырвалось у Делестана, который ничего иного не съумѣлъ придумать подъ давленіемъ нѣмыхъ женскихъ взглядовъ.

— И вы называли себя неловкимъ?—сказалъ кавалеръ Рускони съ восхищеніемъ.—Ахъ! государь, прошу васъ, не играйте съ нимъ на Францію!

— Но я увѣренъ, что г. Ругонъ велъ бы себя въ отношеніи Франціи очень прилично,—прибавилъ Бенуа д'Орнеръ, придавая тонкое выраженіе своему бульдожьему лицу.

Намекъ былъ ясенъ. Императоръ удостоилъ улыбнуться, и

Digitized by Google

отъ души разсмѣялся, когда Ругонъ, сконфуженный всѣми этими похвалами, объяснилъ съ скромнымъ видомъ:

— Боже мой! Вѣдь я игралъ въ бабки, когда былъ мальчишкой.

Услышавъ, что его величество смѣется, вся галлерея покатилась со смѣху.

Въ теченіи минуты царствовала неудержимая веселость. Клоринда, съ ея чутьемъ ловкой женщины, поняла, что, восхищаясь Ругономъ, весьма посредственнымъ въ сущности игрокомъ, льстили главнымъ образомъ императору, который игралъ безспорно лучше. Между тѣмъ де-Плугернъ молчалъ, завидуя этому успѣху. Она слегка толкнула его локтемъ, какъ-бы не нарочно. Онъ понялъ и принялся восхищаться первымъ же ударомъ палэта, брошеннаго его собратомъ. Тогда Ла-Рукетъ, увлеченный, очертя голову, воскликнулъ:

— Очень хорошо! Ударъ удивительно мѣткъ!

Императоръ выигралъ, и Ругонъ попросилъ реванша. Палэты снова задвигались по зеленому сукну съ легкимъ трескомъ сухихъ листьевъ, когда въ дверяхъ фамильнаго салона показалась гувернантка, держа на рукахъ императорскаго принца. Ребенокъ, которому было около двухъ лѣтъ, былъ одѣтъ въ бѣлое платьице, очень простенькое; волосы его были всклокочены, а глаза заспаны. Обыкновенно, когда онъ просыпался вечеромъ, его приносили на минуту къ императрицѣ, чтобы она его поцѣловала. Онъ глядѣлъ на свѣтъ съ глубоко-серьёзнымъ выраженіемъ, которое появляется иногда на лицѣ маленькихъ дѣтей.

Одинъ старикъ, важный сановникъ, бросился на встрѣчу ребенку, волоча ноги, разбитыя подагрой. И наклонясь къ нему, причемъ голова его старчески тряслась, схватилъ маленькую, пухлую ручонку принца и принялся ее цѣловать, повторяя своимъ разбитымъ голосомъ:

— Ваше высочество! Ваше высочество!..

Ребенокъ, испуганный его сморщеннымъ лицомъ, откинулся назадъ со страшнымъ крикомъ. Но старикъ не выпускалъ его ручки. Онъ разсыпался въ заявленіяхъ своей преданности. Пришлось отнять у него маленькую ручку, къ которой онъ приложился губами, въ порывѣ обожанія.

— Уйдите, унесите его, — сказалъ императоръ гувернанткѣ съ нетерпѣніемъ.

Императоръ проигралъ вторую партію. Началась третья. Ругонъ, принявъ похвалы за нѣчто серьёзное, старался изъ всѣхъ силъ. Теперь Клоринда находила, что онъ играетъ слишкомъ хо-

Digitized by Google

рошо. Она шепнула ему на ухо, въ ту минуту, какъ онъ подбиралъ свои палэты:

— Надѣюсь, что вы теперь проиграете.

Онъ улыбнулся. Но въ эту минуту послышался громкій лай. Неро, любимая собака императора, воспользовавшись тѣмъ, что дверь была полуоткрыта, вбѣжала въ галлерею. Его величество отдалъ приказаніе увести собаку, и одинъ изъ приставовъ уже взялъ ее за ошейникъ, когда старикъ, важный сановникъ, сноп бросился впередъ, восклицая:

— Мой чудный Неро, мой чудный Неро...

И сталъ на колѣни на коверъ, обнимая собаку своими дро жащими руками. Онъ прижималъ ея морду къ груди и цѣл валъ ее въ голову, повторяя:

— Пожалуйста, государь, не прогоняйте его... Онъ та хорошъ!

Императоръ согласился оставить собаку. Тогда старикъ ус лилъ ласки. Собака не испугалась, не закричала, какъ импер торскій принцъ, она лизала сухія руки, которыя ее гладили.

Ругонъ тѣмъ временемъ дѣлалъ ошибку за ошибкой. О такъ неловко бросилъ одинъ палэтъ, что свинцовый кружочек обшитый сукномъ, ударился о корсажъ одной дамы, которая и нула его изъ кружевъ, краснѣя. Императоръ выигралъ. Тог ему дали тонко понять, что онъ одержалъ серьёзную побѣ Это его растрогало. И онъ сталъ прохаживаться съ Ругономъ разговаривать съ нимъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы утѣшить е Они прошли въ конецъ галлереи, предоставивъ середину ея т цующимъ парамъ, которыя начали выстраиваться.

Императрица, появившаяся изъ фамильнаго салона, любе старалась разсѣять скуку, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавш гостями. Она предложила играть aux petits papiers; но было у поздно, и всѣ предпочли танцовать. Всѣ дамы находились тем въ сборѣ въ карточной галлереѣ. Послали въ курильную к нату, чтобы вытащить оттуда мужчинъ, скрывавшихся въ н И въ то время, какъ кадрили разстанавливались, де-Комб услужливо сѣлъ за фортепьяно. То было механическое фортепь съ маленькой ручкой по правую сторону клавіатуры. Каммерге завертѣлъ ручку съ серьёзнымъ лицомъ.

— М-г Ругонъ,—говорилъ императоръ:—мнѣ говорили, ч вы заняты сочиненіемъ, пишете сравнительный этюдъ англійск конституціи и нашей... Я могу, быть можетъ, доставить ва кое-какіе матеріалы.

Digitized by Google

— Ваше величество очень добры... Но у меня есть еще другой планъ, обширный планъ.

И тутъ Ругонъ, видя, что императоръ съ нимъ такъ ласковъ, не захотѣлъ пропустить случая. Онъ пространно объяснилъ свое дѣло, свою мечту о распашкѣ земли въ Ландахъ, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ льё, объ основаніи города, о завоеваніи новой земли. И пока онъ говорилъ, императоръ глядѣлъ на него своими тусклыми глазами, въ которыхъ зажигалось пламя. Онъ ничего не говорилъ и покачивалъ по временамъ головою. Потомъ, когда Ругонъ умолкъ, императоръ замѣтилъ:

— Конечно... Объ этомъ надо подумать.

И, повернувшись къ сосѣдней группѣ, состоявшей изъ Клоринды, ея мужа и де-Плугерна, онъ прибавилъ:

— М-г Делестанъ, скажите намъ ваше мнѣніе... Я сохранилъ самое пріятное воспоминаніе о моемъ посѣщеніи вашей образцовой Шамадской фермы.

Делестанъ подошелъ. Но кружку, образовавшемуся вокругъ императора, пришлось отступить въ амбразуру окна. М-me де-Комбело, вальсируя и томно опираясь на плечо Ла-Рукета, задѣла своимъ длиннымъ шлейфомъ шелковые чулки его величества. За фортепьяномъ, де-Комбело наслаждался музыкой, которую онъ производилъ. Онъ быстро вертѣлъ ручкой, покачивая своей красивой, правильной головой, и минутами поглядывалъ на инструментъ, какъ-бы дивясь мощнымъ звукамъ, какіе изъ него извлекалъ.

— Я былъ такъ счастливъ, что получилъ отличныхъ телятъ этотъ годъ, благодаря удачному скрещиванію породъ,—объяснялъ Делестанъ. — Къ несчастію, когда вы пріѣзжали, государь, въ паркахъ шли поправки.

Императоръ заговорилъ о культурѣ, воспитаніи скота, удобреніяхъ, медленно, односложно. Со времени своего визита въ Шамаду онъ очень ставилъ высоко Делестана. Въ особенности хвалилъ онъ его за попытку ввести общинный образъ жизни между рабочими фермы, съ цѣлой системой дѣлежа извѣстныхъ барышей и сберегательной кассой.

Бесѣдуя другъ съ другомъ, они сходились въ нѣкоторыхъ гуманныхъ взглядахъ, и потому понимали другъ друга на полуслонѣ.

— Г. Ругонъ говорилъ вамъ о своемъ проектѣ?—спросилъ императоръ.

— О! У него великолѣпный проектъ,—отвѣчалъ Делестанъ.—

Digitized by Google

Мы о немъ много говорили. Можно было бы сдѣлать нѣкоторые опыты въ обширныхъ размѣрахъ...

Онъ пришелъ въ настоящій восторгъ. Его занимаетъ мысль произвести хорошую породу свиней; хорошіе типы утрачиваются во Франціи. Потомъ далъ понять, что изучаетъ новую систему искусственныхъ луговъ. Но для этого требуются громадныя пространства земли. Если Ругонъ приведетъ въ исполненіе свой планъ, онъ съѣздитъ къ нему и покажетъ свои пріемы. Но вдругъ умолкъ: онъ замѣтилъ, что жена пристально глядитъ на него. Съ той минуты, какъ онъ сталъ хвалить проектъ Ругона, она кусала губы, разгнѣванная, блѣдная.

— Другъ мой,—пробормотала она, указывая ему на фортепьяно.

Де-Комбело, у котораго сводило пальцы отъ усталости, махалъ рукою, чтобы она отдохнула. Онъ готовился заиграть польку съ кроткой улыбкой мученика, когда Делестанъ подошелъ къ нему и предложилъ его замѣнить. Онъ принялъ его предложеніе съ вѣжливымъ видомъ, точно уступалъ ему почетный постъ, и Делестанъ, усѣвшись за фортепьяно, завертѣлъ ручку. Но дѣло не сразу пошло на ладъ. Онъ не умѣлъ такъ ловко распоряжаться ею, какъ камергеръ.

Между тѣмъ Ругонъ хотѣлъ добиться рѣшительнаго слова отъ императора. Этотъ послѣдній, очарованный его проектомъ, разспрашивалъ его: не думаетъ ли онъ основать тамъ большія рабочія поселенія; легко было бы отвести для каждаго семейства клочокъ земли, участокъ воды, надѣлить инструментами, и обѣщалъ даже сообщить ему свои планы, проектъ одного изъ тѣхъ городовъ, которые онъ уже самъ набросалъ на бумагѣ, съ однообразными домами, гдѣ всѣ человѣческія потребности были заранѣе предусмотрѣны.

— Конечно, я вполнѣ раздѣляю ваши идеи, государь,—отвѣчалъ Ругонъ, которому досаждалъ туманный соціализмъ императора.—Мы ничего не можемъ безъ васъ сдѣлать... Такъ, нѣкоторыя общины придется, по всей вѣроятности, уничтожить. Общественная польза должна будетъ выступить на первый планъ. Наконецъ, мнѣ придется составить общество... Слово вашего величества будетъ необходимо.

Взоръ императора потухъ. Онъ продолжалъ качать головою. Потомъ, глухо, чуть слышнымъ голосомъ, повторилъ:

— Увидимъ... еще потолкуемъ.

И удалился, пробираясь тяжелой поступью между танцующими, онъ разстроилъ фигуру кадрили. Ругонъ дѣлалъ видъ, что

Digitized by Google

вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ отвѣтѣ. Клоринда сіяла. Мало-по-малу между солидными мужчинами, которые не танцовали, пронесся слухъ, что Ругонъ уѣзжаетъ изъ Парижа, что онъ становится во главѣ какого-то обширнаго предпріятія на югѣ Франціи. Тогда всѣ сбѣжались его поздравить. Съ одного конца галлереи до другого ему посылались улыбки. Не оставалось и слѣда той враждебности, съ какой его встрѣтили. Такъ какъ онъ самъ осуждаетъ себя на ссылку, то можно пожать ему руку, не рискуя себя скомпрометтировать. Для многихъ изъ гостей это было настоящимъ облегченіемъ. Ла-Рукетъ, переставъ танцовать, заговорилъ объ этомъ съ кавалеромъ Рускони съ восхищеннымъ видомъ.

— Онъ хорошо дѣлаетъ; онъ тамъ совершитъ великія дѣла,— говорилъ онъ.—Ругонъ очень дѣльный человѣкъ; но, видите ли, ему недостаетъ политическаго такта.

Потомъ разсыпался въ похвалахъ добротѣ императорѣ, который, по его выраженію, «любилъ своихъ старыхъ слугъ, какъ любятъ старыхъ любовницъ». Онъ снова возвращался къ нимъ, въ немъ просыпалась къ нимъ нѣжность, послѣ самыхъ рѣшительныхъ разрывовъ. Если онъ пригласилъ Ругона въ Компіень, то непремѣнно вслѣдствіе одной изъ такихъ сердечныхъ вспышекъ. И молодой депутатъ привелъ другіе факты, свидѣтельствовавшіе о добротѣ его величества: онъ далъ четыреста тысячъ франковъ на уплату долговъ одного генерала, разореннаго танцовщицей, подарилъ одному изъ своихъ прежнихъ страсбургскихъ и булонскихъ сообщниковъ на свадьбу восемьсотъ тысячъ франковъ, пожертвовалъ около милліона франковъ въ пользу вдовы одного сановника.

— Карманъ его открытъ для всѣхъ,—кончилъ онъ.—Онъ сдѣлался императоромъ лишь затѣмъ, чтобы обогащать своихъ друзей... Я плечами пожимаю, когда слышу, что республиканцы попрекаютъ его за личные расходы. Онъ истощилъ бы десять listes civiles на то, чтобы дѣлать добро. Эти деньги опять возвращаются Франціи.

Разговаривая такимъ образомъ вполголоса, Ла-Рукетъ и кавалеръ Рускони слѣдили глазами за императоромъ. Онъ обходилъ вокругъ галлереи и осторожно пробирался между танцующими, почтительно разступавшимися передъ нимъ. Когда онъ проходилъ мимо дамы, сидѣвшей съ обнаженной шеей, онъ вытягивалъ слегка шею, не говоря ни слова, и поглядывалъ на нее, скосивъ глаза.

Digitized by Google

— И какой у него замѣчательный умъ!—проговорилъ почти шепотомъ кавалеръ Рускони.—Онъ человѣкъ необыкновенный!

Императоръ приближался къ нимъ. Онъ остановился на минуту, съ пасмурнымъ лицомъ и въ нерѣшимости. Казалось, онъ собирался подойти къ Клориндѣ, которая въ эту минуту была очень весела и хороша; но она смѣло поглядѣла на него и, должно быть, испугала. Онъ снова принялся расхаживать по галлереѣ, подперевъ лѣвою рукой бокъ, а правою закручивая свои длинные, напомаженные усы. И такъ какъ Бенуа-д'Оршеръ стоялъ напротивъ него, онъ направился къ нему, говоря:

— Вы не танцуете, г. президентъ?

Тотъ поклонился, сознавшись, что не умѣетъ танцовать и никогда не танцовалъ въ жизни. Тогда императоръ проговорилъ, точно хотѣлъ поощрить его:

— Не бѣда, можно танцовать и не умѣя.

Это было его послѣднимъ словомъ. Онъ тихо дошелъ до двери и исчезъ.

— Не правда ли, онъ человѣкъ необыкновенный?—говорилъ Ла-Рукетъ, повторяя выраженіе кавалера Рускони.—Гм! за-границей очень имъ заняты, не правда ли?

Кавалеръ, какъ осторожный дипломатъ, отвѣчалъ неопредѣленнымъ качаніемъ головы, однако согласился, что вся Европа слѣдитъ за императоромъ. Каждое слово, произнесенное въ Тюльери, волновало сосѣдніе дворы.

— Этотъ государь умѣетъ молчать,—прибавилъ онъ съ улыбкой, тонкая иронія которой ускользнула отъ молодого депутата.

Оба отправились любезничать съ дамами. Они пригласили дамъ на слѣдующую кадриль. Одинъ изъ адъютантовъ вертѣлъ ручку фортепьяно въ послѣднія четверть часа. Делестанъ и Комбело бросились къ нему, предлагая его замѣнить, но дамы закричали:

— М-г де-Комбело, m-г де-Комбело... Онъ вертитъ гораздо лучше.

Каммергеръ поблагодарилъ любезнымъ поклономъ и принялъ вертѣть ручку съ большой торжественностью. То была послѣдняя кадриль. Въ фамильномъ салонѣ подали чай. Неро, появившійся изъ-подъ дивана, закормили сандвичами. Гости разбились на маленькія группы и завели интимные разговоры. Де-Плугернъ положилъ печенье на столикъ; онъ ѣлъ, отпивая небольшими глотками чай и объяснялъ Делестану, съ которымъ дѣлился печеньемъ, какимъ образомъ въ концѣ-концовъ онъ принялъ приглашеніе въ Компіень, хотя всѣмъ извѣстны его лега-

Digitized by Google

тимистскія мнѣнія. Боже мой! дѣло очень просто: онъ полагалъ, что не долженъ отказывать въ поддержкѣ правительству, спасавшему Францію отъ анархіи. Онъ остановился и произнесъ:

— А печенье превосходно... Я плохо обѣдалъ сегодня.

Впрочемъ, въ Компіенѣ злому языку его всегда представлялась обильная пища. Онъ заговорилъ о присутствующихъ женщинахъ—съ безцеремонностью, отъ которой Делестанъ краснѣлъ. Онъ уважаетъ, говорилъ онъ, только императрицу; она святая; набожность ея поучительна; она легитимистка и, конечно, призвала бы Генриха V, еслибы могла свободно располагать престоломъ. Съ минуту онъ распространялся о слабости религіи. Затѣмъ, въ тотъ моментъ, какъ снова перешелъ къ скабрёзнымъ анекдотамъ, императрица удалилась въ свои аппартаменты, въ сопровожденіи m-me де-Лоранцъ. На порогѣ комнаты она низко присѣла гостямъ. Всѣ молча поклонились ей.

Салоны пустѣли. Разговоры стали шумнѣе. Начались рукопожатія. Делестанъ сталъ искать жены, чтобы идти съ ней въ отведенные имъ покои, и нигдѣ не находилъ ее. Наконецъ Ругонъ, помогавшій ему въ поискахъ, открылъ ее сидящей рядомъ съ де-Марси, на узенькомъ диванчикѣ въ маленькомъ салонѣ, гдѣ m-me де-Лоранцъ сдѣлала графу такую страшную сцену ревности послѣ обѣда. Клоринда смѣялась очень громко. Она встала, увидѣвъ мужа, и сказала, не переставая смѣяться:

— Прощайте, графъ... Увидите завтра, на охотѣ, что я выиграю парй.

Ругонъ слѣдилъ за ней глазами, въ то время какъ Делестанъ уводилъ ее подъ руку. Ему хотѣлось бы проводить ихъ до дверей, чтобы спросить у нея: о какомъ это парй она толкуетъ, но его задержалъ Марси, обращавшійся съ нимъ съ усиленной вѣжливостью. Когда онъ освободился, то, вмѣсто того, чтобы идти наверхъ спать, воспользовался раскрытой дверью и спустился на минуту въ паркъ. Ночь была очень темная, октябрьская ночь, беззвѣздная, беззвучная, черная и мертвая. Вдали высокія деревья образовали какъ-бы полосы мрака. Онъ съ трудомъ могъ различать передъ собою блѣдную тѣнь аллей. Въ пятидесяти шагахъ отъ замка онъ остановился. Со шляпой въ рукѣ, стоя среди мрака, онъ подставилъ лицо обвѣвавшему его холоду. Это освѣжило его, точно онъ выкупался. Онъ задумался, глядя на на одно окно, ярко освѣщенное; остальныя окна потухали одно за другимъ; вскорѣ одно только это окно озаряло своимъ свѣтомъ темную массу замка. Императоръ бодрствовалъ. Вдругъ Ругону показалась его тѣнь; громадная голова, пересѣченная двумя кон-

Digitized by Google

цами усовъ; потомъ мелькнули днѣ другихъ тѣни, одна очень жиденькая, другая плотная, такая широкая, что застилала собой весь свѣтъ. Ругонъ явственно разобралъ въ этой послѣдней колоссальный силуэтъ одного изъ агентовъ тайной полиціи, съ которымъ его величество проводилъ долгіе часы на-единѣ, изъ любви къ искусству; а жиденькая тѣнь, снова промелькнувшая, могла быть тѣнью женщины, подумалъ Ругонъ. Потомъ все исчезло. Окно снова засвѣтилось спокойнымъ свѣтомъ; оно казалось какъ-бы пристальнымъ огненнымъ взоромъ, устремленнымъ въ таинственныя нѣдра парка. Быть можетъ, теперь императоръ думалъ о расчисткѣ Ландъ, объ основаніи рабочаго города, гдѣ будетъ предпринято на широкую ногу искорененіе пауперизма. Зачастую онъ принималъ свои рѣшенія ночью. Ночью подписывалъ онъ декреты, писалъ манифесты, отставлялъ министровъ. Мало-по-малу улыбка появилась на лицѣ Ругона; онъ вспомнилъ объ одномъ анекдотѣ, повѣствованіемъ о томъ, какъ императоръ, въ синемъ фартукѣ, въ полицейской треуголкѣ, сложенной изъ газеты, обклеивалъ обоями, по три франка кусокъ, одну комнату въ Тріанонѣ, чтобы помѣстить тамъ любовницу, и воображалъ себѣ его въ эту минуту въ типи кабинета, среди торжественнаго безмолвія, вырѣзающаго картинки, которыя онъ потомъ аккуратно приклеивалъ помощью маленькой кисточки.

Тутъ Ругонъ, поднявъ руки, поймалъ себя на громкомъ восклицаніи:

— Его же шайка и вывела его въ люди!

И поспѣшилъ вернуться въ замокъ. Холодъ кусалъ его главнымъ образомъ за ноги, которыя, благодаря короткимъ панталонамъ, были обнажены почти до колѣнъ.

На другое утро, около девяти часовъ Клоринда прислала къ нему Антонію, которую привезла съ собой, спросить: могутъ ли они, мужъ и она, придти завтракать къ нему. Онъ велѣлъ подать себѣ чашку шоколада, и сталъ дожидаться ихъ. Антонія предшествовала имъ, неся большой серебряный подносъ, на которомъ имъ подали въ ихъ комнату двѣ чашки кофе.

— О! у васъ веселѣе, — проговорила Клоринда, входя.— У васъ солнце... О, намъ отвели гораздо лучше помѣщеніе, чѣмъ вамъ!

Она осмотрѣла его аппартаменты. Они состояли изъ прихожей, въ которой направо была комната для слуги; внутри находилась спальная, большая комната, обтянутая кретономъ суроваго дѣвства съ большими красными цвѣтами, съ большой четырех-

Digitized by Google

угольной кроватью изъ краснаго дерева и громаднымъ каминомъ, гдѣ пылали цѣлые стволы деревъ.

— Еще бы!—закричалъ Ругонъ,—слѣдовало требовать другого помѣщенія! Я бы не согласился поселиться въ комнатахъ, выходящихъ окнами на дворъ. Конечно, если покорно гнуть спину!.. Я говорилъ это вчера вечеромъ Делестану.

Молодая женщина пожала плечами, бормоча:

— Онъ-то! Ну, онъ позволитъ помѣстить меня на чердакѣ!

И захотѣла осмотрѣть даже уборную, гдѣ весь приборъ былъ изъ севрскаго фарфора, бѣлаго съ золотомъ, съ императорскимъ вензелемъ. Потомъ подошла къ окну. Легкій крикъ удивленія и восторга вырвался у ней. Передъ ней, на разстояніи многихъ верстъ, компьенскій лѣсъ занималъ горизонтъ волнистымъ моремъ своихъ высокихъ деревъ. Гигантскія вершины громоздились одна возлѣ другой и терялись вдали съ медленнымъ колыханіемъ морского отлива. И подъ золотистымъ солнцемъ октябрьскаго утра разстилались озера золота, озера пурпура, роскошь мантіи, обшитой галуномъ и перекинутой съ одного конца неба до другого.

— Ну, будемъ завтракать,—сказала Клоринда.

Они сняли со стола чернильницу и письменныя принадлежности. Ихъ забавляло, что они обходятся безъ помощи слугъ. Молодая женщина была очень весела и повторяла, что ей казалось сегодня утромъ, будто она проснулась послѣ долгаго путешествія, совершеннаго во снѣ, въ какой-то гостинницѣ, которую содержитъ принцъ. Этотъ безпорядочный завтракъ на серебрѣ восхищалъ ее, точно приключеніе среди какой-то невѣдомой страны, далеко, далеко отсюда. Между тѣмъ Делестанъ дивился количеству дровъ, горѣвшихъ въ каминѣ, и наконецъ пробормоталъ, устремивъ глаза въ пламя съ сосредоточеннымъ видомъ:

— Мнѣ говорили, что въ замкѣ сжигаютъ на тысячу пятьсотъ франковъ дровъ въ день... Тысячу пятьсотъ франковъ. Гмъ! вы не находите, Ругонъ, что цифра великонька?

Ругонъ, медленно пившій свой шоколадъ, только покачалъ головою. Его очень тревожила необыкновенная веселость Клоринды. Сегодня утромъ красота ея какъ будто получила особую силу; большіе глаза ея сверкали, точно она готовилась къ бою.

— О какомъ царѣ говорили вы вчера вечеромъ? — вдругъ спросилъ онъ у нея.

Она засмѣялась, не отвѣчая. И такъ какъ онъ настаивалъ:

— Увидите,—отвѣчала она.

Тутъ онъ разсердился и очень рѣзко обошелся съ ней. Онъ сдѣлалъ ей настоящую сцену ревности, осыпалъ намеками, сна-

Digitized by Google

чала замаскированными, но потомъ перешедшими въ прямыя обвиненія: она неприлично вела себя, она оставила свои пальцы въ рукахъ де-Марси въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Делестанъ съ спокойнымъ видомъ макалъ хлѣбъ въ кофе.

— Ахъ! еслибы я былъ вашимъ мужемъ!—закричалъ Ругонъ.

Клоринда встала. Она стала позади Делестана и оперлась обѣими руками ему на плечи:

— Ну, такъ что же, еслибы вы были моимъ мужемъ?—спросила она.

И, наклонившись къ волосамъ Делестана, которые поднимались отъ ея теплаго дыханія, промолвила:

— Неправда ли, другъ мой, онъ былъ бы такимъ же добрымъ, какъ и ты?

Делестанъ, вмѣсто отвѣта, повернулъ голову и поцѣловалъ руку, опиравшуюся на его лѣвое плечо. Онъ глядѣлъ на Ругона съ взволнованнымъ и смущеннымъ лицомъ, мигая глазами, точно хотѣлъ дать ему понять, что онъ заходитъ слишкомъ далеко. Ругонъ чуть не обозвалъ его дуракомъ, но Клоринда сдѣлала ему знакъ изъ-за головы мужа, и онъ послѣдовалъ за нею къ окну, которое она открыла. Съ минуту она молчала, устремивъ блуждающій взглядъ на громадный горизонтъ, потомъ вдругъ сказала:

— Зачѣмъ вы хотите уѣхать изъ Парижа? Вы меня, значитъ, разлюбили?.. Слушайте, я буду благоразумно вести себя, я послушаюсь вашихъ совѣтовъ, если вы откажетесь отъ мысли забраться въ вашу ужасную нору.

При этомъ предложеніи онъ сдѣлался очень серьёзенъ. Онъ сослался на врущные интересы, которыми руководился. Теперь ему уже невозможно отступить назадъ. И пока онъ говорилъ, Клоринда тщетно старалась прочитать правду на его лицѣ; онъ, казалось, серьёзно рѣшился уѣхать.

— Хорошо, вы меня разлюбили,—отвѣчала она. — И если такъ, то я могу поступать, какъ мнѣ вздумается... Вотъ увидите.

И безъ всякой досады отошла отъ окна, не переставая улыбаться. Делестанъ, продолжавшій интересоваться количествомъ сжигаемаго топлива, старался приблизительно опредѣлить, сколько печей въ замкѣ, но она перебила его, говоря, что едва-едва успѣетъ одѣться, чтобы не опоздать къ охотѣ. Ругонъ проводилъ ихъ въ широкій, точно монастырскій корридоръ, устланный зеленымъ ковромъ. Клоринда, уходя, читала на дверяхъ имена приглашенныхъ, написанныя на маленькихъ карточкахъ, окруженныхъ узенькой деревянной рамкой. Дойдя до конца корридора,

Digitized by Google

она обернулась и, видя, что Ругонъ стоитъ въ нерѣшимости, точно собирается позвать ее, остановилась и подождала нѣсколько секундъ съ улыбающимся лицомъ. Но Ругонъ вошелъ въ себѣ, сердито захлопнувъ дверь.

Завтракали въ это утро раньше обыкновеннаго. Въ карточной галлереѣ много толковали о погодѣ, которая была очень благопріятна для охоты съ гончими: солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ свѣжъ и неподвиженъ, точно стоячая вода. Придворные экипажи уѣхали немного раньше полудня. Мѣстомъ сборища назначенъ былъ Королевскій-колодезь, въ самой серединѣ лѣса. Императорская охота ждала тамъ уже съ часъ, егеря верхами, въ панталонахъ изъ краснаго сукна, въ большихъ шляпахъ съ галунами, пѣшіе ловчіе, державшіе собакъ на сворѣ, въ черныхъ башмакахъ съ серебряными пряжками, чтобы имъ легче было бѣжать по лѣсу. Кареты приглашенныхъ изъ сосѣднихъ замковъ выстроились полукругомъ напротивъ своры, а группы изъ дамъ и охотниковъ въ мундирахъ напоминали сцену со старинной картины, охоту при Людовикѣ XV, воспресшую на яркомъ солнцѣ. Императоръ и императрица не слѣдовали за охотой. Въ самомъ началѣ охоты ихъ шарабаны свернули въ боковую аллею и вернулись въ замокъ. Многіе послѣдовали ихъ примѣру. Ругонъ пытался-было слѣдовать за Клориндой; но она такъ гнала свою лошадь, что онъ отсталъ и съ досады рѣшился вернуться въ замокъ, видя, что она ускакала съ де-Марси далеко впередъ.

Около половины шестого, Ругона попросили сойти внизъ пить чай во внутреннихъ покояхъ императрицы. Эта милость выпадала обыкновенно на долю людей, извѣстныхъ своей любезностью. Онъ нашелъ тамъ Бенуа д'Оршера и де-Плугерна, и послѣдній разсказалъ въ очень ловкихъ выраженіяхъ очѣнь крупную скабрёзность, возбудившую большой смѣхъ. Охотники возвращались одинъ за другимъ. Явилась m-me де-Комбело, прикидываясь страшно утомленной.

На разспросы присутствующихъ, она сыпала техническими терминами:

— О! пришлось въ теченіи четырехъ часовъ выгонять звѣря изъ кустовъ. Вообразите, что на одну минуту онъ вышелъ изъ острова. Наконецъ, его загнали у Краснаго пруда. Охота была великолѣпная.

Кавалеръ Рускони сообщилъ другую новость и съ весьма тревожнымъ видомъ:

— Лошадь m-me Делестанъ понесла... Она исчезла по на-

Digitized by Google

правленію къ дорогѣ въ Пьерфонъ, никто не знаетъ, что съ ней сталось.

Тутъ на него посыпались вопросы. Императрица казалась въ отчаяніи. Онъ разсказалъ, что Клоринда все время скакала маршъ-маршемъ. Ея пріемы восхищали самыхъ опытныхъ охотниковъ. Потомъ внезапно лошадь ея бросилась въ боковую аллею.

— Да,— прибавилъ Ла-Рувэтъ, сгоравшій желаніемъ оставить свое словечко,—она изъ всей мочи хлестала это бѣдное животное... М-г де-Марси бросился вслѣдъ за ней, чтобы подать ей помощь. Онъ тоже еще не возвращался.

М-me де-Лоранъ, сидѣвшая позади императрицы, встала. Ей показалось, что всѣ смотрятъ на нее съ улыбкой. Она поблѣднѣла. Разговоръ между тѣмъ зашелъ о томъ, какимъ опасностямъ подвергаются участники охоты. Однажды, олень, искавшій убѣжища на одной фермѣ, бросился на собакъ съ такимъ неистовствомъ, что одной дамѣ сломали ногу среди происшедшей отъ того суматохи. Потомъ перешли къ предположеніямъ. Если де-Марси удалось остановить лошадь м-me Делестанъ, то, быть можетъ, они сошли съ лошадей оба, чтобы отдохнуть; шалашей, сараевъ, бесѣдокъ было въ лѣсу не мало. И м-me де-Лоранъ показалось, что улыбки стали еще злораднѣе, и всѣ присутствующіе исподлишка наблюдали за ея ревнивымъ бѣшенствомъ. Рогонъ молчалъ; онъ былъ такъ же блѣденъ, какъ и она, и дихорадочно выбивалъ пальцами маршъ на своемъ колѣнѣ.

— Ба! невелика бѣда, если они и проночуютъ въ лѣсу,—пробормоталъ сквозь зубы де-Плугарнъ.

Императрица приказала, чтобы Клоринду пригласили пить чай къ ней, когда она вернется. Вдругъ послышались легкія восклицанія. Молодая женщина стояла на порогѣ, раскраснѣвшаяся, улыбающаяся, торжествующая. Она поблагодарила ея величество за участіе, и съ спокойнымъ видомъ прибавила:

— Боже мой! мнѣ очень жаль... Напрасно всѣ такъ безпокоились... Я держала пари съ м-г де-Марси, что первая прискачу къ тому мѣсту, гдѣ будетъ затравленъ олень. Если бы не эта проклятая лошадь...

И закончила весело:

— Мы поквитались, онъ и все.

Но отъ нея потребовали, чтобы она въ подробности разсказала все какъ было. Она исполнила это безъ малѣйшаго смущенія. Лошадь ея, проскакавъ съ четверть часа, какъ бѣшеная, упала, но не ушибла ее. Тутъ, такъ какъ она едва держа-

Digitized by Google

лась на ногахъ отъ испуга, m-r де-Марси отвелъ ее въ одинъ сарай.

— Мы угадали! — закричалъ Ла-Рукетъ.—Вы были въ сараѣ?... Я говорилъ, что вы войдете въ бесѣдку.

— Вамъ, должно быть, было очень тамъ неудобно, — замѣтилъ зло де-Плугернъ.

Клоринда, не переставая улыбаться, отвѣтила съ видомъ истомой:

— Нѣтъ, нисколько, увѣряю васъ. Въ сараѣ была солома. Я сѣла на нее... Большой такой сарай и въ немъ прозрачныя паутины. Смеркалось. Было очень весело.

И, глядя пристально на m-me Лоранцъ, прибавила, особенно растягивая слова, что придавало имъ особый вѣсъ:

— М-r де-Марси былъ очень добръ со мной.

Съ той минуты, какъ молодая женщина заговорила о своихъ приключеніи, m-me Лоранцъ изъ всей мочи прижимала два пальца къ губамъ.

При послѣднихъ словахъ она закрыла глаза, точно у ней голова закружилась отъ гнѣва. Она простояла съ минуту, потомъ, не будучи въ силахъ сдержать себя, вышла. Де-Плугернъ, заинтриговавшій, вышелъ вслѣдъ за ней. У Клоринды, слѣдившей за ней, вырвался жестъ торжества.

Разговоръ перешелъ на другое. Бенуа д'Орнеръ заговорилъ о скандальномъ процессѣ, занимавшемъ общественное мнѣніе—дѣло шло о разводѣ, на основаніи безсилія мужа; и пересказывалъ иные факты въ такихъ судейскихъ выраженіяхъ, что m-me де-Комбело, не понимая въ чемъ дѣло, требовала поясненій. Кавалеръ Рускони произвелъ фуроръ, спѣвъ вполголоса нѣсколько народныхъ пьемонтскихъ пѣсенокъ, любовныхъ пѣсенокъ, которыя онъ потомъ переводилъ на французскій языкъ. Среди его пѣнія вошелъ Делестанъ. Онъ возвращался изъ лѣсу, гдѣ въ теченіи двухъ часовъ искалъ жены. Всѣ улыбнулись при видѣ его изумленнаго лица. Между тѣмъ, императрица вдругъ какъ будто почувствовала горячую дружбу къ Клориндѣ: она усадила ее возлѣ себя и болтала съ ней о лошадяхъ. У Пирама, той лошади, на которой молодая женщина ѣздила на охоту, очень безпокойный галопъ, говорила она, и объявила, что велитъ на слѣдующій день осѣдлать для нея Цезаря.

Рутонъ, когда вошла Клоринда, подошелъ къ окну, прикидываясь, что его очень интересуютъ огоньки, зажигавшіеся вдали, далеко отъ парка. Никто не могъ такимъ образомъ видѣть легкихъ судорогъ, которыми подергивалось его лицо. Онъ долго

Digitized by Google

простоялъ у окна. Наконецъ отошелъ отъ него, съ невозмутимымъ видомъ, когда вернувшійся де-Плугернъ подошелъ къ нему и прошепталъ на ухо взволнованнымъ голосомъ человѣка, любопытство котораго было удовлетворено:

— Сейчасъ была страшная сцена... Вы видѣли, я пошелъ за ней. Она какъ разъ наткнулась на де-Марси въ концѣ коридора. Они вошли въ одну комнату. Тамъ я слышалъ, какъ де-Марси наотрѣзъ объявилъ ей, что она ему до крайности надоѣла... Она выбѣжала, какъ безумная, и помчалась въ кабинетъ императора... Да, чортъ возьми, я думаю, что она отнесла къ нему на столъ пресловутыя письма...

Въ эту минуту появилась m-me Лоранцъ. Она была блѣдна какъ смерть. Волосы у ней на вискахъ растрепались, дыханіе было коротко. Она снова усѣлась позади императрицы, съ отчаяннымъ спокойствіемъ паціента, совершившаго надъ собой жестокую операцію, отъ которой можетъ умереть.

— Она навѣрное пустила въ ходъ письма, — повторилъ де-Плугернъ, наблюдая за ней.

И такъ какъ Ругонъ какъ будто не понималъ его, онъ наклонился къ Клориндѣ и сообщилъ ей о случившемся. Она слушала его съ восхищеніемъ, глаза ея блестѣли отъ радости. Только при выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ императрицы, когда наступилъ часъ обѣда, Клоринда удостоила наконецъ замѣтить Ругона. Она взяла его подъ руку и въ то время, какъ Дельстанъ шелъ позади нихъ, сказала ему:

— Ну... видѣли! Еслибы вы были любезнѣе сегодня утромъ, я бы не рисковала сломать себѣ шею.

Вечеромъ, на дворѣ зàмка происходило кормленіе собакъ при факелахъ. По выходѣ изъ столовой гости, вмѣсто того, чтобы идти въ карточную галлерею, разсѣялись по салонамъ фасада, о которыхъ были открыты настежъ. Императоръ занялъ мѣсто на центральномъ балконѣ, куда за нимъ могли послѣдовать человѣкъ двадцать.

Внизу, отъ рѣшетки до сѣней, два ряда лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ, съ напудренными волосами, образовали широкую аллею. Каждый изъ нихъ держалъ длинную пику, на концѣ которой пылала пакля въ стклянкахъ, наполненныхъ спиртомъ.

Высокое зеленое пламя точно прыгало въ воздухѣ и пылало ночь, не освѣщая ея, и только озаряло среди мрака двойной рядъ красныхъ жилетовъ, казавшихся отъ этого освѣщенія лиловатыми. По обѣимъ сторонамъ двора толпилось много народу, компьенскіе буржуа съ своими дамами; блѣдныя тѣни

пошились въ потёмкахъ, и минутами отблескъ горящей пакли выдѣлялъ изъ мрака какую-нибудь фантастически-безобразную, зеленоватую рожу мелкаго рантье. Посреди̇нѣ, передъ крыльцомъ, остатки оленя, сложенные въ кучѣ на мостовой, были прикрыты шкурой животнаго, растянутой головой впередъ; а на другомъ концѣ, у рѣшетки, свора собакъ ждала, окруженная доѣзжачими. Гамъ же, псари въ зеленой ливреѣ, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, махали факелами. Яркое, красноватое пламя, посылавшее облако копоти по направленію къ городу, озаряло, точно огненная пещь, собакъ, тѣснившихся другъ къ другу, тяжело дыша, съ разинутой пастью.

Императоръ стоялъ. Порою внезапная вспышка факеловъ озаряла его тусклое, непроницаемое лицо. Клоринда весь обѣдъ наблюдала за всѣми его движеніями, но ничего не могла подмѣтить въ немъ, кромѣ угрюмой усталости и скуки больного, колча страдающаго человѣка. Разъ только ей показалось, что онъ искоса поглядѣлъ на де-Марси своимъ тусклымъ взглядомъ, маскируемымъ полуопущенными вѣками. Теперь онъ стоялъ на балконѣ, пасмурный, слегка согбенный, и крутилъ усы, между тѣмъ какъ позади него гости приподнимались на цыпочкахъ, чтобы лучше видѣть.

— Живѣе, Фирмэнъ!—проговорилъ онъ какъ-бы въ нетерпѣніи.

Доѣзжачіе трубили «La Royale». Собаки выли, вытягивая шеи и приподнимаясь на заднихъ лапахъ. Вдругъ, въ то время, какъ одинъ изъ псарей показывалъ голову оленя обезумѣвшей сворѣ, Фирмэнъ, главный псарь, стоявшій на крыльцѣ, опустилъ бичъ, и свора, дожидавшаяся этого сигнала, въ три прыжка пролетѣла черезъ дворъ, поджимая бока отъ голода. Но Фирмэнъ приподнялъ бичъ: собаки, остановленныя въ двухъ шагахъ отъ оленя, присѣли на мостовую, трясясь всѣмъ тѣломъ и лая отъ нетерпѣнія, но должны были вернуться назадъ и снова выстроиться на другомъ концѣ двора у рѣшетки.

— О, бѣдныя животныя! — проговорила m-me де-Комбело̀ съ томнымъ состраданіемъ.

— Великолѣпно!—кричалъ Ла-Рукетъ.

Кавалеръ Рускони апплодировалъ, дамы нагибались въ волненіи; губы ихъ подергивались; онѣ жаждали увидѣть, какъ собаки станутъ терзать оленя. Имъ не сразу отдавали добычу; это очень томительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сейчасъ еще,—бормотали жирные голоса.

Между тѣмъ Фирмэнъ два раза поднималъ и опускалъ бичъ.

Digitized by Google

Разсвирѣпѣвшая свора выходила изъ себя. По третьему ра
псарь не приподнялъ больше бича. Другой псарь убѣжалъ с
всѣхъ ногъ, унося шкуру и голову оленя. Собаки набросили
на остатки, и яростный лай ихъ перешелъ въ глухое рычан
удовольствія. Слышалось, какъ трещали кости. И на балконах
и у оконъ всѣ радовались; дамы плотоядно улыбались, сжим
бѣлые зубы; мужчины тяжело дышали, глаза ихъ разгорѣлис
руки безсознательно ломали зубочистки, принесенныя съ сто
ловой.

На дворѣ наступилъ какъ-бы нѣкій апоѳеозъ. Доѣзжач
трубили фанфары; псари махали факелами; бенгальскіе огни
рѣли кровавымъ пламенемъ, озаряя своимъ заревомъ крас
заливая свѣтомъ мирныя физіономіи компьенскихъ буржуа, п
нившихся по бокамъ двора.

Императоръ повернулся спиной ко двору, и, увидя ок
себя Ругона, какъ будто вышелъ изъ глубокой задумчивости,
торая нагнала на него пасмурное расположеніе духа съ са
обѣда.

— М-г Ругонъ,—сказалъ онъ,—я думалъ о вашемъ д
Существуютъ препятствія, много препятствій.

Онъ остановился, раскрылъ губы и снова сжалъ ихъ.
томъ, уходя, прибавилъ:

— Вы нужны въ Парижѣ, м-г Ругонъ.

У Клоринды, услышавшей слова императора, вырвался
торжества. Слова императора облетѣли всѣхъ присутствующ
и всѣ лица вытянулись, въ то время какъ Ругонъ медл
проходилъ мимо различныхъ группъ, направляясь къ карто
галереѣ.

А внизу собаки доканчивали оленя. Онѣ яростно тол
другъ друга, протискиваясь въ самую средину кучи. Видн
цѣлое подвижное море спинъ бѣлыхъ, черныхъ, толкавши
вытягивавшихся, колыхавшихся, точно живое озеро, съ обжор
вымъ рычаніемъ. Пасти работали второпяхъ, пожирали стр
тельно, стараясь захватить какъ можно больше добычи. Кор
ссоры кончались воемъ. Большая лягавая собака,—чудный зв
красоты поразительной,—разсердясь, что находится на са
краю, отступила и потомъ однимъ прыжкомъ прорвалась въ
мую средину стаи, и, пробившись впередъ, оторвала кус
внутренностей оленя.

Digitized by Google

VIII.

Недѣли проходили. Ругонъ снова втянулся въ свою томительную и однообразную жизнь. Никогда не помекалъ онъ на приказъ императора оставаться въ Парижѣ. Онъ говорилъ только о своей неудачѣ, о мнимыхъ препятствіяхъ, не позволявшихъ ему раскопать уголокъ Ландъ, и толки его объ этомъ предметѣ были неистощимы. Какія могли быть эти препятствія? Онъ не видѣлъ никакихъ. Онъ даже позволялъ себѣ какъ будто сердиться на императора, отъ котораго, говорилъ онъ, невозможно добиться никакого объясненія. Быть можетъ, его величество побоялся, что у него попребуютъ субсидій на это дѣло?

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ дни проходили, Клоринда учащала свои визиты въ улицу Марбёфъ. Каждый разъ, какъ она видѣлась съ Ругономъ, она какъ будто ждала отъ него какой-нибудь новости и глядѣла на него съ удивленіемъ, видя, что онъ ничего ей не сообщаетъ. Со времени пребыванія въ Компіенѣ, она жила надеждой на внезапный тріумфъ: она создала себѣ цѣлую драму, яростный гнѣвъ императора, громкую немилость де-Марси, немедленное призваніе великаго человѣка къ управленію. Этотъ женскій планъ казался ей неминуемымъ. Поэтому, по истеченіи мѣсяца, удивленію ея не было границъ, когда она увидѣла, что де-Марси оставался министромъ. И она прониклась презрѣніемъ къ императору, не умѣвшему мстить. Она, на его мѣстѣ, всю жизнь не простила бы. О чемъ онъ думаетъ въ своемъ вѣчномъ безмолвіи?

Клоринда, однако, еще не отчаявалась. Она чуяла побѣду, ждала какой-нибудь непредвидѣнной случайности. Марси колебался. Ругонъ ухаживалъ за ней, какъ мужъ, который боится быть обманутымъ. Послѣ своихъ странныхъ припадковъ ревности въ Компіенѣ, онъ наблюдалъ за ней съ отеческой заботливостью, оглушалъ ее нравоученіями, желалъ видѣть ее почти ежедневно. Молодая женщина улыбалась, увѣренная теперь, что онъ не уѣдетъ изъ Парижа. Однако, въ половинѣ декабря, послѣ нѣсколькихъ недѣль мирнаго затишья, онъ снова заговорилъ о своемъ великомъ предпріятіи. Онъ видался съ банкиромъ, мечталъ обойтись безъ помощи императора. И снова его заставали погруженнымъ въ карты, планы, спеціальныя сочиненія. Жильвенъ, говорилъ онъ, уже набралъ болѣе пятисотъ работниковъ, соглашавшихся ѣхать туда; то была первая горсть его будущаго

Digitized by Google

народа. Тогда Клоринда забила тревогу и поставила на ноги всю шайку друзей.

Поднялась кутерьма. Каждый взялъ на себя роль. Сговаривались у Ругона полусловами, по угламъ, въ воскресенье и въ четвергъ. Друзья подѣлили между собой трудныя задачи. Каждое утро вся шайка разсыпалась по Парижу съ упрямой рѣшимостью пріобрѣсти хоть одного приверженца. Не пренебрегали ничѣмъ: самые ничтожные успѣхи шли на счетъ. Пользовались рѣшительно всѣмъ, извлекали выгоду изъ мельчайшихъ событій, весь день не покладывали рукъ съ утра и до глубокой ночи. Друзья друзей стали сообщниками, а также и друзья этихъ послѣднихъ. Весь Парижъ опутанъ былъ этой интригой. Въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ оказались люди, вздыхавшіе по торжеству Ругона, сами не зная почему. Шайка въ какихъ-нибудь десять-двѣнадцать человѣкъ играла городомъ.

— Мы правительство будущаго,—говаривалъ серьёзно дю-Пуазá.

И проводилъ параллели между ними и людьми, создавшими вторую имперію.

Необходима банда, чтобы установить правительство, говорилъ онъ. Двадцать молодцовъ, съ сильными страстями, могущественнѣе, чѣмъ любой принципъ; а когда они могутъ выставить тѣнь принципа, то становятся непобѣдимыми. Дю-Пуазá бѣгалъ по городу, ходилъ въ редакціи, гдѣ курилъ сигары, глухо подтачивая репутацію Марси; у него всегда находились двусмысленныя исторіи на его счетъ; онъ обвинялъ его въ неблагодарности и эгоизмѣ. Потомъ, когда пуститъ, бывало, имя Ругона, то разсыплется затѣмъ въ неопредѣленныхъ обѣщаніяхъ и начнетъ сулить неслыханныя блага: вотъ, этотъ человѣкъ, если только ему удастся со временемъ получить власть, прольетъ на всѣхъ цѣлый дождь наградъ, подарковъ, субсидій. Онъ сообщалъ прессѣ различныя свѣдѣнія, цитаты, анекдоты, которые постоянно занимали публику личностью великаго человѣка; два маленькихъ листка опубликовали разсказъ о посѣщеніи отеля въ улицѣ Марбёфъ; другіе занимались пресловутымъ сочиненіемъ объ англійской конституціи и конституціи 52 г.; послѣ двухлѣтняго враждебнаго молчанія, вдругъ имя его окружилось популярностью и поднялся глухой хвалебный гулъ. А дю-Пуазá обдѣлывалъ и разныя другія дѣлишки, разныя двусмысленныя сдѣлки, велъ отчаянную биржевую игру, разсчитывая на болѣе или менѣе вѣрное возвращеніе Ругона въ министерство.

— Будемъ думать только о немъ,—часто повторялъ онъ, съ

Digitized by Google

той безцеремонностью рѣчи, которая стѣсняла накрахмаленныхъ людей банды.—Позднѣе онъ подумаетъ о насъ.

Бенуа д'Оршеръ интриговалъ тяжеловѣсно; онъ поднялъ противъ Марси какое-то скандалёзное дѣло, которое поспѣшили затушить. Гораздо ловче оказался его намёкъ, что онъ могъ бы быть со временемъ министромъ юстиціи, еслибы его зять опять вернулся къ управленію; это заинтересовало въ дѣлѣ его судейскихъ собратовъ. Канъ также велъ цѣлую толпу въ аттаку: финансистовъ, депутатовъ, чиновниковъ, вербуя въ ихъ ряды всѣхъ недовольныхъ, попадавшихся ему на пути. Онъ нашелъ себѣ послушнаго сподручника въ Бежюэнѣ и даже пользовался услугами де-Комбело́ и Ла-Рукета, хотя эти послѣдніе и не подозрѣвали о ролѣ, которую онъ имъ навязывалъ. Самъ онъ дѣйствовалъ въ оффиціальномъ мірѣ, въ высшихъ его сферахъ, стараясь, чтобы его пропаганда дошла до Тюльери, ведя въ теченіи нѣсколькихъ дней подземную работу, чтобы одно какое-нибудь слово, переходя изъ устъ въ уста, дошло, наконецъ, до императора.

Но всего жарче трудились женщины. Онѣ затѣвали самыя сложныя комбинаціи, цѣлую сѣть интригъ, истинное значеніе которыхъ никогда не было въ точности разгадано. М-me Коррёръ не иначе звала хорошенькую m-me Бушаръ какъ «мой котеночекъ». Она возила ее за городъ, какъ увѣряла, и въ теченіи недѣли Бушаръ жилъ холостякомъ;, самъ д'Эскорайль вынужденъ былъ проводить свои вечера въ маленькихъ театрахъ. Однажды дю-Пуаза́ встрѣтилъ этихъ дамъ съ господами, увѣшанными орденами, о чемъ, конечно, никому и не заикнулся. М-me Коррёръ нанимала теперь двѣ квартиры: одну въ улицѣ Бланшъ, другую въ улицѣ Мазаринъ; эта послѣдняя была очень изящна, m-me Бушаръ наѣзжала въ нее по утрамъ и брала ключъ у привратника. Передавали также, что молодая женщина очаровала одного весьма важнаго сановника, пробираясь черезъ Пале-Рояль въ одно дождливое утро, приподнявъ свои юбки.

Но и мелкотравчатыя шайки лѣзли изъ кожи вонъ, работая на пользу Ругона. Полковникъ Жобелэнъ хаживалъ въ одну бульварную кофейню, чтобы повидаться съ старыми пріятелями, офицерами, которымъ читалъ нотаціи за пикетомъ, и когда ему удавалось втереть очки тремъ-четыремъ человѣкамъ, онъ пожималъ себѣ руки вечеромъ, повторяя: «что вся армія стоитъ за доброе дѣло». Бушаръ занимался такой же вербовкой въ министерствѣ. Мало-по-малу онъ съумѣлъ внушить чиновникамъ ожесточенную ненависть къ Марси; онъ не брезгалъ даже писцами и ухитрился

Digitized by Google

заставить весь этотъ людъ вздыхать по золотомъ вѣкѣ, о которомъ нашептывалъ своимъ пріятелямъ. Д'Эскорайль вліялъ на богатую, свѣтскую молодежь, которой выхвалялъ широкіе взгляды Ругона, его снисходительность къ нѣкоторымъ проступкамъ, его симпатію къ силѣ и смѣлости. Наконецъ, сами Шарбоннели, сидя на скамейкѣ Люксамбурга, куда ходили каждое утро дожидаться исхода своего нескончаемаго процесса, находили средство вербовать мелкихъ рантье квартала Одеона.

Что касается Клоринды, то она не довольствовалась тѣмъ, что направляла всю шайку. Она вела съ своей стороны весьма сложныя интриги, о которыхъ никому не разсказывала. Ее чаще чѣмъ когда-либо встрѣчали по утрамъ въ растрепанныхъ пеньюарахъ, таскающую въ самыхъ подозрительныхъ кварталахъ свой министерскій портфѣль, протертый на углахъ и перевязанный шнурками. Она давала своему мужу самыя необычайныя порученія, которыя тотъ исполнялъ съ кротостью барана, не понимая ихъ смысла. Она посылала Луиджи Поццо разносить письма; брала де-Плугерна себѣ въ провожатые, но заставляла его торчать по цѣлымъ часамъ на троттуарѣ, въ ожиданіи ея. Одну минуту она замышляла даже заинтересовать итальянское правительство въ возвышеніи Ругона. Переписка ея съ матерью, все еще живущею въ Туринѣ, стала лихорадочно оживленной. Она мечтала взбудоражить всю Европу и по два раза въ день навѣщала кавалера Рускони, для свиданій съ дипломатами. Зачастую теперь, ведя свою странную кампанію, припоминала она о своей красотѣ. И вотъ, въ иные дни появлялась умытая, причесанная, великолѣпная, и когда друзья невольно дивились ей и кричали, что она красавица:

— Что дѣлать. Такъ надо! — отвѣчала она съ видомъ покорной усталости.

Она разсчитывала на свою особу, какъ на неотразимый аргументъ. Для нея отдаться мужчинѣ—было существенъ пустякомъ. Это доставляло ей такъ мало удовольствія, что было такимъ же дѣломъ, какъ и всякое другое, только, быть можетъ, немного скучнѣе другихъ. Когда она вернулась изъ Компіени, дю-Пуаз, извѣщенный о приключеніи на охотѣ, пожелалъ узнать, въ какихъ отношеніяхъ находится она съ Марси. Онъ смутно подумывалъ о томъ, чтобы измѣнить Ругону для графа, если Клоринда удастся стать всесильной любовницей послѣдняго. Но Клоринда чуть-было не разсердилась, энергически отрицая всю исторію. Онъ считаетъ ее должно быть совершенной дурой, что подозрѣваетъ въ подобной связи? И намекнула, позабывъ о томъ, какъ отри-

Digitized by Google

цала, что не увидится больше съ де-Марси. Въ былое время, она, быть можетъ, мечтала бы о томъ, чтобы выдти за него замужъ. По ея мнѣнію, никогда умный человѣкъ не станетъ серьёзно хлопотать о карьерѣ любовницы. Къ тому же, у нея былъ въ головѣ иной планъ.

— Видите ли,—говаривала она иногда,—есть много путей для достиженія своихъ цѣлей, но изъ всѣхъ этихъ путей всегда существуетъ только одинъ, который по нраву... У меня есть свои желанія.

Она неусыпно стерегла Ругона; она желала возвеличить его; ей какъ будто хотѣлось откормить его властью для будущаго закланія. Она продолжала покорно держать себя съ нимъ, какъ его послушная ученица, ухаживала за нимъ, осыпала его комплиментами. Онъ же, среди лихорадочной дѣятельности своей банды, какъ будто ничего не слышалъ. Въ салонѣ своемъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, онъ раскладывалъ пасьянсъ съ сонным видомъ и какъ-будто не видѣлъ, какъ его друзья шептались за его спиной. Ванда толковала о своихъ дѣлахъ, дѣлала знаки другъ другу черезъ его голову, сговаривалась о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, точно его не было въ комнатѣ: онъ казался такимъ безстрастнымъ, разсѣяннымъ, равнодушнымъ ко всему, что вокругъ него происходило, что друзья возвышали, наконецъ, голосъ, забавляясь его разсѣянностью. Когда заговаривали объ его возвращеніи къ управленію, онъ сердился и клялся, что шагу не ступитъ, хотя бы торжество ждало его на концѣ улицы. И дѣйствительно, онъ все больше и больше замыкался въ своемъ кружкѣ, прикидываясь, что безусловно не знаетъ о томъ, что происходитъ извнѣ. Маленькій отель улицы Марбёфъ, откуда шла такая лихорадочная пропаганда, былъ мѣстомъ безмолвія и тишины, на порогѣ котораго посвященные, обмѣниваясь значительными взглядами, оставляли всякіе признаки той борьбы, которую вели.

— Полноте! — кричалъ дю-Пуаза. — онъ насъ морочитъ! Онъ отлично все слышитъ. Поглядите-ка вечеромъ на его уши; они у него на макушкѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго, когда они расходились всѣ вмѣстѣ, это составляло предметъ ихъ обычныхъ бесѣдъ. Невозможно, чтобы великій человѣкъ не зналъ о самоотверженіи своихъ друзей. «Онъ прикидывается праведникомъ,—говаривалъ все тотъ же дю-Пуаза. — Этотъ разбойникъ Ругонъ живетъ себѣ, точно индусскій идолъ, уснувшій въ самодовольствѣ, скрестивъ руки

Digitized by Google

на брюхѣ, улыбаясь блаженной улыбкой толпѣ поклонниковъ, поклонявшихся ему и разрѣзавшихъ для него свои внутренности.

— Я буду наблюдать за нимъ, — заключалъ дю-Пуазà.

Но сколько ни изучали лицо Ругона, а его всегда находили сдержаннымъ, спокойнымъ, почти наивнымъ. Быть можетъ, онъ не притворялся. Къ тому же, Клоринда считала за лучшее, чтобы онъ ни во-что не вмѣшивался. Она боялась, какъ бы онъ не сталъ поперекъ ея планамъ, если его заставятъ открыть глаза. Друзья, какъ-бы помимо его воли, хлопотали о томъ, чтобы выдвинуть его впередъ. Имъ нужно было хотя бы насильно впихнуть его въ управленіе, а тамъ ужъ они посчитаются.

Мало-по-малу, однако, банда начинала терять терпѣніе, такъ какъ дѣла шли слишкомъ медленно. Язвительныя рѣчи дю-Пуазà вліяли и на другихъ. Ругона не попрекали прямо всѣмъ тѣмъ, что для него дѣлали, но осыпали его намёками.

Полковникъ являлся иногда на вечеръ въ запыленныхъ сапогахъ; онъ не успѣлъ забѣжать къ себѣ, онъ всѣ ноги отбилъ себѣ, пробѣгавъ все утро; и вѣдь глупо это съ его стороны, потому что ему, конечно, никогда и спасибо не скажутъ за это. Въ другіе разы Канъ жмурилъ глаза, жалуясь, что въ послѣдній мѣсяцъ ложится спать очень поздно. Онъ все разъѣзжаетъ по гостямъ, не для веселья, конечно, но потому, что надо повидаться съ разными лицами по нѣкоторымъ дѣламъ. М-me Коррёръ разсказывала чувствительныя исторіи, про какую-нибудь, напримѣръ, бѣдную молодую женщину, очень приличную вдову, которую она ѣздила утѣшать, и сожалѣла, что у ней нѣтъ никакой власти, или же твердила, что, еслибы она была правительствомъ, то не допустила бы многихъ несправедливостей! Потомъ всѣ друзья принимались жаловаться на свою собственную судьбу; каждый ныль, говоря, что былъ бы совсѣмъ въ иномъ положеніи, если бы не былъ дуракомъ; словомъ, жалобамъ не было конца и выразительные взгляды, бросаемые на Ругона, ясно выдавали ихъ смыслъ. Его кололи всякими шпильками, даже доходили до того, что хвалили Марси. Онъ сначала хранилъ спокойствіе, и все какъ-будто не понималъ, но черезъ нѣсколько вечеровъ легкія судороги стали появляться у него въ лицѣ при иныхъ фразахъ, произносимыхъ въ его салонѣ. Онъ не сердился, но сжималъ слегка губы, точно отъ невидимыхъ уколовъ булавкой, и въ концѣ-концовъ пришелъ въ такое нервное состояніе, что бросилъ раскладывать пасьянсъ. Пасьянсъ больше никогда не выходилъ у него, и онъ предпочиталъ расхаживать небольшими шагами по комнатѣ и разговаривать, быстро отходя отъ людей, когда

Digitized by Google

начинались замаскированные упреки. Порою на него находили припадки яраго бѣшенства; съ силой сжималъ онъ кулаки за спиною, удерживаясь изъ всей мочи отъ желанія вышвырнуть всю эту ораву на улицу.

— Дѣти мои,—сказалъ однажды вечеромъ полковникъ; — я не приду къ нему въ теченіи двухъ недѣль. Надо наказать его. Посмотримъ, весело ли ему будетъ одному.

Тогда Ругонъ, мечтавшій прежде о томъ, чтобы запереть дверь передъ своими друзьями, почувствовалъ себя очень оскорбленнымъ: друзья стали сами избѣгать его общества. Полковникъ сдержалъ свое слово; другіе послѣдовали его примѣру; салонъ почти совсѣмъ опустѣлъ; въ немъ всегда не досчитывались пятишести друзей. Когда кто-нибудь изъ нихъ появлялся послѣ долгаго отсутствія и великій человѣкъ спрашивалъ: не былъ ли онъ боленъ, то ему отвѣчали: нѣтъ, съ удивленнымъ лицомъ, и не давали никакого объясненія. Въ одинъ четвергъ никто не пришелъ. Ругонъ провелъ вечеръ, расхаживая одинъ по большой комнатѣ, заложивъ руки за спину, опустивъ голову. Онъ впервые почувствовалъ, какая сильная связь соединяла его съ его шайкой. Онъ пожималъ презрительно плечами, когда думалъ о глупости Шарбоннелей, о завистливой злости дю-Пуаза́, о двусмысленномъ добродушіи m-me Коррёръ. А между тѣмъ эти приближенные къ нему люди, которыхъ онъ такъ мало уважалъ, были ему необходимы; они нужны ему были затѣмъ, чтобы онъ могъ проявлять надъ ними свою власть, и онъ относился къ нимъ, какъ ревнивый властелинъ, оплакивающій втайнѣ малѣйшую невѣрность. И даже въ глубинѣ сердца онъ умилялся надъ ихъ глупостью, любилъ ихъ пороки. Они какъ-бы составляли частицу его самого, и онъ чувствовалъ себя слабѣе въ тѣ дни, когда они сторонились отъ него. И поэтому кончилось тѣмъ, что онъ началъ имъ писать, когда ихъ отсутствіе становилось слишкомъ продолжительнымъ. Онъ даже ходилъ съ ними мириться, послѣ серьёзныхъ размолвокъ. Теперь въ улицѣ Марбёфъ поселился раздоръ съ той перемежающейся лихорадкой примиреній и новыхъ ссоръ, которая обыкновенно царитъ въ семьяхъ, гдѣ любовь охладѣваетъ.

Въ послѣдніе дни декабря мѣсяца произошла особенно жаркая перепалка. Однажды вечеромъ, друзья, сами не зная какъ, слово за словомъ перегрызлись окончательно. Въ теченіи трехъ недѣль они не показывали носа. Дѣло въ томъ, что они начинали отчаяваться. Самыя хитроумныя усилія ни къ чему не приводили. Положеніе дѣлъ, повидимому, грозило продлиться безконечное время, и приходилось отказаться отъ надежды на какую-

Digitized by Google

нибудь непредвидѣнную катастрофу, которая бы сдѣлала Ругона необходимымъ для правительства. Ждали открытія сессіи законодательнаго корпуса, но провѣрка полномочій произошла безъ всякихъ скандаловъ, кромѣ отказа двухъ республиканскихъ депутатовъ принести присягу. Въ настоящую минуту самъ Канъ, ловкій и изворотливый дѣлецъ шайки, не надѣялся больше, чтобы общій ходъ политики повернулъ къ ихъ выгодѣ. Ругонъ, разъяренный, хлопоталъ о своемъ земельномъ дѣлѣ съ удвоенной энергіей, чтобы замаскировать искаженное выраженіе своего лица, которое ему больше не удавалось держать въ окаменѣломъ состояніи.

— Я чувствую себя нехорошо, — говаривалъ онъ порою.— Видите ли какъ дрожатъ мои руки. Докторъ прописываетъ мнѣ много моціону. Я весь день на ногахъ.

Дѣйствительно, онъ часто выходилъ теперь со двора. Его встрѣчали на улицахъ, съ повисшими руками, высоко закинутой головой и разсѣяннымъ взглядомъ. Когда его останавливали, онъ сообщалъ о нескончаемыхъ прогулкахъ. Однажды утромъ, возвратясь домой съ прогулки къ завтраку, онъ нашелъ у себя визитную карточку съ золотообрѣзанными краями, на которой красовалось имя Жилькена, написанное красивымъ англійскимъ почеркомъ. Карточка была очень грязна и носила слѣды жирныхъ пальцевъ. Ругонъ позвонилъ слугу.

— Лицо, отдавшее вамъ эту карточку, ничего не говорило?— спросилъ онъ.

Слуга, недавно поступившій въ домъ, улыбнулся.

— Приходилъ господинъ въ зеленомъ пальто. Онъ очень добръ на видъ и поподчивалъ меня сигарой... Онъ сказалъ только, что онъ вамъ пріятель.

И уже уходилъ, какъ вдругъ спохватился:

— Кажется, онъ написалъ что-то на оборотѣ.

Ругонъ перевернулъ карточку и прочиталъ слѣдующія слова, набросанныя карандашомъ: «Не могу дожидаться! Навѣдаюсь вечеромъ. Дѣло спѣшное и очень курьёзное». Ругонъ безсмысленно пожалъ плечами. Но послѣ завтрака фраза: «дѣло спѣшное и очень курьёзное»—припоминалась ему и стала неотвязно преслѣдовать его. Какое такое могло быть это дѣло, казавшееся Жилькену курьёзнымъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ препоручилъ старинному commis-voyageur веденіе различныхъ сложныхъ и темныхъ дѣлишекъ, онъ аккуратно видался съ нимъ каждую недѣлю по вечерамъ; никогда тотъ не приходилъ къ нему поутру. Значитъ, случай былъ изъ ряду вонъ. Ругону надоѣло ломать голову; потер-

Digitized by Google

нѣніе мучило его, хотя онъ самъ находилъ его нелѣпымъ; онъ рѣшился идти со двора и попытаться увидѣться съ Жилькеномъ до вечера.

«Какая-нибудь пьяная чепуха,—думалъ онъ, проходя черезъ Елисейскія-Поля.—Но, по крайней мѣрѣ, я успокоюсь.

Онъ шелъ пѣшкомъ, слѣдуя предписанію доктора. День былъ чудный; ясное январьское солнце горѣло на бѣломъ небѣ. Жилькенъ жилъ уже не въ пассажѣ Гютенъ, въ Батиньолѣ, на его карточкѣ стояло: «улица Гизардъ, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ».

Ругону стоило невѣроятнаго труда отыскать эту отвратительную грязную улицу, расположенную близъ Сенъ-Сюльписъ. Онъ нашелъ въ глубинѣ темнаго проулка спящую привратницу, которая закричала ему изъ кровати голосомъ, искаженнымъ лихорадкой:

— Г. Жилькенъ?.. Ахъ!.. не знаю. Справьтесь въ четвертомъ этажѣ, налѣво.

Въ четвертомъ этажѣ имя Жилькена было написано на двери и окружено арабесками, изображавшими горящія сердца, проткнутыя стрѣлами. Но сколько онъ ни стучался, онъ слышалъ только за дверью стукъ часовъ и тихое мяуканье кошки.

Онъ заранѣе предвидѣлъ, что походъ его безполезенъ, однако онъ успокоилъ его. Онъ сошелъ съ лѣстницы, облегченный, говоря себѣ, что теперь будетъ терпѣливо дожидаться вечера. Выйдя на улицу, онъ замедлилъ шаги; перешелъ черезъ Сенъ-Жерменскій рынокъ и пошелъ по Сенской улицѣ, безъ всякой цѣли. Онъ уже усталъ немного, однако рѣшилъ вернуться домой пѣшкомъ, и, дойдя до улицы Жакобъ, вспомнилъ про Шарбоннелей. Онъ уже дней десять не видѣлъ ихъ, они дулись на него. Тутъ онъ рѣшился зайти къ нимъ на минутку, пожать имъ руку. Въ это утро погода была такая теплая, что онъ чувствовалъ себя совсѣмъ размягченнымъ.

Комната Шарбоннелей въ отелѣ Перигоръ выходила на дворъ, темный колодезь, откуда поднимался удушливый запахъ. Комната была мрачна, велика, съ хромой мебелью изъ краснаго дерева и истасканными занавѣсами изъ краснаго дама. Когда Ругонъ вошелъ, m-me Шарбоннель складывала свои платья и укладывала ихъ въ большой чемоданъ, между тѣмъ какъ Шарбоннель, обливаясь потомъ и напрягая всѣ силы, затягивалъ ремни другого чемодана, поменьше.

— Итакъ, вы уѣзжаете?—спросилъ Ругонъ, улыбаясь.

Digitized by Google

— О, да,—отвѣчала m-me Шарбоннель съ глубокимъ вздохомъ:—на этотъ разъ наше рѣшеніе неизмѣнно.

Однако они засуетились вокругъ него, очень польщенные его визитомъ. Всѣ стулья были завалены платьемъ, бѣльемъ, корзинами, биткомъ набитыми. Онъ сѣлъ на кровать и сказалъ съ добродушнымъ видомъ:

— Не безпокойтесь! мнѣ очень хорошо тутъ; продолжайте заниматься своимъ дѣломъ; я не хочу вамъ мѣшать... Вы уѣзжаете съ восьмичасовымъ поѣздомъ?

—Да, съ восьмичасовымъ поѣздомъ,—отвѣчалъ Шарбоннель.—Намъ остается еще провести шесть часовъ въ Парижѣ... Ахъ! долго будемъ мы его помнить, m-r Ругонъ!

И тутъ онъ, говорившій обыкновенно очень мало, наговорилъ всякихъ ужасовъ, дошелъ до того, что погрозилъ кулакомъ въ окно, говоря, что надо забраться въ этакой городъ, чтобы сидѣть въ потёмкахъ у себя комнатѣ въ два часа пополудни. Грязный день, проникавшій изъ узкаго колодца-двора—вотъ вамъ Парижъ. Но, слава-Богу, онъ вернется на солнышко въ свой садикъ въ Плассанѣ. И оглядѣлся вокругъ, чтобы видѣть, не забылъ ли чего. Утромъ онъ купилъ «Указатель» желѣзныхъ дорогъ. На каминѣ въ жирной бумагѣ лежалъ цыпленокъ, котораго они купили себѣ на дорогу.

—Душа моя,—повторялъ онъ,—хорошо ли ты осмотрѣла всѣ ящики?... У меня стояли туфли въ ночномъ столикѣ... Кажется, какія-то бумаги запали за комодъ...

Ругонъ, сидя на кровати, съ странной грустью глядѣлъ на приготовленія къ отъѣзду этихъ двухъ стариковъ, которые дрожащими руками укладывали свои вещи. Ему чудился нѣмой упрекъ въ ихъ волненіи. Вѣдь онъ задержалъ ихъ въ Парижѣ, и вотъ это кончилось безусловной неудачей, настоящимъ бѣгствомъ.

— Напрасно уѣзжаете,—пробормоталъ онъ:

У m-me Шарбоннель вырвался умоляющій жестъ, которымъ она какъ-бы просила его молчать. Она живо заговорила:

— Послушайте, m-er Ругонъ, не обѣщайте намъ ничего. Нашему несчастью не будетъ такимъ образомъ конца... Когда я подумаю, что мы два съ половиною года прожили здѣсь! Два съ половиною года—Боже мой!—въ этой трущобѣ!... Я нажила здѣсь ревматизмъ въ лѣвой ногѣ; я спала у стѣны, а она сырая, пресырая... Нѣтъ, всего не перескажешь. Это было бы слишкомъ долго. Мы прожили бѣшеныя деньги. Вотъ вчера, глядите, я должна была купить этотъ большой чемоданъ, чтобы уложить все, что мы купили въ Парижѣ, всякія платья, скверно сшитыя, и

Digitized by Google

бѣлье, которое приходило ко мнѣ отъ прачки въ лохмотьяхъ.... Ахъ! ужъ о чемъ я не пожалѣю, такъ это о вашихъ прачкахъ! Онѣ все сжигаютъ своей кислотой.

И сунула кучу тряпокъ въ чемоданъ, крича:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы уѣдемъ. Видите ли, я умру, если пробуду здѣсь еще одинъ лишній часъ.

Но Ругонъ съ непонятнымъ упрямствомъ заговорилъ объ ихъ дѣлѣ. Имъ сообщили, значитъ, очень худыя новости? Тутъ Шарбоннели разсказали ему чуть не плача, что наслѣдство ихъ кузена Шевассю окончательно ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Государственный совѣтъ готовится разрѣшить сестрамъ Св. Семейства принять даръ пятисотъ тысячъ франковъ. И что окончательно обезнадежило ихъ, такъ это извѣстіе о вторичномъ пріѣздѣ монсиньора Рошера, который прибылъ за тѣмъ, чтобы поторопить дѣломъ.

Вдругъ Шарбоннель, въ припадкѣ внезапнаго отчаянія, бросилъ затягивать чемоданъ и принялся ломать руки, повторяя разбитымъ голосомъ:

— Пятьсотъ тысячъ франковъ! пятьсотъ тысячъ франковъ!

Уныніе овладѣло обоими. Они усѣлись; мужъ на чемоданѣ, жена на узлѣ съ бѣльемъ, и начали причитать жалобно и пространно; когда одинъ умолкалъ, другая продолжала. Они припоминали о своей привязанности къ кузену Шевассю, какъ они его любили. Правда однако заключалась въ томъ, что они уже семнадцать лѣтъ не видѣлись съ нимъ, когда узнали объ его смерти. Но въ настоящую минуту они искренно умилялись, воображая, что окружали его неусыпными попеченіями во время его болѣзни. Потомъ стали обвинять сестеръ Св. Семейства въ гнусныхъ продѣлкахъ; онѣ обошли ихъ родственника, устранивъ отъ него всѣхъ его друзей и запугивая его больное воображеніе. М-me Шарбоннель, которая была, однако, набожной женщиной, разсказала даже страшную исторію, по которой выходило, будто ихъ кузенъ Шевассю умеръ отъ страха, послѣ того, какъ написалъ завѣщаніе подъ диктовку патера, показавшаго ему чорта у его постели. Что касается фоверольскаго епископа, монсиньора Рошера, то онъ нехорошее дѣло затѣялъ, участвуя въ ограбленіи двухъ честныхъ людей, извѣстныхъ всему Плассану добросовѣстностью, съ которой они накопили небольшое состояніе торговлей масломъ.

— Но, быть можетъ, не все еще потеряно,—сказалъ Ругонъ, видя, что они начинаютъ какъ будто-бы сдаваться.—Монсиньоръ Рошеръ вѣдь не Богъ... Я не могъ заняться вашимъ дѣломъ

Digitized by Google

это время. У меня столько хлопотъ! Дайте-ка мнѣ поглядѣть, на чемъ дѣло остановилось. Я не хочу, чтобы насъ съѣли.

Шарбоннели переглянулись, пожимая плечами. Мужъ пробормоталъ:

— Не стоитъ труда, м-г Ругонъ.

И такъ какъ Ругонъ настаивалъ, божась, что употребитъ всѣ усилія, что не хочетъ, чтобы они уѣзжали ничего не добившись, то жена повторила:

— Нѣтъ, не стоитъ труда. Вы даромъ только потратите время.... Мы говорили о васъ съ нашимъ адвокатомъ. Онъ разсмѣялся и сказалъ, что въ настоящую минуту вы не въ силахъ бороться съ монсиньоромъ Рошеромъ.

— Если сила не на нашей сторонѣ, то что прикажете дѣлать?—сказалъ въ свою очередь Шарбоннель.

— Лучше уступить.

Ругонъ опустилъ голову. Слова стариковъ были для него настоящей пощечиной. Никогда еще его безсиліе не было ему такъ тяжко.

Между тѣмъ м-ме Шарбоннель продолжала.

— Мы вернемся въ Плассанъ. Это будетъ гораздо благоразумнѣе... О! мы нисколько не въ претензіи на васъ, м-г Ругонъ. Когда увидимся съ м-ме Федситэ, вашей матушкой, мы скажемъ ей, что вы расцинались за насъ. И если и другіе станутъ насъ разспрашивать, то не бойтесь, мы-то ужъ васъ никому не выдадимъ. Вѣдь, никто не можетъ сдѣлать то, что свыше его силъ, неправда ли?

Это было верхомъ униженія. Онъ представлялъ себѣ появленіе Шарбоннелей въ провинціи. Къ вечеру весь городъ сплетничалъ бы безъ умолку. Это было для него личной неудачей, пораженіемъ, отъ котораго ему не оправиться въ теченіе долгихъ лѣтъ.

— Останьтесь!—закричалъ онъ:—я хочу, чтобы вы оставались!.. Увидимъ, удастся ли монсиньору Рошеру проглотить меня живымъ!

Онъ засмѣялся злымъ смѣхомъ, который испугалъ Шарбоннелей. Однако, они не съ разу сдались. Наконецъ, согласились остаться еще нѣкоторое время въ Парижѣ, съ недѣлю, не болѣе. Мужъ старательно развязывалъ веревки, которыми затянулъ маленькій чемоданчикъ; жена зажгла свѣчу, хотя не было еще и трехъ часовъ, чтобы уложить платья и бѣлье въ комодъ. Прощаясь съ ними, Ругонъ дружески пожалъ имъ руку и возобновилъ свои обѣщанія.

Digitized by Google

На улицѣ, пройдя десять шаговъ, онъ въ этомъ раскаялся. Къ чему удержалъ онъ Шарбоннелей, которые забрали себѣ въ голову уѣхать? Отличный былъ случай отдѣлаться отъ нихъ, а теперь онъ болѣе чѣмъ когда-либо обязался выиграть ихъ тяжбу. И всего болѣе сердился онъ на самого себя, сознавая тщеславныя причины, заставившія его дѣйствовать такимъ образомъ. Такое поведеніе казалось ему недостойнымъ его силы. Но какъ бы то ни было, онъ обѣщалъ и долженъ теперь похлопотать за нихъ. Если онъ вернется къ управленію, то ему будетъ очень легко поддержать искъ стариковъ. Онъ дошелъ улицу Бонапартъ, повернулъ на набережную и перешелъ черезъ улицу Св. Отцовъ.

Погода была все еще теплая. Съ рѣки однако поднимался очень рѣзкій вѣтерокъ. Онъ былъ уже посреди моста и плотнѣе застегивалъ свое пальто, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой толстую даму, закутанную въ мѣха, которая преградила ему дорогу. По голосу онъ узналъ m-me Коррёръ.

— Ахъ! это вы?—произнесла она жалобнымъ тономъ.—Ужъ только потому, что случайно наткнулась на васъ, такъ согласна пожать вашу руку... А то бы ни за что къ вамъ сама не пошла. Нѣтъ, вы совсѣмъ не любезны.

И стала упрекать его за то, что онъ ничего не предпринимаетъ по тому дѣлу, о которомъ она давно уже хлопотала. Дѣло шло все о той же дѣвицѣ, Эрмини Билькокъ, бывшей воспитанницѣ Сенъ-Дени, на которой соглашался жениться ея соблазнитель, офицеръ, если какая-нибудь сострадательная душа дастъ необходимое приданое. Къ тому же, всѣ знакомыя преслѣдуютъ ее: вдова Летюръ ждетъ разрѣшенія открыть табачную лавочку; другія: m-me Шардонъ, m-me Тестаньеръ, m-lle Жалагье, ежедневно приходятъ къ ней плакаться на свою нищету и напоминать ей объ ея обѣщаніяхъ.

— Я, вѣдь, разсчитывала на васъ,—докончила она—Ахъ! вы поставили меня въ очень затруднительное положеніе!..... Вотъ, и теперь я иду въ министерство народнаго просвѣщенія хлопотать о стипендіи для маленькаго Жалагье. Вы, вѣдь мнѣ обѣщали эту стипендію.

Она вздохнула и пробормотала:

— Да, нечего дѣлать, всѣмъ намъ приходится обивать чужіе пороги, такъ какъ вы не хотите быть нашимъ заступникомъ.

Ругонъ, котораго безпокоилъ вѣтеръ, поднималъ плечи, глядя внизъ подъ мостъ, на пристань св. Николая, гдѣ копошился торговый людъ. Слушая m-me Коррёръ, онъ въ то же время слѣ-

Digitized by Google

дилъ за небольшой шлюпкой, нагруженной сахарными головами, которую рабочіе разгружали, скатывая головы по деревянному желобку на набережную. Человѣкъ двѣсти наблюдали съ набережной за этой операціей.

— Я ничего не знаю, я ничего не могу сдѣлать,—отвѣчалъ онъ.—Напрасно вы сердитесь на меня.

Но она возразила увѣреннымъ тономъ:

— Полноте! я васъ знаю! Вамъ стóитъ только захотѣть, и вы будете всѣмъ... Не хитрите, Эженъ!

Онъ не могъ сдержать улыбки. Фамильярность m-me Мелани, какъ онъ ее звалъ въ былое время, напомнила ему отель Ванó, когда у него не было сапогъ и онъ завоевывалъ Францію. Онъ позабылъ объ упрекахъ, которыми осыпалъ себя послѣ того, какъ разстался съ Шарбоннелями.

— Ну въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ съ добродушнымъ видомъ...—Но, пожалуйста, не будемъ стоять на мѣстѣ. Здѣсь совсѣмъ замерзнешь. Такъ какъ вы идете въ улицу Гренель, то я провожу васъ до конца моста.

И, повернувъ назадъ, пошелъ рядомъ съ m-me Коррёръ, не предложивъ ей однако руки. Та же пространно описывала ему свои горести.

— Что касается другихъ, то, въ сущности, мнѣ наплевать на нихъ! Барыни мои могутъ подождать... Я бы не мучила васъ и была бы весела по прежнему, помните! еслибы у меня самой не было крупныхъ неудовольствій. Что дѣлать? терпишь, терпишь, да и обозлишься подъ конецъ. Боже мой! братъ мой донимаетъ меня. Бѣдный Мартинó! жена совсѣмъ сбила его съ толку. Онъ сталъ совсѣмъ безчувственнымъ человѣкомъ.

И съ мельчайшими подробностями передала о новой попыткѣ къ примиренію, которую сдѣлала-было на прошедшей недѣлѣ. Чтобы узнать о томъ, какъ относится къ ней братъ, она вздумала послать въ Куланжъ одну изъ своихъ пріятельницъ, ту самую дѣвицу Эрмини Биллькокъ, о замужствѣ которой хлопотала въ теченіи двухъ лѣтъ.

— Путешествіе ея стоило мнѣ двѣсти-пятьдесятъ франковъ,— продолжала она. — Ну, и знаете ли, какъ ее приняли? M-me Мартинó набросилась на нее съ пѣной у рта, крича, что если я стану подсылать разныхъ шлюхъ къ брату, то она велитъ арестовать ихъ жандармамъ... Моя бѣдная Эрмини такъ дрожала, когда я встрѣтила ее на Монпарнасскомъ дебаркадерѣ, что я вынуждена была отвезти ее въ кофейню, чтобы она выпила чего-нибудь.

Digitized by Google

Они дошли до конца моста. Прохожіе толкали ихъ. Ругонъ старался утѣшить ее, искалъ ласковыхъ словъ.

— Все это очень досадно. Но братъ вернется къ вамъ, увидите. Время все улаживаетъ.

Она остановилась на троттуарѣ, выжидая покуда проѣдутъ катившіяся мимо съ грохотомъ кареты, и потомъ онъ снова пошелъ небольшими шагами. Она послѣдовала за нимъ, повторяя:

— Въ день смерти Мартино́, она способна все сжечь, если онъ оставитъ завѣщаніе... Бѣдняга совсѣмъ плохъ; одни кости да кожа. Эрмини нашла, что у него очень нехорошій видъ... Словомъ, я очень безпокоюсь.

— Ничего сдѣлать нельзя, пока надо подождать,—сказалъ Ругонъ съ неопредѣленнымъ жестомъ.

Она снова остановила его посреди моста и, понизивъ голосъ, проговорила:

— Эрмини сообщила мнѣ странныя вещи. Кажется, что Мартино́ запутался въ политику. Онъ республиканецъ. На послѣднихъ выборахъ онъ возмутилъ весь край... Это меня сразило. Гмъ! вѣдь его могутъ потревожить?

Наступило молчаніе. Она глядѣла на него страннымъ взглядомъ. Онъ замигалъ глазами, словно желалъ избѣжать ея взгляда, и произнесъ съ невиннымъ видомъ:

— Успокойтесь. У васъ есть друзья, не забудьте, разсчитывайте на нихъ.

— Я разсчитываю только на васъ, Эженъ,—проговорила она нѣжно и очень тихо.

Онъ былъ какъ будто тронутъ. И въ свою очередь поглядѣвъ ей прямо въ лицо, нашелъ ее трогательной, съ ея жирной шеей и размалеванной маской красивой женщины, не хотѣвшей стариться. Она напоминала ему его молодость.

— Да, разсчитывайте на меня,—отвѣтилъ онъ, сжимая ей руки.—Вы знаете, что я готовъ стоять за васъ горой.

И проводилъ ее до набережной Вольтера. Когда она оставила его, онъ снова перешелъ черезъ мостъ, поглядѣлъ на сахарныя головы, которыя разгружали на пристани св. Николая. Онъ даже облокотился на минуту на парапетъ. Но головы сахара, скатывавшіяся по деревяннымъ желобкамъ, зеленая вода, непрерывной струей пробѣгавшая подъ сводами моста, зѣваки, дома́—все вскорѣ перепуталось, слилось въ одну неопредѣленную, смутную грезу. Онъ думалъ о самыхъ разныхъ вещахъ, вмѣстѣ съ m-me Коррёръ забирался въ темную глубь временъ. Онъ больше ни о чемъ не сожалѣлъ, его мечтой было стать очень

Digitized by Google

великимъ, очень могущественнымъ, чтобы удовлетворить всѣхъ тѣхъ, кто его окружалъ, удовлетворить свои мѣры и вожделѣнности.

Дрожь вывела его изъ неподвижности. Зубы стучали у него отъ холода. Ночь сгущалась, съ рѣки поднимался бѣлый паръ. Проходя по Тюльерійской набережной, онъ почувствовалъ себя очень утомленнымъ. Ему вдругъ стало лѣнь идти домой пѣшкомъ. Но проѣзжавшіе мимо фіакры были не свободны, онъ уже отчаявался найти извощика, какъ вдругъ увидѣлъ кучера, остановившаго свою лошадь прямо передъ нимъ. Изъ окна кареты высунулась голова. То былъ Канъ, крикнувшій ему:

— Я ѣхалъ къ вамъ. Садитесь! Я васъ довезу, и мы потолкуемъ.

Ругонъ влѣзъ въ его карету. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ бывшій депутатъ разразился цѣлымъ потокомъ словъ, несмотря на толчки экипажа, лошадь котораго снова поплелась рысцой вдоль набережной.

— Ахъ! мой другъ, мнѣ сейчасъ предложили одну вещь... Вы ни за что не угадаете, что́ именно. Я просто задыхаюсь.

И спустивъ стекло въ каретѣ:

— Вы позволите, неправда ли?—добавилъ онъ.

Ругонъ откинулся въ уголъ и глядѣлъ въ окно кареты на сѣрую стѣну Тюльерійскаго сада, пробѣгавшую мимо нихъ. Канъ, очень красный, продолжалъ съ отрывистыми жестами:

— Вы знаете, я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ... Вотъ уже два года, какъ я борюсь ожесточенно. Я три раза видѣлся съ императоромъ, и теперь собираюсь подать ему четвертый мемуаръ. Если я и не получилъ концессіи на желѣзную дорогу, за то не допустилъ Марси передать ее восточной компаніи... Словомъ, я дѣйствовалъ такъ, чтобы сохранить выжидательное положеніе, пока сила окажется на нашей сторонѣ.

Онъ умолкъ на минуту, голосъ его былъ заглушенъ отчаяннымъ стукомъ телѣги, нагруженной желѣзомъ, проѣзжавшей вдоль набережной. Потомъ, когда карета обогнала телѣгу, онъ продолжалъ:

— Ну, вотъ сейчасъ ко мнѣ въ кабинетъ явился какой-то господинъ, мнѣ незнакомый, крупный предприниматель, и спокойно предложилъ мнѣ отъ имени директора восточной компаніи доставить мнѣ концессію, если я соглашусь отсчитать этимъ господамъ на милліонъ акцій... Что́ вы объ этомъ скажете?

— Дорогонько,—пробормоталъ Ругонъ, улыбаясь.

Канъ, качая головой, скрестивъ на груди руки, сказалъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, каковъ апломбъ у этихъ людей... Надобно было бы пересказать вамъ весь разговоръ съ предпринимателемъ. Марси за милліонъ готовъ поддерживать меня и ручается, что просьба моя будетъ удовлетворена не позже какъ черезъ мѣсяцъ. Онъ требуетъ себѣ доли, вотъ и все... А когда я упомянулъ объ императорѣ, мой баринъ улыбнулся. Онъ мнѣ сказалъ напрямки, что дѣло мое пропащее, если императоръ за меня.

Карета выѣхала на площадь Согласія. Ругонъ выглянулъ изъ своего угла, разгоряченный, съ пылавшими щеками.

— И вы, конечно, выгнали этого барина за дверь? — спросилъ онъ.

Бывшій депутатъ поглядѣлъ на него съ минуту, молча и съ очень удивленнымъ видомъ. Гнѣвъ его быстро упалъ. Онъ въ свою очередь забился въ уголъ кареты и пробормоталъ:

— А-и, нѣтъ, развѣ можно выгонять людей, не подумавши... Къ тому же, я хотѣлъ знать ваше мнѣніе. Самому мнѣ, признаюсь, хочется принять это предложеніе.

— Ни подъ какимъ видомъ, Канъ! — закричалъ Ругонъ въ бѣшенствѣ, — ни подъ какимъ видомъ!

Они заспорили. Канъ сыпалъ цифрами. Конечно, милліонная взятка велика, спору нѣтъ, но онъ могъ наверстать этотъ убытокъ различными операціями. Ругонъ не слушалъ, отказывался жестомъ слушать. Плевать ему было на деньги. Онъ не хотѣлъ, чтобы Марси положилъ себѣ въ карманъ милліонъ, потому что отдать ему этотъ милліонъ значило сознать свое безсиліе, признать себя побѣжденнымъ, оцѣнить вліяніе соперника въ несоразмѣрную цѣну, которая еще больше возвеличитъ его передъ нимъ.

— Вы видите, что онъ утомленъ, — сказалъ онъ. — Онъ идетъ на сдѣлки... Подождите еще немного, и мы получимъ концессію даромъ.

И прибавилъ почти съ угрозой:

— Мы поссоримся, предупреждаю васъ. Я не хочу допустить, чтобы кого-либо изъ моихъ друзей грабили такимъ образомъ.

Наступило молчаніе. Карета катилась по Елисейскимъ-Полямъ. Оба господина, казалось, внимательно считали деревья въ боковыхъ аллеяхъ. Канъ первый прервалъ молчаніе и сказалъ вполголоса:

— Слушайте, я ничего лучшаго не желаю, я хотѣлъ бы оставаться съ вами; но сознайтесь, что вотъ уже скоро два года...

Онъ не кончилъ и перевернулъ свою фразу.

Digitized by Google

— Конечно, вы не виноваты, у васъ руки связаны въ настоящую минуту... Дадимъ взятку, дѣло будетъ вѣрнѣе!

— Ни за что!—повторилъ Ругонъ съ энергіей.—Черезъ двѣ недѣли вы получите свою концессію, слышите?

Карета остановилась у маленькаго отеля въ улицѣ Марбёфъ. Тутъ, не выходя изъ экипажа, они потолковали еще съ минуту, точно въ кабинетѣ. У Ругона обѣдали сегодня вечеромъ Бушаръ и полковникъ Жобелэнъ. Онъ хотѣлъ оставить обѣдать и Кана, но тотъ отказался съ великимъ сожалѣніемъ, потому что уже былъ отозванъ въ другое мѣсто. Теперь Ругонъ выказывалъ еще бо́льшую горячность, чѣмъ Канъ, относительно постройки желѣзной дороги изъ Ніора въ Анжеръ. Онъ брался устроить это дѣло непремѣнно. Когда онъ вышелъ наконецъ изъ экипажа, то дружески захлопнулъ дверцу, обмѣнявшись послѣднимъ поклономъ съ бывшимъ депутатомъ.

— До свиданія, въ четвергъ, неправда ли?—закричалъ этотъ послѣдній, высовываясь изъ окна въ то время, какъ карета увозила его.

Ругонъ вернулся съ легкой лихорадкой. Онъ не могъ даже прочитать вечернихъ газетъ. Хотя было всего еще шесть часовъ, онъ пошелъ въ гостинную и тамъ дожидался гостей, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Первое солнце года, блѣдное январское солнце, произвело у него мигрень, отъ которой путались всѣ его мысли. Онъ живо помнилъ ощущенія сегодняшняго утра. Его неотступно преслѣдовали друзья, тѣ, которыхъ онъ боялся, тѣ, къ которымъ чувствовалъ постоянную привязанность; они толкали его, торопили неизбѣжной развязкой. И это не было ему непріятно; онъ находилъ, что они правы, сердясь на него, что пора дѣйствовать; онъ чувствовалъ, какъ въ немъ просыпался гнѣвъ, раздутый ихъ гнѣвомъ. Наступалъ часъ, когда ему придется избрать какое-нибудь рискованное рѣшеніе.

Вдругъ онъ вспомнилъ про Жилькена, о которомъ совершенно было-позабылъ. Онъ позвонилъ и спросилъ, не приходилъ ли «господинъ въ зеленомъ пальто» въ его отсутствіе. Слуга отвѣчалъ «нѣтъ» съ улыбкой. Тогда онъ отдалъ приказаніе провести его въ кабинетъ, если онъ придетъ вечеромъ.

— Немедленно доложить мнѣ,—прибавилъ онъ,—хотя бы мы сидѣли за столомъ.

Потомъ, такъ какъ любопытство снова проснулось въ немъ, онъ пошелъ за карточкой Жилькена. И перечелъ нѣсколько разъ: «дѣло очень спѣшное и курьёзное»,—но ничего не могъ придумать. Когда Бушаръ и полковникъ прибыли, онъ сунулъ кар-

Digitized by Google

точку въ карманъ, смущенный, раздраженный этой фразой, которая снова втемяшилась ему въ голову.

Обѣдъ былъ очень простъ. Бушаръ жилъ холостякомъ въ послѣдніе два дня, такъ какъ жена его уѣхала къ больной тёткѣ, о которой, впрочемъ, впервые упоминала. Что касается полковника, то онъ часто обѣдалъ у Ругона и въ этотъ вечеръ привелъ съ собой и Огюста, бывшаго въ отпуску. M-me Ругонъ хозяйничала съ свойственной ей молчаливой любезностью. Блюда безшумно приносились и уносились обратно. Толковали про лицейскія занятія. Столоначальникъ цитировалъ стихи Горація, напомнилъ о наградахъ, полученныхъ имъ на генеральныхъ экзаменахъ въ 1843 г. Полковникъ желалъ бы, чтобы въ лицеяхъ введена была военная дисциплина. И объяснилъ, почему Огюстъ не получилъ степени баккалавра въ ноябрѣ мѣсяцѣ: у мальчика былъ такой живой умъ, что онъ подробнѣе отвѣчалъ на вопросы профессоровъ, чѣмъ тѣ этого желали, и это раздражало этихъ господъ. Между тѣмъ какъ отецъ такимъ образомъ объяснялъ его неудачу, Огюстъ ѣлъ жаркое съ лукавой усмѣшкой довольнаго плута.

За дессертомъ звонокъ у парадной двери вывелъ Ругона изъ разсѣянности. Онъ подумалъ, что это Жилькенъ, и поспѣшно обратилъ глаза къ дверямъ, машинально складывая салфетку, въ ожиданіи доклада. Но вошелъ дю-Пуазà. Бывшій подпрефектъ усѣлся въ двухъ шагахъ отъ стола, какъ старый знакомый. Онъ зачастую приходилъ вечеромъ, спозаранку, тотчасъ послѣ обѣда, которымъ онъ пользовался въ маленькомъ пансіонѣ предмѣстья Сентъ-Оноре.

— Я съ ногъ сбился,—пробормоталъ онъ, не объясняя какими такими хлопотливыми дѣлами занимался поутру. Я бы пошелъ спать, еслибы не вздумалъ заглянуть въ газеты... Онѣ въ вашемъ кабинетѣ, Ругонъ, не правда ли?

Однако остался въ столовой и принялъ предложенную грушу и немного вина. Разговоръ зашелъ о дороговизнѣ провизіи; все въ послѣднія двадцать лѣтъ стало вдвое дороже. Бушаръ припомнилъ, что въ молодости онъ покупалъ пару голубей за пятнатцать су. Когда подали кофе и ликёръ, m-me Ругонъ удалилась. Въ салонъ вернулись безъ нея: присутствующіе не церемонились другъ съ другомъ. Полковникъ и Бушаръ сами принесли ломберный столъ къ камину, и стали играть, поглощенные глубокими соображеніями. Огюстъ перелистывалъ иллюстрированный журналъ, Дю-Пуазà куда-то исчезъ.

Digitized by Google

— Посмотрите, какая ко мнѣ игра пришла,—проговорилъ вдругъ полковникъ,—поразительная, не правда ли?

Ругонъ подошелъ и покачалъ головой. Потомъ усѣлся на мѣсто и, взявъ щипцы, собирался помѣшать въ каминѣ огонь, какъ вошелъ слуга и, подойдя къ нему, сказалъ ему на ухо:

— Пришелъ тотъ господинъ, который былъ утромъ.

Ругонъ вздрогнулъ. Онъ не слыхалъ звонка. Въ кабинетѣ онъ нашелъ Жилькена, стоявшаго съ тростью подъ мышкой и разсматривавшаго съ видомъ знатока плохую гравюру, изображавшую Наполеона на св. Еленѣ. Длинное зеленое пальто его было застегнуто съ верху до низу, на головѣ надѣта, нѣсколько на бекрень, шляпа, почти новая.

— Ну, что?—живо спросилъ Ругонъ.

Но Жилькенъ не торопился. Онъ покачалъ головой и сказалъ, глядя на гравюру:

— Ловко нарисовано!.. Ему, должно быть, чертовски скучно!

Кабинетъ былъ освѣщенъ одной лампой, стоявшей на концѣ письменнаго стола. При входѣ Ругона послышался небольшой шумъ, шорохъ бумаги за кресломъ съ высочайшей спинкой, стоявшимъ передъ каминомъ; потомъ наступила такая тишина, что можно было подумать, что то затрещала полуистлѣвшая въ каминѣ головешка. Жилькенъ не хотѣлъ садиться. Ругонъ и онъ стояли у двери, въ тѣни, бросаемой шкапомъ съ книгами.

— Въ чемъ дѣло?—переспросилъ Ругонъ.

Онъ сказалъ, что заходилъ утромъ въ улицу Гизардъ. Тогда Жилькенъ заговорилъ про свою привратницу, прекрасную женщину, которая умирала отъ грудной болѣзни, вслѣдствіе того, что нижній этажъ очень сыръ.

— Но спѣшное дѣло... какого оно рода?

— Постой! Я за этимъ пришелъ. Мы потолкуемъ... Ты всходилъ на лѣстницу и слышалъ кошку? Вообрази, что эта кошка пришла ко мнѣ съ крыши. Одну ночь, когда окно мое было открыто, я нашелъ ее на своей кровати. Она лизала мнѣ бороду. Это меня тронуло, и я оставилъ ее у себя.

Наконецъ, онъ рѣшился заговорить о дѣлѣ. Но исторія оказалась длинной. Онъ началъ съ того, что описалъ свою любовную связь съ одной гладильщицей, которой онъ понравился однажды вечеромъ при выходѣ изъ Ambigu. Бѣдной Евлаліи пришлось оставить свою мебель домовладѣльцу, потому что ее бросилъ любовникъ въ тотъ моментъ, какъ она задолжала домовладѣльцу за пять квартирныхъ сроковъ. И вотъ, такимъ образомъ, она жила уже двѣ недѣли въ одномъ отелѣ улицы Монмартръ, возлѣ

Digitized by Google

своей мастерской. И онъ ночевалъ всю недѣлю въ ея комнатѣ, во второмъ этажѣ, въ глубинѣ корридора, въ маленькой темной комнатѣ, выходившей на дворъ.

Ругонъ покорно слушалъ его.

— Три дня тому назадъ,—продолжалъ Жилькенъ,—вообрази, я принесъ пирогъ и бутылку вина... Мы поужинали въ постели, понимаешь. Мы рано ложимся спать... Евлалія встала незадолго до полночи, чтобы стряхнуть крошки, и потомъ опять захрапѣла. Такая ужъ она соня!.. Я же не спалъ. Я задулъ свѣчу и лежалъ съ открытыми глазами, когда въ сосѣдней комнатѣ поднялся споръ. Надо тебѣ сказать, что обѣ комнаты сообщаются дверью, которая теперь заколочена. Голоса понизились; спорщики какъ будто помирились; потомъ я услышалъ такой странный звукъ, что пошелъ поглядѣть въ дверную скважину... Нѣтъ, ты ни за что не угадаешь...

Онъ остановился, вытаращивъ глаза и наслаждаясь тѣмъ впечатлѣніемъ, какое разсчитывалъ произвести.

— Ихъ было двое: одинъ молодой, лѣтъ двадцати-пяти, а другой старый, которому, казалось, этакъ лѣтъ за пятьдесятъ, худой, маленькаго роста, болѣзненный. Эти молодцы разсматривали пистолеты, кинжалы, шпаги, всякаго рода новое оружіе, сталь котораго сверкала... Они шепотомъ разговаривали на какомъ-то своемъ жаргонѣ, котораго я сначала-было не понялъ, но по нѣкоторымъ словамъ догадался, что они говорятъ по-итальянски. Ты знаешь, что, вѣдь, я путешествовалъ по Италіи по торговымъ дѣламъ. Тутъ я напрягъ все свое вниманіе и понялъ въ чемъ дѣло... Эти господа пріѣхали въ Парижъ, чтобы убить императора. Вотъ что!

И, скрестивъ руки, прижимая трость къ груди, повторилъ нѣсколько разъ:

— Что? курьёзная вѣдь штука?

Вотъ то дѣло, которое казалось Жилькену курьёзнымъ. Ругонъ пожалъ плечами. Уже разъ двадцать доносили ему о заговорахъ. Но бывшій commis-voyageur пустился въ подробности.

— Ты приказывалъ сообщать тебѣ обо всемъ, что услышу. Я желаю оказать тебѣ услугу и сообщить тебѣ обо всемъ, не такъ ли? Напрасно ты дѣлаешь кислое лицо... Вѣдь, еслибы я пошелъ въ префектуру, то развѣ, ты думаешь, меня отпустили бы безъ хорошаго вознагражденія? Но только я лучше хочу угодить пріятелю. Слышишь ли, дѣло серьёзное! Ступай, разскажи объ этомъ императору, который тебя расцѣлуетъ, право слово!

Онъ уже дня три, какъ наблюдалъ за этими господами. Днемъ

Digitized by Google

приходило двое другихъ, одинъ молодой и одинъ пожилой, очень красивый, съ блѣднымъ лицомъ и длинными, черными волосами, который казался главнымъ руководителемъ. Всѣ эти люди какъ будто съ ногъ сбились отъ усталости и толковали между собой, коротко, иносказательно. Наканунѣ онъ видѣлъ, что они заряжали «маленькія машины», которыя онъ принялъ за бомбы. Онъ взялъ у Евлаліи ключъ отъ комнаты, просиживалъ по цѣлымъ днямъ безъ сапогъ и прислушивался. И съ девяти часовъ вечера устраивалъ такъ, чтобы Евлалія храпѣла, къ вящшему успокоенію этихъ господъ. По его мнѣнію, никогда не слѣдуетъ впутывать женщинъ въ серьёзныя дѣла.

Пока Жилькенъ болталъ, Ругонъ становился серьёзнѣе. Онъ вѣрилъ. Несмотря на то, что бывшій commis-voyageur былъ слегка навеселѣ и отъ него несло полынной водкой, несмотря на дикія подробности, которыми онъ пересыпалъ свой разсказъ, отъ него вѣяло правдой. И вся утренняя тревога, мучительное безпокойство, томившее его, сводилось теперь для него на предчувствіе. То волненіе, которое владѣло имъ все утро, снова охватило его,—невольное волненіе сильнаго человѣка, собирающагося поставить на карту свою жизнь.

— За этими болванами навѣрное слѣдитъ по пятамъ вся префектура,—проговорилъ онъ, прикидываясь совсѣмъ равнодушнымъ.

Жилькенъ осклабился и пробормоталъ сквозь зубы:

— Ну, префектура хорошо сдѣлаетъ, если поторопится.

И умолкъ, все еще посмѣиваясь и хлопнувъ по своей шляпѣ.

Ругонъ понялъ, что онъ не все разсказалъ, и поглядѣлъ ему прямо въ лицо. Но Жилькенъ подложилъ трость подъ мышку и отворилъ дверь, говоря:

— Какъ бы то ни было, а ты предупрежденъ. А теперь я пойду обѣдать, любезнѣйшій. Я, вѣдь, еще не обѣдалъ, все утро слѣдилъ за моими молодцами. Я голоденъ, какъ волкъ!

Ругонъ удержалъ его, предложивъ поѣсть у него, и тотчасъ же приказалъ накрыть приборъ въ столовой. Жилькенъ казался тронутымъ. Онъ затворилъ дверь кабинета и, понизивъ голосъ, чтобы слуга не могъ его слышать, проговорилъ:

— Ты добрая душа... Слушай же. Не хочу тебѣ лгать. Если бы ты худо меня принялъ, я бы пошелъ въ префектуру... Но теперь ты все узнаешь. Вѣдь это честно съ моей стороны? Ты припомнишь эту услугу, надѣюсь. Друзья все-таки друзья, что́ бы ни говорили...

Тутъ онъ нагнулся и свистящимъ голосомъ докончилъ:

Digitized by Google

— Завтра вечеромъ... передъ оперой, собираются смести съ лица земли «Бадэнге», въ ту минуту какъ онъ подъѣдетъ къ театру. Карета, адъютанты, вся клика будетъ сметена сразу.

Въ то время какъ Жильбенъ усаживался за столъ, въ столовой, Ругонъ оставался посреди кабинета неподвижный, немного блѣдный. Онъ размышлялъ, онъ колебался. Наконецъ, сѣлъ къ письменному столу и взялъ листъ бумаги; но почти тотчасъ отолкнулъ его. Одну минуту онъ какъ-бы собирался идти къ дверямъ и отдать какое-то приказаніе, но медленно вернулся на прежнее мѣсто и снова углубился въ думу, омрачившую его лицо.

Въ этотъ моментъ передъ каминомъ кресло съ высочайшей спинкой отодвинулось, и дю-Пуазá поднялся съ него, складывая газету съ спокойнымъ видомъ.

— Какъ! вы были здѣсь!—сказалъ Ругонъ грубо.

— Конечно, я читалъ газеты,—отвѣчалъ отставной подпрефектъ съ улыбкой, обнаружившей его бѣлые, неровные зубы.—Вы знали это; вѣдь вы видѣли меня, когда входили.

Эта наглая ложь положила конецъ всякимъ объясненіямъ. Оба они нѣсколько секундъ молча глядѣли другъ на друга. И такъ какъ Ругонъ замигалъ глазами въ нерѣшительности и вторично подошелъ къ бюро, дю-Пуазá сдѣлалъ небольшой жестъ, ясно говорившій: «подождите, спѣшить не зачѣмъ!» Они ни слова не сказали другъ другу и вернулись въ гостинную.

Въ этотъ вечеръ такая ссора завязалась между полковникомъ и Бушаромъ, по поводу орлеанскихъ принцевъ и графа Шамбора, что они бросили карты, божась, что никогда больше не станутъ играть другъ съ другомъ. Они усѣлись по обѣимъ сторонамъ камина съ сверкающими угровой глазами. Когда Ругонъ вошелъ, они уже примирились и наперерывъ другъ передъ другомъ превозносили его до небесъ.

— О! я не стѣсняюсь, я повторю это при немъ,—продолжалъ полковникъ.—Въ настоящее время нѣтъ другого человѣка, который былъ бы ему по плечу.

— Мы бранили васъ, слышите,—произнесъ Бушаръ съ тонкимъ видомъ.

И повернувшись къ полковнику:

— Умъ изъ ряду вонъ!—докончилъ онъ.

— Человѣкъ дѣла съ зоркимъ окомъ побѣдителей.

— Ахъ! хорошо было бы, еслибы онъ занялся нашими дѣлами!

— Да! безпорядокъ былъ бы не такъ великъ. Онъ одинъ можетъ озарить блескомъ имперію.

Digitized by Google

Ругонъ поднималъ свои широкія плечи, принимаясь недовольнымъ изъ скромности. Это кажденіе ему прямо въ лицо очень льстило ему. Ничто такъ не щекотало его тщеславія, какъ когда полковникъ и Бушаръ въ теченіи цѣлыхъ вечеровъ обмѣнивались другъ съ другомъ подобными восторженными фразами. Глупость ихъ расплывалась, лица становились забавно дурацкими; и чѣмъ пошлѣе казались они ему, тѣмъ болѣе наслаждался онъ ихъ монотоннымъ голосомъ, восхвалявшимъ его до небесъ. Порою онъ подсмѣивался надъ этимъ, когда кузены отсутствовали; но тѣмъ не менѣе лесть ихъ удовлетворяла его инстинктамъ высокомѣрія и власти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничтожный человѣкъ,—сказалъ онъ, качая головой.—Еслибы я дѣйствительно былъ такой сильной личностью, какъ вы думаете.....

Онъ не кончилъ. И сѣвъ за столъ, машинально раскинулъ пасьянсъ, что съ нимъ случалось теперь очень рѣдко. Бушаръ и полковникъ не умолкали. Они объявили, что онъ великій ораторъ, великій администраторъ, великій финансистъ, великій политикъ. Дю-Пуаза, стоя, одобрительно качалъ головой. Онъ проговорилъ наконецъ, не глядя на Ругона:

— Боже мой! нуженъ только случай... Императоръ очень расположенъ къ Ругону. Пусть завтра случится какая-нибудь катастрофа, пусть онъ почувствуетъ нужду въ энергической рукѣ — и послѣ-завтра Ругонъ министръ... Боже мой! да, это такъ!

Великій человѣкъ медленно поднялъ глаза. Онъ откинулся на спинку кресла, не докончивъ своего пасьянса; лицо его снова омрачилось. Но и въ самой задумчивости его льстивые и неумолимые голоса полковника и Бушара какъ-бы убаюкивали его и наталкивали на рѣшеніе, передъ которымъ онъ еще отступалъ. Онъ наконецъ улыбнулся, когда юный Огюстъ, докончившій пасьянсъ, вскричалъ:

— А вѣдь вышло, m-r Ругонъ.

— Чортъ побери!—замѣтилъ дю-Пуаза, повторяя обычную фразу великаго человѣка:—всегда выходитъ!

Въ эту минуту слуга пришелъ сказать Ругону, что какой-то господинъ и дама его спрашиваютъ; и подалъ ему визитную карточку, заставившую его слегка вскрикнуть:

— Какъ! они въ Парижѣ!

То были маркизъ и маркиза д'Эскорайль. Онъ поспѣшилъ принять ихъ въ кабинетѣ. Они извинились, что пріѣхали такъ поздно. Потомъ, въ разговорѣ намекнули, что уже два дня какъ находятся въ Парижѣ, но что боязнь, какъ-бы не перетолковали

Digitized by Google

ихъ визитъ къ лицу, столь близко стоящему къ правительству, заставила ихъ отложить визитъ до такого необычнаго часа. Это объясненіе нисколько не оскорбило Ругона. Появленіе маркиза и маркизы въ его домѣ было для него неожиданной честью. Еслибы самъ императоръ постучался въ его дверь, то тщеславіе его было бы не болѣе удовлетворено. Эти старики являлись какъ просители, весь Плассанъ въ ихъ лицѣ отдавалъ ему почести, аристократическій, холодный, чопорный Плассанъ, о которомъ онъ унесъ еще въ юности своей такое впечатлѣніе, какъ о недостигаемомъ Олимпѣ, и вотъ когда наконецъ удовлетворена его старинная и честолюбивая мечта! вотъ когда онъ отомщенъ за пренебреженіе къ нему родимаго города, въ которомъ онъ щеголялъ въ прорванныхъ сапогахъ адвоката безъ дѣлъ!

— Мы не застали Жюля,—сказала маркиза. — Мы собирались сдѣлать ему сюрпризъ... Онъ долженъ былъ уѣхать по дѣлу въ Орлеанъ, намъ сказали.

Ругонъ не зналъ, что молодого человѣка нѣтъ въ Парижѣ, но онъ все понялъ, вспомнивъ, что тетушка, къ которой отправилась m-me Бушаръ, жила въ Орлеанѣ. И извинился за Жюля, и даже объяснилъ, въ чемъ состояло важное дѣло, вынудившее его уѣхать. Онъ отозвался о немъ какъ объ умномъ маломъ, котораго ожидаетъ прекрасная карьера.

— Ему необходимо составить карьеру,—сказалъ маркизъ, не напирая долѣе на разореніе фамиліи. — Мы разстались съ нимъ не безъ горькаго сожалѣнія.

И въ сдержанныхъ выраженіяхъ отецъ и мать принялись оплакивать требованія нашего ужаснаго времени, мѣшавшія сыну вырости въ религіи его отцовъ. Они не бывали въ Парижѣ со времени паденія Карла X, и конечно не пріѣхали бы и теперь, еслибы дѣло не касалось будущности Жюля. Съ тѣхъ поръ, какъ дорогой мальчикъ, по ихъ тайнымъ совѣтамъ, служилъ имперіи, они прикидывались передъ обществомъ, что отреклись отъ него, но глухо и непрерывно хлопотали объ его карьерѣ.

— Мы отъ васъ не таимся, m-r Ругонъ,—продолжалъ маркизъ съ тономъ обаятельной фамильярности. — Мы любимъ нашего сына, вѣдь это вполнѣ законно... О! вы много для него сдѣлали, и мы вамъ благодарны. Но вы должны сдѣлать еще больше. Мы вѣдь друзья и земляки, не правда ли?

Ругонъ, взволнованный, поклонился. Смиренное обращеніе двухъ стариковъ, которыхъ онъ зналъ такими величественными, когда они хаживали по воскресеньямъ въ церковь св. Марка,

Digitized by Google

возвеличивала его персону въ его собственныхъ глазахъ. Онъ далъ имъ самыя положительныя обѣщанія.

Когда они распрощались, дружески пробесѣдовавъ съ нимъ въ теченіи получаса, маркиза взяла его за руку и съ минуту продержала ее въ своихъ рукахъ, бормоча:

— Значитъ, рѣшено, любезный m-r Ругонъ. — Мы нарочно пріѣхали изъ Плассана. Мы нетерпѣливы, что дѣлать! Наши годы такіе. Теперь мы вернемся домой успокоенные... Намъ говорили, что вы безсильны.

Ругонъ, провожавшій ихъ, улыбнулся. Онъ произнесъ послѣднія слова съ насмѣшливымъ видомъ, который повидимому относился къ какимъ-то сокровеннымъ мыслямъ:

— Все можно, чего захочешь... Разсчитывайте на меня.

Но когда они ушли, точно тѣнь сожалѣнія промелькнула у него на лицѣ. Онъ остановился посреди передней съ жестомъ человѣка, который бы хотѣлъ взять назадъ свои слова. И повернулся, чтобы идти въ кабинетъ, какъ вдругъ замѣтилъ въ углу какого-то субъекта, чисто одѣтаго и въ почтительной позѣ, вертѣвшаго въ рукахъ маленькую круглую, войлочную шляпу.

— Что вамъ нужно?—рѣзко спросилъ онъ у него.

Субъектъ, очень высокій, очень плотный, пробормоталъ, опуская глаза:

— Вы, сударь, не узнаете меня?

И такъ какъ Ругонъ грубо отвѣтилъ—нѣтъ:

— Я Мерль, бывшій вашъ приставъ въ государственномъ совѣтѣ,—пояснилъ онъ.

Ругонъ нѣсколько смягчился.

— А! да! Вы теперь отпустили бороду... Ну, что же вамъ нужно, мой милый?

Тогда Мерль вѣжливо объяснилъ свое дѣло, какъ человѣкъ вполнѣ приличный. Онъ встрѣтилъ утромъ m-me Коррёръ; она и посовѣтовала ему сегодня же вечеромъ идти къ m-r Ругону, иначе онъ никогда не позволилъ бы себѣ побезпокоить его въ такой часъ.

— M-me Коррёръ такая добрая,—повторялъ онъ.

Потомъ сказалъ, что находится безъ мѣста. Если онъ отпустилъ бороду, то потому, что уже съ полгода какъ вышелъ изъ государственнаго совѣта. И когда Ругонъ спросилъ о причинахъ его отставки, онъ не сознался, что его выгнали за безпорядочное поведеніе, онъ сжалъ губы и отвѣчалъ съ скромнымъ видомъ:

— Всѣмъ извѣстно было, что я вамъ преданъ. Послѣ ва-

Digitized by Google

шей отставки мнѣ дѣлали всякаго рода непріятности, потому что я никогда не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ... Однажды я чуть-было не далъ пощечины товарищу, говорившему неприличныя вещи... Меня прогнали.

Ругонъ пристально поглядѣлъ на него.

— Итакъ, мой милый, вы изъ-за меня очутились безъ мѣста.

Мерль слабо улыбнулся.

— И вы считаете, что я долженъ опредѣлить васъ куда-нибудь?

Онъ снова улыбнулся и сказалъ просто:

— Вы были бы очень добры.

Воцарилось краткое молчаніе. Ругонъ слегка похлопывалъ руками, машинальнымъ и нервнымъ движеніемъ. Онъ засмѣялся про себя, рѣшительный, облегченный. У него оказывалось слишкомъ много долговъ, онъ хотѣлъ всѣ ихъ уплатить.

— Я позабочусь о васъ, у васъ будетъ мѣсто, — проговорилъ онъ.—Вы хорошо сдѣлали, мой милый, что пришли ко мнѣ.

И отпустилъ его. Онъ больше не колебался, и вошелъ въ столовую, гдѣ Жилькенъ доканчивалъ банку съ вареньемъ, проглотивъ кусокъ пирога, ножку холоднаго цыпленка, съ холоднымъ картофелемъ. Дю-Пуазà, вошедшій къ нему, разговаривалъ съ нимъ, сидя верхомъ на стулѣ. Они толковали о женщинахъ, о томъ, какъ вѣрнѣе всего можно имъ понравиться, въ очень безцеремонныхъ выраженіяхъ. Жилькенъ сидѣлъ въ шляпѣ и, опрокинувшись на спинку стула, раскачивалъ его, ковыряя въ зубахъ зубочисткой, воображая, что такъ всегда дѣлаютъ господа.

— Ну, прощайте,—произнесъ онъ, опоражнивая свой полный стаканъ и прищелкивая языкомъ. Я отправлюсь въ улицу Монмартръ, поглядѣть, что подѣлываютъ мои птицы.

Но Ругонъ, казавшійся очень веселымъ, сталъ надъ нимъ подтрунивать. Неужели онъ все еще вѣритъ въ свои исторіи о заговорщикахъ, теперь—когда пообѣдалъ? Дю-Пуазà тоже прикидывался невѣрующимъ. Онъ условился сойтись завтра съ Жилькеномъ, котораго долженъ,—говорилъ онъ,—накормить завтракомъ. Жилькенъ, съ тростью подъ мышкой, спросилъ, какъ только могъ вставить свое слово:

— Значитъ, вы не намѣрены предупредить...

— Конечно, да!—объявилъ Ругонъ. — Хотя надо мной посмѣются, вотъ и все... Но торопиться некуда. Поспѣемъ завтра.

Старинный комми-вояжеръ уже взялся за ручку двери, но вернулся и съ усмѣшкой объявилъ:

Digitized by Google

— Знаете, вѣдь по-моему пускай взорвутъ на воздухъ «Бадэнге» и все, какъ есть! Плевать мнѣ на нихъ! Это будетъ даже веселѣе.

— О!—возразилъ великій человѣкъ съ убѣжденнымъ, почти набожнымъ видомъ, — императору нечего бояться, даже если бы вся эта исторія и оказалась справедливой. Эти замыслы никогда не удаются. Провидѣніе этого не допуститъ!

То было послѣднее слово, произнесенное между ними. Дю-Пуаза ушелъ съ Жильвеномъ, которому дружески говорилъ «ты». И когда часомъ позднѣе, въ половинѣ одиннадцатаго, Ругонъ пожималъ руки уходившимъ отъ него Бушару и полковнику, онъ потянулся, зѣвнулъ, какъ это дѣлалъ порою, говоря:

— Я чертовски усталъ, и знатно засну.

На другой день вечеромъ три бомбы лопнули подъ каретой императора, передъ оперой. Жестокая паника овладѣла толпой, собравшейся въ улицѣ Лепельтье. Болѣе пятидесяти человѣкъ было ранено. Женщина въ голубомъ шелковомъ платьѣ, убитая наповалъ, лежала на мостовой. Тамъ же отходило двое солдатъ. Адъютантъ, раненый въ затылокъ, оставилъ за собою кровавый слѣдъ. И при яркомъ газовомъ освѣщеніи, среди дыма, императоръ вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ кареты, осыпанной осколками, и раскланялся съ толпой. Только шляпа его была пробита осколкомъ бомбы.

Ругонъ спокойно просидѣлъ весь этотъ день дома. Утромъ онъ казался нѣсколько взволнованнымъ и раза два порывался выдти изъ дому. Но въ то время, какъ онъ кончалъ завтракать, пріѣхала Клоринда. Онъ просидѣлъ съ ней до самаго вечера въ своемъ кабинетѣ. Она пріѣхала посовѣтываться съ нимъ на счетъ очень запутаннаго дѣла и, казалось, совсѣмъ упала духомъ. Ей ничего не удается, говорила она. Тогда онъ принялся утѣшать ее, тронутый ея грустью, обнадеживалъ ее, намекая, что все можетъ перемѣниться. Онъ знаетъ о преданности и пропагандѣ своихъ друзей и наградитъ всѣхъ ихъ, даже самыхъ ничтожныхъ. Когда она уѣзжала отъ него, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, повторяя, что хочетъ, чтобы она была счастлива. Затѣмъ, пообѣдавъ, почувствовалъ непреодолимое желаніе идти гулять. Онъ вышелъ и взялъ кратчайшую дорогу къ набережнымъ, такъ какъ ему было душно и хотѣлось подышать свѣжимъ рѣчнымъ воздухомъ. Зимній вечеръ былъ очень тепелъ; небо, облачное и низкое, какъ-бы нависло надъ городомъ въ темномъ безмолвіи ночи. Вдали замиралъ шумъ большихъ улицъ. Онъ шелъ тихими шагами по пустыннымъ троттуарамъ, задѣвая своимъ пальто

Digitized by Google

за каменный парапетъ. Фонари, уходившіе во мракъ нескончаемой цѣпью, возбуждали въ немъ ощущеніе безконечности и простора, и по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ дальше, Парижъ казался ему больше и шире, больше ему по росту, и онъ находилъ въ немъ достаточно воздуху для своихъ легкихъ. Вода, чернильнаго цвѣта, искрясь золотыми блестками, равномѣрно и шибко дышала, точно уснувшій колоссъ. Когда онъ дошелъ до зданія суда, на часахъ пробило девять. Онъ вздрогнулъ, повернулся и прислушался. Ему показалось, что онъ слышитъ какъ надъ крышами домовъ пронеслась внезапная паника, отдаленный шумъ взрыва, крики ужаса. Парижъ вдругъ какъ-бы очнулся отъ великаго преступленія. И тутъ онъ припомнилъ то іюньское утро, ясное и торжествующее утро крестинъ, когда колокола звонили подъ яркимъ солнцемъ, набережная была залита народомъ, имперія торжествовала въ апогеѣ своей славы, а онъ въ ту минуту почувствовалъ себя какъ-бы раздавленнымъ всѣмъ этимъ торжествомъ и позавидовалъ императору. Теперь насталъ часъ его мщенія; небо безъ луны, городъ устрашенный и нѣмой, пустынныя набережныя, по которымъ пробѣгалъ трепетъ, колыхавшій пламя газовыхъ рожковъ. Точно въ потьмахъ притаилось нѣчто чудовищное. А Ругонъ, вдыхая полной грудью, привѣтствовалъ Парижъ, превратившійся въ разбойничій притонъ, и сознавалъ, что въ этомъ страшномъ мракѣ подготовляется его всемогущество.

Десять дней спустя, Ругонъ замѣстилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ де-Марси, а этотъ былъ назначенъ президентомъ законодательнаго корпуса.

А. Э.

Digitized by Google

СВѢТЪ И ТѢНИ
УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЫТА

„Чтобъ сіе зданіе (университетъ-академія) непремѣнно и полезно было, то имѣетъ оное токмо подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и само себя править“.

Петръ Великій.

I. Университеты Германіи — продуктъ ея исторіи и культурныхъ условій. — II. Отношеніе университетовъ къ администраціи. — III. Приватъ-доценты и гонорарій. — IV. Занятія студентовъ и вліяніе на нихъ штатс-экзамена. — V. Устройство русскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ.

I.

Мы привели въ эпиграфѣ знаменательныя слова Петра Великаго не потому только, что они выражаютъ лучше всего убѣжденія, желанія и надежды всѣхъ, кому близко знакомы и дороги интересы русской университетской жизни—но еще и потому, что они сказаны тѣмъ великимъ государемъ, котораго новая Россія считаетъ своимъ основателемъ, геній котораго опредѣлилъ историческій ходъ ея жизни,—и потому эти слова должны имѣть значеніе и внѣ тѣснаго университетскаго круга.

Эти слова составляютъ существенную статью въ уставѣ того учрежденія, которое должно было служить вмѣстѣ и академіей, и университетомъ.

Digitized by Google

Выражая волю Петра относительно будущей судьбы заложеннаго имъ очага русской науки, эти слова, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ какъ-бы пророчество. Они были путеводной звѣздой, озарявшей исторію русскихъ университетовъ; когда ослабѣвалъ ея свѣтъ, замедлялась и жизнь этихъ учрежденій; когда она снова возгоралась, вмѣстѣ съ нею оживали и университеты. Естественно, что русскіе университеты цѣнятъ въ приведенныхъ словахъ Петра какъ-бы завѣщаніе, которое онъ имъ оставилъ, и обращаются къ нему всякій разъ, когда предстоитъ измѣненіе въ ихъ устройствѣ и общемъ положеніи: «Чтобъ сіе зданіе (университетъ-академія) непремѣнно и *полезно* было, то имѣетъ оное токмо подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и *само себя править*».

Устройство и общее положеніе университетовъ измѣнялись у насъ подъ вліяніемъ различныхъ условій. Поводомъ къ предстоящему новому измѣненію университетскаго быта послужило, повидимому, *вліяніе Германіи*. Со времени недавняго объединенія Германіи, вліяніе ея сильно отражается на окружающихъ ее странахъ. По нѣмецкому образцу устроено школьное образованіе, отчего бы и не передѣлать русскіе университеты на нѣмецкій ладъ? Но въ чемъ состоитъ этотъ «нѣмецкій ладъ»? Изъ одного свѣта, или въ немъ есть также и тѣни?

При разрѣшеніи этого и подобныхъ ему вопросовъ необходимо всегда руководствоваться однимъ важнымъ соображеніемъ: когда заходитъ рѣчь о перенесеніи какого-либо иностраннаго учрежденія, необходимо прежде всего изучить историческій характеръ его и условія, сдѣлавшія его таковымъ. Нашъ вѣкъ требуетъ историческаго метода при изученіи явленій, наше современное знаніе заключается не въ *описаніи* только того, что̀ есть, а въ *изученіи*, какъ оно сложилось; предъ этимъ генетическимъ методомъ изученія уже преклонились и тѣ науки, которыя, казалось, по своему существу исключаютъ историческое изученіе. Историческому методу слѣдуетъ богословская наука, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ она процвѣтаетъ; ему же уступила сухая догматика римскаго права; генетическій методъ преобразилъ естественныя науки. Еще болѣе важное условіе успѣха представляетъ историческій методъ для наукъ государственныхъ и политическихъ, для государственнаго человѣка, который сравниваетъ учрежденіе своей родины съ иностранными. Есть заимствованія, которыя легко переносятся,—другія требуютъ тщательнаго изученія. Къ послѣднимъ принадлежатъ и университетскія нововведенія. Вездѣ на Западѣ, въ старинныхъ культурныхъ странахъ,

Digitized by Google

находить мы университеты, и всѣдѣ они представляютъ съ чрезвычайно различнымъ характеромъ, а между тѣмъ, всѣ они произошли изъ одного общаго источника, всѣ они представляютъ видоизмѣненія одного прототипа. Различіе ихъ произошло отъ того, что въ каждой странѣ они развивались подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ условій.

Возьмемъ для примѣра университеты трехъ главныхъ культурныхъ странъ западной Европы. Англійскіе университеты имѣютъ и теперь почти совершенно тотъ же характеръ, какой они имѣли въ средніе вѣка. Недаромъ одинъ изъ современныхъ ученыхъ Англіи назвалъ ее музеемъ феодализма. И университеты сохранили характеръ, который они приняли подъ вліяніемъ феодальной эпохи. Они составляютъ корпорацію, отъ которой слѣдно отскакивало вліяніе государственной власти. Они составляютъ учебныя заведенія для тѣхъ двухъ классовъ, которые одни учились въ средніе вѣка—для духовенства и дворянства. Старые англійскіе университеты и теперь приноровлены къ тому, чтобы старшаго сына какого-либо землевладѣльца сдѣлать джентльменомъ, а младшаго такимъ же джентльменомъ духовнаго сана. За то Франція, страна государственной власти и централизаціи, представляетъ намъ университеты, на которыхъ ясно отразились эти существенные элементы французской цивилизаціи. Франція въ сущности всегда имѣла только одинъ университетъ—въ столицѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ революція освободила государство отъ средневѣковыхъ остатковъ, эти формы исчезли также въ университетахъ. Умственныя движенія XVIII вѣка и революція произвели расколъ во французскомъ обществѣ, и этотъ расколъ въ нашихъ глазахъ выразился въ томъ, что рядомъ съ государственными университетами возникъ цѣлый рядъ новыхъ клерикальныхъ—исключительно зависящихъ отъ церкви.

Иной опять характеръ представляютъ университеты Германіи. На нихъ отразились существенныя черты исторіи этой страны: упорное господство средневѣковыхъ формъ, дробленіе политической жизни, расколъ, произведенный реформаціею, и энергическая дѣятельность государственной власти въ послѣдніе вѣка для искорененія средневѣковаго строя. Германскіе университеты признаются въ наше время лучшими по ихъ результатамъ, однако ихъ устройство не принимается ни Франціей, ни Англіей; съ другой стороны, это устройство издавна существуетъ, а между тѣмъ германскіе университеты вошли въ славу только съ конца прошлаго вѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что типъ германскаго университета есть индивидуальный типъ, сложившійся на извѣстной

Digitized by Google

національной почвѣ, а не идеальный типъ—въ смыслѣ идеаловъ Платона, къ которымъ должны по возможности приближаться для своего усовершенствованія всѣ однородные предметы, представляющіе только уклоненіе отъ своего первообраза. Итакъ, по нашему мнѣнію, недостаточно разсматривать германскіе университетскіе порядки отвлеченно, безсвязно, какъ универсальныя формы, которыя только стóитъ примѣнить къ намъ, чтобы достигнуть успѣха, но нужно изучить ихъ въ ихъ историческомъ развитіи, въ связи съ тѣми условіями, которыя наложили на нихъ свою печать.

Университеты при своемъ возникновеніи имѣли чисто-средневѣковой характеръ свободныхъ ассоціацій, получавшихъ привилегію отъ мѣстныхъ властей или церкви. Ассоціаціи состояли изъ учителей и учениковъ, связанныхъ чисто практическими цѣлями—ученики платили учителямъ, потомъ признавались *мастерами* (magistri) и получали сами право учить другихъ. Привилегіи были нужны этимъ ассоціаціямъ (universitates), подобно тому какъ и другимъ ремесленнымъ и промышленнымъ цехамъ, для огражденія себя отъ произвола и насилія, и для того, чтобы самимъ управлять своими дѣлами.

Въ Италіи университеты сами возникали и пускали корни; въ Германіи не было почвы для такого самопроизвольнаго зарожденія: тамъ они основывались государями, но въ уставныхъ грамотахъ для своихъ университетовъ эти государи сохраняли за ними характеръ корпорацій и мало вмѣшивались въ ихъ внутреннюю жизнь. Реформація измѣнила это отношеніе государей къ университетамъ. Отстаивая ученіе или принимая новое ученіе, государи должны были опираться на университеты: «тогда,—говоритъ одинъ изъ ихъ историковъ [1]),—университеты сдѣлались въ первый разъ орудіемъ власти (instrumenta dominationis), князья отчасъ овладѣли правомъ опредѣлять по своему произволу или изгонять профессоровъ сначала богословскихъ, а потомъ и другихъ; эта легкость измѣнять исповѣданіе цѣлой страны посредствомъ назначенія или удаленія трехъ-четырехъ профессоровъ вызвала территоріальную систему со всѣми ея принципами и, что̀ тогда сталось съ нѣмецкой имперіей, съ свободой, націей, съ правами старыхъ чиновъ, какъ на сторонѣ католиковъ, такъ и протестантовъ—изображать это было бы слишкомъ неутѣшительно». Вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ религіозной борьбы и давленія государства, университеты уклонились отъ своего настоящаго

[1]) Döllinger: Die Universitäten sonst und jetzt, p. 13.

Digitized by Google

назначенія, въ нихъ надолго застыла духовная жизнь. Грубость студенческихъ нравовъ достигла ужасающихъ размѣровъ; лѣность профессоровъ должна была поощрять распущенность студентовъ. «Что мнѣ сказать о моихъ занятіяхъ, я не знаю,—пишетъ въ 1698 году одинъ студентъ изъ Тюбингена:—лекцій у насъ не читается и учиться можно, поэтому, только по книгамъ; мы живемъ здѣсь въ постоянномъ бездѣльничаньи, во весь этотъ семестръ не прочитано и шести публичныхъ лекцій». Кромѣ этихъ нравовъ, низкому состоянію университетской науки содѣйствовалъ тогдашній методъ преподаванія, заключавшійся въ сухомъ диктованіи и постоянныхъ безплодныхъ диспутахъ, какъ, напримѣръ, о томъ, былъ ли первою одеждою Адама овечій тулупъ. До какого паденія достигли нѣмецкіе университеты въ концѣ XVII вѣка, лучше всего свидѣтельствуетъ отношеніе къ нимъ Лейбница. Этотъ замѣчательный человѣкъ, съ жаромъ хватавшійся за всякое дѣло, обѣщавшее содѣйствовать успѣху наукъ и цивилизаціи, былъ совершенно равнодушенъ къ университетамъ. Онъ такъ мало ожидалъ отъ нихъ, что между его безчисленными проектами нѣтъ ни одного, сколько намъ извѣстно, о реформѣ университета. Заботясь объ успѣхахъ математическихъ и естественныхъ наукъ, которыя въ то время начали процвѣтать, Лейбницъ въ этомъ отношеніи возлагалъ всѣ свои надежды на академіи и вездѣ хлопоталъ объ учрежденіи таковыхъ.

Впрочемъ, несмотря на это паденіе университетовъ, судьба ихъ была очень различна, смотря по тому, находились ли они въ протестантской части Германіи, или въ католическихъ ея областяхъ. Послѣдніе, отданные ихъ государями на жертву іезуитамъ, особенно пострадали, и болѣе всѣхъ изъ нихъ вѣнскій университетъ. Правительство своею опекою совершенно превратило этотъ университетъ въ школу, вмѣшиваясь не только во внутреннее устройство, но и въ область преподаванія, и предписывая профессорамъ, по какимъ учебникамъ имъ преподавать.

За то нигдѣ не нашелъ себѣ столько дѣла просвѣщенный деспотизмъ, какъ въ Австріи и особенно въ вѣнскомъ университетѣ. Исторія этого университета при Маріи-Терезіи, и особенно при Іосифѣ II, чрезвычайно поучительна: она доказываетъ, какъ мало, въ сущности, пользы для науки можно ожидать отъ самой просвѣщенной регламентаціи, когда она не согласна съ окружающими условіями и когда она хочетъ создать науку, такъ сказать, по командѣ. Уставъ смѣнялся уставомъ, императоръ самъ вступалъ въ пререканія съ лицами, управлявшими университетомъ, лично писалъ регламенты, распредѣлялъ между профессо-

Digitized by Google

рами предметы и даже составлялъ росписаніе часовъ. Но все было напрасно: за нѣсколько дней до смерти, Іосифъ сознался, что онъ чрезвычайно разочарованъ добытыми результатами, и собирался организовать университетское преподаваніе на совершенно новыхъ основаніяхъ [1]).

Совершенно иная была судьба сѣверныхъ, протестантскихъ университетовъ. Просвѣщенный деспотизмъ мало для нихъ сдѣлалъ, и великій представитель его, Фридрихъ II, оставался къ нимъ чрезвычайно равнодушенъ. Но тѣмъ не менѣе, въ теченіи XVIII-го вѣка университеты начали постепенно возвышаться. Причина этого возвышенія заключается не въ ихъ уставахъ, не въ распоряженіяхъ правительствъ, но въ измѣнившихся культурныхъ условіяхъ страны и направленіи умовъ. Хотя эти университеты и служили два вѣка церкви, но протестантская церковь, по своей организаціи, не имѣла средствъ удержать ихъ въ этомъ служебномъ положеніи. Да и по своему существу, эта церковь, возникшая вслѣдствіе толкованій разума и приложенія науки къ основнымъ положеніямъ католицизма, не была въ состояніи долго противиться примѣненію этихъ началъ къ ней самой. Но, кромѣ того, въ нѣмецкіе университеты съ половины XVIII-го вѣка стали проникать другіе могущественные интересы. Латинскій языкъ уступилъ національному; новая медицина, основанная не на схоластическомъ изученіи классическихъ медиковъ, а на наблюденіи, проникла туда изъ Голландіи; къ концу вѣка, возродившаяся въ нѣмецкихъ университетахъ философія вдохнула въ нихъ новую жизнь, и послѣдствіемъ ея вліянія было высокое развитіе историческихъ и юридическихъ наукъ. Внѣ университетовъ зародилась національная литература, она пробудила духъ націи и этимъ содѣйствовала также оживленію университетовъ. Извѣстно, какъ повліяла на университеты тяжелая борьба, которую должна была вынести Германія за свое политическое и національное существованіе, и какъ высоко стояли университеты послѣ войны за освобожденіе. Но тутъ снова дало себя почувствовать вліяніе государственной политики, мало заботившейся объ интересахъ науки. Въ первой половинѣ нашего вѣка государственная власть Германіи преслѣдовала цѣли, діаметрально противоположныя стремленіямъ просвѣщеннаго деспотизма XVIII-го вѣка. Университеты были подчинены, въ силу карлсбадскихъ постановленій, особому надзору, дѣятельная, мелочная регламентація опутала универси-

[1]) Billroth, Ueber das Lehren und Lernen der Medicinischen Wissenschaften. Wien. 1876. Ss. III.

Digitized by Google

тетскую жизнь, и нѣтъ, можно сказать, въ исторіи Пруссіи болѣе жалкихъ страницъ, какъ тѣ, на которыхъ напечатаны распоряженія министерства цивилизаціи (cultus) по отношенію къ университетамъ. Германскіе университеты, однако, въ сущности мало пострадали отъ государственной опеки XIX-го вѣка, какъ они мало выиграли отъ нея въ предшествующемъ вѣкѣ, ибо рядомъ съ государствомъ и наука уже возвысилась на степень самостоятельнаго національнаго интереса и, кромѣ того, то обстоятельство, которое было главнымъ препятствіемъ на пути политическаго развитія Германіи, послужило къ охраненію ея научнаго процвѣтанія—партикуляризмъ. Политическое раздробленіе Германіи было причиною того, что еще въ XIV-мъ вѣкѣ въ ней возникло нѣсколько университетовъ, въ XV-мъ число ихъ достигло до 14-ти; государи, прелаты, города, однимъ словомъ, всѣ чины хотѣли имѣть свой университетъ, и съ такимъ самоотверженіемъ, что, напримѣръ, Эрфуртъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ университетомъ, хотя въ немъ было больше профессоровъ, чѣмъ студентовъ. Религіозное движеніе XVI-го вѣка заставило государственную власть еще болѣе заботиться объ устройствѣ у себя университетовъ, а развившаяся послѣ вестфальскаго мира территоріальная политика дала новый толчокъ этому стремленію. Съ XVIII-го вѣка было недостаточно основать у себя университетъ: главная забота должна была заключаться въ томъ, чтобы какъ можно лучше обставить свой университетъ. Чему мѣшали въ прежнее время религіозныя страсти, то сдѣлалось возможнымъ въ XVIII-мъ вѣкѣ; можно было приглашать ученыхъ со всѣхъ концовъ Германіи, не обращая вниманія на ихъ убѣжденія. Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ изгналъ изъ своего государства философа Вольфа, по доносу нѣкоторыхъ богослововъ, этимъ тотчасъ воспользовался курфюрстъ гессенскій, чтобы прославить свой Марбургъ; а когда чрезъ нѣсколько времени король увидѣлъ, что онъ напрасно погорячился, этотъ бережливый монархъ не поскупился предложить Вольфу 2000 талеровъ ежегоднаго жалованья, чтобы его снова переманить къ себѣ. Этотъ партикуляризмъ и это соревнованіе между правительствами было главною причиною того, что нѣмецкіе университеты такъ мало почувствовали бюрократическое давленіе, вызванное соображеніями меттерниховской системы.

Отношеніе государственной власти къ германскимъ университетамъ, въ продолженіи пятивѣковой исторіи ихъ, можно привести такимъ образомъ къ слѣдующему положенію. Первые университеты, основанные въ Германіи, были болѣе личными учреж-

Digitized by Google

деніями государей, чѣмъ государственными учрежденіями въ нашемъ смыслѣ. Государи личными средствами обезпечивали до извѣстной степени содержаніе профессоровъ, подобно тому, какъ въ прежнее время они жертвовали на монастыри, остальное же предоставлялось добровольному соглашенію членовъ корпораціи, профессоровъ и студентовъ. Религіозная борьба заставила государей увеличить зависимость главныхъ представителей корпораціи — ординарныхъ профессоровъ — отъ правительства. Дальнѣйшее развитіе государственной власти, враждебное средневѣковымъ корпораціямъ, побуждало правительство подчинить своему контролю расхищеніе имуществами, принадлежавшими университетской корпораціи; это было тѣмъ болѣе естественно, что вслѣдствіе спеціализаціи наукъ понадобились новыя каѳедры, а вслѣдствіе развитія естественныхъ наукъ и медицины понадобились дорого стоющія учрежденія, музеи и клиники; университетскихъ имуществъ не хватало на это, и правительствамъ пришлось оплачивать эти расходы изъ государственныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу пали привилегіи, которыя давали университетамъ характеръ независимой отъ государства общины. Но въ одну область правительства не вмѣшивались по прежнему — въ отношенія между профессорами и студентами, даже до такой степени, что почти вездѣ предоставляли профессорамъ судебную власть надъ студентами. Вслѣдствіе этого отношенія между послѣдними сохранили до конца свой средневѣковый цеховой характеръ; ученики по прежнему продолжали платить учителямъ по ихъ усмотрѣнію, а выучившіеся ученики, признанные своими учителями за ученыхъ (doctores), сохраняли право вступать въ преподавательскую корпорацію. За это признаніе ученика мастеромъ ученый цехъ взималъ къ свою пользу, подобно другимъ цехамъ, тяжелыя пошлины. Почему государство не вмѣшивалось въ эти отношенія,—понятно. Всякое уменьшеніе частныхъ доходовъ ученой корпораціи навлекло бы на государство непріятную обязанность пополнить недостающее своими средствами. Притомъ, въ этомъ частномъ случаѣ отражается общій ходъ развитія новаго государства въ западной Европѣ насчетъ средневѣковыхъ формъ. Вездѣ, гдѣ государственная власть наталкивалась на феодальныя, корпоративныя привилегіи, которыя, какъ извѣстно, по средневѣковымъ понятіямъ, разсматривались какъ частная собственность, государство отмѣняло только то, что прямо мѣшало его дѣятельности, но почти никогда не трогало денежныхъ привилегій. Такъ, напримѣръ, западное дворянство постепенно утратило изъ своихъ привилегій, основанныхъ на прежней суверен-

Digitized by Google

ней власти, все, что стѣсняло государственную власть, но сохранило, въ видѣ частной собственности, тѣ поборы надъ своими прежними подданными, которые вытекали изъ этой суверенной власти. Такъ и университетскія корпораціи въ Германіи, утративъ въ значительной степени самоуправленіе и право самопополненія, сохранили свои денежныя привилегіи—гонорарій и промоціонныя пошлины, которыя въ недавнее еще время уплачивались по старинному обычаю, даже отчасти натурою, то-есть новый докторъ обязанъ былъ угостить ученую корпорацію, согласившуюся принять его въ свою среду. Этимъ общимъ ходомъ западной исторіи объясняется та странная аномалія, которую представляютъ нѣмецкіе университеты. Учрежденія, которыя должны служить исключительно наукѣ, почти лишены всѣхъ средствъ, могущихъ обезпечить ее отъ преходящихъ интересовъ политической жизни и случайныхъ движеній бюрократической іерархіи, а между тѣмъ представителямъ науки, низведеннымъ на степень административныхъ чиновниковъ, даже менѣе независимымъ, чѣмъ представители правосудія, предоставлено право личныхъ поборовъ съ тѣхъ, которыхъ они обязаны учить.

Разсмотримъ теперь, какъ отразились историческія и политическія условія Германіи на отдѣльныхъ институтахъ и формахъ университетской жизни—на управленіи и пополненіи корпорацій, на способѣ обученія и на отношеніи учащихся къ учащимъ, наконецъ, на требованіяхъ государства отъ учащихся.

II.

Управленіе университетами Германіи никогда не было устроено по какому-нибудь *обдуманному* плану, а сложилось само собою. Пока университетъ имѣлъ характеръ привилегированной корпораціи, и само государство еще не успѣло организоваться правильнымъ образомъ, не могло быть и рѣчи объ управленіи университетами со стороны государства. Когда же сложилось государство и вступило въ борьбу съ политическими формами средневѣкового быта—оно натолкнулось и на университетъ. Первое, на что оно обратило вниманіе, были имущества университета; новая государственная администрація, жаждавшая испробовать свои силы, не могла равнодушно видѣть независимое отъ нея управленіе общественными имуществами и старалась присвоить себѣ или, по крайней мѣрѣ, подчинить своему контролю имущества церкви, имущества городовъ, а также и университетовъ.

Digitized by Google

Правда, при отсутствіи общественныхъ интересовъ и политической свободы, эти имущества нерѣдко плохо управлялись, и государство, подчиняя своей администраціи общественныя имущества, полагало, что нашло самое лучшее средство, чтобы поправить дѣло. Какъ оно подчинило города своимъ чиновникамъ, такъ и къ университетамъ приставило другихъ чиновниковъ, которые назывались curatores—попечителями. Въ продолженіи всего XVIII вѣка этотъ надзоръ попечителей ограничивался областью имущества; только въ XIX в., подъ вліяніемъ меттерниховской политики, показалось нужнымъ распространить надзоръ и на сферу духовную, и въ силу карлсбадскихъ постановленій къ университетамъ были приставлены особые «правительственные уполномоченные». Это хитрое изобрѣтеніе интеллигентной бюрократіи продержалось, впрочемъ, не долго, и чрезъ 30 лѣтъ сами правительства убѣдились въ излишествѣ этого пятаго колеса. Такое давленіе бюрократіи надъ университетами вызвало, впрочемъ, не только оппозицію противъ институтовъ правительственныхъ уполномоченныхъ, но и сомнѣніе вообще относительно необходимости прежнихъ попечителей. Когда, въ 1848 году, прусское министерство обратилось къ университетамъ съ предложеніемъ высказаться о реформахъ, которыя они считаютъ необходимыми, три чисто-прусскихъ университета: Берлинъ, Галле и Кёнигсбергъ, высказались противъ всякаго представительства правительственной власти посредствомъ особаго органа и за управленіе университетскими дѣлами посредствомъ органовъ самой корпораціи. Берлинскій университетъ, въ числѣ *общихъ* причинъ противъ сохраненія должности попечителя, привелъ слѣдующіе доводы: «посредничество попечителя между министромъ и университетами только даетъ поводъ къ интригамъ, сплетнямъ, раздорамъ и партіямъ, *даже* если дѣятельность попечителя ограничивается исключительно управленіемъ имуществами». Въ числѣ спеціальныхъ доводовъ противъ сохраненія попечителя при берлинскомъ университетѣ, этотъ университетъ указалъ на то, что онъ не владѣетъ ни поземельными имуществами, ни капиталами; ему остается только распоряженіе штатною суммою, отпускаемою на его содержаніе, и это распоряженіе можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, быть поручено *правленію* (Verwaltungsrath), которое должно быть составлено изъ профессоровъ. Три университета и академія въ Мюнстерѣ (состоящая изъ 2-хъ факультетовъ) высказались слѣдующимъ образомъ: бреславскій университетъ полагалъ удобнымъ сохранить попечителя для управленія имуществами, но признавалъ необходимымъ, чтобъ онъ былъ назначаемъ по *предложенію*, по крайней мѣрѣ не противъ со-

Digitized by Google

гласія университетовъ. Мюнстерская академія требовала, чтобы попечитель назначался по предложенію сената и чтобы управленіе имуществами со стороны попечителя происходило подъ контролемъ комиссіи профессоровъ, избранныхъ университетомъ. Боннъ предложилъ замѣнить попечителя канцлеромъ и приставить къ нему правленіе изъ ректора, проректора и нѣсколькихъ избранныхъ ординарныхъ профессоровъ. Всѣ хозяйственныя распоряженія должны быть дѣланы попечителемъ, совмѣстно съ этимъ правленіемъ. Грейфсвальдъ пожелалъ замѣнить попечителя попечительствомъ изъ трехъ членовъ, избираемыхъ профессорами; кромѣ того, это попечительство должно было находиться подъ контролемъ общаго совѣта, и ему должно было быть воспрещено всякое вмѣшательство въ учебную дѣятельность университета.

Что касается до внутренняго управленія германскихъ университетовъ, то оно до послѣдняго времени отличалось отсутствіемъ такого единства и общей связи, какихъ можно было бы ожидать отъ учрежденія, носящаго громкое названіе universitas litterarum, то-есть представляющее собою общіе интересы всѣхъ наукъ, въ ихъ взаимной связи. Такъ, напримѣръ, не во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ тотъ органъ, который мы привыкли считать естественнымъ и необходимымъ представителемъ университета — а именно совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ профессоровъ, имѣетъ именно такой характеръ и такое значеніе. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, вмѣсто него, существуетъ только сенатъ, состоящій изъ немногихъ членовъ, избираемыхъ факультетами; въ другихъ и при совѣтѣ главную роль играетъ сенатъ, и членами совѣта могутъ быть только ординарные профессора. Причину этого можно искать въ отдаленной древности. Университетъ первоначально вовсе не былъ universitas litterarum, а universitas учащихся. Такъ какъ учащіеся являлись изъ разныхъ областей, различныхъ въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ, то земляки собирались въ отдѣльныя корпораціи, составлявшія части общей ассоціаціи. Такимъ образомъ, старинные университеты распадались на націи, и эти націи избирали ректора—первоначально изъ числа студентовъ. Только позднѣе возникло другое подраздѣленіе университета—по наукамъ, то-есть факультеты. Первые университеты не могли имѣть факультетовъ, потому что сами были, въ сущности, только отдѣльными факультетами. Въ каждомъ университетѣ исключительно изучалась одна область науки: въ Салерно — медицина, въ Болоньѣ — римское право, въ Парижѣ— богословіе, съ подготовительными къ нему науками—«артистическимъ факультетомъ», теперешнимъ философскимъ, заключав-

Digitized by Google

нимъ въ себѣ филологію, математику и естественныя науки. Иногда даже прямо запрещалось въ университетѣ читать науки, не относящіяся къ факультету; такъ, напримѣръ, папской буллою было запрещено въ парижскомъ университетѣ изучать римское право. Германскіе университеты возникли вслѣдствіе желанія государей избавить своихъ подданныхъ отъ необходимости отправляться за Альпы или въ Парижъ для изученія наукъ; поэтому, было естественно, что они, при самомъ основаніи университета, давали имъ болѣе полную организацію и составляли его изъ двухъ, трехъ, наконецъ четырехъ факультетовъ. Такимъ образомъ, въ Германіи впервые образовался полный типъ университета и, вслѣдствіе обычая, сложилось убѣжденіе, что университетомъ можно называть только ассоціацію всѣхъ четырехъ факультетовъ. Но вліяніе первоначальнаго устройства было такъ сильно, что и въ Германіи каждый факультетъ считался отдѣльнымъ организмомъ, имѣвшимъ право на полную жизнь самостоятельной корпораціи. Университетъ былъ только группой, механическимъ сопоставленіемъ факультетовъ, подобно тому, какъ генеральные штабы были группою отдѣльныхъ штатовъ. Каждый факультетъ составлялъ отдѣльный промышленный цехъ съ особыми помѣщеніями, занимавшимися съ учениковъ и мастеровъ, и эти ученые цехи, благодаря общимъ привилегіямъ, составляли одну корпорацію, подобно тому, какъ другіе ремесленные цехи, въ своей совокупности, иногда также составляли общую ассоціацію.

Такимъ образомъ, общая связь профессоровъ была основана не на одинаковомъ отношеніи къ наукѣ и не на общности духовныхъ интересовъ, какъ въ наше время. Профессоръ имѣлъ значеніе не какъ членъ университета, а какъ членъ извѣстнаго факультета, и не профессоры, а факультеты составляли университетъ. Поэтому, не было такой нужды въ развитіи особаго органа, членомъ котораго былъ бы каждый профессоръ, а достаточно было болѣе тѣснаго органа для представительства самихъ факультетовъ посредствомъ одного или двухъ избранныхъ ими членовъ. Такимъ былъ сенатъ, который мы видимъ во главѣ германскихъ университетовъ. При первоначальномъ устройствѣ, когда факультетъ состоялъ только изъ 2—3 ординарныхъ, сенатъ былъ и совѣтомъ въ нашемъ смыслѣ. Но когда при спеціализаціи наукъ увеличилось число профессоровъ и экстраординарные сдѣлались такими же штатными профессорами, сенатъ однако, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, сохранилъ прежній видъ, а если и образовался при сенатѣ совѣтъ изъ всѣхъ ординарныхъ, то главная сила по преданію осталась въ рукахъ сената. Пока вопросы, возникав-

Digitized by Google

шіе среди университетской жизни, были исключительно хозяйственнаго и административнаго свойства, для разрѣшенія ихъ было совершенно достаточно собранія факультетскихъ депутатовъ или сената, соотвѣтствующаго нашему правленію. Но по мѣрѣ того, какъ факультеты теряли свой средневѣковой корпоративный характеръ, по мѣрѣ того, какъ устанавливалась живая духовная связь всѣхъ наукъ между собою—и въ Германіи также почувствовалась необходимость въ органѣ *для представительства университета* —общемъ совѣтѣ всѣхъ полноправныхъ преподавателей. Какъ только въ первый разъ прусскіе университеты были призваны обдумать свою организацію и подвергнуть обсужденію свои исторически сложившіяся формы, они тотчасъ высказались за учрежденіе, рядомъ съ сенатомъ, или за развитіе полномочій общаго совѣта профессоровъ — General-Konzil. По мнѣнію берлинскаго университета, «*должно было учредить* совѣтъ [1]) изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. На сенатъ же должно было возложить обязанность подготовлять дѣла, подлежащія обсужденію совѣта, исполнять его постановленія и завѣдывать дѣлами, не предоставленными исключительно совѣту. Одному совѣту должны подлежать постановленія объ общихъ и частныхъ правилахъ, служебныхъ инструкціяхъ, нововведеніяхъ, измѣненіи устава, и пр.»

Боннъ также требуетъ установленія общаго собранія—General-Konzil oder Weiteres Plenum. Между нимъ и правленіемъ долженъ стоять еще другой совѣтъ (Engeres Plenum) изъ однихъ ординарныхъ. Кёнигсбергъ опасается преобладающаго вліянія правленія, особенно синдика, состоящаго его членомъ, и требуетъ передачи совѣту всѣхъ болѣе важныхъ дѣлъ: напримѣръ, постановленій, касающихся уставовъ, столкновеній въ факультетахъ или между факультетами, устройства чрезвычайныхъ торжествъ, опредѣленій расходовъ на постройки, начиная съ извѣстной суммы, составленія смѣты, предложеній относительно замѣщенія мѣстъ и повышеній, избранія и опредѣленія университетскихъ чиновниковъ, распредѣленія бенефицій, помѣщенія капиталовъ, управленія поземельными имуществами и т. д. Сенатъ же, по мнѣнію кёнигсбергскаго университета, долженъ быть превращенъ въ исполнительный органъ совѣта и предназначенъ для менѣе важныхъ текущихъ дѣлъ. Грейфсвальдскій университетъ предоставлялъ совѣту избраніе членовъ попечительства и требовалъ, чтобы это

[1]) Die Gesetzgebung auf d. Gebiete d. Unterrichtswesens in Preussen. 1869, p. 159.

Digitized by Google

попечительство представляло смѣту расходовъ совѣту и докладывало ему о всѣхъ важныхъ административныхъ дѣлахъ. Совѣтъ долженъ находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ министру и *долженъ* быть спрошенъ относительно предполагаемыхъ перемѣнъ въ университетскомъ организмѣ, въ преподаваніи и употребленіи сбереженныхъ суммъ.

Изъ этого видно, что въ германскихъ университетахъ пробудилось сознаніе необходимости бо́льшей автономіи университетовъ относительно администраціи, и развитія полномочій общаго совѣта профессоровъ для осуществленія этой автономіи и для выраженія взаимной связи всѣхъ наукъ помимо ихъ мѣста въ отдѣльныхъ факультетахъ. Что такое сознаніе пробудилось не только среди университетской корпораціи, но и раздѣляется въ правительственныхъ сферахъ, доказывается: во-первыхъ, послѣднимъ уставомъ одного изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ нѣмецкихъ университетовъ — лейпцигскаго, гдѣ, по уставу 1871 года, рядомъ съ сенатомъ, состоящимъ изъ 17-ти членовъ, установленъ полный совѣтъ (Plenum) изъ всѣхъ ординарныхъ. Этому совѣту предоставлено: замѣщеніе мѣстъ, опредѣленныхъ уставомъ, распредѣленіе извѣстныхъ стипендій, обсужденіе предложеній со стороны министерства и иниціатива по вопросамъ, касающимся устройства университета, а также ученаго и дисциплинарнаго свойства и т. д. Кромѣ совѣта, установлено еще «университетское собраніе» изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ для избранія ректора и депутата на сеймъ. Во-вторыхъ, различными торжественными заявленіями представителей правительственной власти. Мы ограничимся указаніями на слова двухъ министровъ, представителей двухъ главныхъ нѣмецкихъ правительствъ. Въ рескриптѣ прусскаго государственнаго министра, графа фонъ-Шверина, къ университетамъ по поводу предполагавшейся тогда общей университетской реформы, мы читаемъ слѣдующее, замѣчательное для министра бюрократическаго государства, признаніе: «если университеты не должны отставать отъ прогрессивнаго развитія нашихъ политическихъ учрежденій и занимать достойное положеніе въ государственномъ организмѣ, то кажется неизбѣжнымъ усилить въ нихъ корпоративный элементъ и предоставить имъ въ завѣдываніи ихъ дѣлами больше свободы и самостоятельности, чѣмъ совмѣстно съ нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ» [1]). А одному изъ нынѣшнихъ австрійскихъ министровъ, бывшему профессору вѣнскаго университета, принадлежатъ слѣдующія, ска-

[1]) Die Gesetzgebung etc., p. 150.

Digitized by Google

занятія имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, слова: «если имѣется въ виду организовать вѣнскій университетъ согласно съ современными требованіями духовной жизни, то нужно при этомъ выходить изъ принциповъ, что университетъ прежде всего долженъ служить не церкви, не государству, а наукѣ... Университетъ, конечно, остается государственнымъ учрежденіемъ въ томъ смыслѣ, что онъ представляетъ учебное заведеніе, поддерживаемое государствомъ, находящееся подъ его охраной и надзоромъ; но самыми главными и существенными своими интересами университетъ долженъ завѣдывать вполнѣ *самостоятельно* (in autonomer Weise) [1]).

Одинъ изъ такихъ существенныхъ для университета интересовъ составляетъ способъ пополненія профессорской корпораціи. Что касается до этого важнаго въ университетскомъ бытѣ вопроса, то на немъ въ Германіи отразилась особенно ярко своеобразная исторія этой страны. По первоначальному характеру университетовъ, государство не могло имѣть никакого вліянія на подборъ преподавателей. Всякій, кто былъ провозглашенъ ученымъ или «мастеромъ», имѣлъ право преподавать. Но, желая обезпечить основанные ими университеты, основатели обыкновенно дотировали нѣкоторыя каѳедры, большею частію изъ доходовъ церкви, такъ что съ каѳедрою связывалась извѣстная пребенда, т.-е. доходъ съ какого-нибудь собора или монастыря. Какъ прочія бенефиціи, такъ и эти профессорскія бенефиціи назначались патрономъ, въ данномъ случаѣ государемъ. Такимъ образомъ замѣщеніе каѳедры было не избраніемъ преподавателя по извѣстной наукѣ, а предоставленіемъ одному изъ преподавателей извѣстнаго денежнаго дохода,—было, слѣдовательно, вопросомъ частнаго характера. Государи, впрочемъ, иногда отказывались отъ этого права и предоставляли замѣщеніе каѳедръ, сопряженныхъ съ жалованьемъ, ректору и сенату, какъ, напримѣръ, Фердинандъ австрійскій. Вслѣдствіе религіозной борьбы и конфискаціи церковныхъ имуществъ, вліяніе государства въ назначеніи профессоровъ должно было, какъ мы видѣли, усилиться; правительство озабочено вопросомъ о *направленіи* профессора, но опять-таки и теперь государство не брало на себя оцѣнки его ученаго достоинства. Гдѣ сохранилось старое устройство, напримѣръ, въ Вѣнѣ до самой эпохи просвѣщеннаго деспотизма существовалъ обычай признавать профессоровъ, избранныхъ корпораціями факультетскихъ докторовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рушилось старинное устройство факультетовъ, въ смыслѣ ассоціаціи всѣхъ докторовъ извѣст-

[1]) Billroth, p. 279.

Digitized by Google

ной науки, и подъ факультетомъ стали разумѣть собраніе немногочисленныхъ штатныхъ профессоровъ (ординарныхъ), рѣшающій голосъ при избраніи на ординатуру долженъ былъ вездѣ перейти къ правительству уже по самой малочисленности членовъ факультета (2—3). Отголоскомъ стараго устройства сохранился только въ томъ, что факультету вездѣ предоставлялось право представлять одного или нѣсколькихъ кандидатовъ. Практическое рѣшеніе вопроса и доли вліянія, которое имѣлъ факультетъ, записали отъ обычая болѣе, чѣмъ отъ устава, вслѣдствіе этого такъ трудно прослѣдить историческій ходъ этого дѣла. Уже въ самыхъ уставахъ находимъ мы такое же разнообразіе, такую же пестроту, какую представляетъ картина политическаго устройства старой Германіи; а если къ этому присоединить видоизмѣненіе, которое вносилъ въ дѣйствительную жизнь обычай, то становится совершенно невозможнымъ точно опредѣлить отношеніе различныхъ факторовъ при рѣшеніи вопроса. Такъ, напримѣръ, по уставу эрлангенскаго университета 1748 года, при открытіи вакансіи университетъ долженъ былъ, по указанію подлежащаго факультета, представить двухъ кандидатовъ,—обычай же давно укоренился другой. Медицинскій факультетъ, напримѣръ, представлялъ только одного кандидата,—съ замѣчаніемъ, что не можетъ поставить на ряду съ нимъ никакое другое лицо, одинаково достойное. Другіе факультеты представляли иногда и больше чѣмъ двухъ кандидатовъ. Министерство всегда утверждало единичныхъ кандидатовъ, а въ спискѣ нѣсколькихъ кандидатовъ—поставленнаго на первомъ мѣстѣ. Въ Мекленбургѣ—нѣмецкой Аркадіи—факультетъ, въ которомъ открылась ординатура, долженъ въ теченіи 8-ми недѣль представить полному совѣту шесть кандидатовъ. Это предложеніе сопровождается подробнымъ мотивированнымъ мнѣніемъ. Въ совѣтскомъ засѣданіи изъ шести предложенныхъ лицъ избираются три самыя достойныя, и причины такого предпочтенія излагаются въ протоколѣ. Совѣтъ роштокскаго университета можетъ, кромѣ того, прибавить еще нѣсколько кандидатовъ, причемъ обязанъ подробно выяснить причину такого дѣйствія. Всѣ эти документы отправляются въ министерство, которое, впрочемъ, при своемъ выборѣ нисколько не связано списокъ кандидатовъ, съ такимъ трудомъ подобранныхъ. Особенно оригинальны въ этомъ отношеніи уставы нѣкоторыхъ прусскихъ университетовъ, пересмотрѣнные въ разное время. Во всѣхъ этихъ уставахъ мы находимъ одну общую черту: въ случаѣ вакансіи, съ министерствомъ сносятся не университеты, а факультеты, но роль, которая предо-

Digitized by Google

ставляется при этомъ факультету, чрезвычайно различно формулирована, смотря по времени устава.

Въ уставѣ медицинскаго факультета берлинскаго университета 1838 года сказано, что факультету *дозволяется* (ist gestaetet) предложить министерству трехъ кандидатовъ. Въ уставѣ медицинскаго факультета кёнигсберскаго университета (1854) сказано, что факультетамъ предоставляется право (die Facultät ist berechtigt) предлагать министерству способныхъ кандидатовъ. Въ уставѣ же грейфсвальдскаго университета (1861) сказано, что каждый факультетъ имѣетъ право и обязанность (hat das Recht und die Pflicht) предлагать министру двухъ или трехъ достойныхъ кандидатовъ. Подобный способъ замѣщенія каѳедръ такимъ образомъ вполнѣ объясняется въ своемъ происхожденіи отсутствіемъ въ старыхъ университетахъ идеи науки, связующей разныя отрасли ея, цеховымъ устройствомъ старинныхъ факультетовъ и постепеннымъ превращеніемъ ихъ изъ многочисленной корпораціи въ коллегію изъ 2—3 членовъ, слишкомъ доступную интригамъ въ вопросахъ денежныхъ, наконецъ тѣмъ, что замѣщеніе каѳедръ было обращено государствомъ въ политическое средство.

Но важнѣе то, что такой способъ замѣщенія каѳедръ совершенно *оправдывается* политическимъ бытомъ старой Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ университеты возвысились въ своемъ значеніи, благодаря чисто научному направленію и сдѣлались общественною силою, правительства старались наперерывъ другъ передъ другомъ привлекать въ свои университеты самыхъ славныхъ дѣятелей науки. А въ тѣхъ случаяхъ, когда не могло быть рѣчи о звѣздѣ первой величины, кандидатовъ на новое мѣсто было всегда больше, чѣмъ избирателей, и окончательное избраніе должно было быть предоставлено административному лицу уже потому, что самому назначенію обыкновенно предшествовали продолжительные письменные переговоры объ условіяхъ, гарантіяхъ и т. п. Такая переписка, которая должна была сохраняться въ тайнѣ, какъ въ интересахъ приглашаемаго, такъ и ради достоинства приглашающихъ, не могла быть поручаема факультетамъ, а должна была сосредоточиваться въ рукахъ одного человѣка. При конкурренціи между собою университетовъ и правительствъ въ Германіи образовалось особое искусство привлекать профессоровъ. Какъ усовершенствовалось это искусство и какъ вообще производится на практикѣ привлеченіе профессоровъ,—объ этомъ мы находимъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія въ интимномъ письмѣ одного дѣятеля, прославившагося на этомъ поприщѣ.

Digitized by Google

«Я всегда сначала обращаюсь къ нѣсколькимъ спеціалистамъ и прошу ихъ назвать мнѣ имена и описать дѣятельность различныхъ лицъ, которыя извѣстны своей научной дѣятельностью или вообще способностью. Потомъ я самъ отправляюсь въ путь и прямо иду на лекцію указаннаго лица. Тамъ я вижу и слышу самъ, каковъ этотъ человѣкъ въ качествѣ преподавателя, какъ онъ говоритъ, какъ онъ себя ведетъ, какъ къ нему относятся его слушатели; все дѣло въ томъ, чтобъ въ его рукахъ былъ электрическій проводникъ. Послѣ лекціи я представляюсь ему, приглашаю его позавтракать со мною; тутъ я убѣждаюсь, какой онъ вообще человѣкъ и могу ли я имъ воспользоваться для насъ. Я не всякими преподавателями могу воспользоваться, иногда даже самые ученые мнѣ не годятся. Мы тогда говоримъ такъ, мимоходомъ, о матеріальной сторонѣ дѣла. Потомъ я отправляюсь въ дальнѣйшій путь и знакомлюсь точно также съ другими, разспрашиваю также вездѣ о другихъ молодыхъ талантахъ и стараюсь съ ними познакомиться, ибо смѣна преподавателей идетъ у насъ быстро,—мнѣ въ короткое время можетъ понадобиться тотъ или другой. Если я потомъ возвращусь домой и снова переговорю съ нашими спеціалистами, мы обыкновенно легко другъ съ другомъ приходимъ къ соглашенію. Такимъ образомъ я избѣгаю всякаго столкновенія съ старымъ преподавателемъ, не связываю себя относительно приглашаемаго письмами, изъ которыхъ можно вычитать, что́ угодно, и обыкновенно добываю людей годныхъ для нашего учрежденія. Если я уже имѣю въ виду извѣстное лицо, или кто-нибудь мнѣ тотчасъ особенно понравится, я испрашиваю по телеграфу уполномоченія отъ союзнаго совѣта, чтобы моего кандидата тотчасъ опредѣлить къ мѣсту [1])». Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ въ Германіи выставляютъ высокія требованія отъ лицъ, которымъ поручается завѣдываніе приглашеніемъ профессоровъ: «они должны имѣть прежде всего священный огонь, даже энтузіазмъ къ возложенному на нихъ порученію, высокую степень всеобщаго образованія, обширнѣйшее и тонкое знаніе людей, вѣрный взглядъ, чтобъ отличить талантъ и геній, ясное пониманіе цѣлей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться въ свое время, опытность въ организаторской и въ административной дѣятельности, полную ясность и твердость относительно принциповъ и средствъ, съ помощію которыхъ они хотятъ и могутъ исполнить свое высокое значеніе».

Но такъ какъ только энтузіасты могутъ надѣяться, что

[1]) Рѣчь идетъ о Швейцаріи. Письмо неназваннаго дѣятеля написано къ Бильроту.

Digitized by Google

всегда именно такимъ лицамъ будетъ поручаемо завѣдываніе выборомъ профессоровъ, то другіе ищутъ болѣе простыхъ гарантій въ расширеніи правъ университетовъ при опредѣленіи новыхъ преподавателей. Къ такой цѣли, напримѣръ, клонятся предложенія прусскихъ университетовъ, нами уже упомянутыя. Берлинскій университетъ требовалъ, чтобы кромѣ мнѣнія факультета, на которомъ открылась вакансія, былъ бы спрошенъ сенатъ, «такъ какъ *необходимо* содѣйствіе университета при всякомъ новомъ опредѣленіи, и послѣднее касается всей корпораціи». Галльскій университетъ высказалъ желаніе, чтобы былъ учрежденъ особый независимый совѣтъ для завѣдыванія дѣломъ преподаванія, на подобіе французскаго conseil de l'instruction publique. Кёнигсбергскій университетъ предлагалъ, въ случаѣ, если бы министръ считалъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ университетскаго совѣта, спросить мнѣніе другого соотвѣтствующаго факультета, даже хоть въ иностранномъ университетѣ. Университеты Бонна, Бреславля и Мюнстера требовали, чтобы факультетамъ былъ предоставленъ отрицательный голосъ при приглашеніяхъ, съ которымъ должно сообразоваться министерство (ein negatives massgebendes Votum).

Нужно думать, что это стремленіе германскихъ университетовъ къ бо́льшей автономіи и къ болѣе правильному вліянію на замѣщеніе каѳедръ, усилится по мѣрѣ успѣховъ, которые будутъ дѣлать политическое объединеніе Германіи и централизація правительства. Уже теперь маленькіе университеты жалуются, что ихъ лишаютъ лучшихъ силъ для того, чтобы ими украшать столичный университетъ въ Берлинѣ. Рѣшительное вліяніе администраціи на замѣщеніе каѳедръ оправдывалось партикуляризмомъ, и пока этотъ послѣдній элементъ будетъ грозить объединенію страны, администрація, поддерживаемая либеральными партіями, не лишится своего вліянія, такъ какъ иначе, напр., какой-нибудь гёттингенскій или страсбургскій университетъ могутъ сдѣлаться очагами враждебной для центральнаго правительства агитаціи. Но какъ только партикуляризмъ будетъ побѣжденъ, начнется сильная оппозиція противъ административнаго вліянія и централизаціи во имя интересовъ науки и автономіи университетовъ.

Digitized by Google

III.

Впрочемъ, это вліяніе даетъ себя чувствовать только относительно одной категоріи преподавателей — штатныхъ, т.-е. получающихъ жалованье. Другая же категорія—вольныхъ или *частныхъ* преподавателей (привать-доцентовъ) находится еще въ среднев'ковомъ положеніи, когда всякій признанный докторомъ могъ открывать для студентовъ свой курсъ на ряду съ профессорами. Много было говорено и писано о значеніи привать-доцентовъ. Германскіе ученые видѣли въ этомъ институтѣ—и не безъ основанія—славу своего университетскаго быта; съ ихъ словъ и у насъ стали видѣть въ многочисленныхъ привать-доцентахъ, т.-е. преподавателяхъ безъ жалованья, не только *симптомъ* процвѣтанія науки и избытка ученыхъ силъ, но *причину* и *основаніе*. Не лишало бы однако и нѣмецкимъ писателямъ поближе вглядѣться въ вопросъ о привать-доцентахъ и, кромѣ общихъ фразъ, обставить его историческими и статистическими данными.

Укажемъ сначала на отношеніе профессоровъ къ привать-доцентамъ.

Вездѣ, гдѣ людямъ приходится дѣлить что-нибудь, можно видать, что при этомъ случаѣ обнаружатся слабости человѣческой натуры, а нѣмецкимъ профессорамъ приходится дѣлить съ привать-доцентами студентовъ, т.-е. тѣ прибыли, которыя можно получать отъ послѣднихъ. Мы при этомъ, конечно, не станемъ приводить сплетень, не повторимъ даже напечатанныхъ разсказовъ о столкновеніяхъ между профессорами и привать-доцентами, напр. исторію Бекгауза, котораго выжили съ юридическаго факультета берлинскаго университета [1]), но укажемъ только на нѣкоторыя официальныя данныя. Сборникъ Коха, заключающій въ себѣ свѣдѣнія только о шести прусскихъ университетахъ и не за большой періодъ времени (лѣтъ за 20-ть), представляетъ цѣлый отдѣлъ, касающійся этого вопроса. То министерству приходится не соглашаться съ мнѣніемъ философскаго факультета берлинскаго университета, который желаетъ «ограничить число привать-доцентовъ по главнымъ предметамъ извѣстнымъ максимомъ»; то изъ этого министерство предлагаетъ увеличить требованія при допущеніи привать-доцентовъ (Кохъ, II. № 13); то опять министерству приходится отказывать медицинскому факультету того университета, который требуетъ, чтобы привать-доцентамъ

[1]) Bekhaus. Die Stellung der Privat-docenten.

Digitized by Google

было запрещено въ первые два года читать *даровыя* лекціи (publica). Министерство мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что если бы обязать привать-доцентовъ въ первые же два года къ объявленію только курсовъ оплачиваемыхъ (privata), *то они не будутъ имѣть и случая показать свою способность къ преподаванію!* Weil zu fürchten dass die Prv.-doc. gar keine Gelegenheit bekommen ihr Lehrtalent zu zeigen» (по неимѣнію слушателей); но, чтобы удовлетворить жалобу профессоровъ, министерство соглашается воспретить привать-доцентамъ читать даромъ такіе курсы, которые сначала были объявлены въ числѣ оплачиваемыхъ. Министерство не соглашается также, чтобы привать-доценты, два года нечитавшіе (иногда по недостатку слушателей), считались выбывшими (№ 15). Впослѣдствіи этотъ срокъ былъ сокращенъ на годъ. Въ слѣдующемъ рескриптѣ министерство дѣлаетъ профессорамъ дальнѣйшую уступку — привать-доцентамъ запрещается читать даровые курсы о главныхъ предметахъ (Hauptcollegia) и такіе, которые какимъ-нибудь профессоромъ объявлены въ числѣ приватныхъ.

Въ другомъ рескриптѣ это постановленіе примѣняется ко всѣмъ факультетамъ галльскаго университета. Въ одномъ изъ слѣдующихъ постановляется, что привать-доцентамъ разрѣшается читать курсы о главныхъ предметахъ, съ условіемъ: 1) чтобы это было не даромъ; 2) что факультету предоставляется право опредѣлить, какое число слушателей нужно имѣть привать-доценту для открытія курса; 3) чтобы курсы были объявлены съ такимъ же количествомъ часовъ и по той же цѣнѣ, какъ соотвѣтствующіе курсы профессоровъ. Изъ рескрипта подъ № 19-мъ мы узнаемъ, что министерство дозволяетъ юридическому факультету берлинскаго университета взимать съ каждаго доктора, просящаго о дозволеніи вступить въ число привать-доцентовъ (der sich zur Habilitation meldet) 6 фридрихсдоровъ для раздѣла между профессорами. Въ другомъ рескриптѣ опять министерству приходится принять подъ свое покровительство докторовъ, подвергавшихся испытанію на право быть привать-доцентами, противъ строгости медицинскаго факультета, который требовалъ отъ нихъ пробной лекціи послѣ получасового приготовленія.

Изъ такихъ постоянныхъ столкновеній можно было бы заключить, что профессоры въ Германіи страдаютъ отъ конкурренціи привать-доцентовъ, но на самомъ дѣлѣ послѣдняя для нихъ весьма мало ощутительна, какъ читатель сейчасъ самъ убѣдится. Прежде всего, для выясненія этого вопроса обратимъ вниманіе на число слушателей тѣхъ и другихъ, такъ какъ это-то и есть центръ ихъ

Digitized by Google

интересовъ. Мы извлекли изъ берлинскаго университетскаго архива числовыя данныя за нѣсколько лѣтъ, но чтобы не выдти изъ рамокъ журнальной статьи, ограничимся цифрами одного года. Мы взяли одинъ изъ семестровъ послѣдняго года до войны съ Франціей, которая такъ измѣнила положеніе Пруссіи и особенно Берлина. Для бо́льшей наглядности мы представимъ наши данныя въ табличкѣ по факультетамъ; сначала указано число слушателей у нѣкоторыхъ ординарныхъ профессоровъ, а потомъ приведены всѣ приватъ-доценты съ числомъ своихъ слушателей. Въ первомъ столбцѣ приведены слушатели на даровыхъ курсахъ, въ слѣдующемъ на курсахъ приватныхъ, а въ третьемъ privatissime. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь преподаватель читалъ два или три курса приватныхъ, въ одной графѣ поставлено нѣсколько цифръ. Нуль показываетъ, что объявленный курсъ не читался, обыкновенно по недостатку слушателей, знакъ — , что не объявлено курса.

Богословскій факультетъ.

Профессора:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Дорнеръ	—	71 75	30
Земишъ	46	58 84	
Твестенъ.	10	82 36 39	
Приватъ-доценты:			
Герлахъ	—	abs	
Шмидтъ	17	— —	

Юридическій факультетъ.

Профессора:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Брунсъ	121	50 67	
Гнейстъ.	—	70 91 105	16
Гольцендорфъ	105	85 23 79	
Приватъ-доценты:			
Берендъ.		18 9 16	6 9
Экъ	65	4	
Гирке	23	16	
Крюгеръ	10 0	7	
Шмидтъ (61 года) . . .	15	20 20	

Медицинскій факультетъ.

Профессора:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Лангенбекъ		135	110
Мартинъ		71 71 44	
Рейхертъ	86	49 74	21 2
Вирховъ	120	131	110 13

Digitized by Google

Привать-доценты:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Бергзонъ (56 лѣтъ) . . .		0 0	
Конштейнъ	8	8 0	
Эргартъ	25 9	3	
Гутманъ (35 л.).	22	20	3 (русскихъ)
Гельфтъ	0 0	умеръ	
Кристеллеръ (49 л.) . . .		6	6
Лауеръ (64 л.)	0 0		
Либрейхъ		6	12
Луце (34 л.)			5
Мичерлихъ (37 л.). . . .	0		
Мункъ (30 л.)	25 60		
Нотнагель.	0	20	
Равотъ (53 л.)	0	7 0	
Шёллеръ (58 л.)		53 0	
Шульценъ.	0	0	
Сенаторъ (26 л.)	5		
Тобольдъ (42 л.)		14	
Вальденбургъ (32 л.). . .	12	0	
Вольфъ (33 л.)	3	2	
Цюльцеръ (30 л.) [1]. . . .	—		

Философскій факультетъ.

Профессора:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Тренделенбургъ (фил.)	29	193 132	
Браунъ (ботан.).	43 0	100	0
Дове (физикъ)	54	100	
Дройзенъ (ист.).	24	73 83	
Гауптъ (клас. фил.)		47 122	
Гофманъ (химія)		145 67	
Гюбнеръ (кл. ф.)	147	53 22	
Кирхгофъ (кл. фил.)		109 28	10
Мюлленгофъ (германистъ). . . .	33	69 20	
Шнейдеръ (химія).	40	61	41
Привать-доценты:			
Бастіанъ (49 л. антроп.)	0	6	
Дюрингъ (36 л. философ. и пол. эк.) .		12 7	
Эрдмансдёрферъ (37 л. истор.) . . .	18	0	
Герстекеръ (40 л. зоолог.).	0	0	
Гарбрюкеръ (51 л. оріентал.) . . .	2	1 0	
Гассель [2]) (31 л. истор.)	0		

[1]) Послѣдній и еще два привать-доцента, объявившіе курсъ, уѣхали или заболѣли до начала ихъ, такъ что число записавшихся у нихъ не показано.

[2]) Привать-доц. Гассель, Ласпейресъ и Шнейдеръ показаны уѣхавшими въ отпускъ послѣ объявленія курса; но изъ нашихъ свѣдѣній не ясно, не состоялись ли курсы по случаю отъѣзда доцентовъ, или послѣдніе воспользовались тѣмъ, что не набралось слушателей, чтобы предпринять ученую поѣздку.

Digitized by Google

Привать-доценты:	Publ.	Priv.	Privatiss.
Гоппе (53 л. матем.)		10 4 4	
Кни (28 л. ботан.).	26 25		5
Ласпейресъ (минер.).	0	0	
Меркеръ (65 л. кл. фил.)	0 0 0	0	
Оппенгеймъ (36 л. хим.)	14		0
Шнейдеръ (44 л. естеств. н.) . . .		0 0	0
Шульцъ (64 л. климатол.).	0	0 0	
Зонненштейнъ (50 л. хим.)	32	22	32
Вештейнъ (54 л. оріент.)	10		
Вихельгаусъ (27 л. хим.)		6	2

Обращаемъ вниманіе читателей прежде всего на лѣта привать-доцентовъ,—лѣта обозначены по возрасту, который они имѣли въ 1869 году. Изъ нашего списка видно, что между привать-доцентами не мало стариковъ; изъ числа 28 человѣкъ, лѣта которыхъ мы могли точно обозначить, только 3 моложе 30-ти лѣтъ—всѣ они, впрочемъ, старше 25 лѣтъ; возрасть 6 отъ 30—35; 7 привать-доцентамъ отъ 35—45; также 7 находимъ мы въ возрастѣ отъ 45 лѣтъ до 55; одного между 55 и 60, и 4 стариковъ отъ 60 до 65 лѣтъ. Затѣмъ любопытна дальнѣйшая судьба ихъ.

Изъ 20-ти поименованныхъ привать-доцентовъ медицины 12 еще и теперь состоятъ въ томъ же званіи при своемъ факультетѣ, между ними почтенные старики Шеллеръ (64 лѣтъ), Лауеръ (67), Бергзонъ (62): послѣдніе два достигли блаженнаго положенія привать-доцента *на покоѣ*, т.-е. ихъ имена печатаются въ росписаніи лекцій съ прибавкой: liest nicht. Четверо изъ привать-доцентовъ 1869 г. теперь состоятъ экстраординарными въ берлинскомъ университетѣ: Либрейхъ (39), Луце (40 лѣтъ), Мункъ (36 лѣтъ) и Вальденбургъ (39 лѣтъ); одинъ умеръ, объ остальныхъ трехъ мы не могли собрать справокъ.

Изъ 16-ти привать-доцентовъ философскаго факультета, соотвѣтствующаго нашимъ тремъ, 7 продвинулись съ тѣхъ поръ въ экстраординарные берлинскаго университета, 6 состоятъ въ прежнемъ званіи — между ними талантливый Дюрингъ, оріенталистъ Вештейнъ (60 лѣтъ), математикъ Гоппе (59) и энергическіе старики Меркеръ (71 г.) и Шульцъ (70 лѣтъ), неустанно объявляющіе ежегодно по нѣсколько курсовъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ. Историкъ Эрдмансдёрферъ, отчаявшись получить профессуру въ Берлинѣ, гдѣ онъ, кажется, съ 1861 года состоялъ привать-доцентомъ, согласился наконецъ принять провинціальную профессуру; судьба двоихъ намъ неизвѣстна.

Наша табличка доказываетъ, во-1-хъ, что о конкурренціи между привать-доцентами и профессорами не можетъ быть и рѣчи, и что,

Digitized by Google

поэтому, мнѣніе, будто первые представляютъ необходимыя для послѣднихъ шпоры, есть одинъ изъ тѣхъ *миражей* (eidolon) *печати,* которые не предвидѣлъ въ свое время знаменитый Бэконъ; во-2-хъ, изъ таблицы видно, что судьба и положеніе привать-доцентовъ даже въ главнѣйшемъ изъ университетовъ Германіи, въ которомъ въ нынѣшнемъ году было 3714 слушателей (1824 студента и 1736 вольныхъ слушателей), несмотря на эту громадную массу платящихъ гонорарій—крайне плачевна. Если мы оставимъ въ сторонѣ медиковъ, которые вѣроятно готовы были бы сами платить гонорарій своимъ слушателямъ, чтобъ не утратить званія привать-доцента, необходимаго для городской практики, и обратимся къ 16-ти привать-доцентамъ философскаго факультета, то окажется, что у всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ было 111 слушателей, платившихъ гонорарій; если же исключить химика Зонненшейна, который одинъ имѣлъ 54 слушателя на двухъ курсахъ, то останется 57 студентовъ на остальныхъ 15 привать-доцентовъ, изъ которыхъ у Дюринга было 19 слушателей на двухъ разныхъ курсахъ, у Гоше 18 на трехъ разныхъ курсахъ; у 9-ти преподавателей не было вовсе платящихъ слушателей, а оріенталистъ Гарбрюкеръ долженъ былъ прочесть цѣлый курсъ *одному* студенту.

Изъ всего этого приходится сдѣлать необходимый выводъ, что *доходъ отъ гонорарія не представляетъ существеннаго элемента въ разсчетахъ привать-доцентовъ,* и что это званіе доступно только людямъ съ состояніемъ или, по крайней мѣрѣ, съ доходомъ обезпеченнымъ на нѣсколько лѣтъ.

Но, кромѣ того, наблюденія надъ статистическими данными приводятъ насъ къ заключенію, что самый институтъ привать-доцентовъ въ Германіи, вслѣдствіе измѣнившихся условій быта, начинаетъ ослабѣвать. Причина, можетъ быть, заключается въ громадномъ развитіи спеціальныхъ наукъ и увеличеніи числа профессоровъ; гдѣ прежде было 3, 4 профессора на факультетъ, теперь ихъ вдвое или втрое, и процентное отношеніе привать-доцентовъ къ профессорамъ не могло удержаться на той же высотѣ; далѣе, высшая культура націи, вслѣдствіе политической свободы, самоуправленія и развитія печати, отвлекаетъ бо́льшее число молодыхъ силъ отъ академической карьеры; наконецъ, измѣненія въ экономическомъ бытѣ, вздорожаніе жизни дѣлаютъ теперь и въ Германіи невозможнымъ для молодыхъ людей съ небольшими средствами отважиться на безвозмездную карьеру привать-доцента, въ ожиданіи будущихъ успѣховъ, и по истеченіи многихъ лѣтъ скромнаго оклада экстраординарнаго профессора. Конечно, только правительственная коммиссія, снабженная богатыми денежными

Digitized by Google

средствами и досугомъ, была бы въ состояніи собрать всѣ нужныя числовыя данныя и подвергнуть вопросъ всестороннему изученію. Мы удовольствуемся тѣмъ, что находимъ въ печатныхъ источникахъ. Въ сборникѣ Коха помѣщены свѣдѣнія о числѣ преподавателей въ шести старыхъ прусскихъ университетахъ за начало 30-хъ годовъ. Возьмемъ среднюю цифру 1834 года, и сравнимъ его съ нынѣшнимъ годомъ—мы получимъ слѣдующую таблицу:

Универс. факультеты.	1834 г. число проф.	1834 г. число прив.-доц.	1875 г. число проф.	1875 г. число прив.-доц.
Берлинъ:				
Богословскій. . .	7	8	11	4
Юридическій . .	8	3	12	3
Медицинскій. . .	26	14	28	36
Философскій. . .	51	28	65	19
Боннъ:				
Богословскій прот.	5	1	7	1
Католическій . .	5	—	6	1
Юридическій . .	6	2	12	—
Медицинскій . .	12	3	14	4
Философскій. . .	29	1	40	12
Бреславль:				
Богословскій. . .	9	3	11	2
Юридическій . .	5	1	8	1
Медицинскій . .	10	5	16	14
Философскій. . .	23	6	36	5
Грейфсвальдъ:				
Богословскій. . .	5	—	5	—
Юридическій . .	7	—	6	—
Медицинскій . .	5	3	12	4
Философскій. . .	12	3	24	2
Галле:				
Богословскій. . .	11	1	14	2
Юридическій . .	8	2	7	—
Медицинскій . .	8	1	17	5
Философскій. . .	25	9	32	10
Кёнигсбергъ:				
Богословскій. . .	6	—	4	—
Юридическій . .	9	1	7	—
Медицинскій . .	6	3	13	8
Философскій. . .	16	12	28	6

Изъ таблицы видно, что процентное отношеніе приватъ-доцентовъ къ профессорамъ уменьшилось къ невыгодѣ первыхъ.

Digitized by Google

Только на медицинскомъ факультетѣ число привать-доцентовъ увеличилось. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что только на медицинскомъ факультетѣ самое званіе привать-доцента уже представляетъ выгоды — помимо профессорской карьеры, и что только этотъ факультетъ доставляетъ привать-доцентамъ съ первыхъ же лѣтъ посторонніе доходы, которые даютъ имъ возможность спокойно ждать профессуры. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что особенно увеличилось число привать-доцентовъ—съ 14 на 36—въ Берлинѣ, т.-е. городѣ, который, благодаря своему населенію, особенно выгоденъ для медицинской практики. На философскомъ же факультетѣ Берлина число привать-доцентовъ упало съ 23 на 19, хотя число профессоровъ возросло съ 51 на 65. Общее число привать-доцентовъ этого факультета въ шести прусскихъ университетахъ осталось то же—54; но такъ какъ число профессорскихъ мѣстъ въ 1834 году было 156, а теперь 225, то прежде отношеніе привать-доцентовъ къ каѳедрамъ было какъ 1 къ 3, теперь же почти какъ 1 къ 5. Еще хуже положеніе юридическаго факульта, гдѣ привать-доценты почти исчезли; въ 1834 году, въ шести университетахъ Пруссіи было 9 доцентовъ на 43 профессора; теперь 4 доцента на 52! Еще краснорѣчивѣе будутъ эти цифры, если мы разсмотримъ положеніе юридическаго факультета во всей Германіи. Во всѣхъ двадцати полныхъ университетахъ Германіи было только 19 привать-доцентовъ юристовъ, изъ которыхъ еще слѣдуетъ исключить нѣсколько стариковъ и тюторовъ, готовящихъ богатыхъ студентовъ къ экзамену. Въ десяти университетахъ не было ни одного привать-доцента; въ трехъ — по 1; въ пяти — по 2; въ Берлинѣ и Мюнхенѣ — по 3 на 12 профессоровъ (не считая государственнаго отдѣленія).

Впрочемъ, опасность, грозящая институту привать-доцентовъ, давно уже замѣчена въ Германіи, и отъ времени до времени поднимаются отдѣльные голоса, требующіе поддержки или жалованья привать-доцентамъ со стороны правительства, т.-е. средства, діаметрально противорѣчащаго самой *идеѣ* привать-доцентства, которою такъ гордятся въ Германіи. Такой правильно организованной субсидіи со стороны земства или государства потребовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Зибель, въ своей ректорской рѣчи, требуетъ теперь Бона Мейеръ въ своей брошюрѣ: Deutsche Universitäts Entwickelung [1]).

[1]) Das für dieselben noch von Staatswegen Stipendien ausgesetzt werden erscheint mir zur Hebung ihrer Stellung äusserst zweckmässig und für ihre Freiheit nicht

Digitized by Google

Еще яснѣе, конечно, понимали пользу подобной мѣры сами привать-доценты. Когда, въ 1848 году, по предложенію министра пересматривался уставъ прусскихъ университетовъ, бреславльскіе привать-доценты потребовали «равномѣрнаго жалованья всѣмъ привать-доцентамъ, сообразно съ опредѣленной суммой, назначенной для этой цѣли». Экстраординарные же профессора и доценты бонискаго университета высказались за назначеніе ежегодной стипендіи въ 200 талеровъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы число получающихъ стипендіи не превышало половины ординарныхъ профессоровъ; затѣмъ, чтобы привать-доцентъ, преподававшій три года, имѣлъ право потребовать отъ факультета отзыва о своей способности быть преподавателемъ; въ случаѣ благопріятнаго отзыва онъ получаетъ званіе экстраординарнаго и ожидаетъ, по праву старшинства, штатнаго мѣста.

Но важнѣе всего, конечно, то, что сами правительства Германіи и Австріи сознали необходимость поддержки привать-доцентовъ. Въ нынѣшнемъ году прусскія палаты предоставили въ распоряженіе министра 54,000 марокъ для «стипендій привать-доцентамъ и другимъ молодымъ ученымъ, способнымъ къ профессорской карьерѣ». Максимумъ стипендіи опредѣленъ въ 1,500 м.; она назначается на годъ или два, но можетъ быть продолжена до четырехъ. Въ настоящее время, изъ бонискихъ привать-доцентовъ 4 пользуются этой стипендіей. Въ томъ же году, австрійское министерство выхлопотало себѣ возвышеніе суммы, уже прежде назначенной для той же цѣли, на 40,000 гульд., причемъ факультетамъ предоставлено право требованія оклада привать-доцентамъ, «если окажется нужнымъ доцентура для полнаго изложенія извѣстной науки» (zur vollständige Vertretung einer Disciplin).

Такимъ образомъ, Германія мало-по-малу вступаетъ въ колею, открытую нашимъ уставомъ 1863 года, предоставившимъ въ распоряженіе факультетовъ по нѣсколько окладовъ въ 1,200 р. для назначенія ихъ молодымъ преподавателямъ на три года, которые, въ отличіе отъ привать-доцентовъ, называются у насъ (штатными) доцентами.

Отъ преподавателей перейдемъ къ учащимся. Въ цѣпи, связывающей въ Германіи профессоровъ съ студентами, есть одно звено, сохранившееся отъ первобытной эпохи,—настоящій допотопный survival, говоря языкомъ англійскихъ антропологовъ —

---

im mindesten bedenklich, wenn die Stipendien nur vorübergehend oder als Remuneration für zeitweilige Lehraufträge gegeben werden. P. 95.

Digitized by Google

это гонорарій, свидѣтельствующій, что первоначальныя отношенія между ними были чисто цеховыя. Хотя съ тѣхъ поръ измѣнилось положеніе дѣла—университеты стали государственными учрежденіями, профессора были провозглашены Staatsdiener: плата учениковъ учителямъ и даже тантьема были отмѣнены въ школахъ—въ университетахъ же все еще сохранился гонорарій. Причина заключается въ томъ, что государство считало это частной привилегіей профессоровъ и боялось, что отмѣна этой привилегіи обойдется дорого ему самому. Только нашему времени было суждено возвести гонорарій на степень *педагогическаго* орудія. Если это такъ, то это чрезвычайно плохое педагогическое орудіе — прежде всего для студентовъ. Извѣстно, что студенты часто руководствуются при выборѣ предметовъ соображеніями дешевизны, набираютъ множество *даровыхъ* курсовъ безъ всякой системы и избѣгаютъ дорогихъ [1]). Извѣстно также, что эта привилегія профессоровъ нерѣдко служитъ поводомъ къ нареканіямъ и сплетнямъ, особенно противъ экзаменаторовъ, доставляя имъ кличку «Collegien Geld-Erpresser». Не мало также причиняетъ хлопотъ университетамъ и правительству собираніе недоимокъ гонорарія съ тѣхъ студентовъ, которымъ уплата была отсрочена. Одинъ извѣстный хирургъ, бывшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ, разсказываетъ, что съ тѣхъ поръ онъ постоянно продолжалъ получать въ Цюрихѣ и въ Вѣнѣ по нѣсколько талеровъ въ годъ, которые доставляютъ ему большое удовольствіе, какъ напоминанія о временахъ молодости. Хорошо, конечно, медикамъ и ожидать, и платить гонорарій; но на другихъ факультетахъ, гдѣ гонорарій для преподавателя играетъ болѣе существенную роль, чѣмъ *сувенира*, приходится нерѣдко его напрасно ждать. Изъ сборника Коха видно, что отсрочивается очень значительная часть гонорарія: въ берлинскомъ университетѣ, въ 1832 году, на богословскомъ факультетѣ съ 430-ти студентовъ получено 2,416 тал. золота, отсрочено 2,780; на юридическомъ—съ 475-ти студ. получено 5,135, отсрочено — 1,110; на медицинскомъ—съ 356-ти студ. получено 5,082, отсрочено—1,380; на философскомъ—съ 324-ти получено 5,592, отсрочено 2,320. Извѣстно, что лекціи философскаго факультета слушаютъ, кромѣ студентовъ этого факультета, и медики (естественныя науки), и юристы.

Вопросъ о полученіи отсроченнаго гонорарія часто занимаетъ университеты и правительства. Изъ сборника Коха мы узнаемъ,

[1]) Nasse, Ueber die Universitäts-Studien, p. 8.

Digitized by Google

что, то Галле жалуется на бывшихъ студентовъ, которые «были бы въ состояніи уплатить недоимки, но этого не дѣлаютъ», — а министерство требуетъ подробныхъ указаній (II. № 242); то министерство юстиціи требуетъ, чтобы юстицъ-коллегіи указали, гдѣ служатъ такіе-то студенты, не уплатившіе гонорарія, для того, чтобы профессоры «могли напомнить объ этомъ своимъ должникамъ» (№ 240); то министерство разсылаетъ циркуляры къ ректорамъ, чтобы выработать общіе принципы при отсрочкѣ гонорарія. Оказывается изъ циркуляра, что число просящихъ и получающихъ отъ профессоровъ отсрочки — растетъ. Министерство требуетъ, чтобы профессоры были при этомъ не слишкомъ мягкосерды (willfährig). «Ни въ какомъ случаѣ одна только бѣдность не должна быть поводомъ для профессоровъ, такъ какъ теперь многіе родители, чаще чѣмъ прежде, легкомысленно предназначаютъ своихъ сыновей наукѣ (dem Studium)». Министерство увѣряетъ, что не имѣетъ возможности увеличить жалованье профессоровъ и вознаградить ихъ за потери, которыя они себѣ причиняютъ — die sie durch Erlassung erhalten.

Но, можетъ быть, гонорарій, несмотря на всѣ эти непріятныя стороны, представляетъ хорошее педагогическое орудіе для самихъ профессоровъ? Можетъ быть, онъ заставляетъ ихъ лучше читать и тратить болѣе труда на обработку лекцій? *Наоборотъ*. Кто знакомъ лично съ германскими университетами, тотъ знаетъ, что не гонорарій есть то магическое слово, которое вдохновляетъ жизнь въ эти органы науки. Если гонорарій и даетъ чувствовать свое вліяніе, то это выражается въ томъ, что какая-нибудь знаменитость прочтетъ курсъ о модномъ вопросѣ, напр. «о женскомъ образованіи» или «о соціалистахъ», или же наберетъ три-четыре курса и читаетъ 18 часовъ въ недѣлю. Что эти 18 лекцій при такомъ количествѣ теряютъ во внутреннемъ содержаніи и значеніи, и что для студентовъ было бы выгоднѣе прослушать 6 часовъ у этого профессора,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Въ Германіи давно сознаютъ неудобства гонорарія: въ 1848 году вопросъ объ отмѣнѣ его былъ поднятъ и студентами и профессорами. Въ нынѣшнемъ году высказался очень сильно противъ него профессоръ Бона Мейеръ въ указанномъ выше сочиненіи [1]). Тѣмъ не менѣе гонорарій, вѣроятно, еще долго продержится въ Германіи. Это одинъ изъ древнѣйшихъ остатковъ средневѣковаго университетскаго быта, который держится рутиной

[1]) Мнѣніе Мейера объ этомъ предметѣ подробно изложено въ сент. кн. „Вѣстника Европы", 1875, стр. 319—«Университетскій вопросъ въ Германіи».

Digitized by Google

и противъ котораго невыгодно бороться правительству. Что же касается до профессоровъ, то наиболѣе вліятельные между ними именно и получаютъ отъ него наиболѣе выгоды. Но есть одна сила, которая постепенно подтачиваетъ этотъ анахронизмъ—это развивающаяся спеціализація науки. Когда въ средніе вѣка профессоръ былъ учителемъ, когда всѣхъ профессоровъ было три или четыре, изъ которыхъ старшій читалъ *главную* науку, второй по смерти его переходилъ отъ своей науки на его каѳедру, а свою каѳедру уступалъ третьему—тогда гонорарій имѣлъ смыслъ. У всѣхъ преподавателей было одинаковое число слушателей, или если старшій получалъ больше, то всѣ младшіе надѣялись со временемъ быть на его мѣстѣ. Теперь же университеты приняли болѣе академическій характеръ. Какъ скоро возникнетъ какая-нибудь новая отрасль науки, напр., сравнительное языковѣдѣніе, правительство спѣшитъ обезпечить ее основаніемъ новой каѳедры, не заботясь о томъ, сколько у нея будетъ слушателей. Теперь преподаватели пандектовъ или анатоміи, если ихъ имя извѣстно за предѣлами ихъ города, могутъ разсчитывать на 3000 тал. гонорарія (Игерингъ, въ Вѣнѣ, при 400 слушателяхъ могъ получать даже до 10.000 т. гонорарія, и въ Гейдельбергѣ ему былъ обѣщанъ вмѣстѣ съ жалованьемъ доходъ въ 26.000 гульденовъ); представители же другихъ отраслей, болѣе важныхъ въ общей системѣ наукъ, должны читать за 10 талеровъ. Объ одной знаменитости астрономическаго міра даже разсказываютъ, что онъ былъ очень огорченъ, когда къ нему пріѣхалъ одинъ русскій, чтобы записаться на его курсъ. Профессоръ просилъ любознательнаго иностранца отложить свое намѣреніе до слѣдующаго семестра, когда у него вѣроятно будутъ и другіе слушатели, а теперь онъ занятъ научными изысканіями, и ему бы не хотѣлось отвлекаться чтеніемъ курса.

IV.

Такъ же мало, какъ вопроса о гонораріѣ, государство долгое время касалось и другихъ сторонъ студенческаго быта—поведенія студентовъ и ихъ занятій. Возникнувши въ средніе вѣка, университеты имѣли, подобно другимъ корпораціямъ и общинамъ, характеръ иммунитета, т.-е. были изъяты изъ-подъ судопроизводства государства. Еще недавно въ рукахъ университетовъ была гражданская и уголовная юрисдикція не только относительно студентовъ, но и многочисленнаго населенія, связаннаго своими инте-

Digitized by Google

ресами и занятіями съ университетомъ. Въ наше время, подъ вліяніемъ демократическихъ идей Франціи, студенты сами охладѣли къ своимъ привилегіямъ; но еще въ 1848 году только одинъ изъ прусскихъ университетовъ, кёнигсбергскій, высказался въ пользу совершеннаго уничтоженія «академическаго судопроизводства».

Еще живучѣе оказались другія вліянія среднихъ вѣковъ среди университетскаго быта. Въ Германіи факультеты довольно рано получили въ управленіи университетомъ перевѣсъ надъ *націями*, и вслѣдствіе этого профессоры надъ студентами; но націи не исчезли, а дожили до нашего времени въ видѣ студенческихъ *корпусовъ* и *союзовъ*. Ничто не свидѣтельствуетъ такъ убѣдительно объ индивидуальномъ характерѣ германскаго университетскаго быта, о силѣ *давности*, которая покрываетъ забвеніемъ права и преступленія, а рутину возводитъ на степень поэзіи, какъ эти потѣшныя забавы нѣмецкихъ студентовъ, которыя и теперь еще многими считаются главнымъ основаніемъ прелести студенческой жизни. Во всякомъ случаѣ, корпусное устройство было главнымъ условіемъ неподвижности студенческихъ нравовъ. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи на этихъ нравахъ отразился лишь въ томъ, что послѣ реформаціи, вслѣдствіе преобладанія свѣтскаго элемента надъ клерикальнымъ, прилива дворянскихъ дѣтей, вліянія Тридцатилѣтней войны, студенты утратили характеръ клириковъ, стали носить шпаги, и въ свой бытъ, устроенный по образцу ремесленныхъ цеховъ, внесли привычки забубенныхъ рейтаровъ XVII-го вѣка. О томъ, до какой невѣроятной грубости и пошлости достигли студенческіе нравы въ эпоху пеннализма, мы говорили въ другомъ мѣстѣ. [1]) Въ наше время корпусное устройство сошло опять на степень невинной забавы, которая только, къ сожалѣнію, слишкомъ содѣйствуетъ потерѣ времени и отупѣнію студентовъ, и едва-ли кто-нибудь, при видѣ обрюзглыхъ физіономій и изрубленныхъ носовъ корпусныхъ студентовъ, пожалѣетъ, что въ нашемъ университетскомъ быту недостаетъ подобной поэзіи. Но не слѣдуетъ забывать, что гонорарій и корпусное устройство—монеты одного чекана, обращеніе которыхъ обусловливается привычкой.

Если государство такъ мало вмѣшивалось въ бытъ студентовъ, что не искореняло пеннализма, то естественно, что оно мало заботилось о занятіяхъ студентовъ даже въ эпоху, когда оно приняло *полицейскій* характеръ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ, когда полиція

[1]) Лейбницъ и его вѣкъ. Гл. I.

Digitized by Google

была возведена на степень *духовнаго вѣдомства*, администрація въ Германіи сочла нужнымъ принять мѣры къ усиленію занятій студентовъ. Эти мѣры совершенно шли къ Австріи, которая, послѣ попытокъ іосефизма, успѣшно свела свои университеты на степень школы, такъ что даже профессорамъ приказывала по какимъ учебникамъ читать и, напр., знаменитый медикъ Гебра долженъ былъ объявлять, что онъ читаетъ свою науку по Казенову, «хотя,—какъ справедливо замѣчаетъ Биллротъ,—всякій зналъ, что Гебра могъ только читать по Гебрѣ».

Но «государству интеллигенціи», искавшему въ минуту бѣдствія и финансоваго истощенія опоры въ учрежденіи новаго университета и бюрократіи, прославленной Гегелемъ, такія мѣры были не къ лицу, онѣ потому и имѣютъ чрезвычайно неуклюжій, ребяческій характеръ. Такъ, напр., въ 1824 году прусское министерство въ рескриптѣ къ университетамъ жалуется, что ихъ надзоръ за студентами недостаточенъ, и заявляетъ, что оно считаетъ «всего цѣлесообразнѣе, еслибы въ каждомъ университетѣ извѣстное число профессоровъ приняли на себя ближайшій надзоръ за занятіями отдѣльныхъ студентовъ»—въ случаѣ нужди «послѣднимъ дѣлали выговоры съ *отеческою* строгостью и только, еслибы это не помогло, прибѣгали бы къ *начальнической* строгости (obrigkeillichem Ernst) ректора, совѣта или правительственнаго уполномоченнаго». (Кохъ II, № 201).

Это не помогло, и въ слѣдующемъ году изобрѣтательная бюрократія придумала другую мѣру: профессора были обязаны дѣлать въ матрикулахъ студентовъ (Anmeldebogen) отмѣтку о посѣщеніи послѣднимъ лекцій. Далѣе сказано: при этомъ профессорамъ рекомендуется, чтобы они обращали особенное вниманіе на своихъ слушателей, для того чтобы быть въ состояніи удостовѣрить съ полной точностью, посѣщали ли отдѣльные студенты ихъ лекціи прилежно или нѣтъ. Поэтому тѣ изъ профессоровъ, которые не имѣютъ возможности, вслѣдствіе слишкомъ большого числа своихъ слушателей или вслѣдствіе близорукости, наблюдать точно за каждымъ и за всѣми (alle und jede genau und sehr zu beobachten), *хорошо бы сдѣлали*, еслибы поручили старшимъ, способнымъ и благонадежнымъ студентамъ обязанность фискала или фамулуса для контроля надъ усерднымъ посѣщеніемъ лекцій (das Geschäft eines Fiscals oder Famulus zur Kontrole des Collegienfleisses zu übertragen. Кохъ, II, № 427).

Но студенты оказались также неспособны къ этой новой обязанности, какъ прежде профессора, а потому министерство въ слѣдующемъ году принялось за декановъ и поручило имъ «пред-

Digitized by Google

тавлять свои сужденія о ходѣ, полнотѣ и успѣхѣ занятій, какъ
а основаніи числа, качества и порядка лекцій, такъ и дру-
ихъ дошедшихъ до нихъ свѣдѣній о прилежаніи на лекціяхъ
дома отдѣльныхъ студентовъ, по возможности точно, опредѣ-
енно и характеристично, пользуясь при этомъ также сужде-
іями своихъ товарищей» (Кохъ II, № 431). Но и деканы
казались ниже своей роли; тогда министерство схватилось въ
лѣдующемъ, 1827 году, за изобрѣтеніе «одного замѣчательнаго
реподавателя въ одномъ изъ туземныхъ университетовъ» (ein
usgezeichneter Lehrer an einer inländischen Universität). Этотъ
рофессоръ, входя въ аудиторію, подавалъ своимъ слушате-
ямъ листъ бумаги и просилъ ихъ вписывать свое имя. Ми-
истерство въ своемъ циркулярѣ заявляло, что хотя оно и не
редписываетъ слѣдовать этому примѣру, но предлагаетъ обсу-
ить, насколько такая мѣра могла бы быть полезна.

Мы не знаемъ, что отвѣчали университеты, но у Бона Мейера
аходимъ свѣдѣнія о результатахъ, къ которымъ привела эта
ѣра. «Присутствовавшіе,—говоритъ онъ,—были достаточно лю-
езны записывать отсутствующихъ друзей, и кромѣ того припи-
ывали еще разныхъ другихъ почетныхъ для профессора слу-
ателей, какъ-то: Платона, Аристотеля, Плинія и другихъ».

Наконецъ, министерство перестало дѣлать *вопросъ* изъ посѣ-
енія лекцій студентами и не только возвратилось къ прежней
истемѣ невмѣшательства, но въ послѣднее время отмѣнило даже
бязанность посѣщенія лекцій, такъ-называемыя Zwangscollegia.

Но за то государство въ Германіи подчинило *косвеннымъ*
бразомъ своему вліянію занятія студентовъ, и нельзя сказать,
тобы это послужило къ пользѣ послѣднихъ. Это косвенное сред-
тво — было отдѣленіе экзамена отъ преподаванія посредствомъ
осударственнаго экзамена.

Происхожденіе *государственнаго экзамена* (Staatsexamen)
ожно объяснить только изъ особеннаго хода политической и кул-
урной исторіи Германіи. Университеты остались до XVIII-го в.
орпораціями, внутренній бытъ которыхъ государствомъ не ре-
улировался. Вслѣдствіе того, дарованіе ученыхъ степеней было
исключительно предоставлено университетамъ. Но при многочис-
енности университетовъ правила и соображенія, которыми они
при этомъ руководствовались, были чрезвычайно различны, такъ
то ученыя степени въ сущности не представляли никакой га-
рантіи знанія. Такъ какъ многочисленности университетовъ соот-
вѣтствовало еще бо́льшее дробленіе политическое, то отсюда воз-
никалъ вопросъ, признавать ли государству безразлично ученыя

Digitized by Google

степени, дарованныя разными университетами, безъ всякаго контроля. Особенно одинъ родъ степеней долженъ былъ возбуждать сомнѣніе государства, такъ какъ съ этимъ дипломомъ были связаны чрезвычайно важныя практическія послѣдствія, это—магистерство и докторство медицины, которыя давали право практиковать. Полицейское государство XVIII-го в. естественно не могло предоставлять такое обширное право надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ людямъ ему неизвѣстнымъ. И вотъ, въ 1725 году прусское правительство узаконило, чтобы впредь только тѣ магистры медицины имѣли право практиковать, которые бы изложили на латинскомъ языкѣ передъ медицинскимъ совѣтомъ въ Берлинѣ какой-нибудь casus medico-practicus. Таково было скромное начало государственнаго экзамена въ Пруссіи, примѣру которой послѣдовали и другія нѣмецкія государства.

Изъ области медицины обычай дополнительнаго государственнаго экзамена былъ перенесенъ и въ другія области, напримѣръ, юридическую. Въ извѣстномъ отношеніи, такой экзаменъ практическаго свойства имѣлъ смыслъ не только вслѣдствіе разнохарактерности старыхъ университетовъ и политическаго дробленія. Такъ, напримѣръ, если молодые люди, прикомандированные въ качествѣ сверхштатныхъ чиновниковъ къ судамъ и администраціямъ, подвергались для полученія штатнаго или высшаго мѣста практическому экзамену по дѣлопроизводству въ своемъ вѣдомствѣ, то это могло быть средствомъ не допускать неспособныхъ людей на высшія ступени государственной службы. Но при административной опекѣ—всегда скользкій путь, и государственный экзаменъ развился въ ложномъ направленіи двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ не ограничился практическимъ характеромъ, но захватилъ и теоретическую, собственно ученую сторону дѣла, такъ что въ сущности упразднилъ университетскій экзаменъ. Во-вторыхъ, въ составъ экзаминаціонной коммиссіи стали все болѣе и болѣе входить чуждые науки элементы.

Въ послѣднемъ отношеніи приходится опять упомянуть о томъ же прусскомъ министрѣ, Альтенштейнѣ, съ изобрѣтательностью котораго мы уже успѣли познакомиться. Онъ-то именно, подъ вліяніемъ реакціонныхъ стремленій 20-хъ годовъ, провелъ въ 1825 г. принципъ, что профессора должны быть, по возможности, устраняемы отъ государственной коммиссіи для экзаменовъ врачей. Относительно юридическихъ экзаменовъ онъ имѣлъ власти: они зависѣли исключительно отъ министра юстиціи, но и тамъ водворился обычай составлять коммиссіи далеко изъ теоретическаго (перваго) экзамена изъ практиковъ—членовъ

Digitized by Google

пелляціонныхъ судовъ. Принципъ устраненія профессоровъ оказался, однако, не только вреденъ, но и неосуществимъ на практикѣ, по крайней мѣрѣ относительно медиковъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ авторитетъ въ медицинской наукѣ, Бильротъ, самъ столь же опытный профессоръ, какъ и экзаминаторъ:

«Гдѣ же нашлись, внѣ профессорскаго круга, люди, которые должны были экзаминовать научнѣе, точнѣе и практичнѣе профессоровъ? Министръ соглашался, что таковыхъ можно найти только въ столицѣ. Вотъ и начали искать; кого же онъ нашелъ: когда я, въ 1853 году, сдавалъ свой штатсъ-экзаменъ, центральная экзаминаціонная коммиссія для Пруссіи состояла почти только изъ ординарныхъ профессоровъ берлинскаго факультета, 3 или 4 экстраординарныхъ и 2 или 3 привать-доцентовъ того же факультета. Вслѣдствіе большого числа кандидатовъ пришлось для практическихъ экзаменовъ составлять подкоммиссіи изъ 2 членовъ (sic), такъ какъ никто бы не согласился экзаминовать всѣхъ кандидатовъ. Даже въ самомъ Берлинѣ, внѣ университета, не оказалось медиковъ, которые соглашались принять на себя въ высшей степени затруднительную и мало выгодную обязанность государственнаго экзаминатора, или точнѣе: тѣ, которыхъ желало государство, не хотѣли жертвовать своимъ временемъ, а молодыхъ, неопытныхъ людей, которые охотно приняли бы эту обязанность, не желало государство. Когда же впослѣдствіи, при все большемъ стеченіи кандидатовъ, несмотря на дробленіе коммиссій, многіе профессора рѣшительно отказались отъ назначенія въ коммиссію, такъ какъ это отнимало слишкомъ много времени, *министерство пришло въ большое затрудненіе* и должно было пускаться все ниже и ниже, къ мелкимъ людямъ, даже къ докторамъ, которые до этого времени *готовили* къ экзамену, *такъ что послѣднимъ пришлось теперь готовить или репетировать у своимъ собственнымъ экзаменамъ* (da gerieth das Ministerium in grosse Verlegenheit und musste zu immer kleineren Leuten, bis zu Doctoren, die bis dahin für die Examinatoren eingeaukt halten, heruntergehen, und nun paukten diese fur ihre eigenes Examen ein. P. 163).

Прусское правительство, наконецъ, сознало несостоятельность альтенштейнскаго принципа и *возвратилось*, по крайней мѣрѣ относительно медиковъ, *къ системѣ профессорскихъ экзаменовъ*. По закону 25 сен. 1869 г., для Сѣверогерманскаго Союза право полномочивать къ медицинской практикѣ было сохранено только за тѣми правительствами, которыя имѣютъ университеты; а такъ

Digitized by Google

какъ было установлено, что экзаминаціонная коммиссія должна состоять «изъ научно-образованныхъ спеціалистовъ всѣхъ отраслей медицины», а въ дальнѣйшихъ параграфахъ прямо поименованы профессора, то мѣсто экзаминаціонной коммиссіи вездѣ заступили факультеты [1]).

Относительно того, что экзаминаторами должны быть непремѣнно спеціалисты, т.-е. профессора, а не такъ-называемые практики, мы находимъ много интереснаго и поучительнаго у Бильрота. Опровергнувши мнимые доводы, которые приводятся противъ профессоровъ-экзаминаторовъ, Бильротъ доказываетъ, что только тотъ можетъ быть хорошимъ экзаминаторомъ, кто совершенно владѣетъ своимъ предметомъ, кто точно знаетъ «чему и какъ *теперь* учатъ». «Для большинства молодыхъ людей,—говоритъ онъ далѣе, и мы обращаемъ особенное вниманіе на эти слова нѣмецкаго профессора,—время экзаменовъ именно та пора, когда они достигаютъ той умственной высоты, которая вообще для нихъ достижима. Каждое поколѣніе должно сдѣлать нѣсколько шаговъ выше, чѣмъ предшествующее. Если же молодой врачъ захотѣлъ бы, напримѣръ, довольствоваться тѣми познаніями въ физіологіи, которыя остались у стараго врача (отъ его университетскихъ занятій), то образованіе падало бы все ниже и ниже сравнительно съ предшествовавшими поколѣніями».

Итакъ, только экзамены у *спеціалистовъ*, стоящихъ на современномъ уровнѣ науки, двигаютъ впередъ поколѣнія; экзамены же у практиковъ ведутъ только къ пониженію образованія въ странѣ. Это вполнѣ подтверждается *юридическими* экзаменами въ Пруссіи, которые до 1864 года производились исключительно практиками или не-профессорами. Слѣдствіемъ этого была всеобщая распространенная жалоба, что научное образованіе прусскихъ чиновниковъ стоитъ гораздо ниже уровня, соотвѣтствующаго культурѣ и требованіямъ страны. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о государственной коммиссіи юристъ Гёпфертъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ проекту закона о юридическихъ экзаменахъ (1869): «нужно прежде всего спросить, многіе ли имѣютъ совершенно вѣрное понятіе о томъ, какую мѣру познаній они должны были имѣть въ извѣстномъ возрастѣ? Но еще важнѣе другой вопросъ: желательно ли, чтобы молодой юристъ усвоилъ себѣ результаты, выработанные развитіемъ науки, или же *оффи-*

[1]) ...Zeigt mit einer Klarheit, die nichts zu wünschen übrig lässt, dass man bei dem neuen Reglement sich in erster Linie die Professoren als Prüfer dachte, und die Facultäten der Sache nach als ständige Staats-Prüfungs-Commissionen fungiren.

Digitized by Google

ціально требуемая юриспруденція должна быть именно та, которая господствовала лѣтъ 20, 30 тому назадъ, и развившіеся съ тѣхъ поръ взгляды должно быть оффиціально забракованы государственной коммиссіей [1])?

«Я не могу представить себѣ для профессора болѣе грустнаго чувства, чѣмъ то, которое онъ испытываетъ, когда, какъ иногда случается и теперь, экзаминуютъ по Макельдею или даже Гёпфнеру (устарѣвшіе учебники) и когда онъ убѣждается, что всѣ его старанія поднять своихъ слушателей на уровень современной науки, сдѣлать имъ доступными новѣйшія изслѣдованія, должны остаться тщетными. *И это всегда останется такъ, пока будутъ экзаминовать практики* (т.-е. не профессора, преподающіе въ университетѣ)... Кто просмотритъ рѣшенія нашего кассаціоннаго трибунала, тотъ придетъ къ грустному результату, что скудная литература, которая тамъ упоминается, можно сказать, исключительно состоитъ изъ устарѣвшихъ сочиненій».

Совершенно иной результатъ, по указанію Гёпперта, представляютъ другія государства Германіи—Баварія, Виртембергъ, Саксонія, Гессенъ, гдѣ первый экзаменъ (соотвѣтствующій нашему кандидатскому) исключительно находится въ рукахъ профессоровъ. Отчасти и Пруссія склонилась къ этому пути, и съ 1864 года юридическія коммиссіи ея состоятъ на половину изъ профессоровъ; но и эта половинная мѣра признана неудовлетворительной, и противъ нея-то и направлена приведенная жалоба.

Вредъ, происходящій отъ особыхъ экзаминаціонныхъ коммиссій и неудобства, сопряженныя съ этимъ учрежденіемъ, можно на основаніи опыта, который представляетъ Германія, подвести подъ слѣдующіе пункты: 1) неудовлетворительность въ научномъ отношеніи самихъ экзаминаторовъ, какъ скоро они не изъ профессоровъ, читающихъ лекціи, а изъ практиковъ или даже изъ отставныхъ, т.-е. отсталыхъ профессоровъ—и проистекающее отсюда пониженіе уровня экзаминующихся; 2) неудовлетворительный характеръ самого экзамена—*онъ обыкновенно бываетъ слишкомъ слабъ*. Въ Пруссіи, устный экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, требуемыхъ отъ юриста, продолжается полчаса и никогда не болѣе часа [2]). Краткій же экзаменъ потому, что онъ не можетъ быть иначе, какъ поверхностенъ, ибо экзаминаторъ, который экзаминуетъ изъ цѣлаго, обширнаго предмета или даже изъ нѣсколькихъ предме-

[1]) Göppert: Bemerkungen zu dens Entwurf eines Gesetzes über die Juristischen Prüfungen, p. 21.

[2]) Nasse: Ueber die Universitäts-Studien und Staatsprüfungen, p. 6.

Digitized by Google

тонъ, по необходимости долженъ ограничиться самыми общими вопросами, иначе онъ превращаетъ экзаменъ въ игру случайностей. Кромѣ того, неспеціалистъ и по неволѣ ограничивается поверхностными вопросами, такъ какъ у него самого отъ прежнихъ занятій остались только самыя общія, иногда нисколько неопредѣленныя свѣдѣнія.

Третье важное неудобство состоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ существуютъ особыя экзаминаціонныя коммиссіи, развивается *особый* способъ *приготовленія* къ этому экзамену. Для этого способа сложился въ Германіи особый характеристическій терминъ Einpaukerei—*вдалбливанье*. Способъ заключается въ томъ, что кандидатовъ дрессируютъ къ экзамену. Еще меньшее зло представляется въ томъ случаѣ, когда эта дрессировка происходитъ въ университетѣ. Такъ, напримѣръ, боннскій профессоръ Нассе говоритъ о молодыхъ людяхъ высшаго сословія, всѣ занятія которыхъ во время ихъ студенчества ограничиваются тѣмъ, что они только на послѣднихъ семестрахъ начинаютъ готовиться къ юридическому экзамену съ помощью нѣсколькихъ privatissima (sich durch einige Privatissima vorbereiten liessen). Иногда цѣлые университетскіе курсы назначаются для такого приготовленія. Такъ, напримѣръ, гёттингенскій профессоръ римскаго права, Вольфъ, диктовалъ краткіе отвѣты по экзаминаціонной программѣ, причемъ дѣлалъ разныя полезныя указанія, въ родѣ того: если кто будетъ экзаминоваться въ Берлинѣ, то пусть такъ отвѣтитъ или обратитъ вниманіе на то-то, если же въ Лейпцигѣ, то и пр. и пр. Гораздо хуже, если члены экзаминаціонной коммиссіи издаютъ свои учебники, по которымъ происходитъ приготовленіе (Нассе, p. 20). Главный же вредъ проистекаетъ оттого, что около этихъ коммиссій образуется *особый* классъ людей, которые дѣлаютъ изъ приготовленія кандидатовъ—*промыселъ*. Мы приводили сообщеніе Бильрота о докторахъ, которые занимались дрессировкой будущихъ врачей къ государственному экзамену. Что же касается до юристовъ, то въ Потсдамѣ возникло цѣлое заведеніе для приготовленія на скорую руку къ асессорскому экзамену, извѣстное подъ названіемъ: «Schnellassessorenfabrik zu Baumgartenbrück», черезъ которое прошла бо́льшая часть служащихъ въ Пруссіи чиновниковъ (изъ 12 — одиннадцать! Нассе, p. 23). И не слѣдуетъ думать, чтобы это было злоупотребленіе, которое можно было бы устранить. Со всѣхъ сторонъ слышатся заявленія, доказывающія, что такого рода дрессировка неизбѣжна при существованіи особыхъ экзаминаціонныхъ коммиссій. Основываясь на опытѣ, Бильротъ говоритъ по этому поводу: «гдѣ учащіеся не

Digitized by Google

ъ состояніи лично познакомиться съ методомъ преподаванія и взглядами экзаминатора по его университетскимъ лекціямъ, тамъ имъ ничего не остается дѣлать — als wenn sie sich für einen solchen Examinator einpauken lassen» — т.-е. какъ прибѣгнуть къ репетитору, который будетъ имъ класть въ ротъ отвѣты! А объ юридическихъ экзаменахъ это засвидѣтельствовано Гёппертомъ: «кто состоитъ членомъ постоянной экзаминаціонной коммиссіи, тотъ по необходимости не только будетъ всегда останавливаться на однихъ и тѣхъ же предметахъ, но и предлагать ихъ кандидатамъ однимъ и тѣмъ же способомъ и въ томъ же порядкѣ мысли (in derselben Gedankenreihe). Онъ, наконецъ, привыкнетъ не отступать отъ этого порядка и подъ вліяніемъ отвѣтовъ: напротивъ, онъ все настойчивѣе будетъ требовать отъ кандидатовъ *извѣстныхъ* отвѣтовъ того же содержанія. Экзаменъ превратится въ смѣну вопросовъ и отвѣтовъ по установленной схемѣ, пріемъ его всегда хорошо выдержитъ, несмотря даже на явную неспособность, тотъ, кому извѣстны обычные отвѣты на обычные вопросы; *а въ посредникахъ такого знакомства никогда не будетъ недостатка.* Конечно, зрѣлая самостоятельность въ сужденіи и пониманіи съ хорошими познаніями пробьютъ себѣ дорогу и несмотря на такой схематизмъ; но именно такіе кандидаты, благодаря мнимой бо́льшей бойкости своихъ товарищей, будутъ находиться въ затруднительномъ положеніи, если не согласятся также принять посвященія» (sich gleichfalls einweihen zu lassen).

Опытъ, доставленный государственными экзаминаціонными коммиссіями въ Пруссіи, такимъ образомъ, подтверждаетъ то, что́ давно извѣстно о результатѣ французскихъ экзаменовъ. Можно было бы привести въ этомъ отношеніи цѣлую литературу; мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ одинъ отзывъ, который спокойно и рельефно выставляетъ на видъ всю суть этого дѣла. Вотъ что́ говоритъ извѣстный французскій публицистъ Родо объ экзаменѣ на баккалавра: «Изъ плохого ученика, выпущеннаго гимназіей (collège), можно въ три мѣсяца сдѣлать субъектъ, достойный званія баккалавра; на то есть предприниматели, которые не имѣютъ другихъ занятій—это особеннаго рода промыселъ. Дѣло не въ томъ, чтобы хорошо знать то, что́ указано разнообразными требованіями программы, но чтобы знать то, что́ спрашиваютъ экзаминаторы. Кто привыкъ слѣдить за экзаменами, тотъ узнаетъ людей, приглядывается къ тому, какъ дѣйствуетъ машина, скоро все знаетъ наизусть и можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ. Экзаминаторы, которые заняты грубой работой дѣлать

Digitized by Google

столькимъ молодымъ людямъ вопросы для одной и той же цѣли не стараются придумать чего-нибудь новаго; ихъ вопросы почти всегда одни и тѣ же. Легко узнать, что́ нужно отвѣчать, и кандидатъ съ очень небольшимъ запасомъ свѣдѣній по всей формѣ удостоивается ученаго званія» [1]).

Громадный вредъ для занятій и успѣховъ студентовъ, который приносятъ государственныя экзаминаціонныя коммиссіи въ Пруссіи, очевиденъ самъ собою. Вредъ этотъ высказывается двоякимъ образомъ: 1) въ томъ, что студенты привыкаютъ пренебрегать всѣмъ, что́ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ экзаминаціонной программѣ, и 2) въ томъ, что самыя занятія студентовъ принимаютъ характеръ поспѣшнаго и механическаго *приготовленія къ экзамену*. Все это можно подтвердить многочисленными отзывами нѣмецкихъ профессоровъ, и все это можетъ быть засвидѣтельствовано личнымъ опытомъ русскихъ профессоровъ, занимавшихся въ германскихъ университетахъ.

Имѣя въ виду экзаменъ внѣ университета, независимый отъ преподаванія профессоровъ, студенты при выборѣ лекцій и распредѣленіи своихъ занятій болѣе или менѣе *исключительно* руководствуются экзаминаціонной программой. «Главный недостатокъ занятій нашихъ студентовъ, говоритъ Бона Мейеръ, заключается въ слишкомъ одностороннемъ интересѣ къ предметамъ, входящимъ въ экзаменъ — in dem allzueinseitigen Drängen nach den Examinationsstudien» (p. 45). «Совершенно неизбѣжное слѣдствіе системы нашихъ государственныхъ экзаменовъ, говоритъ Насе (p. 4), состоитъ въ томъ, что бо́льшее число студентовъ, т.-е. тѣ, которые не одарены совершенно особенными научными способностями, смотрятъ на университетскія занятія въ сущности какъ на приготовленіе къ экзамену, который предстоитъ имъ по окончаніи курса. Предметы, изъ которыхъ приходится сдавать экзаменъ, представляются имъ той областью знанія, на которой они должны сосредоточить свое прилежаніе, на остальныя науки они употребляютъ незначительное время и трудъ». Далѣе онъ говоритъ: «только при совершенно необыкновенномъ прилежаніи студентъ будетъ склоненъ посвятить одинъ или два семестра на серьёзную работу въ наукахъ, которыя не составляютъ предметъ государственнаго экзамена» (p. 9). Гёпперть приводитъ, по случаю отмѣны обязательныхъ для слушанія предметовъ, «совершенно невѣроятные случаи (ganz exorbitante Fälle) опущенія именно самыхъ

[1]) Родо: О паденіи Франціи, p. 50. Мы цитируемъ нѣмецкій переводъ, по неимѣнію подлинника подъ руками.

Digitized by Google

важныхъ коллегій, представляющіе просто насмѣшку на требуемыя передъ экзаменомъ *занятія въ университетѣ*» (p. 9). Даже на философскомъ факультетѣ, гдѣ общее образованіе и развитіе особенно требуются на экзаменѣ, отражается тотъ же недостатокъ: «пренебреженіе, говоритъ боннскій экзаминаторъ Мейеръ (p. 87), общими занятіями составляетъ теперь предметъ общихъ жалобъ; вредное вліяніе этого пренебреженія двоякимъ образомъ обнаруживается при учительскомъ экзаменѣ (Oberlehrerexamen), программа котораго сохранила это требованіе. Или молодые люди совершенно не позаботились о своемъ общемъ развитіи, и разсчитывали на счастіе во время экзамена или равнодушіе экзаминатора; если разсчетъ оказался ошибоченъ, они проваливаются, имъ назначаютъ дополнительный экзаменъ, и въ ожиданіи его они не имѣютъ права получить штатнаго назначенія. Бо́льшею частью они уже не въ состояніи восполнить пробѣлъ въ своихъ занятіяхъ съ помощью университета, ибо нерѣдко ихъ тотчасъ опредѣляютъ въ какое-нибудь заведеніе на испытаніе (Probejahr), и при большомъ количествѣ уроковъ, которые, конечно, въ первое время болѣе поглощаютъ ихъ вниманіе, они не имѣютъ достаточно времени для пополненія своихъ знаній. Для этихъ молодыхъ людей предостереженіе, полученное на экзаменѣ, уже по окончаніи занятій, есть суровый ударъ, а для сострадания экзаминаторовъ часто очень тяжело довести это предостереженіе до практическихъ послѣдствій. Кромѣ того, при этомъ еще приходится принимать въ соображеніе дѣйствительный недостатокъ въ учителяхъ. Вотъ одно изъ дурныхъ послѣдствій нашей теперешней системы экзаменовъ. Другое дурное послѣдствіе состоитъ въ томъ, что особенно студенты среднихъ способностей (der Mittelschlag) изъ постояннаго опасенія разнообразныхъ общихъ требованій экзамена принимаются то за одно, то за другое, и до самаго экзамена не находятъ досуга для правильныхъ занятій главнымъ предметомъ. *Такіе люди набиваютъ себѣ голову,—и тѣмъ длиннѣе срокъ до экзамена, тѣмъ болѣе—всякой всячиной* (propfen sich nun den Kopf immer voller mit allem Möglichen) и наконецъ всего знаютъ понемногу, но все поверхностно—ужасный сортъ будущихъ учителей, которые могутъ довести до отчаянія экзаминатора».

Что же касается до механическаго, притупляющаго способа занятій въ виду только экзамена, то на это особенно жалуются профессора юридическаго факультета, такъ какъ юристы первые семестры обыкновенно наслаждаются студенческой жизнью въ корпусахъ и союзахъ, а потомъ спѣшатъ кое-какъ приготовиться

Digitized by Google

къ экзамену: «Das Nichtstudiren unserer Studenten ist der Hauptübelstand an dem unsere Juristen leiden», говоритъ Гёпперт (p. 15). О томъ же подробно говоритъ Нассе: «всѣ стремленія кандидатовъ на то только направлены, чтобы для экзамена временно вдолбить то, что непосредственно служитъ къ этой цѣли. Большинство начинаетъ работать только въ послѣдніе семестры, когда наступаетъ пора готовиться къ экзамену, и даже тогда эта работа ограничивается вазубриваніемъ небольшого количества необходимыхъ свѣдѣній (auf das Entrichtern des geringen Maasses der für das Examen nothwendigen Kenntnisse). Вмѣсто того, чтобы изощрить посредствомъ упражненія способность къ духовному труду, безчисленные молодые люди теряютъ въ университетѣ всякую привычку къ духовному напряженію и правильному труду, и принуждены пріобрѣсти ихъ впослѣдствіи съ удвоеннымъ стараніемъ» (p. 28).

Но не одни отзывы нѣмецкихъ профессоровъ можемъ мы привести для доказательства того, что система государственныхъ экзаменовъ имѣла своимъ послѣдствіемъ *пониженіе уровня* экзаминующихся;—вредное вліяніе экзаминаціонныхъ коммиссій на занятія и развитіе молодыхъ людей въ Пруссіи засвидѣтельствовано *оффиціально*: «Мы, Божіею милостью, Фридрихъ-Вильгельмъ, король Пруссіи и прочая и пр.»—начинается циркуляръ департамента юстиціи въ 1804 году: «такъ какъ всѣ прежнія попытки оживить всевозможнымъ способомъ ослабѣвающее прилежаніе (den im Sinnen begriffenen Fleiss) молодежи въ университетахъ, не имѣли ожидаемаго успѣха, то» и пр.; далѣе слѣдуютъ жалобы на экзаминаціонную коммиссію и говорится, «что *очень многіе* пропускаются въ аускультаторы (первый чинъ), которые хотя и умѣютъ сказать на память нѣсколько поверхностно усвоенныхъ юридическихъ положеній и опредѣленій (einige oberflächlich erlernte Rechtssätze und Definitionen herzusagen wissen), но никогда не изучали какъ слѣдуетъ юридической науки (aber die Rechtswissenschaft nie gehörig studirt haben), и часто даже неосновательно обучены элементарнымъ школьнымъ свѣдѣніямъ» (Кохъ, II, № 408).

Но и это королевское повелѣніе ничего не помогло. Въ 1830 г. министръ юстиціи, ссылаясь на прежнія повелѣнія объ усиленіи занятій, вновь вмѣняетъ ихъ въ обязанность и при этомъ жалуется, «что молодые люди все болѣе и болѣе ограничиваются *ремесленнымъ* изученіемъ (handwerksmässige Erlernen) гражданскаго права; они того мнѣнія, что чтеніе и въ крайнемъ случаѣ изученіе на-

Digitized by Google

нусть наиболѣе практически важныхъ статей прусскаго уложенія уже достаточны».

Что и позднѣйшіе циркуляры не помогли, видно изъ современныхъ отзывовъ профессоровъ. Но какъ же и могли помочь эти циркуляры—виноваты вѣдь не студенты, а система экзаминаціонныхъ коммиссій, состоящихъ не изъ преподавателей. «Совершенно невозможно, — такъ заключаетъ Гёпперть, — ожидать улучшенія отъ такихъ коммиссій, *подъ вліяніемъ которыхъ все университетскія занятія почти что превратились въ иллюзію* — das ganz Universitäts-Studium nahezu eine blosse Illusion geworden ist».

Въ Германіи поэтому давно уже раздаются голоса, требующіе реформы этой системы. Намъ особенно интересно прислушаться къ этимъ голосамъ въ виду предстоящаго пересмотра устава и, можно прибавить, утѣшительно, такъ какъ предлагаемыя *за-границей* реформы—приближаются къ теперешней русской системѣ экзаменовъ. Реформы эти можно подвести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) возвращеніе экзамена профессорамъ, и вслѣдствіе этого сближеніе экзамена съ университетскимъ преподаваніемъ. Этотъ принципъ на практикѣ близокъ къ осуществленію: на медицинскомъ факультетѣ, какъ мы видѣли, необходимость заставила прибѣгнуть къ профессорамъ; на юридическомъ, въ Пруссіи, съ 1864 г. половина членовъ экзаминаціонной коммиссіи уже должна быть профессорами; на философскомъ, государственный экзаменъ производятъ профессора. 2) Учащеніе экзаменовъ — выпускному экзамену долженъ предшествовать другой, на половинѣ студенческаго курса изъ нѣкоторыхъ предметовъ, которые уже не должны входить въ выпускной. За это высказывается Мейеръ на философскомъ факультетѣ; за то же самое ратуетъ Нассе на юридическомъ факультетѣ; оба указываютъ на полезныя послѣдствія такого порядка на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ студенты обязаны сдавать tentamen physicum послѣ двухлѣтняго пребыванія на факультетѣ. «Студенты-медики,—говоритъ Мейеръ (p. 89)—принуждены, благодаря благоразумному устройству ихъ экзаменовъ, прилежно работать съ самаго начала и не прогуливаютъ, какъ это особенно въ обычаѣ у многихъ юристовъ, цѣлые семестры». И именно-то у медиковъ всего менѣе ощущается тотъ страхъ передъ экзаменомъ, «который будто дѣйствуетъ въ ущербъ свободному духу занятій по внутреннему влеченію», потому что тотъ, кто прилеженъ, вовсе и не знаетъ подобнаго страха: онъ сознаетъ, что «все-что сдѣлалъ». 3) Введеніе болѣе правильно и систематически-организованнаго учебнаго плана. При отсутствіи опредѣлен-

Digitized by Google

ныхъ обязательствъ со стороны профессоровъ относительно предмета и характера ихъ чтеній, профессорскія лекціи давно утратили прямую и непосредственную связь съ занятіями и потребностями студентовъ, лишены педагогическаго значенія. Несмотря на многочисленность преподавателей, даже полнота преподаванія не обезпечена, т.-е. не предусмотрѣно, чтобы студенты въ извѣстный срокъ имѣли возможность выслушать извѣстные необходимые имъ курсы съ опредѣленнымъ объемомъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ можно привести многочисленныя жалобы въ министерскомъ рескриптѣ у Коха, а также печатающіяся росписанія лекцій. Это неудобство иногда проистекаетъ отъ довольно произвольнаго распредѣленія часовъ, вслѣдствіе котораго одинаково необходимые для студента курсы читаются въ одинъ и тотъ же часъ. При такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи о правильной очереди въ изученіи предметовъ. Но еще хуже то, что курсы не приноровлены къ аудиторіи. Одни профессора читаютъ совсѣмъ элементарно, другіе для спеціалистовъ, уже знающихъ дѣло. Многіе профессоры руководствуются при выборѣ предмета для чтеній ходомъ своихъ домашнихъ или ученыхъ занятій. Среди такого лабиринта курсовъ, прорѣзывающихъ науку по всѣмъ направленіямъ, студентъ остается безъ всякой руководящей нити. Конечно, послѣдствія не одинаково ощутительны на различныхъ факультетахъ, и отъ нихъ неодинаково страдаютъ студенты. Очень способные послѣ нѣкотораго блужданія выбираются на дорогу, другіе забираются въ какую-нибудь спеціальность, но занятія большинства студентовъ черезъ это становятся отрывочными, случайными, поверхностными. Вслѣдствіе этого многіе ученые, какъ напр. Бильротъ, считаютъ нужнымъ установленіе систематическаго, обязательнаго для профессоровъ, распредѣленія главныхъ предметовъ по извѣстнымъ часамъ—*въ родѣ нашего росписанія лекцій по курсамъ*, съ той только разницей, что такъ какъ въ большихъ германскихъ университетахъ число преподавателей вдвое или втрое больше нашего, то одинъ и тотъ же предметъ могъ бы въ одни и тѣ же часы читаться двумя или тремя преподавателями.

Сопоставляя различныя данныя о германскихъ университетахъ, приведенныя выше, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ: устройство германскихъ университетовъ представляетъ индивидуальную, исторически сложившуюся организацію, которая теперь еще носитъ на себѣ слѣды первоначальнаго цехового устройства, основаннаго на денежныхъ поборахъ преподавателей съ учащихся. Германія обязана процвѣтаніемъ своихъ университетовъ не этому устройству ихъ, которое издавна уже существуетъ,

Digitized by Google

а совпаденію совершенно независимыхъ отъ этого устройства причинъ:—высокой духовной культурѣ, которой достигла германская нація къ концу прошлаго вѣка;—свободѣ мысли и слова, которая, несмотря на разныя неблагопріятныя эпохи и вліянія, давно уже господствуетъ въ Германіи;—духу свободнаго изслѣдованія, коренящемуся въ реформаціи и воспитанному въ просвѣтительномъ движеніи XVIII-го в., который проникъ во всѣ области науки и породилъ спеціализацію научныхъ занятій;—богатству духовныхъ силъ, многочисленности научныхъ дѣятелей, способныхъ питать 20 университетовъ на 30-ти милліонное населеніе (въ началѣ XIX в.). Процвѣтанію университетовъ содѣйствовало медленное политическое развитіе націи, которое не отвлекало дѣятелей отъ университетовъ, а напротивъ—наталкивало энергическіе и независимые умы на каѳедры, такъ что университеты сдѣлались очагами культурной жизни страны, а профессоры, обучая молодежь, сдѣлались учителями націи; наконецъ, и болѣе всего, политическая раздробленность Германіи, которая заставила каждое правительство, стремившееся къ вліянію или не желавшее утратить своей самостоятельности, лелѣять свой университетъ, расширять и усиливать его передъ другими и отступать въ его интересахъ отъ рутины и узкихъ соображеній бюрократіи. Не конкурренція профессоровъ съ профессорами или привать-доцентовъ съ профессорами, а конкурренція университетовъ съ университетами, и правительствъ съ правительствами въ области науки были главной живительной силой германскихъ университетовъ.

Но и въ этомъ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ многое теперь устарѣло и измѣнилось. Привать-доцентство перестало быть тѣмъ богатымъ родникомъ, которому можно было одному предоставить питать университеты. Конкурренція правительствъ, благодаря совершающемуся объединенію націи, начинаетъ слабѣть или принимаетъ односторонній характеръ (подъ вліяніемъ централизаціи). Громадная спеціализація наукъ вызываетъ необходимость перемѣнъ въ устройствѣ преподаванія. Отсюда требованія разныхъ реформъ—бо́льшей автономіи университетовъ, субсидій привать-доцентамъ, введеніе дѣйствительныхъ учебныхъ плановъ, устраненіе разлада между преподаваніемъ и экзаменами, передачи государственнаго экзамена профессорамъ и устройство экзамена студентамъ въ продолженіе университетскаго курса.

Digitized by Google

V.

Обратимся теперь къ Россіи и къ русскимъ университетамъ. Насколько форма германскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ индивидуальности и историческимъ судьбамъ германской націи, а также характеру нѣмецкихъ правительствъ, настолько, можно сказать, форма русскихъ университетовъ обусловливается исторической судьбой Россіи и ея современнымъ бытомъ.

Когда сближеніе Россіи съ Европой вызвало у правительства желаніе перенести университетъ на русскую почву, ничего еще не было подготовлено русской жизнью для принятія западной науки, и тяготѣніе къ ней самого общества было весьма слабо. Подобно тому какъ въ странахъ, гдѣ нѣтъ какой-нибудь необходимой промышленности, правительство должно само позаботиться о разведеніи ея и искусственно поддерживать ее системой *протекціонизма*, такъ и развитіе науки русскому правительству пришлось обезпечить своимъ особымъ покровительствомъ и тщательнымъ, *бережнымъ* уходомъ. Молодые люди были привлечены въ университетъ льготами, профессоры обезпечены правительствомъ и поставлены въ болѣе почетное положеніе, чѣмъ во многихъ западныхъ государствахъ. Науки не было—не было книгъ и учебниковъ, соотвѣтствовавшихъ условіямъ, и профессорамъ русскихъ университетовъ пришлось переводить не только книги и учебники, а самую науку, *ассимилировать* и національнировать ее, многія же отрасли науки вновь создавать или примѣнять къ новымъ даннымъ, къ новой почвѣ. Оттого въ Россіи главнымъ питомникомъ науки былъ *профессорскій трудъ*, главнымъ учебнымъ средствомъ *профессорскія лекціи*. Отсюда, конечно, слѣдовало, что исключительно профессоры должны были быть экзаменаторами. Но изъ особеннаго положенія профессоровъ слѣдовала и другая ихъ обязанность. На вакантныя каѳедры не приходилось, какъ въ Германіи, приглашать профессоровъ или доцентовъ, извѣстныхъ преподаваніемъ, изъ другихъ университетовъ и государствъ, а—молодыхъ людей, извѣстныхъ своими научными занятіями только въ университетѣ, гдѣ они прежде учились. Совершенно раціонально, требованія отъ этихъ молодыхъ людей были строже, чѣмъ за границей—они должны были пролагать себѣ путь къ профессурѣ учеными диссертаціями. Но при этомъ оцѣнка этихъ молодыхъ людей должна была быть предоставлена профессорамъ, а не чиновникамъ министерства или попечителямъ, и такимъ образомъ наше правительство весьма премудро и осторожно

Digitized by Google

поручило самое трудное дѣло при замѣщеніи каѳедры — *выборъ* кандидата—университетамъ, администраціи же предоставило контроль и утвержденіе.

Но, кромѣ этого, вѣдѣнію университетовъ должно было подлежать разрѣшеніе многихъ другихъ педагогическихъ, научныхъ, а въ связи съ ними и хозяйственныхъ вопросовъ. Предоставленіе университетамъ иниціативы и простора въ этомъ отношеніи, устраненіе по возможности *администраціи* изъ области науки, есть то, чтó у насъ привыкли называть автономіей университетовъ и чтó лежитъ въ основаніи всѣхъ русскихъ университетскихъ уставовъ. Даровавши и поддерживая эту автономію, русское правительство понимало, что она вытекаетъ изъ силы вещей, изъ культурныхъ условій, изъ исторической роли и призванія самого правительства. Въ Европѣ нѣтъ такого сильнаго правительства, какъ русское,—сильнаго не только по своимъ матеріальнымъ средствамъ, по основному принципу законодательства, но сильнаго потому, что въ немъ долго исключительно сосредоточивалась вся жизнь громадной исторической націи. Совершенно иная была историческая роль западныхъ правительствъ. На Западѣ государству предшествовалъ періодъ феодализма и корпоративной сословной замкнутости. Потому тамъ на долю правительства выпала постоянная, упорная борьба противъ суверенной аристократіи, противъ городовъ и общинъ, противъ церкви, противъ цеховъ и корпорацій, противъ партикуляризма и разныхъ центробѣжныхъ стремленій. Никакой подобной борьбы не приходилось вести русскому правительству; на громадномъ пространствѣ отъ Архангельска до Астрахани ему приходилось бороться съ совершенно другими врагами: съ природой, съ невѣжествомъ и апатіей. Оно могло по своему усмотрѣнію создавать сословія и распускать ихъ, преобразовывать церковь, мѣнять системы воспитанія. Оттого его призваніе въ странѣ другое, и съ тѣхъ поръ, какъ оно пришло къ самосознанію (съ Петра В.), оно всегда болѣе или менѣе сознавало свою великую культурную задачу. Какъ въ художественномъ отношеніи громадный, голый и одноцвѣтный брантмауеръ производитъ тяжелое впечатлѣніе, а фасадъ, расчлененный на архитектурныя части и оживленный разными элементами орнаментики, свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ своего владѣльца, такъ и успѣхъ въ государственной жизни знаменуется раздѣленіемъ и гармоническимъ отношеніемъ отдѣльныхъ функцій, разнообразіемъ и самостоятельною жизнью отдѣльныхъ элементовъ.

Особенно наше время было благопріятно такому развитію отдѣльныхъ элементовъ и функцій государственной жизни; нужно

ли, чтобы университеты составили исключеніе? Пришла ли вообще пора, чтобъ оторвать русскіе университеты отъ исторической почвы и подвергнуть ихъ коренному преобразованію и бюрократической регламентаціи?

Всякое государство при устройствѣ какой-нибудь отдѣльной части должно сообразоваться съ существующими условіями. Особенно въ области ученія и культуры результатъ, котораго можетъ достигнуть государство — ограниченъ. Спрашивается, измѣнились ли и насколько измѣнились культурныя условія Россіи, отъ которыхъ зависитъ положеніе университетскаго дѣла?

Настолько ли измѣнилось положеніе дѣлъ въ Россіи, что правительство можетъ предоставить пополненіе университетовъ (студентами и профессорами) случаю или собственному теченію дѣлъ? Такой ли избытокъ въ Россіи медиковъ, какъ, напр., въ Германіи, гдѣ они принуждены искать себѣ дѣятельности за-границей и за моремъ? Такой ли избытокъ юристовъ, чтобы правительство было принуждено, какъ одно время въ Пруссіи, брать съ поступающихъ на службу подписку, что они въ состояніи содержать себя безъ жалованья въ теченіи десяти лѣтъ? Гдѣ въ Россіи то многочисленное, болѣе или менѣе достаточное среднее сословіе, которое наполняетъ университеты Германіи [1]), и обезпечиваетъ культурную высоту страны? Всѣмъ извѣстно, какой небольшой контингентъ поставляетъ въ университеты высшее сословіе въ Россіи и каково матеріальное положеніе студентовъ. Изъ 1259 студ. нынѣшняго года въ московскомъ университетѣ, 287 стипендіатовъ, 337 освобождены отъ платы по свидѣтельству о бѣдности, около 40 отсрочена уплата по окончаніи курса; только 376 человѣкъ внесли плату по 1 декабря; изъ остальныхъ же большинство снабжено также свидѣтельствами о бѣдности, но они не могутъ воспользоваться ими потому, что не имѣютъ нормальнаго балла и принуждены прибѣгнуть къ частной благотворительности.

Желательно ли при *этихъ* условіяхъ ввести, напримѣръ, у насъ гонорарій, который противорѣчитъ нравственнымъ инстинктамъ и студентовъ, и профессоровъ въ Россіи, не привыкшихъ смотрѣть на университетское преподаваніе, какъ на частную сдѣлку или на бенефисъ съ рекламами и дивертиссементомъ? Го-

---

[1]) Хирургъ Бильротъ, въ своемъ сочиненіи объ изученіи медицинскихъ наукъ, говоритъ, что считаетъ своей обязанностью отсовѣтовать всякому молодому человѣку поступить на медицинскій факультетъ, если онъ не располагаетъ суммой въ 8000 р. (24,000 марокъ), необходимой для того, чтобы основательно изучить свое дѣло (р. 223).

Digitized by Google

норарій притомъ, какъ мы видѣли, утратилъ свой смыслъ и въ Германіи, вслѣдствіе спеціализаціи наукъ, благодаря которой нѣкоторые предметы собираютъ въ аудиторіи до 200 человѣкъ, а другіе слушаются 2—3 студентами. Вмѣстѣ съ гонораріемъ перейдутъ въ намъ всѣ дрязги, неизбѣжно связанныя со всякимъ денежнымъ разсчетомъ, а пользы для привать-доцентуры, на которую обыкновенно указываютъ любители гонорарія, нельзя ожидать никакой. Мы видѣли, что и въ Германіи денежная помощь отъ гонорарія не входитъ въ разсчетъ привать-доцентовъ, и въ число послѣднихъ вступаютъ только молодые люди, обезпеченные на нѣсколько лѣтъ. Въ Германіи, какъ мы слышали, еще въ старшемъ классѣ гимназій случается, что изъ двухъ одинаково способныхъ товарищей одинъ начинаетъ мечтать о занятіяхъ наукой, если онъ сынъ достаточнаго семейства; другой безъ всякихъ иллюзій готовитъ себя къ званію учителя. У насъ же, съ одной стороны, средства большинства молодыхъ людей, способныхъ идти въ профессоры, не позволяютъ имъ выжидать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ профессуры; съ другой стороны, при недостаткѣ у насъ людей, кандидатовъ постоянно отвлекаетъ отъ каѳедры учительство, журналистика, судебное вѣдомство, гдѣ они готчасъ находятъ себѣ обезпеченное положеніе, тогда какъ въ Германіи таковыхъ ожидаетъ учительское жалованье въ 400 тал. или сверхштатная служба безъ жалованья, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Введеніе у насъ гонорарія по незначительности его нисколько не поддержало бы привать-доцентуры, тѣмъ болѣе, что это учрежденіе встрѣчаетъ у насъ еще другія препятствія. Нѣмецкому привать-доценту открытъ путь въ профессоры не только въ двадцати университетахъ Германіи, но и въ восьми нѣмецкихъ университетахъ Швейцаріи, Австріи и Россіи (Дерптъ), не говоря даже о томъ, что онъ можетъ по нѣкоторымъ предметамъ быть приглашенъ и въ другія государства. Въ этихъ 28 университетахъ, и особенно при болѣе многочисленныхъ штатахъ, чѣмъ у насъ, легко можетъ открыться профессура; у насъ же привать-доцентъ можетъ разсчитывать только на семь университетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не могутъ входить въ разсчетъ молодого человѣка, призваннаго родомъ своихъ занятій или другими отношеніями къ которому-нибудь изъ нашихъ сельскихъ городовъ. Кромѣ того, отъ нѣмецкаго привать-доцента не требуется никакой ученой степени; сдѣлавшись Herr Doctor еще на студенческой скамьѣ, онъ не отвлекается отъ преподаванія заботой о какихъ бы то ни было обязательныхъ ученыхъ трудахъ. Между нашимъ привать-доцентомъ и профессурой стоятъ

Digitized by Google

два сочиненія на степень магистра и доктора. Отмѣна этого условія была бы крайне нежелательна. Диссертаціи, какъ извѣстно, составляютъ у насъ главный двигатель и симптомъ нашей науки; большинство нашихъ профессоровъ ничего не пишетъ, кромѣ диссертацій. Разсматривать всѣ причины этого явленія здѣсь нѣтъ надобности; достаточно упомянуть о томъ, что книгъ пишутъ только тамъ, гдѣ ихъ читаютъ; гдѣ же нѣтъ ни читателей, ни издателей, тамъ обязательное напечатаніе по крайней мѣрѣ двухъ ученыхъ трудовъ будетъ долго важнымъ подспорьемъ науки. Но пока у насъ будутъ требоваться диссертаціи, какъ условіе для профессуры, прямымъ путемъ къ ней будетъ трудъ, потраченный на диссертаціи, а не на даровое преподаваніе въ университетѣ, и всякій молодой ученый предпочтетъ у насъ употребить свой досугъ и свои деньги на подготовительныя работы къ диссертаціи, чѣмъ на привать-доцентуру. Необходимая для насъ поѣздка за-границу составляетъ новое препятствіе; молодые люди, имѣющіе собственныя средства, уѣзжаютъ за-границу тотчасъ по окончаніи курса, и, конечно, предпочитаютъ этотъ способъ приготовленія къ ученой карьерѣ ловлѣ слушателей, подобно нѣмецкимъ привать-доцентамъ. Большинство же молодыхъ людей у насъ принуждается отправлять за-границу на казенный счетъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, желательно было бы поощрить у насъ развитіе привать-доцентуры помимо фантастической помощи, ожидаемой отъ введенія гонорарія. Уставъ 1863 года уже позаботился о такомъ поощреніи. Если у насъ теперь почти еще нѣтъ привать-доцентовъ, то нужно прежде всего винить вышеприведенныя причины, которыя всегда будутъ болѣе или менѣе задерживать у насъ развитіе этого учрежденія. Но, кромѣ того, нужно имѣть въ виду одно обстоятельство, которое обыкновенно забываютъ при обсужденіи послѣдствій этого устава. Этотъ уставъ засталъ наши университеты въ разстроенномъ положеніи, вслѣдствіе предшествовавшей эпохи, неблагопріятной для развитія науки. Нѣкоторыя каѳедры были не заняты (напр. всѣ каѳедры философіи), на другихъ были лица, несоотвѣтствовавшія своему назначенію. Уставъ 1863 г. однако широко раздвинулъ рамки университетовъ и значительно увеличилъ число каѳедръ. Съ тѣхъ поръ былъ учрежденъ цѣлый новый университетъ и три отдѣльныхъ факультета (2 словесные и 1 юридическій); нѣкоторыхъ профессоровъ отвлекла открывшаяся дѣятельность на другихъ поприщахъ, не малое число профессоровъ покинуло университеты по иными причинамъ, и всѣ эти новыя и старыя каѳедры пришлось опять наполнять молодыми преподавателями. При такомъ громадномъ запросѣ

Digitized by Google

на штатныхъ преподавателей, какое же могло развиться приватъ-доцентство? Вообще нужно имѣть въ виду, что приватъ-доцентура есть роскошь университетской жизни, которая можетъ развиться и развивается сама собой *при избытк*ѣ силъ, когда будутъ удовлетворены существенныя потребности университетовъ, когда число желающихъ получить каѳедры превыситъ количество послѣднихъ. Эта пора у насъ не настала, и судить объ этомъ можно по одному очень вѣрному признаку. Гдѣ у насъ магистры и доктора, не находящіе себѣ мѣста въ университетѣ? Какъ скоро появляется у насъ новый ученый, его приглашаютъ на-расхватъ. Когда въ Россіи окажется избытокъ въ людяхъ съ учеными степенями, тогда и у насъ образуется почва для развитія приватъ-доцентства.

Но если даже правительство Германіи начало заботиться объ *искусственномъ* развитіи или поддержаніи этого института, то это тѣмъ болѣе необходимо у насъ. Уставъ 1863 года хотѣлъ помочь дѣлу учрежденіемъ доцентуръ, т.-е. приватъ-доцентуры съ правами службы и небольшимъ окладомъ на три года. Но доцентура не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, потому ли, что она попала въ уставъ вслѣдствіе сдѣлки между двумя различными требованіями, или потому, что однимъ средствомъ думали достигнуть двухъ цѣлей. Съ одной стороны, доцентура есть профессура съ низшимъ окладомъ и съ низшей ученой степенью. Такъ, напримѣръ, на словесномъ факультетѣ полагается 11 каѳедръ; нѣкоторыя изъ этихъ каѳедръ двойныя; при такомъ количествѣ необходимо было бы дать факультету по крайней мѣрѣ 14 ординатуръ (считая 3 двойныя каѳедры) и половинное число экстраординатуръ, для дополненія преподаванія и запаса преподавателей при замѣщеніи ординарныхъ вакансій. Между тѣмъ, въ видахъ экономіи, по штату положено только 8 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ и 7 доцентскихъ окладовъ. Очевидно, что здѣсь доценты играютъ роль постоянныхъ, штатныхъ преподавателей, т.-е. профессоровъ съ низшимъ окладомъ. Но, кромѣ того, про доцентовъ сказано, что они могутъ находиться въ этомъ званіи не болѣе трехъ лѣтъ и не имѣютъ голоса въ факультетѣ. Въ этомъ отношеніи доценты представляютъ собой, съ точки зрѣнія устава 1863 года, приватъ-доцентовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ трехлѣтней субсидіей—какъ по новому прусскому регламенту, который мы приводили. Эта двойственность доцентуры порождала много недоумѣній и затрудненій, о которыхъ излишне говорить въ журнальной статьѣ. Ее прежде всего необходимо уничтожить. Если министерство не имѣетъ средствъ снабдить фа-

Digitized by Google

нульеты такимъ количествомъ ординарныхъ окладовъ, какіе требуются количествомъ каѳедръ и размѣромъ преподаванія, тогда, очевидно, придется сохранить доцентуры, какъ *профессуры* съ низшимъ окладомъ и безъ ограниченія, относительно правъ голоса и трехлѣтняго срока. Но, кромѣ этого, нужно будетъ предоставить въ распоряженіе факультетовъ значительную сумму для израсходованія, по ихъ усмотрѣнію (подъ контролемъ совѣта и министерства), на: 1) приглашеніе сторонникъ преподавателей на годъ или на два, не стѣсняясь учеными степенями—для дополненія преподаванія въ случаѣ вакансіи каѳедры или невозможности тѣмъ лицомъ, которое имѣется въ виду для каѳедры, соотвѣтствующей ученой степени; 2) на приглашеніе привать-доцентовъ и поощреніе ихъ извѣстной суммой. Уставъ 1863 г. заключаетъ въ себѣ такую статью, но она не могла получить практическаго примѣненія, потому что, напримѣръ, московскому университету никогда не отпускалось никакой суммы для этого, и онъ былъ принужденъ даже необходимыхъ сторонникъ преподавателей содержать на спеціальныя средства, которыхъ не хватаетъ на различныя потребности, ими удовлетворяемыя. Эти сторонніе преподаватели и привать-доценты съ окладомъ, конечно, не должны входить въ штатъ, не должны считаться на службѣ и приглашеніе ихъ или назначеніе оклада должно ограничиваться по возможности короткими сроками.

Но какъ ни желательны всякаго рода поощренія приватъ-доцентства, нужно признать, что успѣхъ этихъ мѣръ зависитъ не *отъ* нихъ, а отъ наличныхъ силъ страны, отъ конкурренціи съ наукой другихъ областей духовной жизни, отъ интереса, которымъ проникнуто общество къ научнымъ трудамъ. Для многихъ, впрочемъ, вопросъ о привать-доцентахъ важенъ не самъ по-себѣ, а лишь какъ орнаментика другихъ, болѣе коренныхъ вопросовъ университетскаго быта. Между послѣдними самое важное мѣсто занимаетъ вопросъ о замѣнѣ теперешней системы экзаменовъ такъ-называемымъ «государственнымъ экзаменомъ». При обсужденіи этого вопроса, мы прежде всего встрѣчаемся съ однимъ заблужденіемъ, которое можемъ выяснить и устранить словами спеціалиста въ данномъ случаѣ — нѣмецкаго ученаго Бильрота: «вопросъ, что *лучше*, государственный или факультетскій экзаменъ—почти не имѣетъ смысла, ибо съ тѣхъ поръ, какъ университеты сдѣлались государственными учрежденіями (а въ Россіи это всегда было), профессоры принадлежатъ къ разряду слугъ государства, хотя и къ важнѣйшему изъ этихъ разрядовъ; они непосредственно подчинены только го-

Digitized by Google

сударю и министру, какъ представителю закона. Что экзаменъ, производимый этими государственными слугами или чиновниками по распоряженію государства, ради спеціальныхъ государственныхъ и общественныхъ цѣлей — есть *государственный экзаменъ*, въ этомъ, я думаю, не можетъ быть и сомнѣнія» (230 р.).

Мы думаемъ, что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и въ Россіи, и что, поэтому, вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: какая система экзамена лучше обезпечиваетъ интересы государства относительно успѣха университетскихъ занятій?

Возможны только три способа производить экзаменъ молодымъ людямъ, окончившимъ университетскій курсъ — экзаменъ въ экзаминаціонныхъ коммиссіяхъ, назначенныхъ администраціей; экзаменъ, производимый факультетами въ болѣе или менѣе полномъ составѣ членовъ, и экзаменъ у преподавателя каждаго предмета, въ присутствіи членовъ факультета.

Административная система будетъ состоять въ томъ, если равныя администраціи будутъ составлять особыя коммиссіи для испытанія молодыхъ людей, желающихъ поступить на извѣстную карьеру — министерство юстиціи — для юристовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ — для медиковъ, министерство народнаго просвѣщенія — для учителей гимназій. Нѣтъ сомнѣнія, что принципъ административныхъ коммиссій требуетъ подчиненія ихъ различнымъ вѣдомствамъ, какъ это, отчасти, въ Пруссіи и теперь; тѣмъ естественнѣе было бы это у насъ, гдѣ нѣтъ основанія предоставить министру народнаго просвѣщенія завѣдываніе юридическими коммиссіями, такъ какъ главное юридическое училище имперіи, ученики котораго занимаютъ обыкновенно высшія мѣста въ судебной и административной карьерѣ, не находится въ его вѣдомствѣ.

Кто бы, впрочемъ, ни назначалъ членовъ подобной коммиссіи, одно министерство или нѣсколько — результатъ будетъ одинъ и тотъ же; результатъ не измѣнится также отъ случайнаго состава такихъ коммиссій, отъ того, много или мало будетъ въ нихъ профессоровъ, и какую роль будутъ въ нихъ играть *отставные* профессоры. Сущность такой коммиссіи, составляемой административнымъ образомъ, и дѣйствующей по извѣстнымъ инструкціямъ, состоитъ въ томъ, что она независима отъ университета, внѣ всякой связи съ нимъ и, естественнымъ образомъ, приметъ, относительно его, враждебное или оппозиціонное положеніе. О послѣдствіяхъ такого положенія дѣлъ можно судить по тому, что мы сообщили о прусскихъ коммиссіяхъ, хотя недостатки послѣднихъ, по многимъ причинамъ, у насъ еще удвоятся.

Digitized by Google

Программа требованій и взглядъ такихъ коммиссій будутъ очень различны по мѣстностямъ, случайному составу и, кромѣ того, по перемѣнамъ въ канцеляріи министра — даже въ Германіи жалуются на частые Ansichtswechsel im Ministerium. Если же программа, члены и инструкціи не будутъ постоянно мѣняться, то вредъ будетъ еще сильнѣе—и *у насъ* разовьется тогда особый промыселъ приготовленія къ этимъ программамъ; и у насъ появятся печатныя или литографированныя руководства къ этимъ программамъ; и у насъ ограничатся притупляющимъ зазубриваніемъ этихъ руководствъ; и у насъ богатые студенты предпочтутъ, подобно молодымъ людямъ австрійской аристократіи, помимо университета, съ помощью репетиторовъ, прямо готовиться къ экзамену, особенно если экзаминаторы возьмутъ на себя обязанность «слѣдить за общимъ ходомъ преподаванія». Вредно, впрочемъ, отразится такая система не только на богатыхъ, но и на бѣдныхъ студентахъ. Если и теперь раздаются оффиціальныя жалобы, что студенты плохо посѣщаютъ лекціи, то учрежденіе такихъ коммиссій будетъ оффиціальнымъ поощреніемъ *непосѣщенія* лекцій, ибо лекціи сдѣлаются безполезными, утратятъ raison d'être для студентовъ, развѣ наши профессоры согласятся, по примѣру нѣкоторыхъ изъ своихъ иностранныхъ товарищей, диктовать на лекціяхъ краткіе отвѣты на вопросы программы.

Мы не можемъ представить себѣ болѣе тяжелаго удара для нашихъ университетовъ, какъ подобный разрывъ между преподаваніемъ и экзаменомъ. При нашихъ бюрократическихъ нравахъ такія экзаминаціонныя коммиссіи станутъ смотрѣть на себя, какъ на какую-то контролирующую инстанцію по отношенію къ университетамъ; особенно, если въ число членовъ будутъ попадать люди съ связями въ бюрократическомъ мірѣ,—интригамъ, столкновеніямъ и пререканіямъ не будетъ конца. Но и совершенно помимо такихъ случайныхъ злоупотребленій, экзаминаціонныя коммиссіи пріобрѣтутъ вліяніе на способъ занятій студентовъ и на способъ преподаванія. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого будетъ *пониженіе уровня* какъ студентовъ, такъ и самаго преподаванія, пониженіе еще болѣе ощутительное, чѣмъ то, на которое жалуется королевскій прусскій рескриптъ.

Но для того, чтобы въ настоящемъ свѣтѣ выставить это пониженіе, мы должны остановиться на вопросѣ о цѣли и значеніи профессорскихъ лекцій, и о различіи университетскаго преподаванія отъ школьнаго. Останавливаться на такихъ ясныхъ вопросахъ!—замѣтитъ иной читатель. Ясны, однако, они не для всѣхъ. Мы даже встрѣтили, къ сожалѣнію, нѣкоторую неясность въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи въ напечатанныхъ вопросахъ, которые раздавала профессорамъ коммиссія, недавно объѣзжавшая русскіе университеты. Въ этихъ вопросахъ, съ одной стороны, высказывается желаніе сократить число каѳедръ въ русскихъ университетахъ, напр. на словесномъ факультетѣ уничтожить 3 изъ 11 (исторію всеобщей литературы, исторію церкви и исторію искусства), и въ то же время осуждается стремленіе къ спеціализаціи, и профессорамъ рекомендуется не стѣсняться рамками своей спеціальности, а читать лекціи и по другимъ наукамъ.

Этотъ взглядъ нѣсколько устарѣлъ. Когда-то онъ господствовалъ въ Германіи, а именно въ эпоху болѣе слабаго развитія нѣмецкой науки. Но будемъ лучше, для любителей германскихъ университетскихъ порядковъ, приводить германскіе авторитеты. «До конца прошлаго вѣка,—говоритъ Бильротъ,—а въ нѣкоторыхъ маленькихъ университетахъ даже еще въ началѣ нынѣшняго вѣка предполагали, что всякій ординарный профессоръ такъ владѣетъ всѣми науками своего факультета, что можетъ безъ вреда для студентовъ мѣнять предметъ преподаванія. Но это идиллическое время давно прошло. Съ четвертаго десятка нашего вѣка повсемѣстно установилось такое требованіе отъ нѣмецкаго профессора, чтобы онъ не только зналъ результаты науки до послѣдняго времени и передавалъ ихъ ученикамъ, но былъ бы самъ спеціалистомъ въ той *отрасли* науки, которую онъ излагаетъ. Это и прежде нравилось, когда случайно встрѣчалось такое совпаденіе. *Но особенность новаго духа* (курсивъ въ подлинникѣ) *нѣмецкихъ университетовъ заключается въ томъ, что они должны быть не только поприщемъ для передачи добытаго наукой, но и поприщемъ изслѣдованія*, т.-е., что они, какъ обыкновенно выражаются, должны соединять въ себѣ и *учебное заведеніе*, и *академію*. Такую высшую, идеальную цѣль, выраженную въ такой гордой формѣ, до сихъ поръ поставили себѣ одни нѣмецкіе университеты. Ни одна другая нація не считаетъ это основнымъ условіемъ для истиннаго назначенія университета. Эти увеличенныя требованія отъ преподавателя имѣли своимъ послѣдствіемъ все бо́льшее и бо́льшее дробленіе предметовъ преподаванія; ибо, какъ скоро стали исходить изъ такого взгляда, что *только изслѣдователь (спеціалистъ) можетъ быть настоящимъ преподавателемъ* (vollendeter Lehrer), пришлось, конечно, и увеличить число преподавателей». Вся исторія германскихъ университетовъ служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ.

И въ этомъ вся суть университетскаго вопроса, въ этомъ великій урокъ, который намъ даютъ нѣмецкіе университеты.

Digitized by Google

Долго, начиная съ среднихъ вѣковъ, они были школами для взрослыхъ, гдѣ въ болѣе или менѣе одинаковомъ видѣ учащимся преподносился традиціонный ученый матеріалъ. Только въ началѣ прошлаго вѣка начался переворотъ. Одинъ за другимъ, профессоры оставляли старую колею и становились изслѣдователями, пока, наконецъ, общій порывъ овладѣлъ всей массой и преобразилъ нѣмецкіе университеты. Вотъ что было причиной ихъ процвѣтанія. Ни привать-доценты, ни гонораріи, ни административная опека не подняли университетовъ, а духъ науки, духъ изслѣдованія, духъ спеціализаціи. Конечно, и въ настоящее время не всякій нѣмецкій профессоръ есть двигатель науки, но всякій, чѣмъ бы онъ ни занимался, гистологіей или лингвистикой, проникнутъ духомъ изслѣдованія и поддерживается имъ. Въ этомъ заключается идеализмъ профессорской жизни и отрада этого призванія, въ этомъ отличіе его отъ болѣе тяжелаго учительскаго труда. И этотъ идеализмъ существуетъ и въ русскихъ университетахъ. Естественно, если иностранцы этого не знаютъ и считаютъ это исключительной монополіей своихъ университетовъ; не даромъ однако русскіе университеты могутъ сказать, что они устроены не по образцу англійскихъ или французскихъ, а нѣмецкихъ. Это главное наслѣдіе важнѣе мелкихъ, техническихъ заимствованій, которыми хотятъ насъ обогатить. Но странно, что есть русскіе, да еще профессоры университета, которые этого не замѣтили. А между тѣмъ русскіе университеты стоятъ теперь настолько выше того, чѣмъ они были, напримѣръ, въ 30-хъ годахъ, насколько духъ научнаго изслѣдованія и, прибавимъ, спеціализаціи овладѣлъ русскими профессорами.

Теперь мы можемъ обратиться къ другому вопросу—о значеніи лекцій. Часто приходится слышать или читать, что лекціи не можетъ замѣнить никакой учебникъ. Но почему? Было время, когда между лекціями и учебникомъ было мало разницы, когда лекціи имѣли передъ учебникомъ только то преимущество, что были короче, удобнѣе, или замѣняли учебники, которыхъ не было въ печати. Но переворотъ, совершившійся въ области науки, долженъ былъ отразиться и на лекціяхъ. Простая передача ученаго или учебнаго матеріала перестала удовлетворять, нужно было, кромѣ того, поднимать молодое поколѣніе на ту высоту *научнаго* интереса, который есть главное условіе дальнѣйшаго успѣха. Аудиторію увлечь можно и другими средствами, но только увлеченіе, произведенное этимъ способомъ, оставляетъ прочные слѣды. Для этого не нужно фразъ, нужно только, чтобы преподаватель не былъ воронкой, черезъ которую льется учебный ма-

Digitized by Google

теріалъ, но чтобы сквозь его слова слышался научный интересъ, и фактическій матеріалъ былъ бы проникнутъ духомъ изслѣдованія. Для этого вовсе не нужно, чтобы преподаватель цѣлый курсъ читалъ объ одномъ грибѣ или объ одномъ халифѣ. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы предметомъ курса былъ непремѣнно спеціальный вопросъ, но чтобы самъ преподаватель былъ спеціалистомъ, ибо только спеціалистъ можетъ быть проникнутъ современнымъ духомъ изслѣдованія, только онъ въ состояніи внушить слушателямъ любовь и настоящее уваженіе къ наукѣ, возжечь въ нихъ мысль и сознаніе, что и они призваны къ великой духовной трапезѣ нашего вѣка. Не массой только знанія отличается нашъ вѣкъ отъ предшествующихъ, а отношеніемъ къ знанію и методомъ познаванія. Тѣми же самыми свойствами должны отличаться лекціи отъ печатанныхъ учебниковъ. Они не должны давать только свѣдѣнія, но должны познакомить слушателя съ методомъ познаванія, должны затронуть въ немъ струну, которая бы отзывалась на лучшія стремленія нашего вѣка, воспользоваться идеализмомъ, который, если и не на долго, возгорается въ душѣ каждаго юноши, чтобы сдѣлать ему дорогимъ и понятнымъ, помимо практической цѣны знанія, идеальную любовь нашего времени къ истинѣ и наукѣ. И для этого вовсе не нужно, чтобы каждый профессоръ непремѣнно былъ «двигателемъ» науки, чтобы каждый юноша на студенческой скамьѣ становился «спеціалистомъ». Достаточно, если молодое поколѣніе будетъ выносить изъ университета, хотя и не вполнѣ ясное чувство, что оно, если, можетъ быть, и не запасло въ своей памяти слишкомъ много положительнаго знанія, но узнало пути, которые ведутъ къ истинѣ, а именно это-то имѣетъ для всякаго мыслящаго молодого человѣка необыкновенную прелесть. Пробуждается любовь къ дѣлу, разгорается иногда до восторга, и ученикъ впослѣдствіи самъ съ легкостью прокладываетъ мость къ положительному знанію, послѣ того, какъ онъ узналъ почву, на которой ему приходится вращаться и которую открылъ ему его учитель, изслѣдователь. Сколько изъ всего этого потомъ бы ни пропало у тѣхъ, которые по той или другой причинѣ входятъ въ узкую колею ремесла—имъ остается неизмѣнное сознаніе, что имъ удалось хотя одинъ разъ въ жизни видѣть страну идеаловъ, и въ этомъ сознаніи заключается такое счастье, которое можетъ понимать только тотъ, кто его ощущалъ; это счастье становится въ то же время гордостью его внутренней жизни. А чѣмъ больше въ народѣ число людей, которые собственными глазами узрѣли область науки и искусства, тѣмъ выше возвышается культурный уровень

Digitized by Google

этой націи. Вотъ этотъ-то идеализмъ университетской жизни будутъ убивать въ зародышѣ у студентовъ и у преподавателей административныя экзаминаціонныя коммиссіи изъ отставныхъ профессоровъ и «иныхъ лицъ».

Затѣмъ остаются два способа производить экзаменъ: 1) посредствомъ одной факультетской коммиссіи, изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ по опредѣленной на нѣсколько лѣтъ впередъ программѣ, и 2) посредствомъ спеціальныхъ коммиссій изъ преподавателя, ассистента и декана по курсу, прочитанному преподавателемъ, т.-е. теперешній русскій способъ. Надъ послѣднимъ легко глумиться, разсказывать, что одинъ профессоръ экзаменуетъ строго, другой легко, одинъ внимательно, другой разсѣянно и т. п. Но нужно имѣть въ виду, что все, что можетъ быть сказано о неравномѣрности, субъективности, случайности единичнаго экзамена, должно быть отнесено ко всякому экзамену независимо отъ числа экзаминаторовъ. Еще не найденъ способъ, какъ подобрать экзаминаторовъ одинаковаго темперамента или какъ составлять различныя коммиссіи, которыя руководствовались бы равномѣрными требованіями. Къ этому присоединяется еще одно важное обстоятельство, о которомъ многіе не думаютъ. Всякій научный экзаменъ, т.-е. экзаменъ не изъ элементарныхъ свѣдѣній, будетъ въ сущности *единичнымъ экзаменомъ*, какъ бы велико ни было число членовъ коммиссіи. Дѣло въ томъ, что изъ науки можетъ экзаминовать только спеціалистъ. Если же въ коммиссіи будутъ два спеціалиста по одному предмету, то экзаменъ выйдетъ *двойной*, т.-е. сначала проэкзаминуетъ одинъ, а потомъ другой. Только школьниковъ можно экзаминовать *коллективно*, да и то не всѣ экзаминаторы въ состояніи это дѣлать. О каѳедромъ, напримѣръ, окружномъ инспекторѣ извѣстно, что изъ математики онъ можетъ экзаминовать, положимъ, до 8-го класса, изъ французскаго языка, можетъ быть, до 6-го, а изъ латинскаго до 4-го или до синтаксиса—а можетъ быть и наоборотъ. На экзаменѣ университетскомъ разстояніе между предметами, доступными для экзаминатора, будетъ, конечно, еще большее. Если, напримѣръ, на словесномъ факультетѣ коммиссія будетъ состоять изъ 5-ти членовъ: профессоровъ двухъ древнихъ языковъ, философіи, русскаго языка и исторіи, то кандидатовъ будетъ, конечно, экзаминовать изъ философіи профессоръ этого предмета, а другіе будутъ *молчаливые ассистентами*.

Итакъ, различіе между экзаменомъ изъ всѣхъ предметовъ передъ факультетской коммиссіей или у преподавателя каждаго

предмета вовсе не важно по характеру экзамена, оно касается только содержанія или матеріала испытанія.

Въ первомъ случаѣ экзаменъ происходитъ на основаніи общей, болѣе или менѣе неопредѣленной программы по извѣстному числу предметовъ, во второмъ по тому, что прочитано профессоромъ въ текущемъ году. Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ свои особенныя свойства и послѣдствія. Относительно первой системы мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты: 1) отрывая вниманіе студентовъ отъ лекцій, она можетъ вызвать, за исключеніемъ, можетъ быть, медицинскаго факультета, равнодушіе къ нимъ, превратить особенно послѣдніе годы студенческой жизни въ механическое отзубриваніе случайно существующихъ учебниковъ, вызвать то, что въ Германіи называется—Drangen nach dem Examinations-Studien, Einpaukerie и другія злоупотребленія; 2) такъ какъ экзаменъ придется сдавать на весь курсъ и изъ цѣлыхъ предметовъ, то самыя требованія отъ познаній студентовъ должны понизиться; отъ студентовъ будутъ требовать всего понемножку, «элементы науки», т.-е. элементарныя свѣдѣнія, что сдѣлаетъ ихъ поверхностными рутинёрами. Мы можемъ засвидѣтельствовать по собственному опыту, что когда намъ приходилось экзаминовать прямо на «учителя гимназіи» молодыхъ людей, не бывшихъ на нашемъ факультетѣ, мы принуждены были удовлетвориться болѣе снисходительными требованіями и пропускать въ учителя исторіи людей менѣе *понимавшихъ* предметъ, чѣмъ студентъ историческаго отдѣленія; 3) эта система вызоветъ большія затрудненія при составленіи коммиссій. Если въ коммиссію войдутъ всѣ преподаватели, то она перестанетъ быть коммиссіей; если будетъ сдѣланъ выборъ, то очень пострадаютъ предметы тѣхъ профессоровъ, которые не будутъ въ коммиссіи.

Такъ, напр., мы встрѣтили жалобу, что на медицинскомъ факультетѣ въ Грейфсвальдѣ очень пострадало между медиками знаніе ботаники, потому что экзаминаторомъ изъ зоологіи и ботаники былъ зоологъ.

Съ другой стороны, экзаменъ по прочитанному курсу представляетъ свои особенныя преимущества: каждый хорошій студентъ занимается особенно усердно нѣкоторыми предметами; онъ читаетъ книги по этимъ предметамъ, совѣтуется съ преподавателемъ, начинаетъ любить предметъ и тщательно готовится къ экзамену изъ него уже не для хорошаго балла, а чтобы доказать преподавателю, что онъ дѣйствительно занимался. При экзаменѣ изъ цѣлаго предмета передъ коммиссіей онъ можетъ только

Digitized by Google

имѣть въ виду *хорошо пройти;* на экзаменѣ передъ преподавателемъ для него важно *личное одобреніе* перваго. Затѣмъ, если справедливо то, что́ мы сказали о значеніи хорошихъ лекцій сравнительно съ учебникомъ, то изъ этого должно слѣдовать, что и экзаменъ по такимъ лекціямъ имѣетъ свои преимущества. Я думаю, что каждый изъ насъ, кому удавалось экзаменоваться изъ хорошаго курса, можетъ засвидѣтельствовать то благодѣтельное вліяніе, которое на него имѣли не только самыя лекціи, но и то напряженіе, которое было необходимо, чтобъ усвоить ихъ, приготовиться по нимъ для экзамена.

Особенное значеніе имѣетъ этотъ способъ у насъ вслѣдствіе молодости нашей науки, недостатка у насъ научныхъ учебниковъ по многимъ отраслямъ, непригодности многихъ переводныхъ книгъ и учебниковъ. Въ Россіи до сихъ поръ еще *профессорскій трудъ*, т.-е. лекціи—представляютъ главное подспорье науки, и мы увѣрены, что бо́льшая часть свѣдѣній и серьёзнаго научнаго интереса накопившихся въ Россіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе—не столько результатъ книгъ и учебниковъ, сколько личнаго, профессорскаго труда и вліянія.

Этотъ способъ можетъ встрѣтить серьёзныя практическія затрудненія только при большомъ числѣ университетскихъ преподавателей и дальнѣйшемъ дробленіи на спеціальности. Но до этого намъ еще далеко. Для этого нужно, чтобы еще подросло цѣлое новое поколѣніе; нужно, чтобы удвоились штаты, т.-е. по крайней мѣрѣ число ординарныхъ профессоровъ по главнымъ предметамъ каждаго факультета, чтобъ расширились наши лабораторіи и клиники, *чтобы по крайней мѣрѣ одинъ изъ нашихъ университетовъ по богатству учебныхъ средствъ сравнился съ хорошими заграничными.* Въ этомъ отношеніи правительству представляется обширное и благодарное поприще для дѣятельности и попеченія надъ университетами. Если бы уже и теперь какой-нибудь факультетъ тяготился излишествомъ преподавателей, о чемъ мы еще не слыхали—то ему есть отличный исходъ. Давно пора было бы намъ перенять у Германіи *публичныя лекціи*, т.-е. небольшіе курсы общеобразовательнаго или общеинтереснаго содержанія, которые бы предназначались для студентовъ безъ различія факультетовъ и читались въ вечернія часы. Теперь наши медики и юристы не имѣютъ возможности послушать какихъ-нибудь лекцій по естественнымъ или историческимъ наукамъ, потому что всѣ онѣ читаются только въ обще-обязательные часы и имѣютъ факультетскій характеръ. Эти ни для кого не обязательныя лекціи дали бы возможность и привать-доцентамъ, если

Digitized by Google

ени появятся, испробовать свои силы и показать себя. Нѣтъ нужды, если такіе вечерніе курсы при нашихъ разстояніяхъ и при большомъ числѣ уровней, которые даютъ многіе студенты, будутъ не усердно посѣщаться. Въ этомъ случаѣ важно не количество, да и тутъ можетъ со временемъ установиться преданіе.

Но вопросъ о наилучшемъ способѣ университетскаго преподаванія не можетъ быть исчерпанъ въ предѣлахъ журнальной статьи. Мы имѣли только въ виду указать, что способъ, установившійся теперь въ Германіи, не есть *абсолютно-совершенный* способъ—онъ выгоденъ для очень способныхъ и зрѣлыхъ студентовъ, но не для большинства; онъ содѣйствуетъ крайней спеціализаціи и даетъ хорошіе результаты въ тѣхъ предметахъ, которые допускаютъ замкнутость занятій безъ вреда для дѣла, напр. въ химіи, но не рѣдко очень плохіе результаты на обще-образовательныхъ факультетахъ (humaniora), на юридическомъ и словесномъ. Мы, далѣе, указали на то, что способъ преподаванія въ русскихъ университетахъ былъ вызванъ мѣстными условіями и теперь еще ими поддерживается. Потребность его измѣнить мало ощутительна; со стороны профессоровъ и со стороны студентовъ это ясно доказано тѣмъ, какъ относились къ коммиссіи, объѣзжавшей университеты, не только первые, но и послѣдніе. Естественно было бы студентамъ увлечься словомъ «свобода», обѣщаннымъ уничтоженіемъ «обязательности» лекцій; между тѣмъ поведеніе студентовъ было чрезвычайно сдержанно и недовѣрчиво. Скоро ли наступитъ то время, когда теперешній способъ можетъ быть *съ пользой* замѣненъ необязательностью лекцій—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ прежде многое должно бы измѣниться къ лучшему: число каѳедръ и ученыхъ въ нашихъ университетахъ должно возрости, число книгъ и учебниковъ, написанныхъ русскими учеными, должно удесятериться; наконецъ, долженъ измѣниться самый взглядъ администраціи и общества на студента. Пока мы не считаемъ возможнымъ дозволить нашимъ студентамъ, чтобъ они, подобно нѣмецкимъ, свободно составляли корпораціи и союзы и безъ надзора проводили вечера въ кнейпахъ и читальняхъ; пока въ нашихъ оффиціальныхъ органахъ печатаются жалобы на то, что студенты не посѣщаютъ лекцій, и это становится государственнымъ вопросомъ — лучше не уничтожать обязательности курсовъ!

Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ чисто педагогическій, который далеко не такъ важенъ, какъ другіе вопросы, касающіеся общаго положенія университетовъ — экзаминаціонныя коммиссіи,

Digitized by Google

зависящія отъ администраціи, ослабленіе или уничтоженіе совѣта, назначеніе профессоровъ вмѣсто избранія.

Вотъ это *жизненные* вопросы для нашихъ университетовъ. Нельзя ожидать, чтобы теперешнее поколѣніе русскихъ профессоровъ, которые пережили прежнюю эпоху гоненія на университеты, ограниченіе числа студентовъ, изгнаніе философіи и республиканскихъ писателей Рима и Греціи, пережили попечителя, грозившаго студентамъ карцеромъ и изгнаніемъ за то, что они положили лавровый вѣнокъ на гробъ Грановскаго—чтобы эти профессоры сочувствовали какой бы то ни было мѣрѣ, способной расшатать зданіе университета и превратить его въ бессвязную группу чиновниковъ. Оттого упомянутыя мѣры, возвѣщенныя въ одномъ изъ органовъ нашей печати, и встрѣтили такой единодушный отпоръ со стороны русскихъ профессоровъ,—за исключеніемъ немногихъ, а сказано же у Тацита: publica mala singulis in occasionem gratiae trahuntur. Ann. V. 3. Теперешнее устройство нашихъ университетовъ, съ совѣтомъ во главѣ, есть тотъ спасительный кровъ, въ которомъ еще нуждается молодая русская наука, подъ которымъ ей надо сначала окрѣпнуть и созрѣть. Формы всегда имѣютъ только преходящее значеніе; когда наука у насъ будетъ такъ самостоятельна, какъ германская, на ея вѣковыхъ корняхъ, тогда и она, можетъ быть, не будетъ придавать цѣнъ теперешнимъ формамъ. Но пока различіе въ условіяхъ слишкомъ велико. За примѣрами не нужно идти далеко. Можетъ ли у насъ серьёзно идти рѣчь о германскихъ порядкахъ, пока даже для профессоровъ существуетъ цензура относительно иностранныхъ книгъ. Если какое-нибудь сочиненіе попадетъ случайно на index prohibitorium, профессоръ, желающій пріобрѣсти его, долженъ подавать прошеніе, оплачиваемое 40-копѣечной пошлиной, ждать нѣсколько недѣль, пока придетъ разрѣшеніе изъ Петербурга, а иногда ждать —напрасно. Мы могли бы напечатать списокъ книгъ, въ выдачѣ которыхъ было отказано преподавателямъ московскаго университета.

Укажемъ еще на отношенія къ періодической печати. Въ своей замѣчательной рѣчи, Дёллингеръ прославляетъ нѣмецкіе университеты за ихъ вліяніе на общественное мнѣніе на ряду съ вліяніемъ печати. «Всякая страсть, всякій вновь всплывшій бредъ дня, всякій національный или конфессіональный предразсудокъ ежедневно находитъ въ органахъ печати и посредствомъ ихъ тысячекратный отголосокъ. Поощряемое ими полуобразованіе превратилось въ мощный потокъ, и противъ напора его истинная наука нуждается въ крѣпкихъ оплотахъ, надежныхъ органахъ. Въ

Digitized by Google

другихъ странахъ—назову Англію, Францію, Италію—эта сила печати стала, можно сказать, безпредѣльна, неукротима. Въ Германіи она умѣрена относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся научной области, авторитетомъ и вліяніемъ университетовъ, которые все еще въ общественномъ мнѣніи считаются высшимъ апелляціоннымъ судомъ въ дѣлахъ духовныхъ» (p. 50). А въ Россіи? Но отвѣтимъ на этотъ вопросъ отзывомъ иностранца: «нигдѣ въ Европѣ періодической печати не удалось такъ скоро достигнуть владычествующаго положенія, какъ въ Россіи. Такое вліяніе на практическую политику, такое непосредственное давленіе на ходъ дѣла, какое производили («Колоколъ» и) «Московскія Вѣдомости», не выпадало на долю ни одной нѣмецкой газеты; къ такому положенію, какое занимали нѣкоторые московскіе журналисты, никогда даже не стремились никакіе публицисты Германіи» [1]).

Если нѣмецкій журналистъ съ завистью смотритъ на русскихъ журналистовъ, то русскій профессоръ можетъ позавидовать своимъ нѣмецкимъ товарищамъ. Было время, когда навязывали и нашимъ университетамъ какое-то quasi-американское устройство, при которомъ всякій имѣлъ бы право читать все, что̀ ему угодно, всѣмъ и каждому; пришло другое, когда вліятельный органъ печати навязываетъ университетамъ иное устройство, съ одной стороны похожее на германское, съ другой—таковое, что всякій баши-бузукъ можетъ сдѣлаться, по выраженію Билльрота, «университетскимъ пашей». Естественно, что при такомъ положеніи дѣла всякое уничтоженіе солидарности между факультетами и каѳедрами, всякое ослабленіе существеннаго органа русскихъ университетовъ—совѣта, чрезвычайно не желательно, и что университеты твердо возлагаютъ въ этомъ отношеніи свою надежду на высшее правительство...

Цѣлью нашей статьи было освѣтить нѣкоторыя стороны нѣмецкаго университетскаго быта, предложенныя намъ въ образецъ, указать на индивидуальный характеръ и потребности русскихъ университетовъ, и надѣемся въ этомъ отношеніи послужить выраженіемъ общаго голоса русскихъ профессоровъ—«effetre», какъ сказалъ Тацитъ, «quae omnes animo agitabant».

В. Герье.

[1]) Deutsche Rundschau: „Pavel Michallowitsch Leontjeff". II ч., стр. 187.

Digitized by Google

КОЛОДНИКИ

Посмертное стихотвореніе.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

— Что, братцы, затянемъ-те пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ видно такая невзгода
Написана намъ на роду!

Digitized by Google

И вотъ, повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни,—

—

Поютъ про свободныя стени,
Про дикую волю поютъ,
День мержнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

Гр. А. К. Толстой.

Digitized by Google

ПРОФЕССІОНАЛЬНАЯ

и

ПРОМЫШЛЕННАЯ ГИГІЕНА

Hygiène des professions et des industries etc., par A. Layet, 1875.

«Профессіональная гигіена» — наука о сохраненіи здоровья человѣка при различныхъ его занятіяхъ, профессіяхъ—*есть испытаніе общественнаго здоровья*,—такъ опредѣляетъ эту отрасль общественной гигіены проф. А. Лайэ, въ недавно изданной имъ книгѣ о профессіональной и промышленной гигіенѣ. Дѣйствительно, если работа есть неотъемлемая принадлежность жизни и даже больше—законъ природы, и жизнь безъ работы почти немыслима, то отсюда понятно, какое широкое приложеніе къ общественной жизни можетъ имѣть профессіональная и промышленная гигіена, сохраняя здоровье и жизнь громаднаго большинства единицъ, изъ которыхъ слагается общество. Кромѣ санитарной пользы, ею достигается и польза экономическая: сохраненіемъ здоровья и жизни производительныхъ единицъ общества или государства поддерживаются и его производительныя силы.

Какъ разительный примѣръ вреднаго вліянія работы на фабрикахъ и заводахъ, отражающагося на общественномъ здоровьѣ и государствѣ, мы приведемъ слѣдующіе факты изъ книги Лайэ, относящіеся, напр., къ рекрутскимъ наборамъ. Во Франціи, въ

Digitized by Google

одинъ изъ послѣднихъ годовъ, изъ числа 325,000 молодыхъ людей, подлежавшихъ конскрипціи, насчитывалось 109,000 чел., не принятыхъ въ военную службу по малорослости, слабосилію, тѣлеснымъ недостаткамъ, или вслѣдствіе того, что они страдали англійскою болѣзнью; на 10,000 способныхъ къ военной службѣ конскриптовъ приходилось въ земледѣльческихъ департаментахъ 4029 чел. молодыхъ людей, неспособныхъ къ службѣ по вышеозначеннымъ причинамъ, тогда какъ въ департаментахъ по преимуществу мануфактурныхъ, какъ-то: въ Марнскомъ, Эрскомъ и Нижне-Сенскомъ, на 10,000 способныхъ къ военной службѣ насчитывалось до 14,451 чел. неспособныхъ. Эти результаты заставили французское правительство, по примѣру Англіи и Германіи, ограничить и регламентировать работу несовершеннолѣтнихъ на фабрикахъ, такъ какъ именно работа ихъ, несоотвѣтственная потребностямъ развитія ихъ тѣла и силамъ, въ зараженной атмосферѣ и при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и была причиною такихъ печальныхъ явленій въ народонаселеніи, обнаруживающихся при рекрутскихъ наборахъ.

По поводу этихъ фактовъ мы прежде всего распространимся о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ, а равно и женщинъ, передающихъ вредное вліяніе фабричной работы своимъ дѣтямъ. Лайэ, полагая, что вредныя дѣйствія механической работы на малолѣтнихъ должно приписать гораздо скорѣе недостатку тѣлеснаго упражненія на открытомъ воздухѣ, столь необходимаго для дѣтей, слишкомъ продолжительному пребыванію ихъ въ мастерскихъ, чѣмъ утомленію, производимому самою работой, предлагаетъ слѣдующія мѣры къ ограниченію работы малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ. Туда не должны быть принимаемы дѣти моложе 13-ти лѣтъ, такъ какъ дѣти моложе этого возраста еще слишкомъ юны, ихъ физическія и интеллектуальныя силы едва только начинаютъ развиваться, и однообразная фабричная работа можетъ останавливать ростъ ихъ тѣла. Малолѣтніе и молодые люди отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ не должны работать болѣе 8-ми часовъ въ сутки; утромъ и вечеромъ имъ долженъ быть предоставляемъ отдыхъ, въ теченіи котораго они могли бы оставаться на открытомъ воздухѣ, ходить, бѣгать и проч. Для нихъ должна быть воспрещена всякая ночная работа. Законодательство должно относиться съ еще бо́льшею строгостью къ подземнымъ работамъ малолѣтнихъ въ рудникахъ, каменоломняхъ и къ нѣкоторымъ промышленнымъ производствамъ, опаснымъ или нездоровымъ, къ которымъ отнюдь не должны быть допускаемы малолѣтніе моложе 16-ти лѣтъ, каковы, напр., производство бѣ-

Digitized by Google

лилъ, вулканизированнаго каучука и проч. Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ должно быть возложено на санитарныхъ инспекторовъ. Приведемъ затѣмъ мнѣніе о фабричной работѣ дѣтей другого автора, посвящающаго свои труды гигіенѣ рабочихъ, Гирта. Гиртъ въ своей запискѣ, читанной въ нѣмецкомъ гигіеническомъ обществѣ въ Базелѣ, полагаетъ, что къ работѣ на фабрикахъ и заводахъ не должны быть допускаемы мальчики и дѣвочки моложе 14-ти лѣтъ. Въ Англіи до 1833 г. не было никакого постановленія относительно возраста малолѣтнихъ рабочихъ, и дѣти въ возрастѣ 4—6 лѣтъ денно и нощно работали въ рудникахъ; наконецъ послѣдовалъ законъ, чтобъ не позволять работать дѣтямъ моложе 9-ти лѣтъ и затѣмъ—моложе 8-ми лѣтъ; но, несмотря на всѣ законы, здоровье малолѣтнихъ рабочихъ на англійскихъ фабрикахъ еще недостаточно гарантировано законодательствомъ. Въ Германіи этотъ вопросъ регламентированъ 128-мъ параграфомъ о ремеслахъ; впрочемъ, это постановленіе такъ эластично, что дозволяетъ употреблять на неправильную работу дѣтей моложе 12-ти лѣтъ. Только въ одной Швейцаріи, съ хорошо обдуманною гигіеническою и педагогическою цѣлью, опредѣлено допускать къ работамъ на фабрикахъ дѣтей, которымъ уже исполнилось 14 лѣтъ. Во Франціи 19-го мая 1874 г. изданъ новый законъ о работѣ малолѣтнихъ, въ силу котораго они допускаются къ работамъ, когда имъ уже исполнилось 12 лѣтъ. Очевидно, что швейцарскій законъ заслуживаетъ предпочтенія передъ прочими.

Что касается *продолжительности* фабричной работы, то въ Англіи узаконенное время работы начинается въ 6 часовъ утра и кончается въ 6 часовъ вечера, съ перерывомъ въ $1^1/_2$ часа. Въ Германіи работа не должна начинаться раньше $5^1/_2$ часовъ утра и продолжаться позже $8^1/_2$ часовъ вечера; дѣти моложе 14-ти лѣтъ не должны работать больше 6-ти часовъ въ день. По мнѣнію Гирта, дѣти не должны быть принимаемы на фабрику безъ свидѣтельства объ ихъ здоровьѣ и объ ихъ тѣлесной способности къ работѣ; для нѣкоторыхъ производствъ должны быть сдѣланы ограниченія относительно возраста допущенія къ работѣ и ея продолжительности: наконецъ, дѣти не должны быть вовсе допускаемы къ опаснымъ, или вреднымъ производствамъ.

Въ Россіи, должно сказать, еще мало сдѣлано по вопросу о фабричной работѣ малолѣтнихъ; надо надѣяться, что и этотъ вопросъ не будетъ упущенъ изъ виду коммиссіею, занимающеюся изысканіемъ мѣръ для улучшенія положенія рабочихъ. Извѣстно, напр., что въ Петербургѣ запрещено принимать малолѣтнихъ для

Digitized by Google

работъ на спичечныхъ фабрикахъ. По поводу этого постановленія, Шендзиковскій, въ своемъ недавно вышедшемъ «Сборникѣ постановленій о фабричной и заводской промышленности», дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, въ которомъ содержится почти все, касающееся фабричной работы малолѣтнихъ въ Россіи: «кромѣ частнаго административнаго распоряженія (приведеннаго нами),— говоритъ онъ,—касающагося *работы малолѣтнихъ* на спичечныхъ фабрикахъ (по слухамъ же давно уже вырабатываются правила о производствѣ работъ на этихъ фабрикахъ), у насъ нѣтъ постановленія, или распоряженія, касающагося ограниченія работы малолѣтнихъ на частныхъ фабрикахъ, если не считать указанія о возложенной на медиковъ, производящихъ осмотръ фабрикъ въ гигіеническомъ отношеніи, обязанности помѣщать въ актѣ осмотра «объ употребленіи или неупотребленіи въ работу дѣтей». Относительно же горныхъ заводовъ, 4-го іюля 1862 г. былъ изданъ законъ (помѣщенный въ Особ. Прил. къ т. IX, по Прод. 1863 г.) объ ограниченіи работъ для имѣющихъ менѣе 15-ти лѣтъ и запрещеніи принимать на работу дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, и въ томъ же году послѣднее правило установлено артиллерійскимъ вѣдомствомъ для подвѣдомственныхъ ему заводовъ. Въ «Трудахъ комиссіи по пересмотру уст. фабр. и ремесленнаго (Т. III, 1864 г., Уст. о Пром., 112 и 113) проектированы правила о запрещеніи принимать на фабрики вообще также имѣющихъ менѣе 12-ти лѣтъ, а на фабрики фосфорныхъ спичекъ — менѣе 18-ти лѣтъ (Прил. къ ст. 88 [п. 43]), и объ ограниченіи работъ для недостигшихъ того же возраста. Въ проектахъ послѣдующихъ комиссій: 1870 г., о личномъ наймѣ, подъ предсѣдательствомъ Г. А. Игнатьева (ст. 8, 42, 121 прим., 130, 134, 257, 259, 261, 277, 279 и 280), и 1875 г.—о наймѣ рабочихъ, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ (ст. 104 — 108 и 112 и прим. [стр. 789—790]) наибольшее количество рабочихъ часовъ для малолѣтнихъ опредѣлено сообразно ихъ возрасту: отъ 12-ти до 14-ти и отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ, и, кромѣ того, въ этихъ проектахъ обращено вниманіе на установленіе для хозяевъ фабрикъ обязанности школьнаго образованія малолѣтнихъ рабочихъ, причемъ подробная разработка правилъ для примѣненія этого начала предоставлена министру внутреннихъ дѣлъ».

Заслуживаетъ также вниманія въ гигіеническомъ отношеніи и работа *женщинъ* на фабрикахъ. Въ нашемъ анализѣ сочиненія Лайэ мы укажемъ на нѣкоторыя работы женщинъ; но авторъ не говоритъ особо объ этомъ важномъ предметѣ, такъ какъ именно

Digitized by Google

въ сохраненіи здоровья женщинъ-работницъ и лежитъ залогъ для здоровья нарождающагося поколѣнія рабочихъ. Физіологическіе процессы, совершающіеся регулярно и исключительно въ организмѣ женщинъ, кормленіе грудью и проч. требуютъ особыхъ гигіеническихъ мѣръ въ отношеніи ихъ и узаконеній, въ которыхъ были бы предусмотрѣны особенности женскаго организма по отношенію къ труднымъ и продолжительнымъ работамъ на фабрикахъ и заводахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что фабричная работа дѣйствуетъ гораздо вреднѣе на женщинъ, чѣмъ на мужчинъ; напр., на стеклянномъ заводѣ въ Фюртѣ были больны ртутною болѣзнью 35 женщ. и 6 мужчинъ, несмотря на то, что число рабочихъ обоего пола было почти одинаково. Между тѣмъ поступленіе на фабрики женщинъ, а равно и дѣтей, все болѣе и болѣе увеличивается, вслѣдствіе того, что женскій и дѣтскій трудъ обходится фабрикантамъ дешевле; напр., въ Базелѣ, въ 1870-мъ году, на народонаселеніе въ 45,000 приходилось рабочихъ на шелковыхъ фабрикахъ 2,075 мужч., 4,763 женщ. и 382 чел. дѣтей моложе 15-ти лѣтъ. Прядильни коконовъ, на которыхъ почти исключительно работаютъ женщины, опасны не только вслѣдствіе образующейся при работѣ пыли, но и испареній. Работающія на фабрикахъ беременныя женщины или кормящія грудью сильно страдаютъ отъ фабричной работы сами, и страданія ихъ передаются также и ихъ дѣтямъ; больше половины дѣтей, рожденныхъ отъ родителей, работающихъ на фабрикахъ, гдѣ они имѣютъ дѣло съ ядовитыми продуктами, умираетъ; въ Базелѣ, съ усиленіемъ промышленности смертность дѣтей возрасла до 12%. Въ Англіи рабочій день женщинъ продолжается 12 часовъ, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, съ отдыхомъ въ $1^1/_2$ часа въ полдень. Подземная и ночная работа женщинъ въ Англіи строго воспрещена. Въ Бельгіи женщины еще работаютъ въ рудникахъ. Во Франціи женщины совершенно изъяты закономъ отъ нѣкоторыхъ промышленныхъ производствъ. Въ Германіи и Австріи еще вовсе нѣтъ законовъ о фабричной работѣ женщинъ. Въ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ кантонахъ, рабочій день женщинъ продолжается 10 часовъ, съ перерывомъ въ $1^1/_2$ часа. Кромѣ того, законъ предписываетъ прекращеніе работы беременнымъ женщинамъ за 5 недѣль до разрѣшенія ихъ отъ беременности и въ теченіи 5-ти недѣль послѣ родовъ, безъ вычета изъ заработной платы. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ записки, читанной Гювербекомъ и Гиртомъ въ засѣданіи нѣмецкаго гигіеническаго общества въ Базелѣ (Vierteljahrsschr. f. ger. Med. u. öffentl. Sanitätswesen, 1875, April).

Digitized by Google

Гирть предлагаетъ не допускать женщинамъ работать на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ приходится обращаться съ ядовитыми продуктами и гдѣ, слѣдовательно, есть опасность отравленія; напр., гдѣ идутъ въ дѣло свинецъ, ртуть, аниллинъ; эта мѣра необходима для предохраненія какъ женщинъ, такъ и ихъ дѣтей отъ отравленія.

При всей очевидной пользѣ примѣненія къ дѣлу правилъ профессіональной и промышленной гигіены, до сихъ поръ, однако, мало сдѣлано для людей, занимающихся разными профессіями. Поэтому большой благодарности заслуживаетъ попытка, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, провести въ сознаніе общества и правительства весь вредъ, проистекающій отъ работы человѣка, не поставленной въ надлежащія гигіеническія условія, и всю пользу отъ мѣръ, которыя предлагаетъ наука для предотвращенія и уничтоженія вреднаго дѣйствія на здоровье разнородныхъ профессій.

Въ вышеупомянутомъ сочиненіи проф. Лайэ изложены, въ общей части, въ сжатой формѣ болѣзни, бывающія послѣдствіемъ самой профессіональной *работы* и *среды*, въ которой эта работа производится (*профессіональная патологія*), и мѣры противъ этихъ вредныхъ послѣдствій (*профессіональная гигіена*), — мѣры по своему характеру, или предотвращающія эти послѣдствія работы, или же болѣе или менѣе ослабляющія, или даже уничтожающія уже происшедшій вредъ отъ работы. Затѣмъ слѣдуетъ въ алфавитномъ порядкѣ описаніе профессій и промышленныхъ производствъ въ частности, съ показаніемъ вреда, проистекающаго отъ каждаго изъ нихъ, и мѣръ противъ вреднаго вліянія ихъ на здоровье. Нельзя, конечно, требовать, чтобы въ книгѣ объемомъ въ 30 печатныхъ листовъ содержались вполнѣ удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, чтобы были подробно разсмотрѣны вредныя стороны профессій и всѣхъ отраслей промышленности и средства противъ нихъ; для этого потребны многотомныя сочиненія, какъ, напр., нѣмецкое сочиненіе о болѣзняхъ рабочихъ Гирта, которое тоже не совсѣмъ удовлетворяетъ требованіямъ, и желающіе ближе ознакомиться съ какимъ-либо родомъ работы въ патологическомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, должны прибѣгать къ чтенію и изученію монографій, въ которыхъ спеціально разсматриваются съ санитарной точки зрѣнія разныя производства и ремесла.

Чтобъ дать понятіе о разнородномъ вредѣ, съ которымъ сопряжены различныя профессіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ сочиненія Лайэ. Начнемъ со второго (по французскому алфавиту) описанія промышленныхъ производствъ. Въ нашемъ домашнемъ обиходѣ употребляется вещь, не останавливающая на

Digitized by Google

себѣ почти никакого вниманія,—вещь, стоющая 1/2 коп. или копѣйку, употребляемая въ дѣло не столько богатыми людьми, сколько бѣдными, и между тѣмъ вещь эта—драгоцѣнность, если принять въ соображеніе, сколько тратится на нее пота, крови и жизни человѣческой. Эта простая и драгоцѣнная вещь—иголка. Иголка до поступленія своего въ продажу переходитъ черезъ руки больше, чѣмъ 24-хъ человѣкъ разныхъ рабочихъ. Разныя операціи, которымъ подвергается иголка, могутъ быть подраздѣлены на 5 отдѣловъ, которые суть: формовка иголокъ, т.-е. превращеніе металлической проволоки въ необдѣланныя иголки, закалка и перекаливаніе такихъ иголокъ, полировка ихъ, пиленіе и оттачиваніе. Одна только формовка иголокъ состоитъ въ свою очередь изъ 20-ти операцій; изъ нихъ въ особенности вредны обчистка, клейменіе и заостреніе иголокъ. Острильщикъ иголокъ работаетъ на точильномъ камнѣ, для котораго берется кварцовый песчаникъ; для того, чтобы иголки не покрывались ржавчиной, онѣ точатся на совершенно сухомъ камнѣ. Вокругъ работника летятъ раскаленныя искры, производимыя воспламененіемъ металлическихъ частичекъ отъ тренія иголокъ о камень; въ то же время предъ ртомъ работника постоянно носится песчаниковая пыль и проникаетъ въ его дыхательные пути. Точильные камни, имѣя среднюю плотность, быстро становятся неровными, истачиваются; поэтому необходимо часто обрѣзать ихъ вновь, что̀ служитъ сильнымъ источникомъ отдѣленія кварцовой пыли. Поэтому острильщики иголокъ въ особенности часто страдаютъ ожогами глазъ, роговой оболочки, воспаленіемъ вѣкъ, постояннымъ раздраженіемъ дыхательныхъ путей; но главное ихъ страданіе, которое и было изучено именно у нихъ, это—*профессіональная чахотка*, происходящая отъ безпрестаннаго поглощенія пыли. На печальную судьбу острильщиковъ иголокъ обратили вниманіе гигіенисты-врачи Джонстонъ, Найтъ, Голландъ въ Англіи, Виллерме и Десевръ во Франціи. Безъ употребленія предохранительныхъ средствъ, острильщики не могутъ заниматься своимъ дѣломъ долѣе 12—15 лѣтъ и умираютъ въ цвѣтущемъ возрастѣ отъ легочной чахотки, если не отказываются заблаговременно отъ своей работы. По статистическимъ изслѣдованіямъ Голланда, острильщики иголокъ рѣдко доживаютъ до 50-ти лѣтъ, и средняя продолжительность ихъ жизни, въ сравненіи съ среднею жизнью другихъ рабочихъ, на 20 лѣтъ короче.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о статистическихъ данныхъ о болѣзненности и смертности рабочихъ вообще. До сихъ поръ, они крайне ограничены и неудовлетворительны.

Digitized by Google

На недостатокъ такой статистики жалуется и авторъ замѣчательнаго нѣмецкаго сочиненія «о болѣзняхъ рабочихъ», д-ръ Гиртъ; «такую статистику,—говоритъ онъ,—должно еще прежде создать; только въ крайне небольшомъ числѣ промышленныхъ заведеній можно найти статистическія замѣтки, и эти даже свѣдѣнія такъ невелики, такъ безпорядочны, что почти не могутъ быть употреблены въ дѣло». Сколько мы можемъ припомнить, статистика болѣзненности и смертности рабочаго населенія не была еще, кажется, предметомъ обсужденія статистическихъ конгрессовъ. Несмотря, впрочемъ, на это отсутствіе полныхъ статистическихъ свѣдѣній о болѣзненности и смертности рабочихъ, обусловливаемыхъ разнородною работой, все-таки имѣютъ относительную цѣну и тѣ свѣдѣнія, которыя приводятся авторами.

Предохранительными средствами отъ болѣзней острильщикамъ иголокъ служатъ: разныя маски и респираторы, защищающіе ихъ дыхательные органы отъ пыли; вентиляціонные аппараты, уносящіе пыль, приспособляемые къ точильнымъ камнямъ.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, насколько устранимы вредныя вліянія ручного производства иголокъ машинами. Лайе говоритъ, что на многихъ фабрикахъ старались замѣнить ручное заостреніе иголокъ механическимъ; такова цѣль машинъ Шлейхера и Нейсса въ Германіи. При той и другой машинѣ пыль увлекается посредствомъ сильной аспираціи. Наконецъ существуетъ еще машина, употребляемая на фабрикѣ Принца въ Борсеттѣ, которая совершенно уничтожаетъ пыль и дѣлаетъ вентиляцію излишнею; но она неудобна тѣмъ, что производитъ гораздо меньше въ данное время. Гораздо утѣшительнѣе о томъ же самомъ говоритъ Гиртъ въ своемъ сочиненіи: «Die Krankheiten der Arbeiter» (ч. I, стр. 73). «Фабрикація швейныхъ иголъ въ настоящее время почти исключительно производится машинами, такъ что на долю рабочихъ остается только надсмотръ за производствомъ. Нельзя отрицать, что этимъ самымъ исключаются многіе, даже почти всѣ вредные для здоровья моменты фабрикаціи иголокъ». Но все-таки изъ словъ Гирта видно, что при работѣ на машинахъ не избѣгаются образованіе пыли и вредное ея дѣйствіе на рабочихъ.

Мы привели выдѣлку иголокъ, какъ образецъ производства, вреднаго по сопряженному съ нимъ образованію *неорганической* пыли. Укажемъ теперь на производство, при которомъ также отдѣляется не менѣе вредная пыль, но другого свойства, — *органическая*. Это производство — *пряденіе* при обработкѣ пеньки, льна, хлопка и шерсти; цѣль этого производства — превращеніе

Digitized by Google

сырого матеріала въ нить, годную для тканья. Предварительныя операціи, которымъ подвергаются ленъ и пенька, суть *мочка* и *трепаніе* ихъ; первая изъ этихъ операцій почти исключительно производится въ деревняхъ; она портитъ воду, въ которой мочится ленъ, и порождаетъ развитіе міазмы, производящей болотную лихорадку. Цѣль трепанія льна и пеньки—освободить стебель, способный для тканья, отъ его древянистыхъ частей; для этого пенька и ленъ подвергаются неоднократному толченію и молотьбѣ посредствомъ машины; вотъ эти-то операціи и становятся источникомъ многочисленныхъ несчастныхъ случаевъ, поврежденій, претерпѣваемыхъ отъ машинъ и громаднаго развитія вредной пыли. Шерсть въ сыромъ видѣ, покупаемая въ деревняхъ и на рынкахъ, обыкновенно содержитъ отъ 70 до 72% посторонннихъ веществъ, которыя главнымъ образомъ состоятъ изъ жировъ, покрывающихъ каждую шерстинку, затѣмъ, изъ земли, песку, пристающихъ къ этимъ жирнымъ веществамъ, такъ что изъ 100 килогр. неочищенной продажной шерсти, послѣ полной ея промывки, остается только около 28 — 30 килогр. шерсти, которая можетъ быть подвергнута машинной обработкѣ. Очищеніе шерсти отъ жировъ и другихъ посторонннихъ веществъ есть грязная и въ высшей степени неопрятная операція, производимая руками; послѣдствіями ея бываютъ различныя накожныя сыпи и воспаленія кожи, какъ-то: чиряи, зудящая сыпь и рожа, даже сибирская язва и карбункули. Сверхъ того, промывка и очищеніе шерсти отъ жировъ подвергаютъ рабочихъ вреднымъ вліяніямъ сырости, между прочимъ ревматическимъ болямъ и дѣйствію ѣдкихъ жидкостей на кожу рукъ, даже отравленію, если для очищенія шерсти отъ жировъ употребляется мышьяковокислый натръ и проч. При сушкѣ шерсти отдѣляются изъ сушильни пары, всегда нѣсколько вредные. Прекрасною предохранительною мѣрою противъ нихъ можетъ служить пропусканіе тока воздуха извнутри сушильни кнаружи. Изъ операцій, совершающихся въ самыхъ фабрикахъ, въ особенности вредны: молотьба вышеозначенныхъ матеріаловъ, чесна ихъ чесалками, производимая или механически или руками. Хотя въ настоящее время ручная работа и ограничена значительно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она все-таки предпочитается, потому что она и надежнѣе и тщательнѣе; такимъ образомъ она вообще употребляется для прядения хлопка, для выдѣлки тюля и кружевъ и для фабрикаціи ваты. Молотьба хлопка прутьями есть наиболѣе вредная операція для здоровья рабочихъ; хлопокъ раскладывается на плетень, поддерживаемый козлами и безпрерывно колотится то одной, то другой

Digitized by Google

рукой ивовыми прутьями; отъ этой операціи поднимаются тучи раздражающей пыли и хлопчатобумажнаго пуха, легко проникающія въ ротъ, ноздри, гортань и дыхательные органы рабочихъ и покрывающія ихъ одежду, лица и волосы; къ этимъ неудобствамъ слѣдуетъ прибавить и то, что при этой операціи рабочіе впадаютъ въ крайнее утомленіе, отчего движеніе ихъ рукъ и всего тѣла становятся безпорядочными и усиленными; сверхъ того, они принуждены слишкомъ долго оставаться въ стоячемъ положеніи и очень сильно потѣютъ; утомленіе ихъ проявляется въ блѣдности лица и въ худѣніи; поэтому бо́льшая часть рабочихъ оставляетъ эту работу, какъ только находитъ другую.

Щипаніе и выколачиваніе ваты производятъ также пыль, которая еще тѣмъ вреднѣе, что часто приходится рабочимъ имѣть дѣло съ крашенымъ хлопкомъ. То же самое можно сказать и о суконныхъ фабрикахъ, гдѣ сортировка и стриженіе крашеной шерсти порождаютъ болѣе или менѣе вредную пыль. Чесаніе одѣялъ чесалками есть также одна изъ наиболѣе утомительныхъ операцій. Чесаніе пеньки въ высшей степени вредно, потому что вмѣстѣ съ нитями отдѣляется значительное количество кремнистыхъ частицъ. Но самыя опасныя операціи въ этомъ отношеніи — натачиваніе и очищеніе чесалокъ. Это вредоносное дѣйствіе пыли составляетъ одну изъ причинъ профессіональныхъ болѣзней работающихъ въ прядильняхъ; дѣйствительно, была описываема чахотка прядильщиковъ, *хлопковая чахотка*. Наиболѣе важными причинами чахотки у прядильщиковъ, кромѣ ихъ профессіи, въ особенности трепанія и расчесыванія льна, конопли, точенія чесалокъ, служатъ преждевременная работа въ прядильняхъ дѣтей и продолжительность ея, неправильное положеніе тѣла при работѣ, утомленіе отъ движенія при ней и, сверхъ всего этого, дурныя гигіеническія условія рабочихъ и среды, въ которой они работаютъ. Въ мастерскихъ, гдѣ производится собственно такъ-называемое пряденіе, существуютъ двѣ главныя причины, разстроивающія здоровье рабочихъ, это—значительная сырость и высокая температура мастерскихъ,—условія, необходимыя для разбуханія нитей, годныхъ для пряденія. Высокая температура мастерскихъ, гдѣ расчесывается шерсть, прядутся хлопокъ и ленъ (послѣдній — мокрый), доходящая отъ 20 до 25°, ослабляетъ рабочихъ, подрывая ихъ здоровье, и предрасполагаетъ ихъ къ цѣлому ряду болѣзней различнаго рода; вредное дѣйствіе такой температуры еще увеличивается при обработкѣ шерсти отъ значительнаго отдѣленія окиси углерода и углекислоты, истекающихъ изъ очаговъ, гдѣ нагрѣваются стальи-

Digitized by Google

ныя чесалки, которыми расчесывается шерсть; а при обработкѣ льна это дѣйствіе высокой температуры усиливается отъ избытка паровъ, отъ непрерывнаго увлаженія льна водой. Еще пагубнѣе вліяли бы операціи бѣленія шерсти посредствомъ сѣрнистой кислоты и пропусканія черезъ нити хлопка водороднаго газа, если бы эти операціи были непрерывными, а не періодическими, какова онѣ на самомъ дѣлѣ. Прядѣніе мокраго льна исключительно производится на сѣверѣ; оно дѣйствуетъ очень вредно на здоровье, и это вредное дѣйствіе должно въ особенности приписать теплымъ, болѣе или менѣе тошнотворнымъ парамъ, среди которыхъ живутъ работницы, занимающіяся этимъ дѣломъ; на нихъ, сверхъ того, безпрерывно летятъ капли воды со шпулекъ и промачиваютъ насквозь ихъ одежду. Послѣдствіями долговременнаго пребыванія въ этой средѣ бываютъ анемія, а вмѣстѣ съ нею и неправильность отправленія пищеварительныхъ органовъ. Неправильныя положенія тѣла и чрезмѣрныя, утомительныя для тѣла движенія составляютъ тоже причину болѣзни прядильщиковъ. Большинство неудобствъ, сопряженныхъ съ неизбѣжными тѣлодвиженіями прядильщиковъ при производствѣ ихъ работъ, можетъ быть совершенно устранено, если работы будутъ производиться посредствомъ машинъ; такимъ образомъ, напримѣръ, существуютъ машины, посредствомъ которыхъ шерсть очищается отъ ея нечистотъ. Распространенное въ Англіи употребленіе машинъ, предназначенныхъ для вскрытія кипъ хлопка и его расчесыванія, аппаратовъ для выколачиванія хлопка, шерсти, для очистки ихъ и проч., значительно способствовало облегченію положенія рабочихъ, занимающихся чисткою и расчесываніемъ хлопка, пеньки и льна. При употребленіи этихъ машинъ, однако, должно быть соблюдаемо необходимое условіе, безъ котораго немыслимо достиженіе желаемой пользы для рабочихъ, именно, необходимо окружать механизмъ машинъ ящиками, въ которыхъ производилась бы сильная вентиляція, посредствомъ которой уносились бы всевозможныя нечистоты и пыль. Однако, несмотря на всѣ эти рекомендуемыя предосторожности, атмосфера мастерскихъ все-таки наполняется пылью. Это происходитъ оттого, что обыкновенно ограничиваются только тѣмъ, что удаляютъ пыль въ атмосферу, окружающую мастерскія, вслѣдствіе чего она неминуемо возвращается обратно въ окна и двери. Весьма цѣлесообразно проводить пыль въ галлереи или нещеры, которыя могутъ быть затоплены водою каждый разъ, когда необходимо очистить ихъ, для воспрепятствованія распространенію порошкистыхъ веществъ, отдѣляющихся во время производства работы.

Digitized by Google

При употребленіи машинъ, дѣйствующихъ безъ посторонней помощи (self-acting) значительно уменьшаются и вредныя послѣдствія для прядильщиковъ, происходящія отъ положенія ихъ тѣла и движеній, свойственныхъ ихъ ремеслу.

Весьма простое и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительное средство предохранять рабочихъ отъ вреднаго вліянія сырости состоитъ въ томъ, что каждый рядъ шпулекъ снабжается деревяннымъ фартукомъ, который можетъ подниматься и опускаться по желанію работницы, вращаясь на горизонтальномъ шарнирѣ. Въ то время, когда шпульки находятся въ дѣйствіи, работница поднимаетъ означенный фартукъ и такимъ образомъ защищаетъ себя отъ бо́льшей части каплей воды, отбрасываемыхъ станкомъ во время вращенія шпулекъ. Но если отъ введенія машинъ въ прядильни значительно облегчилась для рабочихъ тяжесть ихъ профессіональной работы, если они отчасти не принуждены болѣе давать своему тѣлу неестественное положеніе, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что употребленіе въ дѣло машинъ повлекло за собою въ мастерскихъ небывалые до того несчастные случаи весьма серьёзнаго свойства. Причина ихъ кроется въ самомъ дѣйствіи машинъ. Изъ 142 несчастныхъ случаевъ, которые наблюдалъ Луазе въ различныхъ фабрикахъ и заводахъ сѣвернаго департамента Франціи, 120 случаевъ произошли въ бумажныхъ и полотняныхъ прядильняхъ; это были вообще ушибы, контуженныя или разорванныя раны, или переломы. Изъ 120 травматическихъ поврежденій 91 встрѣтились на верхнихъ конечностяхъ (на пальцахъ, ручныхъ кистяхъ 78; на предплечіяхъ 13); 17 на нижнихъ конечностяхъ; 7 на головѣ и 5 на туловищѣ. Въ прядильняхъ, машины, называемыя «подготовительными», доставляютъ болѣе значительный контингентъ ранъ, чѣмъ машины, служащія собственно для пряденія. Приготовительныя дѣйствія при обработкѣ хлопка суть: выколачиваніе, очищеніе его, расчесываніе, бичеваніе, легкое трощеніе; при обработкѣ льна: трепаніе, расчесываніе, вытягиваніе. Кромѣ того, увеличенію числа несчастныхъ случаевъ способствуютъ и другія условія. Эти условія суть главнымъ образомъ слѣдующія: узкость проходовъ между машинами и тѣснота въ мастерскихъ отъ машинъ, что́ препятствуетъ свободному движенію рабочихъ по мастерскимъ; трапы, по которымъ вносятся станки на тѣ мѣста, которыя они должны занимать, и, наконецъ, обыкновеніе смазывать жиромъ большія колеса въ то время, когда вся машина уже въ ходу; всѣ эти условія часто причиняютъ потерю членовъ, или даже смерть. Здоровье и физическое развитіе прядильщиковъ и прядильщицъ сильно страдаютъ

Digitized by Google

отъ дурного воздуха мастерскихъ; дѣти, работающія въ прядильняхъ, обыкновенно блѣдны, слабы, исхудалыя, не столько, можетъ быть, вслѣдствіе самой работы, сколько вслѣдствіе недостатка свѣжаго воздуха и невозможности предаваться играмъ, столь свойственнымъ ихъ возрасту. У женщинъ замѣчается блѣдный, синюшный цвѣтъ лица; у нихъ часто встрѣчаются дѣвичья немочь и разстройство мѣсячныхъ очищеній, нерѣдки также у нихъ выкидыши; въ этихъ случаяхъ главная причина названныхъ болѣзней состоитъ въ постоянной сидячей жизни, которую эти работницы ведутъ и въ неправильныхъ положеніяхъ ихъ тѣла, которыя способствуютъ приливамъ крови къ органамъ малаго таза. Тульмунъ, наблюдавшій на суконной фабрикѣ въ Седанѣ рабочихъ и работницъ старше двадцати лѣтъ, говоритъ, что цифра больныхъ между ними была гораздо выше обыкновенной средней. Наибольшая цифра болѣзненности падала на прядильщиковъ, которые преимущественно страдали болѣзнями желудка и кишекъ и въ особенности ревматизмами; изъ женщинъ наичаще страдали занимавшіяся разборкою шерсти и мотальщицы.

Профессіональное положеніе *ткачей* еще печальнѣе положенія прядильщиковъ. Едва ли можно себѣ представить,—говоритъ Лайэ,—картину болѣе мрачную той, которую начертываетъ большинство наблюдателей, описывая здоровье ткачей. Ткачи обыкновенно на видъ блѣдны, хилы; лицо ихъ одутловатое, движенія вялы; они страдаютъ различными болѣзнями, поражающими брюшные органы, какъ-то: хроническими болѣзнями печени, селезенки, брюшною водянкою, геморроемъ и проч. Кромѣ того, ткачи подвержены удушью, сердцебіенію и различнаго рода невралгіямъ. Сидячій образъ жизни, положеніе тѣла, требуемое работою ткачей, сырость, обусловливаемая проклеиваніемъ и выдѣлкою полотенъ, различнаго рода физическія лишенія, — вотъ причины, которыя дѣйствуютъ самымъ пагубнымъ образомъ на здоровье ткачей, занимающихся ручною работою. Ручное тканье, несмотря на усовершенствованіе машиннаго тканья, все-таки въ большинствѣ случаевъ предпочитается и въ наше время для узорчатыхъ матерій; нѣкоторыя гладкія матеріи также исключительно ткутъ руками, безъ помощи машинъ, какъ-то: матеріи изъ чистой чесаной шерсти и бо́льшая часть шелковыхъ матерій. Въ наше время большинство болѣзней, свойственныхъ ремеслу ткачей, встрѣчается преимущественно у ткачей шелковыхъ матерій.

Ни одному роду рабочихъ не свойственны въ такой сильной степени хроническія болѣзни, какъ ткачамъ; они обыкновенно сидятъ на твердыхъ и покатыхъ скамейкахъ; тѣло ихъ нахо-

Digitized by Google

нено впередъ и опирается на деревянную перекладину, по которой проходитъ тканье; сидя въ такомъ положеніи, ткачи, занимающіеся ручною работою, попеременно то одной, то другой ногой приводятъ въ движеніе ступеньки станка, а въ то же время руками перебрасываютъ челнокъ съ основой. Ни при какой другой работѣ положеніе тѣла не бываетъ столь тягостно и столь вредно по своимъ послѣдствіямъ, какъ при работѣ ткачей. Постоянное давленіе перекладины станка на животъ причиняетъ судороги, боли въ желудкѣ, разстройства отправленій пищеварительныхъ органовъ и затрудненіе дыханія. Станокъ Жакара улучшилъ положеніе ткачей въ гигіеническомъ отношеніи, но не предохраняетъ этихъ рабочихъ отъ вредныхъ послѣдствій движенія, сопряженнаго съ ихъ работою. Движенія челнока взадъ и впередъ, толчки отъ балансира еще болѣе часты при работѣ на станкѣ Жакара, чѣмъ при употребленіи прежняго станка. По наблюденіямъ Шатена, легочная чахотка составляетъ самую обыкновенную болѣзнь у ткачей шелковыхъ матерій въ Ліонѣ. Фонтере нашелъ, что въ больницѣ Краснаго Креста, въ Ліонѣ, изъ 2024 умершихъ рабочихъ, въ 1862—1866 гг., 771 человѣкъ умерли отъ чахотки, слѣдовательно, болѣе $^1/_3$ всѣхъ смертныхъ случаевъ; изъ этихъ 771 умершихъ отъ чахотки было 164 чел. ткачихъ и 139 ткачей, т.-е. около половины. Сверхъ того, у ткачей наибо́льшая цифра смертности падаетъ на возрастъ отъ двадцати до двадцатипяти лѣтъ, а у ткачихъ почти четверть смертныхъ случаевъ приходится на возрастъ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Изъ всего сказаннаго понятно, какое громадное вліяніе на поправленіе здоровья ткачей могутъ имѣть надлежащее устройство, въ гигіеническомъ отношеніи, ихъ квартиръ и мастерскихъ, упражненіе на открытомъ воздухѣ, правильное питаніе, однимъ словомъ—улучшеніе условій быта ткачей.

Въ профессіональной гигіенѣ немаловажное мѣсто занимаютъ *машины*, какъ отчасти можно судить изъ сказаннаго выше о прядильняхъ, въ особенности о ткачахъ; въ настоящее время судьба рабочихъ неразрывно связана съ машинами, которыя значительно измѣнили разнородную профессіональную работу и оказываютъ огромное вліяніе на здоровье, жизнь и бытъ рабочихъ. Замѣна машинами рукъ рабочихъ, значительно облегчивъ работу послѣднихъ, избавивъ ихъ бо́льшею частью отъ вредныхъ послѣдствій неестественнаго положенія тѣла и непрерывнаго движенія при работѣ, служитъ однако новою причиною несчастныхъ случаевъ, которые у людей нѣкоторыхъ профессій бываютъ такъ часты и серьёзны, что съ перваго взгляда кажется, что

Digitized by Google

употребленіе машинъ вмѣсто рукъ мало принесло пользы рабочимъ. Прежде всего на вредоносное дѣйствіе машинъ указали статистическія данныя, собранныя въ прядильняхъ; но, со введеніемъ пара въ большинствѣ промышленныхъ производствъ, несчастные случаи отъ машинъ стали такъ же часты и на разныхъ другихъ фабрикахъ и заводахъ.

Машины и части ихъ, наичаще причиняющія несчастные случаи, суть: машины съ зубчатыми колесами, валы, приводы, цилиндры, галандры, веревки, механическія пилы и проч. Наибольшее число несчастныхъ случаевъ происходитъ отъ зубчатыхъ колесъ; но въ большинствѣ случаевъ, поврежденія, производимыя ими, не серьёзны и обыкновенно бываютъ въ первыхъ фалангахъ пальцевъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ повреждаются цѣлые пальцы, иногда вся ручная кисть и исключительнымъ образомъ,—предплечіе.

Поврежденія отъ машинъ наичаще случаются на верхнихъ конечностяхъ; изъ 100 случаевъ поврежденій, говоритъ Луазе, 87 происходятъ только на однѣхъ верхнихъ конечностяхъ; нижнія конечности претерпѣваютъ поврежденія изъ 100 случаевъ въ числѣ 7,5, голова и туловище—5,5. Поврежденія въ большинствѣ случаевъ суть: сильные ушибы, ушибенныя и разорванныя раны, размозженія, переломы. Большинство этихъ поврежденій обусловливается тѣснымъ размѣщеніемъ машинъ на слишкомъ узкомъ пространствѣ, тѣснотою проходовъ между машинами, невѣдѣніемъ опасности, неблагоразуміемъ рабочихъ, которые, наприм., поправляютъ что-либо въ машинѣ, когда она уже въ ходу. Что касается возраста повреждаемыхъ, то, по словамъ Лайэ, на 100 случаевъ поврежденій 41 приходится у дѣтей моложе 15-ти лѣтъ, 36,4—въ возрастѣ отъ 15-ти до 25-ти лѣтъ, 13,1 въ возрастѣ 25—40 лѣтъ, и 9,5 въ возрастѣ 40—60 лѣтъ. Изъ этихъ статистическихъ данныхъ мы видимъ, что главнымъ образомъ страдаютъ отъ машинъ дѣти. Вотъ лучшее подтвержденіе и доказательство справедливости мыслей, выраженныхъ современнымъ англійскимъ поэтомъ Елизаветою Броунингъ въ ея стихотвореніи «Плачъ дѣтей», которое не только произвело сильное впечатлѣніе въ англійскомъ обществѣ, но и возбудило пренія въ англійскомъ парламентѣ о работѣ дѣтей на фабрикахъ. Въ этомъ стихотвореніи высказана вопіющая истина и представлена поразительная картина машинной работы дѣтей; приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого замѣчательнаго стихотворенія:

Плачутъ несчастныя дѣти:
«Мы истомились, измучились! Ахъ,
«Гдѣ ужъ намъ бѣгать и прыгать!..

Digitized by Google

«Цѣлый, вѣдь, день въ подземельи подъ тяжкою ношею гнись,
«Или съ разсвѣтомъ къ машинѣ вертѣть колесо становись!
«Шумно вертятся колёса,
«Воздухомъ рѣжутъ намъ лица—и вотъ,
«Мало-по-малу, за ними
«Все съ быстротою вертѣться начнетъ:
«Мозгъ нашъ, и сердце, и воздухъ, и свѣтъ сѣроватый въ окнѣ,
«Небо и мрачные своды, и мухи на черной стѣнѣ!
«Все вертится, все вертится
«Отъ утра до поздней ночи,
«И съ такимъ зловѣщимъ стукомъ...
«И порой мы пасть готовы
«На колѣни предъ машиной
«И кричать: да перестань же,
«Не вертись хоть мигъ единый!
«Нѣтъ, напрасны всѣ мольбы!
«Все ведется, какъ велося,
«Все впередъ идутъ колёса,
«Точно вѣстники судьбы!

Вредное вліяніе машинъ, которое служитъ причиной тѣлесныхъ поврежденій, по мнѣнію Лайэ, съ каждымъ днемъ теряетъ свою важность въ виду тѣхъ безчисленныхъ улучшеній, которыя примѣняются промышленною гигіеною къ жизни мастерскихъ; наиболѣе благопріятные результаты въ этомъ отношеніи повело за собою постановленіе промышленной гигіены огораживать машины рѣшетками, фартуками и проч. Затѣмъ должно въ строгости соблюдать правило: не позволять чистить машинъ, находящихся въ дѣйствіи, касаться нѣкоторыхъ частей ихъ не руками, а длинными шестами и проч. Рабочіе не должны носить въ мастерскихъ широкихъ платьевъ; одежда должна плотно прилегать къ тѣлу, въ особенности на верхнихъ конечностяхъ. Женщины, дѣти, новички не должны допускаться къ опаснымъ работамъ. Большое число несчастныхъ случаевъ можетъ быть предупреждено порядкомъ, умѣлостью, согласіемъ и дисциплиною въ работѣ. Крайне необходимо, чтобъ передъ тѣмъ, когда пускаются въ ходъ машины, подавался сигналъ, который могли бы слышать всѣ рабочіе; наконецъ, если между различными мастерскими и мѣстомъ, откуда приводятся машины въ движеніе, существуетъ средство къ быстрой передачѣ распоряженій, то механики будутъ въ состояніи во-время останавливать машину, при извѣстіи о только-что происшедшемъ несчастномъ случаѣ. Конечно, всѣ эти предосторожности требуютъ непрерывнаго надзора, и, благодаря имъ, механическій трудъ представится въ глазахъ гигіениста именно тѣмъ, что онъ есть, — несомнѣннымъ успѣхомъ въ про-

Digitized by Google

фессіональномъ воспитаніи. Но этимъ, однако, не все сказано о вліяніи машинъ на рабочихъ; если онѣ и принесли большую пользу въ техническомъ отношеніи, то, съ другой стороны, вліяніе ихъ на рабочее сословіе вообще оказывается далеко не благопріятнымъ. Это вліяніе разностороннее и идетъ гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно предполагается. Картина вліянія машинъ прекрасно начертана въ появившемся въ 1875 г. на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіи Гельвальда: «Исторія культуры въ ея естественномъ развитіи до нашего времени». Вотъ что говоритъ авторъ о вліяніи машинъ на стр. 783—786 своего сочиненія: «культурѣ нечего вообще сѣтовать на могущественное вторженіе машинъ въ промышленную жизнь, ибо она обозначаетъ собою прогрессивный переходъ отъ механической дѣятельности къ умственной, такъ какъ самая машина есть продуктъ послѣдней. Но историкъ культуры не можетъ умолчать о соціальныхъ вліяніяхъ машинъ, которыя представляютъ очевидное доказательство того, что общія пріобрѣтенія культуры постоянно совершаются только насчетъ дроби человѣчества». О соціальномъ вліяніи машинъ Гельвальдъ говоритъ слѣдующее: «первымъ дѣйствіемъ ихъ было стеченіе рабочихъ въ мѣста нахожденія машинъ, прежде всего — въ большіе города, народонаселеніе которыхъ несоразмѣрно увеличивается насчетъ сельскаго населенія. Быстро поднявшійся, вслѣдствіе такого приращенія городского населенія, спросъ естественнымъ образомъ вызвалъ повсемѣстное вздорожаніе средствъ къ жизни, т.-е. усилилъ нужду, которая уничтожаетъ благодѣтельныя дѣйствія машинъ, направленныя на удешевленіе произведеній искусства. Притомъ жизнь въ большихъ городахъ сопряжена съ цѣлымъ рядомъ вредоносныхъ вліяній, въ санитарномъ отношеніи благопріятствующихъ происхожденію опустошительныхъ эпидемій, и безъ того сокращающихъ продолжительность жизни обитателей бѣдныхъ кварталовъ. Если въ прежнія времена множество человѣческихъ жизней приносилось въ жертву суевѣріями, инквизиціей, процессами о вѣдьмахъ, клерикалами, причудами властителей и войнами кабинетнаго характера, то въ настоящее время съ еще бо́льшею настойчивостью требуетъ еще бо́льшаго приношенія въ жертву человѣческихъ жизней новѣйшая либеральная цивилизація, хотя и по другимъ причинамъ; но фактъ остается тотъ же самый: безчисленныя тысячи людей погибаютъ отъ недостатка воздуха и помѣщеній, отъ недостатка здоровой воды для питья, надлежащей и цѣлесообразной одежды, не говоря уже о смерти отъ эпидемій.—Наконецъ, очень многія вѣтви промышленности сами по себѣ подрываютъ и разрушаютъ здо-

Digitized by Google

ровье рабочаго и даютъ ему въ удѣлъ только вредную жизнь; фабрикація зажигательныхъ спичекъ влечетъ за собою множество случаевъ отравленія фосфоромъ; страшная болѣзнь—омертвѣніе костей отъ фосфора есть прямой результатъ культуры; этой болѣзни не существовало до открытія и примѣненія къ дѣлу фосфора. Въ ртутныхъ рудникахъ рабочіе страдаютъ отъ отравленія ртутью. Производство стекла не менѣе вредоносно. Въ угольныхъ копяхъ ежегодно сотни людей становятся жертвами мефитическихъ газовъ. На островахъ, гдѣ добывается гуано, мрутъ, какъ мухи, китайцы (куліи), занимающіеся добываніемъ этого удобренія, безъ котораго въ настоящее время въ Европѣ нельзя обойтись — вслѣдствіе истощенія почвы, сопряженнаго съ культурой. Далѣе, ни одна машина не могла быть введена въ кругъ обыденной жизни безъ того, чтобы этимъ самымъ не обрекались на нищету и погибель всѣ тѣ, чья ручная работа исполняла передъ тѣмъ службу упрощающей дѣло машины; машина производила то, что́ прежде производили своими руками 10—20 человѣкъ; но при этомъ они сниски́вали свой хлѣбъ; для ухода за машиной изъ этого числа людей достаточно было, можетъ быть, одного или двухъ; остальные же, которые не могли быстро обратиться къ постороннему, не изученному ими ремеслу, погибали отъ недостатка занятій и голода.—Такимъ образомъ, съ господствомъ машинъ сопряжены два важныхъ культурныхъ явленія: пауперизмъ и проституція. И то и другое явленіе существовали и прежде въ умѣренныхъ формахъ, но въ ихъ современной сильной степени они не существовали еще никогда. Оба эти явленія въ наше время идутъ рука объ руку. Въ прежнія времена причинами проституціи были религіозныя заблужденія и страсть къ наживѣ, теперь къ проституціи толкаетъ нужда. Поразительное умноженіе числа самоубійствъ въ наше время есть вѣрное знаменіе времени, господствующаго соціальнаго бѣдствія. — Механическія устройства машинъ, безъ всякаго сомнѣнія, заставляютъ больше мыслить людей, управляющихъ ими, но не побуждаютъ ихъ умъ переходить за извѣстную границу, обусловливаемую необходимостью, и скорѣе подавляютъ постороннюю работу мышленія; такимъ образомъ, дѣйствіе машинъ на рабочихъ состоитъ въ задержкѣ и подавленіи ихъ умственной дѣятельности. Такимъ образомъ фабричный рабочій, будучи смышленымъ распорядителемъ силъ машины, именно ею и изгоняется изъ сферы людей, работающихъ головою, и осуждается на механическое мышленіе. Вслѣдствіе этого въ европейскихъ государствахъ господствуетъ значительное различіе въ образованіи, иногда между

Digitized by Google

классами народонаселенія, которые работаютъ руками и головою, къ полному ущербу первыхъ. Поэтому, машина кладетъ основаніе физіологическому явленію, котораго не можетъ уже болѣе избѣгнуть, въ силу закона наслѣдственности, потомство рабочаго класса, и ведетъ все къ бо́льшему и бо́льшему умственному различію людей. Это умственное угнетеніе, въ связи съ пауперизмомъ, по-истинѣ дѣлаетъ фабричнаго рабочаго «бѣлымъ невольникомъ». Машина болѣе, чѣмъ вся филантропія, устранила невольничество и крѣпостное состояніе, но только на мѣсто прежняго невольничества поставила новое. Машина породила «четвертое сословіе».—Вотъ главныя разсужденія Гельвальда о соціальномъ вліяніи машинъ; трудно не согласиться съ вѣрностью его взглядовъ; но мы не приводимъ здѣсь всѣхъ его разсужденій, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, онъ все подводитъ подъ излюбленный имъ принципъ борьбы за существованіе и говоритъ, что въ каждомъ человѣческомъ обществѣ одна часть его должна играть роль жорнова, другая—роль хлѣбнаго зерна. Мы полагаемъ, что если законъ борьбы за существованіе примѣнимъ къ людямъ, наравнѣ съ растеніями и животными, какъ къ *органическимъ* существамъ, то онъ далеко не всегда можетъ быть примѣняемъ къ нимъ какъ къ *разумнымъ* существамъ, ибо стремленіями «человѣка мудраго» (homo sapiens) должна быть борьба противъ борьбы за существованіе, должно быть умиротвореніе всѣхъ составныхъ частей общества, приведеніе ихъ въ одинъ гармоническій строй, для достиженія общечеловѣческихъ цѣлей; такой человѣкъ, конечно, поставитъ своею задачею благо ближняго, и ближайшимъ средствомъ ему будетъ служить не «конкурренція» т.-е. борьба, а «ассоціація»—союзъ.

Этимъ мы кончаемъ разсмотрѣніе того отдѣла профессій, которыя почти исключительно состоятъ изъ механическаго, мышечнаго труда. Изъ немногихъ, приведенныхъ нами примѣровъ этого рода труда мы видѣли, что онъ значительно истощаетъ силы рабочихъ, надрываетъ ихъ здоровье, что главный бичъ между рабочими — легочная чахотка—есть результатъ дурного питанія, пребыванія въ дурной, испорченной атмосферѣ фабрикъ и заводовъ, вдыханія разнородной пыли и проч. Мы показали, что всѣ эти вредныя вліянія далеко не уничтожаются громаднымъ распространеніемъ на фабрикахъ и заводахъ машинъ, которыя въ свою очередь оказываютъ вредное вліяніе на тѣлесную и психическую сторону рабочихъ. Спрашивается, гдѣ искать средствъ противъ этихъ золъ, чѣмъ предупредить развитіе у рабочихъ разнородныхъ болѣзней, чѣмъ предотвратить физическое

Digitized by Google

увяданіе молодыхъ организмовъ, умственное отупѣніе, нравственную порчу людей, цѣною своей крови и жизни снискивающихъ свой хлѣбъ посредствомъ тяжелой и вредной работы на фабрикахъ и заводахъ? На эти вопросы мы можемъ дать единственный отвѣтъ: средства къ облегченію участи рабочихъ, къ спасенію этихъ производительныхъ единицъ общества отъ преждевременной погибели даетъ промышленная гигіена. Для трудящагося человѣка прежде всего нужны: хорошая пища, хорошее помѣщеніе, хорошій воздухъ, одежда, которая не называлась бы ею только по имени, но дѣйствительно защищала бы тѣло отъ атмосферныхъ вліяній, умственное образованіе и наконецъ попеченіе о своемъ потомствѣ. Всѣ эти мѣры, изъ которыхъ многія въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Европы приводятся въ исполненіе для рабочихъ, хотя еще далеко не въ надлежащемъ размѣрѣ, дадутъ силу рабочимъ противостоять вреднымъ вліяніямъ ихъ профессій, или средства вознаграждать претерпѣваемый ихъ тѣломъ ущербъ, и такимъ образомъ сохранять свое здоровье и жизнь.

Въ настоящее время правительства все болѣе и болѣе обращаютъ вниманіе на положеніе и бытъ рабочихъ, доказательствомъ чему, напримѣръ, служатъ предстоящіе въ 1876 г. въ Брюсселѣ *международные конгрессъ и выставка по предметамъ гигіены и спасенія погибающихъ*. Вотъ очень подробная программа [1]) относящихся къ промышленной гигіенѣ предметовъ 6-го и 9-го классовъ этой выставки:

VI классъ. Гигіена, предохранительныя и спасительныя мѣры въ примѣненіи къ промышленности.

Первый отдѣлъ.

1. ***Матеріалы***, планы, модели для гигіеническаго устройства мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ.
2. ***Мастерскія.*** Освѣщеніе, вентиляція, отопленіе.
3. ***Рудники.*** Провѣриваніе, освѣщеніе, вентиляторы, предохранительныя лампы, указатели рудничнаго газа и проч.

Второй отдѣлъ.

1. ***Машины.*** Подъемныя машины для рабочихъ и тяжестей; предохранительные снаряды для спуска рабочихъ и подъемныхъ ящиковъ, парашюты и проч.

---

[1]) См. „Правительст. Вѣстникъ“ 1875 г., №№ 219 и 220.

Digitized by Google

2. *Аппараты и предохранительныя мѣры* противъ увѣчья машинами, находящимися въ дѣйствіи.

3. *Аппараты и снаряды*, замѣняющіе рабочихъ при опасныхъ или вредныхъ для здоровья работахъ.

4. *Паровые котлы, воздушные и газовые резервуары и проч.*

5. *Предохранительные аппараты*: клапаны, манометры, указатели уровня, автоматическіе аллиментаторы, повѣрители давленія; особыя правила устройства ихъ и проч.

6. *Способы*, предотвращающіе накипь, и мѣры къ ея уничтоженію.

Третій отдѣлъ.

1. *Аппараты*, способы и мѣропріятія для предотвращенія или уменьшенія опасности или вреда для здоровья рабочихъ и публики отъ разныхъ промышленныхъ производствъ, отъ укладки въ магазины продуктовъ въ сыромъ и обдѣланномъ видѣ.

2. *Безвредныя вещества*, могущія замѣнить опасныя или вредныя, употребляемыя въ промышленности и искусствахъ.

3. *Аппараты и способы* для предохраненія рабочихъ отъ вредныхъ испареній, пыли, ѣдкихъ жидкостей, взрывовъ, вреднаго дѣйствія очаговъ, газа, свѣта и проч.

4. *Одежда*, необходимая при занятіяхъ извѣстнаго рода.

5. *Инструкціи и гигіеническія правила* для рабочихъ.

6. *Спасительные аппараты и механическія орудія* для поданія немедленной помощи въ несчастныхъ случаяхъ въ рудникахъ, каменоломняхъ и мастерскихъ.

IX классъ. *Учрежденія, имѣющія цѣлью улучшеніе быта рабочаго класса.*

1. *Страховыя общества.* Страхованіе жизни, страхованіе съ преміями противъ различныхъ несчастій. Сочиненія и различные уставы.

2. *Общества взаимнаго вспомоществованія.* Ссудныя, сохранныя и сберегательныя кассы, вспомогательныя общества. Экономическія пекарни, мясныя лавки и рестораны; мѣры для снабженія хорошею и недорогою пищей фабрикъ и большихъ промышленныхъ заведеній.

3. *Общества для сооруженія и пріобрѣтенія* домовъ для рабочихъ; общества для снабженія населенія дешевыми купальнями. Экономическія прачечныя. Планы и аппараты.

4. *Библіотеки для ремесленниковъ и рабочихъ.* Вечернія школы. Курсы линейнаго и орнаментальнаго черченія. Публичные курсы геометріи, механики и прикладной химіи для рабочихъ; профессіональныя школы для женщинъ. Заведенія, имѣющія цѣлью пріучать молодыхъ дѣвушекъ къ работамъ домашняго хозяйства.

5. *Общества покровительства* ремесленнымъ ученикамъ и учебныя для нихъ мастерскія. Общества покровительства и обученія дѣтей, оставленныхъ безъ попеченія на заботливость административной опеки.

6. *Лазареты* и помѣщенія для выздоравливающихъ рабочихъ въ большихъ промышленныхъ заведеніяхъ; фабричныя столовыя, дѣтскія ясли, пріюты, дѣтскіе сады.

Digitized by Google

7. *Средства противъ злоупотребленія крѣпкими напитками*, въ видахъ ослабленія пьянства.

Изъ числа предметовъ X-го класса: «*Гигіена и спасительныя средства въ примѣненіи къ земледѣлію*», укажемъ на слѣдующіе:

Гигіена сельскихъ заведеній.

Способы и гигіеническія мѣры для приведенія дворовъ на фермахъ въ возможно-безвредное для здоровья состояніе.

Дома сельскихъ рабочихъ.

Мебель, одежда и домашняя утварь, предназначенныя исключительно для земледѣльческаго населенія.

Пища сельскаго населенія, способствующая къ поддержанію здоровья и наиболѣе развивающая рабочую силу.

Гигіеническіе напитки во время тяжелыхъ лѣтнихъ работъ.

Гигіена рабочихъ, занимающихся дренажными работами.

Вредное вліяніе на здоровье льняныхъ мочиленъ.

Порча проточной воды фабричными отбросками.

Земледѣльческія машины, исполняющія трудныя и вредныя для здоровья работы, какъ-то: молоченіе зерна и трепаніе льна, сопровождаемыя образованіемъ вредной пыли.

Предохранительныя средства для сельскихъ рабочихъ отъ опасности, происходящей отъ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ машинъ, какъ-то: молотилокъ, конныхъ приводовъ, локомобилей и проч.

Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе разныхъ сторонъ быта рабочихъ и мѣръ для его улучшенія, бросимъ взглядъ на жилища рабочихъ вообще и на существующія жилища ихъ во Франціи и въ Германіи.

Развитію профессіональныхъ болѣзней въ значительной степени помогаютъ неудоровыя жилища. Главныя антигигіеническія условія, приносящія вредъ рабочимъ въ ихъ жилищахъ, суть: нечистота, сырость, недостатокъ воздуха и свѣта, тѣснота, дурное состояніе пола, отсутствіе или дурное состояніе печей, дверей и оконъ, лѣстницъ, корридоровъ и дворовъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ живутъ рабочіе; недостатокъ воды и условій для хорошаго приготовленія пищи. Отъ своихъ темныхъ и сырыхъ жилищъ рабочіе получаютъ предрасположенія къ англійской болѣзни и золотухѣ. Организмъ ихъ, страдая отъ означенныхъ вредныхъ вліяній, теряетъ способность противодѣйствовать вредному вліянію работы въ мастерскихъ. Жизнь въ грязныхъ и нездоровыхъ жилищахъ дѣйствуетъ вредно не только на тѣло рабочихъ, но и на ихъ нравственную сторону, деморализуетъ ихъ. Прямое, очевидное соотношеніе между жилищами и нравственностью несомнѣнно. Здѣсь мы можемъ указать на достойныя вниманія статистическія изслѣдованія дерптскаго профессора Лашэйра о вліяніи жи-

Digitized by Google

лищъ на нравственность рабочихъ въ Парижѣ [1]). Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что большею частью дурное поведеніе рабочихъ совпадало съ дурнымъ состояніемъ ихъ жилищъ; Лапэйръ приписываетъ дурное поведеніе рабочихъ вліянію дурныхъ жилищъ, не отрицая, впрочемъ, съ другой стороны, и вліянія поведенія на выборъ жилища. Какъ видно изъ сочиненія Лайе, жилища рабочихъ во Франціи весьма неудовлетворительны; помѣщенія рабочихъ въ Ліонѣ, говоритъ онъ, тѣсны, сыры, низки, темны, грязны, полуразрушены. А кто не слыхалъ, восклицаетъ онъ, о пресловутыхъ погребахъ въ Лиллѣ! По изысканіямъ совѣтовъ общественнаго здравія въ Мюльгаузенѣ, Аміенѣ, Реймсѣ, Руанѣ, Марсели, были обнаружены плачевные факты. По словамъ извѣстнаго организатора жилищъ для рабочихъ въ Мюльгаузенѣ, Дальфуса, во Франціи очень много женатыхъ рабочихъ, у которыхъ по пяти или шести человѣкъ дѣтей; они живутъ съ своими женами и дѣтьми въ небольшихъ комнаткахъ; одна и та же комната служитъ для всего; на каждаго жильца въ такой комнаткѣ приходится, можетъ быть, 6 кубическихъ метровъ воздуха и часто еще меньше, тогда какъ арестантамъ, осужденнымъ лицамъ, дается 20 куб. метровъ. Дольфусъ видѣлъ жилища, въ которыхъ у матерей семействъ было по 10 и 12 человѣкъ дѣтей, отъ которыхъ оставалось въ живыхъ только двое или трое.

Меблированные дома и меблированныя комнаты для рабочихъ въ Парижѣ отличаются своею нездоровостью. Изъ осмотровъ этихъ домовъ и комнатъ, по распоряженію парижской коммерческой палаты (результаты этихъ осмотровъ приняты также за основаніе Лапэйромъ въ его вышеозначенныхъ изслѣдованіяхъ), оказалось, что въ Парижѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, слишкомъ изъ 200,000 чел. рабочихъ, работающихъ при хорошей обстановкѣ, живетъ больше $^1/_5$-й части, а изъ 106,000 работниковъ проживаетъ въ меблированныхъ комнатахъ больше $^1/_{20}$-й части; слѣдовательно, въ означенныхъ помѣщеніяхъ живетъ больше 40,000 мужчинъ и 6,000 женщинъ; двѣ трети изъ нихъ живутъ болѣе или менѣе осѣдло, треть — временно, только въ рабочее время, возвращаясь, по окончаніи его, на родину. Часть этихъ обитателей комнатъ и домовъ съ мебелью, почти треть, живетъ въ довольно хорошихъ условіяхъ, другая треть — въ посредственныхъ условіяхъ, остальные же — въ дурныхъ, а иногда и въ очень дурныхъ условіяхъ относительно порядка, опрятности, ...

[1]) См. «Сборникъ», изд. мед. департаментомъ, 1878 г., № 2, статью д-ра Шиеле „О вліяніи жилищъ на нравственность".

Digitized by Google

ровья и нравственности; въ комнатахъ скучивается болѣе или менѣе значительное число мужчинъ или женщинъ, и даже тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Въ 1832 году, въ Парижѣ, въ 954-хъ меблированныхъ домахъ, гдѣ проживали поденщики, подметальщики улицъ, тряпичники, трубочисты, каменьщики и проч., заболѣли холерой и умерли 499 человѣкъ, слѣдовательно, больше половины! Это — разительный примѣръ неподлежащаго теперь сомнѣнію факта, что скученность населенія, въ особенности живущаго въ дурныхъ условіяхъ, обыкновенно неразрывно сопряженныхъ со скученностью его, служитъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ для заразныхъ болѣзней и главною причиною большой болѣзненности и смертности. Жилища сельскихъ рабочихъ во Франціи не лучше и не здоровѣе жилищъ городскихъ рабочихъ; жилища земледѣльцевъ своею нечистотою, плохою постройкою, дурнымъ расположеніемъ помѣщенія, отсутствіемъ всякихъ гигіеническихъ условій уничтожаютъ выгоды, получаемыя земледѣльцами отъ дѣятельной ихъ жизни и чистаго воздуха полей.

Жилища рабочихъ въ Германіи не лучше жилищъ французскихъ рабочихъ. Легко можно было бы привести примѣры вообще печальнаго положенія рабочихъ въ Германіи, между прочимъ плохого ихъ помѣщенія и даже отсутствія жилищъ. Французскіе миллиарды франковъ принесли съ собою въ Германію, какъ извѣстно, бѣдность и нищету: жизнь тамъ вздорожала вдвое, втрое для всѣхъ; студенты берлинскаго университета бѣгутъ изъ Берлина въ университеты небольшихъ провинціальныхъ городовъ Германіи, не имѣя возможности существовать теперь въ столицѣ ея на свои ограниченныя средства, которыя до франко-германской войны давали имъ возможность не только существовать и учиться, но даже и пользоваться жизнью въ скромныхъ размѣрахъ. Отставные офицеры, получающіе пенсію, не могутъ болѣе жить на свою скудную пенсію въ Пруссіи и эмигрируютъ оттуда на югъ Германіи; бюргеры цѣлыми семействами выселяются изъ Берлина. Какова же послѣ того должна быть участь рабочихъ? На это даетъ отвѣтъ недавно существовавшій и скоро уничтоженный полиціей *городъ бараковъ* (Barackenburg), рядомъ съ Берлиномъ. Руку помощи рабочимъ въ Германіи подаютъ теперь общества, занимающіяся постройкой домовъ для рабочихъ. Сообщаемъ здѣсь интересныя новѣйшія извѣстія о постройкѣ такихъ домовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Эссенѣ. Фарренграпъ [1]), признавая образцомъ для жилищъ рабочихъ небольшіе

[1]) Deutsche Vierteljahrsschr. f. öffentl. Gesundheitspfl. VI. H. 3.

Digitized by Google

отдѣльные домики съ садами, которые съёмщики могли бы получить со временемъ въ свою собственность, не считаетъ, однакожъ, и такъ-называемыхъ «казармъ» для отдачи въ наймы рабочимъ безусловно негодными. Послѣднія необходимы для наплывного населенія торговыхъ и столичныхъ городовъ, первые же для болѣе осѣдлаго населенія фабричныхъ мѣстностей. Однакожъ, въ цѣломъ этажѣ должны быть не болѣе какъ два или три семейства, а во всемъ домѣ не болѣе 8—12 семействъ. Только входъ въ домъ и лѣстница съ небольшими сѣнями должны быть общіе, отхожее же мѣсто (ватерклозетъ), кухня, сорный ящикъ должны быть отдѣльные для каждаго семейства; каждый уголъ долженъ быть освѣщенъ, для того, чтобы облегчить поддержаніе чистоты,— перваго условія здоровья. Общеполезное строительное общество въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, основанное въ 1860 году и слѣдующее этой системѣ постройки домовъ для рабочихъ по этимъ воззрѣніямъ, обладало къ 1-му января 1874 года 53 домами, съ 235-ю квартирами и 1027 жильцами, изъ которыхъ было 257 семейныхъ. Съ 1862 по 1873 годъ на 6979 жителей произошло 200 родовъ и 97 смертныхъ случаевъ; такимъ образомъ, среднимъ числомъ, ежегодно на 100 жителей было 3,01 родовъ и 1,46 смертныхъ случаевъ, тогда какъ въ теченіи тѣхъ же самыхъ лѣтъ въ общемъ населеніи Франкфурта произошло 2,69% родовъ и 2,08 смертныхъ случаевъ. Общество назначаетъ 5½% съ затраченнаго капитала въ наемную плату. Цѣна за одну комнату съ принадлежностями (кухня, чуланъ и пр.) въ 108—120 [1]) флориновъ, за двѣ комнаты съ принадлежностями: 144—180 [2]) флориновъ.

Всѣмъ требованіямъ гигіены соотвѣтствуютъ колоніи рабочихъ Круппа въ Эссенѣ, описанныя Бёйеромъ. Къ концу 1873 года существовало 3148 семейныхъ квартиръ для 12,000 рабочихъ и служащихъ. Нужно было устроить массу квартиръ на относительно ограниченномъ пространствѣ и на не благопріятной вездѣ для построекъ почвѣ. Кромѣ того, для небольшого числа семействъ было основано нѣсколько колоній болѣе сельскаго характера. Дома колоніи Кронеберга, представляемой авторомъ за образцовую, въ которыхъ въ то время жило около 7,000, выстроены по двумъ системамъ: 1) такъ-называемые «Reihenhäuser», состоящіе изъ 7—9 непосредственно другъ подлѣ друга выстроенныхъ отдѣльныхъ домовъ на 3 или на 6 семействъ; 2) отдѣльно лежащіе

[1]) Отъ 57 до 63 р.
[2]) Отъ 75 до 94 р.

Digitized by Google

двойные дома съ 6—12 семейными квартирами. Зданія построены изъ кирпича или плитняка. При каждой квартирѣ, состоящей изъ 2, 3 и 4-хъ жилыхъ помѣщеній, устроены погребъ и чуланъ, особенное отхожее мѣсто, безъ запаха, расположенное у входа, съ отводной трубою изъ глазурованной глины и съ высокой вентиляціонной трубой; для сливанія кухонныхъ и домашнихъ помоевъ есть чашка съ металлической трубой и сточнымъ жолобомъ (куда они проведены—не сказано). Выгребныя ямы лежатъ внѣ домовъ, цементированы, снабжены особенною вентиляціей и очищаются посредствомъ пневматическаго аппарата, безъ запаха. Соръ, зола и т. п. каждое утро вывозятся въ телѣжкахъ. Торговая площадь величиной въ 2460 кв. метровъ. Народныя школы, расположенныя на востокъ, хорошо вентилируются, нагрѣваются посредствомъ печей съ жестяными колпаками, получающими свѣжій воздухъ снаружи посредствомъ канала, открывающагося внизу, снабжены хорошо устроенными скамьями и освѣщаются только съ лѣвой стороны. Въ двухъ рынкахъ потребительныя общества продаютъ хорошіе товары по своей цѣнѣ. Будетъ устроена хорошая бойня. Квартира, состоящая изъ 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ комнатъ, стоитъ 34, 50 и 58 талеровъ въ годъ. Меньшая колонія Дрейлиндень расположена шире, болѣе по-деревенски; двухъ-этажные, массивные дома ея всѣ снабжены садами съ живыми изгородями и часть ихъ конюшнями; нѣкоторые изъ этихъ домовъ построены по системѣ «Принцъ Альбертъ»; другіе—по мюльгаузенской. Приступлено къ устройству водопровода, въ настоящее же время колонія снабжена колодезной водой. Всѣ улицы шоссированы. Явною для нравственности считается совмѣстное жительство холостыхъ и незамужнихъ нахлѣбниковъ и нахлѣбницъ, которыхъ, лишь только позволятъ обстоятельства, намѣреваются совершенно удалить изъ колоніи Кронебергъ, гдѣ ихъ считается до 1000 чел.

Мы разсмотрѣли, какъ сказано выше, нѣсколько профессій, состоящихъ главнымъ образомъ изъ механическаго, мышечнаго труда, изъ которыхъ, конечно, нельзя все-таки вовсе исключить нѣкоторой умственной работы, иначе пришлось бы считать относящихся къ этой области труда рабочихъ не болѣе, какъ работающими машинами. Другая область труда несравненно меньше первой, въ которой преобладаетъ умственный трудъ. Мы также приведемъ нѣсколько образцовъ и изъ этой сферы труда. Но прежде, чѣмъ перейти къ ней, скажемъ нѣсколько словъ о профессіи, какъ-бы соединяющей собою обѣ области, въ которой совмѣщаются и тотъ, и другой родъ труда. Люди этой профес-

Digitized by Google

сіи—*наборщики*. Ни одна профессія, говоритъ Тюрвалъ («Grandes usines»), не требуетъ столько образованія и ума, столько смѣтливости и ловкости въ рукахъ, какъ профессія наборщиковъ. Умѣнье чисто набирать, среди поправокъ и трудно-объяснимыхъ знаковъ, то, что хотѣлъ сказать авторъ набираемаго сочиненія, требуетъ хорошихъ, испытанныхъ глазъ, большого вниманія, постояннаго напряженія воли и рѣшимости сдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, предварительныхъ долгихъ и трудныхъ занятій, обыкновенно не требуемыхъ другими профессіями. Поэтому наборщики большею частію—люди умные, спокойные, серьёзные, часто образованные; у нихъ замѣчается нѣкоторая ироніи, весьма свойственная людямъ, черезъ руки которыхъ проходитъ столько противорѣчивыхъ сужденій, подъ которыми часто стоитъ одно и то же имя.

Главнѣйшія причины болѣзней наборщиковъ суть: постоянное напряженіе зрѣнія, работа пальцевъ и иногда чрезмѣрное умственное напряженіе; поэтому у наборщиковъ весьма обыкновенно ослабленіе зрѣнія, въ особенности происходящее отъ работы по ночамъ, при искусственномъ освѣщеніи, и хроническія воспаленія глазъ. Весьма гибельна для глазъ пыль, поднимающаяся изъ кассъ; она состоитъ изъ органическихъ и металлическихъ веществъ. Страданію глазъ способствуютъ также: чтеніе корректуръ, правка формъ, наборъ очень мелкимъ шрифтомъ, блескъ новаго шрифта, наконецъ, сгорбленное положеніе тѣла, и особенности при правкѣ формъ, которое производитъ приливъ крови къ глазамъ, мозгу и головокруженіе. Кромѣ того, у наборщиковъ вслѣдствіе ихъ работы часто происходятъ судороги въ пальцахъ, дрожаніе въ рукахъ; вслѣдствіе привычки работать стоя у нѣкоторыхъ происходятъ дрожаніе, усталость и отекъ ногъ; у пожилыхъ людей появляются даже язвы на ногахъ. У наборщиковъ, отъ дурной привычки держать между губами шрифтъ, часто происходятъ судорожныя подергиванія губъ и трещины, опухоли на губахъ; эти опухоли иногда воспаляются и становятся похожи на ракъ. Составныя части шрифта, какъ извѣстно, суть: 67 частей свинца, 25 чч. сурьмы, 5 чч. олова и 3 чч. мѣди. Привычкѣ держать шрифтъ во рту, а также вдыханію металлической пыли, которая поднимается изъ кассъ и часто осѣдаетъ на лежащій въ нихъ шрифтъ, должно приписать припадки отравленія свинцомъ, которые иногда встрѣчаются у наборщиковъ. Отравленіе свинцомъ развивается медленно и періодически; оно обнаруживается худѣніемъ тѣла, слабостью; кожа, въ особенности на лицѣ, принимаетъ блѣдно-желтоватый

Digitized by Google

цѣть; во рту ощущается сладковатый, вяжущій вкусъ; выдыхаемый воздухъ имѣетъ дурной запахъ; на краяхъ дёсенъ образуется сѣроспневатая кайма; эти явленія продолжаются нѣкоторое время, не разстроивая ощутительнымъ образомъ здоровья; но за тѣмъ вначале ощущается *свинцовая колика*: появляется болѣе или менѣе острая боль вокругъ пупка, распространяющаяся по животу; при этомъ бываютъ упорные запоры, тошнота, отрыжка и рвота желчью; обыкновенно эти припадки проходятъ, но снова появляются, если вдыханіе свинцовой пыли продолжается. Затѣмъ появляются судороги, похожія на судороги падучей болѣзни и, попеременно съ ними, пораженіе мозга, состоящее въ бредѣ или помѣшательствѣ; очень часто затѣмъ слѣдуютъ *параличи* выпрямляющихъ мышцъ, въ особенности на кистяхъ рукъ и, наконецъ— развивается свинцовое *худосочіе* и притупленіе умственныхъ способностей.

Послѣдствіемъ вдыханія свинцовой пыли бываетъ у наборщиковъ также легочная чахотка; по словамъ Гирта, въ числѣ 0—12% между другими болѣзнями наборщиковъ, заболѣваніе рудными болѣзнями вообще составляютъ 45,3%; изъ 100 заболѣвшихъ, 45,3% страдали какими-либо острыми или хроническими болѣзнями дыхательныхъ органовъ. Средняя продолжительность жизни наборщиковъ, по словамъ Ламберта, основывающагося на 41 смертномъ случаѣ, равняется 54,3 годамъ; такова же и цифра смертности между наборщиками. Гиртъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что чахотка не развивается одинаково часто у наборщиковъ во всѣхъ типографіяхъ; здѣсь весьма важны пища, какую ѣдятъ наборщики, вентиляція помѣщенія типографіи; но чахотка все-таки необыкновенно часта у наборщиковъ.

Немаловажною причиной болѣзней у наборщиковъ служитъ также неумѣренное употребленіе ими спиртныхъ напитковъ.

Что касается гигіеническихъ мѣръ, примѣнимыхъ въ типографіяхъ, то онѣ должны состоять въ слѣдующемъ: какъ можно чаще должно провѣтривать помѣщенія типографіи, гдѣ работаютъ наборщики и печатники, словолитчики и проч. Они должны знать вредъ для здоровья, сопряженный съ ихъ занятіями. Они не должны работать до появленія боли въ глазахъ. Наборщикамъ должны быть даны табуреты. Необходимо держать типографіи въ возможайшей чистотѣ и опрятности. Рабочіе не должны ѣсть въ самой типографіи, должны чаще мыть себѣ руки. Для нихъ крайне необходимы отдыхъ, прогулки, питательная пища, здоровыя жилища и частое посѣщеніе бани.

Намъ остается разсмотрѣть группу профессій, въ которыхъ

Digitized by Google

главную роль играетъ умственный трудъ; для примѣра приведемъ изъ сочиненія Лайэ очеркъ профессіи ученыхъ, литераторовъ и врачей въ гигіеническомъ отношеніи.

У людей, посвятившихъ себя умственнымъ занятіямъ, наиболѣе страдаетъ и по необходимости долженъ страдать головной мозгъ; причина мозговыхъ разстройствъ у нихъ главнымъ образомъ состоитъ не въ приливѣ крови къ мозгу, а въ ослабленіи стѣнокъ и дѣятельности кровеносныхъ сосудовъ мозга и вслѣдствіе того въ неправильностяхъ кровообращенія въ мозгу, происходящихъ также отъ недостаточнаго дѣйствія сосудодвигательныхъ нервовъ. Эти измѣненія обусловливаются утомленіемъ и истощеніемъ мозга отъ чрезмѣрнаго умственнаго труда. Но послѣдствіями этихъ измѣненій бываютъ у однихъ размягченіе мозга, у другихъ закупорка сосудовъ мозга, уплотненіе стѣнокъ сосудовъ и апоплексическій ударъ. Коперникъ, Мальпиги, Линней, Спаланцани, Лабрюеръ, Добантонъ, Монжъ, Кабанисъ, Корвизаръ и многіе другіе умерли отъ апоплексическаго удара. Означенныя страданія мозга составляютъ грустный удѣлъ ученыхъ, которые подвергаютъ свой мозгъ продолжительному напряженію, насилуютъ его, тогда какъ у художниковъ и поэтовъ бо́льшею частью встрѣчаются двѣ формы умственнаго разстройства: галлюцинаціи и меланхолія. На 1000 чел. художниковъ приходится, по словамъ Лайэ, 9,60 случаевъ умопомѣшательства, на 1000 же чел. профессоровъ, врачей и ученыхъ — только 3,70 случаевъ; средняя цифра умопомѣшательства у людей, занимающихся такъ-наз. свободными профессіями, равнялась только 3,10 чел. на 1000. Торквато Тассо, Камоэнсъ, Рибейра, Гофманъ, Эдгаръ По страдали галлюцинаціями; Данте, Руссо, Бетховенъ, Байронъ были меланхолики; иногда избытокъ чувства приводилъ людей къ самоубійству, какъ, напр., Чаттертона, Джильберта и Эскуроса. Далѣе, сидячая жизнь, согбенное положеніе тѣла при сидѣніи, замедляя обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, дѣйствуютъ главнымъ образомъ на отдѣлительные органы; такимъ образомъ при этомъ родѣ жизни преимущественно страдаютъ почки; Симіаль составилъ любопытную таблицу лицъ, страдавшихъ каменною болѣзнью; между прочими въ этой таблицѣ встрѣчаются имена Аміо, Эразма Роттердамскаго, Гарвея, Кальвина, Бэкона, Лейбница, Боссюэта, Ньютона, д'Аламбера, Бюффона и Вольтера. Послѣ каменной болѣзни самою частою болѣзнью у людей, ведущихъ созерцательную жизнь, должно считать, по словамъ Ревелье-Параиса, хроническій катарръ мочевого пузыря. Безпорядки въ ѣдѣ, злоупотребленіе возбуждающихъ напитковъ, между прочимъ кофе, позднее засыпаніе по ночамъ,

Digitized by Google

изолированный образъ жизни дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на дѣятельность отправленій мозга. Растительная жизнь организма приходитъ въ упадокъ, уподобленіе пищи тѣлу происходитъ медленно. Тиссо говоритъ, что кто наиболѣе мыслитъ, тотъ наименѣе перевариваетъ пищу. Послѣдствіемъ этихъ условій бываютъ застои крови въ брюшной венозной системѣ, вызывающіе въ свою очередь упорные запоры, геморрой и частые приливы крови къ печени. Желтуха—одна изъ весьма обыкновенныхъ болѣзней у людей, ведущихъ кабинетную жизнь. Функціонирующій, т.-е. мыслящій, мозгъ находится въ движеніи; наблюденія показываютъ, что послѣ продолжительной и прилежной умственной работы количество выдѣляемой мочевины,—конечнаго продукта обмѣна веществъ въ тѣлѣ, равняется количеству ея, выдѣляемому послѣ продолжительнаго мышечнаго упражненія. Продолжительное напряженіе глазъ, ночная работа при искусственномъ освѣщеніи усиливаютъ замедленіе кровообращенія въ мозгу и этимъ самымъ даютъ поводъ къ приливамъ крови къ головѣ. При сильномъ умственномъ напряженіи, зрѣніе больше всѣхъ другихъ отправленій подвержено ослабленію и утомленію. Мильтонъ, Монтескье, Бетховенъ, Огюстенъ Тьерри лишились зрѣнія и остались слѣпыми до смерти. Люди, преданные умственнымъ занятіямъ, и въ здоровомъ состояніи подвержены мигренямъ и разнаго рода невралгіямъ; если они заболѣваютъ, то ходъ болѣзни у нихъ бываетъ неправильный, быстрый, можно сказать, что болѣзнь у нихъ распространяется по всему организму. Причина такой особенности—слабость, сопряженная съ раздражительностью, обнаруживающаяся въ особенности во время выздоровленія, упадкомъ силъ больного и медленностью возвращенія его къ здоровому состоянію. Здѣсь, кромѣ укрѣпляющихъ средствъ, большую пользу приноситъ нравственное леченіе, которое наиболѣе пригодно мыслящимъ людямъ; сюда относятся путешествія, развлеченія, деревенская жизнь, физическая работа, пребываніе на минеральныхъ водахъ, морскія купанья. Наиболѣе же, при леченіи людей, преданныхъ умственнымъ занятіямъ, должно избѣгать двухъ слѣдующихъ средствъ: наркотическихъ веществъ и кровопусканій. Гюи-Патенъ сообщаетъ, что философъ Гассенди до такой степени ослабѣлъ послѣ двухъ кровопусканій, что уже ничто не могло возстановить его силъ; то же самое случилось и съ Мирабо; кромѣ этихъ случаевъ, можно назвать множество другихъ, въ которыхъ кровопусканіе влекло за собою смерть.

Судя по статистическимъ даннымъ, средняя продолжительность

Digitized by Google

жизни мыслителей, художниковъ и ученыхъ доходитъ, однако, до довольно высокой цифры; такъ, Маддент утверждаетъ, что въ Англіи, средняя продолжительность жизни ученыхъ равняется 70-ти годамъ; во Франціи же, по словамъ Бенуатонъ-де-Шатонеа, она доходитъ до 69-ти лѣтъ, а Ломбардъ утверждаетъ, что среднею продолжительностью жизни ученыхъ въ Женевѣ должно считать 65 лѣтъ. Но эта средняя продолжительность жизни, касающаяся только извѣстныхъ мыслителей, едва-ли можетъ считаться нормой для большинства. Сколько людей, не успѣвшихъ создать себѣ имени, погибаетъ отъ тяжелаго труда мышленія и отъ физическихъ лишеній!

Гигіена предлагаетъ людямъ, преданнымъ умственнымъ занятіямъ, троякаго рода средства: интеллектуальныя, физическія и нравственныя; къ первымъ относятся умѣренность въ мозговой дѣятельности, предоставленіе мозгу надлежащаго и равномѣрнаго покоя; для этого слѣдуетъ избѣгать поздняго сидѣнія по ночамъ, злоупотребленія возбуждающихъ напитковъ, куренія табаку и даже увлеченія самыми мыслями. Ко вторымъ средствамъ принадлежатъ всѣ тѣ, которыя могутъ поддерживать дѣятельность и здоровье тѣла; mens sana in corpore sano—вотъ цѣль, къ которой они стремятся. Здѣсь важны попеченія о надлежащемъ провѣтриваніи комнаты, предназначенной для умственныхъ занятій, о надлежащемъ количествѣ и качествѣ свѣта при занятіяхъ, о правильномъ, возстанавливающемъ силы снѣ; человѣкъ, занимающійся умственнымъ трудомъ, долженъ вести правильную жизнь, употреблять пищу, наиболѣе соотвѣтствующую его организму; онъ не долженъ пренебрегать ваннами, долженъ обращать вниманіе на чистоту своего тѣла, выборъ одежды, чаще и больше пользоваться свѣжимъ воздухомъ; для людей, преданныхъ умственнымъ занятіямъ, весьма полезны и необходимы двѣ прогулки въ теченіе сутокъ: утренняя и вечерняя; весьма полезно прекращать умственныя занятія по крайней мѣрѣ за часъ до ночного сна. Что касается нравственныхъ гигіеническихъ средствъ, то люди, преданные умственнымъ занятіямъ, должны бороться съ своими страстями, или съ сильными аффектами, угнетающее дѣйствіе которыхъ на организмъ можетъ пагубно вліять на правильность мыслей. Продолжительное напряженіе ума требуетъ безусловнаго спокойствія воображенія.

Къ врачамъ относится большая доля того, что уже сказано по поводу людей, преданныхъ умственному труду. Врачи, однако, пользуются лучшими условіями жизни, чѣмъ ученые, ведущіе исключительно сидячій образъ жизни, такъ какъ ежедневная

Digitized by Google

практическая дѣятельность врачей заставляетъ ихъ быть въ движеніи; но, съ другой стороны, среда, въ которой они отправляютъ свои обязанности, бываетъ новою причиною вреда, претерпѣваемаго ими. Гдѣ бы ни находился врачъ, въ секціонной ли залѣ, въ больницахъ, среди эпидемій или между воюющими войсками, онъ вездѣ подвергается опасности инфекціи или зараженія. При заботахъ о здоровьѣ другихъ, у него не остается ни времени, ни желанія думать о своемъ собственномъ здоровьѣ. Причинами заболѣванія студентовъ медицины служатъ постоянное пребываніе ихъ у кровати больныхъ и въ секціонныхъ залахъ и самый родъ ихъ занятій; тифозныя горячки чрезвычайно часто встрѣчаются между студентами медицины. Утомленіе отъ занятій, малокровіе, развитію котораго въ особенности помогаетъ бѣдность, претерпѣваемая большинствомъ студентовъ, составляютъ предрасполагающія причины къ частому заболѣванію ихъ, въ особенности заразными болѣзнями.

По словамъ Майера, врачи въ обыкновенное время наиболѣе часто погибаютъ отъ болѣзней кровеносной системы и мочеваго пузыря, не считая, впрочемъ, различныхъ видовъ тифозныхъ горячекъ, отъ которыхъ наиболѣе часто умираютъ студенты. Извѣстно, что смертность между врачами чрезвычайно велика. Касперъ нашелъ, что изъ всѣхъ свободныхъ профессій, профессія врача сопряжена съ наименьшею цифрой вѣроятной жизни. Въ Англіи за послѣднее время оказалось, что средняя цифра продолжительности жизни врачей—45 лѣтъ. По словамъ Эсперика, врачи не могутъ разсчитывать на продолжительную жизнь; они умираютъ въ различные періоды жизни въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ люди, занимающіеся другими профессіями; но самая большая смертность встрѣчается между ними въ первыхъ періодахъ жизни; $^{3}/_{4}$ врачей умираетъ раньше пятидесяти лѣтъ; $^{10}/_{11}$ раньше шестидесяти лѣтъ. Весьма рѣдко можно встрѣтить между врачами людей доживщихъ до глубокой старости. Вольтеръ замѣчаетъ, что король Людовикъ XV похоронилъ въ теченіи своего царствованія болѣе сорока человѣкъ своихъ врачей. Слѣдующія данныя еще краснорѣчивѣе: въ крымскую кампанію, во французской арміи общая цифра смертности офицеровъ всѣхъ чиновъ доходила до 14 человѣкъ на 100, тогда какъ смертность врачей, умершихъ отъ болѣзней и различныхъ несчастныхъ случаевъ, равнялась 18,22 на 100; въ эту же кампанію отъ тифозной горячки умерло 0,47 на 100 офицеровъ всѣхъ чиновъ, тогда какъ однихъ врачей отъ нея умерло 12,88 на 100. Во время мексиканской кампаніи, 12-го января 1864 года, фран-

Digitized by Google

цузскій экспедиціонный корпусъ потерялъ 4 человѣка изъ 100 офицеровъ и 20 человѣкъ изъ 100 врачей. Въ мирное время смертность военныхъ врачей вдвое больше смертности гражданскаго населенія, но смертность флотскихъ врачей еще больше смертности военныхъ врачей, въ подтвержденіе чего Лайэ приводитъ слѣдующія данныя: по изслѣдованіямъ Страттона, смертность англійскихъ флотскихъ врачей ежегодно равняется 3,40 на 100, тогда какъ смертность въ гражданскомъ населеніи во всѣхъ возрастахъ равняется только, по словамъ Паркса, 1,10 на 100. Во Франціи разсчитано, что въ теченіи девяти лѣтъ изъ 840 флотскихъ врачей умерло 74 человѣка, т.-е. умирали 1 изъ 12 врачей, или же, около 8 врачей изъ 100 въ теченіи года. Если эта цифра вѣрна, то она въ пять разъ больше средней цифры общей смертности. Конечно, должно принять въ соображеніе, что утомительныя и продолжительныя плаванія и долговременное пребываніе въ жаркихъ и тропическихъ странахъ много способствуютъ сильной смертности врачей во французскомъ и преимущественно англійскомъ флотахъ; эти причины вѣроятно не существуютъ въ такой же степени для флотскихъ врачей другихъ государствъ, напр. Россіи.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, указывающихъ на значительную болѣзненность и смертность между врачами, обусловливаемыя ихъ профессіями, слѣдовало бы ожидать, что дѣятельность врачей оцѣнивается и вознаграждается въ степени, соотвѣтствующей ихъ трудамъ и самопожертвованію. На дѣлѣ выходитъ иначе; Лайэ приводитъ въ своей книгѣ слѣдующія размышленія Бограна по поводу этого предмета: «публика полагаетъ, что врачъ долженъ быть всегда готовъ къ ея услугамъ; что онъ не долженъ знать покоя и не долженъ никогда чувствовать усталости. Его рвеніе въ исполненіи своихъ обязанностей относительно паціентовъ и любовь къ нимъ должны быть безграничны и обнаруживаться ежеминутно; иначе публика считаетъ его недостойнымъ его высокаго сана, возлагая на него тяжелыя обязанности и считая себя въ то же время отнюдь необязанною вознаграждать врачей за исполненіе ими своихъ обязанностей. Врачи, умирая во время эпидемій, при леченіи прилипчивыхъ болѣзней, этимъ самымъ только оправдываютъ изреченіе: aliis inserviendo consumuntur, alios medendo moriuntur («служа другимъ, истощаютъ свои силы; врачуя другихъ, сами умираютъ»). Наградою же за это часто служатъ имъ: неблагодарность и забывчивость со стороны паціентовъ, насмѣшки и оскорбленія журналистовъ и водевилистовъ» и проч. Къ этому мы прибавимъ, что положеніе врачей,

Digitized by Google

вознагражденіе ихъ трудовъ, главнымъ образомъ, зависятъ отъ степени цивилизаціи того государства, въ которомъ они дѣйствуютъ, т.-е. отъ обезпеченія законами ихъ права на вознагражденіе и отъ сознанія публикою своей обязанности надлежащимъ образомъ вознаграждать врачей. Мы говоримъ здѣсь о врачахъ вообще, ибо даже въ мало цивилизованныхъ государствахъ небольшое меньшинство врачей пользуется блестящимъ положеніемъ, тогда какъ громадное большинство ихъ живетъ въ ожиданіи лучшихъ дней.

Не разбирая другихъ профессій, описываемыхъ въ книгѣ Лайэ, приведемъ въ заключеніе нашего анализа сообщаемыя имъ статистическія свѣдѣнія о *предрасположеніи къ умопомѣшательству*, обусловливаемомъ различными профессіями. Извѣстный французскій психіатръ Паршапъ, руководствуясь статистическими свѣдѣніями о числѣ поступленія во Франціи, въ 1853 г., умалишенныхъ въ дома, существующіе для нихъ, нашелъ, что поступившихъ туда въ означенномъ году всего было 32,876 чел., изъ этого числа ему удалось опредѣлить профессіи у 19,817 чел. Основываясь на результатахъ своихъ изслѣдованій, между прочимъ—на отношеніи числа поступившихъ въ дома для умалишенныхъ лицъ извѣстной профессіи къ цифрѣ профессіональнаго населенія, онъ нашелъ, что профессіи по степени производимаго ими предрасположенія къ умопомѣшательству могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Профессіи.	Отношеніе къ 1000:
Люди свободныхъ профессій	3,10
Военные и моряки	1,99
Прислуга и поденщики	1,55
Живущіе доходами (rentiers) и собственники	1,01
Промышленные и сельскіе рабочіе	0,66
Торговцы и купцы	0,42

Что касается лицъ, занимающихся свободными профессіями, то вслѣдствіе спеціальности ихъ занятій и условій ихъ образа жизни, замѣчаются значительныя разности въ предрасположеніи ихъ къ умопомѣшательству, какъ видно изъ слѣдующаго:

Профессіи.	Отношеніе къ 1000:
Художники	9,60
Юристы	8,41
Духовные	4,13
Врачи и фармацевты	3,85
Профессоры и литераторы	3,56
Служащіе и чиновники	1,37

Digitized by Google

Изъ числа лицъ, занимающихся земледѣльческими профессіями, было 3789 чел. одержимыхъ душевными болѣзнями изъ народонаселенія, которое вчетверо или впятеро больше населенія, занимающагося промышленными профессіями; изъ одного только этого послѣдняго населенія поступило въ дома для умалишенныхъ 6767 чел., почти вдвое больше; такимъ образомъ, случаи умопомѣшательства между сельскими и городскими рабочими относятся какъ 1 къ 8-ми.

Статистическими данными, собранными въ Бельгіи, за 1858 г., куда вошли умалишенные, живущіе у себя дома, подтверждаются главныя статистическія данныя во Франціи; именно, бельгійскія статистическія свѣдѣнія указываютъ на то, что преобладающее вліяніе на предрасположеніе къ умопомѣшательству остается за свободными профессіями, что̀ выражается отношеніемъ 4,81 : 1000; по этимъ же даннымъ, земледѣльческія профессіи имѣютъ болѣе слабое вліяніе на происхожденіе умопомѣшательства: число помѣшанныхъ между сельскими рабочими относится къ общему числу послѣднихъ, какъ 0,92 къ 1000. Ганноверъ получилъ въ Копенгагенѣ въ домѣ для умалишенныхъ слѣдующія цифры: изъ 1100 принятыхъ туда больныхъ оказалось не-рабочихъ 716, рабочихъ только 384 чел., немногимъ меньше половины.

Что̀ касается *причинъ*, предрасполагающихъ къ умопомѣшательству людей разныхъ профессій, то онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ; болѣе частыми причинами умопомѣшательства оказываются: у спекулянтовъ и купцовъ денежные интересы, превратности счастія; у художниковъ, литераторовъ, государственныхъ людей и юристовъ — угнетающія страсти, обманутое честолюбіе, чрезмѣрная умственная работа, гордость и проч.; у духовныхъ—мистическія мечты, воздержаніе; у городскихъ рабочихъ — бѣдность, нищета, злоупотребленіе спиртными напитками; у солдатъ — солнечный ударъ, физическія насильственныя вліянія; у крестьянъ—интеллектуальная неразвитость. Между рабочими, ведущими по своей профессіи сидячій образъ жизни, число умалишенныхъ, повидимому, значительно; такъ, въ статистическихъ данныхъ, полученныхъ Ганноверомъ, первыя мѣста занимаютъ: портные, башмачники, переплетчики, ткачи, корзинщики, слесаря и проч.

Въ Россіи до сихъ поръ еще не существуетъ статистическихъ данныхъ, подобныхъ приведеннымъ выше, такъ какъ статистика умопомѣшательства вообще въ Россіи, можно сказать, еще вовсе не разработана.

Digitized by Google

Изъ приведенныхъ примѣровъ и разсужденій видно, что трудъ человѣка сопряженъ съ болѣзнями его тѣла и души. Вредныя послѣдствія труда могутъ и должны быть, по возможности, предотвращаемы; по отношенію къ механическому, мышечному труду, предотвращеніе этихъ послѣдствій и есть собственно предметъ *промышленной гигіены*; задачи ея ясны изъ всего приведеннаго нами выше и въ особенности изъ программы предстоящей гигіенической выставки въ Брюсселѣ; однимъ словомъ, должно стараться предохранять рабочихъ отъ вредныхъ вліяній, сопряженныхъ съ ихъ профессіями и, слѣдовательно, производить соотвѣтственныя тому измѣненія въ механизмѣ и отправленіяхъ, свойственныхъ разнымъ профессіямъ. Для вознагражденія же ущерба, претерпѣваемаго душою и тѣломъ рабочихъ и для уничтоженія вредныхъ слѣдовъ труда служатъ всѣ улучшенія физическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ, всего ихъ матеріальнаго быта, ихъ воспитаніе и образованіе. Это—философская и соціальная стороны профессіональнаго вопроса, куда, сверхъ того, относятся заработная плата и проч. Лайэ въ своемъ сочиненіи оставляетъ въ сторонѣ эти условія, указывая только на важность ихъ и на спасительное вліяніе ихъ на здоровье рабочихъ; преимущественно же онъ занимается изложеніемъ указанныхъ выше средствъ промышленной гигіены, служащихъ для предупрежденія и уничтоженія вредныхъ вліяній каждаго профессіональнаго труда. При описаніи каждой профессіи указана ея литература, такъ что кто не удовлетворится сжатымъ описаніемъ автора, тотъ найдетъ у него указанія на существующія технолого-гигіеническія описанія промышленныхъ производствъ; во всякомъ случаѣ книга Лайэ можетъ быть полезна, какъ врачамъ и техникамъ, такъ и фабрикантамъ, заводчикамъ и всякому образованному человѣку. Улучшеніе же положенія рабочаго класса, прежде всего, требуется справедливостью.

С. Ловцовъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Я видѣлъ ночь—она передо мной
Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая
Волшебница, съ поникшей головой,
Зарницами, какъ взглядами, сверкая.

Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;
Но чуялъ я дыханья знойный трепетъ,
И въ тишинѣ, какъ ласковый обманъ,
Незримыхъ устъ призывный несся лепетъ.

Казалось мнѣ, что чудная зоветъ
Меня съ собой къ любви и наслажденью;
И я все шелъ,—все шелъ за ней впередъ,
Объятый весь огнемъ ея и тѣнью!

Digitized by Google

II.

Я созналь нищету мгновенныхъ наслажденій,
Крылатой юности я осмѣялъ обманъ;
Иныхъ, глубокихъ думъ и грозныхъ вдохновеній
Зоветъ меня къ себѣ безбрежный океанъ!

Въ немъ счастье полное, иль гибель безъ возврата!
Могучъ его покой и страшенъ львиный гнѣвъ;
Но радостно душа, надеждою объята,
Внимаетъ дальнихъ волнъ таинственный напѣвъ.

Сверкаютъ волны тѣ и плещутъ на просторѣ,
Играя жизнію, какъ утлою ладьей...
Мнѣ любо выходить въ невѣдомое море
Съ отважно поднятою, гордой головой!

Челнокъ отъ берега несется мнѣ послушный,
И, зорко глядя вдаль, въ туманъ грядущихъ дней,
Съ рукою на рулѣ, внимаю равнодушно
Навѣтамъ робости и жалобамъ друзей!

Digitized by Google

III.

Межъ тѣмъ, какъ вкругъ тельца златого,
Безумна, алчна и слѣпа,
Въ забвеньи божескаго слова,
Пируетъ шумная толпа.—

На праздникъ суетный и дикій
Гляжу безмолвно я сквозь слезъ,
И жду, чтобъ вновь пророкъ великій
Скрижали истины принесъ;

Чтобы сверкнулъ онъ гнѣвнымъ взоромъ,
Какъ грозной молніи лучомъ,
Чтобъ надъ ликующимъ позоромъ
Съ Синая грянулъ древній громъ!

Но громъ молчитъ; забытый міромъ,
Почившій Богъ ужъ не грозитъ,
И въ восхищеньи предъ кумиромъ
Толпа и пляшетъ, и шумитъ;

Растетъ и блещетъ пиръ безумный,
Ему нѣтъ мѣры и конца,
Какъ волнъ морскихъ пѣнѣхъ шумной
Вкругъ лодки сираго пловца!

Гр. Ар. Голенищевъ-Кутузовъ.

Digitized by Google

ПОПУТНЫЙ ВѢТЕРЪ

Народная сказка *).

Ясный день глядится въ воды,
Неба ровная лазурь
Не пророчитъ близкихъ бурь,
Перемѣнчивой погоды.
Вотъ лебёдокъ бѣлыхъ стая
На рѣкѣ разбила станъ—
Бѣлогрудый караванъ
Дремлетъ, вѣтра поджидая.
Нѣтъ попутному охоты
Двинуть грузныя суда,
Чуть колышется вода,
Виснетъ парусъ безъ работы...

1.

«Тронься, вѣтеръ ты низовый!
«Полно, будетъ отдыхать!
«Тучей темною свинцовой
«Принакрой ты Волгу-мать;

*) Тэмой послужилъ сильно измѣненный варіантъ древней сказки: „О драчливой женѣ и смирномъ мужикѣ“ (см. Аѳанасьева: Нар. рус. сказки, первое изданіе). Полное отсутствіе всякой миѳической обстановки указываетъ на позднее происхожденіе этого варіанта, слышаннаго нами въ ставропольскомъ уѣздѣ самарской губерніи, село Озёрки.

Digitized by Google

«Разведи рѣчную воду,
«Бѣляки сѣдые вспѣнь,
«Дай попутную погоду,
«Отряхни скорѣе лѣнь!
«Что́ гуляешь безъ заботы,
«Или волюшка мила?
«Позабылъ свои налёты
«Темнокрылаго орла!..»

Такъ пловцы молили долго...
Набѣжали облака,
Затуманилася Волга
Мать-кормилица рѣка.

2.

Задался по божьей волѣ
Вѣтряный денёкъ,
Рыщетъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ
Вдоль и поперекъ;
Вотъ хлѣбами пробѣгаетъ,
Пріутихъ на мигъ,
Вотъ съ прохожаго срываетъ
Шапку озорникъ.
Покачнулись, зашумѣли
Темные лѣса;
Пѣной во́лны забѣлѣли,
Вздулись паруса.

3.

Той порою изъ села
Старушёнка внучкѣ
Съ торгу бережно несла
На полтину мучки.
Какъ стерпѣть озорнику?
И хитеръ, и ловокъ
Подлетѣлъ, и всю муку
Выдулъ изъ ночёвокъ.
Пущенъ по-вѣтру уворъ:

Digitized by Google

«Ишь, полтиной мѣдной
Нажился залётный воръ
Отъ старухи бѣдной!»
«И нужда-то и бѣда...
«Извстари ведется,
«Что гдѣ тонко, тамъ всегда
«Ниточка и рвется!»
Вся развѣяна мука
И ни гроша денегъ...
Безъ радѣльнаго сынка
Годъ-то тяжеленекъ.

4.

Встрѣчу старухѣ—служивый какъ разъ,
Не́ молодъ, видно, что дока;
Выслушалъ онъ о покражѣ разсказъ:
«Царь—говоритъ—недалеко...
«Счастье твое, что попался солдатъ;
Правды—въ Москвѣ лишь добиться,
«Вѣтеръ-то въ полѣ поймаешь наврядъ,
А безъ суда не годится.
«Только минуй ты московскихъ судей,
Разныхъ подъячихъ да дьяковъ,
«Прямо царю ты челомъ своимъ бей:
Судъ у царя одинаковъ.
«Правду, старуха, тебѣ говорю...
Вѣтеръ пусть по́ полю рыщетъ,
«Ты же ступай да пожалься царю:
Онъ виноватаго сыщетъ!»
— Гдѣ мнѣ дойти? Укажи, доведи:
Путь до Москвы тебѣ вѣдомъ...
«Ладно, старуха, за мною иди!..»
Робко пошла она слѣдомъ.

5.

Высокй, и свѣтлы, и богаты
Красовались царёвы палаты:
Всюду била въ глаза позолота,
Дорогая рѣзная работа,

Digitized by Google

Залита была въ золото даже
Въ переходахъ стоявшая стража...
. . . . . .
Привели передъ грозныя очи:
Царь сидѣлъ многодумнѣе ночи
На рѣзномъ золоченомъ сидѣньи,
Рядомъ—сынъ, а кругомъ въ отдаленьи
Холодна и недвижно-угрюма
Засѣдала боярская дума.
«Что вамъ надо?» спросили сурово...
Началось челобитное слово.

6.

Небывалое дѣло...
Поставленъ на мигъ
Судъ прошеньемъ такимъ
Въ неисходный тупикъ.
Напряженно кругомъ
Всѣ рѣшенія ждутъ,
Призадумался царь
Что́ подѣлаешь тутъ?
Вдругъ сыновъ молодой,
Ясноокій сокóлъ,
Всталъ, отцу своему
Рѣчь такую повелъ:
«Мѣсто царское мнѣ
Уступите на срокъ:
Я могу разрѣшить
Что́ суду невдомёкъ!
Мнѣ не вѣдомъ законъ,
И какой я судья,
Но найду, укажу
Виноватаго я!»
И тревога видна
Въ его дѣтскихъ очахъ,
И дрожитъ, какъ струна,
Эта рѣчь на устахъ.
Царь отвѣтилъ ему:
— Если чутко въ груди
Бьется сердце твое,

Digitized by Google

Такъ садись и суди! —
И думцàмъ объявилъ:
— Станетъ сынъ, а не я,
Буйный вѣтеръ судить —
Это воля моя!
Тѣ не вѣрятъ ушамъ.
Царь сказалъ и сошелъ;
Отрокъ-сынъ поднялся
На отцовскій престолъ.
Отъ царя услыхавъ
Не суровый отказъ,
Окружающимъ онъ
Далъ не медля наказъ:
«Осѣдлайте коней,
Вы, гонцы-молодцы,
И гоните во всѣ
Городскіе концы!
Тѣхъ купцовъ, у кого
Есть на Волгѣ суда,
Для допроса ко мнѣ
Приведите сюда!»

7.

Передъ очи царёвы
Купцóвъ привели —
У нихъ бóроды гýсты,
Тугѝ колѣни.
На румяныхъ щекахъ
Горя нѣтъ и слѣда:
Не видали они
Чтó такое нужда...
И опять раздался
Голосокъ молодой:
«Когда ваши суда
Шли низóвой водой,
Вы молили о чемъ:
О здоровьи семей,
Барышахъ ли большихъ?
Говорите смѣлѣй!»
Отвѣчали купцы:

Digitized by Google

«Вѣкъ свой хлѣбъ продаемъ,
Такъ молили тогда
Мы извѣстно о чемъ:
Какъ бы снизу задулъ
По пути вѣтерокъ,
Да тяжелую кладь
Довезти намъ помогъ...
Внялъ моленью Господь...
Въ срокъ поспѣли суда...»

— Отъ моленаго гостя
Случилась бѣда:
Вѣтеръ въ полѣ муку
У старухи разнесъ,
Набѣдилъ и пропалъ,
Кто заплатитъ — вопросъ?
За покражу теперь
И несите отвѣтъ:
Былъ онъ на-руку вамъ,
Да другому-то нѣтъ!
Виноватые вотъ!
Заплатите съ лихвой!
И съ деньгами пошла
Старушёнка домой.

«У царя на Москвѣ
Сынъ надёжа растетъ!»
По торгамъ, площадямъ
Загуторилъ народъ.

Д. Садовниковъ.

Digitized by Google

СПОСОБЫ
РАЗВИТІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЪ РОССІИ.

Чѣмъ болѣе улучшается положеніе нашихъ финансовъ, тѣмъ становится настоятельнѣе упроченіе ихъ черезъ замѣнъ бумажныхъ денегъ звонкою монетою. Но монета въ государствѣ сохраняться не можетъ, пока должна будетъ выходить за-границу для внѣшнихъ платежей; для избѣжанія же этого требуется, чтобы имѣлись въ виду иныя средства, кромѣ денегъ, посредствомъ коихъ можно бы было разсчитываться съ иностранными заимодавцами. Средства эти могутъ заключаться только въ отпускныхъ произведеніяхъ. Нынѣ Россія ежегодно отправляетъ за-границу до 100 милліоновъ рублей, болѣе—чѣмъ она въ состояніи покрывать своими товарами, а какъ значительная часть этой суммы заключается въ процентахъ на занятые у иностранцевъ капиталы, то высылка ихъ обязательна.

Посему, для установленія равновѣсія въ общемъ балансѣ, должны или сократиться внѣшніе расходы по другимъ статьямъ, или имѣетъ быть усиленъ, для ихъ покрытія, отпускъ за-границу произведеній Россіи. Отъ частныхъ лицъ нельзя требовать, чтобы они сокращали расходы на покупку иностранныхъ товаровъ или на заграничныя поѣздки единственно въ видахъ улучшенія торговаго баланса. Если бы подобное сокращеніе было признано нужнымъ, то оно могло бы быть достигнуто только общими правительственными мѣрами, а именно затрудненіемъ выѣзда русскихъ за-границу и обложеніемъ иностранныхъ товаровъ высокими пошлинами.

Стѣсненіе заграничныхъ поѣздокъ было бы встрѣчено съ край-

Digitized by Google

нимъ неудовольствіемъ; что же касается возвышенія таможенныхъ пошлинъ, то оно можетъ быть разсмотрѣно, какъ средство не только сокращенія заграничныхъ расходовъ, но и поощренія внутренней промышленности, коей развитіе представлялось бы вѣрнѣйшимъ путемъ для исправленія внѣшняго баланса.

Но подаетъ ли Россія надежду на такое возрожденіе ея производительности?

Къ сожалѣнію, топографическое и географическое положеніе бо́льшей части имперіи крайне неблагопріятно. Она разстилается по необозримой однообразной равнинѣ, черезъ которую безостановочно переносятся холодные, изсушающіе вѣтры; на производительности страны отражаются всѣ невыгоды континентальнаго сухого климата съ рѣзкими температурными переходами, близость къ сѣверу, сосѣдство безводнаго азіатскаго материка и безлѣсныя пространства приволжскихъ и новороссійскихъ степей.

Невыгоды этого положенія не окупаются плодородіемъ черноземной полосы, занимающей на громадномъ пространствѣ среднюю и южную Россію. Между тѣмъ, богатство страны измѣряется цѣнностью земли. Аксіома эта неопровержима и доказывается примѣромъ всѣхъ государствъ Европы. Цѣнность же земли не менѣе зависитъ отъ естественнаго ея плодородія, чѣмъ отъ количества вложеннаго въ нее капитала, которое съ своей стороны соразмѣряется съ мѣстнымъ изобиліемъ капиталовъ вообще. Такъ, напр., при отчужденіи земель подъ желѣзныя дороги уплачено во Франціи, среднимъ числомъ, за версту отъ 15 до 25,000 рублей, въ Бельгіи отъ 12 до 20,000, на нѣмецкихъ главныхъ линіяхъ отъ 9 до 11,000 и на второстепенныхъ отъ 3 до 5000. На московско-рязанской дорогѣ верста сто́ила 2500 руб., а на одесской 800. Въ Англіи самая низкая цифра равнялась 5000 руб. за десятину.

Столь высокой цѣнности земли долженъ соотвѣтствовать и получаемый съ нея доходъ, происходитъ ли онъ отъ зданій, на ней сооруженныхъ, или отъ произведеній самой почвы, или даже отъ подземныхъ богатствъ.

Остановимся на произведеніяхъ поверхности земли. Цѣна ихъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Есть произведенія, обязанныя высокою цѣною исключительнымъ своимъ достоинствамъ, какъ, напр., извѣстнѣйшія вина,—эти товары расходятся по всему свѣту. Бо́льшая же часть земледѣльческихъ произведеній имѣетъ главнымъ своимъ назначеніемъ мѣстное потребленіе, почему цѣна ихъ опредѣляется густотою мѣстнаго населенія.

Такъ, напр., въ Англіи средняя цѣна четверти пшеницы 13—14

Digitized by Google

руб., а фунта мяса отъ 30 до 37 коп., несмотря на соперничество однородныхъ произведеній всего міра. Во внутреннихъ же губерніяхъ Россіи, особенно вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, цѣны далеко ниже.

Цѣннѣйшія произведенія земли требуютъ, сверхъ подходящей почвы, теплаго, продолжительнаго солнца, чего въ Россіи, за исключеніемъ развѣ южнаго, весьма тѣснаго берега Крымскаго полуострова и Закавказскаго края, не встрѣчается; чѣмъ же малоцѣннѣе произведенія земли, тѣмъ меньшее число лицъ способно прокармливаться на извѣстномъ пространствѣ. Гдѣ, напр., десятина земли доставляетъ 200 руб., тамъ доходами съ одной десятины можетъ жить несравненно бо́льшее число людей, чѣмъ тамъ, гдѣ за нее уплачивается не болѣе 5 руб. Притомъ, чѣмъ суровѣе климатъ, тѣмъ однообразнѣе произведенія страны и тѣмъ менѣе, поэтому, можетъ быть взаимнаго обмѣна этихъ произведеній между ея жителями. Сверхъ того, хлѣбныя растенія, составляющія главный предметъ сельскаго хозяйства въ Россіи, какъ и во всей сѣверной полосѣ Европы, по громоздкости и малоцѣнности не выносятъ дальняго провоза.

Ихъ главное назначеніе, какъ уже выше замѣчено, питать сосѣднихъ жителей; если же всѣ жители занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ хозяйства, то некому покупать избытокъ мѣстныхъ произведеній, отчего цѣна на нихъ остается низкою, нѣтъ поощренія къ труду и страна по необходимости глохнетъ. Такова участь бо́льшей части Россіи. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ безъ сомнѣнія во многомъ улучшитъ это положеніе, но онѣ не въ силахъ измѣнить общій характеръ страны и ея производительности. Послѣднее можетъ быть достигнуто только созиданіемъ новыхъ отраслей промышленности, новыхъ центровъ потребленія для сбыта мѣстныхъ произведеній сельскаго хозяйства. Подъ гнетомъ климатическихъ условій, Россія и тогда ни по производительности, ни по богатству, ни по населенности не сравнится съ болѣе обильными отъ природы странами; пашня, покрытая на полгода снѣжнымъ сава́номъ, не дастъ того количества произведеній, которыя могутъ быть собраны съ поля, доставляющаго по нѣскольку жатвъ въ году; но желательно напрягать всѣ силы природы для выбора изъ почвы всего, что́ она способна производить. Въ теченіи 1869—1873 годовъ изъ Россіи отпущено, въ годовой сложности, за европейскую границу 18,265,000 четвертей зернового хлѣба. Полагая, что на одного жителя выходитъ хлѣба разныхъ родовъ до 3-хъ четвертей, европейская Россія прокормила, сверхъ собственнаго населенія, еще 6 милліоновъ душъ, т.-е. на 10% болѣе числа собственныхъ своихъ жителей. Ихъ приходится на квадратную милю, круглымъ числомъ, по 715 человѣкъ. Въ Великобританіи же проживаетъ на подобномъ пространствѣ по

Digitized by Google

5000 душъ, между тѣмъ изъ-за границы привозится туда хлѣба приблизительно то количество, которое среднимъ числомъ отпускаетъ Россія, слѣдовательно, остальное населеніе, т.-е. свыше 4000 душъ на милю, питается плодами собственной почвы, тогда какъ земля въ Россіи кормитъ своими произведеніями на томъ же пространствѣ вчетверо менѣе народа.

Подобный фактъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что воздѣлываніемъ земли въ Англіи занято не многимъ болѣе 1/4 всего населенія, тогда какъ въ Россіи хлѣбопашествомъ живетъ 9/10 частей жителей. Это объясняется, независимо отъ климатическихъ условій, содѣйствіемъ капитала, обращающагося въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Великобританіи онъ окупается благодаря густотѣ и богатству населенія.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, наоборотъ, страны, въ коихъ хозяйство ведется безъ оборотнаго капитала, должны дать результаты, противоположные тѣмъ, которые проявляются въ Англіи. Это вполнѣ подтверждается опытомъ странъ, наиболѣе прославившихся даровыми произведеніями природы, въ томъ числѣ и Россіи. Здѣсь одни ратуютъ за неисчерпаемыя богатства архангельской губерніи, ссылаясь на большія количества дикорастущаго тамъ лѣса и ведущейся въ немъ дичи, другіе прославляютъ богатство новороссійскихъ и самарскихъ степей, съ которыхъ, безъ всякаго почти труда, собирается еле-посѣянный хлѣбъ или на которыхъ питаются безчисленныя стада овецъ и рогатаго скота.

Дѣйствительно, для пришлаго народа весьма выгодно имѣть подъ рукою источникъ легкой наживы; но страны, которыя доставляютъ этотъ доходъ, не болѣе сами отъ него богатѣютъ, чѣмъ море, на которомъ бьютъ китовъ, выигрываетъ отъ производимаго на немъ улова.

Въ иномъ видѣ представляется земля, обработываемая въ потѣ лица густого населенія, оплодотворяемая его трудомъ и капиталами. Она обогащается соразмѣрно сдѣланнымъ на нее затратамъ. Страны, напротивъ, съ которыхъ пожинаются плоды, не посѣянные человѣкомъ, мало способны жить самостоятельною жизнью, и служатъ лишь чужимъ цѣлямъ. Таково было, въ прежнее время, положеніе заморскихъ колоній, насчетъ коихъ наживались создавшіе ихъ европейцы. Оттого Калифорнія стала процвѣтать лишь съ того времени, когда истощились богатыя ея золотыя розсыпи и народъ обратился къ разработыванію плодородной ея почвы. Енисейская губернія и якутская область всегда останутся бѣдными, каково бы ни было количество доставляемаго ими золота, потому что онѣ неспособны питать многочисленное населеніе. Соображенія эти ведутъ къ тому убѣжденію, что цифры заграничнаго отпуска Россіи будутъ служить весьма

Digitized by Google

слабымъ мѣриломъ ея богатства, пока этотъ отпускъ исключительно составляется изъ сырыхъ произведеній, коихъ бо́льшая часть состоитъ изъ почти даровыхъ плодовъ земли. Обратимся теперь къ отдѣльнымъ отраслямъ производства въ Россіи и разсмотримъ настоящее ихъ положеніе и возможность развитія ихъ въ будущемъ. Первое мѣсто между ними слѣдовало бы отвести ископаемымъ богатствамъ, какъ вполнѣ независимымъ отъ климатическихъ невзгодъ, черезъ которыя страдаетъ производительность имперіи. Въ весьма недавнее еще время Россія, за исключеніемъ уральскаго и алтайскаго нагорьевъ, считалась почти лишенною полезныхъ минераловъ; нынѣ же открыты во многихъ ея областяхъ столь неисчерпаемые залежи каменнаго угля и желѣза, есть столько признаковъ и другихъ минераловъ, что горному промыслу предстоитъ блестящая будущность. На него тѣмъ болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе, что онъ представляется едва ли не единственнымъ, способнымъ нѣкогда къ свободному состязанію съ иноземною однородною ему промышленностью.

Вниманіе всей Европы въ такой степени нынѣ обращено на минеральныя богатства Россіи и особенно Донецкаго края, что въ капиталахъ на ихъ разработку и въ предпринимателяхъ недостатка не будетъ, если только явятся рабочія руки, устроятся пути для сбыта, и дѣятся это, до возмужалости, будетъ ведено на правительственныхъ помочахъ.

Каждый день запаздыванія разныхъ дорогъ, долженствующихъ прорѣзывать мѣстности, изобилующія каменнымъ углемъ и желѣзомъ, отбрасываетъ на многіе годы Россію отъ пути естественнаго ея развитія и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на отвѣтственности виновниковъ промедленія.

Одинаковую важность съ желѣзными дорогами имѣетъ для южной, мало населенной Россіи измѣненіе паспортной системы, дабы облегчить передвиженіе туда рабочихъ. Въ нихъ же особенно нуждаются рудныя мѣста.

Третьею неизбѣжною мѣрою для оживленія на югѣ Россіи горнаго промысла представляется установленіе цѣлой системы охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ и даже выдача денежныхъ премій не только заводамъ горнымъ, но и тѣмъ, которые обработываютъ желѣзо въ разныхъ его видахъ, приспособливая его къ нуждамъ мѣстныхъ потребителей. Послѣднее тѣмъ болѣе нужно, что на сбытъ желѣза за границу нельзя вскорѣ еще разсчитывать, почему уповать можно только на русскій рынокъ. Слѣдовательно, русское желѣзо должно являться на рынокъ въ обработанномъ видѣ, способномъ удовлетворять всѣ нужды потребителей. Нельзя однако упустить изъ виду,

Digitized by Google

что желѣзный промыселъ находится въ условіяхъ совершенно различныхъ, на прибрежьяхъ Чернаго и Азовскаго морей, въ царствѣ польскомъ, въ прибалтійскомъ краѣ и на Уралѣ, почему и поощрительныя для него мѣры не могутъ быть одинаковыми.

Сбытъ уральскаго желѣза въ восточной Россіи совершенно обезпеченъ разстояніемъ отъ западныхъ нашихъ границъ. На отпускъ же его за предѣлы имперіи тѣмъ менѣе можно будетъ разсчитывать, чѣмъ болѣе усовершенствуются, съ одной стороны, способы очищенія рудъ низкой доброты, а съ другой—введется на Уралѣ употребленіе угля каменнаго, вмѣсто древеснаго. Уральское же желѣзо понын требуется еще, хотя въ маломъ количествѣ, за-границу по высокой добротѣ магнитной руды, изъ которой оно добывается, и по причинѣ обработки его исключительно на древесномъ углѣ. Въ менѣе обезпеченномъ положеніи состоитъ желѣзное дѣло во всѣхъ другихъ частяхъ Россіи какъ по качеству рудъ, такъ и по близости къ западной границѣ.

Каменно-угольный и желѣзный бассейнъ царства польскаго находится въ одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ съ сосѣдними съ нимъ силезскими залежами, а потому нуждается только въ удобныхъ путяхъ сбыта и въ устраненіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ препятствій. Въ Донецкомъ краѣ, напротивъ, недостаетъ всего, кромѣ огромныхъ подземныхъ запасовъ: недостаетъ и путей, и рабочихъ и капиталовъ. Все это можетъ быть создано и привлечено только съ содѣйствія правительства. Совершеннымъ даже запрещеніемъ привоза иностранныхъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей желаемая цѣль достигалась бы только медленно, еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не были приняты другія мѣры, облегчающія мѣстное производство.

Финляндія и олонецкая губернія богаты озерною рудою, но, обладая для плавки только древеснымъ топливомъ, коего запасы и безъ того быстро истощаются, не стóило бы особенно поддерживать эту промышленность, еслибы не существовало уже, на балтійскомъ прибрежьѣ, значительное число желѣзодѣлательныхъ и механическихъ заводовъ, для которыхъ мѣстная руда служитъ полезнымъ подспорьемъ. Она замѣняетъ иностранное желѣзо, на пріобрѣтеніе котораго расходуются нынѣ Россіею огромныя суммы.

Переходя отъ подземныхъ богатствъ къ надземнымъ, остановимся на лѣсахъ.

Вся сѣверная Россія была нѣкогда покрыта дремучими лѣсами, которые ограждали отъ вѣтровъ, несущихся съ Ледовитаго океана, огромную плоскость, разстилающуюся до Чернаго моря, и служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, надежнѣйшими хранителями воздушной влаги. Нынѣ

Digitized by Google

отъ безпощаднаго истребленія лѣсовъ рѣки мелѣютъ или даже совершенно пересыхаютъ; иныя мѣстности, по недостатку воды и топлива, сдѣлались необитаемыми; сухость атмосферы растетъ въ ужасающихъ размѣрахъ, вызывая учащающіеся неурожаи.

Однимъ словомъ, южной и юго-восточной Россіи угрожаетъ участь среднеазійскихъ степей, въ коихъ также еще открываются слѣды бывшаго тамъ нѣкогда населенія. Постепенное съуживаніе Аральскаго моря нагляднѣе всего доказываетъ увеличивающуюся въ тѣхъ мѣстахъ сухость воздуха. Поэтому не только сохраненіе лѣсовъ, но увеличеніе лѣсныхъ площадей составляетъ жизненный вопросъ для Россіи, вопросъ ея существованія, и нѣтъ мѣры, самой крутой даже, которою не оправдывалось бы стремленіе къ этой цѣли.

Отъ частныхъ лицъ нельзя требовать, чтобы они добровольно жертвовали личными своими выгодами для пользы общей, но отдаленной; землевладѣльцы поэтому только тогда перестанутъ вырубать свои лѣса, когда къ этому не будетъ ихъ побуждать ихъ личная выгода.

Правительство, напротивъ, въ качествѣ представителя общегосударственныхъ интересовъ, призвано быть хранителемъ лѣсовъ и потому оно имѣетъ полное право ихъ выкупать на основаніи правилъ отчужденія. Частнымъ же лицамъ рубка должна быть разрѣшена не иначе, какъ руководствуясь законами лѣсного хозяйства. Дабы дать однако владѣльцамъ возможность беречь свои лѣса безъ явнаго для себя ущерба, слѣдуетъ соразмѣрять подати съ лѣсныхъ площадей съ дѣйствительно получаемымъ отъ нихъ доходомъ, взимаемый же нынѣ съ лѣсовъ налогъ упадаетъ часто на пространства не приносящія никакого дохода, а потому вынуждаетъ ихъ истребленіе и обращеніе земли подъ плугъ.

Другая мѣра, способная содѣйствовать сохраненію лѣсовъ, состоитъ въ съуживаніи лѣсного рынка. Для этого нужно сперва сократить отпускъ лѣса за-границу, который принялъ въ послѣднее время ужасающіе размѣры. Въ 1873 году простирался онъ до суммы 30 мил. руб. Достигнуть этого легко возвышеніемъ отпускныхъ пошлинъ. Нѣкоторую льготу слѣдовало бы, быть можетъ, однако предоставить торговлѣ лѣсомъ въ бѣломорскихъ портахъ, въ виду того, что печорскіе и онежскіе лѣса сгнили бы на корнѣ, еслибы не было возможности сбывать ихъ за-границу; но и тамъ, при рубкѣ, должны быть, хоть въ нѣкоторой степени, соблюдены законы лѣсного хозяйства, дабы оголеніе сѣвера не повредило климату мѣстностей, заслоняемыхъ лѣсами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Очевидно, что мѣрами, которыя принимало бы правительство противъ истребленія лѣсовъ, могли бы иногда быть нарушены контракты, заключенные лѣсовла-

Digitized by Google

дѣльцами съ промышленниками; но въ такомъ случаѣ мѣры эти должны быть признаны достаточнымъ поводомъ для уничтоженія подобныхъ договоровъ. Постройка военныхъ кораблей немного уже поглощаетъ лѣса, а купеческихъ судовъ снаряжается мало; губительно же дѣйствуетъ на лѣса постройка рѣчныхъ барокъ, разламываемыхъ въ концѣ каждой навигаціи.

Впрочемъ, рѣчная перевозка отстаетъ уже передъ желѣзными дорогами; еслибы при этомъ сплавные суда служили не только для сплава, но и для своднаго судоходства, срокъ ихъ службы удлинился къ явной пользѣ лѣсовъ. Предпринятое нынѣ правительствомъ улучшеніе водныхъ путей могло бы этому содѣйствовать.

Повсемѣстная замѣна, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, деревянныхъ построекъ каменными или землебитными не представляла бы большихъ затрудненій, и тѣмъ болѣе содѣйствовала сбереженію лѣснаго матеріала, что деревянныя постройки постоянно истребляются пожарами. Одновременно со строеніями погибаетъ множество другого имущества. Средняя ежегодная потеря отъ пожаровъ исчислена въ 70 милліоновъ рублей.

Сбереженіе такой суммы не мало обогатило бы Россію.

Примѣръ малороссійскихъ губерній доказываетъ удобства земляныхъ сооруженій.

Много лѣса понапрасну также уничтожается рогожнымъ промысломъ, о воспрещеніи коего неоднократно уже ходила рѣчь. Большую пользу принесла бы замѣна, при всѣхъ казенныхъ поставкахъ, рогожныхъ кулей мѣшками. Мѣшки же обходятся въ Россіи дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Труднѣе провести употребленіе, вмѣсто древеснаго топлива, минеральнаго или торфа, но и въ этомъ отношеніи твердая воля правительства въ состояніи была бы достигнуть большихъ результатовъ. Отъ него вполнѣ зависитъ ввести топку каменнымъ углемъ или торфомъ во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ или заводахъ, равно на большей части желѣзныхъ дорогъ или пароходовъ, такъ какъ они подлежатъ прямому правительственному контролю, и если бы взимать увеличенный акцизъ и пошлину съ частныхъ заведеній за употребленіе древеснаго вмѣсто минеральнаго топлива, то послѣднее распространилось бы весьма быстро, только бы былъ при этомъ указанъ легкій способъ передѣлки печей.

Когда всѣми указанными средствами сократится требованіе на лѣсъ, то истребленіе его уменьшится по необходимости. Этому содѣйствовало бы также учащенное переселеніе народа изъ сѣверныхъ, лѣсистыхъ губерній въ южныя, болѣе плодородныя. Тогда сѣверъ, покинутый частью обитателей своихъ, возвратится къ истинному своему назначенію—быть хранилищемъ воды для русскихъ рѣкъ, ко-

Digitized by Google

торымъ могло бы быть дано новое благодѣтельное назначеніе, обращеніемъ ихъ на орошеніе степныхъ пространствъ юга Россіи. Орошеніе же представляется единственнымъ средствомъ для обезпеченія себя отъ столь часто повторяющихся нынѣ неурожаевъ.

Еслибы воды Днѣстра, Буга, Днѣпра, Дона и даже Волги разливались по прилегающимъ къ нимъ равнинамъ, то служили бы не только къ уплодотворенію пашень и луговъ, но увлажняли бы, испаряясь, воздухъ степей.

Въ виду однако малаго паденія сказанныхъ рѣкъ, нельзя будетъ обходиться безъ подъема изъ нихъ воды механическими способами, что̀ потребуетъ большихъ расходовъ, превышающихъ средства частныхъ лицъ. Но орошеніе степей дѣло не меньшей важности, чѣмъ сооруженіе желѣзныхъ путей, а потому оно могло бы разсчитывать на одинаковое съ ними пособіе отъ казны.

Оросительные каналы представляютъ еще ту выгоду, что, будучи всегда обсаживаемы деревьями, для заслоненія ихъ отъ солнечныхъ лучей, они становятся проводниками лѣсныхъ насажденій на голыхъ до того пространствахъ.

Въ противность орошенію, сомнительна польза предпринятыхъ нынѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ работъ въ разныхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи и въ особенности въ пинскомъ Полѣсьѣ, для осушенія тамошнихъ болотъ. Если работы эти увѣнчаются успѣхомъ, то мѣстные жители отъ этого получатъ ощутительную пользу: климатъ поздоровѣетъ и огромныя пространства земли, нынѣ втунѣ лежащія, превратятся въ плодородныя нивы, но не изсякнутъ ли отъ этого многія изъ нашихъ рѣкъ? Это, кажется, вопросъ досель еще не рѣшенный. Притоки именно Днѣпра и Западной Двины питаются влагою пинскихъ, довольно возвышенныхъ торфяниковъ, которые, подобно губкѣ, всасываютъ дождевую воду, и постепенно отдаютъ ее въ рѣки, вытекающія изъ этихъ болотъ, соразмѣрно пониженію уровня этихъ рѣкъ. Не будь подобныхъ водохранилищъ, вода стекала бы вдругъ, и лѣтомъ рѣки наши изсякли бы окончательно. Лѣто 1875 года снова доказало, въ какой зависимости уровень воды въ Днѣпрѣ находится отъ верховыхъ своихъ притоковъ. Крайній недостатокъ дождей въ сѣверозападныхъ областяхъ Россіи отразился на нижнемъ Днѣпрѣ чрезвычайнымъ безводіемъ, несмотря на постоянные дожди, выпадавшіе въ кіевской губерніи во второй половинѣ лѣта.

Ознакомившись съ естественными условіями производительности Россіи, остановимся на предметахъ, отпускаемыхъ за границу и вліяющихъ на торговый балансъ государства. Въ 1873 году отпущено изъ Россіи за европейскую границу товаровъ на 345 мил. руб.

Digitized by Google

Изъ нихъ вывезено черезъ порты бѣломорскіе и балтійскіе на 148 мил., черезъ черноморскіе и азовскіе на 89 мил., а по сухопутной западной границѣ на 108 мил.

Подъ вліяніемъ освобожденія крестьянъ и вновь проложенныхъ желѣзныхъ путей, торговля Россіи, чрезвычайно упавшая вслѣдъ за эманципаціей, быстро развивалась въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, что неоспоримо доказываетъ оживленіе промышленныхъ силъ государства. Въ какой же степени это относится къ отдѣльнымъ статьямъ производства—увидимъ далѣе.

Отпускные товары часто подвозятся къ таможнямъ изъ дальнихъ мѣстъ, и петербургскій въ особенности портъ стягиваетъ къ себѣ произведенія всего волжскаго бассейна, а орловская и курская губерніи тянутъ къ рижскому порту. Кіевская губернія посылаетъ свои избытки въ Кёнигсбергъ, почему неправильно было бы пріурочить къ сѣвернымъ портамъ одну только сѣверную полосу имперіи. Благодаря же желѣзнымъ дорогамъ, перевѣсъ сѣверныхъ портовъ надъ южными даже замѣтно усиливается, вслѣдствіе недальняго ихъ разстоянія отъ Англіи, главнаго потребителя русскихъ товаровъ. Напротивъ, кромѣ лѣса и льна, сѣверная Россія способна удѣлить весьма мало предметовъ для заграничнаго отпуска. Лѣсоистребленіе, какъ выше уже было сказано, дошло до крайнихъ размѣровъ и сбытъ его за-границу въ теченіи 10-ти лѣтъ учетверился, но по скорой вырубкѣ лѣсовъ неминуемо упадетъ. Въ 1873 году было отпущено за-границу льна, пакли и льняной пряжи на 48 мил. руб., а льняного сѣмени, произведенія сѣверныхъ губерній, на 16 милліоновъ; всего же масличныхъ сѣмянъ вывезено въ томъ же году на 27 мил. руб. Ленъ—почти единственное рыночное произведеніе поселянъ сѣверной полосы Россіи. Хлѣбъ, собираемый въ этихъ губерніяхъ, расходится почти весь на мѣстное потребленіе, среднія же и южныя области доставили его, въ 1873 году, на иностранные рынки на сумму 164 мил. руб. Пенька—исключительно произведеніе черноземной полосы.

Качествомъ русскій ленъ ниже западно-европейскаго. Усилія правительства и частныхъ лицъ не удалось по сіе время его усовершенствовать, отчасти оттого, что льноводы не рѣшаются жертвовать сѣменемъ для стебля, т.-е. вырывать ленъ до зрѣлости сѣмянъ; главнѣйше же по причинѣ общей неразвитости сельскаго населенія; болѣе вѣрнымъ, впрочемъ, путемъ для улучшенія льноводства было бы, кажется, устройство среди населенія, занимающагося этимъ промысломъ, механическихъ льнопрядилень, такъ какъ на нихъ по достоинству оцѣнивалась бы каждая партія доставляемаго имъ льна. Обыкновенные же скупщики льна въ столь дробную оцѣнку не вхо-

Digitized by Google

дать, почему и производители не считаютъ выгоднымъ прилагать къ своему товару особенное стараніе.

Къ сожалѣнію, число механическихъ льнопрядилень въ Россіи еще довольно ограниченно, хотя въ сбытѣ пряжи затрудненія быть не можетъ, въ виду того, что льняныхъ издѣлій изъ-за границы, въ 1873 году, привезено на 3 милліона рублей.

Истинною же кормилицею русскаго государства представляется черноземъ, покрывающій слоемъ, доходящимъ отъ $^1/_2$ фута до 7 футовъ, сплошное пространство до 87 мил. десятинъ, принимающее начало у подножія Карпатскихъ горъ и простирающееся даже за Волгу. Во многихъ мѣстахъ наземъ этотъ такъ тученъ, что не терпитъ даже удобренія, но бо́льшею частью онъ уже истощенъ; несмотря на то, всюду почти хозяйство ведется хищническое. Земля не возвращаетъ тѣхъ питательныхъ составовъ, которые у нея отнимаютъ жатвы, отчего урожаи вообще скудны и почва далеко не доставляетъ того дохода, который можно бы было отъ нея ожидать.

Самая общая и осязательная причина небрежнаго хозяйства заключается въ скотскихъ падежахъ, ставящихъ хозяевъ въ совершенную невозможность содержать скотъ, необходимый для удобренія пашень. Зло это такъ велико, что, наравнѣ съ истребленіемъ лѣсовъ и съ пожарами, оно составляетъ одну изъ самыхъ осязательныхъ причинъ отсталости Россіи.

Скотская зараза рождается въ степныхъ мѣстностяхъ, но причина ея кажется еще не вполнѣ раскрыта, между тѣмъ на это необходимо обратить особенное вниманіе, дабы уничтожить ее въ зародышѣ. Гораздо труднѣе прослѣдить болѣзнь при дальнѣйшемъ ея распространеніи. За скотомъ, провозимымъ по желѣзнымъ дорогамъ, присматривать не трудно, а какъ число желѣзныхъ путей, идущихъ съ юга на сѣверъ, уже достаточно велико, то прогонъ скота по инымъ трактамъ могъ бы быть совершенно воспрещенъ.

Пока Россія не будетъ ограждена отъ ежегодно повторяющихся скотскихъ падежей, не сто́итъ заботиться ни о травосѣяніи, ни объ улучшеніи породы скоту, ни о способахъ сбыта произведеній скотоводства, замѣтно упадающаго.

Нельзя однако не обращать вниманія на то, что отъ вывоза хлѣба зерномъ, а не мукою, теряются отруби, составляющіе весьма питательную часть зерна, которая могла бы съ пользою быть обращена на кормъ скоту; тогда возвращалась бы почвѣ часть веществъ, вошедшихъ въ составъ зерна, ею произведеннаго.

Бывшій министръ финансовъ, графъ Канкринъ, много заботился объ усиленіи отпуска за-границу изъ Россіи муки. Хотя механическихъ мельницъ нынѣ устроено уже немалое число, и частою пере-

Digitized by Google

возкою хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ устранена одна изъ причинъ, мѣшавшихъ отправкѣ муки, подверженной порчѣ отъ морской влаги, но количество вывозимой изъ Россіи муки еще довольно ограниченно. Объясняется же это тѣмъ, что зерно при перевозкѣ не требуетъ, на подобіе муки, ни мѣшковъ, ни бочекъ; что во многихъ иностранныхъ городахъ торговля хлѣбомъ находится въ рукахъ мельниковъ, не покупающихъ, разумѣется, муки; что, наконецъ, заграничные потребители иногда требуютъ даже смѣшенія разныхъ сортовъ хлѣба.

Несмотря на все это, въ Великобританію до 14% привознаго хлѣба доставляется мукою.

Въ интересахъ сельскаго хозяйства было бы также выгоднѣе отпускать за границу льняное и конопляное масла, чѣмъ сѣмена масличныя, такъ какъ шелуха этихъ зеренъ представляется отличнымъ кормомъ для скота. Много корма пропадаетъ также покровительствомъ, оказываемымъ настоящею винно-акцизною системою крупнымъ винокуреннымъ заводамъ во вредъ мелкимъ, которые одни въ силахъ дать бардѣ надлежащее употребленіе. На большихъ же заводахъ она въ ирокъ не идетъ.

То же самое относится и къ свеклосахарнымъ заводамъ.

На скотоводствѣ не можетъ не отзываться также продолжительность постовъ, во время коихъ не употребляется ни мясо, ни молоко, ни масло или сыръ. Оттого вѣроятно такъ мало развита въ коровахъ русскихъ дойная способность—онѣ даютъ мало молока.

Исчисленныя причины достаточно объясняютъ плачевное положеніе скотоводства и вмѣстѣ съ тѣмъ всего сельскаго хозяйства — промысловъ, неразрывно между собою связанныхъ.

Огромныя стада, въ полудикомъ видѣ, нагуливающіеся въ нашихъ степяхъ, содѣйствуютъ, безъ сомнѣнія, обогащенію небольшого числа лицъ, но въ сущности они только доказываютъ безлюдность степного пространства и относительную его бѣдность.

Многіе находятъ доказательство успѣховъ сельскаго хозяйства въ усиливающемся отпускѣ за границу хлѣба, но это только прямое послѣдствіе проникновенія желѣзныхъ путей въ такія мѣстности, которыя дотолѣ сбыта своимъ произведеніямъ не находили. Хозяиномъ же именуется только тотъ, кто возвращаетъ землѣ силы, выбранныя изъ нея жатвою, а не тотъ, кто собираетъ только даровыя ея произведенія, не заботясь, подобно охотникамъ, о будущемъ. Между тѣмъ предусмотрительность—отличительное свойство мыслящихъ существъ. Со времени освобожденія крестьянъ не мало денегъ перешло въ руки землевладѣльцевъ, какъ черезъ выкупъ крестьянъ, такъ

Digitized by Google

и черезъ залогъ имѣній въ банки, но небольшая часть этихъ капиталовъ обращена, кажется, на пользу сельскаго хозяйства.

Одна изъ наиболѣе выдающихся причинъ нерадѣнія владѣльцевъ о своей собственности заключается въ недостаткѣ постоянныхъ сельскихъ рабочихъ; людьми же, случайно нанимаемыми, правильнаго хозяйства вести нельзя. Между тѣмъ, при надѣленіи всѣхъ крестьянъ землею классъ батраковъ образоваться не можетъ. Оттого во всей черноземной, преимущественно земледѣльческой полосѣ Россіи крупныя хозяйства сохранились только по степнымъ губерніямъ, гдѣ владѣльцы довольствуются трудомъ временно приходящихъ съ сѣвера артелей. Въ среднихъ же губерніяхъ, гдѣ непримѣнимо переложное хозяйство, земли владѣльческія отдаются въ наймы на короткіе сроки крестьянамъ сосѣднихъ селеній, которые объ удобреніи ихъ, разумѣется, мало заботятся.

Поселяне, по недостатку средствъ, въ хозяйственныхъ пріемахъ отстаютъ отъ крупныхъ владѣльцевъ. Притомъ находятся они уже потому въ крайне невыгодномъ положеніи, что живутъ селами, часто весьма многолюдными, отчего усадьбы ихъ вдали отъ пашень, поля и луга черезполосны, а при общинномъ владѣніи еще подлежатъ передѣламъ, тѣмъ болѣе частымъ, что послѣ отмѣны крѣпостного состоянія семейства крестьянъ до крайности дробятся. Всѣ эти обстоятельства, явно мѣшающія упроченію правильнаго хозяйства, происходятъ отъ нескончаемаго права крестьянъ на земельный надѣлъ. Гораздо было бы правильнѣе, надѣливъ крестьянъ землею при отмѣнѣ крѣпостного состоянія въ томъ составѣ и числѣ, въ которомъ они тогда находились, предоставить приросту пріискивать себѣ или землю, или промыселъ, по усмотрѣнію каждаго. Тогда образовался бы классъ мелкихъ собственниковъ, радѣющихъ о наслѣдственныхъ своихъ участкахъ. Полезно бы было, быть можетъ, установить даже предѣлъ дробленію между наслѣдниками первоначальныхъ надѣловъ, потому что хлѣбопашество возможно только при неизмельчившемся хозяйствѣ. Огородничество же способно прокармливать крестьянскую семью лишь при производствѣ весьма цѣнныхъ растеній, поспѣвающихъ въ южныхъ странахъ или разводимыхъ въ сосѣдствѣ значительныхъ центровъ потребленія. Сохранить же право на землю всякаго крестьянина, значитъ приносить въ жертву матеріальное благосостояніе отвлеченному политическому началу, а это должно имѣть послѣдствіемъ равную нищету всего крестьянскаго сословія; кто же постоянно борется съ голодомъ, тотъ неспособенъ къ умственному напряженію. Самымъ жалкимъ классомъ людей оказывается вездѣ закрѣпощенный къ землѣ мелкою собственностью, неспособной его прокармливать и заставляющей искать дополнитель-

Digitized by Google

наго занятія по сосѣдству. Таковы кустари въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ Россіи, крестьяне, получившіе при освобожденіи четвертной надѣлъ, равно многочисленный классъ батраковъ въ восточной Пруссіи, владѣющихъ лишь домомъ съ огородомъ. Таковыми уже нынѣ оказываются всѣ крестьяне во многихъ изъ среднихъ русскихъ губерній. Въ Россіи пустопорожнихъ земель еще такъ много, что при свободномъ передвиженіи безземельные крестьяне легко пріищутъ себѣ пристанище, слѣдуя примѣру скваттеровъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, систематически передвигающихся изъ заселенныхъ областей въ пустѣ-лежащіе.

Какъ скоро нынѣшнее прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отмѣнится, то будетъ вполнѣ обнаружено, что въ Россіи, по малонаселенности, элементъ человѣческаго труда, несмотря на недостатокъ капиталовъ, долженъ оказываться дороже механическаго, а особенно земляного, почему усилія владѣльцевъ должны быть обращены на сбереженіе рукъ и замѣну ихъ рабочимъ скотомъ и болѣе или менѣе сложными орудіями. Это же возможно только въ крупныхъ хозяйствахъ. Началомъ этимъ постоянно руководствовались менониты южной Россіи, извѣстные образцовымъ своимъ хозяйствомъ. Они не дробили первоначальныхъ своихъ надѣловъ, но для избыточнаго населенія пріобрѣтали, на счетъ своихъ обществъ, новыя земли. Примѣръ ихъ, какъ и другихъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ новороссійскомъ краѣ, въ саратовской и самарской губерніяхъ, доказывалъ, что глубокою распашкою земли и надлежащимъ ея удобреніемъ можно и въ неблагопріятные годы избѣгать въ степныхъ мѣстностяхъ совершеннаго неурожая.

Къ сожалѣнію, хозяйственныя заслуги этихъ поселянъ недостаточно оцѣнены и часть ихъ, во избѣжаніе *всеобщей* воинской повинности, которой менониты, по своему закону, подчиняться не могутъ, оставили Россію. Полезнѣе было бы, кажется, обложить меноннитовъ, вмѣсто личной повинности, усиленнымъ денежнымъ сборомъ, ибо деньги для войны нужнѣе рекрутовъ. Этимъ способомъ сохранились бы они для Россіи, гдѣ оказались полезнѣйшими дѣятелями на поприщѣ сельской промышленности.

Какъ бы невыгодны ни были, во многихъ отношеніяхъ, условія, въ которыя поставлено сельское хозяйство въ Россіи, обиліе земли по сіе время дало произведеніямъ ея возможность свободно состязаться съ однородными произведеніями другихъ странъ. Въ несравненно худшемъ положеніи находятся издѣльные промыслы. Условія, въ которыя они поставлены и климатомъ и всею жизненною обстановкою, до того тягостны, что только тѣ отрасли находятся въ нѣсколько самостоятельномъ положеніи, которыя обработываютъ дешевыя

Digitized by Google

произведенія русской земли. На всѣхъ остальныхъ слишкомъ невыгодно отзываются обусловленная зимними холодами дороговизна построекъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе, рѣдкость капиталовъ, шаткость кредита, дальность перевозокъ, недостатокъ техниковъ, неумѣлость рабочихъ и большое число прогульныхъ дней.

Часть неблагопріятныхъ этихъ вліяній, со временемъ, быть можетъ, устранится, другая найдетъ противовѣсъ въ особыхъ мѣстныхъ преимуществахъ, но едвали когда либо Россіи удастся окончательно превозмочь всѣ тѣ невыгодныя условія, въ которыя ее поставила природа. Но и это могло бы совершиться только при начальномъ могущественномъ содѣйствіи правительства; безъ такого пособія уничтожились бы и существующіе зачатки промышленности, подобно какъ они исчезли въ Турціи, въ Персіи и въ восточной Индіи передъ соперничествомъ европейскихъ товаровъ. Но нельзя не указывать вновь на то, что страны тропическія или вообще производящія весьма цѣнные и разнородные предметы могутъ существовать и безъ издѣльной промышленности, потому что земля ихъ способна прокармливать, на малыхъ пространствахъ, густое населеніе, причемъ разнообразіе произведеній даетъ возможность производителямъ однихъ, становиться потребителями другихъ, тогда какъ излишекъ товаровъ всегда находитъ вѣрный сбытъ за-границею.

Въ мѣстностяхъ же, способныхъ выращать только хлѣбъ, корнеплодныя растенія, нѣкоторыя волокнистыя вещества и воспитывать извѣстныя породы домашнихъ животныхъ—(товары объемистые, громоздкіе, требующіе большихъ пространствъ земли и не довольно разнообразные для упроченія внутренняго, взаимнаго ихъ размѣна) населеніе, занятое исключительно производствомъ этихъ предметовъ, всегда останется рѣдкимъ, разбросаннымъ на большомъ пространствѣ, лишеннымъ тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ лишь густота населенія; оно, наконецъ, останется бѣднымъ по ненахожденію надлежащаго сбыта своимъ произведеніямъ, способнымъ получать надлежащее развитіе лишь при мѣстномъ на нихъ требованіи. Сбытъ этихъ предметовъ можетъ быть обезпеченъ единственно возникновеніемъ въ земледѣльческихъ округахъ значительнаго городского населенія, посвященнаго преимущественно промысламъ и торговлѣ. Но торговля занимается обмѣномъ находящихся на лицѣ товаровъ, и потому не требуетъ большого числа рукъ. Это наглядно доказывается примѣромъ нашихъ западныхъ губерній, гдѣ все многочисленное еврейское населеніе силится жить торгашествомъ, отчего оно себѣ и другимъ въ тягость.

Обратившись, напротивъ, къ издѣльной промышленности, евреи принесли бы явную пользу краю.

Digitized by Google

Выходя изъ того начала, что Россія, оставаясь чисто земледѣльческимъ государствомъ, осуждала бы на полнѣйшій застой самое сельское хозяйство, лишенное надлежащаго сбыта своимъ произведеніямъ, что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна бы была отказаться отъ тѣхъ удобствъ и успѣховъ, которые обусловливаются густотою населенія, что одна издѣльная промышленность способна пополнять пробѣлы въ населеніи, оставляемые сельскими жителями, создавая рядомъ съ ними новый классъ потребителей сельскихъ произведеній,—нельзя не придти къ тому заключенію, что необходимо обратить къ постояннымъ промышленнымъ занятіямъ избыточную часть сельскаго населенія, дабы дать возможность бо́льшему числу людей жить и кормиться на меньшихъ пространствахъ. За сознаніемъ этой истины остается только обратиться къ способамъ приведенія ея въ дѣйствіе. Во многихъ европейскихъ государствахъ важнѣйшія отрасли промышленности водворены помощью разныхъ поощрительныхъ мѣръ и, только когда онѣ успѣли окрѣпнуть, отбрасывались помочи, на которыхъ ихъ дотолѣ водили.

Лѣтъ 50 тому, вступила и Россія на этотъ путь, и съ цѣлью водворенія у себя фабрикъ и мануфактуръ былъ изданъ краіне покровительственный или скорѣе запретительный таможенный тарифъ. Цѣль его была достигнута и затѣмъ сочтено полезнымъ приступить къ постепенному уменьшенію таможенной охраны; окончательная же ея отмѣна признана невозможною, пока Россія, въ условіяхъ промышленной жизни, не сравнится съ государствами западной Европы.

Правильность подобной политики не можетъ быть оспорена, но при ея дальнѣйшемъ примѣненіи должны еще встрѣчаться вопросы, весьма трудные къ разрѣшенію.

Во-первыхъ, заслуживаютъ ли одинаковаго покровительства всѣ отрасли промышленности, или слѣдуетъ останавливаться на тѣхъ, которыя, встрѣчая болѣе выгодныя для себя условія въ краѣ, подаютъ надежду, что вскорѣ съумѣютъ сдѣлаться самостоятельными? Вопросъ этотъ разрѣшается тѣмъ, что всякія мѣры для покровительствованія какой-либо отрасли промышленности сопряжены съ жертвами, которыя оправдываются лишь крайнею необходимостью. Оттого промыслы, не нуждающіеся для процвѣтанія своего въ подобныхъ жертвахъ, заслуживаютъ предпочтенія передъ тѣми, которые ихъ требуютъ, и подавно передъ тѣми, которые не подаютъ надежды когда-либо обходиться безъ нихъ.

Но еслибы нашлась страна, столь скудно надѣленная природою, что она своими произведеніями не могла бы соперничать съ иностранными, то оставалось бы только или ее бросить, или обособить, устраняя отъ ея рынковъ чужіе товары. Въ этомъ послѣднемъ

Digitized by Google

случаѣ обитатели этой страны постоянно находились бы, безъ сомнѣнія, подъ гнетомъ принятыхъ ими на себя стѣсненій и жертвъ, но они достигли бы этимъ возможности умственнаго развитія и присвоенія себѣ удобствъ обще-европейскаго образованія, отчего должны бы были отказаться въ случаѣ противномъ.

Что касается въ особенности Россіи, то, въ виду необходимости сокращенія привоза иностранныхъ товаровъ для возстановленія нарушеннаго внѣшняго баланса и поддержанія черезъ это цѣнности бумажныхъ денегъ, встрѣчается тамъ еще особое обстоятельство, заставляющее желать водворенія наибольшаго числа фабрикъ, не стѣсняясь условіями ихъ существованія. Второй вопросъ заключается въ томъ: слѣдуетъ ли при установленіи размѣра охранительной пошлины имѣть въ виду лишь тѣ мѣстности государства, которыя представляются наиболѣе выгодными для промышленнаго дѣла, или должно принимать во вниманіе и менѣе тому благопріятствующія?

Поборники свободной торговли, которые смотрятъ на весь родъ человѣческій какъ на одну семью и на вселенную, какъ на одно политическое тѣло, утверждаютъ, что всякая отрасль промышленности сама отыщетъ себѣ мѣсто, удобное для своего существованія; что страны, богатыя дарами природы, и занятыя трудолюбивымъ населеніемъ, должны брать верхъ надъ менѣе богатыми, и что незачѣмъ заботиться о поселившихся въ бѣдныхъ краяхъ. Еслибы даже взглядъ этотъ, съ точки всемірнаго созерцанія, былъ правиленъ, то представители отдѣльныхъ государствъ, на коихъ лежитъ обязанность пещись о благоденствіи ими опекаемыхъ, никакъ не вправѣ имъ довольствоваться. Они стоятъ на болѣе тѣсной политической почвѣ, ихъ міръ заключается въ предѣлахъ ввѣреннаго имъ общества, коего экономическими интересами они исключительно вправѣ руководствоваться принося имъ въ жертву несовмѣстимыя съ ними выгоды другихъ народовъ. Однако, начало подчиненія общихъ интересовъ частнымъ возбуждаетъ самые щекотливые вопросы при несогласіи между собою выгодъ различныхъ мѣстностей того же государства; такъ, напр., американская междоусобная война отчасти возникла изъ противоположныхъ хозяйственныхъ потребностей южныхъ и сѣверныхъ штатовъ союза.

Въ Россіи нѣтъ подобныхъ крайнихъ противоположностей, но раздвали интересы, напримѣръ, закавказскаго края вполнѣ сходятся съ выгодами московскаго фабричнаго округа. Даже при сходствѣ въ общихъ началахъ, могутъ встрѣчаться оттѣнки въ ихъ примѣненіи. Выше, напр., уже было замѣчено, что желѣзное производство находится въ условіяхъ различныхъ на Уралѣ, въ царствѣ польскомъ, и въ донецкомъ краѣ. Въ послѣднемъ оно можетъ быть создано

Digitized by Google

лишь при огромныхъ усиліяхъ и затратахъ, тогда какъ оно на Уралѣ обезпечено и въ Польшѣ способно развиваться при весьма умѣренномъ пособіи.

Слѣдовательно, возвысивъ таможенную пошлину на желѣзо заграничное до размѣра, требуемаго донецкими заводчиками, оказано было бы другимъ заводамъ покровительство излишнее, которое падало бы тяжкимъ бременемъ на потребителей желѣза вообще.

Въ столь же несходныхъ между собою условіяхъ могутъ находиться въ Россіи многія другія отрасли промышленности. Свеклосахарное, напр., производство, по причинамъ климатическимъ, выгоднѣе въ подольской, чѣмъ въ тульской губерніи, и потому способно обходиться тамъ меньшимъ внѣшнимъ пособіемъ, чѣмъ въ Тулѣ. Равнымъ образомъ, дороговизна топлива могла бы служить для московскихъ фабрикъ поводомъ къ просьбѣ о таможенной охранѣ; съ перенесеніемъ же таковыхъ на тульскій каменноугольный бассейнъ причина эта была бы устранена. Подобныхъ несогласій отыскалось бы еще весьма много въ обширной Россіи, и потому каковъ бы ни былъ размѣръ таможенной пошлины, онъ никогда не удовлетворитъ всѣхъ мѣстныхъ интересовъ. Но, принимая во вниманіе, что, независимо отъ надобности въ возстановленіи торговаго баланса—главная цѣль водворенія въ Россіи издѣльной промышленности состоитъ въ томъ, чтобы создать большое число точекъ потребленія, разбросанныхъ по всей площади государства,—нельзя бы было довольствоваться сосредоточеніемъ фабрикъ всякаго рода въ одной какой-либо особенно выгодной мѣстности. Потому приходится оказывать необходимое пособіе также мѣстностямъ нѣсколько менѣе выгоднымъ, если бы главная цѣль равномѣрнаго распредѣленія издѣльныхъ промысловъ не могла быть достигнута съ меньшими жертвами.

Затѣмъ, руководствуясь все той же цѣлью—доставленія наибольшаго мѣстнаго сбыта произведеніямъ сельскаго хозяйства, слѣдуетъ изъ числа водворяемыхъ у себя промысловъ дать преимущество тѣмъ, которые значительнѣйшему числу лицъ доставляютъ хорошіе заработки. Но допуская въ числѣ поощрительныхъ, для водворенія промышленности, мѣръ установленіе охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ, нельзя не сознаться въ трудности соразмѣренія ихъ съ истинною пользою какъ производителей, такъ и потребителей. Въ виду безпрестанно колеблющихся цѣнъ на товары, невозможно приноравливать къ нимъ пошлину постоянную: она или не достигаетъ цѣли охраненія, или чрезмѣрнымъ покровительствомъ убаловываетъ отечественныхъ производителей, и заставляетъ покупателей платить въ-три-дорога за всѣ товары. Въ Россіи эти несообразности увеличиваются еще колебаніемъ курса бумажныхъ денегъ, которыми ува-

Digitized by Google

чивается пошлина. Это колебаніе, впрочемъ, было бы легко устранить, взимая пошлины по примѣру Австріи и сѣверо-американскихъ штатовъ, звонкою монетою или бумажками по курсу, на монету. Цѣны покровительствуемымъ отечественнымъ произведеніямъ спускаются до надлежащаго уровня, лишь когда подавляетъ ихъ соревнованіе самихъ мѣстныхъ фабрикъ, но при возникновеніи такого соперничества бо́льшею частію и таможенная охрана становится излишнею.

Въ виду весьма чувствительныхъ жертвъ со стороны потребителей, сопряженныхъ съ установленіемъ охранительныхъ пошлинъ, жертвы эти ни въ какомъ случаѣ не должны выходить за предѣлы крайней необходимости; предѣлъ же этотъ въ полной зависимости отъ условій, въ которыя ставится охраняемая промышленность. Почему, предварительно установленія пошлины, слѣдовало бы подготовить почву для оберегаемыхъ промысловъ, устранивъ, по возможности, всѣ обстоятельства, способныя служить помѣхою ихъ процвѣтанію. Требовать этого—неотъемлемое право потребителей. Въ числѣ тягостныхъ для промышленности въ Россіи условій, которыя могли бы быть частью устранены мѣрами законодательными, слѣдуетъ указать на недостатокъ техническаго образованія, ограниченіе права передвиженія для лицъ податного сословія, неопредѣленность отношеній между рабочими и хозяевами, общій разгулъ народа, тягость податей и бумажно-денежная система.

Недостатки, происходящіе отъ общей неразвитости народа, а въ особенности отъ рѣдкости техническаго образованія, изгладятся лишь весьма медленно, но всюду уже принимаются весьма дѣятельныя мѣры въ видахъ поднятія уровня общаго образованія. Мѣры эти указаны долголѣтнимъ опытомъ другихъ странъ, почему и въ выборѣ ихъ колебаться невозможно.

Несравненно труднѣе разорвать узы, прикрѣпляющія сельскихъ жителей сѣверныхъ губерній къ ихъ обществамъ, и перенести ихъ въ мало населенныя части Россіи, гдѣ предстоитъ болѣе щедрое вознагражденіе ихъ труду.

До распространенія механическихъ производствъ, кустарный промыселъ служилъ подспорьемъ обитателямъ всей сѣверо-восточной полосы Россіи. Нынѣ же, когда ручная работа окончательно подавлена механическою, кустари находятся въ безвыходномъ положеніи—имъ остаются только отхожіе промыслы.

Несмотря на невыгоды кочевой жизни отправляющихся въ дальный промыселъ, на огромную потерю времени, на порчу нравственности, часто связанную съ неосѣдлою жизнью, избѣгнуть подобныхъ передвиженій невозможно въ виду большого числа работъ, требующихъ временнаго прилива рукъ, но желательно ихъ сократить, пред-

Digitized by Google

оставляя всякому водвориться тамъ, гдѣ находитъ себѣ прибыльное занятіе. Нынѣ препятствуетъ этому паспортная система, которая, впрочемъ, подлежитъ уже пересмотру государственнаго совѣта. Сомнительно однако, чтобы признано было возможнымъ ее отмѣнить, пока подати, обезпечиваемыя круговою порукою обществъ, лежатъ на лицѣ крестьянина и обременяютъ доходъ, получаемый имъ съ земли. Съ причисленіемъ же къ податямъ выкупныхъ платежей, несоразмѣрность налоговъ съ доходами отъ крестьянской недвижимости во многихъ губерніяхъ бросается въ глаза. Недоимки, по однимъ выкупнымъ платежамъ, за время съ 1862 по 1872 года составляли: въ смоленской губерніи 31,31%, въ новгородской 31,02%, въ с.-петербургской 28,49%; въ олонецкой 24,22%; въ псковской 18,19% и т. д.

Выкупные платежи составляются изъ вознагражденія бывшихъ владѣльцевъ за земляной надѣлъ и за лежавшій на крестьянахъ обязательный трудъ; поэтому, цѣнность одного земляного надѣла часто оказывается ниже слѣдующаго съ крестьянъ платежа. Но если бы крестьянскимъ семьямъ предоставлено было, по продажѣ земли, непогашенную изъ выручки отъ этой продажи выкупную сумму принять личнымъ долгомъ на себя, то къ переселенію ихъ не представлялось бы препятствія. Независимо однако отъ выкупныхъ платежей, прямые подушные сборы — государственные, поземельные, земскіе и мірскіе — составляютъ, по разсчету состоящей при министерствѣ финансовъ податной коммиссіи, для крестьянъ 28-ми губерній въ сложности по 164 коп. съ десятины или по 820 коп. съ души,—налогъ довольно тягостный въ виду малоцѣнности во многихъ губерніяхъ земли и бѣдности народа. Тягость же налоговъ отзывается на рабочей платѣ, которая въ Россіи быстро возвышается. Между тѣмъ дороговизна рукъ можетъ лишить русскихъ фабрикантовъ единственнаго почти преимущества, которое они полагали имѣть передъ иностранцами. Присовокупимъ къ этому, что на московскихъ фабрикахъ считается не болѣе 240 рабочихъ дней въ году, тогда какъ число это за-границею нигдѣ не ниже 300, т.-е. на 20% выше; что русскій рабочій, по причинѣ неудовлетворительной пищи, стойкостью не можетъ сравниваться со многими иностранными, а въ особенности съ англійскими рабочими; что частый переходъ русскихъ рабочихъ отъ одного занятія къ другому не даетъ имъ освоиваться съ своимъ ремесломъ—поэтому понятно, сколь трудно русскимъ фабрикантамъ состязаться съ иностранными.

Вліяніе податей на рабочую плату наглядно доказывается Швейцаріею, гдѣ, благодаря умѣренности общественныхъ повинностей, трудъ столь дешевъ, что швейцарскія фабрики этому обстоятельству отчасти

Digitized by Google

обязаны своимъ процвѣтаніемъ, несмотря на недостатокъ горючаго матеріала и затруднительное, по причинѣ гористой мѣстности, сообщеніе. Что касается праздничныхъ и прогульныхъ дней, то ограниченіе ихъ совершенно зависитъ отъ воли правительства и церкви. На многихъ петербургскихъ фабрикахъ уже обязательно работаютъ 293 дня въ году.

Гораздо труднѣе пріучить народъ къ болѣе питательной пищѣ. Этому могло бы, однако, содѣйствовать военное вѣдомство кормленіемъ солдатъ согласно правиламъ гигіены.

Тогда молодые люди, обязанные нынѣ сплошия проходить черезъ казармы, перенесутъ и въ домашній бытъ болѣе разборчивости, а работая съ бо́льшею энергіею, они и заработаютъ то, что́ нужно на улучшеніе пищи; желательно только, чтобы церковь не настаивала на слишкомъ строгомъ соблюденіи постовъ, установленныхъ для обитателей не сѣвера, а юга. Истиннымъ бичомъ Россіи является пьянство, разстроивающее не только семейный и хозяйственный бытъ народа, но растлѣвающій до мозга костей и настоящее и будущее поколѣнія. Къ сожалѣнію, опытомъ многихъ странъ доказано, что однѣ мѣры строгости не въ силахъ искоренить пьянство; но быстрое развитіе порока въ Россіи, вслѣдствіе одновременнаго удешевленія водки, увеличенія числа кабаковъ, отмѣны крѣпостного состоянія и тѣлеснаго полицейскаго наказанія, доказываетъ, что возвышеніемъ цѣны спирта, сокращеніемъ числа мѣстъ его продажи, и строгимъ взысканіемъ за пьянство, быть можетъ, удалось бы уменьшить зло, которое, вѣроятно, окончательно отступитъ только передъ просвѣщеніемъ.

Къ принятію первыхъ двухъ мѣръ уже приступило правительство, но по сіе время не опредѣлено взысканія за пьянство, почему народъ и не сознаетъ въ немъ порока, нарушающаго законъ.

Въ Англіи установлены строгія взысканія съ кабатчиковъ, продающихъ вино лицамъ уже опьянѣлымъ, а въ Швеціи и Финляндіи предающіеся пьянству подвергаются денежнымъ штрафамъ и даже ограниченію гражданскихъ правъ. По неимуществу однако бо́льшей части лицъ, предающихся пьянству, оставалось бы только заставить ихъ отработывать налагаемый на нихъ штрафъ.

Что касается взаимныхъ отношеній нанимателей и наемщиковъ, то новыя по этому предмету правила вскорѣ ожидаются. Общихъ стачекъ, въ родѣ заграничныхъ, въ Россіи не бывало, сколько потому, что законъ ихъ не допускаетъ, столько и оттого, что въ Россіи нѣтъ еще отдѣльнаго класса фабричныхъ рабочихъ. Большая часть мастеровыхъ случайно попадаетъ на фабрику, имѣетъ свою осѣдлость вдали отъ нея и часто переходитъ отъ одного рода занятій къ другому. Оттого рабочіе между собою не имѣютъ тѣсной связи, а отъ

Digitized by Google

нанимателей состоятъ въ меньшей зависимости, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Обратимся теперь къ капиталамъ, составляющимъ, вмѣстѣ съ рабочею силою, главный элементъ фабричнаго производства. Несмотря на замѣтное приращеніе ихъ въ Россіи, они здѣсь обходятся дороже чѣмъ въ западной Европѣ. Для скорѣйшаго ихъ обращенія устроено въ послѣдніе годы огромное число кредитныхъ установленій.

Введеніемъ судебной реформы, по возможности, обезпечено помѣщеніе капиталовъ, и, съ предстоящимъ установленіемъ ипотечной системы, правительствомъ будутъ приняты всѣ зависящія отъ него мѣры для облегченія денежныхъ сдѣлокъ.

Но едва ли министерство финансовъ совершенно право въ томъ отношеніи, что оно мало слѣдило за способомъ веденія дѣлъ городскими и частными банками. Между тѣмъ неизбѣжная неопытность бо́льшей части лицъ, управляющихъ этими учрежденіями, должна была вести къ промахамъ, которые тяжко отзовутся не только на акціонерахъ, но, быть можетъ, даже на вкладчикахъ, ввѣрившихъ уже банкамъ свыше 600 милліоновъ рублей.

Банки назначены быть посредниками между капиталистами и предпринимателями, нуждающимися въ деньгахъ. Цѣль ихъ—помогать первымъ, вѣрнымъ помѣщеніемъ ихъ капиталовъ, а вторымъ—доставленіемъ имъ средствъ для промышленныхъ ихъ предпріятій. Основной капиталъ банка при этомъ долженъ преимущественно служить обезпеченіемъ посреднической этой операціи, а чѣмъ онъ будетъ ограниченнѣе, тѣмъ меньшими барышами можетъ довольствоваться банкъ, тѣмъ дешевле обойдутся его услуги; дѣйствуя капиталомъ чужимъ, ввѣреннымъ имъ обыкновенно на короткіе сроки, банки вынуждены быть и крайне разборчивы въ его помѣщеніи и не вправѣ выдавать ссуды на сроки, превышающіе сроки вкладные.

Отъ этихъ двухъ коренныхъ правилъ: вѣрности и краткосрочности помѣщенія, ни одинъ банкъ отступать не вправѣ, и посему, за обезпеченіемъ себя въ денежныхъ средствахъ, вся задача банка заключается въ отыскиваніи для ссудъ залоговъ, которые во всякое время могли бы быть сбываемы безъ убытка. Такими обезпеченіями способны служить только имущества движимыя, продажа же недвижимостей сопряжена всегда съ затрудненіями и промедленіями.

Движимыя цѣнности можно раздѣлить на безусловныя и условныя. Къ первымъ относятся всѣ предметы, имѣющіе самостоятельную рыночную цѣнность, какъ-то: драгоцѣнные металлы, товары разнаго рода, процентныя бумаги, а ко вторымъ: личныя обязательства, коихъ цѣнность обусловливается состоятельностью лицъ, оными обязавшихся.

Къ послѣднему разряду принадлежатъ векселя и всякаго рода

Digitized by Google

заемныя обязательства. Сюда же можно отнести представителей товаровъ: варранты и накладныя, на находящіеся въ пути тяжести—въ виду дополнительнаго за нихъ обезпеченія, принимаемаго на себя лицами, выдавшими эти свидѣтельства.

Вексель, если онъ не представляется простымъ переводомъ денегъ съ одного мѣста на другое, т.-е. ассигновкою, имѣетъ смыслъ аванса подъ будущую цѣнность и потому представляется тѣмъ болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ вѣрнѣе и ближе къ осуществленію рождающаяся цѣнность. Слѣдовательно, обезпеченнымъ считается тотъ авансъ, которому дано назначеніе не только производительное, но имѣющій окупиться до истеченія срока займа. Вся трудность состоитъ въ распознаніи именно тѣхъ займовъ, по которымъ ссуженныя деньги получили такое назначеніе. Самою вѣрною считается ссуда товарами, переходящими или отъ производителя къ оптовому торговцу, или отъ сего послѣдняго къ мелочному, такъ какъ предметъ, черезъ продажу коего имѣетъ выручиться капиталъ, находится на лицо, и продажа товара ожидается въ непродолжительномъ времени.

По симъ соображеніямъ многіе заграничные банки не принимаютъ другихъ векселей, кромѣ товарныхъ. Отданныя въ ссуду деньги, безъ сомнѣнія, могутъ получить столь же производительное употребленіе какъ товары, но употребленіе ихъ прослѣдить труднѣе, почему денежныя обязательства представляются вообще менѣе вѣрными. Они основаны исключительно на довѣріи къ заемщику.

Независимо внутренняго своего содержанія, заемныя обязательства различествуютъ еще по формѣ своей и по правамъ, имъ присвоеннымъ.

Самыя обширныя права принадлежатъ заемнымъ обязательствамъ, выдаваемымъ подъ названіемъ векселей, почему векселя и считаются надежными болѣе другихъ заемныхъ обязательствъ. Сами векселя, однако, еще раздѣляются на переводные и простые. По первымъ являются, съ перваго же раза, отвѣтственными не менѣе двухъ лицъ, по вторымъ только одно. Недостатокъ этого бываетъ пополняемъ послѣдующею надписью поручителей, отвѣтствующихъ по закону наравнѣ съ участвующими въ переводномъ векселѣ; но ихъ участіе скорѣе случайное. Они не суть виновники самаго обязательства, и потому представляютъ менѣе нравственнаго ручательства въ цѣлесообразности займа. Притомъ двойственность переводнаго векселя затрудняетъ всякія относительно его стачки, тѣмъ болѣе, что векселедатель и приниматель предполагаются жительствующими въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., разсрочки въ платежѣ, столь обыкновенныя относительно простыхъ векселей, немыслимы въ переводныхъ.

Отъ всего этого въ западной Европѣ даютъ явное предпочтеніе

Digitized by Google

переводнымъ векселямъ передъ простыми, сколько бы на сихъ послѣднихъ ни было поручительныхъ надписей, и многіе банки простыхъ векселей вовсе къ учету не принимаютъ. Въ Россіи, къ сожалѣнію, переводные векселя вовсе не вошли въ употребленіе. Они являются только въ сношеніяхъ съ заграничными мѣстами, и этимъ торговля лишила себя самыхъ надежныхъ оборотныхъ орудій, а банки вѣрнѣйшихъ залоговъ для выдаваемыхъ ими ссудъ. Но русскіе банки не довольствуются даже пріемомъ простыхъ векселей,—впрочемъ, если они снабжены не менѣе чѣмъ двумя поручительными надписями; они соглашаются также на замѣну поручителей соотвѣтственнымъ вещественнымъ залогомъ, хотя бы онъ состоялъ въ недвижимомъ имуществѣ. Сверхъ того, банки открываютъ кредитъ на значительныя суммы не только другъ другу, но и частнымъ лицамъ, безъ всякаго вещественнаго обезпеченія. Эти виды личнаго кредита, заимствованные русскими банками у шотландскихъ, пользующихся огромною славою, приносятъ, безъ сомнѣнія, большую пользу промышленности и едва ли не оказываются необходимыми въ видахъ требуемаго ею пособія, но, завися вполнѣ отъ личнаго довѣрія правленія банка къ заемщику, не подчиняются никакимъ правиламъ, а потому трудно согласуемы съ характеромъ акціонерныхъ банковъ и безотвѣтственности ихъ участниковъ.

Кредиты, открываемые заемщикамъ по книгамъ банковъ и называемые спеціальными счетами, въ особенности шатки уже потому, что взысканіе по нимъ, на основаніи существующихъ законовъ, было бы, кажется, сопряжено съ немалыми затрудненіями. Вполнѣ неизбѣжнымъ, напротивъ, обезпеченіемъ могли бы служить накладныя на дѣйствительно отправленные товары, съ приложеніемъ къ нимъ вексельнаго обязательства отправителя, а еще болѣе надежны варранты или товаро-залоговыя свидѣтельства, выдаваемыя обществами, хранящими эти товары въ своихъ кладовыхъ и отвѣтствующими за ихъ сохранность и стоимость.

Если варрантныя общества получатъ въ Россіи бо́льшее развитіе — что́ можетъ состояться лишь при условіи пріема къ учету всѣми банками ихъ свидѣтельствъ—то уменьшится надобность въ широкомъ оказаніи личнаго кредита въ настоящемъ его видѣ, представляющемъ, кажется, не мало опасности.

Благодаря громадному количеству обращающихся всюду процентныхъ бумагъ и ихъ подвижности, онѣ сдѣлались самымъ обычнымъ залогомъ для полученія ссудъ изъ банковъ. Сверхъ того, банки не стѣсняются пріобрѣтеніемъ ихъ въ свою собственность. Но при крайней измѣнчивости цѣнъ многихъ бумагъ, въ особенности акцій, банки неоднократно уже подвергались чувствительнымъ потерямъ.

Digitized by Google

Ссудъ подъ залогъ товаровъ банки выдаютъ весьма мало по причинѣ трудности ихъ храненія и продажи.

Развитіе, которое банковое дѣло въ послѣднее время получило въ Россіи, истинно изумительно, и должно полагать, что польза, приносимая банками промышленности, соотвѣтствуетъ размѣру ихъ оборотовъ.

Одни акціонерные банки располагали, въ продолженіи 1873 года, 1972 милліонами руб. чужого капитала, а среднимъ числомъ сумма эта простиралась до 462 милл.; собственно же вкладовъ разныхъ наименованій было у нихъ къ 31-му декабря 1873 г. до 275 милл. руб. При этомъ имѣли они основного и запаснаго капитала 93 милл., т.-е. 20% противъ всего чужого и 37% противъ суммы вкладовъ.

Ссудъ подъ цѣнныя бумаги выдали банки въ 1873 году на 460 милл., векселей съ двумя надписями учтено ими на 308 милл., а по другимъ кредитнымъ операціямъ выдано 60 милл. руб.; цѣнныхъ бумагъ куплено банками на 138 милл. руб. На управленіе и на платежи по учредительскимъ паямъ расходовано въ 1872 г. 1,445,000, а въ 1873 г. 930,000 руб. Дивиденда акціонерамъ роздано, по сложности 1868—1873 годовъ, 12%.

Доходъ этотъ весьма умѣренъ, принимая въ разсужденіе, что 110 банковъ Великобританіи, гдѣ капиталы несравненно дешевле чѣмъ въ Россіи, давали акціонерамъ: на 25% основного ихъ капитала по 15%, а на $62^1/_2$%,—свыше 10%.

Это объясняется тѣмъ, что особенно тѣ изъ англійскихъ банковъ, которые пользуются твердымъ довѣріемъ публики, дѣйствуютъ исключительно чужими средствами, достающимися имъ или черезъ выпускъ безпроцентныхъ билетовъ, или отъ ввѣренныхъ имъ вкладовъ, за которые они платятъ весьма низкое вознагражденіе. При этомъ складочный ихъ капиталъ служитъ только обезпеченіемъ банковыхъ операцій. Онъ даже рѣдко вполнѣ вносится акціонерами и весьма незначителенъ въ сравненіи съ чужимъ.

Въ Россіи, при новости банковаго дѣла, кредитныя установленія должны были искать главной опоры въ собственномъ капиталѣ. Сверхъ того, могли они привлекать къ себѣ вклады назначеніемъ лишь высокаго вознагражденія, доходившаго до 7%.

Понятно, что за этимъ банки не въ состояніи дешево отдавать деньги въ ссуду, тѣмъ болѣе, что акціонеры, рискуя своимъ капиталомъ и закрѣпивъ его въ акціяхъ, требуютъ высшаго еще вознагражденія, чѣмъ вкладчики, могущіе деньги свои востребовать во всякое время.

Съ одной стороны, дороговизна капиталовъ, а съ другой—недостатокъ вѣрнаго для нихъ помѣщенія, заставляютъ русскіе банки

Digitized by Google

рѣшаться на операціи рискованныя и выходящія изъ тѣснаго круга банковаго дѣла, недостаточно, впрочемъ, очерченнаго существующими уставами.

Такъ, напр., процессомъ Овсянникова обнаружено, что г. Фейгину, не обладавшему никакими средствами, кромѣ выгодъ, ожидаемыхъ отъ подряда съ казною, волжско-камскимъ банкомъ былъ открытъ кредитъ въ 1,000,000 руб.; что, потомъ, этимъ же учрежденіемъ выданы предсѣдателю своему, Кокореву, съ дополнительнымъ лишь обезпеченіемъ закладною на мельницу, надлежаще не оцѣненную и не застрахованную даже отъ имени Кокорева—700,000. Но не одинъ волжско-камскій банкъ дѣйствовалъ столь размашисто.

Трудно напр. опредѣлить, къ какому разряду операцій отнесъ с.-петербургскій ссудный банкъ принятое имъ, нѣсколько лѣтъ тому, отъ нѣкоторыхъ лицъ порученіе, производить при подпискѣ на акціи Голубовскихъ каменно-угольныхъ копей первые взносы, тѣмъ болѣе, что банкъ видимо не имѣлъ полнаго довѣрія къ этимъ лицамъ, ибо для огражденія себя не переписалъ акцій на ихъ имя.

Крайне широко также дѣйствуютъ многіе банки относительно ссудъ подъ процентныя бумаги. Можно бы было указать на желѣзныя дороги, сполна устроенныя на средства банковъ. Такъ, напр., акціи Гангеской и Брест-Граевской дорогъ, прежде чѣмъ обращаться на биржѣ, попали въ руки с.-петербургскаго частнаго коммерческаго банка. Онъ же сдѣлался главнымъ участникомъ разныхъ золотыхъ промысловъ; заводы, гостинницы устраивались посредствомъ банковъ, и плачевная катастрофа московскаго коммерческаго банка, несмотря на явную преступность нѣкоторыхъ изъ членовъ его управленія, была бы немыслима, еслибы, по уставу своему, банкъ былъ поставленъ въ менѣе широкіе предѣлы.

Въ дѣлѣ кредита и банковъ есть двѣ стороны, коихъ интересы не всегда тождественны, а потому трудно согласуемы. Было время, когда кредитныя установленія учреждались исключительно для поощренія промышленности и преимущественно на средства правительственныя. Таковы были: банкъ, учрежденный въ царствѣ польскомъ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, кредитное общество, въ то же время основанное въ Брюсселѣ, по настоянію короля нидерландовъ, Вильгельма, и учрежденное еще Фридрихомъ-Великимъ въ Пруссіи, „Seehandlungъ“. Но все это были скорѣе торговыя общества, чѣмъ банки. На основанный же въ Россіи, въ 1817 году, правительственный коммерческій банкъ возложены были чисто банковыя операціи.

Вышеозначенныя торговыя общества помогли всякаго рода предпріятіямъ, которыя считали заслуживающими поощренія, а подъ ко-

Digitized by Google

нецъ, по неволѣ, сдѣлались они сами владѣльцами многихъ фабрикъ и заводовъ. Къ тому же результату едва ли не были приведены общества подвижнаго кредита, возникшія въ разныхъ государствахъ по примѣру парижскаго, хотя цѣль ихъ была почти противоположна вышеупомянутымъ правительственнымъ учрежденіямъ, стремившимся къ пользѣ общественной. Общества же подвижнаго кредита имѣли въ виду исключительно пользу акціонеровъ, которую старались достигать посредствомъ осуществленія новыхъ общеполезныхъ предпріятій, но безъ всякаго желанія завѣдывать ими.

Банки въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ ограничены относительно выпуска билетовъ, но въ способѣ употребленія своихъ средствъ они не связаны никакими правилами и вполнѣ пользуются предоставленною имъ свободою. Польза, приносимая этими банками промышленности, торговлѣ,—несомнѣнна, но частое ихъ крушеніе доказываетъ, что дѣйствія ихъ столь же размашисты, какъ и вся окружающая ихъ среда.

Огромною репутаціею пользуются банки въ Шотландіи. Ихъ всего 12, у коихъ однако до 600 отдѣленій. Слѣдовательно, приходится по одному кредитному учрежденію на 5800 жителей. Непокрытыхъ монетою билетовъ имѣютъ они право выпускать не болѣе, чѣмъ на 3.000,000 фунтовъ стерлингъ, но за то у нихъ вкладовъ бываетъ въ 20 разъ болѣе. Сверхъ обыкновенныхъ банковыхъ операцій, т.-е. учета векселей и ссуды подъ разныя цѣнности, шотландскіе банки открываютъ по книгамъ своимъ кредитъ земледѣльцамъ и мелкимъ промышленникамъ. Эта операція составляетъ ихъ особенность. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что область дѣятельности каждаго банковаго отдѣленія столь мало обширна, что правленіямъ ихъ знакомы всѣ личности въ околоткѣ. При этомъ, только три банка изъ 12-ти основаны на акціонерномъ началѣ, всѣ остальные суть товарищества на вѣрѣ, съ полною отвѣтственностью ихъ участниковъ, коихъ имена, въ началѣ каждаго года, публикуются, и было уже не мало примѣровъ, что они поплачивались всѣмъ своимъ имуществомъ при крушеніи того или другого банка. Ихъ главнѣйше спасаетъ солидность шотландцевъ.

Въ Англіи, истинномъ отечествѣ банковаго дѣла, оно всецѣло было въ рукахъ частныхъ лицъ, банкировъ, принимавшихъ вклады, выпускавшихъ билеты и производившихъ ссуды по своему усмотрѣнію, но за всѣ дѣйствія свои они отвѣтствовали своимъ имуществомъ и своею особою. Когда же эти банкирскіе дома замѣнились акціонерными банками, когда отвѣтственность безграничная превратилась въ ограниченную, невыходящую за предѣлы акціонернаго капитала, тогда и кругъ дѣятельности банковъ сталъ тѣснѣе; ибо чѣмъ шире

Digitized by Google

отвѣтственность банковыхъ правленій, тѣмъ шире могутъ быть и ихъ права, и наоборотъ, чѣмъ ограниченнѣе отвѣтственность банковъ, тѣмъ тѣснѣе долженъ быть ихъ кругъ дѣятельности.

Изъ этого правила, впрочемъ, можетъ быть допущено нѣкоторое исключеніе для банковъ, которые дѣйствуютъ не чужимъ, а акціонернымъ, своимъ капиталомъ. Имъ позволительно выходить за предѣлы, начертанные банковою практикою; учрежденія же, которыя располагаютъ посторонними капиталами и въ нихъ нуждаются, прежде всего должны заботиться объ упроченіи за собою довѣрія публики, а это возможно только при крайней осторожности въ дѣйствіяхъ.

Капиталъ, составившійся черезъ выпускъ акцій, обходится гораздо дороже происходящаго отъ чужихъ вкладовъ или собираемый посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ. За безсрочные вклады, даже въ Россіи, обыкновенно платятъ не болѣе 4—5%, тогда какъ акціонеры разсчитываютъ на несравненно высшій дивидендъ. Слѣдовательно, чѣмъ меньшую часть оборотныхъ средствъ банка составитъ собственный капиталъ, чѣмъ бо́льшую чужой, тѣмъ банкъ можетъ довольствоваться меньшими барышами. Поэтому банкъ, работающій своимъ складочнымъ капиталомъ, не въ силахъ состязаться съ тѣмъ, который располагаетъ чужими средствами, отчего они и не могутъ оставаться на одинаковой почвѣ. Первый вынужденъ пріискивать операціи, приносящія дохода болѣе обыкновеннаго, хотя бы онѣ были сопряжены съ рискомъ.

Причина низкаго процента, которымъ довольствуются англійскіе банки при весьма несложныхъ ихъ операціяхъ, заключается именно въ томъ, что складочный ихъ капиталъ совершенно ничтоженъ въ сравненіи со средствами, происходящими изъ постороннихъ источниковъ. Лондонскіе частные банки, напр., располагаютъ постоянно вкладами на сумму отъ 120 до 160 милліоновъ ф. ст., т.-е. свыше милльярда рублей, а нарицательный акціонерный капиталъ частныхъ банковъ всего Соединеннаго королевства не превышаетъ 40 мил. ф. ст. Въ Россіи, напротивъ, есть банки, могущіе разсчитывать почти исключительно только на собственныя средства, а у всѣхъ отношеніе складочнаго капитала къ постороннему неслишкомъ выгодно. Такъ, напр., къ 1-му декабря 1875 года с.-петербургскій международный банкъ имѣлъ собственнаго капитала 16.388,000 руб., а вкладовъ разныхъ наименованій 29.000,000 руб., т.-е. только на 55% болѣе первой суммы.

По отчету николаевскаго коммерческаго банка, къ 1-му декабря 1875 г., значится: складочнаго капитала $2^1/_2$ милліона, а вкладовъ не болѣе 689,000. Слѣдствіемъ такого положенія было то, что банкъ

Digitized by Google

покусился на невѣрныя предпріятія, приведшія къ тому, что въ просроченныхъ ссудахъ числится милліонъ рублей.

На основаніи предыдущаго должно раздѣлить банки на разсчитывающіе на чужой капиталъ и на дѣйствующіе собственными средствами.

Цѣль первыхъ должна главнѣйше состоять въ пріобрѣтеніи довѣрія публики, дабы она ввѣряла имъ свои капиталы, а для этого, въ операціяхъ ихъ, требуется крайняя осмотрительность.

Вторые же, которымъ капиталъ обходится гораздо дороже, не могутъ съ ними состязаться въ обычныхъ банковыхъ операціяхъ, а потому вынуждены пріискивать болѣе прибыльное помѣщеніе своимъ капиталамъ и стать на ногу банкировъ или торговыхъ товариществъ. Въ этомъ видѣ они способны оказывать промышленности огромныя услуги.

Въ Россіи, по необходимости, создалась смѣшанная банковая система. Публика русская, благодаря прежнимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, пріучена къ системѣ вкладовъ, но они все еще недостаточны для основанія исключительно на нихъ всей банковой системы. Притомъ, русскіе банки, по новизнѣ своей, не могли бы внушать публикѣ достаточнаго довѣрія, не располагая значительнымъ собственнымъ капиталомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Россіи еще не вполнѣ выработались тѣ формы кредита, которыми банкамъ доставляются вѣрныя обезпеченія для производимыхъ ими ссудъ. Поэтому, должно признать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ развѣ торговыхъ центровъ, не имѣется еще въ Россіи условій для устройства банковъ на вполнѣ правильныхъ основаніяхъ.

Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ имперіи, настоящій неудовлетворительный банковый порядокъ представляется неизбѣжнымъ; но едвали это исключаетъ возможность принимать мѣры, съ одной стороны, для вящшаго обезпечиванія лицъ, ввѣрившихъ банкамъ свои капиталы, а съ другой—для удержанія банковъ отъ слишкомъ рискованнаго помѣщенія своихъ средствъ.

Учащенной ревизіи банковыхъ правленій, со стороны ли акціонеровъ или со стороны государственнаго банка, едвали достаточно для полной оцѣнки ихъ дѣйствій, ибо отъ бѣглаго взгляда ревизора легко ускользаетъ нравственная сторона, столь важная въ дѣлѣ кредита.

Если примѣнить къ банкамъ нашимъ законы объ отвѣтственности товариществъ на вѣрѣ, то въ члены правленій пойдутъ только люди неимущіе.

Но, изслѣдовавъ въ подробности дѣйствія банковъ въ разныхъ

Digitized by Google

полосахъ Россіи и выяснивъ себѣ ихъ слабыя стороны, окажется, безъ сомнѣнія, возможнымъ, установить нѣкоторыя правила, которыя бы ограничивали ихъ произволъ, безъ вреда для истинныхъ интересовъ промышленности. Таково, напр., было бы запрещеніе пріобрѣтать или выдавать ссуды подъ акціи, которыя въ теченіи менѣе года были котированы на столичныхъ биржахъ. Это помѣшало бы банкамъ раздавать деньги на предпріятія, еще не оправдавшіяся. Равнымъ образомъ, слѣдовало бы принять правиломъ, что цѣнность процентныхъ бумагъ для ссудъ подъ нихъ опредѣляется не цѣною ихъ въ какой-либо курсовой день, но сложною ихъ 6-ти-мѣсячною цѣною на с.-петербургской биржѣ, если она не выше цѣны послѣдняго курсового дня.

Относительно учета векселей также было бы полезно установить нѣкоторую постепенность, не только соображаясь съ довѣріемъ, которое заслуживаютъ участники векселя, но по самому свойству его, т.-е. смотря по тому, переводный ли онъ или простой, товарный ли или денежный.

Однимъ словомъ, не отнимая у нашихъ банковъ тѣхъ широкихъ правъ, которыя даровало имъ правительство, слѣдовало бы очертить права эти съ бо́льшею точностью.

Удобство къ помѣщенію капиталовъ, представляемое кредитными установленіями, и огромнымъ количествомъ обращающихся въ народѣ процентныхъ бумагъ, должно бы было развивать бережливость, безъ которой накопленіе богатствъ немыслимо. Но, къ сожалѣнію, сдержанностью русскій народъ, по характеру своему, не отличается. Франція, въ новѣйшее время, наглядно доказала, чего можно достигнуть бережливостью и трудолюбіемъ.

Не безъ вліянія на расточительность русскихъ, вѣроятно, оказываются избытокъ бумажныхъ денегъ и слишкомъ крупная монетная единица. Послѣднюю измѣнять, разумѣется, нельзя безъ переустройства всей денежной системы, т.-е. безъ замѣны бумажнаго обращенія монетнымъ, а для этого первымъ условіемъ представляется уравновѣшеніе внѣшняго баланса. Но, независимо исчисленныхъ нами причинъ промышленной отсталости Россіи, установленію равновѣсія въ балансѣ прежде всего мѣшаетъ избытокъ бумажныхъ денегъ, искусственно поддерживаемыхъ внѣшними займами. Этимъ избыткомъ возвышается цѣна всѣхъ предметовъ какъ внутренняго производства, такъ и привозныхъ, и поощряется одновременно сбытъ въ Россіи товаровъ иностранныхъ и затрудняется отпускъ русскихъ. По мѣрѣ же сокращенія количества денежныхъ знаковъ должно произойти противное тому явленіе, къ неоспоримой пользѣ мѣстной производительности.

Digitized by Google

Въ государствахъ, гдѣ обращается звонкая монета, количество ея само собою установляется отпускомъ за-границу излишка монеты и привозомъ оттуда золота или серебра, если въ нихъ настоитъ надобность. Не то бываетъ съ бумажными деньгами, созданіемъ искусственнымъ, заключеннымъ въ предѣлы своего отечества, почему на правительствѣ, которое выпустило оборотные знаки, лежитъ и обязанность соразмѣрять ихъ количество съ истинными нуждами страны. Къ сожалѣнію, нѣтъ мѣрила для предварительнаго опредѣленія количества бумажныхъ денегъ, соотвѣтственнаго нуждамъ государства. Правильнѣе всего было бы признать, что только та сумма оборотныхъ знаковъ должна считаться соразмѣрною потребностямъ, которая безъ искусственной поддержки способна удержаться въ нарицательной своей цѣнѣ.

Въ Россіи, не считая билетовъ государственнаго казначейства, обращается нынѣ кредитныхъ билетовъ на сумму 800 милл. руб. Цѣна ихъ поддерживается ежегодно заключаемыми за-границей займами. Несмотря на то, кредитный рубль понизился на 20%, а безъ помощи внѣшнихъ займовъ стоялъ бы онъ еще ниже. Изъ этого заключать слѣдуетъ, что бумажекъ у насъ слишкомъ много и что для подавленія цѣнъ, искусственно черезъ это возвышенныхъ на всѣ предметы, слѣдовало бы сократить сумму оборотныхъ знаковъ, выкупомъ ли или предоставляя ихъ самимъ себѣ. Въ послѣднемъ случаѣ билеты понизились бы въ цѣнѣ, пока сумма, ими представляемая, не соотвѣтствовала бы крайнимъ надобностямъ страны. Въ настоящее же время жизнь въ Россіи дороже, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ, отчего и произведенія ея обходятся въ такую цѣну, что неспособны соперничать съ иностранными. Поэтому, пока нынѣшняя денежная система не будетъ измѣнена, русскіе производители едва ли не вправѣ ждать особаго вознагражденія или пособія за жертвы, на нихъ возлагаемыя черезъ избытокъ бумажныхъ денегъ.

Невыгодное положеніе, въ которое поставлены всѣ почти отрасли промышленности въ Россіи, сколько отъ причинъ естественныхъ, столько и по другимъ, нами исчисленнымъ, весьма наглядно выражается въ степени доходности русскихъ желѣзныхъ дорогъ сравнительно съ иностранными. Данныя по этому предмету собраны въ сочиненіи Бліохъ: „О русскихъ желѣзныхъ дорогахъ", стр. 238.

Въ среднемъ выводѣ стоимость версты въ Россіи, благодаря дешевизнѣ земли и ровной мѣстности, обошлась въ 62,725 руб., а въ Пруссіи и Австріи въ 82,301 руб. Слѣдовательно, стоимость заграничныхъ дорогъ на 18% выше русскихъ. Между тѣмъ валовой доходъ съ версты русскихъ дорогъ 7,279 руб., а заграничныхъ 13,101, т.-е.

Digitized by Google

онъ составляетъ для русскихъ 10,4%, а для иностранныхъ 15,8% съ основного капитала; чистый же доходъ на первыхъ доходилъ до 2712, а на вторыхъ до 6630 руб., вслѣдствіе чего русскія дороги давали 3,9%, а иностранныя 8,05% чистаго дохода съ основного ихъ капитала. На желѣзныхъ дорогахъ, какъ на организмѣ весьма сложномъ и чувствительномъ, отражаются всѣ тѣ обстоятельства, которыя въ отдѣльности вліяютъ на промышленную жизнь Россіи: суровый климатъ, огромныя разстоянія, рѣдкость и бѣдность населенія, недостатокъ внутреннихъ рынковъ и, вслѣдствіе того, частое движеніе поѣздовъ лишь по одному направленію. Наконецъ, неопытность и дороговизна личнаго состава.

Часть этихъ неудобствъ устранится съ увеличеніемъ населенія и съ успѣхами просвѣщенія; но сколько бы сами желѣзныя дороги ни содѣйствовали успѣхамъ страны, нельзя положиться исключительно на ихъ вліяніе для того, чтобы побороть всѣ вышеналоженныя затрудненія.

Уже нынѣ числится правительственнаго долга на обществахъ желѣзныхъ дорогъ 205 милл. руб. кредитныхъ и 397 милл. руб. металлическихъ. Сумма годовыхъ процентовъ и погашеніе по гарантированнымъ правительствомъ акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ до 32 милл., изъ которыхъ, впрочемъ, въ 1874 г. потребовалось уплатить только 5,240,960 р. Но, сверхъ этого, по консолидированнымъ облигаціямъ обществъ желѣзныхъ дорогъ полагалось въ 1875 г. казнѣ расходовать 21,076,611 руб., тогда какъ въ 1873 г. доходъ ея отъ желѣзныхъ дорогъ не превысилъ 15,506,426 руб. Слѣдовательно, казна прямо заинтересована въ устраненіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя тяготѣютъ надъ желѣзнодорожною, какъ и надъ всякою другою отраслью промышленности.

Ю. Г.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1876.

Государственная роспись 1876 г.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ.—Отчетъ контроля за 1874 г.—Сверхсмѣтныя требованія и долги.—Наше экономическое положеніе.—Пожертвованіе бар. Штиглица.—Вопросъ о сибирскомъ университетѣ.—Уставъ о личномъ наймѣ.—Кончина графа М. А. Корфа.—Новая мистификація «Московскихъ Вѣдомостей», по поводу университетскаго акта въ Москвѣ.

Обнародованная въ первыхъ числахъ января, государственная роспись не представляетъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ распредѣленіи статей. Преобладающею же въ исчисленіяхъ ея чертою можно признать осторожность; съ крайней осторожностью опредѣляется возрастаніе доходовъ по тѣмъ статьямъ, гдѣ оно предвидится. Такъ, возрастаніе въ итогѣ дѣйствительныхъ, то-есть обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ допускается всего на $2^1/_2$ милл. рублей, сравнительно съ росписью 1875 года; затѣмъ исчислено возрастаніе противъ той же росписи на $5^1/_2$ милл. руб. расходовъ оборотныхъ, преимущественно въ видахъ уменьшенія сверхсмѣтныхъ требованій самого министерства финансовъ на производство имъ разныхъ расходовъ за счетъ посторонниихъ источниковъ, и на $2^3/_4$ милл. руб. противъ росписи 1875 г. исчислены спеціальные рессурсы на устройство желѣзныхъ дорогъ, преимущественно для заготовленія желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ, общая сумма всѣхъ доходовъ на 1876 годъ, составляя 570.138,308 рублей, превышаетъ сумму ихъ въ предшествующемъ бюджетѣ всего на 10.777,115 рублей, между тѣмъ какъ мы привыкли къ ежегодному возрастанію суммы доходовъ милліоновъ на 20—30. Затѣмъ, на недоборъ въ податяхъ полагается на нынѣшній разъ уже не 1 милл. руб., какъ въ росписяхъ 1872 и 1873 годовъ, но 2 милл. руб., вмѣсто 4 милл., назначавшихся въ 1875 году исключительно въ виду бывшихъ не-

Digitized by Google

урожаевъ. Наконецъ, ожидаемое „превышеніе“ доходовъ надъ расходами, по нынѣшнему бюджету, опредѣлено всего въ 86,170 рублей, вмѣсто избытка доходовъ въ 3¼ милл. рублей, какой предвидѣлся росписью 1875 года. Все это вмѣстѣ даетъ намъ право сказать, что преобладающей чертой нынѣшняго бюджета есть именно осторожность, крайняя осторожность, за которою должно послѣдовать—если не случится чрезвычайныхъ потребностей—утѣшеніе блестящихъ, сравнительно съ росписью, результатовъ дѣйствительнаго ея исполненія, о которомъ удостовѣритъ чрезъ два года отчетъ государственнаго контроля. Въ то время, какъ итогъ доходовъ по новой росписи предполагается только на 10¾ милл. рублей больше итога 1875 г., общая сумма расходовъ въ нынѣшней росписи возвышена противъ росписи 1875 года на около 16 милл. руб.—что также представляетъ мѣру осторожности, такъ какъ чѣмъ точнѣе предположены расходы по смѣтамъ, тѣмъ болѣе вѣроятно уменьшеніе суммы сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Уже въ прошломъ году, при разсмотрѣніи росписи, мы указывали на осторожность, такъ какъ обыкновенные доходы по росписи 1875 г. были увеличены противъ 1874 г. на около 17 милл. рублей, вмѣсто вѣроятнаго возрастанія ихъ на 20 милл. Но нынѣшняя осторожность сравнительно съ прошлогодней должна быть признана крайнею, такъ какъ нынѣ цифра обыкновенныхъ доходовъ противъ предшествующей росписи увеличена уже не на 17, а всего на 2½ милліона. Справедливо, что ежегоднаго возрастанія суммы нашихъ доходовъ нельзя ожидать въ размѣрѣ прежнихъ годовъ. Но вѣдь и послѣдній отчетъ контроля, отчетъ за 1874 годъ показываетъ, что въ томъ году доходовъ обыкновенныхъ съ оборотными въ дѣйствительности поступило на 19¾ милл. руб. болѣе, чѣмъ въ 1873 году и на 26 милл. руб. болѣе, чѣмъ было исчислено по росписи 1874 года; стало быть, и на 1875 г. смѣло можно было принять возвышеніе тѣхъ и другихъ вмѣстѣ на 19¾ или 20 милл. руб.; вмѣсто того, оно принимается для доходовъ обыкновенныхъ въ 2½ милл., а для оборотныхъ въ 5½ милл., итого въ 8 милл. рублей.

Мы всегда останавливаемся на той искусной обработкѣ цифръ бюджета, вслѣдствіе которой для каждаго года легко предвидѣть впередъ удовлетворительный контрольный отчетъ о дѣйствительномъ исполненіи росписи,—удовлетворительный въ томъ смыслѣ, что, несмотря на массу расходовъ, росписью непредвидѣнныхъ, но потребовавшихся въ теченіи года, всегда оказываются, въ непредвидѣнномъ же возрастаніи доходовъ, средства къ покрытію этихъ издержекъ полностью, рѣдко за исключеніемъ небольшой части (въ 1873 году), а обыкновенно еще съ остаткомъ.

Въ оговоркѣ этой нѣтъ ничего новаго; но такъ какъ въ каж-

Digitized by Google

омъ бюджетѣ есть балансъ, который сводится на опредѣленную ифру превышенія доходовъ, то мы не можемъ упомянуть объ этой ифрѣ, не напоминая тутъ же, что съ одной стороны должно предидѣть милліоновъ 20 или 25 расходовъ, въ росписи непредвидиыхъ, а съ другой—равную или почти равную сумму увеличенія доходовъ противъ показаній росписи; безъ этого напоминанія балансъ, въ росписи выведенный, и принятая въ ней опредѣленная цифра превышенія въ доходахъ предъ расходами могутъ показаться имѣющими болѣе реальное значеніе, чѣмъ какое слѣдуетъ придавать нашему бюджетному балансу.

Сдѣлавъ обычную оговорку, мы обычнымъ же порядкомъ обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ данныхъ отчета государственаго контроля за 1874 годъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ обзору росписи 1876 года, такъ какъ общія данныя контроля, по дѣйствительному исполненію роснисей за нѣсколько лѣтъ, обрисовываютъ намъ общее положеніе и виды нашего финансоваго хозяйства, а балансъ текущей росписи является послѣдствіемъ его, и могъ бы быть до нѣкоторой степени также и показателемъ. Стало быть, о балансахъ контрольныхъ отчетовъ умѣстнѣе всего говорить именно вслѣдъ за указаніемъ баланса росписи, вступающей въ дѣйствіе.

Общій результатъ исполненія росписи 1874 года былъ весьма удовлетворителенъ. По росписи этого года предвидѣлось превышеніе въ доходахъ предъ расходами на 3.167,820 р.,—на дѣлѣ же оказалось, что превышеніе доходовъ составило 14.416,557 рублей, бо́льшее чѣмъ въ который либо изъ годовъ ближайшаго пятилѣтія. Прибавимъ, что такое превышеніе доходовъ предъ расходами оказалось въ дѣйствительности несмотря на слишкомъ $23^1/_2$ милл. рублей расходовъ сверхсмѣтныхъ. Эти непредвидѣнные росписью расходы съ избыткомъ покрылись непредвидѣннымъ же росписью размѣромъ возрастанія суммы доходовъ, которыхъ поступило болѣе противъ исчисленія росписи на $26^1/_2$ слишкомъ милліоновъ, не считая спеціальныхъ рессурсовъ. Доходовъ обыкновенныхъ (прямыхъ и оборотныхъ, которые въ контрольныхъ отчетахъ причисляются къ обыкновеннымъ) поступило за 1874 г.—557.733,591 р., а соотвѣтствовавшихъ имъ расходовъ произведено было на 543.317,034 рубля. Въ пятилѣтнемъ періодѣ 1870—1874 гг. включительно, мы имѣли два года, которыхъ балансъ въ дѣйствительности заключился дефицитами, и три года, которыхъ балансъ дѣйствительно представилъ превышеніе въ доходахъ, а именно: за 1870 годъ недостало средствъ на око о милл. 200 тыс. руб.; въ 1871 году оказался остатокъ около $8^1/_2$ милл. руб., а въ 1872 году около 629 тыс. руб.; затѣмъ въ 1873 году

Digitized by Google

опять недостатокъ средствъ на около 1 милл. 200 тыс. руб., а в 1874 году зато избытокъ доходовъ составилъ до $14^1/_2$ милл. руб.

Такъ какъ въ дѣйствительный балансъ, — балансъ контрольный, входятъ всѣ дѣйствительно поступившіе доходы и дѣйствительно произведенные расходы, предвидѣнные и непредвидѣнные росписью, то мы бросимъ теперь взглядъ на сравнительное возрастаніе суммъ нашихъ доходовъ и расходовъ, какъ оно обрисовывается данными контрольнаго отчета, и на указываемыя въ немъ колебанія цифры ежегодныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, то-есть именно на тѣ статьи, которыя необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ баланса, выводимаго въ новѣйшей, послѣдней росписи. Возрастаніе дѣйствительныхъ суммы доходовъ по годамъ мы можемъ принять слѣдующее: за 1871 годъ противъ 1870 года въ $27^1/_2$ милл. р.; за 1872 г. противъ 1871 г. въ 15 милл. р.; за 1873 г. противъ 1872 г. въ 15 милл. р.; за 1874 г. противъ 1873 г. въ $19^3/_4$ милл. р. Этому соотвѣтствовало возрастаніе расходовъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: $14^1/_4$ милл. р. (1870—71), $23^1/_4$ милл. р. (1871—72), 16 милл. р. (1872—73) и $14^1/_4$ милл. р. (1873—74). Итакъ, хотя ежегодные расходы наши постоянно возрастаютъ, но возрастаютъ въ меньшей степени, чѣмъ доходы, а именно за пятилѣтіе расходы увеличились на $11^3/_4$, между тѣмъ какъ доходы увеличились на 16%, или, выражаясь тѣми же цифрами, за пятилѣтіе мы собрали доходовъ 2.607.479,517 р., а издержали 2.586.383,425 р., то-есть на около 20 милл. р. менѣе. Если мы сопоставимъ съ этимъ результатомъ фактъ, о которомъ упоминается въ отчетѣ, что общая сумма остатковъ отъ заключенныхъ росписей, считая и 1874 г., составляетъ свыше 20 милл. р., то и можемъ, пожалуй, и усмотрѣть въ этомъ остаткѣ указанное выше превышеніе доходовъ пятилѣтія его расходами, хотя эта послѣдняя цифра 20 милл. (собственно $20^3/_4$ м.) и выведена въ отчетѣ изъ иныхъ данныхъ.

Фактъ, что расходы наши хотя и возрастаютъ, но возрастаютъ въ меньшей степени, чѣмъ доходы, былъ бы весьма утѣшителенъ, еслибы мы не знали, что ни то, ни другое не можетъ быть особенно благопріятно для нашего экономическаго положенія вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіи этого пятилѣтія, одни процентные наши займы возрасли въ такой мѣрѣ, что ежегодная сумма на уплату процентовъ и погашенія въ 1874 году составляла 7,800,000 р. болѣе чѣмъ въ 1870-мъ; затѣмъ, главное увеличеніе расходовъ выпадало на долю военнаго и морского министерствъ, составляя примѣрно до одной четверти всей суммы, на которую возрасли ежегодные расходы. Съ другой стороны, увеличеніе нашихъ доходовъ зависѣло главнымъ образомъ отъ возрастанія питейнаго сбора, который дост-

Digitized by Google

тилъ почти половину всего увеличенія суммы доходовъ 1874 г. противъ 1870. Въ наступившемъ году мы получимъ и издержимъ примѣрно около 150 милл. рублей болѣе, чѣмъ девять лѣтъ тому назадъ, получимъ *вдвое* болѣе, чѣмъ получали 20 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ можно ли сказать, что общее наше благосостояніе удвоилось въ послѣднія 20 лѣтъ? Если же этого сказать нельзя, то, стало быть, въ общемъ результатѣ мы хозяйничаемъ не въ прибыль себѣ,—плательщики налоговъ уплачиваютъ нынѣ государству бо́льшую часть своего дохода чѣмъ прежде; или — другое предположеніе: деньги до того подешевѣли, что плательщикамъ не труднѣе вносить нынѣ двойную сумму налоговъ, но за то и государству нужна двойная сумма на расходы, а въ конечномъ счетѣ, экономическое положеніе страны осталось безъ замѣтной перемѣны.

Перейдемъ теперь къ сверхсмѣтнымъ ассигнованіямъ. Цифра ихъ въ 1874 году была 23.695,125 р., между тѣмъ какъ въ предшествующемъ году она было 26.367,822 р. Уже цифра 1873 года представляла значительное уменьшеніе ассигнованій сверхъ смѣтъ; теперь оказывается, что она еще понизилась въ 1874 году. Не мѣшаетъ привесть эти цифры за пятилѣтіе. Сверхсмѣтныхъ ассигнованій было: въ 1870 году на 35.801,426 р.; въ 1871 г. на 35.698,066 р.; въ 1872 г. — 34.488,164 р.; въ 1873 г. — 26.367,822 р.; въ 1874 г. — 23.695,125 р. Такимъ образомъ, сверхсмѣтныя требованія, составлявшія въ 1870 г. $7^{3}/_{4}\%$ назначеній по росписи, постепенно понизились до $4^{1}/_{2}\%$ смѣтнаго ассигнованія. Впрочемъ, напрасно бы было видѣть въ сокращеніи итога сверхсмѣтныхъ требованій особую бережливость; произошло оно главнымъ образомъ оттого, что министерство финансовъ застраховало себя отъ перетребованій военнаго и морского министерствъ, предоставивъ имъ распоряжаться ихъ средствами въ размѣрахъ нормальныхъ смѣтъ, то-есть ограничивъ главнѣйшіе расходы этихъ вѣдомствъ опредѣленной суммою, изъ которой они могутъ выходить только въ исключительныхъ случаяхъ; и еще оттого, что министерство финансовъ стало исчислять въ росписи платежи по заграничнымъ займамъ по среднему курсу, современному составленію смѣты, а не по призрачному нормальному курсу, который принимался прежде, вѣроятно для того, чтобы цифры платежей по государственному долгу въ росписи имѣли возможно умѣренные размѣры. Итакъ, мѣра возвышенія суммы смѣтныхъ ассигнованій военному и морскому министерствамъ, съ тѣмъ, чтобы они распоряжались въ предѣлахъ нормальныхъ смѣтъ и не обращались къ казначейству съ перетребованіями, удалась, въ томъ смыслѣ, что значительно способствовала уменьшенію суммы сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Самое это обстоятельство можетъ служить аргументомъ въ

Digitized by Google

въ пользу мысли, которую мы заявили при разсмотрѣніи прошлогодняго бюджета, а именно, что было бы полезно включить въ роспись нормальную сумму на сверхсмѣтные расходы вообще, соотвѣтственно возвысивъ въ росписи исчисленія доходовъ, съ тѣмъ, чтобы нормальной суммой сверхсмѣтныхъ ассигнованій распоряжался государственный совѣтъ. Тогда можно было бы отмѣнить нормальныя смѣты министерствъ военнаго и морского; иначе эти отдѣльныя нормальныя смѣты все равно придется увеличить по прошествіи 5-ти лѣтъ, а можетъ быть даже и ранѣе, или увидѣть вновь возрастаніе цифры сверхсмѣтныхъ требованій.

Изъ общей суммы сверхсмѣтныхъ кредитовъ, какая оказалась въ 1874 году, наибольшая часть, а именно до $10^1/_2$ милл. рублей была открыта самому министерству финансовъ. Петербургскій корреспондентъ „Journal des Débats", указывая на этотъ фактъ, замѣтилъ, что, стало быть, легче совѣтовать другимъ бережливость, чѣмъ ограничивать самого себя. Это замѣчаніе не вполнѣ справедливо, такъ какъ изъ $10^1/_2$ милл. р., перетребованныхъ министерствомъ финансовъ, бо́льшая часть потребовалась на нужды общаго государственнаго управленія, а собственно на потребности вѣдомства министерства финансовъ было испрошено только съ небольшимъ $1^1/_2$ милл. рублей. Но приведенное замѣчаніе все-таки имѣетъ долю основательности въ томъ смыслѣ, что въ число этихъ $1^1/_2$ милл. р. вошли такія потребности, которыя вовсе нельзя признать исключительными, какъ напр. награды и пособія по таможенному вѣдомству, заготовленіе провіанта и фуража для пограничной стражи.

Итакъ, въ общемъ результатѣ, доходы наши съ году на годъ возрастаютъ въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ расходы, установляется болѣе порядка въ расходованіи посредствомъ уменьшенія сверхсмѣтныхъ требованій. Въ теченіи пятилѣтія, доходы государства дали 20-ю милліонами болѣе, чѣмъ потребовалось на расходы; мало того, ежегодно производилась уплата по капиталу государственныхъ долговъ, и всего за 5-тилѣтіе ихъ уплачено въ русской монетѣ на 87.876,790 р. А между тѣмъ, общая цифра долговъ государства постоянно возрастаетъ вслѣдствіе заключенія новыхъ желѣзно-дорожныхъ займовъ и новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Правда, платежи казны по желѣзнодорожнымъ облигаціямъ подлежатъ возврату ей отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, а новые выпуски бумажныхъ денегъ обусловливаются усиленіемъ металлическаго фонда. Но дѣло въ томъ, что поступленія отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ далеко неудовлетворительны, а металлическій фондъ, на которомъ мы теряемъ ежегодно болѣе 10 милл. р. процентовъ, остается безъ вліянія на паденіе кредитнаго рубля, на удешевленіе денегъ. Такъ, мы видимъ изъ отчета,

Digitized by Google

что долги желѣзно-дорожныхъ обществъ казнѣ въ теченіи одного 1874 г. возросли на слишкомъ 31¼ милл. рублей, причемъ изъ этой суммы только мéньшая часть (около 9¼ милл. р.) произошла отъ предоставленія обществамъ новыхъ ссудъ, а бóльшая, именно 22 слишкомъ милл. р., возникла отъ неуплаты слѣдующихъ правительству суммъ по облигаціямъ, которыя оно приняло на себя. Долговъ на желѣзно-дорожныхъ обществахъ казнѣ числится теперь до 215⅛ милл. р. Что касается бумажныхъ денегъ, то ихъ находилось въ обращеніи къ 1-му января 1873 г. болѣе 763¾ милл. р., къ 1-му января 1874 г. 792¼ милл. р., а къ 1-му января 1876 г., какъ мы видимъ изъ баланса государственнаго банка, 797.313,480 р. Въ теченіи послѣднихъ девяти лѣтъ количество бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ обращеніе, возросло на около 116 милліоновъ рублей.

Если мы сравнимъ цифры, числившіяся къ октябрю 1874 г. и къ 1-му января 1876 г., то увидимъ, что все увеличеніе количества бумажныхъ денегъ въ теченіи этого времени обратилось исключительно на усиленіе металлическаго, такъ-называемаго размѣннаго фонда. Размѣнный фондъ возросъ въ это время съ 227.549,428 р. 77 к. до 231.227,084 руб. 87 коп., ровно настолько, насколько возрасла сумма кредитныхъ билетовъ въ обращеніи: съ 793.635,824 руб. до 797.313,480 рублей, то-есть на около 3 мил. 677 т. руб. [1]). Затѣмъ, цифра безпроцентнаго долга, необезпеченнаго металлическимъ или размѣннымъ фондомъ, въ обоихъ балансахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на 14 мѣсяцевъ, показана также—566.086,395 руб. 13 коп. [2]). Самъ по себѣ этотъ фактъ, что въ теченіи 14-ти мѣсяцевъ до 1-го января наступившаго года не было сдѣлано никакого выпуска бумажныхъ денегъ для другой цѣли, кромѣ на усиленіе размѣннаго фонда, весьма утѣшителенъ; но остаются въ силѣ всѣ высказанныя въ печати возраженія противъ финансовой раціональности усиленія металлическаго фонда новыми выпусками бумажныхъ денегъ, которые все-таки продолжаются. Истинной цѣлью при этомъ можетъ служить созданіе въ металлическомъ фондѣ готовыхъ рессурсовъ на случай войны, настоящаго Kriegsschatz, подобнаго существующему въ Пруссіи; иначе трудно объяснить, для чего нуженъ „размѣнный“ фондъ, когда не открывается размѣна, и почему онъ не обращенъ по крайней мѣрѣ въ значительной части на пріобрѣтеніе фондовъ, которые приносили бы проценты. Между тѣмъ, въ нашемъ „размѣн-

[1]) Мы пользуемся балансами банка, какъ они были напечатаны въ „Прав. Вѣстникѣ“ 1874 и 1876 года; разность выходитъ 3.677,656 р. 10 к., или 3.677,666 р., что, очевидно, зависитъ отъ двухъ опечатокъ.

[2]) По опечаткѣ, въ „Прав. Вѣстникѣ“ нынѣ показана въ 556.086,395 р. 13 к.

Digitized by Google

номъ" фондѣ имѣется процентныхъ бумагъ только на незначительную сумму 1 милл. 823 т. р., а все остальное представляется золотомъ и серебромъ, отъ которыхъ мы и имѣемъ убытку (по 5% съ 231 милл.) по $11^1/_2$ милл. рублей въ годъ.

Сумма долговъ государственнаго казначейства по контрольному отчету показана къ 1-му января 1874 г. въ 1.799.744,852 р.. Въ этой суммѣ долгъ безпроцентный показанъ уже за исключеніемъ изъ него наличности размѣннаго фонда. Но, сверхъ того, не лишне имѣть въ виду, при чтеніи, что приведенной суммой представляется только цифра непосредственнаго долга казны, и что, затѣмъ, на отвѣтственности и кредитѣ государства лежатъ еще принятыя имъ на себя обязательства: капиталъ желѣзно-дорожныхъ облигацій и пассивъ выкупной операціи.

Обратимся теперь къ самой росписи 1876 г., въ которой мы разсмотрѣли выше только балансъ. Доходы обыкновенные исчислены въ 534 м. 791 т. р., оборотные въ $24^1/_2$ м. р., спеціальные рессурсы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ въ 10 м. 893 т. р., всего доходы въ 570.138,308 р. Расходы опредѣлены: обыкновенные въ 532 м. 705 т. р., на недоборъ въ податяхъ 2 милл., оборотные въ $24^1/_2$ милл. руб. и временные изъ спеціальныхъ рессурсовъ въ приведенную выше сумму этихъ рессурсовъ 10 милл. 893 т. р., всего расходы въ 570.052,138 р.; разность 86.170 р. представляетъ ожидаемое превышеніе въ доходахъ. Мы уже говорили выше о незначительномъ возвышеніи суммы обыкновенныхъ доходовъ, предположенномъ въ росписи. Оно представляетъ собою излишекъ отъ возрастанія предполагаемаго въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дохода сравнительно съ пониженіемъ, ожидаемымъ въ другихъ отрасляхъ дохода. Главную роль въ доходахъ возрастающихъ, разумѣется, играетъ доходъ питейный. Ожидаемая въ 1876 году цифра его больше противъ росписи 1875 года на слишкомъ $5^1/_2$ милл. рублей; тѣмъ не менѣе она ниже той, какая въ дѣйствительности оказалась уже въ 1874 году по росписи 1876 г., питейный доходъ опредѣляется въ $191^3/_4$ милл. руб., а по контрольному отчету, онъ уже въ 1874 году доставилъ сумму $200^3/_4$ милл. руб., цифру небывалую. Поступленіе его превысило исчисленіе росписи 1874 г. на слишкомъ $21^1/_2$ милл. руб. Допустить превышеніе въ такихъ же размѣрахъ въ 1876 году нельзя, потому что оно зависѣло отъ распространенія правилъ о возвышенномъ акцизѣ и возвышенія патентнаго сбора въ царствѣ польскомъ. Но поступленіе питейнаго сбора и въ 1876 г. въ размѣрѣ 1874 г., то-есть въ 200 слишкомъ милл. руб., очевидно, допустить можно. Замѣтимъ здѣсь, что въ цифрѣ дѣйствительно поступающихъ у насъ доходовъ (по отчету 1874 г.: $557^3/_4$ милл. руб.) $200^3/_4$ милл. руб.

Digitized by Google

доставляются однимъ питейнымъ сборомъ; а такъ какъ возвышеніе питейнаго сбора играетъ главную роль и въ размѣрѣ ежегоднаго возрастанія общей суммы доходовъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что со временемъ цѣлая половина всѣхъ доходовъ государства будетъ прямо доставляться питейнымъ сборомъ, если только податная система не будетъ преобразована, а поступленія питейнаго сбора покажутъ возможность новаго возвышенія акциза.

Изъ другихъ отраслей доходовъ важнѣйшее возрастаніе предвидится росписью въ доходѣ таможенномъ, который исчисленъ въ $60^1/_2$ милл. руб., около 6-ти милл. выше, чѣмъ въ предшествующей росписи. Здѣсь цифра росписи взята уже ближе къ дѣйствительному поступленію; въ 1874 году таможенный доходъ далъ около $56^1/_4$ м. руб.; естественно, что за 1876 г. его ожидается нѣсколько больше, „въ виду ежегодно возрастающаго поступленія пошлинъ съ привозныхъ товаровъ", какъ сказано въ докладѣ министра финансовъ. Дѣйствительно, цифры таможеннаго дохода за пятилѣтіе представляютъ возрастающую прогрессію, и это объясняется въ контрольномъ отчетѣ „усиленіемъ ввоза заграничныхъ товаровъ, которому способствовало, между прочимъ, соотвѣтственное увеличеніе вывоза за границу главнѣйшаго предмета нашей отпускной торговли—хлѣба"; такъ, въ 1874 году, по показанію отчета, вывезено хлѣба до 29 мил. 800 т. четвертей, тогда какъ отпускъ 1873 года былъ не болѣе 23 милл. 200 т. четвертей.

По тѣмъ отраслямъ дохода, въ которыхъ предусматривается росписью на 1876 годъ пониженіе, отмѣтимъ важный фактъ, что поступленія на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ уменьшены на сумму почти 4 милл. руб. противъ росписи 1875 года; отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ не ожидается бо́льшей исправности въ платежахъ казнѣ, чѣмъ въ 1874 году, а мы уже видѣли, какова ихъ исправность: они должны на 22 милл. руб. въ одинъ годъ, единственно отъ неуплатъ; замѣтимъ, что въ роспись уже и вносятся только такіе платежи, которыхъ можно ожидать отъ желѣзныхъ дорогъ „по ходу" эксплуатаціи. Вотъ, противъ такихъ-то уже умѣренныхъ предположеній, общества въ 1874 году не доплатили почти 4 милл. руб., и на эту цифру потому и уменьшено предположеніе росписи 1876 г.; недоимка же противъ платежей, въ дѣйствительности слѣдовавшихъ съ обществъ, съ процентами на отпущенныя суммы, возросла въ одинъ 1874 годъ, какъ уже сказано, на 22 милл. руб. Въ пошлинахъ за право торговли на 1876 годъ показано уменьшеніе поступленій на около $^1/_2$ милл. руб.; здѣсь обнаруживается интересный фактъ, что поступленіе этихъ пошлинъ стало слабѣть со введеніемъ

Digitized by Google

общеобязательной воинской повинности; оказывается, что въ торговомъ сословіи было не мало лицъ, которыя платили торговыя пошлины единственно для того, чтобы избавиться отъ рекрутства.

Переходя къ расходамъ, предположеннымъ по росписи 1876 года, въ общности ихъ, находимъ увеличеніе на около 16 м. р. противъ предшествующей росписи, какъ уже было замѣчено выше. Главную долю этого увеличенія (болѣе 1/4) представляетъ увеличеніе платежей по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ отъ внесенія въ смѣту процентовъ и погашенія по 5-му вып. консолей. Что касается распредѣленія общей суммы расходовъ, 570 милл. р., то извѣстно, что наибольшая доля приходится военному министерству; „дѣйствительные" расходы его исчислены на 1876 годъ въ 180 1/4 милл. рублей. Но если считать не „дѣйствительные" расходы, а просто все ассигнованіе военному министерству по росписи 1876 г., то окажется сумма до 184 милл. руб., изъ которой 176 1/4 м. руб. распредѣлены по смѣтамъ министерства на предвидимые расходы, а около 7 3/4 м. р. оставлено въ запасномъ фондѣ. Между тѣмъ, по первоначальнымъ правиламъ о нормальномъ бюджетѣ военнаго министерства общая сумма его расходовъ по 1876 годъ была опредѣлена въ около 179 1/4 м. р.; но съ 1873 года, когда были установлены эти правила, возникли уже новыя потребности, и вотъ, норма уже и превзойдена. Расходы на военное и морское вѣдомство составляютъ у насъ 205 милл. руб. изъ 534 милл. руб., представляющихъ общую сложность обыкновенныхъ расходовъ государства, то-есть около 2/5 суммы этихъ расходовъ. Въ отдѣльности расходы военнаго министерства у насъ составляютъ болѣе 1/3 всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ — пропорція, которая едва ли встрѣчается въ какомъ-либо иномъ бюджетѣ. Во Франціи на военное министерство идетъ только 1/5. Когда же намъ говорятъ, что расходы военнаго вѣдомства еще должны значительно возрасти отъ необходимости огромныхъ затратъ на устройство казармъ, вслѣдствіе введенія общеобязательной воинской повинности, то мы не можемъ и предвидѣть, откуда возьмутся для этого средства. Замѣтимъ, что при неизбѣжности отнесенія на военное и морское министерство 2/5 всей суммы обыкновенныхъ расходовъ, слѣдовало бы, быть можетъ, изыскать мѣры къ сокращенію по крайней мѣрѣ расходовъ на администрацію по этимъ вѣдомствамъ, которыя сами весьма значительны. Такъ, по военному министерству собственно на администрацію центральную и мѣстную ассигнуется около 9 милл. рублей, то-есть почти столько же, сколько на всю военно-учебную, техническую, госпитальную и врачебную части, вмѣстѣ взятыя (около 9 3/4 милл. р.); причемъ эти расходы на администрацію существуютъ независимо отъ кредита на награды и пособія и на денежное доволь-

Digitized by Google

ствіе строевыхъ чиновъ. По морскому же вѣдомству на центральную и портовую администрацію идетъ слишкомъ $1^1/_2$ милл. руб., то-есть почти столько, сколько на учебную, медицинскую и госпитальную части, заводы и адмиралтейства, также взятыя вмѣстѣ (около 1 м. 600 т. р.).

Послѣ расходовъ военнаго вѣдомства, первое мѣсто въ нашемъ бюджетѣ занимаютъ платежи по займамъ и по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ. На платежи по займамъ требуется до 76 милл. р., а на платежи по желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ около $32^1/_2$ милл. р. Итакъ, Россія издерживаетъ нынѣ уже около 108 милл. руб. въ годъ собственно на платежи процентовъ и погашенія по займамъ, несмотря на то, что цѣлая треть итога ея государственнаго долга представляется долгомъ безпроцентнымъ и не требующимъ, повидимому, никакого погашенія.

Роспись 1876 года—если не представится исключительныхъ обстоятельствъ — можетъ быть исполнена безъ дефицита, за это ручается осторожность, руководившая ея составленіемъ. Министръ финансовъ въ своемъ докладѣ свидѣтельствуетъ, что по „полученнымъ доселѣ свѣдѣніямъ“ слѣдуетъ ожидать благопріятныхъ результатовъ по выполненію росписи 1875 года, въ особенности вслѣдствіе весьма значительнаго уменьшенія въ томъ году сверхсмѣтныхъ назначеній, и, въ заключеніе своего доклада, дѣлаетъ обычное увѣщаніе къ ограниченію сверхсмѣтныхъ требованій въ 1876 году „до крайнихъ предѣловъ“, котораго необходимость „ясно указывается незначительностью ожидаемаго по росписи превышенія доходовъ надъ расходами“.

Что нашъ кредитъ находится въ хорошемъ положеніи независимо отъ данныхъ контрольнаго отчета, свидѣтельствуютъ факты биржевые—успѣхъ нашего желѣзно-дорожнаго займа 1875 года, выпущеннаго по 93 за 100, несмотря на пониженіе размѣра ежегоднаго процента—$4^1/_2$ вмѣсто обычныхъ 5-ти; далѣе о томъ же свидѣтельствуетъ хорошая цѣна нашихъ правительственныхъ бумагъ на нашихъ биржахъ. Въ теченіи прошлаго года всѣ государственные фонды и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги поднялись въ цѣнѣ; но нельзя указать на столь же благопріятные признаки въ общемъ экономическомъ положеніи страны. Многія акціонерныя бумаги упали въ цѣнѣ, произошло два-три крупныхъ банковыхъ банкротства; сборы на желѣзныхъ дорогахъ въ 1875 году уменьшились на около 9%, уменьшился вывозъ нашъ за-границу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ этого уменьшенія и давленія бумажной циркуляціи, нашъ вексельный курсъ упалъ на около 8%. Все это признаки не особенно утѣшительные, и они подтверждаютъ усмотрѣнное нами выше обстоятельство, что хотя государственное наше хозяйство и идетъ успѣшно,

Digitized by Google

но успѣхи его не таковы, чтобы они могли вліять на поднятіе уровня экономическаго благосостоянія страны.

Развитіе техническихъ производствъ, доставленіе средствъ къ техническому образованію, наконецъ распространеніе образованія вообще, начиная отъ умноженія народныхъ школъ до умноженія университетовъ, должны служить, независимо отъ успѣшнаго финансоваго хозяйства государства, къ улучшенію экономическаго положенія страны. Въ этой отрасли усилія частныхъ лицъ, ихъ труды и денежныя приношенія на пользу образованія могутъ сдѣлать много. Здѣсь мы встрѣчаемся съ отраднымъ фактомъ. Одно изъ крупнѣйшихъ пожертвованій, когда-либо сдѣланныхъ въ Россіи частными лицами на общественное дѣло, представляется передачею барономъ Штиглицомъ министерству финансовъ капитала въ милліонъ рублей для устройства и содержанія въ Петербургѣ училища техническаго рисованія, которому будетъ присвоено имя жертвователя. Просвѣщенная мысль, руководившая при этомъ жертвователемъ, ясна и заслуживаетъ всеобщаго сочувствія: занимая положеніе одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей, какъ въ частномъ финансовомъ мірѣ, такъ и въ области финансоваго управленія, баронъ А. Л. Штиглицъ не могъ не обратить вниманія на одну изъ причинъ несовершенства тѣхъ отраслей русской фабрикаціи, въ которыхъ изящность формы составляетъ одно изъ главныхъ, иногда даже первое условіе достоинства и сбыта. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, вѣковая традиція французской техники обусловливаетъ рѣшительное преобладаніе ея въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ вкусъ играетъ главную роль. На это обстоятельство давно уже обращено было вниманіе въ Англіи и Германіи, а въ особенности со времени всемірныхъ выставокъ. Стали возникать техническія рисовальныя школы и музеи техническаго производства, въ которыхъ собираются лучшіе образцы всѣхъ стилей. Въ германскихъ политехникумахъ рисованію дано было обширное мѣсто, а Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ былъ созданъ именно мыслью о необходимости развитія вкуса въ средѣ англійскихъ техниковъ и мастеровъ. Улучшенія эти отчасти уже принесли замѣтные плоды. Орнаментальное искусство въ Германіи и въ особенности нѣкоторыя отрасли фабрикаціи предметовъ роскоши, игрушекъ и т. д. сдѣлали значительные успѣхи въ самое послѣднее время, а въ англійской техникѣ успѣла уже проявиться самостоятельность, оригинальность вкуса, который иногда вызываетъ подражаніе въ самой Франціи. Такъ важно усовершенствованіе вкуса особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ фабрикаціи, что для нихъ оно равнозначуще съ открытіемъ права на конкурренцію, съ освобожденіемъ данной

Digitized by Google

страны отъ дешевой непроизводительной рутины и съ открытіемъ ея промышленности болѣе обширнаго рынка. Вотъ гдѣ становится возможнымъ истинное, плодотворное „покровительство“ національной промышленности, болѣе вѣрное для усовершенствованія и развитія ея силъ, чѣмъ близорукій протекціонизмъ, который, наоборотъ, способствуетъ ея застою, давая преміи рутинѣ посредствомъ стѣсненія потребителей, принужденія ихъ покупать по высокой цѣнѣ грубыя издѣлія, которыхъ все достоинство въ томъ, что они — доморощенныя [1]). Съ этой точки зрѣнія пожертвованіе бар. Штиглица является первымъ шагомъ къ поднятію многихъ вѣтвей русскаго производства до уровня дѣйствительнаго соперничества съ чужеземной фабрикаціею. Въ рескриптѣ, котораго удостоился жертвователь, дѣйствіе его совершенно справедливо названо „подвигомъ“. На сумму, имъ пожертвованную, возможно устроить не простую рисовальную школу, — для которой, по замѣчанію одной газеты, было бы достаточно и 200-тысячъ рублей (газета выражаетъ при этомъ довольно неумѣстное сожалѣніе, что милліонъ пожертвованъ бар. Штиглицемъ на избранное имъ дѣло, а не на университетъ), — но нѣчто въ родѣ академіи прикладного, техническаго рисованія, съ музеемъ орнаментовъ и образцовъ разныхъ стилей по многоразличнымъ отраслямъ того производства, въ которомъ пластическая мысль, красота формы представляются капитальнымъ условіемъ достоинства издѣлій и расширенія ихъ сбыта. Важность дѣла, удостовѣренная Высочайшимъ рескриптомъ, послужитъ лучшей наградой жертвователю, который не могъ быть произведенъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники уже по той убѣдительной причинѣ, что давно пріобрѣлъ чинъ высшій, пройдя правильнымъ путемъ по государственной службѣ всѣ ступени бюрократической іерархіи. Сверхъ того, мы не имѣемъ такого учебнаго вѣдомства, которое признавало бы нужнымъ поощрять знаками отличій жертвователей на увеличеніе средствъ прикладного образованія въ странѣ. Повторяя превосходныя слова рескрипта, полученнаго барономъ Штиглицемъ, заключимъ пожеланіемъ, чтобы „онъ

[1]) Почтенный авторъ предъидущей статьи о „Способахъ развитія промышленности въ Россіи“ при всѣхъ усиліяхъ примирить требованія фритредеровъ и протекціонистовъ, долженъ былъ однако сознаться, что пошлина — орудіе протекціонизма — „или не достигаетъ цѣли охраненія, или чрезмѣрнымъ покровительствомъ убаюкиваетъ отечественныхъ производителей и заставляетъ покупателей платить къ-три-дорога, за всѣ товары“, прибавимъ, иногда гнилые. Наши протекціонисты воображаютъ себя патріотами, но цѣну ихъ „патріотизма“ можно понять легко, если вспомнить, что при Грозномъ и его ближайшихъ преемникахъ протекціонистами въ Россіи были англичане, требовавшіе высокихъ пошлинъ для товаровъ другихъ націй; не называть же ихъ за то русскими патріотами.

Digitized by Google

имѣлъ возможность узрѣть плоды добраго дѣла", имъ предпринятаго на пользу реальнаго образованія въ Россіи.

Вообще, неумѣстно всякое сужденіе о томъ, почему кто-либо пожертвовалъ деньги на одно полезное дѣло, а не на другое; жертвователь имѣетъ полное нравственное право желать осуществленія той или другой полезной для общества мысли, и если позволительно дѣлать замѣчанія при подобныхъ пожертвованіяхъ, то развѣ только тогда, когда они сопровождаются полученіемъ награды или достиженіемъ другой, личной выгоды, сверхъ услуги обществу. Что касается университета, то потребность въ новомъ университетѣ въ настоящее время, дѣйствительно, ощущается, а именно, возникла мысль объ учрежденіи университета въ Сибири. Хотя и сомнительно, чтобы путемъ частныхъ пожертвованій могла составиться сумма, достаточная для устройства и содержанія университета, но нѣтъ и надобности, для основанія университета, чтобы его существованіе было обезпечено исключительно частными приношеніями. Ни одинъ изъ нашихъ университетовъ не основался и не содержится на пожертвованныя частными лицами имущества и вклады, не существуетъ на собственные свои „фонды", подобно многимъ иностраннымъ университетамъ. У насъ учрежденіе университетовъ было всегда дѣломъ правительства, причемъ оно руководилось желаніемъ дать цѣлой полосѣ государства, нѣсколькимъ губерніямъ, новыя средства образованія и умственный центръ. Едвали можетъ быть сомнѣніе, что въ этихъ видахъ университетъ совершенно необходимъ для громадной азіатской полосы имперіи, для цѣлой половины государства, по пространству. Отдаленность края отъ образовательныхъ центровъ и господствующая въ его жизни глухость, слабость умственной жизни дѣлаютъ учрежденіе университета въ Сибири, наряду съ проведеніемъ сибирской дороги и прекращеніемъ заселенія этого края обыкновенными преступниками — однимъ изъ главнѣйшихъ условій для пробужденія Сибири къ участію въ современной русской жизни. Заявленная съ нѣкоторой стороны мысль, о возможности замѣнить для Сибири университетъ учрежденіемъ стипендій для сибиряковъ въ казанскомъ и другихъ университетахъ, представляется намъ совершенно несостоятельною и годною развѣ къ тому только, чтобы затормазить движеніе вопроса объ учрежденіи въ Сибири университета. Положимъ, учрежденіе стипендій въ другихъ университетахъ дало бы средство нѣсколькимъ молодымъ сибирякамъ пріобрѣсть высшее образованіе. Но это все-таки не удовлетворяло бы и первой задачѣ мѣстнаго университета — увеличить въ самомъ краѣ средства къ образованію. Молодые люди, удаленные на тысячи

Digitized by Google

верстъ отъ своихъ семействъ, проведя важнѣйшіе для развитія человѣка годы въ совершенно иной средѣ, зачастую оставались бы въ Европейской Россіи, или, принужденные обязательною службой возвращаться непремѣнно въ Сибирь, чувствовали бы себя иногда въ положеніи тѣхъ молодыхъ русскихъ, которыхъ посылали изъ московскаго государства учиться за-границу и о которыхъ говоритъ Котошихинъ.

Вообще, при обсужденіи этого вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Сибири нѣтъ класса достаточныхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ сыновья, во-первыхъ, имѣли бы средства ѣхать учиться за тысячи верстъ, а во-вторыхъ, по окончаніи курса привлекались бы назадъ, въ Сибирь, своимъ общественнымъ положеніемъ и имуществомъ. Посредствомъ учрежденія стипендій для сибиряковъ въ другихъ университетахъ можно было бы, конечно, при условіи обязательной службы въ Сибири — условіи, которое вообще не раціонально само по себѣ — доставить этому краю нѣсколько лишнихъ учителей для мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; но для дѣйствительнаго созданія въ самомъ краѣ сколько-нибудь значительныхъ образовательныхъ средствъ, необходима сравнительная близость университета, которая побуждала бы преобладающіе въ Сибири классы — торговый, промышленный и земледѣльческій—направлять своихъ сыновей къ высшему образованію. Стремленіе къ высшему образованію въ средѣ нашего купечества вовсе еще не такъ велико, чтобы купцы не обращали вниманія на такое затрудненіе, какъ нѣсколько тысячъ верстъ разстоянія отъ университетскаго города. Весьма вѣроятно, что купецъ, котораго сынъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ гимназіи въ Тобольскѣ или Томскѣ, послалъ бы его въ университетъ, если бы университетъ былъ въ Томскѣ, но не пошлетъ его въ Казань или Москву, опасаясь, что „малый“, оставаясь четыре года безъ всякаго надзора семьи и даже безъ свиданія съ ней, пропадетъ. Относительно класса мало-достаточнаго, гимназистовъ изъ крестьянскаго и чиновническаго сословій, очевидно, что эти молодые люди могли бы отправляться въ другіе университеты не иначе какъ на стипендіи. Но, вѣдь, стипендіи могли бы существовать и въ сибирскомъ университетѣ, и ими было бы удобнѣе пользоваться сибирякамъ въ Сибири, чѣмъ въ Европейской Россіи. А сверхъ того, въ сибирскій университетъ могло бы поступать много молодыхъ людей изъ недостаточнаго класса и на свой счетъ, съ нѣкоторою поддержкою отъ семьи и въ надеждѣ на уроки, что́ было бы почти немыслимо для нихъ въ одномъ изъ университетскихъ городовъ Европейской Россіи.

Итакъ, и въ видахъ доставленія обширному краю новыхъ средствъ

Digitized by Google

образованія было бы далеко не все равно, учредить ли университетъ въ Сибири, или только стипендіи для сибиряковъ въ отдаленныхъ отъ ихъ родины университетахъ. Но этимъ соображеніемъ еще не исчерпывается вопросъ. Другое весьма важное соображеніе, руководившее правительствомъ при учрежденіи существующихъ университетовъ, заключалось въ томъ, чтобы создать въ цѣлой полосѣ имперіи умственный центръ. Въ этомъ смыслѣ необходимость учрежденія университета въ Сибири очевидна. Наиболѣе образованный, сравнительно, элементъ въ Сибири доселѣ представлялся классомъ служащимъ, чиновниками, но никакъ нельзя сказать, что этотъ элементъ въ Сибири хотя бы одинаково доброкачественъ съ тѣмъ же элементомъ въ провинціяхъ Европейской Россіи. По крайней мѣрѣ циркуляры одного генералъ-губернатора за другимъ, по мѣрѣ ихъ ознакомленія съ мѣстными условіями, свидѣтельствуютъ далеко не въ пользу нравственныхъ качествъ сибирскаго чиновничества. Затѣмъ, кромѣ чиновниковъ, относительная образованность въ Сибири представляется въ видѣ исключительныхъ явленій въ средѣ промышленаго класса, и въ небольшой собственно педагогической средѣ въ городахъ, имѣющихъ гимназіи. Только университетъ можетъ создать въ Сибири туземную образованную среду. Коллегія профессоровъ, группируя вокругъ себя мѣстную интеллигенцію, служила бы при этомъ очагомъ для пробужденія умственной жизни, которая досель такъ слаба въ этомъ краѣ.

У насъ принято считать наиболѣе убѣдительными аргументами—аргументы свойства политическаго, такъ какъ мы еще не отвыкли отъ преданій того времени, когда они одни считались серьёзными въ вліятельныхъ сферахъ. И такой элементъ имѣется на лицо и въ данномъ вопросѣ. Если вѣрить единственнымъ наблюдателямъ, которые могли высказывать свою мысль безъ стѣсненія, то-есть иностранцамъ, напримѣръ англійскому путешественнику г. Эштону Дилькэ (брату извѣстнаго баронета, члену общинъ за Чельси), то населеніе Сибири замѣчательно по духовной отчужденности своей отъ Россіи. Когда г. Дилькъ говоритъ, что народъ въ Сибири относится даже недружелюбно къ „русскимъ“ вообще, о которыхъ судитъ по наѣзжимъ чиновникамъ, его отягощающимъ, и что въ будущемъ едва ли можно разсчитывать на прочную связь Сибири съ остальною Россіей, то онъ, вѣроятно, заходитъ слишкомъ далеко, а именно впадаетъ въ свойственную бѣглымъ обозрѣвателямъ погрѣшность—обобщать представившіеся имъ частные факты и преувеличивать значеніе нѣкоторыхъ рельефныхъ собственныхъ впечатлѣній. Но вполнѣ отрицать всякую долю истины въ подобныхъ замѣчаніяхъ иностранцевъ вообще и г. Дилька—посѣтившаго Сибирь всего года два-три тому

Digitized by Google

назадъ — мы не имѣемъ права. Достаточно уже, если онъ слышалъ нѣсколько разговоровъ, подавшихъ ему поводъ усомниться въ духовной связи населенія Сибири съ Европейскою Россіей. До нѣкоторой, хотя бы и слабой, степени фактъ этотъ не имѣетъ ничего невѣроятнаго. Вспомнимъ, что значительная часть населенія Сибири — инородцы, другая часть составилась изъ невольныхъ переселенцевъ, то-есть ссыльныхъ всѣхъ сословій и выселенныхъ крестьянъ. Стало быть, населеніе это уже въ самомъ своемъ корнѣ имѣло или вынесло нѣкоторое недружелюбное представленіе о Россіи. Затѣмъ, все это населеніе въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, пока оно складывалось, находилось подъ ярмомъ самаго необузданнаго произвола, безпощадной эксплуатаціи худшихъ элементовъ бюрократизма, какими снабжала Сибирь Европейская Россія. Никогда въ Россіи злоупотребленія не доходили до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какіе они принимали въ Сибири и до Сперанскаго, и послѣ Сперанскаго. Факты эти удостовѣрены оффиціальными данными. Но что̀ значитъ совокупность оффиціально-удостовѣренныхъ фактовъ съ массой, съ цѣлымъ моремъ единичныхъ злоупотребленій въ такомъ краѣ, гдѣ одинъ становой положительно царствуетъ на пространствѣ многихъ сотенъ верстъ, въ мѣстностяхъ, по которымъ, быть можетъ въ теченіи десятковъ лѣтъ, не проѣзжалъ экипажъ хотя бы ближайшаго его начальника? Легко повѣрить, что населеніе, сложившееся среди такихъ порядковъ, не могло пропитаться чувствомъ солидарности съ далекой метрополіей, которая выслала его родичей, и снабжала Сибирь такими представителями своего нравственнаго склада, какъ недобросовѣстные или хотя бы только деспотическіе чиновники. Еще если бы было достаточно школъ, въ которыхъ простой сибирякъ могъ бы почерпать умственную солидарность съ Европейской Россіею; но много ли было народныхъ школъ въ ней самой, достаточно ли ихъ и въ настоящее время; о Сибири же и говорить нечего. Между тѣмъ туземному образованному классу, который служилъ бы въ Сибири представителемъ лучшей стороны русской жизни и своей духовной солидарностью съ нею, служилъ бы нравственною связью для массы сибирскаго народа съ народомъ русскимъ, положительно нельзя возникнуть безъ созданія въ Сибири умственнаго центра—университета. Отчужденность Сибири отъ Россіи, обусловленная отдаленіемъ и приведенными выше условіями, какъ всякій нравственный фактъ, будетъ расти, если не создано будетъ условій ему противодѣйствующихъ. Въ продолженіи вѣковъ Россія основывала въ Сибири колоніи ссыльныхъ и мірки неблагонадежныхъ чиновниковъ; пора же, наконецъ, дать Сибири что-нибудь иное, основать въ ней колонію русской образованности, колонію представителей лучшихъ силъ Россіи—

Digitized by Google

университетъ. На одно сближеніе Сибири съ остальною Россіей желѣзною дорогой было бы нерацiонально разсчитывать. Нравственное сближеніе еще не всегда достигается сближеніемъ физическимъ. Приказчики, которые поѣдутъ изъ Сибири по желѣзной дорогѣ, познакомятся съ Нижнимъ и Москвой въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ сколько ихъ пріѣзжало доселѣ; но сибирскій крестьянинъ и рабочій не поѣдутъ въ Европейскую Россію, такъ какъ въ Сибири народъ дороже чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Необходимо, чтобы въ Сибири возникъ туземный образованный классъ и чтобы умственная жизнь въ этомъ краѣ получила очагъ, если мы хотимъ, чтобы „сибирская мысль“ стала солидарна съ русскою, или проще, чтобы въ Сибири развилась и получила вліяніе русская мысль. А ничего этого желѣзная дорога не сдѣлаетъ: это можетъ быть дѣломъ университета.

Что касается денежныхъ средствъ для учрежденія его, то ихъ, конечно, можно ожидать только отъ казны государства, которое прямо заинтересовано въ его учрежденіи. Давно прошло время, когда одно частное лицо могло основывать цѣлый университетъ, какъ, напр., Замойскій въ Польшѣ. Университетъ нынѣ требуетъ такихъ средствъ, которыя въ Россіи не могутъ быть собраны и нѣсколькими частными лицами. На одно содержаніе университетовъ, въ среднемъ размѣрѣ, издерживается около 300 тысячъ рублей въ годъ. Понятно, что только государство можетъ обезпечить существованіе университета, принявъ его расходы на счетъ бюджета. Правда, это не исключаетъ, однако, возможности со стороны сибирскаго общества матеріальнаго содѣйствія къ основанію университета. Въ краѣ, который издавна слыветъ „золотымъ дномъ“, есть весьма богатые люди. Собраніе нѣкоторыхъ такихъ частныхъ приношеній, на которыя можно было бы, напримѣръ, пріобрѣсть или построить зданіе для университета, вовсе не выходило бы изъ предѣловъ возможнаго для богатыхъ сибиряковъ. Но въ нравственномъ мірѣ не всегда оправдывается мнѣніе, будто „лекарство всегда близко тамъ, гдѣ есть зло“. Именно нынѣшнее умственное состояніе Сибири, которому основаніе университета было бы нужно какъ лекарство, само не позволяетъ надѣяться на возможность успѣха подобной общественной иниціативы. Свѣдѣнія объ отношеніи сибирскаго общества къ существующимъ въ Сибири гимназіямъ и другимъ школамъ не даютъ повода ожидать значительнаго усилія на пользу университета.

Ровно годъ тому назадъ мы имѣли случай разсматривать вопросъ о законодательномъ опредѣленіи условій личнаго найма и въ особенности объ установленіи обязательности рабочихъ книжекъ, по поводу проекта коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-

Digitized by Google

секретаря Валуева. Въ прошломъ мѣсяцѣ, вопросъ этотъ долженъ былъ разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ. Намъ неизвѣстно, рѣшенъ ли вопросъ окончательно въ настоящее время, но мы считаемъ невозможнымъ оставить безъ возраженій взглядъ, который былъ высказанъ по этому предмету „Московскими Вѣдомостями“ въ тотъ самый день, когда должно было начаться разсмотрѣніе вопроса въ государственномъ совѣтѣ. Московская газета съ нѣкотораго времени не умѣетъ говорить о печати иначе, какъ тономъ какого-то штыкъ-юнкерскаго нахальства; она видимо уже не считаетъ себя самоё болѣе въ составѣ русской печати, иначе. выходки ея были бы самозаушеніемъ. Такъ, въ статьѣ, о которой мы говоримъ, упомянувъ, что „не мало замѣчалось стараній запутать и затемнить дѣло (т.-е. вопросъ объ условіяхъ личнаго найма)“, и что „на этомъ поприщѣ не мало потрудилась нѣкоторая часть нашей печати“, писатель „Московскихъ Вѣдомостей“, съ ловкостью почти военнаго человѣка, прибавляетъ: „на ея (печати) разглагольствія не стóило бы обращать вниманія, еслибы они не находили отголоска между прочимъ въ мнѣніяхъ, выраженныхъ нѣкоторыми членами коммиссій“; далѣе слѣдуетъ изъясненіе, что „элукубраціи нашихъ досужихъ [1]) публицистовъ нерѣдко находили отголосокъ между иными (?) сановными лицами, которымъ страхъ какъ хочется казаться либералами“. Итакъ, вотъ что побуждаетъ московскую газету говорить: если бы она не боялась совращенія сановниковъ съ пути истины, то, по ея мнѣнію, не стоило бы обращать вниманія на „разглагольствія“ печати. Для себя во всякомъ случаѣ московская газета разсчитываетъ на полное вниманіе и даже на вліяніе, иначе не выступала бы она со статьею о вопросѣ нарочно въ тотъ самый день, когда вопросъ этотъ долженъ обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ. Итакъ, „Московскія Вѣдомости“ сами выдѣляютъ себя изъ состава русской печати; ея „разглагольствія“ сами по себѣ не стоютъ вниманія, хотя „элукубраціи досужихъ публицистовъ“ и могутъ сбивать съ толку нѣкоторыхъ сановниковъ. Другое дѣло „сужденіе“ „Московскихъ Вѣдомостей“ и палинодіи ихъ недосужихъ публицистовъ. Это—бумаги къ свѣдѣнію и разсмотрѣнію, подлежащія подшивкѣ къ дѣлопроизводству. Не похожа ли эта спѣсь на чванство того, кто, выйдя изъ передней, въ которой ему бросили подачку, гордится тѣмъ, что галоши его стояли въ присутственномъ мѣстѣ?

---

[1]) Что значитъ названіе „досужихъ публицистовъ“ въ устахъ „Моск. Вѣдомостей“, которымъ, какъ извѣстно, deus *otia* fecit въ видѣ значительной субсидіи? Означаетъ ли это тѣхъ публицистовъ, которые не состоятъ ни служащими, ни вольнонаемными при какомъ-либо министерствѣ?

Digitized by Google

Но обратимся къ существу полюбовнаго, разсчитывающаго на вниманіе всѣхъ присутствій, сужденія „Московскихъ Вѣдомостей" по вопросу объ условіяхъ личнаго найма. На этотъ разъ, недосугій публицистъ ихъ, вѣроятно за недосугомъ, не составилъ себѣ собственнаго сужденія объ этомъ вопросѣ, но заимствуетъ его исключительно у г. Фета. Обстоятельная статья г. Фета по этому вопросу обѣщается въ книжкѣ „Русскаго Вѣстника", но, „въ виду живого интереса предмета", подносятся въ газетѣ выдержки изъ нея, ко дню перваго обсужденія въ государственномъ совѣтѣ, слѣдуя правилу, на которое ссылался одесскій раввинъ Швабахеръ (см. Библіогр. Лист. январьской книги „Вѣстника Европы"): „слово во-время, какъ хорошо оно!" На этотъ разъ, однако, слово хотя и во-время, но едва ли можетъ подѣйствовать на кого-либо, кромѣ тѣхъ, кто a priori усвоилъ себѣ въ народныхъ вопросахъ особую, „фетовскую" точку зрѣнія. Извѣстно, что г-на Фета, „практическаго хозяина и мирового судью", возмущаетъ въ русскомъ рабочемъ человѣкѣ не безысходная его бѣдность, но „отсутствіе личнаго достоинства"; крестьянину онъ не могъ простить, что тотъ „валялся у него въ ногахъ". Конечно, если принять въ сужденіи о вопросахъ народнаго быта точку зрѣнія „потравы крестьянскими гусями" хозяйскаго и судейскаго поля, то и такомъ случаѣ всѣ новѣйшія разсужденія г. Фета, приведенныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", окажутся вполнѣ логичными,—но не иначе! Такъ, г. Фетъ ратуетъ за обязательность рабочихъ книжекъ исключительно съ точки зрѣнія подрядчика, нанимающаго рабочихъ партіями. „Отчего,—спрашиваетъ г. Фетъ,—мировой судья, продавшій свой трудъ въ извѣстной мѣстности и уѣхавшій изъ оной безъ законнаго отпуска, быть можетъ по самымъ уважительнымъ причинамъ (которыхъ у простого рабочаго, замѣтимъ мы, конечно, никогда быть не можетъ), долженъ, сверхъ вычета жалованья, подлежать и уголовной отвѣтственности, а батракъ или кучеръ имѣетъ право бѣжать со своего поста безнаказанно во всякое время?" Оттого, легко отвѣтимъ мы на этотъ головоломный вопросъ, что вы имѣете право прогнать батрака или кучера во всякое время, а васъ, мирового судью, не можетъ уволить не только избравшее васъ и платящее вамъ общество, но даже и сенатъ, иначе какъ по суду, за вами доказанную вину. Хорошо сравненіе! Батракъ, презираемый самимъ г. Фетомъ, за готовность „валяться въ ногахъ", этотъ батракъ, котораго подрядчики большихъ партій морятъ иногда по недѣлямъ на морозѣ, безъ хлѣба, безъ разсчета, безъ прикрытія, и который иногда бѣжитъ съ работы, чтобы буквально не умереть съ голоду, не долженъ имѣть и въ этомъ случаѣ той уважительной причины, какую можетъ имѣть мировой судья, чтобы „уѣхать"; этотъ батракъ сравнивается, съ

Digitized by Google

кѣмъ-же? — съ судьей! Вотъ образчикъ „практической“ сообразительности г. Фета.

Всѣ его разсужденія приводятся исключительно къ интересамъ одной стороны — нанимателей. „Вы, съ осени или весны,—говоритъ онъ,—подрядили партію рабочихъ, выдавъ имъ значительный задатокъ; партія на вашъ счетъ прибыла по желѣзной дорогѣ во время уборки; проработала день, и, видя, что хлѣбъ сыплется, ложится на межу, требуетъ двойной или тройной платы и угрожаетъ при отказѣ уходомъ... Не давайте задатковъ и не запасайтесь впередъ рабочими руками, говорятъ иные мудрецы. Не запасайтесь провіантомъ, пускаясь въ кругосвѣтное плаваніе, скажемъ мы въ свою очередь,—говоритъ тотъ же г. Фетъ,—морякамъ, жалующимся на мошенничество подрядчиковъ“. Вотъ самая удачная изъ всѣхъ формъ, въ которыя онъ облекаетъ все одинъ и тотъ же односторонній аргументъ „необезпеченность нанимателя“. На это можно возразить, что наемъ рабочихъ вдали, за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, на сроки, для работы спѣшной, не терпящей отлагательства, по самой своей сущности включаетъ въ себѣ долю риска, и полнаго обезпеченія тутъ и быть не можетъ. Но развѣ при подобныхъ соглашеніяхъ рискуетъ одинъ наниматель, и развѣ онъ именно и рискуетъ наиболѣе? Въ pendant къ картинѣ, начертанной г. Фетомъ, мы начертимъ другую, которую можно наблюдать въ русской дѣйствительности едва ли не чаще, чѣмъ первую. Въ мѣстности, не имѣвшей особеннаго урожая— а такія мѣстности составляютъ нынѣ, быть можетъ, половину Россіи, — въ глухое время передъ весною, когда не только приходится продавать послѣдній скотъ, но скоро и ѣсть будетъ нечего, является подрядчикъ и за *незначительный*, иногда ничтожный, задатокъ нанимаетъ людей въ далекое мѣсто на земляную работу, положимъ, при желѣзной дорогѣ. Рабочій въ то время согласенъ почти на всякія условія, и партія рабочихъ обязуется придти къ сроку *на свой счетъ* на мѣсто работъ. Работа исполняется, но не исполняются подрядчикомъ условія ея; рабочихъ онъ не кормитъ или кормитъ недостаточно, для ночлега у нихъ нѣтъ помѣщенія; рабочій выноситъ и голодъ, и холодъ, а быть можетъ и тифъ (не рѣдки такіе случаи), по винѣ нанимателя, претерпѣваетъ все въ надеждѣ на разсчетъ. Наконецъ, работа исполнена, но разсчетъ затягивается. Вы дали рабочему задатокъ прежде его работы, и вы рисуете задаткомъ—это правда; но онъ вамъ даетъ всю свою работу, все свое рабочее время прежде, чѣмъ вы съ нимъ сдѣлаете разсчетъ; въ это время рискъ уже положительно на сторонѣ рабочаго. Мало ли примѣровъ, что, по окончаніи работы, рабочіе сидятъ на мѣстѣ въ ожиданіи разсчета, издерживаютъ послѣднія крохи—и разсчета не видятъ; наконецъ, остав-

Digitized by Google

ляютъ ходаковъ, а сами бредутъ домой, опять на свой счетъ, потерявъ единственный свой капиталъ — время. Г. Фетъ разсуждаетъ такъ, что деньги за нанимателемъ никогда пропасть не могутъ, потому что у него есть съ чего взять, но наниматель не обезпеченъ, потому что съ рабочаго взять нечего, и вотъ почему ему желательно и обязательности рабочихъ книжекъ, и уголовной по нимъ отвѣтственности. Но онъ не хочетъ принять во вниманіе, легко ли рабочему взыскивать съ нанимателя, и сколько времени при этомъ рабочій теряетъ, и сколькимъ подвергается лишеніямъ. Что сказалъ бы г. Фетъ, еслибы онъ былъ въ такомъ положеніи, что ему пришлось бы весь свой годовой оборотъ, всѣ свои годовыя выгоды употребить на розысканіе бѣжавшихъ рабочихъ и на веденіе противъ нихъ дѣла судебнымъ порядкомъ? Вѣроятно, онъ сказалъ бы: нѣтъ, нынѣ мое положеніе лучше; я рискую только задаткомъ и нѣкоторой остановкой въ работѣ; но ни мои труды, ни мой годичный оборотъ все-таки не пропадутъ. А рабочій, въ случаѣ недобросовѣстности нанимателя, рискуетъ именно тѣмъ, чѣмъ не желалъ бы рисковать г. Фетъ: онъ не только можетъ натерпѣться горя, лично неизвѣстнаго мировому судьѣ, но еще и лишиться именно всего своего годового оборота, всѣхъ своихъ трудовъ въ рабочую пору, да еще издержаться вдесятеро противъ полученнаго задатка. Нѣтъ, наниматель и рабочій у насъ вовсе еще не находятся въ такомъ положеніи другъ относительно друга, чтобы необходимѣе всего было обезпечить только нанимателя: обсчитыванье рабочихъ и лишеніе ихъ первыхъ условій къ сохраненію здоровья нанимателями—фактъ, болѣе рѣзко бросающійся въ глаза, чѣмъ самая неисправность рабочихъ, и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы рабочіе не были совершенно отданы въ руки подрядчиковъ установленіемъ обязательности рабочихъ книжекъ. Мы говоримъ такъ въ справедливой увѣренности, что правительству одинаково дороги интересы какъ нанимателей, такъ и рабочихъ.

Во второй день новаго года скончался въ Петербургѣ графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ дѣятелей оставшихся изъ эпохи прошлаго царствованія. Въ долговременной служебной карьерѣ его было не мало перемѣнъ. Первоначально она открывала ему виды на достиженіе, еще при предшествующемъ царствованіи, высшихъ государственныхъ должностей, но одно время она пріостановилась, и графъ Корфъ, случайно сдѣлавшись директоромъ петербургской Публичной библіотеки, долгое время оставался на этомъ, сравнительно съ прежними видами, скромномъ постѣ. Полный энергіи и замѣчательно образованный человѣкъ, онъ всей душой

Digitized by Google

предался дѣлу устройства библіотеки и, какъ у насъ иногда встрѣчается, дѣятель, случайно попавшій въ извѣстную сферу, оказался какъ-бы рожденнымъ для этой именно сферы дѣятельности, къ которой сперва ни онъ, ни другіе не предназначали его. Библіотека сдѣлалась не только предметомъ занятій покойнаго, но любимой его мыслью. Онъ сдѣлалъ для нея все, что могъ сдѣлать человѣкъ трудившійся не по обязанности только, но по призванію, по страсти. Наиболѣе виднымъ результатомъ его заботъ было собраніе, приведеніе въ порядокъ и умноженіе коллекціи Rossica, то-есть произведеній иностранныхъ писателей о Россіи. Эта отрасль литературы для нашей исторіи гораздо важнѣе, чѣмъ для всякой иной, вслѣдствіе историческихъ же причинъ. И послѣ оставленія должности директора библіотеки, графъ Корфъ всегда принималъ живое участіе въ устройствѣ ея, и еще недавно при его же содѣйствіи окончѣнъ былъ подробный каталогъ этого отдѣленія.

Впослѣдствіи для покойнаго вновь открылось то поприще высшей государственной дѣятельности, которое онъ имѣлъ въ виду сначала, отъ котораго сперва его отклонили обстоятельства, и отъ котораго онъ едва-было не отклонился вновь въ шестидесятыхъ годахъ составленіемъ извѣстнаго проекта о выдѣленіи цензуры въ особое вѣдомство, котораго глава долженъ былъ имѣть аттрибуцію почти министра. Правда, основнымъ побужденіемъ къ составленію этого проекта была именно жажда государственной дѣятельности; но еслибы проектъ осуществился, едвали графъ Корфъ занялъ бы впослѣдствіи гораздо болѣе важные посты главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта. Между тѣмъ, въ этихъ должностяхъ онъ оказалъ важныя заслуги въ осуществленіи судебной реформы. Но, кромѣ постоянныхъ должностей, какія покойному случалось занимать въ разное время его жизни, графъ Корфъ бывалъ членомъ и предсѣдателемъ многоразличныхъ коммиссій и комитетовъ, причемъ, какъ человѣкъ съ репутаціею большого ума и образованія, назначался къ составленію тѣхъ проектовъ и разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ преимущественно по народному образованію и положенію о печати, которымъ придавался политическій оттѣнокъ. Дѣятельность графа Корфа въ этомъ отношеніи не можетъ быть оцѣнена нынѣ, да и будущимъ историкамъ нашей умственной жизни, также какъ и критикамъ его литературныхъ трудовъ, посвященныхъ началу царствованія императора Николая и жизнеописанію Сперанскаго, придется включить въ свою оцѣнку разныя, если не облегчающія, то объясняющія обстоятельства времени. Въ недавнее время умному и образованному человѣку, поставленному въ условія графа Корфа, приходилось по необходи-

Digitized by Google

мости вступать въ разные компромиссы, даже съ уступками насчетъ именно двухъ названныхъ личныхъ качествъ. Но когда къ уму и образованности присоединяется неудержимая энергія и жажда создать что-либо по своей мысли, заявить себя и поддержать репутацію своего ума, то на ложной дорогѣ трудно остаться только пассивнымъ дѣятелемъ, не сдѣлать нѣкоторыхъ собственныхъ усилій еще далѣе положительной необходимости, хотя бы направленіе такихъ усилій и противорѣчило вполнѣ высокому умственному развитію и истинному личному сознанію дѣятеля.

Графъ М. А. Корфъ былъ именно высоко-развитый человѣкъ, по внѣшнимъ пріемамъ—одинъ изъ совершенно-европейскихъ типовъ въ ряду нашихъ дѣятелей. Его близко и искренно интересовали всякій умственный фактъ, всякое явленіе, въ которомъ была мысль. Такимъ людямъ уже въ нашу эпоху стало нѣсколько легче, чѣмъ было прежде—приносить только пользу; настанетъ время, когда отличный умъ и образованность будутъ даже налагать лишнія обязанности, усиливать отвѣтственность человѣка, а не служить, какъ прежде, извиненіемъ для нѣкоторыхъ, порою невольныхъ уклоненій.

Мы надѣемся, что никто не перетолкуетъ нашихъ послѣднихъ словъ о покойномъ Корфѣ произвольно, какъ на-дняхъ вздумалось „Московскимъ Вѣдомостямъ“ объяснить некрологъ Леонтьева, бывшаго профессора, прочтенный 12-го января на университетскомъ актѣ въ Москвѣ; эта газета устроила по этому поводу мистификацію, напечатавъ у себя этотъ некрологъ подъ пышнымъ заглавіемъ: „Отзывъ *московскаго университета* о покойномъ П. М. Леонтьевѣ“. Зачѣмъ имъ понадобилась такая передержка и подтасовка? Отчего газета не назвала вещь ея именемъ? Это вѣдь былъ *отзывъ проф. Иванова*, состоящаго преподавателемъ въ Катковскомъ лицеѣ, а вовсе не московскаго университета. Не было ли бы, потому, правильнѣе назвать слова профессора Иванова отзывомъ Катковскаго лицея о Леонтьевѣ? Отчего же въ такомъ случаѣ не назвать было отзывомъ московскаго университета о Леонтьевѣ и то надгробное слово, которое было произнесено на похоронахъ того же Леонтьева въ университетской церкви, когда покойный былъ сравненъ съ Моисеемъ; или, почему же послѣ этого не назвать извѣстную рѣчь „чиновника министерства народнаго просвѣщенія“ Георгіевскаго, сказанную при томъ же случаѣ, мнѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія [1])? Отвѣтъ на все это, конечно, очень простой:

[1]) На-дняхъ г. Георгіевскій энергически протестовалъ по этому поводу противъ сдѣланнаго заявленія въ этомъ смыслѣ со стороны „Голоса“; но его энергія не равняется ясности аргументаціи, а потому кажется, что вся полемика возбуждена для того, чтобы имѣть случай подписаться подъ статьей такъ: „Предсѣдатель ученаго

Digitized by Google

„Московскія Вѣдомости", навязавъ мнѣніе г. Иванова, служащаго въ ихъ вѣдомствѣ, московскому университету, желали тѣмъ уравновѣсить по возможности воспоминаніе о томъ, что этотъ же самый университетъ забаллотировалъ Леонтьева. Можно вполнѣ понимать и цѣнить деликатность, съ которою совѣтъ университета послѣдовалъ правилу древности: de mortuis aut nihil, aut bene; но устраивать изъ этого ловушку—могли только „Московскія Вѣдомости". Въ эту ловушку попали, впрочемъ, онѣ сами: какого мнѣнія московскій университетъ о Леонтьевѣ — видно изъ того, что совѣтъ, не желая воевать съ мертвыми, предоставилъ составленіе некролога лицу, служащему въ Катковскомъ лицеѣ; значитъ, безъ опасенія нарушить правило древнихъ, нельзя было поручить такой работы никому изъ несостоящихъ въ вѣдомствѣ г. Каткова. Вотъ, на это-то обстоятельство и могли бы указать „Московскія Вѣдомости", и могли бы указать съ признательностью, а онѣ, по свойственной имъ привычкѣ, вообразили себѣ, что имъ удалось поймать университетъ, а кто тамъ послѣ станетъ разбирать, что мнѣніе проф. Иванова,—онъ же и учитель въ Катковскомъ лицеѣ—названо мнѣніемъ университета. Конечно, совѣтъ московскаго университета увидитъ теперь, что не со всѣми можно быть деликатнымъ, и что есть случаи, когда деликатность можетъ легко сдѣлать васъ жертвою какой-нибудь безцеремонной выходки.

комитета и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія". Не понимаемъ, какъ можетъ все это усиливать аргументацію: сколько припоминимъ, и г. Б. Маркевичъ въ своей довольно частой полемикѣ никогда не напоминалъ, что онъ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е февраля, 1876.

Европа и Герцеговинскій вопросъ.

Болѣе полугода держится въ Герцеговинѣ возстаніе, и если судить по извѣстіямъ, какія сообщаются обѣими сторонами съ поля военныхъ дѣйствій, то пришлось бы отнесть эту борьбу къ войнамъ, ознаменованнымъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ. Но побѣду каждая сторона приписываетъ себѣ, а между тѣмъ никакого реальнаго успѣха не оказывается: ни въ распространеніи возстанія, ни въ подавленіи его. Между тѣмъ, европейская дипломатія открыла свои дѣйствія по этому вопросу еще съ лѣта, и уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дѣло направлено было къ тому, чтобы австро-венгерское правительство составило проектъ уступокъ со стороны Порты герцеговинцамъ и боснякамъ, въ соглашеніи съ нашимъ правительствомъ, съ тѣмъ, что германское правительство поддержитъ этотъ проектъ, который затѣмъ долженъ былъ быть сообщенъ западнымъ державамъ и Италіи, и сообща представленъ Портѣ при тождественныхъ заявленіяхъ всѣхъ великихъ державъ, сперва въ дружеской или полуоффиціальной формѣ, а потомъ и въ видѣ оффиціальнаго, въ случаѣ нужды даже обязательнаго общаго настоянія.

Таково было предположеніе. Серьёзныхъ поводовъ сомнѣваться въ его осуществимости вовсе не было. Скажемъ болѣе: нельзя было предвидѣть и особыхъ затрудненій, развѣ только нежеланіе Англіи присоединиться къ совмѣстному дѣйствію державъ. Союзъ трехъ имперій—фактъ преобладающій въ политическомъ мірѣ Европы. Франція и Италія не могли противиться требованію уступокъ отъ султана; въ самой Англіи общественное мнѣніе высказывалось въ пользу дарованія Герцеговинѣ и части Босніи нѣкоторой самостоятельности; эту мысль даже раньше всѣхъ въ печати высказалъ и постоянно поддерживалъ „Times“. Никогда, повидимому, не представлялось столькихъ залоговъ скораго соглашенія, никогда, со времени самыхъ крестовыхъ походовъ, не собиралась столь огромная сила, сила почти всей Европы, на рѣшеніе задачи, повидимому, легкой, на истребованіе нѣкоторыхъ обязательствъ у государства столь слабаго, какъ Турція.

Между тѣмъ, что же мы видимъ—мѣсяцъ проходитъ за мѣсяцемъ, возстаніе все въ томъ же положеніи, и проектъ, наконецъ, послѣ долговременныхъ приготовленій, выпущенный графомъ Андраши, еще только-

Digitized by Google

что оффиціально сообщенъ турецкому правительству. Международныя соглашенія по этому предмету напоминаютъ ходъ работъ нашей податной комиссіи: важнѣйшія дѣла, какъ освобожденіе крестьянъ, земская и судебная реформы, были выработаны и осуществлены скорѣе, чѣмъ преобразованіе хотя бы только подушной подати. Такъ и тамъ; въ теченіи времени, истекшаго съ того момента, когда европейская дипломатія принялась за герцеговинскій вопросъ, могла бы быть начата и окончена не только прусско-австрійская война 1866 года, но и франко-германская 1870—71 годовъ. Нѣмцы почти въ такой періодъ времени уничтожили вторую имперію и взяли Парижъ.

Самая медленность свидѣтельствуетъ, что дѣло вовсе не оказалось такъ просто, какъ можно было думать на основаніи основного и такъ сказать „валового" факта, что въ дѣлахъ Европы преобладаетъ въ настоящее время соглашеніе трехъ имперій, недавно получившее формальное названіе союза. Въ истинности этого союза нѣтъ возможности сомнѣваться; не только дружественныя въ настоящее время отношенія династій представляютъ общеизвѣстный фактъ, но несомнѣнно и то, что ни правительства, ни народы Германіи, Россіи и Австро-Венгріи въ настоящее время не замышляютъ ничего другъ противъ друга. Союзъ, стало быть, не подлежитъ сомнѣнію. Но, говоря вообще, союзъ, какъ и всякій политическій факторъ, можетъ представляться въ двухъ функціяхъ, или видахъ и отправленіяхъ: дѣйствующей, активной, или нейтральной. Въ первомъ смыслѣ, легко угадать опредѣленныя черты, какія могъ бы получить этотъ союзъ, еслибы представились особыя обстоятельства, въ виду которыхъ черты эти могли бы выступить наружу. Если бы спокойствію Европы, по единогласному мнѣнію всѣхъ трехъ правительствъ, могла угрожать опасность отъ революціонной Франціи, то союзъ безспорно сталъ бы на стражу и спокойствія, и консервативныхъ интересовъ. Но никакой подобной опасности не предвидится, и значеніе союза остается потому нейтральнымъ. Единственныя два государства, которыя при нынѣшнемъ положеніи Европы могли бы рѣшиться на самостоятельныя предпріятія—Германія и Россія. Такъ какъ въ дѣйствительности никакой опасности со стороны Франціи не предвидится, то у этихъ государствъ нѣтъ общихъ цѣлей, а спеціальные ихъ интересы слишкомъ различны. И вотъ, союзъ, въ глазахъ Европы, сводится на то, чтобы ничего не предпринимать другъ безъ друга, чтобы ни одно изъ нихъ никакого серьёзнаго шага не могло сдѣлать. По отношенію къ Франціи союзъ служитъ залогомъ мира, въ томъ смыслѣ, что Германія не можетъ сдѣлать нападенія на Францію; по отношенію къ восточному вопросу, союзъ служитъ опять залогомъ, что Россія не выступитъ отдѣльно на защиту славянскихъ народностей. Однимъ сло-

Digitized by Google

вомъ, союзъ въ дѣйствительности представляется пока взаимною нейтрализаціею единственныхъ двухъ государствъ, которыя могли бы предпринять что-либо серьёзное, и въ этомъ смыслѣ конечно служитъ гарантіею мира.

Правда, Германія далеко не такъ близко заинтересована въ восточномъ вопросѣ, какъ Россія; Германія могла бы сдѣлать, безъ ущерба своимъ видамъ, значительныя уступки въ этомъ вопросѣ своей союзницѣ. Но Германія сдѣлала бы эти уступки не даромъ. А между тѣмъ цѣна, какую Россіи пришлось бы заплатить за нихъ, быть можетъ, оказалась бы для интересовъ Россіи слишкомъ дорогою. Допустимъ для примѣра—хотя ничего подобнаго не предполагается,—что Германія могла бы даже согласиться на раздробленіе оттоманской имперіи; но Россія не могла бы, безъ явнаго ущерба себѣ, согласиться на раздробленіе Франціи или хотя бы на окончательное обезсиленіе Франціи. Восточный вопросъ для германской политики можетъ служить только средствомъ, а не цѣлью. Но всѣмъ памятны обстоятельства, бывшія прошлой весною, и показавшія, что нѣтъ уступокъ, посредствомъ которыхъ Германія могла бы заручиться одобреніемъ Россіи для новой войны съ Франціею. Если же восточный вопросъ не можетъ служить германской политикѣ средствомъ къ достиженію ея цѣлей на Западѣ, въ такомъ случаѣ понятно, что политика эта предпочитаетъ поддерживать въ немъ интересы Австріи, чѣмъ интересы Россіи. Поддерживать интересы Россіи безъ всякой пользы для себя германская политика, естественно, не желаетъ. Поддерживая интересы Австріи, она все-таки можетъ обѣщать себѣ какія-нибудь выгоды, хотя не первостепеннаго свойства; пока Австрія сохраняетъ нѣмецко-мадьярскій характеръ, она является на юго-востокѣ представительницею германизма; посредствомъ Австріи нѣмецкая колонизація и германская торговля распространяются на славянскія области. Но если бы Австрія могла сдѣлать и политическіе успѣхи въ районѣ задунайскаго славянства, еслибы она могла сдѣлать тамъ территоріальныя пріобрѣтенія, то и это не противорѣчило бы интересамъ германскаго правительства. Напротивъ, чѣмъ болѣе Австрія расширилась и углубилась бы на юго-востокъ, чѣмъ болѣе славянскій характеръ приняла бы нынѣшняя австро-венгерская монархія, тѣмъ легче нѣмецкія области Австріи стали бы тяготѣть къ германскому единству. Изгнаніе Австріи изъ Германіи было завѣтной мыслью князя Бисмарка съ того времени, когда онъ, числясь поручикомъ въ ландверѣ, состоялъ прусскимъ уполномоченнымъ въ Франкфуртѣ. Мысль эту онъ первый заявилъ и онъ же осуществилъ вполнѣ,—это было блестящимъ его дѣломъ. Но если бы затѣмъ оказалось возможнымъ „отодвинуть“ Австрію еще немного подальше отъ германства,

Digitized by Google

такъ чтобы нѣкоторыя германскія части самой Австріи оказались внутри новой межи,— то это было бы дополненіемъ того же дѣла. Кн. Бисмаркъ не мечтатель; разумѣется, онъ не разсчитываетъ сдѣлать это въ близкомъ времени, и едва ли надѣется дожить до наступленія поры, когда нѣчто подобное созрѣетъ. Но это не помѣшаетъ ему дѣйствовать въ опредѣленномъ смыслѣ въ виду будущности. Повторяемъ, что все это интересы или второстепенные, или весьма отдаленные, и нѣтъ сомнѣнія, что кн. Бисмаркъ охотно пренебрегъ бы ими въ угоду Россіи, если бы могъ такимъ путемъ добиться завершенія какого-нибудь болѣе существеннаго изъ другихъ своихъ видовъ; но, не видя къ тому возможности, онъ, разумѣется, предпочитаетъ дѣйствовать за-одно съ Австріей въ видахъ интересовъ второстепенныхъ или отдаленныхъ, чѣмъ помогать Россіи даромъ, съ единственной перспективой усилить вліяніе и безъ того могущественной союзницы Германіи.

Такимъ образомъ объясняется, почему преобладающій въ Европѣ фактъ—союзъ трехъ имперій—оказывается доселѣ какъ-бы неспособнымъ произвесть какую-либо скорую перемѣну на пользу возставшихъ славянскихъ областей Турціи, несмотря на всесиліе свое въ сравненіи съ этимъ государствомъ. Доказательствомъ, что таково было по крайней мѣрѣ убѣжденіе Порты, служила попытка ея отклонить всякое вмѣшательство европейской дипломатіи и сдѣлать излишнимъ, какъ-бы лишеннымъ повода, самое составленіе проекта Андраши—посредствомъ добровольнаго провозглашенія „новыхъ гарантій“ для христіанскихъ подданныхъ Турціи, султанскимъ фирманомъ 30 ноября (12 декабря). Турецкое правительство не могло бы имѣть этой надежды, если бы извѣстныя ему затрудненія, встрѣтившіяся въ переговорахъ между державами, не дали ему такой надежды, и завися-вшая отъ затрудненій медленность не дала ему времени выступить съ такимъ актомъ и разсчитывать на возможность сдѣлать какія-либо приготовленія къ приведенію его въ дѣйствіе ранѣе, чѣмъ могъ созрѣть плодъ совокупной дипломатической дѣятельности — проектъ Андраши. Едва ли даже турецкое правительство, столь безсильное передъ державами, съ одною тѣнью самостоятельности, которая проявляется именно только въ силу взаимной борьбы европейскихъ вліяній, осмѣлилось бы предпринять подобный шагъ, еслибы оно знало, что державы или хотя бы только три имперіи искренно рѣшились потребовать отъ Турціи международныхъ гарантій. Появленіе фирмана 12-го декабря служило признакомъ, что, по убѣжденію турецкаго правительства, такой рѣшимости въ трехъ союзныхъ кабинетахъ не было; Турція думаетъ, что проекты гарантій составлялись въ Вѣнѣ только для виду, и что если бы только дать поводъ одному, а мо-

Digitized by Google

жетъ быть и двумъ соперникамъ, счесть вмѣшательство ненужнымъ, то это бы и произошло.

Турецкое правительство въ этомъ ошиблось; приступивъ къ дѣлу, три кабинета не могли отказаться отъ него при первомъ, вдобавокъ весьма несерьёзномъ поводѣ, не обнаруживъ тѣмъ формально передъ Европою отсутствіе взаимнаго согласія. Но появленіе фирмана все-таки служило вторымъ признакомъ того факта, который уже свидѣтельствовался самой медленностью хода соглашенія. Наконецъ, былъ и третій признакъ. Въ теченіи долгаго времени переговоровъ, та нѣмецкая печать, которая вполнѣ зависитъ отъ внушеній князя Бисмарка или только отчасти ими пользуется, успѣла дважды отнестись не совсѣмъ деликатно къ лицамъ, близкимъ къ обоимъ союзнымъ съ Германіей правительствамъ. Первый разъ это случилось, когда оффиціозная „Провинціальная Корреспонденція“ выступила съ гнѣвнымъ обличеніемъ противъ Шмерлинга, бывшаго главою одного изъ австрійскихъ кабинетовъ, автора такъ-называемаго „февральскаго патента“ 1861 и представителя по настоящее время одного изъ теченій, существующихъ въ преобладающихъ въ Австріи сферахъ. Оффиціозная газета въ статьѣ, которая въ Берлинѣ всѣми была признана за министерскую, назвала Шмерлинга „старымъ врагомъ Пруссіи“, и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ объяснила, что Австріи необходимо нынѣшнее министерство съ Андраши во главѣ, благопріятное Пруссіи, и что для Австріи было бы опасно, если-бы такіе люди, какъ Шмерлингъ, Тунъ и Гельфертъ, приняли въ свои руки управленіе ея дѣлами. Нападеніе это, имѣвшее видъ вмѣшательства Бисмарка во внутреннія дѣла Австріи, было столь рѣзко, что даже нѣкоторыя національно-либеральныя газеты въ Берлинѣ сперва осудили эту выходку, приписавъ ее одной изъ тѣхъ вспышекъ гнѣва, которыхъ вліянію иногда уступаетъ германскій канцлеръ. Но впослѣдствіи „Національная“ и „Кёльнская Газета“ стали оправдывать оффиціозную выходку, согласились, что заявленіе это имѣло „дружественный“ Австріи характеръ, такъ какъ оно было направлено въ пользу существующаго въ Австріи въ настоящее время кабинета и что оно было не вспышкой гнѣва, но продуктомъ правильнаго разсчета. „Кёльнская Газета“ вошла при этомъ въ нѣкоторыя подробности и объяснила, какую практическую пользу имѣлъ въ виду князь Бисмаркъ, когда „нанесъ ударъ палицей въ среду австрійскихъ интригановъ“. Дѣло въ томъ, что по словамъ „Кёльнской Газеты“, хотя императоръ Францъ-Іосифъ—человѣкъ съ сознаніемъ или умудренный опытомъ (Kenntnissreicher) и заслуживающій уваженія, но „рѣшенія его не могутъ быть предвидѣны (nicht berechnet werden können)“. Въ концѣ прошлаго года, по объясненію „Кёльнской Га-

Digitized by Google

зеты" „въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣлались попытки выбить изъ сѣдла министерство Андраши, а австрійское министерство никогда крѣпко въ сѣдлѣ не сидитъ". Вотъ почему, объяснила газета, „не по непріязненности, но изъ дружбы къ Австріи и для сохраненія союза трехъ императоровъ", былъ нанесенъ этотъ ударъ (Keulenschlag). Хорошо, однако, дружественное заявленіе, которое въ австрійской печати вызвало взрывъ настоящаго негодованія, причемъ печать, конечно, отразила не одно впечатлѣніе редакцій.

Россія не въ такомъ положеніи, чтобы для нея могло имѣть малѣйшее значеніе, какъ смотрятъ въ Берлинѣ на того или другого изъ представителей нашей политики и который изъ нихъ пользуется меньшимъ сочувствіемъ газетъ, поддерживающихъ политику германскаго канцлера. Намъ не приходится еще обижаться заявленіями ихъ, но мы должны принимать къ свѣдѣнію, каково ихъ мнѣніе о существующемъ согласіи державъ и искренности ихъ дѣйствій. Вотъ почему мы не можемъ не замѣтить, что въ цѣломъ рядѣ статей въ январѣ та же „Кёльнская Газета" противопоставляла съ одной стороны мнимыя дѣйствія русской дипломатіи ея же заявленіямъ, а съ другой—мнимую дѣятельность русскаго посла въ Константинополѣ—заявленіямъ и стараніямъ нашего канцлера. „Кёльнская Газета" постоянно утверждаетъ, что истиннымъ очагомъ герцеговинскаго возстанія служитъ Черногорія, которой князь, по ея выраженію, „состоитъ на русскомъ жалованьѣ"; она требуетъ, чтобы державы не связывали долѣе рукъ турецкаго правительства относительно Черногоріи, и ставитъ въ вину Россіи, что Черногорія не лишается ободренія, между тѣмъ какъ Турція связывается въ своихъ дѣйствіяхъ. По свѣдѣніямъ „Кёльнской Газеты", черногорскій князь будто бы обращался письменно въ Петербургъ, объяснивъ, что не можетъ долѣе сдерживать воинственныхъ порывовъ своего народа, и получилъ будто бы въ отвѣтъ только: „переносить терпѣливо трудности нынѣшняго своего положенія и не выходить изъ выжидательной позиціи ни въ какомъ случаѣ", причемъ выражалась надежда, что не далеко время, „когда положеніе князя и Черногоріи такъ или иначе сдѣлается болѣе благопріятнымъ". Газета сообщала, что этотъ отвѣтъ былъ принятъ въ Цетиньи съ удовольствіемъ, и жалуется, во-первыхъ, что черногорцамъ „совѣтуютъ только потерпѣть, пока можно будетъ спустить ихъ" на Турцію; а во-вторыхъ, что такимъ образомъ Россія, стало-быть, „считаетъ князя своимъ подчиненнымъ, ибо иначе его письмо должно было быть сообщено двумъ другимъ членамъ союза".

Пештскій „Ллойдъ", котораго отношенія къ Андраши извѣстны, разсматривая вопросъ: можно ли ожидать успѣха отъ „усилій Европы

Digitized by Google

возстановить спокойствіе", допускалъ мысль, что усилія эти могутъ и не увѣнчаться успѣхомъ; что даже если Порта согласится на требуемыя уступки, инсургенты могутъ отвергнуть ихъ, разсчитывая на такую поддержку, которую досель державы старались отвратить; венгерскій органъ приходилъ къ заключенію, что, выработавъ условія и побудивъ Турцію принять ихъ, Европа должна привесть ихъ въ исполненіе всѣми, хотя бы „доходящими до крайностей средствами". Короче, требовалось впередъ подавленіе возстанія европейскими (разумѣется, австрійскими) войсками. Замѣчательно, что эта статья была перепечатана въ русскомъ „Государственномъ Указателѣ", съ сохраненіемъ курсива приведенныхъ сейчасъ мѣстъ. Указывая на этотъ фактъ, „Кёльнская Газета" замѣчала: „Россія, повидимому, играетъ въ двойственную игру: за Турцію и противъ Турціи, и недовѣріе, возбуждаемое русской политикой, какъ кажется, проникло въ высшія сферы (sehr hohe Kreise)". Въ другой разъ, та же газета повторяетъ свое заключеніе о мнимой „двойственности" дѣйствій Россіи, и замѣчаетъ, что извѣстное первое „сообщеніе" по герцеговинскому дѣлу явилось въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ" въ отсутствіе князя Горчакова. При этомъ случаѣ газета возбуждаетъ вновь старыя дрязги о непризнаніи Россіею маршала Серрано въ Испаніи вслѣдъ за признаніемъ его Германіею, и утверждаетъ, что, пока между Петербургомъ и Вѣной происходилъ обмѣнъ мнѣній объ условіяхъ проекта Андраши, генералъ Игнатьевъ „шелъ въ Константинополѣ собственнымъ своимъ путемъ". Далѣе, предъявляется странное обвиненіе, будто онъ же внушилъ Портѣ выступить съ фирманомъ объ уступкахъ, подавъ ей надежду, что такимъ образомъ внѣшательство державъ можетъ быть отвращено.

Берлинскій корреспондентъ „Daily Telegraph'a" придалъ этой статьѣ „Кёльнской Газеты„ такое значеніе, что сообщилъ о содержаніи ея англійской газетѣ по телеграфу. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, или все равно гдѣ, нашелся „хорошо знакомый съ русскими обстоятельствами корреспондентъ", который прислалъ „Крестовой Газетѣ" опроверженіе обвиненій русской дипломатіи „Кёльнской Газетою". Это обстоятельство также заслуживаетъ замѣчанія. Органъ друзей графа Гарри Арнима не открылъ бы своихъ столбцовъ для защиты Россіи противъ „Кёльнской Газеты", еслибы не подозрѣвалъ въ ней внушенія изъ „бюро печати". Корреспондентъ „Крестовой Газеты„ утверждаетъ, что никакихъ явныхъ, ни тайныхъ шаговъ въ этомъ вопросѣ Россія не дѣлала безъ свѣдѣнія обоихъ союзныхъ кабинетовъ; что 10-го декабря (н. с.), на телеграмму генерала Игнатьева, „Махмудъ желаетъ еще подумать" (вслѣдствіе частнаго сообщенія объ условіяхъ проекта),—„князь Горчаковъ черезъ четыре

Digitized by Google

часа выразилъ свое полное одобреніе дѣйствіямъ нашего посла и повторилъ, что Россія въ вопросѣ этомъ не только идетъ въ полномъ согласіи съ Австріею и Германіею, но разсчитываетъ и на одобреніе западными державами условій, формулированныхъ въ тотъ день". Далѣе, „Крестовая" газета, указывая „Кёльнской" на вредъ сообщеній ея, способныхъ колебать союзъ трехъ императоровъ, дѣлаетъ слѣдующее характерное замѣчаніе: „если въ Кёльнѣ не могутъ *освободиться* отъ мысли, что Россія тайно дѣлаетъ все, чтобы способствовать паденію Турціи, то это значитъ, что на Рейнѣ видятъ далѣе, чѣмъ въ Вильгельмштрассе въ Берлинѣ и въ дворцовомъ замкѣ въ Вѣнѣ, такъ какъ и князь Бисмаркъ, и графъ Андраши, сколько извѣстно, уже *освободились* отъ этого подозрѣнія (*scheinen* diesen Verdacht bereits losgeworden zu sein). На это „Кёльнская Газета", съ своей стороны, объявила: „мы не знаемъ мыслей Андраши и Бисмарка; изъ словъ корреспондента можно заключить, что *они* доселѣ не выразили своего недовѣрія въ Петербургѣ, но, въ то же время, изъ тѣхъ же словъ видно, что самъ корреспондентъ сознаетъ возможность, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ все еще могло остаться нѣкоторое недовѣріе, потому что Россія до нѣкоторой степени колеблется въ своей политикѣ и не работаетъ, повидимому, съ полной рѣшимостью для достиженія ближайшей цѣли — подавленія возстанія". „Кёльнская Газета" замѣчаетъ еще, что герцеговинскіе инсургенты были бы весьма довольны, если бы турецкое правительство отвергло требованіе державъ и пришло въ столкновеніе съ ними.

Извѣстно, что проекту, выработанному по соглашенію между тремя союзными кабинетами, обѣщана уже поддержка со стороны прочихъ великихъ державъ, причемъ Англія сдѣлала только оговорку, что она не связываетъ тѣмъ своей свободы на случай дальнѣйшихъ соглашеній или мѣръ, и обѣщаетъ только „вообще поддержку" (a general support) проекту. Но этимъ затрудненія не оканчиваются. Если турецкое правительство будетъ имѣть поводъ сомнѣваться въ искренности согласія хотя бы только между тремя имперіями, оно можетъ отвергнуть проектъ. Тогда представится уже новое, болѣе трудное испытаніе для этого согласія: на какихъ мѣрахъ сойдутся державы, чтобы принудить Турцію къ принятію проекта? Если же турецкое правительство приметъ проектъ, то затѣмъ спрашивается, удовлетворятся ли имъ инсургенты. Свѣдѣнія о проектѣ слишкомъ недостаточны, чтобы можно было судить о немъ. Но достаточно было бы того факта, что онъ долженъ былъ удовлетворить три стороны, устранить всякое недовѣріе между ними, а затѣмъ, могъ быть принятъ четвертой стороной—Портой, чтобы убѣдиться въ умѣренномъ свойствѣ условій, предлагаемыхъ послѣ того, какъ славане

Digitized by Google

полгода приносили огромныя жертвы и питались преувеличенными надеждами. Если же инсургенты отвергли бы проектъ и не поддались бы „нравственному давленію“ со стороны державъ, которое можетъ быть не вполнѣ однообразно, то все-таки едва ли возможно будетъ для насъ участвовать, хотя бы только одобреніемъ, въ приведеніи герцеговинцевъ къ послушанію военными мѣрами. Оставался бы еще одинъ путь, удобный для дипломатіи, чтобы избѣгнуть затрудненій: еслибы, напр., посредствомъ особаго усилія Турція успѣла справиться съ возстаніемъ до наступленія момента, когда ей нужно будетъ дать дипломатіи рѣшительный отвѣтъ. Самый фактъ усмиренія возстанія облегчилъ бы Турціи принятіе проекта и требованіе какого-либо наружнаго измѣненія въ его редакціи. Тогда дипломатія удачно вышла бы изъ затрудненій. Повидимому, въ послѣднее время Порта предприняла такое рѣшительное усиліе подавить возстаніе. Но какъ бы ни былъ удаченъ только-что указанный выходъ изъ затрудненій для дипломатіи, не одни герцеговинцы были бы разочарованы подобнымъ результатомъ долговременныхъ стараній главнѣйшихъ представителей европейской дипломатіи, и огонь по прежнему остался бы подъ пепломъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 января, 1876.

Окончательное устройство самоуправленія и реакціонные элементы въ Пруссіи.

Когда римскій государственный человѣкъ, полководецъ и поэтъ Авзоній, писалъ свою прелестную идиллію „Мозель“, полчища германцевъ наводняли римскую имперію, уже сильно расшатавшуюся въ своей западной части. И въ самые страшные моменты Тридцатилѣтней войны въ иныхъ укромныхъ уголкахъ обитало семейное счастіе, и любовь, и довольство. Такъ міръ идетъ своимъ путемъ, не взирая на внѣшнія потрясенія, и подобно тому, какъ рядомъ съ счастіемъ обитаетъ и несчастіе, такъ и въ то самое время, когда дождь льетъ потоками съ неба, непогода не бываетъ повсемѣстною. Тѣмъ не менѣе, однако, никто не станетъ утверждать, что теперь еще не наступили худыя времена. Новый годъ начался въ томъ же духѣ, съ какимъ старый окончился. Дѣла конечно идутъ худо, такъ худо, что даже по истеченіи

Digitized by Google

трехлѣтняго промежутка со времени кризиса и на четвертый годъ не предвидится улучшенія. Если сравнить теперешніе биржевые курсы съ курсами прошлогодней весны, въ эпоху военной тревоги, то можно по истинѣ ужаснуться паденію, постигшему ихъ въ періодъ полнѣйшаго затишья. То же самое происходитъ и въ промышленномъ мірѣ, и хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить то, что на людяхъ и смерть красна, и что не одной Германіи приходится плохо, но спѣхи послѣднихъ лѣтъ давали ей право и налагали какъ-бы обязанность взять починъ въ прогрессѣ. Но для этого почина ей какъ разъ недостаетъ силъ: упадокъ духа очень великъ и повсемѣстенъ. Трудно сказать, отчего собственно происходитъ такое глубокое унынie и полнѣйшее утомленіе. Несомнѣнно, что потери, которыя пришлось перенести почти каждому, очень велики, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ снова воцарилась экономія, составляющая необходимое условіе для умноженія народнаго богатства. Естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ военныхъ успѣховъ, обусловливаемыхъ, разумѣется, страшнымъ напряженіемъ силъ, является, безъ сомнѣнія, всеобщее утомленіе; но худымъ признакомъ для націи служитъ то, что она никакъ не можетъ сама собой выдти изъ этого состоянія и улучшить положеніе, отнюдь не безнадежное. Помимо условій всемірной торговли, которыя, конечно, измѣнить не такъ легко, причина бѣдственнаго положенія внутри страны заключается въ недовѣріи къ лучшему устройству дѣлъ въ ближайшемъ будущемъ. Съ потерями, на которыя жалуются, слѣдуетъ примириться, а главное зло, отъ котораго страдаетъ промышленность — несоразмѣрно высокая заработная плата — могло бы быть устранено или по крайней мѣрѣ ослаблено единодушными усиліями промышленниковъ. Нельзя также никакъ сказать, чтобы внѣшняя политика содѣйствовала ослабленію довѣрія, необходимаго для того, чтобы дѣла процвѣтали, такъ какъ единственный безпокойный вопросъ — восточный — гораздо больше задѣваетъ всѣ другія европейскія государства, чѣмъ Германію, а съ весны прошлаго года отношеніе Франціи приняло крайне миролюбивый характеръ. Съ философской стороны, конечно, легко объяснить всѣ эти явленія. Въ счастіи человѣческія желанія всегда возрастаютъ, а великія удачи неизбѣжно влекутъ за собою извѣстныя пагубныя явленія; побѣдоносные народы увлекаются завоевательнымъ духомъ, становятся высокомѣрны и несправедливы, какъ это было съ римлянами, испанцами и французами въ эпоху ихъ воинской славы. Внезапное богатство можетъ повлечь за собой позднѣйшую бѣдность. Великій монархъ, великій полководецъ, великій государственный человѣкъ могутъ породить эру рабства и униженія. Фридрихъ-Великій сказалъ, умирая: „я усталъ царствовать надъ рабами“. Всѣ эти явленія не

Digitized by Google

проявлялись, однако, въ настоящемъ смыслѣ въ Германіи послѣ послѣдней войны: шовинизмъ былъ явленіемъ единичнымъ, а отнюдь не всеобщимъ, и если случалось кому-нибудь затягивать военный кличъ, то остальные заставляли его молчать. Императоръ Вильгельмъ пользуется любовью и уваженіемъ, но такъ какъ онъ самъ больше не заявляетъ претензіи на патріархальное положеніе, которое послѣдніе правители считали какъ-бы необходимымъ, и всѣ обязанности подчиняетъ обязанностямъ къ государству, то и уваженіе къ нему отнюдь не служитъ преградой оппозиціи, которая довольно сильно проявляется. Я, конечно, говорю не объ оппозиціи партій враждебныхъ монархіи, о соціально-демократической и клерикальной, но только о тѣхъ политическихъ партіяхъ, которыя дѣйствуютъ въ предѣлахъ конституціи.

Съ нѣкоторыхъ поръ все громче и упорнѣе толкуютъ о томъ, что князю Бисмарку надоѣла либеральная система, которая, впрочемъ, кажется таковою лишь по отношенію къ несовсѣмъ отдаленному прошлому, а вовсе не составляетъ характеристической черты періода, слѣдовавшаго за заключеніемъ послѣдняго мира. Министерство, управляющее въ настоящее время прусскими дѣлами, и членъ котораго оказываютъ довольно большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ германской имперіи, конечно, составлено самимъ Бисмаркомъ. Привлекши аристократію къ высшимъ государственнымъ и дипломатическимъ постамъ, онъ постепенно ввелъ въ министерство, состоявшее въ моментъ вступленія его въ управленіе исключительно изъ аристократическихъ и крайне консервативныхъ элементовъ, бюргерскіе и нѣсколько либеральные элементы. Имена Кампгаузена, Фалька, Ахенбаха, Фриденталя знаменуютъ теперешнее правительство. Конечно, всѣ эти люди набраны не изъ рядовъ такъ-называемой либеральной партіи, но изъ наиближайшей къ ней партіи, консервативнаго оттѣнка; и между тѣмъ какъ прежде бывало правиломъ, что даже либеральные люди, вступая въ управленіе, становились консерваторами, теперешніе консерваторы постепенно пріобрѣли либеральную окраску. Превращеніе это легко объяснить. Съ прекращеніемъ внутренняго столкновенія совмѣстное дѣйствіе парламента и правительства сдѣлалось неизбѣжнымъ, и большинство рейхстага, какъ и прусской палаты депутатовъ и даже палаты господъ, со времени послѣдняго назначенія перовъ, было либерально. Вынужденные жить на дружеской ногѣ съ палатой и прибѣгать къ постояннымъ компромиссамъ, министры вольно позаимствовались либеральными воззрѣніями, равно какъ съ другой стороны либералы, съ тѣхъ поръ какъ имъ не нужно вести рѣзкую оппозицію, пріобрѣли консервативную окраску. Это превращеніе не коснулось Бисмарка. Главной заботой его всегда бы-

Digitized by Google

внѣшняя политика, а во внутреннюю онъ вмѣшивался лишь въ рѣдкія и рѣшительныя минуты; поэтому сношенія его съ парламентомъ отнюдь не постоянныя, и вліяніе парламентской жизни на него довольно слабо. Весьма возможно также, что онъ яснѣе, чѣмъ кто-либо, усматриваетъ вышеупомянутое постепенное превращеніе, оставаясь въ сторонѣ отъ него, подобно тому какъ измѣненія въ лицѣ старѣющагося человѣка болѣе всего замѣтны для тѣхъ, кто его рѣдко видитъ. Поэтому, нельзя считать вполнѣ неосновательными слухи о разномвіѣ между Бисмаркомъ и теперешнимъ министерствомъ, а также и слухи о разногласіи его съ либеральной партіей въ парламентѣ. Послѣдніе даже имѣютъ осязательную причину. Бисмаркъ никогда не скрываетъ, когда онъ недоволенъ либеральной партіей, что бываетъ всякій разъ, какъ только она оказываетъ серьёзную оппозицію. Онъ требуетъ отъ партіи, желающей оставаться на дружеской ногѣ съ правительствомъ, чтобы она во всѣхъ случаяхъ поддерживала послѣднее, а либеральная партія не считаетъ это возможнымъ. Бисмаркъ высказывалъ также неоднократно желаніе: имѣть въ обоихъ парламентахъ настоящую правительственную партію,—весьма понятное желаніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло управленія значительно облегчается. Но, съ другой стороны, онъ никогда не отрицалъ и того, какую громадную поддержку оказывала ему національ-либеральная партія, и еще недавно выражалъ желаніе на парламентскихъ вечерахъ, чтобы будущіе выборы снова усилили ряды національ-либеральной партіи. Бисмаркъ, конечно, не взирая на кажущуюся откровенность, дипломатъ до конца ногтей, и весьма возможно, что его пожеланія успѣховъ національ-либеральной партіи не вполнѣ искренни.

Что касается слуховъ, приписывающихъ ему намѣреніе образовать новую консервативную или, какъ ее обыкновенно называютъ, національно-консервативную партію, то осуществленіе этой мысли, если только онъ дѣйствительно ее питаетъ, представитъ очень большія затрудненія. Настоящей консервативной партіи не существуетъ уже съ 1866 г. Старые консерваторы, которые уже въ 1859 г. сошли съ парламентской сцены, и затѣмъ въ эпоху внутренняго столкновенія играли большую роль внѣ парламента и въ прусской палатѣ господъ, со времени примиренія, совершившагося между правительствомъ и парламентомъ, враждебно относились къ правительственной политикѣ. Они, конечно, вовсе не такъ слабы, какъ это думаетъ либеральная партія, но, при существующей избирательной системѣ, какъ трехъ-классной системы выбора въ прусскую палату господъ, такъ—и даже гораздо болѣе—системы всеобщей подачи голосовъ въ рейхстагъ—не могутъ надѣяться образовать въ этихъ учрежденіяхъ сколько-

Digitized by Google

нибудь значительнаго меньшинства. При этомъ они отворачиваются отъ каждой, хотя бы крайне слабо окрашенной либерализмомъ, консервативной партіи, и въ борьбѣ послѣднихъ лѣтъ гораздо чаще сходились во взглядахъ съ самой крайней оппозиціей, нежели съ ближайшими къ нимъ партіями. Въ настоящее время, когда со всѣхъ сторонъ начинаютъ готовиться къ предстоящимъ осенью выборамъ, всѣ ихъ усилія устремлены на то, чтобы отвергать всѣхъ умѣренныхъ консерваторовъ, такъ что если бы даже населеніе стало консервативнѣе за истекшіе три года—что конечно возможно,—то разборъ между консерваторами долженъ обезпечить побѣду за либералами.

Что касается настроенія населенія, то въ немъ замѣтно недовольство положеніемъ дѣлъ, созданнымъ либеральнымъ законодательствомъ послѣднихъ годовъ; но это недовольство нигдѣ такъ сильно не выражается, какъ въ финансовыхъ и промышленныхъ сферахъ, и между тѣмъ уже первое серьёзное нападеніе на либеральную экономическую политику окончилось весьма плачевно. Главная причина недовольства вызывается постоянными перемѣнами законодательства, постоянно увеличивающимися требованіями, которыя правительство предъявляетъ каждому изъ своихъ подданныхъ—все это утомляетъ мирныхъ гражданъ; но что же будетъ, когда реакція овладѣетъ кормиломъ правленія и захочетъ произвести tabula rasa относительно всего, что создано съ 1866 г.?

Я говорилъ о постоянно увеличивающихся требованіяхъ государства отъ его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти требованія очень велики. Когда пруссакъ достигнетъ юношескаго возраста, то прежде всего долженъ отбыть воинскую повинность. Онъ долженъ пожертвовать государству нѣсколькими годами своей жизни и даже, можетъ быть, самой жизнью. На возмужалаго человѣка опять налагаются различныя обязанности. Собственникъ обязанъ служить опекуномъ, присяжнымъ засѣдателемъ; въ городахъ на него возлагаются различныя безплатныя городскія должности, какъ-то: городского депутата, члена магистрата (изъ которыхъ лишь весьма незначительное число получаютъ вознагражденіе), чиновника по военному управленію и проч. и проч. Въ деревняхъ онъ обязывается службой въ общинномъ, окружномъ и провинціальномъ собраніяхъ, которыя теперь организованы совершенно такъ же, какъ гражданское самоуправленіе: представительство общины, представительство округа, представительство провинціи и, наконецъ, всеобщее представительство всей страны —генеральный синодъ. Къ этому еще присоединяется политическое представительство въ парламентахъ, т.-е. въ палатѣ депутатовъ, въ палатѣ господъ и рейхстагѣ. Лишь немногія изъ этихъ должностей

Digitized by Google

несовмѣстимы; такъ, напр., нельзя быть членомъ палаты господъ и въ одно и то же время членомъ палаты депутатовъ; но, за исключеніемъ этихъ рѣдкихъ случаевъ, на одного человѣка можетъ лечь отправленіе почти всѣхъ выше названныхъ должностей. Натурально, все это требуетъ необычайнаго развитія умственныхъ силъ, которое тѣмъ тяжелѣе отзывается, что страна вообще бѣдна, гораздо бѣднѣе другихъ великихъ державъ, и каждому изъ ея гражданъ приходится развивать усиленную дѣятельность уже для того, чтобы поддержать собственное существованіе. Поэтому, многіе не безъ тревоги глядятъ на это необъятное развитіе самоуправленія и спрашиваютъ себя: не опасно ли для страны такое непомѣрное напряженіе силъ, а главное, не слѣдуетъ ли опасаться въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени реакціи, если страна будетъ отвлечена внѣшними дѣлами отъ внутреннихъ дѣлъ? На счетъ основательности этихъ опасеній можетъ, конечно, рѣшить только будущее.

Я уже указывалъ вскользь въ предыдущихъ статьяхъ на два важнѣйшія событія, совершившіяся въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года, а именно: объ окончаніи евангелическаго церковнаго уложенія генеральнымъ синодомъ, собиравшимся здѣсь съ 24 ноября по 18 декабря, и о завершеніи самоуправленія, впервые собиравшимся новымъ провинціальнымъ сеймомъ. Оба событія требуютъ болѣе яснаго, хотя и необходимо краткаго описанія. Дать евангелической церкви такое управленіе, въ которомъ бы міряне участвовали наравнѣ съ духовными—было уже давнишнимъ желаніемъ прусскихъ королей. Въ 1873 г. предприняты были первые шаги къ тому, и королевскій декретъ указалъ главныя черты для настоящаго уложенія. Составъ этого самоуправленія троякаго рода: во-первыхъ, для отдѣльныхъ общинъ устраиваются общинно-церковные совѣты, въ которыхъ участвуютъ какъ духовные, такъ и міряне. Вторую инстанцію образуютъ провинціальные синоды, наконецъ, третью —генеральный синодъ. Между общинами и провинціальными синодами стоятъ еще окружные синоды, о которыхъ я не стану здѣсь распространяться. Все учрежденіе велось весьма осмотрительно и раціонально; первыя инстанціи постоянно призывались къ жизни прежде другихъ и сами изъ себя вырабатывали основанія для послѣдующихъ. Провинціальные синоды образовались въ началѣ 1875 года. Друзья евангелической церкви ожидали ихъ съ тревогой, потому что опасались, какъ бы разногласія, существующія внутри церкви, не вышли наружу и не произвели бы расколъ въ средѣ евангелической церкви. Однако эти опасенія не оправдались. Какъ ни расходятся воззрѣнія лютеранскихъ правовѣрныхъ и свободномыслящихъ духовныхъ, но и

Digitized by Google

тѣ и другіе нашли общую почву въ синодахъ, и духъ примиренія проявился всюду съ бо́льшей или меньшей силой. Благопріятный результатъ провинціальныхъ синодовъ, на счетъ котораго король высказалъ свое удовольствіе въ одномъ изъ указовъ, далъ смѣлость совершить послѣдній шагъ—и 24 ноября прошедшаго года созванъ былъ первый, чрезвычайный синодъ и ему поручено окончить организацію евангелической церкви. Этотъ генеральный синодъ состоялъ изъ 150 членовъ, выбранныхъ провинціальными синодами провинцій Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи, Вестфаліи и Рейнскихъ провинцій (Ганноверъ, Гессенъ-Нассау, Шлезвигъ-Голштинія исключены). Во-вторыхъ, изъ 6-ти членовъ евангелическо-богословскихъ факультетовъ университетовъ: кёнигсбергскаго, берлинскаго, грейфсвальдскаго, бреславльскаго, Галле и Бонна; въ третьихъ, изъ генералъ-суперинтендента; въ-четвертыхъ, изъ 30-ти членовъ, назначенныхъ королемъ. Выборъ вышеупомянутыхъ 150 членовъ происходилъ такимъ образомъ, что одна треть была выбрана изъ тѣхъ жителей провинціи, которые служили членами мірянами въ представительствахъ общинныхъ, или въ окружныхъ и провинціальныхъ синодахъ, другая треть изъ духовныхъ тѣхъ провинцій, и наконецъ послѣдняя треть, безъ ограниченія мѣстностью, набиралась изъ всѣхъ богословски образованныхъ и заслуженныхъ людей. Президентъ верховнаго церковнаго совѣта играетъ въ синодѣ роль королевскаго коммиссара. Министръ духовныхъ дѣлъ и назначенные имъ коммиссары имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ. Сферъ дѣятельности генеральнаго синода заключается въ томъ, что онъ долженъ заботиться объ охраненіи и процвѣтаніи государственной церкви на основаніяхъ евангелическаго вѣроисповѣданія, наблюдать за сохраненіемъ установленныхъ церковныхъ порядковъ, оберегать единство церкви, указывать границы самостоятельности провинціальныхъ духовныхъ и вообще содѣйствовать всему, что́ служитъ къ огражденію и благоденствію церкви, и всему, что́ требуется ея религіозными и нравственными задачами. Что касается церковнаго законодательства, то мѣстныя церковныя постановленія представляются на одобреніе генеральнаго синода и затѣмъ издаются королемъ. Генеральный синодъ имѣетъ право отвергать мѣстные церковные законы. Принятый имъ законъ можетъ быть представленъ королю не ранѣе того, какъ министръ духовныхъ дѣлъ объявитъ, что со стороны государства не имѣется никакихъ противъ него возраженій. Мѣстному церковному законодательству подлежатъ исключительно: регулированіе церковной свободы преподаванія, обязанностей духовенства, одобреніе книгъ духовнаго содержанія, введеніе или отмѣна церковныхъ праздниковъ, измѣненія въ церковныхъ порядкахъ, назначеніе пор-

Digitized by Google

ковныхъ наказаній членамъ церкви, равно какъ и дисциплинарная власть надъ духовенствомъ. Кромѣ того, церковное законодательство регулируетъ отношенія генеральнаго синода къ провинціальнымъ синодамъ, имущественное управленіе евангелической церковью и нѣкоторыя другія дѣла.

Въ генеральномъ синодѣ главнымъ образомъ были представители четырехъ партій, которыя, если не считать болѣе мелкихъ оттѣнковъ, всего замѣтнѣе въ евангелической церкви въ Пруссіи. Во-первыхъ, такъ-называемые здѣсь правовѣрные, т.-е. тѣ, которые строго держатся ученія Лютера и съ большой неохотой подчинились установленному королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III союзу между лютеранами и реформистами, съ цѣлью объединенія евангелической церкви. Ближайшая къ нимъ фракція, это такъ-называемый позитивный союзъ, который сходится въ религіозныхъ воззрѣніяхъ съ вышеупомянутой партіей, но признаетъ безусловно союзъ. За ней слѣдуетъ большой центръ, единомышленный съ евангелическимъ верховнымъ церковнымъ совѣтомъ, этой высшей церковной инстанціей, и съ министромъ народнаго просвѣщенія; и еслибы дѣло шло о политическомъ собраніи, то его можно было бы назвать просто правительственной партіей. По лѣвую сторону стоятъ, наконецъ, приверженцы протестантскаго общества, которые въ догматическихъ вопросахъ выказываютъ большую терпимость и находятъ, что ничто такъ не вредитъ евангелической церкви, какъ узкая догматика. Они желали бы принять въ свои ряды всѣхъ образованныхъ людей, которые вообще считаютъ религію и церковь необходимыми для государства и для самихъ людей. Легко представить себѣ тѣ упреки, какими осыпаютъ ихъ противники, говоря, что такое равнодушіе къ догматамъ церкви уже выводитъ за предѣлы церкви. Эта партія въ генеральномъ синодѣ и въ средѣ духовенства самая слабая. Она сходится въ воззрѣніяхъ съ большинствомъ образованныхъ людей евангелическаго вѣроисповѣданія, но основная ея невыгода состоитъ въ томъ, что большинство людей, раздѣляющихъ ея воззрѣнія, слишкомъ вообще равнодушно къ церковнымъ дѣламъ, чтобы отдавать имъ свое время и силы.

Члены синода, изъ различныхъ провинцій, были бо́льшею частію вовсе незнакомы другъ съ другомъ, и хотя о характерѣ общихъ выборовъ можно было уже почти безошибочно судить, но исторически извѣстный фактъ, что никакъ нельзя заранѣе опредѣлить характера какихъ бы то ни было новыхъ собраній, и поэтому первые шаги этого новаго собранія ожидались не безъ тревоги. Однако, тревога эта скоро разсѣялась. Партія центра вскорѣ оглядѣлась и, послѣ двухъ-трехъ-дневныхъ интимныхъ засѣданій, выработала программу,

Digitized by Google

которая обезпечивала принятіе церковнаго уложенія во всѣхъ его главнѣйшихъ пунктахъ. Послѣ того она сплотилась въ особую фракцію, въ числѣ 130-ти членовъ, т.-е. за ней осталось абсолютное большинство, и въ день открытія синода принятіе церковнаго уложенія можно было считать дѣломъ рѣшеннымъ. Первымъ поводомъ для выраженія общаго и при этомъ миролюбиваго настроенія, которымъ проникнуто было собраніе, послужилъ выборъ президента. Въ числѣ назначенныхъ королемъ членовъ собранія находился графъ Отто фонъ-Штольбергъ-Вернигероде, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ Германіи. Ему не болѣе 40 лѣтъ, и онъ уже доказалъ свои блестящія административныя способности въ должности оберъ-президента ганноверской провинціи, вскорѣ послѣ ея присоединенія. Онъ доказалъ также, какъ президентъ палаты господъ, свою способность руководить большимъ собраніемъ. Онъ былъ выбранъ значительнымъ большинствомъ въ президенты синода. Собраніе, не теряя времени, приступило къ занятіямъ, и прежде всего опредѣлило порядокъ дѣлъ и затѣмъ мирно занималось ими, послѣ довольно ожесточенныхъ первоначальныхъ преній, длившихся нѣсколько дней, во время которыхъ высказаны были самыя противорѣчивыя мнѣнія. Но затѣмъ все пошло самымъ мирнымъ ходомъ. Только одинъ разъ еще оживились пренія, незадолго до закрытія собранія. Къ законопроекту въ церковномъ уложеніи было прибавлено нѣсколько заключительныхъ статей, которыми нѣсколько измѣнялся составъ окружныхъ и провинціальныхъ синодовъ, опредѣленный въ королевскомъ указѣ 16-го сентября 1873 г., и главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что числу членовъ-мірянъ было увеличено и болѣе обширнымъ общинамъ отводилось болѣе значительное представительство. Противъ этихъ перемѣнъ правая возстала весьма рѣшительно и заявила, что лучше желаетъ, чтобы рушилось все уложеніе, нежели прошли эти статьи; но при окончательномъ голосованіи 113 голосовъ оказалось за и только 78 голосовъ *противъ* упомянутыхъ перемѣнъ, и когда вслѣдъ затѣмъ пущенъ былъ на голоса весь синодальный уставъ, то онъ былъ принятъ большинствомъ 134 противъ 62 голосовъ. Небольшое число членовъ, къ которымъ принадлежалъ и президентъ, не одобрявшихъ сдѣланныхъ перемѣнъ, не рѣшилось, однако, вотировать противъ нихъ, изъ боязни разрушить трудъ нѣсколькихъ лѣтъ.

Настроеніе, въ какомъ разошелся синодъ, было самое благопріятное, и король остался очень доволенъ результатомъ его дѣятельности. Теперь, конечно, остается еще вопросомъ: будетъ ли доволенъ имъ ландтагъ, который при составленіи синодальнаго уложенія еще имѣлъ голосъ въ церковныхъ дѣлахъ, а теперь именно этотъ самый законъ совершенно устраняетъ изъ-подъ его вліянія дальнѣйшій

Digitized by Google

ходъ церковныхъ дѣлъ. Но какъ бы то ни было, а ландтагъ навѣрное призадумается превратить такой громадный трудъ въ трудъ Сизифа. Вряд ли кто-нибудь рѣшится снова начать такую работу, и всего менѣе захочетъ теперешній министръ просвѣщенія, д-ръ Фалькъ, снова тащить на гору камень.

Второе событіе, о которомъ я упомянулъ выше—это завершеніе самоуправленія въ Пруссіи приведеніемъ всѣхъ ея реформъ въ систему; только теперь Пруссія получила настоящее самоуправленіе; оно окончательно призвано къ жизни 1-го января текущаго года. Съ этого времени вошли въ силу три послѣднія великія реформы: 1) провинціальное уложеніе, отъ 29-го іюня прошлаго года, для провинцій: Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи, Силезіи и Саксоніи; 2) законъ, касающійся административныхъ судовъ, отъ 3-го іюля прошлаго года, и 3) законъ о дотаціи провинціальныхъ и окружныхъ союзовъ, отъ 8-го іюля прошлаго года. Въ первой половинѣ января провинціальные сеймы названныхъ провинцій уже собрались. Эти провинціальные сеймы суть главнѣйшіе факторы новѣйшаго самоуправленія, и поэтому заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго упоминовенія. Хотя уже раньше, во время преній ландтага, мною упоминались главныя основанія новаго законодательства, но вельзя разсчитывать на то, чтобы читатели до сихъ поръ помнили всѣ эти подробности.

Въ краткихъ словахъ упомяну лишь о томъ, что прежніе провинціальные сеймы состояли изъ 3 и изъ 4 сословій, а именно: въ Силезіи, Саксоніи, Вестфаліи и въ рейнскихъ провинціяхъ изъ 4-хъ сословій: господъ (князей и дворянъ), рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ провинціяхъ сословія господъ не было. Новое законодательство сгладило эти различія, насколько они опирались на феодальныхъ принципахъ. Только крупные землевладѣльцы принимаются во вниманіе и въ такомъ значительномъ числѣ входятъ въ составъ провинціальныхъ сеймовъ, что эти послѣдніе все еще имѣютъ весьма аристократическій видъ. Всего же болѣе опасались умѣренные либералы, которые въ прошломъ году обезпечили принятіе провинціальнаго уложенія,—что представительство городовъ въ провинціальныхъ сеймахъ будетъ несоразмѣрно ничтожно; но это опасеніе не оправдалось.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣдней сессіи этого провинціальнаго сейма, полезнее будетъ изложить хотя въ краткихъ словахъ главныя черты новаго провинціальнаго уложенія. Каждый провинціальный сеймъ состоитъ изъ депутатовъ сельскихъ и городскихъ округовъ провинціи. Первые избираются окружными, вторые маги-

Digitized by Google

стратскими и городскими депутатскими собраніями. Сеймъ созывается королемъ по меньшей мѣрѣ каждые два года. Засѣданія его публичны. Провинціальный сеймъ созывается, во-первыхъ, для того, чтобы дать свои заключенія о законопроектахъ, касающихся провинціи, равно какъ и о другихъ предметахъ, которые переданы въ его вѣдѣніе правительствомъ; во-вторыхъ, чтобы рѣшать спеціальныя провинціальныя дѣла. Главнымъ образомъ, сфера его дѣятельности распространяется на изданіе провинціальныхъ статутовъ, раскладку повинностей, распредѣленіе необходимыхъ расходовъ, свободныхъ рентъ и фондовъ, передаваемыхъ изъ государственнаго казначейства провинціальнымъ союзамъ въ силу закона о дотаціяхъ, равно какъ и распоряженіе остальнымъ имуществомъ провинціальнаго союза [1]), какъ-то: заключеніе займовъ, отчужденіе земельныхъ участковъ и проч.

Законъ о дотаціяхъ предоставляетъ каждой провинціи извѣстный капиталъ, изъ процентовъ котораго она должна покрывать нѣкоторые расходы, которые въ прежнее время брало на себя государство, а именно: постройку новыхъ шоссейныхъ дорогъ, проведеніе общинныхъ окружныхъ дорогъ, улучшеніе земель, попеченіе о бѣдныхъ, содержаніе исправительныхъ заведеній, заведеній для умалишенныхъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, благотворительныхъ заведеній, поддержаніе и пополненіе мѣстныхъ библіотекъ, поддержаніе общественныхъ памятниковъ и т. д. Далѣе, провинціальный сеймъ долженъ производить выборы чиновниковъ самоуправленія, опредѣлять хозяйственный бюджетъ провинціи и, наконецъ, уполномоченъ предъявлять правительству предложенія и жалобы, касающіяся провинціи или ея отдѣльныхъ частей. Къ постоянному управленію каждой провинціи принадлежатъ административныя власти, а именно: провинціальный комитетъ и земскій директоръ (Landesdirector). Земскій директоръ избирается провинціальнымъ сеймомъ на 6—12 лѣтъ и завѣдуетъ текущими дѣлами провинціальнаго управленія. Ему содѣйствуетъ въ этомъ провинціальный комитетъ, состоящій изъ 7—13 членовъ, и также, какъ и земскій директоръ, избираемый провинціальнымъ сеймомъ, съ тою только разницею, что его выборъ представляется на утвержденіе короля, выборы же членовъ комитета—нѣтъ. Занятія провинціальнаго комитета слѣдующія: онъ долженъ приготовлять и приводить въ исполненіе опредѣленія провинціальнаго сейма; онъ долженъ управлять имущественными дѣлами и заведеніями провинціальнаго союза, назначать провинціальныхъ чинов-

[1]) Провинціальнымъ союзомъ называется провинція съ точки зрѣнія самоуправленія или, лучше сказать, разсматриваемая какъ государственная особь.

Digitized by Google

никовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это не есть дѣло самого провинціальнаго сейма; онъ долженъ подавать свое мнѣніе обо всѣхъ дѣлахъ, которыя представляются ему министромъ или оберъ-президентомъ провинціи и т. д. Наблюденіе за ходомъ дѣлъ провинціальнаго союза возлагается на оберъ-президента и, какъ высшая администрація, на министра внутреннихъ дѣлъ. На оберъ-президента возлагается право и обязанность налагать свое *veto* на такія рѣшенія провинціальнаго сейма, провинціальнаго комитета и остальныхъ корпорацій самоуправленія, каковы: провинціальныя коммиссіи, провинціальные и уѣздные совѣты,—я не упоминалъ о нихъ, потому что это завлекло бы меня въ слишкомъ большія подробности,—которыми они превысили свою власть, и представлять ихъ на разсмотрѣніе высшаго административнаго суда. Это учрежденіе, вошедшее въ силу съ 1-го января, состоитъ изъ трехъ градацій. Въ каждомъ округѣ, окружной комитетъ образуетъ окружной административный судъ; для каждаго уѣзда учреждается уѣздный административный судъ изъ 5-ти членовъ, изъ которыхъ 2 назначаются королемъ и 3 провинціальнымъ представительствомъ. Наконецъ, въ Берлинѣ учрежденъ для всей монархіи высшій административный судъ. Путемъ учрежденія этихъ административныхъ судовъ рѣшенію всѣхъ спорныхъ дѣлъ по управленію, до сихъ поръ подлежавшее уѣзднымъ, т.-е. административнымъ, государственнымъ чиновникамъ, передается независимымъ судамъ.

Сеймы, собравшіеся въ первыхъ числахъ января, прежде всего занялись выборомъ своихъ предсѣдателей, и при этомъ имѣли случай показать свое политическое настроеніе. На бранденбургскомъ сеймѣ, гдѣ всѣхъ сильнѣе строго-консервативная партія, выбранъ былъ бывшій министръ-президентъ, баронъ фонъ-Мантёйфель, реакціонеръ чистѣйшей воды; на остальныхъ сеймахъ выборы были не столь ярки. Такъ, напримѣръ, на саксонскомъ сеймѣ избранъ графъ Отто Штольбергъ, на силезскомъ—герцогъ фонъ-Ратиборъ; оба принадлежатъ къ либеральной аристократіи. Сеймъ провинціи Пруссіи, на которомъ большинство принадлежитъ либераламъ, выбралъ отъявленнаго либерала. Замѣщающими должность предсѣдателей избраны повсемѣстно представители городовъ; выборы въ уѣздные директоры и въ провинціальные комитеты совершились въ умѣренномъ духѣ. Въ Помераніи, гдѣ отъявленные консерваторы насчитываютъ за собой большинство, провалился на выборахъ фонъ-Клейстъ-Ретцовъ, извѣстный глава крайней правой въ палатѣ господъ, потому что большинство, несмотря на свое консервативное настроеніе, не захотѣло подать голосъ за человѣка, столь жестоко нападавшаго на теперешнее правительство, какъ Клейстъ-Ретцовъ. Въ

Digitized by Google

остальныхъ же мѣстностяхъ выборы обусловливались главнымъ образомъ не политическими мнѣніями кандидатовъ, а ихъ репутаціей способныхъ дѣловыхъ людей. Конечно, радикальная партія недовольна составомъ и результатами сеймовъ, которые она называетъ юнкерскими гнѣздами, но я считаю ихъ нападки неосновательными. Нельзя отрицать, что въ Пруссіи существуютъ еще весьма сильные аристократическіе элементы, но ихъ нельзя уничтожить—какъ это сдѣлала въ свое время революція — однимъ почеркомъ пера. Національно-либеральная партія, принявшая весьма неохотно провинціальное уложеніе въ томъ видѣ, какъ оно было измѣнено палатою господъ, также очень хорошо понимала, что въ провинціальныхъ сеймахъ перевѣсъ будетъ сначала на сторонѣ аристократическаго элемента. Но она разсчитывала, что будущее измѣнитъ такой порядокъ дѣлъ, и никакъ не захотѣла взять на себя отвѣтственность въ томъ, что все административное законодательство отложится на неопредѣленное время.

Въ противность государственнымъ представительнымъ собраніямъ, гдѣ правительство встрѣчаетъ оппозицію главнымъ образомъ на лѣвой, т.-е. либеральной сторонѣ, въ сеймахъ оппозиція засѣдаетъ и правой, и случай устроилъ дѣло такъ, что на первыхъ же порахъ доставилъ матеріалъ для нападокъ на правительство въ лицѣ либеральнаго представителя его въ министерствѣ, министра Кампгаузена; поводомъ же къ нападкамъ послужила вышеупомянутая дотація провинцій. Капиталы, изъ которыхъ состоятъ эти дотаціи, были помѣщены, согласно предыдущимъ, довольно неопредѣленнымъ опредѣленіямъ сейма, подъ облигаціи желѣзныхъ дорогъ, что сдѣлалось необходимымъ уже потому, что государственный долгъ, какъ извѣстно, сильно сократился вслѣдствіе того, что значительная часть французской контрибуціи пошла на его погашеніе. Такъ же точно было поступлено съ капиталами, предназначенными для инвалиднаго фонда. Но при этомъ оказалось, что тѣ лица, на которыхъ возложено было помѣщеніе капиталовъ, пріобрѣли облигаціи такихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, дѣла которыхъ не особенно блестящи и которыя нуждались въ большихъ суммахъ денегъ, но не могли надѣяться сбыть свои облигаціи публикѣ. Эти облигаціи лежали въ денежныхъ кассахъ крупныхъ банкирскихъ домовъ, зорко слѣдившихъ за удобнымъ случаемъ для ихъ помѣщенія. Спросъ правительства внезапно поднялъ курсъ этихъ облигацій, что, натурально, должно было доставить большой барышъ вышеупомянутымъ банкамъ; но когда правительство купило облигаціи, курсъ ихъ опять упалъ и еще сильнѣе, чѣмъ до покупки. Объ этихъ сдѣлкахъ, насколько онѣ касались инвалиднаго фонда, толковалось въ прессѣ уже раньше; но

Digitized by Google

теперь то же самое случилось и съ провинціальными сеймами, и многіе изъ нихъ высказали нежеланіе принять причитающіеся имъ капиталы въ этой формѣ; было даже постановлено, съ цѣлію оберечь провинціи отъ финансовой невыгодности этихъ сдѣлокъ, требовать отъ правительства вознагражденія убытковъ. Дѣло обставлено такъ невыгодно для правительства, что оно находитъ весьма слабыхъ защитниковъ, и такъ какъ придавалось очень мало значенія нападкамъ, то они нашли тѣмъ болѣе сильный отголосокъ. Во всякомъ случаѣ изъ всего этого вышла для сеймовъ та выгода, что ихъ пренія жадно читаются публикой и затмѣваютъ монотонныя пренія рейхстага и прусскаго ландтага, между тѣмъ какъ сначала можно было опасаться, что публика будетъ ихъ игнорировать.

Такъ какъ на этотъ разъ пренія сеймовъ ограничиваются вышеупомянутыми предметами, то ихъ засѣданія могутъ быть уже закрыты въ половинѣ текущаго мѣсяца, послѣ двухнедѣльнаго существованія, и тогда снова выступятъ на сцену рейхстагъ и прусскій ландтагъ.

Рейхстагъ, какъ извѣстно, не могъ окончить своихъ трудовъ до наступленія рождественскихъ каникулъ; а такъ какъ прусскій ландтагъ долженъ, согласно конституціи, собраться въ половинѣ января для опредѣленія экономическаго бюджета, то старое бѣдствіе снова угрожаетъ намъ, т.-е. то, что оба собранія будутъ засѣдать одновременно. Фактически этого нельзя даже и выполнить, такъ какъ извѣстно, что многіе депутаты засѣдаютъ въ обоихъ собраніяхъ, и поэтому уже въ прошломъ году прибѣгали къ уловкѣ, которая будетъ въ ходу и нынѣче, а именно, что прусскій ландтагъ, не откладывая формально своего собранія, пріостановитъ засѣданія, послѣ того какъ соберется и вотируетъ бюджетъ, до той поры, когда рейхстагъ окончитъ свои труды. Но уловка эта обходится дорогонько, такъ какъ депутаты вслѣдствіе того, что не постановлено формальной отсрочки, получаютъ жалованье. Прусскій ландтагъ былъ открытъ 16-го января. Какъ это обыкновенно бываетъ, когда король не самъ читаетъ тронную рѣчь, церемонія открытія была совсѣмъ не парадная. Тронная рѣчь не заключаетъ также въ себѣ ничего, что могло бы возбудить политическія страсти. Число предстоящихъ обсужденію законопроектовъ ничтожно, и между ними нѣтъ такихъ, которые бы имѣли политическое значеніе. Провинціальное уложеніе еще не распространяется на западныя провинціи и на Познань. Въ области церковно-политическаго законодательства не выработано новыхъ законовъ. Несмотря на то, пренія могутъ стать интересными вслѣдствіе неожиданныхъ происшествій или законопроектовъ, которые пра-

Digitized by Google

вительство можетъ вызвать впослѣдствіи, или же представить самъ ландтагъ. Но все это еще впереди. Предварительно же дѣло обошлось очень мирно и благополучно. Проектъ бюджета, изъ каждой строчки котораго явствуетъ, что жирные годы уже миновались, принятъ холодно, но нельзя сказать чтобы враждебно, и единственнымъ характеристическимъ событіемъ была перемѣна президента. Депутатъ Лёве, первый вице-президентъ, сталъ уже съ нѣкоторыхъ поръ въ нѣсколько неловкое положеніе относительно прогрессивной партіи, къ которой принадлежитъ, а потому заранѣе объявилъ, во избѣжаніе пораженія, что ни въ какомъ случаѣ не приметъ избранія. Вмѣсто него избранъ гораздо болѣе радикальный депутатъ, тоже членъ прогрессивной партіи; національ-либеральная партія также отдала ему свои голоса, и такимъ образомъ дружеская связь между обѣими партіями стала еще тѣснѣе.

Національ-либеральная партія, самая многочисленная какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ ландтагѣ, довольно давно уже наслаждается сладостью власти, и эта послѣдняя омрачается только тѣмъ, что и національ-либеральная партія образуетъ министерство, заключающее въ себѣ или людей безъ всякаго опредѣленнаго политическаго направленія, или такихъ, что̀ входятъ въ составъ численно слабой партіи—свободо-консервативной. До сихъ поръ національ-либералы спокойно взирали на это обстоятельство, не столько, быть можетъ, по отсутствію честолюбія у ихъ выдающихся членовъ, сколько потому, что считаютъ, что ихъ время еще не наступило. Какъ они и понятно, въ средѣ самой партіи образовалось нѣсколько теченій, и ее дѣлятъ обыкновенно на два фланга: правый и лѣвый. Послѣдній, подъ руководствомъ Ласкера, тяготѣетъ къ прогрессивной партіи, а первый стоитъ ближе къ консервативной. Этотъ разладъ подаетъ постоянно поводъ къ слухамъ о близкомъ распаденіи національ-либеральной партіи; но эти слухи такъ же мало оправдывались до сихъ поръ, какъ и постоянно всплывающія на верхъ извѣстія о неблагосклонности канцлера къ національ-либеральной партіи и его желаніи образовать новую консервативную партію. Что же касается національ-либераловъ, то они очень хорошо знаютъ, что единство составляетъ силу. Но къ сильной партіи естественно всегда примыкаетъ извѣстное число слабыхъ, нерѣшительныхъ людей, и изъ нихъ одни готовы ладить съ консерваторами, а другіе съ прогрессистами. Такое положеніе дѣлъ измѣнилось бы въ тотъ моментъ, когда національ-либеральная партія распалась. Но именно потому, что это для всѣхъ ясно, каждое разногласіе въ партіи до сихъ поръ улаживалось очень легко и быстро, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока въ общественномъ мнѣніи не совершится переворотъ, отъ котораго

Digitized by Google

національ-либеральная партія распадется. Но какъ бы то ни было, а все, что ни говорятъ о переворотѣ въ общественномъ мнѣніи, благопріятномъ будто бы для консерваторовъ, до сихъ поръ не подтверждается. Существуетъ, конечно, много людей, которымъ, подъ давленіемъ тяжелыхъ временъ, желательно найти предметъ для изліянія своей злобы; эти люди обвиняютъ либеральное законодательство какъ причину всего зла, но еслибы поймать ихъ на словѣ, то они врядъ ли бы рѣшились пожертвовать этимъ законодательствомъ, несомнѣнно принесшимъ много пользы. А теперь, съ другой стороны, гдѣ у насъ консерваторы? Всѣ вмѣстѣ взятые, они образуютъ едва одну восьмую всего числа членовъ рейхстага или ландтага, и при этомъ распадаются еще на три фракціи: свободо-консервативную, нове-консервативную и партію „Крестовой Газеты"; изъ нихъ первая въ большинствѣ случаевъ шла и продолжаетъ идти рука объ руку съ умѣренно-либеральной партіей. Подобно тому, какъ нельзя вызвать изъ земли арміи, такъ нельзя внезапно создать большой консервативной партіи. Консервативная партія скомпрометтировала себя во время столкновенія крупными ошибками. Ей слѣдовало въ тѣ времена держаться на почвѣ конституціи и служить посредницей между правительствомъ и либеральнымъ большинствомъ палаты депутатовъ, а вмѣсто того, она была рьянѣе самого короля, выказывала безусловное равнодушіе къ конституціи и дождалась того, что слѣдовало заранѣе предвидѣть, что правительство помимо нея заключило миръ съ либералами, а министерство наполнилось людьми, которыхъ можно было назвать, не безъ основанія, либералами или, по крайней мѣрѣ, умѣренными. Насколько люди компетентные, безпристрастные и свободномыслящіе могутъ судить о положеніи вещей, они находятъ, что существуетъ очень мало шансовъ къ тому, чтобы правительственная система измѣнилась.

Выше я старался представить основныя черты синодальнаго и провинціальнаго уложеній, и читатели согласятся, что оба составлены весьма разумно и послѣдовательно. То же самое нужно сказать и объ всемъ законодательствѣ, выработанномъ съ 1867 года. Оно представляетъ органическое строеніе, и если вынуть изъ него хотя бы одинъ камень, то все оно распадается. А это бы произвело, безъ сомнѣнія, реакціонное движеніе и ослабило бы государство настолько, что о дальнѣйшемъ объединеніи Германіи нѣчего было бы и думать, а слѣдовало бы скорѣе опасаться ея распаденія. Безъ сомнѣнія, въ Германіи, странѣ, по натурѣ своей, консервативной, либерализмъ не дористетъ до небесъ, но консервативное настроеніе, если таковое и наступитъ позднѣе, выразится развѣ лишь въ томъ, что тѣ самыя партіи, при чьемъ содѣйствіи выработалось новѣйшее законодатель-

Digitized by Google

ство, сами станутъ консервативнѣе, т.-е. захотятъ удержать то, что уже созданно, не прибавляя къ нему ничего новаго. Таковъ ходъ вещей какъ въ частной, такъ и въ политической жизни. Пунктъ, съ котораго начнется этотъ поворотъ, быть можетъ, уже недалекъ, но еще не достигнутъ въ настоящую минуту. Поэтому, благоразумнѣе не довѣрять слухамъ о насильственномъ и сверху идущемъ переворотѣ. Эти слухи распускаются почти исключительно людьми, недовольными существующимъ порядкомъ, но совершенно безсильными измѣнить его и обратить свои желанія въ факты. Поразительное доказательство этому мы видѣли въ послѣдніе дни. Генеральный синодъ разошелся, какъ это уже было выше сказано, передъ рождественскими каникулами, выполнивъ свою задачу. То обстоятельство, что королевская санкція его опредѣленій заставила себя ждать нѣкоторое время—не больше, однако, четырехъ недѣль—возбудило во всѣхъ противникахъ новаго церковнаго уложенія, какъ среди лѣвой, такъ и среди правой сторонъ, самыя необузданныя надежды. Пущены были слухи, что король не рѣшается принять уложеніе; ультра-консерваторы и ультрамонтаны уже ожидали паденія ненавистнаго имъ министра народнаго просвѣщенія Фалька, а разъ въ министерствѣ произведена была бы брешь, то и все оно не замедлило бы распасться! Но вотъ, 20-го числа, появилась санкція—и всѣмъ безумнымъ надеждамъ нанесенъ былъ жестокій ударъ.

Такія безумныя надежды постоянно питаются ультрамонтанами. Они вѣрятъ, или прикидываются что вѣрятъ въ то, что государство утомилось вести съ ними борьбу и ищетъ, хотя бы и унизительнаго, мира. Поддержку этимъ ошибочнымъ заключеніямъ они находятъ въ образѣ дѣйствій протестантскихъ реакціонеровъ: эти послѣдніе, за неимѣніемъ другихъ союзниковъ, ищутъ ихъ въ ультрамонтанахъ и готовы на всѣ уступки. Ничто не можетъ быть глупѣе этихъ иллюзій. Государство занимаетъ по отношенію къ ультрамонтанамъ самую выгодную позицію. Активнаго противодѣйствія они нигдѣ не встрѣчаетъ, потому что низшее духовенство утомилось вытаскивать для своихъ высшихъ каштаны изъ огня, а тѣ изъ епископовъ, которые находятъ роль мучениковъ неудобной, бросаютъ свои епархіи и спасаются за границу. Правительству нѣтъ ни малѣйшаго основанія уступить, хотя бы на одну іоту; ему остается только поддерживать уже изданные законы, и безусловное подчиненіе католическаго духовенства совершенно неизбѣжно, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Борьба длится всего еще четыре года, и когда побѣда будетъ одержана, тогда исправлены будутъ ошибки правительства, длившіяся больше полстолѣтія, въ томъ отношеніи, что оно не только не противодѣйствовало стремленіямъ католическаго духо-

Digitized by Google

венства стать независимымъ отъ государства, образовать государство въ государствѣ, но даже поощряло ихъ. Кто сталъ бы колебаться, находясь такъ близко у цѣли? Какъ могъ бы сдѣлать это король Вильгельмъ, одобрявшій каждый шагъ въ этой борьбѣ и ни разу въ жизни еще не оказавшійся непослѣдовательнымъ, король Вильгельмъ, самымъ ревнивымъ образомъ отстаивавшій прерогативы короны среди конституціонныхъ формъ!

Конечно, ультрамонтаны безъ устали повторяютъ, что они лучшая и самая прочная опора трона, что они одни въ состояніи сдержать соціализмъ, грозу, тяготѣющую надъ всѣмъ обществомъ; но гдѣ факты, могущіе подкрѣпить эти утвержденія? Въ какой другой странѣ существуетъ такое благопріятное для ультрамонтанъ правительство, какъ въ Бельгіи? А между тѣмъ соціалисты также сильны въ этой странѣ, и, быть можетъ, даже сильнѣе, нежели въ другихъ. Удивительно, что ультрамонтанскіе органы въ Бельгіи жалуются теперь на происки соціалистовъ. Рабочіе всѣ вооружены тамъ ружьями, которыя тамошніе оружейные заводы продаютъ по грошовой цѣнѣ, потому что новыя изобрѣтенія постоянно вытѣсняютъ старыя. Масса распѣваетъ мятежныя пѣсни, направленныя противъ трона и алтаря, противъ собственности и семьи. Очень хорошо. Но гдѣ же католическое духовенство пользуется такимъ независимымъ положеніемъ въ государствѣ, такимъ вліяніемъ на школьное преподаваніе, гдѣ предоставлена ему такая тиранническая опека надъ населеніемъ, какъ въ Бельгіи?

Одинъ весьма уважаемый депутатъ германскаго рейхстага высказалъ недавно замѣчаніе, которое, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ самому Бисмарку. Либералы, сказалъ онъ, могутъ надѣяться лишь съ помощью правительства побѣдить соціалистовъ и ультрамонтанъ. Это очевидная истина, и однако многіе ее не признаютъ. Упрямые консерваторы, противящіеся всякому прогрессу, утверждаютъ при всякомъ шагѣ, предпринимаемомъ противъ ихъ желанія, что правительство вступаетъ на опасную дорогу, съ которой нѣтъ возврата; но дѣло не въ этомъ. Опасность наступаетъ только тогда, когда либеральная и прогрессивныя партіи, опасаясь реакціи, бушующей у нихъ за спиной, стремятся выдти изъ бѣды путемъ усиленнаго либерализма и несутся впередъ, безъ удержу, пока всѣ элементы, первоначально прильнувшіе къ нимъ, не отпадутъ постепенно, и для реакціи явится возможность пожинать плоды. Таковъ былъ ходъ великой французской революціи 1789 г., французской революціи 1848 г., того же года въ Австріи и въ Пруссіи, и сотни другихъ революцій. Умѣренные либералы, которые обыкновенно даютъ первый толчокъ, всякій разъ полагаютъ, что избираютъ изъ двухъ золъ

Digitized by Google

меньшее, когда, спасаясь отъ реакціонеровъ, ищутъ поддержки въ крайнихъ либералахъ. Но когда либераламъ, какъ теперь въ Германіи и въ Пруссіи, нечего опасаться реакціонеровъ, то не требуется особенной мудрости, чтобы защититься отъ тѣхъ, кто, вскарабкавшись на ихъ плечи, стремится впередъ, чтобы впослѣдствіи столкнуть ихъ съ дороги. Для соціалистовъ либералы такіе же враги, какъ и правительство, и обратно.

Примите наконецъ въ разсчетъ еще и то, что внутреннее столкновеніе 1862 — 1866 гг. стоитъ бѣльмомъ въ глазу у всѣхъ проницательныхъ людей, и никому нѣтъ охоты повторить снова подобный опытъ, и вы поймете, можно ли придавать какое-нибудь значеніе слухамъ о перемѣнѣ въ правительственной системѣ.

Я приближаюсь къ концу своей задачи. Картина настоящаго положенія дѣлъ была бы не полна, если бы я не коснулся еще двухъ пунктовъ, весьма сильно занимающихъ общественное мнѣніе: проекта передачи желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе имперіи (т.-е. германской имперіи) и положенія внѣшней политики, т.-е. спеціально восточнаго вопроса.

О первомъ вопросѣ я уже говорилъ раньше. Мысль отнюдь не нова. Годъ тому назадъ она была высказана нѣкоторыми, обсуждалась въ печати и даже въ прусскомъ ландтагѣ, но оставалась безъ результатовъ. Если съ нѣкоторыхъ поръ она особенно интересуетъ общественное мнѣніе, то этому содѣйствуютъ финансовые и политическіе факторы. Я говорю не про плохое финансовое положеніе почти всѣхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ; изъ нихъ многія, конечно, были бы очень рады, если бы правительство отчуждило отъ нихъ желѣзныя дороги, а акціонеры могли бы при этомъ разсчитывать если на менѣе значительную, за то болѣе вѣрную ренту. Я имѣю въ виду то соображеніе, въ силу котораго признается многими, что кризисъ, отъ котораго Германія страдаетъ уже четвертый годъ, произошелъ главнымъ образомъ оттого, что государственный долгъ, бывшій и безъ того сравнительно ничтожнымъ, еще сократился черезъ погашеніе его посредствомъ суммъ, взятыхъ изъ французской военной контрибуціи, и что капиталъ, искавшій помѣщенія, бросился на невѣрныя предпріятія. Что и крупные государственные долги не препятствуютъ процвѣтанію страны — доказываетъ примѣръ Англіи и Франціи; сюда присоединяется еще и то крайне важное обстоятельство, что капиталъ, который употребится на покупку желѣзныхъ дорогъ, т.-е. долгъ, который будетъ сдѣланъ съ этою цѣлью, будетъ въ высшей степени производителенъ. Политическое соображеніе, говорящее въ пользу осуществленія этого плана, это то, что Германія будетъ такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ объединена въ извѣстномъ отношеніи. Конечно, Баварія, Саксонія и Виртембергъ по всей вѣроятности сильно возстанутъ противъ такого проекта, но никто и не желаетъ насильственно навязывать имъ его; а когда всѣ остальныя желѣзныя дороги будутъ находиться подъ однимъ общимъ управленіемъ, то можно надѣяться, что выгоды такого положенія дѣлъ выступятъ настолько ярко, что сопротивленіе само собой падетъ. А то, что одно общее управленіе представляетъ громадныя выгоды, а главное—бо́льшую экономію, это всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ. Даже величайшіе противники проекта соглашаются, что общее государственное управленіе сдѣлаетъ ненужнымъ массу страшно дорогихъ аппаратовъ, употребляемыхъ нынѣ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, что оно положитъ конецъ вредной и крайне дорого стоющей конкурренціи отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Почта, всегда составлявшая гордость Пруссіи, стала нашимъ популярнѣйшимъ учрежденіемъ подъ управленіемъ геніальнаго почтъ-директора Стефена, и публика остается глуха ко всѣмъ аргументамъ, самимъ по себѣ далеко не основательнымъ, которые приводятся противъ расширенія государственной власти такимъ путемъ. Я бы однако не сталъ распространяться объ этомъ предметѣ, если бы онъ не получилъ въ настоящее время осязательной формы и весьма важнаго значенія. Прусское министерство впервые занялось имъ оффиціально, и хотя еще неизвѣстно принятое имъ рѣшеніе, но такъ какъ князь Бисмаркъ сильный приверженецъ этой идеи, то можно ожидать, что дѣло не ограничится на этотъ разъ одними разговорами. Что касается того, какимъ образомъ привести ее въ исполненіе, то на этотъ счетъ существуютъ лишь одни предположенія. По всей вѣроятности, Пруссія возьметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и передастъ свои собственныя государственныя желѣзныя дороги, равно какъ и всѣ свои права на прусскія частныя желѣзныя дороги, государству. На это нужно содѣйствіе, во-первыхъ, прусскаго ландтага, затѣмъ германскаго рейхстага и, наконецъ, союзнаго совѣта.

Уже въ прусскомъ ландтагѣ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію: прогрессивная партія, опасающаяся усиленія государственной власти, какъ результата его осуществленія, уже на предварительныхъ своихъ совѣщаніяхъ положила единодушно вотировать противъ проекта. Остается ждать, что́ изъ этого всего выйдетъ, и въ слѣдующемъ письмѣ мнѣ можно будетъ уже, по всей вѣроятности, сообщить: окажутся ли препятствія, ожидающія проектъ, непреодолимыми.

Что касается восточнаго вопроса, то правительство строго держится системы глубокаго молчанія. О ходѣ дипломатическихъ пере-

Digitized by Google

говоровъ узнаютъ здѣсь изъ извѣстій, получаемыхъ изъ Вѣны, Лондона или Петербурга, и только въ рѣдкихъ случаяхъ оффиціальный „Reichsanzeiger“ возвышаетъ свой голосъ, въ подтвержденіе какого-нибудь извѣстія. Въ половинѣ сентября тотъ же самый „Reichsanzeiger“ рѣзко оборвалъ нѣмецкую печать за то, что она ревностно поддерживала мысль о необходимости отдѣленія возставшихъ провинцій отъ Турціи и образованія самостоятельнаго государства подъ верховнымъ покровительствомъ Австріи. „Reichsanzeiger“ полагалъ, что такіе совѣты могутъ показаться Австріи неприличной опекой, и послѣ его выговора печать стала сдержаннѣе, но не отказалась вполнѣ отъ этой мысли. Въ настоящую минуту она опять высказывается довольно громко. Проектъ реформы графа Андраши встрѣчаетъ мало сочувствія можетъ быть потому, что онъ представляется слишкомъ смѣлой и тонкой дипломатической штукой, и если я вѣрно понимаю общественное мнѣніе, то оно опасается, что неизбѣжный ходъ вещей на Востокѣ можетъ быть только отдаленъ этимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, но не устраненъ. Одно несомнѣнно: что симпатіи къ туркамъ, которыя въ Германіи были еще довольно сильны во время крымской войны, теперь совсѣмъ охладѣли, а это все же представляетъ нѣкоторую выгоду для рѣшенія вопроса, потому что князь Бисмаркъ, конечно, не можетъ желать вести политику прямо въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ томъ случаѣ, когда онъ это сдѣлалъ, а именно въ войнѣ съ Австріей 1866 г., онъ могъ съ основаніемъ разсчитывать на поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Не относительно Турціи на это нельзя разсчитывать. Всякія соображенія объ этомъ предметѣ могутъ показаться праздными, такъ какъ неоднократно уже заявлялось, что Германія не заинтересована въ этомъ вопросѣ и что всѣ ея стремленія направлены къ сохраненію мира. Въ правдивость этого удостовѣренія повѣритъ каждый безпристрастный судья о германской политикѣ. Но что, несмотря на искреннія старанія германскаго правительства обезпечить миръ, будущее не свободно отъ опасеній, это подтверждается прежде всего постоянно возвращающейся тревогой, парализующей большіе биржевые рынки.

Такъ какъ я уже заговорилъ о „Reichsanzeiger“, то упомяну объ одномъ обстоятельствѣ, недавно надѣлавшемъ много шума. Бывшій австрійскій министръ, фонъ-Шмерлингъ, говорилъ на одномъ банкетѣ о миссіи Австріи, которую онъ во время своей прежней политической дѣятельности понималъ такъ, что Австрія должна быть строго объединеннымъ государствомъ и оказывать рѣшительное вліяніе на Германію. Его слова были истолкованы такимъ образомъ, что каждый добрый австріецъ долженъ стремиться къ разрушенію герман-

Digitized by Google

свой имперіи, образовавшейся послѣ войны. Вслѣдствіе такого заявленія „Provinzial Correspondenz" разразилась необыкновенно горячей статьей, въ которой говорилось, что политика, рекомендуемая фонъ-Шмерлингомъ, угрожала бы нарушить добрыя отношенія между Австріей и Германіей. Угрожающій тонъ статьи, идущій въ разрѣзъ съ нравоученіемъ, прочитаннымъ незадолго передъ тѣмъ нѣмецкой печати „Staatsanzeiger"'омъ, за то, что она беретъ на себя трудъ подавать Австріи добрые совѣты, произвелъ какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи сильное возбужденіе и вызвалъ оживленную газетную полемику, такъ какъ часть австрійской печати почувствовала себя оскорбленной въ своей національной гордости. Здѣсь шумъ прекратился только тогда, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что статья (Provinzial-Correspondenz" газета совсѣмъ оффиціальная), внушенная свыше, имѣла цѣлію оказать нравственную поддержку графу Андраши, которому угрожаетъ аристократически-военная партія при вѣнскомъ дворѣ, т.-е. феодалы съ клерикалами. Затѣмъ наступило въ печати полнѣйшее затишье.

До сихъ поръ я говорилъ только о политикѣ, между тѣмъ какъ читателямъ желательно было бы услышать что-нибудь болѣе занимательное. Но что же дѣлать? нѣмецкій народъ по уши засѣлъ въ сухую политическую работу и не находитъ времени для другихъ занятій. Многіе надѣялись, что съ окончаніемъ войны наступитъ эра умственнаго процвѣтанія, что художники и поэты станутъ другъ передъ другомъ усердствовать въ прославленіи великихъ дѣяній своего народа, что за желѣзнымъ вѣкомъ послѣдуетъ золотой, какъ это было въ древности въ Греціи и Римѣ. Какое горькое разочарованіе! Какъ обманула эта надежда! Можно подумать, что все нѣмецкое искусство истощилось неудачной побѣдной колоніей. Старѣющіеся писатели не помолодѣли, прикоснувшись къ кастальскимъ водамъ, а новыхъ не появляется. Драматическое искусство безмолвствуетъ или пробавляется иностранными издѣліями. Существуютъ люди, которыхъ крайне пугаетъ это явленіе: они полагаютъ, что идеализмъ нѣмецкаго народа, т.-е. его главная сила, убивается политикой, и что за краткимъ періодомъ блеска послѣдуетъ неизбѣжное паденіе, всегда наступающее, когда умственныя силы народа истощаются. Не заглядывая въ будущее, можно однако сказать, что такія опасенія преувеличены. Незначительная проницательность требовалась на то, чтобы заранѣе предвидѣть, что преждевременныя надежды на ихъ счастіе были утопическими, потому, что положеніе дѣлъ не только въ самой Германіи, но и въ цѣлой Европѣ и можно сказать во всемъ образованномъ мірѣ переходное, и потому, что ни одинъ народъ не достигъ покоя

Digitized by Google

и мирнаго благоденствія. Можно даже думать, что сама Англія, которая, благодаря изолированному положенію, такъ долго держалась въ сторонѣ отъ великихъ распрей и копила богатства въ изумительныхъ размѣрахъ, теперь снова готова броситься въ водоворотъ, увлекаемая непреодолимой силой.

Не желая быть несправедливымъ къ Германіи, упомяну по крайней мѣрѣ объ одномъ произведеніи, недавно появившемся въ печати. Это — историческое сочиненіе, а исторія постоянно остается самымъ плодоноснымъ и благодарнымъ полемъ. Сочиненіе, о которомъ я говорю, называется: „Кнезебекъ и Шёнъ", и написано молодымъ ученымъ, д-ромъ Максомъ Леманомъ, который получилъ управленіе государственными архивами, подъ руководствомъ профессора Зибеля, такъ какъ Бисмаркъ намѣренъ облегчить изученіе архивовъ для людей, занимающихся исторіей. Не особенно пріятная задача разрушать патріотическія сказки, излюбленныя народомъ и перешедшія въ его плоть и кровь. Но человѣку науки нельзя останавливаться передъ такими сантиментальными соображеніями, и Леманъ совершенно разрушилъ нѣсколько такихъ историческихъ сказокъ изъ новѣйшаго періода прусской исторіи. Полковникъ и, позднѣе, генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Кнезебекъ хвалится въ своихъ мемуарахъ тѣмъ, что онъ былъ настоящимъ творцомъ плана русскаго отступленія передъ наполеоновской арміей въ 1812 г. Дальше, онъ же утверждаетъ, какъ неоспоримый фактъ, будто вслѣдъ за союзомъ между Пруссіей и Франціей въ 1812 г., въ силу котораго король прусскій вынужденъ былъ присоединить къ французской арміи вспомогательный корпусъ,—300 офицеровъ прусской арміи подали немедленно въ отставку. Но Леманъ добылъ изъ архивовъ несомнѣнныя доказательства, что, во-первыхъ, Кнезебекъ не только не поощрялъ мысли объ отступленіи русскихъ, но во многихъ дѣловыхъ бумагахъ называлъ ее пагубной, а-во вторыхъ, что вслѣдствіе того союза только весьма небольшое число офицеровъ отправилось въ Россію, и изъ нихъ нѣкоторые уже не состояли на дѣйствительной службѣ. Внезапная отставка 300 офицеровъ совершенно дезорганизировала бы тогдашнюю, весьма небольшую прусскую армію. На основаніи самыхъ вѣрныхъ источниковъ Леманъ убѣдился, что сказаніе объ отставкѣ цѣлой массы офицеровъ было неизвѣстно въ эпоху, слѣдовавшую за войной освобожденія, и распространилось 10 или 15 лѣтъ позднѣе, благодаря вышеупомянутымъ мемуарамъ. Еще интереснѣе доказательства, приводимыя Леманомъ противъ Шёна, который былъ въ эпоху войны за независимость оберъ-президентомъ провинціи Пруссіи и выставляется въ исторіи, какъ настоящій зачинщикъ возстанія противъ Наполеона. Шёнъ и штаты провинціи восточной Пруссіи слывутъ за настоящихъ твор-

Digitized by Google

цевъ ландвера, и на нихъ ссылались историки, изображавшіе дѣло такъ, какъ будто бы король Фридрихъ-Вильгельмъ II уступилъ только непреодолимому давленію народной воли, первыми представителями которой были тѣ штаты восточной Пруссіи. Леманъ доказываетъ, что дѣло шло совсѣмъ иначе, что тогдашніе восточно-прусскіе штаты вовсе не были такими самоотверженными, но, напротивъ, старались уклониться, насколько можно, отъ требованій правительства, и что они не только не относились съ живымъ сочувствіемъ ко всеобщей воинской повинности, а напротивъ того, желали ввести законъ замѣны наемными охотниками лицъ, подлежащихъ этой повинности, то-есть поддерживали мысль, діаметрально противоположную всеобщей воинской повинности. Народная исторія, конечно, утрачиваетъ часть своей прелести, благодаря подобнымъ изслѣдованіямъ, но истина отъ нихъ выигрываетъ. А кто вообще цѣнитъ критику, тотъ будетъ съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ слѣдить за обстоятельнымъ разборомъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, хотя бы само по себѣ оно не возбуждало особаго интереса.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 января, 1876.

Индія и путешествіе принца Уэльскаго.

11-го октября 1875 г. принцъ Уэльскій оставилъ Лондонъ, предпринимая поѣздку въ Индію. „Паръ окаймилъ земной шаръ поясомъ", восклицалъ „Times", и „наслѣдникъ британской короны можетъ достичь крайнихъ предѣловъ своихъ владѣній почти съ такой же быстротой и безопасностью, съ какими въ былое время римскій императоръ могъ добраться до арміи, находящейся въ ближайшемъ разстояніи отъ его столицы". Пусть читатели извинятъ напыщенность этихъ сравненій, во вниманіе къ той скупости, съ какою органъ Сити расточаетъ обыкновенно риторическіе цвѣты. „Паровой поясъ" и „римскій императоръ" служатъ однако нѣкоторымъ указаніемъ того значенія, какое придается публикой путешествію наслѣдника престола. Всеобщее вниманіе устремлено на востокъ: книги и документы, касающіеся Индіи, прочитываются съ жадностью; иллюстрированные журналы наполнены тропическими пейзажами, слонами и баядерками, и въ клубахъ, какъ и въ салонахъ, охотно толкуютъ объ „our empire in India".

Digitized by Google

Не такъ давно Маколей оплакивалъ невѣжество своихъ соотечественниковъ касательно этой имперіи. „Каждый школьникъ знаетъ, кто заточилъ Монтезуму и кто удавилъ Атагуальпу. Но мы сомнѣваемся, чтобы изъ десяти высокообразованныхъ англичанъ хоть одинъ могъ сказать, кто выигралъ сраженіе при Буксарѣ, кто совершилъ рѣзню въ Патнѣ, царствовалъ ли Суджа-Даула въ Ауде или Траванкорѣ, былъ ли Хейдаръ индусъ или магометанинъ“ [1]). Это невѣжество существуетъ до сихъ поръ, не взирая на весь теперешній энтузіазмъ, впрочемъ, совершенно искусственный. Оно зависитъ главнымъ образомъ отъ отсутствія сочиненій, интересно написанныхъ и доступныхъ массѣ. Въ матеріалахъ нѣтъ недостатка; если чего недостаетъ, такъ это великаго *desideratum* всей англійской печати вообще: плана, порядка, методы. Прибавьте и существенныя трудности, сложность предмета, и вы поймете, что все это вмѣстѣ взятое отпугиваетъ умы, недостаточно подготовленные, отъ такого изученія.

Я попытаюсь однако дать если не полное, то хотя приблизительное понятіе о современномъ состояніи Индіи. Я начну, не скажу *ab ovo*, но не далеко оттого: мнѣ вѣдь надо забраться въ эпоху, предшествовавшую легендѣ о Брамѣ, потому что нельзя понять современной Индіи, не обозрѣвъ всей ея исторіи. А исторія эта представляетъ троякую физіономію: сначала индусскую, потомъ магометанскую и наконецъ англійскую — современное состояніе Индіи есть результатъ этого тройного наслоенія.

Между Гималайскими горами и мысомъ Коморіномъ, и отъ одного моря до другого простирается страна, благословенная небесами, гдѣ въ изобиліи встрѣчаются всѣ произведенія земли и рукъ человѣческихъ, начиная съ бриллианта Голконды и кончая самыми скромными и самыми необходимыми злаками; начиная съ шелковистыхъ тканей Кашемира и Бенгала и кончая опіумомъ, драгоцѣннымъ для китайцевъ и для англійскаго правительства. Жители раздѣляютъ ее на три части: *Индустанъ*, лежащій между Гималаями и горами Виндхіо, и заключающій бассейны Инда и Ганга; *Декканъ*, лежащій между этими горами и рѣкой Кистной, около 16 град. сѣв. шир.; наконецъ, Индія къ югу отъ Кистны, или полуостровъ въ собственномъ смыслѣ. У подошвы горъ Виндхіо находимъ и нынѣ остатки настоящихъ туземцевъ, малайской расы, съ плоскими волосами, похожими на австралійцевъ и главными представителями которыхъ являются *гонды*. Эти печальные образцы каменнаго періода сохранили священное благоговѣніе къ землѣ, которой они были пер-

[1]) Essays. Lord Clive.

Digitized by Google

ними синами: къ несчастію, они не находятъ лучшаго доказательства своего къ ней почтенія, какъ поливать ее въ извѣстныя эпохи кровью человѣческой жертвы. Однимъ изъ благодѣтельныхъ слѣдствій англійскаго завоеванія была экспедиція майора Макферсона, которому удалось, тридцать лѣтъ тому назадъ, хотя отчасти изгнать эти черезчуръ первобытные обычаи. Къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить и *кола*, бенгальскихъ парієвъ и пр.

Среди этихъ туземныхъ племенъ поселились туранскія племена, главнымъ образомъ къ югу. *Тамили* и *телинги*—самые многочисленные ихъ представители. Оттиснутые арійцами, они поселились въ Деканѣ и на югѣ полуострова, гдѣ ихъ находимъ доселѣ вмѣстѣ съ ихъ своеобразнымъ языкомъ.

За ними слѣдуютъ такъ-называемые *индусы*, то-есть арійцы, благороднѣйшая раса; или, вѣрнѣе сказать, та часть нашихъ общихъ предковъ, которая, отдѣлившись отъ своихъ иранскихъ братьевъ, покинула берега Оксуса и поселилась въ Пенджабѣ у притоковъ Инда. То было въ ведическую эпоху, обнимающую нѣсколько тысячелѣтій по XIV-е столѣтіе до нашей эры. Въ эту эпоху написаны были книги, называемыя *Веды*. То была эпоха политеизма, поклоненія силамъ природы, подъ именемъ Индры, бога неба, Агни, бога огня, и Сурія, бога солнца, этихъ прямыхъ прародителей Сатурна, Гефеста и Феба-Аполлона.

За этими первобытными вѣками наступила *браминская* эпоха (отъ 1300 по 600 г. до Р. Х.), ознаменованная законами, именуемыми Ману и великими эпопеями Магабхаратой и Рамайяной. Затѣмъ идетъ эпоха *буддическая* (по VII-е или VIII-е столѣтіе нашей эры), и наконецъ эпоха *браминскаго возрожденія*, съ новыми книгами, называемыми *Пурана*, и продолжающаяся по наше время. Въ законахъ Ману находимъ раздѣленіе на касты, незнакомое эпохѣ Веддъ: на браминовъ или жрецовъ, кшатріевъ или солдатъ, вайсіевъ или купцовъ, и наконецъ судровъ, превращенныхъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Первыя три касты благородныя и принадлежатъ къ племени побѣдителей арійцевъ; нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣдніе объединили подъ именемъ судровъ всѣ низшія племена, какъ туземныя, такъ и туранскія, раньше ихъ поселившіяся въ странѣ. Впрочемъ, это раздѣленіе давно уже перестало существовать. Въ настоящее время не существуетъ больше ни вайсіевъ, ни кшатріевъ: только *раджпуты*, господствующіе въ нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, утверждаютъ, что происходятъ отъ кшатріевъ. И дѣйствительно, красота и изящество ихъ наружности могутъ оправдать эти притязанія. Брамины больше не исключительно жрецы, и встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Вмѣсто прежнихъ судровъ, образо-

Digitized by Google

вались новыя касты, но совсѣмъ иного рода, основанныя главнымъ образомъ на раздѣленіи труда и далеко не столь исключительныя, какъ это воображаютъ.

Въ то же самое время развивалось браминское ученіе, едва намѣченное въ Веддахъ. Ученіе спиритуализировалось въ извѣстномъ смыслѣ, и подъ именемъ Брамы жрецы усвоили идею о верховномъ существѣ, проникающемъ все во вселенной: такимъ образомъ совершился переходъ отъ веддическаго политеизма къ браминскому пантеизму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, туранскія племена ассимилируются мало-по-малу съ завоевателями и становятся индусами: они приносятъ съ собой поклоненіе Линги и змѣѣ. Съ другой стороны, пантеизмъ браминовъ былъ слишкомъ утонченъ для массы: мало-по-малу, особенно въ Пуранахъ, два божества, первоначально второстепенныя, принимаютъ неожиданные размѣры: Вишну, благодѣтельный охранитель, встрѣчаетъ особое поклоненіе у арійцевъ, между тѣмъ какъ туранцы усерднѣе поклоняются страшному Шивѣ, разрушителю и зиждителю. Въ совершеніи этихъ мистерій, смерти и постепеннаго возрожденія, змѣи и Линги, брамины почерпнули по всей вѣроятности странную идею о переселеніи душъ, идею, коренящуюся въ стремленіи, присущемъ человѣку—разрѣшить вѣчно безпокоющую его загадку о происхожденіи зла нравственнаго и физическаго. Страданія, повидимому незаслуженныя, являются искупленіемъ предыдущей дурной жизни: это теорія наказанія и награды par anticipation.

За *индусской* исторіей слѣдуетъ исторія *мусульманская*. Съ 700 по 1000 г. нашей эры ученіе и мечъ Магомета распространяются изъ Багдада и Малой Азіи до Оксуса и Гималай. Нѣкоторыя фамиліи становятся мало-по-малу независимыми отъ калифовъ и царствуютъ въ Хорассанѣ и Транзоксіанѣ. Въ 967 г. турецкій невольникъ основываетъ династію и монархію Газни въ Афганистанѣ. Сынъ его, знаменитый султанъ Махмудъ, родившійся отъ матери персіанки, перешелъ черезъ Оксусъ и въ 1001 г. положилъ первое основаніе владычеству мусульманъ въ Индустанѣ. Преемники его постепенно покорили всѣхъ раджей, индусскихъ королей, до мыса Коморина; но царствованія послѣднихъ были омрачаемы набѣгами Тамерлана и Тимура. Наконецъ въ 1326 г. потомокъ послѣднихъ, Баберъ, основываетъ имперію великаго Могола. Конечно, у насъ не кружится голова при этомъ имени, какъ у современниковъ Людовика XIV, но величіе Делійскаго трона было совсѣмъ не призрачное. Не говоря уже объ основателѣ имперіи, оставившемъ такіе интересные мемуары, имена Акбера и Аурентзеба знаменуютъ для Индустана несомнѣнную эру славы и благосостоянія. Система взиманія налоговъ, существующая въ настоящее время, установлена была Акберомъ въ концѣ XVI-го столѣтія.

Digitized by Google

Со смертью Ауренгзеба (1707) начинается разложеніе имперіи, существующей уже только по имени послѣ побѣды, одержанной въ 1761 г. афганомъ Ахмедомъ-Шахомъ. Вмѣстѣ съ Ауренгзебомъ рушилась также власть великаго Могола, и хотя нѣкоторые изъ мусульманскихъ государей сохраняли еще нѣкоторую власть, но уже не мусульманскій элементъ господствовалъ въ Индіи, когда англичане завоевали ее. Фактъ прошелъ незамѣченнымъ, а между тѣмъ произошло настоящее военное и политическое возрожденіе индусскаго элемента, представляемаго маратами. Предпріимчивые, настойчивые, болѣе положительные и менѣе лѣнивые, чѣмъ раджпуты, они стали усиливаться въ концѣ XVII-го столѣтія, подъ вліяніемъ знаменитаго *Сиваджи*, тоже героя въ своемъ родѣ и весьма интереснаго. Изъ Пуна, первоначальнаго средоточія маратской власти, владычество ихъ мало-по-малу распространилось почти на весь Индустанъ до самого Дели. Но въ то время, какъ преемники Сиваджи царствовали подъ именемъ раджей на манеръ королей-лѣнтяевъ Меровингскаго дома, дворцовые мэры, называвшіеся *пешва*, по имени ихъ должности, были настоящими властителями. Кромѣ второго раджи, царствовавшаго въ Нагпурѣ, въ Берарѣ, трое другихъ офицеровъ изъ свиты знаменитаго пешвы Баджи-Рао, положили въ 1730 г. основаніе тремъ княжествамъ, доселѣ еще существующимъ. То были Мильхаръ-Рао, Холкаръ и Ранаджи-Синдія, потомки которыхъ царствуютъ до сихъ поръ подъ покровительствомъ англичанъ и съ титуломъ магараджей, въ Индорѣ и Гваліорѣ. 26-го декабря прошедшаго года, Холкаръ, индорскій магараджа, возвѣщенный 19-ю пушечными выстрѣлами и весь усыпанный брилліантами и изумрудами, явился на поклонъ къ принцу Уэльскому въ Калькуттскій дворецъ, какъ вѣрный вассалъ. Что касается третьяго офицера, Дамаджи Гейквара, то я имѣлъ случай разсказывать, какъ его потомокъ былъ недавно низложенъ англійскимъ правительствомъ съ престола Бароды: ребенокъ, болѣе или менѣе дальній наслѣдникъ, былъ возведенъ на престолъ на его мѣсто; но, несмотря на то и не вникая на нѣсколько фальшивыхъ нотъ, прозвучавшихъ въ мѣстной прессѣ, пріемъ, оказанный принцу Уэльскому въ этой провинціи, не былъ менѣе радушенъ.

Но было предопредѣлено свыше, что маратты, несмотря на свои завоеванія, не сдѣлаются властителями Индіи: *мусульманскій* періодъ кончился, и началось владычество англичанъ. 31-го декабря 1600 г., въ царствованіе Елисаветы дана была хартія съ привилегіями нѣсколькимъ „авантюристамъ“, занимавшимся мореходствомъ и торговлей; она придала имъ характеръ политической корпораціи, подъ названіемъ „губернатора и компаніи лондонскихъ купцовъ, торгующихъ

Digitized by Google

съ Ость-Индіей". Знаменитая ость-индская компанія была основана. Не мѣсто здѣсь излагать ея многочисленныя и интересныя перипетіи; ея факторіи, сначала скромныя въ Бомбеѣ и Мадрасѣ; основаніе Калькутты, ея администрацію, начиная съ 1708 г., состоящую изъ „court of directors", составленный изъ 24-хъ членовъ, избираемыхъ ежегодно. Я сразу перехожу къ 1730 г., къ тому моменту, когда геній Клэйва положилъ первый фундаментъ великой имперіи, нынѣ существующей.

Каково было въ ту пору положеніе Индустана? Маратты владѣли всею его западною частью и владычество ихъ простиралось до Дели, гдѣ великій Моголъ пользовался только номинальной властью. Кромѣ нихъ и нѣсколькихъ раджей, сдѣлавшихся независимыми, какъ-то—раджа Мизора, остальная часть полуострова была занята субахдарами (губернаторами) и набобами (лейтенантами) великаго Могола, мало-по-малу ставшими наслѣдственными властителями и не всегда даже формально признававшими власть императора. Такимъ образомъ, субахдаръ центральнаго Декана сдѣлался независимымъ въ 1748 г. подъ названіемъ Nizam ul Mulk (администраторъ государства). Однимъ изъ главнѣйшихъ мусульманскихъ властителей на ряду съ нимъ былъ субахдаръ или набобъ бенгальскій, затѣмъ набобъ Карнатика и проч. Надо прочитать у Маколея (статьи о Клэйвѣ и Варренѣ Гастингсѣ) исторію завоеванія Карнатика и Бенгала. Много было насказано громкихъ словъ о варварствѣ, циничномъ и грабительствѣ завоевателей. Конечно, дѣло, извѣстное подъ именемъ „предательства Омичонда", другое о племени ремловъ, проданныхъ за 400,000 фунтовъ стерлинговъ набобу аудскому, который истребилъ ихъ съ помощью англійскихъ солдатъ; ограбленіе аудскихъ принцессъ, у которыхъ буквально украли ихъ сокровища (1782 г.)—всѣ эти факты и нѣкоторые другіе, такого же рода, не таковы, чтобы ихъ заносить на страницы нравоучительныхъ книжекъ, предназначаемыхъ для назиданія юношества. „Но не такъ должны мы судить, —говоритъ Маколей, — о людяхъ, которые, бывъ поставлены превыше обыкновенныхъ стѣсненій и подвергшись необычайнымъ искушеніямъ, имѣютъ право и на большую долю снисхожденія. Подобные люди должны бы быть судимы современниками такъ же, какъ они будутъ судимы потомствомъ. Ихъ дурныя дѣла, конечно, не должны быть названы хорошими; но ихъ добрыя и дурныя дѣла должны быть безпристрастно взвѣшиваемы, и если въ общемъ итогѣ добрыя дѣла перевѣсятъ, то судъ долженъ произнести не только оправданіе, но и одобреніе". И, говоря о порицаніяхъ, раздававшихся въ публикѣ и парламентѣ, образу дѣйствія Клэйва, обогащеннаго бенгальскимъ набобомъ: „то былъ въ Англіи дешевый способъ прослыть

Digitized by Google

добродѣтельнымъ человѣкомъ,—восклицаетъ онъ:—стоило только придраться противъ хищничества Клэйва; но въ числѣ его обвинителей не нашлось бы одного на сто человѣкъ, который бы выказалъ такую же умѣренность, имѣя передъ собой сокровища Муршедабада" [1]).

Эти слова на ихъ взглядъ отлично характеризуютъ положеніе дѣлъ. Какъ бы то ни было, а важныя реформы произведены были въ организаціи ость-индской компаніи. „Regulatory Act" 1773 г. создавалъ генералъ-губернатора бенгальскаго, назначаемаго на пять лѣтъ, сначала правительствомъ, затѣмъ директорами, съ согласія правительства. Въ то же самое время въ Калькуттѣ учреждался верховный судъ. Въ 1784 г., новый законъ создавалъ „Board of Control", составленный изъ шести членовъ частнаго совѣта, избираемыхъ королемъ для наблюденія какъ за гражданскими, такъ и за военными дѣйствіями компаніи.

Между тѣмъ война продолжалась на югѣ Декана. Мусульманскій интриганъ, Гайдеръ-Али, отнялъ власть у мизорскаго раджи: съ помощью французовъ онъ велъ ожесточенную войну съ компаніей, которой и тутъ союзниками были маратты. Наконецъ, въ 1791 г. сынъ его Типпо-Саибъ былъ разбитъ и убитъ, часть Мизорскаго королевства перешла въ руки англичанъ, другая въ руки мараттовъ. Остальное было предоставлено потомкамъ старинныхъ раджей, съ условіемъ, что они откажутся отъ всякаго иного союза, кромѣ союза съ англичанами и предоставятъ послѣднимъ право руководить ихъ сношеніями съ иноземцами и пр. Такое же положеніе дѣлъ создано было и для аудскаго визиря со временъ Гастингса: и въ этихъ самыхъ условіяхъ существуютъ и понынѣ такъ-называемыя независимыя государства Индустана. Такимъ образомъ и въ 1818 г. права мараттскихъ вождей Холкара и Синдіи на ихъ владѣнія были подтверждены, а сами они поставлены въ положеніе вассаловъ, послѣ краткой войны: тутъ только во второй разъ маратты оказались невѣрны англійскому союзу, и никогда сопротивленіе ихъ не было ни серьёзно, ни продолжительно. Наконецъ, съ 1848 по 1856 г., при знаменитомъ управленіи лорда Далгузи присоединены были постепенно Пенджабъ и королевство Аудское, не считая части Бирманской имперіи. Низамская территорія уже съ 1851 г. находилась въ томъ же положеніи, какъ и Мизоръ и другія независимыя государства. Всѣ эти успѣхи заставили позабыть объ управленіи лорда Окленда и неудачной экспедиціи въ Афганистанъ. По сущности дѣла, вся Индія, отъ Гималайскаго хребта до мыса Коморина, была подчинена Англіи.

Вотъ тутъ-то и вспыхнуло страшное возстаніе 1857 г., страшное

[1]) Macaulay's Essays, p. 332 (edit. 1874).

Digitized by Google

дѣйствительно по жестокой рѣзнѣ и пролитой крови, съ той и другой стороны, но политическое значеніе котораго было сильно преувеличено. Извѣстно, что было его непосредственной причиной и предлогомъ: введеніе между сипаями ружей Энфильдской системы, съ патронами, пропитанными свинымъ и коровьимъ саломъ. Между тѣмъ первое животное омерзительно для мусульманъ, а второе служитъ предметомъ поклоненія для индусовъ. Недавнее присоединеніе Ауда вѣроятно посѣяло недоброжелательство въ умахъ, но религіозный фанатизмъ, всегда легко возбуждаемый и непримиримый, игралъ главную роль въ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи справедливо будетъ сказать, что затрудненіе было по преимуществу со стороны мусульманъ: индусы гораздо индифферентнѣе, и съ ними дѣло, конечно, уладилось бы. Надо присоединить печальныя воспоминанія объ афганистанской войнѣ. Неудача англичанъ поколебала ихъ обаяніе, созданное ровно сто лѣтъ тому назадъ Клэйвомъ, битвой при Плассн. Что касается того обстоятельства, о которомъ толковали тогдашнія газеты на всѣ лады, что произошелъ военный мятежъ, а не народное возстаніе, то оно не имѣетъ никакой важности: въ Индіи никогда не бывало народныхъ революцій, если исключить баснословныя эпохи династій Гастинапура и Рамайяны. Организація индусскихъ общинъ и семей такова, что политическія движенія и правительственные перевороты нисколько ихъ не затрогиваютъ.

Мало того, почти всѣ крупные индусскіе вассалы остались вѣрны англичанамъ. Жалкій потомокъ великихъ Моголовъ, номинальный делійскій король, правда, имѣлъ слабость допустить, чтобы его короновали императоромъ; но онъ былъ игрушкою сипаевъ, и со стороны англійскаго правительства было просто жестоко отправить въ изгнаніе этого картоннаго монарха. Нана-Сахибъ, считавшій себя наслѣдникомъ Пешва, но непризнанный таковымъ англичанами, руководствовался чисто личными мотивами. Что касается индусскихъ владѣтелей магараджей, Синдіи и Холкара, они выказали англичанамъ ту вѣрность, какую почти всегда оказывали имъ маратты.

Въ сущности и этого никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду. *Индія вообще* и въ самый разгаръ возстанія *оставалась вѣрна англичанамъ*, и окончательнымъ результатомъ было упроченіе ихъ власти на такой срокъ, какого опредѣлить невозможно. Законъ 2-го августа 1858 г. положилъ конецъ существованію ость-индской компаніи и владѣнія ея перешли въ непосредственное вѣдѣніе королевы и парламента. Три президенства перестали существовать; они имѣютъ значеніе лишь съ военной точки зрѣнія. Управленіе было установлено слѣдующимъ образомъ, и такъ оно дѣйствуетъ и понынѣ.

Всеобщее управленіе дѣлами принадлежитъ члену кабинета, ко-

Digitized by Google

нистру ость-индскихъ дѣлъ: этимъ министромъ въ настоящее время маркизъ Салисбюри. Глава управленія въ Индіи называется генералъ-губернаторомъ, а также и вице-королемъ. Онъ назначается короной срокомъ на шесть лѣтъ. Подобно тому, какъ министръ ость-индскихъ дѣлъ окруженъ совѣтомъ изъ 13-ти членовъ, у вице-короля есть также совѣтъ, состоящій изъ пяти членовъ, къ которымъ присоединяется еще и главнокомандующій военными силами. Кромѣ того, есть еще шесть секретарей или министровъ—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, общественныхъ работъ и земледѣлія. Настоящій вице-король, лордъ Нортбрукъ, выходитъ въ отставку, по причинѣ разстроеннаго здоровья; лордъ Литтонъ, сынъ знаменитаго романиста, назначенъ ему на смѣну; это назначеніе удивило-таки публику, потому что за лордомъ Литтономъ не водится никакихъ заслугъ, кромѣ личной симпатіи Дизраэли, что достаточно въ настоящую минуту. Лордъ Литтонъ до сихъ поръ слѣдовалъ дипломатической карьерѣ. „Идея, что секретарь посольства въ Парижѣ можетъ, какимъ-то нантіемъ свыше, оцѣнить значеніе операцій Россіи въ Коканѣ, эта идея не терпитъ даже обсужденія, говоритъ „Saturday Review", питая свою руссофобію.

Индія въ настоящее время раздѣляется на *девять* провинцій (включая сюда Ассамъ и англійскій Бирманъ); надъ каждой поставленъ особый губернаторъ, но всѣ они подчинены главному управленію, находящемуся въ Калькуттѣ. Въ двухъ изъ нихъ, *Бенгалъ* и *сѣверо-западныхъ провинціяхъ* (столица Аллахабадъ), есть вице-губернаторъ; въ двухъ, *Мадрасъ* и *Бомбей*—губернаторъ. *Пенджабъ* управляется вице-губернаторомъ. *Аудъ*, *центральныя провинціи* и *объ бирманскія провинціи* управляются „chiefs-commissioners". Въ Калькуттѣ, Мадрасѣ, Бомбеѣ и Аллахабадѣ есть высшія судебныя палаты.

Населеніе этихъ девяти провинцій простирается, согласно переписи 1872 г., до 191 милліона.

Теперь перейдемъ къ государствамъ, называемымъ независимыми. Самое значительное изъ нихъ — это Низамъ, и только оно одно изъ болѣе значительныхъ принадлежитъ мусульманской фамиліи. Территорія *Раджпутана* заключаетъ 18 княжествъ, управляемыхъ столькими же государями, вассалами англійскаго правительства, но отправляющими неограниченную гражданскую и уголовную юрисдикцію въ предѣлахъ своихъ владѣній съ тѣмъ, однако, что чиновникъ, именуемый „агентомъ генералъ-губернатора" [1]), руководитъ всѣмъ

[1]) Эти подробности интересны съ той стороны, что нѣкоторыя административныя перемѣны сдѣланы весьма недавно: Ассамская провинція, напримѣръ, пользуется особымъ управленіемъ только съ 1874 г. Заимствованы же эти подробности изъ послѣднихъ оффиціальныхъ документовъ, а также и изъ „Statistical Abstract for India" (1873).

Digitized by Google

управленіемъ. Тотъ же порядокъ существуетъ и въ маратскихъ государствахъ центральной Индіи, о которыхъ упоминалось выше. На крайнемъ сѣверо-западѣ также есть нѣсколько вассальныхъ князей, подчиненныхъ власти вице-губернатора Пенджаба; магарадша кашмирскій самый изъ нихъ могущественный.

Число населенія въ независимыхъ государствахъ опредѣляется въ 46 милліоновъ; въ итогѣ, 240 милліоновъ населенія всей Индіи прямо или косвенно подчинены власти Англіи.

Понятно, что управленіе подобной имперіей и хлопотливо, и убыточно: надо оставить старинную иллюзію, что Индія—Эльдорадо для Англіи. Доходы къ 31 марта 1874 г. простирались до 49.598,253 ф. с.; расходы же равнялись 49.574,789 ф. с.; сюда же слѣдуетъ еще присовокупить суммы, необходимыя для содержанія центральной администраціи въ Англіи, и пр., что составитъ всего расхода 54.959,228 фунтовъ стерлинговъ. Главный источникъ дохода составляетъ налогъ на землю, монополія продажи опіума и соли. Опіумъ представляетъ въ цифрѣ доходовъ сумму въ 8.324,879. Большая часть его приготовляется въ Бенгалѣ, на правительственныхъ заводахъ въ Патнѣ и Газипурѣ, оттуда посылается въ Калькутту, гдѣ его продаютъ съ аукціона. Благодаря превосходству продукта, его особенно охотно покупаютъ китайцы: къ счастію, время не позволяетъ мнѣ ничего прибавить къ безчисленнымъ протестамъ противъ безнравственности такой монополіи.

Но доходъ, доставляемый поземельнымъ налогомъ, значительно превосходитъ всѣ остальные. Цифра его доходитъ въ томъ году, о которомъ идетъ рѣчь, до громадной цифры 21.037,912 фунтовъ стерлинговъ. Происхожденіе и теорія этого налога, сложная система его взиманія, вынуждаютъ меня вдаться въ нѣкоторыя технически, но крайне интересныя подробности.

Извѣстно, что недавніе выводы сравнительной политической экономіи доказали первоначальное существованіе у всѣхъ арійскихъ народовъ „сельскихъ общинъ“, по бо́льшей части уже исчезнувшихъ въ Европѣ, и сохранившихся только у славянъ. Эти „общины“ существуютъ въ Индіи, со всѣми ихъ разновидностями, и въ этомъ отношеніи открытія филологовъ получили полное подтвержденіе. Индійское село—и это почти на всемъ протяженіи Индустана—состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ акровъ земли; пахатная земля отводится подъ культуру, остальное служитъ общимъ пастбищемъ. Пахатная земля дѣлится на нѣсколько частей, но тѣ, кому онѣ достаются, обязаны обрабатывать ихъ, согласно извѣстнымъ правиламъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ участки поступаютъ въ передѣлъ ежегодно, для огражденія отъ опасности, представляемой без-

Digitized by Google

условной собственностью. Жители образуютъ семьи, живущія патріархальнымъ образомъ, и каждому юношѣ, достигшему извѣстнаго возраста, отводятъ участокъ земли для обработки. У каждаго села есть свой браминъ, свой школьный учитель, свой медикъ, своя баядерка и пр. [1]).

Нѣкоторыя изъ этихъ общинъ носятъ вполнѣ демократическій характеръ. Жители всѣ считаются собственниками на равныхъ правахъ и поручаютъ общее управленіе не одному лицу, но комитету, изъ шести членовъ. Вышепоименованныя лица, школьный учитель и пр., считаются скорѣе слугами, нежели чиновниками. Такой порядокъ дѣлъ существуетъ главнымъ образомъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга. Въ другихъ случаяхъ, глава или „старшина" села пользуется нѣкоторой властью надъ всею общиной, хотя собственность все-таки принадлежитъ всѣмъ жителямъ сообща. Наконецъ, въ иныхъ селахъ, нѣкоторые жители присвоили себѣ права собственности въ ущербъ другимъ и сдѣлали наслѣдственнымъ въ своихъ семьяхъ титулъ старшины. Сюда же слѣдуетъ присоединить чиновниковъ каждаго округа, для сбора податей, учрежденныхъ при монгольскомъ управленіи; эти чиновники называются „*земиндари*", что̀ означаетъ „арендаторъ", и это дало поводъ къ корыстной ошибкѣ англійскаго правительства, въ эпоху первоначальнаго регулированія поземельнаго налога.

Этотъ налогъ взимается троякимъ способомъ, смотря потому, имѣетъ ли правительство дѣло съ земиндарями (Zemindari settlement), съ сельской общиной (Puttidari settlement) или съ частными собственниками (ryotwar settlement). Zemindari settlement существуетъ въ Бенгалѣ съ 1793 г., гдѣ онъ былъ введенъ лордомъ Корнуэльсомъ. Этотъ послѣдній нашелъ всего проще признать старинныхъ земиндарей монгольскаго правительства землевладѣльцами и уступилъ имъ землевладѣніе, подъ условіемъ вѣчнаго взноса $^{11}/_{12}$ сырого продукта. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ Пенджабѣ существуетъ Puttidari settlement, установленный впервые лордомъ Бентинкомъ въ 1833 г. Села, черезъ посредство своего административнаго комитета или своихъ старшинъ, вручаютъ налогъ государственному сборщику; этотъ налогъ равняется обыкновенно половинѣ полученнаго сырого продукта. Наконецъ, „Ryotwar system" преобладаетъ въ мадрасской провинціи и въ одной части бомбейской. Она была введена впервые Монро, въ 1820 году, при управленіи лорда Гастингса. Здѣсь правительство имѣетъ дѣло съ каждымъ земле-

1) См. Sir H. Mayne, History of early Institutions, 1878.—G. Campbell, Modern India, и пр.

Digitized by Google

владѣльцемъ или ryot, откуда и произошло названіе этой системы. Послѣдняя вообще считается плохой, главнымъ образомъ потому, что клонится къ уничтоженію сельскихъ общинъ.

Завоевателямъ слѣдовало бы понять, что организація индусскихъ общинъ самая вѣрная для нихъ опора. Индусъ живетъ въ нихъ какъ въ маленькой республикѣ, не заботясь о томъ, что происходитъ вокругъ него, пока не нарушаютъ его существованія мирнаго землепашца и патріарха. Онъ осуществилъ „sua si bona norint, agricolae"; онъ сознаетъ свое благополучіе и проситъ одного, чтобы оно не отнималось у него. Онъ перешелъ, такимъ образомъ, безъ смуты изъ-подъ власти мусульманъ подъ власть ость-индской компаніи и, наконецъ, англійскаго правительства. Онъ продолжалъ и будетъ продолжать безропотно платить поземельный налогъ, падающій намъ громаднымъ. Въ силу мусульманскаго законодательства, а также и по законамъ Ману, онъ считаетъ себя не владѣльцемъ, а только „арендаторомъ" земли. Мусульманская теорія весьма опредѣленна на этотъ счетъ, и, наслѣдовавъ правительству моголовъ, ость-индская компанія, а за ней англійское правительство наслѣдовали владѣнію земли, и такое положеніе дѣлъ эксплуатируется ими и по сіе время. Впрочемъ, общій голосъ подтверждаетъ, что благоденствіе царитъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ сохранилась во всей своей чистотѣ общинная система, и весьма вѣроятно, что правительство рѣшится поощрять ее, вмѣсто того, чтобы разрушать, и въ другихъ частяхъ имперіи.

Поступая такимъ образомъ, оно будетъ держаться мудраго образа дѣйствій, какого вообще придерживается съ туземцами во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Англія поняла, что нѣтъ резону колонизировать, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, страну, насчитывающую 240 милліоновъ жителей, принадлежащихъ къ расѣ, которую нельзя назвать низшей. „Если хотятъ, чтобы Индія оставалась предметной Великобританіи, — говоритъ лордъ Бентинкъ, — то слѣдуетъ управлять ею согласно съ ея интересами, а не для удовольствія 800 лицъ, являющихся изъ Англіи затѣмъ, чтобы нажить здѣсь состояніе". Этому совѣту слѣдуютъ въ настоящее время. Такимъ образомъ, не взирая на вопли ханжей, администрація соблюдаетъ по отношенію къ мѣстнымъ религіямъ, то, что я назову вооруженнымъ нейтралитетомъ. Оказывается не только терпимость, но и настоящее покровительство туземнымъ религіямъ отъ всякаго рода религіозныхъ вмѣшательствъ. Существуетъ около 40,000 школъ, гдѣ слишкомъ милліонъ дѣтей учится на родномъ языкѣ: языкъ этотъ на всемъ сѣверѣ индустанскій, происходящій отъ санскритскаго, и образовался въ эпоху монгольскаго вторженія, вслѣдствіе

Digitized by Google

присоединенія множества словъ арабскихъ и персидскихъ. Онъ признается правительствомъ оффиціальнымъ языкомъ. Существуютъ, кромѣ того, заведенія высшаго разряда и даже три университета основаны на манеръ лондонскихъ, въ Калькуттѣ, Бомбеѣ и Мадрасѣ.

Въ этихъ различныхъ школахъ оказывается величайшее почтеніе различнымъ вѣрованіямъ, что составляетъ прямую противоположность съ мусульманскимъ прозелитизмомъ (за исключеніемъ царствованія Акбера) и прямо разсчитано на то, чтобы привлечь населеніе. Впрочемъ, статистика относительно религій далеко не полна и можетъ ввести въ заблужденіе, если принять ее буквально. Такимъ образомъ, въ „*Statesman year book*“ показано 110 милліоновъ индусовъ на 40 милліоновъ мусульманъ, что совершенно ложно и происходитъ оттого, что въ тѣхъ провинціяхъ, относительно которыхъ не имѣется данныхъ, преобладаетъ совсѣмъ иная пропорція. Если же, напротивъ того, мы возьмемъ статистическія данныя сѣверо-западныхъ провинцій, то найдемъ 25 милліоновъ индусовъ на 4 милліона мусульманъ и 30 тысячъ христіанъ. А между тѣмъ, эти провинціи представляютъ среднюю цифру, и можно принять, что мусульмане относятся въ ней къ индусамъ какъ 1 къ 6 или 7-ми. Что касается христіанъ, то все число ихъ можно опредѣлить въ 300 тысячъ.

А теперь, если спросятъ, въ чемъ заключается выгода, для Англіи, владѣнія остъ-индской имперіей, то я считаю всего лучше предоставить слово м-ру Гранту Дуфу, члену парламента и занимавшему высокій постъ въ остъ-индскомъ министерствѣ при послѣднемъ правительствѣ. Издатель „*Contemporary Review*“ задалъ ему какъ разъ этотъ самый вопросъ, и онъ далъ на него слѣдующій категорическій отвѣтъ: „вы спрашиваете, составляетъ ли Индія силу или слабую сторону для Англіи? Разумѣется, слабую сторону, почетную слабую сторону, но несомнѣнно слабую сторону... Нѣтъ сомнѣнія, что она дѣлаетъ насъ менѣе сильными въ Европѣ и въ Америкѣ. Въ Азіи, натурально, отношеніе противное; но сила, которую она придаетъ намъ въ глазахъ Персіи и Китая, или даже извѣстныхъ частей Турціи, включая сюда и Египетъ, ничто въ сравненіи съ затрудненіями, въ какія она можетъ насъ поставить на западѣ“.

Несомнѣнно, что на случай европейской войны это справедливо, хотя и преувеличено: англійская армія въ Остъ-Индіи насчитываетъ всего лишь 62 тысячи. А 124 тысячи сипаевъ могли бы въ случаѣ нужды, оказаться вполнѣ преданными солдатами. Мало того — и пусть на этотъ счетъ не питаютъ никакихъ иллюзій—военныя силы туземныхъ князей, достигающія до 200,000, были бы въ случаѣ войны важной и дѣйствительной поддержкой. Надо оставить мысль,

Digitized by Google

что туземные князья возмутятся противъ своего сюзерена. Знаете ли, что́ отуманивало лицо магараджи Холкара, когда его принималъ въ Калькуттѣ Уэльскій принцъ? То, что подарокъ, который онъ желалъ ему поднести, сократили изъ 30 тысячъ на 3 тысячи фунтовъ стерлинговъ. Одно это обстоятельство ничего не доказывало бы, но оно доказываетъ очень много въ общей сложности всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ. Въ сущности же, это единственный серьёзный результатъ путешествія принца Уэльскаго: вѣрность Индіи констатирована, а это не маловажное дѣло.

Это путешествіе, впрочемъ, было задумано и совершено слишкомъ второпяхъ, чтобы дать еще и иные плоды, и мнѣ позволять о немъ не распространяться. Всѣ эти исторіи про слоновъ, раджей и баядерокъ, эти иллюминаціи *a giorno* и бриллiантовые каскады — все это интересно на одинъ или два раза. Но когда это повторяется отъ Бомбея до острова Цейлона, отъ острова Цейлона до Калькутты, не считая Мадраса и всѣхъ промежуточныхъ станцій, то становится утомительнымъ. Я отмѣчу два такихъ факта: эффектъ, произведенный имъ на пасторовъ шотландской церкви, и оцѣнку его туземной прессой въ Бародѣ. Одинъ сановникъ свободной шотландской церкви, на митингѣ, созванномъ въ Эдинбургѣ, 11-го числа текущаго мѣсяца, въ горькихъ словахъ оплакивалъ поведеніе принца, наслѣдника британской короны, смотрѣвшаго на бои животныхъ, „запрещенныя конституціей его страны", и на пляски баядерокъ, женщинъ, презираемыхъ даже въ Индіи всѣми почтенными людьми. Почтенный джентльменъ объявилъ даже, что для общества, котораго онъ является представителемъ, было бы, пожалуй, предпочтительнѣе вмѣсто того, чтобы поздравлять принца съ возвращеніемъ, „выразить ему скромнымъ, конституціоннымъ путемъ сожалѣніе общества въ нѣсколькихъ христіанскихъ, почтительныхъ и простыхъ словахъ, и молиться Богу на будущее время". Хуже всего то, что собраніе горячо рукоплескало оратору и поздравляло его съ его нравственнымъ мужествомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Эти вещи слишкомъ доводится видѣть и слышать въ странѣ Нокса, гдѣ кухарки подаютъ вамъ холодный обѣдъ въ воскресенье, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ этотъ день грѣшно стряпать.

Туземная печать въ Бародѣ тоже имѣетъ свою прелесть. Барода-столица Гасквара, недавно низложеннаго англійскимъ правительствомъ. Вотъ что́ говорила „Shubak Suchak" во время королевскаго посѣщенія,—я перевожу по „Times": „какую выгоду извлечетъ Индія изъ этого посѣщенія? Принцъ, въ сущности, не пользуется властью или пользуется самой незначительной властью. Все находится въ рукахъ парламента, который вовсе не занимается дѣлами Индіи и

Digitized by Google

не слушаетъ ея жалобъ. Принцъ не можетъ устранить ея неудовольствія, поправить несправедливость, не можетъ вернуть власти Гаскевару; онъ не могъ бы даже привезти свою принцессу въ Индію, еслибы пожелалъ этого во что бы то ни стало, потому что парламентъ отказалъ бы ему въ деньгахъ".

Мнѣ кажется, что вотъ туземцы, довольно хорошо знающіе положеніе вещей и оцѣнющіе довольно вѣрно нравы и обычаи Великобританіи. Газета, впрочемъ, прибавляетъ, что все это говорится безъ дурного намѣренія и только затѣмъ, чтобы довести истину до всеобщаго свѣдѣнія. Всѣ остальныя газеты наперерывъ заявляютъ о своей вѣрности. Это единодушіе могло быть только пріятно высокому посѣтителю.

Въ концѣ-концовъ и чтобы покончить съ вопросомъ о значеніи для Англіи владѣнія Ость-Индіей, надо принять во вниманіе весьма существенное обаяніе, проистекающее изъ двоякаго факта: завоеванія и довольно справедливаго, хорошаго управленія націей въ 200 милліоновъ душъ. Во всякомъ случаѣ, Англія отнюдь не намѣрена отъ него отказываться. „Если мы присоединимъ нравственныя соображенія къ экономическимъ фактамъ,—говоритъ тотъ же самый м-ръ Грантъ Дуфъ,—то убѣждены, что Великобританія удержитъ Индію и будетъ заботиться о томъ, чтобы проходъ черезъ перешеекъ оставался свободнымъ, еслибы даже для этого ей пришлось пройти черезъ такой же рядъ испытаній, какъ и въ эпоху наполеоновскихъ войнъ". Если поразмыслить о томъ, что грузъ кораблей, прошедшихъ черезъ Суэзскій каналъ, представляетъ для Англіи цифру въ 1,999,000 тоннъ въ 1874 г., между тѣмъ какъ для Франціи онъ доходитъ всего до 222,000 тоннъ, то такое рѣшеніе понятно. Болѣе 60% на 100 торговли Индіи съ Европой совершается этимъ путемъ.

Поэтому, вся страна рукоплескала тому, что у хедива отобраны всѣ его акціи Суэзскаго канала. Я слишкомъ запоздалъ съ этимъ вопросомъ, но онъ слишкомъ важенъ, чтобы пройти его молчаніемъ. Одна только фальшивая нота прозвучала въ „Edinburg Review", этомъ старинномъ органѣ виговъ, въ нумерѣ, вышедшемъ на-дняхъ. Этотъ журналъ не боится объявить, что это очень худое помѣщеніе національныхъ капиталовъ; что вообще, можно было бы дѣйствовать менѣе легкомысленно и созвать парламентъ. Ничего не могло бы быть пагубнѣе претензіи какого-нибудь государства — контролировать дѣла Египта и установить протекторатъ надъ этой страной подъ предлогомъ мнимыхъ правъ болѣе или менѣе сильнаго акціонера. Одно утѣшеніе остается для огорченнаго журнала: слова, произнесенныя недавно лордомъ Дерби въ Эдинбургѣ. „Это была мудрая, популярная мѣра,—вскричалъ министръ,—и я готовъ ее защищать.

Digitized by Google

Но она была бы и не мудра и не честна, еслибы ее приняли въ тѣхъ видахъ, какъ предполагаютъ. Мнѣ едвали стоитъ опровергать намѣренія, приписываемыя намъ: учредить будто бы протекторатъ надъ Египтомъ, совершенно измѣнить политику нашу на Востокѣ и вмѣшиваться въ дѣла, до насъ не касающіяся".

Слова дипломата! не мало ихъ говорится на вѣтеръ. Дѣло въ томъ, что мѣра 23 ноября принесла свои плоды, и такъ какъ въ важныхъ дѣлахъ всего лучше предоставлять слово заинтересованнымъ лицамъ, то я и предоставляю говорить „*Fortnightly Review*", радикальному торійскому органу. „Основная перемѣна,—говоритъ этотъ журналъ,—произошла въ воззрѣніяхъ англійскаго оффиціальнаго міра. Если покупка акцій хедива сама по себѣ фактъ маловажный, то не такова она съ точки зрѣнія впечатлѣнія, произведеннаго ею на Европу. То, какъ ее приняла публика, доказываетъ, несмотря на всѣ утвержденія лорда Дерби, что Англія готова, въ случаѣ нужды, наложить руку на Египетъ". И, намекая на Турцію, журналъ продолжаетъ: „въ самомъ дѣлѣ, прецедентъ уже созданъ, и Великобританія подала примѣръ другимъ. Лордъ Дерби долженъ былъ это предвидѣть, и если онъ все-таки настоялъ на своемъ, то вѣроятно говоря себѣ, что стремленія Россіи не что иное какъ миѳъ, или, что ихъ съумѣютъ обуздать" („Fortnigthly Review", январь, 1876).

Вотъ самое ясное и правдивое выраженіе общественнаго мнѣнія въ Англіи. Лордъ Дерби имѣлъ право и, смѣю сказать, долженъ былъ говорить такъ, какъ онъ говорилъ: въ политикѣ принимаются въ расчетъ только совершившіеся факты. Но публикѣ и заинтересованнымъ лицамъ надо умѣть читать между строкъ. „Прецедентъ созданъ"—вотъ несомнѣнный фактъ. До какой степени англійскій кабинетъ расположенъ не давать другимъ державамъ имъ воспользоваться — это трудно рѣшить.

Совсѣмъ тѣмъ, недавнее рѣшеніе нашего кабинета по поводу ноты графа Андрашши служитъ признакомъ его миролюбивыхъ намѣреній и доказательствомъ дѣйствительности его политическихъ цѣлей, лишь бы ему тоже предоставили свободу дѣйствій. Послѣ покупки канала одобреніе ноты трехъ державъ не могло не быть дано. Поэтому, 19-го числа кабинетъ довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ одобряетъ общій смыслъ ноты, оставляя за собой свободу дѣйствій касательно подробности ея примѣненія. Европа въ настоящую минуту, съ согласія Англіи, поставлена на ту же точку, на какой стояла до крымской войны, съ тою разницею, что уже былъ произведенъ опытъ, и безуспѣшно, предоставить Турціи ея собственнымъ силамъ. „Политическая послѣдовательность,—говоритъ „Times" отъ 15-го января,—заключается больше въ духѣ, чѣмъ въ буквѣ". Бѣда въ томъ, что послѣдо-

Digitized by Google

вательность абсолютно отсутствуетъ какъ въ духѣ, такъ и въ буквѣ. Произошла совершенная перемѣна фронта, обусловливаемая необходимостью и обстоятельствами. И „Европѣ и туркамъ, — говоритъ „Saturday Review",—возвѣщается такимъ образомъ, что періодъ невмѣшательства кончился и начинается періодъ вмѣшательства; возвѣщается, что Австріи предоставлено играть роль главнаго агента въ дѣлѣ, и что предположенное вмѣшательство будетъ заключаться или въ учрежденіи новаго порядка вещей въ возставшихъ провинціяхъ, или же въ занятіи этихъ провинцій Австріей". Англія рѣшилась утѣшить себя будущимъ занятіемъ Египта. Вотъ что̀ будетъ служить предметомъ самыхъ жаркихъ и самыхъ интересныхъ преній въ теченіи парламентской сессіи, открывающейся 8-го февраля.

Мнѣ остается въ заключеніе упомянуть о небольшой войнѣ съ малайцами, угрожающей составить pendant войнѣ съ ашантіями. Извѣстно, что Англія владѣетъ близъ Малаккскаго пролива колоніями, окончательное пріобрѣтеніе которыхъ относится къ началу нынѣшняго столѣтія. „Straits Settlements", какъ его обыкновенно называютъ, заключаетъ 300,000 населенія, сосредоточивающагося въ Сингапурѣ, Пенангѣ, Малаккѣ и въ провинціи Уэллеслей. Маленькія окружныя малайскія государства часто воюютъ между собой и съ китайскими эмигрантами, притекающими во множествѣ. Послѣдній губернаторъ придумалъ, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ маленькимъ войнамъ и грабежамъ, ихъ сопровождающимъ, назначить резидентовъ ко двору различныхъ владѣтельныхъ особъ, какъ это существуетъ въ Индіи. Его преемникъ, сэръ Уильямъ Джервойсъ продолжалъ его политику. Такъ какъ возникло препирательство между двумя претендентами на престолъ Перака, онъ высказался въ пользу одного изъ нихъ, принялъ заявленіе покорности отъ другого и послалъ м-ра Бёрча объявить это рѣшеніе въ Перакѣ. Приверженцы низложеннаго государя, несмотря на заявленіе имъ о своей покорности, посрывали прокламаціи губернатора и умертвили м-ра Бёрча. Горсть англичанъ, командуемыхъ храбрымъ офицеромъ, немедленно явилась въ надеждѣ затушить бунтъ въ самомъ началѣ; но была разбита, и ея полковникъ, капитанъ Айнесъ, убитъ. Посланы были немедленно подкрѣпленія; по послѣднимъ извѣстіямъ, мятежъ еще не подавленъ, и война продолжится. Исходъ не можетъ быть сомнителенъ, но все это утомительно, и „Times" вынужденъ утѣшаться напыщеннымъ заявленіемъ, что въ британской имперіи, также какъ и въ древней римской имперіи, трудно одновременно запереть всѣ двери храма Януса.

R.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XI *).

Ипполитъ Тэнъ, и его новая книга о Франціи.

I.

Тэнъ только-что выпустилъ въ свѣтъ первую часть давно ожидаемаго сочиненія: „Les Origines de la France contemporaine". Въ этомъ первомъ томѣ, озаглавленномъ: l'Ancien Régime, онъ изучаетъ послѣднія времена абсолютной монархіи: царствованія Людовика XV и Людовика XVI. Второй томъ будетъ посвященъ революціи, а третій—новому порядку. Въ сущности это будетъ не что иное, какъ исторія революціи 89 г. съ точки зрѣнія причинъ, ее вызвавшихъ, и результатовъ, ею порожденныхъ. Еще точнѣе и согласнѣе съ намѣреніями автора, выраженными общимъ заглавіемъ, это—изслѣдованіе тѣхъ потрясеній и послѣдовательныхъ переворотовъ, которые менѣе чѣмъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ образовали изъ Франціи новое государство и почти новую націю. Вотъ обширный планъ Тэна; я указываю на его общія черты, чтобы сразу опредѣлить его значеніе. Но въ настоящую минуту меня занимаетъ первый, вышедшій томъ: l'Ancien Régime; два другихъ окончательно выйдутъ въ свѣтъ только черезъ четыре года. Впрочемъ, первый томъ вполнѣ можетъ удовлетворить любопытство критика; сознаюсь впрочемъ, что я не безъ смущенія приступаю къ его разбору, потому что не въ силахъ вполнѣ ясно выразить сложныя ощущенія, возбуждаемыя во мнѣ его чтеніемъ.

Прежде чѣмъ заняться произведеніемъ, мнѣ необходимо поговорить о самомъ авторѣ. Такимъ образомъ, я пущу въ дѣло критическій методъ, употребляемый самимъ Тэномъ и сущность котораго объясню ниже. Тэнъ—философъ, историкъ, критикъ, одна изъ самыхъ интересныхъ личностей нашей литературы. Съ нимъ вмѣстѣ вступаешь въ цѣлую, особую область нашей эпохи. Я не знаю другого писателя, наблюдать котораго было бы поучительнѣе въ наше коловратное время.

Итакъ, вотъ исторія самого Тэна въ возможно краткихъ словахъ. Ему въ настоящее время сорокъ-семь лѣтъ. Онъ родился, если

*) См. выше: янв. 309 стр.

Digitized by Google

не ошибался, въ Арденскомъ департаментѣ. Былъ примѣрнымъ ученикомъ, получавшимъ всѣ награды. На конкурсѣ 1847 г. ему присуждена была награда по риторикѣ. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ высшую Нормальную школу первымъ ученикомъ. Все это не пустыя подробности, потому что, если случалось, что тупыя дѣти, школьные лѣнтяи, становились впослѣдствіи хорошими писателями, то примѣрнаго ученика всегда можно узнать въ литературѣ по нѣкоторымъ признакамъ. Само собой разумѣется, что Тэнъ вышелъ первымъ изъ Нормальной школы, и университетская карьера открывалась передъ нимъ, какъ широкая, торная дорога, гдѣ заранѣе были устранены всякія затрудненія. Но Тэнъ, выросшій подъ крыломъ университета, вдругъ свернулъ на проселочную дорогу. Эта первая выходка характеристична, и находится однако въ связи съ его великой любовью къ занятіямъ. Уже въ ту пору опредѣлилось двойное теченіе, которому онъ уступаетъ: страсть къ труду, дисциплинирующая его, и потребность въ свободномъ изслѣдованіи, заставляющемъ его свергать иго, какъ скоро оно становится слишкомъ тяжелымъ.

Онъ оставилъ университетъ, чтобы вполнѣ посвятить себя литературѣ, и оставилъ его не вслѣдствіе беззавѣтнаго увлеченія поэта, но какъ человѣкъ осмотрительный, заранѣе составившій планъ дѣйствія и неспособный испортить себѣ жизнь. Ему пришлось сначала давать уроки. Въ 1863 г. мы видимъ его экзаминаторомъ по литературѣ въ военномъ Сенъ-Сирскомъ училищѣ; должность эта весьма скромная и такъ-сказать безвѣстная. Въ 1864 г. онъ занялъ новое мѣсто: его назначили профессоромъ исторіи искусства и эстетики въ École des Beaux Arts. Тамъ онъ былъ больше на виду и читалъ публичныя лекціи, привлекавшія многочисленную публику. Такимъ образомъ, оставивъ университетъ, чтобы уклониться отъ поглощающей профессорской дѣятельности, и отдаться своимъ спеціальнымъ занятіямъ, онъ возвращается къ этой дѣятельности, какъ практическій человѣкъ, требующій отъ нея единственно лишь средствъ для существованія, до тѣхъ поръ, пока разумное устройство дѣлъ позволитъ ему завоевать себѣ окончательную независимость. Все это показываетъ въ немъ настойчиваго и умѣлаго человѣка, столь же покладливаго на практикѣ, сколько систематическаго въ литературныхъ умозрѣніяхъ. Двѣ идеи наполняютъ всю его молодость: устроить свою жизнь и замкнуться въ извѣстной формулѣ.

Первыя сочиненія, публикованныя Тэномъ, казалось, должны были показать его независимость. Его „Essai sur Tite-Live“ (1854) было задано и примѣненіемъ и подтвержденіемъ метода Спинозы; однако, несмотря на новое критическое орудіе, употребленное авторомъ, ака-

Digitized by Google

демія увѣнчала книгу, потому что признала въ авторѣ блуднаго сына, который могъ еще обратиться на путь истинный. Второе сочиненіе: „Les Philosophes français au XIX-e siècle", жестоко нападало на оффиціальныхъ преподавателей спиритуалистическаго ученія. Поэтому, когда появилась позднѣе „Histoire de la littérature anglaise", Тэнъ тщетно представлялъ ее академіи; премія не была ему присуждена, и Вильменъ порицалъ фаталистическія теоріи автора, хотя и хвалилъ его какъ писателя. Орлеанскій епископъ, монсиньоръ Дюпанлу, только-что издалъ свои задорныя брошюры, въ которыхъ обвинялъ Ренана и Литтрэ въ атеизмѣ. На Тэна тоже обрушились громы епископа, и онъ былъ уличаемъ въ знакомствѣ и дружбѣ съ дьяволомъ. Все это происходило, впрочемъ, въ возвышенной и туманной сферѣ философіи, и доставило Тэну особенное, очень высокое и очень важное положеніе, нисколько не скомпрометтировавъ его литературной карьеры. Онъ отнюдь не думалъ вступать въ борьбу съ церковью, уклонялся отъ полемики и шелъ своей дорогой, спокойно и непреклонно, какъ ученый, который любитъ науку для науки. Первый ударъ былъ нанесенъ; онъ очутился во главѣ пытливыхъ умовъ и новаторовъ. Съ тѣхъ поръ онъ удерживалъ за собой этотъ постъ, умѣряя свою отвагу, не впадая въ крайности. Онъ даже смягчился и замаскировалъ свое направленіе недомолвками, не покидая натуралистическаго метода. Люди, ожидавшіе отъ него увлеченія отважными выводами мысли, дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ отрицанія и матеріализма, въ настоящее время горько упрекаютъ его въ томъ, что онъ обманулъ ихъ ожиданія. Напротивъ того, тѣ, которые основательнѣе понимали его умѣренный нравъ, съ радостью видятъ, что онъ дѣйствуетъ въ направленіи, указанномъ его первыми шагами. Недавно онъ стучался въ двери академіи, но не былъ принятъ, потому что часъ его еще не пробилъ. Но онъ снова постучится въ нее, —и будетъ принятъ. Этимъ все сказано...

Я стараюсь отыскивать только правду. Я точно механикъ, передъ которымъ стоитъ любопытная и неизвѣстная машина, и онъ ее разбираетъ на части единственно изъ любви къ искусству. Я очень люблю Тэна и былъ бы въ отчаяніи, если бы не съумѣлъ дать о немъ того высокаго понятія, какое самъ составилъ. Вотъ какъ я его понимаю и какъ объясняю умѣренность и практическую сторону его таланта, уживающихся рядомъ съ его смѣлыми изслѣдованіями. Въ немъ надо видѣть только ученаго, чуждаго всякимъ страстямъ, за исключеніемъ страсти понимать и знать. Онъ, боюсь, неспособенъ къ безкорыстному энтузіазму и благороднымъ заблужденіямъ. Привычка къ анализу, потребность все разбирать по ниточкѣ, прежде чѣмъ составить себѣ какое-нибудь сужденіе, заставляютъ его про-

Digitized by Google

ходить хладнокровно, безучастно мимо общественныхъ волненій. Онъ всецѣло отдался труду. Отсюда его постоянное равновѣсіе. Наука руководитъ имъ. Онъ годами составляетъ себѣ какое-нибудь убѣжденіе и принимаетъ его какъ реальную вѣщь, которую могутъ измѣнить только новыя изысканія. Не трудно представить себѣ, какъ онъ взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства и, страстно стремясь къ истинѣ, не желаетъ впасть ни въ какое преувеличеніе. Онъ пишетъ свои книги такъ, чтобы не противорѣчить самому себѣ, и предпочитаетъ въ концѣ-концовъ золотую середину, лишь бы не впасть ни въ одну изъ крайностей, находящихся по ея правую и по лѣвую стороны. Это не парадоксъ: любовь къ истинѣ, у добросовѣстнаго человѣка, дѣлаетъ мысль робкой и мѣшаетъ писателю отвлекаться отъ мелочей.

Прибавьте къ этому, что Тэнъ — бывшій ученикъ Нормальной школы, и ученикъ, составлявшій гордость своихъ учителей. Нельзя безнаказанно пройти черезъ университетскія теплицы. Воспитанники нашего политехническаго училища, напримѣръ, навѣки сохраняютъ такое направленіе ума, по которому ихъ признаютъ даже самые поверхностные наблюдатели. Тэна готовили въ профессоры, и онъ остался профессоромъ помимо своей воли, несмотря на большую оригинальность ума, несмотря на свои возмущенія и отважныя выходки. Вся вода океана, какъ говоритъ Шекспиръ, не могла бы смыть съ него неизгладимаго отпечатка. Профессоръ выдаетъ себя подъ-часъ какимъ-нибудь жестомъ, догматическимъ сужденіемъ, скорѣе запахомъ, чѣмъ конструкціей слога. У Тэна дѣйствительно одинъ изъ самыхъ солидныхъ слоговъ, какіе только я знаю, и при этомъ свободный, размашистый, картинный слогъ. Онъ составляетъ совершенную противоположность, напримѣръ, академическому, изящному и блѣдному языку Вильмэней и Низаровъ. А между тѣмъ отъ его слога, такого новидимому яснаго и современнаго, отдаетъ какимъ-то школьнымъ запахомъ; онъ напоминаетъ лекцію, которую вамъ читаютъ съ каѳедры. Этотъ запахъ Тэнъ впиталъ на университетскихъ скамьяхъ и всюду будетъ носить его съ собою. Изъ боязни ошибиться и вслѣдствіе родовыхъ вліяній воспитанія, онъ никогда не увлечется за предѣлы благоразумія.

Конечно, все это въ моихъ устахъ похвала, въ особенности что касается Тэна, какъ критика. Онъ превратилъ критику въ чисто научный анализъ. Если не самъ онъ изобрѣлъ этотъ методъ, то по крайней мѣрѣ обратилъ его въ принципъ, и примѣнялъ съ рѣшимостью, которая и составляетъ его оригинальность. Сентъ-Бёвъ до него дѣйствовалъ тѣмъ же орудіемъ, но какъ художникъ, врагъ всего условнаго, считавшій жизнь слишкомъ подвижной и гибкой, чтобы ее можно было заключить въ узкія рамки какой бы то ни было си-

Digitized by Google

стемы. Методъ свой Тэнъ всего рельефнѣе выразилъ въ „Histoire de la littérature anglaise". Вотъ, въ краткихъ словахъ, въ чемъ заключается его методъ: по его мнѣнію, три различныхъ условія создаютъ писателя и его произведеніе: раса, среда, время, и такимъ образомъ онъ сводитъ исторію къ простой задачѣ психологической механики. Естественно, Тэнъ долженъ былъ предвидѣть случаи исключенія, и на практикѣ онъ настолько ловокъ, чтобы пріурочить какого угодно писателя къ той исторической ролѣ, какую ему приписываетъ. Если писатель не является непосредственнымъ продуктомъ своего времени, ему стоитъ только представить его какъ протестъ противъ этого времени. Позднѣе,—такъ какъ его обвиняли въ томъ, что онъ устраняетъ личный темпераментъ, онъ вдался въ очень сложныя объясненія, которыхъ мнѣ нѣтъ надобности приводить здѣсь. Я хочу сказать только слѣдующее: орудіе его критики, помогавшее ему написать чудныя страницы, глубокіе этюды о многихъ писателяхъ, часто приводили его къ страннымъ сужденіямъ, въ которыхъ высказывались всѣ невыгодныя стороны его системы. Я вѣрю въ чисто-научную критику, въ естественно-историческій методъ, примѣненный къ исторіи, но полагаю, что у насъ не накопилось еще достаточно документовъ о человѣкѣ, настолько разъясненныхъ и понятныхъ, чтобы они могли служить намъ вѣрнымъ орудіемъ истины. Позднѣе возможно будетъ, конечно, придти къ какимъ-нибудь выводамъ. Въ настоящее время, когда разберешь въ произведеніи темпераментъ автора и сумму правды, заключающейся въ немъ, трудно сдѣлать какой-нибудь дальнѣйшій выводъ.

Впрочемъ, Тэнъ правъ, держась своего метода. Онъ ему обязанъ высокимъ мѣстомъ, какое занимаетъ въ нашей литературѣ. Я нахожу даже, что напрасно онъ не дѣйствуетъ отважнѣе и не доходитъ до крайнихъ выводовъ своего метода. Тэнъ-философъ скрывается для меня въ какомъ-то облакѣ, изъ котораго я не буду стараться его вывести. Быть можетъ, для посвященныхъ убѣжденія его вполнѣ ясны, но для простыхъ читателей онъ безличенъ: ни деистъ, ни атеистъ; его подозрѣваютъ въ матеріализмѣ, но на это нѣтъ прямыхъ доказательствъ. Даже громогласныя обвиненія орлеанскаго епископа забыты, и, благодаря анти-демократическому положенію, какое Тэнъ готовится повидимому занять, его придется причислить къ разряду благонамѣренныхъ людей. Онъ ускользаетъ отъ читателей—вотъ мое послѣднее слово. Этотъ столь пытливый, столь смѣлый въ сущности умъ, проведя полдня въ исканіи истины, остальную половину дня употребляетъ на то, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное его открытіями и замкнуться въ непроницаемый покровъ, сквозь который нельзя разглядѣть его черты. Быть можетъ, всему этому причиной

Digitized by Google

цѣломудріе ученаго, равнодушіе къ тому, чтобы быть понятнымъ для толпы, нежеланіе быть причисленнымъ къ тому или другому лагерю, чтобы сохранить всю свою независимость.

II.

И вотъ, такой умъ задумалъ изучить происхожденіе современной Франціи.

Но я опять не рѣшаюсь идти дальше, я все еще боюсь, что недостаточно ясно охарактеризовалъ его личность.

Надо представить себѣ его въ кабинетѣ, въ библіотекѣ, вездѣ, гдѣ есть книги, которыя можно читать. Онъ быстрыми шагами проходитъ по улицамъ, не видя современной жизни; если онъ и обратитъ на нее вниманіе, то не иначе какъ съ опредѣленной цѣлью, чаще всего съ предвзятой идеей, и довольствуется бѣглыми наблюденіями, которыя затѣмъ обобщитъ и разовьетъ, въ подкрѣпленіе какого-нибудь тезиса. Его не встрѣчаешь ни въ театрахъ, ни въ салонахъ, ни среди уличной толпы. Онъ игнорируетъ нашу эпоху и знакомъ лишь съ тѣми ея сферами, которыя спеціально изучалъ. Книги—вотъ его близкіе пріятели, его товарищи; онѣ образовали и поддерживаютъ его, руководятъ имъ. Онъ привыкъ съ ними обращаться, онъ находитъ въ нихъ какъ-бы громадный гербарій, въ которомъ собраны всѣ людскія высушенныя растенія, и величайшее удовольствіе, величайшее честолюбіе его заключается въ томъ, чтобы обнюхивать эти растенія и вновь открывать ихъ краски и ароматъ, оживлять ихъ, вызывать то чудо, какое свершается передъ человѣкомъ путемъ продолжительныхъ, уединенныхъ занятій; въ концѣ-концовъ, они возстановляютъ передъ нимъ рядъ отжившихъ обществъ.

Въ силу всего этого онъ не рѣшался до сихъ поръ приступать къ новѣйшей исторіи и касался ея только въ отдѣльныхъ и небольшихъ очеркахъ. Я знаю всего лишь нѣсколько статей его о живыхъ писателяхъ. Когда Сентъ-Бёвъ умеръ, онъ не пытался занять его мѣсто, которое принадлежало ему по праву; онъ уклонился отъ хлопотливой роли критика текущихъ явленій литературы, разбирающаго новыя произведенія подъ впечатлѣніемъ первой минуты, создающаго и разрушающаго репутаціи. Мѣсто осталось вакантнымъ, никто его не занялъ; во Франціи не существуетъ больше критика современной литературы.

Безъ сомнѣнія, онъ не чувствовалъ большой охоты къ этому дѣлу и даже нѣсколько пренебрегалъ имъ, такъ какъ рамки его, роковымъ образомъ, тѣсны, и на этомъ поприщѣ онъ не могъ дѣйствовать какъ

Digitized by Google

философъ и историкъ; честолюбіе его гораздо возвышеннѣе: его привлекаютъ обширные и всеобъемлющіе труды. Но надо сказать еще и то, что если онъ пренебрегалъ этимъ дѣломъ, то, быть можетъ, отчасти и потому, что оно и не по его способностямъ. Ему не хватаетъ прозорливости для сужденія о текущихъ событіяхъ; онъ недостаточно хорошо знаетъ людей и не вполнѣ ясно понимаетъ современную среду. Когда онъ разстается съ книгами, когда онъ возвращается изъ глубины прошлыхъ вѣковъ, то, уйдя въ свои теоріи, не видитъ даже прохожихъ на троттуарахъ.

И вотъ, Тэнъ очутился теперь лицомъ къ лицу съ французской революціей, ея причинами и ея слѣдствіями! Здѣсь мнѣ приходится привести первыя строчки его предисловія. „Въ 1849 г., двадцати-одного года отъ роду, я оказался избирателемъ и почувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи: мнѣ приходилось назначить пятнадцать, двадцать депутатовъ и, мало того, согласно французскимъ обычаямъ, приходилось не только выбирать людей, но и высказаться за ту или другую теорію. Мнѣ предлагали быть роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, соціалистомъ или бонапартистомъ: я былъ чуждъ всему этому, и мало того, не имѣлъ вовсе никакихъ политическихъ мнѣній и завидовалъ той массѣ счастливцевъ, у кого они были. Познакомившись съ различными доктринами, я пришелъ къ заключенію, что, должно быть, въ умѣ моемъ существуетъ пробѣлъ. Мотивы, казавшіеся убѣдительными для другихъ, не были таковыми для меня: я не могъ постичь, какъ можно въ политикѣ принимать какія-нибудь рѣшенія въ силу своихъ симпатій“... Пропускаю двѣ страницы и дохожу до слѣдующихъ словъ, еще болѣе рельефныхъ: „соціальная и политическая форма, которую можетъ принять и *сохранить* народъ, не зависитъ отъ его произвола, но опредѣляется его характеромъ и его прошлымъ. Надобно, чтобы въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ она согласовалась съ живыми чертами, къ которымъ ее прилагаютъ; въ противномъ случаѣ она лопнетъ и распадется на куски. Вотъ почему, если намъ удастся найти подходящую для насъ форму, то лишь путемъ изученія самихъ себя; и чѣмъ лучше мы будемъ знать самихъ себя, тѣмъ вѣрнѣе узнаемъ, что́ для насъ пригодно. Поэтому, слѣдуетъ бросить обычную методу, и представить себѣ націю, прежде чѣмъ составлять конституціи. Конечно, первая операція гораздо продолжительнѣе и труднѣе, чѣмъ вторая. Сколько времени, сколько труда, сколько наблюденій, провѣряемыхъ одни другими, сколько изслѣдованій въ настоящемъ и прошедшемъ, во всѣхъ сферахъ мысли и дѣйствія, какой сложный процессъ занятій требуется для того, чтобы пріобрѣсти точное и полное понятіе о великомъ народѣ, про-

Digitized by Google

жившемъ уже цѣлый народный возрастъ и продолжающемъ жить. Но это единственный способъ не создавать живыхъ учрежденій на основаніи фальшивыхъ умозаключеній, и я обѣщалъ самому себѣ, что если когда-нибудь возьмусь за составленіе себѣ политическаго мнѣнія, то не раньше, какъ изучивъ предварительно Францію"...

Тутъ слѣдуетъ взвѣсить и принять во вниманіе каждое слово. Это подробная теорія новой политической школы, школы научной политики. Тэнъ, двадцати-одного года, вполнѣ для насъ ясенъ. У него нѣтъ семейныхъ традицій или, по крайней мѣрѣ, его не связываютъ никакія вѣрованія. У него нѣтъ политическихъ убѣжденій, какъ онъ самъ сознается: онъ не республиканецъ, не роялистъ, не имперіалистъ. До сихъ поръ онъ не чувствовалъ нужды въ какихъ бы то ни было политическихъ мнѣніяхъ, и такъ какъ онъ изучаетъ Францію всего какихъ-нибудь четыре или пять лѣтъ, то можно сказать, что онъ ждалъ, чтобы ему стукнуло сорокъ лѣтъ для того, чтобы высказаться о дѣлахъ своей родины. Онъ жилъ въ книгахъ, занимался сначала римлянами, потомъ англичанами, итальянцами, фламандцами, испанцами; онъ ходилъ вокругъ да около Франціи, прежде чѣмъ рѣшился произвести надъ ней анатомическую операцію, которую пробовалъ сначала надъ сосѣдними народами. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, онъ рѣшился къ этому приступить. Можно даже думать, что наши бѣдствія, страшныя потрясенія, нанесенныя странѣ международной войной 1871 г., не остались безъ вліянія на рѣшеніе писателя: въ виду этихъ конвульсій, подвергавшихъ опасности жизнь и благосостояніе каждаго гражданина, Тэнъ долженъ былъ понять, что политика рѣшительно занимаетъ громадное мѣсто въ жизни современнаго человѣка, и что пора составить себѣ политическое мнѣніе. Я воображаю его себѣ въ кабинетѣ, прерваннымъ среди философскихъ изысканій шумомъ мятежа, ревущаго у него подъ окнами. Онъ пробуждается точно отъ сна, подходитъ къ окну, слышитъ свистъ пуль, видитъ, какъ течетъ кровь, и говоритъ себѣ съ очаровательной наивностью ученаго: „пора! наступила минута, когда наука должна умиротворить отечество и найти лекарство отъ всѣхъ нашихъ золъ".

И вотъ, тогда, свободный отъ личныхъ страстей, движимый единственно лишь мыслью просвѣтиться и просвѣтить другихъ, онъ бросаетъ Францію, существовавшую сто лѣтъ тому назадъ, на препаровочный столъ анатомическаго амфитеатра, и разсѣкаетъ ее съ спокойнымъ любопытствомъ, стараясь объяснить себѣ ея конструкцію и понять, почему эта великая общественная машина вдругъ испортилась, и какъ она была потомъ исправлена и снова пущена въ ходъ. Онъ чистѣйшій натуралистъ. Еслибы ему пришлось на дорогѣ какое-

Digitized by Google

нибудь незнакомое насѣкомое, онъ не могъ бы съ бо́льшей радостью насадить его на булавку и съ бо́льшей научной страстью изслѣдовать его скальпелемъ. Насѣкомое судорожно бьется у него въ рукахъ. Что́ за дѣло,—это его не волнуетъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ для анатома, вопросъ чести—не выказывать волненія. Къ тому же, развѣ онъ трудится не ради общаго блага? Онъ надѣется открыть всеобщую панацею такимъ же путемъ, какимъ рѣшаютъ алгебраическую задачу. Онъ отвергаетъ всѣ высшія соображенія, не принимаетъ въ разсчетъ великихъ человѣческихъ броженій или, по крайней мѣрѣ, разлагаетъ ихъ на составныя части и сводитъ ихъ на факты. Для него существуетъ лишь безконечное множество мелкихъ фактовъ, которые необходимо сгруппировать въ извѣстной системѣ, если желаешь овладѣть тайной общественной жизни. Описавъ болѣзнь истощенія, отъ которой погибъ старый порядокъ, опредѣливъ причины тѣхъ лихорадочныхъ припадковъ, отъ которыхъ страдаетъ новый порядокъ, онъ отложитъ въ сторону свои инструменты, въ ожиданіи, пока какой-нибудь великій министръ воспользуется его открытіемъ для того, чтобы излечить Францію. Самому же ему послѣ того можно будетъ вернуться къ философскимъ и литературнымъ занятіямъ съ чистой совѣстью: у него будетъ мнѣніе, тѣмъ болѣе упорное, что оно опирается на науку.

Вотъ отношеніе Тэна къ послѣднимъ ста годамъ нашей исторіи, выразившееся въ его трудѣ, отношеніе, въ сущности, оригинальное и твердое! Такъ рѣдко и такъ пріятно встрѣтить въ наши бурныя времена человѣка, который бы подходилъ къ политикѣ, сознаваясь, что ни во что́ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить, кромѣ истины! Идея въ высшей степени широкая: вымести изъ исторіи пристрастія историковъ, примѣнить къ ней естественно-историческій методъ, изученіе людей и фактовъ, свободное отъ духа партій; придать математическую точность урокамъ прошлаго; сдѣлать изъ политики науку, или, такъ сказать, обратить ее въ тройное правило, задача котораго была бы выражена слѣдующимъ образомъ: такъ какъ исторія даннаго народа извѣстна, новыя потребности его высказаны, то остается безошибочно рѣшить, какова должна быть форма его правленія. Конечно, Тэнъ, хотя онъ и объявляетъ, приступая къ своему труду, что у него нѣтъ никакихъ убѣжденій, симпатизируетъ, однако, по натурѣ, аристократіи; но отъ него можно ожидать полнаго безпристрастія, даже еслибы отъ этого безпристрастія втайнѣ страдало его сердце. Онъ рабъ фактовъ, онъ пойдетъ туда, куда его поведетъ наука, хотя бы она привела его къ выводу, противному тому, къ какому онъ могъ надѣяться придти, берясь за перо. Онъ попробуетъ, быть можетъ, примирить свои заключенія съ своей системой, но не ста-

Digitized by Google

нетъ искажать ее. Его практическій умъ могъ порою смягчать нѣкоторые факты, но онъ не могъ вполнѣ ихъ отвергнуть.

Я разговаривалъ недавно съ однимъ скептикомъ о сочиненіи Тэна. Этотъ скептикъ былъ на седьмомъ небѣ: „наконецъ-то,—говорилъ онъ,—у насъ будетъ исторія революціи, которую можно будетъ читать безъ гнѣва. Мнѣ такъ *надоѣли* съ великими дѣятелями революціи, великими дѣяніями революціи, со всѣми этими нелѣпыми и досадными легендами, что я въ восторгѣ оттого, что нашелся, наконецъ, безпристрастный человѣкъ, который изучитъ, какъ ученый, эту пресловутую революцію. Онъ первый, конечно, осмѣлится высказать всю правду!“ Люди, думающіе такимъ образомъ, рѣдки; ихъ слѣдуетъ главнымъ образомъ искать между художниками. Что касается большинства читателей, то оно приметъ сочиненіе Тэна съ ограниченіями. Это сочиненіе задѣнетъ людей всѣхъ партій, именно потому, что является произведеніемъ человѣка, не принадлежащаго ни къ какой партіи. Авторъ принимаетъ истину, какъ она ему представляется, не щадя ни одного класса, признавая за каждымъ извѣстную долю заблужденій и отвѣтственности. Онъ суровъ, какъ правдивый аналитикъ. Но, сказать ли, вотъ это-то самое и дѣлаетъ его для меня симпатичнымъ. Когда одинъ человѣкъ выступитъ противъ всѣхъ, онъ долженъ быть очень близокъ къ истинѣ. Какъ я узнаю это въ заключеніи, онъ упускаетъ изъ виду нѣкоторые элементы, приближаетъ науку къ эпохѣ слишкомъ отъ насъ близкой, слишкомъ для насъ родной, чтобы наука, орудіе несомнѣнно недостаточное, могла руководить имъ безошибочно въ изученіи великаго соціальнаго движенія, изъ котораго развилось наше новѣйшее общество. Но тѣмъ не менѣе попытка его остается одной изъ самыхъ любопытныхъ и самыхъ мощныхъ попытокъ современной критической школы.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору сочиненія, я представлю еще выдержку изъ предисловія, которая ясно укажетъ намѣренія Тэна и пути, употребленные имъ: „Старый порядокъ, революція, новый порядокъ — я постараюсь правдиво описать всѣ эти три эпохи. Осмѣлюсь объявить здѣсь, что у меня нѣтъ другой цѣли: да позволено будетъ историку дѣйствовать какъ натуралисту; я относился къ моему предмету, какъ къ метаморфозамъ насѣкомаго. Къ тому же, событіе само-по-себѣ такъ интересно, что стоитъ, чтобы его изучили ради него самого, и не нужно дѣлать усилій, чтобы отвергнуть всякую заднюю мысль. Любознательность, свободная отъ всякой предвзятой мысли, становится научной и вся сосредоточивается на внутреннихъ силахъ, которыя руководятъ изумительнымъ процессомъ. Силы эти суть: обстоятельства, страсти, идеи, желанія

Digitized by Google

каждой группы—и мы можемъ ихъ разобрать, можно сказать, измѣрить. Они у насъ передъ глазами; намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ догадкамъ, къ сомнительнымъ предположеніямъ, къ спутнымъ указаніямъ. Мы имѣли удивительное счастіе узнать самихъ людей, ихъ внѣшность, ихъ внутреннія качества. Французы стараго порядка еще недавно были у насъ передъ глазами. Каждый изъ насъ, въ своей юности, могъ посѣщать эти обломки отжившаго міра. Многіе изъ ихъ домовъ еще существуютъ, съ ихъ покоями и мебелью, въ томъ видѣ, какъ и прежде. Съ помощью ихъ картинъ и ихъ гравюръ, мы можемъ прослѣдить ихъ въ семейной жизни, мы видимъ ихъ костюмы позы, жесты. Съ помощью ихъ литературы, философіи, науки, ихъ газетъ и писемъ, мы можемъ возсоздать все ихъ мышленіе и даже ихъ интимныя бесѣды. Пропасть мемуаровъ, вышедшихъ въ послѣднія тридцать лѣтъ изъ публичныхъ или частныхъ архивовъ, переносятъ насъ изъ салона въ салонъ, какъ будто бы мы побывали тамъ лично. Письма иностранцевъ и иностранныя газеты контролируютъ и пополняютъ независимыми описаніями портреты, которые это общество оставило для самого себя. Оно все высказало о самомъ себѣ, кромѣ того, что считало банальнымъ и хорошо извѣстнымъ современникамъ; кромѣ того, что казалось ему техническимъ, скучнымъ, мелкимъ; кромѣ того, что касалось провинціи, буржуазіи, крестьянина, работника, администраціи и хозяйства. Я хотѣлъ пополнить эти пробѣлы, и кромѣ небольшого кружка благовоспитанныхъ и образованныхъ французовъ, познакомиться съ самой Франціей. Благодаря обязательности г. Мори и драгоцѣннымъ указаніямъ г. Бутарика, я могъ просмотрѣть массу рукописныхъ документовъ, корреспонденцій большого числа интендантовъ, управляющихъ, откупщиковъ, судей, чиновниковъ и всякаго рода и всякаго слоя частныхъ лицъ, за послѣднія тридцать лѣтъ стараго порядка; отчетовъ и мемуаровъ о различныхъ частяхъ королевскаго хозяйства, протоколы и записки генеральныхъ штатовъ въ ста-семидесяти-шести томахъ, корреспонденцію военныхъ командировъ съ 1789 по 1870 г., письма, мемуары и подробныя статистическія таблицы, содержащіяся въ ста картонахъ духовнаго комитета, корреспонденцію, образующую четырнадцать тюковъ, департаментскихъ и муниципальнаго управленія, съ министрами 1790 по 1799 г., отчеты государственныхъ совѣтниковъ, разсылавшихся по особымъ порученіямъ въ концѣ 1801 г., корресподенцію префектовъ при консульствѣ, имперіи и реставраціи, и по 1823 годъ пропасть другихъ поучительныхъ документовъ и настолько неизвѣстныхъ, что исторія революціи, можно сказать, еще и не написана".

Эта масса документовъ послужила для него точкой отправленія

Digitized by Google

онъ отмѣчалъ все, что̀ казалось ему характеристичнымъ, и составилъ, фактъ за фактомъ, цѣлую обширную исторію. Можно сказать, что исторія его состоитъ единственно изъ мелкихъ фактовъ; цитаты всякаго рода занимаютъ цѣлыхъ полъ-тома. Они разсѣяны въ самомъ текстѣ, такъ что составляютъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, и даже когда говоритъ самъ авторъ, то чувствуется, что онъ только резюмируетъ документы, слишкомъ обширные для того, чтобы можно было ихъ привести. Въ сущности, все сочиненіе есть не что иное какъ обширная компиляція, но компиляція колоссальная, какой еще не бывало, составленная съ необычайнымъ искусствомъ, и подобная страшной машинѣ, въ которой всѣ колеса приходятся одно къ другому и въ которую не слѣдуетъ класть пальца, если не хочешь, чтобы она смолола всего тебя. Факты суть не что иное какъ колеса, содѣйствующія общему ходу и приводящія къ одному результату. Тэнъ прежде всего начерталъ канву съ тою силой логики, какая его отличаетъ; потомъ обставилъ всѣ свои положенія не доводами, но лучше того—живыми, реальными доказательствами. Представьте себѣ геометрію, примѣненную къ исторіи, маленькія главы, излагающія задачу, болѣе длинныя главы, служащія доказательствами, наконецъ, большіе отдѣлы, изолирующіе главные пункты и приводящіе всѣ къ одному общему и полному выводу. Это остовъ машины, дѣло рукъ самого Тэна. Тутъ онъ въ особенности проявляетъ свой поразительный талантъ въ логикѣ... Затѣмъ онъ превращается въ неутомимаго изслѣдователя и работника крайне искуснаго въ распредѣленіи фактовъ и подведеніи ихъ подъ ту рубрику, какую онъ для нихъ отвелъ. Мы увидимъ его на самомъ дѣлѣ. Я постараюсь возможно точно передать первый томъ „Origines de la France contemporaine“. Интересъ предпринятаго мною труда заключается, главнымъ образомъ, въ подробности анализа. Затѣмъ, достаточно будетъ сдѣлать выводъ.

III.

Вначалѣ, въ первой книгѣ, Тэнъ разсматриваетъ строеніе общества. Поспѣшно и не забираясь въ глубь нашей исторіи, онъ указываетъ, что въ 1789 году три класса людей, духовенство, дворяне и король, занимали въ государствѣ первенствующее мѣсто со всѣми преимуществами, съ нимъ связанными: властью, богатствомъ, почестями. Они составляли то, что̀ онъ называетъ привилегированными, и утверждаетъ, что эти привилегированные вначалѣ заслужили свое исключительное положеніе: духовенство, работая въ теченіи тысячи-двухсотъ лѣтъ на пользу цивилизаціи, дворяне, защищая

Digitized by Google

мечемъ тотъ край земли, котораго они являлись избавителями, король — становясь главой общественной безопасности, освободителемъ территоріи отъ чужеземцевъ, настоящимъ творцомъ Франціи. По мнѣнію Тэна, привилегія идетъ рука объ руку съ услугой: земли, титулы, всемогущество остались въ рукахъ семей, родоначальники которыхъ охраняли миръ и благоденствіе страны. Ихъ преимущества были не что иное, какъ остатки ихъ первоначальнаго главенства, и легко объяснить ихъ предыдущими благодѣяніями, мѣстными и всеобщими, оказанными ими. Таково, напримѣръ, полное или частное изъятіе отъ взноса податей; сборщики податей не трогаютъ дворянъ, потому что король хорошо понимаетъ, что феодальная собственность имѣетъ общее съ нимъ происхожденіе.

Итакъ, Тэнъ показываетъ, какимъ образомъ французское общество развивалось въ силу самыхъ потребностей націи, признавая необходимыхъ господъ, которые учили и защищали его, и предоставляя имъ въ награду громадныя права. Такой складъ общества слагается и организуется самъ собой, и авторъ утверждаетъ, что нельзя безнаказанно поколебать его. „Предоставленное самому себѣ и вернувшись внезапно къ естественному своему состоянію, человѣческое стадо стало бы безъ толку грызться до тѣхъ поръ, пока сила кулака не взяла бы верхъ, какъ въ варварскія времена, и пока среди безтолочи и воплей не появился бы военачальникъ, который обыкновенно бываетъ мясникомъ“,—и прибавляетъ, обнаруживая свои симпатіи въ теоретическихъ выводахъ: „вотъ почему полезно, въ особенности когда большинство необразованно, чтобы руководители народа были указываемы заранѣе сложившейся, наслѣдственной привычкой повиноваться имъ, и тѣмъ спеціальнымъ воспитаніемъ, которое ихъ къ этому подготовляетъ. Въ этомъ случаѣ обществу не надо искать ихъ, чтобы найти. Они существуютъ въ каждомъ округѣ, на виду у всѣхъ и заранѣе признаны всѣми; ихъ узнаютъ по ихъ имени, титулу, богатству, по ихъ образу жизни, и авторитетъ ихъ встрѣчаетъ общее уваженіе“.

Но Тэнъ однако указываетъ вслѣдъ за этимъ, что тѣ двѣсти-семьдесятъ тысячъ привилегированныхъ лицъ, которыя подѣлили между собой Францію въ восемнадцатомъ столѣтіи, духовные и дворяне, должны были продолжать заслуживать свои преимущества, должны были продолжать свою роль руководителей и покровителей, если желали сохранить свои преимущества, въ качествѣ заслуженной награды. „Дворянинъ, бывшій во время оно окружнымъ начальникомъ и несмѣняемымъ жандармомъ, долженъ былъ превратиться въ благодѣтельнаго помѣщика, живущаго въ своемъ помѣстьи, добровольнаго зачинателя всѣхъ полезныхъ предпріятій, естественнаго

Digitized by Google

опекуна всѣхъ бѣдныхъ, безвозмезднаго администратора и судью округа, представителя безъ жалованья передъ королемъ, т.-е. руководителя и покровителя, какъ и въ былое время, но только въ новой формѣ, приспособленной къ новымъ условіямъ". Въ сущности, здѣсь идетъ рѣчь объ общественномъ договорѣ, основанномъ на интересѣ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Охраняй меня, а я буду тебя уважать; но только въ тотъ день, когда ты перестанешь защищать меня, а будешь тѣмъ не менѣе требовать уваженія, я нарушу договоръ тѣмъ съ бо́льшимъ насиліемъ, чѣмъ упорнѣе ты станешь мнѣ его навязывать и стремиться раздавить меня подъ бременемъ злоупотребленій и нищеты. Вотъ, по мнѣнію Тэна, вся исторія французской революціи. Она стала неизбѣжной въ тотъ день, когда привилегированные нарушили договоръ, который ставилъ ихъ господами, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они были господами полезными для націи.

Доказательства того, какимъ тяжкимъ бременемъ лежало дворянство на Франціи въ послѣднія тридцать лѣтъ до революціи, представляемыя Тэномъ, поразительны. Первой виной, главной виной дворянъ было то, что они не жили въ своихъ помѣстьяхъ, всѣ устремились въ Парижъ и такимъ образомъ порвали древнюю связь, соединявшую ихъ съ крестьянскимъ міромъ. Провинція обратилась въ пустыню, гдѣ мелкопомѣстные дворяне, слишкомъ бѣдные, чтобы обратиться въ бѣгство, страшно скучали и жили, какъ волки. Мѣстное управленіе ускользнуло изъ ихъ рукъ и перешло въ руки короля. Они бѣднѣли съ каждымъ годомъ, продавали по клочкамъ свои земли, разорялись на глазахъ у крестьянъ, злобно посмѣивавшихся и въ которыхъ уже начинало проявляться раздраженіе. Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не жили въ своихъ помѣстьяхъ, то они оставляли половину земли въ своихъ громадныхъ имѣніяхъ подъ паромъ. По мѣрѣ того какъ росли ихъ привилегіи, увеличивалось ихъ богатство, они все менѣе и менѣе заботились о томъ, чтобы оказывать своимъ вассаламъ услуги, обѣщанныя въ общественномъ договорѣ. Они ничего не дѣлали для земли, еще менѣе для людей. Въ безлюдныхъ и разоренныхъ селахъ люди умирали съ голоду. Управители, эксплуатировавшіе землю, выказывали неумолимую жестокость. Чтобы вести придворную жизнь, нужны были деньги, и изъ крестьянъ высасывали всѣ соки. Долги дворянъ были колоссальны: „князь де-Гемене оказался несостоятельнымъ на тридцать-пять милліоновъ. Герцогъ Орлеанскій, самый богатый землевладѣлецъ королевства, оставилъ по своей смерти на семьдесятъ-четыре милліона долговъ. Когда пришлось платить долги эмигрантовъ изъ ихъ имѣній, то оказалось, что большинство крупныхъ помѣ-

Digitized by Google

стій заложены и перезаложены". Прибавьте къ этому, что у крестьянъ было двѣ крайне важныхъ причины жаловаться на дворянъ: во-первыхъ, на то, какъ они отправляли правосудіе, продавали должности, торговали совѣстью и обезпечивали такимъ образомъ безнаказанность за мошенниками; во-вторыхъ, на ихъ охотничьи права, на ихъ своры собакъ и табуны лошадей, которые топтали поля, на дичь, предоставленную исключительно въ ихъ пользованіе и безнаказанно опустошавшую нивы. Понятны поэтому всеобщія жалобы, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ. Тэнъ энергически заключаетъ: „Отсутствіе владѣльцевъ, апатія провинцій, плохое состояніе хлѣбопашества, грабительство откупщиковъ, подкупность судей, притѣсненія полицейскихъ, праздность, долги и требованія господъ, униженіе, нищета, одичалость и ожесточеніе вассаловъ — все это происходило отъ одной причины и вело къ одному результату. Когда господство превращается въ синекуру, оно становится обременительнымъ, переставая быть полезнымъ, а когда оно обременительно, не будучи полезнымъ, его пытаются низвергнуть".

Въ духовномъ званіи одни дворяне могли получать епархіи и аббатства. Низшее духовенство было ужасно несчастно, высшее же духовенство обращало жизнь въ непрерывный пиръ, съѣдало половину, по крайней мѣрѣ, бюджета церкви. Что касается дворянъ, они съ чрезвычайной хищностью дѣлили между собой правительственныя и придворныя должности. Пенсіи, награды поглощали громадное число милліоновъ ежегодно. Въ этомъ отношеніи цифры весьма краснорѣчивы: были мѣста въ 900 ливровъ жалованья, приносившія 200,000 дохода; завѣдывавшіе охотами продавали на 20,000 франковъ въ годъ кроликовъ; одна воспитательница королевскихъ дѣтей добилась 115,000 ливровъ дохода, потому что жалованье ея увеличивалось на 35,000 ливровъ съ рожденіемъ каждаго ребенка, не говоря уже о суммахъ, платившихся за фиктивныя мѣста, о доходахъ, получавшихся всѣми чиновниками, о всеобщемъ, нагломъ грабежѣ, благодаря которому нѣсколько ртовъ поѣдало доходы цѣлой Франціи.

Привожу еще слѣдующія, крайне рельефныя строчки, резюмирующія все, что было сказано до сихъ поръ авторомъ: „уже раньше своего окончательнаго распаденія, Франція разлагалась, и разлагалась потому, что привилегированные забыли объ обязательной для нихъ роли *общественныхъ дѣятелей*".

Во второй книгѣ Тэнъ изучаетъ нравы и характеры. Въ ней есть весьма поучительныя страницы о пышной жизни, какую вели при дворѣ. Онъ представляетъ версальскій дворъ обширнымъ салономъ, въ которомъ цвѣтъ націи, нѣсколько тысячъ богатыхъ, хорошо одѣ-

Digitized by Google

тыхъ, прекрасно воспитанныхъ людей проводили время въ непрерывныхъ увеселеніяхъ. То было государство въ государствѣ. Кто не принадлежалъ къ нему, тотъ не существовалъ. Король считалъ дворянство дополненіемъ самого себя, королевской свитой, предназначенной единственно лишь къ тому, чтобы придавать блескъ его дворцу. Отсюда обезлюдѣніе провинціи, толкотня въ Версали, движеніе, которое обращало всѣ живыя силы страны лишь на поддержаніе придворной роскоши.

Не могу не остановиться еще на одномъ уголкѣ этой картины. Дѣло идетъ объ устройствѣ королевской кухни. „Было три разряда стола: первый для короля и его малолѣтнихъ дѣтей; второй, называвшійся petit-commun и предназначавшійся для оберъ-гофмейстера, для оберъ-камергера и для принцевъ и принцессъ, жившихъ во дворцѣ короля; третій столъ, называвшійся grand-commun, назначался для метръ д'отелей, придворныхъ священниковъ, для камеръ-юнкеровъ и камеръ-лакеевъ: въ цѣломъ 383 оффиціанта, 103 помощника и 2.177,771 расхода. Кромѣ этого отпускалось 389,173 ливра на столъ принцессы Елизаветы и 1.093,547 на столъ остальныхъ принцессъ,—въ цѣломъ 3.660,491. Виноторговецъ поставляетъ въ годъ на 300,000 франковъ вина, а поставщикъ провизіи на милліонъ дичи, говядины и рыбы. Для того, чтобы ѣздить за водой въ Виль-д'Овре и на передвиженіе оффиціантовъ, помощниковъ и провизіи, требуется 50 лошадей, нанимаемыхъ за 70,591 франкъ въ годъ. Такъ какъ принцы и принцессы имѣютъ право посылать, въ постные дни, за рыбой въ дворцовые склады, когда не проживаютъ во дворцѣ, то одна эта статья, въ 1778 г., обошлась въ 175,116 ливровъ. Прочитайте въ альманахѣ названія должностей, и передъ вами развернется пиръ Гаргантуа, торжественная іерархія кухни, главные оффиціанты стола, метръ-д'отели, контролеры, помощники контролеровъ, коммй, хлѣбодары, оберъ-шенки, стольники, мундкохи, повара, поваренки, зеленщики, огородники, смотрители надъ бѣльемъ, пирожники, буфетчики и пр., и пр., цѣлая процессія широкихъ и расшитыхъ золотомъ спинъ, величественныхъ и круглыхъ животовъ, серьёзныхъ лицъ, которыя хлопочутъ около кастрюль и около буфетовъ, съ степенной чинностью и сознаніемъ своей важности".

И это, какъ я уже сказалъ, только уголокъ картины. Перемѣщенія короля влекутъ за собой цѣлыя полчища. „Подумаешь, что передъ нами какой-то восточный дворъ, который, трогаясь съ мѣста, увлекаетъ за собой цѣлый міръ: когда онъ пускается въ дорогу, надо, если желаешь проѣхать по той же дорогѣ, заранѣе опередить его. Въ цѣломъ, около 4000 лицъ отправляютъ гражданскія должности при дворѣ короля, 9000—10,000 составляютъ его военную

Digitized by Google

свиту, 2000 слишкомъ занимаютъ должности при его родственникахъ, всего—около 15,000 человѣкъ, съ расходомъ въ 40—45 милліоновъ, которые равняются двойной цифрѣ нынѣшняго времени и составляли въ то время десятую часть общественнаго дохода. Вотъ центральная фигура королевской декораціи".

Тэнъ особенно настаиваетъ на томъ характерѣ, какой придавала подобнаго рода придворная жизнь французскому обществу тогдашняго времени. Феодальная грубость исчезла и уступила мѣсто бонтону. Всѣ подражали королю; у каждаго тогдашняго вельможи былъ свой дворъ, свои приближенные, свой церемоніалъ, свой салонъ, гдѣ остроуміе царило. Царство салоновъ началось, нѣкоторые изъ нихъ были знамениты и предписывали законы. Эта салонная жизнь, изящная, утонченная, какъ онъ это доказываетъ, могла быть совершенной только во Франціи; она была въ духѣ самой націи и предписывалась тономъ двора. Нельзя себѣ, впрочемъ, представить ничего изящнѣе. Въ теченіи двухсотъ лѣтъ французское общество переживало золотой вѣкъ, остроумно и пышно. Все мало-по-малу было принесено въ жертву пріятностямъ этой жизни; бракъ превратился въ одну формальность; свобода нравовъ была безусловная; праздность стала закономъ; люди жили шутя, бросали деньги за окошко, были веселы и снисходительны. Эта эпоха до сихъ поръ представляется намъ какъ продолжительный праздникъ, непрерывный рядъ охотъ, пировъ, баловъ. Любовь къ театру развивалась также въ этихъ господахъ и дамахъ, которые проводили дни въ томъ, что разыгрывали пышную комедію собственнаго существованія. Само собой разумѣется, что среди этого пиршества общественныя дѣла были абсолютно позабыты. Каждый вельможа могъ бы сказать: „отложимъ серьёзныя дѣла до будущаго столѣтія". Если люди той эпохи вспоминали про политику, то лишь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ событіями дня, пустить въ ходъ острое словцо по поводу какой-нибудь катастрофы. Они были радикально индифферентны и неспособны. Съ другой стороны, салонная жизнь сама-по-себѣ пуста и суха. Поэтому, общество, уступая непреодолимой потребности, обратилось къ чувству и природѣ. Явилось какое-то всеобщее умиленіе, доканчивающее характеристику эпохи. Салонная чувствительность родилась; Руссо могъ явиться, Франція должна была его понять. Такимъ образомъ, и нравы, и самые характеры — все содѣйствовало революціи. Пренебреженіемъ къ народнымъ интересамъ, безполезностью своей пышной жизни, склонностью къ природѣ и чувству, которой они поддались вначалѣ ради забавы, привилегированные ускоряли разложеніе аптичной монархіи.

Digitized by Google

IV.

Перехожу къ третьей книгѣ: „l'Esprit et la Doctrine", и къ четвертой: „Propagation de la Doctrine". Въ нихъ Тэнъ по преимуществу у себя дома. Онъ находится тутъ среди своихъ обычныхъ занятій, захватывающихъ какъ философію, такъ и литературу. Поэтому, эти двѣ книги содержатъ самыя блестящія и самыя любопытныя страницы изъ всего сочиненія.

Въ медленномъ развитіи революціоннаго духа онъ различаетъ прежде всего два элемента: научныя открытія и классическій духъ. Научныя открытія явились слѣдствіемъ успѣха естественныхъ наукъ. И вотъ, наука преобразуется совершенно: она уже исходитъ не изъ догмата; исходной точкой ей служитъ опытъ: откровеніе—ничто, наблюденіе—все. Даже нравственныя науки отдѣляются отъ теологіи и являются какъ-бы продолженіемъ наукъ естественныхъ. И этотъ фактъ многозначителенъ; новые философы находятъ себѣ точку отправленія: Вольтеръ берется за критику, Монтескьё устанавливаетъ соціальные законы, Кондильякъ преобразуетъ психологію теоріей ощущенія и признаковъ. Въ это самое время классическій духъ, начавшійся съ Малерба, преобладаетъ все сильнѣе и сильнѣе, и впадаетъ въ крайность. Словарь языка ограниченъ, стиль допускаетъ только общія идеи, языкъ хорошо передаетъ то, что хочетъ сказать, но не говоритъ всего, что долженъ былъ бы сказать. Самый остроумный выводъ всей книги Тэна заключается здѣсь въ той ролѣ, которую онъ приписываетъ классическому духу, какъ двигателю революціи. Онъ очень хорошо объясняетъ, что новые философы были чистѣйшими классиками; изолируя нѣсколько весьма простыхъ и весьма общихъ понятій, они потомъ немедленно бросали опытъ, чтобы сравнить, обобщить эти понятія, и изъ искусственной смѣси, полученной ими такимъ образомъ, выводили путемъ чистаго разсужденія всѣ слѣдствія, въ немъ заключающіяся. Такимъ образомъ, Тэнъ выводитъ всю свою теорію изъ двухъ элементовъ: положительныхъ наукъ, начинающихъ лепетать, и классическаго духа, ложно примѣняющаго науки, который превращалъ въ громадныя ошибки добытыя первыми крошечныя истины. Для Тэна, словомъ, философы восемнадцатаго вѣка суть не что иное, какъ риторы, написавшіе лживыя и опасныя разглагольствованія на математическія данныя.

Итакъ, онъ показываетъ сліяніе двухъ элементовъ, изъ котораго вышло прославленіе разума. Отнынѣ разумъ станетъ руководить людскими дѣлами, руководство которыми принадлежало до сихъ поръ традиціи. Здѣсь опять прорываются авторитетныя стремленія

Digitized by Google

Тэна. Вотъ его объясненіе и апологія наслѣдственнаго принципа: „порою, среди хаоса смѣшанныхъ расъ и разрушающихся обществъ, встрѣчался человѣкъ, который нравственнымъ вліяніемъ собиралъ вокругъ себя кучку вѣрныхъ, изгонялъ чужеземцевъ, обуздывалъ разбойниковъ, возстановлялъ безопасность, поднималъ хлѣбопашество, сплачивалъ отечество и передавалъ, какъ собственность, своимъ потомкамъ роль наслѣдственнаго судьи и прирожденнаго военачальника. Путемъ этого непрерывнаго представительства, великая общественная должность устраняется отъ соисканія, сосредоточивается въ одной фамиліи, секвеструется въ вѣрныхъ рукахъ. Отнынѣ у націи есть живой центръ, и каждое право находитъ явнаго покровителя. Если государь строго держится своихъ обязанностей; если онъ воздерживается отъ произвола; если онъ не поддается эгоизму, то доставляетъ странѣ одно изъ лучшихъ правительствъ, какія только существовали на свѣтѣ; не только самое прочное, самое послѣдовательное и наиболѣе пригодное для того, чтобы сплотить двадцать или тридцать милліоновъ людей, но еще и самое прекрасное, такъ какъ преданность облагораживаетъ въ немъ командованіе и повиновеніе, и такъ какъ, благодаря передающейся изъ рода въ родъ военной традиціи, вѣрность и честь связываютъ, черезъ всѣ чины, начальника съ его долгомъ, солдата съ его начальниками". Конечно, самъ же Тэнъ опять доказываетъ, что французскіе короли не держались своихъ обязанностей, не воздерживались отъ произвола и поддались эгоизму.

Нападки разума на традицію прошли два фазиса: представителями одного были деисты и реформаторы: Вольтеръ и Монтескьё. Другой стремился къ возврату въ первобытное состояніе, и великими двигателями его были Дидро и Гольбахъ. Наконецъ, явился Руссо, съ его теоріей первобытнаго совершенства человѣка, его нападками на ошибки цивилизаціи, всей системой резонирующаго разума, вполнѣ стирающаго личность ради общины. Авторъ подвергаетъ здѣсь строгой критикѣ знаменитый „Contrat social", который оспариваетъ въ особенности какъ философъ и моралистъ. Онъ объясняетъ затѣмъ громадный успѣхъ философовъ во Франціи: успѣхъ ихъ обусловливается прелестью ихъ слога, любовью публики къ хорошо написаннымъ сочиненіямъ. Къ тому же, философы сами всѣ свѣтскіе люди и живутъ въ салонахъ, гдѣ ихъ привѣтствуютъ, ласкаютъ. Методъ ихъ, отличающаяся ясностью, дѣлаетъ ихъ популярными, а ихъ умъ раскрываетъ передъ ними двери самого дворца. За ними гоняются всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараясь ихъ залучить. Дворянство, начинавшее скучать, находитъ въ ихъ книгахъ пищу для ума, въ которой нуждалось. Оно увлекается новыми идеями; отнынѣ

Digitized by Google

у него является предметъ для неистощимыхъ бесѣдъ, предлогъ для волненій. И вотъ, мы видимъ, что знатнѣйшіе вельможи становятся революціонерами. Прибавьте къ этому, что среди беззаботной салонной жизни таилось давнишнее недовольство духовенствомъ. Салоны проникались духомъ фрондёрства и матеріализма. Сами духовныя лица щеголяли скептицизмомъ; наконецъ, женщины, охваченныя неопредѣленными и безграничными надеждами, объявляли себя со страстью за реформы, долженствовавшія осчастливить весь родъ человѣческій. Съ своей стороны—средній классъ, буржуазія, начинала заниматься политикой. Буржуазія разбогатѣла, давала деньги взаймы государству, и въ силу этого считала себя вправѣ контролировать его дѣйствія. Она также сблизилась съ дворянствомъ, посѣщала его салоны, гдѣ чувствовала себя равной дворянину, если не выше его по образованію. Поэтому, когда появились сочиненія Руссо́, то они нашли совсѣмъ готовую почву въ среднемъ сословіи, и оно приняло ихъ съ энтузіазмомъ, опьяненное идеей всеобщаго нивеллированія, какую они приносили. Такимъ образомъ, философская доктрина была распространяема сверху и снизу, всѣми классами, она бродила въ самой крови вѣка.

Я приведу здѣсь нѣсколько живыхъ страницъ самого Тэна. Онъ написалъ четыре портрета: Монтескьё, Вольтера, Дидро́ и Руссо́, которые составляютъ совершенство въ своемъ родѣ. Я желалъ бы дать портретъ Руссо́; но онъ слишкомъ длиненъ. Вотъ портретъ Дидро́:

„Дидро́, говоритъ Вольтеръ, это слишкомъ жаркая печка, сожигающая все, что́ въ ней варится, но вѣрнѣе — это волканъ въ состояніи изверженія, который въ теченіи сорока лѣтъ извергаетъ идеи всякаго рода и всякаго порядка, кипучія и смѣшанныя, драгоцѣнные металлы, и никуда негодные выгорки, зловонную грязь; неудержимый потокъ катится какъ придется, согласно случайностямъ почвы, но постоянно съ краснымъ пламенемъ и ѣдкимъ дымомъ горящей лавы. Не онъ владѣетъ своими идеями, а идеи владѣютъ имъ, онъ имъ подчиняется. Чтобы сдержать ихъ пылъ и опустошенія, ему не хватаетъ солиднаго фундамента практическаго здраваго смысла, той внутренней плотины общественнаго благоразумія, которая у Монтескьё и даже у Вольтера сдерживаетъ разнузданность. Все у него изливается наружу, какъ изъ переполненнаго кратера, безъ разбора, черезъ первую попавшуюся трещину и по поводу любой случайности: чтенія какой-нибудь книги, письма, разговора, импровизаціи, и не мелкими и частыми струйками, какъ у Вольтера, но широкимъ потокомъ, слѣпо низвергающимся съ самаго крутого ската того вѣка. Такимъ образомъ, онъ не только доходитъ до самыхъ крайнихъ выводовъ антирелигіознаго и антисоціальнаго ученія со всей непреклон-

Digitized by Google

ностью логики и парадокса, порывистѣе и шумнѣе самого Гольбаха, но, вдобавокъ, скатывается и барахтается въ грязномъ болотѣ того вѣка, то-есть непристойности, и поддается великой пошлости того же вѣка, то-есть декламаціи. Въ своихъ большихъ романахъ онъ отводитъ большое мѣсто двусмысленнымъ сальностямъ и непристойнымъ сценамъ. Непріличіе у него не смягчается остроуміемъ и не прикрывается изяществомъ. Онъ и не тонокъ, и не пикантенъ; онъ не умѣетъ, какъ Кребильонъ, самъ рисовать милыхъ шалуновъ. Это разночинецъ, выскочка, попавшій въ большой свѣтъ; вы узнаете въ немъ плебея, мощнаго мыслителя, неутомимаго работника и великаго художника, который, согласно нравамъ того времени, попалъ на ужинъ модныхъ кутилъ. Онъ направляетъ бесѣду, руководитъ оргіей, и изъ подражанія и удальства одинъ насказываетъ больше сальностей, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ.

„Такъ точно и въ драмахъ, въ „Essais sur Claude et Neron", и въ „Commentaire sur Sénèque", и въ прибавленіи къ „Histoire philosophique" Райналя онъ усиливаетъ тонъ. Этотъ тонъ, господствующій тогда, въ силу классическаго духа и новой моды, есть сантиментальная риторика. Дидро доводитъ ее до крайности въ слезливой или яростной напыщенности, въ восклицаніяхъ, въ возгласахъ, въ умиленіяхъ, рѣзкостяхъ, негодованіи, восторгѣ, въ громогласныхъ тирадахъ, въ которыхъ находитъ исходъ и пищу его увлекающаяся натура.

„За то, среди стольких замѣчательныхъ писателей, онъ единственный истинный художникъ, творецъ характеровъ, такой умъ, въ которомъ предметы, событія и лица зарождаются и живутъ сами собой, своими собственными силами, въ силу естественнаго сродства, невольно, безъ посторонняго вмѣшательства, такъ что существуютъ сами собой и ради себя самихъ, помимо всякихъ разсчетовъ и вѣ соображеній автора. Человѣкъ, который написалъ: „les Salons", „les Petits romans", „les Entretiens", „le Paradoxe du Comédien", въ особенности же „le Rêve d'Alembert" и „le Neveu de Rameau"—единственный въ своемъ родѣ писатель той эпохи. Какъ ни живы и какъ ни блестящи дѣйствующія лица Вольтера, они все-таки манекены; ихъ движенія искусственныя и всегда видишь позади нихъ автора, дергающаго ихъ за веревку. У Дидро эта веревка перерѣзана; онъ не говоритъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ; послѣднія не составляютъ его истолкователей или комическихъ куколъ, но независимыхъ и обособленныхъ существъ; дѣйствія ихъ самостоятельны, рѣчь своя собственная; у нихъ своя собственная темпераментъ, страсти, философія, идеи, слогъ и душа, порою, какъ въ „le Neveu de Rameau", такая оригинальная, сложная, живая и безобразная душа, что становится въ естественной исторіи человѣка несравненнымъ чудови-

Digitized by Google

щемъ и безсмертнымъ документомъ. Онъ все сказалъ о природѣ, объ искусствѣ, нравственности и жизни въ двухъ небольшихъ книжечкахъ; можно прочитать ихъ двадцать разъ сряду, а ихъ прелесть не утратится, и смыслъ не исчерпается; найдите, попробуйте, у кого другого такое же мастерское произведеніе, найдите что-нибудь болѣе глубокое и болѣе безумное.

„Вотъ преимущество геніевъ, неумѣющихъ владѣть собой: имъ не хватаетъ разсудка, но у нихъ есть вдохновеніе. Среди двадцати грязныхъ, безобразныхъ или болѣзненныхъ произведеній, у нихъ выдастся одно, которое одушевлено творческимъ духомъ, мало того: живое существо, живущее самостоятельной жизнью, и рядомъ съ нимъ остальныя, сочиненныя просто только умными людьми, остаются просто лишь хорошо разодѣтыми манекенами.

„Вотъ почему Дидро такой великій разсказчикъ, такой мастеръ діалога, и въ этомъ отношеніи равенъ Вольтеру, но по таланту совершенная противоположность съ нимъ; онъ вѣритъ во все, что говоритъ въ тотъ моментъ, какъ говоритъ, забывая о самомъ себѣ, увлеченный собственнымъ разсказомъ, прислушиваясь къ внутреннимъ голосамъ, удивляясь репликамъ, которыя приходятъ ему невзначай, увлекаемый—точно незнакомой рѣкой—ходомъ дѣйствія, извивами бесѣды, которая происходитъ въ немъ самомъ, помимо его сознанія, подхватываемый наплывомъ идей и набрасывающій подъ впечатлѣніемъ минуты самыя неожиданныя картины, самыя забавныя или самыя величественныя; являясь то лирикомъ, да такимъ, что даетъ цѣлую строфу Мюссе, то забавникомъ и юмористомъ, съ раскатами хохота, котораго не слыхать было со времени Рабле, и при этомъ всегда добросовѣстенъ, всегда во власти своего сюжета, своего вымысла, своего волненія, самый естественный изъ писателей въ ту эпоху искусственной литературы, подобный чужеземному дереву, которое, будучи пересажено въ цвѣтникъ того времени, болѣзненно развивается и начинаетъ гнить одной частью своего стебля, но даетъ пять или шесть побѣговъ, затмѣвающихъ всѣ сосѣднія растенія своей свѣжестью и мощной растительностью“.

V.

Пятая и послѣдняя книга называется: „le Peuple“. Это ужасающая картина бѣдственнаго положенія народа, его страданій, его униженія въ продолженіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ стараго порядка. Тэнъ, тайныя симпатіи котораго, какъ я уже говорилъ, принадлежатъ тѣмъ, кого онъ называетъ привилегированными, здѣсь остался

Digitized by Google

вѣренъ своей добросовѣстности ученаго и своей любви къ истинѣ. Никогда революція не объяснялась болѣе краснорѣчивымъ подборомъ фактовъ. Мы стоимъ тутъ лицомъ къ лицу съ ужаснымъ недугомъ, отъ котораго скончалась древняя абсолютная монархія.

Многіе воображаютъ, что революція вспыхнула какъ неожиданный мятежъ среди націи, дотолѣ безмолвной и вѣрной. Это совсѣмъ невѣрно. Раньше политическихъ возмущеній происходили голодные бунты. Цѣлое голодное населеніе вставало по временамъ и протягивало руки съ отчаяніемъ, прося хлѣба. Нищета была всеобщая. Въ Руанѣ было слишкомъ двѣнадцать тысячъ нищихъ работниковъ. Въ Ліонѣ насчитывали до двадцати тысячъ рабочихъ по шелковому производству, которыхъ не выпускали за городскія ворота изъ боязни, что они переселятся за-границу. Въ Мезьерѣ народъ терпѣлъ такую жестокую нужду, что, какъ только подавали обѣдать офицерамъ въ трактирахъ, набрасывался на обѣдъ и поѣдалъ его. Однажды въ Парижѣ, когда дофинъ съ дофиной ѣхали въ Нотръ-Дамъ, болѣе двухъ тысячъ женщинъ окружили ихъ, крича: „дайте намъ хлѣба, или мы умремъ съ голоду“. Въ предмѣстьѣ св. Антонія восемьсотъ человѣкъ умерло съ холоду и съ голоду въ одинъ мѣсяцъ. Послушайте самого Тэна: „еслибы я вздумалъ пересчитывать скопища, возмущенія голодныхъ, ограбленія хлѣбныхъ магазиновъ, то никогда не кончилъ бы: то были конвульсивныя движенія измученной твари; она голодала, сколько могла, но наконецъ возмутилась. Въ 1747 г. происходятъ значительныя возмущенія въ Тулузѣ изъ-за хлѣба; въ Гюйеннѣ бунты повторяются при каждой ярмаркѣ. Въ 1750 г., въ Беарнѣ отъ шести до семи тысячъ человѣкъ собираются за рѣкою и оказываютъ сопротивленіе чиновникамъ; призываются двѣ роты полка д'Артуа, стрѣляютъ въ бунтовщиковъ и убиваютъ съ дюжину. Въ 1752 г. бунтъ длится три дня въ Руанѣ и его окрестностяхъ. Въ Дофинэ и въ Овернѣ полчища крестьянъ осаждаютъ хлѣбные магазины и берутъ хлѣбъ по той цѣнѣ, какую сами назначаютъ. Въ томъ же самомъ году, въ Арлѣ двѣ тысячи вооруженныхъ крестьянъ окружаютъ городскую ратушу съ требованіемъ хлѣба, и разгоняются солдатами. Въ одной провинціи Нормандіи я насчитываю до девяти бунтовъ въ промежутокъ съ 1725 по 1768 г., и все изъ-за хлѣба. Цѣлыя деревни, пишетъ парламентъ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, питаются какъ дикіе звѣри. Еще два дня—и Руанъ останется безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ зерна и безъ хлѣба. Поэтому послѣдній бунтъ ужасенъ, и на этотъ разъ опять, чернь, въ теченіи трехъ дней господствовавшая надъ городомъ, разграбила всѣ общественные склады зерна, всѣ общинные хлѣбные магазины“.

Нужно бы выписать всего Тэна, чтобы дать понять, до какой ни-

Digitized by Google

щеты былъ доведенъ народъ во Франціи. Вотъ еще нѣсколько фактовъ. Крестьяне питались однимъ ржанымъ хлѣбомъ; когда нѣтъ урожая на яблоки, они пьютъ одну воду. Ремесленники продаютъ свои пожитки и умираютъ съ голоду; въ другихъ мѣстахъ худая пища порождаетъ ужасающія болѣзни. Въ одномъ дальнемъ кантонѣ крестьяне снимаютъ недозрѣлый хлѣбъ и сушатъ его въ печахъ, потому что голодъ не дозволяетъ имъ долѣе ждать. Цѣлыя семейства по цѣлымъ суткамъ остаются безъ всякой пищи; кто слишкомъ голоденъ, тотъ лежитъ въ постелѣ возможно долѣе, чтобы меньше страдать. Провинціи становятся безлюдны. „Народъ перебивается съ дня на день; онъ остается безъ хлѣба, какъ только урожай плохъ. Случись морозъ, градъ, наводненіе—и цѣлая провинція не знаетъ какъ ей прожить до слѣдующаго года; во многихъ мѣстахъ достаточно зимы и даже не особенно суровой, чтобы довести населеніе до бѣдственнаго состоянія".

И надо было видѣть въ то время поля, которыя въ настоящее время такъ плодородны и богаты. Одна четверть всей земли пустѣетъ, громадныя равнины обращены въ пустыри. Капиталъ, употребляемый на земледѣліе, въ три раза меньше, чѣмъ въ настоящее время, при этомъ совершенное отсутствіе путей сообщенія. Прибавьте, что заработная плата была ничтожна. Разсчитано, что заработокъ лакея увеличился въ настоящее время съ 70 на 100, а заработокъ винодѣла съ 100 на 125. Причиной всего зла были налоги, страшные налоги, подавлявшіе народъ.

Къ сожалѣнію, я не могу слѣдовать за Тэномъ въ вопросѣ о налогахъ. Тутъ встрѣчается слишкомъ много техническихъ и весьма сложныхъ подробностей, въ которыхъ я запутаюсь. Трудно представить себѣ что-нибудь ужаснѣе этой прежней машины удрученія народа. Въ ней сотни колесъ, сотни жернововъ, дѣйствующихъ одновременно. Со всѣхъ сторонъ выставляются желѣзные зубы всякихъ формъ, протягиваются желѣзные когти всякой длины. Существуютъ подати, подушныя, десятина, барщина; и еще пошлина на соль, пошлина на съѣстные припасы и пр. и пр. Просто дрожь беретъ какъ передъ чудовищемъ, пожравшимъ цѣлыя поколѣнія. Если налоги такъ обременительны для народа, то это потому, что онъ одинъ платитъ ихъ. Дворяне, духовенство умѣли выпутываться изъ затрудненія, ускользать отъ сборщиковъ податей. Всякаго рода льготы выпадаютъ на долю ловкихъ людей; не нужно даже быть дворяниномъ, чтобы обезпечить себя; стóитъ лишь занять извѣстную должность. Платитъ одинъ бѣднякъ, а когда онъ не можетъ платить, у него описываютъ имущество. Вотъ чтó доводитъ Францію до голода, и вотъ какія слова влагаетъ Тэнъ въ уста плательщику податей: „я нищій, потому что съ

Digitized by Google

меня слишкомъ много берутъ. Съ меня берутъ слишкомъ много, потому что привилегированные платятъ слишкомъ мало. Привилегированные не только заставляютъ меня платить вмѣсто себя, но еще взимаютъ съ меня духовные и феодальные оброки. Когда изъ дохода въ сто франковъ я отдамъ пятьдесятъ три франка, и болѣе того, сборщику податей, я долженъ отдать болѣе четырнадцати господину и болѣе четырнадцати на церковную десятину, и наконецъ изъ восемнадцати или девятнадцати франковъ, остающихся мнѣ, я долженъ удовлетворить соляного пристава и десмотрщика винныхъ погребовъ. Одинъ я, бѣднякъ, содержу два правительства, одно древнее, мѣстное, въ настоящее время отсутствующее, безполезное, стѣснительное и унизительное, чье существованіе выражается нынѣ въ его притѣсненіяхъ, и поборахъ,—другое недавнее, центральное, вездѣсущее: оно, взявъ на себя отправленіе всякой службы, предъявляетъ громадныя требованія и ложится всѣмъ своимъ тяжкимъ бременемъ на мои худыя плечи".

Авторъ прибавилъ краткій очеркъ состоянія народныхъ умовъ, чтобы облегчить пониманіе всѣхъ позднѣйшихъ дѣйствій людей изъ народа, которымъ бунтъ развязалъ руки. Одурѣвшія отъ нищеты головы бѣдняковъ населены всякаго рода призраками. Къ тому же образованіе почти отсутствуетъ. Политическая неспособность окончательная, потому что они никогда не думали о государственныхъ дѣлахъ, за исключеніемъ развѣ того, что жаловались на тягость налоговъ. Наконецъ голодъ превратилъ ихъ въ звѣрей; всякаго рода разрушительные инстинкты проснулись въ нихъ; они страдаютъ и мечтаютъ разорить тѣхъ, которые не страдаютъ. Къ довершенію всего во мракѣ притаилась цѣлая армія браконьеровъ, контрабандистовъ, продавцовъ корчемной соли. Образуются шайки разбойниковъ, какъ это всегда бываетъ передъ наступленіемъ общественныхъ переворотовъ. Отнынѣ революція найдетъ людей, готовыхъ на всѣ крайности.

Но среди этого общественнаго разложенія самый тревожный признакъ слѣдующій: вооруженная сила распадается. Это уже похоронный звонъ. Когда монархія хватится солдатъ, которые бы могли ее защищать, она ихъ не найдетъ. Разложеніе арміи происходитъ главнымъ образомъ отъ самаго способа набора солдатъ. „Солдатъ набираютъ по вертепамъ. Отъ солдатчины изъяты не только всѣ дворяне и буржуа, но и всѣ чиновники управленія откупами и путями сообщеній, всѣ смотрители за охотой, лѣсничіе, наемные слуги духовныхъ лицъ, духовныхъ общинъ и монастырей, слуги дворянъ, мало того, дѣти достаточныхъ землепашцевъ и вообще всѣ тѣ, у которыхъ есть какой-нибудь кредитъ или протекція". Одни бѣдняки берутся въ

Digitized by Google

солдаты; къ нимъ присоединяютъ бродягъ, всякаго рода сбродъ, который подбирается полиціей съ мостовыхъ большихъ городовъ. Поэтому понятно, что такая армія не особенно надежна; она не связана живыми нитями съ родиной и соотечественниками. При первой опасности она обратится въ бѣгство. Солдаты, которыхъ худо кормятъ и обращаются съ ними какъ со стадомъ, дезертируютъ во множествѣ. Д'Аржансонъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку 24 декабря 1752 г.: „насчитывается слишкомъ тридцать тысячъ человѣкъ, казненныхъ за дезертирство со времени заключенія мира 1748 г.". Тридцать тысячъ дезертировъ въ четыре года! Одной этой подробности достаточно, чтобы освѣтить роковымъ свѣтомъ положеніе дѣлъ.

Все кончено, какъ говоритъ Тэнъ: „разъ снесена плотина, никакой другой не остается, и наводненіе заливаетъ всю Францію, какъ гладкую равнину." Никакое препятствіе не можетъ больше остановить событій. Въ странѣ нѣтъ больше центра сопротивленія. Одна Вандея будетъ протестовать. Вездѣ провинція бездѣйствуетъ, точно мертвая; маленькіе городки какъ-бы замурованы незнаніемъ дѣлъ и отдаленностью. Парижъ уже сталъ властелиномъ судебъ всей націи. Ему стоитъ заговорить, и ему повинуются. Въ этотъ страшный часъ Тэнъ показываетъ намъ простолюдина, руководимаго адвокатомъ. Вотъ сужденіе Тэна о революціи, которое онъ высказываетъ раньше, чѣмъ написалъ второй томъ своего сочиненія; это сужденіе заранѣе показываетъ, что онъ отнесется очень сурово къ соціальному движенію, готовящемуся совершиться: „Такимъ образомъ, нѣсколько милліоновъ дикарей подзадориваются нѣсколькими тысячами говоруновъ, и трактирная политика находитъ себѣ истолкователя и орудіе въ уличномъ скопищѣ. Съ одной стороны грубая сила отдаетъ себя въ распоряженіе радикальному догмату, съ другой стороны радикальный догматъ отдаетъ себя въ распоряженіе грубой силѣ. И вотъ тѣ двѣ силы, которыя въ распавшейся Франціи однѣ удерживаются на обломкахъ всего остального".

Авторъ въ концѣ своего произведенія даетъ прекрасное резюмé всего сочиненія. Это резюмé такъ ясно и такъ обстоятельно, что я нахожу нужнымъ привести его цѣликомъ, чтобы вполнѣ освѣтить его историческую теорію революціи. „Основатели общества, заслужившіе во время оно свои преимущества заслугами, привилегированные, удержали за собой свое мѣсто, отбросивъ его обязанности; въ мѣстномъ, какъ и въ центральномъ управленіи, мѣсто ихъ превратилось въ синекуру, а привилегіи ихъ стали злоупотребленіями. Во главѣ ихъ король, создавшій Францію, отдававшій всего себя ей на служеніе, какъ своей собственности, кончилъ тѣмъ, что обратилъ ее въ свою собственность; общественныя деньги стали его карманными

Digitized by Google

деньгами, и страсти, тщеславіе, личныя слабости, привычка къ роскоши, семейные разсчеты, интриги любовницъ, капризы женъ управляли государствомъ въ двадцать-шесть милліоновъ людей съ такимъ произволомъ, такимъ неряшествомъ, такой расточительностью, неумѣлостью и непослѣдовательностью, какіе были бы непростительны и въ частномъ хозяйствѣ. Король и привилегированные отличаются только въ одномъ—въ умѣньи жить, въ изящномъ вкусѣ, въ бонтонѣ, въ способности принимать гостей, въ умѣньи вести остроумную, тонкую, веселую бесѣду, въ искусствѣ превращать жизнь въ блестящій и остроумный праздникъ, какъ будто бы міръ былъ салономъ для праздныхъ людей, въ которомъ достаточно быть остроумнымъ и любезнымъ, тогда какъ міръ есть поприще, гдѣ нужно быть сильнымъ, чтобы сражаться, и лабораторія, гдѣ надо работать, чтобы быть полезнымъ. Привычкой къ вѣжливой бесѣдѣ, силою ея совершенства и вліянія они придали классическую форму французскому уму, и это, въ соединеніи съ новыми научными открытіями, создало философію восемнадцатаго вѣка, унизило традицію, вызвало мысль пересоздать всѣ человѣческія учрежденія на основаніи чистаго разума, повело къ примѣненію математическаго метода въ политикѣ и нравственности, къ составленію катехизиса человѣческихъ правъ и всѣхъ анархическихъ и деспотическихъ догматовъ въ „Contrat social“. Разъ химера создалась, они ухватились за нее, какъ за салонное развлеченіе; они принялись играть съ маленькимъ чудовищемъ еще безвреднымъ, украшеннымъ бантами изъ лентъ, какъ барашекъ въ эклогѣ; имъ и въ голову не приходило, что онъ можетъ со временемъ превратиться въ бѣшенаго и страшнаго звѣря; они кормятъ, ласкаютъ его, и затѣмъ изъ своихъ домовъ выпускаютъ на улицу. Тамъ, въ средѣ буржуазіи, которую правительство раздражаетъ, проматывая ея деньги, а привилегированные оскорбляютъ, задѣвая ея честолюбіе, причемъ неравенство унижаетъ ея самолюбіе,—революціонная теорія быстро разростается, получаетъ неожиданное развитіе и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ становится безусловнымъ властелиномъ общественнаго мнѣнія. Въ эту минуту и по ея призыву выростаетъ новый колоссъ, тысячеглавое чудовище, слѣпой и освирѣпѣлый звѣрь, цѣлый народъ, замученный, разъяренный и внезапно спущенный на правительство, чьи поборы его разоряютъ, и на привилегированныхъ, чьи права заставляютъ его голодать. При этомъ, въ своихъ безлюдныхъ селахъ, покинутыхъ ихъ естественными патронами, онъ не находитъ власти, которая бы пережила переполохъ, въ провинціяхъ, подчиненныхъ механической централизаціи, не остается независимой группы, и въ цѣломъ обществѣ, развинтившемся отъ деспотизма, не образуется центровъ сопротивленія и иниціативы; въ высшемъ же классѣ, обезоруженномъ са-

Digitized by Google

мой своей гуманностью, не находится политика, свободнаго отъ иллюзій и способнаго дѣйствовать, и вся эта масса благонамѣренныхъ и умныхъ людей оказывается неспособною оборонить себя отъ враговъ всякой свободы и всякаго порядка, отъ заразы демократической мечтой, которая отуманиваетъ лучшія головы, и отъ проявленій неистовства черни, искажающихъ наилучшіе законы".

VI.

Вотъ каково произведеніе Тэна, вотъ какова построенная имъ сложная и мощная машина. Повторяю, пусть не кладутъ въ нее пальца, если не хотятъ быть смолотымъ. Тэнъ тщательно распредѣлилъ самыя малыя колеса, и составилъ всю машину необыкновенно искусно и ловко.

Нѣтъ сомнѣнія, такая машина въ высшей степени любопытна, она такъ хорошо составлена и дѣйствуетъ съ такой силой. Съ своей стороны, я всегда наслаждался поразительными фокусами логиковъ. Логика необыкновенно привлекательна, когда какой-нибудь человѣкъ хорошо ею пользуется; она приводитъ васъ въ восторгъ, она доставляетъ наслажденіе вашему уму. Радъ понимать вещи, радъ возможности въ нихъ увѣриться. Съ другой стороны, въ наше время наука и научная критика представляютъ неотразимую привлекательность. Невольно мечтаешь о томъ, чтобы умъ работалъ какъ паровая машина, сильно и правильно, низводя умственный трудъ до простыхъ механическихъ операцій. Я сознался, что мнѣ нравится у Тэна его система, его предвзятое рѣшеніе. По-моему, это въ немъ самое интересное: онъ изобрѣлъ нѣчто, или по крайней мѣрѣ онъ усовершенствовалъ это нѣчто, и представляется въ глазахъ художника любопытнымъ явленіемъ, современникомъ нашихъ живописцевъ и романистовъ натуральной школы, даромъ что никогда не рѣшался судить о нихъ и признать въ нихъ собратовъ.

Поэтому я въ душѣ очень расположенъ къ нему. Но сознаюсь, что мнѣ было не по себѣ при чтеніи его произведенія. Я не довѣрялъ ему, я боялся, какъ бы онъ не завладѣлъ мною. Какой-то внутренній голосъ протестовалъ противъ него. Онъ скажетъ мнѣ, что это съ моей стороны невѣжество, заблужденіе, послѣдняя иллюзія, быть можетъ та самая „демократическая мечта", согласно его собственному выраженію. Пусть такъ! я отвѣчу откровенно, что на этотъ разъ согласенъ лучше сохранить иллюзію, мечту. Я знаю, какъ трудно разсуждать съ человѣкомъ, который кажется такимъ ученымъ и представляетъ вамъ столько фактовъ, выстроенныхъ въ грозномъ боевомъ

Digitized by Google

порядкѣ. Нельзя подорвать, прочитавъ ее одинъ разъ,—книгу, строившуюся камень за камнемъ въ теченіи пяти-шести лѣтъ, и масса которой сплочена работникомъ, исполненнымъ таланта и силы. Поэтому я и не попытаюсь даже оспаривать пунктъ за пунктомъ факты, указывать на пробѣлы. Я ограничусь только тѣмъ, что въ общихъ чертахъ выскажу протестъ, поднявшійся во мнѣ. И это будетъ моимъ выводомъ и сужденіемъ.

Вопросъ слѣдуетъ расширить. Я задыхался, мнѣ не хватало минутами воздуха въ произведеніи Тэна. Происхожденіе современной Франціи, строго говоря, слѣдовало бы изучать начиная съ первыхъ дней міросданія. Я хочу сказать, что идея о человѣчествѣ ни разу не появляется въ сочиненіи. Я знаю, что въ этомъ заключается предвзятое намѣреніе ученаго, анатома, но тѣмъ не менѣе считаю, что вопросъ съуженъ и ограниченъ, какъ со стороны документовъ, такъ и со стороны выводовъ. Еслибы французская революція и самомъ дѣлѣ была ничѣмъ инымъ какъ философской ошибкой, химерой, выросшей въ больныхъ умахъ, соціальнымъ кризисомъ, присущимъ одному только народу, революція не произвела бы такого всеобщаго, такого продолжительнаго, такого глубокаго потрясенія. Вся Европа еще содрагается отъ него, и подземная работа его все еще продолжается. Не хочу говорить о высшихъ вліяніяхъ, потому что Тэнъ посмѣялся бы надо мной. Но въ исторіи человѣчества несомнѣнно замѣчаются вѣянія, которыя въ данную минуту толкаютъ его болѣе или менѣе сильно. Тэнъ замѣтитъ мнѣ съ добросовѣстностью ученаго, что онъ разсѣкалъ исторію и ничего подобнаго не нашелъ, что, впрочемъ, все хорошо объясняется и безъ вѣяній, о которыхъ я говорю. Но если наука ничего не видитъ, то только потому, что наука несовершенна еще и безсильна—вотъ и все. Подобно тому какъ лирикъ приходитъ втупикъ передъ явленіями жизни, такъ и историческій критикъ бываетъ сбитъ съ толку цѣлью роковыхъ событій, образующихъ жизнь народовъ.

Вотъ въ чемъ заключается мой протестъ. Предоставляю Тэну критику документовъ; возможно, что философы восемнадцатаго столѣтія безусловно ошибались, желая слишкомъ рано примѣнить къ нравственнымъ наукамъ новый методъ естественныхъ наукъ. Возможно, что все дѣло Руссо было деспотическое и анархическое. Это доказываетъ только, что истину найти очень трудно, и что ошибки примѣшиваются ко всякимъ открытіямъ ума. Но толчокъ, данный революціей, тѣмъ не менѣе отражается на будущемъ. Быть можетъ, меньше крови было бы пролито, и потрясеніе было бы, конечно, не такое страшное, еслибы извѣстные факты сложились нѣсколько иначе. Но только на этотъ счетъ возможны однѣ лишь гипотезы. Револю-

Digitized by Google

ція была дѣломъ роковымъ и неизбѣжнымъ, Тэнъ доказываетъ это на пятистахъ страницахъ. Она шла изъ прошлаго и вела къ будущему, повторяю я. Она изуродована, когда ее берутъ съ Людовика XV, проходя молчаніемъ старинные генеральные штаты, медленное образованіе націи, и бросаютъ ее на 1876 г. при третьей республикѣ, среди демократическаго общества, все еще продолжающаго развиваться. Словомъ, революція коренится въ общемъ ростѣ всего человѣчества. Не желая дѣлать ее рычагомъ всемірной исторіи, надо несомнѣнно признать ее самымъ острымъ кризисомъ въ человѣческихъ лѣтописяхъ; она указываетъ на вѣковѣчную борьбу между тѣмъ, кто имѣетъ, и тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, между—тѣмъ, кто свободенъ, и тѣмъ, кто несвободенъ. Пытаясь найти исходъ этой борьбы—хорошо или дурно—она указала прежде всего на настоятельную необходимость какого-нибудь рѣшенія. Она вышла изъ нѣдръ самого человѣчества.

Я не стану заводить съ Тэномъ патріотической ссоры. Я однако слышалъ, какъ многіе сердились на то, что онъ обращается съ Франціей какъ съ насѣкомымъ, которое накалываетъ на булавку и съ любопытствомъ изучаетъ его агонію, прежде чѣмъ вскрыть его тѣло, чтобы увидѣть, что́ въ немъ скрывается. Ученые люди безжалостны. Но я упрекну его за то, что онъ написалъ свою книгу подъ вліяніемъ современныхъ тревогъ. Я говорилъ и еще повторяю, что коммуна 1871 г. очень повліяла на строгость его приговора о демократическомъ движеніи 1789 г. Мнѣ не нужно лучшаго доказательства, какъ его собственныя слова: „такимъ образомъ нѣсколько милліоновъ дикарей подзадориваются нѣсколькими тысячами говоруновъ, и трактирная политика находитъ себѣ истолкователя и орудіе въ уличномъ скопищѣ“. Тутъ чувствуется человѣкъ, вспоминающій о мятежѣ, ревущемъ подъ его окнами, и который не можетъ быть справедливъ, потому что мятежъ разстраиваетъ его спокойную и мирную жизнь. Не забудьте, что у Тэна нѣтъ никакихъ страстей; современный духъ отсутствуетъ въ немъ, и онъ отлично помирился бы съ положеніемъ философа, живущаго на счетъ мецената, покровителя литературы. „Демократическая мечта“ непріятна ему: она разстраиваетъ его идеи порядка и практической жизни, добросовѣстнаго труда, ведущаго къ почестямъ. Онъ стоитъ поэтому за тѣхъ, кого называетъ привилегированными, хотя и признаетъ ихъ ошибки, и не можетъ искажать смыслъ неумолимыхъ документовъ, на которые его изслѣдованія натолкнули его и которые свидѣтельствуютъ противъ нихъ. Къ тому же, онъ сожалѣетъ о правительственной стройности древней монархической и аристократической идеи, о царствѣ избранныхъ, руководящихъ толпою. Я не обвиняю Тэна въ томъ, что онъ изучалъ исторію съ личной

Digitized by Google

точки зрѣнія, но онъ несомнѣнно судитъ о революціи сквозь опасенія французскаго гражданина, которому тревоги 1848 и 1871 гг. помѣшали вести спокойную жизнь и заниматься философскими изслѣдованіями.

Впрочемъ, надо подождать судить объ его произведеніи, пока оно не выйдетъ въ цѣломъ объемѣ. До сихъ поръ у насъ только первый томъ: l'Ancien Régime, простая историческая компиляція, въ которой собственныя идеи писателя появляются лишь въ краткихъ резюмé. Второй томъ: la Révolution дастъ ему, конечно, случай яснѣе высказаться; совсѣмъ тѣмъ и тамъ мы еще будемъ стоять лицомъ къ лицу съ исторіей и массой собранныхъ и разсмотрѣнныхъ документовъ. Такъ какъ автору не придется судить о современныхъ людяхъ и событіяхъ, онъ навѣрное сохранитъ величавость историческаго критика. Надо дождаться третьяго тома: Régime nouveau. Тамъ ему зачастую придется разставаться съ книгами и изучать людей; ему придется выдти на улицу, смѣшаться съ нами, высказать намъ правду о насъ самихъ. Словомъ, онъ вынужденъ будетъ дать выводъ —вещь жестокая для экспериментальнаго критика. Сами друзья его неспокойны на счетъ его выводовъ. Уже теперь, если только онъ будетъ послѣдователенъ, можно ожидать, что онъ потребуетъ, если не новаго дворянства, то по крайней мѣрѣ новаго класса привилегированныхъ воиновъ и законодателей, крупныхъ землевладѣльцевъ и ученыхъ, которые будутъ вождями націи. Эти привилегированные станутъ защищать народъ, обезпечатъ его спокойствіе и благодействіе, и, взамѣнъ того и въ награду имъ, народъ станетъ имъ повиноваться. Выводы философовъ имѣютъ ту невыгодную сторону, что, опираясь на факты и аргументы, не терпящія возраженій, они тѣмъ не менѣе построены въ воздухѣ...

Кончая письмо, я все-таки долженъ похвалить Тэна за его великій талантъ стилиста и критика. Онъ одинъ въ настоящее время умѣетъ оживлять исторію и пользоваться ею какъ художникъ. Позволю себѣ выразиться вообще объ его произведеніяхъ слѣдующимъ образомъ: каждая его книга, это—поэма логики.

Эмиль Золя.

Digitized by Google

НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

1) Der monistische Gedanke. Von Ludwig Noiré. Leipzig. 1875.—2) Grundlegung einer zeitgemässen Philosophie. Von Ludwig Noiré. Leipzig. 1875.—3) Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung bis zur Gegenwart, von Friedrich von Hellwald. Augsburg. 1875—4) Kant und Darwin. Ein Beitrag zur Geschichte der Entwicklungslehre, von Fritz Schulze. Jena 1875.—5) Philosophie und Naturwissenschaft, ihr neustes Bündniss und die monistische Weltanschauung, von Dr. K. Dietrich. Tübingen. 1875. — 6) Zur Kritik moderner Schöpfungslehren, von Johannes Huber. München. 1875.—7) Ueber die Grenzen der mechanischen Naturverklärung, von Dr. G. Freihr. v. Hertling. Bonn. 1875. — 8) Ursprung und Beginn der Revolutionskriege 1791 und 1792, von Leopold v. Ranke. Leipzig. 1875. — 9) Paris und Frankreich in den Jahren 1834—74. Von Karl Gutzkow. Jena. 1875.

Современный европеецъ, если онъ не погрузился совсѣмъ въ матеріальные интересы или не ушелъ окончательно въ узкую спеціальность, непремѣнно чувствуетъ себя въ положеніи того терзаемаго скептизмомъ, алчущаго и жаждущаго истины германца, который говоритъ Людвигу Нуаре, автору сочиненій: „Grundlegung einer Zeitgemässen Philosophie“ и „Der monistische Gedanke“, что умъ человѣка собственно ничего достовѣрно познавать не можетъ, что всѣ его познанія, вѣрованія и мнѣнія не болѣе какъ случайно нарождающіяся и преходящія сновидѣнія. „Подъ гнетомъ безысходнаго скептицизма, говоритъ онъ, я страстно молилъ судьбу о пощадѣ и просвѣтленіи, молилъ объ одномъ только вершкѣ твердой почвы подъ ногами, съ котораго я могъ бы объяснить себѣ и мое существованіе, и міръ“. Изъ этого тяжкаго, томительнаго положенія вывело его только знакомство съ философіей Спинозы. Она стала для него тѣмъ „вершкомъ“ твердой почвы, котораго онъ жаждалъ, чтобы придти къ познанію себя и природы. И не для него одного. Къ Спинозѣ и Лейбницу, къ Канту и Шопенгауеру возвращаются теперь съ особенной любовью нѣмецкіе натуралисты, находя въ нихъ философское основаніе для той геніальной гипотезы, которая выставлена Дарвиномъ и которую они признаютъ несомнѣнной научной истиной.

Это явленіе—чрезвычайно замѣчательный симптомъ настоящаго времени. Его невозможно пройти молчаніемъ, говоря о современныхъ литературныхъ новостяхъ, въ которыхъ оно занимаетъ слишкомъ видное мѣсто. Мы далеки отъ мысли превозносить его безусловно; но положеніе историка текущей литературы не даетъ намъ права умалчивать о крупныхъ явленіяхъ современности, какъ бы ни расходились они съ принятыми у насъ воззрѣніями. Умолчаніе о нихъ равнялось бы признанію, что между нашей образованной публикой и Европой

Digitized by Google

стоитъ непроницаемая китайская стѣна. Нашъ отчетъ объ этомъ явленіи будетъ, впрочемъ, лишь фактическій, отъ котораго не позволяетъ намъ уклониться уже одно обиліе относящихся къ нему литературныхъ новостей. Всѣ сочиненія, заглавія которыхъ мы привели выше, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, относятся исключительно къ попыткамъ основать на дарвинизмѣ новое философское міровоззрѣніе и направлены или въ пользу, или противъ этихъ попытокъ, а названными сочиненіями еще далеко не исчерпывается современная нѣмецкая литература этого вопроса. Въ своей совокупности она наводитъ насъ на мысль, что философіи, быть можетъ, предстоитъ возрожденіе въ Германіи, которымъ она на этотъ разъ будетъ обязана уже не теологіи и не поэзіи, а успѣхамъ положительныхъ знаній. Явленіе, повторяемъ, замѣчательное, по которымъ исполняются пророческія слова Шиллера, обращенныя въ началѣ текущаго вѣка къ философамъ и натуралистамъ:

> Feindschaft sei zwischen euch! Noch kommt das Bündniss zu frühe!
> Wenn ihr im Suchen euch trennt, wird erst die Wahrheit erkannt.

Разрывъ этотъ, дошедшій въ половинѣ столѣтія до послѣднихъ предѣловъ, совсѣмъ убилъ философію, и только теперь, какъ ожидаютъ философствующіе нѣмецкіе натуралисты, пришло время обновленія философіи естествознаніемъ и пробилъ часъ примиренія между ними, часъ истины!

Построить философскую систему на основаніи естественно-исторической гипотезы Дарвина, если она и будетъ окончательно принята въ наукѣ, какъ дознанная научная истина — построить философскую систему на этомъ основаніи,—дѣло не легкое. Въ Германіи не безъ причины упрекаютъ натуралистовъ дарвиновой школы въ томъ, что они не видятъ всѣхъ трудностей такой задачи, и смѣшиваютъ философскія задачи съ вопросами физической природы. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ той потребности, которая сильно чувствуется и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сказывается въ классической странѣ отживающаго теперь протестантизма,—въ потребности выйти изъ голаго и чистаго отрицанія обветшалыхъ идей и выработать цѣльное и новое міровоззрѣніе на основаніи научныхъ данныхъ. Нѣмецкіе натуралисты, о которыхъ мы говоримъ, могутъ ошибаться въ своихъ попыткахъ создать такое міровоззрѣніе на основаніи гипотезы Дарвина, но они безошибочно сознаютъ основную, капитальнѣйшую потребность современнаго человѣка. Ихъ попытки, по скольку онѣ недостаточны и слабы, такъ и останутся попытками; но онѣ двигаютъ впередъ важнѣйшій вопросъ нашего времени, онѣ привлекаютъ къ нему общее вниманіе, будятъ мысль и заставляютъ ее работать

Digitized by Google

не надъ одними только вопросами политическаго преобладанія, наибольшаго униженія сосѣдей или наивѣрнѣйшихъ путей къ наживѣ.

Гипотеза Дарвина съ самаго начала встрѣтила въ Германіи болѣе благопріятную и плодотворную почву, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Съ увлеченіемъ принялись за ея разработку молодые нѣмецкіе натуралисты, между которыми первое мѣсто безспорно принадлежитъ профессору іенскаго университета, Эрнсту Геккелю, одному изъ даровитѣйшихъ современныхъ зоологовъ. Съ большимъ запасомъ спеціальныхъ знаній приступилъ онъ къ повѣркѣ выводовъ Дарвина о происхожденіи видовъ, и плодомъ этой повѣрки были сначала нѣсколько самостоятельныхъ изслѣдованій профессора по зоологіи, а потомъ популярное, но обширное сочиненіе: „Natürliche Schöpfungsgeschichte", первое изданіе котораго вышло въ 1868 году. Какъ велика была потребность въ такомъ сочиненіи въ Германіи, видно уже изъ того, что толстый томъ въ 700 страницъ, въ которомъ важнѣйшія задачи новаго направленія изложены популярно и съ большимъ литературнымъ и полемическимъ талантомъ, пережилъ съ тѣхъ поръ не менѣе пяти изданій. Успѣхъ этотъ выразился не только въ распространеніи книги Геккеля, но и въ быстромъ вліяніи его на общество и литературу. Оно породило цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, которыя также переносятъ вопросъ съ естественно-исторической почвы на философскую, и если эта новая литература больше блеститъ количествомъ сочиненій, чѣмъ ихъ качествомъ, то крупное значеніе ея въ настоящее время тѣмъ не менѣе безспорно.

Самъ Дарвинъ, какъ извѣстно, не даетъ своей гипотезѣ философской окраски и не сходитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ съ натуралистической почвы; но нѣмецкіе его послѣдователи нашли въ ней задатки новаго философскаго ученія и занялись ихъ разработкой. По гипотезѣ Дарвина, всѣ виды живыхъ организмовъ произошли естественнымъ путемъ развитія высшихъ организмовъ изъ низшихъ, подъ вліяніемъ такъ-называемаго естественнаго подбора во всеобщей, никогда непрерывающейся борьбѣ за существованіе. Борьба за существованіе, за необходимыя средства къ жизни, заставляетъ организмы приспособляться къ постоянно измѣняющимся условіямъ жизни; наслѣдственная передача органическихъ измѣненій, вызванныхъ непрерывнымъ процессомъ приспособленія, служитъ необходимымъ дополненіемъ этого процесса. На основаніи такой гипотезы и своихъ изслѣдованій, Геккель нашелъ возможнымъ составить постоянно восходящую лѣстницу организмовъ, начиная съ низшаго организма — монады, и кончая высшимъ—человѣкомъ, напоминающую генеалогическія таблицы въ исторіи, для наглядная объясненія своей мысли, что ни одинъ организмъ не явился на нашей планетѣ внезапно, какъ deus ex machina,

Digitized by Google

что тайна первоначальнаго происхожденія простѣйшаго изъ организмовъ лежитъ глубоко въ нѣдрахъ природы. Понятно, что эта научная гипотеза, измѣняя кореннымъ образомъ господствовавшія доселѣ научныя и ненаучныя мнѣнія о происхожденіи организмовъ, въ особенности человѣка, даетъ сильное оружіе только для борьбы съ этими господствовавшими прежде мнѣніями, и въ сущности — какъ ни велико ея значеніе—только расширяетъ область изслѣдованныхъ человѣкомъ явленій физической природы. Если постепенное развитіе высшихъ организмовъ изъ низшихъ можно раціональнымъ образомъ прослѣдить отъ человѣческаго организма до монады, то научное наше познаніе все-таки обрывается, если не на каждомъ отдѣльномъ видѣ, какъ прежде, то на монадѣ, происхожденіе которой остается для насъ неразрѣшенною загадкой. Въ основаніи, теорія Дарвина, общая мысль которой уже была высказана нѣкогда Гёте и Ламаркомъ, утверждаетъ только, что всѣ виды животныхъ и растеній развились изъ общихъ простѣйшихъ, самопроизвольно возникшихъ первоначальныхъ формъ; но она оставляетъ открытымъ вопросъ о причинахъ этого развитія, о томъ, внутреннія ли онѣ или внѣшнія, разумныя или дѣйствующія слѣпо и случайно. Нѣмецкіе дарвинисты, съ Геккелемъ во главѣ, признаютъ это; но они находятъ добытые результаты настолько важными и законченными, указанный Дарвиномъ путь изслѣдованія настолько плодотворнымъ и неизмѣннымъ, что считаютъ возможнымъ пойти дальше и положить этотъ путь и эти результаты въ основу новаго философскаго ученія. „Философія не должна исходить изъ такой гипотезы, которая противорѣчитъ естествознанію", говоритъ Карнери, нѣсколько лѣтъ тому назадъ подарившій возникающую школу сочиненіемъ: „Sittlichkeit und Darwinismus" (Wien. 1871)—„подобно естествознанію, философія должна дѣлать гипотезы только на основаніи дознанныхъ фактовъ, чтобы объяснять этими гипотезами другіе, еще необъясненные факты; она должна до тѣхъ только поръ строить свои выводы на основаніи этихъ гипотезъ, пока такое объясненіе удается и не открыты новые факты, съ ними несовмѣстимые".

Научная гипотеза о происхожденіи организмовъ, отсутствіе которой такъ много мѣшало прежде философіи, дана теперь естествознаніемъ, и нѣмецкіе дарвинисты строютъ на ней, какъ на незыблемомъ основаніи, новую философскую школу. Они не хотятъ оставаться при одномъ механическомъ міровоззрѣніи, и довольствоваться примѣненіемъ теоріи Дарвина къ органической и неорганической природѣ; они видятъ въ ней также ключъ къ объясненію психическихъ явленій, и пытаются положить основаніе цѣльному міровоззрѣнію, обнимающему всѣ явленія физической и нравственной природы, въ противоположность господствовавшему прежде дуалистическому и телео-

Digitized by Google

логическому объясненію этихъ явленій. Въ основу своего ученія новая школа кладетъ единство вещества и духа, силы и матеріи, или такъ-называемый монизмъ, отъ котораго самая школа получила теперь всѣми признанное названіе монистической. Въ этихъ попыткахъ она, естественно, должна была по необходимости обратиться къ прошедшему той самой философіи, надъ которою торжествуетъ побѣду, и призвать ее на помощь въ дѣлѣ столь новомъ и трудномъ для естествознанія. Философія не даромъ существовала и разработывалась въ теченіи тысячелѣтій, и нельзя сдѣлать въ ней шагу впередъ помимо ея прошлаго. Величайшіе умы въ разное время сдѣлали въ нее богатые вклады; въ своемъ тысячелѣтнемъ развитіи она пустила столько корней въ разныя стороны, въ разныхъ направленіяхъ, что всякое новое направленіе, хотя бы оно исходило единственно изъ познанія физической природы, какъ, напримѣръ, дарвинизмъ, можетъ найти точку опоры въ ея исторіи. Главная ея ошибка, важнѣйшій грѣхъ ея заключался именно въ томъ, что она зашла слишкомъ далеко впередъ противъ положительнаго знанія, горделиво презирая въ своей метафизической отвлеченности матеріальную природу; въ послѣднія десятилѣтія ей уже некуда было идти дальше, и надо было остановиться, выжидая дальнѣйшихъ успѣховъ естествознанія, безъ которыхъ она теряла почву подъ ногами. Нѣмецкіе дарвинисты полагаютъ, что эти желанные успѣхи положительнаго знанія теперь осуществились, что, опираясь нихъ, философія можетъ продолжать свое поступательное движеніе. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, насколько вѣрно это предположеніе, и дѣйствительно ли то расширеніе области естествознанія, къ которому приводитъ гипотеза Дарвина, можетъ двинуть впередъ и философію.

Въ краткомъ библіографическомъ отчетѣ нѣтъ мѣста для основательнаго изслѣдованія этого вопроса. Мы можемъ только сказать, что сдѣланныя до послѣдняго времени попытки дать на него утвердительный отвѣтъ далеко не утвердительны. Дѣло ограничивается пока только отыскиваніемъ въ прежнихъ философскихъ ученіяхъ, направленія которыхъ такъ разнообразны, умозрительной точки опоры для гипотезы Дарвина. Карнери, напримѣръ, находитъ ее въ ученіи Спинозы, этого величайшаго мыслителя не только семнадцатаго вѣка, но и всѣхъ вѣковъ и народовъ; Людвигъ Нуаре, авторъ сочиненія „Der monistische Gedanke“, находитъ ее въ ученіи Лейбница о происхожденіи міра изъ одушевленныхъ атомовъ, или монадъ; Фрицъ Шульце, авторъ книги: „Kant und Darwin“, приводитъ изъ Канта все то, что болѣе или менѣе согласно съ основною мыслію гипотезы Дарвина. Противники ихъ, баронъ Гертлингъ, авторъ книги: Ueber die Grenzen der mechanischen Naturverklärung“, Губеръ, авторъ брошюры: „Zur

Digitized by Google

Kritik moderner Schöpfunglehren", и Дитрихъ, авторъ небольшого сочиненія: „Philosophie und Naturwissenschaft", въ разной степени и разныхъ смыслахъ оспаривающіе ихъ выводы, также возвращаются къ крупнымъ мыслителямъ былыхъ временъ, чтобы показать слабыя стороны философскихъ построеній, предлагаемыхъ дарвинистами. Такимъ образомъ, благодаря вліянію послѣднихъ, въ Германіи — не знаемъ на долго-ли — опять оживаетъ интересъ къ философскимъ задачамъ, къ тѣмъ общимъ вопросамъ науки и морали, которые были совсѣмъ затерты практическими интересами и безысходнымъ повсюдимому скептицизмомъ.

Замѣчательно отношеніе нѣмецкихъ дарвинистовъ къ чистому матеріализму, въ которомъ, несмотря на ихъ философскія попытки, продолжаютъ упрекать ихъ противники. „Основное начало монистическаго воззрѣнія, — читаемъ мы въ сочиненіи Людвига Нуаре, — заключается въ томъ, что міръ состоитъ изъ одинаковыхъ атомовъ, одаренныхъ двумя свойствами: внутренней способностью къ ощущенію, и внѣшнею способностью къ движенію. Матеріализмъ, напротивъ, совершенно отрицаетъ искони присущую атомамъ способность къ ощущенію, утверждая, что духъ — не что иное, какъ результатъ случайно встрѣчающихся атомистическихъ движеній. Сила и вещество служатъ для этой дѣтски ограниченной „философіи" единственнымъ объясненіемъ всего существующаго". Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Anthropogenie" Геккель называетъ воззрѣніе матеріалистовъ, будто вещество создало силу, столь же дуалистическимъ и ложнымъ, какъ и воззрѣніе спиритуализма, что сила создала вещество. Противоположность этихъ воззрѣній, говоритъ онъ, упраздняется въ монизмѣ, для котораго немыслимы сила безъ вещества и вещество безъ силы, который всюду въ природѣ встрѣчаетъ духъ, но не знаетъ духа внѣ природы. Повсюду видитъ монизмъ необходимую причинную связь, и потому называетъ весь познаваемый имъ міръ единымъ цѣлымъ. Мы не матеріалисты, говорятъ другіе послѣдователи новой школы: матеріализмъ есть только оборотная сторона спиритуализма, и никогда не можетъ вытѣснить изъ міра спиритуалистическія воззрѣнія. Съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ матеріалистъ могъ сказать, что противникъ его, спиритуалистъ, сходитъ съ почвы дѣйствительности, — съ тѣмъ же правомъ могъ сказать этотъ послѣдній, что матеріалистъ не хочетъ знать никакой философіи; онъ не идетъ дальше одного только отрицанія духа. Признавая нераздѣльность содержанія и формы, силы и вещества, духа и матеріи, не допуская, чтобы духъ былъ независимъ отъ тѣла, мы тѣмъ самымъ не упраздняемъ духа, какъ не упраздняемъ и силы. Наука покончила со спиритуализмомъ, но это еще не значитъ, что пришелъ конецъ

Digitized by Google

и всякому идеализму. Авторъ сочиненія: „Monistische Gedanke“ опредѣляетъ, въ двадцати-двухъ тезисахъ, основныя начала монизма, подкрѣпляя ихъ ученіемъ Лейбница о монадахъ и Шопенгауера о волѣ, сознательной или безсознательной, присущей всему существующему, все созидающей и все проникающей. Эта воля, въ своемъ первоначальномъ видѣ, и есть то, что̀ авторъ называетъ способностью атомовъ къ ощущенію. Духъ и тѣло въ ученіи монистовъ не разныя, не разрозненныя величины; движеніе и ощущеніе (источникъ воли)—основныя, коренныя свойства вѣчнаго мірового вещества, присущія первоначальному атому, частичкѣ газа, песчинкѣ, камню, растенію, какъ и организму мыслящаго человѣка. Пространство есть лишь отвлеченное представленіе движенія, какъ исконнаго свойства атомовъ; время—лишь отвлеченное представленіе другого ихъ исконнаго свойства — ощущенія; основной причиной творчества природы является темная, присущая всему воля, способная къ безконечно разнообразнымъ проявленіямъ и многосложному развитію. Одушевленный во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, міръ достигаетъ высшаго сознанія въ человѣческомъ духѣ.

Мы не можемъ войти въ большія подробности о новыхъ явленіяхъ монистической литературы, и принуждены отослать къ ней нашихъ читателей. Въ сочиненіяхъ Геккеля, Цѣльнера, Нуаре, Шульце и другихъ, они найдутъ дальнѣйшее развитіе той мысли, на которую мы только указали въ немногихъ словахъ. Монисты отвергаютъ въ ученіяхъ прежнихъ мыслителей, не исключая и тѣхъ, которыхъ теоріями они стремятся пополнить гипотезу Дарвина, все то, что̀ связано у нихъ съ господствовавшимъ прежде мнѣніемъ о неизмѣнности и постоянствѣ видовъ въ органической природѣ. Философія Спинозы, Лейбница, Канта, Шопенгауера и Гегеля подвергается въ ихъ сочиненіяхъ болѣе или менѣе удачной критикѣ съ точки зрѣнія новѣйшихъ успѣховъ естествознанія. Насколько это оживленіе философской литературы двигаетъ впередъ философію—теперь сказать невозможно; несомнѣнно лишь то, что сильный интересъ къ философіи пробудился въ Германіи, что монистическая литература, о которой мы говоримъ теперь, должна много способствовать популяризаціи философскихъ вопросовъ. Все, что̀ теперь пишется по этимъ вопросамъ подъ вліяніемъ гипотезы Дарвина, исполнено живого интереса и доступно по изложенію гораздо бо̀льшему числу читателей, чѣмъ философскіе трактаты прежнихъ временъ. Вопросы, которые, казалось, окончательно сданы въ архивъ исторіи, снова привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, порванная нить философской литературы возстановляется. Цеховые представители и послѣдователи старыхъ философскихъ школъ держатся, правда, въ сторонѣ отъ этого движенія, которое возбуждено натуралистами новой

Digitized by Google

школы и поддерживается цѣлымъ отрядомъ волонтеровъ науки и мысли; но не это составляетъ слабую сторону монизма. Молчаніе и недовѣріе ученыхъ по профессіи не помѣшало въ былое время Шопенгауеру занять почетное мѣсто въ наукѣ: они не помѣшаютъ и монизму, если въ немъ есть задатки будущаго, если онъ вообще способенъ къ дальнѣйшему развитію. До сихъ поръ успѣхъ его въ Германіи очень великъ. Лучшія сочиненія въ монистическомъ смыслѣ читаются съ увлеченіемъ и расходятся быстро; но до сихъ поръ въ нихъ больше философской поэзіи, чѣмъ философіи въ научномъ смыслѣ. Какимъ образомъ сходились и расходились міровые атомы подъ вліяніемъ признаваемой монизмомъ первоначальной воли, имъ присущей, какъ выдѣлились изъ первоначальнаго хаоса первыя космическія туманныя массы и начался въ нихъ тотъ процессъ непрерывнаго развитія, который привелъ къ образованію атмосферы, моря, земли и первыхъ организмовъ—все это остается предметомъ болѣе или менѣе удачныхъ предположеній или поэтическихъ мечтаній. Центръ тяжести все-таки остается въ положительной наукѣ, которая, не останавливаясь передъ невѣдомымъ началомъ и скрытыми концами мірового развитія, стремится расширить шагъ за шагомъ предѣлы человѣческаго знанія.

Но потребность въ новомъ и цѣльномъ міровоззрѣніи такъ сильна въ наше придавленное повальнымъ скептицизмомъ время, что даже противники монистовъ, каковы, напримѣръ, Дитрихъ и Губеръ, охотно допускаютъ основную гипотезу ихъ о двухъ первоначальныхъ свойствахъ атомовъ, изъ которыхъ развился міръ. Въ своемъ небольшомъ сочиненіи: „Philosophie und Naturwissenschaft“, Дитрихъ поставилъ себѣ задачей подвергнуть спокойной критикѣ монистическое ученіе нѣмецкихъ дарвинистовъ. Не будучи натуралистомъ по профессіи, онъ останавливается преимущественно на философскихъ выводахъ школы Геккеля изъ фактовъ, добытыхъ естествознаніемъ, и провѣряетъ степень ихъ соотвѣтствія этимъ фактамъ. Онъ отдаетъ справедливость сдѣланнымъ до сихъ поръ попыткамъ сблизить философію съ естествознаніемъ и относится сочувственно къ этимъ попыткамъ, но находитъ, что ученіе монистовъ собственно приводитъ къ чистому Спинозизму и не даетъ имъ, строго говоря, твердаго, логическаго основанія безусловно отрицать телеологическое воззрѣніе. „Для насъ еще остается загадкой,—говоритъ онъ между прочимъ,—не приведетъ ли нравственный идеализмъ, исповѣдуемый теперь нашими реалистами, къ идеалистической метафизикѣ, возможность которой отнюдь не исключается ихъ ученіемъ о механическихъ процессахъ въ природѣ. Если мы, вмѣстѣ съ Геккелемъ, видимъ въ исторіи все бо́льшее приближеніе человѣчества къ его идеальнымъ цѣлямъ, неизмѣнную побѣду лучшаго и болѣе совер-

Digitized by Google

шеннаго надъ болѣе слабымъ и менѣе совершеннымъ, духа надъ грубой силой, то тѣмъ самымъ признаёмъ то подчиненіе духовнаго міра идеальнымъ законамъ, которое Фихте называлъ міровымъ нравственнымъ порядкомъ, а это не что иное, какъ телеологія, хотя и не та, которая дуалистически вторгается извнѣ въ естественное теченіе вещей, хотя и имманентная нравственная телеологія, осуществляющаяся по извѣстнымъ механическимъ непреложнымъ законамъ". Полемическая брошюра Губера: „Zur Kritik moderner Schöpfunglehren", имѣетъ нѣсколько иной характеръ; придерживаясь дуализма, авторъ относится враждебно къ отрицательной сторонѣ критикуемаго имъ ученія и чуждъ того спокойствія, съ которымъ должны обсуждаться вопросы этого рода. Въ томъ же направленіи, но съ бо́льшей подробностью полемизируетъ съ монистическимъ направленіемъ бар. Гертлингъ въ своей книгѣ: „Ueber die Grenzen der mechanischen Naturerklärung". То, что́ монисты называютъ своимъ идеализмомъ, въ отличіе отъ матеріализма, представляется ему не болѣе какъ тѣмъ же матеріализмомъ Бюхнера и Молешотта, который они отрицаютъ. Авторъ горячо стоитъ за конечныя причины и цѣли міра, и старается доказать, что добытые наукой факты и истины не даютъ никакого основанія отрицать такъ-называемое телеологическое воззрѣніе на міръ и природу.

Изъ этого краткаго очерка читатели видятъ, какая оживленная борьба возгорѣлась въ послѣдніе годы въ Германіи по такимъ всеобъемлющимъ вопросамъ, которые можно было считать похороненными на очень долгое время. Что́ бы ни вышло изъ монистическаго ученія, какъ бы ни сложилось оно впослѣдствіи, при дальнѣйшей его разработкѣ и подъ вліяніемъ встрѣчаемаго имъ противодѣйствія и возраженій, въ данную минуту оно пользуется бо́льшимъ успѣхомъ и съ каждымъ годомъ втягиваетъ въ свой кругъ все бо́льшіе и бо́льшіе сферы образованнаго общества. Монизму приписываютъ два важныхъ преимущества, которыми отчасти объясняется его сильное распространеніе. Въ немъ одномъ видятъ теперь залогъ къ безграничному познанію природы въ будущемъ; отъ него одного ожидаютъ пополненія представляемыхъ имъ нынѣ пробѣловъ; онъ одинъ, по мнѣнію его сторонниковъ, представляетъ вполнѣ цѣльное міровоззрѣніе, выводя всѣ его частности изъ одного принципа естественнаго развитія вещей. Занесшись въ безвоздушныя заоблачныя пространства, и пристыженная положительными науками, философія, говорятъ сторонники монизма, можетъ возвратиться теперь къ живымъ источникамъ земной жизни и познаванія; подкрѣпленная и обогащенная опытомъ, она можетъ теперь отважиться на новый полетъ, но, разумѣется, на такую только высоту, на которой она не утратитъ живой связи съ своей родиной. Только теперь, при помощи естествознанія, можетъ она при-

Digitized by Google

мирить прежнія противоположности: силу и вещество, духъ и тѣло, свободу и природу. Только теперь, когда естествознаніе выяснило происхожденіе человѣка, возможно разрѣшеніе вопроса о положеніи его въ природѣ—этого вопроса всѣхъ вопросовъ человѣчества.

Новая школа особенно настаиваетъ не на одной только философской, но и на этической сторонѣ монизма. Эта сторона всякаго новаго міровоззрѣнія такъ же важна въ наше время изжитыхъ нравственныхъ идеаловъ, какъ и сторона—чисто-умозрительная въ виду отжитыхъ идей прошлаго. Монисты рѣзко отличаютъ этическій матеріализмъ отъ научнаго, отрицаніе нравственныхъ законовъ духовной природы человѣка отъ объясненія законовъ природы вообще. Этическій матеріализмъ, говорятъ они, ведетъ въ послѣднемъ результатѣ и въ практической жизни къ апоѳеозѣ чувственнаго наслажденія во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, къ грубѣйшимъ формамъ эгоизма, къ печальному заблужденію, будто чисто матеріальное удовлетвореніе исчерпываетъ природныя потребности человѣка. Монизмъ исполненъ глубокой симпатіи къ благородству „грубаго вещества“, породившаго изслѣдуемый имъ міръ, и къ неисчерпаемымъ сокровищамъ природы. Не элементарные механическіе процессы, а сложные процессы органической жизни составляютъ для него драгоцѣнное содержаніе всего сущаго. Исторія человѣчества представляется ему не безотрадной и безсмысленной игрой слѣпыхъ силъ, а непрерывнымъ процессомъ развитія, который болѣе и болѣе отдаляетъ человѣка отъ его предковъ и приближаетъ къ идеальнымъ цѣлямъ, имъ самимъ поставленнымъ. Современное усиленіе папства и современный милитаризмъ съ его „нравственнымъ“ аппаратомъ игольчатаго и всякаго другого смертоноснаго оружія антипатичны монистамъ; они не сомнѣваются, что, несмотря на всѣ усилія реакціонныхъ направленій, человѣчество не перестанетъ приближаться къ свободѣ и возможному совершенству подъ благотворнымъ вліяніемъ естественнаго подбора. Вредное вліяніе искусственныхъ военныхъ и медицинскихъ условій, угрожающихъ новымъ культурнымъ породамъ возростающимъ разслабленіемъ, встрѣчаетъ, по мнѣнію монистовъ, спасительный противовѣсъ въ дѣйствующемъ повсюду и несокрушимомъ вліяніи гораздо болѣе ихъ сильнаго естественнаго закона. Борьба за существованіе въ общемъ и цѣломъ неизмѣнно приводитъ къ побѣдѣ относительно лучшаго и болѣе совершеннаго надъ относительно слабѣйшимъ и менѣе совершеннымъ, къ побѣдѣ человѣка съ совершеннѣйшимъ разумомъ, а не человѣка съ лучшимъ револьверомъ. Побѣдитель передаетъ по наслѣдству потомкамъ тѣ свойства своего мозга, которыя доставили ему побѣду, и борьба за существованіе все больше и больше будетъ превращаться изъ кулачной борьбы въ духовную.

Digitized by Google

Таковы этики нѣмецкихъ монистовъ. Несмотря на новость своего ученія, они не ограничились однако же этими философскими попытками. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ новой школы, Гельвальдъ, сдѣлалъ попытку изложить исторію человѣчества съ точки зрѣнія монизма. Этой задачѣ посвящено его объемистое, но неудачное сочиненіе: „Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung bis zur Gegenwart". Самъ авторъ называетъ свою книгу, посвященную Геккелю, попыткой объективно освѣтить и свести культурно-историческія явленія къ простымъ естественнымъ законамъ, независимо отъ всякихъ политическихъ партій. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ исторіи съ точки зрѣнія монизма крайне незрѣлъ, поспѣшенъ и односторонен. Самое направленіе автора во многомъ существенно расходится съ монизмомъ; онъ считаетъ задачей науки разрушеніе всякихъ идеаловъ, и въ то же время признаётъ ея призваніемъ доказать необходимость идеаловъ для культурнаго развитія человѣчества. Подъ идеаломъ разумѣетъ онъ не одни религіозныя вѣрованія, но и нравственность, равенство, любовь, свободу и права человѣка. Всѣ эти идеалы представляются ему, наравнѣ съ невольничествомъ, рабствомъ и деспотіей, измышленіями человѣка для своего самосохраненія, оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Авторъ не могъ бы обнаружить больше скептицизма, еслибъ поставилъ себѣ задачей не изложить культурную исторію человѣчества, а доказать, что никакого прогресса въ исторіи собственно не оказывается, что все идетъ по старому, что мѣняются только формы жизни. Древнія философскія ученія и вѣрованія въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ новыхъ; философія первой половины нашего вѣка въ сущности то же самое, что́ и средневѣковая схоластика. Едва ли нужно было развивать на многихъ страницахъ подобные парадоксы съ цѣлью доказать то, что́ стремится доказать авторъ. По собственнымъ его словамъ, онъ имѣлъ въ виду выяснить, что „всякое культурное развитіе есть не болѣе какъ естественный процессъ, подчиненный единственно законамъ природы", что законы эти вѣчны, и что ускользнуть отъ ихъ господства такъ же невозможно въ настоящемъ и будущемъ, какъ невозможно было въ прошедшемъ. Автора можно упрекнуть въ томъ же, въ чемъ упрекаютъ монисты философію: онъ занесся въ безвоздушное пространство, съ безплодной высоты котораго даже самые крупные и разнообразные предметы и явленія сливаются въ одну безразличную точку, и тысячелѣтія проходятъ однообразно, какъ минуты. Съ этой высоты прискорбныя явленія политической и соціальной жизни не могутъ смущать вашего покоя: съ точки зрѣнія личности, они непремѣнно преходящи и непремѣнно будутъ смѣнены другими формами жизни. Вы можете спать спокойно и даже видѣть райскіе сны, когда около васъ цвѣтетъ на-

Digitized by Google

примѣръ „преходящій“ милитаризмъ или происходитъ „преходящая“ неправда. И напрасно стали бы вы при этомъ возмущаться противъ правъ сильнаго. Вопреки монистамъ-философамъ, авторъ отнюдь не утверждаетъ, что въ борьбѣ за существованіе лучшее и болѣе совершенное въ послѣднемъ результатѣ всегда одерживаетъ верхъ надъ болѣе слабымъ и менѣе совершеннымъ; будущее неизвѣстно ему въ этомъ отношеніи; ему извѣстно только одно,—что на свѣтѣ всегда кто-нибудь будетъ сильнѣе другихъ. Всѣ ученія, всѣ общественныя положенія, защищающія свои интересы, одинаково правы — вопросъ только въ томъ, кто изъ нихъ сильнѣе, кто побѣдитъ въ этой войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, въ этой вѣчной борьбѣ за существованіе. Законъ природы требуетъ, чтобы побѣдитель прошелъ по трупамъ побѣжденныхъ. Всѣ идеалы человѣчества ложны, но всѣ полезны, и придетъ время — оно должно придти въ силу непреложнаго закона въ развитіи идей, — когда человѣчество будетъ издѣваться надъ такими идеалами, какъ свобода или національность. Способность создавать идеалы и увлекаться ими, какъ даръ природы, никогда не перестанетъ дѣйствовать въ человѣчествѣ; и идеалы, т.-е. „необходимыя заблужденія“, всегда будутъ нарождаться вновь, пока на землѣ живутъ люди. По словамъ автора, наука уже сняла покровъ если не съ ближайшаго, то съ окончательнаго будущаго и предусмотрѣла конецъ человѣчества. Какъ и вымершія породы животныхъ, принадлежавшія къ исчезнувшимъ геологическимъ періодамъ, человѣкъ лишь преходящее явленіе на землѣ. Хотя въ безконечно отдаленномъ будущемъ, но неотразимо, съ истощеніемъ угольной кислоты и воды, исчезнутъ на землѣ организмы и человѣкъ вмѣстѣ съ ними; борьба за существованіе окончательно прекратится между живыми существами. Вѣчный покой смерти и равновѣсія воцарится тогда надъ землей; лишенная атмосферы и жизни, пустынная какъ луна, земля будетъ по прежнему вращаться около солнца; но человѣчество, его культура, его борьба и стремленія, его созданія и идеалы только и жили! Къ чему?

Этимъ вопросомъ заканчиваетъ Гельвальдъ свою книгу, которая отъ начала до конца блеститъ исключительно своею отрицательною стороной. Какъ плодъ полнѣйшаго скептизма, она была бы отчасти понятна и не лишена интереса; но отъ нея вѣетъ смертью и могилой, и странно, что подобная книга явилась плодомъ новаго, исполненнаго надеждъ, ученія. Она приводитъ въ сущности къ чистому нулю. Воображая себя на почвѣ положительной науки, авторъ и не подозрѣваетъ, какъ далекъ онъ въ сущности отъ этой, столь желанной ему почвы. Онъ беретъ только одну сторону человѣка, животную, и на ней строитъ всю исторію человѣчества, какъ будто положительная наука допускаетъ и узаконяетъ подобныя односторонности. Какъ реакція противъ преувеличенныхъ спиритуалистическихъ идей о могуществѣ человѣка, такая

Digitized by Google

односторонность могла бы быть умѣстна въ полемической брошюрѣ; но авторъ пишетъ и издаетъ исторію человѣческой культуры. Въ сущности, онъ беретъ исторію человѣчества, какъ цѣлое, и производитъ надъ ней жестокую операцію, вырѣзываетъ изъ нея все, кромѣ исторіи желудка. Что́ ждали бы вы отъ физіолога, который бы вздумалъ поступить такимъ образомъ съ человѣкомъ, изслѣдуя физіологію его организма? Призналъ ли бы самъ авторъ научнымъ подобный пріемъ? Но и самая отрицательная сторона, наиболѣе удачная въ книгѣ, далеко не нова. Она даже поверхностна въ сравненіи съ блестящимъ и глубокимъ анализомъ отрицательныхъ сторонъ современной культуры у Прудона или у Лассаля, какъ и его позитивизмъ въ сравненіи съ мастерскимъ изложеніемъ историческаго процесса у Конта, въ его „Положительной Философіи“. Съ новою школой монистовъ Гельвальдъ, очевидно, расходится кореннымъ образомъ. Отправляясь отъ одного съ ними основанія—теоріи Дарвина, представляющей задатки разнообразныхъ направленій, онъ вывелъ изъ нея иныя заключенія, чѣмъ монистическая школа. Книга его всего лучше показываетъ, какъ мало еще установилась новая школа въ своихъ существенныхъ основаніяхъ и какъ различны могутъ быть направленія въ ея средѣ. Посвященіе ея Геккелю, главѣ монизма въ Германіи, только подтверждаетъ это, существенное, впрочемъ, обстоятельство.

Рядомъ съ голосами, проповѣдующими желанное европейцу обновленіе философіи, въ Германіи, хотя и рѣже прежняго, продолжаютъ еще раздаваться антипатичные голоса того беззастѣнчиваго патріотизма, который порожденъ ея послѣднею счастливою войной. Мы не стали бы говорить объ этихъ голосахъ, еслибы они не принадлежали ветеранамъ нѣмецкой литературы и науки и не были въ своемъ родѣ знаменіями времени. Извѣстный Гутцковъ издалъ цѣлую книгу своихъ замѣтокъ о Парижѣ и Франціи, чтобы опровергнуть какія-то обвиненія въ недостаткѣ патріотизма у нѣмецкихъ писателей, современниковъ Гейне и Бёрне. Онъ былъ въ Парижѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и потомъ проѣздомъ посѣтилъ Францію уже послѣ войны, въ прошломъ году. Извѣстно, чѣмъ была Франція для Европы въ тридцатыхъ годахъ. Эта была страна политической свободы, отсутствовавшей повсюду, и разнообразныхъ талантовъ на всевозможныхъ общественныхъ поприщахъ. Нѣмецкіе литераторы и ученые ѣздили въ Парижъ освѣжаться отъ тяжелыхъ условій своей политической и общественной дѣйствительности, и самъ Гутцковъ говоритъ, что въ то время въ Германіи трудно было писать что-нибудь подъ давленіемъ тогдашней цензуры. Онъ былъ тогда молодъ; свобода

Digitized by Google

Франціи была и для него, какъ для всѣхъ не-французовъ того времени, великимъ откровеніемъ и предметомъ благородной зависти. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Германія, боявшаяся Франціи, какъ огня, побѣдила ее, благодаря общей воинской повинности и второй имперіи, а передъ этой побѣдой, въ 1870 году, профессоръ и ректоръ берлинскаго университета, Дюбуа-Рэмонъ, повторилъ передъ своими слушателями то обвиненіе противъ нѣмецкихъ писателей, о которомъ мы упомянули выше. И вотъ, Гутцковъ отвѣчаетъ на это обвиненіе изданіемъ своихъ тогдашнихъ писемъ, присоединивъ къ нимъ свои впечатлѣнія во Франціи въ 1874 году. Онъ хочетъ доказать патріотамъ, что и тогда, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, былъ „безпристрастенъ“ къ Франціи, и чуть не предвидѣлъ ея паденія отъ игольчатыхъ ружей Германіи; что обвиненіе Дюбуа-Рэмона и другихъ можетъ быть справедливо относительно Гейне, даже относительно Людвига Бёрне, но никакъ не относительно такого безупречнаго германца, какъ онъ самъ. Замѣтки о Франціи 1874 года составляютъ только придатокъ къ возстановляющимъ патріотизмъ автора письмамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Больной и слабый, онъ ищетъ возстановленія силъ въ благодатномъ климатѣ южной Франціи, гдѣ на каждомъ шагу видитъ или только подозрѣваетъ враждебное его національности настроеніе. Но мы предпочитаемъ опустить занавѣсъ и прикрыть имъ то, что говоритъ этотъ образованный патріотъ подъ вліяніемъ болѣзни, раздраженнаго и подозрительнаго національнаго чувства, и того необузданнаго высокомѣрія, которое овладѣло не имъ однимъ въ Германіи послѣ „неслыханныхъ“ побѣдъ надъ Наполеономъ III, Базеномъ и Трошю.

Еще изумительнѣе сочиненіе Ранке о причинахъ и началѣ войнъ 1791 и 1792 годовъ. Почтенный историкъ, котораго имя пользуется большою и заслуженною извѣстностью въ Европѣ, тоже не устоялъ противъ потока времени и противъ искушенія уязвить западнаго сосѣда, если не въ его настоящемъ, то въ его прошломъ,—уважаемый историкъ и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своей спеціальности. Онъ не предпринялъ оцѣнку нынѣшняго состоянія Франціи, а задался мыслію выяснить съ нынѣшней нѣмецкой точки зрѣнія ту эпоху французской исторіи, въ которой двѣ нѣмецкія державы, Австрія и Пруссія, играли не совсѣмъ завидную роль, и которая предшествовала непосредственно завоеванію Германіи Наполеономъ I. Онъ сердечно скорбитъ о томъ, что французскій взглядъ на эту эпоху распространенъ вездѣ въ литературѣ, и приписываетъ это распространеніе тому обстоятельству, что нѣмецкіе архивы до сихъ поръ были закрыты для изслѣдователей прошлаго. Нынѣ доступъ въ архивы открытъ талантливымъ историкамъ, и авторъ воспользовался этимъ, чтобы выяснить дѣло и сказать слово правды о войнѣ девяностыхъ годовъ. Онъ ра-

Digitized by Google

боталъ и въ прусскомъ и въ австрійскомъ архивахъ, и результатомъ этой работы явилось настоящее сочиненіе. Мы оставимъ въ сторонѣ личное мнѣніе автора о внутреннихъ дѣлахъ тогдашней Франціи, и ограничимся одними внѣшними ея отношеніями. Напрасно думаютъ, говоритъ авторъ, будто переворотъ 1789 года съ самаго начала возбудилъ въ сильнѣйшей степени антипатію европейскихъ державъ и имѣлъ преобладающее вліяніе на ихъ политику. Переворотъ этотъ сначала возбудилъ у нихъ только вопросъ о томъ, выйдетъ ли изъ него Франція сильнѣе или слабѣе прежняго, и будетъ ли она исполнять существующіе договоры, или признаетъ ихъ необязательными. „Церковныя права архіепископа Майнцскаго въ Эльзасѣ были уничтожены новою французскою конституціей", объясняетъ авторъ. „Архіепископъ былъ курфюрстомъ и главнымъ канцлеромъ нѣмецкой имперіи. Мирные договоры, по которымъ нѣмецкая имперія уступила Франціи Эльзасъ и Лотарингію, казались упраздненными революціей. Революціонное движеніе было единственнымъ средствомъ сравнять эти провинціи съ остальной Франціей: оно упразднило тѣ условія, при которыхъ состоялось ихъ присоединеніе къ этой странѣ. Собственно революція довершила присоединеніе; но, упразднивъ оставшіяся за нѣмецкими князьями права, революція поколебала международныя отношенія, на которыхъ былъ основанъ и миръ съ Германіей. Въ близкой связи съ этимъ вопросомъ былъ другой, поднятый въ учредительномъ собраніи, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительны при настоящемъ переворотѣ прежніе международные договоры. Предложеніе Мирабо о подтвержденіи всѣхъ существующихъ договоровъ не могло быть принято учредительнымъ собраніемъ, потому что принятіе его равнялось бы возобновленію того союза 1756 года съ Австріей, который давно уже былъ предметомъ общаго неудовольствія. Антипатія къ этому союзу была главной причиной ненависти къ королевѣ Маріи-Антуанеттѣ, которая и на тронѣ Франціи считалась представительницей австрійскаго дома". Но все же опасенія державъ, продолжаетъ авторъ, начались позднѣе, когда королю Франціи стали угрожать всякаго рода опасности. Вѣнскій кабинетъ и тогда не помышлялъ о возстановленіи абсолютизма, и еслибъ удалось бѣгство короля за-границу, то этотъ кабинетъ, „по всей вѣроятности", уважилъ бы цѣлость и конституціонныя учрежденія Франціи, оградивъ только положеніе короны. Но какъ? Авторъ не упоминаетъ о болѣе чѣмъ вѣроятной,—о настоятельной необходимости при этомъ сильнаго иноземнаго войска во Франціи и въ Парижѣ. Союзникамъ къ тому же доносили, что французская армія совсѣмъ разстроена; что Франція защищаться не въ силахъ, что можно сдѣлать съ нею все, что угодно, и что къ нимъ непремѣнно пристанетъ одна часть націи. Но все это не новые факты, которые могли бы опровергнуть

Digitized by Google

то, что было извѣстно прежде. Новы въ книгѣ только указанія нѣкоторыхъ прежнихъ неточностей и выводы автора изъ фактовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Что дворы берлинскій и вѣнскій не довѣряли французской эмиграціи, что они имѣли свои разсчеты и свою политику—это также не ново. Если въ ноябрѣ 1791 года императоръ Леопольдъ, въ особой декларации, объявилъ, что главная опасность миновала, что большинство французскаго народа чувствуетъ теперь необходимость приблизиться къ трону, что король добровольно принялъ новую конституцію, то это нисколько не доказываетъ долготерпѣнія и политическаго безкорыстія Австріи и Пруссіи. Въ іюлѣ того же года, въ письмѣ къ своему отцу, императору Леопольду, королева Марія-Антуанетта объясняла достоинства новой французской конституціи; но вслѣдъ за тѣмъ, уже въ августѣ, за три мѣсяца до декларации Леопольда, послѣдній получилъ другое, на этотъ разъ секретное письмо королевы, въ которомъ первое было названо вынужденнымъ, принятіе конституціи королемъ выставлено какъ уступка насилію, и самая конституція названа неисполнимою и „чудовищною“. Декларація Леопольда была поэтому дѣломъ разсчета, слѣдствіемъ временнаго желанія не терять изъ виду неустановившихся тогда польскихъ дѣлъ и не повредить еще болѣе королю Людовику XVI въ его тяжеломъ и опасномъ положеніи. Пруссія, какъ говоритъ самъ авторъ, въ свою очередь не хотѣла идти въ своей политикѣ дальше императора Леопольда. Утративъ союзъ съ Франціей, Австрія искала союза съ Пруссіей, которая съ самаго начала переговоровъ поставила на видъ необходимость отдѣлить отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію, чтобы тѣмъ навсегда положить конецъ распространенію революціонныхъ идей и порядковъ на нѣмецкія земли; она заявила также притязаніе на Юлихъ и Бергъ, владѣлецъ которыхъ, курфирстъ Пфальцскій, долженъ былъ получить вознагражденіе за нихъ въ Эльзасѣ или Лотарингіи. Авторъ видитъ въ намѣреніяхъ этой политики нѣкоторое величіе, и во всемъ своемъ изложеніи настаиваетъ на миролюбіи, умѣренности и безкорыстіи двухъ державъ по отношенію къ потрясенной Франціи. Война фактически открылась въ апрѣлѣ 1792 года вторженіемъ французовъ въ Нидерланды, и этого достаточно, чтобъ авторъ пришелъ къ заключенію, что именно это вторженіе заставило Австрію взяться за оружіе. Онъ отвергаетъ серьёзныя приготовленія союзниковъ противъ Франціи, а между тѣмъ подробно передаетъ происходившіе между ними задолго до войны переговоры о совокупномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи, переговоры, въ которыхъ опредѣлялось заранѣе, сколько именно войска должна поставить каждая изъ союзныхъ сторонъ. Авторъ придаетъ также слишкомъ много важности стараніямъ

Digitized by Google

Пруссіи и Австріи достигнуть цѣли — путемъ однихъ только декларацій, безъ войны. Польскія и турецкія дѣла и взаимное соперничество державъ дѣйствительно не позволяли имъ спѣшить вмѣшательствомъ. Онѣ, какъ мы уже замѣтили выше, опасались также ухудшить положеніе Людовика XVI.

Самъ авторъ впрочемъ признаетъ, что, по объявленіи войны, французскій дворъ очутился въ положеніи весьма противорѣчивомъ и безысходномъ. Въ войнѣ нѣмецкихъ державъ противъ Франціи этотъ несчастный король долженъ былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, желать побѣды союзникамъ, а не своему отечеству: только побѣда союзниковъ могла усилить его власть. „Союзники, съ своей стороны, были настолько согласны между собою въ идеѣ,—говоритъ Ранке,—что и прусскій король считалъ своимъ долгомъ выступить съ военною силой противъ вновь нарождающихся формъ государствъ и жизни, которыя угрожали всему старому. Но, *какъ мы знаемъ*, это не было единственной его заботой. Направить всѣ мысли единственно противъ Франціи было невозможно уже по существу европейскихъ дѣлъ и по самому ходу событій. Надо было, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, до извѣстной степени удостовѣриться въ общемъ согласіи относительно другихъ спорныхъ пунктовъ. Прежде всего бросалась въ глаза важность польскаго вопроса. Открытый отказъ императрицы Екатерины одобрить польскую конституцію могъ повести къ новому вмѣшательству дворовъ берлинскаго и вѣнскаго. Для полнаго соглашенія этихъ дворовъ относительно Франціи было необходимо, чтобъ Австрія не противилась болѣе притязаніямъ Пруссіи на древненѣмецкія провинціи; имъ надо было согласиться и между собою и съ Россіей. Пруссія выставляла свои будущія земельныя пріобрѣтенія отъ войны съ Франціей вознагражденіемъ за тѣ жертвы, которыя она принесетъ въ этой войнѣ. Но такъ какъ союзники, въ своихъ переговорахъ, допустили принципъ равенства пожертвованій и пріобрѣтеній для обоихъ дворовъ, то и Австрія заявила—и, сколько извѣстно, не безъ содѣйствія Россіи—свое старое притязаніе на обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію. Пруссія уже не противилась этому обмѣну; пфальцскій домъ долженъ былъ получить Нидерланды въ качествѣ Бургундскаго королевства. Соглашеніе въ общихъ чертахъ состоялось.

Но вскорѣ обнаружилось, что Австрія не довольствуется предложеннымъ обмѣномъ, что онъ не предоставляетъ ей тѣхъ выгодъ, какія могла получить Пруссія отъ своихъ будущихъ пріобрѣтеній. Въ Вѣнѣ разсчитали, что потеря въ доходахъ и числѣ подданныхъ, которую понесетъ Австрія въ Нидерландахъ, не будетъ покрыта пріобрѣтеніемъ Баваріи. Для сохраненія равенства, пришли къ мысли

Digitized by Google

объ уступкѣ Пруссіею Австріи недавно пріобрѣтенныхъ первою франконскихъ маркграфствъ". Французскія земли, которыя будутъ заняты союзными войсками во время ихъ похода, предположено было считать залогомъ впредь до уплаты того денежнаго вознагражденія, котораго намѣревались потребовать союзники. Но развѣ все это не было извѣстно до сихъ поръ? Небольшое разногласіе между этой политикой и совѣтами австрійскаго государственнаго канцлера, князя Кауница, нельзя считать новымъ и существеннымъ историческимъ фактомъ. Кауницъ совѣтовалъ не воевать, а только угрожать французамъ большою вооруженною силой и, опираясь на нее, открыть переговоры съ Франціей объ измѣненіи конституціи въ пользу королевской власти. Но за угрозами, въ случаѣ неудачи переговоровъ, должны были послѣдовать военныя дѣйствія. Французы предпочли открыть ихъ сами, однакоже союзники проникли въ Шампань съ твердымъ намѣреніемъ идти въ Парижъ, разбивъ предварительно Дюмурье и Келлермана.

Почтенный авторъ выставляетъ дѣло при Вальми просто пятичасовою перестрѣлкой, въ которой, собственно, никто не могъ одержать побѣды, потому что не было настоящаго сраженія. Но вѣдь союзники пришли во Францію съ опредѣленною цѣлью; они пришли захватить извѣстныя земли и поддержать королевскую власть, а эта власть, во время пребыванія ихъ въ Шампани, на ихъ собственныхъ глазахъ, была окончательно упразднена конвентомъ, и если французы не одержали никакой побѣды, то что же мѣшало союзникамъ идти на Парижъ и исполнить предположенную ими задачу. Уже послѣ Вальми Дюмурье предлагалъ прусскому королю и главнокомандующему герцогу Брауншвейгскому бросить Австрію и заключить союзъ съ Франціей, но подъ условіемъ предварительнаго признанія Пруссіей французской республики. Уже послѣ Вальми онъ прислалъ въ главную квартиру союзниковъ обстоятельную и дерзкую съ ихъ точки зрѣнія записку, въ которой доказывалъ, какъ велико ихъ заблужденіе относительно возможности побѣдить взволнованную Францію и возстановить въ ней королевскую власть. При чтеніи этой записки, говоритъ Ранке, негодованіе короля и его совѣтниковъ росло при каждомъ словѣ, а между тѣмъ союзники вскорѣ разочли, что новая аттака на французскую позицію будетъ стоить слишкомъ много потерь; что еслибъ она и удалась, то Парижъ все-таки остался бы недоступнымъ, въ виду подходящихъ къ столицѣ подкрѣпленій со всѣхъ концовъ страны; что въ случаѣ неудачи гибель союзниковъ неизбѣжна. Дѣло при Вальми было 20-го сентября, а 30-го они уже предприняли обратный путь изъ Франціи.

Повторяемъ, за исключеніемъ частностей, которыми книга Ранке сухо пополняетъ исполненную драматизма исторію 1791 и 1792 го-

Digitized by Google

дѣлъ, мы не нашли въ ней ничего новаго, ничего такого, что могло бы измѣнить въ общихъ чертахъ господствующій взглядъ на тогдашнія событія. Въ концѣ книги приложенъ рядъ документовъ, почерпнутыхъ авторомъ въ архивахъ, и которые едва ли послужатъ такимъ матеріаломъ для будущихъ историковъ, который позволитъ имъ придать величіе и побѣду австро-прусской политикѣ того времени.

В. К.

ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ ВЪ РОССІИ

Письмо въ редакцію.

Въ настоящую минуту, для правильнаго разрѣшенія вопроса объ обязательномъ обученіи въ Россіи, важны не одни теоретическія соображенія, но также и указанія опыта. Вотъ почему я берусь сегодня за перо, чтобъ сообщить, хотя бы и вкратцѣ, результаты своихъ наблюденій. Состояніе здоровья и занятія по организованной мною русской женской семейной школѣ въ Женевѣ, къ сожалѣнію, не дозволяютъ мнѣ посвятить обсужденію обязательности обученія того времени, какъ бы то слѣдовало. Сообразно важности вопроса и глубокому убѣжденію моему въ томъ, что во *многихъ мѣстностяхъ* нашего отечества (а не въ цѣлой Россіи) немедленное введеніе обязательнаго обученія, *при извѣстныхъ условіяхъ*, составляетъ гражданскій долгъ нашъ, передъ которымъ мы не смѣемъ и не должны отступить, не измѣняя собственнымъ интересамъ,— слѣдовало бы обсудить вопросъ обстоятельно.

Въ этихъ немногихъ строкахъ я, впрочемъ, уже успѣлъ отчасти выяснить свою точку зрѣнія на обязательное обученіе. До сихъ поръ у насъ вопросъ этотъ ставится обыкновенно такъ: съ одной стороны говорятъ: „регламентація мертвитъ священный огонь жажды просвѣщенія, обязательность обученія равняется новому налогу, нарушаетъ свободу личности, вторгается въ семейное начало“ и т. п. Съ другой стороны говорятъ: „большинство должно быть направляемо въ своихъ стремленіяхъ закономъ, который обязанъ гарантировать странѣ не только, положимъ, народное здравіе, но и народное образованіе“; далѣе: „свобода личности немыслима безъ ограниченій, какъ немыслимъ человѣкъ внѣ общества, и началу общественному подчиненно начало семейное“ и т. п. Даже почтенный референтъ педагоги-

Digitized by Google

ческаго общества, А. С. Воронцовъ, недавно скончавшійся, къ сердечному прискорбію *честныхъ* поборниковъ нашего просвѣщенія, желающихъ образованія въ смыслѣ всесторонняго развитія, а не дрессировки въ смыслѣ того или иного „изма", гораздо болѣе воспитавъ свой рефератъ и свою статью въ „Отечественныхъ Запискахъ" (ноябрь, 1875 г.) *теоретическому*, нежели практическому изслѣдованію вопроса: объ обязательномъ обученіи *въ Россіи* почтенный и искренній поборникъ просвѣщенія сказалъ лишь два слова, и то такихъ, съ которыми, по моему мнѣнію, трудно согласиться. Лица, ему возражающія, — принимаю въ разсчетъ искреннихъ друзей просвѣщенія и замаскированныхъ противниковъ его, — сводятъ вопросъ на практическую почву, говоря о *непримѣнимости* обязательнаго обученія *къ Россіи*, или просто, драпируясь въ фразы о регламентаціи и свободѣ, на которыя возражать не стóитъ.

Остановимся же теперь на вопросѣ о „*непримѣнимости*" благодѣтельнаго въ западной Европѣ учрежденія къ условіямъ *русской* жизни, къ условіямъ *Россіи*. Но, господа, что́ такое Россія? Вѣдь это колоссъ въ четыреста-тысячъ квадратныхъ миль, слишкомъ въ четыре раза превышающій, по размѣрамъ, не-русскую часть Европы и населенный 80-ю милліонами людей, относящихся къ слишкомъ сорока различнымъ народностямъ и представляющій и въ географическомъ и въ культурномъ отношеніи самое пестрое разнообразіе. До какихъ же поръ будемъ мы мѣрить всю Россію *одною* мѣркою, и до какихъ поръ будемъ мы, *возражая* противъ регламентаціи и централизаціи доводить ихъ до такой степени, чтобы не допускать обязательнаго обученія *нигдѣ* въ Россіи, потому что оно невозможно *вездѣ*? Не ясно ли всѣмъ, искренно желающимъ свѣта, что *всеобщность* начальнаго образованія, какъ средства къ дальнѣйшему, составляетъ такое благо и настолько неотложную потребность, что если бы нашлись въ эту минуту въ Россіи хотя бы одинъ городъ, или одна только губернія, одинъ только уѣздъ, одна только волость, одно только село, по отношенію къ которымъ обязательное обученіе оказалось бы примѣнимымъ, то государство было бы обязано немедленно поощрить, поддержать, взять подъ охрану закона всеобщность начальнаго образованія, ограниченную и такими тѣсными, по сравненію съ Россіею, и часто весьма обширными, по сравненію съ Европою, территоріальными предѣлами? По моему мнѣнію, въ этомъ весь и вопросъ: 1) Есть ли мѣстности въ Россіи, настолько снабженныя школами, учителями, пособіями и обладающія такимъ матеріальнымъ довольствомъ, чтобы обязательное обученіе могло осуществиться въ нихъ въ ближайшемъ будущемъ? 2) Въ правѣ ли мы, если бы такія мѣстности, оказалось, просили охраны закона противъ опасности не-

Digitized by Google

вѣжества, отказать имъ въ обязательномъ обученіи потому, что въ другихъ мѣстностяхъ, еще не потрудившихся и не подумавшихъ, а быть можетъ, и безсильныхъ по бѣдности, обязательность обученія немыслима ни въ какой формѣ въ настоящее время? Казалось бы, что въ лагерѣ искреннихъ друзей русскаго просвѣщенія трудно допустить разнорѣчивые отвѣты на эти вопросы;—трудно и тѣмъ изъ нихъ, которые благосостояніе предпосылаютъ образованію (очевидно, тѣмъ самымъ тормозя первое), и тѣмъ изъ нихъ, которые изъ-за заботъ о школѣ ничего не видятъ и отвергаютъ экономическія заботы (очевидно, тѣмъ самымъ опять подсѣкая успѣхъ своего дѣла, требующаго матеріальныхъ средствъ), и тѣмъ наконецъ, которые считаютъ необходимымъ вести съ равной энергіей и параллельно педагогическія и экономическія учрежденія, связывая, по возможности, одни съ другими—не признать, что въ Россіи могутъ найтись отдѣльныя мѣстности, въ которыхъ обязательное обученіе дастъ благіе результаты; трудно не допустить, что мы обязаны принять въ разсчетъ эти мѣстности *теперь же*, стремясь къ тому, чтобы постепенно довести до ихъ уровня и остальныя.

Въ этомъ смыслѣ высказался я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]), проводя мысль о томъ, что рѣшеніе вопроса о *своевременности* введенія обязательности обученія должно быть предоставлено *уѣзднымъ* земскимъ собраніямъ, какъ учрежденіямъ, наиболѣе компетентнымъ въ рѣшеніи *экономическихъ* вопросовъ и совмѣщающимъ наибольшее число лучшихъ представителей крестьянскаго населенія, всего ближе стоящаго къ нуждѣ и наиболѣе *непосредственно* заинтересованнаго во всеобщности начальнаго образованія.—Позволяю себѣ напомнить статью эту читателямъ не въ смыслѣ попытки окончательнаго рѣшенія вопроса, но только въ смыслѣ матеріала для обсужденія, такъ какъ въ указываемой статьѣ я коснулся преимущественно *практической* осуществимости обязательнаго обученія при извѣстныхъ условіяхъ, а не только теоретической стороны, часто затемняющей и усложняющей дѣло, если теорія не выводится индуктивно, а строится a priori.—Въ дополненіе къ тезисамъ названной статьи я желалъ бы остановить вниманіе читателей также и на томъ обстоятельствѣ, что по напечатаніи ея мнѣ случалось не одинъ разъ бесѣдовать о ней съ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и добросовѣстныхъ публицистовъ нашихъ, княземъ А. И. Васильчиковымъ, который всегда былъ—не на словахъ, а на дѣлѣ,—

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1872 г., янв., 215 стр.—Тамъ можно найти всѣ подробности плана и нормальныхъ условій, на которыхъ правительство могло бы предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право установленія обязательности обученія См. тж. стр. 229—240.

Digitized by Google

честнымъ двигателемъ просвѣщенія, не который до появленія указанной статьи былъ противникомъ обязательнаго обученія *для Россіи*, и въ *настоящее время* отъ этого почтеннаго земскаго дѣятеля слышалъ я, что онъ соглашается вполнѣ съ предложеніемъ мною *децентрализаціи* въ дѣлѣ обязательнаго обученія, и *на этихъ основаніяхъ* готовъ стать въ ряды поборниковъ обязательнаго обученія для Россіи..... Не возможно ли и дальнѣйшее соглашеніе обоихъ антагонистовъ *на той же почвѣ*?... Не отзовутся ли на эти строки изъ разныхъ угловъ Россіи голоса лицъ, у дѣла стоящихъ, чтобы сказать намъ: „у насъ, *въ нашей мѣстности*, мыслима обязательность обученія при такихъ-то условіяхъ". Станемъ собирать мнѣнія не крупицами, станемъ собирать съ міра по нитки и, дастъ Богъ, будетъ „голому рубаха!"

Мѣстные дѣятели могутъ, впрочемъ, впасть въ погрѣшности: подъ именемъ обязательности обученія могутъ они разумѣть *девятилѣтнее* (отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ) посѣщеніе училища въ теченіи 10-ти мѣсяцевъ въ году, какъ то установлено, напримѣръ въ Берлинѣ, и затѣмъ признать такую форму экономически неосуществимою у насъ, гдѣ мускульная сила ребенка представляетъ трудно устранимый капиталъ для отца. Они могутъ также допустить посѣщеніе училища отъ 7-ми до 11-ти лѣтъ по 6-ти мѣсяцевъ въ году, какъ предлагалъ покойный Вороновъ, и признать *такое* посѣщеніе школы *безцѣльнымъ*, такъ какъ въ такомъ *раннемъ* возрастѣ и при такомъ срокѣ грамотность не можетъ стать настолько *навыкомъ*, чтобы получить значеніе силы впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ, мои наблюденія говорятъ мнѣ, что семилѣтній *крестьянскій* мальчикъ въ большинствѣ случаевъ равняется, по развитію, по подготовкѣ жизнію, четырехъ-лѣтнему горожанину изъ бѣдной среды, и что поэтому обязательное обученіе могло бы достигнуть значенія *силы*, а не, вывѣски и формы, для будущаго только въ томъ случаѣ, еслибы: 1) трехлѣтній курсъ школы начинался для дѣтей лишь съ наступленіемъ десяти лѣтъ, т.-е. при относительно бо́льшей подготовкѣ въ школѣ; 2) еслибы при этомъ обученіе продолжалось непрерывно, кромѣ праздниковъ, въ теченіи пяти мѣсяцевъ въ году, а въ остальные 7 мѣсяцевъ ученики сошлись бы въ школу хоть разъ двадцать, глядя по расположенію полевыхъ работъ въ мѣстности, погодѣ и другимъ чисто-мѣстнымъ условіямъ; и 3) еслибы окончившіе трехлѣтній курсъ съ наступленіемъ тринадцатаго года сходились, до наступленія восемнадцатаго года, въ школу для повторенія и восполненія пройденнаго и для поддержанія нравственной связи со школою, книгою и учителемъ, всякое воскресенье на два часа времени.

Вызванный два года тому назадъ, до изданія министерствомъ

Digitized by Google

народнаго просвѣщенія „правилъ объ учительскихъ съѣздахъ“, земствомъ Маріупольскаго уѣзда для руководства учительскимъ съѣздомъ, и посѣщая родныя мѣста Александровскаго уѣзда, въ которыхъ при мнѣ загоралась и разгорѣлась первая искра „новой школы“, какъ прозвалъ её народъ, я былъ порадованъ неоднократными посѣщеніями *бывшихъ* учениковъ начальныхъ школъ. Желая провѣрить еще разъ, не черпали ли мы въ теченіи шести лѣтъ, жертвуя здоровьемъ, воду рѣшетомъ, я, при всякомъ посѣщеніи, пользуясь дружескими отношеніями къ бывшимъ питомцамъ, провѣрялъ ихъ свѣдѣнія. Я испытывалъ по чтенію русскому и славянскому, письму, не только подъ диктовку, умѣнью сообразить ариѳметическую задачу на четырехъ дѣйствіяхъ надъ цѣлыми числами, знакомству съ окружающимъ міромъ и основнымъ даннымъ религіи; при этомъ, сознаюсь, выносилъ я не мало наслажденія, такъ какъ всегда оказывалось, что ученики, окончившіе курсъ трехъ полугодій обученія, лѣтъ 13-ти или 14-ти и затѣмъ поставленные *хоть сколько-нибудь* въ возможность читать и писать отъ времени до времени, не только не забыли пройденнаго, но и *не разлюбили* школы, книги и ученья, вопреки окружавшей ихъ среды.

Твердо увѣрены мы въ томъ, что если бы такихъ учениковъ „новой школы“ спросить о томъ, вводить ли обязательное обученіе, то они, не задумавшись, дали бы утвердительный отвѣтъ. А такихъ въ Россіи питомцевъ *воспитывающаго обученія* уже не мало на Руси; поэтому мы глубоко убѣждены и въ томъ, что близокъ часъ, когда не въ одной мѣстности Россіи начнется борьба съ невѣжествомъ, когда не въ одной мѣстности Россіи будетъ признано возможнымъ сдѣлать для русскаго населенія то, что̀ допущено для нѣмецкаго въ лютеранскихъ приходахъ балтійскихъ провинцій; тамъ введена обязательность обученія, причемъ не послужило помѣхою то, что обязательное посѣщеніе школы немыслимо пока, положимъ, въ архангельской или олонецкой губерніяхъ, а быть можетъ, и во многихъ уѣздахъ многихъ губерній!

Бар. Н. Корфъ.

Женева, 6 января, 1876 г.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 22-го декабря 1875 г.

1) Заявлено о безплатномъ помѣщеніи, по ходатайству комитета, въ одну изъ клиникъ больного и неимѣющаго средствъ на леченіе писателя.

2) Сдѣлано сношеніе съ редакціею газеты объ уплатѣ гонорара сотруднику.

3) Заявлено о пожертвованіи В. П. Гаевскимъ въ пользу общества 5 акцій, по 25 р. каждая, „Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія", которыя, кромѣ 4% на капиталъ, даютъ обществу право, какъ владѣльцу 5 акцій, рекомендовать жильца на квартиру въ домѣ „Общества для улучшенія помѣщеній", за плату съ отопленіемъ и водою отъ 5 до 16 р. въ мѣсяцъ.

4) Отклонены, за силою § 5 устава, ходатайства 4 лицъ о пособіи, 1 лица о ссудѣ за непредставленіемъ поручительства, и 2 лицъ о сношеніяхъ, выходящихъ изъ круга дѣятельности общества.

5) Заявлено о поступленіи выданныхъ въ 1875 г. ссудъ въ размѣрѣ отъ заемщиковъ 1,250 р., поручителей 1,750 р.

6) Изъявлена благодарность общества за содѣйствіе комитету: А. А. Потѣхину, П. Е. Басистову, В. А. Манасеину и В. В. Бессеру.

4-го января 1876 г.

1) Назначена съ 1-го января 1876 г. ежегодная пенсія по 300 р. больному и лишенному всякихъ средствъ къ жизни писателю, извѣстному многими учено-литературными трудами.

2) Выслано 100 р. въ возмѣщеніе издержекъ на леченіе и погребеніе сына покойнаго профессора, извѣстнаго учеными трудами и продолжительною литературною и журнальною дѣятельностью.

3) Опредѣлено уплатить въ гимназію 30 р. за обученіе дочери писательницы, неимѣющей на это средствъ.

4) Получено увѣдомленіе редакціи газеты о высылкѣ гонорара сотруднику по сношенію комитета.

5) Отклонено предложеніе одного лица о полученіи изъ музыкальнаго магазина и продажѣ его музыкальныхъ произведеній.

6) Прочитанъ отчетъ казначея за декабрь 1875 г. Къ 1-му декабря въ кассѣ было 65,638 р. 22 к. Къ этому поступило: членскихъ взносовъ отъ 13 лицъ 170 р., пожертвованій: Н. В. Яковлевой 28 р. 60 коп., князя П. И. Цертелева 8 р., въ возвратъ ссудъ 2,450 руб., дохода отъ литературнаго вечера 247 р., возвращено пособіе за вычетомъ получителя 100 р., всего 3,003 р. 60 к. Израсходовано: на пенсіи 11 лицамъ 917 р., въ единовременное пособіе 2 лицамъ 200 р., въ продолжительное пособіе 1 лицу 25 р., въ пособіе на воспитаніе 3 лицамъ 205 р., на пересылку суммъ 12 р. 32 к.; всего 1,359 р. 32 к. Къ 1-му января 1876 г. въ кассѣ 67,282 р. 50 коп.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1876.

Книга первая.—Январь.

	стр.
Часы.—Разсказъ.—ИВ. С. ТУРГЕНЕВА.	7
Общественные идеалы въ екатерининскую эпоху.—Дворянскія наказы.—Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. IV, VIII и XIV.—С. В—ОЙ	49
Его превосходительство Эжень Ругонъ.—Романъ Эм. Зола.—I-IV.—А. Э. . .	84
Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА.	176
Изъ Гейне.—I. На родинѣ.—II. Лорелея.——ДТЪ	208
Первая имперія наканунѣ паденія.—1810-12 гг.—P. Lanfrey, Histoire de Napoléon I. T. V.—А—Н—.	212
Наука и литература въ современной Англіи.—Письмо третье.—А. РЕ—РЪ.	232
Хроника.—Вопросные пункты.—По поводу пересмотра университетскаго устава.—В. Н.	269
Иностранная политика.—Выборы во французскій сенатъ.	305
Парижскія письма.—Х.—Бракъ во Франціи и его главные типы.—ЭМ. ЗОЛА	309
Вторичная поѣздка г. Рида въ Россію, въ извлеченіи изъ писемъ его въ „Times“.—Z.	337
Новости западной литературы.—Книга Боассье и брошюра гр. Арнима „Pro nihilo“. — В. К.	374
Объ упадкѣ современной критики. — Отвѣтъ на письмо г. Кавелина въ „Недѣлѣ“. — А. Н. ПЫПИНА	410
Письмо къ редактору. — ИВ. С. ТУРГЕНЕВА	430
Некрологъ.—Михаилъ Петровичъ Погодинъ. — М. С.	430
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ . .	433
Объясненіе редакціи.—По поводу письма гр. А. К. Толстого къ г. Де-Губернатису	440
Библіографическій Листокъ	

Digitized by Google

Книга вторая.—Февраль.

стр.
Хворая.—Повѣсть.—I-II.—АЛ. АН. ПОТѢХИНА 441
Столицы Европы, и ихъ архитектура.—I-II.—В. В. СТАСОВА 505
Его превосходительство Эженъ Ругонъ.—Романъ Эм. Зола.—V-VIII.—А. Э. . 545
Свѣтъ и тѣни университетскаго быта.—I. Университеты Германіи.—II. Отношенія университетовъ къ администраціи.—III. Приватъ-доценты и гонорарій.—IV. Занятія студентовъ и вліяніе на нихъ штатс-экзамена.—V. Устройство русскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ. В. И. ГЕРЬЕ. 646
Колодники.—Посмертное стихотвореніе.—ГР. А. К. ТОЛСТОГО 710
Профессіональная и промышленная гигіена.—С. П. ЛОВЦОВА 712
Стихотворенія.—I. Лѣтняя ночь.—II. Я созналъ нищету мгновенныхъ наслажденій.—III. Межъ тѣмъ какъ вкругъ тельца златаго.—ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА. 748
Попутный вѣтеръ.—Народная сказка, въ стихахъ.—Д. Н. САДОВНИКОВА. . 751
Хроника.—Способы развитія промышленности.—Ю. Г. 757
Внутреннее Обозрѣніе.—Государственная роспись 1876 г.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ.—Отчетъ контроля за 1874 г.—Сверхсмѣтныя требованія и долги.—Наше экономическое положеніе.—Пожертвованіе барона Штиглица.—Вопросъ о сибирскомъ университетѣ.—Уставъ о личномъ наймѣ.—Кончина графа М. А. Корфа.—Новая мистификація „Московскихъ Вѣдомостей“, по поводу университетскаго акта въ Москвѣ. . . 789
Иностранная политика.—Европа и герцеговинскій вопросъ. 814
Корреспонденція изъ Берлина.—Окончательное устройство самоуправленія и реакціонные элементы въ Пруссіи.—К. 822
Корреспонденція изъ Лондона.—Индія и путешествіе принца Уэльскаго.—R. 845
Парижскія письма.—XI.—Ипполитъ Тэнъ и его новая книга о Франціи.—ЭМИЛЬ ЗОЛА. 862
Новости западныхъ литературъ.—Начатки новой монистической философіи въ Германіи: Нуаре, Шульце, Губеръ, Гертлингъ и др.—В. К. 893
Объ обязательномъ обученіи въ Россіи.—Письмо въ редакцію.—БАР. Н. А. КОРФА. 911
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . . 916
Библіографическій Листокъ.

Digitized by Google

592575

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1876.

I.—ЧАСЫ.—Разсказъ.—**Ив. С. Тургенева**. . . . . Стр. 1

II.—ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.—Дворянскіе наказы.—Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. IV, VIII и XIV.—**С. Б—вой** 49

III.—ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.—Романъ Эм. Зола.—I-IV.—**А. Э.** 98

IV.—ВОПРОСЪ О КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ.—**О. О. Воронцова** . . 178

V.—ИЗЪ ГЕЙНЕ.—I. На родинѣ.—II. Лорелея. — **—дтъ** 205

VI.—ПЕРВАЯ ИМПЕРІЯ НАКАНУНѢ ПАДЕНІЯ.—1810-12 гг.—P. Lanfrey, Histoire de Napoléon I. T. V.—**А—н—**. 212

VII.—НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письмо третье.—**А. Ре—ръ** 252

VIII.—ХРОНИКА.—Вопросные пункты.—По поводу пересмотра университетскаго устава.—**В. Н.** 288

IX.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА—Выборы во французскій сенатъ 305

X.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—X. — Бракъ во Франціи и его главные типы.—**Эм. Зола**. 309

XI.—ВТОРИЧНАЯ ПОѢЗДКА Г. РИДА ВЪ РОССІЮ, въ извлеченіи изъ писемъ его въ „Times“.—**Z.** 357

XII.—НОВОСТИ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Книга Боассье и брошюра гр. Арнима „Pro nihilo“.—**В. К.** 374

XIII.—ОБЪ УПАДКѢ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ.—Отвѣтъ на письмо г. Кавелина въ „Недѣлѣ“.—**А. Н. Пыпина** 413

XIV.—ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.—**Ив. С. Тургенева** 430

XV.—НЕКРОЛОГЪ.—Михаилъ Петровичъ Погодинъ.—**М. С.** 430

XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . 433

XVII.—ОБЪЯСНЕНІЕ РЕДАКЦІИ. — По поводу письма гр. А. К. Толстого къ г. Губернатису 440

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XX стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

Объявленіе о шести вышедшихъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоѣдова и И. С. Тургенева—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XX.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Будущее въ прошедшемъ. Слово во-время, сказанное при посѣщеніи большой (главной?) синагоги въ Одессѣ его сіятельствомъ, г-мъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, городовымъ раввиномъ, докторомъ *Шваба-херомъ*. Перев. К. Е. Розенъ. Одесса. 1875. Стр. 9 (безъ цѣны).

Мы ставимъ во главѣ книжныхъ извѣстій новаго года эту брошюру въ 9 страницъ: она весьма характерна и имѣетъ право на безсмертіе своего рода. Пусть она, впрочемъ, говоритъ сама за себя. Ораторъ задается вопросомъ, какъ установилась у насъ новѣйшая система образованія, и, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на такой вопросъ однимъ указаніемъ на присутствующаго, онъ восклицаетъ такимъ образомъ: И вотъ, взору мужа, умъ котораго проникнутъ свѣтомъ науки, духъ котораго очистился въ кристаллѣ кастальскаго ключа, который равно сроднился какъ съ міровыми идеями греческой философіи, такъ и съ государственною идеею Рима, который одинаково ознакомился какъ съ оливковою рощею Акрополиса, такъ и съ тоническими (?) залами Капитолія,—представилось явленіе, которое создано Элладою и усовершенствовано Римомъ: Янусъ (двуличный богъ), носитель человѣческой культуры, однимъ лицомъ обращенный къ прошедшему, другимъ взирающій на будущее,—и рѣшеніе вопроса найдено: всегда отыскивай „когда-нибудь“ въ „когда-то“. Послѣднему выраженію позавидовала бы древняя Пиѳія, а при встрѣчѣ г-на Швабахера съ Эдипомъ, нашъ раввинъ не осрамился бы, не былъ бы вынужденъ броситься въ Черное море, какъ бѣдный Сфинксъ печально погибъ въ мрачныхъ волнахъ Эгейскаго. Но ниже ораторъ снисходительно объясняетъ намъ le mot de l'énigme: „Необходимо назадъ... наука должна необходимо повернуть назадъ!“ И все это заключается восклицаніемъ: „Да, это нашъ спасительный гость, который положилъ прочное основаніе умственной жизни будущаго Россіи, который держитъ въ одной рукѣ огненный мечъ войны,—такъ провозглашаетъ почтенный раввинъ, вѣроятно не зная, что христіанство есть вѣра кротости и любви, а не огня и желѣза,—а въ другой свѣточъ просвѣщенія“. На оберткѣ этой брошюры, въ 9 страницъ, напечатано: „Вырученныя отъ продажи деньги предназначаются для содѣйствія къ развитію классическихъ познаній между учащимся юношествомъ“; но щедрый ораторъ не объясняетъ намъ, изъ какой эпохи классицизма онъ рекомендуетъ изученіе его произведеній: изъ цвѣтущей ли эпохи, или изъ эпохи паденія доблести и нравовъ,—была и такая эпоха. Эпиграфомъ къ своей брошюрѣ авторъ избираетъ изрѣченіе притчи: „Слово *во-время*, какъ хорошо оно!“ Вотъ съ этимъ нельзя не согласиться! При брошюрѣ прилагается нѣмецкій текстъ: видно, авторъ ищетъ самаго широкаго распространенія благоуханію цвѣтовъ своего краснорѣчія.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. *Б. Ауэрбаха*. Спб. 1876. Стр. 449. Ц. 2 р. 20 коп.

Оригиналъ этого романа появился въ 1851 г. и произвелъ тогда сильное впечатлѣніе своею новою идеей, направленной противъ преувеличенія реакціи, вызванной въ Германіи движеніемъ 1848 и 49 годовъ. Авторъ задался мыслью въ живыхъ образахъ выяснить необходимость просвѣщенія народныхъ массъ и убѣдить въ томъ, что не абстрактныя теоріи, каковы бы онѣ ни были, а одно серьёзное реальное образованіе, построенное на свободныхъ и гуманныхъ началахъ, можетъ служить залогомъ прогресса, котораго не только не нужно опасаться, но поощрять всѣми мѣрами. Такова идея романа, а за его художественность ручается имя автора „Auf der Höhe“, написаннаго вслѣдъ за „Новою жизнью“.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, изд. Мед. деп. Т. II. Спб. 1875. Подписная цѣна 7 р. въ годъ, за 3 тома.

Это превосходное и въ высшей степени полезное оффиціальное изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ всецѣло посвящено своему важному дѣлу, а потому здѣсь нельзя найти ни застольныхъ рѣчей, ни какихъ-нибудь административныхъ путешествій и тостовъ. Другая его особенность состоитъ въ томъ, что оно разсылается *безплатно* врачамъ министерства, и польза его возвращается не подпискою, а въ другой, болѣе выгодной формѣ — распространенія научныхъ свѣдѣній. Въ нынѣшнемъ выпускѣ, сверхъ обычныхъ журнальныхъ отдѣловъ, помѣщается 3-я часть „Руководства по судебной медицинѣ“ Каспера, и „Руководство къ гигіенѣ“ д-ра Эрисмана.

Исторія французской революціи. (1788 — 99). *А. Тьера*. Т. III. Изд. М. Вольфа. Спб. 1875. Стр. 495. Ц. 5 томовъ 10 р.

Настоящій переводъ сдѣланъ съ 24-го изданія въ оригиналѣ, и былъ редактированъ А. Разинымъ, имя котораго обезпечивало какъ правильность отношенія перевода къ подлинникѣ, такъ и удовлетворительность русскаго языка. Содержаніе настоящаго тома составляетъ печальная эпоха „террора“ и послѣдовавшей за нимъ реакціи до закрытія клуба якобинцевъ.

Гусельки. 115 колыбельныхъ, дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ и прибаутокъ съ голосами и съ аккомпаниментомъ фортепіано. Собр. *Н. Вессель* и *Е. Альбрехтъ*. Спб. 1876. Стр. 86. Ц. 1 р. 50 к.

Введеніе музыки и пѣнія въ систему нашихъ школъ остается пока въ области „добрыхъ пожеланій“, а между тѣмъ въ печати счастливымъ образомъ появляется весьма хорошій матеріалъ, какой представляютъ „Гусельки“ для будущей реформы. Общеобразовательное вліяніе музыки на нравы обучающихся стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и нельзя не поблагодарить искренно издателей за приготовленіе почвы, изданіемъ, выполненнымъ притомъ съ большимъ умѣньемъ и отчетливостью. Цѣна, конечно, не дѣлаетъ его общедоступнымъ, но и положеніе самаго вопроса не таково, чтобы подобное изданіе могло явиться въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ, — тогда, разумѣется, и отдѣльный экземпляръ былъ бы очень дешевъ.

Исторія Петра Великаго, для юношества. Сост. *С. Чистяковой*. Съ 12 рис. Изд. М. Вольфа. Спб. 1875. Стр. 580.

Авторъ руководился при составленіи своего труда двумя извѣстными произведеніями Устрялова и пр. Соловьева, — съ цѣлью доставить учащемуся юношеству занимательную книгу для историческаго чтенія изъ самой важной эпохи отечественной исторіи. Цѣль хорошо достигнута, благодаря тому, что авторъ держался формы объективнаго разсказа, устраняя отъ себя прагматическую сторону дѣла и иллюстрируя разсказъ анекдотами, предварительно проверенными научною критикой.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки. / 16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки. / 17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа (кромѣ Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р.—Франція; 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

592375

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ

И ЛИТЕРАТУРЫ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1876.

Стр.

I.—ХВОРАЯ.—Повѣсть.—I-II.—**Ал. Ан. Потѣхина** 441

II.—СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ, и ихъ архитектура.—I-II.—**В. В. Стасова** 505

III.—ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ. — Романъ Эм. Зола.—V-VIII.—**А. Э.** 545

IV.—СВѢТЪ И ТѢНИ УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЫТА. — I. Университеты Германіи.—II. Отношенія университетовъ къ администраціи.—III. Привать-доценты и гонорарій. — IV. Занятія студентовъ и вліяніе на нихъ штатс-экзамена.—V. Устройство русскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ.—**В. И. Герье** 646

V.—КОЛОДНИКИ.—Посмертное стихотвореніе.—**Гр. А. К. Толстого** 710

VI.—ПРОФЕССІОНАЛЬНАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ГИГІЕНА.—**С. П. Ловцова** . 712

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Лѣтняя ночь. — II. Я созналъ нищету мгновенныхъ наслажденій.—III. Межъ тѣмъ какъ вкругъ тельца златого. — **Гр. А. А. Голенищева-Кутузова** 748

VIII.—ПОПУТНЫЙ ВѢТЕРЪ.—Народная сказка, въ стихахъ.—**Д. Н. Садовникова** . 751

IX.—ХРОНИКА.—Способы развитія промышленности.—**Ю. Г.** 757

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Государственная роспись 1876 г.—Возрастаніе доходовъ и расходовъ.—Отчетъ контроли за 1874 г. — Сверхсмѣтныя требованія и долги.—Наше экономическое положеніе.—Пожертвованіе барона Штиглица. — Вопросъ о сибирскомъ университетѣ. — Уставъ о личномъ наймѣ.—Кончина графа М. А. Корфа.—Новая мистификація „Московскихъ Вѣдомостей“, по поводу университетскаго акта въ Москвѣ 770

XI.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Европа и герцеговинскій вопросъ . . 804

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Окончательное устройство самоуправленія и реакціонные элементы въ Пруссіи.—**К.** 820

XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Индія и путешествіе принца Уэллскаго.—**R.** 845

XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. — XI. — Ипполитъ Тэнъ, и его новая книга о Франціи.—**Эмиль Зола** 870

XV.—НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.—Начатки новой монистической философіи въ Германіи: Нуаре, Шульце, Губеръ, Гертлингъ и др.—**В. К.** . . . 896

XVI.—ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ ВЪ РОССІИ. — Письмо въ редакцію.—**Бар. Н. А. Корфа** 917

XVII.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ . 927

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

Объявленіе о шести вышедшихъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоѣдова и И. С. Тургенева—см. въ отдѣлѣ объявленій стр. XII.

Digitized by Google

№ 9-й КАТАЛОГА

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на себя коммиссію по постороннимъ изданіямъ, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднимъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Фрэнсисъ Гальтонъ. Перев. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

* **Огюстъ Контъ и положительная философія.** Г. Г. Льюисъ и Д. С. Миллъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Опытъ исторіи мысли. Т. I, выпускъ I. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Маудсли. Пер. съ англ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Тербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Барчуки. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

* **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Научно-литературный сборникъ. Спб. 1876 года. Ц. въ пер. 3 р. 50 к., въ бум. 3 руб., вѣс. за 3 ф.

Будуарная интрига. Романъ изъ великосвѣтской англійской жизни. Муррея. 2 т. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Великосвѣтскій бракъ. Романъ Октава Фелье. Эдмея Нертель. Повѣсть Генри Ривьера. Дневникъ. Повѣсть Амедея Ашара. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 фунта.

Галлъ. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Соч. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Дача на Рейнѣ. Романъ въ пяти частяхъ Б. Ауэрбаха, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. 3 т. Спб. 1875 г. Ц. 6 руб., вѣс. 6 ф.

Десять лѣтъ изъ моей жизни. 1862 — 1872. Изъ записокъ принцессы Сальмъ-Сальмъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности, очерки 600 ремеслъ и занятій. Сост. А. Дауль. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Замокъ Шамбла. Уголовный романъ Констана Геру. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс 2 ф.

Записки ссыльнаго, собранныя и приведенныя въ порядокъ авторомъ „Записокъ Шпіона". Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 фун.

* **Збірникъ творівъ.** Іеремія Галки. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875 г. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Игорь, князь сѣверскій. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пѣснях. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе пятое. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р., вѣс. 3 ф.

---

*) Книги, поступившія въ складъ въ январѣ мѣсяцѣ, обозначены *звѣздочкою* на книгахъ, вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Digitized by Google

Какъ я отыскалъ Ливингстона. Генриха М. Стэнли. Съ рисунками и картами. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Книга о кіевскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина и 12 картинами. Спб. 1876 г. Ц. въ бумагѣ 2 р. 30 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р., вѣс. 3 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь. Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чирева. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

* **Луговые разбойники** изъ американской жизни. Романъ въ 2-хъ томахъ, Фр. Герштекера. Спб. 1876 г., Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Мои сыновья. Виктора Гюго. Спб. 1875 г. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Маленькій человѣкъ. Исторія одного ребенка. Альфонса Додэ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Мы и наши сосѣди, или лѣтопись нѣмодной улицы въ Нью-Іоркѣ. Романъ изъ современной американской жизни. Герріеты Бичеръ-Стоу. 2 т. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Народныя южнорусскія сказки. Выпускъ 2-й. Издалъ И. Рудченко. Ц. 1 р., вѣс. 1 фунтъ.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Спб. 1875. Ц. 2 р. въ бумажкѣ, въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и портретомъ автора 3 р., вѣс. 3 ф.

Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи. Ф. Толля. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

* **Наши чудодѣи.** Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Сост. Касьянъ Касьяновъ. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Новиковъ, Николай Ивановичъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Невеленова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Н. А. Бибикова. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Поклонники змѣи и Левъ Пустыни. Романъ Густава Эмара. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повѣсти Івана Левіцькаго. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, II, III, IV. Ц. каждаго тома отдѣльно 75 к., вѣс. 2 ф.

——— **Н. Г. Помяловскаго,** съ портретомъ и біографіею автора. 2 ч. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

——— **Шиллера** въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

* **Приключенія нѣмецкой колоніи** въ Америкѣ. Романъ Фр. Герштекера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

* **Пропавшій Братъ.** Романъ Э. Вернера. М. 1876 г. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 фун.

Прямо къ цѣли. Романъ изъ современной французской жизни. Амедея Ашара. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Прюденсъ Пальфрей. Романъ изъ американской жизни. Томаса Альдрича. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Пѣсни Беранже, 1810—1816, за исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Переводъ Н. Лебедева. Кіевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

* **Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа.** Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 фунта.

Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Сост. П. Ефименко. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Смертельный выстрѣлъ. Романъ Майна Рида. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Спириты и спиритизмъ. Романъ Флорепціи Марьеръ (мистрисъ Россъ Черчъ). Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Digitized by Google

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Старосвѣтская дѣвушка. Американская повѣсть Луизы Олькотъ. Переводъ Е. Бекетовой. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Стихотворенія гр. А. К. Толстого. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

* **Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ.** Чарльза Уильяма Гекерторна, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Францъ фонъ-Зиккингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Крилъ. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Финіасъ-Финнъ, возвратившійся назадъ. Романъ Энтони Троллопа. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Харикла. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербель. Ц. въ бум. 3 р., въ перепл. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Царь Борисъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Гр. А. К. Толстого. Второе изданіе. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Гр. А. К. Толстого. Второе изданіе. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Червонная Дама. Романъ Уильки Коллинза. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

* **Честные люди.** Романъ въ шести частяхъ, Н. Витязякова. Изданіе второе, исправленное. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Чувашскія народныя пѣсни. И. Я. Рудченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

Шиллеръ и его время. Соч. Іоганна Шерра, въ 3-хъ книгахъ. Москва. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. I, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

* **Дворянство въ Россіи** отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Демократія въ Америкѣ. А. Токвиль. Ц. 3 р., вѣс. 6 ф.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ пересылкою.

* **Карлъ Линней.** Біографическій очеркъ съ портретомъ. Написалъ гр. Л. Энгештрэмъ, перевелъ Г. Котлубай. Спб. 1876 года Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Курсъ исторіи древняго міра. Востокъ. Соч. Н. Тумасова. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

* **Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ.** Сост. І. Купчанко. Ц. 50 к. вѣс. 1 ф.

Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII-го вѣка. Соч. О. Левицкаго. В. І. Кіевъ. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Разсказы о временахъ Меровинговъ. Соч. Огюстена Тьерри. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. М. Симашкевичъ. Ц. 2 р., вѣс. 2 фунта.

Русская Исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Русскія женщины новаго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. Сост. Д. Мордовцевъ. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII-го столѣтія. Общинный бытъ древней Руси. Д. Д. Сонцова. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

* **Записки Юго-Западнаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества,** т. I, за 1873 годъ. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

* **Записки Юго-Западнаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества,** т. II, за 1874 годъ, съ картою Буковины. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

* **Кіевъ и его предмѣстія** по переписи 2 марта 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

* **Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ.** Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Путешествіе по Средней и Восточной

Digitized by Google

Аравіи. Джиффордъ Палльгрэвъ. Переводъ съ англ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русскій рабочій у сѣвера-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ. Сост. по Дилицу. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Учебный атласъ всеобщей географіи. Сост. А. Линбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное 38-ю таблицами. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф. Отдѣльно выпускъ I-й съ 23-мя таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф. Выпускъ II-й съ 15-ю таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ А. Линбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Сокращенный атласъ, 18-ть таблицъ. Ц. 2 р. 70 к., вѣс. 3 ф.,—съ 26-ю таблицами цѣна 3 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Желѣзнодорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны. А. Чупрова. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* **Капиталъ.** Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Теорія и практика банковаго дѣла. И. И. Кауфмана. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Миллъ. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕВНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Дѣтскіе разсказы. М. Цебриковой. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Его не поняли. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Соч. г-жи Монтгомерри. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. Составилъ Н. В. Бугаевъ. М. 1875 г. Ц. 35 к., вѣс. 1 ф.

Изъ природы. Разсказы для дѣтей, по Герману Вагнеру. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Картины изъ Русской Исторіи. 3 вып. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Листы подвижныхъ нотныхъ знаковъ. Составилъ Н. А. Соловьевъ (Несмѣлова). Ц. 10 к., вѣс. 1 ф.

* **Маленькій оборвышъ.** Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. ½ фунта.

Малютка. Первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи. Сост. баронесса Н. А. Корфомъ. Ц. 35 к., вѣс. 1 ф.

Наглядное обученіе для дѣтей, только-что поступившихъ въ народную школу. Составилъ Я. Симоновичъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Народы - старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальное обученіе русской грамотѣ. Опытъ руководства къ одновременному обученію взрослыхъ письму, чтенію и счисленію. 128 рисунковъ и 3 портрета. Сост. Тромкій-Сенютовичъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Начальное образованіе. Книга для народныхъ школъ и домашняго обученія. Сост. В. Андресевъ. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Нашъ другъ. Книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома и руководство къ начальному обученію родному языку. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Новыя сказки Андерсена съ 50 рисунками и портретомъ Андерсена. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Общедоступная русская грамматика для младшаго возраста. Составилъ П. Полевой. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гинно. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Очерки практической педагогики. Д-ра Ф. Диттеса. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Первые разсказы изъ естественной исторіи. М. Быковой. Для дѣтей, только-что научившихся читать. Спб. 1876 г. Ц. въ бумажкѣ 25 к., въ папкѣ 35 к., въ коленкорѣ 60 к., вѣс. 1 ф.

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Книжка 1 и 2. Ц. за книгу по 1 р., вѣс. 2 ф.

Первые уроки ботаники. Руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ, съ 68 рисунками въ текстѣ. Соч. Германа Вагнера. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

* **Подарокъ на Елку.** Оля. Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ. 1876 г. Ц. 20 коп., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ

Digitized by Google

117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Приготовительный курсъ ботаники. Составленъ по Любену Н. Раевскимъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Джона Гершеля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Путешествіе капли воды. І. Пиццетта. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Разсказы изъ исторіи. Для школы и для дома. Г. В. Штоля. Въ 2-хъ книжкахъ: І. Передняя Азія и Греція. ІІ. Римская имперія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Робинзонъ Крузе. А. Аниенской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Руководство къ ариѳметикѣ. Ч. І, ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Ч. ІІ, ариѳметика дробныхъ чиселъ, Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 95 к., вѣс. 2 ф.

Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Левъ Поливановъ. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сказки Массе и Стала. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся. Сост. В. М. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Слуги желудка. Письма о физіологической жизни человѣка. Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Университетское образованіе женщины. В. Бѣмертъ. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Уроки русскаго синтаксиса съ графическимъ анализомъ рѣчи. А. Сассъ-Тисовскій. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Физика. Профессора Бальфура Стюарта. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Умъ XIX-го вѣка. Альфонса Эскироса, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія" Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и скоропись XVII вѣка для наглядного изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Ѳ. Страшкевичемъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Cours élémentaire et progressif de la langue française, par D. Margot. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Мины классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ русско-украинскаго словаря. Сост. Михаилъ Левченко. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Алгебра. Іосифа Бертрана. 5 выпуск. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Былое и современное химіи. Общедоступная лекція Германа Копп. Ц. 30 коп., вѣс. 1 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ І: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ ІІ. О плоскихъ фигурахъ до площадей. М. 1875 г. Ц. 70 к., съ пересыл. 85 к.

Курсъ наблюдательной физики, въ 2-хъ ч. Ѳ. Петрушевскаго. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф.

Минеральный количественный анализъ. Р. Фрезеніуса. Переводъ подъ редак. Н. Тавильдарова. Спб. 1875 г. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Начала космографіи, съ политипажами. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ І. Сомовъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Начертательная геометрія. Состав. І. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875 г. Ц. 80 к.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣнелю, Шпицу и др. Состав. Д. Дмитріевъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. З. Вулихъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Раціональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. І. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

——— часть ІІ, выпускъ І, съ билетомъ на полученіе ІІ выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статика. Сост. І. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Со-

Digitized by Google

ставилъ А. Ломовскій. Ц. 1 р. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Физическая географія. Мери Сомервилль. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Альпійскіе ледники. Сочин. Джона Тиндаля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ, Ф. В. Сканцони, 2 тома. Ц. 5 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

——— д-ра К. Шредера, выпускъ I. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Болѣзни мочевыхъ органовъ. Клиническія лекціи проф. Генри Томсона. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Vademecum хирургической анатоміи. В. Розера. Съ атласомъ. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярные очерки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромолитографированными картинами и политипажами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ пересылкою.

Древность человѣка. Чарльзъ Лайэлль. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Единство міроздданія. Сочин. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естествознаніе и политика. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Вальтеръ Беджготъ. Перев. съ англійскаго, подъ редакціею Д. А. Коропчевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Картины растительности земнаго шара. Людвига Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Compendium дѣтскихъ болѣзней, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціею д-ра Лвовскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Море и его жизнь. Сочиненіе Гартвига. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическіе этюды. Генри Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, составленная А. П. Людогавскимъ и др. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Насѣкомыя и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Генр. Валь Бэтса. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Общая біологія. Изидора Жоффруа Сентъ-Илера. 2 част. Ц. 2 р. 75 к., вѣс. 3 ф.

Общая естественная исторія насѣкомыхъ. Соч. Кэрби и Спенсъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Общее землевѣдѣніе. Карла Риттера. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Опытное руководство къ молочному хозяйству, съ 9-ю политипажами въ текстѣ. П. М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основы рациональнаго земледѣлія. Популярное практическое руководство для русскихъ земледѣльцевъ. А. Ф. Сергѣевъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 ч. Ц. 6 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. доктора Клауса. Выпускъ II, птицы и млекопитающія, съ 292 политипажами. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Основныя начала геологіи или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Лайэлля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Очеркъ основъ санитарной дѣятельности. А. Доброславина. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Переселяющіяся животныя. Соч. Карла Корнеліуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Digitized by Google

Пиротехническое производство. Окраска бумагъ. Технолога Н. П. Мельникова. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ. Соч. Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Практическое земледѣліе. А. Розенбергъ-Лининскій. Переводъ съ нѣмецкаго П. Костичева, съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

——— **рыболовство,** по Гааку, сост. О. А. Гриммъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Ружейная охота на птицъ въ Россіи. Съ картинками. Соч. С. Романова. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ геологіи. Чарльза Ляйэлля. Т. І. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. Э. Ѳ. Рего. Ц. 2 р. 50 к. вѣс., 3 ф.

——— **къ зоологіи.** Животныя лучистыя и безформенныя Х. Г. Бронна. 2 т. 3 в. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

Руководство къ изученію болѣзней кожи. Фердинанда Гебры. Т. І, выпускъ І. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ систематическому изученію ботаники, для школъ и самообученія. Августа Любена, составилъ А. Бекетовъ. 2 части. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ изученію глазныхъ болѣзней. Д-ра Эд. Мейера. Переводъ съ франц. подъ редакціею д-ра В. Добровольскаго. Спб. 1875 г. Ц. 4 р. вѣс., 3 ф.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное профес. v.-Zimssen'омъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями профес. В. Г. Лашкевича. Выпускъ 1, 2, 3. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Руководство къ офтальмологіи. Д-ра Н. Швейгера. Пер. д-ра В. Н. Стратоновича. Съ таблицами для изслѣдованія остроты зрѣнія и рефракціи глаза, съ 46-ю рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1875 г. Ц. 3 р. 80 к., вѣс. 3 ф.

Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. А. П. Сабанѣева, съ 6 картинами и 433 политипажами въ текстѣ. М. 1875. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рѣчи и статьи Джона Тиндаля. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Собираніе растеній и составленіе гербарія, Н. И. Раевскаго. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергіи. Бальфуръ Стьюарта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію. Д-ра К. Ф. Кунце. Т. 1 и 2. Спб. 1875 г. Ц. 8 р., вѣс. 6 ф.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Роллэ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. І. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физіологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія. Рудольфа Іеринга. Часть І. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ. М. И. Зарудnаго. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе второе. Вятка. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Іеринга. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. І и ІІ. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра ІІ. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. Кронида Малышева. Т. І-й. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Уче-

Digitized by Google

ніе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе Ив. Фойницкаго. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ дополненіемъ всѣхъ обнародованныхъ узаконеній, вошедшихъ въ силу 1-го іюля 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф. Спб. 1875 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

——— уголовной психологіи для врачей и юристовъ. Д-ра Крафта-Эбинга. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова. 2 части. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очерки Исторіи и Догматики международнаго права. Профес. А. Н. Стоянова. Хар. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Переобытная собственность. Эмиль-де-Лавелэ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Кипримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Н. С. Таганцева. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дитятина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ пандектнаго права. Соч. пр. Виндшейда. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Общая часть. Т. I. А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I: 1) Это мой маленькій капризъ. 2) Роковое признаніе. 3) Дядя Беккеръ подшутилъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не видать. 5) До поры до времени. 6) Не хмѣль бѣда—похмѣлье. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

——— ——— Т. II: 1) Серги голова. 2) Завоеванное счастіе. 3) Старое старикъ—молодое растетъ. 4) Двѣ скорби. 5) Клинъ клиномъ вышибай. 6) Въ погонѣ за прекрасной Еленой. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ театральныхъ пьесъ, переведенныхъ съ французскаго Ѳ. А. Бурдинымъ. Т. I. Спб. 1876 г. Т. II-й въ печати. За оба тома ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Соч. Л. К. Ст—х—вой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки. Гельмгольца. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Дневникъ. Настольный календарь на 1876 годъ, съ картою Европейской Россіи. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Календарь русскаго сельскаго хозяина на 1876 годъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Лѣсной календарь на 1876 годъ. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

* **Народный сельско-хозяйственный календарь.** Настольная книга для сельскихъ хозяевъ. Съ картинами и политипажами. П. М. Преображенскаго. М. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Петербургскій календарь на 1876 годъ. Съ картою Европейской Россіи. Ц. 35 к. съ пересылкою 50 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ и прочихъ медицинскихъ чиновъ. Въ 3-хъ частяхъ. Сост. И. Войно. Ц. 3 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА,
бывшемъ Александра Ильича Глазунова,

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

Въ январѣ мѣсяцѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Неустроевъ, А. Н. Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб. 1875 г. Ц. 6 р., перес. за 3 ф.

Неклюдовъ, Н. А. Руководство къ особенной части Русскаго Уголовнаго Права. Т. I (Преступленія и проступки противъ личности). Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Дорнъ, Б. Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Гербель, Николай. Игорь, князь Сѣверскій (Слово о полку Игоревѣ). Поэма въ 12 пѣсняхъ. Изд. V. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Аристовъ, И. Бичъ на современность или оправданіе истины и борьба за свободу совѣсти, ума и науки. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Герцеговинское возстаніе и восточный вопросъ. Историческій очеркъ. Съ картою Герцеговины и Босніи и портретомъ М. Любибратича. Спб. 1876 Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Деркачевъ, И. Какъ школу построить и устроить? Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Варакка, М. Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ. Годъ I (Ботаника). М. 1876 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Терентьевъ, М. А. Россія и Англія въ борьбѣ за рынки. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Тарапыгинъ, Ѳ. Бесѣды съ дѣтьми. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Кунце, К. Ф. Основы практической медицины. Руководство для студентовъ и врачей. Кіевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 30 к., перес. за 3 ф.

Виконтъ Бомонъ-де-Васси. Тайныя бумаги придворнаго (1770—1870). Переводъ Ѳ. Н. Устрялова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Ватсонъ, Э. Эпилогъ прусско-французской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 года. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Юзефовичъ. О правѣ приращенія къ недвижимостямъ (Accessio). Монографія по гражданскому праву. Одесса. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разсказъ для дѣтей. М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изд. редакціи „Братское Слово“. Матеріалы для исторіи раскола. Т. I. М. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Керфъ Камилла. Необходимыя свѣдѣнія для каждой женщины. М. 1876 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Жоржъ-Зандъ. Казаки въ Парижѣ (Francia). М. 1876 г. Ц. 60 к., перес. за 1 фунтъ.

Смирновъ. С. Сифилисъ и его леченіе при Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. М. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно.

Книгопродавецъ **Н. И. МАМОНТОВЪ.**

Digitized by Google

BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Münx).

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés de Janvier, 1876.

ANTHOLOGIA nuova di scienze lettere ed arti. 17 r. 20 k.

BAUR, F. v. Drei Abhandlungen z. Geschichte der alten Philosophie u. ihrem Verhältniss zum Christenthum. 4 r.

BÖHME. Die Festigkeit der Baumaterialien. Heft. 1. 5 r.

BOUVIER, J. Law dictionary for United-States of America. 2 vls. 30 r.

CALINICH, R. Aus dem 16-ten Jahrhundert. Culturgeschichtl. Skizzen. 2 r.

CERNESSON, M. Grammaire élémentaire du dessin. 1 partie dessin-linéaire. 8 r.

COOLEY, W. Physical geography. 10 r. 50 k.

DIERCKS, G. Die Araber im Mittelalter u. ihr. Einfluss auf die Cultur Europas. 1 r.

DIETERICI, J. Die Philosophie der Araben im 10 Jahrh. n. Chr. I. 4 r.

DOHM, H. Der Frauen Natur und Recht. 2 Abhandlgn. 1 r. 50 k.

DÜRRE, E. Das Eisenhüttenwesen auf der Weltausstellung. 4 r.

FIGUIER, L. Der Tag nach dem Tode. 3 r. 75 k.

FÜRST, L. Das Kind und seine Pflege im gesunden u. kranken Zustande. 2 r.

GUIBOURT ET CHANCHON. Histoire naturelle des drogues simples. 7 ed. 14 r. 40 k.

HEER, O. Flora fossilis Helvetiae. Lief. 1. 12 r.

HOFFMANN, W. Studien über Italien. Rom und Neapel. 3 r.

JEVONS. La monnaie et le mecanisme de l'échange. 2 r. 40 k.

JIRECĚK, I. Geschichte der Bulgaren. 4 r.

JOHNSTONE, H. A. A trip up the Volga to fair of Nijni Nowgorod. 2 r. 50 k.

YUNCK, K. Der deutsch-französische Krieg v. 1870 u. 1871. 2 Bde. 8 r.

KLEIN, Y. Geschichte des englischen Dramas. I. 7 r. 50 k.

LANGE, H. Atlas der Geographie. 5 r. 50 k.

LAHGEN, J. Die trinitarische Lehrdifferenz zwischen d. abenl. u. morgenl. Kirche. 1 r. 50 k.

LE PETIT DE YULLEVILLE. Histoire de la Grèce sous la domination romaines. 3 r.

LEIGH, E. The science of modern cotton spinning. 3 ed. 2 vls. 42 r.

MAGNUS, H. Das Auge in seinen aestet. u. culturgeschichtl. Beziehungen. 1 r. 50 k.

OESTERREICH und die südslavische Bewegung. 1 r.

PESCHEL, O. Neue Probleme der Vergleich. Erdkunde. 2 Afl. 2 r. 50 k.

PFAFF, F. Grundriss der Geologie. 4 r.

PRÖBST, F. Grundlehren der deutschen Genossenschaften. 2 r.

RANSONNET, E. v. Skizzen aus Singapour u. Djohor. Mit 11. Illustr. 20 r.

RATZEBURG, J. Die Waldverderber u. ihre Feinde. 7 Afl. 7 r. 50 k.

RIEHL, A. Der philosoph. Kriticismus u. seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. I. 4 r. 50 k.

ROEPELL, R. Polen um die Mitte d. 18-tem Jahrh. 2 r.

SCHURÉ, ED. Les drame musicale. 2 vls. 6 r.

SMITH. Arctic expeditions from british and foreign shores. I. 7 r. 50 k.

SPILLER, P. Urkraft des Weltalls. 4 r.

SULLIVANT, W. Icones Muscorum to North America. 22 r. 50 k.

TOPIN, Louis XIII et Richelieu, étude historique. 3 r.

VACANO, E. Bilder aus dem Harem. Mit Illustrat. v. Klic. 3 r. 25 k.

VÉRA, A. Philosophie de la réligion de Hegel. 4 r.

VIAL, J. Histoire abrégée des Campagnes moderne. 4 r. 80 k.

WALKER, J. A. Statistical Atlas of the United States. 42 r.

WYON, F. History of Great Britain during the reign of Queen. Anne. 2 vls 16 r.

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Комиссіонеровъ Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

І. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта)

Москва, Петровка, № 6 (на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

Для фортепіано: **Бетховенъ**, Всѣ сонаты въ одномъ томѣ (1 р. 85 к.); Тоже съ аппликатурою въ двухъ томахъ (каждый 1 р. 50 к.); Тоже роскошное изданіе въ двухъ томахъ (каждый 3 р.); Всѣ мелкія сочиненія (60 к.); Всѣ варьяціи (1 р. 50 к.); Всѣ концерты (1 р. 50 к.); Всѣ симфоніи (2 р. 50 к.). Знаменитый септетъ (50 к.); Романсы и серенады (50 к.). **Бахъ**, „Le clavecin bien tempéré“; Прелюдіи и фуги во всѣхъ тонахъ, 2 тома (каждый 1 р.); **Bah-Album**, Gigues Gavottes, bourrées etc. (50 к.). **Веберъ**, Всѣ сонаты (60 к.); 8 знаменитыхъ пьесъ (50 к.); всѣ варьяціи (50 к.); Всѣ концерты (60 к.). **Гайдинъ**, Всѣ 34 сонаты (3 р. 75 к.); 10 избранныхъ сонатъ (60 к.); Избранныя симфоніи (90 к.). **Гендель**, Всѣ сочиненія фортепіанныя, 3 тома (по 50 к.). **Гуммель**, Всѣ сонаты (1 р.); Разныя сочиненія (50 к.); Концерты (60 к.). **Дуссекъ**, Избранныя сонаты и пьесы (50 к.). **Клементи**, Прелюдіи и упражненія во всѣхъ тонахъ (50 к.); 12 знаменитыхъ сонатъ (1 р. 25 к.); 12 сонатинъ (60 к.); „Gradus ad Parnassum“; Знаменитыя упражненія, 3 тома (по 75 к.). **Кулау**, Любимыя сонатины (50 к.). **Моцартъ**, Всѣ сонаты (1 р. 25 к.); Всѣ варьяціи (1 р.); Всѣ мелкія пьесы (50 к.); Концерты, 2 тома (каждый 1 р.); 6 избранныхъ симфоній (1 р.). **Скарлатти**, Знаменитыя пьесы (50 к.), **Шубертъ**, Всѣ сонаты (1 р. 25 к.); Всѣ танцы (50 к.); Всѣ прочія сочиненія (1 р.); 50 любимѣйшихъ мелодій (50 к.); 80 избранныхъ мелодій, вновь переложенныхъ Р. Мендорфомъ, 4 тома (каждый 50 к.). **Фильдъ**, 17 ноктюрнъ (60 к.); „Les maitres du clavecin“; Избранныя фортепіанныя сочиненія прошедшаго времени, 13 выпусковъ (по 50 к.). **Мендельсонъ**, Полное собраніе его фортепіанныхъ сочиненій, въ 5 томахъ (8 р. за перес. за 12 ф.). **Шуманъ**, Полное собраніе его фортепіанныхъ сочиненій, въ 6 томахъ (12 р. за перес. за 15 ф.). **Шопенъ**, Полное собраніе его фортепіанныхъ сочиненій въ 6 томахъ. Новое изданіе, пересмотрѣнное профессоромъ Клиндвортомъ. Томы 1, 2, 3 и 4 вышли, томъ 5-й печатается (подписная цѣна за всѣ 6 т. 15 руб. за перес. за 20 ф.). **Шопенъ**, Всѣ его вальсы (1 р.). **Шопенъ**, Всѣ его 19 ноктюрнъ (1 р.). **Мендельсонъ**, Полное собраніе его 48 пѣсенъ безъ словъ (2 р.). **Собраніе увертюръ**: Бетховена, Вебера, Моцарта, Керубини, Беллини, Россини, Обера, Буальдье, Доницетти. Новое изданіе въ форматѣ альбома; 11 томовъ, въ каждомъ отъ 8 до 10-ти увертюръ (за томъ 60 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается безплатно. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Digitized by Google

75 КОПѢЕКЪ—КАЖДАЯ КНИГА

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Первый отдѣлъ: Мѣдный Всадникъ.—Полтава.—Борисъ Годуновъ.—Русалка.—Евгеній Онѣгинъ (гл. 2-я и 6-я).—Братья-разбойники.—Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго.—Лѣтопись села Горохина.—Дубровскій.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь). — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова.—Дума. — Три Пальмы. — Мцыри (изъ исповѣди).—Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 40.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій.—III. Разсказъ о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.—Ревизоръ (два послѣднія дѣйствія).—Мертвыя души (первыя четыре главы). Всего около 30 печатныхъ листовъ.

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Сельское кладбище.—Свѣтлана.—Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Аббадона.—Эолова арфа. — Овсяный кисель. — Графъ Габсбургскій.—Орлеанская дѣва (Прологъ).—Шильонскій узникъ.—Торжество побѣдителей. — Спящая царевна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендеѣ.—Ундина (9 главъ).—Рустемъ и Зорабъ (Третій бой).—Сказка о Иванѣ Царевичѣ.—Одиссея (9-я пѣсня).—Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

V.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Первый отдѣлъ: Планъ драмы и сцена.—Лубочный театръ.—Хищники на Чегемѣ.—Своя семья, и пр.

Второй отдѣлъ: Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Третій отдѣлъ: Драматическій писатель и публика. — Грузинская ночь. — Письма къ друзьямъ.

VI.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

I. Десять разсказовъ цѣльныхъ изъ „Записокъ охотника“. — II. Рудинъ. Первыя главы.—III. Ася. Изъ первыхъ главъ.—IV. Дворянское гнѣздо: Лаврецкій и Лиза.—V. Отцы и дѣти: Пріѣздъ Базарова къ Кирсановымъ. — VI. Дымъ: Первая встрѣча Литвинова съ Потугинымъ.

При каждомъ томѣ портретъ и біографическій очеркъ.

Седьмой томъ — Н. А. НЕКРАСОВЪ — поступаетъ въ печать.

ЦѢНА: Всѣ шесть томовъ вмѣстѣ — **4** р. **50** к. въ бум., и **6** руб. въ пер.; съ пересылкою: **6** р. въ бум., и **7** р. **50** к. въ пер.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращаясь въ Книжный Складъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. О., 2 лин., 7, пользуются при выпискѣ не менѣе 5 экземпляровъ всѣхъ шести томовъ вмѣстѣ, уступкою 20% съ цѣны экземпляра: **3** р. **65** к. въ бум., и **4** р. **90** к. въ пер., съ пересылкою: **5** р. **10** к. въ бум., и **6** р. **25** к. въ пер.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

борникъ Имп. Рус. Истор. Общества. Т. XVI. Спб. 1875. Стр. 584. Ц. 3 р.

Содержаніе новаго выпуска представляетъ особенную важность для польскихъ дѣлъ въ послѣдніе два-три года правленія Екатерины II. Здѣсь помѣщено драгоцѣнное собраніе бумагъ и переписки князя Н. В. Репнина изъ эпохи его ген.-губернаторства въ Литвѣ, 1794—95 гг. Выборъ матеріала и редакція настоящаго тома были поручены Н. И. Костомарову.

Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876. Стр. 493. Ц. 3 руб.

При внезапной, такъ сказать, ревизіи, которая была сдѣлана почтенными издателями „Братской Помочи“ портфелямъ нашихъ литераторовъ ученыхъ, оказалось достаточно наличнаго матеріала, чтобы въ теченіи какихъ-нибудь двухъ десятковъ издать сборникъ оригинальныхъ статей въ объемѣ книжки нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. До 35-ти лицъ приняли участіе въ сборникѣ, и между ними встрѣчаются имена Островскаго, Некрасова, Я. Полонскаго, Майкова, Авдѣева и др. со стороны литературы, и со стороны науки имена профессоровъ Соловьева, Н.-Рюмина, О. Миллера, Сухомлинова, Срезневскаго, В. Ламанскаго, акад. Грота. Изъ публицистики обращаютъ на себя особенное вниманіе статьи К. Аксакова и кн. А. Васильчикова — первая: „О современномъ человѣкѣ“, и другая: „О настоящемъ положеніи землевладѣнія въ Россіи“. Осуществленіе прекрасной цѣли этого сборника зависитъ теперь отъ общества; самое трудное сдѣлано уже издателями, самое легкое— внести три рубля на доброе дѣло и получить даже за то премію—предоставлено публикѣ. Пожелаемъ, чтобы и публика сдѣлала свое дѣло по крайней мѣрѣ съ такою же быстротою, съ какою было выполнено самое изданіе.

Игорь, князь Сѣверскій. Слово о пълку Игоревѣ. Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перев. съ древнерусскаго *Н. Гербель*. Изд. 5-е. Спб. 1876. Стр. 123. Ц. 2 р.; въ роск. пер. 3 р.

Стихотворный съ риѳмою переводъ г. Гербеля имѣетъ 25 предшественниковъ въ прозѣ и въ стихахъ и самъ выдерживаетъ пятое изданіе, доставившее издателю случай сдѣлать новыя исправленія и стать еще ближе къ подлиннику, напечатанному тутъ же en regard. Впрочемъ, этотъ трудъ г. Гербеля и при первомъ своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно; послѣдующія изданія вносили въ текстъ исправленія указанныхъ критикою недостатковъ, такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ является въ томъ совершенствѣ, какого можно только достигнуть для переводчика, задавшагося мыслью ввести риѳмованный стихъ новѣйшихъ временъ въ мѣрную прозу древняго текста. При этомъ изданіи читатели найдутъ обзоръ всѣхъ прежнихъ переводовъ и 8 иллюстрацій, весьма хорошо выполненныхъ въ фотограф. Зав. А. Ильина.

Маленькія женщины. *Луизы Олькоттъ*. Пер. съ англ. Изд. Стасовой и Трубниковой. Спб. 1876. Стр. 400. Ц. 1 р. 25 к.

При всемъ различіи склада нашей жизни и американской, дѣтская американская литература, къ которой Л. Олькоттъ занимаетъ весьма почетное мѣсто, оказывается всегда доступной нашему дѣтскому міру и можетъ послужить очень часто болѣе полезнымъ чтеніемъ, чѣмъ многія подобныя же произведенія домашней фабрикаціи. Нравственная задача разсказовъ у Олькоттъ состоитъ въ томъ, чтобы окружить молодой умъ картинами и образами честнаго труда и правды и вмѣстѣ вооружить его крѣпостью мысли и воли противъ общественныхъ недуговъ, свирѣпствующихъ въ видѣ погони за богатствами и наслажденіями. За добросовѣстность и тщательность русскаго перевода намъ ручаются достаточно имена издательницъ, встрѣчающихся не въ первый разъ: еще недавно ими была весьма удовлетворительно издана повѣсть того же автора, подъ заглавіемъ: „Старосвѣтская дѣвушка“.

Земледѣльческія орудія и машины, устройство, выборъ и уходъ за ними. Съ 270 рис. *В. Черняева*. Спб. 1875. Стр. 274. Ц. 3 р.

Какъ руководство и обстоятельный указатель для лицъ, желающихъ примѣнить машинный трудъ къ земледѣлію, книга г. Черняева не оставляетъ желать ничего лучшаго. Не дѣлая дорогихъ и напрасныхъ опытовъ, сельскій хозяинъ можетъ по этой книгѣ найти для себя все, что необходимо для предварительнаго ознакомленія съ образомъ дѣйствія машины и управленіемъ ею. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла: 1) орудія для обработки почвы; 2) паровое паханіе; 3) машины для обсѣмененія полей, и 4) для ухода за растеніями.

Галль. *В. А. Беккера*. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Съ рисунками. Спб. 1876. Стр. 156. Ц. 1 р.

Харикль. *В. А. Беккера*. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Съ рисунками. Спб. 1876. Стр. 224. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстный археологъ, авторъ „Галла“ и „Харикла“, умеръ 40 лѣтъ тому назадъ, но оба эти его произведенія не утратили и еще долгое время не утратятъ своего значенія не только въ школѣ, но и въ наукѣ; по своей повѣствовательной формѣ они остаются и до сихъ поръ лучшими книгами для чтенія учащимся, а научное ихъ значеніе опирается на точнѣйшемъ изслѣдованіи источниковъ, такъ что на Беккера ученый можетъ сослаться также, какъ иногда историки ссылаются на историческіе романы Вальтеръ-Скотта. Независимо отъ фабулы, вся обстановка общественной и частной жизни грековъ и римлянъ воспроизведена Беккеромъ съ величайшею точностью до послѣднихъ мелочей; классическій міръ у него дѣлается чѣмъ-то вполнѣ реальнымъ, убѣждающимъ насъ, что древніе жили вовсе не для того, чтобы подготовить намъ матеріалы для склоненій и спряженій, но также, какъ и мы, жили, чувствовали и мыслили. Удивительно одно, что заботы о классицизмѣ у насъ считаютъ за собою чуть не десятилѣтіе, а такой трудъ, какъ Беккера, переводится только теперь.

Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Т. I. Общая часть. Пр. *А. Ф. Кистяковскаго*. Кіевъ. 1875.

Новый трудъ автора, извѣстнаго уже своими прежними трудами, отличавшимися всегда положительнымъ философскимъ направленіемъ (напр., о смертной казни), является весьма кстати, въ виду ожидаемаго пересмотра нашихъ уголовныхъ законовъ. Настоящій учебникъ посвященъ также не догматическому анализу нашего законодательства, а философскому изложенію общаго уголовнаго права, и даетъ полное представленіе о своемъ предметѣ. Остается непонятнымъ только то, почему авторъ считаетъ нужнымъ выдѣлить русское право изъ „общаго“, тогда какъ оно также составляетъ одинъ изъ его элементовъ. Это дѣлалось у насъ прежде по-неволѣ, но теперь нѣтъ къ тому никакой необходимости.

Digitized by Google

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки. / 16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки. / 17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты; 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр. Академ. пер., 9.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

B'D. 17 1913

Digitized by Google

Digitized by Google